ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ЯНВАРЬ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1891 г.

См. слѣд. стр.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLIII

1891

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1891

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ).

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ЩЕРБИНА.

Дозв. ценз. спб., 21 декабря 1890 г.

ФАМИЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ.

(Посвящается Екатеринѣ Львовнѣ Яблочковой).

I.

СТОЯЛА глубокая осень. Снѣгъ нѣсколько разъ принимался падать, но морозовъ не было, и онъ таялъ, превращая землю въ глубокую, невылазную грязь.

Изъ села Воротыновки никуда не было пути, всѣ дороги, большія и проселочныя, размыло до такой степени, что колеса вязли въ грязи не только на плотинахъ, но также и въ каждой ложбинкѣ. Лѣсомъ же, а лѣсами въ то время еще богата была Россія, совсѣмъ не было проѣзда; дальше опушки самый отважный мужикъ не осмѣливался проникнуть. Волки и лисицы набрались храбрости и каждую ночь производили набѣги на крестьянскіе хлѣвá и курятники. Доставалось также и господскимъ службамъ, не взирая на крѣпкіе частоколы и высокіе заборы, утыканные острыми гвоздями. Сторожевые псы съ отчаяннымъ воемъ грызлись съ лѣсными грабителями; выходили на нихъ и мужики съ топорами и дреколіемъ, но тѣмъ не менѣе, множество погибло за это время телятъ, поросятъ и куръ, доставалось также и людямъ.

Въ дѣлахъ водворился полнѣйшій застой. Хлѣбъ былъ вымолоченъ, на фабрикѣ и въ ткацкихъ лежали ворохá суконъ и холстовъ, готовыхъ къ отправкѣ, но покупщики не пріѣзжали за ними. Попъ, и тотъ дальше, какъ за околицу Воротыновки, выѣхать не могъ, и въ приходѣ, раскиданномъ въ хуторахъ и деревняхъ, на

разстояніи сотни верстъ слишкомъ, люди рождались и умирали безъ попа.

А погода продолжала стоять теплая, солнце усердно растапливало утренніе заморозки, и конца не предвидѣлось такому печальному положенію вещей.

Старики припоминали такихъ, какъ эта, только двѣ зимы, за все время ихъ почти столѣтняго существованія на землѣ: при царицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, а другой разъ при царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, послѣ Пугачева.

Тогда, вотъ такъ же какъ и теперь, всю зиму дули вѣтры теплые, въ рождественскомъ посту почки на деревьяхъ стали наливаться и новая травка изъ-подъ сухихъ листьевъ въ лѣсу показалась, хоть скотину изъ зимнихъ закутъ выгоняй въ поле, такъ въ ту же пору,—вотъ какія были зимы. Морозовъ и ждать перестали. Все тогда сгнило. Хлѣбъ проросъ въ закромахъ, овощи, сѣно, все пропало.

Множество народу и скота перемерло тогда отъ страшныхъ, невѣдомыхъ до той поры болѣзней.

Вотъ и теперь грозила та же бѣда. Но у обитателей Воротыновки, кромѣ этой заботы, висѣла надъ головой еще другая напасть, смущавшая имъ душу больше бездорожицы, больше грозившаго голода и болѣзней—барыня ихъ, Мареа Григорьевна, помирала.

Гдѣ бы не встрѣтились жители села, на фабрикѣ, въ ткацкой или въ столярной, гдѣ съ ранняго утра и до поздней ночи кипѣла работа подъ наблюденіемъ довѣренныхъ людей и любимцевъ помѣщицы, всюду одинъ и тотъ же вопросъ срывался съ устъ— что барыня?

Эти два слова произносились вслухъ только на тѣхъ окраинахъ села, гдѣ нельзя было опасаться, что ихъ подслушаютъ и донесутъ, но чѣмъ ближе къ барской усадьбѣ, тѣмъ таинственнѣе понижались голоса. Въ самомъ же домѣ, даже въ нижнемъ этажѣ и въ такихъ отдаленныхъ отъ барыниной спальни уголкахъ, какъ сѣни съ чернаго хода, напримѣръ, тутъ даже перешептываться опасались на этотъ счетъ, а только съ затаеннымъ страхомъ во взглядѣ встрѣчали и провожали глазами выбѣгавшихъ изъ барыниной половины приближенныхъ ея: Ѳедосью Ивановну, старую барышню Варвару Петровну, барышню Мареиньку, буфетчика Игнатія Самсоныча и состарившагося въ домѣ сосѣда-помѣщика Митиньку.

За исключеніемъ Мареиньки, которой шелъ пятнадцатый годъ, всѣ эти люди, составлявшіе въ теченіе болѣе, чѣмъ полувѣка, неизмѣнный штатъ Воротыновской помѣщицы, были очень стары, но старѣе всѣхъ была сама барыня. Говорили, что ей до ста лѣтъ не далеко. Но такъ какъ больной ее никто никогда не помнилъ, и сама она, повидимому, никогда о смерти не вспоминала,

а съ неутомимою и по истинѣ изумительною бодростью думала только о земномъ и живомъ, всѣхъ какъ громомъ поразила перспектива увидѣть ее мертвой.

Можетъ быть близкіе къ ней и замѣчали за послѣднее время перемѣну въ Марѳѣ Григорьевнѣ; она стала вставать позже съ постели, меньше кушала и не такъ часто обходила свои владѣнія, а когда появлялась на фабрику, въ ткацкую или въ бѣлошвейную, меньше придиралась къ неисправностямъ, меньше взыскивала и наказывала; не могли также не замѣчать близкіе къ ней люди, что зрѣніе у нея слабѣетъ и что слышитъ она хуже и утомляется быстрѣе и засыпаетъ не въ урочное время въ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ, на возвышеніи, у окна, изъ котораго открывался видъ въ ту сторону парка, откуда издали можно было видѣть экипажи гостей, когда они въѣзжали въ аллею пирамидальныхъ тополей.

Красива была эта аллея. Насадилъ ее еще Марѳы Григорьевны отецъ, сподвижникъ Петра Великаго, навидавшійся всякихъ диковинъ за границей, куда посылалъ его царь досмотрѣть то, чего самъ не удосужился обозрѣть.

Тополямъ было болѣе ста лѣтъ, одинъ къ одному, ровные, точно по мѣркѣ выточенные, они тянулись на цѣлую версту и оканчивались у рѣчки, когда-то глубокой, но со временемъ измельчавшей до того, что только въ половодье ее нельзя было переѣзжать въ бродъ. За рѣчкой тянулся на далекое, необозримое пространство темный лѣсъ, въ которомъ водились не только волки, медвѣди и лисицы, но скрывались временами и такіе люди, съ которыми съ глазу на глазъ встрѣчаться было не безопасно.

Нынѣшнимъ лѣтомъ Марѳа Григорьевна только разъ ѣздила по грибы въ этотъ страшный лѣсъ, тогда какъ въ былое время это было одно изъ любимѣйшихъ ея удовольствій.

Да, приближенные не могли не замѣчать, что она уже съ самой весны хирѣетъ, но людямъ и въ голову не приходило даже между собой обмѣниваться замѣчаніями на этотъ счетъ. Всѣмъ было извѣстно, съ какимъ отвращеніемъ и недовѣріемъ относится она къ людскимъ немощамъ и болѣзнямъ.

— Хвораютъ одни только дураки,—замѣчала она каждый разъ, когда при ней соболѣзновали о чьихъ бы то ни было недугахъ.

Зависящіе отъ нея люди, а такихъ было много, никогда не осмѣливались жаловаться ей на нездоровье и, какъ могли, скрывали свои немощи, чтобы не лишиться ея расположенія.

Не разъ случалось, что замѣтивъ, что просватанная дѣвушка похудѣла и поблѣднѣла или не такъ проворна и весела, какъ прежде, Марѳа Григорьевна объявляла, что свадьбѣ не бывать.

— Пусть въ дѣвкахъ сидитъ коль хворая,—рѣшала она.

И приговоры эти были безапеляціонны. Съ характеромъ Марѳы

Григорьевны ждать милости, хотя бы въ самомъ отдаленномъ будущемъ, тому, кому она объявляла немилость, было немыслимо.

Не только просить, но даже и напоминать ей объ опальныхъ считалось такою опасною дерзостью, что никто на это не могъ рѣшиться,—кромѣ Ѳедосьи Ивановны развѣ, но эта была еще взыскательнѣе, неумолимѣе и недоступнѣе самой барыни, на которую она иногда позволяла себѣ ворчать вслухъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ, когда эта послѣдняя поступала не такъ, какъ по мнѣнію Ѳедосьи Ивановны ей слѣдовало поступать.

Ѳедосью Ивановну даже и молодые господа боялись, столько же, если не больше, Марѳы Григорьевны.

II.

«Молодыми господами» называли въ Воротыновкѣ дѣтей Марѳы Григорьевны, сыновей ея, Григорія Васильевича и Андрея Васильевича и дочерей ея Елисавету Васильевну съ Екатериной Васильевной.

Наименованіе это плохо согласовалось съ ихъ возростомъ; у каждаго изъ нихъ ужъ давно были внуки, но всѣ они родились и выросли въ Воротыновкѣ: ихъ здѣсь знали дѣтьми и такими оставались они на всю жизнь въ памяти окружающихъ, тѣмъ болѣе, что, выростая, одинъ за другимъ покидали родное гнѣздо, чтобы больше въ него не возвращаться.

Сыновья женились въ Петербургѣ. Оба на богатыхъ невѣстахъ. Григорій Васильевичъ на фрейлинѣ и княжнѣ. Императрица была посажёной матерью. По увѣренію Ѳедосьи Ивановны свадьба стоила двадцать тысячъ рублей. Деньги эти, мѣдью и серебромъ, Самсонычъ возилъ въ Питеръ въ боченкахъ, съ конвоемъ изъ двухъ драгунъ, да канцеляриста. Конвой этотъ самъ губернаторъ (Воротыновская помѣщица дочку у него крестила) вызвался откомандировать въ распоряженіе своей кумы и пріятельницы.

Обозъ, сопровождаемый толпой дворовыхъ, былъ длинный-предлинный. Кромѣ вещей изъ гардероба покойнаго отца, бархатныхъ, шитыхъ золотомъ камзоловъ, кафтановъ и кюлотовъ, множества пуховиковъ, серебряной и золотой утвари, ковровъ и полотна домашняго издѣлія, Марѳа Григорьевна отправила сыну нѣсколько семей дворовыхъ и четвероместную росписную карету, ту самую, въ которой ѣздила она съ мужемъ послѣ свадьбы ко двору царицы Елисаветы. Карета эта была такъ красиво расписана иностранными художниками, что всѣмъ бросалась въ глаза. Прослышавъ, что на нее обратила вниманіе такая личность, которой ни въ чемъ нельзя было отказать, Марѳа Григорьевна распорядилась отослать карету въ деревню, «чтобы завидущихъ глазъ не мозолила».

Карету эту она въ видѣ свадебнаго подарка препроводила невѣсткѣ своего старшаго и любимаго сына, Григорія.

Второй сынъ, Андрей, былъ нелюбимый, но и ему она выслала много вещей и людей изъ Воротыновки, когда онъ женился. Этотъ, по ея мнѣнію, сдѣлалъ мезальянсъ. Жена его была незнатнаго рода, но за то богата и, если судить по портрету, присланному свекрови, очень красива. Но ни богатство ея, ни почтительность, ни красота, не склонили въ ея пользу сердца Мареы Григорьевны. Сыну своему она писала, между прочимъ, по поводу его женитьбы:

«А ты, Андрюшка, какимъ былъ съизмальства дуракомъ и съ низкой душой, такимъ и остался; жену себѣ взялъ изъ подлаго, приказнаго сословія, польстившись на деньги, а того не обдумалъ, что такихъ, какъ ея родители, у насъ, при жизни твоего отца, частехонько на конюшнѣ розгами сѣкали. А впрочемъ, такъ какъ этого дѣла повернуть назадъ невозможно, посылаю тебѣ при семъ денегъ десять тысячъ, три лисьихъ отцовскихъ шубы (болѣе драгоцѣнные мѣха были отданы старшему сыну), собольихъ шапокъ двѣ, кафтановъ, кюлотовъ, серебряной утвари, камней драгоцѣнныхъ ларецъ, живности разной, три десятка дворовыхъ дѣвокъ и парней, выученныхъ швейному мастерству, поварскому и кондитерскому и проч., и проч.»

Тоже цѣлый обозъ, какъ и старшему брату, но втрое меньше всего, и вдесятеро, по крайней мѣрѣ, хуже.

Отъ жены изъ «подлаго сословія» у Андрея Васильевича Воротынцева родился только одинъ сынъ, который въ свою очередь женился, долго огорчалъ родителей безпутствомъ и упрямствомъ и умеръ, не оставивъ потомства.

Обо всемъ этомъ Воротыновская помѣщица узнавала черезъ письма, которыми, всѣ безъ исключенія, члены многочисленной ея семьи почтительнѣйше напоминали ей о себѣ непремѣнно два раза въ годъ—лѣтомъ, ко дню ея ангела, а зимой къ Новому году. О важныхъ перемѣнахъ и происшествіяхъ въ семьѣ, какъ напримѣръ, неожиданной царской милости, рожденіи ребенка, свадьбѣ, смерти, увѣдомлялось особо.

Письма, почти всегда сопровождаемыя подношеніями, гостинцами, доставлялись въ Воротыновку черезъ довѣренныхъ посланцевъ, которымъ поручалось, кромѣ того, передать на словахъ то, что довѣрять бумагѣ считалось почему-либо неудобнымъ, и появленіе такого посланца надолго оживляло монотонное существованіе обитателей Воротыновской усадьбы.

Посланцы эти привозили также и дворнѣ извѣстія отъ свояковъ и родичей, отправленныхъ изъ родного села на службу къ «молодымъ господамъ». Черезъ нихъ только и можно было узнать, кто живъ и кто умеръ, тамъ, далеко на чужбинѣ. Можно себѣ представить съ какимъ волненіемъ ожидалось ихъ появленіе въ

Воротыновкѣ, какъ ихъ угощали, съ какимъ животрепещущимъ интересомъ выслушивали ихъ россказни и какимъ множествомъ порученій, подарковъ и поклоновъ, снабжали ихъ на обратный путь!

Сама Марѳа Григорьевна на письма, получаемыя ею отъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ не отвѣчала, за нее отписывался Митинька. Грамотностью Воротыновская помѣщица не отличалась, разбирала она, да и то съ трудомъ, одну только церковную печать, а писать вовсе не умѣла. Только подпись свою невозможными каракулями выучилась она ставить тамъ, гдѣ было нужно, но за то диктовать была великая мастерица. Всѣ ея посланія дышали свойственной ей непоколебимой авторитетностью и отличались замѣчательною краткостью, силою и ясностью.

Ни мало не сумняшася, разсылала она свои наставленія, выговоры и угрозы, за тысячи верстъ, на толстой, синеватой бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ, часто такимъ личностямъ, которыхъ никогда въ глаза не видала и всегда попадала въ цѣль.

Послушавъ сужденія Марѳы Григорьевны про членовъ ея разбросанной по всей Россіи семьи, можно было подумать, что она за каждымъ изъ нихъ слѣдила съ дѣтства, тогда какъ многихъ она знала только по письмамъ, по наслышкѣ, по портретамъ. Но тѣмъ не менѣе, приговоры ея насчетъ ихъ ума, характера и способностей были такъ вѣрны, что оставалось только изумляться ея проницательности.

Достаточно ей было для этого самой ничтожной подробности, нечаянно оброненнаго третьимъ лицомъ слова, какого-нибудь выраженія въ письмѣ. Почерпала она также свои заключенія изъ воспоминаній о родителяхъ молодыхъ людей, вступавшихъ въ ея семью.

— Андрей-то, Лизаветинъ, на внучкѣ князя Бориса женился,— объявляла она своимъ приближеннымъ, послѣ того, какъ всѣ письма, полученныя изъ столицы, были прочтены и посланцы, доставившіе эти письма, допрошены.—Марьей невѣсту-то звать. Лупоглазая, говорятъ, да русая. Въ бабушку значитъ и такой же, должно быть, дурой окажется. Ну, да у Андрея на двухъ ума хватитъ, ему дура и нужна.

Или: — Катерина Софью свою за какого-то Балабанова просватала. Надо такъ полагать того самаго Балабанова внукъ, что при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ кабаки держалъ. Ужъ какого потомства отъ такого гуся ждать! Непремѣнно мотомъ окажется. Надо Катеринѣ отписать, чтобъ попридержала Софьино приданое, по міру бы не пустилъ ее кабацкій внукъ.

III.

Сама Мареа Григорьевна этого правила не выпускать изъ рукъ состоянія крѣпко держалась.

Дѣлилась она съ дѣтьми и внуками одними доходами съ своихъ имѣній и распредѣляла эти доходы далеко не поровну, однимъ жаловала больше, другимъ меньше, какъ ей Богъ на душу положитъ.

Объяснять ей о нуждахъ своихъ, нѣкоторые изъ членовъ семьи присылали довѣренныхъ лицъ, которые при этомъ удобномъ случаѣ жаловались и ябедничали на родственниковъ своихъ довѣрителей и, вообще, старались подорвать ихъ кредитъ въ глазахъ Мареы Григорьевны на столько, на сколько хватало у нихъ наглости и ловкости. Но Мареа Григорьевна довѣряла только самой себѣ, своему внутреннему убѣжденію, и часто выходило такъ, что чѣмъ больше чернили при ней человѣка, тѣмъ лучшаго она была о немъ мнѣнія.

Впрочемъ, лицепріятіе ея не должно было имѣть послѣдствій послѣ ея смерти. Всѣ знали, что духовная у нея уже давно написана и каждому изъ ея наслѣдниковъ было извѣстно, что именно онъ получитъ при раздѣлѣ.

Старшему сыну своему, Григорію Васильевичу, женатому на родовитой московкѣ, она оставляла Воротыновку съ прилегающими къ ней хуторами и деревнями, всего пять тысячъ душъ.

Второму сыну, Андрею Васильевичу, должны были достаться земли въ Вологодской губерніи, тысячъ десять десятинъ лѣсу, да пріиски въ Сибири, доставшіеся Мареѣ Григорьевнѣ за долгъ, и ровно ничего ей не приносившіе, такъ какъ эксплуатировать эти пріиски она гнушалась, считая это не дворянскимъ дѣломъ. Но Андрей Васильевичъ умеръ, не оставивъ потомства—жена его изъ подлаго сословія оказалась безплодной и послѣ смерти мужа была вычеркнута Мареой Григорьевной изъ списка родныхъ. Часть покойнаго цѣликомъ должна была перейти Григорію Васильевичу и его дѣтямъ.

И обѣ дочери Мареы Григорьевны, Елисавета, баронесса Фреденборгъ, и Екатерина, по мужу Ратморцева, скончались не дождавшись наслѣдства послѣ матери и права ихъ на это наслѣдство перешло ихъ дѣтямъ и внукамъ.

Участокъ Фреденборговъ назывался Райскимъ гнѣздомъ, а Ратморцевыхъ—Морскимъ дномъ.

Но окрестные крестьяне живо сократили по своему эти напыщенныя прозвища на «Гнѣздо» и «Морское».

При каждомъ изъ этихъ участковъ, состоявшемъ изъ села съ хуторами и съ населеніемъ въ тысячу душъ, находилась церковь

и господскій домъ съ садомъ, но такъ какъ никто въ этихъ домахъ не жилъ, то они стали приходить въ ветхость, а сады при нихъ дичать и глохнуть.

IV.

Впрочемъ, въ самомъ началѣ этого столѣтія, одинъ изъ флигелей въ усадьбѣ Гнѣзда понадобился Мареѣ Григорьевнѣ и въ немъ произведена была значительная ремонтировка.

Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Ранней осенью, хлѣбъ еще не былъ убранъ съ поля и погода стояла совсѣмъ лѣтняя, пріѣхалъ въ Воротыновку въ крытой повозкѣ, запряженной тройкой сытыхъ лошадокъ, неизвѣстный старичокъ, по одеждѣ судя въ родѣ какъ купецъ или приказчикъ, и просилъ доложить барынѣ, что желаетъ передать ей въ собственныя руки письмо.

Его провели въ длинную, проходную комнату, между кабинетомъ и буфетной, служившей пріемной для такого люда, котораго и къ господамъ нельзя причислить, да и съ холопами неудобно ровнять: купцы, наѣзжавшіе въ извѣстное время года въ Воротыновку за пшеницей, телятами, сукнами и прочими продуктами съ полей и фабрикъ Мареы Григорьевны, попы изъ приходовъ въ подвластныхъ ей селахъ, а также благодѣтельствуемые ею дворяне, обнищавшіе до того, что выслушивать ихъ клянченье въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ принимались настоящіе гости, чванные и нарядные, считалось неприличнымъ.

Пріѣзжаго незнакомца ввели въ эту комнату и прежде, чѣмъ докладывать о немъ барынѣ, сказали о немъ старшему дворецкому Игнатію Самсонычу.

Но и ему тоже незнакомецъ не пожелалъ открыть ни имени своего, ни цѣли своего посѣщенія, и на всѣ разспросы повторялъ все одно и то же:

— Доложите барынѣ Мареѣ Григорьевнѣ, чтобъ сюда вышли, онѣ меня знаютъ.

Дѣлать нечего, постоялъ, постоялъ передъ таинственнымъ посѣтителемъ Игнатій Самсонычъ, пожевалъ губами, окидывая его пытливымъ взглядомъ съ ногъ до головы, и отправился исполнять порученіе.

Незнакомецъ сказалъ правду, барыня его знала и при первомъ взглядѣ на него измѣнилась въ лицѣ и глухо вскрикнула:

— Это ты, Алексѣичъ?!

Отъ изумленія она, какъ будто, немножко опѣшила и къ двери попятилась. Однако, скорехонько оправилась и повернула назадъ въ кабинетъ.

Незнакомецъ, съ низкими поклонами и повторяя:—я, матушка, Мареа Григорьевна, я самый и есть,—послѣдовалъ за нею, и когда онъ переступилъ порогъ кабинета, дверь за ними заперлась.

О чемъ толковали они въ глубокой комнатѣ съ окнами въ садъ, уставленной мебелью прошлаго столѣтія, вывезенной покойнымъ супругомъ Мареы Григорьевны изъ-за границы, неизвѣстно, но аудіенція длилась долго.

Такъ долго, что лошадки старика успѣли отдохнуть, пока онъ бесѣдовалъ съ Воротыновской помѣщицей, и онъ отправился въ обратный путь, не взирая на приближавшуюся ночь и на то, что въ лѣсу, черезъ который ему лежалъ путь, и днемъ безъ конвоя не всякій рѣшался ѣхать.

Барыня же, передъ тѣмъ, какъ лечь почивать, долго продержала у себя Өедосью Ивановну, Игнатія Самсоныча и Митиньку.

V.

Этотъ послѣдній, не взирая на свое слабоуміе, — (онъ по всей окрестности слылъ блаженнымъ и многіе были убѣждены, что онъ можетъ пророчествовать)—былъ очень полезенъ Мареѣ Григорьевнѣ по хозяйству, и въ полѣ, и на фабрикѣ, и въ домѣ.

Преданъ онъ ей былъ какъ собака и, не взирая на крайне добродушный и глуповатый видъ, отлично умѣлъ все подсмотрѣть, подслушать и донести.

Разсказывали, что смолоду Митинька былъ далеко не похожъ на то, что онъ былъ теперь, его помнили статнымъ, краснощекимъ, чернобровымъ красавцемъ. Но такимъ былъ онъ только до семнадцати лѣтъ, пока не обрушилась на него напасть, лишившая его въ одну ночь родителя, состоянія и изуродовавшая его нравственно и физически на всю жизнь.

Исторія эта была темная и разсказывали ее разно. Кто говорилъ, что шайка разбойниковъ подплыла ночью къ усадьбѣ Митинькинаго родителя на лодкахъ, все тамъ разграбила и людей перерѣзала, при чемъ одинъ изъ злодѣевъ такъ треснулъ Митиньку по головѣ, что раскроилъ ему черепъ до мозговъ.

Другіе же, таинственно понижая голосъ, увѣряли, что и самъ-то родитель Митиньки былъ разбойникъ, ходилъ на промыселъ, бралъ на храненіе добычу злодѣевъ, и будто изъ-за этой-то добычи и вышло у него съ ними смертельное побоище, въ которомъ онъ погибъ.

Разграбленная усадьба находилась въ десяти верстахъ отъ Воротыновки и съ покойнымъ владѣльцемъ ея Мареа Григорьевна съ незапамятныхъ временъ водила дружбу.

Она была тогда еще не стара и легка на подъемъ; узнавъ про катастрофу, тотчасъ же поскакала на мѣсто происшествія и

принялась тамъ распоряжаться по своему. Собрала народъ, учинила допросъ тѣмъ, кого можно было подозрѣвать въ сообщничествѣ съ разбойниками, и, перетолковавъ съ каждымъ отдѣльно и съ глазу на глазъ, рѣшила, что дѣло это до начальства доводить не слѣдуетъ.

Убитыхъ же она распорядилась похоронить и, уложивъ на подводу остатки имущества, чего злодѣи не успѣли захватить, увезла все это вмѣстѣ съ израненнымъ мальчикомъ въ Воротыновку.

Митиньку она лечила, по своему, разными мазями и настойками изъ травъ, съ помощью извѣстнѣйшихъ въ околоткѣ знахарей и знахарокъ, но такъ какъ проломъ головы былъ до мозговъ, всѣ рѣшили единогласно, что въ полный разумъ Митинькѣ никогда не придти.

— Оно можетъ и къ лучшему, Господь знаетъ, что дѣлаетъ,— говаривала она потомъ, когда при ней жалѣли о несчастной судьбѣ юноши.

А когда много лѣтъ спустя, тѣ злодѣи, что ограбили его, сдѣлали сиротой и изуродовали, были пойманы и передъ плахой во всемъ повинились, оно и дѣйствительно для Митиньки вышло къ лучшему, что на допросѣ учиненномъ ему приказными, нарочито для этого присланными изъ города, онъ ровно ничего, кромѣ нелѣпостей, не могъ отвѣтить. Его за скудоуміемъ оставили въ покоѣ и вопросъ объ участіи его въ дѣяніяхъ отца, такъ и остался навсегда открытымъ. Митинька оказался такъ глупъ и безпамятенъ, что приказнымъ ничего нельзя было отъ него добиться.

Но Марѳа Григорьевна обладала даромъ заставлять его помнить все, что̀ она хотѣла, чтобъ онъ помнилъ, и понимать то, что̀ она ему приказывала; въ нѣкоторыхъ случаяхъ она довѣряла ему больше, чѣмъ Ѳедосьѣ Ивановнѣ и Игнатію Самсонычу.

VI.

Такъ было и въ томъ дѣлѣ, по которому пріѣзжалъ къ ней таинственный старикъ, котораго она называла Алексѣичемъ. Объявивъ Ѳедосьѣ Ивановнѣ и Игнатію Самсонычу, что въ Гнѣздо пріѣдетъ жить на неопредѣленное время одна личность и что надо привести въ порядокъ тотъ изъ флигелей при барской усадьбѣ, что находится подальше отъ большой, проѣздной дороги и выходитъ окнами лицевой стороны въ садъ, она возложила надзоръ за тѣмъ, чтобы все было исполнено къ Покрову, на Митиньку.

Дѣятельно принялся онъ за возложенное на него порученіе, безпрестанно сновалъ взадъ и впередъ изъ Воротыновки въ Гнѣздо и изъ Гнѣзда въ Воротыновку, а кромѣ того добрую часть ночи проводилъ за писаніемъ писемъ, которыя диктовала ему барыня и которыя потомъ отправлялись съ вѣрнымъ человѣкомъ въ городъ, для отсылки эстафетой, куда слѣдовало. Наконецъ, за нѣ-

сколько дней до назначенаго срока, къ прiѣзду ожидаемой гостьи все было готово. Марѳа Григорьевна сама поѣхала въ Гнѣздо, чтобы лично убѣдиться исполнено ли все въ точности по ея указанiямъ и сама выбрала въ домѣ ту мебель, которую предназначала для флигеля. При ней эту мебель и разставили въ пяти низенькихъ горницахъ, съ бѣлыми полами, оштукатуренными стѣнами и маленькими, въ одно стекло, оконцами. И образа при ней развѣсили и печки затопили. Уѣхала она назадъ, когда ужъ все было приведено въ надлежащiй порядокъ, а вернувшись въ Воротыновку, приказала отобрать нѣсколько ковровъ попроще, куска четыре сукна сѣраго, съ дюжину кусковъ полотна, да провизiи всякой изъ кладовыхъ, меду сотоваго, копченыхъ гусей, солонины, сушеныхъ грибовъ, яблоковъ.

Все это, вмѣстѣ съ боченками меда, пива и квасу, было нагружено на подводу и въ сопровожденiи двухъ женщинъ изъ дворовыхъ, Марьи и Ѳеклы, отправлено въ Гнѣздо. Марья должна была стряпать на прiѣзжую, а Ѳекла—стирать.

Прошло еще дней десять и оттуда прискакалъ гонецъ, съ извѣстiемъ, что барышня прiѣхала.

— Ну чтожъ, прiѣхала, такъ пусть и живетъ,—сухо замѣтила на это заявленiе Марѳа Григорьевна.

Оно застала ее за утреннимъ чаемъ, который, по обыкновенiю, разливала Варвара Петровна. У двери въ коридорѣ стояла Ѳедосья Ивановна, докладъ былъ сдѣланъ черезъ нее. Изъ-за ея плечь въ благоговѣйномъ страхѣ выглядывалъ молодой малый съ всклокоченной головой и глупо выпученными глазами, весь еще красный и потный отъ усталости—проскакалъ онъ пятнадцать верстъ безъ передышки и ждалъ приказанiй.

Но барыня молчала. Въ стеганой атласной душегрѣйкѣ и въ шлыкѣ изъ шелковой матерiи на головѣ, она сидѣла неподвижно выпрямившись на своемъ жесткомъ золоченомъ крестѣ съ высокой спинкой, украшенной затѣйливой рѣзьбой, и стиснувъ губы, прищуренными глазами смотрѣла вдаль, черезъ столъ съ посудой и самоваромъ, за которымъ хлопотала Варвара Петровна, тогда еще не старая, краснощекая и черноволосая дѣвушка, съ живымъ, пронзительнымъ взглядомъ.

При появленiи гонца изъ Гнѣзда у нея такъ заискрились глаза отъ любопытства, что она поспѣшила пригнуться къ чашкѣ, которую перетирала, чтобы скрыть волненiе.

Встрепенулся и Митинька, кушавшiй чай въ отдаленiи, на столикѣ у окошечка, и поднялся было съ мѣста, чтобъ бѣжать, куда прикажутъ, но убѣдившись, что барыня на него и не смотритъ, снова тихонько опустился на прежнее мѣсто и сталъ скромно допивать свой чай изъ большой глиняной кружки, исподлобья поглядывая вопросительно на Ѳедосью Ивановну.

Но Θедосья Ивановна хранила свое обычное, невозмутимое спокойствіе. Когда, наскучивъ жданьемъ, парень, переминавшійся съ ноги на ногу за ея спиной, рѣшился, наконецъ, спросить у нея шопоткомъ: доколь ему тутъ стоять? она сердито отмахнулась отъ него и еще строже сдвинула брови.

Θедосья Ивановна ужъ знала, когда можно говорить съ барыней и когда нѣтъ. Обождавъ еще минутъ пять, она почтительно освѣдомилась:

— Никакихъ приказаній отъ вашей милости не будетъ?

— Кому?—отрывисто выронила барыня, сдвигая брови.

— Да вотъ, тому парню изъ Гнѣзда?

— Пусть назадъ скорѣе ѣдетъ, нечего ему здѣсь слоняться.

И вскинувъ на Варвару Петровну и Митиньку строгій взглядъ, она прибавила:

— И чтобъ никакихъ толковъ про ту, что въ Гнѣздѣ, здѣсь не распложалось, вотъ вамъ мой приказъ. Узнаю что-нибудь, ты у меня въ отвѣтѣ будешь,—обратилась она снова къ своей главной наперстницѣ.—Чтобъ ни туда отсюда, ни отсюда туда, никому ходу не было, слышишь?

Приказомъ этимъ самымъ яснымъ и точнымъ образомъ устанавливалось навсегда положеніе пріѣзжей во владѣніяхъ Марѳы Григорьевны и отношеніе къ ней этой послѣдней. Съ этихъ поръ иначе какъ «та изъ Гнѣзда», ее въ Воротыновкѣ не называли и таинственно понижали голосъ, говоря про нее.

Θедосьѣ Ивановнѣ приказано было заботиться о томъ, чтобъ она ни въ чемъ не терпѣла нужды и, время отъ времени, барыня посылала ее или Митиньку, узнать «что тамъ она».

VII.

Незнакомка пріѣхала съ двумя женщинами, старой и молодой, которыя пребывали при ней безотлучно, и жизнь повела совсѣмъ уединенную, даже на крылечко не выходила подышать свѣжимъ воздухомъ, и холщевыхъ, разрисованныхъ домашнимъ живописцемъ, сторъ, которыми были завѣшаны окна въ той дальней горницѣ, гдѣ она обыкновенно сидѣла, никогда не поднимала. Такъ она пряталась отъ людей, что даже присланныя сюда изъ Воротыновки бабы, Марья съ Θеклой, никакъ не могли изловчиться, чтобъ въ личико ее посмотрѣть. Женщины, прислуживавшія ей, были неразговорчивы и точно чѣмъ-то напуганы; къ здѣшнимъ относились подозрительно и отъ нихъ одно только и можно было узнать, это то, что госпожа ихъ молода, всего только восемнадцатый годъ ей пошелъ и что зовутъ ее Софьей Дмитріевной. Но именемъ этимъ, почему-то опасались ее звать, а звали просто «барышней», даже промежъ себя.

Передъ Рождествомъ съ нею приключилась болѣзнь и она слегла въ постель.

Какъ прознаиъ про то старичокъ, Алексѣичъ, неизвѣстно, но онъ тотчасъ же явился въ Воротыновку, чтобъ извѣстить о томъ Марѳу Григорьевну, а эта, ни мало не медля, приказала закладывать возокъ, уложить кое-что изъ бѣлья на нѣсколько дней и въ сопровожденіи одной только Ѳедосьи Ивановны, укатила въ Гнѣздо.

Старичокъ поѣхалъ за ними.

Вернулась барыня домой только черезъ недѣлю.

Кучеръ Степанъ, возившій ее въ Гнѣздо, разсказывалъ, что остановилась она въ домѣ, а во флигель пошла послѣ того, какъ отдохнула съ дороги и чаю накушалась. А ночью опять за барыней прибѣгали изъ флигеля, а также за попомъ. И что тамъ они съ попомъ дѣлали, Степану неизвѣстно, а только чуть свѣтъ приказано ему было лошадей въ возокъ запрягать и отвезти того старичка съ Ѳедосьей Ивановной въ городъ. И пристали они тамъ не на постояломъ дворѣ, а въ хорошемъ домѣ, съ мезониномъ, на большомъ чистомъ дворѣ, съ конюшнями, сараями и съ помѣщеніемъ для цѣлой артели рабочихъ. Въ избѣ той его обѣдомъ накормили и та баба, что щи ему горячія на столъ поставила, сказала ему, что домъ тотъ принадлежитъ тому старичку, Никанору Алексѣичу. Богатѣющій онъ купецъ, хлѣбъ скупаетъ и на своихъ судахъ по Волгѣ и внизъ и вверхъ гонитъ. Къ вечеру стали сбираться ребята ужинать и, поужинавъ, полегли въ той избѣ спать. И Степанъ съ ними. А Ѳедосья Ивановна, та въ купецкихъ хоромахъ ночевала. А утромъ, одѣвшись въ добрую одежду, куда-то отправилась и долго ходила по городу, такъ что ужъ темнѣть стало, какъ вернулась. И слышалъ Степанъ, какъ хозяйка уговаривала ее остаться ночевать, а она ей на это: «нельзя, говоритъ, барыня Марѳа Григорьевна наказывала скорѣе вернуться». И старичокъ ея руку держалъ: «поѣзжай, поѣзжай съ Богомъ, Ивановна, Господь милостивъ, къ полуночи будете у мѣста». А его, Степана, онъ отвелъ въ сторону и приказалъ, что есть силы гнать коней какъ мимо Сорочьяго Яра будутъ проѣзжать, потому только тутъ и опасно. Старичокъ дошлый, всѣ мѣста ему тамъ знакомы.

По возвращеніи своемъ изъ Гнѣзда, Марѳа Григоровьевна много дней сряду письма въ разныя мѣста Митинькѣ диктовала, а потомъ письма эти въ городъ съ нарочнымъ отправила.

VIII.

Отъ болѣзни своей барышня такъ и не оправилась. То лучше ей дѣлалось, то хуже. Марѳа Григорьевна не навѣщала ее больше, но иногда посылала къ ней Ѳедосью Ивановну съ разными снадобьями. Прослышитъ про какое-нибудь средство, добудетъ или

дома приготовить и пошлетъ «той въ Гнѣздѣ». Посылала она ей такимъ образомъ и водку на муравьяхъ настоенную, и отваръ изъ березовыхъ почекъ, и порошокъ изъ сушеныхъ таракановъ съ сахаромъ, и множество другихъ еще средствъ, но толку отъ нихъ было мало.

Прослышали въ Воротыновкѣ, что барышня въ Гнѣздѣ извелась совсѣмъ и стала какъ-будто не въ своемъ умѣ. Вѣсть эту привезъ преданный старичокъ изъ города. И онъ же, съ мѣсяцъ спустя, явился доложить Мареѣ Григорьевнѣ, что Софья Дмитріевна скончалась.

Похоронили ее у церкви въ Гнѣздѣ. Барыня ѣздила съ Ѳедосьей Ивановной на похороны. Отпросились на эту церемонію и многіе другіе изъ дворовыхъ. И тутъ только всѣмъ стало извѣстно, какая была изъ себя таинственная незнакомка. Увидали ее въ гробу— высокая, стройная, совсѣмъ еще молоденькая. Промежъ блѣдныхъ губъ зубы какъ жемчугъ ровные да бѣлые, коса густая, русая, длинная, брови тонкія, дугой, красавица. На пальчикѣ правой ручки перстенечекъ у нея былъ надѣтъ, золотой съ жемчужиной. Марѳа Григорьевна приказала этотъ перстенечекъ съ покойницы снять и взяла его себѣ. Всѣ ее одобряли за это—грѣшно хоронить покойниковъ въ такихъ украшеніяхъ, которыя приличествуютъ только живымъ. За мѣсто этого перстенька, она сняла у себя съ шеи образокъ и сама положила его на грудь мертвой.

Все имущество, что послѣ нея осталось, Марѳа Григорьевна тому старичку Алексѣичу отдала и ему же поручила обѣихъ женщинъ, что съ покойницей съ ея стороны пріѣхали. Онъ ихъ съ собой, послѣ сорочинъ, въ городъ увезъ.

А Марья съ Ѳеклой такъ и не вернулись никогда въ Воротыновку, барыня продала ихъ въ дальнюю губернію какимъ-то знакомымъ ей господамъ и прямо ихъ туда на подводѣ изъ Гнѣзда и отправили.

IX.

Случилось все это въ 1801 году...

Изъ дѣтей Марѳы Григорьевны оставался тогда въ живыхъ одинъ только старшій ея сынъ, Григорій Васильевичъ. Ему тогда еще не было семидесяти лѣтъ, но онъ казался на видъ много дряхлѣе своей восьмидесятипятилѣтней матери. Его хватилъ параличъ и онъ безвыѣздно жилъ въ имѣніи, доставшемся ему въ приданое за женой, близь Москвы. Имѣніе это называлось Яблочки и было великолѣпно устроено. Григорій Васильевичъ поселился въ немъ вскорѣ послѣ свадьбы и тратилъ на него всѣ свои доходы.

Въ имѣніи этомъ родились и выросли его дѣти, три дочери и сынъ Василій, а позднѣе воспитывался внукъ Александръ. Этому

последнему, доводившемуся Мареѣ Григорьевнѣ — правнукомъ и должно было достаться родовое имѣніе Воротыновка.

. Тетки его, дочери Григорія Васильевича, давно были пристроены и отдѣлены, сынъ же, несчастный Василій Григорьичъ, женился на малороссіянкѣ и былъ убитъ крестьянами своей жены, года полтора послѣ того, какъ она родила ему сына.

Василій Григорьичъ былъ нрава жестокаго и крутаго. Изъ подмосковной его родителей, когда онъ пріѣзжалъ туда помогать отцу хозяйничать, народъ бѣжалъ толпами куда ни попало: въ Сибирь на Донъ, за Уральскія горы, въ калмыцкія степи, всюду, куда въ то время спасались люди отъ господъ, когда не въ моготу было сносить ихъ тиранство. Пріѣхавъ съ молодой женой послѣ свадьбы въ ея вотчину, онъ вздумалъ заводить и тамъ такіе же порядки, какъ подъ Москвой, но хохлы перенести этого не смогли и зарѣзали его въ присутствіи жены. Двое хлопцовъ держали ее «легохонько за бѣлыя рученьки» — пока другіе расправлялись съ ея супругомъ, чтобы не мѣшала и сама подъ ножъ не угодила.

Потрясенная этимъ зрѣлищемъ, молодая женщина помѣшалась въ умѣ, и поступила въ монастырь. Сына ея привезли къ дѣду Григорію Васильевичу, который, хотя ужъ и тогда плохо владѣлъ правой рукой, однако былъ еще настолько бодръ, что могъ заниматься воспитаніемъ внука, т. е. нанимать ему за большія деньги гувернеровъ и учителей въ Москвѣ.

На этомъ ребенкѣ, названномъ Александромъ, въ честь воспріемника его цесаревича Александра, (онъ родился до воцаренія Павла) и сосредоточивались теперь всѣ надежды его пробабки Мареы Григорьевны.

«Пуще всего о здоровьи Лексаши слѣдуетъ пещись, и чтобъ ему въ раннемъ возростѣ въ бракъ вступить съ надежной дѣвицей, дабы родъ нашъ не прекратился», повторяла Мареа Григорьевна сыну, въ каждомъ своемъ письмѣ.

Когда мальчикъ подросъ, она пожелала его видѣть, и передъ тѣмъ, какъ отправить Александра Васильевича въ Петербургъ на службу (военную разумѣется, всѣ дворяне тогда начинали свою карьеру съ военной службы), дѣдъ прислалъ его погостить въ Воротыновку.

X.

Шестнадцатилѣтній представитель Воротынцевскаго рода явился къ прабабкѣ съ большой свитой, въ поѣздѣ, состоявшемъ изъ четвероместной кареты, на высокихъ рессорахъ, нѣсколькихъ крытыхъ бричекъ и пяти телѣгъ, навьюченныхъ вещами и людьми. При немъ былъ гувернеръ-французъ, изъ эмигрантовъ, маркизъ Фонтенъ-де-Соланжъ, дядька изъ крѣпостныхъ, старикъ по имени Потапычъ, камердинеръ, нѣсколько лакеевъ и мальчиковъ для мелкихъ услугъ.

Остальная его свита, повара и поваренки, кучера и форейторы съ лошадьми и экипажами, буфетчикомъ, мажоръ-домомъ и проч. были отправлены съ длиннымъ обозомъ изъ подмосковной прямо въ Петербургъ, въ тотъ каменный домъ, окруженный дворомъ съ одной стороны и садомъ съ другой, который построилъ еще его прадѣдъ на мѣстѣ, подаренномъ ему императоромъ Петромъ I, на набережной рѣки Мойки, и который стоялъ съ заколоченными ставнями и запертыми дверями съ тѣхъ поръ, какъ Мароа Григорьевна переселилась въ деревню.

Для того, чтобы привести этотъ домъ въ порядокъ, все въ немъ перечинить, выкрасить и выбѣлить, времени требовалось не мало и молодой баринъ долженъ былъ прожить у прабабушки мѣсяца два.

Въ Воротынокѣ встрѣтили его съ почестями, подобающими послѣднему представителю рода и будущему властелину богатѣйшаго имѣнія въ губерніи.

Прабабушка, облекшись въ гродетуровое съ золотыми разводами платье и въ тюрбанъ съ перьями, стала спускаться по лѣстницѣ съ крутыми каменными ступенями, какъ только-что посланный на встрѣчу гостей верховой прискакалъ, сломя голову, возвѣстить, что поѣздъ уже въѣхалъ въ аллею.

Не успѣла Мароа Григорьевна вступить на круглое крыльцо съ мраморными колоннами, какъ изъ кареты, запряженной восемью лошадьми, въѣхавшей во дворъ, выскочилъ ея правнукъ. Въ щегольскомъ костюмѣ тогдашней моды, въ напудренномъ парикѣ, вышитомъ бархатномъ кафтанѣ, со шпагой на боку, въ башмакахъ съ золотыми пряжками и шелковыхъ длинныхъ чулкахъ, шестнадцатилѣтній Воротынцевъ производилъ такое прелестное впечатлѣніе, что съ первой же минуты всѣмъ вскружилъ голову. Въ то время, какъ онъ цѣловалъ руки у прабабки и внятнымъ, звучнымъ голосомъ произносилъ заранѣе приготовленное, высокопарное привѣтствіе, его русскій дядька, съ менторомъ-французомъ, остановившись на почтительномъ разстояніи, въ умиленіи любовались этой интересной сценой.

Торжествовалъ особенно французъ. Безъ него, юношѣ вѣроятно не пришло бы въ голову переодѣться въ парадный костюмъ, въ деревушкѣ верстъ за шесть отъ Воротыновки, но наставнику удалось составить себѣ вѣрное понятіе о Мароѣ Григорьевнѣ изъ разсказовъ ея сына и другихъ знавшихъ ее людей, и онъ настоялъ на томъ, чтобы встрѣча ея съ правнукомъ произошла какъ можно торжественнѣе и пышнѣе.

При первомъ взглядѣ на группу, ожидавшую ихъ появленія на высокомъ крыльцѣ, маркизъ могъ удостовѣриться въ томъ, что онъ не ошибся въ своемъ предположеніи: гродетуровое платье съ золотымъ шитьемъ прабабки юнаго Воротынцева такъ и сверкало въ

лучахъ яркаго, полуденнаго солнца. И не она одна, а также окружавшія ее приживалки, приживальщики и старшіе слуги съ Ѳедосьей Ивановной во главѣ, облеклись по этому случаю въ костюмы, которые вынимались изъ сундуковъ только при такихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ освященіе новаго храма, воздвигнутаго, вмѣсто пришедшей въ ветхость маленькой деревянной церкви, а еще раньше, для чествованія одного изъ любимцевъ императрицы Екатерины, когда, проѣздомъ съ юга въ Петербургъ, онъ вспомнилъ про свою бывшею пріятельницу Марѳу Григорьевну Воротынцеву, про услуги, оказанныя ему ею въ былое время, и соблаговолилъ сдѣлать крюкъ въ сторону верстъ въ двѣсти, чтобы навѣстить ее.

Это случилось лѣтъ тридцать тому назадъ.

И тогда, какъ и теперь, въ большомъ трехъэтажномъ домѣ, съ недѣлю времени, хлопоты и суета ни на минуту не прекращались. Вынимали изъ кладовыхъ и подваловъ серебро, упакованное въ кованые сундуки, фарфоръ и хрусталь, ковры персидскіе изъ запертыхъ шкафовъ и ящиковъ. Провѣтривали парадныя комнаты, въ которыя никто никогда не входилъ, выгоняли изъ темныхъ угловъ летучихъ мышей, свившихъ себѣ гнѣзда въ рѣзьбѣ потолка и колоннъ, поддерживавшихъ хоры, сметали паутину, снимали чехлы съ золоченой, обитой краснымъ штофомъ мебели, вставляли разбитыя стекла въ окна. Полъ устлали коврами, въ люстры и канделябры вставляли восковыя свѣчи и разослали гонцевъ по всей губерніи за покупками и съ приглашеніями.

Марѳа Григорьевна рѣшила воспользоваться пріѣздомъ правнука и наслѣдника, чтобъ возобновить сношенія съ обществомъ, котораго она упорно чуждалась, съ незапамятныхъ временъ.

Всѣ явились на ея зовъ.

Въ длинной столовой не хватало мѣста, такое множество понаѣхало гостей ко дню пріѣзда Александра Васильевича; пришлось накрыть еще пять столовъ въ другихъ комнатахъ.

Всѣмъ представляла Марѳа Григорьевна своего красиваго правнука, прося любить его, да жаловать.

Счастливая и довольная, она улыбалась при этомъ нарумяненными губами и улыбка эта, весьма даже высокомѣрная, представляла курьезный контрастъ съ условной приниженностью произносимыхъ ею при этомъ словъ.

Правнукъ же, съ рѣдкой для его лѣтъ развязностью и дѣланной граціей юноши, обучавшагося съ ранняго возроста свѣтскимъ манерамъ и танцамъ, раскланивался передъ мущинами, прикладывался къ ручкамъ дамъ, сыпалъ комплиментами направо и налѣво, беззастѣнчиво впиваясь сверкающими отъ любопытства глазами въ свѣженькія личики провинціальныхъ красотокъ съ стыд-

ливо опущенными рѣсницами, и всѣхъ очаровалъ любезностью, находчивостью и остроуміемъ.

Вечеромъ былъ балъ. Танцовали подъ музыку оркестра, привезеннаго за двѣсти верстъ, изъ имѣнія предводителя.

XI.

Недѣли двѣ длились празднества въ Воротыновкѣ по случаю пріѣзда Александра Васильевича, танцы смѣнялись театральными представленіями, фейерверками, иллюминаціями, пикниками въ живописныя мѣстности за десять, за пятнадцать верстъ, и только тогда, когда всѣ разъѣхались, принялась Мареа Григорьевна знакомиться поглубже съ своимъ наслѣдникомъ. И принялась за это дѣло серьезно. По цѣлымъ часамъ заставляла она его говорить про себя, про дѣда, про его отношенія къ родственникамъ съ отцовской и материнской стороны, про его планы насчетъ будущаго.

Но юноша былъ не изъ откровенныхъ, съ хитринкой, недовѣрчивъ и себѣ на умѣ.

— Не дуракъ,—самодовольно ухмылялась Мареа Григорьевна, дѣлясь своими впечатлѣніями насчетъ правнука съ Өедосьей Ивановной и съ Митинькой.

— Да въ кого же имъ быть дуракомъ?—замѣчала на это Өедосья Ивановна.

— Ты этого не говори, у отца его всегда было больше злости, чѣмъ ума, а мать и вовсе помѣшанная, — возражала Мареа Григорьевна.

А когда ей на это возражали, что супруга Василія Григорьевича обезумѣла отъ страха и ужаса, она презрительно усмѣхалась.

Мареа Григорьевна по опыту знала, что не только можно быть свидѣтельницей, но даже участвовать въ большихъ ужасахъ, не теряя при этомъ ни присутствія духа, ни разсудка.

— Дай ему Господи по себѣ невѣсту найти,—съ умилительнымъ вздохомъ вставляла приживалка изъ бѣдныхъ дворянъ, Варвара Петровна.

— Чтобы здоровая была, да хорошаго роду, а за деньгами можетъ и не гнаться, своего добра дѣвать некуда,—замѣчала на это Мареа Григорьевна.

И озабоченно сдвигая брови, она прибавляла:

— Бабникъ будетъ великій, вотъ въ чемъ бѣда. Не приключилось бы съ нимъ того же, что съ дѣдомъ его Григоріемъ Васильевичемъ.

Григорій Васильевичъ слылъ въ молодости большимъ ловеласомъ или селадономъ, какъ тогда выражались, и Мареа Григорьевна именно этому обстоятельству и приписывала преждевре-

менную дряхлость и параличъ, приковывавшій его къ креслу съ шестидесяти лѣтъ.

— Уходили его мерзавки,—объясняла она не терпящимъ противорѣчія тономъ, каждый разъ, когда рѣчь заходила про болѣзненное состояніе ея сына.—А Алексаша весь въ дѣда, такая же въ немъ льстивость къ бабѣ, и онѣ тоже къ нему, какъ мухи къ меду льнутъ, ужъ и теперь когда молоко у него еще на губахъ не обсохло. За такимъ сахаромъ надо глаза да глаза, а тамъ, въ Петербургѣ, кто его укоротитъ?

XII.

Сколько не думала Мареа Григорьевна, сколько не перебирала въ умѣ, ни на комъ остановиться не могла.

А между тѣмъ родня у Алексаши была пребольшущая, однихъ Фриденборговъ съ баронами, баронессами и баронятами штукъ до пятидесяти насчитать можно. Отъ Ратморцевой, Елисаветы Васильевны, тоже расплодилась семья не малая.

Были у него родные и съ материнской стороны. Все это жило домами и, по тогдашнему времени, пышно, весело, гостепріимно.

Наслѣдника Мареы Григорьевны примутъ съ распростертыми объятіями, станутъ за нимъ всѣ ухаживать. Богатый вѣдь наслѣдникъ, завидный женихъ; не худо у него и деньжонками въ случаѣ надобности попользоваться, хотя бы такимъ, какъ Ратморцевы, извѣстные по всей Россіи кутилы и проказники. Фреденборги тѣ скупы, и рады радёшеньки будутъ покутить на чужой счетъ. А дѣвокъ-то, дѣвокъ-то сколько заневѣстится въ этихъ семьяхъ къ тому времени, какъ Алексашѣ подойдетъ время жениться! Да тутъ такая пойдетъ травля, что держись только.

Да, въ льстецахъ и ласкателяхъ у молодого Воротынцева недостатка въ Петербургѣ не будетъ, а вотъ чтобы найти человѣка преданнаго, да съ вѣсомъ, который не поскучалъ бы иногда при случаѣ пожурить молодца, правду въ глаза ему сказать, это дѣло другое, такого человѣка не скоро сыщешь.

— А Алексашу, чтобы прокъ изъ него вышелъ, надо въ ежовыхъ рукавицахъ держать.

Не взирая на пристрастіе къ правнуку, Мареа Григорьевна не могла этого не сознавать. Отлично она его раскусила. Да и не его одного, а также и ментора его, изящнаго маркиза, послѣ того, какъ онъ у нея въ домѣ полтора мѣсяца прожилъ, она вдоль и поперекъ узнала.

— Ну гдѣ такому тонконогому вертопраху нашъ русскій дворянскій духъ понять,—разсуждала она съ своими приближенными.—Ему бы только все для виду, чтобы сверкало, блестѣло, въ носъ било, да съ ногъ сшибало, а чтобы въ самое нутро чело-

вѣка вникнуть, да настоящее родовитое величіе молодому человѣку внушить, это не его ума дѣло. Да и что съ него взыщешь, когда онъ изъ такой націи, гдѣ все шиворотъ на выворотъ, супротивъ нашихъ россійскихъ законовъ дѣлается. Надо такъ полагать, что тамъ, въ Петербургѣ, какъ поступитъ Лексаша на царскую службу, французишка этотъ ему ужъ и вовсе не будетъ нуженъ.

— Очень ужъ привязаны къ нему Александръ Васильевичъ,— робко замѣчала Варвара Петровна. Какъ старая дѣва, склонная къ романтизму, она съ первой же минуты воспылала платоническою страстью къ элегантному иностранцу и близко принимала къ сердцу все, что до него касалось.—А ужъ какъ прекрасно они промежъ себя по-французски разговариваютъ! Безъ запиночки, ну вотъ, точно по-русски. И ужъ такъ деликатно, да благородно! Мы, намеднись, съ поповской Глашенькой слушали ихъ, слушали у двери въ боскетной, да и разревѣлись. Плачемъ обѣ, а сами не знаемъ о чемъ.

— Дуры, — сухо замѣтила на это Марѳа Григорьевна.

XIII.

Дружба правнука съ французомъ волновала ее совсѣмъ въ иномъ направленіи. Съ свойственнымъ ей здравымъ смысломъ, она чуяла въ этой дружбѣ сообщничество какое-то зловредное для послѣдняго отпрыска Воротынцевскаго рода. По-французски она не понимала, но бесѣды ихъ между собой часто сопровождались такими жестами и взглядами, особенно со стороны легкомысленнаго француза, что догадаться о смыслѣ ихъ было не трудно.

Алексаша былъ сдержаннѣе и только изподтишка окидывалъ жаднымъ взглядомъ пригожихъ дѣвченокъ, на которыхъ обращалъ его вниманіе менторъ, этотъ же безъ зазрѣнія совѣсти, совсѣмъ явно, гонялся за ними и съ такими сверкающими глазами, съ такимъ страстнымъ оживленіемъ шептался съ своимъ воспитанникомъ, что не догадаться о чемъ именно между ними идетъ рѣчь, могла только такая недалекая личность, какъ Варвара Петровна, а ужъ отнюдь не многоопытная, выросшая на придворныхъ интригахъ, Марѳа Григорьевна.

Стала эта послѣдняя недовѣрчиво относиться къ правнуку. Чѣмъ болѣе всматривалась она въ него, тѣмъ больше убѣждалась въ томъ, что и уменъ-то онъ, да и развратенъ не по лѣтамъ. Лгать—великій мастеръ, и такое въ мысляхъ у себя держитъ, до чего не вдругъ доберешься.

Бросила Марѳа Григорьевна съ нимъ по душѣ бесѣдовать и обратилась съ допросомъ къ Потапычу.

Этотъ ужъ не могъ не знать, что за человѣкъ будущій наслѣдникъ Воротыновки, какія онъ подаетъ надежды, какія опасенія

въ будущемъ, при какихъ условіяхъ онъ воспитывался, и какія правила ему внушали съ измальства; онъ почти со дня рожденія былъ при немъ безотлучно. Въ дядьки къ Александрѣ его еще покойный Василій Григорьичъ намѣтилъ.

Потапычъ былъ сухенькій, низенькій старичокъ, съ длиннымъ тонкимъ носомъ, гладко выбритымъ подбородкомъ, крупнымъ ртомъ съ крѣпкими, бѣлыми зубами и умными, пронзительными глазами, такими маленькими, что ихъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей почти совсѣмъ не было видно. Но онъ-то ими все видѣлъ отлично, а въ особенности то, что желали отъ него скрыть.

Долго крѣпился Потапычъ на допросѣ, но, наконецъ, не вытерпѣлъ и выложилъ старой барынѣ въ подробности все, что составляло до сихъ поръ отъ нея тайну, хранимую въ подмосковной такъ строго, что никто не смѣлъ ее нарушить.

Оказалось, что семидесятилѣтнимъ старцемъ Григоріемъ Васильевичемъ до сихъ поръ вертятъ бабы, что онъ иначе не выѣзжаетъ, какъ окруженный ими въ такомъ множествѣ, что народъ со всѣхъ сторонъ сбѣгается глазѣть на пестрый блестящій гаремъ, которымъ онъ безъ зазрѣнія совѣсти тѣшитъ на старости лѣтъ сатану на соблазнъ подлыхъ людишекъ. Узнала Марѳа Григорьевна, что всѣмъ въ домѣ и въ имѣніи верховодитъ безконтрольно гулящая женка изъ мѣщанокъ, Дарька, что Дарьку эту иначе, какъ Дарьей Тимоѳеевной по всей округѣ не величаютъ, что она все, что можно было, ужъ прибрала къ рукамъ изъ движимости; доходы какіе съ вотчинъ получаются, всѣ до копѣечки къ ней поступаютъ и свербитъ она старика съ утра до вечера и съ вечера до утра, чтобы женился онъ на ней...

Тутъ Марѳа Григорьевна не выдержала и грозно вскричала, ударивъ что есть силы кулакомъ объ столъ.

— Что-о-о? Жениться? ты врешь, старикъ?!.

Потапычъ повернулся къ образу и перекрестился большимъ крестомъ.

— Какъ на духу все до крошечки правду тебѣ докладываю, сударыня. Да и осмѣлюсь ли я твоей милости врать?

Правда, передъ Марѳой Григорьевной опасно было лукавить, были такіе, что кнутомъ и Сибирью платились за попытку ее обмануть.

— И Александрѣ это извѣстно?

Старикъ молча наклонилъ свою сѣдую голову.

— И что жъ это вы скрывать отъ меня такое безобразіе вздумали? Рѣшили, что я такъ и умру ничего не узнавши? Рано хоронить меня задумали, голубчики, поторопились!

— Я, матушка, имъ совѣтовалъ, чтобы во всемъ вамъ открыться, — началъ оправдываться Потапычъ.

— Ой ли?—недовѣрчиво прищурилась на него старая барыня.

Отъ гнѣва, ея всегда блѣдныя щеки вспыхнули, большіе черные глаза засверкали, рѣчь срывалась съ языка отрывисто и грудь высоко поднималась подъ неровнымъ дыханіемъ.

— У самого спроси, онъ скажетъ,—угрюмо отвѣчалъ старикъ.

— Спрошу. Все спрошу, во всемъ заставлю сознаться. Она, вѣрно, мерзавка, Дарька эта поганая, настращала его? Заставила, можетъ, передъ образомъ поклясться, что я ничего не узнаю?

— Не знаю, матушка, не могу того сказать, чего не знаю. Таится отъ насъ, Александръ Васильевичъ. Да они и совсѣмъ малымъ дитей горденьки съ нашимъ братомъ холопомъ были, а ужъ потомъ, какъ въ возрость вошли, да какъ мусью этого самаго къ нимъ приставили...

— Французъ-то дружитъ вѣрно съ нею, съ мерзавкой-то? — перебила его старая барыня!

— Да ужъ такъ онъ къ ней подольстился, такъ подольстился, что всѣ диву даются. Даже и понять невозможно, какъ это французъ, басурманинъ изъ нѣмецкой заморской земли, до такой тонкости настоящую россійскую бабу обвелъ, да еще изъ подлаго сословія. Надо такъ полагать, что безъ колдовства тутъ не обошлось. Оно, конечно, кабы старый баринъ въ своемъ разумѣ были...

— Какъ же это она его въ Петербургъ-то отпустила, если онъ у нея въ полюбовникахъ состоялъ?

— Самъ захотѣлъ. Скучать началъ въ деревнѣ послѣднее время. Развлеченьевъ, говоритъ, у васъ въ подмосковной мало.

Марѳа Григорьевна вспылила.

— Развлеченьевъ! Ахъ, онъ паршивецъ!

— Въ прошломъ году тіятеръ для него изъ Москвы выписывали,—продолжалъ между тѣмъ распространяться старикъ.

— Какой театръ?

— Настоящій-съ, съ декораціей, съ музыкой, на флейтахъ, на скрипкахъ, на трубахъ, все какъ быть должно и съ барабанщикомъ. Всю эту братью въ Москвѣ наняли, отъ барина одного, Левонтьевымъ звать, сманили. Стала эта затѣя въ копѣечку. Онъ, Левонтьевъ-то баринъ, противъ насъ дѣло затѣялъ, полиція три раза изъ Москвы наѣзжала. Ну, музыкантовъ попрячутъ, а подъячихъ задарятъ, и все опять на время шито да крыто. Такъ цѣльную зиму и хороводились. Выбрали изъ дворовыхъ дѣвокъ да парней посмазливѣе, актерокъ да актеровъ изъ нихъ понадѣлали...

— И вся эта сволочь у васъ въ домѣ?

Отъ гнѣва губы у Марѳы Григорьевны побѣлѣли и слова произносились съ трудомъ.

— Въ домѣ, матушка, въ домѣ. А барина-то во флигель перевели. Всѣ пожитки его туда снесли, кресло вольтеровское, которое вы ему изволили пожаловать и съ котораго они, таперича, по немощи

своей, почитай что и не встаютъ никогда, только на ночь ихъ въ кроватку укладываютъ...

— Такъ сынъ мой, Григорій Василичъ Воротынцевъ, во флигелѣ, а это сволочь въ домѣ? И ты молчалъ, старикъ!—вскричала внѣ себя отъ гнѣва старая барыня.

Потапычъ зарыдалъ и повалился ей въ ноги.

— Да то ли у насъ еще дѣется, матушка барыня! — завопилъ онъ, стукаясь лбомъ объ полъ.

— Говори, все говори!—твердо произнесла Марѳа Григорьевна.

— Пристань воровскую содержимъ,—началъ всхлипывая старикъ.—Подбился къ поскудницѣ-то къ нашей, стракулистъ одинъ изъ Москвы, братомъ ей двоюроднымъ доводится, родной тетки сынъ, мерзавецъ отъявленный, сколько разъ съ поличнымъ былъ пойманъ, да все изловчался, другихъ воришекъ кнутомъ бьютъ да по острогамъ сажаютъ, а онъ укроется у насъ въ Яблочкахъ, ну, и спасенъ. Душегубъ, кровь на немъ человѣческая, убивецъ. А ужъ грабитель! Вотъ передъ тѣмъ, какъ намъ сюда, къ твоей милости ѣхать, отъявился въ Яблочки, самъ верхомъ на ворованномъ конѣ, а за нимъ подвода, и все въ ней краденое, да награбленное... И все у господъ-то знакомыхъ... серебро съ гербами Голицынскими, Зубовскими...

— Ты самъ эту срамоту видѣлъ? — глухо вымолвила Марѳа Григорьевна.

— Самъ, матушка, самъ. Нечего грѣха таить, самъ вмѣстѣ съ другими и прятать помогалъ, въ подвалъ, за бочки съ виномъ заморскимъ... вырыли тамъ яму глубокую, да все серебро туда и склали.

— Самъ пряталъ! Не донесъ! Ахъ, ты!..

Старикъ, не поднимаясь съ колѣней, поднялъ къ ней свое блѣдное, взволнованное лицо.

— Да кому же доносить-то, сударыня? Вѣдь баринъ-то, Григорій Василичъ совсѣмъ у нея подъ властью, что хочетъ, то съ нимъ и дѣлаетъ.

И снова опустивъ голову, онъ глухо прошепталъ:

— Бьетъ она ихъ даже, по щечкамъ хлещетъ.

Наступило молчаніе. Марѳа Григорьевна была темнѣе тучи; на нее страшно было смотрѣть. Наконецъ, собравшись съ духомъ, она повторила уже разъ предложенный вопросъ:

— И это ты видѣлъ? Своими глазами видѣлъ?

— Видѣлъ, сударыня.

— И французъ про то знаетъ? — продолжала она его допрашивать.

— Не могу сказать, сударыня. Вертопрашный онъ, гдѣ ему во все вникать! Вотъ, пѣть да плясать, это его дѣло.

— Запляшетъ онъ у меня, дай срокъ! — прошипѣла про себя Мароа Григорьевна.

И угрюмо спросила:

— Начали укладываться?

— Какъ же, матушка, еще позавчера поднялись въ путь сбираться. Какъ услышалъ я отъ Игнатія Самсоныча, что выѣзжать намъ на этой недѣлѣ, такъ и стащили чемоданы да важи съ чердаковъ и зачали понемножечку укладаться.

— И скарбъ тоже уложили француза съ господскимъ?

— Который уложенъ, а который еще нѣтъ.

— Ну, такъ слушай: возьми ты Данилку выѣздного, смышленный онъ и зря болтать не любитъ, да выбравши часочекъ поудобнѣе, когда за вами подсмотрѣть некому, ступай съ нимъ въ тѣ сѣни, гдѣ чемоданы у васъ стоятъ, выберите изъ нихъ добро француза, все, до послѣдней ниточки, да снесите въ горницу на верхъ рядомъ съ библіотекой. И горницу ту запереть на ключъ и ключъ мнѣ принести, понялъ?

— Понялъ, сударыня, какъ не понять.

— Да смотри ты у меня, такъ орудуйте, чтобы никому не вдомекъ. На помощь я вамъ Θедосью дамъ, для большей скрытности отъ бабъ. Она ужъ знаетъ, какъ имъ глаза отводить, не въ первый разъ. И вотъ что еще, къ какому дню наказалъ ты кузнецу осмотрѣть экипажи, чтобы въ исправности были къ отъѣзду?

— Къ четвергу, сударыня.

— Къ послѣ завтрему значитъ. А теперь ты къ нему вотъ сейчасъ забѣги, да прикажи, чтобъ онъ все къ завтрему изготовилъ. Пусть ночь на пролетъ не спитъ, работаетъ, а чтобы готово было, строго на-строго ему накажи. Барыня, скажи, сама осматривать завтра выйдетъ.

— Слушаюсь.

— А выѣзжать вамъ не въ четвергъ утромъ, а въ среду ночью, передъ разсвѣтомъ. И смотри!—продолжала она, грозно возвышая голосъ и впиваясь пристальнымъ, властнымъ взглядомъ въ глаза трепетавшаго передъ нею въ благоговѣйномъ страхѣ, старика,— знаютъ объ этомъ только ты, да я, и если, Боже тебя упаси, хоть одна еще душа о томъ догадается, плохо тебѣ будетъ, старикъ, не посмотрю ни на вѣрную службу твою и мнѣ, и сыну, и внуку, и правнуку, ни на дряхлость твою, и такъ прикажу выдрать, что до Петербурга тебѣ и не доѣхать.

XIV.

Въ тотъ же день, за обѣдомъ, Мароа Григорьевна, какъ всегда спокойная, величавая, и съ гостями своими привѣтливая, завела рѣчь о томъ, что хорошо было бы Алексашѣ прожить въ Воротыновкѣ еще съ недѣльку.

— Петербургъ отъ васъ не уйдетъ, а ко мнѣ молодой Лашкаревъ, сынокъ Захарія Иваныча Лашкарева, собирается пріѣхать. Не было его здѣсь, какъ вы пріѣхали, жениться въ Воронежъ ѣздилъ. Лашкаревы съ нами межа къ межѣ, ближніе сосѣди значитъ, съ ними непремѣнно надо въ добромъ согласіи жить, а то кляузъ не оберешься. Отъ покойнаго старика, я окромя уваженія къ себѣ никогда ничего не видывала; и сама ему, въ чемъ могла, всегда патрафляла. По всему видно и сыну желательно благоволеніе наше снискать. Этимъ брезговать не слѣдъ, паче всего тебѣ Лексаша. Ты уважишь и тебя уважутъ и все будетъ у васъ похорошему, какъ подобаетъ дворянамъ одной губерніи. Я имъ скажу, что ты собственно изъ уваженія къ нимъ, отъѣздомъ замѣшкался, очень это имъ лестно будетъ.

— Какъ вамъ угодно, бабушка,—съ обычною почтительностью отвѣтилъ молодой Воротынцевъ.

А менторъ его, произнесъ по этому случаю витіеватый комплиментъ на ломаномъ русскомъ языкѣ въ перемежку съ французскими словами, изъ котораго, впрочемъ, нельзя было не понять, что онъ благословляетъ судьбу за счастье пробыть еще нѣсколько лишнихъ дней въ обществѣ такой просвѣщенной и почтенной личности, какъ madame Marthe Grigorievna.

За это привѣтствіе и, какъ она сама выразилась, на радостяхъ, что отъѣздъ правнука отдаленъ на недѣлю, Мареа Григорьевна вынесла наставнику Лексаши, вышитый бисеромъ кошелекъ, работы одной изъ своихъ приживалокъ, съ пятью золотыми.

— Жалую это тебѣ, мусью, на дорогу за то, что забавлялъ меня и Лексашу на добро наставлялъ,—объявила она съ надменнымъ кивкомъ, въ то время какъ обрадованный французъ, изогнувшись въ три погибели, прикасался губами къ протянутой ему рукѣ съ подаркомъ.

— А ты, Лексаша, получишь отъ меня суприз завтра, — обратилась она съ улыбкой къ его воспитаннику.

— Vous avez pour aïeule un ange, monsieur Alexandre,— восторженно воскликнулъ очарованный французъ.

XV.

Мареа Григорьевна сказала сущую правду, обѣщая сюрпризъ своему правнуку. Ничѣмъ не пожелала она подготовить его къ тому, что предстояло ему узнать на слѣдующее утро, и вечеръ въ барскомъ домѣ Воротыновской усадьбы прошелъ такъ весело и оживленно, что остался бы на всю жизнь въ памяти его обитателей, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы на другой день не произошло то, чего никто ожидать не могъ.

Весь домъ, отъ мала до велика, возликовалъ, узнавъ объ отложенномъ отъѣздѣ дорогихъ гостей, но всѣхъ радостнѣе настроенъ былъ французъ. Веселилъ ему сердце и подарокъ, полученный отъ этой доброй Мароы Григорьевны, которую ему съ мосье Alexandre, такъ отлично удалось провести, и надежда еще съ недѣльку поамуриться съ красивой бѣлошвейкой Стешей, съ которой у него были свиданія въ старой банѣ, и перспектива новаго знакомства съ недавно женившимся помѣщикомъ Лашкаревымъ, у котораго супруга была, навѣрное, прехорошенькая. Маркизъ предвкушалъ ужъ наслажденіе пустить ей пыль въ глаза французской граціей и образованіемъ и полакомиться настоящими заморскими винами за великолѣпнымъ обѣдомъ, въ честь гостей. Домашнія кушанья и пойла въ родѣ кваса, браги и меда, подаваемыя на столѣ Мароы Григорьевны, когда никого не было изъ постороннихъ, начинали уже надоѣдать избалованному иностранцу.

Въ виду всѣхъ этихъ наслажденій, маркизъ принялся тѣшить публику еще засвѣтло, послѣ полдника, декламировалъ, любезничалъ съ дѣвицами—Варварой Петровной и попадейками, а когда зажгли свѣчи, онъ сѣлъ за клавикорды и запѣлъ русскія пѣсни, къ которымъ подобралъ музыку, уморительно коверкая слова.

Насмѣшивъ публику досыта, маркизъ предложилъ своему воспитаннику спѣть съ нимъ дуэтъ. У молодого Воротынцева былъ прекрасный голосъ и, слушая его, многіе изъ присутствующихъ не выдержали и расплакались.

Потомъ маркизъ объявилъ, что скоро начнется представленіе и подмигнулъ Мароинькѣ, семилѣтней воспитанницѣ Мароы Григорьевны. Дѣвочка, вся красная отъ волненія, выбѣжала изъ залы.

Исчезъ и молодой Воротынцевъ. А минутъ десять спустя, когда французъ взялъ нѣсколько условленныхъ акордовъ на клавикордахъ, двери противъ того мѣста, гдѣ сидѣла Мароа Григорьевна, растворились и оба они вошли переряженные, да такъ, что въ первую минуту никто ихъ и не узналъ.

На Александрѣ былъ костюмъ пустынника, длинная, коричневая хламида съ капюшономъ и бѣлая борода изъ кудели до колѣнъ; подпоясанъ онъ былъ веревкой, а за веревку длинныя четки съ бѣлымъ перламутровымъ крестомъ зацѣплены. Ну, какъ есть настоящій пустынникъ, и сандаліи вмѣсто башмаковъ на ногахъ.

А Мароинька была одѣта пастушкой, розовый атласный лифъ на бѣлой муслиновой коротенькой юбочкѣ, на головкѣ изъ желтой бумаги наколочка, въ родѣ какъ шляпка, съ цвѣткомъ, кудри напудрены, щечки подрумянены, и въ рукѣ корзинка съ цвѣтами.

Корзинку эту она поднесла бабушкѣ и при этомъ произнесла очень внятно и безъ запинки длинный комплиментъ, въ стихахъ и по-французски.

А послѣ нея подошелъ пустынникъ и тоже долго и складно говорилъ стихами и съ жестами.

Что именно онъ говорилъ, этого никто изъ присутствующихъ не понялъ, но тѣмъ не менѣе всѣмъ было умилительно слушать, тѣмъ болѣе, что маркизъ все время акомпанировалъ ему на клавикордахъ и гдѣ нужно громче, а гдѣ нужно тише колотилъ по клавишамъ, съ большимъ увлеченіемъ, припѣвая при этомъ жидкимъ фальцетомъ и притопывая тонкими ножками въ розовыхъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ серебряными пряжками.

Въ группѣ приживалокъ и старѣйшихъ слугъ, тѣснившихся за кресломъ барыни, то и дѣло вырывались крики восторга.

Да и сама старая барыня благосклонно улыбалась устроенному для нея сюрпризу.

Тотъ, кто видѣлъ ее въ этотъ вечеръ, ни за что не повѣрилъ бы, еслибъ ему разсказали, про бурную сцену, происшедшую между ею и Потапычемъ, нѣсколько часовъ тому назадъ.

Изъ дверей прихожей и коридора, тоже глазѣлъ народъ на барскія забавы. Набѣжали сюда людишки отовсюду, и не одни дворовые, а также многіе изъ села и съ фабрики.

Всѣмъ барыня приказала поднести — мужикамъ по стакану водки, а бабамъ меду, чтобъ выпили за здоровье молодого барина, Александра Василича.

Н. Мердеръ (Северинъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Н. Ѳ. Щербина.

(Его письма и неизданныя стихотворенія).

Осенью 1850 года, кончивъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, я поѣхалъ въ Одессу и въ Крымъ. Было 6-е сентября. Близился вечеръ.

Послѣ долгаго, пыльнаго и душнаго пути на перекладныхъ, я завидѣлъ, наконецъ, съ обгорѣлой, возвышенной степи, Одессу и скоро спустился къ ней. Чистенькій, бѣлокаменный городъ, среди садиковъ изъ акацій, надъ розово-фіолетовымъ морскимъ заливомъ, произвелъ на меня чарующееe впечатлѣніе.

Покрытый съ головы до ногъ сѣрою пылью, я въѣхалъ въ ворота длинной, съ закрытыми зелеными жалюзи, гостиницы Мазараки, наскоро умылся, переодѣлся, пообѣдалъ въ Палероялѣ, у описаннаго Пушкинымъ Оттона (ресторанъ «Au petit gourmand»), гдѣ на картѣ кушаньевъ пестрѣли незнакомыя имена мѣстныхъ морскихъ рыбъ,—скумбрія, кефаль, камбала, баламутъ, калканы, бычки и проч.,—зашелъ въ погребъ, подъ вывѣской «Текущая рѣка», гдѣ выпилъ за шесть копѣекъ, какъ теперь помню, стаканъ превосходнаго, безпошлиннаго хіосскаго вина (Одесса тогда еще была porto-franco) и пустился пѣшкомъ осматривать городъ. Мнѣ тогда пошелъ двадцать второй годъ и я былъ способенъ, безъ устали и съ наслажденіемъ, проходить огромныя пространства.

Улицы Одессы, сорокъ лѣтъ назадъ, мало походили на русскій городъ. Надъ магазинами вездѣ красовались итальянскія, греческія и французскія вывѣски. Молдаване, валахи, армяне, греки и татары, въ живописныхъ національныхъ одеждахъ, торговали въ

палаткахъ, на площадяхъ и перекресткахъ улицъ. Мелькали фески турецкихъ матросовъ; какой-то алжирецъ, въ бѣлой чалмѣ, носилъ и продавалъ ручную, ученую обезьяну. Тысячи возовъ, телѣгъ и нѣмецкихъ гарбъ, тянулись отъ взморья къ громаднымъ каменнымъ, пшеничнымъ амбарамъ и обратно. На площадяхъ, передъ амбарами, высыпали, лопàтили, вѣяли и снова насыпали пшеницу. Вездѣ слышался иноплеменный говоръ. Извозчики, на оклики иностранцевъ, отвѣчали, подавая дрожки: «си, синьоръ!»—«прèсто» и «тутсюйтъ». Нарядныя, съ восточными лицами, красавицы, подъ широчайшими бѣлыми, съ бахрамой, зонтиками, проносились по улицамъ на рысакахъ, въ богатыхъ колясказъ и ландо. Гдѣ-то подкрѣпившись, за три копѣйки, рюмкой малаги, съ бисквитомъ, конецъ вечера я провелъ въ театрѣ.

Давали оперу «Соннамбула», съ знаменитой пѣвицей Брамбилла и съ нѣкіимъ замѣчательно-нѣжнымъ и сладко-пѣвучимъ теноромъ. Мастерски спѣвшіеся, оживленные и подвижные хоры, красивый дирижеръ,—худой и блѣдный еврей Буффè, съ длинными черными волосами, живописно падавшими на его большіе, отложные воротнички, необычайно шумный, съ перекликаньями черезъ сосѣдей, говоръ публики въ антрактахъ и масса хорошенькихъ женщинъ, въ ярко-освѣщенныхъ ложахъ, отдѣланныхъ бронзой и инкрустаціей изъ зеркалъ,—все это на скромнаго путника, прибывшаго съ сѣвера, производило сильный эфектъ.

Въ антрактѣ, послѣ одного изъ дѣйствій, со мной заговорилъ сосѣдъ по креслу партера. Не помню, съ чего онъ началъ,—кажется, съ оперы,—въ родѣ того: «ну, какова опера и исполненіе? а за то слушатели?» Это былъ ниже средняго роста человѣкъ, смуглый, съ большими, черными, выразительными глазами и въ черныхъ, длинныхъ, тщательно-причесанныхъ кудряхъ. Ему было лѣтъ подъ тридцать, онъ нѣсколько заикался. На его шеѣ, на снуркѣ, висѣла золотая лорнетка. Зло подсмѣиваясь надъ одесскою публикой, которая вся, по его словамъ, въ глубинѣ души, была меркантильно-невѣжественна и, не имѣя понятія объ искусствѣ, ѣздила въ театръ только изъ моды,—онъ указалъ на одну изъ ложъ, въ бель-этажѣ.

— Вонъ сидитъ старый Крезъ,—сказалъ онъ,—какъ важенъ и съ какимъ достоинствомъ аплодируетъ!—а въ молодости былъ морскимъ разбойникомъ, звался капитаномъ Барбỳни и разбогатѣлъ на контрабандѣ... Теперь называется иначе... И чтò значатъ деньги! всѣ знаютъ его прошлое и никто его не трогаетъ.

Мы заговорили о Петербургѣ. Узнавъ, что я недавно былъ въ Москвѣ, сосѣдъ сказалъ мнѣ, что особенно любитъ этотъ городъ, и спросилъ меня, кого я тамъ видѣлъ. Я назвалъ нѣсколько именъ и, между прочимъ, Загоскина.

— Автора «Юрія Милославскаго»?—спросилъ оживленно сосѣдъ.

— Да.

— И вы знакомы съ нимъ?

— Давно, со школьной скамьи,—хаживалъ къ нему по праздникамъ.

— Что же онъ? пишетъ что-нибудь новое?

— Комедію въ стихахъ,—«Женатый женихъ».

— Въ стихахъ?—улыбнулся сосѣдъ,—и онъ вамъ ее читалъ?

— Познакомилъ изъ отрывковъ.

— Ну, и что же, хорошо?

— Мнѣ понравилось.

— Каковъ онъ, скажите? какъ вы его нашли, когда заѣхали, что̀ именно онъ въ то время дѣлалъ? очень старъ?

— Бодрый, какъ всегда, толстенькій, круглолицый, румяный и голубоглазый. А что онъ дѣлалъ,—когда я вошелъ,—разсматривалъ на столѣ, въ витринѣ, любопытную коллекцію лукутинскихъ табакерокъ съ картинками; взялъ бильбокѐ и, ловя его шарикъ, разговорился о риѳмахъ.

— Въ какомъ родѣ?

— Онъ сказалъ,—есть русскія слова, на которыя вовсе нѣтъ риѳмъ.

— Что̀ за пустяки! Любопытно, однако, знать, какія это слова?—заикаясь и какъ бы сердясь, проговорилъ сосѣдъ.

— Между прочимъ, онъ назвалъ «зеркало»—«жалоба»—«память» и еще, не помню, что̀.

Сосѣдъ нервно двинулся, хотѣлъ отвѣчать, но въ это время оркестръ кончилъ играть, взвился занавѣсъ, въ публикѣ послышалось шиканье говорунамъ, и онъ затихъ. Все дѣйствіе онъ сидѣлъ неспокойно, лорнируя ложи, принужденно зѣвая и почти не глядя на сцену. Едва, послѣ новаго дѣйствія оперы, опять опустился занавѣсъ, онъ быстро обратился ко мнѣ.

— Риѳма на зе... зе... «зеркало» есть!—сильно заикаясь и сердито пуча глаза, громко проговорилъ онъ,—какъ не быть! мудрости тутъ нѣтъ никакой... «зеркало»—«исковеркало»... И на «жалоба» есть, въ другомъ хотя падежѣ—«жалобъ»—«узнало бъ»—или «жалобы»—«жало бы».

— А память?—спросилъ я.

— На это, положимъ, труднѣе, хотя тоже вздоръ, и, безъ сомнѣнія, есть, если подумать.

Сосѣдъ замолкъ. На нашъ разговоръ, изъ слѣдующаго ряда креселъ къ намъ обернулся высокій, съ темнорусыми волосами, господинъ, сидѣвшій прямо противъ насъ.

— На «память», разумѣется, также есть риѳмы,—сказалъ онъ,—одна не вполнѣ созвучная—«за̀меть», другая нецензурная—«попа̀—мять»...

— И третья не бла-бла-говонная! «клопа̀—мять!» еще сильнѣе

заикаясь, точно выстрѣлилъ первый мой сосѣдъ: вотъ и открытія! передайте ихъ Загоскину...

Музыка снова прервала нашъ разговоръ. Опера кончилась бурными оваціями Брамбиллѣ. Съ улицы слышались виваты и крики «ура». Пѣвицѣ не дали ѣхать. Ея поклонники отпрягли лошадей и, осыпая артистку цвѣтами, потащили ее въ коляскѣ на рукахъ. Свѣтила яркая луна. Публика, расходясь, наполняла оживленными группами бульваръ.

Прощаясь съ сосѣдями по театру, я сказалъ тому изъ нихъ, который заикался:

— Если Загоскинъ спроситъ, отъ кого я слышалъ риѳмы, какъ мнѣ васъ назвать?

— Щербина.

— Авторъ греческихъ стихотвореній?

— Онъ самый...

— А ваше, извините, имя?—обратился я къ другому.

— Полонскій.

— Авторъ «Гаммъ»?

— Къ вашимъ услугамъ.

Такъ случайно, въ одинъ день и часъ, произошло мое знакомство съ двумя высокодаровитыми поэтами, произведеніями которыхъ, уже въ то время, зачитывалась вся образованная Россія. Оставшись еще нѣсколько дней въ Одессѣ, я уѣхалъ на пароходѣ «Тамань» въ Крымъ, одновременно съ Я. П. Полонскимъ, который возвращался на Кавказъ, гдѣ онъ въ то время редактировалъ «Закавказскій Вѣстникъ». На пути мы вынесли сильный шквалъ; половину путешественниковъ укачало.

Въ Ялтѣ, Я. П. Полонскій, остановившись со мной въ одной гостинницѣ, прочелъ мнѣ и вписалъ карандашомъ въ мою памятную книжку новое свое стихотвореніе «Качка въ бурю», очевидно написанное имъ подъ впечатлѣніемъ перенесеннаго нами шквала, обозначивъ подъ нимъ: «Пароходъ «Тамань». Сентябрь 1850 г.»

Знакомство мое съ Щербиной вскорѣ, съ его переѣздомъ въ Москву и потомъ въ Петербургъ, перешло въ дружескія, близкія отношенія, которыя не прерывались до дня его кончины.

Въ бытность студентомъ Харьковскаго университета, Щербина жилъ въ крайней бѣдности, изъ заработка грошей писалъ проекты проповѣдей семинаристамъ, искавшимъ мѣста священниковъ, и спалъ подъ такимъ изорваннымъ одѣяломъ, что его ноги просовывались въ прорѣхи. Слуга одного изъ моихъ знакомыхъ, А. Ѳ. Т., жившаго въ то время въ Харьковѣ, видя Щербину, приходившаго къ его господину, въ невѣроятномъ тепломъ костюмѣ, обернутаго шарфами, докладывалъ о немъ: «Щербина пришла», очевидно принимая его за женщину.

Мало оцѣненный критикой при жизни, частью, вѣроятно, вслѣдствіе черезчуръ злыхъ и подчасъ слишкомъ отзывавшихся личнымъ раздраженіемъ, стихотворныхъ и прозаическихъ его сатиръ и памфлетовъ на современныхъ дѣятелей,—Щербина и послѣ своей смерти не дождался еще вполнѣ вѣрной и безпристрастной оцѣнки своей поэтической дѣятельности. Въ родной литературѣ, какъ поэтъ антологическихъ стихотвореній, онъ несомнѣнно будетъ поставленъ рядомъ съ лучшими изъ своихъ современниковъ, съ Майковымъ, Фетомъ, Полонскимъ и Меемъ. Въ области сатиры онъ далъ также замѣчательные образцы, не потерявшіе своей соли и до нынѣ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти.

Наслѣдникамъ Н. Ѳ. Щербины, его брату и сестрѣ, давно слѣдовало бы издать болѣе полное и провѣренное собраніе его произведеній, предпославъ ему обстоятельное его жизнеописаніе. Съ цѣлью содѣйствовать тому и другому, привожу здѣсь, съ примѣчаніями, нѣкоторыя изъ сохранившихся въ моемъ литературномъ архивѣ его писемъ ко мнѣ и писемъ о немъ другихъ писателей, отрывки изъ неизданныхъ его стихотвореній и описаніе его кончины.

Щербина вѣрно опредѣлилъ свою жизнь слѣдующими стихами:

«Я въ жизни боролся не съ бурей великой,
«Не съ мощнымъ, разумнымъ врагомъ,
«Но съ мелочью горя, но съ глупостью дикой,
«Въ упорствѣ ея мелочномъ».

Н. Ѳ. Щербина родился 2-го декабря 1821 г.; умеръ на 48 году, 10-го апрѣля, въ 1869 году, въ 10 съ половиною часовъ вечера. По моей просьбѣ, онъ написалъ мнѣ за три дня до своей смерти (7-го апрѣля, 1869 года), слѣдующія свѣдѣнія о своей жизни:

«Записка о Николаѣ Щербинѣ.—Онъ происходитъ съ отцовой стороны изъ дворянъ Харьковской губерніи, а съ материнской изъ дворянъ Войска Донскаго. Родился въ концѣ 1821 года, въ степномъ помѣстьѣ матери своей, въ землѣ Войска Донскаго, находившемся близь города Таганрога.

«Съ 8-ми лѣтняго возроста началъ постоянно жить съ родителями въ Таганрогѣ и обучался въ тамошнемъ училищѣ и гимназіи. Будучи еще гимназистомъ, онъ напечаталъ первое свое стихотвореніе въ журналѣ: «Сынъ Отечества» 1838 года, № 10.

«Въ шестнадцатилѣтнемъ возростѣ поѣхалъ учиться частнымъ образомъ въ Москву, а оттоль въ Харьковъ, гдѣ чрезъ извѣстное время и поступилъ въ университетъ. По тяжелымъ житейскимъ обстоятельствамъ, въ которыя впали его родители, онъ вынужденъ былъ выдержать экзаменъ на учителя и преподавать въ де-

ревняхъ у помѣщиковъ. По временамъ возвращался въ Харьковъ и занимался преподаваніемъ въ женскихъ пансіонахъ.

«Въ это время онъ печаталъ свои стихотворенія въ мѣстныхъ литературныхъ сборникахъ и въ нѣкоторыхъ столичныхъ журналахъ, а также и статьи въ прозѣ.

«Переѣхавъ изъ Харькова въ Одессу, онъ издалъ тамъ собраніе своихъ стиховъ, подъ названіемъ: «Греческія стихотворенія». Эта книга была принята благосклонно и публикою и критикою, и доставила автору извѣстность.

«Въ Одессѣ онъ былъ представленъ Л. С. Пушкинымъ, братомъ поэта, князю П. А. Вяземскому.

«Изъ Одессы онъ отправился въ Москву, въ 1850 году, гдѣ опредѣлился на государственную службу въ Московское губернское правленіе, въ должность помощника редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ Москвѣ же онъ занимался преподаваніемъ уроковъ дѣвицамъ изъ высшаго тамошняго общества. Участвовалъ въ журналѣ «Москвитянинъ» и печаталъ стихи въ разныхъ петербургскихъ журналахъ. Собиралъ и записывалъ изъ устъ простонародья русскія народныя пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Переѣхавъ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ поступилъ вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія—чиновникомъ по особымъ порученіямъ при товарищѣ министра, князѣ П. А. Вяземскомъ, и дѣлопроизводителемъ одного еврейскаго ученаго комитета.

«Въ это время онъ издалъ: 1) Полное собраніе своихъ стихотвореній въ 2-хъ томахъ; 2) «Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи» и 3) «Пчела», сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Этой книги напечатано уже 3-е изданіе. Кромѣ того, печаталъ статьи въ журналахъ и отдѣльными брошюрами по части простонароднаго образованія. Во французскомъ журналѣ «Le Nord» помѣстилъ статью о медали въ память 19 февраля 1862 г., исполненной графомъ Ѳ. П. Толстымъ.

«Путешествовалъ по Европѣ и помѣщалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» свои путевыя письма и стихотворенія, а также и въ «Днѣ». Въ настоящее время находится у него не напечатаннымъ довольно большое собраніе сатирическихъ стихотвореній.

«Пожертвовалъ 2 тысячи экземпляровъ своей народной книги «Пчела» на бѣдныя сельскія школы, учрежденныя при церковныхъ приходахъ, на сумму 2,225 рублей. Пожертвовалъ эту же книгу во всѣ воскресныя простонародныя школы при духовныхъ семинаріяхъ. Тоже пожертвовалъ и на славянъ.

«При новомъ преобразованіи министерства народнаго просвѣщенія, остался за штатомъ и былъ годъ безъ мѣста. Потомъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ прикомандированъ къ главному управленію по дѣламъ печати для со-

ставленія «Обозрѣнія русскихъ газетъ и журналовъ», представляемаго ежедневно его величеству государю императору. Во время этой послѣдней службы, Щербина заболѣлъ тяжкою хроническою болѣзнію: но должность свою однако отправлялъ не укоснительно, какъ бы былъ совершенно здоровымъ. Болѣзнь же продолжается около 4-хъ лѣтъ. Состоитъ въ штабъ-офицерскомъ чинѣ».

«Прибавленіе къ запискѣ о Щербинѣ. «Еще онъ писалъ, по порученію Академіи Наукъ, критическіе разборы сочиненій, поступающихъ на уваровскія преміи, и былъ награжденъ за это Академіею, которая присудила ему золотую медаль.

«Кромѣ того, онъ писалъ критическія статьи и рецензіи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ».

Онъ же за два дня до своей смерти написалъ лично и вручилъ мнѣ, для представленія князю П. А. Вяземскому, слѣдующее заявленіе:

«Замѣтка относительно редакціи статей въ «Пчелѣ» [1]). Что касается словъ, выраженій и образовъ, которые принято отстранять отъ дѣтскихъ и женскихъ сферъ, то составитель «Пчелы» въ редакціи статей своего сборника обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе.

«На 640 страницахъ книги, не болѣе какъ въ двухъ мѣстахъ находится подобное слово, да и то, въ статьяхъ, изложенныхъ только на церковно-славянскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, въ «Сказаніи келаря Авраамія Палицына» (стр. 116) слово «блудъ» и другія еще болѣе рельефныя выраженія и картины выпущены составителемъ изъ статьи, и только одинъ разъ было необходимо по редактивнымъ соображеніямъ удержать это слово.

«Въ другой разъ это слово упоминается въ «Словѣ святаго Василія Великаго» (стр. 603), въ которомъ приводится текстъ изъ «Апостола Павла»: «не упивайтеся виномъ въ немже есть блудъ».

«Такъ какъ въ «Пчелѣ» болѣе 600 страницъ, то тѣ двѣ страницы, гдѣ по разу написано это слово, теряются «какъ капля въ море опущенна».

«И во всѣхъ другихъ христоматіяхъ для учебныхъ заведеній никакъ не возможно было избѣжать совершенно подобныхъ словъ.

«Въ катихизисѣ и священной исторіи ихъ болѣе всего. При богослуженіи они тоже слышатся и находятся также въ повседневныхъ молитвахъ.

«Къ этому вообще не излишне присовокупить, что редакція статей въ «Пчелѣ» до щепетильности обращала вниманіе на цѣломудренность выраженій, образовъ и ситуацій, а въ нравственномъ,

---

[1]) Объ этомъ сборникѣ Щербина говоритъ весьма подробно ниже, въ письмѣ XIII.

духовномъ и политическомъ отношеніяхъ, относилась къ статьямъ своимъ съ дипломатическою осторожностью, имѣя въ виду свойства читателей книги. Коллежскій ассесоръ Николай Ѳедоровъ сынъ Щербина.—8-го апрѣля 1869 года».

Друзья Н. Ѳ. Щербины и врачи совѣтовали ему оставить Петербургъ, столь вредно дѣйствовавшій на его здоровье и переселиться, хотя временно, на югъ Россіи; но покойный медлилъ и все собирался приступить къ этому переселенію. Въ мартѣ 1869 года онъ просилъ меня похлопотать о зачисленіи его въ распоряженіе новороссійскаго генералъ-губернатора въ Одессу. Князь П. А. Вяземскій принялъ въ этомъ случаѣ снова самое живое участіе для осуществленія желанія Н. Ѳ. Щербины, силы котораго съ каждою недѣлею падали. Министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ, въ вѣдомствѣ котораго Н. Ѳ. Щербина въ это время служилъ, изъявилъ полную готовность помочь въ осуществленіи его просьбы. Письмо о согласіи министра внутреннихъ дѣлъ перевести Н. Ѳ. Щербину въ Одессу, устроить его положеніе при генералъ-губернаторѣ Коцебу и испросить для переѣзда въ Одессу денежное пособіе, было мною доставлено Н. Ѳ. Щербинѣ, утромъ, въ день его смерти. Обрадованный этимъ письмомъ, онъ поручилъ мнѣ принять мѣры къ ускоренію этого дѣла, предполагая немедленно выѣхать изъ Петербурга, и назначилъ мнѣ свиданіе 11-го апрѣля, для окончательныхъ переговоровъ о способахъ выѣзда своего на югъ, а 10-го апрѣля вечеромъ уже его не стало. Утромъ, 10-го апрѣля, онъ былъ осмотрѣнъ лучшими хирургами, изъ которыхъ покойный Е. И. Богдановскій, профессоръ медико-хирургической академіи, предложилъ ему тутъ же (дѣло было въ два часа пополудни) сдѣлать операцію, т. е. вставить ему въ разрѣзъ горла дыхательную трубку и, затѣмъ, вырѣзать полипъ, начинавшій его душить. Н. Ѳ. Щербина на это не согласился, подшучивая надъ страстью хирурговъ къ ножу. Весь день онъ провелъ въ обычныхъ занятіяхъ, читалъ, занимался служебною работой и передалъ своему слугѣ Ивану, на всякій случай, адресы трехъ докторовъ, бывшихъ у него на консультаціи, (Е. И. Богдановскій даже оставилъ у него свой инструментъ) и сказалъ, что слѣдовало дѣлать съ нимъ, еслибъ у него паче чаянія начался приступъ удушенія, а именно: мочить горло теплою губкой, растирать грудь и проч. Въ девять часовъ вечера онъ напился чаю,—потомъ пилъ зельтерскую воду, и еще въ десять часовъ вечера говорилъ со слугой. Въ $10^1/_2$ часовъ онъ вбѣжалъ въ кухню, разводя руками и показывая знаками, что съ нимъ началось удушье. Вслѣдъ затѣмъ, онъ молча бросился въ спальню, упалъ на кровать и черезъ нѣсколько минутъ умеръ. Слуга поѣхалъ за докторами; тѣ немедленно явились, употребляли всѣ средства къ его оживленію, искусственно возбуждая его дыханіе, и даже произвели сѣченіе его горла,—но жизнь покойнаго

уже угасла. Онъ умеръ въ домѣ Карачарова, на углу Поварского переулка и Колокольной улицы, въ крошечной квартирѣ четвертаго этажа, гдѣ лучшимъ его утѣшеніемъ были нѣсколько шкафовъ съ книгами и съ гипсовыми изображеніями греческихъ героевъ и героинь. Тѣло покойнаго погребено 13-го апрѣля 1869 г. на старомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, невдали отъ могилъ Даргомыжскаго и Сѣрова.

Письма Н. Ѳ. Щербины.

I.

«1850. Ноября 29. Москва. Милый Григорій Петровичъ. Съ чувствомъ особеннаго удовольствія читалъ я ваше письмо. Благодарю васъ за вниманіе и память обо мнѣ. Извините, что я никакъ не могъ увидѣться съ вами въ Москвѣ, не смотря на все мое искреннее желаніе: причиною тому было тò, что разлилась рѣка въ селѣ Павловскомъ, гдѣ я былъ, и снесла мостъ, оттого мнѣ и нельзя было переѣхать, для свиданія съ вами въ Москвѣ. Не лишнимъ считаю сообщить вамъ, что я въ Москвѣ поступилъ на казенную службу, въ здѣшнее губернское правленіе, помощникомъ редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Это мѣсто штатное и класное. Я очень доволенъ, что наконецъ-таки добился до исполненія своего желанія—вступить въ казенную службу, которая одна только даетъ человѣку постоянное и вѣрное обезпеченіе въ жизни [1]); а частныя занятія такъ непостоянны и непрочны. Это я испыталъ на себѣ... Постараюсь же строго и законно исполнять свои служебныя обязанности, и благо мнѣ будетъ.

«Съ А. Н. Островскимъ я познакомился, былъ у А. О. Вельтмана раза два.

«Вы хотите знать: какія новости въ московской литературѣ? Я въ ней человѣкъ совершенно посторонній, и считаю—навѣдываться о такой литературѣ для себя нисколько не интереснымъ и безполезнымъ. «Греческія стихотворенія» всѣ у меня раскуплены книгопродавцами, я не имѣю ихъ ни одного экземпляра. Требуется второе изданіе. Мнѣ предлагалъ это одинъ здѣшній книгопродавецъ, изъявившій желаніе быть постоянно моимъ издателемъ.

«Въ «Сынѣ Отечества» было напечатано безъ вѣдома моего и согласія нѣсколько моихъ пьесъ: однѣ изъ нихъ въ исковерканномъ видѣ, другія двѣ изъ дѣтскихъ моихъ опытовъ, которыя я неохотно и очень неохотно вижу въ печати. Не знаю кѣмъ и какъ онѣ доставлены въ этотъ журналъ. Подобныя вещи могутъ меня компрометировать.

---

[1]) Такъ думали русскіе люди 40 лѣтъ назадъ.

«Я имѣю цѣлую тетрадь, состоящую изъ 42 стихотвореній, готовыхъ къ напечатанію. Изъ рукописи этой если я и думаю печатать въ какомъ-нибудь порядочномъ, любимомъ публикою журналѣ, то не иначе, какъ за плату, расчитывая на печатный листъ, или хоть поштучно. Впрочемъ, я охотнѣе готовъ отдать въ одинъ журналъ, за приличную плату, ужъ всю эту рукопись (42 пьесы), которая могла бы печататься въ продолженіи цѣлаго года въ журналѣ. Въ противномъ же случаѣ гораздо съ большимъ удовольствіемъ могу оставить ее ненапечатанною въ своемъ портфелѣ, или издать особою книжкою, когда и какъ мнѣ заблагоразсудится [1]). Впрочемъ, это все vanitas vanitatum. Въ Одессѣ уже вышелъ въ свѣтъ литературный сборникъ «Литературные Вечера». Постарайтесь не медлить рецензіей на него въ петербургскихъ журналахъ: это будетъ полезно для этого сборника. Вы, я думаю, скоро получите его въ Петербургѣ. Содержаніе его вы знаете. Адресъ мой: Въ Москву. За Прѣсненскими Прудами, въ Грузинской ул., въ домѣ Никулина, гдѣ контора Павловской казенной суконной фабрики. Пріймите увѣреніе въ душевномъ къ вамъ расположеніи. Весь вашъ Н. Щербина».

Н. Ѳ. Щербина пріѣхалъ въ Петербургѣ 22-го января 1851 г., и въ тотъ же день навѣстилъ меня. Утромъ слѣдующаго дня я повезъ его къ О. И. Сенковскому, а вечеромъ къ А. А. Краевскому. Съ этого началось его знакомство съ петербургскими литераторами.

II.

«3-го апрѣля 1853 года. Москва. Вы я думаю, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, никакъ не ожидали получить отъ моей лѣности это посланіе... Но на меня, какъ найдетъ, подъ какую минуту что пріидется: заснувшая, повидимому, дѣятельность возобновляется и даже дѣлается ровною и постоянною, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ, меня окружающимъ. Зная вашу любезную обязательность и расположенность лично ко мнѣ, я рѣшился обезпокоить васъ моею покорнѣйшею просьбою. У насъ въ Москвѣ предполагается издать одинъ «Альманахъ», для чего собрана уже часть матеріаловъ, между которыми есть вещи очень порядочныя и людей, имѣющихъ имя въ современной литературѣ. Онъ будетъ изданъ одною изъ особъ «Дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ». За редакцію относительно литературнаго comme il faut поручено присмотрѣть мнѣ. Можно ручаться, нѣкоторымъ образомъ, что онъ совершенно не будетъ похожимъ, по литературному достоинству, на такъ называемый «Раутъ» — и это уже не малое,

[1]) Эту тетрадь впослѣдствіи Щербина подарилъ мнѣ и изъ нея мною ниже приводятся отрывки.

можно надѣяться, его достоинство. Нужно набрать побольше матеріаловъ для этого изданія, чтобъ было изъ чего выбрать «не борзяся, но со вниманіемъ». Я предполагаю получить статьи для этого изъ Одессы, Харькова, и другихъ пунктовъ нашей литературной дѣятельности, при статьяхъ Московскихъ и Петербургскихъ, почему и дано будетъ этому сборнику соотвѣтствующее названіе и физіономія. И такъ покорнѣйше прошу васъ, Григорій Петровичъ, попросите отъ моего имени стихотвореній у А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго и пришлите своихъ при этомъ. Не достанете ли хоть небольшихъ статеекъ въ прозѣ у вашихъ или нашихъ общихъ знакомыхъ, словомъ, старайтесь пріобрѣсти побольше матеріаловъ для этого «Альманаха» отъ разныхъ лицъ. Да и вы, кромѣ стиховъ, еще такъ мило пишите въ прозѣ; разщедритесь-ка для насъ. Мы надѣемся на вашу любезность. Я многимъ обязанъ лично той дамѣ, которая издаетъ этотъ сборникъ, и не могу чѣмъ другимъ вознаградить ее за вниманіе ко мнѣ, какъ только стараніемъ собрать чрезъ своихъ добрыхъ знакомыхъ матеріалы для ея изданія, и лично присмотрѣть за изданіемъ. Надѣюсь, вы будете мнѣ въ этомъ содѣйствовать. Собирайте и пишите мнѣ. Жду отъ васъ письма. Васъ уважающій и преданный вамъ Н. Щербина».

«P. S. Вы, кажется, изъявили желаніе имѣть мой портретъ, по личной вашей расположенности ко мнѣ, наказывали объ этомъ чрезъ актера Домбровскаго и еще писали объ этомъ, въ числѣ другихъ вашихъ московскихъ литературныхъ знакомыхъ. Исполняю теперь желаніе ваше: посылаю вамъ при этомъ письмѣ свой портретъ (тотъ, который размѣромъ побольше) и книжечку послѣднихъ своихъ стихотвореній.

«Въ этой же посылкѣ находится мой портретъ и семинарскіе аттестаты [1]) съ иллюстраціями. Эти двѣ бездѣлки передайте отъ меня Виктору Павловичу Гаевскому. Онъ, вѣрно, позабылъ меня, что такъ давно не пишетъ мнѣ, не отвѣчая на письмо мое, и пусть хоть дагеротипная физіономія моя напоминаетъ ему обо мнѣ и когда-нибудь внушитъ ему мысль написать ко мнѣ. Я его очень люблю, и посылаю ему портретъ, какъ упрекъ, какъ вещь для напоминанія ему обо мнѣ, надѣясь, что хоть это когда-нибудь заставитъ его написать и возродитъ прежнее его вниманіе.

«Живя прошлое лѣто въ деревнѣ, на досугѣ, я прибавилъ еще нѣсколько новыхъ пунктовъ къ «аттестатамъ»: это — изданіе дополненное, исправленное и умноженное».

---

[1]) Собственноручный списокъ этихъ аттестатовъ Щербина подарилъ также и мнѣ. Они изданы въ собраніи его сочиненій.

III.

«10-го апрѣля 1854 г. Москва. Адресъ: Въ Москву. Н. Ѳ. Щ. На большой Дмитровкѣ, у Дворянскаго клуба, въ Салтыковскомъ переулкѣ, въ домѣ Талызина.

«Я опять рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ моею докучною просьбою, обязательный, любезный Григорій Петровичъ, и надѣюсь, что вы, по чувству расположенія ко мнѣ, не оставите ее исполнить. Вы уже не разъ обязывали меня вашимъ содѣйствіемъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

«Такъ какъ статьи сборника оказываются съ достоинствами и интересомъ, и сборникъ «Желѣзная Дорога», какъ можно надѣяться, выйдетъ comme il faut, то я имѣю предлогъ покорнѣйше просить васъ: будьте такъ обязательны, вышлите для этого сборника какую-нибудь беллетристическую статью вашу — разсказъ или повѣсть. Только поспѣшите это сдѣлать ни мало не медля и, если можно, съ первою почтою, чтобы не задерживать изданія, и безъ того, по милости моей, долго задерживаемаго въ видахъ собранія хорошихъ статей и статей болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, такъ же и имѣющихъ интересъ историческихъ матеріаловъ, по преимуществу, для современныхъ вопросовъ. Если есть у васъ и стихи, то и стихи вышлите вмѣстѣ съ вашею прозаическою статьею, и, если можно будетъ, то достаньте еще стихотворенія другихъ авторовъ; особенно намъ нужна ваша статья въ прозѣ повѣствовательнаго рода, чтобы беллетристическій отдѣлъ былъ пополнѣе и получше. Не достанете ли чего-нибудь еще изъ повѣстей и разсказовъ у кого-либо другого? Пишите мнѣ побольше и поподробнѣе обо всемъ, что взбредетъ на умъ, и новости, если есть какія, сообщите; я, какъ провинціальная барыня, отъ бездѣлья и скуки не прочь желать новостей и читать предлинныя письма съ любопытствомъ. Жду отъ васъ письма и статьи. Весь вашъ Н. Щербина».

IV.

«Москва. 1855 года, февраля 22. Вторникъ. Благодарю васъ, добрый Григорій Петровичъ, за пріятное письмо ваше: вы какъ-то умѣете сообщить всегда что-нибудь пріятное и въ пору, тѣмъ болѣе это теперь мнѣ было нужно при извѣстномъ моемъ расположеніи духа, когда предстоитъ мнѣ и перемѣна жизни, и перемѣна моихъ занятій: я даже всѣ свои, до этихъ поръ бывшія у меня, книги отослалъ къ себѣ домой въ Таганрогъ, и нѣтъ у меня ни одной книжонки изъ прежнихъ, которыя служили мнѣ этюдами для моихъ занятій: въ Петербургѣ ужъ буду собирать новыя книги, книги новаго рода, по части русской исторіи, русской старины, русской археологіи, народности и русской филологіи, хоть и буду

еще заниматься преимущественно юридическими предметами, думая держать экзаменъ на кандидата правъ, для улучшенія своей житейской участи и гражданской карьеры, но за всѣмъ тѣмъ мнѣ необходимо тотчасъ поступить на службу, и я постараюсь воспользоваться мѣстомъ службы, о которомъ говорилъ Л. А. Мей. Большое спасибо за доброе его стараніе обо мнѣ и память даже обо мнѣ отсутствующемъ. Я это такъ тепло и искренно цѣню въ сердцѣ своемъ. Благодарите и В. М. Лазаревскаго за его дружеское предложеніе и передайте ему всю полноту моей признательности за его ко мнѣ расположеніе. А. Н. Майкова благодарите за добрую память и доброе слово обо мнѣ кому слѣдуетъ: я въ свою очередь тоже не въ долгу передъ нимъ и плачу за чувство чувствомъ, за слово словомъ. Не забудьте передать мой поклонъ и прямое чувство искренняго уваженія Александру Васильевичу Никитенкѣ. Его всѣ полюбили и уважаютъ здѣсь въ Москвѣ. Да то же самое отъ меня передайте моимъ незабвеннымъ графу и графинѣ Толстымъ и Штакеншнейдерамъ и всѣмъ тѣмъ хорошимъ людямъ, которые такъ радушно меня принимали: я все это помню и глубоко признателенъ. За особенную честь почту поближе быть знакомымъ съ супругою А. С. Норова, и надѣюсь имѣть эту честь по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Въ Петербургъ я пріѣду или къ празднику или же на Ѳоминой недѣлѣ непремѣнно. Въ Москвѣ мнѣ рѣшительно нечего дѣлать. Я даже давно не посѣщаю своихъ знакомствъ, такъ что отсталъ здѣсь отъ всѣхъ и отъ всего, и живу въ квартирномъ своемъ уединеніи, да и друзья мои уѣхали отсюда. Это какой-то годъ для всѣхъ грустный и тяжелый. Я еще коекакъ живу мыслью о Петербургѣ: о будущей моей дѣятельности, о службѣ, объ другихъ занятіяхъ, хоть впрочемъ безъ всякихъ надеждъ, которыя я ужъ давно причислилъ къ самообольстительнымъ иллюзіямъ дѣтства, не имѣя на это никакихъ положительныхъ данныхъ, и мнѣ отъ этого куда какъ тяжело и постоянно носишь въ душѣ какую-то томительную тяжесть и никуда не убѣжишь отъ нея. Назадъ тому недѣли три я писалъ къ А. А. Краевскому объ статьѣ вашей «Основьяненко», и отнесся объ ней съ похвалою, что сдѣлано было мною по убѣжденію и положа руку на сердце, ибо я ее просматривалъ, да и вы читали мнѣ лично мѣста изъ нея. Притомъ же предметъ ея мнѣ извѣстенъ. Я въ Харьковѣ жилъ 7 лѣтъ и знаю о немъ кое-что. И такъ я самъ, не спросясь васъ, написалъ о статьѣ вашей къ редактору «Отечественныхъ Записокъ», и написалъ все, что можно было лучшее. О «сказкахъ» же я не писалъ, по причинамъ, которыя я объясню вамъ при свиданіи, и которыя вы, надѣюсь, найдете достаточными.

«Одинъ изъ друзей моихъ, кажется, меня выдаетъ, и мнѣ это больно, какъ разубѣжденіе. Чѣмъ больше кто чувствовалъ пріязни, тѣмъ горше разубѣдиться ему въ предметѣ своего чувства. У меня

въ квартирѣ только и былъ одинъ человѣкъ, бывающій въ обществѣ Панашки [1]), и больше никого, кто бы, кромѣ его, могъ передать о «персидскомъ халатѣ» изъ тармаламы и тому подобныхъ вещахъ, относящихся къ литературѣ. Вы поймете это, прочитавъ фельетонъ № 2 «Современника». Теперь я рѣшительный поводъ имѣю убѣдиться откуда и изъ какого источника являлись сплетни и намеки на мой счетъ въ извѣстномъ фельетонѣ, фразы изъ писемъ и тому подобное, такъ что я долженъ ожидать, что скоро явятся въ печати и всѣ мои интимные разговоры съ нимъ tête-à-tête въ низко извращенномъ видѣ, которые своею извращенною кистью могутъ скомпрометировать меня предъ нѣкоторыми лицами. Каково теперь литературное времячко! Самъ извѣстный Ѳаддюха (Булгаринъ) предъ этими безнравственными господами покажется греческимъ Аристидомъ честности.

«Поклонитесь Николаю Осиповичу Осипову: я чувствую къ нему много пріязни и за многое ему благодаренъ, также Ѳ. А. Бурдину. Старцу Якову [2]) мой поклонъ. «Аспазія» его всѣмъ мыслящимъ и чувствующимъ дамамъ, понимающимъ поэзію, чрезвычайно нравится. Когда въ одномъ обществѣ прочитали эту «Аспазію», я воскликнулъ: «Умри, Яковъ!» и дамы повторили: «Умри, Яковъ!»

«Многія изъ женской половины знаютъ эту пьеску наизусть.

«Вспомните — «Умри, Денисъ», и вы невольно скажите тоже: «умри, Яковъ!»

«Благодушному старцу Якову я лично доставлю книжку, у него мною занятую.

«Передайте мой поклонъ Н. А. Степанову (карикатуристъ) и супругѣ его. Сережу ихъ (сынъ) за меня разцѣлуйте.—Письмо отъ Николая Александровича Степанова я получилъ, равно и отъ Николая Осиповича Осипова. Пишите мнѣ, Григорій Петровичъ, поскорѣе и поподробнѣе, тѣмъ болѣе, что мнѣ ужъ недолго быть въ Москвѣ, и старайтесь тамъ въ пользу мою, ибо для меня настаетъ не совсѣмъ-то легкая минута перемѣнъ, перелома и тому подобныхъ вещей. Будьте на этотъ разъ моимъ корреспондентомъ! Вы человѣкъ необыкновенно дѣятельный на этотъ счетъ,—и первые написали мнѣ изъ Питера, за что васъ искренно благодарю,—кланяйтесь В. Р. Зотову. — Жду вашего письма съ нетерпѣніемъ. Вашъ Н. Щербина».

V.

«1856 г. Посылаю вамъ вашу корректуру. Насъ звалъ нынче Л. А. Мей, вечеромъ. Зайдите за мной, и отправимся. Жду васъ и такъ идемъ! «Подай костыль, Григорій!»—Щербина».

---

[1]) И. И. Панаевъ.

[2]) Я. П. Полонскій.

VI.

«Милый Григорій. Я вчера былъ у А. С. Норова, былъ принятъ имъ благосклонно и обѣдалъ вчера у него. И потому, бывши только лишь вчера, такъ недавно, не знаю: ловко ли будетъ мнѣ быть нынчо на вечерѣ? Во всякомъ случаѣ, заѣзжайте къ 10 часамъ, ибо я буду въ 8 часовъ у цензора Фрейганга.—Вашъ Щербина».

VII.

«1856 г. Сентября 25-го [1]).—Страшно лежать въ казенной больницѣ, Григорій. Я думаю, что я сойду съ ума... а для этого есть всѣ благопріятствующія данныя. Голодъ свирѣпствуетъ въ этой юдоли плача и вздоховъ, и стоновъ. Я ночь всю не спалъ и такія страшныя мысли и фантазіи объ убитомъ мальчикѣ-братѣ, пилили мое сердце и зажигали мозгъ [2]). О, Григорій! Когда кончится подобное положеніе! а вопіющій голосъ попранныхъ правъ человѣческихъ. Неужели мозгъ мой снесетъ все это...

«Адресъ мой: Н. Ѳ. Щ. На Петербургской сторонѣ, въ Петропавловской больницѣ, въ операціонномъ отдѣленіи. Видѣть лично меня можно по вторникамъ, пятницамъ и воскресеньямъ отъ 1 часу до 4-хъ часовъ.—Извѣстите объ этомъ Зотова, Солнцева и Шилля, и поспѣшите извѣстить.—Напишите мнѣ по городской почтѣ побольше. Страшно мнѣ, Григорій.—Вашъ Щербина.—Петропавловская больница».

VIII.

«1856 г. 4-го ноября. Представляю при семъ вамъ, Григорій, широкое поле одолжать меня: предъ вами рукопись моихъ стихотвореній для представленія въ цензуру. Поступите въ этомъ случаѣ тако: 1) Поспѣшите этимъ дѣломъ. 2) Спросите у князя П. А. Вяземскаго позволеніе отдать эту рукопись прямо цензору Бекетову, чтобъ вы могли сказать ему, что его просилъ князь прочитать эту рукопись, не отлагая ее въ долгій ящикъ, ибо мнѣ скорость и въ этомъ случаѣ очень нужна. 3) Спросивъ у князя, поѣзжайте къ цензору сказать это; потомъ отъ цензора поѣзжайте въ Цензурный Комитетъ, гдѣ записавъ эту рукопись у секретаря

---

[1]) Объясненіемъ этого письма служитъ сохранившаяся у меня слѣдующая бумага:

1856 г. 22-го сентября, № 7929. Въ контору Петропавловской больницы. - Служащій въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія Николай Щербина, будучи одержимъ болѣзнію, не имѣетъ, по совершенно недостаточному состоянію, средствъ къ пользованію себя на квартирѣ, по уваженію сего Департаментъ Народнаго Просвѣщенія проситъ покорнѣйше о принятіи г. Щербины въ оную больницу.

[2]) См. далѣе письмо А. А. Солнцева объ этомъ убитомъ братѣ Щербины.

и выставивъ на ней №, съ обозначеніемъ, гдѣ слѣдуетъ, что она поступила къ цензору Бекетову и оставьте ее у него для цензурнаго прочтенія, но въ Цензурномъ Комитетѣ не оставляйте. 4) Между прочимъ, слегка объясните ему, что почти всѣ пьесы въ рукописи были напечатаны уже въ журналахъ, и притомъ въ самое строгое цензурное время — особливо первый отдѣлъ весь. Попросите его поспѣшить прочитать ее. На рукописи я написалъ свой адресъ, въ случаѣ, если бы цензору нужно было въ чемъ-либо объясниться со мною. Все это дѣло не оставьте окончательно исполнить въ понедѣльникъ, т. е. завтра. Вашъ Щербина.

«P. S. У князя я самъ лично, скажите, потому не былъ съ просьбой объ этой рукописи, что не выхожу изъ дому по болѣзни».

IX.

«Петербургъ. 27-го мая 1858 г. Благодарю васъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, что вы меня не забываете, и за то, что вы посѣтили мой убогій домишко въ Таганрогѣ. Несмотря на небольшое письмо ваше, вы мнѣ высказали больше о Таганрогѣ, чѣмъ братъ мой въ десяти письмахъ. Письмо ваше я читалъ съ большимъ любопытствомъ, и много вамъ за него благодаренъ: братъ мой пишетъ всегда лаконически. Впрочемъ и я ему пишу также, да и никогда не имѣлъ ничего писать ему поподробнѣе, потому, что считалъ это неумѣстнымъ и чуждымъ интересовъ его круга дѣйствій и отношеній. Получивши письмо ваше, и руководимый чувствомъ благодарности къ вамъ, за разныя прежнія обязательныя содѣйствія мнѣ, я тотчасъ отправился къ Зотову и показалъ ваше письмо;—вотъ что я могу послѣ этого сказать вамъ!—послѣ вашего отъѣзда, вслѣдствіе переворота мнѣній свыше, въ высшихъ кругахъ администраціи, цензура стала гораздо строже, и потому вашъ разсказъ не можетъ быть напечатанъ въ настоящее время, а нужно выжидать для него времени. Даже вашъ разсказъ уже напечатанный въ «Иллюстраціи» не былъ дозволенъ къ напечатанію цензоромъ и пропущенъ только съ разрѣшенія попечителя университета и предсѣдателя Цензурнаго Комитета князя Щербатова.

«За біографію и портретъ Радищева, Зотовъ будетъ вамъ несказанно благодаренъ. Онъ старику Радищеву за біографію отца его (вмѣсто подписки въ пользу его, что неудобно) дастъ самую большую цѣну, какую только можетъ платить «Иллюстрація». Пришлите статью-біографію (или автобіографію) Радищева въ «Иллюстрацію»; и если ее дозволятъ напечатать, то можете получить деньги въ пользу бѣдняка Радищева, что будетъ служить ему вспомоществованіемъ, вмѣсто подписки въ пользу его.

«Дружининъ врядъ ли скоро можетъ напечатать вашъ разсказъ, ибо всѣ редакціи завалены статьями, да при томъ и цензура...

«К** назадъ тому годъ продалъ повѣсть въ «Библіотеку для чтенія», получилъ впередъ деньги сполна за нее по 60 или, кажется, по 70 рублей сер. за листъ, и повѣсть до этихъ поръ никакъ не попадетъ въ печать. Между тѣмъ, какъ «Современникъ» съ жадностію за дорогую цѣну покупаетъ его повѣсти. Такъ все завалено въ редакціяхъ статьишками; жди, когда-то дойдетъ очередь. Пишите въ редакцію «Иллюстраціи» и присылайте все, что есть у васъ и у другихъ; а главное Радищева присылайте.

«Сборничишко мой, я скажу Давыдову, чтобъ вамъ отправилъ; а стихи мои я для васъ оставилъ было, но вы ихъ не взяли, а теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Я ѣду послѣ-завтра въ отпускъ, въ деревню, до сентября, и вы мнѣ туда пишите побольше и поподробнѣе, какъ можно поподробнѣе, о Таганрогѣ, о Корсунѣ, о которомъ я ровно никакихъ свѣдѣній не имѣю, о братѣ моемъ, о Харьковѣ и о прочемъ.

«Адресъ мой: Въ Юрьевъ Польской, Владимірской губерніи, Н. Ѳ. Щербинѣ.—Въ Есиплевѣ, имѣніи г-жи Акинѳовой (оставить на почтѣ).

«Видите ли, все ѣзжу изучать Великую Русь на мѣстѣ, въ сердцѣ ея народности. Жилъ въ Костромской, Тверской и Московской губерніяхъ, а теперь ѣду во Владимірскую губернію.—Кланяйтесь вашей женѣ.—Вашъ Щербина.

«Новое начальство мое доброе, я имъ доволенъ. Хандра у меня прежняя, Божій свѣтъ не милъ, тоска отъ долго-тянущейся жизни.—Но, вѣрьте, все наше теперешнее vanitas vanitatum».

X.

«18-го сентября 1858 года. Петербургъ.—Милый Григорій Петровичъ. Письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить и отвѣчаю вамъ на всѣ его пункты.

«Я видѣлся съ соредакторомъ «Библіотеки для чтенія» А. Ѳ. Писемскимъ, говорилъ съ нимъ о статьѣ вашей и онъ сказалъ мнѣ положительно, что статья ваша о пребываніи Екатерины Второй на Днѣпрѣ будетъ напечатана въ октябрьской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» этого года. Она будетъ напечатана съ нѣкоторыми измѣненіями въ тонѣ, который редакція нашла «нѣсколько сладкимъ», какъ сказалъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ. Для васъ редакція тоже приготовитъ извѣстное число оттисковъ.

«В. Р. Зотовъ сказалъ, что онъ не можетъ опредѣлить времени напечатанія вашего очерка «Крестьянка ученица» равно какъ и видовъ Полтавы, по причинѣ множества накопившихся матеріаловъ, но при первомъ представившемся удобствѣ они будутъ напечатаны.

«Я. П. Полонскій возвратился изъ Парижа, гдѣ женился на премилой дѣвицѣ изъ русскихъ. Онъ живетъ теперь пока въ квартирѣ Штакеншнейдера.

«Мей Л. А. недавно переѣхалъ жить въ концѣ августа на дачу.

«Я недѣлю тому назадъ возвратился изъ Москвы сюда въ Питеръ. Въ Москвѣ жилъ около мѣсяца, и въ восторгѣ отъ милой, доброй, благородной, разумной и мыслящей Москвы, предъ которой Петербургъ кажется мнѣ городомъ нравственно-ограниченнымъ, алтынно-практичнымъ, словомъ «скорбнымъ главою», выключая, разумѣется, дѣлъ, относящихся къ узкой практичности, къ обыденнымъ цѣлямъ и тому подобному, внѣшне, хоть и необходимо-житейскому... Но, вѣдь, Москва, за то, столица всего народа. Не даромъ всякая крестьянская дѣвушка поетъ, въ самомъ отдаленномъ захолустьѣ Великороссіи, и поетъ о «матушкѣ каменной Москвѣ».

«Но я боюсь не пристрастенъ ли я къ Москвѣ, потому что люблю и любилъ ее всею полнотою сердца и патріотическаго чувства, да при томъ и провелъ въ ней два года первой юности — 1839 и 1840-й... А это много значитъ... А потомъ опять жилъ въ ней постоянно отъ 1850 по 1855-й годъ.

«Сухомлиновъ на годъ или, кажется, на два уѣхалъ за-границу.

«У Штакеншнейдеровъ я не бываю и потому вашего поклона передать не могу, у М—ъ тоже не бываю по причинѣ ихъ козней противъ меня и множества эпиграммъ мною на нихъ написанныхъ.

«Что дѣлается въ литературѣ—я почти не знаю, ибо избѣгаю всячески столкновенія съ литературщиками.

«Я былъ во Владимірской губерніи, ѣздилъ по деревнямъ, жилъ съ народомъ, изучалъ великорусскую народность, собиралъ народныя пѣсни, изучалъ русскую исторію и древности, потомъ былъ въ деревняхъ Московской губерніи, потомъ жилъ въ Москвѣ. Теперь я пріѣхалъ сюда на службу, которою пока весьма доволенъ да и денегъ есть довольно. Адресъ мой: На Литейной, близъ Невскаго проспекта, въ домѣ Ниротморцевой, въ квартирѣ Харламова.—Весь вашъ Н. Щербина.

«Поклонитесь вашей женѣ. Семейству гр. Ѳ. П. Толстого я передамъ вашъ поклонъ.

«P. S. Вотъ къ вамъ моя особенная и покорнѣйшая просьба.— У васъ есть подлинная рукопись моего «Сонника», писанная моей рукою. Заклинаю васъ всѣмъ святымъ, успокойте меня тѣмъ, что вырвите изъ этой рукописи мѣсто о «Русскомъ Вѣстникѣ». Я написалъ его въ сильной ипохондріи, въ болѣзненномъ припадкѣ самаго чернаго взгляда на все.—М. Н. Катковъ самый лучшій человѣкъ въ настоящее время въ Россіи и полезный гражданинъ для нашего отечества и здороваго его развитія.—Семейство его и кругъ его общества прекрасные люди.—Я у него въ семействѣ

оставилъ собраніе моихъ сатирическихъ сочиненій, эпиграммъ и сонникъ въ новой редакціи, сдѣланной по моемъ выздоровленіи.

«И такъ я надѣюсь на васъ, что вы вырвете выше означенное мѣсто изъ «Сонника» и сожжете это мѣсто.

«Порука въ этомъ ваша честь:
«Я смѣло ей себя ввѣряю».

«Уничтожьте непремѣнно».

XI.

«1859 года, января 1-го дня. Поздравляю васъ, Григорій Петровичъ, и жену вашу съ новымъ годомъ и благодарю васъ за память обо мнѣ, выраженную письмомъ вашимъ. Сохраняя постоянно благодарныя чувства къ вамъ въ душѣ моей за всѣ ваши старанія и содѣйствія личнымъ интересамъ моимъ, я все-таки долженъ рѣшиться просить васъ не дѣлать мнѣ никакихъ собственно литературныхъ порученій, ибо я стараюсь избѣгать всякихъ литературныхъ сношеній. Это въ послѣдній разъ, что я рѣшился удовлетворить васъ по этому предмету и только исключительно для васъ.

«Вчера я видѣлъ Полонскаго въ домѣ графа Ѳ. П. Толстого и говорилъ ему насчетъ напечатанія статьи вашей. Онъ сказалъ, что рѣшительно не знаетъ, когда можетъ напечатать ее, равно какъ и никакой редакторъ не можетъ знать времени и обстоятельствъ, когда именно пріидется напечатать какую-либо статью. У него сотни статей, присланныхъ изъ провинцій, какъ и во всякой другой редакціи,—и много, много нужно времени и лицъ редактивныхъ, чтобы прочитать всю эту массу, и потому редакціи печатаютъ большею частію статьи петербургскихъ и извѣстныхъ писателей, которыхъ статьи читать не нужно, ибо за достоинство ихъ отвѣчаетъ не журналъ, а имя самаго автора. Это послѣднее относится къ г. Турбину, о которомъ Полонскій ничего не знаетъ и въ первый разъ отъ меня услышалъ его фамилію. Я также спрашивалъ о немъ одного изъ сотрудниковъ «Современника»— самыхъ близкихъ къ редакціи, онъ тоже сказалъ, что не помнитъ этой фамиліи и статей подъ этой фамиліей, и что въ редакціи лежитъ многое множество, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ, статей и ихъ не прочтешь и въ два года. Полонскій сказалъ,—что у него многія сотни статей лежатъ грудами въ редакціи, и потому онъ не беретъ статьи г. Турбина изъ «Современника», а пусть, коли угодно, онъ распорядится такъ, чтобы статья доставлена была ему изъ «Современника» прямо въ редакцію «Русскаго Слова» безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны.

«О скорости же напечатанія статей отъ неизвѣстныхъ авторовъ и думать нечего, это чисто зависитъ отъ случая, а иногда нужно,

чтобъ статья возвышалась надъ уровнемъ обыкновенныхъ журнальныхъ повѣстей, чтобъ ее напечатали... Кѣмъ журналисты изъ провинціальныхъ авторовъ нуждаются, они тому тотчасъ высылаютъ деньги, и просятъ отъ него статей, которыя вскорѣ и печатаютъ,—и наоборотъ. Ихъ приводятъ въ негодованіе тысячи писемъ, которыми спрашиваютъ ихъ о времени напечатанія; они ихъ рѣдко читаютъ, а еще рѣже отвѣчаютъ на нихъ, ибо въ статьяхъ нисколько не нуждаются и сами не просятъ, чтобъ ихъ имъ присылали. Вольно же. Зотовъ сказалъ, что, когда выпадетъ удобный случай, онъ напечатаетъ вашу «Полтаву». Но статья ваша — повѣсть, что ли, врядъ ли удобна къ напечатанію. Вотъ все, что я могъ отъ него добиться. Итакъ, этимъ надѣюсь, что навсегда отстраняю себя отъ литературныхъ порученій.

«О «Русскомъ Словѣ» и журналахъ вообще, не могу вамъ сообщить ничего новаго, ибо никогда о нихъ и не спрашиваю, не интересуюсь ими.

«Полонскій будетъ самъ писать къ вамъ. Онъ квартируетъ у Штакеншнейдеровъ.

«Пишите ко мнѣ почаще и подробнѣе, — только безъ литературныхъ порученій.—Вашъ Щербина».

XII.

«С.-Петербургъ, 2-го октября, 1862 года. Внемли, о «старче Григоріе!» Письмо ваше я получилъ, и очень благодаренъ вамъ за память обо мнѣ. Я вотъ уже полтора мѣсяца, какъ нездоровъ, не выходя изъ дома и не видаясь ни съ кѣмъ, за то же и адски работою, просиживаю за работою иногда до 4-хъ часовъ ночи... Да и сколько за этимъ трудомъ нужно сообразить, ворочать мозгами, корпѣть!.. Но нынче моя работа ужъ окончена совершенно. Этотъ трудъ мой по «Читальнику» или книгѣ для народа, назначаемой какъ для народнаго чтенія вообще, такъ и для всякаго рода простонародныхъ школъ, въ смыслѣ настольной книги для всесторонняго, объяснительнаго, развивающаго и сообщающаго разнообразныя, нужныя въ извѣстномъ быту, свѣдѣнія... «Читальникъ» — это народно-русская энциклопедія въ хрестоматической формѣ, гдѣ все въ связи и болѣе или менѣе въ системѣ. Чего не было въ данныхъ нашей литературы, мнѣ нужно было написать самому, — и я написалъ это. «Читальникъ» составленъ изъ произведеній русской словесности, начиная отъ 12-го вѣка по сей день, и содержитъ въ себѣ отдѣлы: 1) богословскій, 2) историческій, 3) по естествознанію и по практическому быту, 4) изящную словесность и 5) лечебникъ, календарь и т. п. Все это собрано, расположено, редижировано, переправляемо, сокращаемо, видоизмѣняемо, въ соображеніи съ основами и характеромъ русской на-

родности, ея духа, пошиба внѣшняго, историческаго и практическаго быта и настоящихъ потребностей. Писанныхъ листовъ этого сборника вышло у меня 400, если не болѣе. «Московское общество распространенія полезныхъ книгъ» берется его издать и меня требуетъ въ Москву лично. Я отдаю трудъ свой безвозмездно, только чтобъ заплатили мои денежныя издержки по составленію «Читальника», — я тянулся на него изъ своего жалованья, стѣснялъ себя во всемъ, единственно имѣя въ виду пользу страстно-любимаго и изучаемаго мною великорусскаго простонародья... Я тоже и даже дважды проѣхалъ Волгою отъ Твери до Астрахани.

«Платилъ я деньги и за нѣкоторыя спеціальныя статьи, которыхъ не откуда взять или по совершенно чуждому мнѣ отдѣлу знаній... Словомъ, много издерживался и терпѣлъ поэтому много скрытой, глухой, незнаемой никѣмъ нужды, прикрывая все это приличною comme-il-faut-ною внѣшностью.

«Все дѣлаю самъ, — никто мнѣ не помогаетъ и не обращаетъ вниманія на настоятельную вопіющую потребность подобной книги въ настоящее время... Да и чего же можно ожидать отъ современнаго, политическаго и общественнаго хлыщовства, отъ петербургскаго пустозвонства и невѣжества тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ... Все тупицы, мелкіе эгоистическіе плутишки, рутинно-модные (но отсталые вмѣстѣ съ тѣмъ) фразеры, безъ знанія своей страны и народа, общія мѣста вычитанныя (или выслышанныя) европейскихъ идей и науки, или, лучше сказать, кое-какихъ взглядишекъ... Но sapienti sat.

«Мнѣ давно предстоитъ, по службѣ, поѣздка въ Москву, но я все оттягиваю ее по болѣзни. Кромѣ того, назначается командировка въ разное время въ 7 великорусскихъ губерній.

«Въ половинѣ этого октября я буду въ Москвѣ, если особенно что не помѣшаетъ. Квартира моя въ Москвѣ — въ Кудринѣ, въ приходѣ Покрова, въ домѣ княгини Несвитской, въ квартирѣ А. В. Кирѣевой.

«Повѣсть вашу я читалъ; мѣстами она мнѣ очень понравилась. При личномъ свиданіи поговорю съ вами о ней подробнѣе.

«Мой петербургскій адресъ слѣдующій: въ Троицкомъ переулкѣ, съ домѣ Гассе.

«Никому не могу передать вашихъ поклоновъ, ибо по обыкновенію да и по болѣзни ни съ кѣмъ не видаюсь. Я въ Петербургѣ живу какъ въ деревнѣ,—нигдѣ не показываясь, нигдѣ не бывая... Да и что съ дураками водить компанію.

«Эхъ, поѣхать бы въ любимую мною Москву, все-таки легче бы было!.. Вотъ ужъ полтора мѣсяца, какъ сижу въ своей квартирѣ, не видя людей—ко мнѣ никто не ходитъ, я словно въ казематѣ... Впрочемъ, все работою, хоть себѣ и не въ корысть, за то для удовлетворенія души своей и сердца, которыя бьютъ въ набатъ, прося

общеполезнаго труда, труда только по строгому убѣжденію, а не своекорыстно-хлыщовскаго, въ петербургскомъ вкусѣ, и въ томъ, что въ модѣ...

«Шутовства немудрый бѣсъ
«Намъ разставилъ сѣти:
«Въ свистѣ слышимъ мы прогрессъ,—
«Мы сурки и дѣти...
«Какъ сурковъ, насъ тѣшитъ свистъ,
«Какъ молокососовъ,
«Чернышевскій-публицистъ
«И Лавровъ-философъ!..»

«Прощайте, Григорій. Ждите меня въ Москвѣ... Вы мнѣ будете нужны. Вашъ Н. Щербина».

XIII.

1869 года 8-го марта, за мѣсяцъ до своей кончины, Н. Ѳ. Щербина писалъ мнѣ слѣдующее:

«Добрѣйшій Григорій Петровичъ. Гряди и дерзай! Прилагаю при семъ письмо къ князю П. А. Вяземскому по моему дѣлу. Оно написано, по возможности, кратко и опредѣлительно. Вновь передѣлывать его не-по-что. Кажется, все въ немъ, какъ должно. Еще прилагаю къ письму два изящно и роскошно отпечатанныхъ и переплетенныхъ экземпляра «Пчелы»: пусть поступитъ съ ними князь Петръ Андреевичъ по своему благоусмотрѣнію, да вы еще скажите кое-что отъ себя. Вы ужъ знаете, «многоопытный и хитроумный Одиссей», что сказать по части практической.

«Я вѣрю, Григорій, когда вы въ Петербургъ пріѣзжаете, то мои житейскія дѣла улучшаются. А это тѣмъ болѣе нужно мнѣ теперь, такъ какъ болѣзнь сдѣлала меня калѣкой: ни выйти, ни выѣхать, ни о себѣ похлопотать, словомъ, ни оказать себѣ самопомощи...

«Гряди же въ міръ, и дерзай, Григоріе! Весь вашъ Щербина».

«P. S. Да, мнѣ нужно было повидаться съ вами. Что стоитъ вамъ зайти ко мнѣ хоть на $^1/_4$ часа».

По поводу, переданнаго черезъ меня, письма Н. Ѳ. Щербины, князь П. А. Вяземскій писалъ мнѣ 9-го марта 1869 года слѣдующее:

«Письмо ко мнѣ Щербины передалъ я министру Тимашеву, подкрѣпляя усерднѣйшимъ ходатайствомъ и убѣдительнѣйшею просьбою. Отвѣта еще не имѣю. Секретарь императрицы боленъ и тутъ еще нѣтъ отвѣта. На дняхъ посылалъ я Щербинѣ, съ порученіемъ, все это ему передать. Побывайте у меня завтра, или въ другой день, въ два часа. Совершенно вамъ преданный кн. Вяземскій.—Вторникъ, вечеромъ».

Письма Н. Ѳ. Щербины къ его брату Ив. Ѳ. Щербинѣ.

I.

«21-го мая 1862 г. Спб. Мѣсто тебѣ по питейно-акцизному сбору я отыскалъ у пріятеля моего, управляющаго питейно-акцизными сборами въ Подольской губерніи и Бессарабской.

«Малѣйшее взяточничество, за выдачу, напримѣръ, свидѣтельства какого-либо, влечетъ за собою неизбѣжное выключеніе изъ службы и опубликованіе во всѣхъ газетахъ, даже за шкаликъ водки, взятый въ благодарность. Слѣдить будутъ зорко и явятся сотни доносчиковъ, желая получить мѣсто выгнаннаго.

«Разсуди хорошенько и обстоятельно,—можешь ли жить однимъ только содержаніемъ по этой должности, совершенно безъ всякихъ постороннихъ доходовъ по должности, и тогда опредѣлись, а не иначе. Подумай хорошо.

«По службѣ могутъ впереди быть повышенія, если будешь безкорыстно правдивъ, строгъ и честенъ—при открывшихся вакансіяхъ.

«Да не пиши провинціально-холопскихъ чиновническихъ писемъ съ разными хамскими титулами и величаньями невѣжественно-чиновничьяго быта и униженіями лестью.

«Чрезъ три недѣли я ѣду до осени въ Москву.

«Напиши о А. С. Сиротининѣ, полкомъ ли онъ командуетъ, или нѣтъ. Н. Щ.».

II.

«14-го декабря 1862 г. С.-Петербургъ. Любезный братъ! Письмо твое я получилъ. Строго и аккуратно исполняя обязанности новой твоей службы, придерживаясь во всемъ законности и вниканіемъ и изученіемъ пріобрѣтая надлежащую опытность въ новой службѣ, можно имѣть постоянно въ виду повышеніе по должности: ибо эта малая должность удовлетворить житейскимъ потребностямъ не совсѣмъ можетъ. Эта должность нужна будетъ покуда какъ начало, какъ вступленіе, а по временамъ могутъ впереди открываться высшія вакансіи по этой части, чѣмъ нужно будетъ, по возможности, пользоваться, пріобрѣвши усердною и честною службою доброе о себѣ мнѣніе. Лучше было бы перейти въ Подольскую губернію: ибо Аккерманскій уѣздъ пограничный съ Турціею наполненъ разными бродягами, бѣглыми и разбойниками, такъ что жизнь часто можетъ быть въ опасности, ѣздя по этимъ дикимъ и пустыннымъ степямъ. Есть ли съ тобою солдатъ по службѣ?.. Бродяги и разбойники могутъ нападать по преимуществу на акцизныхъ надзирателей, предполагая у нихъ собранныя деньги акциза. Нужно быть всегда и во всемъ осторожнымъ и предусмотрительнымъ, а тѣмъ болѣе въ такомъ краю, наполненномъ бродягами, при пограничности съ Турціею. Съ тобою, я думаю, долженъ ѣздить всегда служащій

при акцизѣ солдатъ. Есть ли это у васъ положеніе? а тѣмъ болѣе въ такомъ дикомъ и опасномъ краю. Тутъ даже въ самомъ городѣ нужно быть чрезвычайно осторожнымъ и на все предусмотрительнымъ и оберегательнымъ.

«Адресъ мой: въ Троицкомъ переулкѣ, въ домѣ Гассе.

«Пиши мнѣ подробно о своемъ житьѣ-бытьѣ на новомъ мѣстѣ и объ отношеніяхъ своихъ по новой службѣ и т. п. Твой Н. Щербина»,

III.

Предсмертное письмо Н. Ѳ. Щербины (дрожащимъ слабымъ почеркомъ) къ его брату Ив. Ѳ. Щербинѣ и его сестрѣ.

«22-го марта 1869 г. Петербургъ. Любезный братъ и сестра. Послѣднее письмо ваше я получилъ сегодня и спѣшу отвѣчать на него, не смотря на то, что дней 5-ть тому назадъ отправилъ къ вамъ письмо. Дѣло въ томъ, что вы обо мнѣ не безпокойтесь. На дняхъ я обратился къ медику специалисту горловыхъ болѣзней профессору медицинской академіи. Онъ осмотрѣлъ меня подробно, постукивалъ и выслушивалъ, и нашелъ, что легкія у меня цѣлы и невредимы; но что сильное ослизненіе всѣхъ слизистыхъ оболочекъ, а въ дыхательномъ горлѣ опухоль, неровности затвердѣнія горловыхъ связокъ. Отъ этихъ причинъ постоянный кашель и мокрота. Легкія мои цѣлы, потому что грудь необыковенно развита природою; впрочемъ чего добраго, со временемъ, болѣзнь можетъ добраться и до легкихъ. Теперь мнѣ трудно спать: сопѣнье, свистъ и храпѣнье въ горлѣ и въ носу, да я еще ночью и задыхаюсь. Теперь я занимаюсь устройствомъ своихъ служебныхъ и денежныхъ дѣлъ,—ибо думаю года на два переселиться въ Одессу: меня только и лѣчитъ теплый климатъ; но я отнюдь не хочу жить въ Таганрогѣ; но это время въ августѣ можетъ быть буду съ недѣлю въ Таганрогѣ, ибо поѣду изъ Нижняго-Новгорода Волгой пароходомъ въ Самару, гдѣ буду мѣсяца 2 пить кумысъ, а тамъ отправлюсь Дономъ и желѣзной дорогой въ Таганрогъ, а оттуда въ Одессу на жительство. Такъ по крайней мѣрѣ я теперь предполагаю, а можетъ и перемѣню намѣреніе. Я весной навѣрное окрѣпну: меня только и лѣчитъ, что воздухъ, а потому жильцамъ въ своемъ большомъ домѣ ты не отказывай и за мной не пріѣзжай, а сиди себѣ въ Таганрогѣ: ибо это стоитъ большихъ денегъ. Я здѣсь въ Питерѣ имѣю особую свою квартиру, со всѣмъ хозяйствомъ и удобствами. За мной ухаживаютъ въ квартирѣ три человѣка,—и ухаживаютъ какъ нельзя лучше. Въ Одессѣ у меня близкіе люди—Н. А. Новосельскій и тамошній градоначальникъ. Вашъ Н. Щербина».

Кромѣ того, небезъинтересны по отношенію къ Щербинѣ слѣдующія два письма:

I.

Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ П. В. Зиновьеву.

«1855 г. 15-го декабря. Милостивый государь, Павелъ Васильевичъ! Даровитый писатель нашъ, Н. Ѳ. Щербина, съ лучшей стороны извѣстный свѣту, по разстроенному здоровью, долженъ оставить Петербургъ и поселиться въ Москвѣ. Не имѣя никакихъ средствъ для обезпеченія своей жизни, онъ желаетъ получить въ Москвѣ мѣсто, которое обезпечило бы хотя первыя потребности и въ свободные часы дало ему возможность посвятить свои силы продолженію литературныхъ трудовъ.

«Обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою, не изволите ли найти возможность исполнить желаніе г. Щербины? Онъ указалъ два мѣста, гдѣ бы совершенно сродно съ его занятіями онъ счастливъ былъ бы найти службу».

«1855 г. Домашній учитель русскаго языка и словесности, состоящій при дирекціи училищъ Московской губерніи, служившій передъ симъ въ гражданской службѣ помощникомъ начальника газетнаго стола въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи, т. е. помощникомъ редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» Николай Щербина желаетъ имѣть мѣсто при редакціи «Московскихъ (Университетскихъ) Вѣдомостей». Именно при библіотекѣ университета, или по преимуществу при редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», въ званіи младшаго чиновника, тѣмъ болѣе, что въ послѣдней имѣется въ виду, съ новаго года, перемѣна издателя и при успѣхѣ «Вѣдомостей» въ настоящее время могло бы имѣться въ виду увеличеніе числа при нихъ чиновниковъ. Г. Щербина имѣетъ званіе домашняго учителя русскаго языка и словесности при дирекціи училищъ Московской губерніи, и служилъ передъ этимъ помощникомъ начальника газетнаго стола въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи по изданію «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Надѣюсь на благосклонное участіе ваше къ службѣ г. Щербины, прошу васъ покорнѣйше принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. 15-го декабря 1855 года. Его Высокородію П. Вас. Зиновьеву».

II.

Письмо ко мнѣ А. А. Сонцева [1]).

«Письмо твое глубоко поразило мою душу, я до полученія его не зналъ о смерти Щербины, а ты знаешь, какъ я его любилъ, какъ родного; мнѣ кажется никто не зналъ его лучше меня; его напускная мизантропія и желчные сарказмы не закрывали отъ

---

[1]) Бывшаго впослѣдствіи вице-губернаторомъ въ Таврической губерніи.

меня его прекрасныхъ и благородныхъ качествъ души. Онъ со мною часто говорилъ по-человѣчески и далъ мнѣ себя близко узнать. Въ жизни онъ долго былъ ребенкомъ, за которымъ надо было смотрѣть и ухаживать, и я пять лѣтъ былъ его нянькой. Когда на Кавказѣ былъ убитъ его братъ, котораго онъ уговорилъ отправиться туда, онъ чуть съ ума не сошелъ, ему казалось, что окровавленная тѣнь его стоитъ надъ нимъ, и много ночей я сидѣлъ около него и тайно отъ него давалъ лекарство, укрѣпляющее нервы, конечно, по совѣту медика; явно онъ ни за что не сталъ бы лечиться. Я долго не привыкну къ мысли, что его нѣтъ на свѣтѣ, что я его больше не увижу и не обниму. Когда онъ былъ боленъ завалами печени и ему приказано было дѣлать моціонъ, а онъ не вставалъ по цѣлымъ днямъ съ кровати, я съ человѣкомъ насильно подымалъ его, не смотря, что онъ дрался и ругался, или плакалъ, какъ дитя, его выносили на улицу и за руку я уводилъ его и по два часа заставлялъ ходить, и это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; только съ другомъ можно было такъ возиться, какъ я съ нимъ, и онъ мнѣ дѣйствительно былъ другомъ, его теплыя и искреннія письма ко мнѣ это доказываютъ. Разъ мы были на дачѣ у Штакеншнейдера; въ общемъ спорѣ онъ сказалъ мнѣ желчно дерзость, я тогда промолчалъ, но когда мы сѣли въ экипажъ и выѣхали на дорогу, я спросилъ его, всѣмъ ли онъ такъ платитъ за сердечную привязанность, какъ сегодня заплатилъ мнѣ; Щербина разрыдался, сталъ обнимать меня и цѣловать, а я едва могъ утѣшить его. Меня съ нимъ познакомилъ Сошальскій, тогда онъ жилъ въ какомъ-то чуланчикѣ; познакомившись ближе, я уговорилъ его переѣхать къ намъ, даромъ онъ не хотѣлъ это сдѣлать, и мы приняли его въ часть; онъ такъ былъ щекотливъ, что если обѣдъ готовился сколько-нибудь лучше вседневнаго, онъ ограничивался двумя блюдами, и эта церемонія долго продолжалась, пока съ нами жилъ Сошальскій, котораго онъ не любилъ за хвастливый и покровительственный характеръ. Онъ всю жизнь былъ горемычный труженикъ, только послѣдніе годы судьба ему улыбнулась для того, чтобы такъ безжалостно задушить его».

У меня хранится собственноручная тетрадь юношескихъ стихотвореній Н. Ѳ. Щербины, куда онъ внесъ и нѣсколько позднѣйшихъ пьесъ. Приготовивъ эту тетрадь для печати, онъ потомъ раздумалъ и выступилъ съ болѣе зрѣлыми произведеніями, озаглавивъ первую свою книгу: «Греческія стихотворенія». Привожу изъ упомянутой тетради слѣдующія восемь пьесъ:

I.

Деревня.

На пыльный небосклонъ лишь тучка набѣжитъ,
И городъ влажною прохладой освѣжитъ,
И ближній садъ повѣетъ ароматомъ,
А нивы дальнія заблещутъ лѣтнимъ златомъ,—
Люблю я вспоминать, за чашею вина,
Пріютъ спокойствія и тихой нѣги сна—
Деревню добрую, съ роскошными полями,
Съ рѣкою голубой, съ зелеными садами,
Съ малиной спѣлою, со сливой золотой,
И локонъ барышни, природой завитой,
Ея воздушныя, плѣнительныя ножки,
Обутыя—увы!—въ полусапожки...

* * *

Сливаются вдали напѣвы соловья
Съ журчаньемъ трепетнымъ кристальнаго ручья;
Склонились сводами плакучія березы:
Съ нихъ падаютъ въ рѣку росы вечерней слезы.
Со стадомъ молодымъ идетъ пастухъ къ рѣкѣ,
Играя весело на дѣдовскомъ рожкѣ.
Помѣщикъ пожилой, въ своемъ халатѣ давнемъ,
Отъ мошекъ затворять приказываетъ ставни.
Онъ говоритъ теперь о дочери своей,
Что старый бригадиръ въ мужья назначенъ ей,
Что будетъ онъ въ сей жизни ей попутчикъ,
А дочери все снится подпоручикъ!..

* * *

Люблю я отъ души тебя, уютный край,—
Деревня добрая, лѣнивца свѣтлый рай!..
Тамъ барыня свой станъ снуровкой не сжимаетъ,
Тамъ, удалясь она отъ тщетной суеты,
Свои наивныя до глупости черты
Подъ маской жалкою бѣлилъ не сокрываетъ;
И барышня твоя прелестна и стройна,
Хоть въ платьѣ ситцевомъ красуется она.
Люблю въ деревнѣ я житье-бытье простое,
И щечки полныя, и молоко густое.

II.

Фонтенебло.

Уныло и глухо подъ сводами залы:
    Не слышно тяжелыхъ шаговъ,

Не слышно ни звона заздравныхъ бокаловъ
Ни пѣсень веселыхъ бойцовъ.
Нѣтъ признака жизни; вокругъ запустѣнье,
Какой-то печалью глядитъ...
Въ дворцѣ позабытомъ, какъ даръ сокровенный,
Походная шляпа лежитъ.
Въ глубокую полночь тамъ носятся тѣни
Угасшихъ давно королей,
И поступью важной идутъ привидѣнья
Въ тотъ залъ изъ парадныхъ дверей...
На голову шляпу себѣ примѣряютъ:—
И всѣмъ не-по-мѣркѣ она!..
И тѣни одна за другой исчезаютъ,
Какъ въ утреннемъ блескѣ—луна...
Потомъ императоръ является въ залу...
Державныя руки скрестилъ...
Тревожная дума въ очахъ заблистала:
На шляпу онъ взоръ устремилъ.
Видна на той шляпѣ ничтожность земная,
Почило величье на ней,
И тѣнь, съ укоризной на шляпу взирая,
Грустить о судьбинѣ своей...
Сирійское солнце ту шляпу палило,
Песокъ африканскій пылилъ,
Метели Россіи ее убѣлили,
И валъ океана кропилъ!..
Смотрѣлъ императоръ и грозно, и дико:
Унесть свою шляпу хотѣлъ.
Но вдругъ раздалися разсвѣтные клики,
И съ ночью онъ въ высь улетѣлъ...

III.

Пиръ въ Хіосѣ.

Напѣнимъ наксосомъ мастиковыя чаши,
Алоэ Индіи въ курильницахъ зажжемъ!..
Какъ этотъ дымъ, разсѣются печали наши,
И нектаръ радости смѣшается съ виномъ.
Сквозь тонкій паръ душистаго наксоса,
Сквозьароматъ прозрачныхъ облаковъ,
Увидимъ васъ, красавицы Хіоса,
Въ вѣнкахъ изъ гроздій и цвѣтовъ.
Увидимъ мы, какъ по цвѣтамъ катится
Струя душистая кудрей,
Какъ виноградъ, колеблясь, золотится
На мраморѣ трепещущихъ грудей...

IV.

Янинская темница.

Небо Аттики прекрасной
Надо мною не блеститъ,
И съ Олимпа мѣсяцъ ясный
Сквозь рѣшетку не глядитъ.

* * *

Знать, подъ сѣнью Пареенона
Я лобзалъ тебя въ уста,
Свѣтлоокая кукона,
Чтобъ проститься навсегда...

* * *

Но зачѣмъ съ тобой такъ мало
На прощаньи говорилъ
И вокругъ якѐты алой
Страстно рукъ я не обвилъ!

* * *

Освѣти же мракъ темницы
Взоромъ пламенныхъ очей:
Мнѣ давно не шлетъ денница
Свѣтлорадужныхъ лучей!..

* * *

Смерти жаждешь, ты Янина,
Слышу я, за мной идутъ...
Но альбанцы Тебелина
Крови грека не прольютъ!...

* * *

Палъ, рыдая, на колѣни;
Онъ молитву сотворилъ,
И о каменную стѣну
Буйну голову разбилъ.

V.

Русская колыбельная пѣсня.

Спи, мое дитятко,
Спи, мое милое,
    Спи, когда спится!..

* * *

Скоро ты выростешь,
Съ теплаго гнѣздышка
    Скоро слетишь...
Съ русой бородкою,
Дитятко милое,
    Горе прійдетъ.

Съ первой красавицей,
Съ первой зазнобушкой
Сонъ пропадетъ,
Съ женкой румяною,
Съ малыми дѣтками
Много заботъ!..
Теща сварливая
Съ тестемъ затѣйливымъ
Съ толку собьютъ.
Пѣсня ль старинная
Вспомнится радостно—
Хочешь запѣть...
Въ двери широкія
Явятся хлопоты,—
Пѣсня уйдетъ...
Сонъ ли украдкою
На изголовьецо
Ляжетъ порой,—
Дума житейская,
Злая кручинушка
Сгонятъ его...

* * *

Спи, мое дитятко,
Спи, мое милое...

VI.

* * *

...И взвился тихій Донъ
Серебристой зміей,
По зеленымъ лугамъ
Покатился рѣкой;
Далеко полетѣлъ
Сизокрылымъ орломъ
И на землю упалъ
Безконечнымъ лучомъ.
Донъ живою водой
Хитрыхъ грековъ поилъ
И хозаровъ лихихъ
Онъ на битвы носилъ;
Подъ ладьями славянъ
Онъ привѣтно шумѣлъ;
Громки пѣсни свои
Имъ съ гуслярами пѣлъ.

VII.

Кручина добраго молодца.

Разъ приглянулся яснымъ звѣздочкамъ
Свѣтелъ мѣсяцъ—добрый молодецъ,
И пришли онѣ съ челобитьицемъ
Къ свѣтлу мѣсяцу—добро молодцу.

—

— «У тебя ль, у мѣсяца, высокъ теремъ,
Изукрашенъ онъ лучше боярскаго,
Не изъ простого камня бѣлаго,
Изъ самоцвѣтной бирюзы сростроенный,
Въ ширину, въ длину, не семи саженъ,
А надъ цѣлой землей онъ красуется.
Ты одинъ господинъ въ своемъ теремѣ,
Какъ Адамъ въ раю, похаживаешь,
Ясными очами посматриваешь,
Русую бородку поглаживаешь,
По плечамъ кудри разбрасываешь;
А постель у тебя—золоты облака:
Она мягче, пышнѣй невѣстиной.
Ты со-сна встаешь—умываешься
Съ твоихъ рукъ идетъ вода чистая
На поля росой серебристою;
Ты, умывшись, утираешься
Не ширинкой простой, а радугой,
Изукрашенной, разноцвѣтною,
Златомъ шитою краснымъ солнышкомъ.
Много есть у тебя, добрый молодецъ,
Добра всякаго и угодьицевъ,
Только нѣтъ у тебя красной дѣвицы,
Нѣтъ подруженьки—ясной звѣздочки...
Выбирай себѣ изъ звѣздочекъ
Подруженьку, разлапушку,
Своему терему хозяюшку!..»

VIII.

Моя жизнь.

Какъ много надъ юной моей головою
Промчалось житейскихъ тревогъ,
Въ тяжелой борьбѣ съ непокорной судьбою!..
Но пасть я духовно не могъ.

Я въ жизни боролся не съ бурей великой,
Не съ мощнымъ, разумнымъ врагомъ,

Но съ мелочью горя, но съ глупостью дикой
Въ упорствѣ ея мелочномъ.

Я брошенъ былъ рокомъ съ младенчества въ тину,
Не знаемъ никѣмъ изъ людей:
Но я въ ней нашелся, и въ ней не покину
Я мысли высокой моей.

И слышу отрадно я голосъ призывный
Въ житейской моей пустотѣ:
«Вся жизнь твоя будетъ одинъ непрерывный
И пламенный гимнъ красотѣ».

1850 г., октября 25.
Село Павловское.

Отрывки изъ неизданныхъ сатиръ и эпиграммъ Н. Ѳ. Щербины:

1.

Некрасовъ.

Отъ генерала Муравьева
Онъ въ клубѣ кару вызывалъ
На тѣхъ, кому онъ самъ внушалъ
Дичь направленія гнилого,
Кого плодилъ его журналъ...
Ну, словомъ: «нашъ» онъ «либералъ»,
Не говоря худого слова.

23 апрѣля.

2.

Лавровъ[1]).

Онъ Пиладъ студентской дружбы,
Онъ младенецъ въ цвѣтѣ лѣтъ;
Онъ полковникъ русской службы,
Русской мысли онъ кадетъ.

3.

Сѣверо-западный политикъ.

Квартальныхъ Зевсъ, Маккіавель пажей,
Теперь попалъ въ администраторы:
Такъ повелось на родинѣ моей,
Гдѣ мѣтитъ всякъ кадетъ въ новаторы...

---

[1]) Извѣстный въ свое время артиллерійскій полковникъ, авторъ философскихъ писемъ, либералъ, а затѣмъ эмигрантъ.

4.

Безъ названія.

Я на исторію сошлюся:
Отъ Рюрика и Синеуса,
Тупѣй тѣхъ не было людей,
Что въ наши дни вертятъ дѣлами
И въ пропасть мчатся вмѣстѣ съ нами,
Во имя западныхъ идей.

10 декабря 1867 г.

5.

Р* [1]).**

Жалки намъ твои творенья,
Какъ германскій жалокъ Сеймъ,
Тредьяковскій обличенья,
Стихоборзый ***!

6.

Зараза.

Легче мнѣ бѣжать со свѣту
И въ глуши окончить вѣкъ,
Чѣмъ Коршà читать газету;
Вѣдь, читая тупость эту,
Окоршится человѣкъ!

24 октября 1867 г.

7.

Еще о Валентинѣ [2]).

Я изъ міра сего многошумнаго
Помирился съ могильною сѣнью,
Занѐ Кòрша тамъ нѣтъ скудоумнаго,
Съ либеральной его дребеденью...
Еще Коршъ вѣдь пока не преставился,
(Ему жъ годы прожить за годами)
Мнѣ тотъ свѣтъ за одно бъ ужъ понравился,
Что съ такими не жить дураками.

30 марта.

---

[1]) Поэтъ М. П. Розенгеймъ.
[2]) Валентинъ Θедоровичъ Коршъ.

8.

Паки о *.**

Россійской пустотѣ, фразерству Петрограда
Всѣ города, смѣясь, даютъ свой контингентъ:
На что ужъ Чухлома,—и та куда какъ рада,
Пославъ *** въ нашъ Питерскій конвентъ!

16 января.

9.

Marquis de W*.**

Рескриптъ тринадцатаго мая
Я, буква въ букву исполняя,
Тиблену разрѣшилъ журналъ:
Да поражаетъ онъ Каткова
Всей монтаньярской силой слова,
Чтобъ врагъ мой палъ и не возсталъ.

2 декабря 1867 г.

10.

Дополненіе къ «Русскому Толковому Словарю».

«Камо поиду отъ духа твоего и отъ взора твоего камо бѣжу?» Псаломъ 130-й.

Когда въ Россіи многопьющей
Вамъ скажутъ слово «вездѣсущій»,—
Не разумѣйте Бога въ немъ:
Такъ на̀чали, во время ***
(Сего грядущаго банкрота)
Именовать «питейный домъ».

14 ноября.

11.

Литія по усопшемъ рабѣ Божіемъ Г*.**

Мы въ гербѣ орла уничтожаемъ,
Гербъ мѣняемъ, Г***, черезъ тебя!
Кабакомъ орла мы замѣщаемъ,
Чтобъ точнѣе выразить себя...

12.

1869 годъ.

Трущобнымъ зоиламъ.

Я говорю, когда меня ругаютъ
Какой-то «Зетъ» и «Искра» и «Недѣля»:—
То на меня изъ подворотни лаютъ,
То расходился пьяный пустомеля.

2 января.

13.

XIX вѣкъ.

Вѣкъ девятнадцатый вѣкомъ бездарности
Долженъ въ Россіи прослыть,
Хоть за реформы его благодарности
И не возможно лишить.

Нижеслѣдующія три сатиры Н. Ѳ. Щербины, записанныя имъ для меня, хотя при жизни его ходили въ рукописныхъ копіяхъ, но не были включены въ печатное собраніе его сочиненій, а если были гдѣ-либо напечатаны,—въ спискѣ его сочиненій не значились:

14.

Наше время.

Когда былъ въ модѣ трубочистъ,
А генералы гнули выю,
Когда стремился гимназистъ
Преобразовывать Россію.
Когда, чуть выскочивъ изъ школъ,
Въ судахъ мальчишки засѣдали,
Когда фразистый произволъ
Либерализмомъ величали;
Когда могъ О..хинъ быть судьей,
Черняевъ же отъ дѣлъ отставленъ,
Катковъ преслѣдуемъ судьбой,
А Писаревъ зѣло прославленъ;
Когда сталъ чиномъ генералъ
Служебный якобинецъ С***
И Муравьева воспѣвалъ
Нашъ красный филантропъ Некрасовъ;
Когда бездарность и прогрессъ
Въ Россіи стали синонимомъ,
И здравый смыслъ совсѣмъ исчезъ,
Тургеневскимъ разсѣясь «Дымомъ»:—
Тогда въ бездѣйствіи влачилъ
Я жизни незамѣтной бремя,—
И счастливъ, что незнаемъ былъ,
Въ сіе комическое время!...

20 ноября 1867 г.

15.

Французскій терроръ въ русскомъ духѣ.

Доморощеннымъ гигантамъ
Должный путь мы указали;
Сообразно ихъ талантамъ,
На мѣста ихъ разсажали.

Робеспьеровъ по акцизу,
А Маратовъ по контролю,
Пусть все рушатъ сверху, снизу —
Либеральничаютъ вволю!

Надѣлить крестьянъ землею
Мы Бабефовъ разослали,
А Барбесовъ всей душою
Въ мировые судьи взяли!

Терруань-де-Мирекýры
Школы женскія открыли,
Чтобъ оттуда наши дуры
Въ нигилистки выходили!

Клóцы нашимъ гимназистамъ
Проповѣдуютъ науку...
Словомъ, крайнимъ прогрессистамъ
Все теперь поплыло въ руку!

Но средь этой благостыни
Есть безъ жениха невѣста:
Только Разума богинѣ
Не нашлось въ Россіи мѣста!

1863 г.

16.

1861 годъ.

Вы зачѣмъ ихъ заключили
Въ стѣны крѣпости гранитной
И допросы имъ чинили,
Съ важной строгостью и скрытно?

Ихъ значенье такъ ничтожно,
Иль опасно такъ для трона,
Что допрашивать бы можно
Ихъ въ кондитерской Рабона...

Дать бы имъ конфектъ по фунту,
Воротить имъ ихъ возванья —
Пусть идутъ, взывая къ бунту,
По Руси, безъ задержанья!

1861 г.

Привожу также изъ подлинной рукописи Н. Ѳ. Щербины, имъ подаренной мнѣ, слѣдующія: «Дополненія къ Соннику современной русской литературы (1856 г.)» въ виду того, что въ печатномъ изданіи «Сонника» эти мѣста, касавшіяся еще живыхъ въ то время лицъ, издателемъ были опущены:

Б., Бенедиктова во снѣ видѣть предвѣщаетъ увидѣть на-яву фигуру индѣйскаго пѣтуха.

Г., Глинку Ѳеодора во снѣ видѣть предвѣщаетъ побывать въ звѣринцѣ и смотрѣть тамъ на кривлянья обезьянки.

Д., Дружинина во снѣ видѣть предвѣщаетъ столкнуться въ Средней Мѣщанской съ Мефистофелемъ XIV класса, съ денди Выборгской стороны.

К., Кукольника во снѣ видѣть предвѣщаетъ изъ романтическаго трубадура превратиться въ черезчуръ классическаго чиновника и запивоху.

Л., Л—ва Михайла во снѣ видѣть предвѣщаетъ для мужчинъ припадки сатиріазиса, а для дамъ припадки нимфоніи; иногда же, предвѣщаетъ непріятно столкнуться съ грязной литературной тлей съ претензіями на лакейское остроуміе и циническій юморъ, отъ котораго, впрочемъ, всѣ невзыскательные цирюльники, сидѣльцы и холопы, способны надорвать животики.

М., М—а во снѣ видѣть предвѣщаетъ проглотить аршинъ или оскопиться духомъ и тѣломъ; иногда—предвѣщаетъ быть одержимымъ глистомъ-солитеромъ.

Н., Некрасова во снѣ видѣть предвѣщаетъ изъ житейской необходимости войти въ связи съ пустымъ и пошлымъ человѣкомъ (въ родѣ Ивана Панаева).

С., Ст—го А. — во снѣ видѣть предвѣщаетъ: отца и мать въ грязь втоптать, лишь бы только плохую повѣступку написать, или же увидѣть какъ комически русская холопка корчитъ изъ себя эманципированную Жоржъ-Сандъ.

— Соловьева, московскаго профессора и Макарія епископа Винницкаго, во снѣ видѣть предвѣщаетъ увидѣть наяву первую занимающуюся зарю самобытной русской науки.

— Соллогуба графа во снѣ видѣть предвѣщаетъ взять и не отдать; иногда же предвѣщаетъ съ изумленіемъ увидѣть на мраморномъ пьедесталѣ роскошную севрскую вазу, наполненную болотной тиной и смраднымъ навозомъ и прикрытую сверху букетами камелій.

— С*** академика во снѣ видѣть предвѣщаетъ все знать и ничего не знать, прикрыть недостатокъ всякаго содержанія эгидою сухого черстваго педантизма, безплоднаго буквоѣдства и шарлатанства, съ примѣсью хитрой злости, чѣмъ довольно выгодно для себя провести и облопошить дряхлый и выжившій изъ ума ареопагъ русской науки.

Х., Хотинскаго видѣть во снѣ . . . . сонъ не цензурный.

Ш., Шестакова (московскаго профессора) во снѣ видѣть предвѣщаетъ—въ слѣдующую ночь увидѣть то же во снѣ Василія Кириловича Третьяковскаго, стоящаго на котурнахъ Софокла, закутаннаго въ софокловскій гиматій и добродушно выдающаго почтеннѣйшей публикѣ свою «Деидамію» за софоклова «Царя-Эдипа».

Г. Данилевскій.

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Вице-королева Неаполитанская.

I.

Верстахъ въ семи отъ насъ была деревня Самодуровка, принадлежавшая дядѣ моему, Никандру Евграфовичу Олсутьеву. Онъ былъ намъ родственникомъ со стороны матери. Олсутьевъ былъ прежде человѣкъ очень богатый, но всѣ свои имѣнія прожилъ въ Петербургѣ, гдѣ служилъ въ одномъ изъ самыхъ «блестящихъ» гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Ко времени этого разсказа у него было нѣсколько сотъ тысячъ долгу и оставалась ужъ только одна вотъ эта Самодуровка — по тогдашнему опредѣленію, триста душъ, да была еще, кажется, какая-то пустошь, земля безъ населенія.

Здѣсь, кстати, замѣчу, что названіе деревень Самодуровками, которыхъ, въ нашей сторонѣ, много въ каждомъ уѣздѣ, произошло вовсе не отъ господъ ихъ, которые были самодурами, а по слѣдующему поводу. Живетъ село, разростаясь въ ширь, народъ все въ немъ множится, плодится; прежде пахали ближнюю землю, оставляя дальнюю въ лугахъ, а теперь стали пахать ужъ и дальнюю, начали для этого ѣздить на самый конецъ дачи, версты за три, за четыре, времени на это уходитъ у всѣхъ много, а въ рабочую пору это несподручно; уѣзжать же туда на нѣсколько дней съ тѣмъ, чтобы тамъ и ночевать, жить, тоже не всѣмъ можно—не у всякаго есть на кого оставить свой домъ. Вотъ, когда это, наконецъ, сдѣлается ужъ совсѣмъ не въ моготу, особенно бѣднѣйшимъ, они и начнутъ галдѣть на сходкахъ, что надо-де изъ села пере-

селяться кому-нибудь туда, на дальній конецъ поля. Богачи на это не соглашаются, имъ не рука выпустить изъ села бѣдняковъ—бѣднякъ всегда нуженъ, онъ годится имъ, его можно нанять въ батраки и проч. Но бѣдняки стоятъ на своемъ и въ концѣ концовъ добиваются своего, ихъ отпускаютъ и даже оказываютъ при ихъ переселеніи, по обычаю, помощь: даютъ подводы, рубятъ общественный лѣсъ, плетутъ для нихъ плетни и проч.; но все-таки смотрятъ на нихъ съ досадой, враждебно, и называютъ ихъ за ихъ упрямство и настойчивость самодурами. Вотъ отсюда и названіе ихъ будущаго поселка—Самодуровка.

Такая-то Самодуровка была и у дяди Никандра Евграфовича Олсутьева. Прежде это былъ поселокъ, но потомъ стала ужъ цѣлая деревня, все какъ слѣдуетъ, съ флигелемъ для барскаго пріѣзда, съ усадьбой, съ садомъ; былъ даже прудъ для карасей, а чтобы садовнику было чтò дѣлать — были кое-какіе парнички и накладены кучи навоза, изъ которыхъ торчала длинная, зеленая, никуда ужъ негодная спаржа. Въ этой усадьбѣ, еще маленькими, мы бывали нѣсколько разъ, ѣздили за чѣмъ-то туда съ матушкой, разумѣется, всегда лѣтомъ. Помню, насъ встрѣчалъ тамъ какой-то высокій, худой, совсѣмъ сѣдой старикъ, весь въ бѣломъ, котораго всѣ звали Андрюшей, и старая-престарая, беззубая ужъ, женщина Евпраксеюшка, или Евпраша.

— А, ну-ка, Андрюша, или Евпраша, — скажетъ бывало матушка,—самоварчикъ есть у васъ, угостите-ка насъ чаемъ.

И Андрюша, или Евпраша, засуетятся, начнутъ ходить своей старческой, колеблющейся и шмыгающей походкой и довольные, радостные такіе, точно имъ подарили что-нибудь.

Потомъ являлся къ матушкѣ—приходилъ оттуда съ деревни—плотный мужикъ, съ необыкновенно блестящей лысой головой и огромной рыжей бородой—староста.

Пока намъ собирали чай и мы пили его, матушка объ чемъ-то говорила все время съ этимъ лысымъ мужикомъ, который все время потѣлъ и утирался. Объ чемъ они говорили и даже какъ его звали—совершенно забылъ теперь. Напившись чаю и походивъ по двору, передъ флигелемъ, и по саду—одно названіе, что садъ, такъ чтò-то такое въ родѣ сада—намъ запрягали карету и мы уѣзжали.

Дядя Никандръ Евграфовичъ въ этой своей Самодуровкѣ ниразу, кажется, и не былъ вплоть до того вотъ времени, къ которому относится этотъ разсказъ. Онъ вообще пріѣзжалъ рѣдко изъ Петербурга, да когда и пріѣзжалъ, останавливался въ своемъ главномъ имѣніи, Знаменскомъ, верстъ за сорокъ отъ насъ. Но теперь это Знаменское было продано имъ на уплату долговъ и, какъ я говорю, осталась у него только одна вотъ эта Самодуровка, да необитаемая пустошь.

Дядю Никандра Евграфовича мы видѣли до этого времени всего только разъ или два, да и то какъ-то вечеромъ, когда онъ былъ у насъ проѣздомъ куда-то, или откуда-то.

Зима, вьюга, сугробы снѣга, всѣ окна занесло. Мы сидимъ въ угольной и пьемъ чай вокругъ самовара. Вдругъ на той сторонѣ дома, въ передней, какое-то движеніе, оттуда спѣшно приходитъ лакей и докладываетъ:—«Никандръ Евграфовичъ пріѣхалъ». Отецъ съ матушкой спѣшатъ къ нему навстрѣчу, порываемся и мы, но насъ останавливаютъ подъ предлогомъ, что дядя прямо съ холоду, съ морозу, и мы можемъ еще простудиться. Мы слышимъ голоса, веселыя восклицанія; но это все тамъ, далеко, въ залѣ; потомъ и этого не слышно—отецъ съ дядей и съ матушкой прошли въ кабинетъ и оттуда къ намъ приходитъ лакей съ серебрянымъ подносомъ:—«Просятъ туда чаю»,—говоритъ онъ нашей гувернанткѣ Аннѣ Карловнѣ, которая заступила мѣсто матушки у самовара. Она наливаетъ особенно внимательно стаканъ чаю, отрѣзываетъ на блюдечко свѣжаго лимона, приносятъ откуда-то низенькіе пузатенькіе графинчики съ бѣлымъ и краснымъ ромомъ, ставятъ это все на серебряный подносъ и лакей, у котораго на рукахъ явились уже бѣлыя перчатки, важно уноситъ его. И развѣ ужъ передъ самымъ только ужиномъ мы увидимъ дядю.

— Ахъ, какъ они выросли, сестра, — говоритъ онъ, поздоровавшись съ нами и смотря на насъ.

— Да, ростутъ,—улыбаясь, соглашается матушка.

Но отецъ о чемъ-то опять заговорилъ съ дядей, матушка тоже чтò-то ему разсказываетъ или разспрашиваетъ его и мы въ сторонѣ, на насъ ужъ не обращаютъ вниманія. Мы только смотримъ, разсматриваемъ дядю, какой на немъ невиданный нарядъ, какія у него манеры, какой у него голосъ, какія ухватки. За ужиномъ мы продолжали все его разсматривать, слушаемъ, какъ онъ разсказываетъ про Петербургъ, про парады, про выходы во дворцѣ, и все царь, великіе князья, генералы, министры, посланники...

А утромъ, когда послѣ классовъ мы вышли играть въ залъ— его ужъ нѣтъ, онъ уѣхалъ.

— Дядя васъ цѣлуетъ, онъ не хотѣлъ вамъ мѣшать учиться,— говорила намъ матушка, когда мы спрашивали ее объ дядѣ.

Очень мало мы его видали да и то вотъ такъ, мелькомъ, на самый короткій срокъ.

Общее впечатлѣніе, впрочемъ, было объ немъ у насъ очень хорошее: мундиръ у него такой блестящій и красивый, усы такіе тонкіе, элегантные, изящные, совсѣмъ не такіе, какъ у большинства нашихъ сосѣдей-помѣщиковъ, и потомъ онъ такой веселый, живой, развязный, болтаетъ, шутитъ, смѣется—должно быть очень добрый.

II.

Гораздо лучше мы знали его сестру, «тетю Липу», Олимпіаду Евграфовну, маленькаго роста, худенькую, кроткую и молчаливую дѣвушку ужъ лѣтъ тридцати-пяти, отдавшую, какъ мы это много разъ слыхали, половину почти своего состоянія своему брату, выше котораго она не знала человѣка въ свѣтѣ. Мы слышали про нее, что она «жила братомъ», что онъ все для нея и «избави Господи, если съ нимъ случится что̀, она не переживетъ».

И все, бывало, она сидитъ въ большихъ, зеленыхъ сафьянныхъ креслахъ у окна, вяжетъ тоненькій чулокъ скоро-скоро, перебирая золотыми спицами,—подарокъ брата,—и сосетъ малиновыя карамельки. Я помню, любилъ наблюдать ее. Возьму какую-нибудь книгу—у отца была большая библіотека—сяду въ этой же комнатѣ; показываю видъ, что читаю, а самъ все смотрю на нее: она иногда въ это время заработается и, сама того не замѣчаетъ, шевелитъ губами, что̀-то шепчетъ, улыбается. Очень мнѣ это было любопытно, нравилось...

Она по-часту бывала у насъ и иногда подолгу гостила. Это, послѣ бабушки Аграфены Ниловны, была самая любимая наша родственница. И всѣ ее въ домѣ любили: и матушка, и отецъ, и прислуга. Она насъ баловала лакомствами, у нея былъ всегда цѣлый запасъ ихъ съ собою, особенно малиновыхъ карамелекъ.

— Тетя Липа, откуда ты ихъ берешь?—спрашивали мы.

— Это мнѣ братъ изъ Петербурга присылаетъ.

И дѣйствительно, у насъ, въ нашей сторонѣ, ни у кого такихъ не было: чистыя, красныя, совсѣмъ какъ рубины.

Любила она также барбарисовое варенье. Какъ бывало она пріѣдетъ къ намъ, такъ ужъ всякій день вечеромъ къ чаю подаютъ его въ вазочкѣ, и она кушаетъ. Положитъ на блюдечко, возьметъ ложечкой немножко въ ротъ и прихлебываетъ чаемъ.

— Тетя Липа, ты никакого другого варенья, кромѣ барбарисоваго, не любишь?

— Нѣтъ, вотъ малиновое тоже хорошо.

— А другое?

— Клубничное я тоже люблю, только оно приторно очень, сладко.

— А другое какое еще?—опять допытываемъ мы.

Но во рту у нея варенье, она отхлебнула чаю, говорить не можетъ и потому только молча отрицательно качаетъ головой.

Ее я вотъ, какъ сейчасъ, вижу.

Иногда мы ей надоѣдали съ нашими разспросами до того, что матушка прогоняла насъ отъ нея.

— Катенька, ну зачѣмъ же ты ихъ, вѣдь, они не мѣшаютъ никому,—заступалась она за насъ.

— Ахъ, Липа, надоѣли они. Лѣзутъ все съ глупостями какими-то!

Кротости и терпѣнія необычайнаго она была. Ѣздила съ ней горничная ея, немолодая ужъ дѣвушка и тоже должно быть добрая, но до того глупая, что все бывало перезабудетъ, что ей нужно взять съ собою и разъ онѣ пріѣхали гостить къ намъ на мѣсяцъ и забыли привезти съ собою рубашекъ для смѣны, такъ что потомъ эту горничную—не помню ужъ, какъ ее звали—послали съ нарочнымъ въ Павловку—имѣніе тети Липы.

— Ну это только твое терпѣніе, Липа,—говорила ей по этому случаю матушка, у которой терпѣнія тоже было, хоть отбавляй,—я бы ее и недѣлю при себѣ не держала.

— Такъ мало ли что.—Не нарочно!

— Прошлый разъ вы платки носовые забыли, еще какъ-то—чулки. Вѣдь это ужъ Богъ знаетъ что.

По тогдашнему, это были такія преступленія, что теперь этого понять даже невозможно и никто бы даромъ ихъ не спустилъ, а она—ничего.

У тети Липы было тоже когда-то нѣсколько имѣній, но какъ сказано выше, она отдала ихъ всѣ брату, а тотъ ихъ спустилъ, такъ что ко времени этого разсказа у нея оставалось вотъ только одна это Павловка, въ которой она жила. Но мы никогда тамъ не были. Знали мы только, что тамъ былъ старый небольшой, бабушкинъ еще—Павловка ей досталась отъ ея матери—домъ, въ которомъ было жилыхъ, т. е. въ которыхъ можно было жить и зимою, только три комнаты. Имѣніемъ завѣдывалъ староста, совсѣмъ ужъ сѣдой мужикъ съ трясущейся головой. Этого мы видали. Онъ иногда пріѣзжалъ къ намъ, когда тетя Липа гостила у насъ, привозилъ ей какія-то бумаги, письма. Она была съ нимъ очень ласкова и всегда просила, чтобы ему дали рюмку водки и накормили его.

— Ахъ, Липа, о какомъ вздорѣ ты говоришь—ну, разумѣется, и водки ему дадутъ и накормятъ его,—говорила ей въ этихъ случаяхъ матушка:—какъ же его не накормить? Человѣкъ за пятьдесятъ верстъ пріѣхалъ, съ морозу, а она проситъ еще объ этомъ!

Сама она въ хозяйство, кажется, совсѣмъ не входила, предоставивъ все этому старостѣ своему; а потому, какъ надъ ней съ упреками и ядовито подсмѣивались сосѣди, особенно сосѣдки-помѣщицы, относительно ея женскаго хозяйства, слѣдовало, я думаю заключить, что это хозяйство было у нея въ плачевномъ состояніи, если еще было оно. По крайней мѣрѣ ни о какихъ талькахъ, кружевницахъ, коверщицахъ и т. под. у нея и разговору не было. Все ограничивалось, кажется, одними грибами да ягодами.

Тетя Липа много читала. Я не могу теперь сказать, имѣло ли это чтеніе какой-нибудь результатъ, усвоивала ли она что-нибудь

изъ прочитаннаго и какъ все это переваривала ея голова, но читала она иногда по цѣлымъ днямъ и все серьезныя книги. Она много очень перечитала изъ отцовской библіотеки. Потомъ, она прекрасно знала французскій и нѣмецкій языки, и не болтала только, но основательно ихъ знала. Наши гувернантки, француженка и нѣмка, говорили такъ, по крайней мѣрѣ, про нее.

Тетя Липа училась въ Москвѣ, въ какомъ-то дорогомъ и въ то время самомъ аристократическомъ пансіонѣ, гдѣ отлично кончила курсъ первою. Это мы все знали изъ ея разговоровъ съ нашими гувернантками. Въ свободное отъ занятій съ нами время онѣ говорятъ съ ней, а мы слушаемъ, это намъ интересно. Въ то время, вотъ когда они говорили, а мы слушали ихъ, пансіонъ этотъ еще былъ цѣлъ въ Москвѣ, и однажды тетя Липа сказала матушкѣ, присутствовавшей при этомъ:

— Вотъ бы Соничку (мою сестру) туда отдать: прекрасное заведеніе.

Матушка промолчала, ничего ей не отвѣтила: Соничка предназначалась въ Смольный монастырь, который, въ нашемъ по крайней мѣрѣ захолустьи, считался тогда лучшимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ, и, къ тому же, тамъ окончила курсъ нѣкогда и бабушка (перваго выпуска) мать отца.

Тетя Липа не вышла замужъ по причинѣ какой-то необыкновенно печальной любви, которую она почувствовала вскорѣ по пріѣздѣ изъ пансіона, къ одному молодому человѣку, ихъ сосѣду, тоже только-что пріѣхавшему на побывку къ своимъ родителямъ изъ Петербурга, гдѣ онъ служилъ гусаромъ. Дѣло было зимой, на праздникахъ. Въ Крещеніе онъ явился на іордань, желая блеснуть красивой своей формой, въ одномъ мундирѣ, простудился, схватилъ горячку и умеръ. Тетушка едва перенесла эту утрату, тоже была больна, всѣ отчаявались въ ея выздоровленіи, однакожъ она, слава Богу выздоровѣла, но о замужествѣ за кого бы ни было, она ужъ и слышать потомъ не хотѣла. Сватались и богатые и красивые,—она всѣмъ отказывала.

— Ну чтожъ дѣлать, значитъ, не суждено было. Тогда Богъ не судилъ мнѣ выйти, и не нужно,—коротко отвѣчала она, когда заводили съ ней рѣчь объ этомъ.

Вообще, она не любила этого разговора, отдѣлывалась этой фразой или просто молчала, ничего не отвѣчала.

И это не было притворствомъ съ ея стороны, жеманствомъ: она никогда не притворялась. Она дѣйствительно, должно быть, тяжело переносила свою утрату и это отразилось на всю ея жизнь.

III.

Какъ я уже упоминалъ, у насъ всѣ—и родные и чужіе—говорили про тетю Липу, что она живетъ только для брата своего, дяди Никандра Евграфовича, которому ужъ отдала почти все свое состояніе и отдастъ и послѣднюю свою Павловку, если это ему понадобится.

И дѣйствительно, надо было видѣть ее въ то время, когда она говорила объ немъ. Вся оживлялась, глаза блестятъ; разсказывая про глупости, которыя онъ продѣлывалъ въ Петербургѣ, про дурачества, которыя онъ позволялъ себѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, очень его любившимъ, она смѣялась и хохотала до слезъ, хотя все это было, даже и на мой тогдашній взглядъ, ужасно глупо, а иногда и просто даже пошло.

Но она все это ему не только прощала, не смотря на то, что эти дурачества, какъ и вообще весь образъ его жизни, стоили ей почти всего ея состоянія, но, кажется, въ самомъ дѣлѣ, ни на минуту не задумалась бы отдать ему сейчасъ и Павловку свою, если бы онъ попросилъ у нея этого прямо такъ для какого-нибудь новаго своего дурачества. Это была совершенно необъяснимая странность у нея, слабость къ нему—я не знаю, какъ это назвать.

Увлечется, начнетъ разсказывать какую-нибудь ужъ совсѣмъ не остроумную выходку его, всѣ слушаютъ, молчатъ, а она сама разсказываетъ и смѣется, жмуритъ глаза, полные слезъ отъ смѣха; увидитъ вдругъ у кого-нибудь грустную, снисходительную къ нему улыбку и сейчасъ замолчитъ, обидится. Ее самую скорѣе можно было обидѣть, и она бы перенесла, ничего; но обидѣть его, даже просто снисходительной улыбкой по поводу разсказа о его дурачествахъ—этого она не могла перенести.

Повторяю, это была какая-то необъяснимая просто даже слабость у нея къ нему. Ее всѣ любили за ея кроткій, тихій, безобидный нравъ, знали эту ея слабость, старались всячески избѣгать при ней даже разговора о ея братѣ, но иногда срывалось все-таки у кого-нибудь слово осужденія по поводу его безумнаго мотовства и всѣхъ этихъ дурачествъ, она сейчасъ обижалась и бывали случаи, что она сейчасъ же уѣзжала домой, или къ кому-нибудь изъ родственниковъ, тутъ, поближе, и потомъ долго не показывалась: надо было ѣхать къ ней, объяснить, просить ее забыть.

— Вѣдь, онъ не ваше тратитъ—свое,—говорила она обыкновенно.

— Да досадно на васъ, вы-то зачѣмъ ему свое отдали?

— Опять же вѣдь это мое, а не ваше. Вамъ-то какое дѣло?

— Ну, извините, Олимпіада Евграфовна, больше не услышите, остерегаться буду.

Безконечно добрая, она, разумѣется, не могла долго сердиться, мирилась, но видно было, что перенести ей это дѣйствительно тяжело было, что это опять-таки вовсе не притворство съ ея стороны, не капризъ простой.

Такъ это и продолжалось. Всѣ осуждали его, находили, что это нечестно даже съ его стороны обирать свою сестру, которая на старости лѣтъ можетъ остаться, по его милости, безъ своего угла, и проч., и проч.; но при ней, въ силу вотъ этой необъяснимой ея слабости къ нему, молчали, избѣгая даже спрашивать ее объ немъ.

Какъ вдругъ, однажды, ранней весной, матушка получила записку отъ нея, въ которой она просила ее пріѣхать къ ней въ Самодуровку.

Это было что-то подозрительное. Зачѣмъ она очутилась въ Самодуровкѣ? Никогда она туда, подобно брату своему, не заѣзжала, и вдругъ тамъ теперь. Позвали посланнаго.

— Давно барышня ужъ у васъ?

— Третьяго дня пріѣхали. Вчера возы пришли съ вещами...

— Какіе возы? Съ какими вещами?

— Съ ихними-съ. Онѣ вѣдь изволили Павловку продать, стало-быть, теперь жить тутъ будутъ...

Это былъ крайне непріятный сюрпризъ для матушки, которая очень любила ее. Конечно, она сейчасъ же поняла почему это сдѣлала тетя Липа и для кого, и была этимъ глубоко возмущена. Она сейчасъ же велѣла запречь лошадей и поѣхала къ ней, не смотря на то, что дороги были уже совсѣмъ испорчены и было даже опасно ѣхать отъ готовой разлиться полой воды.

Къ вечеру матушка вернулась уже съ тетей Липой. Матушка была взволнована, а она ничего, попрежнему улыбалась, была весела, ей это, казалось, ни по чемъ.

Послѣ чаю, она, матушка и отецъ, ушли въ кабинетъ и долго тамъ говорили. Матушка выходила оттуда и глаза у нея были заплаканы.

Любимая наша гувернантка, т. е. любимая матушкой, нѣмка Анна Карловна вопросительно смотрѣла на нее, и матушка не вытерпѣла, сказала при насъ ей:

— Никандръ Евграфовичъ—это ужасный человѣкъ: онъ Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Это съ его стороны низко, даже преступно...

Анна Карловна вздохнула изъ глубины души, а мы, догадавшіеся приблизительно въ чемъ дѣло, поняли, что и Павловка тетина пошла тоже на какое-нибудь его дурачество.

Но тетѣ Липѣ казалось до этого ни малѣйшаго не было дѣла. Она и за ужиномъ была все такою же точно, какъ и всегда, смѣялась, поглядывала на насъ, и, послѣ ужина, когда мы, передъ тѣмъ, какъ идти спать, прощались съ ней, обдѣляла насъ, по обыкновенію, малиновыми карамельками.

За матушкой, оказывалось, она присылала изъ Самодуровки только за тѣмъ, чтобы спросить ее, не обезпокоится ли она, если пріѣдетъ пожить къ намъ, пока тамъ у нея все устроютъ? Она знала, что мы ждали въ это время другихъ къ себѣ родственниковъ. Удивительно!

Матушка просто не знала даже, какъ ей понимать ее, и смотрѣла, кажется, какъ на тронутую не много...

И вотъ съ этихъ поръ тетя Липа стала почти что безвыѣздно пребывать у насъ. Съѣздитъ, поживетъ у себя въ Самодуровкѣ для чего-то съ недѣлю или дней десять—это ужъ много—матушка и пошлетъ за ней, или сама поѣдетъ и привезетъ ее.

— Ну, что ты тамъ, Липа, сидишь одна?—спроситъ она, встрѣчая ее.

— Да такъ. Разбирала кое-что, читала, письма писала.

— Да это-то и здѣсь можешь дѣлать.

Привезетъ, бывало, оттуда, изъ парниковъ, своей рѣдиски, огурцовъ, если ѣздила туда весною, а лѣтомъ—ягодъ какихъ-нибудь. Все это есть и у насъ, но мы ѣдимъ это ее, ею привезенное, и всѣ хвалятъ, говорятъ, что вотъ рѣдиска у нихъ лучше, или малина крупнѣе, и она какъ будто довольна этимъ.

Стали и мы чаще бывать въ Самодуровкѣ. Прежде мы тамъ бывали, вотъ какъ я разсказывалъ, очень рѣдко, всего-то раза два я и помню, а теперь все разъ десять въ годъ-то ужъ съѣздили. Никого тамъ прежде не жило къ кому же было ѣхать, а теперь тамъ жила тетя Липа и хотя это только такъ говорилось, что она тамъ живетъ, а все-таки корень у нея тамъ былъ.

Сидимъ — сидимъ, бывало, вдругъ кто-нибудь и придумаетъ ѣхать раковъ ловить, а это всего только въ одной верстѣ отъ Самодуровки,—тетя Липа поддержитъ сейчасъ, скажетъ:

— А вотъ я бы кстати и къ себѣ заѣхала, а то давно не была уже.

Запрягаютъ лошадей и мы ѣдемъ. Довозимъ сперва тетю Липу до ея дома въ Самодуровкѣ, заходимъ сами на минутку и ѣдемъ дальше, ловить раковъ. А на возвратномъ пути, уже поздно вечеромъ, заѣзжаемъ за нею и опять увозимъ ее къ себѣ.

Осенью и зимою ѣздили мы съ нею въ Самодуровку подъ предлогомъ прокатиться. Пріѣдемъ, она тамъ что-нибудь начнетъ искать у себя въ комодахъ, въ шкатулкахъ, которыхъ, кромѣ тѣхъ, что были съ нею у насъ, у нея было безчисленное множество еще; мы согрѣемся между тѣмъ, она угоститъ насъ лакомствами и ѣдемъ назадъ вмѣстѣ съ нею домой.

Около года, первое время, какъ тетя Липа пріѣхала въ Самодуровку, она, вотъ кромѣ этихъ комодовъ и шкатулочекъ, никакихъ вещей не раскладывала. Огромные сундуки съ чѣмъ-то, и наглухо заколоченные ящики такъ и стояли нераспакованными,

въ затворенной комнатѣ флигеля, и, что тамъ было, мы не знали. Но вотъ однажды тетя Липа—это было на слѣдующій годъ весной—отправилась къ себѣ въ Самодуровку, сказавъ, что хочетъ тамъ пробыть нѣкоторое время, такъ какъ ей надо разобрать свои неразобранныя вещи.

— Черезъ недѣльку я опять пріѣду,—сказала она намъ, когда, прощаясь, мы спрашивали ее, когда она будетъ.

Но прошло дней десять, она не ѣхала, и матушка рѣшилась сама за ней ѣхать. Разумѣется, мы стали просить, чтобы она и насъ взяла, матушка согласалась, и мы всѣ поѣхали за ней.

IV.

Мы не узнали самодуровскаго флигеля, когда этотъ разъ взошли въ него. Всѣ стѣны были увѣшаны картинами, картинками, большими портретами, писанными масляными красками, черными печатными литографированными и множествомъ миніатюрныхъ, писанныхъ на фарфорѣ, на стеклѣ, на слоновой кости и проч. Все это въ красивыхъ рамкахъ, золоченыхъ, бронзовыхъ и т. д.

Матушка, бывавшая у тети Липы въ ея Павловкѣ, откуда она это все привезла съ собою, когда продала свое послѣднее имѣніе, встрѣтилась теперь со всѣми этими портретами, какъ съ старыми своими добрыми знакомыми; но для насъ съ сестрою все это было новостью, и мы съ величайшимъ любопытствомъ и интересомъ принялись ихъ разсматривать и спрашивали: кто это? А вотъ это кто? Матушка занялась разговоромъ съ тетей Липой—тетя сообщала ей какую-то новость, а мы надоѣдали имъ своими разспросами, отрывали ихъ отъ разговора, но то та, то другая, отвѣчали намъ, удовлетворяя наше любопытство.

Большею частью это все были портреты нашихъ же родственниковъ, родныхъ, двоюродныхъ, троюродныхъ, бабушекъ, прабабушекъ, дѣдушекъ, прадѣдушекъ, въ ихъ молодости, въ среднихъ годахъ и въ старости; но были между ними портреты и совсѣмъ постороннихъ лицъ, разныхъ знаменитостей, съ которыми я, много читавшій, цѣлыми днями тогда читавшій у отца въ библіотекѣ, былъ уже знакомъ. Въ то время, какъ у всѣхъ это бываетъ дѣтей, которые только-что пристрастились къ чтенію, и у меня былъ свой любимѣйшій герой, или, правильнѣе цѣлый циклъ любимыхъ героевъ — Наполеонъ съ своими маршалами. Я уже прочиталъ «Исторію консульства и имперіи» Тьера, «Исторію Наполеона» соч. Полевого, еще чью-то «Исторію Наполеона», прочиталъ многотомныя воспоминанія и записки герцогини Абрантесъ и много другихъ. Наполеономъ я зачитывался и фактическую исторію его зналъ со всѣми мельчайшими подробностями, которыя собственно и составляютъ весь интересъ и всю прелесть для дѣтей.

И вотъ, теперь вдругъ я увидѣлъ цѣлую галлерею портретовъ самого Наполеона и его маршаловъ. Я никакъ ужъ этого не ожидалъ и былъ просто пораженъ этимъ открытіемъ. Здѣсь былъ и Нэй съ открытымъ, гордымъ лицомъ, и мрачный Даву, и Макдональдъ, и Латуръ-Мобуръ и проч. и проч., но, главное — Мюратъ. Его портретовъ было нѣсколько и между ними одинъ превосходный, писанный на стеклѣ. Знаменитый начальникъ кавалеріи Наполеона, его зять, былъ изображенъ на конѣ въ какомъ-то странномъ уборѣ съ перьями, весь въ позументахъ, орденахъ; вмѣсто чапрака, на лошади барсовая шкура...

Сестра, совершенно равнодушная къ Наполеону и его маршаламъ, пересмотрѣла вмѣстѣ со мною всѣ тетушкины портреты и занялась разсматриваніемъ разныхъ ея вещицъ, во множествѣ теперь разставленныхъ у нея на туалетѣ, на комодахъ, на окнахъ; но я не могъ оторваться отъ портретовъ моихъ любимцевъ. Она звала меня, кричала мнѣ: — посмотри какія шкатулочки! ахъ, какая прелесть!—но я не шелъ смотрѣть «эти глупости». Изъ моихъ настойчивыхъ и неотвязчивыхъ разспросовъ: — «откуда, тетя Липа, ты взяла этотъ портретъ?»—этого маршала, или этого вотъ?— они всѣ были не одинакіе, т. е. разныхъ, не только величинъ, но и разнымъ способомъ воспроизведены—матушка съ тетей, конечно, уже знавшія о моей страсти къ Наполеону и его маршаламъ, поняли, что я попалъ въ очарованный кругъ и, улыбаясь и переглядываясь другъ съ другомъ, смотрѣли на меня. Я почувствовалъ себя неловко и, стоя на диванѣ или на креслѣ передъ портретомъ, думалъ, смотря на нихъ: что онѣ тутъ находятъ смѣшного?... Матушка въ это время встала и, выйдя на середину комнаты, остановилась передъ большимъ пояснымъ портретомъ какой-то барыни, висѣвшимъ какъ разъ посреди стѣны и окруженнымъ всѣми этими портретами Наполеона и его маршаловъ. Къ ней подошла тетя Липа. Онѣ обѣ смотрѣли на портретъ молча, изрѣдка только перекидываясь коротенькими фразами:

— А вѣдь какъ хороша-то!

— Глаза особенно. Удивительно...

— И до сихъ поръ его портретъ все на ней, не разстается?

— Нѣтъ.

Я тоже обратилъ вниманіе на красивую даму. Это была молодая еще женщина, блондинка, съ волосами высоко причесанными, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, подпоясанномъ голубой лентой высоко подъ самую грудь; на шеѣ у нея на черной бархаткѣ висѣлъ чей-то большой медальонъ-портретъ, осыпанный крупными красными камнями.

— Это чей портретъ? — спросилъ я.

— Тоже Мюрата, — отвѣтила матушка.

— Нѣтъ, этой вотъ дамы.

— Ахъ, а я думала, у нея чей портретъ... Это Свистова, Анна Павловна.

Мнѣ что-то тутъ подозрительнымъ показалось.

— А у нея это чей портретъ? — спросилъ я.

— Да вѣдь я же тебѣ сказала — Мюрата, — отвѣтила матушка.

Я такъ и остановился.

— Какъ Мюрата? Зачѣмъ?...

— Ну, теперь пошло, — смѣясь и махнувъ рукой, сказала матушка: — такъ, Мюрата, и больше ничего. Это ея знакомый былъ.

— Ея знакомый? Гдѣ же они познакомились?

— Когда въ Москвѣ были французы.

Я совсѣмъ ничего не понималъ.

— Въ Москвѣ, когда были французы въ двѣнадцатомъ году, и она тамъ оставалась; ну и познакомилась тамъ, въ это время, съ Мюратомъ, — видя мое недоумѣніе, объясняла мнѣ матушка.

Но я все-таки никакъ не могъ понять, какъ же это такъ могло быть: какая-то Анна Павловна Свистова и Мюратъ, — и они были знакомы? Очень ужъ великимъ представлялся мнѣ для этого Мюратъ и, потомъ, французы, двѣнадцатый годъ... Все это, мнѣ казалось, такъ давно было, а тутъ вотъ портретъ помѣщицы-сосѣдки тети Липы, женщины еще молодой и которая, онѣ говорятъ, была съ нимъ знакома... Положимъ, портрету этому, какъ онѣ же говорили сейчасъ, я слышалъ, ужъ лѣтъ тридцать, но все-таки что же это еще?

— Она жива и до сихъ поръ? — спросилъ я матушку.

— Жива.

— Какихъ же лѣтъ она была, когда...

— А въ самомъ дѣлѣ, Липа, который Аннѣ Павловнѣ годъ теперь? — спросила матушка, обращаясь къ тетѣ Липѣ.

Онѣ начали высчитывать и у нихъ вышло, что ей что-то сорокъ семь, восемь.

— Вѣдь она же совсѣмъ еще дѣвочкой была тогда, — говорила тетя Липа.

— Я знаю, ей пятнадцать лѣтъ тогда было — подтвердила матушка.

— Ты ее тоже знаешь развѣ? — спросилъ я, опять удивившись и тому, что ее знаетъ матушка.

— Знаю.

Мнѣ было странно, что она матушкина знакомая, а я ее ни разу не видѣлъ. Всѣ знакомые бывали у насъ, а эта никогда. Я даже никогда ничего не слыхалъ объ ней раньше, не подозрѣвалъ даже о ея существованіи.

— Она отчего же у насъ не бываетъ? — спросилъ я.

— Она далеко живетъ.

— Гдѣ?

— Она тамъ, за Павловкой, гдѣ прежде тетя Липа жила.

— А тутъ, она у тебя, тетя Липа, будетъ бывать, въ Самодуровкѣ? — спросилъ я.

— Она теперь больна, — сказала матушка.

Но отъ меня отдѣлаться было не такъ легко, и я продолжалъ разспрашивать:

— А если выздоровѣетъ, то тогда прiѣдетъ ли? Если прiѣдетъ, то долго ли проживетъ? Пошлютъ ли за тетей Липой, когда она прiѣдетъ, а тетя Липа въ это время будетъ у насъ гостить? и проч. и проч.

— Только ты если и увидишь ее, пожалуйста не вздумай разспрашивать про своего Мюрата, — сказала матушка.

— А что?

Это было опять загадочно для меня и я смотрѣлъ на нее, ожидая отвѣта.

— Такъ... не надо этого... она не любитъ...

— А какъ же она постоянно портретъ его носитъ?...

— Ну, однимъ словомъ, я тебѣ говорю, если бы когда и увидалъ ее, не изволь разспрашивать... Послѣ все узнаешь,—заключила матушка.

Я остался ошеломленный до послѣдней степени всей этой исторiей. Очень ужъ близко, казалось мнѣ, былъ я теперь къ Наполеону, ко всѣмъ его маршаламъ, и такъ это вдругъ, неожиданно все вышло...

Мы ходили куда-то гулять, что̀-то смотрѣли въ Самодуровскомъ саду, на дворѣ, и когда пришли опять въ комнаты, я снова все смотрѣлъ на портреты и особенно на портретъ дамы съ медальономъ на шеѣ...

V.

Домой мы возвратились по обыкновенiю въ тотъ же день, захвативъ съ собою и тетю Липу.

Вечеромъ, въ угольной, за чаемъ, изъ разговора матушки и тети Липы съ отцомъ, мы съ сестрой узнали, что въ это время, пока тетя Липа была у себя въ Самодуровкѣ, она получила очень непрiятное письмо отъ своего брата, дяди Никандра Евграфовича. Дѣла его были совсѣмъ плохи. Онъ былъ страшно долженъ и нуждался въ деньгахъ.

— Да, но вѣдь на него не напасешься! Ему сколько не дай— все будетъ мало.

— И потомъ, что же это такое: въ пятьдесятъ почти лѣтъ ведетъ себя совсѣмъ какъ мальчишка какой. Вѣдь всѣ эти дурачества, шалости, глупости, хороши въ двадцать лѣтъ, а не въ пятьдесятъ,—говорили и отецъ, и матушка.

Тетя Липа слушала ихъ и, если, можетъ быть, и не соглашалась съ ними въ душѣ, то понимала, что вѣдь нельзя же, въ са-

момъ дѣлѣ, заставить всѣхъ смотрѣть на него своими, т. е. ея, глазами. И потомъ, это говорятъ ближайшіе къ ней люди, которыхъ она ни въ чемъ враждебномъ къ себѣ или къ нему и корыстномъ не можетъ заподозрить.

— Ты меня извини, сестра,—говорила ей матушка,—но ты подумай и объ себѣ. Его все равно ты не спасешь, а сама останешься нищей.

Разговоръ шелъ по поводу того, что братецъ Никандръ Евграфовичъ просилъ у сестры послѣднія десять тысячъ, которыя остались у нея изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи Павловки. Она отдала ему всѣ деньги, оставивъ себѣ только десять тысячъ, и онъ проситъ теперь у нея и ихъ.

Тетя Липа молчала.

— Вѣдь, все равно, десятью тысячами ты его не спасешь,—говорила ей матушка.—Ну, вышлешь ты ихъ ему, а дальше?

— Онъ говоритъ, продастъ Самодуровку и отдастъ мнѣ,—отвѣчала ей тетя Липа.

— Да не допустятъ его и продать ее—у него за долги кредиторы продадутъ ее.

— Но какъ же я его оставлю! У меня деньги есть и я ему не помогу!—какъ-то фанатически, съ блистающими глазами, воодушевленная, воскликнула тетя Липа.

Отецъ ей ничего не отвѣтилъ, побарабанилъ пальцами по столу, всталъ и вышелъ; матушка продолжала ее образумливать, вздыхала, говорила:—Ахъ, ахъ, Липа... Ахъ, будешь ты тужить, да ужъ будетъ поздно.

Съ этихъ поръ разговоръ о дядѣ Никандрѣ Евграфовичѣ у насъ въ домѣ начинался почти каждый день. Иногда онъ велся и при тетѣ Липѣ, иногда и безъ нея. При ней, щадя ея слабость къ нему, сдерживались, говорили и выражались объ немъ мягче; безъ нея, конечно, не стѣснялись ни въ обсужденіи его поступковъ ни въ эпитетахъ ему. Деньги, по настоянію матушки, тетя Липа послала ему не всѣ, а только половину. Онъ скоро отвѣчалъ ей, и ни полусловомъ не упомянулъ о томъ, что она ему не десять тысячъ выслала, а всего только пять. Тетя по этому случаю безпокоилась, говоря, что она боится, что ему не хватило:

— Но онъ такъ деликатенъ...

— Онъ просто забылъ, сколько онъ у тебя просилъ. Ему просто нужны были деньги,—а сколько—пять, десять тысячъ, онъ, увѣряю тебя, и самъ не зналъ,—возражалъ ей отецъ.

— Ну, какъ же такъ.

— Очень просто. Надо знать его. Это такой человѣкъ...

Тетя Липа очень часто получала отъ него письма и какъ-то, въ это время, послѣ полученія одного изъ нихъ, сказала, что дядя Никандръ Евграфовичъ собирается въ Москву.

— А сюда будетъ?—спросили ее.

— Не пишетъ...

Отецъ задумался и, улыбаясь, сказалъ:

— Послѣднее средство хочетъ испытать — жениться на купчихѣ!...

Матушка стала смотрѣть на тетю Липу. Та молчала.

— Да, печальный конецъ,—продолжалъ отецъ, но его надо было ожидать.

Тетя Липа молчала.

— Да онъ пишетъ тебѣ объ этомъ что-нибудь?—сказала наконецъ ей матушка.

Тетя Липа заплакала.

— Ну, дѣти, идете гулять, что вы тутъ сидите, нечего вамъ тутъ слушать,—обратилась къ намъ матушка, замѣтивъ, что мы вовсе не нужные тутъ свидѣтели этой тяжелой непріятной сцены.

Мы съ сестрой ушли.

Но такіе разговоры начались теперь почти каждый день и хотя они никакого интереса намъ собственно не представляли, и мы вовсе не старались быть ихъ свидѣтелями, но тѣмъ не менѣе присутствовали при нихъ—сегодня при началѣ разговора, вчера при концѣ, и могли слѣдить за ходомъ развитія вопроса о женитьбѣ дяди въ Москвѣ, на купчихѣ. Отецъ отгадалъ тогда вѣрно. Дядя въ самомъ дѣлѣ ѣхалъ въ Москву съ этой цѣлью и теперь былъ уже тамъ и оттуда къ тетѣ Липѣ приходили письма. Изъ разговоровъ мы узнали, что ему можно жениться не иначе, какъ на невѣстѣ съ приданымъ не меньше милліона...

— Да вы сами посудите, какъ же меньше-то ему можно,—говорилъ однажды отецъ,—когда у него однихъ долговъ больше полумилліона.

— Нѣтъ, меньше,—вступилась было тетя Липа.

— Ахъ, что ты говоришь, Липа. Ты точно ребенокъ.

— Да онъ же самъ мнѣ писалъ.

— Онъ самъ не знаетъ, я думаю, навѣрно сколько онъ долженъ.

Тетя Липа, по обыкновенію, замолчала.

— А чѣмъ же они жить будутъ послѣ? Вѣдь если теперь одному ему не хватало никакихъ средствъ, что же будетъ тогда-то, когда онъ женится? Вѣдь тогда жизнь-то будетъ втрое, вчетверо дороже стоить...

— Онъ остановится. Онъ не будетъ больше...

— Дай Богъ, пора, кажется.

— Да это ужъ Богъ съ ней, что она купчиха, и изъ нихъ попадаются также иногда хорошія женщины,—соглашалась матушка,— самое главное, чтобъ она только съумѣла его въ руки взять... чтобы онъ остепенился при ней...

Такимъ образомъ, у насъ, мало-по-малу, всѣ почти-что ужъ примирились съ тѣмъ, что дядя женится на купчихѣ—фактъ признавался почти-что ужъ совершившимся и всѣ желали только, чтобъ ему попалась, по крайней мѣрѣ, добрая жена, хорошая хозяйка.

Матушка, тетя Липа и даже отецъ приводили извѣстные имъ примѣры удачныхъ браковъ въ этомъ родѣ, когда, женясь, имѣли въ виду сперва однѣ только деньги, а потомъ оказывалось, что имъ попадали и хорошія жены.

Но, тѣмъ не менѣе, рядомъ съ этими добрыми соображеніями, показывшими что дѣло женитьбы дяди на купчихѣ не вызоветъ особеннаго какого скандала, матушка и отецъ—разумѣется въ отсутствіи тети—говорили, что они замѣчаютъ, что она послѣднее время стала какая-то спуганная и это вовсе не оттого, что ее тревожитъ вся эта исторія, а есть этому какая-то другая причина, она объ чемъ-то задумывается, у нея есть чтò-то такое въ головѣ, чего она не высказываетъ, хранитъ про себя.

Но, чтò?

VI.

Въ концѣ мая тетя Липа собралась, и довольно какъ-то неожиданно, поѣхать навѣстить нѣкоторыхъ общихъ нашихъ родственниковъ. Такія поѣздки вообще всѣ дѣлали, дѣлала ихъ и тетя Липа, и ничего въ этомъ особеннаго не было; случайнымъ казалась вотъ только эта неожиданность какая-то, нервная поспѣшность, съ которою она собралась въ дорогу. У нея былъ свой экипажъ, свои лошади въ Самодуровкѣ, такъ что ее слѣдовало только довести до дому, а оттуда она ужъ и поѣдетъ, куда ей вздумается.

— Липа, а если письма получатся безъ тебя на твое имя, куда тебѣ переслать? Ты скажи приблизительно, гдѣ ты въ какое время будешь, мы туда тебѣ и перешлемъ,—сказала ей матушка, при самомъ ужъ прощаньи съ нею, когда всѣ тутъ стояли.

— Да куда?.. не рѣшительно сказала она:—вышли тогда все это къ Свистовой. Я давно ее не видала, мнѣ хочется ее провѣдать...

Но она сказ̀ала это какъ-то странно и это страннымъ точно такъ же показалось и всѣмъ. Это было тоже неожиданностью. Всѣ знали, оказывается, о ея дружественныхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ съ Свистовой, но она говорила все это время, что ѣдетъ къ родственникамъ, это совсѣмъ въ другую сторону, а письма, между тѣмъ проситъ переслать къ Свистовой...

— Я объѣду родныхъ, а потомъ къ ней заѣду, у нея и поживу,—какъ бы въ объясненіе этой загадочности, сказала тетя Липа.

Проводивъ ее, и матушка, и отецъ, высказывали опасенія, какъ бы изъ этого ея пребыванія у Свистовой не вышло еще чего-нибудь нехорошаго для нея.

— Она такая разстроенная, возбужденная, а та ужъ совсѣмъ экзальтированная, тронутая почти—ничего тутъ хорошаго не можетъ выйти,—говорилъ отецъ.—Я прямо-таки за нее боюсь...

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда тети Липы, я сидѣлъ у отца въ кабинетѣ и читалъ какую-то исторію Наполеона. Отецъ тоже въ это время перелистовалъ какую-то книгу. Мнѣ попался на глаза портретъ Мюрата и у меня вдругъ блеснула мысль спросить отца о томъ, какъ попался его портретъ къ Свистовой, и я спросилъ.

Онъ ужасно удивился этому.

— Ты гдѣжъ ее видѣлъ?

— У тети Липы.

— Да развѣ она была тамъ, когда вы тамъ были?

— Портретъ ея я видѣлъ.

— А-а!.. А я ужъ думалъ...

— Какъ онъ къ ней попалъ?.. Портретъ Мюрата къ Свистовой?—повторилъ я, когда онъ, ничего не отвѣтивъ мнѣ, замолчалъ.

— Какъ попалъ?—разскрывая книгу, проговорилъ отецъ,—это очень длинная исторія...—и опять замолчалъ.

— Она съ нимъ познакомилась въ Москвѣ... И онъ самъ ей этотъ медальонъ подарилъ съ своимъ портретомъ?—продолжалъ я.

— Да... въ Москвѣ... самъ подарилъ... Да ты-то откуда это все знаешь?

— Я слышалъ.

— Она отъ этого-то и такая... странная сдѣлалась потомъ,—продолжалъ отецъ.

— Отчего это?

— А такъ... Она думала, что онъ женится на ней... а потомъ это разстроилось...

— Мюратъ хотѣлъ жениться на Свистовой?!—воскликнулъ я.

— Да, чтожъ тутъ удивительнаго? Она столбовая дворянка, прекрасно воспитанная. Да самъ Мюратъ-то кто былъ?

— Да вѣдь, по исторіи, онъ ужъ женатъ былъ. Его жена вѣдь сестра Наполеона была,—опираясь на свои знанія, совершенно серьезно сказалъ я.

— Да вѣдь ей-то казалось, что онъ женится на ней. Вѣдь она совсѣмъ почти дѣвочкой тогда еще была. Ей и пятнадцати лѣтъ не было еще тогда...

— Какъ бы я хотѣлъ ее видѣть,—сказалъ я.

— Чтожъ тутъ хотѣть? Несчастная дѣвушка. Вся жизнь ея разбита... Почти полупомѣшанная...

— И все отъ этого?

— Все отъ этого.

Кто-то вошелъ къ отцу, или позвали его,—на этомъ разговоръ и кончился.

Вскорѣ, черезъ нѣсколько же дней, какъ Липа уѣхала, пришли на ея имя письма и между ними одно отъ Никандра Евграфовича. Надо было ихъ ей послать, но куда ихъ отправить? Пріѣхала ли она ужъ къ Свистовой? А можетъ онѣ, эти письма, нужны, особенно отъ дяди?.. Но въ виду того, что тетя Липа такъ опредѣленно сказала, чтобы письма ея пересылали къ Свистовой, ихъ туда и рѣшили отправить. Для этого былъ посланъ садовникъ нашъ Ефимъ, которому зачѣмъ-то самому нужно было быть въ бывшемъ тетиномъ имѣніи Павловкѣ, а оттуда ужъ рукой подать и до имѣнія Свистовой. Онъ и поѣхалъ съ письмами туда.

Теперь я началъ думать, когда пріѣдетъ назадъ оттуда Ефимъ, я его разспрошу о Свистовой—онъ ее несомнѣнно увидитъ, да и вообще онъ можетъ что-нибудь знать объ ней. Его жена изъ тетиной Павловки, а это близко. Навѣрное онъ все знаетъ и его мнѣ разспросить гораздо удобнѣе... Я съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ его возвращенія. Наконецъ, онъ явился и привезъ извѣстія, что тетиньку Олимпіаду Евграфовну онъ засталъ тамъ уже и, кромѣ письма, она приказала сказать, что скоро будетъ сама къ намъ. Въ письмѣ, которое Ефимъ привезъ отъ нея, она говорила, какъ мы это узнали изъ разговоровъ отца съ матушкой, что, слава Богу, женитьба дяди въ Москвѣ на купчихѣ не состоялась: «И я очень рада,—добавляла тетя,—потому, что это можетъ быть будетъ даже и къ лучшему».

— «Очень рада... Можетъ быть къ лучшему»,—почти съ неудовольствіемъ повторили ея слова отецъ и матушка, уже привыкшіе тѣмъ временемъ, что дядя женится на богатой, хоть и на купчихѣ, и его дѣла поправятся, а теперь опять начнется эта нескончаемая канитель съ деньгами, съ долгами его...

Они оба были теперь прямо недовольны этими извѣстіями и положительно не понимали, чему тутъ радуется тетя Липа?

— И потомъ, что это такое она пишетъ? «Онъ можетъ быть скоро сюда пріѣдетъ...» Чтожъ, онъ послѣднюю, Самодуровку, пріѣдетъ продавать, что ли? Зачѣмъ же еще-то? Что ему дѣлать тутъ? Или можетъ въ отставку долженъ былъ уже выйти?..—разсуждали матушка съ отцомъ.

Но такъ какъ сколько они не догадывались, все-таки догадаться не могли, то и поневолѣ имъ оставалось ждать пріѣзда тети Липы.

VII.

На другой или на третій день, какъ пріѣхалъ Ефимъ, мнѣ представился удобный случай разспросить его о Свистовой, видѣлъ ли онъ ее, и, вообще, что онъ объ ней знаетъ и слышалъ. Мы съ сестрой и гувернанткой нашей пошли передъ завтракомъ на огородъ за редиской,—матушка насъ часто посылала;—сестра съ гу-

вернткой отстали, или замѣшкались гдѣ-то, такъ что я побѣжалъ на огородъ впереди ихъ, одинъ, и нашелъ тамъ Ефима. Мы пошли съ нимъ набирать редиску, и я прямо, не теряя времени, спросилъ его:

— Ефимъ, а ты видѣлъ Свистову?

— Видѣлъ-съ. Онѣ съ тетенькой вмѣстѣ выходили ко мнѣ въ переднюю.

— Вотъ несчастная-то!

Ефимъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Кто-съ? Про кого это вы?

— Про Свистову.

— Помилуйте, эдакое имѣньище у нея,—какая же она несчастная.

— А эта исторія-то ея? Почему она замужъ не вышла за Мюрата.

— За кого-съ?

Я сообразилъ, что садовникъ Ефимъ можетъ даже и не знать или позабыть фамилію знаменитаго наполеоновскаго маршала и сказалъ въ объясненіе ему:

— А это французскій генералъ, который хотѣлъ тогда на ней жениться... Когда французы были въ Москвѣ.

— У нихъ столько было жениховъ послѣ—что̀ тутъ ужъ какой-то французскій генералъ. За нихъ графы и князья сватались—не хотятъ, всѣмъ отказывали. Да за нихъ и сейчасъ, при ихъ состояніи, кто угодно посватается. Что имъ? Онѣ и изъ себя еще совсѣмъ не старыя—въ годахъ, а какія же онѣ старуха.

— Да ты что знаешь, слыхалъ что-нибудь о томъ, что за нее этотъ французскій генералъ-то сватался?—спрашивалъ я его о томъ, что меня больше всего интересовало...

— Да что̀-то такое, помнится, слышалъ.

— Она еще его портретъ постоянно носитъ, вотъ тутъ, на шеѣ.

— Разсказывали, что онѣ зарокъ будто бы дали ни за кого замужъ не выходить, поэтому и не выходятъ.

— Да тебѣ что разсказывали-то?

— А вотъ это самое... Дѣйствительно, будто бы ихъ тогда въ Москвѣ въ плѣнъ взяли, держали долго тамъ, а потомъ отпустили...

По этимъ малымъ обрывкамъ, по недоговореннымъ, недосказаннымъ разговорамъ я все же составилъ себѣ, на основаніи всего этого, представленіе о томъ, что у Свистовой этой, которую я отъ роду не видывалъ, былъ какой-то несчастный романъ—я тогда прочиталъ «Королеву Марго» и еще какой-то историческій романъ—и что этотъ романъ съ такимъ героемъ, какъ Мюратъ, непремѣнно должно быть, что-нибудь въ этомъ же родѣ.

И ни отъ кого я не могу добиться въ чемъ дѣло и какъ это все было!..

Вечеромъ, помню, въ этотъ же самый день изъ Самодуровки пріѣхалъ посланный съ извѣстіемъ, что сегодня утромъ изволилъ пожаловать Никандръ Евграфовичъ, приказали кланяться, сказать, что скоро будутъ сами и справиться, не извѣстно ли, гдѣ Олимпіада Евграфовна?

Посланнаго разспросили, не знаетъ ли зачѣмъ и на сколько времени пріѣхалъ Никандръ Евграфовичъ, одинъ ли, и проч., и проч., потомъ, сказали, что знали о тетѣ Липѣ, т. е. что она у Свистовой, но что мы ее ждемъ сюда со дня на день и приказали просить Никандра Евграфовича къ намъ.

Но прошло, по крайней мѣрѣ, дней пять, пока въ одно прекрасное утро они вдругъ явились къ намъ оба и вмѣстѣ—дядя Никандръ Евграфовичъ и тетя Липа.

Тетя Липа была, или показалась намъ всѣмъ, не обыкновенно странная какая-то. Прежде, она бывало всегда такая радостная при братѣ, а теперь она хоть и радовалась, но это было совсѣмъ не то: она точно все чего-то съ минуты на минуту ждала и чего-то боялась.

Но дядя былъ совсѣмъ попрежнему, казался такой же веселый, беззаботный, только облысѣлъ еще больше—у него и безъ того былъ открытый лобъ—и потомъ у него покраснѣлъ немного носъ—а можетъ это и отъ загара,—да въ глазахъ явилось что-то вялое, безтактное и непріятное... Это все конечно замѣтили не мы, а матушка съ отцомъ, которые высказывали это потомъ, когда дядя съ сестрой уѣхали, а мы это только слышали и, припоминая и сравнивая дядю, какимъ онъ былъ прежде и сталъ теперь, находили, что это они, пожалуй, и вѣрно замѣтили. Особенно непріятно сталъ дядя улыбаться: какъ-то во весь ротъ и, улыбнется и такъ и сидитъ, смотря на всѣхъ.

Или, можетъ, это мы наслушались дурныхъ все разговоровъ объ немъ, объ этихъ его кутежахъ, о томъ что онъ обираетъ сестру, объ этой купчихѣ какой-то, на которой онъ хотѣлъ жениться, чтобы воспользоваться ея деньгами, — не знаю почему, но только и на меня и на сестру Соню онъ произвелъ этотъ разъ непріятное впечатлѣніе, и мы сами по себѣ, безъ всякихъ приказаній, сами держались отъ него все время подальше.

Они пробыли у насъ весь день, обѣдали, вечеромъ пили чай и уѣхали ужъ въ позднія сумерки.

Когда они уѣзжали, мы вышли всѣ провожать ихъ на крыльцо. Передъ тѣмъ всѣ они—и матушка, и тетя Липа, и дядя, провели долгое время, запершись, у отца въ кабинетѣ и вышли оттуда всѣ серьезные,—одинъ только онъ, Никандръ Евграфовичъ, былъ, повидимому, веселъ, улыбался, начиналъ хохотать, спрашивалъ про

какой-нибудь вздоръ. И на крыльцо провожать вышли всѣ тоже серьезные, опять-таки, разумѣется, кромѣ него.

— Ну, такъ когда же вы ѣдете туда?—спросила его матушка.

— А вотъ это какъ она,—отвѣтилъ дядя:—она сваха, она это лучше знаетъ. Послѣ завтра она хочетъ.

И опять у него на лицѣ, во все лицо, эта противная его улыбка...

Отецъ стоялъ молча, ничего не говорилъ, точно дожидался, когда эти всѣ проводы и разговоры кончатся—и они, наконецъ, уѣдутъ...

— Не знаю!.. Она увѣряетъ!.. Можетъ, что и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ!..—ужъ изъ тарантаса, когда онъ трогался, крикнулъ дядя.

Отецъ нетерпѣливо повернулся и пошелъ въ домъ, за нимъ и мы.

Изъ разговоровъ въ этотъ вечеръ отца съ матушкой—они подъ впечатлѣніемъ «этого новаго еще сюрприза» не стѣснялись нами— я совершенно ясно и опредѣленно могъ понять, что дядя Никандръ Евграфовичъ ѣдетъ опять завтра съ тетей Липой къ Свистовой свататься за нее и все это дѣло ладитъ тетя Липа.

Это былъ и для меня сюрпризъ!

И Наполеонъ, и Свистова, и Мюратъ, и дядя, и всѣ маршалы, теперь смѣшались у меня въ головѣ, и я не могъ разобраться въ моихъ мысляхъ...

VIII.

Сватовство это, однако, не удалось. Какъ все это тамъ произошло, я не могъ тогда узнать, но нѣкоторыя подробности дошли до меня. Разумѣется, все это я узналъ изъ разговоровъ отца съ матерью и потомъ изъ разсказовъ самой тети Липы, когда все это наконецъ кончилось.

Идея о женитьбѣ дяди Никандра Евграфовича на Свистовой, или какъ называли ужъ ея всѣ при насъ вице-королевѣ Неаполитанской, зародилась у тети Липы подъ вліяніемъ безпредѣльной любви ея къ брату и старыхъ пріятельскихъ ея отношеній къ своему другу и сосѣдкѣ Свистовой. Она ѣздила къ ней тогда, передъ тѣмъ какъ проявиться у насъ Никандру Евграфовичу, съ цѣлью приготовить Свистову къ этому сватовству за нее своего брата. Свистова дала ей какой-то крайне неопредѣленный и туманный отвѣтъ, который тетя Липа подъ вліяніемъ страстнаго желанія своего устроить счастье ихъ обоихъ, истолковала въ смыслѣ ея согласія. Но когда потомъ, черезъ недѣлю, тетя Липа привезла къ ней Никандра Евграфовича въ качествѣ жениха, Свистова не только была поражена этимъ, изумлена, но даже сочла это прямо за оскорбленіе себѣ со стороны тети Липы. Къ тому же, кажется, и дядя Никандръ Евграфовичъ позволилъ себѣ при этомъ какую-то «неловкость». Это еще болѣе возбудило гнѣвъ въ Свистовой, и она, принявъ совершенно «царственную» осанку, какъ разсказывала потомъ сама же тетя Липа, удалилась, оставивъ ихъ однихъ въ комнатѣ

и больше ужъ къ нимъ не выходила. Тетя Липа попыталась было на основаніи прежнихъ, старыхъ дружескихъ къ ней отношеній проникнуть къ ней въ комнату, объясниться, но Свистова ее не приняла. Такъ они съ дядей и уѣхали въ тотъ же день. Все это кончилось удивительно скоро. Черезъ нѣсколько дней дядя былъ уже опять у насъ. Онъ пріѣзжалъ, чтобы проститься, такъ какъ надняхъ уѣзжалъ въ Петербургъ.

Онъ хохоталъ, разсказывая объ этой исторіи, дѣлая противное, осклабившееся лицо, и говорилъ грубо, цинично, о томъ, какъ все это произошло:

— Фря какая! Да кто ее возьметъ-то послѣ этого скандала ея съ Мюратишкой. Извольте видѣть влюблена она была въ него. Просто послали, какъ это всегда бываетъ на походахъ, какого-нибудь вахмистра за ней, ее и привели. Влюбленъ!.. Скажите пожалуйста. И она въ него была влюблена, до сихъ поръ влюблена...

Но его остановили, заступились за нее.

— Нѣтъ, ужъ это-то Никандръ Евграфовичъ, извините,—возразила ему матушка: — это всѣмъ извѣстно, что ее забыли сонную, когда выбирались и бѣжали изъ Москвы, и Мюратъ ее увидалъ одну, испуганную, растерянную на улицѣ, подъѣхалъ къ ней— онъ извѣстенъ былъ своей учтивостью и любезностью съ дамами, былъ пораженъ ея красотой—она дѣйствительно, вѣдь всѣ знаютъ, рѣдкой была красоты—плѣнился ею, помѣстилъ ее въ штабѣ... Но, потомъ, конечно, несчастіе это было... Но вѣдь этого кто же не знаетъ. Это вовсе не секретъ. За нее сватались потомъ такіе женихи... завидные... нда...

— Завиднаго, у нея только состояніе. А такъ, куда съ ней дѣваться? Ко двору ее нельзя представить... Скандальная исторія эта всѣмъ извѣстна... Жениться на ней можно только, чтобы ликвидировать свои дѣла. Изъ полку тоже надо будетъ сейчасъ же выйти... Но состояніе, т. е. имѣніе ея это дѣйствительно... Кладъ... Золото— имѣніе.

И все это сопровождалось короткимъ хохотомъ, сухимъ, нервнымъ, и той непріятной улыбкой во все лицо, про которую я говорилъ. Чувствовалось что-то фальшивое, дѣланное въ этомъ смѣхѣ его, какъ и во всемъ вообще веселья его. Мы, дѣти, замѣчали это даже; а отецъ, по отъѣздѣ его, прямо говорилъ:

— А ты замѣтила, какъ на него это подѣйствовало?—его всего такъ и передергиваетъ отъ злости.

— Ему неловко, совѣстно.

— Да, но и золъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Сорвалось, не выгорѣло!..

— И у него манеры стали какія-то... прибаутки... ничего этого прежде не было.

— Все казармы.

— Ахъ, не говори. Прежде это былъ, дѣйствительно, блестящій молодой человѣкъ, я вѣдь помню его,—заступалась за него, въ его прошедшемъ, матушка.

— Я его понимаю,—говорилъ отецъ:—положеніе его скандальное. Въ Москвѣ купчиха отказала, потому что тамъ узнали объ его долгахъ и что вотъ онъ началъ очень счастливо въ карты играть... И это не смотря на полковничій чинъ и на вензеля... И потомъ тутъ, эта вотъ исторія...

Отецъ началъ перечислять фамиліи сосѣдей-помѣщиковъ, чьи дѣти служатъ въ петербургскихъ гвардейскихъ полкахъ, и говорилъ, что это имъ несомнѣнно все будетъ извѣстно и слѣдовательно разнесется въ ихъ кругу и въ Петербургѣ. Положеніе дяди Никандра Евграфовича некрасивое: можно тамъ все дѣлать, но чтобъ это было прилично и удавалось, главное, чтобъ удавалось: передъ успѣхомъ все молчитъ. А тутъ полнѣйшая неудача и двѣ скандальныхъ исторіи...

Тетя Липа переѣхала къ намъ не сейчасъ по отъѣздѣ дяди Никандра Евграфовича въ Петербургъ, а по крайней мѣрѣ недѣли черезъ три. Матушкѣ стоило большого труда перетащить ее къ себѣ. Тетя Липа, кажется, хотѣла даже идти въ монастырь и теперь предварительно рѣшила было запереться у себя въ Самодуровкѣ и никуда не показываться. Но матушка, великая мастерица врачевать душевныя раны у родственниковъ и родственницъ, а также и устроивать, чтобы все потомъ выходило гладко, безъ приключеній и скандаловъ, побѣдила ея рѣшеніе, вытащила ее сперва къ намъ, а потомъ и совсѣмъ оправила ея упавшій было духъ.

На тетю Липу, когда только она явилась къ намъ первый разъ послѣ этой исторіи, мы тоже все съ любопытствомъ смотрѣли, хотя намъ и было строжайше приказано ни о чемъ не разспрашивать ее и вести себя какъ будто ничего не было, и мы ничего не знаемъ: старшіе уже знали, конечно, что и намъ все извѣстно.

Она пріѣхала сильно поблѣднѣвшая и похудѣвшая даже. Видно было по лицу, что исторія эта на нее потрясающе подѣйствовала. Мы не могли только понять, что на нее особенно повліяло тутъ—неудача брата жениться вообще на богатой, что было равносильно его окончательной погибели, или безобразно-безтактная исторія сватовства за Свистову, исторія, которую всѣ—не могла же она этого не знать, доходили же до нея слухи—приписывали ей, и въ которой она дѣйствительно была главной виновницей.

Матушка и отецъ поняли хорошо всю щекотливость ея положенія, очень тактично не усугубили ни сколько къ ней вниманія, ни лелѣяли, ни ухаживали за нею, больше чѣмъ обыкновенно; только совершенно избѣгали всякаго разговора о дядѣ и даже отдаленнѣйшихъ намековъ на всю эту исторію—вели себя, какъ будто ничего никогда не бывало, они ничего не знали и не знаютъ.

Даже сосѣдей, на тактъ и скромность которыхъ нельзя было вполнѣ разсчитывать, когда они пріѣзжали къ намъ, предупреждали, прося не говорить ничего объ этой исторіи и не спрашивать тетю Липу о дядѣ Никандрѣ Евграфовичѣ.

Предосторожность и деликатность со стороны матушки и отца въ отношеніи ея доходили до того, что мнѣ, я помню, было запрещено при ней не только разсуждать о Наполеонѣ, и его маршалахъ, но даже брать изъ отцовской библіотеки книги о Наполеонѣ:

— Читай, если хочешь въ кабинетѣ,—сдѣлай одолженіе, сколько хочешь,—а туда не носи, не бери къ себѣ,—говорилъ мнѣ отецъ.

И это, пожалуй, не было лишнимъ...

IX.

Но, со временемъ, какъ все забывается, стала забываться мало-по-малу и эта исторія. Моя страсть къ Наполеону и его маршаламъ тоже улеглась, или, правильнѣе, ее смѣнило увлеченіе средними вѣками, я вдумывался въ загадочную тогда для меня личность Карла V-го испанскаго.

Я былъ въ это время ужъ въ гимназіи и жилъ въ нашемъ губернскомъ городѣ, въ «благородномъ пансіонѣ», откуда мы ходили въ сопровожденіи гувернера-воспитателя ежедневно въ классы. Гувернеровъ этихъ у насъ было четверо: одинъ нѣмецъ, одинъ русскій и два француза, оба ужъ старики и оба плѣнные солдаты великой арміи, оставшіеся потомъ ужъ навсегда гувернерами въ Россіи. Они оба были ужъ настолько стары, что собственно узнать отъ нихъ хотя что-нибудь о Наполеонѣ, его маршалахъ, какъ и обо всей славной эпохѣ ими пережитой, въ которой и они были дѣятелями—ничего уже нельзя было. Они не могли даже разсказать ни одного анекдота, ни одного случая изъ тогдашняго времени. Одинъ, покрѣпче, воровалъ у насъ перочинные ножики, карандаши, которые мы же потомъ вынимали у него изъ ящика и онъ не спорилъ при этомъ:

— Э! это твой развѣ?

— Мой, Иванъ Ивановичъ.

— Ну, бери...

Другой былъ совсѣмъ ужъ слабъ, съ трудомъ ходилъ, тыкая ногами, и какъ только садился на стулъ, начиналъ сейчасъ дремать.

Но однажды намъ удалось какъ-то расшевелить его, онъ былъ бодрѣе, чѣмъ обыкновенно, слово за слово и онъ началъ что-то отрывочно, путая и забывая половину, разсказывать изъ своего прошлаго, разумѣется, и о походѣ Наполеона въ Россію.

Я сидѣлъ тутъ же и слушалъ его. Его спрашивали, какихъ онъ помнитъ генераловъ, какія сраженія. Онъ отвѣчалъ.

— А Мюрата помните?—спросилъ я.

— О! да. Мюратъ—вице-король былъ. Красавецъ. Красива дѣвочки любилъ...

— И въ Москвѣ?

— И въ Москвѣ тоже. У него ихъ много было...

Старикъ увлекся и началъ разсказывать разныя скабрезности на общее удовольствіе его слушателей. Его разспрашивали, и онъ все разсказывалъ, путалъ, вспоминалъ.

— Это раньше можетъ быть все было, или тоже и въ Москвѣ?—еще разъ спросилъ я его.

— И раньше, и въ Москвѣ.

Онъ махнулъ рукой и захохоталъ.

Одинъ изъ товарищей, съ которымъ я былъ дружнѣе, чѣмъ съ другими, тоже сынъ помѣщика нашей же губерніи,—спросилъ при этомъ меня:

— Да что это тебя такъ интересуетъ?

— А я знаю одну его исторію... Мюратову,—сказалъ я,—тоже изъ временъ пребыванія его въ Москвѣ.

— Ты знаешь?

— Да. Его любовь жива еще, она наша же помѣщица, нашей губерніи.

И только я началъ ему разсказывать и назвалъ фамилію Свистовой, какъ онъ вскричалъ:

— Анна Павловна?

— Да. А ты ее почемъ знаешь?

— Да вѣдь она же наша сосѣдка! Она полупомѣшанная. Ну, да... ее вице-королевой Неаполитанской зовутъ... я слыхалъ, отецъ ее такъ называлъ. Она возлѣ Павловки живетъ. Какъ отецъ купилъ Павловку, мы и стали сосѣдями съ ней. Она верстахъ въ семи отъ насъ. Только она вѣдь никуда не выѣзжаетъ, ни у кого не бываетъ... Я только раза два или три ее у обѣдни видѣлъ. Въ Павловкѣ у насъ нѣтъ своей церкви, такъ мы ѣздимъ къ ней, въ Свистовку... Только она и ѣздитъ что въ церковь. Она очень вѣдь богатая, говорятъ... У нея паркъ какой въ имѣніи, садъ. Домъ громадный, но ужъ старый, говорятъ.

Онъ долго болталъ, разсказывалъ про садъ, про этотъ домъ, но объ ней самой онъ ничего не могъ мнѣ сообщить такого, чтобы я не зналъ ужъ раньше. Это былъ какой-то праздникъ, мы были свободны и наша бесѣда тянулась. Я разсказалъ ему изъ ея прошедшаго гораздо больше, чѣмъ онъ изъ настоящаго.

— А знаешь что?—сказалъ онъ.—Пріѣзжай нынче лѣтомъ ко мнѣ. Вѣдь это не далеко отъ васъ, верстъ сорокъ, пятьдесятъ не больше. Тогда ты ее увидишь. Можно будетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ къ ней поѣхать. Отецъ былъ у нея, не помню, по какому-то дѣлу, и она очень милая, очень любезно его приняла.

И я было рѣшилъ, обѣщавъ ему непремѣнно пріѣхать къ нему лѣтомъ, а потомъ вмѣстѣ отправиться къ Свистовой, но чтò-то мнѣ помѣшало, лѣтомъ я къ нему не попалъ и такъ опять-таки вся эта исторія забылась.

X.

Прошло много лѣтъ. Я жилъ въ Петербургѣ, нерѣдко навѣщалъ и деревню. Однажды я застрялъ тамъ и на всю осень. Въ то время я былъ страстный ружейный охотникъ. Въ простой телѣгѣ, вдвоемъ съ егеремъ и собакой, мы заѣзжали иногда верстъ за двѣсти и болѣе отъ дома. И куда мы попадали, гдѣ мы были, мы и сами не знали. Отъ болота къ болоту, отъ села къ селу, глядишь, ужъ и въ чужомъ совсѣмъ мѣстѣ, въ другомъ уѣздѣ. Ночуемъ, пока тепло, въ полѣ, подъ стогомъ, у копны; начнутся холода, темныя ночи, ранніе вечера, пойдутъ дожди—заѣзжаемъ ночевать въ избы мужицкія. Охоту я понималъ всегда именно только такъ; иной охоты я никогда и не любилъ.

Однажды, вотъ, когда такимъ образомъ пробираясь изъ села въ село, мы заѣхали въ совсѣмъ ужъ незнакомую намъ сторону. Былъ темный, холодный, поздній вечеръ. Не зная дороги, мы Богъ знаетъ куда заѣхали и плутали. Наконецъ, было ужъ совсѣмъ темно, когда мы очутились у какой-то усадьбы: лаяли собаки, виднѣлся въ темнотѣ какой-то лѣсъ, мелькали огоньки. Кое-какъ мы добрались до жилья.

— Чья это усадьба?

— Госпожи Свистовой,—отвѣтилъ намъ какой-то человѣкъ, вышедшій на собачій лай изъ избы.

— Какъ?

— Анны Павловны, госпожи Свистовой,—повторилъ въ темнотѣ голосъ.

— Боже мой, вотъ судьба-то! куда привела!—подумалъ я...— Она дома?

— Дома.

— Спитъ ужъ?

— Никакъ нѣтъ. У нихъ гости.

— Вотъ что, любезный, мы измокли, иззябли—гдѣ бы намъ тутъ у васъ переночевать.

— А вы кто будете?

Я сказалъ. Человѣкъ, говорившій со мною, подумалъ немного и проговорилъ:

— Да гдѣ же тутъ? Во флигелѣ развѣ... Надо позволенія попросить.

— У кого?

— Да у барыни.

— А какъ же ее можно видѣть?

— Да ужъ вамъ надобно тогда въ домъ къ нимъ сходить?

— Пойдемъ! Проводи меня.

И я, какъ былъ въ высокихъ сапогахъ, въ грязи, весь мокрый, отправился съ провожатымъ моимъ черезъ дворъ къ огромной темной массѣ—господскому дому. Мы поднялись на крыльцо, ощупали ручку двери и отворили ее. Огромная передняя, слабо освѣщенная и въ ней ни души; дальше слышались голоса и звенѣли какія-то струны, но это были не скрипка и не гитара, а какой-то совсѣмъ неизвѣстный мнѣ инструментъ. Мы остановились въ передней и не знали что же намъ дальше дѣлать—нельзя же въ эдакомъ уборѣ идти въ слѣдующія комнаты. Наконецъ, звуки струнъ смолкли, голоса послышались рѣзче, и вскорѣ кто-то, разговаривая, прошелъ въ сосѣдней комнатѣ. Я кашлянулъ и громко проговорилъ:—Позвольте васъ просить...

Немедлено изъ сосѣдней комнаты къ намъ кто-то вошелъ.

— Исправникъ,—шепнулъ мнѣ мой спутникъ.

Этотъ вошедшій къ намъ въ переднюю очевидно недоумѣвалъ, что мы за люди и что намъ надо?

Я сказалъ ему кто я, какъ попалъ сюда и зачѣмъ теперь пришелъ.

— Ахъ, Анна Павловна очень будетъ рада. Она съ удовольствіемъ, конечно, позволитъ. Да вотъ я ей скажу сейчасъ. Она можетъ даже выйдетъ сама къ вамъ.

И онъ ушелъ, мы опять остались одни.

— Слѣдствіе тутъ идетъ, непремѣнное отдѣленіе съѣхалось,— пояснилъ мнѣ мой спутникъ,—размежеваніе спорное по сосѣдству... Ну судейскіе всѣ тоже самое къ намъ ночевать и пріѣхали. На селѣ гдѣ же?..

Оттуда, извнутри, опять послышались голоса и чьи-то шаги, все ближе и ближе. Вдругъ опять зазвенѣли струны.

— Это чтожъ такое? Кто играетъ?

— Это сама барыня.

— На чемъ же это она?

— На арфѣ...

На этотъ разъ въ переднюю къ намъ вошелъ сѣдой, совсѣмъ ветхій старикъ въ мягкихъ сапогахъ, повидимому дворовый, и прошамкалъ:

— Барыня приказали просить.

— Да вы видите въ какомъ я видѣ, какъ же я пойду?

— Приказали просить...

Провожатый мой остался въ передней, а я пошелъ. Старикъ передо мною растворилъ дверь и, по старинному придерживая ее для чего-то рукою, пропустилъ меня. Я вступилъ въ огромный пустой залъ съ хорами на верху. Въ залѣ было темно; но изъ слѣдующей комнаты широкой полосой врывался свѣтъ и оттуда же слышались голоса. Старикъ, обогнавъ меня, всталъ у дверей и пока-

зывалъ рукою въ освѣщенную комнату. Я не взошелъ туда, а остановился на порогѣ.

Картину, которую я увидѣлъ, я никогда, конечно, не забуду. Эта комната была гостиная и меблированна она была такъ, какъ въ старину меблировались гостиныя: большой длинный диванъ краснаго дерева, съ выпуклой, деревянной спинкой, стоялъ у средней стѣны; передъ нимъ краснаго же дерева круглый столъ. Такія же диваны и передъ ними столы и у другихъ двухъ стѣнъ. У четвертой, наружной, стѣны, въ простѣнкахъ между окнами, высокія зеркала въ рамахъ краснаго дерева. По стѣнамъ въ бронзовыхъ старинныхъ бра горѣли свѣчи, освѣщая стоящую по рединѣ комнаты почти совсѣмъ сѣдую женщину въ длинномъ платьѣ, ниспадавшемъ крупными складками и со шлейфомъ. На плечахъ у нея была накинута малиноваго цвѣта бархатная мантилья, подбитая горностаевымъ мѣхомъ. Она держала въ рукахъ арфу; глаза ея были устремлены куда-то вдаль. На двухъ боковыхъ столахъ передъ диванами, на подносахъ и такъ прямо на столахъ, стояли батареи бутылокъ съ виномъ и пустыхъ уже; кругомъ тарелки, стаканы, рюмки, ножи, вилки, куски хлѣба и проч. Человѣкъ пять сидѣли и полулежали на диванахъ... Вдругъ струны зазвенѣли, и раздался дробезжащій, старческій голосъ... Сидѣвшіе не обращали на это никакого вниманія, продолжая говорить между собою, пить, лить, стучать бутылками, ножами, тарелками, вилками...

И она продолжала пѣть, тоже не обращая на нихъ вниманія, какъ будто и они ей нисколько не мѣшали. Сѣдые волосы прядями висѣли по щекамъ, старческій голосъ дребезжалъ; худыми, какъ у скелета, пальцами она цѣплялась за струны, заставляя ихъ звенѣть...

Я постоялъ, пока наконецъ очнулся, и тихо попятился въ глубь темнаго, неосвѣщеннаго зала и на цыпочкахъ, осторожно, чтобы не стукнуть толстыми сапогами, вышелъ опять въ переднюю.

— Пойдемъ, — сказалъ я провожавшему меня дворовому человѣку.

— Пустили? Во флигель?

— Нѣтъ. Я не спрашивалъ... Я тебѣ заплачу, проведи меня въ село, въ какую-нибудь избу...

Это былъ единственный разъ, когда я ее видѣлъ.

Года черезъ три послѣ этого она умерла.

С. Терпигоревъ.

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ НА ПАРИЖСКОМЪ КОНГРЕССѢ 1856 ГОДА.

I.

ВЪ СТАТЬѢ моей «Русскіе дипломаты на Вѣнскихъ конференціяхъ 1855 года» [1]) я подробно изложилъ ходъ переговоровъ въ Вѣнѣ въ 1855 году и причины ихъ неудачнаго окончанія. Наши противники не соглашались дѣлать уступокъ въ своихъ чрезмѣрныхъ требованіяхъ,—мы не могли принять предъявленныя ими условія, исполненіе которыхъ было не согласно съ нашею народною честью и значеніемъ великой державы.

Главною причиною прекращенія переговоровъ былъ вопросъ объ ограниченіи нашихъ силъ на Черномъ морѣ, и неопредѣленность въ самой постановкѣ этого вопроса.

Сущность общихъ постановленій Вѣнскихъ совѣщаній, направленныхъ, будто-бы, къ огражденію Турціи и неприкосновенности ея територіи, на самомъ же дѣлѣ долженствовавшихъ только ослабить Россію, выражена въ особомъ приложеніи къ послѣднему, 14-му протоколу, которымъ закончились засѣданія конференцій. Постановленія эти сводились къ слѣдующимъ пяти пунктамъ:

1) Турція вводится въ составъ европейскихъ державъ, которыя гарантируютъ неприкосновенность ея територіи. Въ случаѣ возникновенія несогласій между Турціей и одною изъ договаривающихся сторонъ, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію спора силою оружія — спорящія державы должны обратиться къ содѣй-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ» за апрѣль, май и іюнь 1890 годъ.

ствію другихъ, участвующихъ въ настоящемъ договорѣ державъ, которыя употребятъ усилія привести спорящихъ къ мирному соглашенію.

2) Россія и Турція согласятся между собою относительно опредѣленія ихъ силъ на Черномъ морѣ; но силы эти не должны превосходить настоящаго числа ихъ судовъ на этомъ морѣ. Соглашенія, которыя послѣдуютъ по этому предмету, должны быть внесены въ трактатъ мирнаго договора, въ которомъ также должны быть обозначены и средства для провѣрки и наблюденія за точнымъ исполненіемъ настоящаго соглашенія.

3) Закрытіе проливовъ — Босфора и Дарданелловъ, остается на основаній трактата 13-го іюля 1841 года, за слѣдующимъ исключеніемъ:

4) Каждая изъ договаривающихся державъ, не имѣющая на Черномъ морѣ своихъ судовъ, получаетъ, на основаніи султанскаго фирмана, право имѣть на этомъ морѣ два фрегата или судна одинаковой силы.

5) Въ случаѣ угрозъ, предстоящихъ султану съ какой-либо стороны, онъ имѣетъ право открыть свои проходы для судовъ союзныхъ съ нимъ державъ.

Одного этого постановленія уже было достаточно для того, что бы обусловить неудачу переговоровъ. Что значило, напримѣръ, обязательство для Россіи и Турціи не увеличивать настоящаго числа своихъ судовъ на Черномъ морѣ, когда въ настоящемъ весь нашъ Черноморскій флотъ былъ затопленъ въ Севастопольской бухтѣ?

Другіе пункты проекта предварительныхъ соглашеній въ Вѣнѣ также были, видимо, направлены противъ Россіи, и самая неопредѣленность выраженій въ ихъ редакціи допускала широкое толкованіе, которое, при подробномъ его анализѣ, могло перейти за предѣлы всего возможнаго.

Тѣмъ не менѣе, по паденіи Севастополя, обѣ стороны пришли къ полному убѣжденію въ необходимости покончить борьбу, одинаково тягостную для каждой изъ нихъ.

Основанія переговоровъ, какъ сказано, были уже опредѣлены и мы не столько противились ихъ сущности, сколько не соглашались на ихъ форму, которую находили для себя оскорбительною; по этому мы изъявили готовность принять, въ началѣ 1856 года, предложеніе, снова прислать нашихъ уполномоченныхъ въ Вѣну, для пересмотра и соглашенія предварительныхъ условій, которыя должны были привести къ заключенію окончательнаго мира.

Теперь политическая почва для переговоровъ значительно измѣнилась противъ 1855 года и было болѣе основаній разсчитывать на удачный исходъ ихъ. Въ 1855 году, ни одна изъ сторонъ не шла на уступки. Мы геройски продолжали отстаивать Севасто-

поль и знали, что наши противники готовятся даже снять осаду и очистить Крымъ—до того было тяжело ихъ положеніе. По этому, уступать болѣе того, что вызывалось необходимостью, было преждевременно. Съ другой стороны, союзники не дѣлали уступокъ въ виду того, что ожидали для себя измѣненій къ лучшему, безъ чего они, предъ лицомъ всего свѣта, должны были бы сознаться въ своей неудачѣ.

Лично для Наполеона III, это было бы вопросомъ династическимъ—Франція не простила бы ему своего пораженія. Для Англіи, это былъ вопросъ министерскій: нація громко осудила бы руководителей своей политики.

Теперь же, съ паденіемъ Севастополя, тонъ Россіи нѣсколько понизился. Наполеонъ, счастливый, что успѣлъ выйти изъ труднаго и сомнительнаго положенія, искренно желалъ мира, дававшаго Франціи блескъ и величіе. Ему только этого и было нужно. Онъ не преслѣдовалъ, подобно Англіи, ни торговыхъ, ни промышленныхъ, ни матеріальныхъ цѣлей. По этому, миръ получалъ въ лицѣ Наполеона могущественнаго защитника. Англія находилась въ иномъ положеніи. Военныя операціи ея были ничтожны и носили мрачный оттѣнокъ. Матеріальныхъ выгодъ она получить не могла, пока Россія находилась еще во всеоруженіи великой державы, желающей мира, но и не отступающей отъ готовности продолжать борьбу, если ее къ тому принудятъ.

Наполеонъ сознавалъ, что вся тяжесть продолженія этой борьбы лежала бы на немъ, и могла бы снова поставить его въ рискованное и тяжелое положеніе. Онъ зналъ, что Англія будетъ для него, какъ и была, почти только номинальнымъ союзникомъ, который, мало чѣмъ рискуя, готовъ заставить рисковать другихъ, въ надеждѣ обезпечить свои матеріальные интересы и покрыть огромные расходы войны.

Но Наполеонъ не былъ человѣкомъ, готовымъ забыть для другихъ свои собственные интересы. По этому Англія, какъ были всѣ основанія ожидать, volens-nolens, должна будетъ подчиниться намѣреніямъ Франціи при мирныхъ переговорахъ, начавшихся въ январѣ 1856 года въ Вѣнѣ, и которые должны были закончиться въ Парижѣ подписаніемъ мирнаго трактата.

Уполномоченными на Вѣнскихъ совѣщаніяхъ, въ январѣ 1856 года, были со стороны Россіи назначены генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ и баронъ Бруннновъ, бывшій посломъ при германскомъ союзѣ.

Результатомъ этихъ совѣщаній было предварительное подписаніе конвенціи, состоявшейся 20-го января (1-го февраля) 1856 г., и заключавшей въ себѣ слѣдующія общія основанія:

1) Дунайскія княжества. Полная отмѣна надъ ними протектората Россіи, которая не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ ка-

кія внутреннія дѣла княжествъ. Княжества состоятъ подъ властью Порты, и султанъ сохраняетъ за ними прежнія права и привилегіи. Сверхъ того, съ согласія договаривающихся державъ, будутъ выработаны постановленія, опредѣляющія внутреннее устройство княжествъ, сообразное съ нуждами и желаніями населенія.

Въ военномъ отношеніи, въ княжествахъ должны быть приняты мѣры оборонительнаго характера, чтобы дать отпоръ, въ случаѣ вторженія въ нихъ войскъ иностранной державы.

Взамѣнъ русскихъ територій, занятыхъ союзниками во время войны, Россія соглашается на измѣненіе своихъ бессарабскихъ границъ съ Европейскою Турціей. Граница эта, начинаясь въ окресностяхъ Хотина, слѣдуетъ по линіи горъ, на юго-востокъ, и упирается на озеро Сальчикъ. Уступаемая часть Бессарабіи будетъ присоединена къ територіи княжествъ, и состоять подъ верховною властью Порты.

2) Свобода плаванія по Дунаю остается на основаніяхъ Вѣнскаго трактата 1815 г., и состоитъ подъ наблюденіемъ особаго учрежденія, съ представителями отъ европейскихъ, побережныхъ (съ Дунаемъ) державъ.

3) Черное море—признается нейтральнымъ, открытымъ для торговли всѣхъ націй; но плаваніе военныхъ судовъ на немъ запрещается. По этому на немъ не могутъ—ни возводиться новые, ни сохраняться прежніе военно-морскіе арсеналы; обезпеченіе международныхъ интересовъ торговли возлагается на особое учрежденіе, которое будетъ съ этою цѣлію образовано.

Обѣ прибрежныя державы (Россія и Турція), взаимнымъ соглашеніемъ, опредѣлятъ число легкихъ судовъ, которыя онѣ будутъ имѣть для береговой службы.

Соглашенія, которыя послѣдуютъ по этому предмету между Россіей и Турціей, по одобреніи ихъ на конференціи, получаютъ силу закона и вносятся въ мирный трактатъ, какъ неотъемлемая часть его, и не могутъ подлежать никакимъ измѣненіямъ, безъ согласія державъ, подписавшихъ трактатъ.

4) Христіанскіе подданные Порты. Всѣ привилегіи раевъ, будутъ сохранены, безъ посягательства на достоинство и независимость власти султана.

5) Особыя условія. Договаривающіяся державы предоставляютъ себѣ право составленія между собою особыхъ соглашеній, въ интересахъ мира и согласно съ четырьмя предыдущими пунктами.

Такова была сущность предварительныхъ соглашеній, принятыхъ нашими уполномоченными, какъ основаніе для парижскихъ переговоровъ. Это не было окончательное рѣшеніе, а только канва, на которой предстояло разработать детали, прежде чѣмъ дать имъ окончательную, законную форму. Мы приняли эти предварительныя условія въ надеждѣ, что многое, для насъ неблагопріятное,

получить иной характеръ при окончательномъ обсужденіи вопросовъ, отъ которыхъ зависѣло установить миръ, или продолжать войну, которой такъ не желалъ Наполеонъ.

Въ этихъ видахъ, представителями Россіи на парижскомъ конгресѣ были назначены графъ Орловъ и баронъ Брунновъ, подписавшіеся на послѣднемъ постановленіи вѣнской конвенціи 20 января (1 февраля) 1856 г., основанія которой изложены выше.

Вѣрительная грамата, препровожденная графомъ Нессельроде къ представителямъ иностранныхъ державъ въ Парижѣ, состояла въ слѣдующемъ:

«Объявляемъ чрезъ сіе [1]), что согласно съ содержаніемъ протокола, подписаннаго въ Вѣнѣ 20 января (1 февраля) сего года, представителями Россіи, Австріи, Франціи, Великобританіи и Порты Оттоманской, помянутыя державы согласились назначить уполномоченныхъ, имѣющихъ собраться въ Парижѣ, для подписанія прелиминарныхъ статей мира, для заключенія перемирія и окончательнаго мирнаго трактата.

«Мы избрали и назначили для сего, яко же симъ избираемъ и назначаемъ, нашими полномочными, намъ любезно-вѣрныхъ, графа Алексѣя Орлова, нашего генералъ-адъютанта (слѣдуетъ перечисленіе его званій и орденовъ), и барона Филиппа Бруннова, нашего тайнаго совѣтника, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при германскомъ союзѣ (и проч.), уполномочивая ихъ не только вступить въ переговоры съ полномочными тѣхъ державъ, которыя примутъ участіе въ сихъ совѣщаніяхъ, но и постановить, заключить и подписать съ ними окончательный мирный трактатъ, равно какъ и всякіе другіе акты, которые до сего касаться будутъ, обѣщая императорскимъ нашимъ словомъ за благо принять и утвердить все то, что полномочными нашими, въ силу сего полномочія, постановлено, заключено и подписано будетъ и дать на то императорскую нашу ратификацію. Дано въ С.-Петербургѣ, января 28 дня 1856 года и проч.».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, графу Орлову были даны слѣдующія инструкціи, отъ 30-го января 1856 года, изъ которыхъ онъ долженъ былъ извлечь все относящееся къ его миссіи:

«Обстоятельства величайшей важности [2]), и рѣшительное ихъ значеніе для будущности Россіи, побудили государя императора обратиться къ вашей извѣстной преданности къ престолу, проявленной вами въ теченіе почти 50-тилѣтняго служенія вашего тремъ императорамъ.

«Вполнѣ довѣряя вашей испытанной опытности, вашему та-

---

[1]) Переводъ съ французскаго текста. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Графъ Нессельроде графу Орлову, 30-го января 1856, № 37. Минист. Иностр. Дѣлъ.

ланту и просвѣщенію, государь императоръ соизволилъ наименовать ваше сіятельство своимъ первымъ уполномоченнымъ на предстоящихъ въ Парижѣ конференціяхъ, въ видахъ возстановленія мира.

«Вашему сіятельству не только извѣстенъ весь ходъ политики императорскаго кабинета, но даже всѣ сокровенныя мысли, ее направляющія.

«По этому достаточно здѣсь сдѣлать только нѣкоторыя указанія, относительно современнаго положенія политики.

«Причины, вызвавшія обостреніе Восточнаго вопроса, достаточно уже извѣстны, чтобы къ нимъ снова возвращаться. Нынѣшнее положеніе этого вопроса произошло, въ дѣйствительности, вслѣдствіе враждебнаго настроенія Великобританіи, личныхъ побужденій Людовика-Наполеона, и безсильнаго эгоизма Австріи.

«Въ виду этихъ трехъ причинъ, послѣдовалъ неудачный исходъ вѣнскихъ конференцій, не смотря на самыя миролюбивыя намѣренія нашего императорскаго двора.

«Съ того времени, не смотря на неопредѣленный характеръ войны, политика Европы еще болѣе осложнилась. Съ одной стороны Швеція, имѣвшая до сихъ поръ благопріятное къ намъ расположеніе, подпала, безъ всякой надобности, подъ покровительство морскихъ державъ.

«Австрія, по договору 2-го декабря 1854 г., обѣщала западнымъ державамъ употребить все свое вліяніе, чтобы вызвать противъ Россіи европейскую лигу.

«Принявъ на себя составленіе предварительныхъ условій мира, Австрія грозила намъ, что, въ случаѣ отказа съ нашей стороны, послѣдуетъ немедленный разрывъ.

«Моментъ былъ чрезвычайно важенъ. Конечно, если бы дѣйствовать только по указаніямъ чувства, то безъ малѣйшаго колебанія пришлось бы бросить перчатку двору, котораго низость (lâcheté) равняется только его неблагодарности.

«Но съ другой стороны, мы не могли скрывать отъ себя тѣхъ послѣдствій, которыя произошли бы въ случаѣ нашего отказа. Это заставило насъ выбирать одно изъ двухъ: имѣть противъ себя коалицію всѣхъ державъ Европы, что повело бы за собою блокаду на моряхъ, которая отразилась бы на нашей торговлѣ и предвѣщала бы неопредѣленность въ будущемъ; къ тому же, это побудило бы враговъ нашихъ увеличить свои требованія до размѣровъ, принятіе которыхъ оказалось бы невозможнымъ, что вызвало бы общее напряженіе силъ и привело бы къ истощенію всю Европу; или же, предстояло принять предварительныя условія. Государь императоръ, побуждаемый возвышенными чувствами любви къ своей странѣ и своему народу, давая примѣръ высокаго самоотверженія (abnegation)—призналъ за благо, уполномочить императорскій кабинетъ принять, безъ измѣненій, австрійскія предложенія.

«Доставить своимъ народамъ благоденствіе, сохраняя Россіи существенныя условія для ея процвѣтанія и величія въ будущемъ; или не дать войнѣ расширить ея границы, если недоброжелательство враговъ нашихъ воспрепятствуетъ достиженію желаемыхъ намѣреній нашихъ—вотъ мысли, руководившія государемъ императоромъ, и осуществленіе которыхъ императору было благоугодно ввѣрить доказанной способности вашего сіятельства».

Не указывая въ своей инструкціи подробностей, которыми должны были руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ наши уполномоченные, графъ Нессельроде выставлялъ только на видъ, что имъ могутъ оказать большую пользу два обстоятельства. Во-первыхъ, неподлежащія сомнѣнію миролюбивыя намѣренія государя императора, въ чемъ уже не сомнѣвается Европа, не исключая и воевавшихъ съ нами державъ. «Наше лучшее оружіе противъ нашихъ враговъ, сказано въ инструкціи, — состоитъ въ прямотѣ и искренности нашихъ намѣреній».

«Съ другой стороны, въ нашу пользу послужитъ различіе интересовъ и страстей, проявляемыхъ нашими врагами.

«Англія есть и останется нашимъ дѣйствительнымъ и непреклоннымъ (inexorable) врагомъ. До настоящаго времени, частная вражда между министрами, руководящими ея политикою, поддерживаемая настроеніемъ націи, жаждущей удовлетворенія за неудачи испытанныя во время послѣдней войны,— находили поддержку въ личныхъ интересахъ Наполеона.

«Теперь же, Наполеонъ, получивъ отъ своего союза съ Англіей все, что онъ могъ изъ него для себя извлечь, не станетъ болѣе слѣдовать за нею въ воинственномъ направленіи, которое можетъ привести его къ неизвѣстному. Это не соотвѣтствовало бы указаніямъ разсудка, спокойнаго и разсчетливаго, какимъ обладаетъ Людовикъ-Наполеонъ. Безъ сомнѣнія, онъ не закончитъ настоящей войны разрывомъ союза своего съ Англіей. Еще менѣе захочетъ онъ стать во враждебныя съ нею отношенія. Но съ другой стороны, естественно, что онъ долженъ пріискать средства избавиться отъ нѣкотораго рода зависимости, въ которой находится. На это указываютъ уже стремленія французскаго кабинета вступить въ наиболѣе искреннія отношенія съ вѣнскимъ дворомъ. Отъ искусства нашихъ уполномоченныхъ будетъ зависѣть воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ».

Далѣе графъ Нессельроде, въ общихъ выраженіяхъ, указываетъ на цѣли, которыя мы имѣемъ въ виду:

«На востокѣ имперіи, правительство желало бы ввести дѣйствительныя измѣненія, какъ по формѣ, такъ и въ основаніяхъ. Дѣло въ томъ, чтобы въ редакціи постановленій по этому предмету, не было бы ничего оскорбительнаго для Россіи.

«Сверхъ того, желательно ослабить (modifier) или вовсе исклю-

чить изъ трактата пунктъ о европейскихъ границахъ Россіи. Славныя воспоминанія, связанныя съ територіей, подлежащей уступкѣ, а также разнаго рода матеріальныя неудобства —побуждаютъ насъ провѣсти этотъ вопросъ прежде всѣхъ остальныхъ, и даже поставить его въ зависимость отъ уступаемыхъ нами въ Азіи такихъ важныхъ земель, какъ Карсъ и его владѣнія.

«Къ тому же, несмотря на громадныя жертвы, принесенныя уже императоромъ, единственно въ желаніи мира—онъ можетъ встрѣтить на конференціяхъ серьезныя препятствія, вслѣдствіе новыхъ претензій нашихъ враговъ и, главнымъ образомъ, Англіи, по отношенію къ § 5 предварительныхъ условій.

«Подобныя обстоятельства могутъ произойти не только отъ свойства самихъ претензій, но и формы, въ которую онѣ будутъ облечены».

Дѣйствительно, подписанный въ Вѣнѣ, по нашему предложенію, протоколъ проекта предварительныхъ условій мира, былъ ничто иное, какъ только проектъ (parapһé), а самое подписаніе его должно было быть произведено только на парижскихъ конференціяхъ.

Тѣмъ не менѣе было весьма вѣроятно, что Англія будетъ настаивать на томъ, что вѣнскія соглашанія должны быть признаны подлежащими уже окончательному утвержденію, почему графъ Нессельроде, опровергая такой взглядъ, указывалъ графу Орлову на слѣдующія обстоятельства:—мы не станемъ сопротивляться и дадимъ свое согласіе на то, чтобы не возобновлять укрѣпленій Бомарзунда; согласимся возвратить Турціи и занятый нами Карсъ съ его владѣніями въ Азіи, но не иначе, чтобы эти уступки устранили самый вопросъ о какихъ-либо територіальныхъ уступкахъ нашихъ въ Европѣ—или, по крайней мѣрѣ, способствовали наиболѣе выгодному для насъ рѣшенію этого вопроса.

«Отъ искусства нашихъ уполномоченныхъ,—сказано въ инструкціи,—будетъ зависѣть пріобрѣсти такую выгоду, не прерывая переговоровъ, наткнувшихся на этотъ первый подводный камень (contre ce premier écueil). Намъ представляется двоякій образъ дѣйствій—или показать готовность условиться съ Англіей, съ цѣлью удовлетворить видамъ ея въ Азіи, и тѣмъ изолировать Австрію, заставивъ ее относиться въ болѣе благопріятномъ для насъ смыслѣ въ вопросѣ объ уступкахъ; или же, намъ представляется возможность воспользоваться существующимъ уже согласіемъ между Австріей и Франціей, съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ нимъ обѣимъ и составить, такимъ образомъ, родъ союза, съ цѣлью парализировать намѣренія Англіи и заставить ее отказаться отъ чрезмѣрныхъ требованій».

Въ видахъ ускоренія заключенія мира, графъ Нессельроде находилъ болѣе удобнымъ не терять времени на опредѣленіе условій предварительныхъ, а прямо приступить къ разработкѣ и

подписанію окончательныхъ условій. Вообще же, всѣ вопросы второстепенной важности должны быть, по точному смыслу инструкціи, подчинены—«главной цѣли, къ которой слѣдуетъ стремиться: къ возстановленію мира».

Въ особыхъ приложеніяхъ къ этой инструкціи излагается взглядъ русскаго правительства на рѣшеніе главнѣйшихъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ, не безъ основанія, соединено въ особомъ дополнительномъ § 5 проекта трактата, а не внесено въ самый трактатъ, такъ какъ по этимъ вопросамъ могло и не состояться соглашенія.

Такъ, въ вопросѣ о нейтрализаціи Чернаго моря, мы находили, что самый вопросъ о нейтрализаціи этого моря, дѣлая его открытымъ лишь для морскихъ судовъ и закрытымъ для плаванія судовъ военныхъ—«этимъ самымъ требуетъ, какъ conditio sine qua non, закрытія проливовъ»—въ противномъ случаѣ, вопросъ о нейтрализаціи былъ бы пустымъ словомъ, такъ какъ ничто не мѣшаетъ Портѣ, во всякое время, по своему ли желанію, или по побужденію другихъ державъ, открыть свои проходы въ Черное море для пропуска въ него военныхъ флотовъ этихъ державъ. Поэтому необходимо: «чтобы гарантія закрытія проливовъ была обезпечена европейскими державами коллективно».

Что касается до обязательства, «не создавать вновь и не сохранять на берегахъ Чернаго моря военныхъ, морскихъ арсеналовъ», то въ этомъ отношеніи нужно было имѣть въ виду, что вопросъ касается только арсеналовъ, а не крѣпостей и укрѣпленій; и что это не относится до Азовскаго моря, а только до Чернаго.

По отношенію числа нашихъ и турецкихъ судовъ въ Черномъ морѣ, говорится въ инструкціи, нельзя надѣяться, чтобы число это могло быть опредѣлено силою нашего флота, до наступленія войны. Тѣмъ не менѣе, нужно было имѣть въ виду, что какъ Россія, такъ и Турція, должны были имѣть въ Черномъ морѣ достаточныя силы, безъ чего вся черноморская торговля станетъ жертвою пиратовъ, которые разовьютъ на морѣ свои разбойническіе набѣги и сдѣлаютъ самую торговлю ни для кого невозможною.

Болѣе всего предстояло опасаться несогласій по этимъ вопросамъ, извѣстнымъ подъ неопредѣленнымъ названіемъ—особыхъ соглашеній.

Въ инструкціи графу Орлову по этимъ предметамъ, графъ Нессельроде, слѣдующимъ образомъ излагаетъ взглядъ нашего правительства:

«Соглашаясь не возобновлять [1]) укрѣпленій Бомарзунда, желательно не вносить этого въ трактатъ, и даже не упоминать вовсе

[1]) Графъ Нессельроде графу Орлову, 30 января 1856, № 89. М. И. Д.

о Бомарзундѣ, избравъ, напримѣръ, такую редакцію: «Аландскіе острова останутся въ томъ видѣ, въ какомъ находились во время войны (status quo belli)».

Мы имѣли основаніе предполагать, что Англія, возбуждавшая въ настоящей войнѣ подвластные намъ народы Кавказа, будетъ оспоривать наши права на полное владычество надъ этими народами, и на занятіе нами нѣкоторыхъ пунктовъ, къ востоку отъ Чернаго моря, которые были оставлены нами во время войны, какъ, напримѣръ, Суджукъ-Кале и другіе. Для отклоненія этихъ претензій, графъ Нессельроде писалъ графу Орлову, что лордъ Пальмерстонъ, состоя главою Великобританскаго правительства, еще въ письмѣ его къ лорду Дургаму отъ 23-го мая 1837 г., которое намъ было въ свое время сообщено и внесено въ Синюю Книгу, признавалъ, что «правительство ея величества имѣетъ въ виду, что Суджукъ-Кале, который Россія, въ ея трактатѣ 1783 г. признавала какъ владѣніе принадлежащее Турціи, принадлежитъ въ настоящее время Россіи, въ силу Адріанопольскаго договора, и что портъ этотъ занятъ теперь русскимъ гарнизономъ».

Кромѣ того: «лордъ Мельборнъ, первый министръ Англіи, возвращаясь въ 1837 г. къ тому же вопросу о нашихъ пограничныхъ фортахъ въ Азіи, выразился, «что лучшимъ средствомъ устранить на будущее время всѣ спорные вопросы по этимъ границамъ, было бы—занятіе нами, въ скорѣйшемъ времени, всѣхъ главнѣйшихъ побережныхъ пунктовъ, на нашей границѣ черноморской». Если мы оставили эти пункты при началѣ войны, то это было дѣломъ лишь военныхъ соображеній. До войны же мы ихъ занимали своими гарнизонами, и всѣ признавали за нами это право. Вообще вопросъ о всѣхъ нашихъ владѣніяхъ на Кавказѣ, къ востоку отъ Чернаго моря, долженъ быть, по указаніямъ графа Нессельроде, устраненъ, уже въ виду важности возвращаемыхъ нами теперь Турціи земель Карса.

Высказавъ эти общіе взгляды нашего двора, по отношенію къ вопросамъ подлежащимъ обсужденію въ Парижѣ, было важно узнать, какъ смотрятъ на сущность этихъ вопросовъ французское и англійское правительства; въ равной мѣрѣ, требовалось выяснить настроеніе другихъ державъ, участвующихъ на конгрессѣ, и ихъ отношеніе къ Россіи. Это предварительное изслѣдованіе политической почвы было возложено на барона Бруннова, который съ этою цѣлью и прибылъ въ Парижъ за недѣлю раньше графа Орлова, чтобы ко времени его пріѣзда, какъ главнаго уполномоченнаго, выяснить положеніе дѣла, прежде наступленія засѣданій конгресса.

30-го января (11) февраля 1856 г., баронъ Брунновъ пріѣхалъ въ Парижъ и съ ловкостью и энергіей приступилъ къ дѣлу.

Вотъ что писалъ онъ графу Нессельроде въ нѣсколькихъ донесеніяхъ своихъ отъ 7-го (19) февраля.

Прежде всего, Брунновъ сдѣлалъ 2-го (14-го) и 4-го (16-го) февраля визитъ графу Валевскому, какъ министру иностранныхъ дѣлъ Франціи, и такъ описываетъ результаты вынесенныхъ имъ изъ разговора съ Валевскимъ впечатлѣній [1]).

«Намѣреніе французскаго правительства состоитъ въ живомъ желаніи Наполеона придти къ мирному соглашенію, какъ можно скорѣе. Поэтому императоръ употребитъ всѣ средства, чтобы устранить препятствія, которыя могутъ встрѣтиться во время преній, и привести ихъ къ скорому окончанію. Препятствія могутъ представиться не со стороны Франціи, но со стороны Англіи и Австріи.

«Первая мало расположена къ тому, чтобы облегчить дѣло мира. Она не довольна и не прочь предпринять третью кампанію, чтобы поправить невыгодное мнѣніе объ англійской арміи, составившееся на основаніи двухъ предшествующихъ кампаній. Къ тому же, лордъ Пальмерстонъ опасается потерять свой портфель, если будетъ подписанъ миръ, далеко не удовлетворяющій тѣмъ надеждамъ и обѣщаніямъ, которыя имѣла въ виду воинствующая партія въ Англіи. Парижскій кабинетъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы успокоить самолюбіе англичанъ и заставить ихъ быть благоразумными. Лордъ Кларендонъ лично расположенъ къ миру, но боится общественнаго мнѣнія страны и того, что положеніе его будетъ ниже той роли, которую онъ желалъ разыгрывать въ Европѣ. Кларендонъ робокъ (timide) и очень щекотливъ (susceptible) относительно всего, что касается англо-французскаго союза. Онъ видитъ для этого союза угрозу въ тѣхъ сношеніяхъ, которыя могутъ возникнуть прямо между Россіей и Франціей. Отсюда возникаетъ для французскаго двора необходимость избѣгать всего, что можетъ возбудить недовѣріе и зависть лондонскаго кабинета. Поступая иначе, французскій дворъ рискуетъ успѣхомъ негоціаціи». Валевскій сказалъ поэтому Бруннову съ полною откровенностью: «императоръ Наполеонъ очень заинтересованъ въ поддержаніи связей, соединяющихъ его съ Англіей. Онъ находитъ нужнымъ осторожно относиться къ ея справедливымъ требованіямъ, и я прошу васъ имѣть это обстоятельство въ виду, во все время переговоровъ. Если представятся затрудненія, императоръ найдетъ средства устранить ихъ соотвѣтственными мѣрами, не доводя дѣла до крайности и не задѣвая людей (sans brusquer les choses et sans heurter les hommes). Онъ съумѣетъ достигнуть этого путемъ умѣренности и своей способности, на которыя вы можете вполнѣ положиться».

По словамъ министра Фульда, съ которымъ Брунновъ имѣлъ разговоръ 14-го февраля—«Наполеонъ считаетъ себя регуляторомъ (modérateur) между двумя противными сторонами».

---

[1]) 1856 г. Paris. Brunnow, 7-го (19-го) février. № 1. Дѣла Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ.

— «Я могу вамъ только посовѣтовать,—сказалъ Фульдъ Бруннову,—обращаться прямо къ императору во всѣхъ случаяхъ, когда его личное вмѣшательство можетъ способствовать устраненію затрудненій, и гр. Орловъ долженъ испросить дозволеніе обращаться къ императору во всякое время, когда найдетъ это нужнымъ».

«По словамъ графа Валевскаго, — доносилъ Брунновъ, — вотъ затрудненія выставляемыя Англіей:

«1) Прежде всего англичане потребуютъ срытія укрѣпленій, устроенныхъ во время войны на Аландскихъ островахъ. Франція, вѣроятно, будетъ поддерживать это требованіе.

«2) Англичане будутъ противиться тому, чтобы занятыя нами въ Азіи турецкія владѣнія, какъ Карсъ и сосѣдніе съ нимъ турецкія провинціи, оставались бы присоединенными къ Россіи. Франція и въ этомъ вопросѣ будетъ поддерживать Англію.

«3) Англичане не захотятъ оставить безъ нравственной поддержки кавказскихъ горцевъ, которыхъ они возбуждали къ войнѣ съ Россіей, чтобы, хотя по наружности, избѣжать упрека въ измѣнѣ и оставленіи на произволъ судьбы возбужденныя ими народности.

— «Французское правительство,—сказалъ Валевскій,—не будетъ настаивать ни на чемъ по этому вопросу и оставитъ англійскаго уполномоченнаго безъ поддержки. Мы возбудимъ этотъ вопросъ, но вы имъ много не занимайтесь, такъ какъ Англія настаивать не будетъ, и все это нужно только для того, чтобы сказать въ парламентѣ, что интересы горцевъ не были забыты».

«4) Англичане потребуютъ не возобновлять фортовъ вдоль по азіатскому берегу Чернаго моря [1]).

«5) Будутъ споры относительно границъ Молдавіи съ Бессарабіей. Въ этомъ вопросѣ Австрія будетъ поддерживаться Англіей; взамѣнъ чего станетъ поддерживать Англію по дѣламъ азіатскимъ».

Нашъ уполномоченный указывалъ на то, что уступка нами занятыхъ во время войны турецкихъ владѣній въ Азіи, должна избавить насъ отъ всякихъ уступокъ въ Европѣ. Валевскій замѣтилъ на это, что вѣдь и наши владѣнія на Кавказѣ, занятыя нашими противниками, будутъ намъ возвращены, такъ что уступки съ обѣихъ сторонъ уравновѣшиваются.

«Франція, какъ мнѣ кажется, — доносилъ Брунновъ, — будетъ слабо поддерживать претензіи англичанъ въ Азіи, а Австріи въ Бессарабіи, но будетъ менажировать то ту, то другую. Повидимому, Франція сохраняетъ за собою роль умѣрять претензіи однихъ и поддерживать другихъ, смотря по тому, что она найдетъ болѣе выгоднымъ для своихъ интересовъ. Судьба переговоровъ, по этому,

---

[1]) Противъ этого пункта донесенія Бруннова, отмѣтка рукою императора Александра II: «За исключеніемъ Новороссійска и Сухума; мое мнѣніе остальныхъ не возобновлять».

во многомъ будетъ зависѣть отъ безпристрастія, съ которымъ будетъ относиться къ дѣлу императоръ Наполеонъ въ роли посредника, столь лестной для его самолюбія. Въ этомъ весь узелъ негоціацій».

Виды Австріи. «Главная забота Австріи,—писалъ Брунновъ,—сводится къ дѣламъ относительно Дуная, и Восточный вопросъ для нея ограничивается княжествами. Эта узкость задачи придастъ Австріи жалкое (mesquin) значеніе и Валевскій, кажется, не придаетъ выдающейся роли австрійскому уполномоченному.

«Пользуясь этимъ, — пишетъ далѣе Брунновъ,—мнѣ кажется, мы можемъ низвести графа Буоля съ той выгодной позиціи, которую онъ занималъ на Вѣнскихъ конференціяхъ. Перенося переговоры въ Парижъ, государь императоръ вырвалъ съ корнемъ шефа австрійскаго кабинета изъ его родной почвы. Эта перемѣна поразительна до крайности. Австрія низводится на роль второстепенной державы. Она не умѣла стать посредницей и перестала быть ею. Она нашъ другъ, не смѣя открыто заявить о томъ союзникамъ, врагамъ нашимъ. Словомъ, положеніе ея наихудшее изъ всѣхъ, такъ какъ она ни въ комъ не внушаетъ довѣрія. Графъ Буоль, я думаю, скоро почувствуетъ невыгоду для себя результатовъ своей политики: политическаго забвенія въ прошломъ, малодушія въ настоящемъ и нерѣшительности въ будущемъ. Мы не станемъ улучшать роли, которую онъ себѣ создалъ; но мы своимъ поведеніемъ, безъ вражды и злобы, покажемъ ему, что старые друзья всегда наиболѣе надежны» [1]).

Брунновъ замѣчаетъ, что, судя по всему, представители Франціи, Англіи и Австріи уже сговаривались между собою еще до его прибытія относительно программы предстоящихъ переговоровъ, хотя и не опредѣлили еще ничего общаго. «Съ перваго моего свиданія съ графомъ Валевскимъ,—писалъ онъ,—я понялъ, что успѣли уже стать на ложный путь: признается необходимымъ подписать два трактата—первый, предварительный и второй окончательный, мирный трактатъ».

Брунновъ энергично возражалъ противъ этого предположенія, говоря, что «миссія нашихъ уполномоченныхъ состоитъ въ томъ, чтобы искренно и скоро постановить окончательный миръ. Примѣры исторіи показываютъ, что задавшись сперва постановленіемъ предварительныхъ условій, дипломаты не доходили вовсе до условій окончательныхъ. Поэтому въ Европѣ могутъ подумать, что имѣется въ виду не скорѣйшее заключеніе мира, а только желаніе выиграть время. Изъ всѣхъ разсчетовъ это былъ бы наихудшій»,—замѣчалъ онъ.

---

[1]) На этомъ мѣстѣ замѣтка рукою императора Александра II: «Je n'y compte nullement».

Далѣе Брунновъ доказывалъ, что ежели, напримѣръ, Западныя державы потребуютъ отъ насъ возвращенія Карса, то русскіе уполномоченные не могутъ на это согласиться иначе, какъ на условіи соотвѣтственнаго вознагражденія. Переговоры могутъ, поэтому, въ самомъ началѣ, наткнуться на этотъ рожень (sur ce pivot), и дѣло не дойдетъ до окончательнаго мира. Поэтому Брунновъ совѣтовалъ прямо начать съ условій окончательнаго мира, чтобы не терять напрасно ни труда, ни времени.

«Слова мои,—пишетъ Брунновъ,—произнесенныя спокойно, но сильно, произвели, какъ мнѣ кажется, полезное дѣйствіе. Графъ Валевскій хотѣлъ переговорить по этому предмету съ представителями державъ, замѣтивъ только отъ себя, что не знаетъ какъ поступить по послѣднему протоколу Вѣнскихъ конференцій, въ которомъ прямо сказано, что по подписаніи предварительныхъ условій мира будетъ заключено перемиріе и приступлено къ заключенію окончательнаго мира».

Впрочемъ, Валевскій не находилъ этого препятствія непреодолимымъ, полагая, что съ общаго согласія представителей можно замѣнить это постановленіе новымъ.

Въ своихъ сношеніяхъ съ графомъ Валевскимъ и другими лицами, Брунновъ объяснялъ имъ, что онъ, до прибытія графа Орлова, ограничивается только, такъ сказать, изслѣдованіемъ почвы подъ собою, имѣя въ виду все слушать и ничего не рѣшать.

Поэтому, веденные въ этомъ смыслѣ разговоры отличались мало свойственною дипломатамъ откровенностью, а это было очень полезно для графа Орлова, къ пріѣзду котораго почва уже была изслѣдована. «Я отмѣчаю всѣ обстоятельства, изслѣдую причины ихъ и наблюдаю людей, какъ бы безъ всякихъ особыхъ заботъ, и нахожу, что результаты такой системы очень удобны»,—писалъ Брунновъ.

Какъ результатъ своихъ наблюденій, Брунновъ высказываетъ мысль, что было бы всего лучше, еслибы графъ Орловъ объявилъ императору Наполеону, что во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ онъ будетъ обращаться къ нему лично, разсчитывая на его посредничество. «Польщенный этимъ довѣріемъ,—замѣчаетъ Брунновъ,— императоръ Наполеонъ будетъ лично вліять на уполномоченныхъ Англіи и Австріи, и при такомъ условіи мирный исходъ дѣла, если и нельзя назвать несомнѣннымъ, то можно считать вѣроятнымъ».

Испросивъ чрезъ Валевскаго аудіенцію у Наполеона, баронъ Брунновъ получилъ ее 7-го (19-го) февраля.

«Императоръ принялъ меня,—доносилъ Брунновъ [1]) въ $2^1/_2$ часа въ фюрменной аудіенціи, въ Тюльери, въ присутствіи министра иностранныхъ дѣлъ и чиновъ двора. Съ тою же церемоніею были

---

[1]) Brunnow, 7-го (19-го) février, № 2. М. И. Д.

приняты графъ Буоль, первый уполномоченный Австріи, и графъ Кавуръ, первый уполномоченный Сардиніи. Въ качествѣ министровъ—ихъ представленіе было прежде моего, но въ то же утро».

Пріемъ, сдѣланный Бруннову императоромъ, былъ очень милостивъ. Наполеонъ напомнилъ ему о прежнемъ знакомствѣ съ нимъ въ Лондонѣ, когда они встрѣчались при другихъ обстоятельствахъ, и сказалъ, что ему очень пріятно вспомнить объ этомъ времени. Перейдя потомъ къ важности вопроса, по поводу котораго Брунновъ прибылъ въ Парижъ, но не касаясь самаго вопроса по существу, Наполеонъ сказалъ такъ, чтобы голосъ его былъ слышенъ всѣми присутствующими,—«что онъ условился (s'est concerté) съ Англіей, своей союзницей, по предметамъ соглашеній, наканунѣ открытія конгресса».—«Никакихъ намековъ (allusions) не сдѣлано, ни относительно Турціи, ни Австріи, ни Сардиніи»,—доносилъ Брунновъ.

Затѣмъ, Наполеонъ, съ видимымъ интересомъ, спросилъ о здоровьѣ императора Александра и его семейства. Брунновъ сказалъ при этомъ, что императоръ Александръ былъ очень тронутъ выраженіемъ тѣхъ знаковъ уваженія, которыя Наполеонъ проявилъ къ покойному его родителю, когда узналъ о его кончинѣ.

Наполеонъ съ живостію и волненіемъ сказалъ на это, послѣ нѣкотораго молчанія: — «Это былъ великій государь!» Слова эти были произнесены съ чувствомъ и громко. Валевскій объяснилъ это желаніемъ Наполеона, чтобы отзывъ его объ императорѣ Николаѣ былъ слышенъ всѣми.

Итакъ, баронъ Брунновъ могъ теперь знать, что въ лицѣ императора Наполеона и графа Валевскаго, онъ встрѣтитъ готовность поддерживать интересы Россіи, насколько это окажется возможнымъ, не раздражая окончательно Англію, и игнорируя претензіи Австріи. Нужно было теперь разузнать положеніе занятое Англіей.

«Лордъ Кларендонъ,—доносилъ Брунновъ[1]),—тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, просилъ письменно извѣстить его, когда онъ можетъ быть принятъ русскимъ уполномоченнымъ». Свиданіе состоялось 6-го (18-го) февраля. Лордъ Кларендонъ заявилъ, что британское правительство, прежде всего, желаетъ скораго замиренія, хотя это замиреніе и не будетъ популярно въ народѣ. «Условія мира,— сказалъ онъ, — будутъ ниже ожиданій страны. Двѣ предыдущія кампаніи признаются нерѣшительными (indecises). Возможныя приготовленія были сдѣланы съ цѣлью придать борьбѣ бо́льшую силу. Непредвидѣнное замиреніе, пріостанавливая развитіе военныхъ силъ Великобританіи, разочаруетъ народныя массы, дастъ пищу оппозиціи и готовитъ гибель нынѣшнему министерству».

---

[1]) Brunnow, 7-го (19-го) février, № 3. М. И. Д.

Тѣмъ не менѣе, Кларендонъ высказалъ твердое намѣреніе присоединиться къ Франціи и употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть замиренія.

Затѣмъ Кларендонъ выставилъ слѣдующія требованія Англіи:

1) Возвращеніе Карса, безъ чего заключеніе мира будетъ невозможно.

2) Не возобновлять укрѣпленій на островахъ Аландскихъ.

3) По дѣламъ Кавказа, англичане желаютъ, съ одной стороны, облегчить торговлю съ Кавказомъ, въ видахъ развитія цивилизаціи дикихъ племенъ его; съ другой стороны, для безопасности Порты, Англія желаетъ, чтобы укрѣпленія, оставленныя нами во время войны, вдоль восточнаго берега Чернаго моря, не возобновлялись болѣе.

4) Рѣшеніе вопроса о границахъ Бессарабій.

Лордъ Кларендонъ не упомянулъ при этомъ о намѣреніи англичанъ потребовать закрытія морскихъ сооруженій въ Николаевѣ, чтобы сразу не повредить переговорамъ.

Согласно полученнымъ инструкціямъ, Брунновъ, перейдя къ вопросу о покровительствѣ оказываемомъ Россіей христіанскимъ подданнымъ Порты, сказалъ, что Россія никогда не имѣла въ виду эгоистическихъ цѣлей въ этомъ вопросѣ, а поддерживала восточныхъ христіанъ одна, только потому, что другія державы оставались къ этому вопросу равнодушными; что мы не только ничего не имѣемъ противъ ихъ участія въ этомъ святомъ дѣлѣ, но, напротивъ, будемъ очень рады, если всѣ пять европейскихъ державъ учредятъ общую, постоянную конференцію въ Константинополѣ, съ цѣлью гарантировать интересы христіанъ на Востокѣ, безъ различія ихъ вѣроисповѣданій.

Лордъ Кларендонъ былъ, повидимому, совершенно удивленъ такимъ заявленіемъ.

«Онъ сознался мнѣ, пишетъ Брунновъ, что пораженъ новостью этихъ для него идей, ожидать которыхъ онъ никакъ не могъ и которыя онъ вполнѣ одобряетъ».

«Я полагаю, продолжаетъ Брунновъ, что высказанныя мною мысли есть лучшее средство побѣдить то недовѣріе, которое всегда проявляется въ умѣ государственныхъ людей Англіи, какъ только они начиваютъ говорить о дѣлахъ Турціи. Безполезно было бы стараться излечить этотъ порокъ, это умственное ихъ затменіе и упрямство; но я убѣжденъ, что иниціатива, принятая теперь императоромъ при рѣшеніи этого стараго вопроса, придавая ему новый порядокъ вещей — есть единственно возможное, при человѣческихъ комбинаціяхъ, средство достигнуть почетнаго для Россіи мирнаго соглашенія, согласнаго съ истинными интересами христіанства».

Съ своей стороны, лордъ Кларендонъ также не мало удивилъ нашего посланника, высказавъ ему свои мысли, которыя всего менѣе можно было ожидать отъ англійскаго министра.

— «Никто изъ насъ, сказалъ Кларендонъ, не станетъ отрицать постояннаго вліянія, которое Россія и ея государи всегда имѣли на христіанъ греческаго закона, въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Вліяніе это существуетъ и будетъ существовать всегда, чтобы ни предпринималось для его уничтоженія. Мы и не будемъ предпринимать ничего подобнаго. Мы признаемъ его въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, какъ естественный порядокъ вещей. Но ничто не можетъ способствовать болѣе устраненію на будущее время несогласій въ нашихъ сношеніяхъ, какъ установленіе высказанной вами системы. Допуская коллективный надзоръ нашъ, вы устраняете этимъ вопросъ о всякомъ наступательномъ образѣ дѣйствій, тогда какъ всякая исключительная политика только возбуждаетъ его въ нашихъ глазахъ. Поэтому, предлагаемая вами комбинація будетъ великимъ шагомъ на пути къ примиренію».

При частыхъ свиданіяхъ съ графомъ Валевскимъ, Брунновъ не упускалъ случая выяснить и нѣкоторыя подробности предстоящихъ переговоровъ, и условиться относительно этихъ подробностей. Такъ, было условлено съ Валевскимъ [1]), сократить, насколько только возможно, всякую излишнюю переписку и потому вносить въ протоколы только извлеченія, или результаты, происходившихъ на засѣданіяхъ преній, избѣгая всякихъ рѣчей и диспутовъ. Для этого, передъ каждымъ засѣданіемъ, рѣшено было предварительно совѣщаться по предстоящимъ вопросамъ, и разъяснять ихъ конфиденціальнымъ путемъ.

Брунновъ старался сойтись также и съ другими, близкими къ Наполеону, лицами, и пріобрѣталъ черезъ нихъ важныя для себя свѣдѣнія. Такъ въ разговорѣ съ герцогомъ Морни [2]) послѣдній подтвердилъ ему—«полное желаніе парижскаго двора поддерживать добрыя отношенія между Франціей и Россіей». Въ доказательство своей искренности, Морни сказалъ,—что императоръ Наполеонъ будетъ публично показывать всю важность, какую онъ придаетъ союзу съ Англіей. Но, прибавилъ Морни — не должно заблуждаться (se meprendre) относительно дѣйствительнаго значенія подобныхъ проявленій: оно прикрываетъ секретное перерожденіе (transition), которое имъ, (Наполеономъ), подготовляется».

Такое отношеніе парижскаго двора къ Англіи объясняется различіемъ настроенія обоихъ дворовъ, по отношенію къ Россіи. Въ то время, какъ императоръ Наполеонъ искренно желалъ мира, довольный тѣмъ, что послѣ сомнительныхъ шансовъ войны, онъ

---

[1]) Brunnow, 7-го (19-го) fevrier № 4. М. И. Д.

[2]) Brunnow, 7-го (19-го) fevrier № 5. М. И. Д.

могъ сохранить престижъ Франціи; Англія не мирилась съ тою второстепенною ролью, которую ей приходилось играть при настоящихъ обстоятельствахъ, и потому желала продолженія войны. Чтобы побудить къ тому же и Францію, безъ которой Англія, конечно, не могла разсчитывать на успѣхъ борьбы — она предприняла значительное увеличеніе своихъ боевыхъ силъ, не щадя никакихъ расходовъ, въ надеждѣ, что видя ее сильною, въ качествѣ своей несомнѣнной союзницы, Наполеонъ, тѣмъ скорѣе, поддастся увлеченію, и рѣшится продолжать борьбу съ Россіей, чтобы заставить ее принять такія условія, которыхъ желала Англія. Но Наполеонъ, какъ уже было сказано, хорошо понималъ, что ежели борьбѣ суждено продолжаться, то вся тяжесть ея снова ляжетъ на Францію, а всѣ выгоды достанутся одной Англіи. Къ тому же, онъ хорошо зналъ всю трудность предстоящей борьбы. Какъ продолжать ее на сушѣ, въ странѣ, въ которой уже, на нѣсколько сотъ верстъ вокругъ, не было никакихъ средствъ продовольствія, а дороги были въ самомъ ужасномъ положеніи? Приходилось каждый сухарь подвозить изъ Франціи. А далѣе—какъ доставить подвезенные моремъ припасы къ арміи, которая, неминуемо, съ кажнымъ шагомъ впередъ, должна была отдаляться отъ моря? Французы знали, что еще въ началѣ высадки союзниковъ въ Крыму они не могли найти на полуостровѣ никакихъ животныхъ, кромѣ какой-нибудь сотни барановъ. Животныхъ же, потребныхъ для перевозки тяжестей—рѣшительно нельзя было достать. Даже, стоя подъ Севастополемъ, только съ большими затрудненіями союзники могли подвозить въ свой лагерь, прибывшіе на судахъ, предметы довольствія. А тутъ предстояло пройти сотни верстъ южныхъ степей Россіи, лишенныхъ всякихъ жизненныхъ средствъ, въ конецъ истощенныхъ уже войною и которыя не могли довольствовать нашу собственную армію подъ Севастополемъ, куда даже сѣно подвозилось за 300 верстъ и далѣе. Какъ пройти эти степи, не имѣя лошадей для обоза и даже обозныхъ принадлежностей? Какъ везти за арміей артилерію, при которой также не имѣлось лошадей?

Всѣ эти вопросы, натурально, представлялись въ умѣ Наполеона. Англичане не такъ углублялись въ сущность этихъ вопросовъ, имѣя въ виду, что ихъ роль будетъ ограничена дѣйствіями на моряхъ, на которыхъ они себя чувствуютъ такъ легко, какъ рыба въ водѣ. По этому понятно, что Наполеонъ не желалъ продолжать войну, будущность которой представляла столько сомнительныхъ рѣшеній. Онъ довольствовался уже достигнутыми результатами и не хотѣлъ рисковать будущностью. Но его союзница, Англія, желала войны.

Какъ поступить, чтобы достигнуть желаемой цѣли, не раздражая свою союзницу? Онъ поступилъ именно такъ, какъ того требовали обстоятельства. Съ одной стороны, онъ прямо заявляетъ и

Россіи и Англіи, что держится твердо союза съ послѣднею и придаетъ ему значеніе. Этимъ, во-первыхъ, онъ успокоиваетъ Англію, и хочетъ импонировать Россіи, чтобы побудить ее сдѣлать тѣ уступки, которыя онъ находитъ необходимымъ, въ интересахъ Англіи. Но чтобы умѣрить излишнія претензіи послѣдней, претензіи, удовлетворить которымъ Россія не согласится—Наполеонъ оказываетъ чрезвычайное вниманіе русскимъ уполномоченнымъ; а черезъ графа Валевскаго и герцога Морни даетъ имъ понять, что между Россіей и Франціей могутъ возникнуть особыя соглашенія, быть можетъ даже союзъ. Положительно ничего еще не говорится по этому предмету, но уже имѣется въ виду возможность новыхъ комбинацій, на случай, если Англія не откажется отъ своихъ чрезмѣрныхъ требованій и тѣмъ воспрепятствуетъ заключенію желаемаго мира. Переспектива возможности, въ такомъ случаѣ, союза Франціи съ Россіей, даже противъ Англіи, естественно, заставляла послѣднюю быть осторожнѣе и умѣреннѣе—а этого только и было нужно, чтобы обезпечить миръ. Но ведя эту ловкую политику мира, Наполеонъ подкрѣплялъ ее и военными приготовленіями.

«Не смотря на миролюбивое настроеніе Франціи, писалъ Брунновъ [1]), она продолжаетъ дѣлать значительныя военныя приготовленія. Графъ Валевскій не скрываетъ этого и говоритъ, что это необходимо для того, чтобы не отставать отъ Англіи, которая вооружается съ большою энергіею. Если Франція не будетъ сильна, то Англія можетъ повредить дѣлу мира».

Такъ какъ частыя, конфиденціальныя сношенія нашего уполномоченнаго съ графомъ Валевскимъ могли возбудить подозрѣніе въ представителяхъ Англіи, Австріи, Турціи и Италіи, то условлено было сообщаться чрезъ саксонскаго министра въ Парижѣ, Зеебаха, который, по словамъ Бруннова [2]),—«былъ какъ бы посредствующимъ между нимъ, Брунновымъ, и Валевскимъ лицомъ. Черезъ него французскій министръ передавалъ, съ большою осторожностью, чтобы о томъ не узнали иностранные дипломаты, обо всемъ, что могло служить къ сближенію Франціи съ Россіей».

Вообще говоря, заключенія, къ которымъ пришелъ Брунновъ, вслѣдствіе своихъ политическихъ изслѣдованій, съ начала своего прибытія въ Парижъ, были для насъ очень благопріятны. На вопросъ графа Нессельроде, въ какомъ положеніи онъ находитъ дѣла? Брунновъ, въ послѣднемъ изъ своихъ донесеній, все отъ того же 7-го (19-го февраля) 1856 года, писалъ ему слѣдующее:

«Вы спрашиваете меня, графъ, о моихъ первыхъ впечатлѣніяхъ. Извольте. Вотъ, по моему, точная картина нашего положенія. Если мы будемъ имѣть дѣло съ людьми благоразумными, то

---

[1]) Брунновъ, 7-го (19-го) февраля, № 6. М. И. Д.

[2]) Брунновъ, 7-го (19-го) февраля, № 7. М. И. Д.

на будущей недѣлѣ я пришлю вамъ весьма не дурной мирный трактатъ (très présenteble). Но намъ предстоитъ много труда, что бы достигнуть этого результата, если только мы его достигнемъ. Когда мы приступимъ къ негоціаціямъ, я въ состояніи буду сказать тогда, навѣрное,—имѣютъ ли англичане въ виду только шумѣть и придираться (tracasser), или же хотятъ помѣшать подписанію трактата.

«Кларендонъ увѣряетъ, что желаетъ все кончить скоро и хорошо. Посмотримъ. Онъ передалъ мнѣ милостивый привѣтъ отъ королевы. Въ общемъ, свиданіе наше было удовлетворительное. Онъ восхищается графомъ Орловымъ.

«Валевскій относится ко мнѣ очень дружественно. Если онъ избавитъ насъ отъ traité préliminaire, то окажетъ намъ услугу.

«Кларендонъ соглашается со мною относительно пользы постановить прямо окончательный договоръ, безъ подписанія предварительныхъ условій, которыя потомъ должны быть обращены въ трактатъ.

«Графъ Буоль, напротивъ, требуетъ этой формальности [1]). Онъ первымъ сдѣлалъ мнѣ визитъ. Разговаривали прилично (convenables), но съ нимъ не устроить ничего хорошаго.

«Графъ Кавуръ и Буркеней также первыми сдѣлали мнѣ свои визиты. Впрочемъ, я не придаю значенія этимъ дипломатическимъ мелочамъ. Тѣмъ не менѣе, при настоящихъ обстоятельствахъ, это имѣетъ значеніе благопристойности (decorum).

«Кларендонъ также сдѣлалъ мнѣ первые авансы. Короче, все прошло по всѣмъ правиламъ искусства.

«Большая предупредительность со стороны французскихъ министровъ. Адмиралъ Гамеленъ и маршалъ Вельянъ (Vaillant) говорили съ величайшимъ уваженіемъ о блестящихъ доблестяхъ нашихъ войскъ. Я познакомился съ генераломъ Ніелемъ, управлявшимъ осадою Севастополя, какъ начальникъ инженеровъ. Онъ въ восхищеніи (en admiration) отъ нашего храбраго Тотлебена. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ со мною въ присутствіи всего двора, въ Тюльери, передъ выходомъ императора.

«Въ салонахъ, въ публикѣ, на улицѣ, вездѣ проявляется къ намъ общая симпатія. По дорогѣ въ Страсбургъ и на вокзалѣ въ Парижѣ, въ день моего пріѣзда, мнѣ была устроена дружеская демонстрація.

«Короче сказать, графъ, люди, которые у насъ скажутъ вамъ, что наша миролюбивая политика понизила объ насъ общественное мнѣніе въ Европѣ,—пусть только пріѣдутъ въ Парижъ, для того, чтобы убѣдиться въ противномъ. Въ лучшіе годы моей политической карьеры, я никогда не чувствовалъ себя болѣе сильнымъ на

[1]) Т. е. постановленія сперва предварительныхъ условій.

занятой позиціи какъ теперь, когда императору угодно было призвать меня для подписанія мира.

«Затрудненія заключаются не въ томъ. Онѣ происходятъ отъ тѣхъ, которые не желаютъ, чтобы за нами была признана заслуга водворенія общаго спокойствія и благоденствія въ Европѣ. Завидуютъ нашей роли, такъ какъ она велика. Если бы она не была таковою — было бы легко установить миръ.

«Еще одно слово о Валевскомъ. Я зналъ, что онъ очень желалъ моего присутствія на конгрессѣ, и потому сказалъ ему:

— «Такъ какъ вы желали моего прибытія, то, я надѣюсь, не для того, чтобы я испыталъ неудачу (un echec)—это было бы не по-дружески.

— «Избави Богъ,—отвѣчалъ онъ.—Ударъ поразилъ бы не васъ однихъ—я раздѣлилъ бы его вмѣстѣ съ вами. Для меня это было бы еще важнѣе. По этому вы понимаете, что я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, для отвращенія неудачи».

«Это замѣчаніе, — продолжалъ Брунновъ, — мнѣ понравилось. Оно доказываетъ, что самолюбіе Валевскаго побуждаетъ его желать успѣха негоціацій. Это лучшее, что я могу сообщить вамъ, такъ какъ всѣ французскіе министры, гоняясь за тщеславіемъ успѣха, тѣмъ самимъ рѣшаютъ уже дѣло на половину.

«Нельзя того же сказать относительно Кларендона. Этотъ сказалъ мнѣ:

— «Если я привезу уже подписанный миръ, то меня побьютъ камнями (lapider). Джонъ Буль скажетъ, что всего сдѣланнаго еще мало и не покрываетъ издержекъ. Онъ не прочь дать еще одинъ ударъ бокса. Впрочемъ, черезъ три недѣли неудовольствіе уляжется. Затѣмъ, станутъ рукоплескать и кончатъ тѣмъ, что примутъ миръ въ томъ видѣ, какъ онъ состоялся, какъ это бываетъ у насъ всегда съ оконченными дѣлами. Но первыя недѣли будутъ тяжелы (rudes), и я не знаю, будетъ ли наше правительство на столько твердо, чтобы противиться общему настроенію».

«Слова эти любопытны въ устахъ министра, — продолжаетъ Брунновъ,—но я считаю ихъ вѣрными. Англичане говорятъ о подобныхъ вещахъ съ тою безцеремонностію, которая свойственна имъ однимъ.

«По этому поводу я прямо сказалъ Кларендону, безъ всякихъ стѣсненій, что война, особенно при способѣ веденія ея англичанами на морѣ, оставитъ у насъ слѣды, которые не скоро пройдутъ. Онъ очень былъ удивленъ этими словами.

— «Что же,—сказалъ онъ—у насъ это не такъ. Какъ только миръ будетъ заключенъ, мы будемъ думать, что все кончено, какъ слѣдуетъ, и станемъ только заботиться о барышахъ и торговлѣ (sdake, hand, again).

«Положеніе Валевскаго не легкое. Въ настоящее время онъ очень подозрѣваетъ англичанъ.

«Я здѣсь всего восемь дней, но я уже узналъ многое, такъ какъ здѣсь всѣ говорятъ и никто не слушаетъ. Я же, говорю мало, а слушаю много. Вотъ почему я не потерялъ времени даромъ.

«Валевскій предупредилъ меня, что при первой аудіенціи императоръ будетъ со мною очень любезенъ. Дѣйствительно, аудіенція моя доставила мнѣ полное удовлетвореніе. Полагаю, что ожидаютъ пріѣзда графа Орлова, чтобы пригласить меня къ обѣду во дворецъ. «Тогда,—сказалъ Валевскій,—императоръ будетъ говорить съ вами о главномъ и еще кое-о-чемъ другомъ (et de beaucoup d'autres choses). Время объяснить въ чемъ дѣло».

Съ пріѣздомъ графа Орлова, согласно полученнымъ отъ канцлера инструкціямъ, наши уполномоченные должны были подраздѣлить свои занятія и вступать въ непосредственныя сношенія: графъ Орловъ—съ императоромъ Наполеономъ, а баронъ Брунновъ съ Валевскимъ. Брунновъ находилъ это подраздѣленіе труда очень удобнымъ и полезнымъ, такъ какъ одинъ изъ нашихъ представителей будетъ посвящать другого во всѣ подробности своего дѣла, и тѣмъ дополнять его свѣдѣнія, дѣйствуя въ то же время совершенно самостоятельно.

А. Петровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТКИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ Д. М. ЛЕОНОВОЙ.

Желаніе мое описать мою жизнь возникло вопервыхъ изъ дѣятельности моей, какъ артистки, которой случалось сталкиваться со множествомъ людей разныхъ общественныхъ положеній, вовторыхъ, какъ женщины, побывавшей во многихъ странахъ и объѣхавшей кругомъ свѣта; наконецъ, исторія жизни моей, сама по себѣ, представляетъ,—льщу себя этой надеждой,—интересъ для русскихъ людей, какъ по моему происхожденію, такъ и по тѣмъ путямъ, которыми суждено мнѣ было достичь настоящаго моего общественнаго положенія.

Я была всегда настолько впечатлительна и воспріимчива, что живо сохранила въ памяти факты, случившіеся когда мнѣ было всего два года отъ рожденія, и потому я могу начать повѣствованіе свое съ самаго ранняго дѣтства.

I.

Мой отецъ.—Его происхожденіе, служба и женитьба.—Мое рожденіе.—Бѣдственное положеніе моихъ родителей.—Наша жизнь у помѣщицы Ивковой.—Приключеніе съ медвѣдемъ.—Страшныя ночи.—Случай съ отцомъ.—Переѣздъ въ отдаленную деревню.—Пожаръ.—Путешествіе на плоту.—Путешествіе въ Петербургъ въ кибиткѣ.—Необходимость прибѣгать къ чужой помощи.—Путевыя приключенія.

Отецъ мой былъ отставной офицеръ. Жизнь его и характеръ, особенно въ то время, представляютъ исключительную натуру, такъ какъ, по рожденію, принадлежа къ классу несчастныхъ крѣпостныхъ людей и чувствуя себя не въ состояніи переносить эту тя-

желую зависимость, онъ рѣшился бѣжать и избралъ себѣ долю, хотя также тяжелую, но по его взгляду болѣе достойную, а именно — военную службу.

Бывъ еще у помѣщика, отецъ мой съ дѣтства состоялъ пѣвчимъ въ домашней церкви его. Помѣщикъ, замѣтивъ его голосъ, музыкальныя способности и большую охоту, которыя выдѣляли его изъ дворовыхъ людей, опредѣлилъ его въ школу военной музыки лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. На его долю выпалъ самый трудный инструментъ—это тромбонъ. Учась въ школѣ, онъ въ то же время пѣлъ на клиросѣ.

Отецъ мой участвовалъ въ походахъ 1812—14 годовъ. По окончаніи войны, предложено было участвовавшимъ въ ней, по желанію, или остаться на службѣ, или выдти въ отставку съ полученіемъ чина и единовременнаго пособія. Онъ избралъ послѣднее, желая возвратиться на родину, чтобы повидаться съ родными и показать себя только-что произведеннымъ офицеромъ. Но прежде чѣмъ добраться до Осташковскаго уѣзда (Тверской губерніи, мѣста своей родины), онъ пробылъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, гдѣ женился на дочери чиновника, Екатеринѣ Ивановнѣ Ивановой. Первыя дѣти ихъ умирали. До меня было шесть человѣкъ, изъ которыхъ въ живыхъ остался только одинъ братъ, на три года старше меня.

Изъ Петербурга родители мои отправились въ Вышній Волочокъ, гдѣ по какимъ-то дѣламъ отецъ долженъ былъ прожить нѣкоторое время. Тутъ-то я и родилась, въ 1835 году. Изъ Волочка они поѣхали въ Осташковскій уѣздъ, гдѣ отецъ поступилъ управляющимъ имѣніемъ къ помѣщику Полторацкому. Но онъ недолго пробылъ въ этой должности. Характеру его несвойственны были хитрость и суровое обращеніе, что неизбѣжно было связано въ тѣ времена съ дѣятельностью управляющаго,—и онъ отказался. Доказательствомъ неспособности его къ такому дѣлу служитъ то, что, во время управленія своего, онъ не только не нажился, но прожилъ даже послѣдніе свои гроши.

Что было дѣлать и куда дѣваться! Положеніе было безвыходное. Судьба пришла на выручку: находился въ Осташковскомъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ, Ивковъ, который отличался благотворительностью; онъ помогалъ всѣмъ, обращавшимся къ нему, по мѣрѣ возможности и вникалъ въ положеніе всякаго. Узнавъ о бѣдственномъ положеніи нашей семьи, онъ далъ намъ пріютъ въ своемъ имѣніи, гдѣ мы прожили мѣсяцевъ шесть и гдѣ родители мои познакомились съ сестрой Ивкова, бѣдной помѣщицей, владѣлицей села Рыжкова, проживавшей верстахъ въ четырехъ отъ брата. Все село ея состояло изъ четырехъ дворовъ, изъ которыхъ три двора вымерли буквально въ одинъ день отъ горячки. Бѣдная помѣщица этого несчастнаго села нашла возможность предло-

жить отцу моему старый барскій домъ, который пустовалъ; сама же она жила въ новомъ строеніи. Причиною такой доброты Ивковой было расположеніе къ моей матери, которая заинтересовала ее разсказами о Петербургѣ и о петербургской жизни, что составляло, въ тѣ времена и въ такой глуши, немалый интересъ. Къ этому времени относятся самыя раннія воспоминанія мои, запечатлѣвшіяся яркими образами и эпизодами въ моей памяти.

Такъ, напримѣръ, много времени спустя, спрашивала я матушку, гдѣ это и когда въ комнату нашу залетѣли курицы. Она удивилась. «Неужели помнишь ты это,—говорила она,—вѣдь тебѣ было тогда всего два года?» [1]). Я разсказала ей тогда всѣ подробности, которыя ее удивили... Мнѣ и теперь живо представляется, какъ отецъ отворяетъ двѣ двери: одну изъ комнаты въ сѣни, а другую изъ кухни въ сѣни; разсыпаетъ овесъ и зоветъ: «цыпа, цыпа, цыпа!» Куры же, серебрянныя и золотыя, бѣгаютъ по комнатѣ. Помню даже, что куры эти были съ большими хохлами и назывались барсовыми. Помню также происшествіе съ медвѣдемъ, угрожавшее роковымъ исходомъ для меня. Ивковъ жилъ, какъ я уже сказала, въ четырехъ верстахъ отъ села Рыжкова; мы часто бывали у него, ходили туда пѣшкомъ, а оттуда ѣхали на его лошадяхъ. Однажды, родители мои и братъ ѣхали въ экипажѣ, а самъ Ивковъ, любившій ѣздить верхомъ, провожая насъ домой, посадилъ меня около сѣдла на гриву лошади. Помню, какъ я была довольна этимъ. Вдругъ лошадь наша забезпокоилась, зафыркала, и, наконецъ, понеслась какъ бѣшеная. Изъ-за деревьевъ показался медвѣдь. Ивкову уже невозможно было держать меня и онъ крикнулъ: «держись за гриву!» И настолько далъ мнѣ Господь силы, что я уцѣпилась за гриву и, повиснувъ на ней, могла удержаться, пока Ивкову удалось успокоить лошадь. Помню также страшныя ночи, когда мы: матушка, я и братъ, оставались одни въ нашемъ ветхомъ жилищѣ; отецъ въ это время часто бывалъ въ отлучкахъ. Село Рыжково окружено болотами и сплошнымъ лѣсомъ, а помѣщичья усадьба не была даже обнесена оградой. Часто случалось, что, по ночамъ, просыпаясь инстинктивно отъ страха, мы видѣли какъ матушка стоитъ надъ нами и креститъ насъ, говоря: «тише, не говорите громко, слышите, это волки! полное крыльцо волковъ!»

Страшный вой этотъ до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ.

Поселившись у сестры Ивкова, мы имѣли помѣщеніе, но средствъ къ существованію никакихъ. Надо было питаться, но какъ и чѣмъ? Отецъ думалъ, думалъ, что предпринять, и надумался прибѣгнуть

[1]) Какъ память, такъ и физическое развитіе (по словамъ матушки) шли у меня необыкновенно быстро. Шести мѣсяцевъ я уже могла стоять на ногахъ, а семи мѣсяцевъ ходить.

къ средству, единственному въ нашемъ положеніи и въ этой глуши: доставъ нѣсколько писемъ къ помѣщикамъ и взявъ съ собой формулярный списокъ, онъ обращался за помощью и ему помогали кто какъ могъ; кто деньгами, кто припасами. Путешествія эти необходимо было дѣлать зимой, такъ какъ непроходимыя болота, на десятки верстъ въ окружности, слишкомъ затрудняли сообщеніе въ лѣтнее время. Въ такія-то зимнія ночи, оставаясь одни съ матушкой, безъ прислуги, мы дрожали отъ страха, осаждаемые волками. Однажды, въ одну изъ отлучекъ отца, когда матушка не ожидала еще возвращенія его, слышитъ она стукъ въ дверь. Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, она не знаетъ, что ей дѣлать, окликнуть ли того, кто стучится, или притаиться. Со страхомъ отворяетъ она первую дверь, которая вела въ сѣни и ждетъ, что будетъ. Къ радости ея это былъ отецъ. «Отворяй скорѣе!—говоритъ онъ,—это я!» Помню, какъ подошелъ онъ къ нашей кровати и поцѣловалъ насъ, говоря: «Ну, дѣтки, умолили вы Бога, что я живъ. Меня хотѣли убить!» И онъ разсказалъ намъ слѣдующее: ночью перешелъ онъ какую-то рѣку и поднялся на берегъ, на которомъ замѣтилъ избу и въ ней огонекъ. Онъ постучался въ окошко, чтобы попросить указать ему дорогу къ мѣсту, куда надо было ему идти. На стукъ его выскакиваетъ мужикъ съ палкой и начинаетъ безпощадно бить его, такъ что отецъ упалъ и скатился къ рѣкѣ. Онъ не помнилъ, сколько времени лежалъ тамъ, но когда очнулся, то голова его была вся въ крови. Много еще разныхъ подробностей разсказывалъ онъ намъ о своемъ путешествіи, результатъ котораго былъ въ концѣ концовъ радостнымъ: пошелъ отецъ пѣшкомъ, а вернулся на лошадкѣ съ санями, въ которыхъ нашли мы много разныхъ продуктовъ.

И такъ, жизнь родителей моихъ была горька; изъ положенія этого выдти не было никакой возможности... Однажды, заѣхалъ къ намъ Ивковъ и завелъ, между прочимъ, слѣдующій разговоръ: «Я все думаю о васъ, Михаилъ Леонтьевичъ, о вашей семьѣ. Что же вы будете здѣсь дѣлать съ вашими дѣтьми? Вы имѣете званіе, значитъ, вамъ нужно дѣтей вашихъ воспитать, а здѣсь они могутъ совершенно пропасть». Отецъ отвѣчалъ, что и самъ томится мыслью объ этомъ, но не знаетъ рѣшительно какъ выѣхать, что нужно для этого сдѣлать, что у него нѣтъ никакихъ средствъ. Ивковъ взялся самъ за это, и настоялъ, чтобы мы, не теряя времени, отправлялись пока есть санный путь до одной деревни, гдѣ должны прожить до весны и ждать отхода его плотовъ. «На плотахъ,— говорилъ онъ, — устроютъ вамъ мѣсто и вы спокойно доѣдите». А планъ былъ такой: изъ Осташковскаго уѣзда попасть въ Тверь, а потомъ проселочными дорогами ѣхать въ Петербургъ. Не долго думая, собрались мы въ деревню, которая назначалась нашимъ пунктомъ ожиданія.

Пріѣхавъ въ указанную Ивковымъ деревню, мы наняли избу, которая оказалась совершенно новою. Время было—великій постъ; стояли еще холода и морозы. Но въ первую же ночь у насъ сдѣлался пожаръ. Къ счастію, отецъ во-время услыхалъ запахъ гари и только успѣли мы выскочить, какъ пламя охватило домъ. Сосѣдніе мужики набѣжали и скоро потушили огонь, но въ нихъ закралось подозрѣніе, что не былъ ли это поджогъ. Причина пожара была очень простая: въ печкѣ, для загребанія углей сдѣлана была яма, дно которой приходилось почти на самыхъ балкахъ, вслѣдствіе чего онѣ и загорѣлись. Наняли другой домъ, и вдругъ тамъ та же исторія: ночью опять запахъ гари; подходятъ къ печкѣ и видятъ, что изъ такой же ямы для углей показалось уже пламя. Къ счастію нашему, удалось затушить огонь собственными средствами, иначе крестьяне не безъ нѣкотораго основанія могли бы принять насъ за поджигателей. Послѣ этого, мы переѣхали опять въ другую избу, по счету уже третью, объясняя переѣздъ свой тѣмъ, что въ прежней было холодно.

Наконецъ, наступила весна. Приготовляютъ плоты, на которыхъ должны отправиться и мы. Устроиваютъ намъ шалашикъ на плоту. Хотѣли было сдѣлать его на послѣднемъ, но матушка, по какому-то инстинкту, пожелала непремѣнно, чтобы шалашъ помѣстили на одномъ изъ среднихъ плотовъ. Наконецъ мы отправились.

Рѣчка, помнится мнѣ, была не широкая, берега совершенно плоскіе, покрытые свѣжей растительностью только-что распустившихся деревьевъ и кустовъ, такъ какъ это было въ маѣ мѣсяцѣ, и между нихъ какія-то птички, безпрестанное чириканье которыхъ пугало матушку; онѣ предвѣщали, по словамъ ея, дождь. Дѣйствительно, ночью пошелъ проливной дождь. Хорошо помню, какъ матушка и отецъ укрывали насъ, меня и брата, отъ дождя. Утромъ, проснувшись рано, мы съ удовольствіемъ увидали, что погода прояснилась, а матушка сказала намъ: «Знаете, дѣтки, что случилось, задній плотъ, на который хотѣли посадить насъ, въ эту ночь весь расплылся!» И такъ судьба спасла насъ.

Вотъ вдали показалась на пригоркѣ живописная деревня. Здѣсь плоты должны были остановиться, чтобы сдѣлать запасъ провизіи и развести огонь. За огнемъ надо было идти въ деревню и такъ какъ я была шустрая дѣвочка, то и вызвалась сбѣгать за огнемъ. Въ то время спичекъ еще не было, а для добыванія огня употребляли огниво и трутъ. Доставъ все это, бѣгу я въ восторгѣ обратно. Къ удивленію моему, дорога кажется мнѣ несравненно длиннѣе. Вспоминается также, что лѣсу не было, а я вижу передъ собой маленькій лѣсокъ, хочу вернуться, сзади лѣсъ еще выше, иду дальше, все лѣсъ и лѣсъ! Тутъ поняла я, что заблудилась, начинаю плакать и съ отчаянія не знаю что дѣлать. Вдругъ слышу, что нѣсколько голосовъ вдали кричатъ: ау, ау! Оказалось, что я

пробѣжала плоты, не замѣтивъ ихъ, такъ какъ они стояли у самаго берега, отвѣснаго въ этомъ мѣстѣ, и съ дороги ихъ не было видно. Родители же мои видѣли, какъ я пробѣжала изъ деревни, догадались, что я сбилась съ дороги и тотчасъ же пустились въ погоню за мной. Послѣ небольшой остановки, мы двинулись въ дальнѣйшее путешествіе. Плыли по какому-то озеру, названіе котораго не помню, и этимъ озеромъ водяное путешествіе наше окончилось. Мы пріѣхали въ деревню, гдѣ должны были дожидаться саннаго пути, чтобы ѣхать въ Тверь, гдѣ нужно было достать мнѣ метрическое свидѣтельство.

Здѣсь, въ ожиданіи зимняго пути, родители мои понемногу приготовлялись къ дорогѣ. Пріобрѣли лошадь и крытую кибиточку, и какъ только санный путь установился, мы, уложивъ въ эту кибиточку все наше имущество и помѣстившись въ ней вчетверомъ, отправились въ Тверь.

Изъ переѣзда этого смутно помню только нашъ незатѣйливый экипажъ, а изъ словъ матушки знаю, что дорогой я была очень больна. У меня было сильнѣйшее горячечное состояніе. Надежды на выздоровленіе мое не было никакой; родители отчаявались довести меня живой до Твери. Но Господь спасъ меня. Не смотря на то, что при сильнѣйшемъ жарѣ, какой былъ у меня, приходилось держать меня на морозѣ и что никакой медицинской помощи достать было негдѣ, къ пріѣзду нашему въ Тверь здоровье мое стало поправляться.

Въ Твери оставались мы недолго, проживать было не на что, да и надо было пользоваться саннымъ путемъ, чтобы доѣхать до Петербурга, такъ что, выправивъ мое метрическое свидѣтельство, отецъ тотчасъ же позаботился о возможности продолжать нашъ путь. Средство къ этому опять было то же, къ которому онъ и раньше бывалъ вынужденъ прибѣгать, именно: онъ досталъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ помѣщикамъ, черезъ имѣнія которыхъ предполагался нашъ маршрутъ. Насъ предупреждали, чтобы мы ѣхали проселкомъ, а не большой дорогой, потому что по большой дорогѣ существовали въ то время разбои. Мы и ѣхали проселкомъ отъ одной деревни до другой, отъ одного имѣнія до другого. Отецъ сидѣлъ на козлахъ, а мы въ кибиткѣ, часто окочѣневъ отъ холода, когда переѣзды бывали слишкомъ длинные; да и вообще ѣзда наша на одной лошади была медленная; приходилось особенно беречь и щадить это доброе, терпѣливое животное, тащившее насъ нѣсколько сотъ верстъ. Конечно, остановки наши были продолжительныя, потому что и лошади нуженъ былъ большой отдыхъ и намъ нѣкоторая передышка.

Дорога, по которой мы ѣхали, была малопроѣзжая, а лѣса такіе густые, что вѣтви сплетались надъ нашей кибиточкой и проѣздъ казался какъ бы аллеей; дорога же до того бывала узка, что

еслибъ повстрѣчались другія сани, то нельзя было бы разъѣхаться. Въ лѣсу днемъ бывало почти темно.

Не смотря на то, что мнѣ было въ то время года три съ половиною, я отлично помню весь нашъ переѣздъ и всѣ путевыя впечатлѣнія. Помню, напримѣръ, какъ отецъ подъѣхавъ къ какой-то усадьбѣ, слѣзъ съ козелъ и въ сильномъ волненіи, тутъ же на морозѣ, переодѣлся въ свой мундиръ, разукрашенный медалями и крестами, полученными имъ во время походовъ. Въ этомъ парадномъ мундирѣ, съ формулярнымъ спискомъ своимъ и съ письмомъ отъ кого-нибудь, отецъ являлся къ помѣщику или помѣщицѣ и гостепріимныя двери этихъ добрыхъ людей отворялись съ радушіемъ для него и для его семейства.

Проживъ дней пять, шесть, у какого-нибудь помѣщика, или помѣщицы, и отдохнувъ, мы отправлялись далѣе въ путь, снабженные кое-какими припасами на дорогу, а иногда и платьемъ. Кромѣ того, давали намъ указанія куда лучше ѣхать, куда заѣхать, или опять рекомендательныя письма къ кому-нибудь.

Посѣщеніе одной помѣщицы особенно врѣзалось въ моей памяти. Встрѣтивъ насъ, она выразила такое радушіе, какъ будто была обрадована нашимъ пріѣздомъ. Взявъ меня на руки, лаская и цѣлуя, она внесла меня въ большую красивую комнату, гдѣ вниманіе мое обратилось особенно на большой корабликъ, который стоялъ на видномъ мѣстѣ. Эта барыня, показывая мнѣ въ подробности корабликъ и разговаривая съ моими родителями — горько плакала. Оказалось, что она очень недавно потеряла единственнаго своего сына. Онъ былъ морякомъ и погибъ при крушеніи корабля. Она подробно разсказала родителямъ о катастрофѣ, случившейся, съ кораблемъ, на которомъ погибъ ея сынъ со всѣмъ экипажемъ. Корабликъ, который такъ занялъ меня, былъ работой покойнаго сына ея и служилъ ей дорогимъ воспоминаніемъ о немъ.

Еще остался у меня въ памяти проѣздъ нашъ черезъ Боровичи, уѣздный городъ Новгородской губерніи. Въѣхавъ въ городъ, мы не знали гдѣ остановиться; въ гостинницѣ не могли, потому что денегъ у насъ почти не было. Помѣщики, помогавшіе намъ въ дорогѣ, снабжали насъ большею частью только вещами и припасами, денегъ же давали мало, потому что и сами-то они не были особенно богатыми. И такъ, въ Боровичахъ, проѣзжая по улицамъ (это было ночью), мы набрели на огонекъ. Входимъ и застаемъ посидѣлки. Нѣсколько дѣвушекъ сидятъ и прядутъ при освѣщеніи лучинъ, вставленныхъ въ подставки въ разныхъ мѣстахъ комнаты. Здѣсь насъ приняли, нашли даже для насъ свободную комнату, гдѣ мы и помѣстились. Мнѣ же такъ понравилось общество этихъ дѣвушекъ, что я захотѣла принять участіе въ ихъ работѣ и попросила дать мнѣ попрясть.—«Да развѣ ты умѣешь?» — спросили меня.— «Какъ же, могу какъ угодно, и толсто, и тонко»,—похвасталась я.

Отвѣтъ этотъ разсмѣшилъ всѣхъ. Я же принялась за работу и такъ какъ для моихъ лѣтъ было хорошо и то, что я могла напрясть, то и заслужила одобреніе. Дѣвушки занялись мной, смѣялись, и мнѣ было очень весело. Здѣсь мы переночевали и утромъ отправились далѣе.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ Петербургу, тѣмъ рѣже попадались помѣщики. Былъ уже февраль на исходѣ. Зима прошла у насъ вся въ дорогѣ. Выѣхали мы изъ Твери въ ноябрѣ, слѣдовательно ѣхали почти четыре мѣсяца. Дорога сдѣлалась ухабистая, переѣзды дѣлались все длиннѣе и длиннѣе. Одинъ такой переѣздъ верстъ 30, — замедлился еще повстрѣчавшимся обозомъ, который увязъ въ ухабахъ. Разъѣхаться съ нимъ намъ было нельзя и волей-неволей пришлось ожидать возможности проѣхать—подъ открытымъ небомъ. Наступила ночь, холодъ сдѣлался еще сильнѣе, до станціи же оставалось верстъ 15. Мы коченѣли. На счастье наше недалеко находился такъ называемый «Зеленый монастырь»[1]). Перекрестясь, отецъ пустилъ лошадку цѣликомъ безъ дороги, «вывезетъ, молъ, такъ слава Богу, а нѣтъ—все равно ночевать въ полѣ». И наша лошадка вывезла насъ. Мужики, сопровождавшіе обозъ, были не мало удивлены выносливостью и силой маленькой лошадки. Доѣхали до монастыря. Отецъ отправился къ настоятелю. Тотъ сейчасъ же велѣлъ впустить насъ. Накормили насъ, напоили и спать уложили. Черныя монашескія рясы, дотолѣ мною невиданныя нигдѣ и никогда, вселили въ меня какой-то непонятный страхъ. Матушка всегда съ благодарностью вспоминала добраго настоятеля. Еслибъ не впустили насъ, то мы рисковали замерзнуть.

Утромъ, на другой день, матушка отслужила молебенъ, принесла намъ просфору и мы отправились дальше.

До Петербурга оставалось уже не далеко, верстъ 80. Когда ночью подъѣзжали мы къ Невской заставѣ, по дорогѣ виднѣлось нѣсколько трактировъ, яркое освѣщеніе которыхъ поразило меня.— «Это дворецъ?»—спрашивала я. Когда же объяснили мнѣ, что это трактиръ, то удивленіе мое еще увеличилось.—«Что же такое дворецъ?»—думалось мнѣ.

---

[1]) Такъ назывался онъ прежде. Теперь «заштатный зеленецкій Троицкій монастырь». Находится онъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ.

II.

Пріѣздъ въ Петербургъ.—Продажа любимой лошади.—Опредѣленіе меня и брата въ учебныя заведенія. — Полученіе моимъ отцомъ мѣста въ Нарвѣ.— Смерть брата.—Переѣздъ мой въ Нарву.—Неожиданное увольненіе отца отъ службы.— Поступленіе его въ Сенатскій архивъ.—Улучшеніе нашего матеріальнаго положенія.—Мои музыкальныя способности.—Покупка фортепьяно.—Агафья Тихоновна. — Поѣздка съ ней къ генералу Дубельту и директору театровъ Гедеонову.—Опредѣленіе меня въ театральную школу.—Мой дебютъ на школьномъ театрѣ.—Случайное знакомство съ однимъ молодымъ человѣкомъ.—Онъ дѣлаетъ мнѣ предложеніе.—По его требованію я оставляю театральную школу. — Препятствіе къ нашей свадьбѣ и ея разстройство.—Возобновленіе мною посѣщеній школы. — Мои успѣхи. — Назначеніе мнѣ жалованья. — Мои дебюты на сценѣ Александринскаго театра.—Первые успѣхи.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, мы тотчасъ же попытались отыскать нашихъ родныхъ, но такъ какъ давно не имѣли съ ними переписки, то и не могли найти ихъ. На первое время, наняли гдѣ-то на окраинѣ города дряхлый домикъ и первую ночь расположились на полу за неимѣніемъ ровно никакой мебели. Домикъ этотъ, покосившійся отъ старости, имѣлъ очень не интересныя достоинства. Зимой не держалъ тепла, а лѣтомъ дождь лилъ сквозь крышу, какъ черезъ рѣшето.

Устроившись кое-какъ въ этой первой квартирѣ нашей, отцу надо было на другой же день позаботиться о насущномъ хлѣбѣ. Что было дѣлать? Отецъ объявилъ намъ, что крайняя нужда заставляетъ растаться съ нашей лошадкой и продать ее. Это было настоящимъ горемъ для насъ, особенно для меня и брата. Мы, такъ привыкшіе къ милой лошадкѣ, и, считая ее преданнымъ другомъ нашего семейства, не могли, понятно, безъ слезъ разстаться съ нею. Она, выносливая и ласковая, когда мы подходили къ ней, какъ собака лизавшая намъ руки, была лучшимъ нашимъ утѣшеніемъ и пользовалась нашею неограниченною любовью. Долго тосковали и плакали мы о продажѣ нашего друга. На деньги, полученныя за нее, мы могли прожить недолгое время, пока отецъ пріискивалъ средства къ существованію.

Прежде всего, конечно, онъ хлопоталъ о какихъ-нибудь постоянныхъ занятіяхъ или о прочномъ мѣстѣ. Но это было не такъ легко. Ни хлопотать за него, ни протежировать ему, было некому. Родные, которыхъ онъ впослѣдствіи все-таки розыскалъ, были женщины: двѣ моихъ тетки, жившія рукодѣльнымъ трудомъ, и маленькая двоюродная сестра. Разсчитывать на какое-либо содѣйствіе въ этомъ случаѣ съ ихъ стороны было нечего; знакомыхъ, могущихъ что-либо сдѣлать, тоже не имѣлось. И тутъ, въ столицѣ, опять благодаря помѣщикамъ, у которыхъ мы останавливались дорогой, дѣла наши понемногу устроились: отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ помѣщиковъ отецъ привезъ рекомендательныя письма

къ ихъ знакомымъ, съ приложеніемъ кое-какихъ деревенскихъ гостинцевъ, въ родѣ маринованныхъ мелкихъ рыжиковъ и т. п. При содѣйствіи этихъ-то нечаянныхъ знакомствъ, удалось родителямъ моимъ, въ продолженіе перваго года по пріѣздѣ, опредѣлить меня, въ такъ называемое частное училище, въ которомъ состояли членами высокопоставленныя лица. А потомъ вскорѣ помѣстили и брата моего въ кондукторское училище. Не смотря на нѣсколько устроившіяся дѣла, родители мои перебивались въ большой нуждѣ. Но, однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда нашего въ Петербургъ, мы оставили ветхій домикъ, въ которомъ совсѣмъ невозможно было жить, и перебрались въ другое, болѣе удобное помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ не большихъ, но уютныхъ комнатъ. Вскорѣ послѣ переѣзда на эту квартиру, (я и братъ были тогда еще дома), приходитъ къ намъ наша хозяйка, и говоритъ, что къ ней пріѣхалъ гость, который всегда останавливается у нея, и что въ настоящее время, по случаю болѣзни дочери, она находится въ невозможности помѣстить его у себя, а потому убѣдительно проситъ родителей моихъ позволить ему переночевать въ одной изъ нашихъ комнатъ. Они согласились и къ своему удовольствію увидѣли, что гость хозяйки тотъ самый настоятель Зеленаго монастыря, который такъ гостепріимно принималъ насъ у себя. Родители мои были, разумѣется, очень обрадованы этой неожиданной встрѣчей.

Пробившись въ крайней нуждѣ года два, отецъ мой получилъ наконецъ мѣсто смотрителя по дорожной части въ Нарвѣ.

Находясь въ это время въ школѣ, я пришла въ страшное уныніе отъ необходимости разстаться надолго съ родителями и ужасно грустила, проводивъ ихъ.

Зная бѣдность моихъ родителей, я терпѣливо покорилась необходимости разлуки съ ними. Вообще, выростая въ нуждѣ, я понимала ее болѣе, чѣмъ это было свойственно ребенку моихъ лѣтъ. Случалось, что матушка или отецъ, навѣщая меня въ школѣ, приносили мнѣ вмѣсто гостинцевъ серебряные пятачки; я не тратила ихъ, и, накопивъ нѣсколько штукъ, отдавала ихъ матушкѣ, настаивая непремѣнно, чтобы она взяла ихъ.

Однажды, въ Нарвѣ, матушка получила извѣстіе о болѣзни моего брата. Тотчасъ же поѣхала она въ Петербургъ и, навѣстивъ его, пріѣхала ко мнѣ и упросила начальницу, чтобы та отпустила меня вмѣстѣ съ ней посѣтить брата. Мы застали его всего обложеннаго льдомъ, совсѣмъ уже умирающимъ. Вскорѣ послѣ того, онъ скончался 12-ти лѣтъ отъ роду.

Еще съ годъ пробыла я въ школѣ, какъ вдругъ, передъ Рождествомъ, пріѣхалъ отецъ и увезъ меня въ Нарву. Какова же была моя радость, когда онъ объявилъ мнѣ, что беретъ меня въ Нарву совсѣмъ, чтобы помѣстить тамъ въ пансіонъ.

Здѣсь казалось потекла наконецъ у насъ жизнь извѣстнымъ порядкомъ, какъ у людей устроившихся. Отецъ былъ доволенъ служебнымъ своимъ положеніемъ, подчиненные его любили, средства къ жизни были сносныя. Но недолго наслаждались мы этимъ, неожиданная гроза налетѣла на насъ: приказомъ графа Клейнмихеля, всѣ служащіе по дорожной части, неимѣвшіе званія инженеровъ, были уволены и замѣнены инжерами. Опять горе, нужда, слезы!

Собрались мы опять въ Петербургъ. Въ этотъ разъ пріѣхали уже на двухъ подводахъ съ кое-какимъ имуществомъ и съ коровушкой. Опредѣленнаго ничего не было впереди, но отецъ говорилъ: «свѣтъ не безъ добрыхъ людей, кто-нибудь да поможетъ». Такъ и вышло: въ Сенатѣ онъ случайно познакомился съ секретаремъ и тотъ предоставилъ ему коронное мѣсто въ сенатскомъ архивѣ съ жалованьемъ по десяти рублей въ мѣсяцъ.

Жизнь опять пошла безотрадная, опять перебивались мы кое-какъ. Матушка своими хлопотами съ коровушкой и ручной работой кое-что прибавляла къ жалованью отца; къ праздникамъ получалась награда. Я въ это время нигдѣ не училась и, хотя мнѣ было всего десять лѣтъ, принимала участіе въ матушкиныхъ занятіяхъ, и, кромѣ того, вышивала кое-какіе незамысловатые чепчики на продажу.

Къ этому времени относится одно событіе, которое въ результатѣ имѣло значеніе для насъ и главнымъ образомъ для меня, послуживъ къ улучшенію нашего матеріальнаго положенія. Отецъ узналъ, что въ Петербургѣ живетъ у мачихи дочь одного умершаго хорошаго товарища его по службѣ, и что мачиха безчеловѣчно обращается съ падчерицею. Онъ не могъ отнестись равнодушно къ несчастному положенію этой дѣвушки и, чтобы убѣдиться въ справедливости слуховъ, сталъ бывать у нихъ. Мачиха почему-то очень расположилась ко мнѣ и часто приглашала меня къ себѣ. Такимъ образомъ, мнѣ много разъ приходилось быть свидѣтельницей того, что несчастная дѣвушка выносила отъ мачихи. Не смотря на то, что изъ пенсіона въ 200 руб. часть приходилась на долю дочери покойнаго, мачиха буквально морила ее голодомъ. Дѣвушка, уже взрослая, сидя за столомъ, не могла самовольно взять куска. Голодъ ея доходилъ до того, что разъ, я видѣла это сама, она, украдкой отъ мачихи, хотѣла схватить кусокъ говядины, который та послѣ обѣда бросила собакѣ. Это еще не все; безсердечная женщина всѣми способами тиранила свою падчерицу. Отецъ мой, убѣдившись въ этомъ, придумывалъ какъ бы помочь бѣдной дѣвушкѣ. Такъ какъ мачиха часто, разсердившись, выгоняла ее вонъ, то отецъ, черезъ меня, посовѣтовалъ дѣвушкѣ, чтобы въ такомъ случаѣ она прибѣжала къ намъ. Она такъ и сдѣлала. Отецъ не пустилъ ее болѣе домой, заступился за нее, привелъ доказа-

тельства жестокаго обращенія съ ней мачихи и, въ теченіе болѣе нежели года, родители мои, при всей своей бѣдности, должны были содержать еще лишняго человѣка. За то, когда дѣвушка эта, благодаря заступничеству моего отца, освободилась отъ опеки своей мачихи и получила свою часть изъ пенсіи, заплатила намъ, что слѣдовало, за все время, которое прожила на нашъ счетъ. Кромѣ того, она такъ привязалось къ нашему семейству, что осталась жить съ нами до конца своихъ дней. Прожила она не болѣе десяти лѣтъ. Здоровье ея отъ тяжелой жизни при мачихѣ надорвано было съ раннихъ лѣтъ и поправиться не могло уже болѣе.

Деньги, полученныя отъ нея, значительно поправили насъ и отчасти имѣли, можетъ быть, нѣкоторое вліяніе на мое будущее. Кромѣ того, что меня одѣли поприличнѣе, изъ этихъ же денегъ отецъ купилъ мнѣ первое фортепіано, чтобы доставить мнѣ возможность сколько-нибудь заняться музыкой.

Всѣ знавшіе меня замѣчали во мнѣ особенныя музыкальныя способности. Страсть моя къ музыкѣ была поразительна. Когда бывало иду я лѣтомъ съ матушкой по улицѣ и услышу гдѣ-нибудь фортепіано, меня нельзя было оторвать отъ окошка. Нѣтъ возможности передать моего чувства, когда я слышала музыку. Купленное для меня фортепіано стоило всего семь рублей и было такого стариннаго устройства, что тѣ клавиши, которые теперь дѣлаются бѣлыми, были черные, а черные бѣлыми. Но не смотря на многіе недостатки этого инструмента, я была несказанно довольна такимъ подаркомъ и начала понемногу играть. Если кто-нибудь показывалъ мнѣ какой-нибудь романсъ, я тотчасъ же схватывала его, играла и пѣла. Слухъ у меня былъ необычайный; я сразу запоминала и музыку, и голосъ, и слова. Когда случалось мнѣ бывать гдѣ-нибудь, гдѣ было фортепіано, ко мнѣ всегда приставали съ просьбами, чтобы я пѣла. Меня это очень удивляло, я не сознавала насколько пѣніе мое было пріятно. Родители мои, конечно, видѣли дарованія мои, но имъ не приходило въ голову, что мнѣ слѣдуетъ дать серьезное музыкальное образованіе, или, можетъ быть, такъ какъ средства ихъ были стѣсненныя, то они считали невозможнымъ что-нибудь для этого сдѣлать. И дѣйствительно, можно ли было думать о какомъ-нибудь серьезномъ моемъ образованіи, когда каждая копѣйка была такъ дорога, что изъ-за дешевизны квартиры мы жили на Черной рѣчкѣ, близь Смоленскаго кладбища, откуда отцу моему приходилось ежедневно ходить въ Сенатъ на службу.

Первые шаги мои въ музыкальный міръ сдѣланы были благодаря знакомству съ одной умной и образованной дѣвушкой-писательницей, уже не молодой. Звали ее Агафья Тихоновна.

Мнѣ было тогда уже четырнадцать лѣтъ. Жили мы въ это время на Петербургской сторонѣ, въ мѣстности, гдѣ теперь паркъ, про-

тивъ крѣпости, а тогда здѣсь была просто площадь. Здѣсь-то началась завязка моей артистической карьеры.

Въ одинъ прекрасный день приходитъ къ намъ Агафья Тихоновна и застаетъ меня за пѣніемъ разныхъ пѣсенъ и романсовъ. Между прочимъ, я пѣла изъ «Уголино»—«О, милый другъ, изъ-за могилы!» и пѣснь Офеліи—«Моего ль вы знали друга!» Надо замѣтить, что нѣсколько разъ мнѣ уже случалось быть въ театрѣ съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ. Раза два, три, я была съ Агафьей Тихоновной. То, что я тамъ слышала, оставалось совершенно ясно въ моей памяти. Я пѣла все по слуху. Самая театральная обстановка приводила меня въ восторгъ и не только пѣніе, но и игра прививались ко мнѣ какъ-то особенно. Помню, какъ еще раньше того времени, о которомъ идетъ рѣчь, когда я была еще небольшой дѣвочкой, устроивала я въ квартирѣ нашей изъ простынь и мебели сцену и представляла родителямъ моимъ что-нибудь изъ видѣннаго мною въ театрѣ.

Не трудно было замѣтить по всему этому, какое было мое призваніе. Въ тотъ же день, о которомъ я говорю, когда Агафья Тихоновна застала меня за пѣніемъ, она поразилась моимъ голосомъ и принялась серьезно совѣтовать родителямъ отдать меня въ театръ, разсказывая, какъ одна ея знакомая, у которой голосъ былъ далеко не такъ хорошъ, какъ мой, поучившись немного, поступила въ итальянскую оперу хористкой и получаетъ 300 руб. въ годъ. Родители мои очень удивлялись, какъ можетъ женщина получать такія деньги, тогда какъ, напримѣръ, отецъ, служившій столько лѣтъ, получаетъ всего сто рублей. «Какъ бы не желать этого,—говорили они,—да развѣ это возможно!» Агафья Тихоновна уговорила ихъ «попробовать», «можетъ быть и выйдетъ что-нибудь»... Не долго думая, она взяла перо и написала прошеніе, выставляя въ заголовкѣ слова «ваше превосходительство», не означая имени, не зная сама кому еще придется подавать его. Переночевавъ у насъ, утромъ повезла она меня къ извѣстному въ то время генералу Дубельту, котораго и сама не знала, но которому, какъ ей было извѣстно, театральное дѣло было близко: онъ покровительствовалъ многимъ начинавшимъ свою дѣятельность талантамъ. Его-то она имѣла въ виду, чтобы посовѣтоваться, какъ устроить это дѣло. Но мы его не застали дома. Тогда она сказала мнѣ: «Такъ какъ въ прошеніи не обозначено на чье оно имя, то и подадимъ его прямо директору театровъ, Гедеонову».

Пріѣзжаемъ. Насъ просятъ подождать въ канцеляріи. Нѣсколько времени спустя, выходитъ изъ кабинета директоръ. Хмурый видъ его, суровость взгляда, произвели на меня такой страхъ, что, не будь со мной Агафьи Тихоновны, я бы, кажется, непремѣнно убѣжала. Въ сущности же, какъ узнала я впослѣдствіи, директоръ былъ очень добрый человѣкъ... Подали ему прошеніе,

Прочитавъ, онъ сказалъ: «У насъ и своихъ очень много, принять не могу». Мнѣ сдѣлалось еще страшнѣе и я думала только, какъ бы уйти. Но моя Агафья Тихоновна опять-таки нашлась. «У нея голосъ очень хорошъ»,—сказала она. На это онъ отвѣчалъ: «Это дѣло другого рода. Если у нея голосъ, то голоса намъ нужны. Сейчасъ дамъ вамъ бумагу. Поѣзжайте съ ней въ Большой театръ къ Каусу. Онъ попробуетъ голосъ и напишетъ мнѣ отношеніе». Получивъ бумагу, мы тотчасъ же отправились въ Большой театръ. Насъ ввели въ залу, гдѣ какъ разъ шли репетиціи хорамъ. Увидавъ хористокъ, одѣтыхъ на мой взглядъ нарядно, я была ужасно сконфужена своимъ туалетомъ. Онѣ кидали на меня взоры пренебреженія, думая, вѣроятно, что я новая хористка. Хотя мнѣ было всего четырнадцать лѣтъ, я была очень развита и казалась взрослою.

Каусъ, режиссеръ Большого театра, попробовавъ мой голосъ, написалъ, что слухъ великолѣпный, голосъ есть, но что нотъ не знаетъ совершенно. Съ бумагой этой мы поѣхали обратно къ Гедеонову, который, прочтя ее, позвалъ директора школы Обера и велѣлъ принять меня въ классъ первоначальнаго обученія нотъ къ Быстрову, учителю пѣнія. Приказано было, чтобы поторопились моимъ приготовленіемъ.

Я была вольно-приходящей. Это было осенью 1849 года. Быстровъ, исполняя приказаніе директора, поторопиться моимъ приготовленіемъ и желая выслужиться, особенно прилежно занимался со мною, такъ что къ марту 1850 года я пѣла уже на сценѣ школьнаго театра арію изъ оперы Робертъ—«Сжалься!» Діапазонъ моего голоса былъ такъ обширенъ, что учитель, не понявъ его, заставлялъ меня пѣть сопрано, тогда какъ впослѣдствіи оказалось, что у меня контральто.

Къ этому времени относится событіе, которое въ значительной степени подѣйствовало на душевное мое состояніе и окончательно рѣшило мою будущность.

Вскорѣ послѣ появленія моего на школьномъ театрѣ, былъ на Царицыномъ лугу парадъ. Знакомые наши дали намъ въ окнѣ Павловскихъ казармъ два мѣста. Матушка и я отправились смотрѣть парадъ. По окончаніи его, когда мы собирались домой, представили намъ одного молодого человѣка, который предложилъ намъ свои услуги, чтобы проводить насъ, такъ какъ экипажа у насъ не было. Когда дошли мы до дому, то за такую любезность матушка сочла своею обязанностью пригласить его къ намъ, тѣмъ болѣе, что разстояніе отъ Царицына Луга до нашей квартиры на Петербургской сторонѣ было неблизкое. Молодой человѣкъ заинтересовался мной, сталъ у насъ бывать и, нѣсколько времени спустя, сдѣлалъ мнѣ предложеніе, предполагая, что мнѣ было лѣтъ 17. Когда матушка объяснила ему, что мнѣ всего только 15 лѣтъ, онъ

все-таки настаивалъ на согласіи, говоря, что готовъ ждать сколько нужно, но выразилъ непремѣнное желаніе свое, чтобы я оставила театръ, потому что, принадлежа къ аристократической фамиліи, не надѣялся получить согласія отъ своихъ родителей, если я останусь въ театрѣ.

Наступила для меня страшная борьба: принять ли его предложеніе, или предпочесть артистическую карьеру, которая уже обѣщала мнѣ хорошую будущность. Однако же влеченіе сердца взяло верхъ и я выбрала замужество. Молодой человѣкъ былъ красивъ, хорошо образованъ и богатъ. Я дала согласіе, перестала ходить въ театръ и женихъ мой началъ бывать у насъ ежедневно. Затѣмъ онъ объявилъ родителямъ своимъ о желаніи своемъ жениться на мнѣ, но не получилъ согласія. Они говорили ему, что онъ долженъ выбрать себѣ жену изъ своего круга. Не смотря на это запрещеніе родителей, онъ, не колеблясь, стоялъ на своемъ и увѣрялъ насъ, что никакія препятствія не помѣшаютъ ему исполнить то, что̀ онъ сказалъ.

Такое положеніе продолжалось мѣсяцевъ шесть. Молодой человѣкъ не переставалъ бывать у насъ. Но вотъ въ одинъ прекрасный день, уходя отъ насъ, онъ какъ-то странно простился со мной; въ немъ замѣтно было особенное волненіе, я это ясно видѣла и призадумалась, чтобы это такое значило. Послѣ того жду его день, два... Не пріѣзжаетъ. Посылаемъ узнать не случилось ли что-нибудь и намъ передаютъ, что два гайдука силой усадили его въ карету и увезли куда-то на шестеркѣ лошадей. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого получаю отъ него письмо съ дороги. Пишетъ наскоро, что хотя и увезли его силой, онъ все-таки вернется и сдержитъ свое слово, не смотря ни на что̀.

Понятно, что положеніе мое было невыносимо тяжелое. Меня мучила неизвѣстность будущаго. Что было мнѣ дѣлать? Не смотря на юныя лѣта мои, я понимала, что жизнь моя продолжаться такъ не можетъ. Надо было что-нибудь предпринять. Отъ театра я отстала, надѣяться на обѣщаніе жениха вернуться я не могла, зная сопротивленіе со стороны его родителей. Я просто теряла голову и не находила покою.

Однажды, сидѣла я въ раздумьѣ у окна. Окна наши были довольно низки и выходили на плацъ. Вижу подходитъ сѣдой старичокъ въ рубищѣ, поглядѣлъ на меня, покачалъ головой и говоритъ: «Что ты думаешь, того не будетъ, а будетъ, да другое. Молись Царицѣ Небесной!» Слова его, сказанныя въ такую минуту, поразили меня. Я разсказала все это матушкѣ. «А что ты думаешь», отвѣчала она, «пойдемъ-ка помолимся Спасителю, авось онъ намъ поможетъ и вложитъ намъ мысли, что̀ дѣлать!» Дѣйствительно, выходя изъ домика Петра Великаго, гдѣ находится чудотворная икона Спасителя, я почувствовала облегченіе и говорю матушкѣ: «А что,

если опять въ театръ?—«Какъ пойдешь теперь»,—возразила она,—«съ какими глазами!»

Какъ ни разбирали мы этотъ вопросъ, все казалось намъ, что явиться въ театральную дирекцію съ просьбою принять меня опять было невозможно. Мы думали, что я уже давно не числюсь тамъ, что попасть туда безъ особо счастливаго случая нельзя, когда я сама вышла оттуда. Мы такъ и порѣшили, что это невозможно, что слѣдовательно нечего и пытаться. Но случай, который можно объяснить только чудомъ, въ эту самую минуту, когда мы рѣшили, что возвращеніе мое въ театръ невозможно, показалъ намъ противное.

Возвращаясь домой, мы должны были зайти въ гостинный дворъ и здѣсь, проходя Пассажъ, встрѣчаемъ секретаря театральной школы. Онъ необыкновенно радушно поздоровался со мной и спросилъ меня, почему я вдругъ оставила занятія въ школѣ. Я объяснила ему это домашними обстоятельствами, прибавивъ, что теперь я могла бы заниматься опять и очень желала бы этого, но что не знаю, какъ это сдѣлать, какъ снова поступить въ классъ. Какова же была моя радость, когда онъ объяснилъ мнѣ, что дѣлать для этого нечего, что я до сихъ поръ числюсь въ театрѣ, что мнѣ стоитъ только явиться и начать заниматься. На другой же день я пошла въ школу и съ жаромъ, всей душой предалась искусству. Насколько влеченіе мое къ нему было сильно, видно изъ того, что когда, нѣсколько времени спустя, пріѣхалъ женихъ мой, я, безъ малѣйшаго колебанія, отказалась отъ его вторичнаго предложенія, потому что, въ случаѣ согласія, мнѣ пришлось бы опять оставить театръ и бороться съ его родителями, которые такъ и не согласились на нашъ бракъ.

Бывшій женихъ мой былъ совершенно убитъ этимъ отказомъ, и, какъ я узнала впослѣдствіи, началъ страшно кутить. Наконецъ, съ досады на родителей, женился на женщинѣ, находившейся на послѣдней ступени паденія, и привезъ ее къ своимъ родителямъ. «Вотъ», сказалъ онъ имъ, «вы не хотѣли, чтобы я женился на бѣдной, но честной дѣвушкѣ, такъ я привезъ вамъ невѣстку такого-то рода!» Послѣ того, онъ недолго пробылъ въ Петербургѣ и уѣхалъ съ женой своей на Кавказъ, гдѣ вскорѣ умеръ отъ кавказской лихорадки.

Нѣкоторое время послѣ возвращенія моего въ театръ я пробыла еще въ классѣ Быстрова, а потомъ, за успѣхи, переведена была въ классъ учителя Вителляро, который и опредѣлилъ, что у меня контральто. Зиму я занималась у него,—это былъ второй годъ моего ученья. Я уже разучивала понемногу мѣста изъ оперы «Жизнь за царя» и играла въ комедіи-водевилѣ «Катерина—Золотой крестикъ», исполняя роль Катерины. Пѣніе мое всѣмъ очень понравилось, такъ же какъ и игра.

Послѣ перваго же спектакля, мнѣ положили жалованья 25 руб. въ мѣсяцъ, т. е. триста рублей въ годъ, и въ непродолжительномъ времени назначили мнѣ спѣть въ первый разъ на сценѣ Александринскаго театра эпилогъ «Жизни за царя»: «Ахъ, не мнѣ бѣдному!»

Опернаго театра въ то время не было еще въ Петербургѣ и опера шла изрѣдко въ Александринскомъ театрѣ.

И такъ, первый дебютъ мой былъ въ исполненіи эпилога изъ «Жизни за царя». Публика приняла меня съ восторгомъ. Меня впрочемъ знали нѣсколько и раньше. Когда я была въ школѣ, мнѣ случалось пѣть по приглашенію въ собраніи или на другихъ частныхъ вечерахъ.

Второе появленіе мое на сценѣ было въ «Русской свадьбѣ», которую ставили въ первый разъ. Зная, какъ пѣніе мое нравится публикѣ, назначили мнѣ пропѣть въ этой пьесѣ: «Вдоль по улицѣ мятелица мететъ!» въ вставной роли парня, пришедшаго на свадьбу. Пьеса настолько выиграла отъ моего пѣнія, что, послѣ нѣсколькихъ представленій «Русской свадьбы», авторъ нашелъ нужнымъ изъ маленькой вставной роли моей создать новую, входящую въ составъ пьесы, роль именно боярина Хрущева. Слѣдовательно, роль эта создана была спеціально для меня и выходила необыкновенно эфектна. Когда я начинала за сценой «Ахъ, какъ звали молодца», и затѣмъ съ пѣсенькой этой вбѣгала на сцену, то буквально каждый разъ пріему не было конца, театръ дрожалъ отъ рукоплесканій.

Артистическая карьера моя началась съ этихъ двухъ вещей и успѣхъ на сценѣ былъ для меня несомнѣненъ. Я поняла свою силу и съ этого времени еще серьезнѣе занялась искусствомъ.

Замѣчу кстати, что когда я пѣла эпилогъ изъ «Жизни за царя» въ первый разъ, то Степанова, сопрано, и Леоновъ, теноръ, первые исполнители со времени постановки этой оперы, пѣли еще со мною, но послѣ этого въ скоромъ времени сошли уже со сцены.

III.

Вниманіе ко мнѣ императора Николая Павловича.—Прибавка жалованья.—Первое знакомство съ М. И. Глинкой.—Горькое разочарованіе.—Усиленная работа.—Я дѣлаюсь ученицей Глинки.—Необычайный успѣхъ мой въ роли Вани въ оперѣ «Жизнь за царя».—Начальникъ репертуарной части Ѳедоровъ.—Вражда его ко мнѣ.—Назначеніе въ мою пользу концерта.—Отмѣна его Ѳедоровымъ.—Кончина моего отца.—Вторичное назначеніе концерта въ мою пользу и вторичная отмѣна его по случаю кончины императора Николая Павловича.—Поѣздка за границу.—Пребываніе въ Берлинѣ.—Графъ Кушелевъ-Безбородко.—Знакомство съ Мейерберомъ.—Вниманіе его ко мнѣ.—Отзывъ Мейербера о моемъ дарованіи и послѣдствія этого отзыва.—Мои успѣхи за границей.—Композиторъ Оберъ.—Просьба о продолженіи отпуска.—Рѣзкій отвѣтъ Ѳедорова.—Участіе мое въ двухъ концертахъ въ Парижѣ и сопровождавшій ихъ успѣхъ.—Предложеніе остаться въ Парижѣ.—Рѣшеніе вернуться на родину.

Я все болѣе и болѣе пріобрѣтала вниманіе публики и, наконецъ, сдѣлалась такой любимицей, что въ Александринскомъ театрѣ ни одинъ бенефисъ не обходился безъ моего участія, или давалась мнѣ роль съ пѣніемъ или, если такой роли не было, то я пѣла пѣсни и романсы.

Такимъ образомъ, прошла первая зима моей службы въ театрѣ. Лѣтомъ, по желанію государя Николая Павловича, устроенъ былъ въ Гатчинѣ, во дворцѣ, концертъ съ живыми картинами. Въ концертномъ отдѣленіи участвовала и я. Государь обратилъ особое вниманіе на меня, такъ что пожелалъ знать, сколько я получаю жалованья и сколько другая пѣвица, также участвовавшая въ этомъ концертѣ и выпущенная изъ школы въ одно время со мною. Эта другая имѣла протекцію и потому получала 600 руб. въ годъ, я же всего 300 руб. Когда государь спросилъ о моемъ жалованьи, директоръ Гедеоновъ въ попыхахъ подбѣжалъ ко мнѣ съ этимъ вопросомъ. Государь, узнавъ, что мнѣ дается всего 300 руб., тогда какъ другой 600, тутъ же приказалъ сравнять меня съ ней. Такое вниманіе государя осталось конечно навсегда въ моей памяти. Я была польщена въ высшей степени и, кромѣ того, не могла нарадоваться удвоенному жалованью. Родители мои, когда я, возвратившись домой, разсказала имъ все это, тронуты были до слезъ. Отецъ безпрестанно повторялъ: «Какъ это такъ! Сколько походовъ совершилъ я, и все столько не получаю, сколько ты, матушка!»

Осенью 1852 года, приготовляясь къ исполненію роли Вани въ «Жизни за царя», я узнала, что въ Петербургѣ находится М. И. Глинка.

Надо сказать, что за годъ передъ этимъ М. И. Глинка былъ также въ Петербургѣ и учитель мой Вителяро, желая знать мнѣ-

ніе его о моемъ исполненіи роли Вани въ «Жизни за царя» пригласилъ меня съѣздить къ М. И. Глинкѣ. Я спѣла ему «Ахъ, не мнѣ бѣдному!» Увы! пѣніе мое ему не понравилось. Онъ нашелъ его до такой степени плохимъ, что сказалъ мнѣ: «Съ такимъ тремоло поютъ только тѣ пѣвцы, которые кончаютъ, а не тѣ, которые начинаютъ». При этомъ объяснилъ мнѣ, почему это такъ не хорошо, къ чему можетъ такое тремоло привести, и сдѣлалъ мнѣ указанія, какъ отъ этого избавиться. Разочарованіе мое было горькое, но я въ теченіе года такъ много работала, вспоминая совѣты М. И. Глинки, что когда теперь, во второй разъ, годъ спустя, узнавъ, что онъ въ Петербургѣ, пріѣхала къ нему и спѣла опять «Ахъ, не мнѣ бѣдному!», то дѣйствіе моего пѣнія оказалось совершенно обратное первому. М. И. Глинка, прослушавъ меня, убѣжалъ въ свой кабинетъ, и когда возвратился оттуда, то на глазахъ его были слезы и онъ сказалъ: «Смотрите, матушка, что̀ вы произвели вашимъ пѣніемъ въ этотъ разъ!» Усиленные труды мои принесли блестящіе плоды. Съ этого же дня М. И. Глинка поздравилъ меня самъ своей ученицей и принялся приготовлять меня къ роли Вани.

Вскорѣ послѣ этого поставили оперу «Жизнь за царя». Для роли Антониды вызвана была изъ Москвы Семенева, исполнителями другихъ ролей были: Петровъ, Булаховъ и я. Составъ былъ необыкновенно хорошъ, и я, по отношенію къ себѣ, никогда впослѣдствіи не помню такого тріумфа, какой былъ въ этотъ разъ. Если публика была въ такомъ неописанномъ восторгѣ отъ моего исполненія, то каковъ же былъ восторгъ моихъ родителей. Отецъ, казалось, былъ на верху блаженства.

Я уже говорила, что театра для русской оперы въ Петербургѣ въ то время не было. Русская опера шла въ циркѣ, на мѣстѣ котораго, когда онъ сгорѣлъ, и былъ выстроенъ Маріинскій театръ. Опера шла тогда рѣдко и потому мнѣ приходилось мало пѣть въ оперѣ, а исполняла я преимущественно въ драматическихъ спектакляхъ, въ Александринскомъ театрѣ, роли съ пѣніемъ. Итальянская же опера шла въ Большомъ театрѣ.

Въ промежутокъ времени отъ 1851 по 1853 годъ, перемѣнился начальникъ репертуара; Семенова замѣнилъ Ѳедоровъ. И вотъ съ поступленія его на эту должность начались мои неудачи по театру; путь мой покрывался терніями все болѣе и болѣе! Причиною этого было то, что я имѣла несчастіе понравиться Ѳедорову, а между тѣмъ онъ узналъ, что я выхожу замужъ. Онъ почти прямо объявилъ мнѣ, что будетъ врагомъ моимъ. И дѣйствительно, что бы не предполагалось въ мою пользу, ничто не удавалось. Начальникъ репертуара,—это можно сказать все въ театральномъ мірѣ, и въ немъ-то я имѣла моего главнаго врага. Ѳедоровъ, при всякомъ

удобномъ случаѣ, загораживалъ мнѣ путь. Такъ памятенъ мнѣ особенно его поступокъ, когда въ пользу мою назначенъ былъ концертъ за участіе мое въ драматической труппѣ въ теченіе всей зимы, что не входило въ мои обязанности.

Мнѣ дали залу въ Александринскомъ театрѣ и объявили афишами о концертѣ въ мою пользу. Такъ какъ я успѣла уже сдѣлаться любимицей публики, то билеты разобраны были въ одинъ день. Довольная такой удачей, я готовилась концертомъ этимъ получить заслуженную трудами своими награду, сдѣлала затраты, по средствамъ своимъ значительныя, и вдругъ всѣ надежды мои рушились! За день до концерта присылаютъ за мной карету и капельдинеръ говоритъ, что меня проситъ къ себѣ начальникъ репертуара въ Александринскій театръ. Здѣсь Ѳедоровъ объявляетъ мнѣ:

— По высочайшему повелѣнію концерта вамъ не будетъ!

Какъ ни была я молода и неопытна, однако же, я уцѣпилась за слова его: «по высочайшему повелѣнію» и тотчасъ же сказала ему, что мнѣ крайне интересно знать, почему концертъ, назначенный мнѣ въ видѣ награды, отнимается у меня по высочайшему повелѣнію. Объясняясь съ Ѳедоровымъ самымъ простымъ, можно сказать, дѣтскимъ образомъ, старалась добиться отъ него причины этой немилости, такъ какъ, по моему мнѣнію, говорила я ему, лишить меня заслуженной награды могутъ только за какую-нибудь вину. Увидавъ, что я такъ серьезно ухватилась за ложное выраженіе его, онъ повернулъ въ другую сторону и причиною отмѣны моего концерта выставилъ то, что въ тотъ же день назначенъ въ Большомъ театрѣ концертъ Роллера и что весь оркестръ участвуетъ тамъ. Тогда я безъ всякаго стѣсненія высказала ему прямо, что все приведенное имъ я не считаю основательнымъ, что поступая такъ со мной, просто отняли у меня концертъ, что если необходимо было дать этотъ день Роллеру, то мой концертъ можно бы было перенести на другой день, что, по справедливости, я имѣла право на первую очередь изъ слѣдующихъ дней. Но все было такъ искусно подведено, что при перечисленіи мною дней не оказывалось ни одного, въ который можно бы было назначить мой концертъ. Такимъ образомъ, я не только лишилась заслуженной награды, но и своихъ собственныхъ послѣднихъ грошей, издержанныхъ на платье и другіе расходы. Кромѣ того, въ концертѣ этомъ я видѣла исполненіе моей мечты,— доставить возможность родителямъ моимъ прожить хотя одно лѣто на дачѣ, что особенно нужно было для отца, здоровье котораго замѣтно слабѣло, такъ что другого лѣта не пришлось ему уже дождаться. Въ августѣ того же года онъ скончался.

Бѣдный отецъ! Много нужды, много труда выпало на его долю!

Наконецъ, условія жизни нашей, благодаря моей службѣ, нѣсколько улучшились. Хотя жалованье мое было небольшое, но мы не нуждались, какъ прежде. Главное же, радовали его мои успѣхи; онъ, можно сказать, жилъ ими, и вотъ не суждено было ему дожить до того времени, когда положеніе мое стало вполнѣ обезпеченнымъ и когда я достигла полнаго значенія моего, какъ артистка!

Со смертію отца мы съ матушкой остались только двое, постоянно ощущая свое сиротство. Наступила вторая зима моей службы. Я вышла замужъ и въ концѣ сезона выхлопотала себѣ уже черезъ министра позволеніе на такой же концертъ, какой предполагался въ прошедшемъ году, только въ этотъ разъ всю музыкальную часть программы составлялъ самъ М. И. Глинка. Въ числѣ другихъ вещей, назначена была къ исполненію молитва его: «Въ минуту жизни трудную». Пьеса эта, написанная имъ раньше для оркестра, передѣлана была имъ для этого именно концерта для пѣнія. Другая вещь, передѣланная имъ же для этого же концерта, былъ романсъ «Прости меня, прости! прелестное созданье!» сочиненія того самаго Ѳедорова, который преслѣдовалъ меня. М. И. Глинка, желая оказать ему любезность, разработалъ его романсъ и сдѣлалъ его дуэтомъ, который теперь поется во всѣхъ почти салонахъ.

Концертъ опять назначенъ. Дѣлаются репетиціи. Самъ М. И. Глинка присутствуетъ на нихъ. Билеты опять всѣ проданы, все готово и опять, увы, что-то фатальное преслѣдуетъ меня! Но на этотъ разъ причиной неудачи моей было событіе, важность котораго поразила всю Россію. На послѣдней репетиціи, когда только-что я запѣла: «Въ минуту жизни трудную», отворяется дверь и посланный провозглашаетъ: «Прекратите репетицію, государь императоръ скончался!»

По окончаніи траура, спектакли начались опять. Все время я усердно продолжала свои занятія и дѣлала большіе успѣхи, такъ что съ открытіемъ театровъ пріобрѣла себѣ еще бóльшую любовь публики. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось иногда выслушивать и непріятные отзывы, такъ напримѣръ, говорили, что Леонова поетъ хорошо только русскія пѣсни; другіе, истинные знатоки музыки, цѣнившіе мой талантъ, принимая во мнѣ участіе, строго судили мое пѣніе и совѣтывали для усовершенствованія ѣхать за границу. Кромѣ дѣйствительной пользы, которую должно было принести знакомство съ европейскими музыкальными извѣстностями и кружками, путешествіе за границу имѣло въ то время громадное значеніе для пріобрѣтенія авторитета и, пожалуй, извѣстности. Я начала серьезно подумывать о поѣздкѣ за границу, а М. И. Глинка находилъ это даже необходимымъ. Довольно частые концерты мои настолько улучшили матеріальное мое положеніе, что я нашла воз-

можнымъ привести желаніе мое въ исполненіе. Весной 1858 года отправилась я съ мужемъ за границу.

М. И. Глинка, провожая меня, далъ мнѣ письмо къ Мейерберу въ Берлинъ.

Въ Берлинѣ мы остановились въ «Hôtel de Rome», гдѣ встрѣтились съ графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко, который остановился въ томъ же отелѣ съ своей семьей на обратномъ пути изъ Италіи въ Россію. Съ ними находился извѣстный романистъ Дюма-отецъ, и я сразу попала въ очень интересное для меня общество.

На другой день по пріѣздѣ, я сдѣлала визитъ Мейерберу, который былъ очень обрадованъ письмомъ М. И. Глинки, очень хорошо принялъ меня и назначилъ день, чтобы прослушать мое пѣніе. Возвратившись въ отель, я нашла приглашеніе къ обѣду отъ графа Кушелева-Безбородко и когда пришла къ нему, то была пріятно удивлена, заставъ тамъ, кромѣ Дюма еще и Мейербера.

Такое общество было, конечно, въ высшей степени пріятно, тѣмъ болѣе, что когда я, по просьбѣ присутствующихъ, спѣла нѣсколько вещей, восхищеніе ихъ было чрезвычайное. Я справедливо могла гордиться такимъ восторгомъ этихъ серьезныхъ цѣнителей искусства, въ особенности же мнѣніемъ Мейербера. Въ числѣ разныхъ вещей я пѣла романсъ его «Quoi Neuftalie» и русскіе романсы.

Прощаясь, Мейерберъ повторилъ мнѣ, что ждетъ меня къ себѣ и прибавилъ: «Другъ мой пишетъ мнѣ, что вы поете его музыку такъ, какъ онъ желаетъ, и потому мнѣ очень интересно услышать ваше исполненіе». При этомъ просилъ меня, чтобы я привезла съ собой «Пѣснь Маргариты», сочиненія М. И. Глинки изъ трагедіи «Фаустъ» и спѣла бы ему, прибавивъ, что особенно интересуется услышать ее въ моемъ исполненіи.

Графъ Кушелевъ-Безбородко еще два дня послѣ этого пробылъ въ Берлинѣ, и мы съ нимъ, съ его семействомъ и съ Дюма, неразлучно дѣлали экскурсіи въ окрестности. При этомъ вспоминается мнѣ оригинальное обыкновеніе Дюма: онъ ѣздилъ безъ шляпы, которую замѣняли ему его роскошные вьющіеся волосы. Почтенные нѣмцы дивились такому обычаю уважаемаго французскаго писателя.

Въ условленное время пріѣхала я къ Мейерберу, который встрѣтилъ меня необыкновенно радушно. Послѣ длиннаго разговора о музыкѣ, о М. И. Глинкѣ, онъ попросилъ меня пѣть. Такъ какъ Мейерберъ интересовался музыкой М. И. Глинки, то я пѣла преимущественно вещи моего учителя. «Пѣснь Маргариты» восхитила Мейербера и онъ сказалъ мнѣ: «Теперь, когда вы спѣли, я понялъ Глинку. Здѣсь многія пѣвицы пробовали пѣть эту пѣснь, но вы-

ходило совсѣмъ не то». Спросивъ меня, долго ли я пробуду въ Берлинѣ, онъ сказалъ мнѣ, что очень желалъ бы быть мнѣ чѣмъ-нибудь полезнымъ.

Поблагодаривъ его, я отвѣчала, что такой великій композиторъ, какъ онъ, конечно, во многомъ можетъ помочь мнѣ, въ особенности своими музыкальными совѣтами. Тогда онъ предложилъ заняться нѣсколько со мной, сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя указанія по школѣ, по постановкѣ голоса, и при этомъ сказалъ: «У васъ такъ хорошо поставленъ голосъ, что вамъ нужно только побольше пѣть оперъ, а для указанія вообще вамъ много поможетъ Оберъ, къ которому я дамъ вамъ письмо въ Парижъ».

Кромѣ всего этого, онъ, при первомъ же случаѣ, сдѣлалъ для меня очень много. Замѣчательно, какое значеніе имѣютъ два-три слова великаго человѣка на западѣ Европы. Въ то самое время, когда я была въ Берлинѣ, приглашена была туда изъ Парижа комическая опера театра Корвало. На первомъ представленіи присутствовалъ самъ Мейерберъ. Оцѣнка артистовъ дѣлалась въ то время тамъ такимъ образомъ: рецензенты газетъ и журналовъ ловили каждое слово Мейербера, занимали мѣста около него, и то, что онъ говорилъ, служило обыкновенно приговоромъ артисту. На другой день вся пресса изображала отголосокъ отзыва Мейербера, котораго по справедливости можно назвать въ этомъ случаѣ настоящимъ камертономъ искусства. Нельзя не замѣтить здѣсь кстати, что истиннымъ артистамъ жилось хорошо при такомъ обыкновеніи. Такъ вотъ и въ этотъ разъ, въ оперѣ парижской труппы, рецензенты газетъ ждали, что скажетъ Мейерберъ объ исполнителяхъ. Къ удивленію всѣхъ, онъ, послѣ перваго акта, не говоря ничего объ артистахъ, начинаетъ: «А вотъ была сегодня у меня русская пѣвица» и продолжаетъ, что благодаря пѣнію этой пѣвицы, онъ теперь только вполнѣ понялъ М. И. Глинку, что она ученица Глинки, что голосъ ея замѣчательный. Слова его такъ заинтересовали всѣхъ, что весь антрактъ прошелъ въ разговорахъ обо мнѣ, и послѣдствіемъ этихъ разговоровъ было то, что въ короткое мое пребываніе въ Берлинѣ, я получила уже приглашенія на разныя воды, гдѣ на 1,000 франковъ, гдѣ на на 1,5000 франковъ. Вотъ какъ одно слово Мейербера мнѣ услужило.

Принявъ приглашеніе на воды, я пѣла въ Гомбургѣ, въ Эмсѣ, въ Висбаденѣ, въ Баденъ-Баденѣ и въ Остендэ. Отзывы о моихъ успѣхахъ перепечатывались въ русскихъ газетахъ, такъ что поѣздка моя за границу начинала уже приносить плоды. Затѣмъ мы отправились въ Парижъ, куда Мейерберъ далъ мнѣ письмо къ Оберу, прекрасное письмо, обратившее на меня вниманіе и этого замѣчательнаго композитора, указаніями котораго я пользовалась въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Въ этотъ разгаръ извѣстности моей за границей, Оберъ и Мейерберъ предложили мнѣ устроить большой концертъ въ Парижѣ. Для этого мнѣ нужно было продолжить мой отпускъ, такъ какъ я находилась на службѣ въ петербургской оперѣ. Я написала въ Петербургъ, прося отсрочить отпускъ, чтобы воспользоваться такимъ въ высшей степени интереснымъ для меня концертомъ. Но что же? Получаю отъ начальника репертуара Өедорова письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что я ненужна и могу оставаться за границей даже совсѣмъ. Такой отвѣтъ глубоко огорчилъ меня, потому что всѣ стремленія мои пріобрѣсти познанія и извѣстность за границей происходили именно изъ желанія занять прочное положеніе въ артистическомъ мірѣ и принести пользу искусству въ родной странѣ, тѣмъ болѣе, что въ то время сцена наша была такъ бѣдна пѣвцами.

Встревоженная отвѣтомъ изъ Петербурга, я спѣшила возвратиться, не смотря на то, что Оберъ и Мейерберъ уговаривали меня остаться на одинъ годъ въ парижской консерваторіи, обѣщая заняться со мной, приготовить меня и дать мнѣ дебютъ въ Парижѣ. Наконецъ уговаривали меня даже остаться въ Парижѣ совсѣмъ. Но ничто не могло остановить меня,— я слишкомъ любила родину.

Убѣдившись, что никакія обѣщанія, никакія предложенія, на меня не подѣйствуютъ, Оберъ и Мейерберъ успѣли только,—такъ какъ я очень спѣшила отъѣздомъ,—устроить, чтобы я пѣла въ Парижѣ, на большомъ музыкальномъ вечерѣ у г. De-la-Madeleine и въ «Théâtre lyrique» у Corvalo. Вечеръ у г. De-la-Madeleine описанъ былъ въ газетахъ и одинъ изъ рецензентовъ, осыпая меня похвалами, назвалъ меня «pur diamant russe». У Корвало я пѣла между прочими вещами «Ахъ, не мнѣ бѣдному». Музыка и пѣніе мое произвели такое впечатлѣніе, что тутъ же возникъ вопросъ о постановкѣ въ Парижѣ оперы «Жизнь за царя» и съ меня взяли слово, что я вышлю эту оперу по возвращеніи моемъ въ Россію и пріѣду сама ее ставить. Я дала слово.

Вообще, пѣніе мое въ Парижѣ обратило на меня большое вниманіе, но чѣмъ болѣе почестей оказывалось мнѣ за границей, тѣмъ больнѣе мнѣ было вспоминать о присланномъ мнѣ изъ Петербурга отвѣтѣ. Какъ бы то ни было, путешествіе мое имѣло для меня громадное значеніе; кромѣ того, что имя мое сдѣлалось извѣстнымъ за границей, я пріобрѣла себѣ такія знакомства въ музыкальномъ мірѣ, какъ Оберъ и Мейерберъ. Оберъ назначилъ въ мой репертуаръ «La reine de Chypre» и необыкновенно восторгался музыкой М. И. Глинки, особенно его «Русланомъ и Людмилой», а также пѣснями національнаго русскаго характера. Онъ говорилъ мнѣ, что знаетъ самъ русскую пѣсню «Красный сарафанъ», вспоминая

при этомъ извѣстнаго нашего тенора Иванова, который, оставшись за границей, составилъ себѣ несмѣтное богатство своимъ талантомъ. Примѣромъ пѣвца этого онъ старался склонить меня къ согласію остаться навсегда за границей. Но, какъ уже я сказала, это было для меня невозможно изъ-за привязанности моей къ родинѣ.

Д. Леонова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОѢЗДКА НА ЮГЪ РОССІИ ВЪ 1888 ГОДУ.

I.

Ростовъ-на-Дону.—Екатериноградъ.—Станція «Минеральныя воды».—Владикавказъ.—Приготовленіе къ встрѣчѣ Государя Императора и Государыни Императрицы. — Почетный караулъ георгіевскихъ кавалеровъ. — Полковникъ Кулебякинъ. — Казаки-малолѣтки. — Представители горскихъ племенъ. — Пріѣздъ Ихъ Величествъ. — Терскіе и Кубанскіе казаки. — Высочайшій смотръ. — Нижегородскіе драгуны.—Кабардинскій полкъ.—Праздникъ въ городскомъ саду.—Ужинъ, устроенный офицерами Кавказской кавалерійской дивизіи. — Поѣздка Государыни Императрицы для осмотра Военно-Грузинской дороги.

ВОТЪ И РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Какимъ неприглядным поселкомъ выглядывалъ онъ въ 1864 году, во время первой моей поѣздки. Торговое движеніе и тогда сказывалось большимъ оживленіемъ на пристани; но городъ смотрѣлъ весьма неряшливо и походилъ на богатое, торговое село. Теперь, «разбогатѣвшій русскій мужикъ», какъ называютъ Ростовъ по сравненію съ греческимъ Таганрогомъ, началъ прихорашиваться. Выросли богатые дома, устроенъ водопроводъ, недурныя мостовыя; появились сносные извозчики, гостинницы и даже театры. Юго-восточная полоса Россіи и Сѣверный Кавказъ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ посылали ежегодно въ Ростовъ цѣлыя горы хлѣба. Сюда тысячами стремился на заработки чернорабочій народъ для разгрузки, сортировки и нагрузки хлѣба. Богатый хозяинъ всѣмъ давалъ дѣло. Городъ ширился, богатѣлъ и, побрякивая золотомъ, гордо и смѣло смотрѣлъ въ будущее. Но покой ростовскихъ горожанъ за послѣднее время былъ нарушенъ.

Тамъ, издалека, съ берега Чернаго моря, показывалась тучка. Тучка росла и росла, омрачая розовыя мечты мѣстныхъ комерсантовъ. Испугъ вызванъ былъ слухами о постройкѣ желѣзнодорожной линіи до Новороссійска, открывавшаго двери прямо въ Черное море. Удобства новаго порта могли лишить Ростовъ многихъ милліоновъ вывознаго товара.

Время покажетъ насколько основателенъ былъ страхъ ростовцевъ; теперь же они не могутъ особенно жаловаться на судьбу.

На ростовскомъ вокзалѣ идутъ дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ Высочайшихъ путешественниковъ. Вывѣшиваютъ флаги, убираютъ зданія гирляндами зелени и цвѣтами. Поѣздъ тихо отходитъ отъ станціи и мѣрно, осторожно, подвигается по дамбамъ и по мосту черезъ Донъ. Заходящее солнце бросаетъ послѣдніе лучи на покрытый легкой дымкой городъ. Красиво и мощно растянулся онъ на возвышенномъ берегу Дона. На стражѣ пограничнаго съ Азіей города величественно вздымаются куполы храмовъ съ горящими на нихъ золотыми крестами. Разноцвѣтные домики въ перемежку съ сѣро-зелеными садиками уходятъ все дальше и дальше. Не видно ни грязи, ни пыли, развертывается лишь красивая картина. Промелькнулъ и мелкій Донъ съ барками и буксирными пароходами; осталась назади и дамба луговой стороны. Кругомъ необозримая степь.

Ростово-Владикавказская дорога оставила въ сторонѣ два значительныхъ пункта на Сѣверномъ Кавказѣ: Ставрополь и Пятигорскъ.

Въ былыя, недавнія времена, Ставрополь служилъ главнымъ депо для Предкавказья. Во время кавказской войны здѣсь кипѣла жизнь, работалъ штабъ, дѣйствовали интенданты; наконецъ, офицерство пріѣзжало сюда поразвлечься отъ скучной походной жизни... Теперь Ставрополь отодвинулся верстъ на семьдесятъ отъ главнаго тракта, затихъ, заглохъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто,ересталъ быть кавказскимъ городомъ. За время нашего владѣнія Кавказомъ, Ставрополь не первый изъ городовъ, преданныхъ забвенію. Сто лѣтъ тому назадъ Екатериноградъ, пересиливъ Астрахань и Кизляръ, былъ призванъ играть роль главнаго города Кавказско-Астраханскаго намѣстничества. Въ 1786 году, генералъ-поручикъ Потемкинъ «при гласѣ трубномъ и громѣ пушекъ возвѣстилъ въ семъ станѣ торжество...» открытія учрежденій намѣстничества. Но Екатериноградъ не долго торжествовалъ, скоро его разжаловали въ званіе простой станицы и управленіе перемѣстилось въ Георгіевскъ, который въ свою очередь, въ 1824 году, долженъ былъ склониться передъ Ставрополемъ.

На станціи «Минеральныя воды» я засталъ особое оживленіе и дѣятельные сборы къ пріему Высочайшихъ гостей. Сюда пріѣхали депутаціи отъ Ставропольской губерніи и отъ города Пяти-

горска. Тутъ же былъ выставленъ почетный караулъ отъ резервнаго баталіона и собранъ маленькій казачій отрядъ, готовившійся предстать на смотръ Государю. Имъ суждено было первыми изъ кавказскихъ войскъ привѣтствовать Царя и Августѣйшую Его Супругу, первую изъ русскихъ императрицъ, посѣтившую Кавказъ. Маленькая желѣзнодорожная станція врядъ ли когда вмѣщала въ себѣ столько офицерства. Все это тѣснилось въ буфетѣ и истребляло малороссійскій борщъ, перепелокъ и фазановъ. Дичи въ окрестностяхъ очень много и фазаны здѣсь считаются самымъ обыденнымъ блюдомъ. На платформѣ виднѣются воспитанники Пятигорской гимназіи; они тоже поспѣшили къ пріѣзду Ихъ Величествъ. Вся эта масса генераловъ, офицеровъ, членовъ депутаціи, дѣтей, туземцевъ, самое разукрашенное зданіе, все это имѣло нарядный, парадный, и веселый видъ. Мнѣ невольно вспомнилось, какъ грустно выглядывала эта же станція въ 1886 году. Тогда я нашелъ тутъ тоже не мало офицеровъ, но запыленныхъ, въ старенькихъ мундирчикахъ. То былъ эшелонъ войскъ, передвигавшихся въ виду волненія въ Чечнѣ. Осенью 1886 года, по случаю производившейся народной переписи, сопряженной съ вопросомъ объ отбываніи воинской повинности — произошло что-то неладное. Чеченцы были увѣрены, что ихъ будутъ брать въ солдаты, надѣнутъ сѣрую шинель; мало того, кто-то пустилъ невѣроятную молву о какой-то женской повинности... и этому повѣрили. Чеченцы заволновались, не позволили продолжать перепись и стали группироваться вооруженными шайками въ большихъ аулахъ. Потребованы были войска. Умиротвореніе Чечни поручено было князю Амилохвари (начальнику Кавказской кавалерійской дивизіи). Тактъ, знаніе мѣстныхъ условій и нежеланіе даромъ проливать кровь — спасло край отъ губительной экзекуціи. Недоразумѣнія разсѣялись и все пришло въ полный порядокъ, безъ единаго боеваго выстрѣла, безъ плети, безъ розогъ. Во время моего проѣзда въ 1886 г. чеченскія осложненія носили еще очень острый характеръ и всѣ ждали страшнаго взрыва.

Теперь, въ 1888 году, все смотрѣло весело и видимо старалось лишь объ одномъ, какъ бы не ударить лицомъ въ грязь передъ Царственными гостями.

За станціей «Минеральныя воды» съ каждой верстой поѣздъ все ближе и ближе подходитъ къ горамъ, снѣжная цѣпь которыхъ красивымъ амфитеатромъ рисуется на горизонтѣ. Наконецъ-то Владикавказъ! Какъ онъ выросъ и похорошѣлъ со времени проведенія желѣзной дороги.

Кавказскія горныя громады неприступной стѣной жмутся другъ къ другу отъ самыхъ волнъ Чернаго моря по направленію къ Каспійскому. Эта колосальная цѣпь гигантовъ, не успѣвъ раздвинуться вплоть до послѣдняго моря, окаменѣла и оставила свободной

береговую полосу, по которой передвигались иногда цѣлыя народности. Бурные, безпокойные потоки—Терекъ и Арагва не могли оставаться въ заперти, не устрашились каменныхъ преградъ и пробили себѣ выходъ на просторъ, на низменность. По ихъ слѣдамъ и человѣкъ попытался проложить сначала робкую тропу, а затѣмъ и болѣе усовершенствованный путь. Однако, дорога эта, въ виду заоблачныхъ переваловъ и узкихъ, перерѣзанныхъ страшными потоками, ущелій, никогда не служила для одновременныхъ массовыхъ передвиженій.

Осетины, тѣснимые адыгейскими народами, постепенно забирались въ морщины всѣхъ ущелій, прилегавшихъ къ верхнему Тереку. На Арагвѣ, несшейся на югъ, къ Курѣ, появились зàмки иверскихъ князей; здѣсь они нерѣдко отсиживались отъ южныхъ завоевателей. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія, грузинскій царь Ираклій II спасался въ зàмкѣ Анануръ отъ кроваваго нашествія персіянъ, разрушившихъ Тифлисъ.

Преградить путь въ горныхъ тѣснинахъ всегда можно было безъ особаго труда и потому въ былое время перевальная дорога въ Грузію была полна опасностей. Разбои, грабежи, поборы отдѣльныхъ свободныхъ обществъ и маленькихъ владѣльцевъ, грозили всякому, кто отваживался перебираться черезъ горы. Съ цѣлью преградить путь воинственнымъ сѣверянамъ въ благодатную Грузію недалеко отъ Казбека въ знаменитомъ Дарьяльскомъ ущельи была воздвигнута стѣна. По всему протяженію отъ нынѣшняго Владикавказа до Мцхета въ старину высились зàмки и даже крѣпости; теперь отъ всѣхъ этихъ сооруженій остались лишь развалины.

Съ приходомъ въ Закавказье русскихъ дѣятельно принялись за устройство, такъ называемой «военно-грузинской дороги». Приходилось бороться нетолько съ природой, но и съ людьми; русскіе отряды не разъ должны были силою оружія очищать дорогу и успокоивать храбрыхъ туземцевъ.

Съ 1863 года, между Владикавказомъ и Тифлисомъ по всему двухсотъ-верстному протяженію «военно-грузинской дороги» открыто прекрасное шоссе.

Въ 1784 году, близь Ингушскаго аула возведено было маленькое укрѣпленіе, которое вмѣстѣ съ другими обезпечивало намъ дорогу отъ Моздока въ Грузію.

Въ виду малочисленности нашихъ войскъ и осложненій въ въ краѣ, мы принуждены были покинуть нѣкоторыя мелкія укрѣпленія; въ числѣ другухъ въ 1786 году очищенъ былъ и Владикавказъ. Такъ какъ ключъ къ Грузіи не могъ оставаться безъ охраны, то вскорѣ русскій флагъ вновь взвился надъ Владикавказомъ. Городъ началъ рости въ особенности съ назначеніемъ его областнымъ пунктомъ Терской области, а тѣмъ болѣе съ проведеніемъ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги. По ростъ этотъ,

Горцы Терской области.

конечно, не особенно гигантскій и населеніе города не превышаетъ 35 тысячъ. Главнымъ украшеніемъ Владикавказа служитъ быстро несущійся Терекъ и живописная панорама горъ. Узкой, длинной, зеленой лентой тянется по главной улицѣ бульваръ, къ слову сказать, не особенно хорошо содержимый. Здѣсь на простенькихъ скамеечкахъ можно встрѣтить не мало кавказскихъ ветерановъ. Городскія условія жизни, при дешевизнѣ и хорошемъ климатѣ, стягиваютъ во Владикавказъ отставныхъ офицеровъ и генераловъ. Пенсія и эмеритура единственныя средства этихъ честныхъ работниковъ, обремененныхъ зачастую большими семьями. Владикавказскіе дома не отличаются грандіозностью. Наиболѣе бросаются въ глаза: зданіе военнаго госпиталя, неуклюжее строеніе, вмѣщающее въ себѣ клубъ и театръ, затѣмъ военная прогимназія и давно начатый, но не оконченный и какъ будто даже заброшенный, соборъ. Передъ зданіемъ военной прогимназіи красиво вырисовывается памятникъ доблестнымъ защитникамъ Михайловскаго укрѣпленія штабсъ-капитану Лико и Архипу Осипову. По своему положенію конечной станціи желѣзной дороги, Владикавказъ является пунктомъ, въ которомъ задерживается ежедневно значительное число пассажировъ, направляющихся въ Тифлисъ и изъ Тифлиса. Съ одной стороны въ дилижансахъ, двигающихся по военно-грузинской дорогѣ, число мѣстъ ограничено, а съ другой, лишь одинъ желѣзнодорожный поѣздъ въ сутки. Такимъ образомъ, во Владикавказѣ ежедневно гоститъ не мало проѣзжающихъ на радость содержателямъ гостинницъ. Большой спросъ вызвалъ и соотвѣтствующее предложеніе — гостинницъ во Владикавказѣ нѣсколько и, сравнительно съ обще-губернскими, онѣ не поражаютъ отсутствіемъ комфорта.

Скромный городокъ къ пріѣзду Государя замѣтно оживился и повеселѣлъ. Изъ деревень и ауловъ понаѣхало много народу. Всѣмъ интересно было взглянуть на царскую семью. Отставные военные принарядились въ мундиры, навѣсили, дорогой цѣной доставшіеся имъ, ордена и, озабоченно собираясь группами на бульварѣ, сообщали другъ другу впечатлѣнія по поводу приготовленій. Старымъ кавказцамъ хочется, чтобы Владикавказомъ остались довольны. Вотъ старичокъ въ пальто съ красной подкладкой и бравый сѣдой казакъ съ владимірскимъ бантомъ останавливаютъ торопящагося, вѣроятно на станцію, городского голову и засыпаютъ его вопросами по поводу Высочайшаго пріѣзда. Едва вырвавшійся отъ нихъ, голова рискуетъ опять быть атакованнымъ новой группой ветерановъ, но онъ предусмотрительно удаляется въ фаэтонъ.

17-го сентября, въ день пріѣзда Ихъ Величествъ, задолго до прихода высочайшаго поѣзда весь путь отъ вокзала до дома начальника области запруженъ разнообразнымъ населеніемъ. Полиція выходитъ изъ себя, стараясь выравнивать ряды, то и дѣло скатывающіеся съ тротуаровъ на улицу. Желаніе поближе уви-

дѣть Государя такъ велико, что конечно полицейскія распоряженія не могутъ сдерживать колеблющуюся живую стѣну. Особенное оживленіе предъ домомъ начальника области на Красной площади. Здѣсь стоитъ почетный караулъ отъ Переяславскаго драгунскаго Его Величества полка. Молодцы драгуны выравниваются въ струнку и видимо съ нетерпѣніемъ ждутъ своего державнаго шефа. Начальникъ караула нѣсколько разъ ужъ обошелъ вытягивающихся солдатиковъ; вѣстовые торопливо обмахиваютъ запылившихся драгунъ; трубачи то и дѣло нервно подносятъ къ губамъ мѣдные инструменты. Пройдя драгунскій караулъ, невольно останавливаешься отъ изумленія и восхищенія. Новый караулъ! Но какой!... Здѣсь стоятъ въ строю старики, терскіе казаки, груди которыхъ украшены георгіевскими крестами, все сплошь «кавалеры».

Сѣрыя папахи, сѣдыя бороды, длинныя черныя черкески съ сплошной почти линіей крестовъ и медалей,—все это такъ и просится на полотно. Чудная боевая группа осѣняется войсковымъ георгіевскимъ знаменемъ.

Этотъ поистинѣ почетный караулъ выстроенъ подъ начальствомъ казачьяго поэта и георгіевскаго кавалера Кулебякина. Онъ служилъ въ конвоѣ и подъ Ловчей за лихую атаку грудь его украсилась столь желаннымъ бѣлымъ крестомъ. Въ печальной памяти день 1-го марта Кулебякинъ пострадалъ также отъ взрыва и чуть было не лишился зрѣнія. Не смотря на пораненія, онъ же сопровождалъ покойнаго государя съ мѣста катастрофы до Зимняго дворца. Разстроенное здоровье заставило полковника Кулебякина оставить службу, но не помѣшало привѣтствовать царственныхъ гостей среди собратьевъ по оружію.

Казаки «кавалеры» видимо гордились выпавшей на ихъ долю честью. За спиной почетнаго караула, подъ прикрытіемъ своихъ дѣдовъ, сгрупировались верхами двѣ сотни казачковъ-малолѣтокъ. Веселая дѣтвора въ бѣлыхъ папахахъ и бѣлыхъ черкескахъ отличалась отъ почетнаго караула, какъ весна отъ осени. Малолѣтки подучились уже строю и смотрѣли заправскими казаками; у нѣкоторыхъ изъ нихъ папахи лихо были заломлены за ухо и они нагайками горячили своихъ коней, видимо желая показаться настоящими джигитами. Дальше вытянулись въ конномъ строю представители отъ горскихъ племенъ, населяющихъ Терскую область; тутъ были кабардинцы, осетины, ингуши, чеченцы и кумыки. Они мирно галдѣли и съ любопытствомъ поглядывали на дорогу, ожидая пріѣзда. Тутъ же помѣстились многочисленныя депутаціи отъ казачьихъ станицъ. Станичные атаманы обращали на себя вниманіе своимъ почтеннымъ видомъ, сановитостью. Высокія палицы съ набалдашниками - «насѣками» придавали этой атаманской группѣ особый, патріархальный отпечатокъ. Подлѣ всего этого воинственнаго ополченія кокетливо размѣстились ка-

зачки и горянки въ яркихъ костюмахъ. Среди группы терскихъ красавицъ особенно бросались въ глаза смуглыя и стройныя гребенскія казачки.

Но вотъ до площади донеслись отдаленные раскаты русскаго «ура». Красная площадь зашевелилась. Раздалась команда. «Ура»

Кубанскій казакъ.

подходитъ все ближе и ближе, наконецъ волна перекатилась на площадь и вокругъ меня зашумѣло и загудѣло. Мельчайшіе свободные промежутки и прогалины на Красной площади мгновенно были залиты нахлынувшей толпой. Каждому хотѣлось протиснуться подальше впередъ. Многіе изъ туземцевъ встали во весь ростъ на

сѣдлахъ. Умолкнувшее на время «ура» даетъ возможность разслышать звуки «Боже, царя храни»; Государь подходитъ къ почетнымъ старикамъ; стройно заигралъ войсковой хоръ и вдругъ... снова неудержимые крики понеслись по площади. Въ такія минуты чувствуется особенный подъемъ духа. Общее настроеніе захватываетъ и увлекаетъ даже самыхъ флегматичныхъ людей...

Терскій казакъ.

На Красной площади собралась разноплеменная толпа. Давно ли весь край этотъ былъ вражескимъ для насъ? Солдатскій штыкъ и казачья станица однако успѣли взять верхъ надъ магометанскими скопищами. Золотой крестъ заблисталъ вновь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то раздавалась проповѣдь византійскихъ и итальянскихъ миссіонеровъ. Положимъ, христіанство въ то отдаленное время не пустило глубокихъ корней; но все-таки почва постепенно

подготовлялась къ болѣе прочному утвержденію ученія Спасителя. Съ паденіемъ Византіи и итальянскихъ республикъ не кому было поддержать колеблющееся въ вѣрованіяхъ населеніе. Магометанство, охватившее восточное побережье Кавказа и Крымскій полуостровъ, надвигалось на притеречныхъ и прикубанскихъ жителей съ двухъ сторонъ. Но черная туча ползла очень медленно; лишь на глазахъ нашихъ прадѣдовъ и даже дѣдовъ полумѣсяцъ и зеленое знамя рѣшительно восторжествовали надъ безразличіемъ толпы. Какъ православіе явилось необходимымъ условіемъ русской народности, такъ и магометанство звало подъ свой покровъ всѣхъ кавказскихъ горцевъ, желавшихъ дать отпоръ поступательному движенію нашего государства. Народности, въ прежнее время полухристіанскія, дружественныя далекой Москвѣ и малочисленнымъ гребенскимъ колонистамъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій обращаются въ фанатиковъ мусульманъ и нашихъ отчаянныхъ недруговъ. Всегдашніе и незамѣнимые русскіе піонеры-казаки безстрашно садились поселками подъ самымъ носомъ негодующаго населенія и поддерживаемые сѣрымъ солдатикомъ неудержимо подвигались впередъ. Сколько тревогъ пришлось перенести порубежнымъ станицамъ, ежеминутно въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ ожидавшимъ набѣга и разоренія. Сколько крови пролито и на валахъ родного поселка, и въ лѣсныхъ чеченскихъ засѣкахъ и на стѣнахъ горныхъ ауловъ!.. Замолкли выстрѣлы. Не желавшіе покориться полумилліонной массой выселились въ Турцію на горе и себѣ и новымъ сосѣдямъ... Дай Богъ, чтобы оставшіеся горцы окончательно успокоились и признали бы насъ за своихъ друзей.

Героями дня, во время Высочайшаго пріѣзда во Владикавказъ, несомнѣнно являются терскіе казаки. При теперешнихъ короткихъ срокахъ службы составъ регулярныхъ полковъ такъ скоро мѣняется, что въ рядахъ и нижегородцевъ, и кабардинцевъ, и куринцевъ, и другихъ полковъ, нѣтъ уже посѣдѣлыхъ въ бояхъ кавказскихъ завоевателей. Несомнѣнно, современные солдатики, по примѣру своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, смѣло сомнутъ врага, или умрутъ подъ старыми георгіевскими знаменами; но реальной связи съ Кавказской войной они уже не имѣютъ. Другое дѣло—казакъ. И прадѣдъ, и дѣдъ, и отецъ, и быть можетъ онъ самъ, принимали участіе въ повседневной, убійственной борьбѣ. Съ самыхъ пеленокъ онъ сроднился съ мыслью о боевой жизни и выше всякаго благополучія привыкъ ставить воинское отличіе, воинскую доблесть. Такъ и чувствуется, что казакъ здѣсь хозяинъ, здѣсь,—на землѣ, кровью отцовъ добытой.

Терская казачья семья сложилась не сразу. Выходцы, ушкуйники изъ рязанскаго еще княжества, волжское казачье войско, стрѣльцы, донцы, крестьяне, переселенцы, поселенные солдаты и малороссійскіе казаки. Вотъ изъ какихъ элементовъ складывалось подъ звуки

орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ лихое терское войско. Не велико оно числомъ, всего 50 сотенъ, въ томъ числѣ 2 эскадрона [1]) и двѣ батареи, но это не мѣшаетъ имъ быть страшными для врага. Кавказскіе казаки—русскіе джигиты и по своимъ военнымъ качествамъ могутъ быть по справедливости поставлены во главѣ всѣхъ казачьихъ войскъ. Въ прошлую кампанію, не богатую кавалерійскими атаками (въ Европейской Турціи), терцы и кубанцы успѣли-таки показать себя и на Балканахъ удалыми рубаками. Преслѣдованіе непріятеля послѣ взятія Ловчи выпало на долю кавказской казачьей бригады, искрошившей около четырехъ тысячъ турокъ. Въ Малой Азіи, конечно, казаки не разъ бросались въ шашки. Напримѣръ, 2-й Горско-Моздокскій полкъ отбилъ у турокъ на Аладжинскихъ высотахъ четыре орудія, а при Деве-Бойну—шесть. Кавказскіе казаки за вѣковую безпрерывную службу и вознаграждены достойно. Какъ извѣстно, собственный Его Величества конвой состоитъ исключительно изъ терцевъ и кубанцевъ. Честь, которой каждый казакъ гордится.

Вокругъ Владикавказа раскинулось обширное военное поле, на которомъ 19-го сентября состоялся Высочайшій смотръ войскамъ. Кромѣ двухъ свободныхъ казачьихъ полковъ, двухъ сотенъ бравыхъ малолѣтокъ и пяти сотенъ горцевъ, передъ Государемъ здѣсь проходили, большая часть 2-го кавказскаго корпуса, полки 19-й, 20-й, (полки 20-й не въ полномъ составѣ) пѣхотныхъ дивизій и кавказской кавалерійской (Тверской полкъ не участвовалъ на смотру), а также артилерія. Были здѣсь и кавказскіе саперы. Я раньше уже замѣтилъ, что въ рядахъ регулярныхъ полковъ, понятно, не осталось уже старыхъ солдатъ-воякъ. Однако, славныя преданія прошлаго, передававшіяся постепенно изъ устъ солдатскихъ «дядекъ» ученикамъ-«племянникамъ», боевые офицеры, наконецъ, самыя мѣстныя условія, заставляющія держаться всегда на чеку, и до сихъ поръ вырабатываютъ незамѣнимый типъ кавказскаго солдата.

Кавказской кавалерійской гвардіей считается Нижегородскій драгунскій полкъ. Одно время этотъ полкъ былъ единственнымъ представителемъ регулярной кавалеріи на Кавказѣ. Въ ряды его стремились жаждавшіе сильныхъ ощущеній русскіе аристократы, грузинскіе князья и вообще отважная молодежь. Робкому человѣку, вахлаку, увальню, не было мѣста среди нижегородцевъ. Солдаты-драгуны при 20-тилѣтней службѣ, прирастали къ коню и такъ сроднялись съ мыслью о неминуемой гибели на полѣ брани, что имъ было море по колѣно. Это были истые кавалеристы, гроза турокъ, гроза горцевъ. Тѣ и другіе терпѣть не могли атакъ крѣпко, какъ гигантскій кулакъ, сбитыхъ въ одно цѣлое черныхъ шайта-

[1]) Все казачье населеніе Терской области около 165,000 обоего пола.

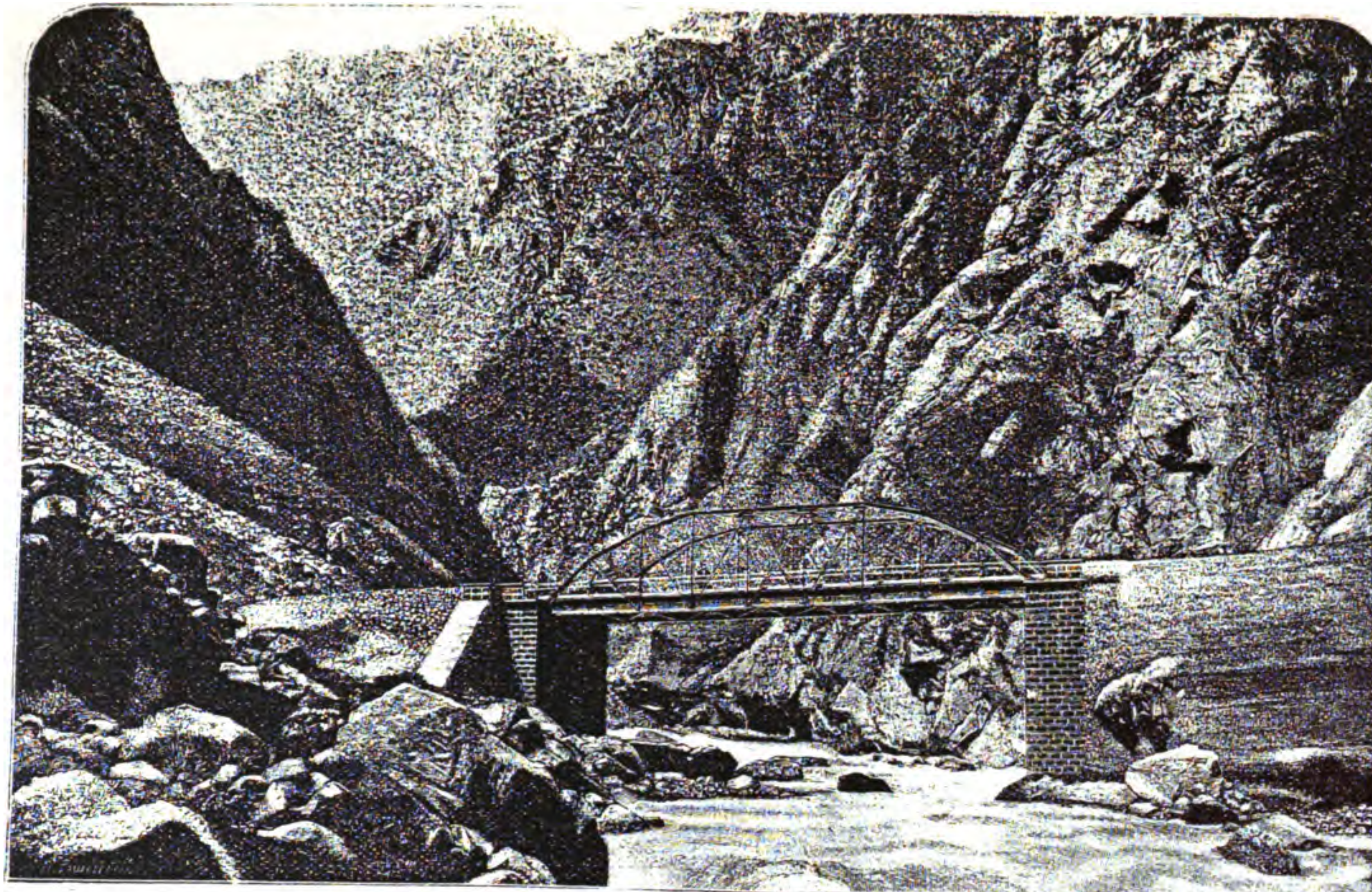
новъ. Ни горы, ни ружейные залпы, ни колючая щетина штыковъ, не пугали нижегородцевъ, и они, по знаку командира, очертя голову, бросались умирать. Рѣдѣлъ ихъ строй отъ пуль, поднимали всадниковъ на турецкіе штыки; но остатки вновь лѣзли на непріятеля и добивались успѣха. Случалось, что изъ строя выбывали всѣ офицеры, но это не сбивало съ толку драгунъ и одни нижніе чины наскакивали на непріятеля. Своими громкими подвигами нижегородцы заслужили полку всѣ существующіе боевые награды, «получать больше нечего».

Принявъ такое славное, но и отвѣтственное наслѣдство, современные нижегородцы считаютъ, конечно, себя обязанными поддерживать старую драгунскую славу. Кавказскіе казаки на Балканскомъ полуостровѣ показывали, какъ нужно рубить непріятеля. Кавказскіе ихъ товарищи—казаки же и драгуны также успѣли лихими атаками поддержать старую славу кавказской кавалеріи. Нижегородцы подъ Карсомъ захватили 4 орудія и массу плѣнныхъ, а въ Аладжинскомъ дѣлѣ воскресли герои Кюрюкъ-Дара и Башъ-Кадыкъ-Лара. 2-го октября 1877 года, на Аладжѣ отрядъ (эскадронъ нижегородцевъ, сотня 2-го Кизляро-Гребенскаго казачьяго полка и взводъ 3-го Дагестанскаго конно-пр. полка) нижегородца маіора Витте, наткнувшись внезапно на шесть турецкихъ баталіоновъ, не показалъ тыла, а кинулся на непріятеля. Витте желалъ пробиться по направленію къ Базарджику. Стремительный натискъ нашихъ всадниковъ ошеломилъ турокъ и принудилъ ихъ дать дорогу лихимъ кавалеристамъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Нашъ отрядъ, отъѣхавъ саженъ на триста отъ мѣста удалого наскока, очутился передъ глубокимъ скалистымъ оврагомъ... Маіоръ Витте не потерялся и, полагаясь на своихъ храбрыхъ товарищей, вновь врѣзался въ турецкіе ряды и шашками очистилъ обратный путь. Въ этомъ блестящемъ дѣлѣ мы потеряли 28 человѣкъ (включая одного офицера) убитыми и 28 ранеными.

Въ послѣднюю кампанію на груди нѣсколькихъ нижегородцевъ-офицеровъ красиво забѣлѣли георгіевскіе кресты. Конечно, и другіе драгунскіе полки не уступятъ, вѣроятно, въ лихости нижегородцамъ, но капризная судьба такъ уже благоволитъ къ нимъ, что и до сихъ поръ полкъ этотъ внушаетъ какое-то особое обаяніе и вѣру въ блестящее боевое будущее.

Среди представлявшихся на смотру Государю пѣхотныхъ полковъ особенной славой пользуется, какъ извѣстно, Кабардинскій полкъ. 19-я, а главнымъ образомъ 20-я дивизія, много пролила крови на лѣсистыхъ предгорьяхъ Кавказскаго хребта. Всѣмъ имъ на долю выпадало не мало разъ отличиться; но опять-таки судьба особенно благопріятствовала Кабардинскому полку.

Интересный эпизодъ произошелъ съ наименованіемъ полка. Собственно законнымъ и безраздѣльнымъ наслѣдникомъ стараго



Мостъ въ Дарьяльскомъ ущельи.

Кабардинскаго полка долженъ служить 84-й пѣхотный Ширванскій полкъ. Въ 1818 году, генералъ Ермоловъ самовольно переименовалъ бывшій Кабардинскій въ Ширванскій, Казанскій полкъ въ Кабардинскій, а старый Ширванскій въ Казанскій. Соотвѣтственно перетасованнымъ именамъ переданы были «знамена»; такъ что казанцы вмѣстѣ съ именемъ кабардинцевъ получили внезапно мальтійскіе знамена, а свои сдали вмѣстѣ съ именемъ старому Ширванскому полку. Вся путаница эта была произведена потому, что Алексѣй Петровичъ не хотѣлъ переводить штабъ-квартиру дорогого ему «X легіона» (какъ онъ называлъ кабардинцевъ) изъ Закавказья по ту сторону хребта. По присланной изъ Петербурга дислокаціи кабардинцы должны были перейти въ нынѣшнюю Терскую область, въ замѣнъ отзываемаго въ Россію Казанскаго полка; въ Закавказье же двинутъ былъ изъ внутреннихъ губерній Ширванскій полкъ (старый), который, какъ оказалось, получилъ казанскія знамена и подъ именемъ Казанскаго полка вернулся обратно въ Россію въ кадровомъ составѣ. Прискорбная игра въ имена, а главнымъ образомъ игра въ знамена, въ свое время тяжело отразилась въ сердцахъ современныхъ Ермолову кабардинцевъ, ширванцевъ и казанцевъ. Всякому было дорого свое, кровью прожитое... Семьдесятъ лѣтъ большой срокъ, и за это время бывшіе казанцы подъ именемъ кабардинцевъ успѣли завоевать себѣ одно изъ почетныхъ мѣстъ среди кавказской арміи. Со времени командованія полкомъ князя Барятинскаго, кабардинцы опять входятъ въ моду; «получить» этотъ полкъ считается и теперь особымъ отличіемъ.

Смотръ, какъ и надо было полагать, сошелъ блестящимъ образомъ. Кавказцы и на церемоніальномъ маршѣ не ударили лицомъ въ грязь. Туземные наѣздники, не вошедшіе въ составъ, участвовавшихъ въ смотрѣ, пяти горскихъ сотень, не могли удержаться отъ соблазна поджигитовать передъ Ихъ Величествами. По дорогѣ изъ города на полигонъ цѣлыя сотни горцевъ гарцевали подлѣ высочайшаго экипажа, стараясь обратить на себя вниманіе ловкостью и удальствомъ. Правда, они подняли страшную пыль, но жалко было бы лишить ихъ удовольствія по своему чествовать высокихъ гостей.

Вечеромъ я отправился въ городской садъ, гдѣ устроенъ былъ «вечерній чай». Весь городъ горѣлъ огнями. Маленькіе казачки съ особо приспособленными гирляндами фонарей шустро пробирались среди веселой толпы. Конечно, все населеніе было на улицѣ и вполнѣ отдавалось невиданному для нихъ зрѣлищу большой иллюминаціи. Въ садовой ротондѣ собралось все чиновное владикавказское общество съ ихъ семьями. Отдѣльную группу составляли туземки въ національныхъ костюмахъ. Въ саду, въ ожиданіи Высочайшаго пріѣзда, вытянулись живыми шпалерами ученики и ученицы мѣстныхъ гимназій. У первыхъ свой оркестръ воспитан-

никовъ и хоръ пѣвчихъ. Вотъ послышались изъ сада звуки оркестра сначала гимназическаго, а потомъ струннаго казачьяго и въ дверяхъ показались Ихъ Величества. Оркестръ офицеровъ, новичковъ-любителей, заигралъ гимнъ. Августѣйшіе гости прошли по всѣмъ заламъ ротонды и, напившись чаю, вышли на балконъ. Темное, южное небо внезапно прорѣзалось цѣлымъ снопомъ огненныхъ линій, разсыпавшихся тысячами разноцвѣтныхъ огней. На берегу шумѣвшаго вдали Терека артилеристы снарядили замѣчательный фейерверкъ.

Послѣ вечерняго чая, въ городскомъ саду, офицеры Кавказской кавалерійской дивизіи устроили въ лагерѣ на полигонѣ ужинъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Георгій Александровичъ приняли радушное приглашеніе и отправились отвѣдать драгунскаго хлѣба-соли.

Распорядители не гнались за гастрономическими диковинками; а устроили обыкновенный кавказскій офицерскій ужинъ, приправленный не шампанскимъ или другими какими-нибудь французскими или испанскими винами, а единственно добрымъ кахетинскимъ. Въ этой простотѣ была особая прелесть и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразный шикъ. Драгунскіе трубачи и лихіе пѣсенники чередовались съ тостами и взрывами ракетъ. Въ Грузіи существуетъ обычай привѣтствовать тостъ пѣніемъ застольной пѣсни. Обычай этотъ вмѣстѣ съ поступавшими на службу грузинами укрѣпился и въ нѣкоторыхъ полкахъ. И въ вечеръ 19-го сентября среди молодежи офицерства послышалась грузинская здравица, сначала тихо, а затѣмъ она все больше росла и крѣпла.

Безхитростное пѣніе это очень шло ко всей патріархальной обстановкѣ кавказскаго пиршества.

Къ слову о кавказскихъ угощеніяхъ. Кавказское гостепріимство такъ неотразимо, что самые суровые пріѣзжіе генералы и другіе сановники не могли не поддаться общему заразительному веселью. Мнѣ пришлось видѣть въ одномъ закавказскомъ городѣ сѣдовласаго петербуржца, двигавшагося по срединѣ улицы на вокзалъ съ цѣлой процессіей провожавшихъ. Впереди шелъ мѣстный оркестръ и тулумбасилъ нѣчто въ родѣ марша. Вѣдь не роскошью же угощенія или ораторскимъ краснорѣчіемъ кавказцы берутъ верхъ даже надъ мало-сговорчивыми пріѣзжими. У грузина, армянина, а за ними и у русскаго-кавказца, такое уже непоколебимое убѣжденіе въ необходимости угощенія, что оно невольно передается приглашаемымъ и чествуемымъ.

Послѣ ужина, все офицерство бросилось къ лошадямъ и моментально вокругъ экипажа Цесаревича образовалась громадная кавалькада. До города было довольно далеко, иллюминація въ лагерѣ погасла, и огромное поле въ черную ночь казалось чѣмъ-то необычайнымъ.

Передъ экипажемъ Цесаревича появилась цѣлая цѣпь пылающихъ факеловъ въ рукахъ у верховыхъ драгунъ. Въ хвостѣ офицерскаго эскорта скромно подвигались фаэтоны съ разъѣзжавшимися гостями. Оригинальный поѣздъ умчался, пѣсенники разошлись, замолкла музыка, погасли послѣдніе огни и ничто не напоминало о недавнемъ веселомъ собраніи, которому врядъ ли въ томъ же составѣ и при той же обстановкѣ, придется когда-либо повториться... Для восточныхъ людей немыслимо, чтобы высшее начальство и высокопоставленныя лица ѣздили безъ конвоя. Эскортъ этотъ играетъ роль не охраны, а придаетъ необходимую по ихъ понятію пышность. Нужно было видѣть съ какимъ рвеніемъ неслись горскіе милиціонеры и терскіе казаки впереди и за экипажемъ Императрицы, ѣздившей 20-го сентября съ двумя Августѣйшими сыновьями взглянуть на военно-грузинскую дорогу вплоть до станціи Казбекъ; въ особенности эфектно было возвращеніе. Наступили уже сумерки и потому въ конвоѣ засвѣтились факелы. Горожане и поселяне, собравшіеся на вечерній народный праздникъ, густой толпой съ криками «ура» привѣтствовали Государыню и Царевича. Огненная полоса, охватывавшая поѣздъ, капризно извивалась вверхъ по пути къ Красной площади. Впереди развѣвался громадный значекъ, около котораго группировались милиціонеры; за императорскимъ экипажемъ скачутъ терцы и откуда-то взявшіеся драгуны. Грандіозные силуэты горъ постепенно расплываются въ ночной темнотѣ, а Красная площадь загорается разноцвѣтными огнями. Гремятъ полковые оркестры и гудитъ веселящійся народъ. Послѣ этого блеска, шума и ликованій, черезъ какихъ-нибудь нѣсколько часовъ Высокіе посѣтители оставили Владикавказъ и по желѣзной дорогѣ направились въ Кубанскую область, въ Екатеринодаръ.

Въ теченіе четырехдневнаго праздника безоблачное небо вдругъ нахмурилось, по вагонамъ отходящаго поѣзда забарабанилъ частый дождь. Опустѣлъ Владикавказъ. Центръ тяжести перенесся въ Екатеринодаръ. Давно ли это было, а не мало перемѣнъ произошло съ войсками и лицами привѣтствовавшими Государя во Владикавказѣ. 19-я пѣхотная дивизія покинула Кавказъ и передвинулась къ нашей западной границѣ. Управленіе 2-го кавказскаго корпуса упразднено, умеръ и самъ бывшій корпусный командиръ, генералъ Цеге-фонъ-Мантейфель, умеръ и начальникъ Терской области генералъ Смекаловъ.

II.

Кубанская область.—Черноморское казачье войско.—Екатеринодаръ.—Врученіе Наслѣднику Цесаревичу войсковой булавы. — Слова Государя Императора казакамъ.—Смотръ Кубанскому войску.—Отъѣздъ въ Новороссійскъ.—Западное побережье Кавказа. — Исторія русскихъ поселеній. — Новый Аѳонъ .— Батумъ.— Цихидзиръ.—Дорога отъ Батума въ Тифлисъ.

До 1832 года, на такъ называемой кавказской линіи, существовало нѣсколько разрозненныхъ казачьихъ войскъ и отдѣльныхъ полковъ. Въ этомъ 1832 году ихъ собрали и объединили въ одно кавказское линейное войско. Тридцать лѣтъ боевого товарищества сроднили отдѣльныя части въ одно крѣпкое цѣлое. Князь Барятинскій наложилъ руку на линію и разбилъ ее на двѣ части. Восточная полоса образовала терское войско, а западная, присоединившись къ черноморцамъ, вылилась въ новое кубанское войско. Въ кубанскую область вошла огромная полоса сѣверо-западнаго Кавказа, всего 8.636,810 десятинъ. Богатыя земельныя угодія привлекли сюда массу поселенцевъ и въ настоящее время населеніе области превосходитъ 1.250,000 человѣкъ, изъ которыхъ лишь половина приходится собственно на казачье сословіе. Кубанское войско выставляетъ (вмѣстѣ съ льготными) 182 сотни, 2 эскадрона, 12 пластунскихъ баталіоновъ и 5 батарей—всего около 50,000 человѣкъ. Прикубанскій черноземъ снабжаетъ край въ изобиліи хлѣбомъ и пастбищами. Напримѣръ, по свѣдѣніямъ 1886 года, урожай превышалъ 48 сыпл. пуд. зерна. На кубанскихъ пастбищахъ ходило болѣе 11,666,000 штукъ рогатаго скота и лошадей.

Область богатая и съ проведеніемъ новороссійской вѣтви обѣщающая сильно развиться.

Ядро войска составляютъ потомки славныхъ запорожцевъ, переселившихся въ 1792 году изъ Новороссіи въ Тамань и «ея окрестности!» Подъ скромнымъ именемъ «окрестностей», которыя исходатайствовали себѣ въ даръ казаки, подразумѣвалась територія въ тридцать разъ превышавшая прощадь Таманскаго полуострова. Новому черноморскому войску приходилось стеречь границу по нижнему теченію Кубани отъ вторженія черкесовъ. По болотамъ и зарослямъ прятались казачьи «залоги», выслѣживая непріятеля. По всей границѣ виднѣлись сторожевыя вышки казачьихъ постовъ и пикетовъ. Семьдесятъ два года тянулось утомительно-губительное, напряженное положеніе. Однако, сравнительно съ линейными казаками, черноморцамъ приходилось все-таки свободнѣе дышать, такъ какъ непріятелю они подставляли относительно небольшую полосу поселковъ; главная же масса хуторовъ уходили дальше въ глубь края. Черноморское войско, до преобразованій начала шестидесятыхъ годовъ, жило особою, замкнутой жизнью. Регуляр-

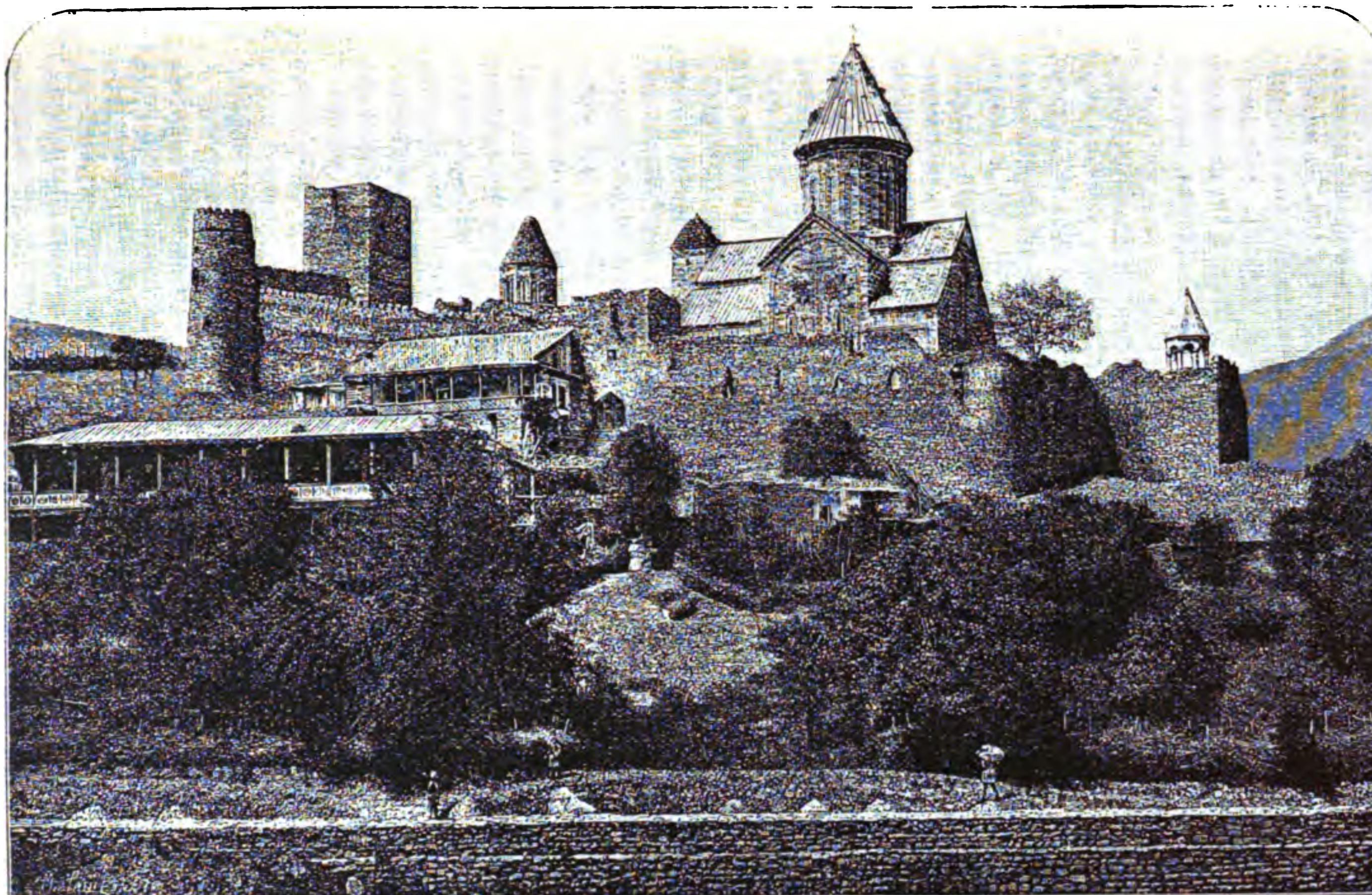
ныя войска рѣдко, лишь для большихъ экспедицій, появлялись въ Черноморьѣ. Приходилось самимъ заботиться о своей безопасности и вырабатывать свою артилерію, а главнымъ образомъ, пѣхоту. Послѣдствіемъ этихъ особыхъ условій и появились, пользующіеся европейской популярностью, пластуны. Что касается наѣздничества, то въ этомъ отношеніи черноморцы, прикованные къ постамъ и не поощряемые въ этомъ направленіи, поотстали отъ линейцевъ. Теперь, при однообразныхъ требованіяхъ, эта отросль, конечно, одинаково поставлена во всемъ войскѣ.

Въ 1794 году «ради войсковой резиденціи» на топкомъ берегу Кубани, среди лѣсовъ и болотъ, учрежденъ городъ Екатеринодаръ. Нельзя сказать, чтобы за свое почти вѣковое существованіе городъ особенно разросся. Малороссъ не любитъ городской жизни и охотнѣе сидитъ «на хуторѣ»; не любитъ онъ также заниматься торговлей и фабричнымъ дѣломъ; а потому и главный городъ громадной области, за исключеніемъ казенныхъ зданій, представлялъ собою лишь обширную станицу, на улицѣ которой совершенно свободно можно было утонуть въ грязи. Собственно правильное устройство города слѣдуетъ отнести къ недавнему времени—къ 1868 году. Съ этого времени Екатеринодаръ началъ богатѣть и охорашиваться. Планировка города напоминаетъ Васильевскій островъ, тѣ же правильные четвероугольники и широкія улицы. Заблудиться нельзя. Фруктовые сады и рощи растянулись особнякомъ, по берегу притока Кубани, рѣки Коросуна, глубоко врѣзывающагося за городскую черту.

Въ настоящее время въ городѣ насчитываютъ около 40 тысячъ жителей. Желѣзная дорога, облегчивъ сообщеніе съ городомъ, въ то же время можетъ лишить Екатеринодаръ значенія складочнаго пункта, путемъ передвиженія грузовъ непосредственно въ Новороссійскъ.

Въ Екатеринодарѣ одна изъ болѣе древнихъ нашихъ гимназій. Странное дѣло: въ такихъ городахъ, какъ Новочеркасскъ, Владикавказъ, Екатеринодаръ и Тифлисъ, въ городахъ въ былое время съ русскимъ почти исключительно воинскимъ населеніемъ, существовали классическія гимназіи, а и помину не было о кадетскихъ корпусахъ. Въ концѣ прошлаго царствованія, возникло давно-желанное военно-учебное заведеніе въ Тифлисѣ; недавно основанъ Донской корпусъ, а теперь очередь и за Терско-Кубанскимъ.

Въ Екатеринодаръ я пріѣхалъ уже послѣ высочайшаго въѣзда и не могъ полюбоваться встрѣчей. Ихъ Величества помѣстились на Красной улицѣ въ небольшомъ частномъ домикѣ, обыкновенно занимаемомъ начальникомъ области. Послѣ владикавказскаго роскошнаго «дворца» съ хорошимъ садомъ и чуднымъ видомъ на бѣлѣющуюся понораму горъ, екатеринодарскій домикъ выглядывалъ совсѣмъ скромненькимъ и маленькимъ помѣщеніемъ.



Древняя церковь Ананур.

Старые запорожцы, переселившись на Кубань, принесли съ собой сѣчевые порядки, «войсковой кругъ», т. е. собраніе представителей отъ прежнихъ куреней, теперешнихъ станицъ. Въ настоящее столѣтіе «войсковое правительство» и, вообще, войсковое устройство подверглись большимъ измѣненіямъ и значеніе войскового круга утратилось. Однако, онъ созывается еще и по настоящее время въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ (также, какъ и въ Новочеркасскѣ).

По поводу врученія войсковой булавы Наслѣднику Цесаревичу, кругъ назначенъ былъ на 22-е сентября. Съ самаго ранняго утра весь городъ былъ на ногахъ. По главной Красной улицѣ отъ областного правленія вплоть до собора поставлены были шпалерами войска и воспитанники мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Въ 9 часовъ утра, колокольный звонъ возвѣстилъ о выносѣ регалій. Войска взяли на караулъ, музыка заиграла гимнъ. Шумѣвшая и толкавшаяся по тротуарамъ сплошная масса народа, мгновенно примолкла, обнажила головы и съ благоговѣніемъ наблюдала за движеніемъ процессіи. Шествіе открыли урядники съ двѣнадцатью старинными куренными значками; за ними станичные депутаты несли восемнадцать мѣдныхъ куренныхъ перначей (всѣ перначи и булавы принадлежали прежде Запорожскому войску) и четырнадцать куренныхъ булавъ. Потомъ двигался цѣлый лѣсъ старыхъ полковыхъ знаменъ; длинный рядъ изъ семидесяти восьми заслуженныхъ урядниковъ осѣненъ былъ остатками этихъ хоругвей, развѣвавшихся когда-то надъ боевыми полками. Вслѣдъ за полковыми знаменами отставные офицеры несли пять серебряныхъ перначей и двѣ мѣдныя вызолоченныя булавы. Длинная процессія медленно и чинно подвигается къ собору; торжественный колокольный звонъ сливается съ звуками музыки. Яркое солнце обливаетъ своими лучами рѣдкое по красотѣ и оригинальности шествіе. Вотъ показываются девять войсковыхъ знаменъ, пожалованныхъ съ 1792 года Черноморскому войску, впереди нихъ несутъ войсковыя серебряныя трубы. За знаменами группа офицеровъ-ветерановъ окружила бережно и благоговѣйно охраняемые войсковые документы: грамоты императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I, Александра I, Николая I и Александра II.

Тутъ же идетъ кубанскій наказный атаманъ, генералъ-лейтенантъ Леоновъ, въ рукѣ у него серебряная съ позолотою войсковая запорожская булава, переданная послѣ уничтоженія Сѣчи, вмѣстѣ съ другими булавами и перначами, вновь образованному изъ запорожцевъ «войску вѣрныхъ казаковъ» (впослѣдствіи Черноморскому). Впереди атамана два штабъ-офицера несли другую булаву— желѣзную съ золотою насѣчкою. Вслѣдъ за атаманомъ тѣснились всѣ кубанскіе генералы и офицеры, не находившіеся въ этотъ день въ строю. Процессію конвоировалъ пѣшій отрядъ казаковъ съ вой-

сковымъ хоромъ музыки во главѣ. На встрѣчу войсковыхъ регалій, при радостномъ благовѣстѣ, изъ собора выступилъ церковный ходъ. За крестомъ, хоругвями, пѣвчими и бѣлымъ духовенствомъ, слѣдовали три архимандрита и Екатеринодарскій епископъ Владиміръ.

Много легло на бранномъ полѣ казаковъ—запорожцевъ, черноморцевъ, кубанцевъ—за крестъ святой, за вѣру православную. Вся долголѣтняя исторія нашего единственнаго рыцарскаго ордена (Сѣчи) наполнена непрестанною борьбою съ мусульманами и католиками. На Кавказѣ продолжалась все та же старая, кровавая борьба съ полумѣсяцемъ. Казаки отстаивали православіе; православіе же сберегало ихъ русскую національность. Внутренній смыслъ обоюднаго единенія придаетъ особенно трогательный характеръ этому встрѣчному движенію двухъ процессій... Станичные атаманы и депутаты образовали большой кругъ около церковнаго намета, поставленнаго на срединѣ соборной площади. Въ этотъ кругъ и размѣстились всѣ регаліи, генералы и офицеры Кубанскаго войска.

Вскорѣ пріѣхали Ихъ Величества и Наслѣдникъ Цесаревичъ съ августѣйшимъ братомъ. Склонились знамена передъ императоромъ и площадь огласилась кликами привѣтствія. Послѣ молебна наказный атаманъ передалъ войсковую булаву князю Дондукову-Корсакову (по званію атамана кавказскихъ казачьихъ войскъ), а онъ въ свою очередь поднесъ ее Государю Императору. Его Величество поцѣловалъ Цесаревича и вручилъ булаву ему, какъ атаману всѣхъ казачьихъ войскъ. Августѣйшаго казака тотчасъ же окружили войсковые перначи и булавы. Государь обратился къ войсковому кругу съ слѣдующими словами:

«Я счастливъ, кубанцы, что вмѣстѣ съ Императрицей и Наслѣдникомъ пріѣхалъ къ вамъ. Мнѣ это было желательно давно и наконецъ удалось. Я увѣренъ, что вы будете служить и отечеству, и своимъ царямъ, какъ служили прежде; а молодежь кубанская такъ же храбро и честно, какъ и старики».

Ихъ Величества уѣхали, а громкое, казацкое «ура» продолжало еще перекатываться по площади въ отвѣтъ на царское ласковое слово.

Колокольный звонъ всѣхъ екатеринодарскихъ церквей вновь возвѣстилъ объ обратномъ шествіи процессіи съ регаліями. Пышность процессіи увеличилась еще участіемъ въ ней Цесаревича, шедшаго съ войсковой булавой за войсковыми регаліями.

На утро послѣ знаменательнаго дня, закончившагося большимъ народнымъ гуляньемъ съ иллюминаціей и фейерверкомъ, казакамъ предстоялъ смотръ. Особенный интересъ представлялъ этотъ парадъ въ томъ отношеніи, что войска, за исключеніемъ одного мѣстнаго баталіона, исключительно состояли изъ кубанскихъ казаковъ и притомъ главнымъ образомъ льготныхъ, явившихся прямо, такъ сказать, отъ плуга, изъ хуторовъ и станицъ. Всего собралось 3 пластунскихъ баталіона, гвардейскій конвойный эскадронъ (льготный),

32 сотни и 3 батареи. Малолѣтки и подростки входили въ составъ этого отряда. Предполагалось вначалѣ собрать лишь четыреста человѣкъ дѣтей, но явилось столько, домогавшихся въ строю показаться Государю, что пришлось принять шестьсотъ человѣкъ. Они образовали особый «сборный полкъ» и батарею. На церемоніальномъ маршѣ во главѣ казачества ѣхалъ Цесаревичъ въ казачьей конвойной формѣ съ атаманской булавой. Самый придирчивый критикъ не могъ бы не отдать должнаго уваженія молодцамъ казакамъ, военная выправка которыхъ и движеніе въ пѣшемъ и конномъ строю нисколько не пострадали отъ нахожденія на льготѣ. Бѣлый полкъ подростковъ, лихо проходившихъ церемоніальнымъ маршемъ, а также и ихъ батарея, приковали общее вниманіе. Оказывается, дѣти рвались на ученья, начавшіяся за двѣ недѣли до Высочайшаго пріѣзда и успѣли дѣйствительно достигнуть блестящихъ результатовъ.

Показатель этотъ чрезвычайно важенъ въ томъ отношеніи, что, значитъ, при желаніи, и въ замиренномъ уже Кавказѣ можно поддерживать казачью лихость и наѣздничество, воспитывая сообразно этому молодежь, склонную и безъ того къ военному дѣлу.

Казачество наше сильно боевымъ духомъ и всегда готово храбро и умѣло схватиться съ открытымъ врагомъ Россіи. Не въ чести у казаковъ коммерческое и фабричное дѣло. Оно какъ-то и не «пристало» къ казаку, да и не по силамъ. Нельзя сказать, чтобы казакъ не жаждалъ благосостоянія и даже обогащенія; нѣтъ, онъ не прочь отъ житейскихъ выгодъ, но зачастую по непредпріимчивости пропускаетъ плывущее ему въ руки золото. Впрочемъ, это обще-россійская черта отдавать себя въ коммерческую и фабричную кабалу иностраннымъ предпринимателямъ.

Прошла по Кубанской области желѣзная дорога, уперлась въ черноморскій же портъ.

Обороты Новороссійска обѣщаютъ громадныя выгоды, но кому? Конечно, ни русскимъ вообще, ни кубанскимъ въ частности, а еврейскимъ, греческимъ, армянскимъ и другимъ фирмамъ, ничего общаго съ Россіей не имѣющимъ...

23-го сентября, Царская семья оставила Екатеринодаръ. Дальнѣйшій путь лежалъ на Новороссійскъ, Батумъ, Тифлисъ.

Въ сумеркахъ я пріѣхалъ въ Новороссійскъ. Поѣздъ подошелъ прямо къ порту. Въ сторонѣ виднѣлся городъ, но времени не было его осмотрѣть, нужно было спѣшить на пароходъ «Эрикликъ». Въ красивой бухтѣ замѣтно большое оживленіе; предпринимаются громадныя работы по устройству порта, которому обѣщаютъ богатую будущность [1]).

---

[5]) Съ 1 января по 16 іюля 1888 г. вывезено за границу 8,075 п. хлѣба.
» » » » » » 1889 » » » 7,836,002 » »
» » » » » » 1890 » » » 18,074,027 » »

Вечерній мракъ все болѣе и болѣе сгущался. Одинъ за другимъ начали вспыхивать огоньки иллюминаціи и скоро берегъ живописно убрался огненными цѣпями и гирляндами. «Эрикликъ» отвалилъ и при благопріятнѣйшей погодѣ сталъ выбираться въ открытое море.

Размѣстившійся амфитеатромъ Новороссійскъ долго еще виднѣлся въ уходящей дали, привѣтливо сверкая огнями, точно заботливый хозяинъ въ темную ночь вышелъ съ фонаремъ провожать уѣзжающихъ гостей.

Съ каждой минутой мы все болѣе и болѣе удалялись отъ гостепріимнаго казачьяго Кавказа. Здѣсь, т. е. у казаковъ, русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ. По всему видно, что край нашъ и мы крѣпко и непоколебимо въ немъ сидимъ, благодаря казачьимъ колоніямъ. Жаль, что кавказское казачье войско разрознено. Какъ бы хотѣлось видѣть всѣхъ кавказскихъ казаковъ подъ сѣнью общаго войскового Терско-кубанскаго знамени, подъ начальствомъ одного общаго управленія...

Покидая сѣверный русскій Кавказъ, приходилось переѣзжать въ Закавказье, гдѣ къ большому сожалѣнію русскій элементъ еще до сихъ поръ не великъ; гдѣ невольно чувствуешь себя не дома, а въ гостяхъ.

Помимо городовъ, если и встрѣчаются русскіе поселки, то они исключительно заселены сосланными сектантами. Переселеніе же лишь только намѣчается, и не видно, что бы кто-нибудь особенно и старался о распространеніи здѣсь чисто русскихъ поселеній. Въ этой окраинѣ нѣмцы, кажется, крѣпче насъ усѣлись на богатой землѣ...

Западное побережье Кавказа, какъ извѣстно, лишь съ 1829 года, послѣ первой Николаевской турецкой войны, вошло въ составъ русскихъ владѣній. Въ концѣ прошлаго столѣтія, подъ Анапой сложено не мало русскихъ костей. Неудачныя дѣйствія отряда Текелли, гибельный походъ несчастнаго генерала Бибикова, были заглажены генераломъ Гудовичемъ, который до основанія раззорилъ эту крѣпость.

Въ тридцатыхъ годахъ на югъ отъ Анапы возведена была цѣлая цѣпь маленькихъ русскихъ укрѣпленій.

Трудно было устроивать эти поселки, но еще труднѣе было ихъ удержать за собою. Сообщеніе поддерживалось лишь моремъ и зачастую бѣдные заброшенные на чужбинѣ гарнизоны, по мѣсяцамъ отрѣзаны были отъ всего міра, исключая забившихся въ недоступныхъ ущельяхъ дикихъ убыховъ, шапсуговъ и абадзеховъ. Туземцы не могли помириться съ новыми пришельцами, имъ болѣе по душѣ приходилось турецкое безвластіе и они не упускали случая нанести, какой лишь возможно, вредъ русскимъ.

Особенно яростно бросились они на насъ въ 1840 году и отъ ихъ пуль и кинжаловъ погибло нѣсколько нашихъ гарнизоновъ.

Укрѣпленіе Михайловское съ знаменитыми своими героями, Лико и Архипомъ Осиповымъ, еще разъ доказало, что истинные русскіе предпочитаютъ смерть постыдной сдачѣ. Абинская крѣпостца показала, какъ небольшое укрѣпленіе, благодаря доблестному гарнизону, можетъ успѣшно бороться и съ большими, но неустроенными непріятельскими силами.

Такимъ образомъ, первыя попытки наши устроить поселенія не увѣнчались успѣхомъ. Прошло пятьдесятъ лѣтъ. Въ горахъ уже нѣтъ почти нашихъ недоброжелателей; послѣ крымской и послѣдней восточной войны они переселились въ Турцію. Теплый климатъ, роскошная растительность и близость моря, казалось бы, должны были привлечь сюда русскихъ поселенцевъ и русскіе капиталы. Увы, мѣстныя лихорадки, бездорожье, а главное отсутствіе все той же предпріимчивости, гибельно отзываются на этомъ, когда-то въ древности, цвѣтущемъ краѣ, и побережье пустуетъ.

Есть впрочемъ и здѣсь счастливыя исключенія. Такъ, въ Абхазіи, близь Сухума, за два года до послѣдней войны русскіе аѳонскіе монахи приступили къ устройству обители, надѣясь распространять среди туземцевъ ученіе Христа. Война сопровождалась кровавымъ возстаніемъ. Сухумъ обратился въ развалины. Возникавшій ново-аѳонскій монастырь постигла та же участь. Однако, монахи не упали духомъ и послѣ кампаніи вновь приступили къ работѣ.

Теперь на всемъ побережьи самое образцовое хозяйство это на Новомъ-Аѳонѣ. Обитель разрослась, украсилась и ежегодно привлекаетъ къ себѣ массу народа.

Сюда-то, въ обитель достойныхъ тружениковъ, направился пароходъ добровольнаго флота «Москва» подъ императорскимъ штандартомъ. «Эрикликъ» же, не останавливаясь, держалъ путь на Батумъ.

При тихой погодѣ переходъ по морю обратился въ прекрасную прогулку, и мы не безъ сожалѣнія разстались 25-го сентября въ Батумѣ съ пароходомъ и симпатичнымъ его капитаномъ.

Роскошной декораціей выступаетъ изъ синей морской воды Батумъ. Веселыя, зеленѣющія горы красиво группируются вокругъ порта. Всѣ суда на рейдѣ разцвѣтились разноцвѣтными флагами. Въ украшеніи улицъ и домовъ сказалась уже восточная фантазія. Городъ положительно окутанъ флагами, коврами, шалями, гирляндами зелени и цвѣтовъ.

Разнообразнѣйшее населеніе въ національныхъ костюмахъ толпится на набережной. Тутъ и гурійцы съ кокетливо повязанными на головѣ башлыками, въ красныхъ курткахъ съ широкими матерчатыми поясами, за которые заткнуто оружіе; албанцы-греки въ бѣлыхъ юбочкахъ, трико и башмакахъ; турки въ красныхъ фескахъ и чалмахъ. Женскія группы въ чадрахъ. На пестрой

клумбѣ этихъ яркихъ костюмовъ, темной полосой выступаютъ черныя папахи, черные башлыки и черныя длиннополыя черкески имеретинъ. Среди иноплеменной массы нѣтъ, нѣтъ, и промелькнетъ красная рубашка русскаго рабочаго, или мундиръ солдатика. Городъ вмѣстѣ съ пестрымъ подвижнымъ его населеніемъ жгуче освѣщенъ южнымъ солнцемъ. Вся эта восточная, непривычная для петербужца, картина представляется какимъ-то театральнымъ зрѣлищемъ, балетнымъ спектаклемъ. Такъ и кажется, что вотъ, вотъ, взмахнетъ палочка капельмейстера, грянетъ оркестръ и вся эта веселая компанія примется выдѣлывать балетныя па...

Вдали показался императорскій штандартъ на «Москвѣ» и бухта вся задымилась. Грянулъ салютъ съ судовъ и береговыхъ батарей, мало замѣтныхъ съ моря. У пристани устроенъ красивый павильонъ, а отъ него тянется длинная, также для пріѣзда устроенная, галлерея, устланная богатыми восточными коврами и убранная живыми растеніями и вѣтвями экзотическихъ деревьевъ изъ мѣстныхъ лѣсовъ. У павильона стоитъ почетный караулъ и размѣстились разнообразныя депутаціи.

Какъ ни быстро ростетъ Батумъ, а все-таки это еще очень небольшой городокъ, съ незначительными маленькими домиками, довольно привѣтливо выглядывающими на узкія улицы.

Русское поселеніе незначительно и торговля, конечно, не въ нашихъ рукахъ. Въ виду же незамѣнимаго положенія западнаго портоваго города для всего Закавказья, торговымъ оборотамъ Батума предстоитъ рости и рости. Климатическія условія даютъ право Батуму сдѣлаться санитарной зимней станціей. Однако, въ настоящее время, пока не осушена почва вокругъ города и не принято рѣшительныхъ мѣръ къ оздоровленію мѣстности, въ высшей степени рисковано здѣсь поселяться больнымъ. Обычнымъ кавказскимъ бичемъ является губительная лихорадка, которая сильно скашиваетъ людей, не акклиматизировавшихся и непривычныхъ къ анти-лихорадочному режиму жизни. Наши солдатики и рабочіе, набрасывающіеся на незрѣлые фрукты и любящіе часокъ другой поспать на травкѣ, страдаютъ ужасно отъ лихорадокъ.

Мнѣ не удалось долго задержаться въ Батумѣ; приходилось ѣхать въ Тифлисъ. Нужно самому проѣхать по участку Батумъ-Сурамъ, чтобы полюбоваться красотами развертывающейся панорамы. Военно-грузинская дорога, съ своими страшными скалами и пропастями, въ небо уходящими горами, съ бѣшенымъ Терекомъ, развалинами древнихъ замковъ, съ лѣпящимися надъ кручами бѣдными осетинскими саклями, поражаетъ своею грандіозностью. Спускаясь по высѣченному въ горныхъ громадахъ, издали едва замѣтному, шоссе невольно проникаешься чувствомъ особаго почтенія и удивленія къ грандіозному Кавказскому хребту.

Однако холодная природа, голый камень и чернѣющее дно глубокаго оврага не манитъ поселиться здѣсь. Дивная, но суровая картина... Между Батумомъ и Сурамомъ другая мѣстность. Горы тутъ точно моложе, ниже, одѣты роскошной растительностью и привѣтливо зазываютъ въ таинственныя лѣсистыя ущелья и романическіе обрывы. Какъ бы хорошо было вонъ.. на той зеленѣющей покатости выстроить бѣленькій домикъ, разбить фруктовый садъ... Но поѣздъ уноситъ дальше и новая картина, еще болѣе роскошная, торопится закрыть приглянувшійся уголокъ.

Улыбающаяся Гурія и Имеретія много всосала въ свои нѣдра человѣческой крови. Много охотниковъ было наложить руку на золотое руно красавицы Колхиды. Да вѣдь за тундры или за Сахару не станутъ биться народы. Здѣсь же приманка была большая. Даже за послѣднее время также не разъ этотъ край слушалъ бряцаніе оружія. Въ Крымскую кампанію довольно удачно дѣйствовалъ здѣсь Омеръ-паша. Въ послѣднюю кампанію турки успѣли протянуть руку возставшимъ абхазцамъ. Движеніе нашего отряда подъ начальствомъ генерала Оглобжіо къ бывшей турецкой приморской границѣ не увѣнчалось успѣхомъ. Столкновеніе произошло не далеко отъ Батума, при Цихидзири, гдѣ значительный турецкій отрядъ сильно укрѣпилъ свою позицію. Цихидзирскія высоты уже были знакомы русскимъ войскамъ по турецкой кампаніи 1829 года. Тогда нашъ отрядъ хотѣлъ также форсировать эту позицію, но потерпѣлъ неудачу. 11-го іюня 1877 года, атака русскаго отряда была отбита, а затѣмъ 12-го іюня турки сами бросились на насъ и, въ свою очередь, должны были съ большимъ урономъ отхлынуть отъ нашихъ на скорую руку устроенныхъ ложементовъ. Въ концѣ концовъ возможность новыхъ активныхъ попытокъ со стороны турокъ заставила насъ незамѣтно сняться съ позиціи и отступить... Спустя восемь мѣсяцевъ, 18 января, наканунѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора о перемиріи, мы дѣлаемъ новую попытку овладѣть злополучнымъ Цихидзири. На этотъ разъ, приріонскій, такъ называемый Кабулетскій, отрядъ опять потерпѣлъ неудачу и вновь долженъ былъ отступить. Однако мѣстная незадача блѣднѣла передъ общимъ побѣднымъ движеніемъ кавказскаго корпуса и неприступный Цихидзири принужденъ былъ, если не штыкомъ, то перомъ, къ сдачѣ. 21-го августа 1878 году русскія войска вступили въ Цихидзири и эта мѣстность вмѣстѣ съ батумскимъ округомъ вошла въ составъ русскихъ владѣній. Все это было такъ еще недавно, всѣмъ мѣстнымъ жителямъ такъ памятно, что по дорогѣ, въ вагонѣ, то и дѣло слышались разсказы объ этомъ турецкомъ Бельфорѣ, одиноко и гордо поднимавшемъ голову среди всеобщаго погрома турецкой арміи. Надо и врагамъ воздать должное.

Нашъ поѣздъ взгромоздился на Сурамскій перевалъ и плавно сползъ изъ Имеретіи въ Карталинію. Внизу шли работы по про-

ложенію извѣстнаго своимъ длиннымъ протяженіемъ Сурамскаго туннеля.

Въ ожиданіи Высочайшаго проѣзда всѣ станціи желѣзной дороги украшены и оживлены прибывшимъ изъ окрестностей грузинскимъ населеніемъ. На станціи «Михайлово» особенно много собралось народу. Здѣсь Ихъ Величества по маршруту остановятся. Недалеко отъ станціи раскинутъ лагерь шести полковъ 38-й и 39-й дивизіи съ артилеріей и 1-й кавказской резервной дружины и части 1-го кубанскаго и горско-моздокскаго казачьихъ полковъ. Всѣ эти войска черезъ нѣсколько часовъ должны представиться на Высочайшій смотръ подъ командой генералъ-лейтенанта фонъ-Шака. Генералъ этотъ началъ службу въ прусскихъ войскахъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими нѣмецкими офицерами поступилъ въ Кабардинскій полкъ и долгой боевой службой успѣлъ заслужить репутацію боеваго генерала, украшеннаго двумя георгіевскими крестами.

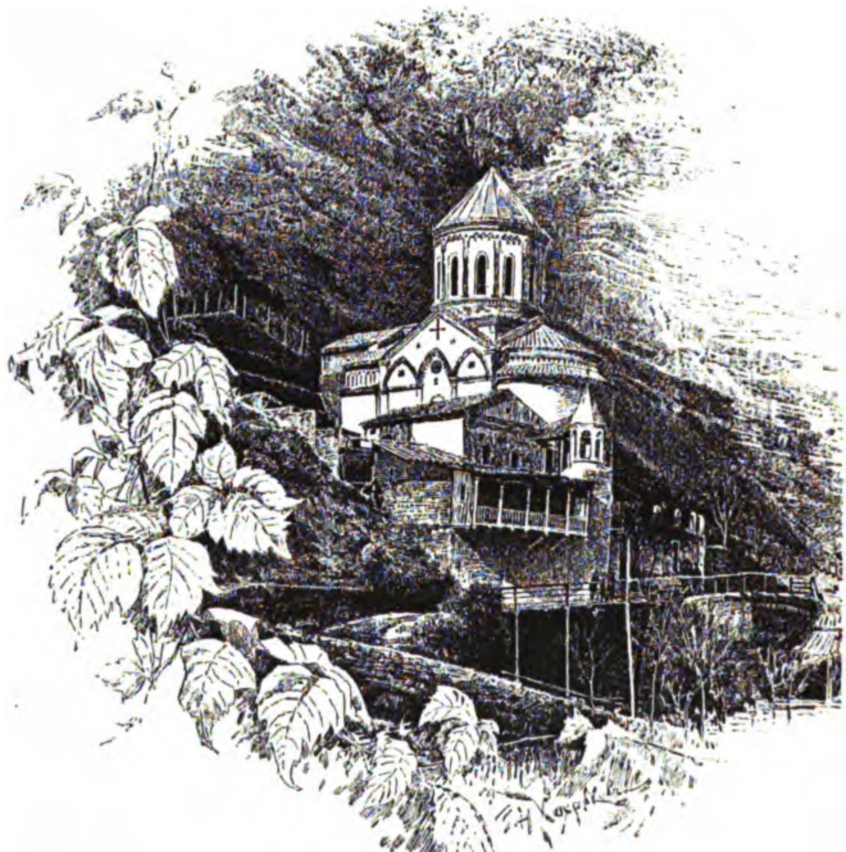
Однако, некогда было любоваться парадомъ, надо двигаться дальше. Показалась Кура, промелькнулъ Гори. Мѣстность становится однообразнѣе. Приріонская зелень смѣняется сожженными солнцемъ окрестностями. Экстренный поѣздъ несется со скоростью семидесяти верстъ въ часъ и небольшой вагонъ раскачиваетъ и подбрасываетъ, точно лодку въ морѣ. На непріятную качку, впрочемъ, пассажиры мало обращаютъ вниманія. Скорѣй бы добраться до Тифлиса и отдохнуть.

III.

Тифлисъ.—Его исторія.—Церковь св. Давида.—Метехскій замокъ.—Сіонскій соборъ.—Грузинское дворянство.—Кавказское винодѣліе.—Приготовленіе къ пріему Государя и Государыни.—Въѣздъ Ихъ Величествъ въ Тифлисъ.—Восторгъ населенія.—Балъ въ дворянскомъ собраніи.

Первоначальною столицей Грузіи былъ Мцхетъ, остатки котораго такъ картинно покоятся при бурномъ сіяніи Арагвы съ Курою. Въ концѣ пятого столѣтія, грузинскіе цари покидаютъ Мцхетъ—этотъ ключъ къ горному проходу на Сѣверный Кавказъ и переселяются къ самой армянской границѣ въ Тифлисъ. Время перенесенія царской резиденціи почти совпадаетъ съ воцареніемъ въ Грузіи еврейской фамиліи Багратидовъ, пришедшихъ изъ Арменіи. Династія эта продержалась на тронѣ слишкомъ двѣнадцать столѣтій и, наконецъ, подъ напоромъ магометанскихъ народовъ, оказалась безсильною защищать бѣдную Грузію. Призвавъ на помощь единовѣрныхъ русскихъ, и передавъ Русскому Царю свою отчину, сами Багратиды сошли съ исторической сцены и зажили жизнью частныхъ людей.

Многострадальный, пограничный Тифлисъ много разъ подвергался нашествіямъ. Грабили его армяне, персы, арабы, монголы, турки, лезгины, и опять персы съ лезгинами. Много разъ отъ Тифлиса оставались лишь одни развалины, но удачное его стратегическое положеніе привлекало населеніе и городъ вновь обстраивался до слѣдующаго разоренія. Послѣдній погромъ Тифлисъ испы-



Церковь св. Давида въ Тифлисѣ.

талъ въ 1795 году, при нашествіи персидскаго шаха Ага-Магомедъ-Хана. Злобный, безчеловѣчный старикъ окрасилъ христіанской кровью многоводную Куру и оставилъ полное запустѣніе. Послѣ ухода кровожаднаго непріятеля, городъ долго влачилъ печальное существованіе. Населеніе его первое время состояло всего изъ шестидесяти семействъ.

26-го ноября 1798 года, въ Тифлисъ вступилъ на постоянное

пребываніе русскій 17-й Егерскій, нынѣ Лейбъ-Эриванскій гренадерскій, полкъ подъ командою генералъ-маіора Лазарева.

Съ присоединеніемъ къ Россіи, Тифлисъ избавился отъ вторженія непріятеля. Служа центральнымъ административнымъ пунктомъ для обширнаго края, городъ привлекалъ, да и еще привлекаетъ сюда, много обязательныхъ жильцовъ—служащихъ. Для украшенія Тифлиса не мало потрачено русскихъ денегъ и онъ выглядываетъ богатымъ губернскимъ городомъ. Кульминаціонный пунктъ оживленія Тифлиса въ это столѣтіе, были семидесятые года. По своимъ постройкамъ, магазинамъ, театрамъ, многочисленному офиціальному населенію, городъ сталъ походить на маленькую столицу, въ которой насчитывалось (съ войсками) болѣе 100,000 жителей. Упразднили намѣстничество, протянули до Баку желѣзную дорогу и Тифлисъ сталъ таять. Появились конкуренты—Баку и Батумъ. Изъ громаднаго депо,—Закавказскаго караванъ-сарая, торговый Тифлисъ обратился въ станцію желѣзной дороги. А тутъ еще изсякли тѣ милліоны, которые прилипали разными способами къ рукамъ подрядчиковъ и другихъ шакаловъ арміи, получившихъ громадныя выгоды отъ долголѣтней Кавказской войны. Война, война! Сколько крови, развалинъ, слезъ и горя, сколько благороднѣйшихъ порывовъ на полѣ чести... За то какая вакханалія для людей-шакаловъ, весело рыскающихъ въ столицахъ, въ штабахъ, управленіяхъ, въ тылу арміи и... и даже въ строю. Въ былое прошедшее время Кавказъ былъ золотымъ дномъ для лихоимцевъ. «Наживали» подрядчики на заготовкахъ; «наживали» инженеры на постройкахъ, возводимыхъ даровымъ солдатскимъ и туземнымъ трудомъ; «наживали» командиры на пайкѣ, фуражѣ, обмундировкѣ и даже вооруженіи [1]); «наживали»... ну кажется, довольно и этихъ разновидностей. Изъ прилипшихъ же милліоновъ значительная часть пропаивалась именно въ Тифлисѣ. Благодаря Бога, война замолкла; за то городъ сталъ бѣднѣть и пошелъ на убыль. Конечно, въ сентябрѣ 1888 года, это умаленіе было не замѣтно. Наоборотъ, въ ожиданіи торжествъ городъ кишѣлъ мѣстнымъ и пришлымъ населеніемъ. Тифлисъ раскинулся въ волнистой котловинѣ, по крутымъ берегамъ стремительной и мутной Куры, раздѣляющей городъ на двѣ почти равныя части. На возвышенной сторонѣ размѣстились болѣе монументальныя постройки. Значительно выше другихъ, особнякомъ, граціозно прильнула къ горѣ церковь св. Давида, перестроенная изъ древняго храма, возведеннаго однимъ изъ тринадцати сирійскихъ отцовъ. Бѣлый храмъ видѣнъ издалека и кажется точно онъ на сѣромъ гигантскомъ щитѣ выставленъ высоко въ замѣнъ герба христіанскаго города. Въ церкви этой покоится прахъ творца «Горя отъ ума».

---

[1]) Извѣстны случаи продажи пороха.

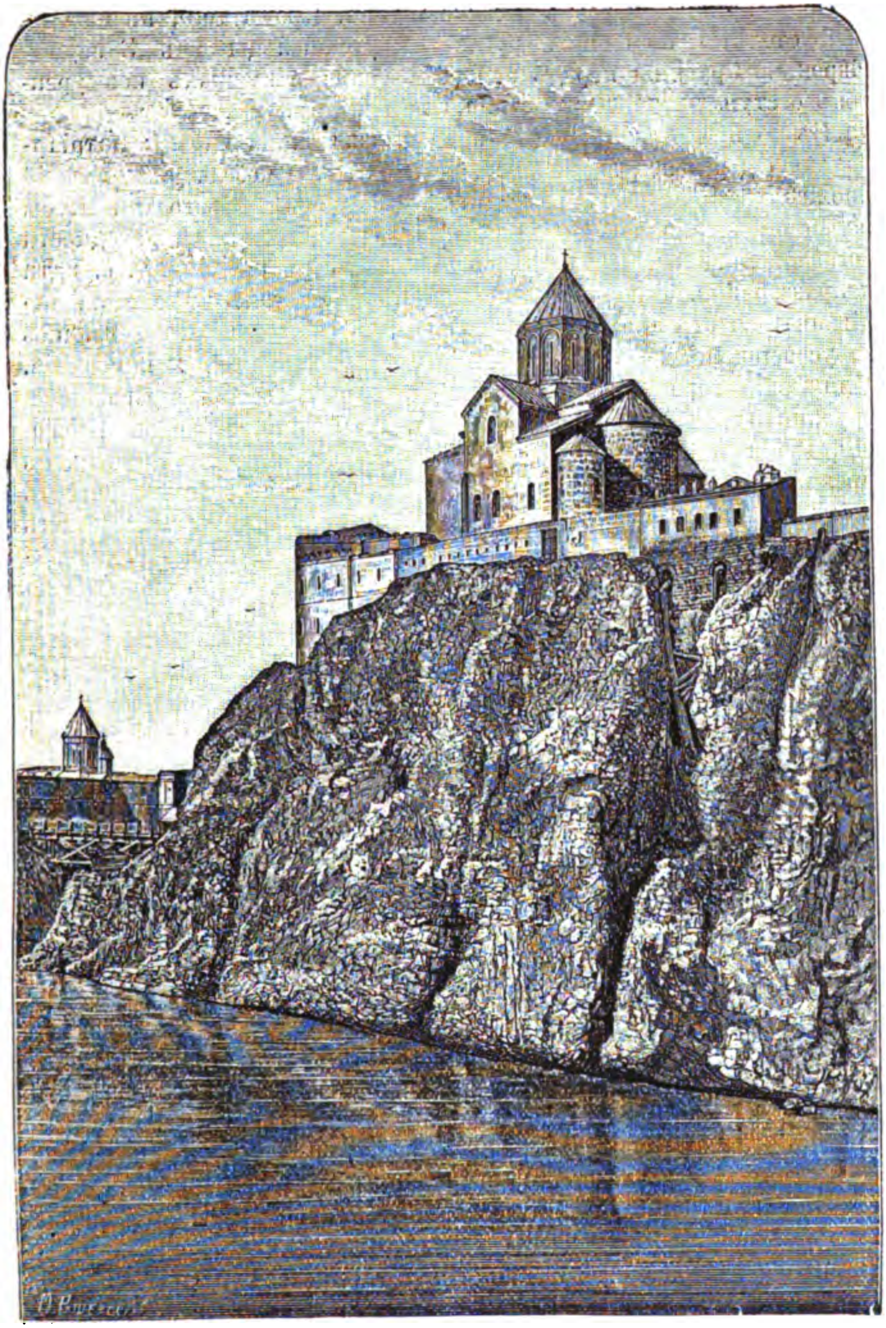
Суровой внѣшностью поражаетъ Метехскій замокъ. Грозныя стѣны его составляютъ продолженіе крутого утеса, срывающагося прямо въ Куру. Въ Метехской крѣпости высится древнѣйшая церковь Тифлиса; здѣсь было подворье грузинскихъ католикосовъ. Въ настоящее время собственно Метехскій замокъ, возведенный турками въ XVI столѣтіи на развалинахъ старой крѣпости, обращенъ въ тюрьму.

Другая древняя церковь, обращающая особенное вниманіе—это Сіонскій соборъ (въ старомъ городѣ). Первоначальная постройка его уходитъ въ сѣдую древность, въ VII столѣтіи. Собору пришлось потерпѣть много напастей отъ враговъ христіанства. Въ этой церкви хранится грузинская святыня,—виноградный крестъ св. Нины, просвѣтительницы Грузіи. Въ настоящее время Сіонскій соборъ—каѳедральная церковь экзарха Грузіи. Въ соборѣ погребенъ одинъ изъ лучшихъ сыновъ Грузіи—незабвенный «грозный инспекторъ» князь П. Д. Циціановъ.

Азіатскій характеръ построекъ удержался еще на Армянскомъ базарѣ и Татарскомъ майданѣ. Невысокія зданія съ плоскими крышами, узкія улицы и закоулки, совершенно открытыя, крохотныя лавочки и мастерскія съ работающими въ нихъ у всѣхъ на виду, разнообразнѣйшими ремесленниками; груды фруктовъ и зелени. Въ воздухѣ стоитъ шумъ, гамъ, пѣсни, неимовѣрныя завыванія разносчиковъ, крики носильщиковъ, водовозовъ и извозчиковъ, еле протискивающихся черезъ непризнающую никакого порядка толпу. Интересно взглянуть на эту пеструю азіатскую картину, но жить здѣсь—упаси Боже. Главныя и лучшія улицы—это Головинскій проспектъ и Дворцовая улица, окаймленныя большими зданіями, между которыми виднѣется намѣстническій дворецъ. Недалеко отъ дворца, по уступамъ, разроссся красивый садъ. Здѣсь же проектировано было еще въ 1865 году воздвигнуть большой соборъ въ память кавказской войны. Работы по непрочности грунта шли неудачно. Пришлось перенести фундаментъ въ сторону. Однако, осенью 1888 года никакихъ видимыхъ признаковъ собора не было еще видно...

Среди неоконченныхъ построекъ невольно обращаетъ на себя вниманіе громадный театръ. Строеніе монументальное, возникавшее на казенныя средства. Съ прекращеніемъ государственныхъ субсидій работы пошли медленно, если и совсѣмъ не прекратились. Бѣднѣющему городу врядъ ли справиться съ милліонной работой.

Большинство населенія (около 40%) грузинской столицы составляютъ безспорно армяне. Въ ихъ рукахъ сосредоточены капиталы и торговля. Грузины никогда не любили городской жизни. Дворянство сидѣло въ своихъ деревняхъ и группировало подлѣ себя остальное грузинское населеніе. Торговцы и ремесленники большею частью выходили изъ другихъ національностей: переродившихся



Метехскій замокъ въ Тифлисѣ.

евреевъ, армянъ, персовъ и даже татаръ. Кромѣ того, въ настоящее столѣтіе появились русскіе и пришельцы изъ Западной Европы. Грузины передъ напоромъ болѣе искусныхъ конкурентовъ отступали, такъ сказать, по всей линіи.

Въ то время, когда грузинскіе князья жили вполнѣ патріархальною деревенскою жизнью, доходовъ съ небольшихъ имѣній вполнѣ хватало на неприхотливою обстановку. Съ годами вкусы измѣнились, явились новыя потребности, а источники доходности оставались тѣ же. Приходилось прибѣгать къ кредиту, т. е. идти къ раззоренію. Теперь грузинскіе помѣщики, какъ будто, стали отдѣлываться отъ апатіи и нѣсколько изъ нихъ дѣятельно взялись за усовершенствованіе первобытнаго виноградорства и винодѣлія. Княжескіе гербы украсили фирмы, занимающіяся пропагандой грузинскихъ винъ. Вся Иверія (т. е. Грузія, Кахетія, Имеретія, Гурія и Мингрелія) вообще, а въ особенности Кахетія, съ древнихъ временъ славятся винодѣліемъ. Первобытный способъ выдѣлки вина мѣшалъ распространенію грузинскихъ винъ на внѣ кавказскихъ рынкахъ. За послѣднее время кахетинское вино встрѣчаетъ болѣе привѣтливый пріемъ, но, конечно, очень еще далеко отъ возможнаго максимума распространенія. На Кавказѣ добывается ежегодно болѣе 10 милліоновъ ведеръ, причемъ болѣе 7 милліоновъ приходится на Иверію. Однако, эти 10 милліоновъ, сравнительно съ обширнѣйшими богатыми виноградными кавказскими землями, представляютъ маленькую цифру. Какъ Баку—керосиномъ, такъ Закавказье виномъ можетъ залить всю Европу.

Къ пріѣзду Государя мѣстное дворянство съѣхалось изъ деревень. Тридцать молодыхъ людей, юныхъ отпрысковъ древнихъ грузинскихъ фамилій, составили почетный караулъ, который долженъ былъ встрѣчать Государя на Тифлисскомъ вокзалѣ. Стройная, красивая молодежь въ своихъ театрально-національныхъ костюмахъ, изъ бархата, шелка, позументовъ, бѣлой кожи и мѣха, обращали вниманіе на себя даже здѣсь, среди пестраго и разноцвѣтнаго населенія. Живи эти князья во времена сказочной Тамары, не миновать бы имъ всѣмъ ея башни..., а затѣмъ и Арагвы. Всегда гостепріимный Тифлисъ, теперь, понятно, старался превзойти себя. Еслибы кто-нибудь, не знавшій о пріѣздѣ Государя, поспѣшилъ въ концѣ сентября 1888 года въ Тифлисъ, то невольно, по первому взгляду на пышно разукрашенный городъ, догадался бы, что ждутъ Царя. По всему роскошно-убранному пути отъ вокзала до дворца были разставлены войска, учебныя заведенія и представители тифлисскихъ «амкарствъ» (т. е. цеховъ, а также частію торговцевъ и рабочихъ). Пріятно поражали хоры музыки изъ воспитанниковъ, организованныхъ не только въ мѣстномъ кадетскомъ корпусѣ, но и въ мужскихъ гимназіяхъ. Подъ звуки своихъ оркестровъ, юноши и дѣти шли бодрымъ, военнымъ шагомъ занимать

назначенныя имъ мѣста. Военная косточка сказывается у мѣстной молодежи и они своей выправкой и бравымъ видомъ нисколько не напоминаютъ «гражданскихъ» воспитанниковъ. По улицамъ красиво извивается длинная цѣпь амкаровъ, въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ, съ многочисленными своими значками и знаменами. Между ремесленниками особенно выдѣляются оружейники въ шлемахъ, вооруженные мечами и алебардами.

Всѣ окна, балконы, плоскія крыши заняты народомъ, желающимъ взглянуть на Царскую Семью. Въ 10 часовъ утра грянуло «ура» и съ этого момента крики, музыка, громъ, гамъ, не прекращались до въѣзда Ихъ Величествъ во дворецъ. Восточные люди, при пылкомъ подвижномъ характерѣ, отдаются вполнѣ ликованію. То, что у насъ на Сѣверѣ показалось бы нѣсколько экзальтированнымъ и даже смѣшнымъ, здѣсь, на знойномъ югѣ, среди безпечныхъ грузинъ и веселыхъ армянъ, вполнѣ естественно и понятно. Туземцы не довольствуются однимъ «ура», для нихъ это слишкомъ блѣдно, они поднимаютъ отъ чистаго сердца неистовый визгъ и крикъ, туча шапокъ летаетъ въ воздухѣ, гремитъ бубенъ, стучитъ барабанъ, высоко, высоко заливается зурна; мало того, нашлась шарманка, давай ее сюда, и къ общему грому присоединяются пискливые звуки и этого инструмента. На крышахъ, на малѣйшихъ площадкахъ, отчаянно вытанцовываютъ лезгинку, а окружающая толпа, выводя изъ всей мочи «ура», не забываетъ въ то же время отбивать руками тактъ милой лезгинкѣ. Нѣкоторые встрѣчаютъ Ихъ Величествъ съ заздравными чарами вина въ рукахъ. Въ общемъ, подобный пріемъ поражаетъ своей задушевностью, оригинальностью и шириной размаха. Всѣ туземцы, конечно, сами проникнуты желаніемъ не нарушить благочинія, не нарушить порядка; но что же дѣлать, когда человѣкъ не можетъ владѣть собою, прорываетъ полицейскія и солдатскія шпалеры и мигомъ заливаетъ улицы и площади, по которымъ ѣдутъ Ихъ Величества, сначала въ Сіонскій соборъ, а оттуда во дворецъ. Можно ли на это сѣтовать? У кого поднимется рука останавливать народъ?...

Близь дворцоваго подъѣзда выставленъ почетный караулъ отъ Лейбъ-Эриванскаго гренадерскаго полка. Рота, молодецъ къ молодцу, и по росту смѣло могла бы стать въ 1-й баталіонъ Преображенскаго полка. Государева рота (такъ называются роты, гдѣ шефомъ Его Величество), Эриванскаго полка при покойномъ государѣ ежегодно командировалась въ Крымъ для занятія карауловъ въ Ливадіи, и потому служить въ ней было особенно завидно. Нѣкоторые изъ командировъ шефской роты удостоились получить званіе флигель-адъютанта. Какъ я уже раньше сказалъ, Эриванскій полкъ прежде назывался 17-мъ Егерскимъ и первымъ, изъ русскихъ частей, пришелъ съ сѣвера подъ командой генерала Лазарева для

окончательнаго закрѣпленія за Россіей Грузіи [1]). Доблестный командиръ полка погибъ отъ кинжала вдовствовавшей грузинской царицы Маріи. 17-й Егерскій, а затѣмъ черезъ два года въ (1800) пришедшій на усиленіе русскаго отряда Кабардинскій полкъ, были первыми нашими піонерами въ Грузіи и составили себѣ репутацію непобѣдимыхъ. Боевыя отличія дали полку и имя, и гренадерство, и Державнаго шефа.

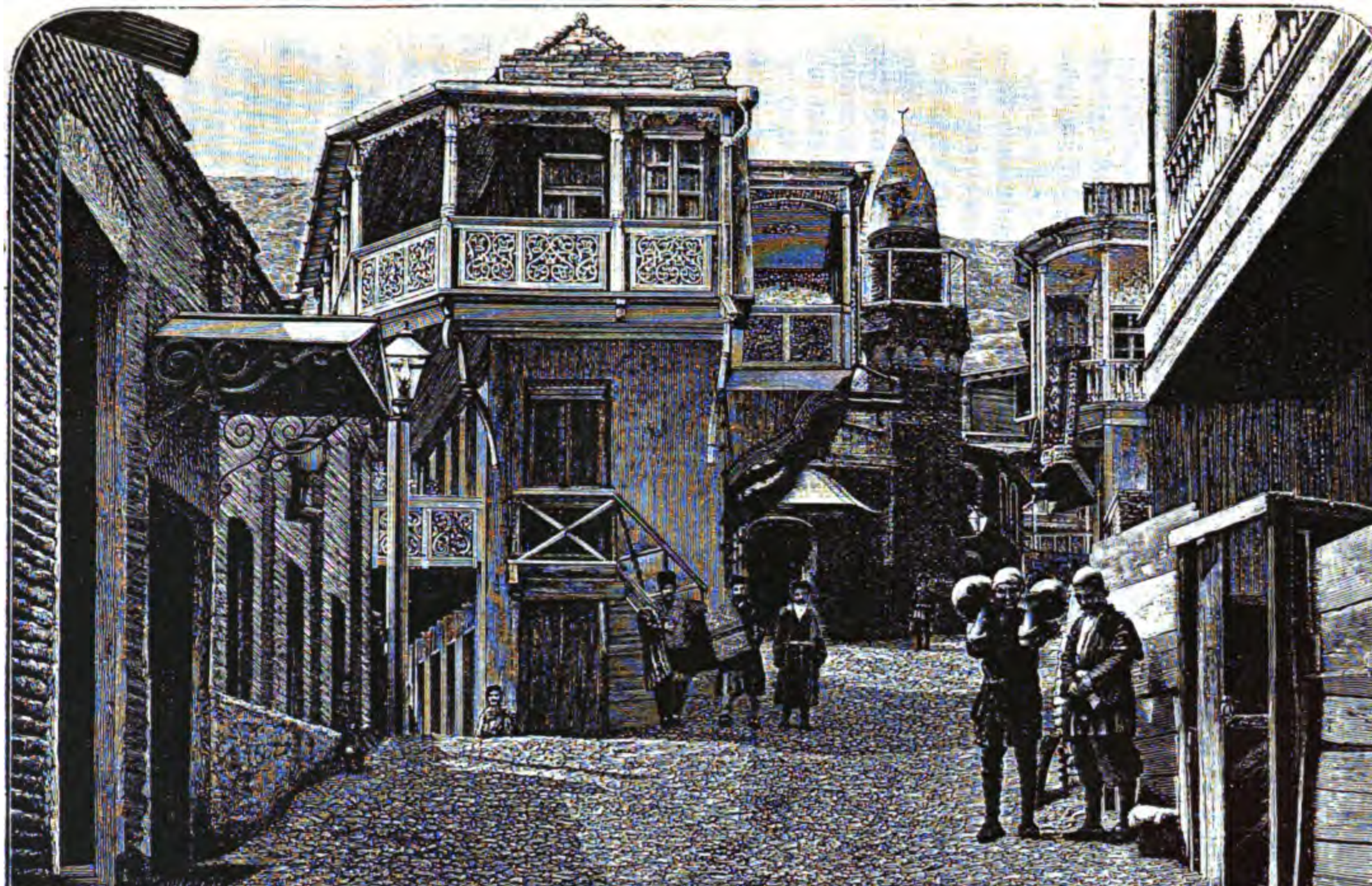
Народные клики, наконецъ, ворвались на площадь, все загудѣло, передніе ряды не въ силахъ были сдержать напора все прибывавшаго и прибывавшаго люда и, что называется, сдали. Плотина прорвалась и площадь мгновенно покрылась туземцами и русскими. Однако, здѣсь необходимо нужно было очистить мѣсто, во-первыхъ для проѣзда Царской Семьи и свиты, а затѣмъ для церемоніальнаго марша почетнаго караула. Толпа съ трудомъ отодвигалась назадъ и многіе изъ болѣе ловкихъ и цѣпкихъ успѣли вскарабкаться на деревья аллеи, тянущейся передъ дворцомъ. Такъ при отбитыхъ атакахъ крѣпости наиболѣе предпріимчивые смѣльчаки не смываются общимъ отливомъ, а стремятся удержаться во рву или гдѣ-нибудь за камнемъ, поближе къ грозному укрѣпленію. Цѣлый день на площади толпился народъ, выжидая выхода Высочайшихъ гостей. Черезъ площадь нѣтъ, нѣтъ, и пробираются фаэтоны, въ которыхъ или зурпачи, или чонгуристы, или просто шарманщики. Они наигрываютъ на своихъ музыкальныхъ инструментахъ, доставляя народной массѣ большое удовольствіе. Можно ли представить себѣ такую ѣздящую музыку у насъ на Невскомъ и на Морской? А въ Тифлисѣ все это выходило нисколько не дико, только оригинально. Конечно, вечеромъ городъ освѣтился иллюминаціей. Сильно пересѣченная, волнообразная мѣстность придавала особую красоту иллюминаціи. Съ горы Св. Давида представлялся чудный видъ на горѣвшій огнями городъ. Съ Михайловскаго моста также открывалась оригинальная картина.

Всѣ три дня пребыванія Царской Семьи въ Тифлисѣ городское населеніе такъ же, какъ и во Владикавказѣ и Екатеринодарѣ, вполнѣ праздновало. Всякія житейскія заботы, трудовыя занятія, все это было отложено въ сторону, въ магазинахъ и лавкахъ торговля почти не производилась, хотя витрины ихъ не были закрыты ставнями и занавѣсками съ тѣмъ, чтобы не придавать улицамъ мрачный, непривѣтливый видъ. Ихъ Величества въ Тифлисѣ, какъ и въ казачьихъ городахъ, за три дня успѣли порадовать своимъ посѣщеніемъ многія учебныя и богоугодныя заведенія.

Гарнизонъ Тифлиса и окрестныхъ штабъ-квартиръ лагерное время проводитъ въ горахъ—близъ Тіонетъ, гдѣ нѣтъ сильныхъ

---

[1]) Въ 1770 г. въ Грузіи былъ отрядъ графа Тотлебена, въ 1782 г. отрядъ полковника Бурнашева.



Улица въ Тифлисѣ.

жаровъ и войскамъ можно свободно заниматься ученіями. Въ тифлисской котловинѣ лѣтомъ жарко, точно въ печкѣ; вѣтеръ если и прорывается черезъ обступившія горы, то знойный юговосточный, и приноситъ съ собой еще большую духоту. Отъ этой жары служащій народъ и войска спасаются въ Коджорахъ, лежащихъ на возвышенности верстахъ въ восьми отъ Тифлиса. Въ самое послѣднее время для лагеря пріобрѣтенъ участокъ въ Тіонетахъ, на отрогахъ главнаго хребта, по сосѣдству съ храбрыми, свободолюбивыми хевсурами, до сихъ поръ носящими средневѣковое рыцарское снаряженіе и вооруженіе. Съ уходомъ главной массы войскъ въ Тифлисѣ оставался сравнительно небольшой отрядъ, который и представился Государю на смотру 29-го сентября.

Вечеромъ въ этотъ же день въ дворянскомъ собраніи данъ былъ балъ. Довольно большое помѣщеніе, нельзя сказать, чтобы роскошно отдѣланное, наполнено было приглашенными. Глядя на эту массу мундировъ, двигавшихся по ярко освѣщеннымъ заламъ, можно было подумать, что никакихъ сокращеній не произошло и намѣстничество все еще существуетъ. Конечно, тутъ много было пріѣзжихъ, пожелавшихъ встрѣтить Государя у себя въ родномъ краѣ. Молодежь почетнаго караула, явившагося конечно въ полномъ составѣ потанцовать, украсилась офицерскими эполетами, которые такъ красиво дополняли ихъ роскошные костюмы. Грянулъ струнный оркестръ терскаго войска и по заламъ дворянскаго собранія оберъ-церемоніймейстеръ князь Долгорукій повелъ полонезъ. Императрица шла подъ руку съ губернскимъ предводителемъ дворянства, Государь шелъ съ княгинею Орбеліани, Цесаревичъ съ княгиней Меликовой, великій князь Георгій Александровичъ съ г-жею Шереметевой, министръ двора графъ Воронцовъ-Дашковъ съ княгинею Амилохвари. Конечно, Тифлисъ никогда не видалъ такого полонеза. Послѣ вальсовъ и кадрили, вдругъ зазвучала лезгинка; то игралъ татарскій оригинальный оркестръ. Изъ всѣхъ комнатъ спѣшили въ танцовальную залу взглянуть на національный танецъ. Вокругъ танцующихъ собралась такая непроницаемая стѣна зрителей, что мнѣ, да я думаю и многимъ другимъ, такъ и не удалось взглянуть на лезгинку.

Наканунѣ вечеромъ, въ саду «Вѣра» я уже впрочемъ любовался этимъ танцемъ. Но тамъ не было дамъ, танцовали лишь одни кавалеры—вновь произведенные прапорщики милиціи. И какъ лихо танцовали! Татарскій оркестрикъ гудѣлъ, заливался, бренчалъ и трещалъ; а молодежь лихо и граціозно двигалась и кружилась, воодушевляя хлопающихъ ладонями рукъ въ тактъ танца, зрителей и даже самихъ видавшихъ виды музыкантовъ. Какъ все это было далеко отъ сочиненной балетной лезгинки.

1-го октября Ихъ Величества съ августѣйшими сыновьями оставили Тифлисъ и направились въ Цинондалы, Карданахъ и Тіонеты, откуда уже слѣдующимъ пунктомъ назначенъ былъ Баку.

IV.

Баку: —Нефтяные источники.—Экспоатація нефти.—Населеніе Бакинской губерніи.—Дѣвичья башня.—Жизнь въ Баку.—Приготовленія къ пріѣзду Ихъ Величествъ.—Пріѣздъ Государя и Государыни.—Необычайная иллюминація.—Ширванскій полкъ.— Кутаисъ.— Пріѣздъ въ этотъ городъ императорской семьи.— Италіанецъ.—Отъѣздъ въ Батумъ и за тѣмъ въ Севастополь.

Мѣстность отъ Тифлиса до Баку поражаетъ своею безотрадностью. Встрѣчаются зеленые оазисы, но не надолго. Горы, окружающія Баку, выглядываютъ совершенно безжизненными, голыми, лишенными всякой растительности, однако на скатахъ виднѣются распаханныя нивы. Оказывается, что здѣсь сѣютъ хлѣбъ, который, довольствуясь подпочвенной влагой, даетъ недурной урожай. Еще задолго до Баку виднѣется на востокѣ ярко синяя полоса Каспійскаго моря, съ разбросанными близъ берега утесами и маленькими островками. Затѣмъ горы закрываютъ море и поѣздъ останавливается близъ Баку въ какой-то ямѣ, украшенной роскошнымъ вокзаломъ.

Первый разъ силу русскаго оружія Баку испытало въ 1668 году, когда Стенька Разинъ съ своей удалой вольницей съ огнемъ и мечомъ прошелъ черезъ всю прибрежную полосу отъ Дербента до Баку. Въ персидскій походъ Петра Великаго, послѣ неудачной попытки лейтенанта Лунина занять Баку, къ этому городу въ слѣдующемъ 1723 году посланъ былъ генералъ Матюшкинъ съ инструкціей: «идтить къ Бакѣ какъ наискорѣе, а тщиться оный городъ помощію Божіей конечно достать, понеже ключъ всему нашему дѣлу оный». И Матюшкинъ взялъ ключъ этотъ.

Спустя двѣнадцать лѣтъ, императрица Анна Іоанновна уступила Персіи всѣ громадныя завоеванія Петра Великаго въ Прикаспійскомъ краѣ. Въ 1796 году, бакинскій ханъ присягаетъ на вѣрность русской императрицѣ. Побудительной причиной послужило движеніе русскаго корпуса, подъ начальствомъ графа Валерьяна Зубова, мечтавшаго окончательно сломить Персію. Возшествіе на престолъ императора Павла I ознаменовалось отмѣной многихъ распоряженій покойной императрицы. Приказано было и зубовскимъ войскамъ вернуться на кавказскую линію. Съ уходомъ русскихъ полковъ, бакинскій ханъ вновь почувствовалъ себя свободнымъ и позабылъ о присягѣ. Но не забылъ объ этомъ главнокомандующій [1]) въ Грузіи, князь Цыціановъ, бывшій въ 1796 году комендантомъ въ Баку. Видя двусмысленное поведеніе хана, онъ рѣшилъ въ началѣ 1806 года силою заставить признать верховен-

[1]) Полный тутулъ: инспекторъ кавказской линіи, астраханскій военный губернаторъ и главнокомандующій въ Грузіи.

ство Россіи надъ Баку. Ханъ торопился изъявить покорность и просилъ князя Циціанова выслушать его и принять городскіе ключи. 8-го февраля, храбрый главнокомандующій отъѣхалъ отъ линіи нашихъ войскъ къ назначенному мѣсту свиданія и вступилъ съ ханомъ въ бесѣду. Въ этотъ моментъ рука персидскаго убійцы не дрогнула, раздался ружейный выстрѣлъ и къ ногамъ коварнаго хана повалился главнокомандующій. Смерть непобѣдимаго начальника, грозы турокъ, персовъ, татаръ и всего Закавказья, произвела тягостное впечатлѣніе на нашъ отрядъ. Русскіе отступили. Голова Циціанова отправлена въ Персію. Непріятель ликовалъ. Для закавказскихъ хановъ вся угроза сѣвера сливалась съ личностью князя Циціанова. Уничтоженъ онъ и нечего больше бояться русскаго нашествія. Скоро однако пришлось раскаяться. 2-го іюня того же года, къ Баку подошелъ отрядъ генерала Булгакова. Ханъ бѣжалъ и русскіе заняли городъ.

Бакинская губернія отняла у Россіи двухъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ кавказскихъ героевъ. Въ 1806 году, погибъ незамѣнимый князь Циціановъ, а черезъ шесть лѣтъ навсегда былъ выведенъ изъ строя при штурмѣ Ленкорани генералъ Котляревскій—безспорно самый замѣчательный изъ кавказскихъ генераловъ.

Лучшая каспійская гавань, близость Персіи и Средней Азіи и грандіозныя минеральныя богатства, все это заставляло вѣрить словамъ Петра Великаго, видѣвшаго въ Баку «ключъ всему нашему дѣлу» въ Прикаспійскомъ краѣ. Однако, долгое время послѣ присоединенія къ Россіи, Баку не выходилъ изъ ряда самыхъ посредственныхъ уѣздныхъ городовъ. Кавказская война, отсутствіе дорогъ и откупная система, монополизировавшая производительность нефтяныхъ участковъ, тормозили развитіе. Оголенный отъ зелени, лишенный сносной воды, подверженный вѣтрамъ, городъ не привлекалъ къ себѣ и глазъ администраціи. Управленіе Прикаспійской областью [1]) сосредоточено было въ Шемахѣ до 1859 года, когда послѣ вторичнаго сильнаго землетрясенія губернскія присутственныя мѣста перенесены были въ Баку. Отмѣна откупной системы (1-го января 1873) сразу оказалась на возвышеніи добычи нефти. Казенные участки неприглядной на видъ земли скоро были раскуплены, а главнымъ образомъ розданы различнымъ лицамъ. Въ Сураханахъ и Балахонэ, въ окрестностяхъ Баку, закипѣла работа. На голой мѣстности выросли оригинальныя высокія вышки. Изъ буровыхъ скважинъ полилась нефть ручейками; а иногда съ шумомъ выбрасывалась грандіозными фантанами, затоплявшими всѣ громадные земляные резервуары. Нарѣзка участка въ пять

---

[1]) До назначенія князя Воронцова намѣстникомъ, Закавказье дѣлилось на Тифлисскую губернію и Прикаспійскую область. Затѣмъ оно раздѣлено на 4 губерніи и Прикаспійскую область. Теперь же на 5 губерній и Карскую область.

десятинъ уже дѣлала человѣка сравнительно состоятельнымъ. Понятно будетъ съ какою торопливостью бросились за полученіемъ вновь открывшихся богатствъ...

Мнѣ помнится съ какой насмѣшкой относились въ Петербургѣ къ кокоревскому «чираку», выставленному въ 1873 году. Тогда съ недовѣріемъ относились къ этой «коптилкѣ». Пенсильванскій керосинъ стоялъ въ то время на неприступной высотѣ. Однако,

Угольщикъ въ Тифлисѣ.

прошло два, три года, и Бакинскій керосинъ пошелъ въ гору, сбивая цѣну американскому и давая возможность освѣщать лампочками не только городъ, но и деревни. Въ дѣлѣ развитія керосиноваго производства безспорно пальма первенства принадлежитъ шведу, «нефтяному королю» Нобелю. Онъ умѣло поставилъ дѣло на широкую ногу, устроилъ заводы, пустилъ по Каспійскому морю и Волгѣ цѣлую нефтяную флотилію и удачно организовалъ сношенія съ потребителями. Русскія фирмы Кокорева, Шибаева, му-

сульманина Тагіева, стали также широко работать, но имъ все-таки было далеко до «нефтяного короля». Теперь, какъ извѣстно, появился на театрѣ керосиновой войны Ротшильдъ. Оборони насъ Богъ отъ такого иноплеменнаго вмѣшательства...

Въ шестидесятыхъ годахъ добыча нефти не превышала 500 т. пудовъ, а къ 1886 году достигаетъ до 123½ милліоновъ пудовъ. Переработанная нефть вывезена изъ Баку въ видѣ керосина (34 мил. пуд.), смазочныхъ маслъ (около 2 мил. пуд.) и нефтяныхъ остатковъ (около 36 мил. пуд.). Треть фабричнаго и заводскаго производства всего Кавказа приходится на долю Баку. Милліонные заработки привлекли массу рабочаго люда, привлекли предпринимателей и техниковъ. Городъ ростетъ съ небывалой до сихъ поръ въ Россіи скоростью; да впрочемъ вѣдь главнымъ образомъ нефтяное дѣло не въ русскихъ рукахъ. Шведы, армяне, евреи, татары и персы, вотъ тотъ калейдоскопъ національностей, въ которомъ русскіе играютъ далеко не первостепенную роль.

Въ настоящее время городъ богатствомъ и количествомъ населенія переросъ Тифлисъ. Отсутствіе хорошей воды — вотъ самая слабая сторона Баку. При громадныхъ средствахъ городу нечего останавливаться передъ расходами и необходимо провести воду изъ ближайшихъ рѣкъ. Примѣръ пыльной, безводной, негостепріимной Одессы до проложенія днѣстровскаго водопровода и теперешней окутанной зелеными бульварами южной красавицы — у всѣхъ на глазахъ. Очень недавно въ Баку учреждена весенняя ярмарка, ожидали, и не безъ основанія, громадныхъ оборотовъ на этомъ перепутьи Кавказа съ Персіей и Средней Азіей. Результаты пока не оправдали ожиданій. Главная масса населенія Баку таты (иранцы) и адербейджанскіе татары (тюркскаго племени). Долгое владычество персовъ положило отпечатокъ и на татаръ. Они сохранили языкъ, но вѣра, обычаи, костюмъ и даже прически (пробритое темя и локоны на вискахъ)—у нихъ персидскіе. Адербейджанцы-шеиты населяютъ большую часть Бакинской губерніи. Замѣчательно, что адербейджанское нарѣчіе все больше и больше раздвигаетъ свои рамки и, подвигаясь съ каждымъ годомъ на сѣверъ, захватываетъ Дагестанъ. За то русскій языкъ внѣ городскихъ поселеній слышится лишь въ нѣсколькихъ раскольническихъ деревняхъ Ленкоранскаго уѣзда. Баку красиво размѣстился амфитеатромъ вокругъ бухты. Дома изъ тесанаго камня, съ плоскими крышами, оригинально поднимаются отъ прекрасно - устроенной набережной къ старой крѣпости. При взглядѣ на Баку съ моря среди другихъ строеній особенно выдѣляется Дѣвичья Башня, съ которой, по одному преданію, дочь хана высматривала своего милаго; а по другимъ сказаніямъ, молодая ханша спасалась отъ нескромныхъ преслѣдованій своего отца и, наконецъ, выбросилась изъ окна. Существуютъ, впрочемъ, и другія версіи этой легенды.

Съ южной стороны города выступаетъ Баиловъ мысъ, на которомъ расположена слободка каспійской военной флотиліи; а на сѣверной темнѣетъ Черный городокъ, въ которомъ сосредоточены керосиновые заводы, получающіе сырой матеріалъ по нефтепроводамъ изъ Балаханэ и изъ Сураханъ. Бакинскія улицы хорошо вымощены и, конечно, отлично освѣщены. Жалкія, сѣренькія деревья въ городскомъ скверѣ силятся выдержать борьбу съ зноемъ и безводьемъ. Отсутствіе земли, всюду проникающій запахъ нефти,

Носильщикъ воды въ Тифлисѣ.

окаменѣвшія физіономіи застывшихъ въ лавкахъ и магазинахъ восковыхъ фигуръ-торговцевъ персіянъ, завываніе докучливаго и настойчиваго въ этой мѣстности вѣтра; керосиновая, мутная пленка на морской водѣ — все это дѣйствуетъ непріятно на пріѣзжаго. Хотѣлось бы скорѣе бѣжать изъ этой гигантской міровой керосиновой лабораторіи. Однако, не смотря на нѣкоторую безотрадность, жизнь здѣсь бьетъ ключемъ. Въ гавани цѣлый городъ пароходовъ, баржъ и косовыхъ. Звенятъ цѣпи, стучатъ подъемныя машины, тысячи рукъ заняты нагрузкой и разгрузкой товаровъ. Большин-

ство экипажа на судахъ адербейджанцы; на пароходахъ капитаны, шкипера, машинисты—шведы, финны и нѣмцы. На многихъ домахъ виднѣются, не свойственные русскому губернскому городу, дощечки съ надписью: контора X, контора О—ства... А въ конторахъ этихъ дѣлаются обороты на сотни тысячъ, даже на милліоны. Большой городъ требуетъ массу провизіи; къ базарамъ тянутся группами ежедневно сотни навьюченныхъ ишаковъ. Иной татаринъ находитъ возможнымъ примоститься и самъ сзади вьюка. Маленькое, ушастое животное точно не слышитъ тяжести и, весело позванивая бубенчиками, сѣменитъ иноходью въ городъ. Везутъ продукты и въ арбахъ на громаднѣйшихъ колесахъ, позволяющихъ подвѣшивать боченки и другіе грузы къ дну этого экипажа. Не смотря на мертвенно-безплодныя окрестности, татары и «персюки» ухитряются наполнять базары мѣстной живностью, зеленью и чрезвычайно сладкимъ виноградомъ. Осенью 1888 года, городъ оживился съ появленіемъ 21-й пѣхотной дивизіи, перевезенной по Каспійскому морю изъ Дагестана [1]) въ Баку. Полки раскинули свой лагерь близь города и на улицахъ появился военный элементъ, въ обыкновенное время здѣсь очень малочисленный.

8-го октября, назначенъ былъ пріѣздъ Ихъ Величествъ. Флаги перемѣшались съ зеленью, привезенною на судахъ изъ Ленкорани. На набережной, на площадкѣ передъ губернаторскимъ домомъ, выстроился почетный караулъ отъ полка, носящаго имя полуострова Апшеронскаго. Вокругъ всей площади размѣстились депутаціи Бакинской губерніи, Дагестана и Закаспійской области. Много я видѣлъ, начиная отъ Владикавказа до Тифлиса, разнообразныхъ типовъ, пестрыхъ костюмовъ и вообще «азіатчины», но въ этомъ отношеніи Баку перещеголяло другіе города. Персы, тальшинцы, адербейджанскіе татары, коринцы, лезгины, аварцы и другія мелкія народности Дагестана, всѣ они имѣли здѣсь своихъ представителей, явившихся поклониться Государю и поднести хлѣбъ-соль. Все это народъ не любящій особой подвижности и суетни, чистѣйшій контрастъ общительнымъ иверскимъ народамъ и даже армянамъ. Рядомъ съ воинственными дагестанцами растянулась длинная цѣпь туркменскихъ и киргизскихъ представителей. Длинные, мѣшковатые, блестяще-расшитые, разноцвѣтные, у нѣкоторыхъ парчевые, халаты закаспійцевъ аляповато отличаются отъ скромныхъ, хорошо обрисовывающихъ фигуру костюмовъ горцевъ. Не смотря на неподходящій для воиновъ нарядъ, рослые, здоровые туркмены выглядываютъ молодцоватыми вояками. Съ туркменами явилась изъ Мерва съ двумя сыновьями вдова знаменитаго Нуръ-Верды-

[1]) 84-й пѣх. Ширванскій полкъ стоитъ собственно въ Бакинской губ., близь Дагестанской границы, въ мѣстечкѣ Кусары.

Хана. Четыре громадныхъ туркмена милиціонера въ простенькихъ халатахъ, съ обнаженными шашками въ рукахъ, составляли также какъ бы маленькій почетный караулъ.

Подлѣ закаспійскихъ депутацій помѣстился въ креслѣ начальникъ области генералъ-лейтенантъ Комаровъ. Онъ боленъ лихорадкой и едва стоялъ на ногахъ. Среди представителей Дагестана, помимо начальника области, типичнаго стараго кавказскаго генерала изъ грузинскихъ князей, генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе, обращалъ особое вниманіе дербентскій депутатъ. Это былъ генералъ-маіоръ Гайдаровъ (мусульманинъ), который въ чинѣ подполковника Самурскаго полка успѣлъ заслужить на стѣнахъ Геокъ-Тепе орденъ св. Георгія 3-й степени.

Я помѣстился у губернаторскаго дома за рогатками и располагалъ совершенно свободно полюбоваться пріѣздомъ Государя и пріемомъ депутацій. Надъ домомъ губернатора уже развѣвался штандартъ, салютъ военной флотиліи замеръ въ воздухѣ. Царская Семья поѣхала помолиться Богу въ соборъ. Но вотъ, наконецъ, на набережной все зашевелилось. Изъ прилегающихъ улицъ точно внезапнымъ наводненіемъ снесло подъ гору массу народа. Не разбирая препятствій, татары и персы летѣли, сломя голову, на набережную. Давка началась невыносимая, я принужденъ былъ отступить и не могъ хорошенько взглянуть на интересную площадку, откуда громкое «ура» давало знать, что Ихъ Величества пріѣхали.

Вскорѣ послѣ завтрака, Августѣйшіе гости поѣхали осматривать мѣстныя учебныя заведенія. Не знаю насколько здѣсь успѣшно идетъ преподаваніе, но Баку положительно щеголяетъ зданіями этихъ учрежденій.

Пріѣздъ Ихъ Величествъ въ Баку ознаменовался также, какъ и въ предыдущихъ городахъ, закладкой православнаго храма. Церквей совсѣмъ почти не видно въ Баку и надъ городомъ высятся пока лишь минареты.

При богатствѣ освѣтительнаго матеріала, надо было ожидать, что бакинцы устроютъ особенно эфектную иллюминацію. Дѣйствительность превзошла ожиданія.

Громадная голая гора, примыкающая съ баиловской стороны къ городу, обратилась въ сплошное гигантское пламя. Конечно, никто и нигдѣ не можетъ позволить себѣ такой роскоши. Картина огненнаго шатра была поразительна. Городскія улицы тоже запылали огнями; плоскія крыши не закрывали огненныхъ линій и съ набережной открывался чудный видъ на эфектно освѣщенный амфитеатръ. Ночью городъ много выигралъ; а зеркальная бухта, на которой не замѣтно было плавающаго керосина, привѣтливо отражала тысячи фонариковъ, осыпавшихъ суда, точно цвѣты на деревьяхъ. Цѣлая вереница лодокъ, кокетливо убран-

ныхъ разноцвѣтными фонариками, тихо и плавно передвигалась по рейду. Съ лодокъ слышались звуки мѣстныхъ народныхъ инструментовъ. Весь этотъ праздникъ огня прикрывался темной съ золотыми блестками шапкой южнаго неба. Чуть замѣтный, теплый, совсѣмъ лѣтній вѣтерокъ, заставлялъ забывать, что у насъ на сѣверѣ давно уже наступила осень....

За ночь вѣтеръ усилился и на утро довольно ужъ сильно загудѣлъ по городу, стараясь сорвать и унести многочисленные привѣтственные флаги. А они бѣдные топорщились, извивались, вытягивались и то сердито отхлестывались, а то принимались жалобно шелестить и о чемъ-то пугливо лепетать.

Да, не даромъ названіе города производятъ отъ персидскаго слова «бодкубе», т. е. ударъ вѣтра.

9-го октября былъ праздникомъ для 21-й пѣхотной дивизіи. Апшеронскій, Дагестанскій, Самурскій и Ширванскій полки заброшены судьбой въ самое гнѣздо кавказскихъ военныхъ бурь. Сколько крови ими пролито, сколько погибло отъ изнуренія и лихорадокъ!.. Нельзя и теперь еще вполнѣ успокоиться, надо всегда помнить, что вооруженные и храбрые сосѣди могутъ отъ незначительной причины вспыхнуть. Всегда надо быть наготовѣ. Послѣ переѣзда въ Баку, отъ дурной воды 21-я дивизія прихворнула было немного, но когда начали подвозить по желѣзной дорогѣ хорошую воду, солдатики оправились и съ нетерпѣніемъ ждали представиться Государю. Ширванскій полкъ 9-го октября получилъ неожиданный и дорогой подарокъ. Послѣ смотра, Государь поздравилъ полкъ съ назначеніемъ шефомъ Наслѣдника Цесаревича. Когда-то, подъ именемъ кабардинцевъ, полкъ заслужилъ себѣ славу храбрѣйшаго Ермоловскаго легіона.

Въ 1818 году, полкъ переименованъ въ Ширванскій и вскорѣ заставилъ говорить о себѣ весь Кавказъ. Отличаясь съ 1827—28 года въ персидскую и турецкую войны, ширванцы, «какъ болѣе всѣхъ ознаменовавшіе себя подъ его начальствомъ», получаютъ шефа въ лицѣ графа Паскевича. Императоръ Николай I, такъ писалъ Дибичу: «Я даю Ширванскій полкъ Паскевичу—они достойны другъ друга». Съ тѣхъ поръ долгое время ширванцевъ въ обиходномъ языкѣ называли «графцами». Теперь, послѣ окончанія смотровъ войскъ всего кавказскаго округа, на долю ширванцевъ выпала самая высокая награда.

Въ день смотра, 9-го октября, вечеромъ, императорскій поѣздъ уносилъ уже высочайшихъ гостей сначала на охоту въ Коралзы (Елисаветпольской губерніи), а затѣмъ въ Кутаисъ. Въ годовщину памятнаго дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ, Ихъ Величества прибыли въ древнюю столицу Имеретіи. Городъ раскинулся по зеленымъ холмамъ и по красотѣ мѣстоположенія по праву можетъ считаться однимъ изъ живописнѣйшихъ городовъ. Бурный, много-

водный Ріонъ опоясываетъ широкой лентой Кутаисъ. Обидно видѣть, какъ громадная рабочая сила стремительной рѣки и просто самая вода даромъ уносится въ море. Придетъ пора, когда этотъ колосальный водный капиталъ не будутъ бросать за окно и съумѣютъ его утилизировать. Отъ устья до селенія Орнири, Ріонъ судоходенъ, но конечно подыматься могутъ лишь небольшіе рѣчные пароходы.

Гуріецъ.

Влажный климатъ при южномъ теплѣ даритъ край богатѣйшей растительностью. Какая разница въ этомъ отношеніи съ голымъ Баку! Говорятъ, что Кутаисъ избавленъ отъ лихорадокъ; если это такъ, то здѣсь могла бы быть прекрасная зимняя станція для грудныхъ больныхъ. Прошлое города, какъ это принято говорить, теряется въ сѣдой старинѣ. Кутаисцы утверждаютъ, что ихъ поселеніе древнѣе Тифлиса и что знаменитая царица Тамара погребена даже близь Кутаиса. Во всякомъ случаѣ, городъ этотъ

древній о чемъ до нѣкоторой степени и свидѣтельствуютъ развалины старинной крѣпости и храмовъ.

Въ то время, какъ Карталинія и Кахетія подвергались большею частью насилію со стороны Персіи, Имеретія входила въ сферу вліянія Турціи. Въ XVII столѣтіи турки завладѣли городомъ и держались здѣсь до 1770 года, когда были выбиты русскимъ отрядомъ графа Тотлебена. То былъ первый походъ въ Закавказье нашихъ войскъ, явившихся туда по просьбѣ имеретинскаго царя Соломона I.

Исторія присоединенія къ Россіи Имеретіи, въ виду происковъ турокъ, неискренности имеретинскаго царя Соломона II и его приближенныхъ, полна грустными событіями... Окончательное присоединеніе состоялось въ 1810 году.

Въ сосѣднемъ Имеретіи, княжествѣ Мингреліи русское управленіе было введено лишь въ 1867 году, послѣ отказа князя Николая Дадіана отъ владѣльческихъ правъ. Бывшій владѣтель въ вознагражденіе получилъ 1 милліонъ рублей. Близъ Мингреліи, въ неприступныхъ горахъ, запряталась маленькая Сванетія, въ части которой княжила фамилія Дадешкиліани. Въ 1857 году, за убійство Кутаисскаго генералъ-губернатора [1]) князя Гагарина, князь Дадешкиліанъ былъ казненъ и вся владѣльческая фамилія выселена въ Россію.

Въ составъ Кутаисской губерніи входитъ еще одно владѣніе— это Абхазія, въ которой русское управленіе введено лишь съ 1864 года. Такимъ образомъ Кутаисская губернія на пространствѣ 30,740 кв. верстъ соединяетъ нѣсколько бывшихъ отдѣльныхъ государствъ. Населеніе Имеретіи, Гуріи, Мингреліи, Абхазіи, Сванетіи и вновь присоединенныхъ округовъ бывшей Батумской области—все въ сложности не достигаетъ милліона (920,000 душъ обоего пола).

Увѣряютъ, что изъ всѣхъ иверскихъ народовъ, имеретины, будто бы, отличаются наибольшею предпріимчивостью и не прочь пустить въ ходъ хитрость... Разсказываютъ, что нѣкій мудрый старикъ грузинъ (карталинецъ), умирая, поздравлялъ своего сына съ тѣмъ, что онъ не оставляетъ ему въ наслѣдство врага лезгина и друга—имеретина. Справедливы ли нападки на имеретинъ, не знаю; лично могъ лишь убѣдиться въ томъ, что имеретины очень красивый и бойкій народъ.

Къ большому огорченію кутаисцевъ, погода все время благопріятствовавшая высочайшему путешествію, начала портиться, наступалъ періодъ дождей. Великое дѣло солнце. Какъ весело рябила передъ глазами толпа кутаисцевъ въ ясный день, какъ за-

---

[1]) За годъ передъ тѣмъ упразднено управленіе тифлисскаго генералъ-губернатора. Оба эти генералъ-губернаторства, равно какъ и другія кавказскія области и губерніи были подчинены кавказскому намѣстнику.

манчиво глядѣли вокругъ горы; а покрылось небо тучками, подуло холодкомъ, заморосило дождемъ, и картина перемѣнилась. Въ ожиданіи высочайшаго прибытія, на вокзалѣ выстроился почетный караулъ отъ дворянства Кутаисской губерніи. На площадкѣ передъ дебаркадеромъ и вплоть до губернаторскаго дома растянулись представители отъ населяющихъ губернію народностей и хоперскіе казаки. Красивыя имеретинки не прятались, видны были на улицахъ и на балконахъ. Художественному произведенію недоставало освѣщенія. Къ пріѣзду Ихъ Величествъ нѣсколько разъяснило, но все-таки свѣтило не солнце Батума, Тифлиса и Баку, а точно оно прикрылось матовымъ абажуромъ. Небольшой городъ (23,000 ж.) не могъ конечно поражать тою грандіозностью народной встрѣчи, какою пришлось любоваться въ Тифлисѣ, Баку и казачьихъ городахъ; но пріемъ былъ проникнутъ полной искренностью и задушевностью. Я не могу забыть одного старичка, итальянца, стоявшаго подлѣ меня во время проѣзда Государя. Крики ура, то подходившіе къ намъ, то удалявшіеся отъ насъ, необычайное оживленіе въ нетерпѣливой толпѣ, звуки народной музыки съ пѣніемъ съ балконовъ, постепенно наэлектризовывали итальянца. Обращаясь къ товарищу-земляку, онъ громко высказывалъ свой восторгъ; а когда экипажъ Государя поровнялся съ нами и въ воздухѣ пронесся какой-то ревъ толпы, то къ общимъ кликамъ на ласковые поклоны Ихъ Величествъ внезапно присоединилось и звонкое eviva итальянцевъ. Я невольно взглянулъ на сосѣда. По лицу старика катились слезы!..

Съ освобожденіемъ крестьянъ помѣщичье хозяйство въ Иверіи упало, но за то крестьяне, въ особенности въ Кутаисской губерніи, подняли свое благосостояніе. Имеретины очень «жадны къ землѣ» и благодаря ея производительности даютъ баснословныя цѣны. Случается, что стоимость десятины превышаетъ 2,000 руб. Конечно, это исключеніе, но и вообще здѣсь земля очень дорога. Излишекъ сельскихъ продуктовъ сплавляется по Ріону въ г. Поти, гдѣ вотъ ужъ, начиная съ 1863 года, въ теченіе двадцатипяти лѣтъ производится неудачная постройка порта.

Изъ Кутаиса Ихъ Величества ѣздили въ близь лежащій древній Гелатскій монастырь, гдѣ, по преданію, покоится прахъ великой иверской царицы Тамары. Въ этомъ же монастырѣ хранятся знаменитыя, историческія дербентскія желѣзныя ворота.

14-го октября, посѣтивъ веселое народное гулянье въ городскомъ саду, Высочайшіе гости уѣхали въ Батумъ, а тамъ и совсѣмъ простились съ гостепріимнымъ Кавказомъ. На прощаніи, Батумъ съ окрестными живописными горами запылалъ цѣлыми огненными линіями. Пароходы уходили въ открытое море, а на далекомъ берегу долго еще видна была иллюминація, мерцая точно раскаленныя уголья.

Вновь взвился императорскій штандартъ на пароходѣ добровольнаго флота «Москва». Императорская эскадра снялась съ якоря и вышла изъ уютнаго Батумскаго рейда, унося на сѣверъ Царственныхъ путешественниковъ послѣ ихъ пребыванія на Кавказѣ. Восторженныя встрѣчи разноплеменнаго населенія, одушевленнаго однимъ общимъ, сердечнымъ желаніемъ, какъ бы радушнѣе и теплѣе принять своего Бѣлаго царя; интересные типы, живописные костюмы; стройные ряды гордой побѣдами кавказской арміи; молодечество юныхъ джигитовъ; улыбающіяся горы и дикія скалы; голубое море и безпредѣльныя степи; южное солнце, лазурное небо, лавровыя рощи; нефтяные фонтаны, бурные горные потоки; веселыя лица, огневыя рѣчи; могучіе перекаты несмолкаемаго «ура»— все, все это пережито и оставило пріятное впечатлѣніе о полуденномъ краѣ, богатой будущимъ странѣ, объ этомъ драгоцѣнномъ алмазѣ въ русской императорской коронѣ. Я опять сидѣлъ въ каютѣ «Эриклика». Пароходъ, наканунѣ по пути къ Батуму, сильно трепало. На наше счастье вѣтеръ унялся, но расходившееся волненіе не могло еще успокоиться и «Эрикликъ» непріятно покачивало. Одного изъ фельдъегерскихъ офицеровъ еще въ бухтѣ укачало и онъ, блѣдный и изможденный, пластомъ пролежалъ всю дорогу до Севастополя. Не смотря на хорошій буфетъ, аппетитъ разыгрывался не у многихъ. Съ нетерпѣніемъ ждали берега и вагонъ представлялся въ воображеніи вполнѣ желаннымъ экипажемъ, въ которомъ уже спокойно можно было донестись до Петербурга.

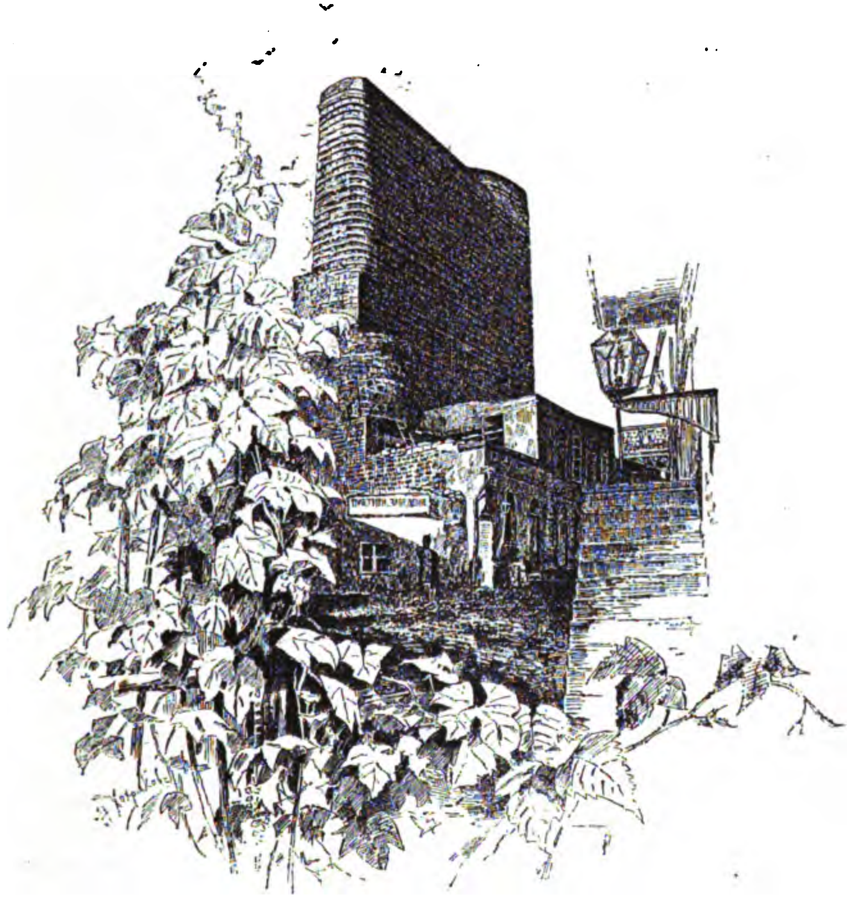
V.

Севастополь.— Отъѣздъ въ Петербургъ.— Дурныя предсказанія относительно безопасности императорскаго поѣзда.—Неожиданная задержка на пути.—Слухи о крушеніи императорскаго поѣзда.— Подтвержденіе слуховъ о катастрофѣ.— Прибытіе къ мѣсту крушенія.— Страшная картина.— Чекуверъ, Брешъ и Васковъ.—Уборка раненыхъ.—Тостъ за барона Шернваля.—Возвращеніе на станцію Тарановка.— Толки о причинахъ катастрофы.— Обѣдъ на станціи Лозовой.— Пріѣздъ въ Харьковъ.—Восторженный пріемъ, оказанный населеніемъ Царской Семьѣ.—Отъѣздъ изъ Харькова.

Наконецъ, два дня морскаго путешествія миновали и мы ночью втянулись въ Севастопольскую бухту, гдѣ уже стояла на якорѣ «Москва», далеко обогнавшая нашъ тихоходный, десятиузловый «Эрикликъ». Пріятно было освободиться отъ морской качки; да и на сушѣ какъ-то чувствуешь себя безопаснѣе.

За нѣсколько лѣтъ Севастополь неузнаваемо обстроился. Тогда еще мѣстный портъ невозбранно царилъ въ Крыму и ничто не указывало на близкое торжество Ѳеодосіи. Городъ глядѣлъ празднично. Повсюду привѣтливо шелестящіе флаги и толпы народа.

Ихъ Величества посѣтили Севастопольское морское офицерское собраніе. Роскошная обстановка для этого клуба подарена Государемъ съ бывшей Императорской яхты «Ливадія». Подарокъ вполнѣ царскій. Въ Севастополь прибыли также Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Великія Княжны Ксенія и Ольга Александровны. Они пріѣхали изъ Царскаго имѣнія «Ливадіи», гдѣ провели осень.



Дѣвичья башня въ Баку.

Въ 4 часа дня, 16-го октября, при напутственныхъ кликахъ многочисленнаго народа, собравшагося по линіи желѣзной дороги и по горнымъ склонамъ, плавно двинулся впередъ императорскій поѣздъ, направляясь на Харьковъ, Орелъ, Витебскъ и Гатчину. Гордо и величественно удалялся вдаль могучій, громадный поѣздъ. Вскорѣ пришлось его вновь увидѣть, но въ какомъ жалкомъ состояніи!

Нашъ, такъ называемый свитскій, поѣздъ готовъ былъ къ отправленію. На платформѣ я столкнулся съ моимъ знакомымъ, симпатичнымъ крымскимъ шоссейнымъ инженеромъ Степаномъ Ивановичемъ Р—ко. Степанъ Ивановичъ былъ крайне взволнованъ. Громоздкость отошедшаго императорскаго поѣзда и скорость, съ которой онъ ходитъ, наводили Р—ко на черныя мысли. Разгорячившійся инженеръ предсказывалъ, что добромъ дѣло не кончится и такому гиганту не сдобровать. На замѣчаніе мое и флигель-адъютанта С—скаго отчего же Р—ко не кричалъ объ этомъ до отхода поѣзда, онъ намъ передалъ, что свое мнѣніе относительно риска, которому подвергается императорскій поѣздъ, заявилъ барону Т. Тутъ же, въ Севастополѣ, пришлось услышать, что управляющій юго-западными дорогами баронъ Витте, будто-бы, при пробѣгѣ императорскаго поѣзда по его линіи рѣшительно воспротивился развивать скорость, назначенную по маршруту [1]), находя ее рискованной.

Подобные разговоры, конечно, не могли особенно веселить, но мысль о какой-нибудь серьезной опасности ни на минуту не приходила въ голову. Въ императорскомъ поѣздѣ вѣдь ѣхали: министръ путей сообщенія, главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ баронъ Шернваль, инспекторъ технической части поѣзда баронъ Таубе; кромѣ того, управляющій дорогой, правительственный инспекторъ дороги, начальникъ движенія и начальникъ мѣстной дистанціи. Этотъ персоналъ семи путейскихъ чиновъ, явившихся спеціально для личнаго наблюденія за безупречной правильностью движенія, казалось, вполнѣ гарантировалъ полнѣйшую безопасность... Наконецъ, засвистали наши локомотивы и вторая громада полетѣла на сѣверъ. Прекрасные вагоны, рѣдкія остановки и скорый, но плавный, безъ скачковъ и раскачиваній, ходъ успокоительно подѣйствовали на поднявшіеся нервы.

Вскорѣ за Симферополемъ, въ замѣнъ кавказскихъ живописныхъ видовъ, закружилась однообразная желтѣющая равнина. Сѣрое, суровое небо, холодные порывы вѣтра, осыпавшіеся листья, крестьянскіе кожухи и тулупы, показывали, что наступила непривѣтливая осень. Прощай тепло, прощай кавказскіе жаркіе дни и чудныя ночи. Мѣрно гудятъ колеса вагоновъ, изрѣдка лишь постукивая на рельсовыхъ скрѣпахъ. Ночная мгла постепенно заволакиваетъ чернымъ покрываломъ грустныя окрестности. Изрѣдка лишь промелькнетъ освѣщенная станціонная платформа, съ собравшейся на ней группой мѣстныхъ обитателей; но поѣзду нѣкогда останавливаться, и онъ проносится впередъ. Тяжело прогромыхавъ по разъѣзднымъ путямъ, локомотивы снова безстрашно съ богатырскимъ свистомъ врѣзываются въ зіяющую тьму. Въ тепломъ,

[1]) По пути слѣдованія изъ Новой Праги на Кавказъ.

уютномъ купэ привѣтливо раскинулся диванъ и манитъ къ себѣ поближе. Сонъ незамѣтно охватываетъ сосѣдей и меня, заставляя забыть всѣ заботы и треволненія...

На станціи Лозовой опять насъ растревожилъ разговоръ Сп—скаго съ инженеромъ Лозово-Севастопольской дороги; послѣдній въ виду перехода императорскаго поѣзда на Курско-Азовскую дорогу, благословлялъ небеса за благополучное «прослѣдованіе». Оказывается, что въ вагонѣ Цесаревича испортился тормазъ и вообще слышалось

Торговецъ въ Баку.

подтвержденіе мнѣнія С. И. Р—ко. Ѣхавшій съ нами, причастный къ желѣзнодорожному дѣлу, полковникъ А—овъ, началъ къ тому же рисовать въ черномъ цвѣтѣ состояніе дорогъ и опасности, отъ которыхъ нисколько не гарантированъ императорскій поѣздъ.

Незамѣтно мы доѣхали до ст. Алексѣевки. Здѣсь насъ задержали. Сначала мы не обратили вниманія на эту остановку. Но вскорѣ послышались толки, что съ первымъ поѣздомъ случилось что̀-то, какая-то поломка. Затѣмъ, появились вѣсти, что поѣздъ сошелъ съ рельсовъ съ несчастными послѣдствіями. Всѣмъ понятно будетъ наше напряженое состояніе и нетерпѣніе скорѣе узнать

истину. Говорили, что есть раненые, даже убитые, но кто, неизвѣстно. «Боже сохрани и помилуй!» невольно мелькало у каждаго въ головѣ, и одна мысль о возможномъ несчастьи леденила ужасомъ кровь...

А поѣздъ стоялъ.

Зачѣмъ насъ задерживали, трудно было понять, такъ какъ путь до станціи Тарановки былъ совершенно свободенъ. Наконецъ, мы направились туда. Здѣсь, на маленькой станціи, также точныхъ извѣстій никакихъ не было. Какой-то молодой инженеръ старался доказать окружающимъ, что онъ не понимаетъ, какъ могло случиться несчастье, такъ какъ путь, по его мнѣнію, былъ вполнѣ исправный, недавно ремонтированный. Намъ, впрочемъ, въ эту минуту мало интереса было слушать о ремонтныхъ работахъ. Нестерпимо хотѣлось знать размѣры несчастья, а не причины вызвавшія его. Послѣдніе годы царствованія покойнаго Царя-Освободителя омрачились неслыханно дерзскими и страшными посягательствами на личность Государя. Казалось бы, что и въ данномъ случаѣ у насъ, пассажировъ свитскаго поѣзда, должна была зародиться мысль о злостномъ покушеніи; однако, неоспоримо вѣрно, что 17-го октября никто и не заикнулся о возможности злодѣянія, а все несчастье приписывали небрежности инженеровъ и упущеніямъ желѣзнодорожниковъ.

Въ Тарановкѣ опять длинная, мучительная остановка. Нужно ждать пока освободится путь. Въ Тарановку долженъ былъ вернуться локомотивъ, вытребованный по телеграфу на мѣсто катастрофы. Вотъ и онъ, столь желанный паровозъ! Всѣ бросились къ нему навстрѣчу и мигомъ окружили, спустившагося на платформу, инспектора технической части императорскаго поѣзда, барона Таубе. Онъ былъ крайне разстроенъ. Полное отчаяніе написано было на его лицѣ и баронъ могъ говорить лишь сквозь слезы. Кто убитъ? Кто раненъ? Здоровъ ли Государь? А Императрица? А Дѣти? Отчего крушеніе? Какъ случилось? Масса вопросовъ сыпалась на плачущаго инспектора. Онъ спѣшилъ успокоить относительно Царской Семьи. Когда же онъ сказалъ, что человѣкъ двадцать убито, а еще болѣе того раненыхъ, то невольно екнуло сердце у окружающихъ. Точныхъ свѣдѣній баронъ, будучи страшно разстроенъ, не могъ дать; но передавалъ, что, кажется, изъ свиты никто серьезно не пострадалъ. Наконецъ-то мы, послѣ долгихъ ожиданій, двинулись впередъ.

Газетные корреспонденты, работавшіе во время пріѣзда Ихъ Величествъ на Кавказъ, простились со мной еще въ Батумѣ. Послѣ интересной, но утомительной поѣздки они направились на отдыхъ. Теперь я вспомнилъ ихъ. Вѣдь необходимо дать сейчасъ же хотя краткое описаніе крушенія поѣзда и чудеснаго спасенія. Приходилось браться за отчетъ. У меня подъ рукой не было письмен-

ныхъ принадлежностей; онѣ покоились въ чемоданахъ. Какая же въ дорогѣ переписка! Въ книгѣ, взятой мною съ собою въ дорогу, оказался почтовый листъ, карандашъ же для отмѣтокъ при чтеніи всегда былъ со мной и я приготовился къ составленію телеграммы.

Медленно, пугливо, точно ощупью приближался нашъ поѣздъ къ мѣсту катастрофы. Вокругъ было мертвенно пусто; вдали виднѣлась какая-то деревенька. Наконецъ, показалась довольно глубокая балка, черезъ которую перекинулась большая насыпь. Мы остановились въ почтительномъ разстояніи отъ печальнаго мѣста разрушенія. Осенній частый дождикъ непріятно билъ въ лицо; черная, липкая грязь большими комьями приставала къ ногамъ; холодный вѣтеръ заставлялъ застегнуть пальто на всѣ пуговицы.

Передъ нами на пути стояло три вагона, а за ними виднѣлась какая-то безформенная куча вагонныхъ крышъ, колесъ, расщепленныхъ стѣнъ, разбитыхъ стеколъ и разныхъ обломковъ, густо осыпавшихъ оба откоса до самаго дна балки.

Точно заторъ во время ледохода, когда заднія льдины, надвинувшись на переднія, разломались, нѣкоторыя и совсѣмъ разсыпались блестящими стеклышками, а болѣе крѣпкія части, сцѣпившись, составили цѣлую гору безпорядочно нагроможденныхъ льдинъ. [2]

Вся Россія хорошо знаетъ подробности катастрофы. Видѣли всѣ также и фотографическое изображеніе разбитаго поѣзда. Неправда ли страшная картина? А каково было видѣть ее въ натурѣ и при томъ въ присутствіи убитыхъ и раненыхъ...

Фотографія конечно безъ утайки передала дѣйствительность, но, къ сожалѣнію, крыша вагона-столовой, при дѣланіи снимка, была приподнята подставкой, чего тотчасъ послѣ крушенія не было.

По лѣвому [1]) откосу двигается десятокъ людей. Слава Тебѣ Господи! Здѣсь мы увидѣли Государя, Государыню, Августѣйшихъ дѣтей. Тутъ же были и сопровождавшіе Ихъ Величествъ все время на Кавказѣ: генералъ-адъютанты: графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, П. С. Ванновскій, О. В. Рихтеръ, П. А. Черевинъ и Гр. Гр. Даниловичъ, флигель-адъютантъ князь Оболенскій, лейбъ-хирургъ Гиршъ и художникъ Зичи; а также генералъ-адъютанты: Посьетъ и В. В. Зиновьевъ, сопровождавшій изъ Ливадіи младшихъ дѣтей Ихъ Величествъ.

Глядя на весь этотъ хаосъ обломковъ желѣза и дерева, морозъ пробѣгалъ по тѣлу...

---

[1]) По направленію отъ Тарановки въ Харьковъ.

[2]) О катастрофѣ мною было доставлено три корреспонденціи въ «Прав. Вѣстникъ».

Надъ откосомъ повисъ великокняжескій вагонъ, съ вышибленной стѣной. Въ образовавшееся широкое отверстіе и была выброшена Великая Княжна Ольга Александровна.

Казалось, что вотъ, вотъ и рухнетъ внизъ этотъ вагонъ. Передній лакомотивъ, украшенный флагами и гирляндами зелени, спокойно отдыхалъ на рельсахъ и точно глухой не обращалъ вниманіе на творившійся сзади страшный безпорядокъ. Второй паровозъ, въ моментъ катастрофы, какъ будто хотѣлъ мелькомъ взглянуть, что дѣлается въ хвостѣ, да такъ отъ ужаса и застылъ, перекошенный немного на бокъ.

У подошвы насыпи вытянулся рядъ лежащихъ, прикрытыхъ съ головою, фигуръ. То были жертвы катастрофы, убитые. Какъ извѣстно, все это оказались солдатики или изъ числа служительскаго персонала, за исключеніемъ гг. Чекуверъ и Бреша.

Лекарскій помощникъ Чекуверъ былъ въ прежнее время фельдшеромъ еще въ клиникѣ профессора Нарановича. При сформированіи двора Цесаревича Александра Александровича, онъ занялъ должность лекарскаго помощника и съ тѣхъ поръ безотлучно служилъ при Дворѣ. Это былъ практически очень свѣдущій, симпатичный и общительный человѣкъ, котораго постоянно всѣ осаждали просьбами: перевязать, потереть, дать «какихъ - нибудь капель или порошка» и т. п. Чекуверъ всѣмъ старался угодить и по возможности помочь. Послѣ катастрофы, лица близко знавшіе покойника, говорили, что онъ точно предвидѣлъ смерть, былъ за послѣднее время очень грустенъ. Жаль было хорошаго человѣка и толковаго работника. Еще болѣе жаль его дѣтей, круглыхъ сиротъ.

Штабсъ-капитанъ, фельдъегерь Брешъ, офицеръ могучаго сложенія, на своемъ вѣку сдѣлалъ десятки тысячъ верстъ, разъѣзжая по всей Европѣ съ порученіями. Какъ истый фельдъегерь, онъ нашелъ себѣ смерть, не дома на постелѣ, а въ своей служебной сферѣ—въ дорогѣ.

Зналъ я еще изъ числа убитыхъ ѣздового Баскова. Расторопный и смѣтливый, онъ былъ незамѣнимъ во время путешествія. Отъ него никогда нельзя было услышать отвѣта: не знаю, не могу. Вспомнилось мнѣ, какъ бѣдный Басковъ, желая порадовать свою семью, накупалъ на Кавказѣ цѣлую кучу незамысловатыхъ гостинцевъ.

Изъ Харькова пришелъ санитарный поѣздъ и начали переносить въ него раненыхъ. Бѣдныхъ больныхъ приходилось сначала вынимать изъ уцѣлѣвшихъ вагоновъ, въ которыхъ они временно были укрыты, а затѣмъ по скользкой насыпи спускать внизъ и опять подымать съ другой барковской стороны. Каждое неосторожное движеніе понятно болѣзненно отзывалось на искалѣченныхъ, стонавшихъ жертвахъ катастрофы. Особенно страдалъ и

Видъ Кутаиса.

кричалъ одинъ изъ нихъ, обваренный кипяткомъ. Всякое прикосновеніе было мученіемъ для бѣдняги. Вслѣдъ за другими, вынесли изъ вагона и барона Шернваль съ подбитымъ глазомъ и ушибленной ногой. Мнѣ вспомнилось наше веселое путешествіе на пароходѣ изъ Новороссійска въ Батумъ. Тамъ, на «Эрикликѣ» за обѣдомъ поднятъ былъ бокалъ съ дружно привѣтствованнымъ тостомъ, за барона Канута Генриховича, «много лѣтъ благополучно водящаго императорскіе поѣзды».

Раненыхъ перенесли. Смеркалось. Нашъ молчаливый поѣздъ преобразился и ожилъ. Отъ Севастополя до Тарановки въ немъ ѣхали: флагъ-капитанъ В. Г. Басаргинъ, графъ А. В. Олсуфьевъ [1]), докторъ К. А. Раухфусъ, К. К. Гернетъ [2]), С. И. Сперанскій, [3]), Л. М. Албертовъ [4]) и еще нѣсколько человѣкъ. Въ сложности насъ было очень немного и мы занимали лишь незначительную часть всего обширнаго подвижнаго помѣщенія.

Въ свитскомъ поѣздѣ также были вагоны спеціально предназначенные для Высочайшихъ Особъ. Когда-то въ этихъ вагонахъ ѣздила покойная императрица. Теперь спѣшно зажигались огни, отворяли купэ и вообще приготовлялись къ пріему Высокихъ Путешественниковъ.

Всѣ эти сборы напоминали переполохъ и суетню въ старомъ барскомъ домѣ, въ которомъ долго уже не жили владѣльцы, и вдругъ неожиданно, не предупредивъ, пріѣхали провести нѣсколько дней.

Опять Тарановка. Наступилъ уже вечеръ. Въ свитскомъ поѣздѣ буфета не было и мы, предполагая, завтракать въ Харьковѣ не озаботились продовольствіемъ. Катастрофа отодвинула и завтракъ и Харьковъ на неопредѣленное время. Голодъ давалъ себя знать. На станціи Тарановкѣ, въ одной изъ двухъ невзрачныхъ комнатъ, имѣлся маленькій буфетъ, скорѣе лотокъ. Добродушная пожилая буфетчица подчивала бутербродами съ ветчиной, икрой, яйцами, какими-то очень вкусными коржиками и чаемъ. Буфетъ брали съ бою, хозяйка была въ отчаяніи, что такъ мало припасла матеріала. Видимо, не разсчетъ тутъ игралъ роль, а соболѣзнованіе къ голодающимъ путешественникамъ. Она въ то же время гордилась выпавшей на ея долю честью: чай и хлѣбъ носили даже въ вагоны.

Въ помѣщеніе телеграфа собрались завѣдывающіе движеніемъ императорскаго поѣзда и мѣстные инженеры для выработки новаго маршрута. Никогда, конечно, ни раньше, ни послѣ, телеграфъ

---

[1]) Начальникъ канцеляріи главной квартиры.

[2]) Начальникъ главнаго дворцоваго управленія.

[3]) Управляющій петергофскими дворцами.

[4]) Комадиръ 1-го желѣзнодорожнаго батальона.

не работалъ такъ усиленно въ Тарановкѣ. Передъ телеграфистами были навалены груды телеграмъ съ извѣщеніями родныхъ о благополучномъ избавленіи отъ опасности. Небольшая телеграмма министра двора съ первыми краткими свѣдѣніями о крушеніи была послана еще съ мѣста катастрофы на ст. Борки. Всякій боялся оставлять семью въ сомнѣніи и потому спѣшилъ телеграфировать.

Оригинальную картину представляла станція вечеромъ 17-го октября. Руки на перевязи, повязки на головѣ, царапины и ссадины на лицахъ; толки объ убитыхъ и раненыхъ; разсужденія о дальнѣйшемъ движеніи, о новомъ маршрутѣ, переносили въ военную обстановку. Казалось, послѣ кровопролитнаго дѣла отступилъ отрядъ... Толки о причинѣ несчастія, конечно, слышались повсюду. Говорили о гнилой шпалѣ, кусокъ отъ которой былъ переданъ Его Величествомъ жандармскому офицеру. Указывали на неисправность въ вагонѣ министра путей сообщенія, въ вагонѣ, который, будто бы, по типу не подходилъ ко всему поѣзду и поставленъ былъ безъ точнаго осмотра послѣ долгаго пути. Бранили строителей за неудовлетворительную насыпь. Кто-то заявлялъ, что всему причиной товарный локомотивъ, который не можетъ ходить съ такою скоростью и на закругленіи рано или поздно долженъ былъ раскачаться, раздвинуть рельсы и погубить поѣздъ. Возбужденіе противъ инженеровъ и правленія Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги было страшное...

Скоро станція начала пустѣть...

Новый императорскій поѣздъ двинулся на ст. Лозовую, а для насъ, прежнихъ его пассажировъ, приготовляли уцѣлѣвшіе отъ крушенія вагоны. Мнѣ досталось бывшее купэ коменданта императорскаго поѣзда полковника Ширинкина.

Когда мы наконецъ прибыли на Лозовую, тамъ уже богослуженіе было кончено и въ залѣ III класса сидѣло громадное общество за позднимъ обѣдомъ. За общую трапезу приглашены были всѣ, включая и лакеевъ, мастеровыхъ и низшаго желѣзнодорожнаго персонала. За столомъ, за которымъ сидѣла Царская Семья съ свитой, обѣдалъ и министръ государственныхъ имуществъ, пріѣхавшій съ общимъ поѣздомъ изъ Севастополя, вмѣстѣ съ другими пассажирами, изъ которыхъ, нѣкоторые также приглашены были раздѣлить хлѣбъ-соль при выдѣляющейся обстановкѣ. Послѣ обѣда, императорскій поѣздъ направился на Синельниково-Долинскую, Кременчугъ, Харьковъ въ Москву.

Судьба, такъ тяжело наложившая суровую руку на несчастныя жертвы катастрофы, въ тотъ же еще день успѣла нѣкоторымъ улыбнуться. Два сельскихъ священника съ причтомъ, конечно, никогда и не помышляли о возможности отправлять богослуженіе въ присутствіи Государя; а невозможное оказалось возможнымъ. Оба батюшки съ довольными, веселыми лицами ходили по станціон-

ному залу и охотно сообщали о подробностяхъ, сопровождавшихъ богослуженіе и о царскомъ щедромъ вознагражденіи.

Содержатель буфета и вся его прислуга ногъ подъ собой не слышали отъ счастья служить «Самому Государю».—«Очень остались довольны и по добротѣ Своей все хвалили»,— захлебываясь разсказывалъ официантъ. На вокзалѣ я увидѣлъ задумчиваго, высокаго роста, съ симпатичнымъ лицомъ инженера, на котораго катастрофа такъ подѣйствовала, что онъ сталъ заговариваться. Въ бывшемъ свитскомъ поѣздѣ ни буфета, ни кухни не было, а потому и при дальнѣйшемъ слѣдованіи приходилось продовольствоваться на желѣзнодорожныхъ буфетахъ. На ст. Долинской (Екатерининской дороги), въ виду отсутствія зала, обѣдъ былъ сервированъ въ сосѣднемъ маленькомъ трактирѣ. Вмѣсто сорока верстъ, остававшихся отъ Борки до Харькова приходилось сдѣлать длинное обходное движеніе по Екатерининской и Харьково-Николаевской дорогамъ и прибыть въ Харьковъ не 17-го октября, а только лишь девятнадцатаго.

Въ то время, какъ во всей Россіи еще мало были распространены свѣдѣнія о событіи 17-го октября, украинская столица, близкая сосѣдка Боркамъ, знала всѣ подробности страшной опасности, угрожавшей Царской Семьѣ и чудеснаго спасенія. Знала она также о сердобольномъ отношеніи Ихъ Величествъ къ пострадавшимъ. При самомъ точномъ копированіи нѣкоторыхъ моментовъ Высочайшаго путешествія народный энтузіазмъ представляется въ такой формѣ, что человѣкъ, не присутствовавшій никогда при подобныхъ торжествахъ, можетъ заподозрить излишній паѳосъ. Напрасно. Но вѣдь сѣверяне съ недовѣріемъ смотрятъ на бирюзовое море на картинѣ; а засидѣвшіеся горожане удивляются фантазіи художника, изображающаго закатъ солнца въ лѣсу и т. д. Такъ и здѣсь. Нисколько не впадая въ преувеличеніе, я долженъ сказать, что встрѣча, оказанная Ихъ Величествамъ жителями Харькова 19-го октября по своей задушевной восторженности, положительно не поддается описанію...

Старъ и младъ спѣшили на встрѣчу Ихъ Величествамъ. Улицы были запружены, но не зѣвающей и любопытной толпой, а сочувственной сплоченной массой, охваченной радостнымъ чувствомъ, при видѣ Царской Семьи, подвергавшейся страшной опасности. Послѣ возвращенія Ихъ Величествъ изъ университетской клиники и изъ желѣзнодорожной больницы, куда Они ѣздили посѣтить раненыхъ 17-го октября, вокзалъ и платформа переполнились народомъ. Военныхъ и чиновниковъ; служащихъ и отставныхъ; многочисленныхъ представителей дворянства, земства и города; а наконецъ и просто «обывателей», все это стремилось на вокзалъ. Военныя шапки и парадныя гражданскія шляпы мѣшались съ цилиндрами, котелками, смушковыми шапками и фуражками.

Громадный, могучій хоръ студентовъ и гимназистовъ нервно, но стройно пропѣлъ «Спаси Господи люди Твоя» и «Боже царя храни». Не знаю придется ли когда испытать подобное чувство впослѣдствіи, но до настоящаго времени никогда еще эти два гимна не звучали для меня такъ торжественно, такъ возбуждающе... Многіе плакали...

Государь не могъ не видѣть, не могъ не чувствовать общаго нравственнаго подъема и, уѣзжая, онъ подарилъ харьковцевъ добрыми словами: «Я никогда не забуду этого пріема, благодарю, благодарю».

Черезъ нѣсколько минутъ императорскій поѣздъ уже оставилъ за собою Харьковъ, оставилъ окрайный городъ юга и унесъ Царственныхъ Путешественниковъ на сѣверъ.

Василій Кривенко.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ II.

Весною 1862 года я окончилъ курсъ въ Лѣсномъ институтѣ, имѣвшемъ тогда военное устройство, и получилъ званіе практиканта. Въ этомъ званіи мнѣ предстояло пробыть годъ на практическихъ занятіяхъ, въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ, расположенномъ въ 50 верстахъ отъ Петербурга, въ Царскосельскомъ уѣздѣ. Практиканты числились уже на дѣйствительной службѣ, получали жалованіе (около 200 руб. въ годъ) и носили офицерскую форму, за исключеніемъ погонъ и эполетъ. Въ первое время, когда преобразованъ былъ Лѣсной институтъ по образцу кадетскихъ корпусовъ, означеннаго переходнаго званія не существовало, и молодые люди проходили практическій курсъ въ офицерскомъ чинѣ; но впослѣдствіи, въ видахъ военной дисциплины, или по соображеніямъ педагогическимъ, съ нихъ эполеты были сняты и для полученія оныхъ установленъ вторичный экзаменъ.

Лисинское учебное лѣсничество учреждено въ началѣ тридцатыхъ годовъ, по мысли тогдашняго министра финансовъ графа Канкрина; оно должно было служить нетолько учебно-практической школой, но и образцомъ раціональнаго хозяйства для всѣхъ лѣсовъ имперіи. Въ немъ устроивались ежегодно лагерные сборы кадетъ Лѣснаго института и находилась низшая лѣсная школа, носившая офиціальное наименованіе егерскаго училища. Каменныя учебныя зданія и деревянные дома, въ которыхъ помѣщался учащій и административный персоналъ, скученные на тѣсномъ пространствѣ, съ включеніемъ хорошенькой церкви и императорскаго охотничьяго павильона, составляли маленькій красивый городокъ, со-

единенный шоссейной дорогой со станціей Тосна, Николаевской желѣзной дороги (17 верстъ), и съ городомъ Павловскомъ (30 верстъ). Собственно «лѣсничество», въ центрѣ коего находится означенный городокъ, представляла Лисинская казенная дача, площадью свыше 30 тысячъ десятинъ, которая, независимо отъ прямого своего назначенія, служила и для императорской охоты. Здѣсь же находился обширный звѣринецъ, охотничій павильонъ, или дворецъ, какъ его обыкновенно называли мѣстные жители, и цѣлый штатъ придворныхъ егерей.

Насъ, практикантовъ, въ 1862 году, прибыло въ Лисино 40 человѣкъ. Мы помѣстились въ третьемъ этажѣ громаднаго каменнаго зданія, въ отдѣльныхъ «камерахъ», расположенныхъ по обѣ стороны широкаго коридора, по три-четыре человѣка въ каждой камерѣ. Хотя по уставу мы подчинялись строгой военной дисциплинѣ, чуть не наравнѣ съ нижними чинами, но въ дѣйствительности, согласно установившимся традиціямъ, намъ предоставлена была полная свобода, и ближайшее начальство относилось къ намъ, какъ къ настоящимъ офицерамъ. Мы устроились въ камерахъ, какъ кто хотѣлъ, по личному вкусу и привычкамъ каждаго, не хуже чѣмъ въ обыкновенныхъ меблированныхъ комнатахъ. Если кто изъ начальства и заглядывалъ къ намъ, то лишь какъ гость. Карточная игра, вечеринки, попойки—чередовались безъ перерыва, то въ той, то въ другой камерѣ, и особенно стали учащаться съ приближеніемъ экзаменовъ, когда офицерскіе эполеты висѣли уже, такъ сказать, на носу. Единственно, что напоминало намъ военную дисциплину, это—обязанность дежурить разъ въ 1½—2 мѣсяца; впрочемъ, означенная обязанность заключалась лишь въ томъ, что въ 9 часовъ вечера дежурный отправлялся съ рапортомъ къ директору, который въ большинствѣ случаевъ приглашалъ его остаться гостемъ и составить партію въ вистъ. Безпорядокъ въ камерахъ былъ страшный, грязь—непролазная, особенно по утрамъ. Нетолько ближайшее начальство, но и высшія власти, пріѣзжавшія изъ Петербурга, не рисковали заглядывать въ наши жилища, которыя такимъ образомъ мы имѣли полное основаніе считать неприкосновенными, внѣ всякаго контроля.

Императоръ Александръ II очень любилъ охоту въ Лисинскомъ лѣсничествѣ и, въ теченіе многихъ лѣтъ, будучи еще наслѣдникомъ престола, пріѣзжалъ сюда по нѣскольку разъ въ годъ. О пріѣздѣ государя дѣлалось обыкновенно извѣстно за недѣлю, или за двѣ. Мы, практиканты, не принимали обязательнаго участія въ царской охотѣ, но воспитанники егерскаго училища наряжались въ лѣсъ, въ качествѣ загонщиковъ, если охота предстояла на медвѣдя. Хлопоты и приготовленія, вызываемыя ожиданіемъ пріѣзда государя, касались исключительно организаціи охоты и приведенія въ порядокъ охотничьяго павильона; въ учебныхъ же заведе-

ніяхъ все оставалось попрежнему, а егерское училище принимало даже худшій видъ, вслѣдствіе неизбѣжной суетни, по случаю снаряженія воспитанниковъ въ лѣсъ. Государь никогда, въ теченіе 20 лѣтъ, не посѣщалъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній и никому даже во снѣ не грезилось, чтобы подобный фактъ когда-либо могъ совершиться. Онъ пріѣзжалъ всегда поздно вечеромъ, весь слѣдующій день охотился, такъ что возвращался во дворецъ лишь въ сумеркахъ, къ обѣду, а затѣмъ тотчасъ уѣзжалъ обратно на станцію Тосна, гдѣ его ожидалъ экстренный поѣздъ. Никому, повторяю, не приходило въ голову, чтобы государь императоръ нашелъ время и выразилъ желаніе осчастливить своимъ посѣщеніемъ егерское училище, а тѣмъ паче наши камеры, представлявшія ничто иное, какъ грязныя chambres garnies. Нежданное событіе это, однако, совершилось и совершилось такъ внезапно, при такихъ исключительныхъ условіяхъ, что глубоко врѣзалось въ памяти всѣхъ очевидцевъ и навсегда запечатлѣло въ сердцахъ ихъ свѣтлый образъ Царя-Освободителя.

Въ мартѣ 1863 года, разнеслась вѣсть, что обложены два медвѣдя и надняхъ пріѣдетъ государь. Такъ какъ до сихъ поръ мнѣ не удавалось видѣть въѣздъ его, то въ назначенный день я отправился заблаговременно къ главному подъѣзду охотничьяго павильона. Была темная, морозная ночь. Вокругъ павильона толпилась масса народу: практиканты, воспитанники егерскаго училища, мѣстные крестьяне и многія изъ начальствующихъ лицъ съ женами и дѣтьми. Взоры всѣхъ устремлены были на тосненскую дорогу, по которой долженъ былъ слѣдовать царскій поѣздъ. Вотъ на горизонтѣ блеснуло маленькое зарево—значитъ государь въѣхалъ въ лисинскій лѣсъ; зарево происходило отъ факела, которымъ скачущій впереди фельдъегерь освѣщалъ дорогу. Зарево все становилось ярче и ближе и минутъ черезъ 20 поѣздъ приближался уже къ павильону. Егермейстеръ верхомъ и фельдъегерь съ факеломъ пронеслись мимо, а простыя, открытыя сани остановились у подъѣзда. Изъ саней вышелъ государь и князь Суворовъ; государь милостиво отвѣтилъ на восторженное привѣтствіе собравшейся публики и, сказавъ нѣсколько словъ встрѣтившему его директору, вошелъ въ павильонъ. Слѣдомъ за нимъ, ни на волосъ не отставая отъ ногъ, вошелъ хорошо знакомый намъ понтеръ «Милордъ», выпрыгнувшій раньше изъ саней и ожидавшій у дверей своего хозяина съ необыкновенно важнымъ видомъ и сознаніемъ собственнаго достоинства. Кромѣ князя Суворова, въ свитѣ государя прибыли оберъегермейстеръ графъ Ферзенъ, министръ государственныхъ имуществъ генералъ-адъютантъ Зеленый и еще нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ. Оберъегермейстеръ графъ Ферзенъ имѣлъ обыкновеніе совершать путь отъ тосненской станціи до охотничьяго павильона (17 верстъ) пѣшкомъ; какъ онъ добрался

на этотъ разъ—не помню. Толпа долго не расходилась, а болѣе отважные то и дѣло заглядывали въ ярко освѣщенныя окна павильона и объявляли во всеуслышаніе, что имъ удалось высмотрѣть. Нѣкоторые изъ насъ имѣли связи «на кухнѣ» и лакомились яствами и винами съ царскаго стола.

На другой день я проснулся около 9 часовъ и узналъ, что государь уже уѣхалъ на охоту, но къ завтраку вернется и опять поѣдетъ на другого медвѣдя, который обложенъ былъ въ болѣе отдаленной части дачи. Дѣйствительно, около полудня, я увидѣлъ изъ окна, какъ пріѣхалъ охотничій кортежъ къ павильону и какъ черезъ часъ или полтора выѣхалъ снова, по павловскому шоссе; государь съ княземъ Суворовымъ ѣхалъ впереди, въ одиночныхъ, простыхъ санкахъ. Первая охота удалась отлично: государь убилъ медвѣдя.

Спустя не болѣе четверти часа, какъ государь уѣхалъ, я вышелъ въ коридоръ, гдѣ засталъ нѣсколькихъ товарищей, которые прогуливались, по обыкновенію, съ самыхъ разнообразныхъ неглиже и съ папиросками въ рукахъ. Вдругъ, на лѣстницѣ, внизу, послышался какой-то странный шумъ и чьи-то стремительные шаги. Не успѣлъ я оглянуться, какъ меня едва не сшибъ съ ногъ, блѣдный, какъ смерть, служитель и, прошептавъ задыхающимся голосомъ «государь!», стремглавъ помчался дальше. Мы всѣ положительно оцѣпенѣли. Кто бросился въ камеры, кто остался на мѣстѣ, какъ вкопанный.

Вотъ что случилось.

Не успѣлъ государь отъѣхать версты двѣ или три, какъ прискакалъ ему на встрѣчу егермейстеръ капитанъ Гауэншильдъ и доложилъ, что медвѣдь ушелъ и слѣдовательно охота не состоится. Государь приказалъ кучеру повернуть, и лошадь, какъ стрѣла, понеслась назадъ, оставивъ далеко назади остальныхъ охотниковъ, въ числѣ коихъ были министръ и директоръ [1]). Вмѣсто того, чтобы направиться къ павильону, сани съ государемъ и Суворовымъ повернули вдругъ въ противоположную сторону и остановились у егерскаго училища. Парадный подъѣздъ былъ засыпанъ снѣгомъ и съ трудомъ можно было отворить дверь; въ дортуарахъ стояли страшная вонь и грязь, такъ какъ воспитанники, бывшіе на охотѣ, тамъ же въ то время переодѣвались и переобувались. Государь быстро прошелъ по зданію училища и направился въ кухню, гдѣ пробовалъ изъ котла щи, оказавшіяся весьма недоброкачественными. Затѣмъ, сѣвъ въ сани, онъ поѣхалъ въ лазаретъ, а оттуда къ намъ. Въ это время лица свиты, министръ, директоръ, ничего не

---

[1]) Директоромъ Лисинскаго лѣсничества состоялъ въ то время полковникъ Черторыжскій. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ чинѣ генералъ-маіора, онъ былъ назначенъ губернаторомъ одной изъ сибирскихъ губерній, но на дорогѣ умеръ.

подозрѣвая, возвратились въ павильонъ, и только тогда, когда государь оканчивалъ обзоръ нашего помѣщенія, явилось растерянное начальство.

Въ первое мгновеніе, какъ задыхавшійся отъ страха и усталости служитель прошепталъ «государь», я ничего не могъ сообразить, но когда понялъ, наконецъ, что государь императоръ здѣсь, въ нашемъ зданіи, и что черезъ минуту онъ можетъ войти въ мою комнату, я положительно остолбенѣлъ, живо представляя себѣ, какой я ужасный, невообразимый, неприличный оставилъ тамъ безпорядокъ. Но столбнякъ мой продолжался недолго—въ ту же минуту я увидѣлъ идущихъ по коридору государя и князя Суворова, которымъ сопутствовалъ одинъ только испуганный служитель. Къ счастью, дежурный практикантъ былъ на лицо и успѣлъ встрѣтить и отрапортовать государю, хотя, конечно, съ грѣхомъ пополамъ. Государь имѣлъ суровый, недовольный видъ и, дойдя до средины коридора, остановился на секунду, а затѣмъ вошелъ въ камеру, налѣво, въ которой, благодаря счастливой случайности, не было вопіющаго безпорядка и за какой-то работой сидѣлъ практикантъ Б., рѣшительно ничего незнавшій о томъ, что происходило. Невозможно представить его испугъ, изумленіе, когда, повернувъ голову на скрипъ отворяемой двери, онъ вдругъ узрѣлъ передъ собою государя! Онъ до того растерялся, что на вопросъ—какъ его фамилія, не могъ дать яснаго отвѣта. Въ это время явилось и все начальство съ министромъ во главѣ. Государь, сдѣлавъ нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній директору, перешелъ, черезъ коридоръ, въ слѣдующую камеру, гдѣ кое-что успѣли уже прибрать. Здѣсь онъ обратилъ вниманіе на разложенный на столѣ планъ, на которомъ валялись кучи папироснаго пепла.

— Развѣ планъ служитъ имъ и пепельницей?—спросилъ государь.

Всѣ молчали. Всѣ ждали страшной и заслуженной кары, ибо трудно вообразить, въ какомъ невозможномъ безпорядкѣ представилось государю Лисинское учебное лѣсничество и какое удручающее впечатлѣніе оно должно было произвести на него. Выйдя снова въ коридоръ, государь остановился, окруженный начальствующими лицами и практикантами. Наступила торжественная тишина, каждый чувствовалъ біеніе собственнаго сердца. Я стоялъ довольно близко къ государю и мнѣ показалось, что лицо у него было не столько суровое, сколько печальное.

— Я недоволенъ,—сказалъ онъ громко, обращаясь къ генералу-адъютанту Зеленому,—но меня не ждали; надѣюсь, въ другой разъ найду все въ порядкѣ.

Затѣмъ, помолчавъ немного, онъ произнесъ болѣе тихимъ голосомъ:

— Смотри, чтобы несчастныхъ не было!

Мы такъ были поражены всѣмъ тѣмъ, что произошло въ эти какихъ-нибудь нѣсколько минутъ, что стояли безмолвно, не смѣя выразить волновавшія насъ чувства, ни радостными возгласами, ни слезами, подступавшими къ горлу. Государь тѣмъ же путемъ сошелъ по лѣстницѣ и, сѣвъ въ сани съ княземъ Суворовымъ, возвратился въ павильонъ.

Вскорѣ, разнесся слухъ, будто государь сказалъ нашему министру, что онъ самъ виноватъ въ замѣченныхъ безпорядкахъ, такъ какъ, бывая здѣсь часто на охотѣ, ни разу не посѣтилъ учебныя заведенія. Не знаю, справедливъ ли былъ этотъ слухъ, но съ тѣхъ поръ государь каждый годъ посѣщалъ егерское училище, въ которомъ, разумѣется, находилъ всегда образцовый порядокъ. «Несчастныхъ», какъ приказалъ онъ, дѣйствительно не оказалось. Пострадалъ лишь одинъ ротный командиръ Я.: онъ былъ уволенъ отъ должности и просидѣлъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ, что не помѣшало ему, однако, получить тотчасъ новое назначеніе, по тому же лѣсному вѣдомству.

Въ 1864 году, классъ практикантовъ закрылся, такъ какъ закрылся и Лѣсной институтъ; егерское училище, переименованное впослѣдствіи въ лѣсное училище, существовало до 1888 года, когда окончательно упразднено Лисинское учебное лѣсничество. Теперь Лисино совершенно опустѣло и о былой кипучей жизни свидѣтельствуютъ лишь пустыя зданія да охотничій павильонъ, который поддерживается въ прежнемъ видѣ. Въ память пребыванія императора Александра II въ Лисинскомъ лѣсничествѣ, въ которомъ онъ, въ теченіе всей своей жизни, такъ часто искалъ отдохновенія отъ тяжкихъ государственныхъ заботъ, поставленъ вблизи дворца скромный памятникъ (бюстъ); надпись на памятникѣ гласитъ, что онъ воздвигнутъ чинами корпуса лѣсничихъ.

И. Жудра.

КУРЬЕЗНЫЙ ПОРТРЕТЪ ПУШКИНА.

Князь Николай Сергѣевичъ Путятинъ любезно сообщилъ намъ курьезный портретъ Пушкина, рисованный самимъ поэтомъ, карандашемъ, во время пребыванія его въ Гумранскомъ карантинѣ, въ 1829 году.

Портретъ этотъ найденъ княземъ Путятинымъ въ бумагахъ умершаго дѣда его, отставного генералъ-маіора Николая Ивановича Лодыгина. Когда и какимъ образомъ попалъ портретъ Пушкина къ Н. И. Лодыгину, князю Путятину неизвѣстно; но г. Лодыгинъ долго служилъ на Кавказѣ, затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ, былъ воронежскимъ военнымъ губернаторомъ и находился въ дружескихъ отношеніяхъ со многими литераторами того времени.

Мы воспроизводимъ съ буквальной точностью не только самый портретъ, но и подпись подъ нимъ, такъ какъ не знаемъ, кѣмъ она сдѣлана; князь Путятинъ удостовѣряетъ лишь, что этотъ почеркъ не схожъ съ почеркомъ его дѣда.

У Пушкина въ «Путешествіи въ Арзерумъ» о пребываніи его въ Гумрахъ сказано слѣдующее:

«Возвращаясь во дворецъ,— пишетъ онъ,— узналъ я отъ К., стоявшаго въ караулѣ, что въ Арзерумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина и я въ тотъ же день (14-го іюля) рѣшилъ оставить армію... Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Въ Гумрахъ я выдержалъ трехъ-дневный карантинъ. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го августа». (Соч. Пушкина. Изд. Литературнаго фонда. Ч. 4, стр. 450—451).

писанный имъ самимъ во время горячного его заключенія въ карантинѣ Гумринскомъ 1829 год 24 іюня

ЖИВАЯ РѢЧЬ.

ВЪ ОБЩЕСТВѢ и въ домашнемъ обиходѣ мы часто повторяемъ множество пословицъ и выраженій, унаслѣдованныхъ нами съ дѣтства, но дѣйствительнаго смысла которыхъ мы совсѣмъ не понимаемъ. Безпрестанно приходится слышать, напримѣръ, что такой-то «бьетъ баклуши», другой «точитъ лясы», третій думаетъ «заднимъ умомъ», четвертый понимаетъ все «шиворотъ на выворотъ» пятый «несетъ турусы на колесахъ», что «на нашей улицѣ будетъ праздникъ», что нужно «ѣсть пирогъ съ грибами, а языкъ держать за зубами» и т. д. Всѣ эти пословицы и изрѣченія получили широкое распространеніе, сдѣлались обиходными въ разговорной рѣчи, а, между тѣмъ, многіе ли знаютъ откуда они произошли, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ сложились, каковъ ихъ дѣйствительный, а не переносный, смыслъ? Отвѣты на эти вопросы даетъ, вышедшій на дняхъ, обширный трудъ С. В. Максимова, подъ заглавіемъ «Крылатыя слова», единственнымъ предшественникомъ котораго, въ этомъ родѣ, является «Толковый словарь живаго великорусскаго языка» В. И. Даля. Составить такую книгу могъ только человѣкъ, подобно г. Максимову, долго жившій среди народа, изучавшій его и на сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и на западѣ, записывавшій съ живой рѣчи народныя поговорки, примѣты, пословицы, сказанія и т. п. и затѣмъ провѣрившій и освѣтившій ихъ по историческимъ даннымъ. Къ многочисленнымъ услугамъ, оказаннымъ г. Максимовымъ русской исторіи, этнографіи и вообще народовѣдѣнію, прибавляется еще новая, за которую нельзя не поблагодарить его искренно. Такъ какъ трудъ почтеннаго автора представляетъ объемистый томъ въ пятьсотъ страницъ и заключаетъ въ

себѣ массу любопытнаго матеріала, то мы не можемъ изложить его содержаніе въ краткомъ библіографическомъ отзывѣ, а посвящаемъ ему небольшую статью. Мы приведемъ здѣсь изъ книги г. Максимова, съ сокращенными объясненіями, лишь наиболѣе употребительныя «крылатыя слова», надѣясь, что и въ такомъ сжатомъ видѣ читатели получатъ ясное представленіе о нихъ, а также и о томъ, насколько разныя историческія событія и бытовыя особенности отразились въ народной памяти и перешли въ живой, разговорный языкъ.

Подлинная и подноготная правда. Подлинная правда добывалась у подсудимыхъ въ застѣнкахъ подъ длинниками (длинныя розги-батоги); а «подноготная» тамъ же, посредствомъ забиванія подъ ногти колышковъ; въ обоихъ случаяхъ пытаемый говорилъ всю «подлинную» и «подноготную» правду. Была еще третья правда въ Москвѣ «у церкви Петра и Павла», вблизи которой помѣщался страшный Преображенскій приказъ съ его заплечными мастерами, дыбами и колодками. Эта правда породила поговорку, что «Москва слезамъ не вѣритъ»; «она по чужимъ бѣдамъ не плачетъ». Наконецъ, существовала и четвертая правда, не подневольная, а истинная: «У Воскресенья въ Кадашахъ», въ Замоскворѣчьѣ, близь церкви Воскресенья, гдѣ прежде жили кадочники (кадаши), а потомъ въ тридцатыхъ-пятидесятыхъ годахъ жилъ среди нихъ московскій городской голова Шестовъ, прославившійся честностью и бережливостью къ денежнымъ интересамъ города. «Пришла къ намъ правда не отъ Петра и Павла, а отъ Воскресенья въ Кадашахъ и стала матушка (Москва) въ барышахъ», говорили москвичи.

Къ варварѣ на расправу. Обвиненныхъ въ чемъ-либо, въ Москвѣ водили къ Варварскимъ воротамъ, въ башнѣ которыхъ существовалъ одинъ изъ застѣнковъ.

Гдѣ рука, тамъ и голова. Въ древней Руси свидѣтели по безграмотству подавали правую свою руку дьяку и это замѣняло имъ подпись, иногда же они клали руки на бумагу — совершали рукоприкладство. Отсюда «держать чью руку», «играть въ одну руку», «бить по рукамъ» при согласіи и т. д.

Притянуть къ Исусу. Тайная Канцелярія екатерининскихъ временъ, управляемая Шешковскимъ, гдѣ побывалъ и писатель Радищевъ, и архіерей Арс. Маціевичъ, и бунтовщикъ Пугачевъ,— была увѣшана иконами. Допросы съ пытками и истязаніями Шешковскій уснащалъ текстами изъ св. Писанія и заставлялъ подсудимыхъ цѣловать крестъ съ распятіемъ. Отсюда притянуть къ Исусу,— т. е. попасть въ руки Шешковскаго.

Особъ-статья. Въ древней Руси всѣ деревни тянули къ своей волости и міръ правилъ всѣми мірскими дѣлами. Даже церкви съ имуществами подлежали его вѣдѣнію и получали отъ волостного

міра приказчика для распоряженія церковнымъ имуществомъ и контроля. Болѣе богатыя церкви и монастыри умѣли однако откупиться отъ волости и писцы писали всѣ церковныя деревни «особъ-статьей». Эти обители уже «опричь черныхъ людей» сами назначали земскія и государственныя подати и т. д.

Покамѣстъ. Когда земли было много, то границы владѣнія обозначались словами: «по туль и владѣнія, куда топоръ и соха ходили» или «по ка мѣста (по какое мѣсто) плугъ и соха ходили». Случалось, что на этихъ «по ка мѣста» старики раскладывали ребятъ и сѣкли ихъ на межевой ямѣ для памяти о границахъ владѣнія.

Ни кола—ни двора. Въ Ярославской губерніи очень узкая полоса пахатной земли зовется коломъ. Не имѣть ни кола, ни двора, значитъ не имѣть никакой собственности.

Правда въ ногахъ. Теперь мы говоримъ, что правды нѣтъ въ ногахъ, а когда-то сборщики податей приводили недоимщиковъ, судебные пристава—должниковъ, по жалобѣ заимодавцевъ, на правежъ босыми ногами и били ихъ по ногамъ палками. Отсюда и толкъ: «душа согрѣшила, а ноги виноваты»; «дай срокъ—не сбей съ ногъ» и т. д.

Долгій ящикъ. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ у себя, въ селѣ Коломенскомъ, прибить къ столбу долгій ящикъ для жалобъ и прошеній. Рѣшеніе царское выходило скоро, но проходя черезъ руки бояръ и дьяковъ, дѣло «волочилось» и кремлевскій или коломенскій ящикъ превратился въ «долгій ящикъ» и въ переносномъ смыслѣ.

Ни дна, ни покрышки. Это злое пожеланіе основывалось на законѣ, по которому прежде самоубійцъ и казненныхъ хоронили безъ гроба и отпѣванія; ни дна, ни покрышки, не было такому несчастному.

Выдать головой. Въ XII вѣкѣ заимодавцу отдавали неисправнаго должника «головой», чтобы послѣдній отработалъ у него свой долгъ. Теперь нечаянно проговориться, значитъ, выдать другого головой,

Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ,—огонь и попа сжетъ. Поговорка эта сложилась въ то время, когда патріархъ Филаретъ Никитичъ въ возгласѣ при освященіи воды: «Самъ и нынѣ, Владыко, освятивъ воду сію Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ» повелѣлъ слова «и огнемъ», зачеркнуть и не перепечатывать ихъ въ новыя церковныя книги, запрещая повторять ихъ священникамъ, учившимся по старымъ рукописнымъ служебникамъ. Бывали, конечно, случаи, что старый священникъ по памяти скажетъ эти слова во время служенія и точно обожжется со страху, или горячій блинъ проглотитъ. Отсюда и поговорка: «въ книгу глядитъ, а огонь горитъ»; «грѣхъ да бѣда на кого не живетъ,—огонь и попа сжетъ».

На нашей улицѣ праздникъ. Улицы старинныхъ городовъ Пскова и Новгорода были центрами общественной и политической жизни обывателей. Часто улицы (или «концы») возставали однѣ на другія, но побѣжденные всегда утѣшались тѣмъ, что рано или поздно будетъ и на ихъ улицѣ праздникъ.

Съ Коломенскую версту. Существуютъ долговязые люди, напоминающіе ростомъ столбы, которые царь Алексѣй Михайловичъ разставилъ отъ Москвы до села Коломенскаго, лѣтней его резиденціи.

Дороже каменнаго моста. Когда Москва была еще деревянная, дороговизна перекинутаго черезъ рѣку Москву каменнаго моста была необычайна, уже по одному тому, что строили мостъ сорокъ лѣтъ, а оканчивалъ его князь В. В. Голицынъ, любимецъ царевны Софьи, не щадившій царской казны и расхищавшій ее въ личныхъ интересахъ. Однако, бываютъ минуты въ жизни человѣка, когда двугривенный «дороже каменнаго моста», говоритъ народъ.

Казанскія сироты. Сироты безъ покровителей и кормильцевъ всегда вызывали въ народѣ сожалѣніе. «За сиротою самъ Богъ съ калитою»,—говорилъ онъ и заботился о безпріютныхъ людяхъ. Казанская же сирота—это жуликъ; онъ прикидывается бѣднякомъ, вымогая себѣ покровительство лестью и неотвязчивостью. Происхожденіе ихъ историческое. Это потомки казанскихъ мурзъ, забалованныхъ московскимъ угодничаньемъ. До сихъ поръ торгаша и плута татарина мы зовемъ княземъ... Эти казанскія сироты охотно крестились въ нашу вѣру и ихъ за это осыпали царскими милостями. Такими же сиротами, какъ и крещеные татары, были православные греки, іерусалимскіе сборщики изъ Нахичевани и нѣмцы «Амбургской земли и Цесарской и иныхъ многихъ».

Вольному воля. Въ удѣльныя времена «вольные люди» были бояре, дѣти боярскіе и крестьяне; но были и холопы, и рабы. Послѣдніе не имѣли воли «вольныхъ людей».

У насъ не въ Польшѣ, мужъ жены больше. Преобладаніе женщины въ польской семьѣ высшихъ классовъ и даже участіе ея въ формированіи общественныхъ и политическихъ убѣжденій породили поговорку «у насъ не Польша, есть и больше».

Камень за пазухой. Въ 1610 году, поляки говорили: «съ москалемъ дружи, а камень за пазухой держи» и буквально слѣдовали этому совѣту.

Бить челомъ. Обычай московскихъ бояръ кланяться царю до полу и бить объ него лбомъ, обращаясь съ какой-либо просьбой, породили означенную поговорку.

Голъ, какъ соколъ. Въ древности соколомъ называлось голое гладкое стѣнобитное орудіе изъ чугуна, родъ тарана; также и ручные большіе ломы и трамбовки называются соколами, не только

голыми, но и ясными, отъ работы въ землѣ. Отсюда и люди бываютъ голы, какъ соколы.

Шиворотъ на выворотъ. Обреченнаго на позоръ боярина царь Иванъ Васильевичъ Грозный сажалъ на лошадь лицомъ къ хвосту, выворотивъ также ему носильное платье «шиворотъ на выворотъ». Отсюда и поговорка о людяхъ, преслѣдуемыхъ неудачами и собственной безтолковостью.

Опричь. Всякое исключеніе изъ общаго правила обозначалось въ актахъ словомъ: опричь. Впослѣдствіи Иванъ Грозный создалъ опричину, исключительное сословіе, выдѣленное изъ земщины и до сихъ поръ страшное въ народной памяти.

Колокола льютъ. Было въ обычаѣ, при отлитіи новаго колокола, распускать по городу одна другой несбыточнѣе сплетни. Этотъ обычай до сихъ поръ вспоминается, когда говорятъ о людяхъ, что они колокола льютъ, т. е. сплетничаютъ и злословятъ, какъ московскія вѣстовщицы и свахи, жившія всегда вблизи колокольныхъ заводовъ.

Турусы на колесахъ. До изобрѣтенія пороха, на войнѣ противъ укрѣпленій прибѣгали къ хитростямъ: подъѣзжали къ стѣнамъ города въ башняхъ на толстыхъ и низкихъ колесахъ. Эти боевыя башни на колесахъ назывались турами или турусами. До сихъ поръ нѣкоторые люди подъѣзжаютъ на турусахъ къ своему начальству, желая покорить его лестью, а иногда просто несутъ турусы на колесахъ—изъ чего выходитъ одинъ только вздоръ.

Пирогъ ѣшь съ грибами, а языкъ держи за зубами. Императрица Елисавета Петровна очень жаловала своими милостями нѣкоего стремянного Гаврилу Изволькаго и, подаривъ ему однажды на имянины пирогъ, начиненный рублевиками, спросила: «По вкусу ли пирогъ съ груздями?» — Какъ не любить царскаго пирога съ грибами, — отвѣтилъ зазнавшійся баловень и вскорѣ что-то сболтнулъ про императрицу; за что, конечно, тотчасъ же попалъ въ Преображенскій приказъ. Съ этихъ поръ говорятъ: пирогъ ѣшь съ грибами, а языкъ держи за зубами.

Подъ красную шапку. Помѣщикъ, сдававшій своего крестьянина въ рекрута не въ очередь, а архіерей — провинившагося семинариста, обязаны были снабдить ихъ красной шапкой и другими доспѣхами дореформеннаго солдата. Отсюда тотъ ужасъ, который подневольные люди испытывали при угрозахъ попасть подъ красную шапку.

На ворѣ шапка горитъ. Случилась на базарѣ кража и никто не могъ указать вора. Въ толпу замѣшался знахарь и вдругъ крикнулъ:

— Поглядите-ко, православные: на ворѣ-то шапка горитъ.

Не успѣли опомниться отъ зловѣщаго крика, какъ воръ уже и схватился за голову.

Сѐмью прикинь—однова̀ отрѣжь. Этою пословицею требуется осторожность и взвѣшиваніе своихъ поступковъ до семи разъ прежде, чѣмъ сдѣлать рѣшительный шагъ. Цифра семь всегда служила руководствомъ для народа; у него семь таинствъ, семь вселенскихъ соборовъ, семь смертныхъ грѣховъ, семь чудесъ, семь мудрецовъ, семь планетъ и, наконецъ, во многихъ русскихъ пословицахъ цифра семь неизбѣжна. «У семи нянекъ дитя безъ глазу»; «у обманщика—семь пятницъ на недѣлѣ»; отдаленное родство зовутъ «седьмой водой на киселѣ»; «семеро одного не ждутъ»; «у умнаго человѣка—семь пяденей во лбу»; «за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ», и, наконецъ, ханжамъ совѣтуется «не строй семь церквей—пристрой семь дѣтей».

Курамъ на̀-смѣхъ. Пѣтухъ—пѣвунъ, птица гордая, крикливая, готовая безъ нужды ссориться и драться. Такъ часто и люди «пѣтушатся» изъ-за пустяковъ, чванятся и величаются тѣмъ, что заслуживаетъ скорѣе насмѣшки. Совсѣмъ иного характера курица, что «по зернышку клюетъ, да и то съ боку». Смирная, съ слабыми крыльями и смѣшной претензіей на полетъ, флегматически озабоченная о зернышкѣ, покорная при неудачахъ, «курица—не птица» и сдѣлать что-нибудь «на̀-смѣхъ курамъ», значитъ быть жалкимъ, недогадливымъ, неспособнымъ постоять за себя существомъ, «мокрой курицей». Отсюда и ничего не стоющая «изба на курьихъ ножкахъ», а также и простоватые и безпечные люди, попадающіе въ бѣду, «какъ куръ во щи».

Не пѣть курицѣ пѣтухомъ, а и спѣть такъ на свою голову. Въ переносномъ смыслѣ это означаетъ неравноправность половъ, а въ буквальномъ случается то, что курица на грѣхъ начинаетъ иногда какъ-то свистѣть и силится спѣть пѣтухомъ. Въ это же время, думаетъ народъ, она несетъ «спорышъ», яица безъ бѣлка, съ однимъ желткомъ. Такую курицу въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи тотчасъ же рѣжутъ.

Ложь кривая. Порокъ этотъ пошелъ съ тѣхъ поръ, какъ Богъ создалъ женщину изъ криваго ребра Адама. Кривая ложь — это Андроны, сапоги въ смятку, турусы на колесахъ и т. п. вранье, отъ котораго «уши вянутъ» и «святыхъ вонъ выноси». Про такихъ лгуновъ говорятъ: «кто ихъ перевретъ—трехъ дней не проживетъ»; «одинъ вралъ — не довралъ, другой вралъ — переврал, третьему ничего не осталось».

Голая правда. Въ большинствѣ случаевъ правда прикрывается, чтобы не колоть глаза и не возбуждать вражды. «Съ нагольной правдой въ люди не кажись»,—говоритъ народъ. Но тамъ, гдѣ она ходитъ нагишемъ, только дѣти да Богъ ее любятъ.

Грѣхъ пополамъ. Хотя и есть поговорка, что «кувшинъ пополамъ—ни людямъ, ни намъ», однако русскій народъ любитъ дѣ-

лить грѣхъ, особенно, въ торговыхъ дѣлахъ, гдѣ купецъ запрашиваетъ, а покупатель скупится.

Вдова—мірской человѣкъ. Одни ученые думали, что этою пословицею осуждается частный образъ жизни вдовъ; но на самомъ дѣлѣ этимъ характеризуется только то, что пока женщина въ дѣвицахъ или при живомъ мужѣ, то за нее на мірской сходкѣ присутствуютъ либо отецъ, либо мужъ. Овдовѣвъ же, она пріобрѣтаетъ право личнаго голоса и дѣлается полноправнымъ членомъ крестьянскаго міра.

Чинъ чиномъ. Въ свадебныхъ порядкахъ простого народа чинъ чиномъ устанавливается и соблюдается строгая послѣдовательность свадебныхъ чиновъ. Отсюда и ихъ переносное значеніе во всѣхъ прочихъ случаяхъ нашей жизни.

Гдѣ раки зимуютъ. Только одни хитрые люди, не брезгующіе ничѣмъ въ жизни, умѣютъ найти норы, гдѣ раки зимуютъ и, едва ли, эти люди не превзошли всѣхъ мошенниковъ въ умѣньи устроивать свое благополучіе тамъ, гдѣ другіе ничего не видятъ и ни о чемъ не догадываются.

Кто сидѣлъ на печи, тотъ не гость, а свой. Печь у крестьянъ въ избѣ самое любезное мѣсто: «и курна изба, да печь тепла», говоритъ народъ. Кто сидѣлъ или полежалъ на ней, тотъ скажетъ хозяину спасибо и они станутъ «своими» людьми.

Дымъ коромысломъ. Когда дымъ выходитъ изъ трубы клубомъ и потомъ переходитъ въ дугу, то говорятъ, что онъ идетъ коромысломъ. Такая же иногда, на улицѣ или въ домѣ, бываетъ суетня то столбомъ, то книзу, то коромысломъ.

Каша сама себя хвалитъ. Всякая каша хороша, нечего ее и хвалить. Она сама себя хвалитъ. Но если человѣкъ начинаетъ самъ хвастаться, то его попрекаютъ кашей.

Горохъ при дорогѣ. Горохъ сѣютъ при дорогѣ и, такъ какъ стрючки его довольно вкусны, то всѣ его рвутъ и ѣдятъ. Существуютъ и люди такіе, которыхъ всѣ обижаютъ и тѣ безропотно покоряются своей судьбѣ.

Задній умъ. «Нѣмецъ безъ штуки и съ лавки не свалится», а русскій всегда опоздаетъ и пропуститъ удобный моментъ для дѣла, потомъ спохватится, да умъ то ужъ позади остался.

Русскій духъ. Въ сказкахъ баба яга встрѣчаетъ Ивана царевича словами о томъ, что отъ него русскимъ духомъ пахнетъ; въ переносномъ смыслѣ — смѣлостью, удалью и предпріимчивостью.

Нетолченая труба. «Толочить»—значитъ, прокладывать дорогу въ непроѣздномъ мѣстѣ. Праздничная толпа—та же непроѣздная или нетолченая труба.

Мужикъ уменъ, да міръ—дуракъ. Эта пословица сложилась про тотъ крестьянскій міръ, гдѣ завелись міроѣды и цѣловаль-

ники, покупающіе въ своихъ видахъ голосъ, и гдѣ «ведро водки міромъ правитъ».

Орать во всю Ивановскую—значитъ шумѣть на всю улицу, состоящую больше все изъ Ивановъ.

Проюрдонить. У каторжниковъ существуетъ игра въ юлу (кости) и арестанты часто проигрываются въ нее; это значитъ проюлить деньги. По выходѣ на поселеніе они заводятъ у себя близъ каторги «юрдовку», т. е. запрещенные для запертыхъ арестантовъ карты, вино, табакъ и другія вещи, всегда сбываемыя съ хорошимъ барышомъ въ тюрьму. Арестанты часто сбываютъ въ «юрдовку» всѣ свои сбереженія.

По-сосѣдски. Въ народномъ быту до того важно имѣть хорошаго и добраго сосѣда, что существуетъ даже пословица: «не купи двора, купи сосѣда».

Дать отступного. При наймахъ, торгахъ и подрядахъ, когда много конкурентовъ, одинъ изъ нихъ даетъ прочимъ отступнаго. Сюда являются часто люди безъ гроша денегъ, торгуются и набиваютъ цѣну, ожидая пока найдется скупщикъ, дающій имъ отступного. Ловкіе мошенники дѣлаютъ изъ этого хорошую спекуляцію

Что ни попъ, то батька. Нелестное мнѣніе сложилось въ народѣ о старомъ духовенствѣ: «отъ вора отобьюсь, отъ приказнаго откуплюсь, отъ попа не отмолюсь», говоритъ онъ. «Узнались, пишетъ г. Максимовъ, поповскіе глаза завидущіе, руки загребущія и поповы дѣтки непутныя, рѣдко удачливыя, и поповскія замашки и норовъ, который на кривой не объѣдешь. Дошли и до такихъ наблюденій, что выучились узнавать попа и въ рогожкѣ; стали отличать не только поповыхъ дочекъ, но и поповыхъ собакъ и курицъ. Познакомились и со вдовой-попадьей, которая всему міру надокучиваетъ, и съ замужней, которая обычно на всѣхъ деревенскихъ пирахъ требуетъ себѣ почетнаго мѣста, тыкается впередъ, толкаетъ подъ бока локтями, и негледя, наступаетъ на ноги». При такой характеристикѣ каждый поповичъ былъ, что ни попъ, то батька; отсюда и наше равнодушіе къ людямъ.

На чужой каравай—ротъ не разѣвай. Въ свадьбахъ простого народа каравай хлѣба играетъ огромную роль и безъ него не можетъ быть ни одной свадьбы. Поэтому каждый долженъ имѣть къ свадебному обряду свой каравай, да и въ остальной жизни—на чужой каравай ротъ не разѣвай, а «пораньше вставай, да свой припасай».

Скандачокъ. Чинныя пляски (казачекъ, голубица, метелица), какъ и бальные и театральные танцы, требуютъ строгихъ правилъ и опредѣленныхъ пріемовъ; но есть пляски въ присядку, съ вывертами, съ колѣнцами, гдѣ каждый молодецъ на свой образецъ выкидываетъ «скандачекъ».

Играй назадъ. Музыкантъ потребовалъ прибавки платы, говоря, что одинъ камаринскій больше стоитъ, а я сыгралъ его десять разъ... «А коли лишку сыгралъ, такъ самъ давай намъ сдачи: играй камаринскаго на пятакъ назадъ!»

Стараго воробья на мякинѣ не обманешь. Старый воробей отлично умѣетъ отличить мякину отъ зерна, также какъ и пожилой человѣкъ мишуру отъ золота.

За поясъ заткнуть. Всѣ простые люди носятъ поясъ и ходить безъ пояса (также какъ и въ интелигентномъ кругу держать себя «распояской») считается неприличнымъ и не безопаснымъ. «Разсыпался бы дѣдушка, кабы не подпоясывала бабушка». У раскольниковъ, не смотря на ихъ истовый, размашистый крестъ, запрещается опускать руку ниже пояса; поклонъ иконамъ долженъ быть поясной. Въ верхней половинѣ туловища—душа, а въ нижней — грѣшное тѣло. «Всѣ мы по-поясъ люди, а тамъ — скоты». Условія народной жизни заставляютъ бабу затыкать юбку за поясъ, ямщика—рукавицы, плотника—топоръ, а храбраго молодца—безсильнаго хвастунишку. Вообще заткнуть за поясъ кого-либо значитъ быть выше его во всѣхъ отношеніяхъ.

Галиматья. Въ Парижѣ жилъ докторъ Галли Матье, лечившій паціентовъ хохотомъ, т. е. смѣшилъ ихъ анекдотами и т. п. галиматьей.

Въ маѣ жениться (или родиться) — вѣкъ промаяться. Въ деревенскомъ быту съ мая начинаются полевыя работы и тутъ уже не до свадьбы—этой лучшей поры въ жизни крестьянина. Если ее не будетъ за работой, то потомъ тѣмъ болѣе не увидишь счастья и ласки.

Кавардакъ. Это родъ похлебки со всякой всячиной, напоминающей нашу житейскую путаницу и безтолочь.

Глупая баба и песту молится. Женщина меньше видѣла бѣлаго свѣта, чѣмъ мужчина и глупая баба, способная принять вѣтряную мельницу за храмъ, а мельника — за попа, даже песту помолится.

Ни бельмеса. По-турецки бель-месъ значитъ, не понимаю. «Не смыслитъ ни бельмеса, а суется бѣсомъ».

Алтынникъ. Алтынъ—три копѣйки, и мелкіе люди зовутся алтынниками.

Бобы разводитъ. Поговорка о томъ, что человѣкъ занимаетъ другихъ пустяками или угодничаетъ передъ кѣмъ-нибудь, происходитъ отъ древней ворожбы на бобахъ: ихъ бросаютъ на полъ и по положенію угадываютъ настоящее и будущее.

Семь пятницъ. Въ старину пятница, по преимуществу, для торговыхъ людей была срочнымъ днемъ для исполненія различныхъ обязательствъ. Отъ пятницы до пятницы ссужали деньги въ долгъ, давали обѣщанія, назначали ярмарки, базары. Существовали

пятницкіе праздники, пятницкія ярмарки, пятницкіе храмы, св. мученица Параскева-Пятница, Ильинская пятница и, наконецъ, хожденіе пятницы, собственной персоной, по землѣ, для наблюденія за тѣмъ, чтобы народъ почиталъ пятницу за праздникъ, не работалъ бы въ полѣ, а постился или ходилъ бы на базаръ и торги, какъ это дѣлаютъ современные намъ крестьяне въ воскресенье. У лживыхъ и легкомысленныхъ людей на недѣлѣ было семь пятницъ.

Лысый бѣсъ. Бѣсы бываютъ разные: болотные сидятъ вымазанные въ тинѣ; лѣсовики—маленькіе, но со страшенными ручищами, которыми они хлопаютъ въ лѣсу, оглашая его хохотомъ по ночамъ; домовой—весь въ шерсти, а водяные или рѣчные черти всегда голые. Лысый же бѣсъ тотъ самый, котораго сулятъ людямъ, всегда ничѣмъ недовольнымъ: не хочешь ли бѣса лысаго! Есть также и «мелкій бѣсъ», которымъ пронырливые люди разсыпаются передъ начальствомъ. Случается и такъ, что «сѣдина лѣзетъ въ бороду, а бѣсъ въ ребро». Это когда старички хотятъ молодиться и «бѣса тѣшить». Точно также бѣса тѣшатъ и тѣ, которые, во время серьезныхъ разговоровъ, сидя равнодушно, качаютъ ногой, положивъ ее на колѣно. По народному повѣрью, чортъ это сейчасъ замѣтитъ, вспрыгнетъ на ту ногу, усядется, оскалитъ отъ удовольствія зубы и съ наслажденіемъ качается.

Не выноси соръ изъ избы. Баба сметаетъ соръ къ печкѣ и сжигаетъ его въ ней, не выбрасывая ничего на улицу. Иначе, по его слѣду, колдунъ можетъ напустить въ эту избу порчу.

Черезчуръ. Помощникъ матери-земли назывался у языческихъ славянъ «чуромъ». Его боготворили и имъ же обозначались земельныя границы (чурочками). «Не ступай за чуръ (за черту); не лей черезъ чуръ (черезъ край)» и т. д. Этотъ неважный полубогъ тѣмъ не менѣе неразлученъ въ жизни народа: нашли двое находку и, кто первый крикнетъ: чуръ мое — тотъ и беретъ зачурованную вещь (отданную ему чуромъ). Если же и другой успѣвалъ во время закричать: чуръ вмѣстѣ! — то находку дѣлили пополамъ. При непріятныхъ неожиданностяхъ, люди восклицаютъ: чуръ меня, т. е. просятъ чура оградить ихъ отъ бѣды; въ играхъ дѣти зачуровываютъ свои мѣста и никто уже не займетъ ихъ и т. д.

Наканунѣ. Съ вечера передъ праздникомъ читаютъ въ церкви «каноны» — въ переводѣ на русскій языкъ «кануны», а самый вечеръ называется канунъ праздника.

Отводить глаза. Лѣшій морочитъ людей и наводитъ на глаза мару; иногда ему подражаютъ и маленькіе чиновники, отводящіе глаза своему начальству разнымъ вздоромъ отъ существеннаго.

Послѣ дождичка въ четвергъ. Четвергъ у славянъ былъ посвященъ Перуну, громовержцу, которому и молились о дождѣ.

Краснаго пѣтуха подпустить. Пѣтухъ издревле приносился въ жертву богу огня; отсюда и прозвище пѣтуха «красный».

У чорта на куличкахъ. Среди дикихъ лѣсовъ сѣвера и болотъ его находились травяныя поляны, называемыя «куличи»— жилище чорта. Въ эту недоступную даль, къ чорту на кулички, переселялись иногда наши предки. Есть такія дальнія куличи, гдѣ «небо заколочено досками и колокольчикъ не звенитъ».

Задать карачунъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, день Спиридона-поворота, 12-го декабря, называютъ карачуномъ. Тогда наступаетъ конецъ наростанья темныхъ ночей и солнце идетъ на лѣто. Отсюда понятно значеніе задать кому-нибудь карачунъ.

И на солнцѣ пятна. Астрономическое наблюденіе о томъ, что на солнцѣ имѣются пятна, оправдывается постоянно и въ жизни великихъ людей.

Искры посыпались изъ глазъ. Это выраженіе и въ буквальномъ смыслѣ, при ударѣ по глазу, справедливо. Свѣтовыя ощущенія въ глазу вызываются не только при раздраженіи сѣтчатки и зрительныхъ нервовъ, но также и при раздраженіи механическомъ и химическомъ. Появляются дѣйствительныя искры, дающія настоящій свѣтъ, особенно во тьмѣ.

Попасть въ просакъ. Въ торговомъ городѣ Ржевѣ существуетъ бичевной и канатный промыселъ. Прядильно-канатное пространство, гдѣ, какъ въ веревочномъ лабиринтѣ, спускается вервь, снуется, сучится и крутится бичевка — называется «просакъ». Попасть неловкому рабочему въ сучево—значитъ попасть въ просакъ и поплатиться своими волосами или рубахой за неосторожность. Отсюда и поговорка: не попади въ просакъ.

Бить баклуши. Въ лѣсахъ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи мужики сколачиваютъ съ осинъ лѣсины и плахи, называемыя шабалы. (Безъ ума голова—шабала). Эти шабалы везутъ въ деревню «оболванивать»: выдалбливаютъ внутренность и округляютъ плахи; изъ шабалы получается баклуша. Сдѣлать баклушу стоитъ ничтожныхъ трудовъ; но баклушникъ, не умѣя сдѣлать изъ нея ложку, продаетъ баклуши токарю въ отдѣлку на ложки. Бить баклуши—значитъ заниматься не труднымъ и малоприбыльнымъ дѣломъ.

Лясы точить. Изъ баклушъ въ тѣхъ же заволжскихъ лѣсахъ точатъ лясы или балясы: графины, кушины, звѣриныя головки, кони и т. п. пустяковину, идущую на украшеніе судовъ, балкончиковъ и крылецъ помѣщичьихъ усадьбъ. Въ переносномъ смыслѣ баклуши бить и лясы точить могутъ тѣ, кто «синицъ ловитъ», «голубей гоняетъ» и т. д.

Лапти плести. «Лапти плесть—однова̀ въ день ѣсть». Занимаются этимъ дешевымъ промысломъ старики, или вообще люди

вялые и всегда путающіе всякое серьезное дѣло. Въ переносномъ смыслѣ часто плетутъ лапти и болѣе молодые люди.

Въ дугу гнуть. Чтобы согнуть могучее дерево въ дугу, его рубятъ, парятъ, связываютъ, просушиваютъ и тогда уже на такой дугѣ вырѣзаютъ всякіе узоры... Съ человѣкомъ—тоже.

Хлѣбай уху, а рыба вверху. На Низовой Волгѣ, на рыболовныхъ промыслахъ, хозяева кормятъ рабочія ватаги черной, частиковой рыбой (лещь, окунь, чехонь, вобла, тарань, жерёхъ, подлещикъ, шемая, щуки, сомъ и т. п.). Эту рыбу не жалѣютъ хозяева, а настоящая—красная, безкостная, хрящевая рыба (стерлядь, судакъ, бѣлорыбица, сазанъ, лосось, осетръ, севрюга, бѣлуга) вся идетъ вверхъ, въ столицы и губернскія города, оттого и пословица: хлѣбай уху, а рыба вся вверху.

Пришла честь и на свиную шерсть. Осенью кулаки скупщики покупаютъ у крестьянъ все ихъ рукодѣлье и щетину. Пришла пора платить подати и вмѣстѣ съ тѣмъ пришла честь на свиную шерсть.

Нужда заставитъ калачи ѣсть. Нужда заставляла земледѣльцевъ идти на заработки на югъ и тамъ, на низовьяхъ Волги и Дона, кушать калачи.

Изъ кулька въ рогожу. Когда везутъ въ куляхъ муку, то изъ худого куля она иногда сыпется на рогожу и только увеличиваетъ трудъ рабочихъ. Такъ и человѣкъ попадаетъ изъ кулька въ рогожу безъ пользы для себя.

Подкузьмить и подъегорить. Въ Юрьевъ (23-го апрѣля) или Егорьевъ, голодный (весною) день, у крестьянъ начинается полевое хозяйство. Въ этотъ день выѣзжаетъ въ поле даже лѣнивый, если не хочетъ «подъегорить» (обмануть) всю свою семью на цѣлый годъ. Двѣ недѣли до осенняго Юрьева дня (холоднаго, 26-го ноября) и одна недѣля послѣ него считались конечнымъ срокомъ для перехода крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому. Борисъ Годуновъ «подъегорилъ» весь русскій народъ, лишивъ его Юрьева дня. При нѣкоторыхъ наймахъ рабочіе уговариваются съ весенняго Егорья до осенняго Кузьмы-Демьяна (1-го ноября) и тутъ либо хозяинъ, либо рабочій могутъ другъ друга «подкузьмить», т. е. раньше срока нарушить условіе.

На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ—щелкъ. Вслѣдствіе бѣдности, крестьяне идутъ на время въ ткацко-прядильную фабрику къ частному предпринимателю, но вслѣдствіе штрафовъ и вычетовъ за рвань шелка и другой пряжи, эти временные наемные кустари успѣваютъ только прокормиться. Отсюда и поговорка: «чужіе ковры семи шелковъ, а своя холщевая рубаха еще не прядена».

Ободрать, какъ липку. Липовыя деревья обдираются на лыки и погибаютъ обыкновенно также, какъ и иные довѣрчивые люди отъ безсовѣстныхъ и безжалостныхъ.

Канитель тянуть. Изъ нагрѣтой мѣди съ благородными металлами тянутъ, съ величайшимъ трудомъ и не спѣша, нитки (канитель) на фортепіано, офицерскіе эполеты, для вышиванія по бархату и т. д. Такъ иной человѣкъ тянетъ, не спѣша, свою рѣчь или дѣло, точно «клещами на лошадь хомутъ натягиваетъ».

Изъ сдѣланнаго нами перечня наиболѣе употребительныхъ «крылатыхъ словъ» читатели могутъ судить, насколько интересна книга г. Максимова. Въ ней ярко отражаются воззрѣнія русскаго народа на свою исторію, на свой юридическій, экономическій и религіозный бытъ; въ ней заключается богатый источникъ для изученія живой русской рѣчи и знакомства съ народнымъ бытомъ, до сихъ поръ мало еще изслѣдованнымъ и мало намъ понятнымъ.

А. Фаресовъ.

ПРИНЦЕССА ЛАМБАЛЛЬ [1].

I.

ЯНВАРЯ 31-го 1767 года, въ церкви небольшого французскаго городка Нанжи состоялось бракосочетаніе 18-тилѣтней принцессы Маріи-Терезы-Луизы Савойянъ-Кареньянъ съ юнымъ принцемъ Ламбалль. Какъ зачастую случалось въ тѣ времена, женихъ и невѣста не были знакомы между собой и никогда не видались. Старый герцогъ Пентьэвръ считалъ этотъ бракъ исправительной мѣрой для своего ни на что негоднаго сына. Свадьбу отпраздновали со всей помпой и, четыре дня спустя, молодая чета отправилась въ Парижъ представляться королю и королевской семьѣ.

Принцесса Ламбалль находилась тогда въ цвѣтѣ своей миловидности. Современницы ея (Виже-Лебрэнь, баронеса Оберкирхъ, мадамъ де Жанлисъ) изображаютъ ее веселой, мягкосердечной, почти наивной и совсѣмъ не кокеткой. Во всякомъ случаѣ принцъ Ламбалль могъ проходить свой курсъ исправленія безъ малѣйшаго отвращенія. Но это пріятное лекарство осталось для него безъ всякаго дѣйствія. Уже черезъ пять мѣсяцевъ послѣ брака, принцесса Башомонъ сообщаетъ слѣдующее въ своихъ «тайныхъ мемуарахъ»: «m-lle де ла Шасэнь, молодая актриса «Comédie Française» и племянница г-жи де ла Моттъ, бывшей корифейки этого театра, въ настоящее время служитъ предметомъ особеннаго вниманія и зависти со сто-

---

[1]) По даннымъ, заимствованнымъ изъ книги Жоржа Бертэня «Madame de Lamballe», которая составлена по неизданнымъ документамъ разныхъ французскихъ архивовъ и новѣйшимъ мемуарамъ.

роны своихъ подругъ. Хотя она не очень красива и весьма посредственнаго дарованія, но за то почтена благоволеніемъ одного недавно женившагося принца (Ламбалль) и уже чувствуетъ себя матерью. Отецъ нашего героя, весьма благочестивый человѣкъ, собралъ всѣ необходимыя справки для провѣрки дѣйствительности факта. Вслѣдствіе этого, онъ увѣрилъ актрису въ своемъ покровительствѣ и въ готовности озаботиться судьбой ея и будущаго ея ребенка». Три мѣсяца спустя, тотъ же авторъ утверждаетъ, что принцесса заболѣла отъ мужа. Этотъ недостойный человѣкъ вращался въ кругу самыхъ отъявленныхъ куртизанокъ Парижа и, въ довершеніе всего, похитилъ у своей жены брилліанты, подаривъ ихъ одной изъ своихъ пріятельницъ. И опять въ тѣхъ же тайныхъ мемуарахъ значится: «говорятъ о бѣгствѣ г-жи ла Форсетъ, которое совершилось къ великому прискорбію одного недавно женившагося принца, одержимаго страстью къ этой дамѣ. Извѣстна и причина ея быстраго исчезновенія. Любовникъ подарилъ ей значительную часть брилліантовъ своей жены. Куртизанка пронюхала, что напали на слѣдъ, и предпочла скрыться. Ближе освѣдомившись насчетъ положенія дѣла, она затѣмъ обратилась къ герцогу Пентьэвру, передала ему брилліанты, кинулась ему въ ноги и вымолила прощеніе. Герцогъ, кажется, удовлетворился этимъ шагомъ. Онъ обѣщалъ уплатить этой дамѣ стоимость возвращенныхъ брилліантовъ... Но онъ поставилъ условіемъ прекращеніе свиданій съ принцемъ, ея любовникомъ».

Бѣдная принцесса между тѣмъ серьезно расхворалась съ тоски и ревности. Модные врачи того времени оказались безсильными помочь. Пригласили шарлатана, нѣкоего Питтара, удачно лечившаго разныхъ придворныхъ дамъ. Принцессѣ стало еще хуже отъ мазей и пластырей этого господина. Во время болѣзни супруги, принцъ покинулъ ее, такъ какъ ему не нравилось, что въ отелѣ Тулузъ за нимъ черезчуръ зорко слѣдили. Долго скрывался онъ, пока, наконецъ, отецъ его не настигъ въ одномъ меблированномъ отелѣ, гдѣ принцъ лечился отъ одной лютой болѣзни. Герцогъ перевезъ его къ себѣ въ домъ и старался все испробовать для спасенія своего сына. Но черезъ три недѣли принцъ умеръ отчасти вслѣдствіе болѣзни, а отчасти сильной дозы примѣненнаго лекарства. Изъ аптечныхъ счетовъ оказалось, что въ эти три недѣли ему было отпущено семь фунтовъ меркурія, помимо разныхъ микстуръ. Въ комнату, гдѣ онъ умеръ, даже нельзя было войти. Передъ кончиной онъ исповѣдывался и патеръ Энберъ увѣряетъ, что конецъ его былъ «очень хорошій».

Такимъ образомъ принцесса Ламбалль послѣ 15-тимѣсячнаго брака сдѣлалась вдовой. Она переселилась въ Рамбулье и вела уединенную жизнь въ кругу стараго добряка герцога и своей невѣстки. Дочь герцога тогда влюбилась въ герцога Шартрскаго и

вышла за него замужъ, но бракъ этотъ не былъ счастливѣе брака принцессы Ламбалль. Герцогъ Шартрскій, позднѣе Филиппъ Egalité, по разсказу Башомона, передъ свадьбою графа Фицъ Джемса устроилъ въ честь его небольшой «вдовій» ужинъ въ своемъ «petite maison».

На ужинѣ присутствовали всѣ метресы этого принца и различныхъ другихъ именитыхъ участниковъ, которые только-что поженились или намѣревались жениться. Помѣщеніе было задрапировано въ трауръ. Дамы и кавалеры явились въ траурныхъ платьяхъ. Факелы Амура были потушены и зажжены факелы Гименея. Эти два бога на пирушкѣ пребывали въ постоянномъ соперничествѣ. Все знаменовало тамъ прощаніе съ развлеченіями и наступленіе господства разсудка. «Рѣшено было продолжать ту же комедію только еще торжественнѣе передъ свадьбой герцога Шартрскаго». А когда эта свадьба совершилась, принцесса Ламбалль осталась съ тестемъ одна въ Рамбулье.

II.

Въ 1770 г. французскій дофинъ женился на австрійской эрцгерцогинѣ Маріи Антуанетѣ, и весь дворъ пригласили на блестящія торжества. Принцесса также участвовала въ нихъ. На представленіи ея Маріи Антуанетѣ послѣдняя выказала къ ней особенное вниманіе, и присутствовавшіе замѣтили, что Ламбалль понравилась ей.

И уже въ мартѣ 1771 г. австрійскій посланникъ Мерси-Аржанто доносилъ императрицѣ Маріи Терезіи «о совершенно особенномъ расположеніи» Маріи Антуанеты къ принцессѣ Ламбалль. Послѣдняя вскорѣ сдѣлалась постоянной гостью при дворѣ. А когда Людовикъ XVI, въ 1774 г., взошелъ на престолъ, она считалась «inséparable» при королевѣ. Вскорѣ Ламбалль стала во главѣ придворнаго штата королевы съ огромнымъ жалованьемъ въ 65,000 рублей на наши деньги. Но принцесса, сверхъ того, не забывала радѣть о родныхъ и знакомыхъ.

При французскомъ дворѣ жизнь тогда протекала въ безумныхъ пирахъ, поглощавшихъ огромныя суммы. Въ началѣ 1776 г. Башомонъ пишетъ: «Версальскіе балы въ этомъ году опять начались въ январѣ. Они будутъ происходить у принцессы Ламбалль, гдѣ менѣе стѣснителенъ этикетъ. Королева тамъ можетъ танцовать и ужинать, съ кѣмъ пожелаетъ».

Около того же времени Марія Антуанета нашла себѣ вторую фаворитку въ лицѣ г-жи де Полиньякъ, которая подобно другимъ фавориткамъ умѣла пристроить своихъ родственниковъ къ теплымъ мѣстамъ и создавать эти мѣста, если ихъ не обрѣталось. Г-жа де Полиньякъ пріобрѣтала тѣмъ большее вліяніе, что принцесса Ламбалль, деспотически распоряжавшаяся во дворцѣ, вызы-

15*

вала на себя ежедневныя жалобы, которыя должны были надолго охладить отношенія къ ней королевы. Здоровье принцессы пошатнулось, нервы ея разстроились и съ ней постоянно дѣлались обмороки. Королевѣ прискучило выносить всѣ эти капризы и сцены. Прежняя интимность съ принцессой нарушилась, но королева, тѣмъ не менѣе, не лишала ее своихъ милостей. Напротивъ, она старалась равномѣрно распредѣлять ихъ между принцессою и г-жей де Полиньякъ. Въ предлогахъ къ этому не было недостатка. Соперничество обѣихъ фаворитокъ доходило до того, что какъ только было исполнено желаніе одной изъ нихъ, немедленно другая осаждала королеву подобной же просьбой. По свидѣтельству Мерси-Аржанто, г-жа де Полиньякъ имѣла репутацію сомнительнаго свойства и мало ума, но она же и стоила государству тогда дешевле принцессы Ламбалль.

Обѣ фаворитки строили козни и интриговали одна противъ другой. Полиньякъ стояла на твердой почвѣ, но время отъ времени королева снова выказывала благосклонность къ Ламбалль. По крайней мѣрѣ, въ періодъ своего пребыванія въ Фонтэнбло, королева отдавала преимущество вечерамъ принцессы передъ всѣми прочими развлеченіями, и Мерси-Аржанто по этому поводу горько жалуется на «интриги, которыя тамъ запутываются, и на игру, веденную тамъ, въ которой королева участвуетъ съ истинной страстью». Но, какъ уже замѣчено, эти отношенія съ Ламбалль вновь завязывались лишь мимоходомъ.

Въ апрѣлѣ 1777 г., австрійскій императоръ Іосифъ II, братъ французской королевы, подъ именемъ графа Фалькенштейна провелъ нѣсколько дней въ Парижѣ. Онъ имѣлъ длинное и серьезное объясненіе съ королевой, и не скрылъ отъ нея, что принцесса Ламбалль ему очень не нравилась. Королева созналась, что она разочаровалась въ этой фавориткѣ, и что раскаявается, поставивъ ее въ такое высокое положеніе. Марія-Антуанета, безумно гонявшаяся за всякаго рода развлеченіями, съ своими дамами посѣщавшая переодѣтой оперные балы, и даже фестивалями принцессы не могла уже привязаться къ ней. Однакожъ, для легкомыслія королевы, характерно то, что не смотря на свое охлажденіе къ принцессѣ, она едва не подарила ей въ то время государственныя земли въ Лотарингіи съ ежегоднымъ доходомъ въ 600,000 ливровъ. Г-жа Ламбалль, конечно, принялась хлопотать о присвоеніи такого кусочка, но тутъ Мерси помѣшалъ ей. И королева вознаградила принцессу за «потерю» рентой въ 40,000 ливровъ и возвысила ея окладъ по управленію придворнымъ штатомъ до 85,000 ливровъ. Но, впрочемъ, это была весьма скудная награда въ сравненіи съ пенсіями, какихъ добились Полиньяки. Супругу г-жи Полиньякъ былъ пожалованъ титулъ герцога, а новая герцогиня вскорѣ сдѣлалась воспитательницей королевскихъ дѣтей.

Принцесса Ламбалль.

Съ портрета конца XVIII ст.

III.

Въ эту-то жизнь суетныхъ развлеченій и безумной расточительности вдругъ ворвалась рѣжущая уши нота—глухой гулъ массъ, вскорѣ перешедшій въ зловѣщіе громовые раскаты. Непопулярность королевы породила цѣлую литературу пасквилей. Конфисковать ихъ полиція была безсильна. Толпа жадно поглощала эти памфлеты. Марія-Антуанета сдѣлалась мишенью, куда цѣлило всякое ненавистничество. Наступилъ канунъ революціи и придворными дамами овладѣло любопытство къ тому, что всѣхъ тогда занимало. Принцесса Ламбалль, подобно другимъ, стала посѣщать такъ называемый бальный домъ, чтобъ узнать что-нибудь о «новыхъ теоріяхъ». Вотъ что, между прочимъ, засвидѣтельствовано въ «Souvenirs d'émigration»: «г-жа де-Лажъ отправилась вмѣстѣ съ г-жей Ламбалль на собраніе третьяго сословія въ бальный домъ. Здѣсь была устроена трибуна для принца Георга Гессенскаго, находившагося тогда въ Парижѣ, и принцъ поспѣшилъ уступить мѣсто дамамъ. Любопытныя вынесли изъ засѣданія тягостное впечатлѣніе, почти впечатлѣніе ужаса»...

Въ это время, когда опасность возростала, королевская семья все рѣже встрѣчала къ себѣ преданность. Страхъ овладѣвалъ умами и отчуждалъ отъ двора даже лицъ, которыя считались его опорами. Графъ д'Артуа первый подалъ примѣръ, покинувъ короля и уѣхавъ въ Туринъ. «Серебро, лошади, экипажи принца были проданы. Онъ намѣревался продать и свою цѣнную библіотеку, пріобрѣтенную имъ за 600,000 ливровъ отъ г. де-Польми... Отпущенные имъ служащіе не получили никакого вознагражденія».

И герцогиня Полиньякъ поспѣшила уѣхать. Эта дама, облагодѣтельствованная королевой, бывшая для нея самымъ близкимъ человѣкомъ, не постыдилась покинуть ее, какъ только почуяла опасность положенія. Въ 1782 г. она была назначена гувернанткой «дѣтей Франціи». Но какъ только событія приняли сомнительный оборотъ, она подала въ отставку «по разстроенному здоровью». Въ своемъ ослѣпленіи Марія-Антуанета отклонила эту просьбу, дала отпускъ своей подругѣ и сама взялась за воспитаніе дѣтей. Королева не уразумѣла, почему собственно герцогиня пожелала покинуть дворъ. Но на другой день послѣ разгрома Бастиліи, герцогиня возобновила свое ходатайство объ отставкѣ и на этотъ разъ уже формально. Теперь ея желаніе было исполнено. Но какъ измѣнились времена! Прежде изъ-за вакантныхъ мѣстъ пошли бы всевозможныя интриги, а теперь число титулованныхъ конкурентокъ оказалось ничтожнымъ. Король призналъ себя счастливымъ, что могъ найти воспитательницу въ лицѣ маркизы де-Турзель.

Г-жа Ламбалль въ то время находилась въ Ё (Eu) при больномъ герцогѣ Пентьэврѣ. 7-го октября 1789 г. въ 9 часовъ вечера

прибылъ къ ней курьеръ съ извѣстіемъ о событіяхъ 5-го и 6-го октября въ Версали и о возвращеніи королевской семьи въ Тюльери. Принцесса рѣшилась немедленно ѣхать къ королевѣ. Этотъ порывъ дѣлаетъ ей большую честь. Черезъ два часа по прибытіи курьера принцесса въ темную бурную ночь была уже на пути въ Парижъ. Теперь проснулась въ ней привязанность къ королевѣ, и она не чувствовала боязни. Эта фривольная, избалованная женщина, подруга всѣхъ развлеченій, безконечныхъ баловъ, охотничьихъ пикниковъ, словомъ, подруга изъ Тріанона, въ часъ опасности преобразилась въ героиню.

5-е и 6-е октября, явившіеся роковыми днями для французскаго королевства, показали народу, какъ далеко онъ могъ пойти. Эти мужчины и женщины, потянувшіеся въ Версаль съ требованіемъ хлѣба, нашли дворъ совершенно неприготовленнымъ. Королева пребывала въ Тріанонѣ. Король охотился въ окрестностяхъ. Эта безпечность ясно отражается въ письмѣ къ Ламбалль, которое было написано совмѣстно королемъ, королевой и m-me Елизабетъ, сестрой короля. Первыя семь строкъ тутъ написаны рукой короля, слѣдующія 17—королевой и конецъ письма m-me Елизабетъ. Марія-Антуанета проситъ принцессу немедленно прибыть въ Тріанонъ, гдѣ предположены новыя посадки. «Здѣсь въ настоящее время намъ спокойно»,—пишетъ королева. «Буржуазія и добрый народъ за насъ».

Но по пріѣздѣ въ Тюльери принцесса увидѣла вытянутыя лица. Королева со слезами бросилась обнимать ее, говорила, какъ ее оскорбляютъ и высказывала опасенія за будущее. Опять завязалась старая дружба между нею и принцессой. Вскорѣ, однако, болѣзнь герцога вынудила принцессу снова покинуть королеву. Въ письмѣ послѣдней къ Ламбалль въ мартѣ 1790 года сказано: «Дорогая моя, вы принадлежите къ тѣмъ сердцамъ, которыя никогда не мѣняются и въ несчастьѣ дѣлаются еще нѣжнѣе. Вы знаете, что здѣсь происходитъ. Невозможно выдти изъ дома безъ того, чтобъ не быть оскорбленной 12 разъ въ часъ. Я уже болѣе не дѣлаю прогулокъ и цѣлыми днями сижу въ комнатѣ и не помышляю ее оставлять».

IV.

Водворившись снова въ Тюльери, члены королевской семьи вернулись къ своимъ прежнимъ привычкамъ. Король продолжалъ охотиться и заносилъ обычныя затѣи въ свой дневникъ съ такимъ душевнымъ спокойствіемъ, которое показалось бы невѣроятнымъ, если бы не сохранилось его автобіографическихъ показаній. Точно его темпераментъ, лишенный энергіи, мѣшалъ ему понимать важность его положенія. Вотъ нѣсколько цитатъ изъ его дневника.

Онъ отмѣчаетъ октябрьскія событія и свое возвращеніе, а также своей семьи въ Парижъ слѣдующими словами:

«5-е октября. Охота, застрѣлено 81 штука; нарушили охоту событія; пріѣхалъ и уѣхалъ верхомъ».

«6-го октября. Отъѣздъ въ Парижъ въ половинѣ 1-го, посѣщеніе ратуши, ужиналъ и спалъ въ Тюльери».

«7-го октября. Ничего. Тетки пріѣхали обѣдать».

«8-го октября. Ничего...»

Королева, напротивъ, понимала всю важность событій. Она была до того встревожена, что не могла читать и занималась исключительно вязаньемъ. Принцесса Ламбалль, послѣ своего возвращенія, вѣроятно по приказанію свыше, устроила въ своихъ аппартаментахъ нѣсколько блестящихъ празднествъ, которыя Марія Антуанета посѣщала усердно. Нѣсколько позже она воздерживалась отъ этихъ посѣщеній, вѣроятно, увидѣвъ, что это не совсѣмъ было удобно въ ея положеніи, тѣмъ болѣе, что тогда при дворѣ былъ трауръ по случаю кончины брата королевы, императора Іосифа II.

Тюльери въ то время имѣлъ печальный видъ. Пріемовъ и представленій не было никакихъ. Во всѣхъ аппартаментахъ царила тишина. Но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ королевской резиденціи толпа образовала сомкнутое кольцо. Въ зàмкѣ каждый день тревожно ожидали новой опасности. Тетки короля поспѣшили уѣхать изъ Парижа. Эти постоянныя вѣсти объ отъѣздахъ тревожили парижанъ, которые угадывали ихъ значеніе и старались помѣшать всякимъ попыткамъ бѣгства. Они освѣдомлялись, не уѣхалъ ли король или дофинъ. А король въ своемъ дневникѣ невозмутимо отмѣчалъ: «22-го февраля. Ничего. Шествіе къ Люксембургу. 24-го. Ничего. Шествіе къ Тюльери. 28-го. Ничего. Шествіе въ Венсенъ и въ Тюльери». На пасху Людовикъ XVI хотѣлъ отправиться въ Сенъ-Клу, но національная гвардія воспротивилась его отъѣзду. Напрасно протестовалъ король, милиція оказалась несговорчивой. И его величество съ королевской семьей выпужденъ былъ выйти изъ кареты. «18-го апрѣля. Въ половинѣ 12-го, мы собрались въ Сенъ-Клу, а намъ помѣшали»,—записываетъ несчастный король въ свой дневникъ. Въ тотъ же день въ головѣ короля зарождается мысль покинуть Парижъ. Но, какъ всегда съ нимъ случалось, онъ и теперь медлилъ и терялъ время въ нерѣшительности. Наконецъ, послѣ разныхъ проволочекъ, 21-го іюня послѣдовалъ отъѣздъ короля.

Принцесса Ламбалль не была посвящена въ планъ бѣгства. Нѣжное прощаніе Маріи Антуанеты, однако, возбудило въ ней подозрѣніе. Только черезъ два часа послѣ отъѣзда короля, принцессѣ, передали письмо, въ которомъ сообщалось ей о совершившемся фактѣ и назначалось свиданіе за границей. Ламбалль, немедля ни минуты, стала готовиться въ путь и уже 22-го іюня отплыла на

Герцогиня де-Полиньякъ.
Съ портрета, писаннаго Виже Лебрёнъ.

англійскомъ кораблѣ. Еще не успѣли скрыться изъ вида французскіе берега, какъ раздавшійся пушечный выстрѣлъ въ Булони подтвердилъ разумность ея поспѣшности. На слѣдующій день корабль пришелъ въ Дувръ, затѣмъ 26-го іюня прибылъ въ Остенде, оттуда въ Брюссель. Здѣсь получено было извѣстіе, что королевская фамилія задержана и вернулась въ Парижъ. Принцесса, обнаружившая столько энергіи во время своего бѣгства, при извѣстіи объ арестованіи короля въ Вареннѣ и возвращеніи королевской фамиліи въ Тюльери, потеряла всякое мужество и не знала, что предпринять. Слѣдуетъ ли ей вернуться въ Парижъ? Или же ѣхать въ Туринъ къ роднымъ? Она ни на что̀ не могла рѣшиться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и оставалась въ Брюсселѣ.

Въ это время она поддерживала оживленную переписку съ Маріей Антуанетой. Королева сообщала своей подругѣ сокровеннѣйшія свои мысли о всѣхъ своихъ надеждахъ и планахъ, горестяхъ и заботахъ. По мрачному настроенію этихъ писемъ принцесса убѣдилась въ прекращеніи всякаго порядка во Франціи. «Добрый народъ» — пишетъ королева,—«отдаетъ намъ справедливость, но безмолвствуетъ и не умѣетъ себя показать. Благодаря его слабости злоумышленники такъ сильны. Ахъ, если бы знали, какъ мы любимъ народъ, навѣрное устыдились бы переносимыхъ нами страданій...» Въ другомъ письмѣ королева настоятельно отсовѣтываетъ принцессѣ возвращаться во Францію, чтобы не быть брошенной въ «пасть тигра». «Смута не имѣетъ конца»,—пишетъ она,—«вижу, что смѣлость нашихъ враговъ ростетъ, а мужество порядочныхъ людей слабѣетъ».

Принцесса, не взирая на всѣ предостереженія, отправилась въ Парижъ изъ Спа, гдѣ она пробыла нѣсколько мѣсяцевъ въ сообществѣ съ шведскимъ королемъ. Какъ только Людовикъ XVI принялъ конституцію, принцесса получила офиціальное письмо отъ королевы о порученіи ей управленія придворнымъ штатомъ. Принцесса совѣтовалась съ разными лицами. Ей сказали, что она съ королевой дѣлила счастье и что теперь ей представляется случай показать себя вѣрной и въ несчастьѣ. И принцесса быстро рѣшилась возвратиться въ Парижъ. Она понимала, какимъ опасностямъ подвергалась, и потому 15-го октября 1791 года въ Ахенѣ написала завѣщаніе.

Свиданіе съ королевой было тягостное. Она посѣдѣла, лицо ея осунулось и исчезла улыбка, никогда прежде не покидавшая ея.

Насталъ 1792 годъ. Положеніе двора становилось все болѣе затруднительнымъ. Королева должна была прекратить свои визиты къ Ламбаль, такъ какъ они не нравились Петіону, мэру Парижа. Въ мартѣ умеръ братъ Маріи Антуанеты, императоръ Леопольдъ. Король удовольствовался отмѣткой: «10-го марта. Ничего. Извѣщеніе о смерти императора». Въ мартѣ же послѣдовало арестова-

ніе де л'Эссарта и возбуждены были обвиненія противъ королевской семьи. Возникъ вопросъ о разлученіи Маріи Антуанеты съ ея супругомъ и о заключеніи ея въ монастырь, «такъ какъ она давала дурные совѣты королю». Хотя планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но дворъ преисполнился ужасомъ. Въ то же время предъявлены были и первыя обвиненія противъ принцессы Ламбалль. Ее винили въ заговорѣ съ «австрійскимъ комитетомъ», который въ дѣйствительности существовалъ только въ фантазіи якобинцевъ. Обвиненіе это имѣло послѣдствіемъ то, что за принцессой учрежденъ былъ строжайшій надзоръ.

V.

Здѣсь не мѣсто излагать всѣ затѣмъ слѣдовавшія событія этого революціоннаго года вплоть до заключенія королевской семьи въ Тампль. Принцессѣ Ламбалль была тутъ же отведена комнатка между комнатами королевы и дофина. Но уже въ ночь съ 18-го на 19-е августа послѣдовало арестованіе принцессы и разлученіе ея съ королевой. Прощаніе ея съ королевой было трогательное. Принцесса упала передъ ней на колѣни и стала цѣловать ей руки. Но ее грубо подняли, объявивъ ей, что это къ лицу рабамъ передъ тиранами, а не представителямъ свободной націи, декретировавшей равенство. «Chronique de Paris» въ этомъ смыслѣ сообщала о фактѣ, прибавляя слѣдующее: «было 2 часа утра; король проснулся и спросилъ, что случилось. Ему сказали, что съ нимъ ничего не хотятъ дѣлать, онъ опять легъ въ постель и заснулъ. Утромъ онъ всталъ по обыкновенію съ хорошимъ аппетитомъ, который тотчасъ же удовлетворилъ». Вообще апетитъ короля противостоялъ всѣмъ событіямъ. Извѣстны униженія, какимъ подвергалась королевская семья въ національномъ собраніи и въ Люксанбургѣ, но и они не могли преодолѣть аппетитъ короля.

Принцесса Ламбаль съ г-жей де-Турзель и де-Шамильи были заключены въ тюрьму «La Force», гдѣ ихъ держали подъ усиленной стражей. Лишь нѣсколько дней спустя, они получили позволеніе каждое утро гулять по двору не болѣе часа. Но 2-го сентября имъ и это воспретили. Въ тотъ день началось избіеніе политическихъ узниковъ въ Парижѣ. Обѣимъ дамамъ, сидѣвшимъ въ одной комнатѣ, стало это ясно утромъ 3-го сентября, когда шесть санкюлотовъ явились въ тюрьму и спросили ихъ имена. До нихъ достигалъ и дикій шумъ толпы. Принцесса встала на стулъ, чтобъ взглянуть на улицу черезъ рѣшетчатое окно. Но едва въ окнѣ показалась ея голова, какъ въ нее стали цѣлить изъ ружей, и Ламбалль поспѣшила сойти на полъ. Но и брошеннаго взгляда было достаточно, чтобы видѣть, что передъ тюрьмой собралась многоголовая разъяренная толпа. Около 11 часовъ дня явились вооруженные люди за принцессой. Ее повели на дворъ тюрьмы,

гдѣ пьяные бродяги въ лохмотьяхъ издѣвались надъ узниками, которыхъ безпрерывно приводили со всѣхъ сторонъ. Принцесса помѣстилась гдѣ-то въ углу. При ней стояла г-жа де-Турзель, пока ихъ не повели на судилище. Представъ предъ трибуналомъ, Ламбалль упала въ обморокъ.

Импровизированный трибуналъ находился въ комнатѣ привратника Бо (Bault), узкомъ и небольшомъ помѣщеніи, гдѣ тѣснилась толпа. Въ воздухѣ стояло зловоніе. Скамьи для слушателей были заняты извѣстными мегерами революціи, извнѣ въ комнату проникалъ крикъ и стоны умирающихъ отъ истязаній. При такихъ условіяхъ расшатались бы и крѣпчайшіе нервы.

Принцессу привели въ себя. Предсѣдатель спросилъ ее, что она знаетъ о заговорахъ двора, особенно о заговорѣ 10-го августа. Принцесса отвѣтила, что ей ничего неизвѣстно, Тогда потребовали, чтобъ она поклялась въ вѣрности свободѣ и равенству, а также въ ненависти къ королю, королевѣ и королевству. Есть разсказъ, что кто-то шепнулъ ей на ухо, чтобъ она дала присягу, иначе она пропала. Но она воскликнула: «я ни въ чемъ не поклянусь, мнѣ все равно, умереть раньше или позже. Жертвую своей жизнью». Предсѣдатель объявилъ приговоръ. Принцессу приказано было отвести въ «абатство». Это равнялось смертному приговору и дикій ревъ одобренія былъ отвѣтомъ на резолюцію судьи.

Тотчасъ нѣсколько человѣкъ съ дикими взорами и окровавленными руками схватили осужденную. Ее вытолкала во дворъ, гдѣ происходило истязаніе. Едва переступила она черезъ порогъ, какъ получила ударъ саблей по головѣ. Она наткнулась на трупы и упала на земь. Ее подняли. Она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и опять упала. Тутъ, какъ разъяренные звѣри, какіе-то бѣшеные люди набросились на нее и били ее. Чрезъ нѣсколько минутъ она умерла. Голову ее отдѣлили отъ туловища и воткнули на пику.

Что было потомъ, то принадлежитъ уже къ области прикрасъ, преувеличеній и вымысла. Вѣрно только то, что голову принцессы Ламбалль на пикѣ носили по улицамъ, а тѣло волокли на веревкѣ. Чернь такимъ образомъ, шла къ Тамплю, чтобъ показать кровавые останки принцессы королю и королевѣ.

Еще остается упомянуть о причинѣ такого умерщвленія несчастной принцессы. Бертэнь въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ, что герцогъ Орлеанскій былъ ея заклятымъ врагомъ, такъ какъ она содѣйствовала разлученію его съ женой, и герцогъ подстрекалъ къ убіенію принцессы. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ заявляетъ, что Робеспьеру хотѣлось избавиться отъ свидѣтельницы его переговоровъ съ королемъ. Но всего вѣроятнѣе, что принцесса пала жертвой той жажды крови, какой была одержима парижская чернь, истребившая въ первые сентябрьскіе дни тысячи политическихъ узниковъ. Ѳ. Б.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. М. Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ. Т. I и II.*) Москва. 1890.

Бывшій профессоръ Московскаго университета и авторъ многихъ извѣстныхъ трудовъ по исторіи учрежденій, М. М. Ковалевскій, выпустилъ въ свѣтъ новое свое изслѣдованіе, посвященное закону и обычаю на Кавказѣ. Хотя изученіе быта кавказскихъ горцевъ началось уже давно и по этому предмету имѣется даже цѣлая литература, однако, новый трудъ проф. Ковалевскаго никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ излишнимъ. Дѣло въ томъ, что на многіе вопросы, непосредственно касающіеся юридическаго быта горцевъ, имѣющаяся литература не даетъ совершенно отвѣтовъ. Что такое горскій адатъ, т. е. юридическій обычай; изъ какихъ элементовъ онъ сложился; можно ли видѣть въ немъ исключительное выраженіе народныхъ юридическихъ воззрѣній, или онъ отражаетъ на себѣ также тѣ различныя воздѣйствія, какимъ въ разное время подчинялась историческая жизнь Кавказа; каково въ частности его отношеніе къ древнимъ религіозно-юридическимъ системамъ, къ иранскому, римскому, византійскому, армянскому и грузинскому праву; какую печать наложили на него бродячіе народы сѣвера, или прибывшіе съ востока арабы и персы, какое наконецъ вліяніе оказало на него насильственное сближеніе покоренной силою оружія страны съ русской культурой. — на всѣ эти вопросы нѣтъ отвѣта въ текущей литературѣ. Такимъ образомъ получается немалый пробѣлъ въ области изученія Кавказа, пополнить который до извѣстной степени и взялся проф. Ковалевскій новымъ своимъ трудомъ. Этотъ послѣдній состоитъ изъ двухъ томовъ, причемъ въ первомъ горскій адатъ разсматривается съ точки зрѣнія догматической. Первый томъ начинается съ изложенія народныхъ элементовъ адатнаго права, къ которымъ проф. Ковалевскій относитъ матріар-

хатъ (материнство), т. е. такой строй семейныхъ отношеній, при которыхъ родство ведется по матери, а не по отцу, сплошь да рядомъ даже неизвѣстному, и родовое устройство (агнатическій родъ). Въ книгѣ собрано много современныхъ обычаевъ разныхъ кавказскихъ племенъ, которые указываютъ на существованіе прежде сперва матріархата, а затѣмъ агнатическаго рода. Но кромѣ нихъ, г. Ковалевскому удалось подмѣтить массу другихъ обычаевъ, являющихся ничѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ культурныхъ вліяній разныхъ народовъ, съ которыми кавказскимъ горцамъ приходилось сталкиваться въ продолженіе своей исторической жизни. Такъ еще до сихъ поръ живы многіе обычаи, заимствованные горцами отъ народовъ древняго Ирана — персовъ и мидянъ, этихъ послѣдователей ученія Зороастра, изложеннаго въ книгахъ Авесты. Какъ въ области религіи, такъ и въ области права у разныхъ кавказскихъ племенъ мы встрѣчаемъ много слѣдовъ древне-иранскаго вліянія, распространявшагося на Кавказѣ въ особенности при персидскихъ царяхъ изъ династіи Сассанидовъ. Г. Ковалевскій приводитъ немало обычаевъ, относящихся до различныхъ отраслей права, которые представляютъ не только полнѣйшую аналогію, но даже простое тождество съ обычаями, записанными въ книгахъ Авесты. Точно также немало обычаевъ у кавказскихъ племенъ могутъ быть относимы на счетъ греческаго и римско-византійскаго вліянія. «Извѣстна роль, говоритъ г. Ковалевскій, какую Колхида, т. е. современная намъ Грузія, разумѣя подъ нею Мингрелію, играетъ въ героическомъ эпосѣ древнихъ эллиновъ. Сказанія о походѣ Арганавтовъ и о принесенномъ ими изъ Колхиды золотомъ рунѣ, какъ нельзя лучше доказываютъ и раннія сношенія древнихъ грековъ съ Кавказомъ, и то представленіе, которое они имѣли о его богатствахъ. Миѳъ о Прометеѣ также говоритъ о той роли, какую восточное побережье Чернаго моря играло въ судьбахъ древне-греческаго мореходства и торговли. Натуральныя богатства страны рано вызвали колонизацію береговой полосы Кавказа греческими колонистами» (стр. 123). Эти колоніи существовали и въ римское время. Однако, прямое вліяніе западной культуры на юридическій строй Кавказа не начинается ранѣе эпохи полнаго разцвѣта Византійской имперіи во времена Юстиніана. Къ царствованію этого императора, говоритъ г. Ковалевскій, относитъ Прокопій первоначальное обращеніе въ христіанство береговыхъ черкесовъ-абазинцевъ, постройку въ ихъ странѣ храма Божьей Матери, посылку греческихъ духовниковъ и монаховъ и воспрещеніе торга невольниками. Къ этому времени по всей вѣроятности слѣдуетъ отнести и начало воздѣйствія римско-византійскаго права на горскій адатъ. Проводникомъ его явилась древняя Арменія, которая стояла въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Византіей» (стр. 128). Къ этому времени былъ составленъ въ Арменіи Судебникъ Гоша, однимъ изъ главныхъ источниковъ котораго было римско византійское право. Впослѣдствіи этотъ Судебникъ вошелъ въ составъ законника грузинскаго царя Вахтанга VI и, такимъ образомъ, черезъ армянское и грузинское право римско-византійскія правовыя начала проникли на Кавказъ. Г. Ковалевскій приводитъ немало примѣровъ въ пользу того мнѣнія, что современные обычаи разныхъ кавказскихъ племенъ (хевсуровъ, пшавовъ, осетинъ, чеченцевъ и др.) являются ничѣмъ инымъ, какъ продуктомъ вліянія византійскаго права.

Кромѣ названныхъ вліяній, горскій адатъ подвергся въ свое время

также вліянію христіанства и моисеева законодательства. «Въ настоящее время вызываетъ болѣе сомнѣнія тотъ фактъ, говоритъ г. Ковалевскій, что христіанство было нѣкогда распространено на протяженіи всего Кавказа. Даже въ восточной его половинѣ, не смотря на появленіе въ ней арабовъ, можно открыть слѣды христіанскихъ храмовъ и церковной утвари. Мнѣ самому пришлось во время моей поѣздки по Дагестану найти цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ существованіе нѣкогда въ этой странѣ христіанскихъ храмовъ» (стр. 147). На южный склонъ кавказскаго хребта проникло христіанство изъ Арменіи и Грузіи, обращеніе которыхъ относится къ началу IV ст. по Р. Хр. Изъ горскихъ народностей западнаго Кавказа едва ли не первыми приняли христіанство сванеты. Хевсуры, пшавы, тушины и осетины относятъ эпоху ихъ обращенія къ христіанству ко временамъ грузинской царицы Тамары. Что касается до абхазцевъ и черкесовъ, то къ нимъ христіанство было занесено по всей вѣроятности изъ Византіи черезъ посредство расположенныхъ на восточномъ берегу Чернаго моря греческихъ поселеній. До насъ дошло немало свидѣтельствъ западно-европейскихъ путешественниковъ, бывшихъ на Кавказѣ въ XV и въ XVII ст., а также въ болѣе позднее время въ пользу того, что многія горскія племена исповѣдовали христіанство и считали себя православными. Вотъ почему и по сіе время сохранилось у горцевъ не мало обычаевъ христіанскаго періода ихъ исторической жизни, не смотря на господствующій среди нихъ исламъ. Такъ абхазцы и теперь еще рѣжутъ на Пасхѣ ягненка и обмѣниваются крашеными яйцами. Въ дни, совпадающіе съ Троицей, устроиваются обѣды и гулянья въ рощахъ, оканчивающіяся пляской. На Рождествѣ, какъ и на Пасхѣ, по совершеніи ночью моленія, отправляются съ поздравленіями другъ къ другу. При всѣхъ моленіяхъ и религіозныхъ обрядахъ употребляются восковыя свѣчи, куреніе ладономъ и т. п. Вліянію христіанства слѣдуетъ приписать и воздержаніе горцевъ отъ браковъ съ родственниками, а также воззрѣніе ихъ на кровосмѣшеніе, какъ на одинъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ предъ Богомъ и людьми; при чемъ, по ихъ понятіямъ, кровосмѣсители должны караться ветхозавѣтнымъ по источнику наказаніемъ — побіеніемъ камнями. На приведенномъ примѣрѣ можно также убѣдиться во вліяніи, какое оказало на нравы и обычаи горцевъ моисеево законодательство. Послѣднее проникло на Кавказъ черезъ посредство армянскаго Судебника Гоша, воспринявшаго многія постановленія еврейскихъ законовъ.

Немалое вліяніе на обычаи горцевъ оказало также армянское и грузинское право, что объясняется близкимъ сосѣдствомъ и нерѣдкимъ подчиненіемъ населенія западнаго и восточнаго Кавказа армянскимъ и грузинскимъ правителямъ. Подобное же вліяніе, хотя въ гораздо болѣе слабой степени, замѣтно на горскомъ адатѣ со стороны разныхъ кочевавшихъ народностей сѣверныхъ отъ Кавказа степей и тѣхъ разноплеменныхъ варваровъ, которые подъ именемъ хозаръ, гунновъ, аваръ, болгаръ, татаръ большой орды и монголовъ, предводительствуемыхъ Тамерланомъ, то созидали болѣе или менѣе прочное государственное общежитіе, какъ это сдѣлали, напр. хозары, основавшіе при устьѣ Волги свой политическій центръ Саркелъ,то подобно гуннамъ, татарамъ и монголамъ довольствовались временными набѣгами и опустошеніями Закавказья, проникая подчасъ и въ горныя тѣснины по Дербентскому и Дарьяльскому проходамъ. Но едва ли какое нашествіе оказало на судьбы Кавказа, по крайней мѣрѣ восточной его

части, большее вліяніе, нежели нашествіе арабовъ. Оно не только положило конецъ хозарскому владычеству, но сдѣлалось источникомъ довольно медленнаго, впрочемъ, распространенія магометанства на Кавказѣ. Пришедшіе арабы были сунниты. Это обстоятельство сдѣлалось причиной распространенія среди горцевъ почти исключительно суннитскаго толка. Будучи выходцами изъ Багдадскаго калифата, они во все время своего господства на Кавказѣ продолжали поддерживать съ нимъ самыя тѣсныя сношенія. Въ Багдадѣ же въ началѣ IX ст. стало упрочиваться богословско-юридическое толкованіе Корана и Сунъ, излагаемое толкователемъ Шафаи. Въ XIII ст. одинъ изъ послѣдователей Шафаи, имамъ Эль-Навави составилъ религіозно-юридическій сборникъ Могараръ. Этотъ сборникъ доселѣ составляетъ въ Дагестанѣ настольную книгу для религіозныхъ судей или кадіевъ и является здѣсь главнымъ источникомъ такъ называемаго Шаріата. Сочиненія другого толкователя шафаитскаго ученія Абу-Хаджа также проникли на Кавказъ благодаря главнымъ образомъ Турціи, Крымскаго ханства и зависимыхъ отъ нихъ кабардинцевъ. Вліяніе арабскаго права сказалось весьма сильно въ области государственнаго и уголовнаго права. Такъ, благодаря арабамъ, общественный строй Дагестана принялъ совершенно иную физіономію, получивъ крайне сословную окраску. Въ особенности усилилось вліяніе Шаріата на горскій адатъ въ послѣднее время, въ періодъ господства Шамиля, употреблявшаго всѣ усилія надъ приведеніемъ его въ исполненіе и надъ искорененіемъ обычаевъ, противныхъ его постановленіямъ.

Послѣднимъ по времени изъ тѣхъ вліяній, какія испытало на себѣ обычное право горцевъ, является вліяніе Россіи и проводимой ею на Кавказѣ политики. «Это вліяніе, говоритъ г. Ковалевскій, проявилось въ стольких разнообразныхъ сферахъ и такъ существенно измѣнило характеръ сословной, земельной, семейной, процессуальной и уголовной системъ горцевъ, что обстоятельное его изученіе одно могло бы сдѣлаться предметомъ цѣлаго сочиненія». Общее направленіе русской политики на Кавказѣ исключало возможность коренной ломки установившагося вѣками строя, чѣмъ отличалась напр. англійская политика въ Индіи. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то, что мы удержали всѣ особенности общинно-родового и племенного землевладѣнія горцевъ. Болѣе реформаторскимъ характеромъ отличалась наша политика въ области сословныхъ отношеній; такъ, здѣсь мы явились въ качествѣ освободителей зависимыхъ сословій и упразднителей не только рабства, но и крѣпостничества. «Справедливость заставляетъ сказать, говоритъ г. Ковалевскій, что враждебное отношеніе, въ какое русскіе начальники съ временъ Ермолова стали къ князьямъ и старшинамъ, этимъ опаснѣйшимъ въ ихъ глазахъ противникамъ нашего господства на Кавказѣ, во многомъ объясняетъ рѣшимость, съ какой въ плохо еще замиренномъ краѣ поднятъ былъ нами этотъ трудный и опасный вопросъ». Но какъ бы то ни было, онъ былъ благополучно разрѣшенъ. Какъ земельная, такъ и сословная реформы очевидно дожны были существенно повліять на характеръ горскаго адата, но его дальнѣйшія судьбы рѣшены были не этими реформами, а тѣмъ положеніемъ, какое Кавказская администрація заняла въ вопросѣ объ отношеніи народнаго обычая къ писанному праву вообще и къ Шаріату въ частности. «Отношеніе русскаго правительства, говоритъ г. Ковалевскій, къ горскому адату съ самаго начала

нашего владычества приняло характеръ рѣшительнаго признанія и явнаго покровительства. Причина, побуждавшая русское начальство къ такой политикѣ, лежитъ въ томъ соображеніи, что оппозиція нашему владычеству всегда выходила изъ сферъ, благопріятныхъ Шаріату». «Но поступая такимъ образомъ, читаемъ въ другомъ мѣстѣ книги, мы совершенно упустили изъ виду, что точное примѣненіе правилъ народнаго адата является препятствіемъ къ поддержанію внутренняго порядка и спокойствія въ едва замиренномъ нами краѣ. Неограниченность кровомщенія и связанное съ нимъ представленіе объ его обязательности, о выполненіи имъ долга живущихъ поколѣній по отношенію къ усопшимъ, воззрѣніе на преступленіе, какъ на дѣйствіе, причиняющее матеріальный вредъ, отмщаемый однимъ родомъ надъ членами другого, независимо отъ того, произведенъ ли онъ преднамѣренно, неосторожно или случайно; широкій произволъ, предоставляемый въ случаѣ имущественныхъ преступленій и гражданской несостоятельности, какъ личному, такъ и родовому самоуправству, все это, очевидно, такія начала, торжество которыхъ неминуемо должно вести къ внутреннимъ несогласіямъ и усобицамъ и парализовать въ корнѣ дѣятельность правительства направленную къ сохраненію земскаго мира. Неограниченная терпимость по отношенію только-что упомянутыхъ началъ адатнаго права, буквальное примѣненіе ихъ въ горскихъ судахъ выбранными отъ народа диванъ-бегами, но подъ предсѣдательствомъ русскаго чиновника, представляетъ еще то неудобство, что подкашиваетъ въ корнѣ нашу просвѣтительную миссію на Кавказѣ и заставляетъ поставленныхъ нами же властей высказываться въ пользу примѣненія началъ, недопускаемыхъ нашимъ юридическимъ сознаніемъ, нашимъ понятіемъ о справедливости» (стр. 280). «Ведя открытую борьбу съ остатками старинной дикости и родового самосуда, говоритъ г. Ковалевскій нѣсколькими страницами далѣе, преслѣдуя убійство новорожденныхъ дѣвушекъ въ Сванетіи и неограниченность кровомщенія въ Дагестанѣ, русское правительство въ гораздо большей мѣрѣ осуществляетъ возложенныя на него исторіей культурныя задачи, нежели преклоняясь безусловно передъ оскорбляющими наше нравственное чувство порядками, неимѣющими за себя ничего, кромѣ ихъ стародавности. Терпимость къ чужой вѣрѣ, къ чужимъ нравамъ и понятіямъ о справедливости — черта разумѣется, весьма почтенная. Русскую администрацію всего менѣе можно винить въ непониманіи или отрицаніи чужихъ религіозныхъ, нравственныхъ или правовыхъ устоевъ, но одного этого недостаточно для того, чтобы поставить ее на высоту ея историческаго призванія на Кавказѣ. Прежде чѣмъ примѣнять въ нашихъ судахъ всѣ дѣйствующіе обычаи Кавказа, не мѣшаетъ задаться вопросомъ объ источникѣ этихъ обычаевъ. Что какъ въ самомъ дѣлѣ окажется, что, давая наше признаніе явно оскорбляющему нравственное чувство порядку, мы на самомъ дѣлѣ подчиняемъ свое личное сужденіе не «народному воззрѣнію на правду», а фанатическому изувѣрству какого-нибудь восточнаго мага, или не знающему границъ своеволію хозарскаго, гунскаго, персидскаго или кабардинскаго деспота. Положеніе наше остается не менѣе страннымъ и тогда, когда примѣняемый нами обычай окажется заимствованнымъ изъ моисеева права, римскаго, византійскаго , армянскаго или грузинскаго права... Пора признать, наконецъ, что обычай, не меньше закона, можетъ быть результатомъ религіознаго фанатизма, насилія и произвола; что вмѣсто того, чтобы быть всегда пер-

воисточникомъ закона, онъ подчасъ не болѣе, какъ его отраженіе и притомъ отраженіе переставшихъ отвѣчать требованіямъ жизни давно отошедшихъ въ вѣчность религіозныхъ и юридическихъ цензовъ, отмѣна которыхъ является первымъ шагомъ на пути прогресса» (стр. 289).

Второй томъ интереснаго изслѣдованія г. Ковалевскаго распадается на два отдѣла. Въ первомъ излагаются общественное и политическое устройство сванетовъ; религіозныя вѣрованія, общественный строй и юридическій бытъ пшавовъ, а также народное право хевсуръ и тушинъ. Второй отдѣлъ обнимаетъ собою адаты дагестанскихъ горцевъ и ихъ отношеніе къ Шаріату. Такъ какъ оба источника дагестанскаго права сталкиваются между собой лишь въ извѣстныхъ сферахъ юридической жизни, каковыми являются сферы брачнаго, наслѣдственнаго и уголовнаго права, то ими и ограничивается предметъ изслѣдованія. Наконецъ, въ виду того, что источникомъ адатнаго права въ Дагестанѣ, какъ и повсюду на Кавказѣ, является родовое устройство, то изученію отдѣльныхъ нормъ адатнаго права предпосылается глава о дагестанскихъ родахъ, такъ называемыхъ, тохумовъ.

В. Латкинъ.

Живая Старина. Періодическое изданіе отдѣленія этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи В. И. Ламанскаго. Выпускъ I. Спб. 1890.

Было бы несправедливо жаловаться, что этнографія находится у насъ въ загонѣ. Со времени первыхъ заботъ въ ея области, начавшихся еще при Петрѣ I, наука эта можетъ насчитать довольно значительное количество и трудовъ, и дѣятелей. Интересъ къ этнографіи особенно увеличился въ послѣднее время. Не только люди науки, обладающіе спеціальными познаніями, посвящаютъ свои труды и время занятіямъ этой наукой, но и простые смертные, живущіе въ самыхъ глухихъ уголкахъ, все больше и больше начинаютъ работать въ этой области. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно развернуть, напримѣръ, библіографическій указатель «Этнографическаго Обозрѣнія», гдѣ указываются статьи, имѣющія этнографическій интересъ, помѣщенныя въ разнаго рода журналахъ, мѣстныхъ изданіяхъ и газетахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что наша провинція въ настоящее время далеко не такъ глубоко погружена въ тину мелкихъ интересовъ, что и тамъ есть люди, «кои, говоря словами г. Ламанскаго, не причисляя себя ни къ художникамъ, ни къ ученымъ и, посвятивъ себя службѣ государственной или трудамъ хозяйственнымъ, не перестаютъ услаждать свою жизнь занятіями или работами по любимому искусству, или наблюденіями и изысканіями въ области излюбленной науки» (стр. XXV). Люди эти собираютъ матеріалъ, помѣщаютъ его въ мѣстныхъ изданіяхъ, отсылаютъ въ ученыя Общества. Въ архивѣ географическаго общества, по словамъ его предсѣдателя г. Ламанскаго, накопилась такая масса подобнаго рода матеріала, статей и замѣтокъ, что, не смотря на все значеніе и интересъ, напечатать ихъ въ органѣ Общества «Извѣстіяхъ» было бы положительно невозможно. Нѣкоторые изъ членовъ Общества, а именно акад. А. Н. Веселовскій, проф. Минаевъ, акад. А. Н. Майковъ, А. Н. Пыпинъ, а также и В. И. Ламанскій, обратили вниманіе Общества на это обстоятельство и предложили «предпринять при этнографическомъ отдѣленіи и его

содѣйствіемъ изданіе посвященнаго народовѣдѣнію Россіи и соплеменныхъ ей странъ журнала, подъ названіемъ «Живая Старина», главной цѣлью котораго, какъ выяснилъ дальше г. Ламанскій, будетъ желаніе «по силамъ помочь и безъ того трудному сооруженію колоссальнаго зданія — этнологическаго и этнографическаго изслѣдованія Россіи» (стр. XLI).

Первый выпускъ этого журнала теперь передъ нами. Центромъ тяжести его является статья самого редактора, г. Ламанскаго, составляющая какъ бы profession de foi новаго журнала. Статья эта заключаетъ въ себѣ такую массу новыхъ мыслей, затрогиваетъ столько интересныхъ вопросовъ, при томъ чрезвычайно разнообразныхъ, что характеризовать ее, а тѣмъ болѣе передать въ общихъ чертахъ ея содержаніе, невозможно. Для этого пришлось бы написать замѣтку не меньше, если не больше самой статьи. Поэтому мы вынуждены коснуться только нѣкоторыхъ, болѣе интересныхъ, пунктовъ статьи, предоставляя желающему познакомиться съ остальными въ оригиналѣ. Поражаетъ прежде всего своей странностью взглядъ г. Ламанскаго на наши энциклопедическіе журналы, въ которыхъ онъ видитъ «лишь рутинное отношеніе къ дѣлу и непониманіе современныхъ нуждъ русской литературы и образованности» (стр. XVI). Такое мнѣніе, какъ намъ кажется, ошибочно. Издатели современныхъ журналовъ, приспособляясь къ вкусу большинства, соображаясь съ развитіемъ этого большинства, уже этимъ самымъ высказываютъ «пониманіе современныхъ нуждъ русской... образованности», которая, если только ее не идеализировать, очень и очень не высока. Наша публика, можно сказать, только что-начинаетъ читать, и если засадить ее сразу за ученые трактаты какой бы то ни было прикладной или чистой науки, она отшатнется не только отъ нихъ, но отъ всѣхъ книгъ вообще. Здѣсь нужно брать не меньшинство, и даже не средній уровень, а большинство. А для этого большинства нужны журналы, именно, съ такимъ характеромъ, какъ они издаются теперь, т. е. научно-литературные, или, говоря словами г. Ламанскаго, энциклопедическіе, заключающіе въ себѣ на ряду съ статьями легкаго содержанія, замѣтками, имѣющими чисто современное значеніе, злобу дня, также и статьи вполнѣ научныя. Журналы съ такой программой могутъ принести большую пользу, что давно уже предсказывалъ Бѣлинскій [1]). Это несомнѣнно. Читая первыя, постепенно будутъ привыкать и къ послѣднимъ. Въ этомъ отношеніи наши журналы поступаютъ очень тактично, задавшись цѣлью систематически, хотя и медленно, но все-таки развивать нашу публику. Этимъ только и можно объяснить то обстоятельство, что они даютъ у себя мѣсто чисто ученымъ статьямъ, хотя, какъ говоритъ самъ г. Ламанскій, статьи эти «не прибавляютъ новыхъ подписчиковъ и даже внушаютъ страхъ огромному большинству читателей», «остаются неразрѣзанными», называются «нечитательными» (стр. XIII). Вотъ условія среди которыхъ приходится работать журналисту. Мыслимъ ли же здѣсь спеціальный ученый журналъ? Конечно, нѣтъ. Это доказывается хотя бы уже однимъ тѣмъ, что такихъ журналовъ у насъ почти нѣтъ, а тѣ, которые есть, издаются исключительно учеными обществами. Тѣ же изъ нихъ, которые разсчитывали на поддержку общества находятся далеко не въ завидномъ положеніи («Пантеонъ Литературы», «Русское Богатство», «Библіографъ», «Кіевская Старина» и др., хотя эти журналы далеко еще не со-

---

[1]) Собр. сочин., т. II, стр. 68.

всѣмъ спеціальны) и нерѣдко даже прекращаются(«Вѣст. Изящн. Искусствъ»). Изъ нихъ благоденствуетъ одинъ лишь «Артистъ», избравшій своей спеціальностью печатаніе комедій. Ссылается еще г. Ламанскій на Западную Европу, гдѣ «издается и читается много книгъ и періодическихъ изданій, посвященныхъ извѣстнымъ отраслямъ званія» (стр. XVII). Не думаемъ, чтобы ссылка эта имѣла какое-нибудь основаніе. Уже Бѣлинскій говорилъ, что «журналы собственно ученые у насъ не могутъ имѣть слишкомъ обширнаго круга дѣйствія; наше общество еще слишкомъ молодо для нихъ»[1]). Замѣчаніе это, не смотря на довольно значительный промежутокъ времени, остается къ сожалѣнію, вѣрнымъ и теперь. Нашему обществу еще слишкомъ много нужно поучиться, чтобы стать наравнѣ съ западно-европейскимъ. На народное образованіе Россія затрачиваетъ менѣе всѣхъ остальныхъ государствъ Европы, слѣдовательно и образованныхъ людей въ ней меньше, чѣмъ гдѣ либо[2]). Поэтому-то книги, выдерживающія тамъ десяти изданій, у насъ расходятся всего въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Кромѣ того, тамъ возможны спеціальныя изданія еще и потому, что ихъ читаетъ весь образованный міръ, а русскія ученыя изданія не выходятъ за предѣлы Россіи, да и здѣсь еще внушаютъ страхъ «огромному большинству». Очевидно, что въ данномъ случаѣ примѣра съ Западной Европы намъ пока еще брать нельзя и, если «эволюція нашихъ ежемѣсячныхъ литературно-научныхъ журналовъ» и желательна, то ей еще не время. Что же касается до того, что «изготовленіе такъ называемыхъ серьезныхъ статей въ большей части нашихъ журналовъ выпадаетъ обыкновенно на долю или молодымъ начинающимъ ученымъ, или старымъ опытнымъ сотрудникамъ», «иногда лишь бойкимъ, набившимъ руку и изучившимъ вкусы публики, литераторамъ съ извѣстнымъ въ русскомъ смыслѣ энциклопедическимъ образованіемъ», (стр. XIV), то въ этомъ, думаемъ, виноваты сами ученые-спеціалисты, сторонящіеся отъ такой дѣятельности, какъ бы считающіе для себя униженіемъ спуститься до profanum vulgus. Журналамъ нужны ихъ труды, лишь бы они излагались доступно пониманію большинства читателей. «Одна изъ главныхъ задачъ журналистики, говорилъ Чернышевскій, есть распространеніе положительныхъ знаній между своими читателями, ознакомленіе публики съ фактами науки. Въ нашей литературѣ, гдѣ еще такъ мало ученыхъ дѣльныхъ книгъ, да и тѣ находятся въ рукахъ самой ничтожной по числу публики, исполнять эту обязанность журналисту еще необходимѣе, чѣмъ въ другихъ литературахъ»[3]). Кромѣ того въ Западной Европѣ, на которую ссылается г. Ламанскій, какъ на страну науки, какъ напримѣръ, Англіи, Франціи и др. ученые-популяризаторы есть, а у насъ, гдѣ они нужнѣе всего, ихъ и нѣтъ. Не понятно также, почему г. Ламанскимъ «всегда овладѣваетъ грустное чувство» когда онъ читаетъ «объявленіе о какомъ-нибудь новомъ ежемѣсячномъ литературно-научномъ журналѣ». «Дай Богъ, по болѣе журналовъ—плодятъ читателей они», весьма удачно сказалъ князь Вяземскій. Этимъ мы и закончимъ

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 69.

[2]) Государство тратитъ у насъ пропорціонально населенію въ $2^1/_2$ раза менѣе, чѣмъ Франція, въ 8 раза, чѣмъ Пруссія, почти въ 4—нежели Великобританія и въ десять разъ меньше, чѣмъ Цюрихскій кантонъ въ Швейцаріи. Edvard Pfeiffer, Vergleichende Zusammenstellung der Europäischen Staatsausgaben. 1877, S. 229.

[3]) Современникъ, 1856 г., т. LV, стр. 29.

вопросъ о журналахъ, единственный пунктъ, въ которомъ невозможно согласиться съ г. Ламанскимъ.

Что же касается до другихъ мыслей и взглядовъ этой статьи, то они чрезвычайно симпатичны и вызываютъ къ себѣ полное сочувствіе. Такъ напримѣръ хотя бы предложеніе устроить въ Москвѣ вольную русскую академію «безъ жалованья, безъ чиновъ и орденовъ, безъ казенныхъ квартиръ», объединивъ всѣ ученыя общества при Московскомъ университетѣ. Осуществленіе этого плана повело бы за собой преобразованіе нашей Академіи Наукъ, чисто нѣмецкой по своимъ традиціямъ, почти исключительно работающей для нѣмецкой науки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это ни странно, но первое наше ученое учрежденіе находится въ рукахъ нѣмцевъ, ревниво охраняющихъ его отъ нашихъ русскихъ же ученыхъ. Кто не помнитъ, напримѣръ, курьезнаго, чтобы не сказать болѣе, факта, имѣвшаго мѣсто лѣтъ пять, шесть тому назадъ? Въ члены Академіи предлагали извѣстнаго русскаго ученаго Менделѣева, извѣстнаго не только у насъ, но во всемъ образованномъ мірѣ и какого-то никому неизвѣстнаго, ни тогда, ни теперь, нѣмца. И что же? Выбрали послѣдняго. Не легко также мириться, какъ съ чѣмъ-то нормальнымъ, съ нѣмецкимъ языкомъ нашихъ казенныхъ изданій, посвященныхъ изслѣдованію Россіи («Bulletin», «Melanges» и «Memoires» нашей академіи подъ французскими заглавіями въ большинствѣ случаевъ скрываютъ нѣмецкій текстъ, «Beitrage der Kentniss des russischen Reichs», «Russische Revue» и др. стр. XXX). Мы не будемъ, да и не можемъ даже перечислить всѣ тѣ desiderata, которыя высказываетъ авторъ относительно мѣстныхъ музеевъ, разнаго рода изданій и проч. Выяснимъ только еще мнѣніе относительно фольклора, нашедшаго какъ у насъ, такъ и на Западѣ, довольно большое количество послѣдователей. Г. Ламанскій относится къ нему очень скептически и, повидимому, соглашается съ мнѣніемъ Вейнгольда, что большинство трудовъ фольклористовъ представляетъ собой «довольно бѣдное собраніе матеріаловъ и ужасно много мусору и соломы, брошенной на вѣтеръ» (стр. XLII).

Что касается до содержанія самой книжки, то оно очень разнообразно и довольно интересно. Прежде всего, и по интересу, и по научному значенію, нужно поставить статью проф. И. Жданова; предметомъ для нея послужили пѣсни о князѣ Михаилѣ, относящіяся къ произведеніямъ, «которыя можно назвать былинами бытовыми или побывальщинами въ поэтической формѣ». Въ этомъ выпускѣ помѣщено только начало статьи, гдѣ приведены параллели и варіанты этой пѣсни, найденные г. Ждановымъ въ другихъ, главнымъ образомъ славянскихъ, литературахъ. Интересны также статьи «Полувѣрцы Псковско-Печерскаго края» (стр. 31—63) Ю. Трусмана, гдѣ указываются слѣды языческаго культа у полувѣрцевъ. «Три года въ Якутской области» В. Приклонскаго, «Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о сербо-лужичанахъ», дающія главнымъ образомъ матеріалъ для біографіи Срезневскаго и извѣстнаго сербо-лужицкаго этнографа Смоляра (стр. 84—103), затѣмъ замѣтки проф. Соболевскаго, проф. Веселовскаго, Л. Н. Майкова, В. Бондаренко и др. Что касается до статей г. Рисова и крестьянина И. Савченкова, то первая безъ пѣсенъ свадебныхъ («о литовской свадьбѣ») не можетъ имѣть почти никакого значенія, а вторая («Старое и новое») заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ данныхъ по исторіи костюмовъ въ юго-западной Россіи, но не болѣе; по нашему мнѣнію, прежде чѣмъ печатать ее, слѣдовало бы привести въ систему заключающійся въ ней матеріалъ

заключаются въ томъ, что издатели прежде всего заботились о пониманіи содержанія, объ уясненіи фактовъ и предметовъ, объ установленіи хронологіи тѣхъ событій, о которыхъ идетъ рѣчь у издаваемаго автора, и въ экзегетикѣ византійскихъ писателей, въ раскрытіи ихъ содержанія, французскіе издатели оказали услуги громадныя, можно сказать, безпримѣрныя, никто до сихъ поръ не покушался замѣнить ихъ комментаріи къ отдѣльнымъ византійскимъ произведеніямъ, равно какъ незамѣнимыми остаются и общія вспомогательныя пособія, составленныя Дюканжемъ» (стр. 191—193). Охарактеризовавъ такимъ образомъ парижское изданіе и упомянувъ про его перепечатки, почтенный авторъ переходитъ къ обозрѣнію отдѣльныхъ изданій, вышедшихъ хотя и независимо отъ Луврской коллекціи, но служащихъ какъ бы ея пополненіемъ. Обозрѣніемъ этихъ (оно касается сочиненій Малалы, Геннесія, Константина Багрянороднаго и нѣкоторыхъ другихъ) и заканчивается первый выпускъ новаго труда профессора В. Г. Васильевскаго. Мы остановились на содержаніи книги почтеннаго ученаго, имѣя въ виду ту тѣсную связь, которая всегда соединяла Византію съ Русью, и полагая поэтому, что всякій выдающійся трудъ по исторіи первой долженъ необходимо привлечь вниманіе людей, интересующихся послѣдней. А что трудъ проф. В. Г. Васильевскаго не зауряденъ, объ этомъ нечего и говорить. Онъ не только на русскомъ языкѣ представляетъ явленіе единственное въ своемъ родѣ, но и на иностранныхъ языкахъ ничего подобнаго не имѣется, если не считать бѣглаго очерка г. Саоы, который не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ перечисленія именъ главныхъ дѣятелей. Несмотря на спеціальность своего содержанія, книга уважаемаго профессора написана весьма живо и читается съ интересомъ, особенно благодаря тѣмъ прекраснымъ и меткимъ характеристикамъ дѣятелей и эпохъ, которыя нерѣдко въ ней попадаются, такъ что мы можемъ рекомендовать ее всякому желающему ознакомиться съ византійской исторіографіей. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать окончанія этого важнаго труда, но желательно было бы, чтобы почтенный авторъ приложилъ къ нему именной указатель для болѣе удобнаго пользованія книгой при справкахъ. С. А—въ.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, издаваемый подъ редакціею М. И. Семевскаго. Книга первая. Спб. 1890.

Изданіе семейныхъ архивовъ, сохранившихся отъ предковъ, составляетъ, несомнѣнно, прямую обязанность просвѣщенныхъ потомковъ. Но много ли сохранилось у насъ семейныхъ архивовъ?.. Во всякомъ случаѣ, очень немного уцѣлѣло такихъ архивовъ, какъ Куракинскій, вмѣщающій въ себѣ до 900 томовъ бумагъ, относящихся преимущественно къ XVIII и XIX вѣкамъ. Этотъ громадный и драгоцѣнный архивъ, заключающій въ себѣ «далеко не всѣ бумаги рода князей Куракиныхъ», хранится въ селѣ Надеждинѣ (Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ.), издавна принадлежащемъ роду Куракиныхъ. Въ настоящее время, владѣлецъ этого архива, князь Ѳ. А. Куракинъ, возъимѣлъ благую мысль—предпринять изданіе своего семейнаго архива въ цѣломъ рядѣ томовъ [1]) и поручилъ редакцію этого изданія М. И. Се-

[1]) Предисловіе редактора не выясняетъ системы, въ которой предполагается издавать этотъ архивный матерьялъ; а этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важенъ, что однѣ только бумаги В. И. Куракина занимаютъ въ Куракинскимъ архивѣ 80 то-

невскому, издателю «Русской Старины». Нынѣ вышедшій первый томъ этого архива заключаетъ въ себѣ выдержки изъ переписки и личныхъ сочиненій князя Бориса Ивановича Куракина, современника Петра и свояка его, по первому браку съ Евдокіей Лопухиной. Кромѣ писемъ Петра Великаго къ Б. И. Куракину, въ первомъ томѣ «Архива» помѣщены: «Дневникъ и путевыя замѣтки» В. И. Куракина; его «автобіографія», «Записки о русско-шведской войнѣ» и отрывокъ изъ большого историческаго труда, который долженъ былъ вмѣщать въ себѣ всю исторію «Славяно-россійскаго народа» отъ начала и до 20-хъ годовъ прошлаго вѣка. Этотъ отрывокъ, довольно важный по своему значенію, какъ отзывъ современника о современникахъ, заставляетъ невольно сожалѣть объ утратѣ остальной, весьма значительной части того же сочиненія, тѣмъ болѣе, что въ бумагахъ В. И. Курак : ъ сохранился списокъ главъ его. Изъ этого списка оказывается, что сохранились намъ изъ историческаго труда В. И. Куракина только главы 93—123, а всѣхъ главъ въ спискѣ обозначено болѣе 340; и если даже мы предположимъ, что нѣкоторая часть этого количества главъ и была не написана, а только намѣчена, то ужъ никакъ нельзя сдѣлать того же предположенія относительно главъ 1—93, такъ какъ описанію Петровскаго времени и правленія Софьи, очевидно, предшествовало повѣствованіе о предшествующихъ царствованіяхъ и древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи.

Сохранившіяся главы историческаго труда князя В. И. Куракина и составляютъ главное украшеніе перваго тома Куракинскаго «Архива», а потому на нихъ-то, главнымъ образомъ, мы и остановимся при обзорѣ содержанія этой новой книги. Прежде всего замѣтимъ, что г. редакторъ далъ этимъ главамъ совершенно произвольное и неправильное заглавіе, назвавъ ихъ «Гисторіей о Петрѣ Великомъ». Онъ самъ говоритъ, что этого заглавія въ рукописяхъ В. И. Куракина нѣтъ, самъ приводитъ «Вѣдѣніе о главахъ» (79 стр. и сл.), изъ котораго оказывается, что главы о Петровскомъ времени заимствованы изъ «Исторіи славянороссійскаго народа»... Зачѣмъ же дано сохранившимся главамъ произвольное и невѣрное заглавіе, нѣсколько вводящее даже въ заблужденіе читателя? Рѣшить этотъ вопросъ тѣмъ болѣе трудно, что въ сохранившихся главахъ болѣе половины текста посвящено описанію правленія Софьи, а въ остальной половинѣ изложены только самые первые годы царствованія Петра Великаго, до кончины царицы Натальи Кириловны.

Пока эти главы «Гисторіи» В. И. Куракина не были изданы въ свѣтъ, о нихъ много ходило толковъ въ нашемъ ученомъ мірѣ. Говорили, что въ нихъ сообщается очень много новаго о любопытномъ времени правленія царевны Софьи, что многіе факты и многія лица изъ числа современниковъ Софьи и Петра являются въ совершенно новомъ освѣщеніи и т. д. Къ сожалѣнію, эти слухи оказались болѣе чѣмъ преувеличенными... «Гисторія», по указаніямъ самого князя В. И. Куракина писалась въ концѣ царствованія Петра (а можетъ быть и по его смерти), вдали отъ Россіи, слѣдовательно лѣтъ 35 спустя послѣ описываемыхъ авторомъ «Гисторіи» событій правленія царевны

мовъ. Отчасти на это намекаетъ и самъ князь В. И. Куракинъ, предпосылая списку главъ слѣдующую замѣтку: «Вѣдѣніе заглавій книги сей начатой, которая имѣетъ быть учинена... Здѣсь топерь, при помощи Божеской, начинаемъ писать, откуль, что собрать матерій въ сію книгу, съ отмѣтками на сторонахъ, а потомъ начнемъ книгу писать формально и т д.

Софьи и первыхъ шаговъ юнаго царя Петра. Въ теченіе такого значительнаго времени, многія воспоминанія юности успѣли стереться и перепутаться въ памяти автора, а щекотливость предмета, о которомъ онъ писалъ, и отдаленность отъ всѣхъ русскихъ друзей и сверстниковъ — не давали автору возможности провѣрить сообщаемыхъ имъ свѣдѣній о событіяхъ и лицахъ. Вслѣдствіе этихъ условій, Б. И. Куракинъ многое изъ сообщаемаго имъ въ «Гисторіи» излагаетъ совершенно невѣрно (напр. первый день стрѣлецкаго бунта въ 1682 г., судъ и казнь надъ Хованскими, выдачу Шакловитаго и т. д.). Послѣ напечатанія г. Труворовымъ драгоцѣнныхъ томовъ о дѣлѣ Шакловитаго, многое, высказываемое Куракинымъ «по памяти» о временахъ Софьи и о ея правленіи, представляется совершенно ложнымъ и не имѣющимъ никакого историческаго основанія (напр., объясненія причины бѣгства Петра изъ Преображенскаго въ Троицкую обитель, упоминанія о планахъ Софьи, относительно выхода замужъ за Голицына). Но и при этихъ пробѣлахъ «Гисторіи», многое въ ней ново и любопытно. Въ числѣ «новаго» отмѣтимъ «авантуру курьезную» о сношеніяхъ Артамона Матвѣева съ Иваномъ Милославскимъ, наканунѣ стрѣлецкаго бунта (стр. 45), свѣдѣнія о томъ, что Наталью Кириловну, при нуждѣ въ деньгахъ, ссужали средствами не только патріархъ Іоакимъ, но и митрополитъ ростовскій Іона (стр. 53); любопытное извѣстіе о томъ, что Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ хлопоталъ о женитьбѣ Петра не на Лопухиной, а на своей родственницѣ—княжнѣ Трубецкой, но Нарышкины и Тихонъ Стрѣшневъ того не допустили, «опасаясь, что чрезъ тотъ марьяжъ оной князь Голицынъ съ Трубецкими... возьмутъ повуаръ и всѣхъ другихъ затѣснятъ» (стр. 55); указанія на то, что не только «потѣхи» и сношенія Петра съ Нѣмецкою слободою, но и «ненависть» Натальи Кириловны поселили первую непріязнь между Петромъ и его первою супругою (стр. 69). Въ числѣ «любопытнаго» отмѣтимъ похвальный отзывъ о стрѣльцахъ, между которыми, по словамъ Куракина, «много людей умныхъ и богатыхъ было, и купечествомъ своимъ богатствъ не малое имѣли» (стр. 57); свѣдѣнія о томъ, что съ потѣшными особенно враждовали — Стремянный и Бѣлый (?) стрѣлецкіе полки, преданные Софьѣ (стр. 66); замѣтку о модахъ, введенныхъ въ Москву Андреемъ Кревстомъ (стр. 69); циническія подробности о святочныхъ забавахъ Петра и его «кампаніи» (стр. 74).

Внѣ этихъ мелочей, въ «Гисторіи» можно указать только на отзывы автора о лицахъ и эпохахъ, несомнѣнно, пристрастные и ничего не прибавляющіе къ давно-извѣстному. Какое, напр. значеніе можетъ имѣть для насъ въ данное время такой отзывъ о правленіи царевны Софьи: «Правленіе царевны Софьи Алексѣевны началось со всякой прилежностью и правосудіемъ всѣмъ и къ удовольству народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было. И все государство пришло во время ея правленія, черезъ семь лѣтъ, во цвѣтъ великаго богатства. Также умножалась коммерція и всякія ремесла; и науки почали быть восставлять (sic) латинскаго и греческаго языку; также и политесъ восставлена была въ великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру польскаго—и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и уборахъ, и столахъ»... (стр. 50).

И въ противоположность этому отзыву о времени правленія Натальи Кириловны авторъ «Гисторіи» находитъ возможнымъ сказать только, что «въ правленіе ея знатнаго ничего не происходило, токмо всѣ дѣла происходили съ великими взятки» (стр. 74).

Объясненія такого отзыва объ этомъ времени находимъ на стр. 64, гдѣ авторъ «Гисторіи» говоритъ что «въ томъ правленіи наибольшее начало паденія первыхъ фамилій, а особливо имя князя было возненавидѣно и уничтожено, какъ отъ его царскаго величества, такъ и отъ персонъ правительствующихъ, которые кругомъ его были, для того, что всѣ оны господа, какъ Нарышкины, Стрешневы, Головкинъ—были домовъ самаго низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали съ молодыхъ лѣтъ противу великихъ фамилій».

Не отличаются безпристрастіемъ и отзывы объ отдѣльныхъ лицахъ изъ числа сподвижниковъ Петра. По мнѣнію автора «Гисторіи», всѣ эти «птенцы гнѣзда Петрова» были или люди «глупые» или «ума гораздо средняго[1]) и всѣ «горькіе пьяницы». Исключеніе дѣлается только для Бориса Голицына, въ которомъ Б. И. Куракинъ, не смотря на пристрастіе къ вину, признаетъ большой умъ и прямо утверждаетъ, что онъ «Петру корону далъ». Другимъ исключеніемъ является отзывъ о Ромодановскомъ, который былъ «характеру партикулярнаго; собою видомъ, какъ монстра; нравомъ злой тиранъ; превеликій нежелатель добра никому; пьянъ по вся дни; но его величеству вѣрный такой былъ, что никто другой».

Вообще, въ отзывахъ о лицахъ и событіяхъ авторъ «Гисторіи», писавшій изъ «прекраснаго далека», не церемонится ни съ кѣмъ и выказываетъ себя, къ крайнему удивленію читателя, далеко не поклонникомъ многихъ реформъ Петра и строгимъ критикомъ того кружка дѣятелей, которые окружали великаго Преобразователя. Остается только жалѣть о томъ, что остальныя главы «Гисторіи» утрачены—и отъ души желать, чтобы онѣ были розысканы при изданіи въ свѣтъ дальнѣйшихъ томовъ «Архива» князя Ѳ. А. Куракина, который обѣщаетъ быть однимъ изъ любопытныхъ и важныхъ историческихъ подспорій для изученія XVIII вѣка. **П. Полевой.**

Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Томъ третій. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI вѣкъ. Москва. 1890.

Третій томъ «Исторіи Россіи» г. Иловайскаго посвященъ одному изъ любопытнѣйшихъ періодовъ русской исторіи — XVI-му вѣку, въ которомъ лежатъ зародыши всей послѣдующей русской жизни, какъ политической, такъ и культурной. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь впервые не только открыто высказывается, но и настойчиво проводится идея самодержавія, осуществленная Иваномъ Грознымъ, здѣсь же нужно искать корней той громадной, по видимому совершенно неподготовленной и неожиданной, реформы, которую одно время приписывали исключительно геніальности Петра Великаго.

Смута, ознаменовавшая собой начало XVII в. и по видимому бывшая плодомъ случайнаго прекращенія династіи, произведшая, несмотря на свою непродолжительность, большой переворотъ въ соціальной и экономической жизни молодого русскаго государства, чуть было не уничтожившая этого государства, безъ всякаго сомнѣнія беретъ свое начало въ это время, является простымъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда сословныхъ и политическихъ отношеній XVI-го вѣка. Интересомъ и значеніемъ, возбуждаемымъ этимъ періодомъ, объясняется также то явленіе, которое мы можемъ наблюдать въ на-

---

[1]) Къ этому разряду отнесенъ и Меншиковъ.

шей исторіографіи. Масса изслѣдованій и трудовъ посвящена главнымъ образомъ этому періоду. Съ того времени, какъ С. М. Соловьевъ написалъ свой почтенный трудъ, представлявшій тогда послѣднее слово науки, хотя это было еще не такъ давно, многое однако толкуется иначе, многое совершенно отвергается. Разработка новаго архивнаго матеріала дала новыя данныя, разработанныя въ отдѣльныхъ монографіяхъ. На долю г. Иловайскаго выпало собрать эти новыя данныя воедино, связать disiecta membra, сдѣлать ихъ доступными большинству русскаго общества, не привыкшему еще, или лучше сказать не получившему той подготовки, которая необходима для чтенія спеціальныхъ изслѣдованій. Какъ же выполнилъ свою задачу г. Иловайскій?

Большой томъ, заключающій въ себѣ болѣе 700 страницъ, обработанъ авторомъ такъ тщательно, написанъ такъ живо, что въ этомъ отношеніи нельзя желать ничего лучшаго. Каждый, кому только попадетъ въ руки трудъ г. Иловайскаго, съ интересомъ прочтетъ книгу отъ доски до доски. Эпизоды, картины, сцены, которыми такъ богата исторія этого періода, а также описаніе государственнаго строя Московскаго государства, быта, просвѣщенія и экономическихъ отношеній, постепенно выработанныхъ государственной жизнью и до настоящаго времени почти не изслѣдованныхъ, все это, безъ сомнѣнія, при живомъ изображеніи г. Иловайскаго, заинтересуетъ очень многихъ. Хорошо также то, что для поясненія нѣкоторыхъ фактовъ русской жизни авторъ счелъ нужнымъ познакомить своихъ читателей съ соотвѣтствующими періодами исторіи сосѣднихъ съ Москвой—Литвы и Польши, безспорно имѣвшихъ большое вліяніе на ходъ московской жизни. Съ этой цѣлью третью главу онъ посвятилъ изображенію внутренняго состоянія Литовской Руси при Ягеллонахъ, четвертую—реформаціонному движенію въ Литвѣ и Польшѣ при Сигизмундѣ Августѣ, а также Люблинской уніи, XIV-ю церковной уніи въ Западной Руси, начиная съ водворенія іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ и, наконецъ, XV-ю—изображенію взаимнаго отношенія культуръ польской и русской, а также описанію положенія казачества и еврейства въ Западной Руси. Такія экскурсіи въ область литовской и польской исторіи имѣютъ очень большое значеніе. Однако, помимо такихъ чисто литературныхъ достоинствъ, отъ труда г. Иловайскаго мы вправѣ больше, чѣмъ отъ кого бы то ни было, требовать еще научнаго значенія, т. е чтобы трудъ стоялъ на высотѣ современной науки, служилъ какъ бы итогомъ всего того, что уже сдѣлано. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы настоящій трудъ всегда и вездѣ удовлетворялъ этому требованію. Мы, конечно, не имѣемъ возможности подробно разсмотрѣть книгу г. Иловайскаго, но чтобы не быть голословными, ограничимся двумя, тремя примѣрами.

Прежде всего бросается въ глаза новый взглядъ г. Иловайскаго по отношенію къ Грозному. По мнѣнію автора, «это было яркое отраженіе татарщины, которое вредно повліяло на народные нравы, развивая сторону раболѣпія, а не гражданскаго чувства» (стр. 331). Въ чемъ однако видитъ г. Иловайскій отраженіе татарщины и при томъ еще яркое, мы не знаемъ, да и самъ онъ этого не объясняетъ. Личность Грознаго, до сихъ поръ представлявшая загадку, за рѣшеніе которой брались очень многіе, Соловьевъ, Кавелинъ, Костомаровъ, Аксаковъ, Самаринъ, Хомяковъ и др. и у г. Иловайскаго остается все-таки неразгаданной. Личность Бориса Годунова, до сихъ поръ получавшая двоякое объясненіе, вызывавшая то обвиненія, то оправданія, у г. Иловайскаго является еще менѣе опредѣленной, чѣмъ личность

Грознаго. Въ основномъ текстѣ исторіи, авторъ въ оцѣнкѣ этой личности не пошелъ дальше Карамзина, обвинилъ его почти во всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ и, главнымъ образомъ, убійствѣ царевича Димитрія, какія ему приписывались и раньше, въ сознательномъ стремленіи къ престолу, въ хитрости, коварствѣ, однимъ словомъ примкнулъ къ партіи обвинителей, только обвиненія свои высказалъ не такъ рѣшительно и рѣзко, какъ это дѣлали его предшественники. Такъ напр., разсказывая объ избраніи Бориса на царство, авторъ говоритъ: «Есть извѣстія, что приставы почти насильно сгоняли народъ къ Новодѣвичьему монастырю и принуждали его плакать и вопить; прибавляютъ, что клевреты, вошедшіе съ духовенствомъ въ келью царицы, когда сія послѣдняя подходила къ окну, изъ-за нея давали знаки приставамъ, а тѣ приказывали народу падать на колѣни и т. д.» (стр. 360). Это извѣстіе взялъ авторъ изъ «Иного Сказанія»—во-первыхъ, не обративъ вниманія на тѣ противорѣчащіе ему факты, которые заключаются въ самомъ сказаніи и которые указаны г. Платоновымъ («Сказанія и повѣсти XVIII в.», стр. 25) и, во-вторыхъ, игнорировалъ происхожденіе самаго Сказанія. Путемъ тщательнаго анализа Сказанія и сличенія его съ другими памятниками той эпохи, г. Платоновъ пришелъ къ убѣжденію и ясно высказалъ, что Сказаніе, если не продиктовано самимъ Шуйскимъ, то во всякомъ случаѣ является «пристрастнымъ голосомъ одной политической партіи, полнымъ отраженіемъ взглядовъ, симпатій и антипатій царя Шуйскаго съ его правительствомъ» (С. Ѳ. Платоновъ, стр. 18). Точно въ такомъ же положеніи находятся и другія данныя, которыя г. Иловайскій кладетъ въ основу обвиненій Бориса Годунова. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ автору слѣдовало или принять выводы г. Платонова, и въ такомъ случаѣ отвергнуть Карамзина, или же опровергнуть г. Платонова. Ни того, ни другого, авторъ не сдѣлалъ и прошелъ мимо труда г. Платонова, какъ будто бы его даже не существовало. Въ примѣчаніяхъ онъ только упомянулъ о немъ и сейчасъ же перешелъ къ опроверженію статьи г. Бѣлова о самоубійствѣ царевича Димитрія, почти не нуждающейся въ опроверженіяхъ. Думать, что г. Иловайскій не успѣлъ воспользоваться этимъ изслѣдованіемъ трудно, потому что вышло оно въ 1888 году и раньше печаталось въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.». Единственное вліяніе, которое оказало изслѣдованіе г. Платонова на оцѣнку личности Годунова, выразилась въ томъ, что въ концѣ одного изъ примѣчаній (61-го), г. Иловайскій говоритъ о Борисѣ такимъ образомъ: «какъ именно погибъ царевичъ, сказать трудно, но что онъ погибъ не своей смерью, это болѣе чѣмъ вѣроятно, а что смерть его была весьма желательна Годунову, это несомнѣнно» (стр. 652). Однако желать и стремиться далеко не одно и тоже. Желать могли и желали очень многіе, но кто стремился къ этой цѣли, это вопросъ другой.

Могъ ли въ самомъ дѣлѣ, при томъ значеніи родовитости, какое вполнѣ выразилось въ мѣстничествѣ, Борисъ Годуновъ, «вчерашній рабъ, татаринъ, зять палача» расчитывать на «бармы Мономаха!» Тѣмъ болѣе, что были такіе родовитые претенденты, какъ Василій Ивановичъ Шуйскій, которыхъ прямо прочили въ наслѣдники. Такъ напримѣръ, Замойскій говорилъ: «кромѣ Димитрія есть въ княжествѣ московскомъ настоящіе наслѣдники престола—князья Шуйскіе: легко увидать ихъ право изъ лѣтописей» (Соловьевъ, т. VIII, стр. 126). А что эти претенденты не сидѣли сложа руки и не относились слишкомъ индифферентно къ совершавшимся событіямъ,

какъ это предполагаетъ г. Иловайскій (стр. 357), это доказывается какъ нельзя лучше тѣмъ мѣстомъ лѣтописи, гдѣ говорится что «князья Шуйскіе единые его не хотяху на царство» (Ник. Лѣт., VIII, стр. 36). Вслѣдствіе такого неправильнаго отношенія къ Борису, г. Иловайскому приходится иной разъ впадать въ противорѣчія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, автору приходится утверждать, что военно-служилое сословіе «было предано Годунову» и даже главнымъ образомъ способствовало его избранію (стр. 358), а черезъ двѣ страницы тому же Годунову послѣ своего избранія еще нужно пріобрѣсти расположеніе сего сословія» (стр. 360).

Вслѣдствіе этого, г. Иловайскому чуть ли не приходится признать за достовѣрный тотъ фактъ, что слухи о пашествіи Казы-Гирея были распущены самимъ Борисомъ Годуновымъ. Этимъ же стремленіемъ снискать расположеніе военно-служилаго сословія, бояръ и дѣтей боярскихъ, объясняетъ г. Иловайскій стѣсненіе крестьянскихъ переходовъ, происшедшее при Θедорѣ Ивановичѣ (стр. 425). Такое мнѣніе врядъ ли можно считать основательнымъ. Самъ Борисъ Годуновъ обладалъ «многими поземельными имуществами» (стр. 336) и могъ способствовать проведенію такой реформы безъ всякихъ политическихъ видовъ и расчетовъ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ г. Иловайскій самъ указываетъ на дѣйствительную причину, вызвавшую закрѣпленіе крестьянъ безъ всякой вины со стороны Бориса, говоря: «въ последней трети XVI вѣка произошло переселенческое движеніе къ юго-восточнымъ окраинамъ и участились крестьянскіе побѣги, вмѣстѣ съ тѣмъ умножились жалобы помѣщиковъ и вотчинниковъ срединныхъ и коренныхъ областей, и правительственныя дѣла были завалены исками о бѣглыхъ крестьянахъ; тогда, именно въ концѣ XVI вѣка, правительство принимаетъ рядъ мѣръ, которыя положили начало закрѣпощенію свободнаго дотолѣ крестьянскаго сословія за классомъ землевладѣльческимъ». (стр. 425). Можно ли послѣ этого винить въ преднамѣренномъ закрѣпленіи крестьянъ Бориса Годунова, когда мѣра эта назрѣла сама собой, когда ее требовало экономическое состояніе государства. А между тѣмъ г. Иловайскій находитъ возможнымъ приписать ее хитрой политикѣ Бориса Годунова, говоря, что Борисъ «съ большимъ усердіемъ старался угодить и служилому, и духовному сословію стѣсненіемъ крестьянскихъ переходовъ» (стр. 426). Нѣтъ, пора бы, кажется, перестать смотрѣть на Годунова сквозь призму коварства, пора бы дать фактамъ ихъ надлежащее толкованіе, тѣмъ болѣе, что среди этихъ фактовъ, которые привыкли разсматривать съ дурной стороны, найдется много въ высшей степени симпатичнаго, свѣтлаго и хорошаго. Не даромъ же въ самомъ дѣлѣ авторъ «Временника», Тимоѳеевъ, оставаясь вполнѣ безпристрастнымъ, находитъ возможнымъ отнестись къ Борису Годунову очень благосклонно и характеризовать его такимъ образомъ: «неправдѣ всяцей взиматель не лестенъ... доможительное всѣмъ во дни его пребываніе въ тихости необидно..., на всяко зло, сопротивное добру, искоренитель неумолимъ со властью, яко-же инѣмъ воздоброе мздовоздатель нелестенъ... Въ часъ же смерти его никто же вѣсть, что въ немъ одолѣ и кая страна мѣрила претягну дѣлъ его, благая ли злая» (С. Θ. Платоновъ, стр. 151).

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать еще только на слѣдующее. Въ главѣ о просвѣщеніи въ Московской Руси, авторъ, между прочимъ, говоритъ о русской литературѣ того времени и ересяхъ, свидѣтельствую-

щихъ объ умственной работѣ современнаго общества. Какъ причину такого подъема духа авторъ разсматриваетъ съ одной стороны — «толчекъ, данный въ XIV и XV вѣкахъ нашей письменности нѣкоторымъ притокомъ образованныхъ грековъ и южныхъ славянъ», который «продолжалъ дѣйствовать въ Московской Руси большей части XVI вѣка, т. е. до мрачной эпохи опричины, которая вскорѣ его затормозила» (стр. 485), а съ другой стороны ересь жидовствующихъ (стр. 486). Это не совсѣмъ такъ. Если первая причина, приведенная г. Иловайскимъ, еще могла быть причиной, то вторая (т. е. ересь) не только не причина, но прямое слѣдствіе, или лучше сказать, выраженіе пробудившейся потребности новыхъ началъ образованности, упадка старины и стремленія къ новизнѣ. Что же было причиной такого повода? Причинъ было нѣсколько, и главная изъ нихъ—объединеніе русскихъ областей подъ властью московскихъ государей. Объединеніе это нарушало установленный строй, вызывало критическое отношеніе къ старинѣ и, кромѣ того, вслѣдствіе чисто територіальныхъ причинъ, сближало Русь съ Западной Европой. Связующимъ звеномъ съ Западомъ, является Новгородъ, откуда пришла между прочимъ въ Москву и ересь жидовствующихъ. Вторымъ фактомъ, давшимъ толчекъ русской мысли была ночь съ 24 на 25 марта 1492 года. Въ эту ночь должна была совершиться кончина міра. Вслѣдствіе этого, пасхаліи доводились у насъ лишь до 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра; подъ этимъ годомъ помѣщались иногда слова; «здѣ страхъ, здѣ скорбь, аки въ распятіе Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и на концѣ явися, въ немъ же чаемъ всемірное твое пришествіе» (Калачовъ, Арх. ист. и юридич. свѣд.: «о пасхаліяхъ» и «Правосл. Собес.» 1860 г. ноябрь). Понятно, съ какими чувствами ждалъ русскій человѣкъ рокового дня, понятно также, какой глубокій, коренной переворотъ долженъ былъ произойти въ его душѣ послѣ него. Старинное преданіе, къ которому относились съ такой вѣрой, вдругъ оказалось ложнымъ и тѣмъ самымъ подорвало авторитетъ старины, вызвало къ ней критическое отношеніе. Не мало также имѣло значенія паденіе Константинополя, завершившее собой паденіе Византійской имперіи. Въ этихъ фактахъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало искать автору зародыша ересей и всего того переворота въ воззрѣніяхъ и взглядахъ, который такъ ясно обозначается въ московской жизни XVI-го вѣка...

Мы надѣемся, что почтенный авторъ извинитъ насъ за сдѣланныя замѣчанія, которыя, разумѣется, не отнимаютъ у его труда значенія популярной исторіи, написанной прекраснымъ языкомъ, живо и занимательно.

В. Б.

Ѳ. И. Булгаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины Г. И. Семирадскаго. Спб. 1890.

Уже нѣсколько лѣтъ какъ г. Булгаковъ своими художественно-иллюстрированными изданіями способствуетъ популяризаціи русскаго искусства. Ему пришла счастливая мысль давать альбомы какъ большихъ художественныхъ выставокъ, такъ и произведеній отдѣльныхъ художниковъ. Кто любитъ родное искусство, тотъ, благодаря этимъ изданіямъ, можетъ теперь удобно слѣдить за его ростомъ. Г. Булгаковъ неутомимъ въ своей дѣятельности. Еще недавно онъ закончилъ такой цѣнный вспомогательный трудъ для искусства какъ «Наши художники», гдѣ въ образцовомъ порядкѣ собраны

живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры и представлены въ изящныхъ снимкахъ ихъ произведенія, явившіяся на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-ти-лѣтія. Теперь онъ даетъ снимки картинъ проф. Г. И. Семирадскаго, изданіе представляющее второй выпускъ «Альбома русской живописи»; первый былъ посвященъ В. Д. Орловскому.

Выборъ г. Булгакова остановился на Семирадскомъ по случаю исполнившагося въ 1890-мъ году двадцатипятилѣтія дѣятельности этого художника. Но и помимо этого случайнаго обстоятельства, г. Семирадскій заслуживалъ вниманія. Полякъ по происхожденію, онъ родился и учился въ Россіи въ нашей Академіи Художествъ, имѣющей право гордиться имъ: онъ прославилъ не только себя, но и русскую школу живописи. У поляковъ въ настоящее время живопись, вообще говоря, стоитъ высоко, польскіе художники въ массѣ талантливы, они владѣютъ формою, рисункомъ и колоритомъ, т. е. тѣми качествами, которые всегда дѣлаютъ цѣнными художественныя произведенія. Но этихъ художниковъ, какъ варшавскихъ, такъ и закордонныхъ—галиційскихъ, публика наша знаетъ мало; ихъ произведенія рѣдко являются въ Россіи. Въ лицѣ г. Семирадскаго мы имѣемъ дѣло съ ярко-талантливымъ представителемъ польской народности, но нашимъ по воспитанію. На немъ можно видѣть духовное сродство двухъ близкихъ другъ другу народностей, какъ бы, повидимому, внѣшность ни говорила противъ этого: блескъ красокъ, яркій колоритъ, прекрасный рисунокъ, живой темпераментъ принадлежатъ польской народности; широта сюжетовъ, вдумчивое отношеніе къ нимъ, являются печатью, наложенною міросозерцаніемъ русской жизни, хотя бы художникъ бралъ даже сюжеты чуждые этой жизни.

Г. Семирадскаго дѣйствительно болѣе всего влечетъ къ себѣ тотъ міръ, который—при его склонности къ исторической живописи,—можетъ дать ему наиболѣе художественнаго матеріала, тѣла и яркаго колорита. Ему близокъ югъ, греческій и римскій міръ съ ихъ до сихъ поръ неисчерпанною жизнью, не смотря на то, что столько поколѣній художниковъ обращались къ ней за вдохновеніемъ. Бралъ г. Семирадскій сюжеты и изъ русской, и польской исторіи, но охотнѣе всего черпалъ ихъ въ античномъ мірѣ. Большинство снимковъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ г. Булгакова относится именно къ этому міру. Здѣсь мы видимъ картины, сразу давшія Семирадскому извѣстность—«Римскую оргію блестящихъ временъ цезаризма», «Свѣточи христіанства», потомъ цѣлый рядъ жанровыхъ картинъ изъ древняго быта, какъ безподобная работа «Древній танецъ среди мечей», «Трудный выборъ», «Пѣснь невольницы», «По примѣру боговъ» и пр. и наконецъ «Фрину на праздникѣ Посейдона въ Элевзисѣ», послѣднюю картину, которая была выставлена Семирадскимъ въ Петербургѣ. Въ альбомъ вошли также произведенія изъ библейской исторіи «Христосъ и грѣшница», «Христосъ у Мареы и Маріи», снимки съ картинъ изъ древней русской исторіи, находящихся въ московскомъ Историческомъ музеѣ и поэтическія этюдныя картинки, въ родѣ «У фонтана», «Идилія» въ лѣтнюю ночь въ Помпеѣ и др.

Такимъ образомъ, альбомъ, заключающій двадцать номеровъ Семирадскаго съ первыхъ шаговъ его и до послѣдняго года, даетъ очень опредѣленное понятіе о всей его дѣятельности, представленіе объ его артистической физіономіи. Эта дѣятельность разносторонняго художника, образованнаго въ лучшемъ смыслѣ слова, отличается, помимо таланта, рѣдкою производительностью.

Картины Семирадскаго всегда почти имѣютъ большіе размѣры, и тѣмъ не менѣе, отдѣлка ихъ безукоризненна; аксесуары и подробности написаны съ поразительною яркостью, какъ само сочиненіе, обличаетъ живой сильный темпераментъ, яркую фантазію. Семирадскій по праву пріобрѣлъ почетную извѣстность не только у насъ въ Россіи, но и во всей Европѣ, гдѣ получилъ массу почетныхъ отличій отъ разныхъ художественныхъ учрежденій.

За границею снимки съ его картинъ очень распространены, преимущественно въ изданіяхъ берлинскаго фотографическаго общества, превосходныхъ, но весьма дорогихъ снимкахъ; для средней публики эти снимки по цѣнамъ рѣшительно недоступны. Альбомъ г. Вулгакова уничтожаетъ эту недоступность. Снимки исполнены фототипически и превосходно; это — работа петербургской мастерской г. Вильборга, получившей извѣстность благодаря альбомамъ г. Вулгакова. Въ нихъ сохранены нѣжность полутоновъ репродукціи въ соединеніи съ вѣрностью фотографіи.

Надо пожелать, чтобы изданіе это продолжалось, чтобы г. Вулгаковъ не остановился только на Орловскомъ и Семирадскомъ, но представилъ публикѣ въ подобныхъ же альбомахъ другихъ первоклассныхъ нашихъ художниковъ не только живописцевъ, но и скульпторовъ. Большую услугу окажетъ онъ подобною популяризаціею не отдѣльнымъ только лицамъ, но искусству вообще. Чѣмъ болѣе и дѣйствительнѣе въ массѣ распространяется любовь и интересъ къ искусству, тѣмъ болѣе основаній разсчитывать на широкій подъемъ послѣдняго. Въ свою очередь не можемъ не сдѣлать одного замѣчанія и гг. художникамъ. Пора бы имъ понять, что ихъ дѣло не въ томъ только, чтобы писать картины въ нѣсколько тысячъ рублей, но также и въ томъ, чтобы способствовать съ своей стороны всяческимъ образомъ распространенію дорогого для нихъ искуства. М-е.

В. Л. Величко. Восточные мотивы (стихотворенія). Спб. 1890.

Русская публика, какъ извѣстно, весьма мало знакомая съ литературой, исторіей и философіей Востока, начавшаго обращать на себя ея серьезное вниманіе лишь въ самое недавнее время, еще менѣе знакома съ восточной поэзіей. Появляющіяся у насъ, отъ времени до времени, въ періодическихъ изданіяхъ, стихотворенія подъ названіемъ «съ восточнаго», представляютъ собою, въ большинствѣ случаевъ, лишь болѣе или менѣе наивные и слабые перепѣвы наиболѣе извѣстныхъ восточныхъ мотивовъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ переводовъ или пересказовъ восточныхъ поэтовъ. А между тѣмъ поэзія Востока неистощимо богата образами, самобытна глубиной и оригинальностью мысли и прихотлива капризной формой.

Въ виду вышесказаннаго, мы отъ души привѣтствуемъ появленіе только что вышедшихъ въ свѣтъ «Восточныхъ мотивовъ» В. Л. Величко, гдѣ серьезное и добросовѣстное изученіе восточныхъ образцовъ можетъ поспорить съ старательной отдѣлкой и чистотой ихъ стихотворнаго перевода. «Восточные мотивы» составляютъ первую половину книги (вторая посвящена лирическимъ стихотвореніямъ и шуткамъ, давать оцѣнку которыхъ не входитъ въ нашу задачу) и являются вполнѣ удачными переводами и переложеніями стихотвореній, легендъ, сказокъ, нравоученій и шутокъ, какъ мусульманскаго Востока, такъ и народностей Кавказа, съ которыми авторъ имѣлъ возможность лично познакомиться.

Переводы изъ любимѣйшаго и популярнѣйшаго поэта Ирана, — шейха Мослехудина Саади, особенно, по нашему мнѣнію, удались автору—и нельзя не сказать ему за это спасибо, такъ какъ, обладая вышедшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ образцовымъ по точности, но сухимъ и безцвѣтнымъ русскимъ переводомъ И. Н. Холмогорова знаменитаго Гюлистана Саади, мы почти не имѣли стихотворныхъ переложеній глубокихъ и свѣжихъ мыслей этого восточнаго Сократа. А мысли эти интересны и поучительны. Вотъ примѣръ.

Однажды Хозревъ Нуширванъ забрелъ, охотясь со свитою, въ село и собрался подкрѣпить силы ѣдою, но не оказалось соли.

«И Нуширванъ велѣлъ сейчасъ за ней пойти
«Любимцу-визирю въ убогое селенье:
«Достань щепотку мнѣ,—но помни повелѣнье,—
«Возьми не даромъ соль, а деньги заплати!»

Визирь выразилъ удивленіе: вѣдь, все вокругъ принадлежитъ шаху,— зачѣмъ же ему покупать щепотку соли?

«И отвѣчалъ ему съ улыбкой Нуширванъ:
«Конечно, никого я этимъ не обижу,—
«Но стоитъ мнѣ пустякъ взять даромъ,—и предвижу:
«Прислужники до тла ограбятъ поселянъ!
«Какъ не послѣдовать удобному примѣру?!
«Пусть яблочкомъ однимъ прельщусь я не впопадъ:
«Они сломаютъ все, испортятъ цѣлый садъ!
«Когда же челядь знала мѣру?!!»... (стр. 3—4).

Или вотъ еще. Къ тому же Нуширвану визирь приходитъ съ радостной вѣстью, что умеръ одинъ изъ злыхъ враговъ шаха. Но тотъ не выражаетъ радости и говоритъ радующемуся вельможѣ эти замѣчательныя слова, столь несвойственныя, казалось бы, въ устахъ самовластнаго восточнаго деспота.

«Стыдись! стыдись и знай, что радоваться можно,
«Когда не врагъ погибъ, а умерла вражда!»... (стр. 42).

Подобными глубокими мыслями блещетъ вся поэзія Саади и очень жаль, что мы имѣемъ такъ мало стихотворныхъ его переводовъ: въ такомъ видѣ возвышенная мораль его поученій лучше запоминалась бы и охотнѣе читалась.

Изъ прочихъ стихотвореній «Восточныхъ мотивовъ» наиболѣе, по нашему мнѣнію, обращаютъ на себя вниманіе отдѣлкой стиха и интересомъ содержанія небольшая поэма «Амру», «Мудрый Локманъ и глупецъ», «Два мудреца», «Сказанія о Гарунѣ-ал-Рашидѣ», «Омаръ въ Іерусалимѣ», «Горійская башня», «Чинара», «Ахметъ на минаретѣ» (татарскій анекдотъ) и «Легенда о суфи Халладжѣ».

Что касается до «Пѣсень любви» и разработокъ темъ изъ Хафиза, то, къ сожалѣнію, онѣ нѣсколько страдаютъ, какъ намъ кажется, слишкомъ европейской окраской и отсутствіемъ именно восточнаго колорита. Этотъ недостатокъ особенно замѣчается въ мотивахъ изъ Хафиза, въ которыхъ мало слышится той мистической страстности и своеобразной аллегоріи, которыми проникнуты творенія этого знаменитаго восточнаго мистика-пантеиста, вкладывающаго въ описанія грубаго разгула религіозныя и философскія идеи суфизма.

Позволимъ себѣ также обратить вниманіе почтеннаго автора и на нѣкоторыя неточности восточной ороографіи его книги. Такъ онъ пишетъ Ма-

гометъ вмѣсто болѣе правильнаго начертанія этого слова,—Мухаммедъ, Ахметъ вмѣсто Ахмедъ, геджра вмѣсто гиджра (отъ арабскаго слова гиджръ) и Гафизъ вмѣсто Хафизъ. Но это, конечно, мелочи. Мы кончаемъ нашъ разборъ тѣмъ же, чѣмъ начали, — мы искренно привѣтствуемъ появленіе «Восточныхъ мотивовъ», какъ полезный вкладъ въ нашу литературу, бѣдную свѣдѣніями о Востокѣ.

«Восточные мотивы» изданы весьма изящно. Заглавный листъ украшенъ оригинальнымъ рисункомъ извѣстнаго нашего художника, Н. Н. Каразина.

С. У—цъ.

Представители европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ. Историческій очеркъ В. Теплова. Спб. 1890.

Трудъ г. Теплова содержитъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о дипломатическихъ сношеніяхъ европейскихъ державъ съ Оттоманской Портой, при чемъ съ особенною подробностью разсмотрѣны сношенія съ Турціей Россіи, отличавшіяся, по словамъ автора, чувствомъ собственнаго достоинства, сознаніемъ національнаго самоуваженія.

Порта не церемонилась встарь съ иностранными представителями и зачастую обращалась съ ними съ истинно варварской грубостью и даже жестокостью. Такъ, въ 1667 г. польскій посолъ былъ избитъ до полусмерти за то, что султану показалось, будто онъ поклонился ему не достаточно, низко, а въ 1671 г., по той же причинѣ сбили съ ногъ французскаго посла маркиза Нуантеля (стр. 37). Если такъ обращались въ Стамбулѣ съ послами, то можно себѣ представить, что могли ожидать для себя отъ Порты иноземные драгоманы, т. е. переводчики. При Мурадѣ III, напримѣръ, венеціанскій драгоманъ былъ выгнанъ палками изъ залы засѣданій Дивана (Совѣта) а при Мурадѣ IV французскій драгоманъ былъ посаженъ на колъ; въ 1634 г. французскій же драгоманъ былъ повѣшенъ! (стр. 66).

Русскимъ посламъ никогда не приходилось претерпѣвать ничего подобнаго. Имъ предоставлялось самимъ вручать полномочія и говорить рѣчи султану, а не великому визирю или другимъ шахамъ; они заручались правомъ не становиться на колѣни передъ султаномъ и не цаловать пола (стр. 74),

Это исключительное положеніе, которое съумѣла пріобрѣсти Россія для своихъ представителей при Оттоманской Портѣ, объясняется тѣмъ, что турки всегда желали сближенія съ Россіей. Наша страна представлялась имъ не столь чуждою, какъ всѣ остальныя западныя государства, а самый складъ жизни тогдашней Руси и основныя черты русскаго характера, имѣвшіе много чисто восточныхъ элементовъ,—заставляли турокъ, говоритъ авторъ, относиться съ большимъ сочувствіемъ къ сѣверному государству, тогда еще далеко не могущественному (стр. 8).

Сначала Россія посылала къ султанамъ лишь посольства. Такъ посылались въ Константинополь дьякъ Ѳедоръ Курицынъ (1445 г.), Коробовъ (1515 г.), Возницынъ (1683 г.). Трактатомъ же 1700 г. Россія выговорила себѣ право имѣть въ Константинополѣ постояннаго посланника и первымъ такимъ постояннымъ нашимъ представителемъ при Портѣ былъ Петръ Андреевичъ Толстой (стр. 20).

Прекрасный трудъ г. Теплова читается съ большимъ интересомъ, и изобилуя массою любопытныхъ и умѣло сгруппированныхъ свѣдѣній о западноевропейскихъ представителяхъ въ прежнемъ Константинополѣ, несомнѣнно, является хорошимъ вкладомъ въ историческую литературу.

С. У—цъ.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Т. VI. Исторія Академіи Наукъ Г. Ф. Миллера съ продолженіями I. Г. Штриттера (1725—1743). Спб. 1890.

Замѣчательно, что первую исторію Россійской Академіи написали нѣмцы, Миллеръ и Штриттеръ, разумѣется, по-нѣмецки. Исторія эта любопытна въ томъ отношеніи, что написана очевидцами и участниками первыхъ шаговъ дѣятельности нашей Академіи на пользу нѣмецкихъ ученыхъ и нѣмецкой науки. Теперь, черезъ полтораста лѣтъ, Россійская Академія издала этотъ трудъ двухъ нѣмцевъ по-нѣмецки же, какъ обыкновенно издаютъ драгоцѣнные матеріалы,—въ полной ихъ неприкосновенности. Недоумѣваемъ, съ какою цѣлью это сдѣлано? Можетъ быть, Академія затруднялась передачею русскихъ документовъ, приводимыхъ Миллеромъ на нѣмецкомъ языкѣ, которые, при переводѣ «Исторіи», необходимо было бы представить въ подлинникѣ и слѣдовательно розыскивать въ академическомъ архивѣ? Но неужели такъ велики затрудненія, что нельзя въ скоромъ времени подыскать подлинные документы, да и нужно ли приводить ихъ въ подлинникѣ и не вполнѣ достаточно ли простой передачи ихъ содержанія, насколько оно сохранено Миллеромъ? Остается предположить, что Академія или руководствовалась чисто филологическими побужденіями,—что ужъ совсѣмъ невѣроятно,—или печатаетъ эту «Исторію» для однихъ нѣмцевъ и той небольшой части публики, которой доступны въ подлинникѣ творенія нашихъ нѣмецкихъ академиковъ прошлаго и нынѣшняго столѣтій.

Слѣдуя примѣру гг. академиковъ, мы помѣщаемъ рецензію на ихъ нѣмецкое изданіе на нѣмецкомъ же языкѣ.

Einen herrlichen beweis ihrer pietät gegen verstorbene mitbrüder geben die herren mitglieder der «russischen» academie in dem vorliegenden bande der materialien zur geschihte obbenannter hochlöblichen anstalt. Es bieten uns die herren in diesem bande eine wort und buchstabgetreue ausgabe der handschrift des verstorbenen academicus G. Fr. Müller, veranstaltet mit derselben akribie und sorgfalt, wie wohl nur die besten ausgaben der griechischen und lateinischen Klassiker. Um die analogie mit letzteren noch sprechender zu machen, ist der in deutscher sprache herausgegebenen «geschichte» G. F. Müllers eine russische überschrift gegeben und ein russischer index beigefügt, gleichwie bei griechischen schriftstellern die uberschriften und indices meist lateinisch gefant werden. Schade nur, dass die academie, der es doch wahrscheinlich sehr daran gelegen war dem russischen publicum eine getreue copie der handschrift zu bieten, nicht daran gedacht hat, auch die variée lectiones und einige conjecturen zur ausfüllung von öfters vorkommenden lectiones im texte (z. b. p. 537, 435 u. s.) beizufügen. Uebrigens, allzuviel ist auch nicht zu verlangen: in philologischer hinsicht ist die ausgabe so wie so ausgereichnet. Wir kennen jetzt dank ihr nicht nur den styl, sondern fast auch die orthographie der herren Müller und Stritter. Wir kennen ihre lieblingsausdrücke,

die lateinischen floskeln, die die hochgelahrten herren in ihre rede einzuflechten pflegten, wir wissen, dass sie manchmal «endschaft» statt «ende» schrieben (z. b. p. 418), dass bei ihnen die daheros nunmehros, bisheros und alldas nichts rares waren, dass ihnen phrasen und ausdrücke, wie «repetent im stipendio»› mit tractement und ball regaliren› (p. 196) u. dergl., wohlklingend und elegant vorkamen u. s. w. Mit einem worte, die vorliegende von den herren academicis besorgte ausgabe könnte das material zu folgenden nützlichen und ergötzlichen buchern liefern: 1) phraseologie der academici Müller und Stritter in ihren wechselbeziehungen und verglichen mit der phraseologie neuerer zeit, 2) der gebrauch der tempora und modi des academicus Stritter, verglichen mit dem des academicus Müller u. dergl. Diese rein philologischen gründe sind übrigens, unserer meinung nach, nicht die einzigen bestimmenden gewesen, worum die academie Müllers «geschichte» nicht lieber in einer russischen übertragung herausgegeben hat. Man soll nicht vergessen, dass die herren academici des vorigen jahrhunderts manchmal auch verse dichteten, hochtrabende oden und elegien, die so voll des reinsten dichterischen schwunges, voll der erhabensten poetischen schönheiten sind, dass man es nicht wagen durfte, sie ins russische zu übersetzen.

Wir haben uns nur an die philologische seite des werkes gehalten, was sich sehr leicht aus den absichten der herren academici erklärt. Hätten sie nämlich eine veröffentlichung des inhaltes beabsichtigt, so wäre das Werk natürlich, um dem russischen publicum zugänglich zu sein, in russischer sprache erschienen; so wie aber der band vorliegt, scheint er einzig und allein philologischer gründe wegen herausgegeben zu sein.

N. N.

Исторія аріанства на латинскомъ западѣ (353—430). Вячеслава Самуилова. Спб. 1890.

Аріанство принадлежитъ къ важнѣйшимъ и интереснѣйшимъ явленіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ первые вѣка христіанства. Выразившись первоначально въ формѣ догматической борьбы съ православіемъ, оно потрясло самыя основы вѣры, только-что успѣвшей получить офиціальное признаніе. Потерпѣвъ пораженіе на этой почвѣ, аріанство прибѣгло къ разнымъ проискамъ и интригамъ, но и въ этомъ направленіи успѣха не воспослѣдовало. Въ это время сильнаго заступника себѣ нашло аріанство въ лицѣ готовъ, которые водворились на развалинахъ Римской имперіи, а послѣ паденія Остготскаго королевства не менѣе рьяными аріанами явились лонгобарды, подчиненіе которыхъ престолу римскаго первосвященника стоило большихъ усилій энергичнѣйшимъ и даровитѣйшимъ представителямъ папской власти въ ту эпоху. Такимъ образомъ борьба аріанства съ православіемъ длилась около четырехъ вѣковъ и представлялась съ одной стороны однимъ изъ выдающихся явленій въ исторіи мысли первыхъ вѣковъ христіанства, а съ другой стороны была далеко не послѣднимъ факторомъ въ судьбахъ Италіи временъ великаго переселенія народовъ. Но, если читатель понадѣется найти оцѣнку аріанства съ этой точки зрѣнія въ книгѣ г. Самуилова, то онъ жестоко ошибется: такая задача оказалась внѣ плановъ автора, историческое значеніе аріанства не заинтересовало его. Онъ удостоилъ вниманія аріанство только на латинскомъ западѣ, гдѣ оно по-

явилось лишь во второй половинѣ IV-го вѣка, т. е. тогда, когда оно уже совершенно ясно опредѣлилось и даже раздѣлилось на толки. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи ереси, о связи ея съ тогдашнимъ состояніемъ общества, въ книгѣ г. Самуилова совершенно обойденъ, равно какъ и первоначальная борьба аріанства съ православіемъ, кончившаяся торжествомъ послѣдняго на Никейскомъ соборѣ. Но, если первый актъ этой борьбы разыгрался на Востокѣ, то затѣмъ весь интересъ ея сосредоточился на западѣ, когда Италіей овладѣли еретики остготы съ Теодорихомъ Великимъ во главѣ, а затѣмъ лонгобарды, но г. Самуиловъ счелъ необходимымъ уклониться и отъ этихъ фазисовъ аріанскаго движенія: онъ ограничилъ свое изслѣдованіе 430 годомъ. Такимъ образомъ аріанство явилось въ разбираемомъ трудѣ безъ конца и безъ начала, изъ всей исторіи этого движенія выхвачено 77 лѣтъ и этимъ годамъ посвящена книга въ 300 страницъ. Что же такое произошло въ эти 77 лѣтъ, чтобы о нихъ писать цѣлое изслѣдованіе? А вотъ что: аріанство, утерянное при Константинѣ Великомъ, распавшееся на секты аноміевъ, оміевъ и аміусіанъ, послѣ смерти равноапостольнаго императора поднимаетъ голову и всяческими правдами и неправдами, интригами, клеветой, насиліемъ, достигаетъ на короткое время господства, а затѣмъ снова падаетъ, и въ предѣлахъ Римской имперіи исчезаетъ, сбитое съ позиціи въ догматическомъ отношеніи твореніями отцовъ церкви Викторина, Амвросія, Августина и другихъ, послѣ чего утверждается среди германскихъ народовъ. Вотъ и все. Очевидно, что съ исторической точки зрѣнія этотъ періодъ никакъ не можетъ быть выдѣленъ и разсматриваемъ безъ связи съ предъидущими и послѣдующими перипетіями въ судьбахъ аріанства. Однако, авторъ нашелъ точку зрѣнія, съ которой эта эпоха можетъ разсматриваться, какъ самостоятельное цѣлое: онъ смотритъ на нее со стороны выработки аріанскими сектами болѣе точныхъ формулъ своего ученія и окончательнаго опроверженія ихъ православными отцами. Но и на это онъ смотритъ не такъ, какъ взглянулъ бы историкъ, онъ разсматриваетъ эти явленія не какъ интересные культурные феномены, а исключительно съ догматической точки зрѣнія, т. е. подъ заглавіемъ «Исторіи аріанства» подноситъ намъ богословскій трактатъ, разсужденіе по догматическому богословію. Но вѣдь въ такомъ случаѣ выходитъ полнѣйшее противорѣчіе между названіемъ книги и ея содержаніемъ; такую книгу надо бы озаглавить не «Исторія аріанства», потому что исторіи аріанства въ ней никакой нѣтъ, а «Догматика аріанства и ея ниспроверженіе», или какъ-нибудь въ этомъ родѣ, а то заглавіе, приклеенное г. Самуиловымъ къ его богословскому трактату, только вводитъ въ заблужденіе и заставляетъ тратить на его книгу и деньги и время тѣхъ, кто вовсе не интересуется догматическими тонкостями. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ предостеречь всякаго, кто желаетъ ознакомиться съ недогматическимъ значеніемъ аріанства, а съ его исторической ролью, не обращаться за таковымъ знакомствомъ къ труду г. Вячеслава Самуилова.

С. А—въ.

Витебская губернія. Историко-географическій и статистическій обзоръ. Выпускъ I. Исторія. Природа. Населеніе. Просвѣщеніе. Съ рисунками и картами. Составленъ по программѣ и подъ редакціею витебскаго губернатора, тайнаго совѣтника, князя В. М. Долгорукова. Витебскъ. 1890.

Первый выпускъ «Обзора» Витебской губерніи начинается съ историческаго очерка губерніи отъ начальныхъ временъ. Составленный М. И. Лебедевымъ, начальникомъ мѣстной женской гимназіи, по извѣстнымъ источникамъ, онъ представляетъ собою добросовѣстную компиляцію, раздѣленную на нѣсколько главъ. Очеркъ дополняется свѣдѣніями о городахъ и выдающихся селеніяхъ, перечнемъ событій и проч. Слѣдующіе отдѣлы состоятъ изъ физико-географическаго обзора, этнографическихъ этюдовъ, свѣдѣній по переселенческому дѣлу, народному образованію.

Судьбы бывшаго Полоцкаго удѣла и, какъ составной его части, города Витебска представляютъ не малый интересъ въ исторіи страданій западно-русскихъ областей, выдержа́вшихъ литовско-польскій гнетъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Древняя земля кривичей стономъ стонала въ неравной борьбѣ за свою политическую и религіозную самобытность, обливаясь кровью своихъ мучениковъ. Мѣстные архивы переполнены документами многострадальной исторіи западно-русскаго народа. Матеріалы этого рода выступаютъ все болѣе и болѣе въ свѣтъ и, къ чести Полоцкой земли, тамъ нѣтъ недостатка въ труженикахъ на этомъ пути. Достаточно указать на многотомное, солидное изданіе витебскаго педагога А. П. Сапунова «Витебская Старина»; вышелъ изъ соннаго состоянія и мѣстный офиціальный о̀рганъ «Губернскія Вѣдомости», въ которыхъ редакторъ неофиціальной части В. С. Сафоновъ помѣщаетъ дѣльныя статьи и матеріалы по исторіи, статистикѣ и проч. Новый областной сборникъ историко-географическаго содержанія отнюдь не будетъ лишнимъ. Судя по первому его выпуску, изданіе займетъ почетное мѣсто въ литературѣ отечествовѣдѣнія и гарантіей въ успѣхѣ его выхода и въ полнотѣ дальнѣйшихъ выпусковъ служитъ имя иниціатора и редактора изданія. Князь В. М. Долгоруковъ, по высокому положенію своему въ губерніи, располагаетъ необходимыми средствами, чтобы и дальнѣйшіе выпуски его обзора губерніи сдѣлать столь же интересными, какъ и первый.

Во второй выпускъ предположено включить дополнительныя свѣдѣнія по статистикѣ народонаселенія, церковный отдѣлъ, очерки по сельскому хозяйству, торговлѣ, промысламъ и проч.

Книга занимаетъ 387 страницъ и имѣетъ солидную внѣшность: напечатана она красивымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, и наполнена многочисленными рисунками, недурно исполненными, фотографическими снимками, картами, планами и чертежами. Къ нимъ недостаетъ лишь указателя для легчайшаго отысканія въ книгѣ рисунка. М. Г—цкій.

Костромская старина. Сборникъ, издаваемый Костромской ученой архивной комиссіей. Выпускъ первый. Кострома. 1890.

Костромская архивная комиссія продолжаетъ изрѣдка напоминать о своемъ существованіи. Изъ прежнихъ изданій ея намъ извѣстны: 1) Содержаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатьевскаго монастыря.—И. В.

Миловидова вып. 1-й. Кострома 1887. Вып. 2-й. Кострома 1888. 2) Матеріалы для исторіи Костромы. И. В. Миловидова. Кострома 1887. 3) Описаніе старинныхъ рукописей, хранящихся въ архивѣ Макаріева Унженскаго монастыря, Костромской губерніи. И. К. Херсонскаго. Кострома 1887. Теперь появляется въ свѣтъ первый выпускъ сборника этой комиссіи подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ: «Костромская Старина». Изъ помѣщенныхъ здѣсь статей обращаетъ на себя вниманіе статья И. К. Херсонскаго: «Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ памятникахъ старины, доставленныя въ Костромскую ученую архивную комиссію отъ церквей костромской епархіи». Въ 1886 году Костромская ученая архивная комиссія обратилась къ о. о. благочиннымъ костромской епархіи съ просьбою сообщить, не хранится ли при завѣдуемыхъ ими церквахъ старинныхъ рукописей, представляющихъ историческій интересъ, къ какому вѣку онѣ относится, каково въ общихъ чертахъ ихъ содержаніе? Затѣмъ въ 1887 году, въ виду предстоявшаго въ г. Ярославлѣ VII археологическаго съѣзда, комиссія просила о. о. благочинныхъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ доставить ей свѣдѣнія о городищахъ, курганахъ, урочищахъ и другихъ извѣстныхъ имъ памятникахъ мѣстной старины. Въ отвѣтъ на эти два предложенія комиссіи отъ нѣкоторыхъ священниковъ получены были тѣ или другія свѣдѣнія о памятникахъ нашей древности. Эти свѣдѣнія и послужили непосредственнымъ матеріаломъ для статьи г. Херсонскаго. Въ статьѣ говорится о старинныхъ деревянныхъ и каменныхъ церквахъ, о зданіяхъ при церквахъ, объ иконахъ старыхъ, крестахъ, антиминсахъ, богослужебныхъ сосудахъ, колоколахъ, гробницахъ и надгробныхъ камняхъ, урочищахъ, древнихъ кладбищахъ, городищахъ и курганахъ. Свѣдѣнія эти кратки, но точны. Между письменными памятниками нѣтъ особенно древнихъ. Такъ печатныя книги самыя древнія относятся къ началу XVII в. и тѣхъ немного; въ Солигаличскомъ Рождественскомъ соборѣ два напрестольныхъ Евангелія: одно Московскаго изданія 1626 года, другое—Львовское 1636 г.; въ погостѣ Унорожъ Галичскаго уѣзда одно — 1627 г.; въ селѣ Троицкомъ Буйскаго уѣзда—два Евангелія начала XVII в. Рукописи относятся также къ XVII в. Изъ нихъ обращаетъ вниманіе на себя сборникъ разныхъ статей подъ названіемъ «Лѣтописецъ». Рукопись въ 4-ю долю листа, на 290 листахъ. Здѣсь помѣщены: «Сказаніе отъ начала царства царя Θеодора Ивановича до освященія храма въ деревнѣ Девулинѣ, идеже мирное поставленіе бысть про межь обою государствъ Московскимъ и Польскимъ» (1—207 лл.); «Описаніе винъ или притчей ими же къ погибели и разоренію всякаго государства приходятъ» (210—228 лл.); «Сказаніе вкратцѣ о скиѳѣхъ и о словянѣхъ и о Руси и о началѣ и о созданіи великаго Нова города и о великихъ государѣхъ Россійскихъ Самодержцѣхъ» (231—41 лл.); «Слово о Удонѣ епископѣ Магдебургскомъ, какъ онъ страшнымъ и ужаснымъ образомъ смерти преданъ» (272—278 лл.); «Посланіе Макарія патріарха Антіохійскаго къ патріарху Никону о латинахъ и о прочихъ еретикахъ, кіихъ паки подобаетъ крестити и кіихъ токмо миропомазывати» (279—290 лл.). Вторая рукопись — не полна; она представляетъ собою сказаніе о патріархѣ Никонѣ на 106 разрозненныхъ листахъ. Третья находится въ селѣ Благовѣщенскомъ, Буйскаго уѣзда, и представляетъ собою житіе преподобнаго Θерапонта XVII в. Сверхъ этого, въ статьѣ г. Херсонскаго мы находимъ указанія на многія жалованныя граматы XVII в., а затѣмъ указы, манифесты и проч. времени Петра Великаго и послѣдующихъ царствованій.

Вторая статья въ сборникѣ Костромской архивной комиссіи принадлежитъ И. В. Миловидову, одному, повидимому, изъ самыхъ ревностныхъ членовъ этой комиссіи. Озаглавленная: «Дѣла изъ архива Костромскаго Губернскаго Правленія», статья эта представляетъ извлеченіе, пока неоконченное, изъ одного только дѣла, относящагося къ 1708 году. Дѣло это, характеризуя крестьянскіе побѣги отъ своихъ помѣщиковъ, можетъ еще интересовать съ другой стороны: оно довольно рельефно рисуетъ, какъ въ старину дѣла затягивались, т. е. такъ называемую волокиту дѣлъ. Тому же г. Миловидову здѣсь принадлежатъ еще двѣ статьи: «Древности Костромскаго края, извѣстныя архивной комиссіи» и «Два дѣла, служившія Писемскому основнымъ мотивомъ къ созданію бытовой драмы «Горькая Судьбина». Давно уже было извѣстно, что основа этой драмы не выдумана Писемскимъ. П. Анненковъ составитель біографическаго очерка А. Ѳ. Писемскаго утверждаетъ, что Писемскій встрѣтился съ подобнымъ происшествіемъ въ 1848 году, будучи еще чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ губернаторѣ; что онъ имѣлъ въ рукахъ подлинное дѣло точно такаго же содержанія, и въ качествѣ слѣдователя, командированнаго губернаторомъ, принималъ участіе въ его разборѣ самъ. (Соч. А. Писемскаго—т. I. Изд. 2. М. О. Вольфа. Спб. 1883 г.—43 стр.). Въ прошломъ 1889 году тотъ же г. Миловидовъ заявилъ въ «Русской Старинѣ», что въ основѣ этой драмы А. Ѳ. Писемскаго легло не одно, а два дѣла, хранящихся въ архивѣ Костромскаго окружнаго суда и находя, что дѣла эти имѣютъ важное значеніе для изученія и объясненія генезиса драмы «Горькая Судьбина», онъ тамъ же представилъ краткій пересказъ ихъ (см. «Русскую Старину» 1889 г. т. LXIV, 335—360). Теперь г. Миловидовъ обращается снова къ этимъ дѣламъ и представляетъ подробнѣйшее извлеченіе изъ нихъ на страницахъ вышеуказаннаго сборника Костромской архивной комиссіи. Общій выводъ, къ которому приходитъ г. Миловидовъ послѣ подробнаго разбора этихъ двухъ дѣлъ, тотъ, что оба они были извѣстны Писемскому.

Изъ прочихъ статей сборника Костромской архивной комиссіи отмѣтимъ: «Свѣдѣнія о курганахъ, городищахъ, земляныхъ валахъ, древнихъ кладбищахъ и могилахъ, находкахъ и проч., по нѣкоторымъ городамъ и уѣздамъ Костромской губерніи».—В. Г. Пирогова; «Рукописное житіе преподобнаго Варнавы Ветлужскаго»—И. К. Херсонскаго; «Рукописи изъ архива Макаріева Унженскаго монастыря»—его же. Пока г. Херсонскій разсмотрѣлъ и напечаталъ 17 грамотъ и указовъ изъ архива этого монастыря. Всѣ они относятся къ XVIII вѣку и лишь одна къ XVII—къ эпохѣ Стеньки Разина (собственно Илюшки Пономорева, о которомъ см. «Историч. Вѣстникъ» 1888 годъ № 8, 355—363). Между ними есть не мало интереснаго и новаго; но можно встрѣтить и извѣстное уже въ печати. Положительно не было никакой необходимости перепечатывать цѣликомъ напримѣръ указъ 1771 года—«о назначеніи поста, крестныхъ ходовъ и молебствій по случаю чумы». Буквально такой же указъ напечатанъ былъ уже въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1888 годъ, № 7, 202—204 стр.).

В. К—вичъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Изъ воспоминаній о голландскомъ королѣ Вильгельмѣ III: характеръ короля; идилліи его и трагедія его семейной жизни; «Prince Citron».—Гортензія Богарне: ея семейная жизнь; письмо Наполеона I объ этомъ; ревность Луи Вонапарта; легенда о происхожденіи Наполеона III; аудіенція Гортензіи у Луи Филиппа.—Маратъ, какъ спеціалистъ по леченію чахотки: исцѣленіе маркизы де Лобеспинъ; «вода Марата».— Фридрихъ Великій, какъ журналистъ.— Ссылка прусскихъ преступниковъ въ Сибирь.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ о голландскомъ королѣ Вильгельмѣ III. Съ послѣдовавшей недавно кончиной Вильгельма III голландскаго прекратился домъ Оранскій въ мужскомъ поколѣніи. Эта династія принадлежитъ къ древнѣйшимъ въ Европѣ. Насаусскій домъ, изъ котораго происходитъ Оранская вѣтвь, можетъ похвалиться тысячелѣтней исторіей, если вести его происхожденіе отъ графа Гатто Висбадена и Гохгейма, правившаго по смерти Карла Великаго. Съ Нидерландами эта династія связана уже съ конца XIV вѣка.

Король Вильгельмъ III хорошо зналъ историческую давность своего дома, но самъ не обладалъ династической гордостью. Онъ вообще представлялъ собой замѣчательное сочетаніе аристократическихъ и самыхъ новѣйшихъ воззрѣній. Иногда любилъ онъ указывать на своихъ предковъ, которые задолго до Крестовыхъ походовъ были сильными правителями, и хвалиться тѣмъ, что изъ его династіи священная римская имперія имѣла императора, а Англія—одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ государей. А иногда король самъ насмѣхался надъ услужливымъ усердіемъ придворныхъ генеалоговъ. Однажды за чаемъ во дворцѣ зашла рѣчь объ «его великомъ предкѣ Вильгельмѣ Молчаливомъ». «Ахъ, глупости—Вильгельмъ Молчаливый такой же мой предокъ, какъ и вашъ. Если бы я называлъ моими предками всѣхъ правителей, приходившихся мнѣ въ такомъ же родствѣ, какъ Молча-

ивый, то вы могли бы навязать мнѣ въ родню Фридриха Великаго, Карла Смѣлаго, Петра Великаго».

Въ своемъ обращеніи король Вильгельмъ былъ простъ и общителенъ, но именно съ тѣми, кто ему нравился. Другимъ же онъ не позволялъ переступать границъ, отдѣляющихъ монарха отъ подданнаго, даже въ своихъ отношеніяхъ къ прекрасному полу. Разсказываютъ такой случай. Одна красивая француженка, которой король плѣнился въ театрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ владѣла его сердцемъ, но однажды въ пріятномъ tête-à-tête съ нимъ она позволила себѣ по парижскому обычаю назвать его «mon gros touton». Это воспоминаніе о бульварѣ и «cabinets particuliers» обошлось ей не дешево. Король вскочилъ, немедленно ушелъ отъ нея и тотчасъ же прислалъ ей сказать, чтобъ она убиралась вонъ за границу. Всѣ попытки француженки повидать короля оказались напрасными. И ей ничего не оставалось по возвращеніи въ Парижъ, какъ сѣтовать, что «иностранцы не понимаютъ шутокъ».

Покойный король былъ большимъ поклонникомъ прекраснаго пола и нисколько не скрывалъ этой своей слабости. Женившись 22 лѣтъ на принцессѣ Софьѣ Виртембергской, онъ не нашелъ счастья въ бракѣ. Королева Софья была выдающейся женщиной своего времени, но она не обладала красотой и, сверхъ того, отличалась необыкновенной живостью характера, чего король не могъ переносить. Самъ—флегматикъ, спокойный до апатіи, медлительный въ словахъ и движеніяхъ, онъ не любилъ бойкости рѣчи и подвижной жестикуляціи. Поэтому онъ и избѣгалъ общества королевы которая находила себѣ утѣшеніе въ кругу людей науки, искусства и литературы. Она вела обширную переписку съ государственными людьми, учеными, писателями. Въ числѣ членовъ французской академіи было не мало усердныхъ корреспондентовъ ея. Нерѣдко она приглашала своихъ друзей гостить въ королевскій зáмокъ и извѣстный французскій композиторъ Амбруазъ Тома до сихъ поръ стрижетъ свою бороду à la король Вильгельмъ въ воспоминаніе о своемъ пребываніи въ Голландіи.

Милостью голландскаго короля пользовались иностранки, преимущественно француженки. Извѣстна его связь съ г-жей Мюзаръ, длившаяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Это была жена мелкаго скрипача, державшаго въ 60-хъ годахъ въ Елисейскихъ Поляхъ въ Парижѣ танцовальные вечера «Bal Musard», которые соперничали съ знаменитымъ «Mabille». Газетная богема Парижа вѣчно толкалась у Мюзара и ухаживала за его плѣнительно красивой женой, вскорѣ сдѣлавшейся предметомъ вниманія всѣхъ. Спустя нѣкоторое время замѣтили, что Мюзаръ сталъ носить большія бриліантóвыя кольца, кататься въ великолѣпныхъ экипажахъ, получалъ иностранные ордена, купилъ отэль, обставилъ его роскошно, пріобрѣлъ отличное помѣстье, имѣлъ ложу въ Большой Оперѣ и вывозилъ въ свѣтъ свою жену въ такихъ туалетахъ, которые возбуждали удивленіе императрицы Евгеніи и княгини Меттернихъ. Парижъ ломалъ себѣ голову, откуда такъ повалило Мюзарамъ. «Друзья» стали разнюхивать и скоро дознались, что красивую жену одинъ или два раза въ мѣсяцъ по вечерамъ провожалъ мужъ на вокзалъ Сѣверной дороги и она уѣзжала въ особомъ купе, а затѣмъ черезъ два дня возвращалась въ Парижъ, гдѣ ее ожидалъ и встрѣчалъ вѣрный супругъ. Цѣль этихъ регулярныхъ поѣздокъ не долго оставалась въ тайнѣ. Г-жа Мюзаръ ѣздила къ королю Вильгельму, проводила въ его обществѣ сутки и

затѣмъ возвращалась въ Парижъ съ богатыми подарками. Когда это стало извѣстно, всѣ отвернулись отъ Мюзара. Жену не винили. Но скрипачу не могли простить, что при каждой поѣздкѣ ея онъ провожалъ ее, самъ сажалъ въ купе и съ букетомъ въ рукахъ встрѣчалъ ее. Послѣ крушенія второй имперіи связь эта прекратилась. Мюзаръ умеръ 8 лѣтъ назадъ презрѣннымъ и покинутымъ, а красавица жена его помѣшалась и помѣщена въ сумасшедшій домъ.

Другія идилліи короля происходили въ Швейцаріи. Въ Женевскомъ и Ваадскомъ кантонахъ до сихъ поръ не забыто, что голландскій монархъ даже имѣлъ столкновенія съ мѣстной полиціей, такъ какъ на чужой землѣ онъ не налагалъ на себя той похвальной сдержанности, какую постоянно соблюдалъ въ своей странѣ. Всѣ эти слабости, однако, объясняются неудовлетворенной потребностью въ счастьѣ. Не слѣдуетъ забывать, что король Вильгельмъ обращался за утѣшеніемъ къ чаркѣ вермута и что солнечные лучи рѣдко озаряли его существованіе. Съ старшимъ сыномъ, принцемъ Вильгельмомъ, онъ разсорился и даже не былъ у смертнаго одра наслѣдника нидерландской короны, когда тотъ 44 лѣтъ кончилъ жизнь въ Парижѣ отъ воспаленія легкихъ. Второго сына, принца Александра, онъ лишился нѣсколькими мѣсяцами позже и его старость была бы жестокой, если бы онъ не нашелъ себѣ въ королевѣ Эммѣ юную спутницу.

Трагедія семейной жизни короля Вильгельма еще не написана. Такой трагедіей явился раздоръ съ сыномъ, котораго онъ любилъ и который пошелъ противъ отца. Наказаніе было жестокое. Отецъ не пожелалъ видѣться съ сыномъ и послѣдній долженъ былъ жить въ изгнаніи, гдѣ онъ палъ нравственно и въ концѣ концовъ позорно растратилъ жизнь въ парижскихъ ночныхъ ресторанахъ, прослывъ тамъ «Prince Citron». Цвѣтущимъ сильнымъ юношей принцъ Вильгельмъ уѣхалъ изъ отцовскаго зáмка и по прошествіи многихъ лѣтъ былъ привезенъ трупомъ. Онъ имѣлъ много общаго съ отцомъ: упрямство и здравый смыслъ, а также наклонность къ грубымъ формамъ наслажденія жизнью. Его безславіе увѣковѣчено въ извѣстномъ романѣ Альфонса Додэ «Les rois en exil».

Принцъ Александръ болѣе походилъ на свою мать. Онъ былъ остроумный, хорошо образованный молодой человѣкъ, почитатель искусствъ и наукъ, и самъ писатель, не лишенный дарованія, но смерть погубила его, прежде чѣмъ могъ онъ украсить Оранскій тронъ своими способностями.

Какъ правитель, Вильгельмъ III въ теченіе 41 года образцово соблюдалъ конституцію. Онъ не требовалъ отъ страны никакихъ жертвъ, даже денежныхъ, ибо самъ былъ очень богатъ, благодаря практической дѣятельности его дѣда, Вильгельма I, которому королевскій санъ не мѣшалъ заниматься колоссальными торговыми предпріятіями и спекуляціями, и который могъ оставить своимъ потомкамъ состояніе болѣе ста милліоновъ.

Послѣдній годъ царствованія голландскаго короля былъ омраченъ душевнымъ недугомъ. Покои его дворца представлялись ему полными призраковъ. Онъ видѣлъ передъ собой образы всѣхъ пророковъ и побѣдителей. Вильгельмъ Оранскій смѣнялся Наполеономъ, Наполеонъ — Ганнибаломъ, а этотъ—Даніиломъ во рву львиномъ.

— **Гортензія Богарне.** Королева Гортензія извѣстна, какъ дочь императрицы Жозефины, падчерица Наполеона I и особенно какъ мать Наполеона III. О легкомысліи и вѣтренности ея установилась не лестная

молва. Оказывается на повѣрку, что худая слава въ данномъ случаѣ можетъ быть оправдана нѣкоторыми, какъ говорится, смягчающими вину обстоятельствами. Таково мнѣніе профессора Вертеймера, который, сгруппировавъ разсѣянный въ мемуарахъ и письмахъ соотвѣтственный матеріалъ, взялъ на себя роль адвоката Гортензіи. Интересны, однако, не доводы его въ защиту слабостей бывшей голландской королевы, а факты, подобранные на этотъ счетъ.

Остроумная Гортензія Богарне, отличавшаяся граціей и обворожительностью, имѣла одинъ недостатокъ въ своей наружности—это дурные зубы, унаслѣдованные ею отъ своей матери Жозефины. Воспитаніе Гортензія получила въ знаменитомъ тогда заведеніи г-жи Кампанъ. Когда она тамъ окончила курсъ, Жозефина позаботилась отыскать ей жениха. «Моя дочь»—рѣшила она—«выйдетъ замужъ или за аристократа, или за Бонапарта». Сперва Лукіанъ Бонапартъ былъ намѣченъ въ мужья Гортензіи, но это не состоялось, и Жозефина остановила свой выборъ на Луи Бонапартѣ, впослѣдствіи королѣ Голландіи. Этотъ оказался податливѣе и бракъ былъ совершенъ 4 января 1802 г.

Бракъ съ Луи явился для Гортензіи источникомъ большихъ страданій и горькихъ разочарованій. Родные мужа ея косо смотрѣли на этотъ бракъ. Сестры Луи старались вооружить его противъ жены разными сплетнями на ея счетъ, а мужъ не имѣлъ достаточно характера, чтобы хорошенько проучить сплетниковъ или, по крайней мѣрѣ, провѣрить то, про что ему наушничали. Какъ всѣ ревнивцы, онъ вѣрилъ всякимъ розсказнямъ, и о семейномъ благополучіи въ его домѣ не могло быть и рѣчи. Современники выставляютъ его «самымъ тираническимъ изъ супруговъ». Такого же понятія былъ о немъ и его братъ Наполеонъ I, который написалъ ему 4 апрѣля 1807 г., когда тотъ былъ уже королемъ Голландіи, слѣдующее письмо по поводу раздоровъ съ Гортензіею: «ваши ссоры съ королевой получаютъ огласку. Примѣните къ вашей семьѣ то отеческое и мягкое отношеніе, какое вы обнаруживаете въ дѣлахъ правленія, а къ правленію относитесь съ такою-же строгостью, какъ вы поступаете дома. Вы обращаетесь съ вашей женой, какъ обращаются съ полкомъ. Вы обладаете лучшей и добродѣтельнѣйшей изъ женщинъ, а дѣлаете ее несчастной. Разрѣшите ей танцовать сколько угодно, вѣдь это ей по лѣтамъ. У меня сорокалѣтняя жена и, однакожъ, я пишу ей съ поля битвы, чтобъ она посѣщала балы, а вы хотите, чтобъ женщина въ 20 лѣтъ, полная иллюзій, жила какъ въ монастырѣ, какъ нянька, вѣчно занятая подмываніемъ ребенка? Вы слишкомъ самовластны въ семьѣ и недостаточно властны въ управленіи. Я бы не сталъ вамъ говорить это, если бы не питалъ къ вамъ живѣйшей симпатіи. Сдѣлайте счастливой мать вашихъ дѣтей. Для этого есть одно только средство: показывайте ей побольше уваженія и довѣрія. Къ несчастью, вы обладаете черезчуръ добродѣтельной женщиной. Будь у васъ жена кокетка, она водила бы васъ за носъ. Но ваша супруга такъ горда, что одна мысль о томъ, что вы можете быть о ней дурного мнѣнія, волнуетъ и смущаетъ ее. Вамъ бы надо было дать жену, какихъ я зналъ въ Парижѣ. Такая васъ бы надувала на каждомъ шагу, и вы постоянно ползали бы у ногъ ея. Не моя ошибка, что она не такая; я не разъ говорилъ объ этомъ вашей женѣ».

Обвиненія Наполеона имѣли основаніе. Всякую любезность со стороны Гортензіи Луи объяснялъ кокетствомъ, прибавляя: «все это нарочно

показывается, чтобъ потомъ легче обманывать меня». Онъ объявилъ, что приметъ всѣ мѣры предосторожности, чтобъ «избѣжать общей судьбы всѣхъ мужей». Не довольствуясь этимъ, Луи старался всѣ слабости Жозефины отыскать въ Гортензіи. Онъ дошелъ до того, что запретилъ женѣ видѣться съ матерью. Во избѣжаніе размолвки между братьями, Гортензія молчала и сносила оскорбленія. Но положеніе ея стало еще болѣе невыносимымъ, когда у нея родился первый ребенокъ. Дамы изъ Бонапартовой фамиліи по этому поводу распустили слухъ о связи Гортензіи съ первымъ консуломъ, а г-жа Мюратъ взялась объ этомъ подозрѣніи сообщить своему братцу Луи, который пришелъ въ неистовство. Теперь онъ оправдывалъ свои мѣры противъ жены и еще болѣе усилилъ строгости. Распространившееся мнѣніе о томъ, что новорожденный—не сынъ Луи, только ухудшило положеніе Гортензіи. При этомъ Луи угрожалъ ей ссылкой въ самый отдаленный уголъ въ мірѣ, если она осмѣлится жаловаться на него всемогущему брату. Онъ окружилъ ее шпіонами, слѣдившими за каждымъ ея шагомъ, а когда она пробовала сблизиться съ нимъ, онъ рѣзко отталкивалъ ее: «вы меня не можете любить, вѣдь вы женщина, слѣдовательно вы—существо, сотканное изъ лукавства и злости».

Въ 1806 г., по приказанію Наполеона, Луи отправился въ Голландію. Въ роли королевы, Гортензія не переставала чувствовать себя французской принцессой. И это служило лишь новымъ предлогомъ къ отчужденности между супругами. Насколько Гортензія не любила Голландію, настолько Луи привязывался къ ней. Онъ бахвалился тѣмъ, что во всемъ старался походить на голландца. Онъ позволялъ въ своихъ салонахъ, вопреки этикету, курить длинныя голландскія трубки.

Примиреніе между супругами на нѣкоторое время было вызвано смертью старшаго сына, въ 1807 г. Гортензія впала въ отчаяніе. Луи сталъ обращаться съ ней нѣжнѣе. Но и тутъ онъ не измѣнялъ своей ревности. По словамъ самой Гортензіи, Луи обыкновенно присаживался къ ней больной на постель и, обѣщая впредь быть ея хранителемъ и утѣшителемъ, вымогалъ у нея признанія въ невѣрности. «Признайся откровенно въ своихъ слабостяхъ», говорилъ онъ ей, «я все прощу тебѣ, мы начнемъ новую жизнь, которая заставитъ навсегда забыть о прошломъ». Больная королева отвѣчала, что ей не въ чемъ сознаваться. Тогда недовѣрчивый Луи требовалъ клятвы въ томъ, что она всегда была вѣрна ему. Даже послѣ такой клятвы—онъ снова начиналъ приставать къ Гортензіи съ мольбою объ откровенномъ сознаніи. Такое обращеніе не могло улучшить состояніе больной.

Гортензію пришлось отправить въ пиренейскіе курорты. Тамъ супруги жили въ полной гармоніи. Вскорѣ (20 апрѣля 1808 г.) у нихъ родился сынъ, впослѣдствіи Наполеонъ III. Поэтому всѣ слухи о томъ, что Наполеонъ III былъ плодомъ связи Гортензіи съ голландскимъ адмираломъ Вергюелемъ (см. «Ист. Вѣст.», 1890 г., т. XLII, стр. 549 и сл.), надо считать баснословными. Но тогда вѣрили подобнымъ слухамъ, которые усердно распространялись самими Наполеонидами. Г-жа Мюратъ опять принялась настраивать своего подозрительнаго брата противъ его жены, увѣряя его, что, по общему мнѣнію, Гортензія находится въ интересномъ положеніи вслѣдствіе ея связи съ Казомъ. Этотъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи министромъ и любимцемъ Людовика XVIII, въ бытность Гортензіи въ Пиренеяхъ оставался еще совер-

шенно невѣдомымъ господиномъ. Тѣмъ не менѣе Луи вѣрилъ всему и опять супруги стали жить, какъ чужіе.

Наполеонъ въ то время рѣшилъ развестись съ Жозефиной и жениться на Маріи Луизѣ. Одновременно долженъ былъ состояться и разводъ Луи съ Гортензіей, такъ какъ она отказалась ѣхать въ Голландію по требованію мужа. Но Наполеонъ принудилъ супруговъ примириться хотя бы внѣшнимъ образомъ. Гортензіи пришлось возвращаться въ Голландію, но насколько несерьезно было примиреніе, видно изъ того, что король и королева отправились по разнымъ дорогамъ—Гортензія черезъ Брюссель и Антверпенъ, Луи—черезъ Ахенъ. Можно вообразить, какой адъ начался въ королевской семьѣ послѣ подобнаго примиренія. Гортензія, наконецъ, тайно рѣшилась бѣжать въ Парижъ, что ей и удалось. Но и самому Луи пришлось вскорѣ покинуть Голландію. Онъ отрекся отъ престола и сталъ называться графомъ С.-Лё.

Гортензія, живя въ Парижѣ, въ 1812 г., когда генералъ Малле въ отсутствіе Наполеона хотѣлъ овладѣть Маріей Луизой и ея сыномъ (римскимъ королемъ), одна изъ первыхъ явилась въ Сенъ-Клу охранять императорскую семью. Къ тому же періоду ея жизни относится связь Гортензіи съ графомъ Флаго, отъ котораго она имѣла сына, впослѣдствіи одного изъ главныхъ дѣятелей второй имперіи—графа Морни. Когда Наполеонъ лишился престола, Гортензія подобно другимъ его родственникамъ жила въ изгнаніи, нося титулъ герцогини С.-Лё. Зиму она проводила въ Аугсбургѣ, лѣто въ зáмкѣ Арененбергъ на Воденскомъ озерѣ, въ кантонѣ Тургау, и не переставала хлопотать о возстановленіи имперіи. Въ 1818 г. сэръ Гудсонъ Лоу переслалъ въ Лондонъ переписку, изъ которой было ясно, что Гортензія съ узникомъ св. Елены поддерживала тайныя сношенія. По смерти Наполеона и послѣ кончины ея брата Евгенія, бывшаго вице-короля Италіи, она посвятила себя исключительно воспитанію дѣтей. Послѣ неудавшейся революціонной попытки Менотти въ Романьѣ въ 1831 г., въ которой участвовали ея сыновья, причемъ старшій сынъ поплатился жизнью, она поспѣшила въ Италію и увезла второго сына, впослѣдствіи императора Наполеона III, черезъ Ниццу во Францію.

Тайно явившись въ Парижъ, Гортензія обратилась къ давнишнему своему знакомому графу д'Удето, флигель-адъютанту короля Луи Филиппа, съ просьбой доложить королю объ обстоятельствахъ, приведшихъ ее въ Парижъ. Луи Филиппъ согласился дать ей аудіенцію. Подъ глубочайшей тайной онъ принялъ ее въ Пале-Роялѣ въ маленькой комнатѣ. Туда были приглашены жена короля и сестра его Аделаида. Въ комнаткѣ были только кровать, столъ и два стула. Королева и Гортензія сѣли на кровати, король и Аделаида сѣли на стульяхъ. Присутствовавшій графъ д'Удето, которому негдѣ было сѣсть, оперся спиной на дверь и загородилъ входъ въ нее. Когда Гортензія заявила о своемъ желаніи получить разрѣшеніе на посѣщеніе Франціи или предварительно Виши, Луи Филиппъ отвѣтилъ: «Виши, да, для вашего здоровья, это будетъ вполнѣ естественно, затѣмъ вы продлите ваше пребываніе или опять пріѣдете. Въ этой странѣ очень скоро привыкаютъ ко всему и забываютъ также скоро». Король обѣщалъ ей свою поддержку. «Однакожъ, прибавилъ онъ, я — конституціонный король; поэтому мнѣ необходимо извѣстить министерство о вашемъ прибытіи и вашихъ желаніяхъ». И онъ предупредилъ своего тогдашняго премьера,

Казиміра Перье, который тотчасъ же отправился къ Гортензіи. «Я знаю— сказала она Перье—что я нарушила законъ. Вы въ правѣ меня арестовать, это было бы справедливо». «Только законно—возразилъ премьеръ,—а не справедливо». Вскорѣ, однако, обнаружившаяся въ Парижѣ агитація въ пользу Наполеонидовъ вынудила Луи Филиппа повелѣть Гортензіи съ сыномъ немедленно оставить Францію. Она отправилась сперва въ Англію, а потомъ въ Швейцарію. 3 октября 1837 г. она умерла.

— **Маратъ, какъ спеціалистъ по леченію чахотки.** Въ «Intermédiaire des chercheurs et des curieux» докторъ Огюстъ Кабанесъ напечаталъ интересное сообщеніе объ одномъ предшественникѣ доктора Коха. Извѣстно, что до редактированія «Друга народа» Маратъ былъ докторомъ, и притомъ моднымъ. Состоя при дворѣ графа д'Артуа и пользуя его приближенныхъ, Маратъ вращался въ высшемъ аристократическомъ обществѣ. Въ числѣ паціентокъ его находилась маркиза де Лобеспинъ, съ которою онъ познакомился по возвращеніи ея изъ Англіи. Это была очень красивая женщина, племянница одного изъ министровъ, служившихъ съ большимъ усердіемъ и преданностью монархіи Бурбоновъ. Маркиза болѣла очень опасно; докторъ Бувардъ, одинъ изъ знаменитостей того времени, объявилъ, что ей не прожить и двадцати четырехъ часовъ. Наслышавшись о Маратѣ, какъ о знатокѣ своего дѣла и человѣкѣ рѣшительномъ, она прибѣгла къ его услугамъ.

Марату удалось вылечить маркизу. Излеченіе это надѣлало много шуму, тѣмъ болѣе что Маратъ,—тогда уже извѣстный журналистъ—съумѣлъ распространить свою славу. Въ одномъ медицинскомъ журналѣ онъ помѣстилъ цѣлую серію вопросовъ, въ которыхъ аббатъ Филассье, ученикъ и препараторъ Марата, выставлялъ заслуги своего учителя, умоляя его о сообщеніи драгоцѣннаго его открытія. Слѣдующія строки, заимствованныя изъ «Gazette de la santé», свидѣтельствуютъ, что дѣло касалось именно чахотки: «Запущенная чахотка (т. е. легочный туберкулезъ) относится въ настоящее время къ числу неизлечимыхъ болѣзней, по всей вѣроятности, на основаніи тщетныхъ попытокъ къ излеченію ея, практиковавшихся до сихъ поръ. Одинъ недавній фактъ, обратившій на себя вниманіе всего Парижа, разубѣдилъ меня въ этомъ... Пять лѣтъ тому назадъ у маркизы де Лобеспинъ появился небольшой сухой кашель, къ которому вскорѣ присоединились лихорадка, безсонница и худоба. Призванный врачъ прописалъ успокоительныя микстуры, на нѣкоторое время смягчившія напряженіе симптомовъ болѣзни. Затѣмъ ее на долго посадили на устричный и лягушечный бульоны. Случай съ маркизой былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ; болѣзнь «ярко характеризовалась гнойнымъ отхаркиваніемъ, болью въ груди и сухоткой». Послѣ пользованія Марата, вмѣстѣ съ здоровьемъ, возстановились спокойствіе и общее благосостояніе маркизы, она снова пополнѣла и повеселѣла. Вотъ почему аббатъ Филласье заклиналъ доктора, которому удалось излечить «чахотку, болѣзнь столь же распространенную, сколь и жестокую», по возможности скорѣе сдѣлать сообщеніе о своемъ открытіи».

На это приглашеніе Маратъ не замедлилъ дать свой отзывъ въ той же «Gazette de santé». Съ скромными и благоразумными оговорками по поводу своего метода, онъ изложилъ ходъ леченія маркизы де-Лобеспинъ. По словамъ доктора Кабанеса, онъ описывалъ симптоматологію болѣзни, какъ опытный наблюдатель. Тщательно изслѣдовавъ мокроту, онъ очень сильно упиралъ на эту частность. Оставалось пополнить лишь одинъ пробѣлъ: взять

хорошій объективъ для обнаруженія въ составѣ выдѣленій бациллъ, открытыхъ послѣ того!»

Какое же леченіе назначалъ Маратъ своей больной? Нашимъ современнымъ врачамъ оно покажется болеутолительнымъ въ высшей степени: во-первыхъ—эмульсія изъ сладкаго миндаля съ нитровой солью; ибо крайняя слабость больной не допускала и мысли о кровопусканіи. Затѣмъ (порѣшивъ такимъ образомъ съ излюбленными въ то время кровопусканіями), Маратъ подвергъ свою больную воздѣйствію одной искусственной минеральной воды, «замѣнявшей кисловатыя воды Harrowgate». Маратъ не указывалъ состава этой воды, повидимому, служившей для излеченія «хроническихъ грудныхъ болѣзней». Это была «Искусственная противучахоточная вода г. Марата» (Eau factice antipulmonique de M. Marat). Это «спеціальное средство» возбуждало крайнее любопытство, и 1-го января 1778 года одинъ химикъ парижскаго факультета, аббатъ Тейссье, опубликовалъ подробный его анализъ. Изъ труда этого видно, что «Вода Марата» была известковымъ препаратомъ, по всей вѣроятности, растворомъ фосфорнокислой известковой соли. Историки передаютъ о той формѣ благодарности, въ какой маркиза воздала доктору, спасшему ей жизнь. Докторъ Кабанесъ въ «Intermédiaire» не намекаетъ ни словомъ на этотъ интимный и идиллическій эпизодъ изъ жизни свирѣпаго демагога.

Послѣ распространившагося извѣстія объ излеченіи маркизы де-Лобеспинъ, легочные больные, отъ которыхъ отказались ихъ доктора, цѣлыми толпами повалили къ Марату. Докторъ Кабанесъ перечисляетъ нѣсколькихъ титулованныхъ больныхъ, пожелавшихъ на себѣ испытать дѣйствительность этого средства. «Г. Прево, главный казначей французскихъ мостовъ и шоссе, маркизъ де-Гуи (Gouy), г. дю-Клюзель, Турскій интендантъ маркизъ де-Шуазёль добивались случая подвергнуть членовъ своихъ семей пользованію средствомъ, о которомъ кричали при дворѣ и въ городѣ».

Тогда по направленію къ консультаціонному кабинету Марата потянулась цѣлая сила отчаявшихся людей, совершенно на подобіе современнаго притока больныхъ къ цѣлительному кабинету доктора Коха въ Берлинѣ. Маратъ жилъ въ это время въ улицѣ Бургонь, въ самомъ предмѣстьѣ Saint-Germain. Квартира его была очень кокетливо обставлена. По свидѣтельству «Мемуаровъ» Бриссо, плата за визитъ доходила до 36 ливровъ, и тѣмъ не менѣе Маратъ не могъ удовлетворить всѣхъ паціентовъ.

Однако, не смотря на весь успѣхъ, доставленный ему медициной,—Маратъ скоро вернулся къ своимъ занятіямъ физикой. По выраженію его, положеніе медицины въ Парижѣ того времени, было «лишь профессіей шарлатана, его недостойной».

— **Фридрихъ Великій, какъ журналистъ.** Какъ извѣстно, Фридрихъ Великій былъ однимъ изъ разностороннѣйшихъ и плодовитѣйшихъ писателей. Онъ столько написалъ въ теченіе своей жизни, что уже напечатанныя его сочиненія составляютъ множество томовъ. Сюда же относится его корреспонденція, столько же касающаяся политическихъ и военныхъ вопросовъ, сколько и финансовыхъ, сельско-хозяйственныхъ и даже торговыхъ. Ни одна отрасль государственной жизни не ускользала отъ его вниманія. Объ усиленной писательской дѣятельности короля можетъ дать понятіе тотъ фактъ, что политическая его переписка, издаваемая прусской Академіей Наукъ, и доведенная лишь до 1759 года, составляетъ уже 18 объе-

мистыхъ томовъ, значитъ, 27 лѣтъ остаются еще нетронутыми. Съ другой стороны далеко не вполнѣ выясненнымъ является фактъ дѣятельныхъ сношеній Фридриха Великаго за все время его царствованія — съ печатью, значеніе которой не ускользнуло отъ его наблюдательнаго ума, не смотря на то, что печать того времени, по своему вліянію, значенію и распространенію, даже приблизительно не можетъ равняться съ современной. Тѣмъ не менѣе великій монархъ признавалъ и цѣнилъ силу даже лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ развитаго тогда газетнаго дѣла, пользуясь имъ для ознакомленія съ своими дѣлами и для благопріятнаго для себя настроенія общественнаго мнѣнія не только Германіи, но и всей Европы.

Для достиженія этой цѣли онъ избиралъ два пути. Или же сообщалъ свои предначертанія и руководящія замѣтки своимъ дипломатическимъ агентамъ въ Гаагѣ, Лондонѣ и Гамбургѣ, съ приказаніемъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ, печатать ихъ въ голландскихъ, англійскихъ и гамбургскихъ газетахъ. Руководящія замѣтки эти исходили всегда непосредственно отъ самого короля; причемъ, онъ настолько былъ свѣдущъ въ газетномъ дѣлѣ, что часто сердился, въ случаяхъ безтактнаго пользованія статьями. Другой—наиболѣе обыкновенный и чаще всего примѣнявшійся способъ передачи и распространенія мыслей и взглядовъ короля, а также описаній военныхъ событій путемъ печати, состоялъ въ собственноручныхъ статьяхъ короля, которыя или черезъ посланниковъ доставлялись въ иностранныя газеты, или черезъ посредство одного изъ министровъ печатались въ Берлинскихъ органахъ. Таково происхожденіе «Писемъ одного очевидца», появлявшихся отъ лица Фридриха въ Spener'ской газетѣ въ теченіе двухъ первыхъ Шлезвигскихъ войнъ.

Для окончательнаго установленія этого факта потребовалось болѣе столѣтія. Заслуга эта главнымъ образомъ принадлежитъ профессору Дройзену, собравшему эти письма и въ 70-хъ годахъ издавшему ихъ, въ видѣ приложенія къ «Militär-Wochenblatt». «Политическая корреспонденція» короля заключаетъ въ себѣ цѣлую массу «реляцій» изъ семилѣтней войны, съ помѣткой «собственноручно», такъ какъ онѣ принадлежатъ непосредственно перу самого короля. Подъ № 10500 въ 17-мъ томѣ корреспонденціи приводится подобная реляція съ добавленіемъ на оригиналѣ: «Реляцію печатать. Фридрихъ». Въ томъ же томѣ, подъ № 10577, встрѣчается письмо тайнаго кабинетъ-секретаря Эйхеля къ министру Финкенштейну въ Берлинѣ о повелѣніи короля, между прочимъ, напечатать въ газетахъ о результатѣ сраженія. И эти реляціи появились черезъ 4 дня въ «Berl. Nachrichten», а оттуда перешли во всю европейскую печать того времени.

— **Ссылка прусскихъ преступниковъ въ Сибирь.** Нѣмецкая печать въ послѣднее время вспомнила о нѣкогда организованной ссылкѣ прусскихъ преступниковъ въ Сибирь. Вотъ не лишенныя интереса подробности этого дѣла. Фридрихъ Вильгельмъ III, потребовавъ усиленія уголовныхъ наказаній вслѣдствіе постоянныхъ разбоевъ и поджоговъ въ польскихъ областяхъ, въ своемъ повелѣніи 1-го февраля 1799 г. указалъ на важность мѣръ, которыя устраняли бы возможность рецидивовъ для преступниковъ, отбывшихъ наказаніе. При обсужденіи этихъ мѣръ возникла мысль объ удаленіи изъ страны неисправимыхъ преступниковъ. Министръ Гольдбекъ нашелъ эту мысль удобоисполнимой въ томъ видѣ, чтобъ голландскія или гамбургскія торговыя фирмы отвозили на своихъ корабляхъ преступниковъ

для колонизированія Сѣверной Америки. Имѣлось въ виду также отправлять преступниковъ въ Остъ-Индію, Кайенну, Борнгольмъ и Сибирь. Зондированіе подлежащихъ правительствъ на этотъ счетъ завершилось надеждой на возможность ожидать содѣйствія лишь со стороны Россіи. Императоръ Павелъ и затѣмъ Александръ I согласились на предложеніе Пруссіи. Пруссія принимала на себя издержки по транспорту преступниковъ до Нарвы и участвовала въ расходахъ на перевозку ихъ отъ Нарвы до Архангельска. Въ іюнѣ 1802 года 58 пруссаковъ, такимъ образомъ, были отправлены на Нерчинскіе рудники. Въ октябрѣ 1802 года организовали дальнѣйшій транспортъ въ 200 человѣкъ. Но этотъ транспортъ такъ и не былъ доставленъ по назначенію. Одинъ изъ пруссаковъ, осужденный за поддѣлку банковыхъ билетовъ на 12,000 талеровъ, граверъ изъ Глогау, по прибытіи въ Нарву показалъ на практикѣ свое мастерство и русскимъ офицерамъ очень понравился. Гравера не сослали въ Сибирь, а оставили въ Нарвѣ. Усердіе къ ссылкѣ было охлаждено этимъ фактомъ, какъ и тѣмъ еще, что утонченнѣйшіе изъ преступниковъ нашли возможность вернуться въ Пруссію и близъ Грауденца организовали большую шайку воровъ въ 39 человѣкъ. Со вступленіемъ въ министерство Штейна и Гарденберга прекратились всякіе переговоры о ссылкѣ въ Сибирь.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русско-китайская задача. — Записки Анненковой. — Финляндія, заискивающая покровительство у Франціи. — Война въ Крыму, изображенная англійскимъ генераломъ. — Англійская біографія Суворова.—Испанская книга объ общинной собственности.—Исторія итальянскаго юриста прошлаго столѣтія.—Французскій ежегодникъ иностранной прессы.

Послѣднія книги прошлогоднихъ болѣе выдающихся иностранныхъ журналовъ наполнены статьями о Россіи, продолжающей попрежнему интересовать Европу. Нельзя сказать однако, чтобы статьи эти представляли въ новомъ свѣтѣ какую-нибудь сторону русской жизни, или разъясняли ея особенности. Въ органѣ г-жи Аданъ какой-то Филиппъ Лего на четырехъ страницахъ разрѣшаетъ «русско-китайскую задачу» (Le problème russo-chinois). По поводу извѣстія о томъ, что китайцы начинаютъ строить желѣзную дорогу черезъ Монголію къ нашей границѣ, въ то время, когда мы все еще разговариваемъ о томъ, какъ было бы полезно проложить рельсовый путь черезъ Сибирь, Лего, съ развязностію настоящаго француза, заявляетъ, что онъ не увлекается ни оптимистскими взглядами капитана Терентьева (?) въ его книгѣ «Russia and England in the East», ни пессимистскими сочиненіями англійскихъ писателей, обращающимися въ Средней Азіи: Чарльса Мартини, Деметрія Боульджера и др., а основывается только на фактахъ. И потому—«Мервъ—это Афганистанъ, въ русскихъ рукахъ, такъ какъ казакамъ есть теперь чѣмъ кормить своихъ лошадей (а прежде не было?) и армія царя, снабженная провіантомъ, можетъ идти во всякое время,—къ Персидскому заливу». Зачѣмъ она пойдетъ туда, — авторъ не объясняетъ, но говоритъ, что это сильно озабочиваетъ Калькуту и Лондонъ, ибо «провіантскіе склады даютъ русскимъ генераламъ неоспоримое преимущество»,—точно такихъ складовъ нѣтъ въ Калькутѣ. Англійскіе офицеры въ Квиттѣ говорили автору, что война неизбѣжна и не-

обходимо подвергнуться ея шансамъ. «Если Кашгаръ попадетъ въ русскія руки—престижъ Англіи въ Средней Азіи исчезнетъ. Балкъ въ 12-ти дняхъ разстоянія отъ Бухары и въ 10-ти—отъ Кабула, дорога къ которому идетъ черезъ Ваніанскій проходъ, доступный въ теченіе полгода для большой арміи». Въ то же время, Лего утѣшаетъ англичанъ тѣмъ, что Россіи не нужна Калькута, но увѣряетъ, что они интригуютъ въ Пекинѣ, чтобы Китай помѣшалъ Россіи устроивать гавани въ Тихомъ океанѣ. Весь вопросъ въ томъ: успѣютъ ли они въ этомъ. Германія будетъ очень довольна столкновеніями русскихъ съ китайцами или англичанами, но Лего совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ зорко слѣдить за этимъ. Если въ Азіи будетъ однимъ казакомъ меньше—это ослабитъ Францію, говоритъ онъ: Россія въ войнѣ съ китайцами, подкрѣпленными явно или тайно нѣмцами и англичанами, будетъ не въ состояніи слѣдить за политикой Европы и поэтому не должно позволять Китаю строить стратегическія желѣзныя дороги. Но какъ помѣшать этому? Лего увѣряетъ, что трактаты даютъ право французамъ строить желѣзныя дороги въ Китаѣ, но, кажется, это утвержденіе также справедливо, какъ и то, что «чайная торговля англичанъ съ Китаемъ перешла въ русскія руки». Откуда Лего взялъ эти извѣстія? и вообще что за странные взгляды высказываютъ французы, какъ только начнутъ политиканствовать.

— Въ двухъ книгахъ «Nouvelle Revue» напечатаны отрывки изъ записокъ Анненковой, жены декабриста, переведенные съ русскаго, хотя первоначально онѣ написаны по французски. Въ печати они появились въ 1888 году, въ «Русской Старинѣ», хотя продиктованы авторомъ своей дочери еще въ 1860 году. Въ этихъ запискахъ, кромѣ любопытныхъ подробностей о жизни декабристовъ въ Сибири, объ администраціи времени Николая I, рельефно выясняется удивительная по своей энергіи и беззавѣтному самоотверженію личность самой Анненковой, француженки изъ Лотарингіи. Потерявъ отца, убитаго въ Испаніи, она не захотѣла быть въ тягость матери, жившей небольшой пенсіей и въ 1824 году взяла мѣсто гувернантки въ одномъ московскомъ семействѣ. Здѣсь она познакомилась съ блестящимъ кавалергардомъ Анненковымъ, но не хотѣла выйти за него безъ согласія его матери, а взбалмошная и богатая старуха не давала этого согласія. Рожденіе ребенка не улучшило положенія влюбленныхъ, но катастрофа 14-го декабря сблизила ихъ еще болѣе. Просидѣвъ полгода въ Петропавловской крѣпости, Анненковъ сосланъ былъ на каторгу въ Читу. Дѣвица Гебель (фамилія Анненковой до замужества) рѣшилась послѣдовать за нимъ, нашла средство въ Вязьмѣ подать лично Николаю I прошеніе, въ которомъ, сознаваясь въ связи съ Анненковымъ, изъявляла желаніе узаконить эту связь бракомъ. Преданность француженки тронула императора, онъ даже приказалъ выдать ей пособіе на дорогу въ Восточную Сибирь, такъ какъ мать Анненкова не дала ей ни гроша. Но деньги устраняли только часть затрудненій тяжелаго пути и жизни на каторгѣ. Жениха привели въ церковь въ кандалахъ и расковали только для брачнаго обряда, но съ тѣхъ поръ Анненкова уже не разставалась съ мужемъ, родила 18 дѣтей и, вернувшись съ нимъ въ Россію, въ 1855 году, прожила еще 11 лѣтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и умерла 76-ти лѣтъ. Приведенные во французскомъ журналѣ отрывки останавливаются на пріѣздѣ Анненковой въ Читу. Переводъ сдѣланъ Маріей Галаховой.

— Журналъ «Le Correspondant» помѣстилъ обширную статью Генриха Жоли о Финляндіи (En Finlande). Авторъ былъ членомъ тюремнаго кон-

греса 1890 года и въ половинѣ іюня отправился на пароходѣ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, съ двумя своими соотечественниками. Тамъ ихъ приняли съ особенной предупредительностью и главная газета края «Nya Pressen» поднесла своимъ гостямъ, въ день ихъ пріѣзда, на французскомъ языкѣ привѣтствіе, удивившее даже самихъ гостей, потому что въ немъ говорилось, между прочимъ: «почему же народъ, работающій для развитія всемірной цивилизаціи законными путями, развивающій самыя высокія правовыя идеи нашего времени, не имѣетъ права жить независимою національною и политическою жизнью? Почему онъ не имѣетъ права быть живымъ членомъ въ кругу цивилизованныхъ народовъ? О, еслибы такое сужденіе о нашемъ народѣ и его интелигентномъ развитіи составилось у нашихъ гостей, представителей Европы! Мы тогда вдвойнѣ радовались бы ихъ посѣщенію и видѣли бы въ нихъ не только друзей, почтившихъ насъ своимъ присутствіемъ, но и представителей тѣхъ націй, къ которымъ они принадлежатъ». И членамъ конгреса конечно было очень пріятно разыграть передъ финляндцами роль этихъ представителей и принять сторону народа, достигшаго такого высокаго интелигентнаго и правового развитія. Генрихъ Жоли подробно разбираетъ новое уголовное уложеніе Финляндіи, также обязательно доставленное гостямъ во французскомъ переводѣ и находитъ, что русскіе должны придти отъ него въ восторгъ. Но мы уже знаемъ, что̀ это за уложеніе, которое вмѣсто введенія его съ нынѣшняго года, поручено пересмотрѣть русскимъ офиціальнымъ юристамъ въ законодательномъ порядкѣ. Жоли горячо отстаиваетъ всѣ стремленія финляндцевъ къ разъединенію съ Россіей и приводитъ даже обѣденный тостъ финляндскаго сенатора, который, говоря о трудахъ пенитенціарнаго конгреса, направленныхъ къ твердому, хотя и гуманному пресѣченію всѣхъ поступковъ противныхъ законамъ, прибавилъ, что правительства, карающія нарушителей законовъ должны первыя подавать примѣръ повиновенія этимъ законамъ и точно исполнять конституцію, которую они обязались охранять подъ присягою. Въ этой конституціи финоманы видятъ только «добровольное соглашеніе» двухъ націй и французы конечно соглашаются съ этимъ. Мы конечно не примемъ на себя труда опровергать доводы финляндскихъ сепаратистовъ, но не можетъ не указать на это умѣнье ловкихъ обитателей «финскихъ хладныхъ скалъ» пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы довести до свѣдѣнія Европы свои претензіи и ни на чемъ не основанныя жалобы.

— Вышла интересная книга «Война въ Крыму» (The war in the Crimea) написанная генераломъ Эдуардомъ Гамлей. Авторъ, служившій въ генеральномъ штабѣ въ продолженіе всей кампаніи, имѣлъ возможность провѣрить всѣ событія и перипетіи кампаніи. Англійская критика находитъ, что черезъ 35 лѣтъ, когда уже нѣтъ почти никого въ живыхъ изъ главныхъ участниковъ войны, можно писать ея исторію спокойно и хладнокровно. У Гамлея дѣйствительно больше беспристрастія, чѣмъ въ книгѣ Кинглека о томъ же предметѣ, но въ какой степени сужденія его вѣрны—объ этомъ могутъ судить только компетентныя лица. Такъ, авторъ обвиняетъ русскую батарею, что она при Альмѣ оставила свои позиціи во время атаки Кодрингтона, когда могла бы нанести много вреда нападавшимъ. Мысль—взять Севастополь тотчасъ послѣ сраженія, съ сѣверной стороны, онъ называетъ безполезнымъ предпріятіемъ, но находитъ, что можно было штурмовать городъ съ юга 20-го или 21-го числа, такъ какъ русскіе потопили свой флотъ

только 22-го. То же можно было предпринять и 26-го, по взятіи Балаклавы, хотя передовыя укрѣпленія Севастополя были уже въ то время защищены 172 орудіями большого калибра, но защита вообще была еще такъ плохо организована и гарнизонъ такъ упалъ духомъ, что побѣда союзниковъ была возможна, въ чемъ сознавались и русскіе. А между тѣмъ Гамлей называетъ высадку въ Крымъ необдуманнымъ, сумасшедшимъ поступкомъ (act of madness). Въ отсутствіи энергіи онъ всего болѣе обвиняетъ однако маршала Сент-Арно, а не лорда Раглана. Въ сраженіи при Балаклавѣ онъ указываетъ на большіе промахи союзной арміи, но всего болѣе упрекаетъ англійскій комисаріатъ за бѣдствія, испытанныя арміей въ теченіе зимы 1854—55 года. Провіантъ доставлялся не въ полномъ количествѣ и неакуратно, а въ фуражѣ войско терпѣло постоянный недостатокъ. Кригс-комисаръ оправдывался тѣмъ, что дѣлалъ запасы для войны въ Турціи, а для перевозки ихъ въ Крымъ не было достаточныхъ средствъ. Вообще въ книгѣ Гамлея много любопытнаго не для однихъ военныхъ.

— Полковникъ Спальдингъ написалъ біографію Суворова (Suvóroff), оказавъ этимъ, по словамъ англійской критики, услугу военной литературѣ, «вызвавъ изъ сравнительнаго забвенія карьеру весьма замѣчательнаго человѣка». Современные англичане сохранили о немъ смутное понятіе, а на твердой землѣ его уже превратили въ какой-то миѳъ, «странную смѣсь героя, варвара, шута и помѣшаннаго». Шутовство Суворова Спальдингъ объясняетъ его положеніемъ при тогдашнемъ дворѣ. Какъ человѣкъ дѣла, онъ не хотѣлъ и не имѣлъ времени заниматься придворными интригами; для того же, чтобы обезоружить своихъ враговъ и показать, что онъ не подкапывается подъ нихъ, онъ прибѣгалъ къ эксцентрическимъ выходкамъ и впослѣдствіи привыкъ ихъ продѣлывать уже безъ всякой нужды. Разсказавъ, какъ Суворовъ проводилъ свой день, какой велъ образъ жизни, авторъ пересказываетъ анекдоты о его странностяхъ и чудачествахъ и дѣлаетъ оцѣнку его какъ полководца. Ни одинъ генералъ не совершалъ такихъ быстрыхъ переходовъ съ своими войсками, какъ Суворовъ, даже Блюхеръ уступаетъ ему въ этомъ отношеніи. Но онъ никогда не утомлялъ солдатъ безъ крайней необходимости и не дѣлалъ безполезныхъ передвиженій. И солдаты любили его и шли за нимъ, увѣренные въ побѣдѣ. Несправедливое обвиненіе въ жестокости на Суворова возвелъ Байронъ, сказавъ въ «Донъ Жуанѣ», единственно для риѳмы, что русскій полководецъ любилъ кровь, какъ альдерменъ мозги подъ соусомъ. При взятіи Измаила, русскіе, озлобленные понесенными ими потерями, были безпощадны, но турки и не просили пощады, а отстаивали въ темнотѣ ночи каждый домъ, каждый шагъ въ улицахъ крѣпости. Идя на штурмъ Праги, Суворовъ отдалъ приказъ: щадить безоружныхъ и тѣхъ кто положитъ оружіе. Его стратегическимъ и тактическимъ знаніямъ авторъ отдаетъ полную справедливость, особенно во время швейцарскаго похода. И не смотря на это, ставя Суворова въ ряду замѣчательныхъ полководцевъ, находя, что во многихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ лучше Наполеона, англичанинъ все-таки прибавляетъ, что между ними русскій герой стоитъ въ числѣ послѣднихъ.

— Изо всѣхъ европейскихъ государствъ только въ одной Испаніи сохранились до настоящаго времени слѣды общинной собственности, общиннаго сельскаго хозяйства, этой первобытной формы владѣнія землею и обработки ея. Форма эта преобладала когда-то въ славянскихъ племенахъ

позже другихъ европейскихъ народовъ, достигшихъ высшаго культурнаго развитія. Изъ этихъ народовъ, испанцы жили всегда болѣе обособленною политическою жизнью и у нихъ сохранилось не мало старобытныхъ обычаевъ, давно уже исчезнувшихъ у другихъ племенъ, игравшихъ болѣе дѣятельную роль въ водоворотѣ міровыхъ событій. Исторію одного изъ такихъ обычаевъ общинной собственности изслѣдуетъ Рафаэль Альтамира-и-Кревеа въ своемъ сочиненіи «Historia de la propiedad comunal». На испанскомъ языкѣ имѣются уже два замѣчательныхъ сочиненія по тому же предмету: Карденаса—1873 года и Аскарате—1883 года. Обѣ эти книги представляютъ собственно исторію законодательства относительно земельной и, вмѣстѣ съ ней, общинной собственности, тогда какъ Альтамира говоритъ о послѣдней больше съ бытовой стороны, съ точки зрѣнія обычнаго, мѣстнаго, а не государственнаго права. Оба эти права часто игнорируютъ другъ друга и почти всегда приходятъ въ столкновеніе. Короли, парламенты, юристы стараются уничтожить обычныя права, а народъ держится завѣта своихъ предковъ. Римское законодательство выдвинуло впередъ личное право и всѣ романскія племена приняли это ученіе. Съ незапамятныхъ временъ, въ земельныхъ общинахъ Испаніи существовало на практикѣ различіе между движимымъ личнымъ имуществомъ, какъ платье, украшенія, домашняя утварь, принадлежащимъ отдѣльнымъ лицамъ, и между землею, домомъ, земледѣльческими инструментами, запасами разнаго рода, принадлежавшими общинѣ и составлявшими ея нераздѣлимую и неотчуждаемую собственность. Эта собственность рѣзко выдѣлялась изъ всякаго рода коллективныхъ и кооперативныхъ доходовъ изъ имуществъ и пріобрѣтеній разныхъ корпорацій, преимущественно религіозныхъ. Исторія всѣхъ этихъ родовъ собственности изслѣдована и отчетливо передана авторомъ, видящимъ начало общины въ кружкахъ первыхъ христіанъ, соединявшихся между собою для совмѣстнаго жительства и исполненія обрядовъ своей вѣры. Это однако, едва ли вѣрно, такъ какъ общинное устройство въ славянскихъ племенахъ существовало задолго до христіанства. Французской революціи приписываютъ обыкновенно развитіе индивидуализма и преобладанія личности, что также невѣрно: еще кодексъ Юстиніана, признавая общинную собственность, какъ исключеніе, старается уничтожить ее. Реформація была протестомъ противъ идеи, что спастись можно только въ католической корпораціи. Лютеръ старался всѣми силами укрѣпить семейную жизнь, но жизнь каждой семьи въ отдѣльности, а не въ общинномъ устройствѣ. Но монашество, уничтоженное реформаціею, отвергало семью и бракъ, а община развивала семейныя начала. Это слѣдовало бы помнить возникающимъ нынѣ разнымъ полурелигіознымъ, полуфилантропическимъ и комунистическимъ общинамъ, не сознающимъ ясно цѣли, съ какою они составляются. Политической экономіи не мѣшало бы также помнить, что общій трудъ гораздо болѣе обезпечиваетъ благосостояніе массы, чѣмъ развитіе капитала отдѣльныхъ лицъ. Вообще, въ книгѣ испанскаго писателя можно найти много интересныхъ фактовъ и серьезныхъ мыслей, вызывающихъ на размышленіе.

— Итальянцы, достигнувъ единенія и свободы, усердно воскрешаютъ, въ памяти современниковъ, исторію ихъ предковъ, жившихъ въ эпоху гоненій и деспотизма. Римскій сенаторъ Піерантони напечаталъ любопытную, «Автобіографію Піетро Джіанноне, его время и его темница» (Autobiografia di Pietro Giannone i suoi tempi e la sua prigionia). Судьбою этого

выдающагося юриста XVIII вѣка занимался, еще сорокъ лѣтъ назадъ, одинъ изъ передовыхъ государственныхъ людей Италіи, Манчини, но принужденный въ 1849 году бѣжать изъ отечества, вслѣдствіе неаполитанской революціи, онъ не могъ кончить своего труда и, по возвращеніи на родину, занятый политикою, передалъ бумаги Джіанноне мужу своей дочери, Граціи Манчини, талантливой итальянки-романистки—и онъ издалъ теперь записки неаполитанскаго ученаго, написанныя простымъ наивнымъ языкомъ, начала прошлаго столѣтія, возбуждающія интересъ и въ наше время. Джіанноне написалъ чисто юридическую книгу, которую и назвалъ «гражданскою исторіею» (storia civile), но при деспотическомъ правленіи опасно разсуждать даже объ отвлеченныхъ и научныхъ предметахъ, и хотя книга нисколько не касалась религіи, іезуиты обвинили автора въ ереси, въ томъ, что онъ проповѣдуетъ безнравственность. Честный юристъ вздумалъ защищаться, началъ доказывать заблужденіе и недобросовѣстность своихъ обвинителей. За это онъ былъ изгнанъ и долженъ былъ бѣжать въ Австрію. Императоръ обратилъ на него вниманіе и даже назначилъ ему небольшую пенсію. Напрасно ожидая правосудія и не желая пользоваться милостынею иностраннаго государя, юристъ рѣшился вернуться въ отечество и пріѣхалъ въ Венецію, но республика тотчасъ же попросила его удалиться изъ ея владѣній. Онъ переселился въ Миланъ, но и оттуда долженъ былъ бѣжать въ Женеву, гдѣ надѣялся наконецъ успокоиться и жить своимъ трудомъ. Такое сосѣдство показалось опаснымъ сардинскому королю Карлу-Эмануилу. Онъ отправилъ въ Женеву шпіона Гвастольди, который завлекъ Джіанноне въ западню и выдалъ его королевскимъ сбирамъ. Юриста посадили въ тюрьму въ Миланѣ, гдѣ онъ пробылъ два года, потомъ привезли въ Туринъ. Здѣсь онъ долженъ былъ написать своею рукою торжественное отреченіе отъ своей книги и отъ всѣхъ своихъ заблужденій. Оно составлено въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ и приложено къ его автобіографіи. Но и это не спасло бѣднаго юриста—изъ тюрьмы его не выпустили и онъ такъ и умеръ въ ней въ 1748 году, послѣ двѣнадцатилѣтняго заключенія за то, что написалъ лучшій трактатъ законодательства на итальянскомъ языкѣ. Теперь, говоритъ издатель его біографіи, когда писателю воздали посмертныя почести и память его очищена отъ всѣхъ обвиненій — свѣтлое имя его ярко блеститъ въ свободной странѣ. Все это, конечно, утѣшительно, но лучше, если бы все это было при жизни писателя.

— Въ Парижѣ издается уже одиннадцатый годъ ежегодникъ французской прессы, къ которому съ 1885 года выходитъ дополненіе подъ названіемъ «иностранная печать въ ежегодникѣ» (La presse etrangère dans l'annuaire de la presse française). Польза такого изданія очевидна въ городѣ, гдѣ существуетъ синдикальная ассоціація иностранной печати, гдѣ бюро ея составляютъ два представителя сѣверо-американскихъ газетъ, одинъ «Кельнскихъ Вѣдомостей» и одинъ изъ газеты «Стамбулъ», а въ совѣтѣ синдиката, вмѣстѣ съ представителями англійской, итальянской, бельгійской, испанской и южно-американской печати, участвуютъ гг. Рафаловичъ изъ «Journal de St.-Pétersbourg» и Павловскій изъ «Новаго Времени» и въ числѣ 9-ти иностранныхъ парижскихъ кореспондентовъ состоятъ Е. де-Роберти изъ «Новостей» и Иванъ Яронъ изъ «Новороссійскаго Телеграфа». Такіе сотрудники могли бы, казалось, доставлять самыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи журналистики въ своей странѣ, а между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы

«Ежегодникъ иностранной печати» отличался точностью сообщаемыхъ имъ данныхъ. Не говоря уже о безобразной коректурѣ, которую могли бы продержать и иностранные корреспонденты, свѣдѣнія о направленіи газетъ и составѣ ихъ редакцій не вездѣ вѣрны. Характеристика нѣмецкихъ газетъ сдѣлана еще во время царствованія Бисмарка, тогда какъ съ его паденіемъ она значительно измѣнилась. Изъ англійскихъ газетъ лучшими по справедливости названы возникшіе въ недавнее время: «Daily News», основанный въ 1846 году, «Daily Telegraph» и «Daily Chronicle» въ 1855 году. Слишкомъ много значенія приписывается Times'у, потерявшему довѣріе публики послѣ оклеветанія газетою Парнелля. Въ русскомъ отдѣлѣ курьезы безъ конца: ультра-консервативный «Гражданинъ» издается въ улицѣ Bobhaïa Italianskaia; нашъ журналъ превратился въ Vestmick, «Новь» въ Nor (le Nouvéau), «Новый Базаръ» издаетъ г-жа Шишмарпова; «Petersbourgskia Wiedomosti» редактируетъ г. Arseiensko. Нѣтъ положительно ни одного журнала, который былъ бы помѣщенъ безъ опечатокъ. Полкниги «Ежегодника» занято прославленіемъ типографскихъ машинъ Маринони, съ портретами строителя и его произведеній, образцами газетныхъ шрифтовъ и т. п. Съ сентября 1890 года началъ выходить каждые два мѣсяца—«Бюллетень французской и иностранной прессы» (Bulletin de la presse française et etrangêre), гдѣ помѣщены: законы о печати 20-го іюля 1881 года, судебные приговоры по дѣламъ, касающимся нарушенія этого закона, списокъ новыхъ французскихъ періодическихъ изданій, обществъ и синдикатовъ по дѣламъ печати, объявленія, относящіяся къ журналистикѣ и пр.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ характеристикѣ императрицы Маріи Александровны.

ПЕЧАТАЕМЫЙ ниже документъ сообщенъ намъ г. П. Я. Виноградскимъ, при слѣдующемъ письмѣ:

«Препровождаемое въ редакцію «Историческаго Вѣстника» письмо протоіерея Г. Т. Меглицкаго найденное мною въ бумагахъ, доставшихся мнѣ послѣ недавней смерти родной сестры моей Анны Яковлевны Виноградской.

«Гавріилъ Тихоновичъ Меглицкій, сынъ священника, уроженецъ Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда, окончивъ блистательно курсъ въ Петербургской Духовной Академіи и женившись на младшей сестрѣ моей матери, уѣхалъ сперва въ Вѣну, настоятелемъ тамошней посольской церкви, а затѣмъ былъ назначенъ законоучителемъ къ невѣстѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, принцессѣ Маріи Гессенъ-Дармштадской, впослѣдствіи императрицѣ Маріи Александровнѣ.

«Письмо это Г. Т. писалъ къ своей тещѣ, а моей бабкѣ, Аграфенѣ Ивановнѣ Голубовой, вдовѣ протоіерея церкви Владимірской Божіей Матери въ Петербургѣ. Оно можетъ служить, по моему мнѣнію, не лишеннымъ интереса матеріаломъ для исторіи въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы. Слова, съ которыми Наслѣдникъ Цесаревичъ обратился къ о. Гавріилу и самое представленіе послѣдняго Ея Высочеству, такъ безхитростно описанное, должны, мнѣ кажется, сдѣлаться достояніемъ исторіи».

Письмо о. Меглицкаго къ матери.

«Дражайшая маменька!»

«Пишу къ Вамъ настоящее письмо изъ Франкфурта на Майнѣ. Вотъ куда Богъ занесъ меня въ самое непродолжительное время! 5-го мая, въ воскресенье, послѣ обѣдни, прибѣгаетъ ко мнѣ скороходъ отъ г. посла, и говоритъ, чтобы я тотчасъ явился къ его высокопревосходительству. При-

хожу и посолъ объявляетъ мнѣ, что онъ сегодня получилъ бумагу отъ графа Нессельрода, въ которомъ его сіятельство сообщаетъ, объявленную ему графомъ Протасовымъ, Высочайшую волю отправиться мнѣ въ Дармштадтъ къ Его Императорскому Высочеству немедленно. Устроивши наскоро мои домашнія дѣла, учебныя по отношенію къ Николаю[1]), и ученыя—мои собственныя, во вторникъ въ 7 часовъ вечера я отправился въ Дармштадтъ, куда и прибылъ въ воскресенье послѣ обѣда. Остановившись въ трактирѣ, неподалеку отъ дворца, и отрясши, такъ сказать, слѣды и признаки путешествія, я послалъ человѣка позвать ко мнѣ кого-нибудь изъ пѣвчихъ, которые вмѣстѣ съ церковію и полковымъ священникомъ прибыли сюда еще въ посту. Вмѣсто пѣвчаго, приходитъ ко мнѣ самъ священникъ. Познакомившись съ нимъ и пораспросивши его кое о чемъ, я рѣшился было ѣхать къ графу (Орлову), однако не засталъ его сіятельство дома. Надобно было до утра отложить представленіе. На другой день, часовъ въ 8, графъ присылаетъ сказать мнѣ, чтобы я явился къ нему. Его сіятельство принялъ меня чрезвычайно благосклонно, даже спросилъ о Николашѣ. Я же съ своей стороны спросилъ графа, нельзя ли мнѣ познакомиться съ прежнимъ законоучителемъ Ея Высочества. Графъ тотчасъ поручилъ дѣло это генералу Кавелину, съ которымъ мы и отправились къ придворному проповѣднику Циммерману. Сей ученый мужъ принялъ меня весьма ласково; я объявилъ ему о моемъ призваніи и вмѣстѣ изъяснилъ, что по свойству моего новаго служенія мнѣ весьма нужно знакомство съ его высокопреподобіемъ. Генералъ Кавелинъ оставилъ насъ однихъ; мы дружески переговорили о главныхъ предметахъ и разстались. Я спѣшилъ домой, ожидать приказанія представиться Его Императорскому Высочеству. Но великій князь уѣхалъ въ Ашафенбургъ видѣться съ королемъ Баварскимъ. Я ждалъ цѣлый день напрасно, даже не обѣдалъ. По вечеру пришелъ ко мнѣ докторъ Энохинъ, знакомый мой еще со времени нашего образованія въ Петербургскихъ Академіяхъ, его въ Медицинской, а моего въ Духовной. Прошедшаго года мы возобновили наше знакомство въ Вѣнѣ. Энохинъ спросилъ лимонаду; трактирщикъ принесъ два стакана; докторъ выпилъ одинъ, я предложилъ ему другой, а онъ спросилъ, почему я самъ не пью; я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ еще жажды, такъ какъ я не обѣдалъ еще. Г. Энохинъ пошелъ домой и въ шуткѣ сказалъ нашимъ господамъ о моей исторіи. На другой день всѣ смѣялись надо мной. Въ 9 часовъ утра я имѣлъ счастіе представиться Его Императорскому Высочеству. Эта ангельская кротость, эта небесная улыбка, это высокое вниманіе ко всякому, кто имѣетъ счастіе представляться Великому Князю, неизъяснимы и свойственны только первородному сыну благочестивѣйшаго царя. Его Высочество изволилъ обратить вниманіе на Ея Высочество, и сказать, что я найду въ ней самую невинную душу, готовую къ принятію всего добраго. Великій Князь замѣтилъ, что преподаваніе закона Божія должно быть отложено на нѣсколько недѣль, ради путешествія принцессы въ Баварію для свиданія съ вдовствующей королевой, сестрой блаженной памяти Императрицы Елизаветы Алексѣевны, и также сестрою блаженной памяти Великой Герцогини Дармштадтской, матери Ея Высочества. Я съ своей стороны донесъ Цесаревичу, что въ рукахъ Принцессы есть за-

[1]) Его сыну; впослѣдствіи подполковникъ горной службы, принимавшій участіе въ Амурской ученой экспедиціи.

писки о религіи г. Циммермана, которыя, съ позволенія сочинителя, я желалъ бы имѣть у себя. Великій Князь обѣщалъ доставить ихъ мнѣ (что и послѣдовало) и притомъ изволилъ объявить, что сегодня представитъ меня Ея Высочеству. Но ожиданіе этотъ разъ было тщетное; пріѣздъ Баварскаго короля воспрепятствовалъ представленію. Въ слѣдующій день, назначенъ былъ молебенъ въ путь шествующимъ. Священно-служеніе должно было совершить мнѣ; при молитвѣ присутствовала и Ея Высочество. Послѣ креста и окропленія св. водою всѣхъ нашихъ русскихъ, графъ Орловъ сказалъ мнѣ, чтобы я отложилъ крестъ и вышелъ изъ алтаря для представленія; я сказалъ Ея Высочеству краткое привѣтствіе, принося ей усерднѣйшее поздравленіе съ благополучнымъ началомъ столь важнаго дѣла, и вмѣстѣ прося Всевышняго ко благу столькихъ милліоновъ благословить союзъ сей всякимъ благословеніемъ небеснымъ. Принцесса изволила благодарить меня, и сдѣлать мнѣ нѣсколько вопросовъ, напримѣръ, давно ли я въ Германіи и пр. Сцена была непродолжительна, но Ея Высочество была растрогана почти до слезъ. Это обратило вниманіе всѣхъ на Принцессу и на меня. Наши господа спросили меня, что я говорилъ Ея Высочеству, я повторилъ имъ сказанное за нѣсколько минутъ передъ симъ. На другой день, г. Жуковскій, не бывшій въ церкви, увидѣвшись со мною, изъявилъ свое сожалѣніе, что не былъ при упомянутой сценѣ. Въ этотъ день надобно было разстаться Великому Князю съ своею достойно обожаемою невѣстою, а намъ съ Ихъ Императорскими Высочествами. Поутру я пошелъ было къ графу Орлову, спросить, нужно ли мнѣ быть при разлукѣ; на дорогѣ встрѣтилъ меня князь Долгорукій и сказалъ, что это нужно. Въ назначенное время пришедши во дворецъ, сначала не видалъ я никого изъ нашихъ, и сталъ пробираться туда, гдѣ больше было людей. Я очутился въ большой залѣ, гдѣ было множество дамъ и кавалеровъ, собравшихся проститься съ Ихъ Императорскими Высочествами. Я раскланялся по надлежащему и сталъ выбирать себѣ мѣсто; тутъ явились генералъ Кавелинъ и г. Жуковскій, которые сказали мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ; за ними подошла ко мнѣ одна дама и начала говорить со мною. Я хвалилъ ей Россію, а она утверждала, что это происходитъ изъ особеннаго патріотизма; я доказывалъ ей фактами. Другіе примѣтили, что у насъ споръ не на шутку, начали подходить ко мнѣ и говорить со мною. Многіе спрашивали о нашей религіи; я обращалъ вниманіе ихъ на такіе пункты, которые одинаковы съ протестантскими, что имъ нравилось тѣмъ болѣе, что они предварительно расположены были въ мою пользу г. Циммерманомъ. Наконецъ, вышла Принцесса и начала прощаться съ Ея соотечественниками; я поклонился Ей сначала въ нѣкоторомъ удаленіи, а потомъ, когда пришла моя очередь, подошелъ къ рукѣ Ея Высочества. Великій князь увидѣлъ меня издали, и черезъ головы многихъ началъ кланяться, потомъ, подошедши ко мнѣ, изволилъ сказать: «я прощался съ вами» (мнѣ невозможно было прежде подойти къ Князю); я поцѣловалъ руку Его Высочества и пожелалъ Ему счастливаго пути. Въ то же время Великій Князь представилъ меня великому герцогу. Когда высочайшія особы оставили дворецъ, который онѣ оживляли своимъ присутствіемъ, я пошелъ внизъ и вмѣстѣ съ другими зашелъ къ графу Орлову. Сюда пришелъ также принцъ Эмилъ, второй братъ Ея Высочества. Графъ представилъ меня ему; принцъ выразилъ свое удовольствіе, что жребій призванія къ настоящему служенію палъ именно на меня. Послѣ обѣда я отправился во Франкфуртъ на Майнѣ,

гдѣ теперь пребываю. Вотъ похожденія мои, дражайшая маменька! Уроки мои въ законѣ Божіемъ начнутся въ Эмсѣ, черезъ три недѣли, ежели не случится какой перемѣны по отношенію прибытія туда же Ея Императорскаго Высочества. Долгомъ почитаю извѣстить Васъ, дражайшая маменька, что я буду имѣть счастіе преподавать православную религію такой особѣ, для которой недовольно бросить только легкій взглядъ на религію и описать ее только въ нѣкоторыхъ главныхъ очеркахъ. Зная, сколь желательно теперь для всякаго русскаго услышать что-нибудь о нареченной невѣстѣ обожаемаго Наслѣдника Всероссійскаго престола, я взялъ бы смѣлость представить Вамъ нѣкоторыя черты превосходной души Ея Высочества, но увѣренъ, что многое уже Вамъ извѣстно, и что мои извѣстія всегда будутъ недостаточны изобразить сію цвѣтущую небесную юность, развивающуюся въ необыкновенныхъ качествахъ ума и сердца. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Мы должны благодарить Всеблагаго, вложившаго сію мысль въ сердце Его Императорскаго Высочества. Прошу Васъ, дражайшая маменька, молить Бога о ниспосланіи мнѣ Его небесной помощи въ настоящемъ служеніи, котораго по моимъ силамъ не можетъ быть для меня ничего важнѣе».

Сообщено П. Я. Виноградскимъ.

СМѢСЬ.

Торжественное засѣданіе Славянскаго общества состоялось 25-го ноября, подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева. Предсѣдатель сообщилъ собранію о присужденіи кирилло-меѳодіевскихъ премій (1,500 р. и 500 р.) за сочиненіе по предмету славянства. Первымъ срокомъ подачи сочиненій было назначено 11-е мая 1888 года, но къ этому сроку не было представлено ни одной рукописи. Тогда программа была нѣсколько расширена и 21-го мая 1890 г. было представлено три сочиненія, переданныя на разсмотрѣніе проф. В. И. Ламанскому, который далъ о нихъ отзывы. Первое сочиненіе не удовлетворяетъ программѣ, второе, написанное лицомъ, очевидно, глубоко образованнымъ и начитаннымъ, пропагандировало единеніе славянства съ папою и, уже въ силу этого, признано неудовлетворительнымъ. Третье сочиненіе подъ греческимъ девизомъ, подъ заглавіемъ: «Объ образованіи общихъ языковъ древней и новой Европы» признано удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ и условіямъ конкурса и потому совѣтомъ Общества автору присуждена премія въ 1,500 руб. Общее собраніе утвердило это рѣшеніе громкими рукоплесканіями. Тогда гр. Игнатьевъ публично вскрылъ запечатанный конвертъ и громко прочелъ имя автора: «профессоръ Варшавскаго университета Антонъ Семеновичъ Будиловичъ»: Все собраніе отвѣчало дружными рукоплесканіями. По порученію предсѣдателя, секретарь Общества познакомилъ присутствующихъ съ отрывкомъ изъ этой книги.

Затѣмъ гр. Игнатьевъ довелъ до свѣдѣнія собранія, что на настоящемъ засѣданіи находится бывшій сербскій министръ народнаго просвѣщенія, а нынѣ членъ государственнаго совѣта, Стоянъ Вошковичъ. Онъ былъ встрѣченъ съ большимъ энтузіазмомъ и молча благодарилъ публику поклонами. Далѣе гр. Игнатьевъ предложилъ избрать въ почетные члены Общества двухъ недавнихъ юбиляровъ — А. Ѳ. Бычкова и М. О. Кояловича и этимъ выразить уваженіе къ ихъ плодотворной полувѣковой дѣятельности. Предложеніе было принято. Кромѣ того, въ этомъ же засѣданіи избрано еще нѣсколько членовъ и министръ-президентъ Черногоріи Аргиропуло. Въ пользу

Черногоріи и другихъ голодающихъ славянскихъ земель по 25-е ноября поступило 60,428 р. 62 к. Изъ нихъ отослано 59,000. Въ отвѣтъ на это получены благодарственныя письма отъ митрополитовъ черногорскаго Митрофана и сербскаго Михаила, извѣщающія, что собственно въ Черногоріи бѣда миновала, но въ Сербіи черногорскіе выходцы будутъ еще нѣкоторое время нуждаться въ хлѣбѣ. Стоянъ Бошковичъ благодарилъ собраніе въ самыхъ искреннихъ и теплыхъ выраженіяхъ. Изобразивъ въ короткихъ чертахъ исторію событій въ Сербіи и вообще на Балканскомъ полуостровѣ со времени возстанія Герцеговины, онъ искренно благодарилъ Россію за ея всегдашнюю безкорыстную помощь славянамъ и закончилъ словами: «Слава императору Александру III, братскому русскому народу и объединителямъ славянства». Слова эти были покрыты восторженными рукоплесканіями. Затѣмъ профессоръ духовной академіи И. С. Пальмовъ прочелъ съ каѳедры рѣчь на тему: «Патріархъ Фотій и его отношеніе къ современному ему славянству». Въ виду приближающагося въ 1891 г. тысячелѣтія со времени кончины (6-го февраля 891 г.) константинопольскаго патріарха Фотія, лекторъ указалъ на важность этого обстоятельства для славянъ и остановился главнымъ образомъ на выясненіи тѣхъ историческихъ отношеній, какія существовали между Фотіемъ съ одной стороны и славянами—съ другой. Прежде всего Фотій былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ личности и апостольскому дѣлу первосвятителей славянскихъ; такъ съ однимъ изъ нихъ, Кирилломъ, онъ завязалъ тѣсныя связи еще съ ученической скамьи и сохранялъ ихъ до самой смерти. Вѣроятно и Меѳодій былъ близокъ къ Фотію. Фотію обязанъ былъ и болгарскій князь Борисъ (852—888) своимъ обращеніемъ въ христіанство. Кромѣ того, Фотій имѣлъ отношеніе и къ обращенію нашей Руси въ христіанство; наконецъ и хорваты служили предметомъ заботливости патріарха.

По окончаніи чтенія, хоръ исполнилъ нотное «Киріе элейсонъ» и затѣмъ членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, И. П. Хрущовъ, прочелъ свою, еще нигдѣ не напечатанную, поэму въ стихахъ: «Стародавняя пора». На ней публика, вообще уставшая за длинный вечеръ, замѣтно отдохнула. Собраніе закончилось хвалебнымъ гимномъ св. Владиміру. Изъ всѣхъ пьесъ, исполненныхъ хоромъ Архангельскаго, особенно понравился и былъ повторенъ по требованію публики сербскій маршъ «Бойна труба».

Статуя для памятника графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Коммиссія по сооруженію памятника гр. Муравьеву-Амурскому, въ составѣ товарища министра народнаго просвѣщенія, князя С. М. Волконскаго, бывшаго участникомъ присоединенія Амурскаго края, генералъ-лейтенанта Д. Г. Анучина, академика М. П. Боткина, профессора живописи Н. А. Кошелева, осмотрѣла и приняла колоссальную статую графа, отлитую по модели академика А. М. Опекушина въ мастерской г. Гаврилова. Фигура поражаетъ своею жизненностью и энергіею. Графъ изображенъ стоящимъ на скалѣ и вглядывающимся въ широкую даль, открывающуюся передъ нимъ. Лицо отличается замѣчательнымъ сходствомъ. Художнику-скульптору, работавшему по портрету, удалось схватить и передать выраженіе спокойной рѣшимости, бывшее характернымъ у государственнаго дѣятеля, энергіи, труду и настойчивости котораго Россія обязана пріобрѣтеніемъ обширнаго и богатаго края. Отливка статуи выполнена чрезвычайно удачно и вполнѣ художественно. По размѣрамъ, статуя графа едва ли не самая колосальная изъ выполненныхъ въ Россіи за послѣднія 30 лѣтъ. Она имѣетъ въ вышину 7 аршинъ (фигура императрицы Екатерины II, на памятникѣ въ Александринскомъ скверѣ, всего около 5 аршинъ) и вѣситъ до 300 пудовъ. При отливкѣ ея практиковались пріемы, еще не употреблявшіеся въ Россіи. Съ этими пріемами г. Гавриловъ ознакомился въ Парижѣ. Нужно удивляться, какъ могла быть

выполнена подобная работа въ крошечной литейной г. Гаврилова. Памятникъ будетъ поставленъ въ городѣ Хабаровкѣ, на высокой скалѣ. Его предполагается отправить черезъ Одессу во Владивостокъ, на пароходѣ добровольнаго флота, управленіе котораго отказалось отъ всякой платы за перевозку памятника. Изъ Владивостока статуя будетъ перевезена сухимъ путемъ до Камня-Рыболова, а оттуда на пароходѣ по рѣкамъ Уссури и Амуру въ Хабаровку, хотя весьма желательно, чтобы памятникъ вполнѣ уже былъ готовъ къ открытію навигаціи.

Историческое Общество. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій этого общества А. М. Ону очертилъ историческое значеніе австрійскаго императора Іосифа II. До сихъ поръ дѣятельность Іосифа II разбиралась историками безъ связи съ предшествующею его царствованію дѣятельностью Маріи-Терезіи. Докладчикъ старался объяснить, съ своей стороны, освобожденіе крестьянъ и законоположенія о вѣротерпимости, какъ результатъ, подготовленный въ царствованіе Маріи-Терезіи. Іосифъ II сдѣлалъ то, что было уже ранѣе подготовлено. Такъ, Марія-Терезія въ 1772 г. заявила, что ее удерживаетъ на престолѣ желаніе освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Она объяснила свое бездѣйствіе въ этомъ отношеніи тѣмъ, что будто бы Іосифъ II не желаетъ этого освобожденія. Вступилъ на престолъ Іосифъ, начались крестьянскія возмущенія, и крестьяне были освобождены отъ власти помѣщиковъ. Законоположеніе о вѣротерпимости, по словамъ докладчика, тоже подготовлено при Маріи-Терезіи. Изъ особенностей царствованія Іосифа II, А. М. Ону подробно отмѣтилъ свободу печати. Императоръ желалъ знать, что дѣлается въ его государствѣ, помимо донесеній чиновниковъ, поэтому періодической печати была предоставлена широкая свобода. Цензура существовала только для крупныхъ изданій. Особенная строгость примѣнялась къ историческимъ сочиненіямъ. Абсолютной свободы печати при Іосифѣ II не было. Другая особенность царствованія заключалась въ упраздненіи многихъ монастырей. Въ 1786 г. австрійское правительство нуждалось въ средствахъ для увеличенія числа священниковъ. Монастырское имущество и помогло правительству. Народъ и бѣлое духовенство благословляли императора, дворянство же относилось къ дѣятельности Іосифа II не сочувственно. Бюрократическое устройство государства особенно не нравилось феодаламъ. Императору были нужны энергичные чиновники, феодалы не могли быть ими, и Іосифъ II предпочелъ феодаламъ разночинцевъ. Не любило Іосифа также черное духовенство и представители римской куріи. Г. Ону обрисовалъ императора, какъ самобытнаго философа, примѣнявшаго свои философскія убѣжденія въ управленіи государствомъ. Докладъ возбудилъ оживленныя пренія. Н. И. Карѣевъ замѣтилъ, что г. Ону не выяснилъ отвлеченную идею государства, которая руководила почти всѣми дѣйствіями австрійскаго императора. Эта идея заключала въ себѣ равенство всѣхъ сословій и подчиненіе церкви государству.

Археологическое Общество. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, С. Ѳ. Ольденбургъ сдѣлалъ сообщеніе «о персидскихъ версіяхъ книги семи мудрецовъ». Докладчикъ въ своихъ изслѣдованіяхъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на тѣхъ восточныхъ повѣстяхъ, которыя, съ одной стороны, проникли въ европейскую литературу среднихъ вѣковъ (въ томъ числѣ и въ славяно-русскую письменность), съ другой же стороны по содержанію могутъ быть возведены къ своему первоисточнику на почвѣ индійской словесности. Сюда относятся «Калила и Димна» и «Повѣсть семи мудрецовъ». По изысканію докладчика, изслѣдуемый имъ памятникъ находитъ для себя вышесказанный первоисточникъ въ видѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ разсказовъ, объединенныхъ впослѣдствіи повѣствовательнымъ пріемомъ, нашедшимъ полное примѣненіе въ знаменитомъ арабскомъ сборникѣ «Тысяча и

одна ночь». Но при выясненіи всѣхъ сюжетовъ вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности, изслѣдователю важны послѣдовательныя стадіи въ развитіи повѣсти и, съ этой точки зрѣнія, докладчикъ и разобралъ остановившія его вниманіе персидскія версіи «Книги семи мудрецовъ»—стихотворную (XIV в.) и прозаическую (XIII в.). Въ связи съ вышеизложеннымъ сообщеніемъ, баронъ В. Р. Розенъ, пользуясь данными арабскаго историка Мараги (XI в. нашей эры), поставилъ вопросъ о сходствѣ Калилы и Димны съ поэмой Фирдуси Шахъ-Наме и о роли сирійско-несторіанскихъ вліяній въ дѣлѣ перехода сюжетовъ изъ Индіи въ Персію. По тому же вопросу о восточныхъ повѣстяхъ баронъ В. Р. Розенъ указалъ на только-что вышедшій въ Бейрутѣ трудъ патера Сальгани, относящійся къ сюжетамъ «Тысячи и одной ночи». Сдѣлано было также сообщеніе В. А. Жуковскимъ—«О древностяхъ Закаспійскаго края». Минувшимъ лѣтомъ, В. А. Жуковскій, по порученію Археологической Комиссіи, не ограничиваясь осмотромъ мервскихъ развалинъ, проѣхалъ вплоть до афганской границы, встрѣчая вездѣ развалины каменныхъ сооруженій, а на одной изъ остановокъ (станція Мамъ-баба) осмотрѣлъ хорошо сохранившійся мавзолей, замѣчательный по красотѣ наружной облицовки, представляющей причудливый орнаментъ. Съ каждымъ изъ этихъ памятниковъ старины связаны легенды, тщательно записанныя изслѣдователемъ. Большинство изъ нихъ оказывается легендами литературнаго происхожденія. Для полноты обзора памятниковъ одного рода и стиля, В. А. Жуковскій побывалъ и на персидской територіи, въ Мешхедѣ, гдѣ, между прочимъ, посѣтилъ могилу персидскаго поэта Фирдуси, которую, по преданію, указываютъ среди развалинъ города Туса. Въ недавнее время персидскимъ правительствомъ предпринято возстановленіе надгробія поэта, но, за смертью правителя области, дѣло это остановилось. Относительно древнихъ развалинъ въ предѣлахъ русской територіи, докладчикъ указываетъ на крайне небрежное обращеніе съ этими памятниками. Въ большинствѣ случаевъ цѣлыя зданія «разбираются», и получаемый такимъ образомъ кирпичъ идетъ на постройку временныхъ казармъ. Одновременно съ этимъ идетъ и расхищеніе интересныхъ въ археологическомъ отношеніи лапидарныхъ обломковъ. Даже знаменитый мавзолей Тамерлана въ Самаркандѣ не охраненъ отъ разрушенія, и особенно пострадала нефритовая доска съ надписью; кусочки нефрита продаются, какъ амулеты. Въ томъ же засѣданіи В. В. Радловъ представилъ сдѣланный имъ переводъ уйгурской надписи на одномъ изъ камней, привезенныхъ Н. М. Ядринцевымъ изъ его каракорумской экспедиціи и предоставленныхъ въ распоряженіе археологической комиссіи. Чтеніе этой уйгурской надписи второй половины VIII вѣка даетъ древнѣйшій образчикъ тюркскаго языка, и было бы желательно продолженіе археологическихъ изслѣдованій въ этой части Монголіи, гдѣ найдены вышеупомянутые камни.

Въ общемъ собраніи Общества, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова, прочтенъ былъ С. В. Арсеньевымъ рефератъ «о древностяхъ острова Готланда». Сдѣлавъ историческій очеркъ судебъ острона Готланда, докладчикъ представилъ обзоръ уцѣлѣвшихъ здѣсь, главнымъ образомъ, въ городѣ Визби, развалинъ, имѣющихъ серьезное историко-археологическое значеніе. Стѣны и башни города Визби, по историческимъ свидѣтельствамъ, относятся къ концу XIII вѣка и представляютъ характерныя черты романскаго стиля. Съ развалинами нѣсколькихъ церквей связаны различныя преданія, изъ которыхъ многія еще въ XVII вѣкѣ записаны уроженцемъ Готланда пасторомъ Стрѣловымъ въ его «Хроникѣ». На планѣ того же времени означена русская улица и русская церковь. Готландъ служилъ важнымъ торговымъ пунктомъ, и новгородцы постоянно его посѣщали. На Готландѣ 96 церквей; изъ нихъ 21 составляютъ каменныя сооруженія XII вѣка, украшенныя скульптурнымъ орнаментомъ, барельефами съ содержаніемъ изъ священной исторіи. Внутренность многихъ храмовъ была расписана фресками, прикры-

тыми въ настоящее время штукатуркой. Между прочимъ, докладчикъ видѣлъ здѣсь символическія изображенія Азіи, Африки и Европы. На Готландѣ въ свое время найдено было много монетъ восточныхъ, англо-саксонскихъ и русскихъ (между прочимъ «Ярославле сребро»), составляющихъ теперь государственныя коллекціи Швеціи.

Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края въ 1888 г. Недавно Петровское Общество опубликовало свой отчетъ за 1888 г. На основаніи отчета, а также «Протоколовъ» Общества за это же время, дѣятельность его представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ отчетномъ году имъ были изданы «Протоколы съ 4-го октября 1874 по 31-е декабря 1887 г.», «Протоколы за январь — апрѣль 1888 г.», «Программа для собиранія археологическихъ, нумизматическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Астраханскому краю», «Списокъ книгъ, принадлежащихъ Петровскому Обществу» и «Новый уставъ Общества». Въ 1888 г. Петровское Общество имѣло: общихъ собраній и собраній совѣта—9, собраній историко-этнографической секціи—2 и естественно-исторической секціи—11. Еще въ 1887 г. возбуждено было ходатайство предъ мѣстными правительственными учрежденіями о допущеніи членовъ Общества къ занятіямъ въ архивахъ; но разсмотрѣніе и разработка архивныхъ дѣлъ не могли идти успѣшно, такъ какъ занятія въ архивахъ разрѣшены были только въ утренніе часы. Благодаря новому ходатайству, членамъ Общества подъ ихъ личную отвѣтственность выдаются (изъ Губернскаго Правленія) по 2—3 дѣла заразъ на домъ. Въ устройствѣ музея на помощь Обществу пришелъ мѣстный Статистическій комитетъ, предложившій уступить свои коллекціи Петровскому Обществу съ тѣмъ, чтобы онѣ не отчуждались въ третьи руки безъ согласія комитета. Небольшое помѣщеніе для библіотеки и музея уступила городская дума. На двухъ засѣданіяхъ историко-этнографической секціи прочитаны рефераты: г. Житецкого «Къ археологіи калмыцкой степи» и г. Новолѣтова «Объ административныхъ границахъ Астраханскаго края и о начальникахъ, управлявшихъ этимъ краемъ со времени присоединенія его къ Россіи», а также часть отчета объ экскурсіи г. Малиновскаго въ Селитряное городище. Въ этомъ же году предположено было еще нѣсколько экскурсій, которыя впрочемъ, не состоялись. На 11 засѣданіяхъ естественно-исторической секціи Общества было сдѣлано 14 сообщеній гг. Виноградовымъ, Пацукевичемъ, Шперкомъ, Мюллеромъ, Аршиновымъ и Сергѣевымъ. Кромѣ рефератовъ и преній по поводу ихъ, на засѣданіяхъ естественно-исторической секціи обсуждались вопросы объ изученіи мѣстной фауны, прочитывались и излагались изустно новости, касающіяся предметовъ занятій секціи. Нѣкоторые члены занимались составленіемъ списковъ сочиненій объ Астрахани и извлеченій изъ нихъ (для будущаго описанія Астраханскаго края въ естественно историческомъ отношеніи), а также коллективированіемъ для будущаго музея. Научныя экскурсіи были совершены гг. Сергѣевымъ, Шалевичемъ и Аршиновымъ (послѣднимъ на пособіе отъ Общества). Библіотека Общества значительно пополнилась: къ 1-му января числилось 298 названій (изъ нихъ относящихся къ Астраханскому краю 121) въ 759 томахъ; поступило въ отчетномъ году 395 названій (въ томъ числѣ имѣющіе отношеніе къ Астраханскому краю) въ количествѣ 646 томовъ. Всѣ поступившія въ отчетномъ году книги и брошюры составляютъ почти исключительно пожертвованія ученыхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ. Денежная часть находится въ удовлетворительномъ состояніи (приходъ—1,023 руб., расходъ—692 руб. и остатка отъ прежнихъ лѣтъ—1,020 руб.). Число членовъ Общества въ 1888 г. возросло до 119. 17-го сентября былъ утвержденъ новый уставъ Общества, который въ концѣ года и введенъ въ дѣйствіе. Что касается печатанія рефератовъ, то только весьма немногіе изъ нихъ появляются въ изданіяхъ Общества въ видѣ приложеній къ «Протоколамъ»;

большинство же рефератовъ только называются или излагаются вкратцѣ. Въ приложеніи къ «Протоколамъ за май—декабрь 1888 г.» напечатанъ новый уставъ Общества, а къ отчету приложенъ списокъ брошюръ и періодическихъ изданій, поступившихъ въ отчетномъ году въ его библіотеку.

Тридцатипятилѣтіе ученой дѣятельности М. О. Кояловича. 6-го ноября, праздновался тридцатипятилѣтній юбилей Михаила Осиповича Кояловича, заслуженнаго профессора Петербургской духовной академіи, извѣстнаго публициста, патріота, принимавшаго дѣятельное участіе въ разъясненіи вопросовъ по отношеніямъ Западнаго края къ нашему государству. М. О. большой знатокъ уніатскаго вопроса, авторъ цѣлаго ряда историческихъ работъ, бывшій сотрудникъ «Дня» И. С. Аксакова и замѣчательный ораторъ. Онъ родился въ 1828 г. въ мѣстечкѣ Кучинцѣ, Гродненской губерніи, Сокольскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ. Въ 1841 г. М. О. поступилъ въ супрасльское духовное училище, по окончаніи курса учился въ литовской духовной семинаріи, гдѣ пробылъ съ 1845 по 1851 г. и, кончивъ курсъ первымъ ученикомъ, былъ посланъ на казенный счетъ въ Петербургскую духовную академію. Выйдя изъ нея въ числѣ первыхъ магистровъ въ 1855 г., онъ былъ преподавателемъ сперва рижской, а затѣмъ петербургской семинаріи. Съ открытіемъ въ духовной академіи каѳедры сравнительнаго богословія и раскола, онъ получилъ эту каѳедру въ 1856 г., а затѣмъ перешелъ на каѳедру русской исторіи, занимаемую имъ и понынѣ. Ученолитературная его дѣятельность началась съ 1858 г., когда онъ сталъ сотрудничать въ «Христіанскомъ Чтеніи», гдѣ былъ помѣщенъ большой его разборъ сочиненія Вердье о началѣ католичества въ Россіи. Въ 1859 г. вышелъ первый томъ его изслѣдованія «Литовская церковная унія», которое обратило на себя вниманіе спеціалистовъ. «Независящія» обстоятельства заставили его отложить печатаніе 2-го тома этого изслѣдованія, и онъ могъ появиться лишь въ 1862 г., по смерти тогдашняго митрополита петербургскаго Григорія. Приближалась польская смута, и М. О. пришлось выступить въ литературѣ въ качествѣ усерднѣйшаго публициста и защитника русской народности въ Западномъ краѣ. И. С. Аксаковъ пригласилъ его участвовать тогда въ «Днѣ», гдѣ онъ помѣстилъ много замѣчательныхъ статей, сотрудничая также въ «Русскомъ Инвалидѣ», когда эта газета имѣла прекрасный литературный отдѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, М. О. прочелъ въ Петербургѣ цѣлый рядъ лекцій о западной Россіи. Особенное вниманіе возбудили здѣсь и произвели впечатлѣніе его статьи о люблинской уніи, или послѣднемъ соединеніи литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ на люблинскомъ сеймѣ 1569 года, печатавшіяся въ «Днѣ», въ которыхъ онъ раскрылъ страшныя насилія, производившіяся поляками надъ представителями Литвы, на сеймѣ. Въ 1884 г. онъ издалъ большой трудъ свой — «Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ». М. О. писалъ по разнообразнымъ вопросамъ науки и жизни и сотрудничалъ, кромѣ упомянутыхъ изданій, въ «Днѣ», «Москвѣ», «Руси», «Церковномъ Вѣстникѣ», «Христіанскомъ Чтеніи», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и проч. Какъ членъ археографической коммиссіи, онъ, по ея порученію, издалъ сборникъ документовъ, объясняющихъ исторію западной Россіи, «Люблинскій Дневникъ», два выпуска «Великихъ Макарьевскихъ Четьи-Миней» и проч. Въ 1880 — 1884 гг. онъ обратилъ на себя вниманіе рѣчами, произнесенными имъ въ духовной академіи и въ Славянскомъ Обществѣ — «Три подъема русскаго народнаго духа въ смутныя времена», «Историческая живучесть русскаго народа» и «Грюнвальденская битва 1410 г.». Въ послѣднее время онъ приготовлялъ къ изданію замѣчательную колекцію тайныхъ писемъ іезуитовъ о Россіи петровскаго времени.

Тридцатипятилѣтній юбилей артистической и литературной дѣятельности И. Ѳ. Горбунова. 16-го ноября, исполнилось 35 лѣтъ артистической дѣятельности Ивана

Ѳедоровича Горбунова. Впервые онъ выступилъ на сценѣ въ Москвѣ, на домашнемъ спектаклѣ у г-жи Пановой, гдѣ игралъ полового въ пьесѣ «Не въ свои сани не садись», причемъ А. Н. Островскій игралъ Маломальскаго. Случилось это 16-го ноября 1853 г. Ровно годъ послѣ этого, тоже 16-го ноября, Горбуновъ дебютировалъ въ московскомъ Маломъ театрѣ, на бенефисѣ Садовскаго, въ комедіи Владыкина «Образованность», въ которой игралъ купеческаго сына. Еще черезъ годъ, а именно 16-го же ноября 1855 года, состоялся дебютъ И. Ѳ. Горбунова въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ: давали сцену Стаховича «Ночное»; дебютантъ исполнялъ роль пастуха. День 16-го ноября, такимъ образомъ, игралъ не малую роль въ артистической дѣятельности И. Ѳ. Горбунова. Съ 16-го ноября 1855 года исполнилось ровно 35 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Горбуновъ неустанно, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, служилъ родному искусству. Перечислить всѣ пьесы, въ которыхъ игралъ Горбуновъ, трудно; достаточно сказать, что почти нѣтъ той народной или бытовой пьесы, въ которой въ свое время онъ не принималъ бы участія. Въ репертуарѣ Островскаго онъ былъ свой человѣкъ, причемъ особенно нравился публикѣ въ роляхъ Афони въ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» и Кудряша въ «Грозѣ». Но особеннымъ успѣхомъ пользовались и пользуются у публики бытовые и юмористическіе разсказы И. Ѳ. Горбунова, изъ которыхъ, на память, мы назовемъ: «Сцена у квартальнаго надзирателя», «Пѣсня на большой дорогѣ», «Воздушный шаръ», «Лѣсъ», «Затменіе солнца», «Постоялый дворъ», «Не въ деньгахъ счастье», «Общее собраніе общества прикосновенія къ чужой собственности» и, наконецъ, юмористическую эпопею генерала Дитятина, поочередно являющагося инженеромъ, врачемъ, помѣщикомъ и т. д. «Сцена у квартальнаго надзирателя» была первымъ разсказомъ И. Ѳ. Горбунова. Оцѣнивать эти разсказы, давно уже по достоинству оцѣненные публикой, излишне; наблюдательность и юморъ, которыми они отличаются, всѣмъ извѣстны. Въ своемъ жанрѣ Горбуновъ создалъ, можно сказать, цѣлую школу и породилъ множество подражателей, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ неудачныхъ, такъ что, какъ прежде такъ и теперь, Горбуновъ остается въ своемъ родѣ единственнымъ и незамѣнимымъ. Щедрость на свой талантъ у него изумительная, чисто русская, свойственная широкой русской натурѣ. Своимъ талантомъ онъ соритъ, не считая: въ театрѣ, товарищескомъ кругу, холостой компаніи, на вечерѣ у знакомыхъ, при встрѣчѣ на улицѣ, въ ресторанѣ, всюду, гдѣ придется и гдѣ найдется у него нѣсколько слушателей. Въ этомъ отношеніи онъ человѣкъ единственный въ своемъ родѣ, почему и популярность его тоже единственная, очень большая, проникшая во всѣ слои столичнаго общества. Онъ дѣйствительно любимецъ публики, въ самомъ точномъ значеніи этого слова, ибо кого же и любить публикѣ, какъ не человѣка, своимъ талантомъ и остроуміемъ заставляющаго ее приходить въ самое пріятное расположеніе духа.

Горбуновъ не только талантливый актеръ и разсказчикъ, онъ, въ то же время, не лишенный оригинальнаго дарованія литераторъ, хотя эта сторона его дѣятельности въ публикѣ меньше извѣстна. Его первый разсказъ—«Просто случай», былъ помѣщенъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», Краевскаго въ октябрѣ 1855 г., такъ-что и литературной дѣятельности И. Ѳ. Горбунова теперь исполнилось тридцать пять лѣтъ. Кромѣ «Отечественныхъ Записокъ», онъ въ разное время писалъ въ «Современникѣ», «Искрѣ», «Общезанимательномъ Вѣстникѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» редакціи Корша, «Новомъ Времени» и «Русской Старинѣ». Въ настоящее время онъ работаетъ надъ большимъ и солиднымъ трудомъ, на половину уже законченнымъ, озаглавленнымъ «Драматическіе дѣятели въ ихъ біографіяхъ съ основанія русскаго театра до нашихъ дней». Въ этомъ сочиненіи будетъ до двухсотъ біографій, составленныхъ по самымъ полнымъ и разнообразнымъ источни-

камъ. Кромѣ того, И. Ѳ. Горбуновъ состоитъ членомъ-корреспондентомъ Общества любителей древней письменности.

Учителями и руководителями Горбунова были: Провъ Михайловичъ Садовскій и кружокъ «Москвитянина», въ особенности послѣдній, который осмыслилъ всю дальнѣйшую его дѣятельность. Къ кружку «Москвитянина» принадлежали въ пятидесятыхъ годахъ: Тертій Ивановичъ Филипповъ, Евгеній Николаевичъ Эдельсонъ, Борисъ Николаевичъ Алмазовъ, Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ и Александръ Николаевичъ Островскій, съ которымъ И. Ѳ. Горбуновъ былъ особенно друженъ. Зародившись въ Москвѣ, ихъ дружба продолжалась и въ Петербургѣ, до самой смерти Островскаго. Живое участіе въ Горбуновѣ принимали также Тургеневъ, Писемскій и князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, вывозившій Горбунова въ высшій свѣтъ, представившій его великому князю Константину Николаевичу и Еленѣ Павловнѣ. Впослѣдствіи, уже въ семидесятыхъ годахъ, особенно дружилъ съ Горбуновымъ Некрасовъ.

— † 3-го ноября, на 68-мъ году труженической жизни картографъ и писатель, **Никита Ивановичъ Зуевъ.** Онъ получилъ образованіе въ одной изъ петербургскихъ гимназій и затѣмъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, гдѣ пробылъ съ 1836 по 1844 г. Въ февралѣ 1845 г. онъ былъ опредѣленъ въ архангельскую гимназію учителемъ латинскаго языка, но оставался здѣсь недолго и въ томъ же году перевелся во псковскую гимназію преподавателемъ исторіи. Служа здѣсь, онъ составилъ «Учебную книгу всеобщей исторіи», съ атласомъ, изданную имъ позднѣе, по переходѣ въ 3-ю петербургскую гимназію, въ 1848 г., и выдержавшую до 5-ти изданій. Въ 3-й гимназіи онъ преподавалъ латинскій языкъ и словесность до 1853 г., когда перешелъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія чиновникомъ особыхъ порученій. Затѣмъ онъ занялъ съ 1863 г. то же мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и занимался редактированіемъ трудовъ центральнаго статистическаго комитета. Въ послѣдніе годы, кромѣ занимаемой имъ этой должности, онъ состоялъ сверхштатнымъ чиновникомъ при канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи. Н. И. Зуевъ составилъ множество учебныхъ руководствъ, пособій и другихъ книгъ, каковы, напримѣръ: «Начертаніе древней географіи и исторіи древнихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ», «Опытъ учебнаго руководства по всеобщей географіи», «Иллюстрированная популярная физическая географія», въ 3-хъ частяхъ, съ богатыми приложеніями; «Азовское море съ его приморскими городами, ихъ жителями, промыслами и торговлею»; «Опытъ учебнаго руководства по географіи Россійской имперіи», выдержавшій нѣсколько изданій. Кромѣ того, онъ помѣстилъ много статей естественно-историческаго содержанія, этнографическихъ, по исторіи культуры и другихъ въ «Живописномъ Обозрѣніи», «Нивѣ», «Кругозорѣ» 1873—1877 годахъ. Онъ основалъ также журналы «Живописное Обозрѣніе» и «Сѣверная Звѣзда». Картографическіе труды покойнаго были оцѣнены спеціалистами и разошлись въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Несмотря на успѣхъ многихъ его изданій, покойный всегда находился въ далеко неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ: его постоянно эксплуатировали, пользовались его добротой и довѣрчивостью. Отъ этого онъ большую половину жизни нуждался и не выходилъ изъ долговъ. Всѣ сколько-нибудь знавшіе его любили и уважали этого симпатичнаго человѣка и неутомимаго труженика, скромнаго и благороднаго.

† 13-го ноября, инспекторъ научныхъ классовъ петербургской консерваторіи **Николай Александровичъ Лыткинъ.** Онъ учился въ одной изъ петербургскихъ гимназій, а затѣмъ окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ. Н. А. выбралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще. Онъ преподавалъ всеобщую исторію въ 1-й гимназіи а въ 1865 г. былъ приглашенъ преподавать ту же

исторію во всѣхъ классахъ консерваторіи. Вскорѣ онъ занялъ должность инспектора научныхъ классовъ, которую и занималъ до своей кончины. Много труда положилъ покойный на выработку программъ научнаго образованія учащихся въ консерваторіи. По его мнѣнію, учащаяся молодежь, помимо музыкальнаго образованія, должна имѣть и достаточное общее образованіе. Свое мнѣніе онъ старался осуществить и успѣлъ достичь того, что число научныхъ классовъ увеличено до шести, программа общеобразовательныхъ предметовъ расширилась до гимназической. Въ началѣ своей педагогической дѣятельности Н. А. написалъ рядъ разсказовъ по всеобщей исторіи и помѣстилъ ихъ въ дѣтскихъ журналахъ, нынѣ уже не существующихъ— въ «Подснѣжникѣ» и «Звѣздочкѣ». Въ экзаменаціонной комиссіи на званіе домашнихъ учителей и учительницъ Лыткинъ состоялъ членомъ ея. Покойный отличался твердымъ и честнымъ характеромъ, никогда не отступался отъ слова, разъ даннаго имъ, и пользовался общимъ уваженіемъ своихъ учениць, друзей и знакомыхъ.

† 25-го ноября скоропостижно скончался отъ паралича сердца старшій цензоръ петербургскаго комитета цензуры иностранной **Алексѣй Степановичъ Любовниковъ**. Онъ родился въ 1829 г. и службу началъ въ комитетѣ иностранной цензуры въ 1853 г. по окончаніи имъ курса наукъ въ Петербургскомъ университетѣ по разряду восточной словесности историко-филологическаго факультета. Рѣдкая энергія и трудолюбіе А. С., обширныя познанія въ историческихъ и филологическихъ наукахъ, знакомство съ иностранными языками и ихъ литературами обратили на него вниманіе начальства и тѣмъ обезпечили ему быстрое движеніе по службѣ. Въ 1855 г. онъ исправлялъ должность помощника старшаго цензора, а въ 1870 г. назначенъ старшимъ цензоромъ комитета и начальникомъ обширнаго отдѣленія, въ которомъ разсматривались изданія на французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ и португальскомъ языкахъ. Въ теченіе 29 лѣтъ, А. С. успѣвалъ всесторонне слѣдить и за всѣмъ, что появлялось въ русской литературѣ и въ періодической печати, прочитывая массу русскихъ книгъ и журналовъ. Чрезмѣрное напряженіе силъ умственныхъ, а также физическихъ, отразилось на немъ утратою способности видѣть на лѣвый глазъ, съ ослабленіемъ зрѣнія другого глаза до крайней близорукости, а въ послѣдніе 5—7 лѣтъ вызвало неизлечимую болѣзнь сердца, отъ которой онъ и скончался совершенно неожиданно, бывъ еще за 10 часовъ до того на службѣ. Покойный любилъ литературу и жилъ ею. И дома, и на службѣ, приходилось заставать его всегда за чтеніемъ, которому онъ отдавался весь и не только какъ служебное лицо, но какъ человѣкъ преданный литературѣ, цѣнившій и понимавшій великое мѣсто и значеніе ея въ жизни каждаго народа. Покойный и самъ занимался литературою. Его переводы съ англійскаго языка, котораго онъ былъ однимъ изъ первыхъ знатоковъ въ шестидесятыхъ годахъ, Диккенса, Дж. Эліотъ, Коллинса, Бронти и др., помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ» и другихъ журналахъ и до сихъ поръ остаются лучшими. Въ 70-хъ годахъ онъ велъ политическій отдѣлъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Во все время существованія «Голоса» онъ состоялъ его дѣятельнымъ сотрудникомъ, помѣщая въ немъ обозрѣнія французской, нѣмецкой и англійской литературы. Въ это же время онъ получилъ отъ Каткова приглашеніе работать въ «Моск. Вѣдом.», но отказался по недостатку времени и силъ. А. С. отличался строгою честностью, справедливостью и нелицепріятіемъ къ окружавшимъ его. Онъ скончался на 61-мъ году въ полномъ цвѣтѣ умственныхъ силъ.

† Въ Казани, заслуженный ординарный профессоръ Казанской духовной академіи **Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ**, авторъ «Курса исторіи русской литературы». Покойный высшее образованіе получилъ въ Казанской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1848 г. Послѣ успѣшной защиты диссерта-

ціи на степень магистра онъ былъ приглашенъ читать лекціи въ академіи по каѳедрѣ теоріи и всеобщей и русской литературы. Въ 1859 г. утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора, черезъ пять лѣтъ — въ званіи ординарнаго. Въ 1873 г. получилъ степень доктора и въ слѣдующемъ году — званіе заслуженнаго ординарнаго профессора. Результатомъ продолжительныхъ занятій Порфирьева по русской литературѣ былъ «Курсъ исторіи русской литературы». Этотъ курсъ выдержалъ нѣсколько изданій и составлялъ въ прежнее время одно изъ лучшихъ руководствъ для высшихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Удачное обобщеніе частностей и систематическое изложеніе дѣлаютъ даже въ настоящее время это руководство необходимою книгою при слушаніи профессорскихъ лекцій по исторіи русской литературы въ университетахъ, лицеяхъ и духовныхъ академіяхъ. Даровитый и трудолюбивый ученый, онъ былъ истинно русскимъ по воззрѣніямъ и стремленіямъ.

† Въ Калишѣ протоіерей **Вакхъ Васильевичъ Гурьевъ**, 60-ти лѣтъ, авторъ «Писемъ священника съ похода 1877—1878 годовъ» (напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а потомъ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ) и другихъ сочиненій, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Покойный родился, учился и началъ службу въ Воронежской губерніи; прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Тамбовѣ; во время послѣдней войны съ Турціей былъ военнымъ священникомъ. Въ послѣдніе годы состоялъ настоятелемъ православной церкви въ Калишѣ.

† Въ Москвѣ литераторъ **Николай Аполлоновичъ Путята**, обладавшій недюжиннымъ талантомъ писателя и переводчика. Работалъ онъ много и съ успѣхомъ, нѣсколько лѣтъ редактировалъ журналы «Мірской толкъ» и «Свѣтъ и тѣни». Свойственная многимъ русскимъ дарованіямъ неумѣренность въ жизни развила у него чахотку, отъ которой онъ и скончался. За послѣднія десять лѣтъ Путята уже совсѣмъ не могъ работать. Средствъ у него не было никакихъ. Товарищи его, сами люди недостаточные, путемъ печати просили помощи у добрыхъ людей, и этою помощью существовалъ покойный.

† Ноября 30-го покончилъ жизнь свою самоубійствомъ д-ръ **Владиміръ Филипповичъ Дьяковскій**, одинъ изъ первыхъ устроителей въ Петербургѣ гимнастическихъ заведеній и курсовъ для приготовленія учительскаго персонала гимнастики и массажа. Жизнь и дѣятельность этого педагога-медика заслуживаетъ вполнѣ общественнаго вниманія. Въ Россіи физическое развитіе было всегда въ пренебреженіи и мысли о гармоніи духа и тѣла дѣлаютъ честь тому, кто осуществилъ ихъ на дѣлѣ въ нагляднѣйшихъ и общедоступныхъ формахъ. Послѣ попытокъ въ сороковыхъ годахъ отставного шведской службы поручика Дерона ввести въ Россіи шведскую гимнастику д-ра Линга, у насъ продолжателемъ этого дѣла былъ д-ръ В. Ф. Дьяковскій. Разница, однако, между ними та, что устроивъ въ 1847 г. первое въ Россіи гимнастическое заведеніе, иностранецъ г. Деронъ вскорѣ выхлопоталъ себѣ ежегодную правительственную ссуду въ 10,000 рублей на пять лѣтъ срокомъ, а затѣмъ бросилъ свое заведеніе и уѣхалъ въ Стокгольмъ, какъ только не увѣнчались успѣхомъ его дальнѣйшія хлопоты о назначеніи ему, сверхъ жалованья, пенсіи за 16-ти-лѣтнюю гимнастическую дѣятельность и единовременной ссуды на покрытіе его долговъ. Между тѣмъ д-ръ Дьяковскій, потративъ на учрежденіе врачебно-механическаго института въ Петербургѣ около 70,000 рублей, остался безъ всякой помощи, скрывая даже отъ близкихъ ему людей свои крайне разстроенныя обстоятельства преимущественно за послѣднее время. Кто понимаетъ огромную роль гимнастики, какъ дешеваго и общедоступнаго физическаго способа леченія, такъ и предупредительной мѣры отъ заболѣваній, тому ясно будетъ, что д-ръ Дьяковскій жилъ не даромъ, оставивъ послѣ себя массу учениць и правильно-организованный институтъ. Родился В. Ф. въ Черниговской губерніи, въ мѣстечкѣ Сквира. Родители его были помѣщики уніатскаго вѣроисповѣданія. Учился В. Ф. въ одномъ изъ южныхъ

университетовъ на медицинскомъ факультетѣ; но кончилъ курсъ медицинскаго образованія и защищалъ диссертацію на званіе доктора за границей въ г. Бреславлѣ. Диссертація его о леченіи массажемъ пляски св. Витта пользуется среди специалистовъ заслуженнымъ вниманіемъ. Затѣмъ онъ изучалъ въ Швеціи гигіенически-школьную гимнастику Линга и врачебно-механическую у д-ра Цандера въ Стокгольмѣ. Воодушевленный идеей о необходимости гармоническаго развитія тѣла и духа, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ учрежденіи гимнастическаго института и добился только того, что казна построила ему зданіе на землѣ, принадлежащей вѣдомству императрицы Маріи, на Казанской улицѣ д. № 3. Выплачивая довольно высокую плату за помѣщеніе въ означенномъ зданіи, В. Ф. открылъ въ 1878 г. пріемы больныхъ и преподаваніе курсовъ гимнастики и массажа. Слушательницъ его курсовъ гигіенической гимнастики было уже нѣсколько выпусковъ и, надо полагать, что онѣ докажутъ вообще пользу гимнастики и въ частности гимнастическихъ пріемовъ д-ра Дьяковскаго, особенно въ отдѣлахъ, которые онъ самостоятельно разработалъ и всегда гордился ими. Это два отдѣла такъ называемыхъ a) дыхательныхъ движеній—и b) движеній съ перемѣщеніемъ центра тяжести тѣла. Такъ какъ при нормальномъ ростѣ костей и мышцъ, мы все-таки должны развивать еще мускульную силу отягощеніями на снарядахъ или борьбою, то д-ръ Дьяковскій, пользуясь тѣмъ, что, вмѣсто снарядовъ, мы имѣемъ отягощенія въ собственномъ тѣлѣ, если передвинемъ его грудью изъ основного положенія впередъ или назадъ,—изобрѣлъ спеціальную и весьма разработанную команду для упражненій съ перемѣщеніемъ центра тяжести тѣла, а также и дыхательныхъ движеній для гимнастики легкихъ. Покойный докторъ часто говорилъ, что эти отдѣлы никѣмъ и нигдѣ такъ не разработаны, какъ у него. Умѣренный въ образѣ жизни и вѣчно занятой, В. Ф. не зналъ устали, всегда увлекаясь благородными надеждами и предположеніями о будущности гимнастики и своихъ ученицъ, которыми онъ никогда достаточно не могъ нахвалиться. Страстно относясь къ своему дѣлу, онъ думалъ, что введеніе въ Россіи гимнастики и устройство врачебно-механическаго института не нуждаются ни въ рекламахъ, ни въ сильныхъ покровителяхъ и правительственныхъ субсидіяхъ, такъ щедро расточаемыхъ въ царствованіе императора Николая Павловича иностранцу-гимнасту Дерону. Онъ думалъ, что и медицинскій міръ, и педагогическій, и все образованное общество, отнесутся сочувственно къ его начинаніямъ, а между тѣмъ врачи платили ему равнодушіемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже враждой. Такое отношеніе спеціалистовъ къ врачебной гимнастикѣ и массажу сильно огорчало Дьяковскаго и наводило на него уныніе. Что касается общества, то и оно всегда готово предпочесть механическому леченію съ сравнительно высокой платой—ручной массажъ перѣдко у невѣжественныхъ фельдшеровъ и акушерокъ. Такимъ образомъ, вести предпріятіе оказалось не по силамъ частному лицу и г. Дьяковскій принужденъ былъ выдать на него два пая: одинъ въ 25,000 р. другой—въ 5,000 р., а себѣ оставилъ третій пай на 15,000 р. Заведеніе оцѣнили гораздо менѣе, чѣмъ оно ему стоило, а дальнѣйшіе долги и проценты доконачили свое дѣло. Впрочемъ, огорченія и разочарованія не подорвали въ немъ вѣру въ любимое имъ дѣло и наканунѣ своей смерти онъ съ увлеченіемъ читалъ лекціи слушательницамъ о гимнастикѣ и массажѣ. Прямо съ лекціи, онъ послалъ прощальныя письма разнымъ лицамъ и уѣхалъ изъ Петербурга въ Царское Село, гдѣ и застрѣлился. Послѣ него осталась вдова съ сыномъ и дочерью. Теперь является вопросъ о томъ, кто возьметъ институтъ съ долгами на немъ и будетъ продолжать единственное въ Россіи механическое леченіе больныхъ на аппаратахъ Цандера, и вести существующіе уже нѣсколько лѣтъ при институтѣ курсы гимнастики и массажа?

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Письмо въ редакцію.

Въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», (стр. 705), въ замѣткѣ о моемъ обзорѣ русской литературы за 1889—1890 гг. въ англійскомъ «Athenaeum» напечатаны, между прочимъ, слѣдующія строки:

«Обзоръ начинается, разумѣется, съ неизбѣжной «Крейцеровой сонаты» и обозрѣватель, разсказавъ ея содержаніе, поучаетъ неизвѣстно кого, графа Толстого или его читателей, настоящимъ взглядамъ на жизнь. «Реальная жизнь,—говоритъ г. Милюковъ,—возможна даже внѣ границъ индивидуальнаго существованія, хотя въ то же время она отрицаетъ послѣднее. Она состоитъ изъ любви и самопожертвованія для блага нашего сосѣда. Ну, а для нашего собственнаго? Мы не станемъ разбирать философію г. Милюкова. Онъ убѣжденъ, и не безъ основанія, что въ Россіи много послѣдователей фарисейской системы нравственности».

По поводу цитаты изъ моего обзора, приведенной выше въ кавычкахъ, считаю необходимымъ пояснить, что здѣсь дѣло идетъ не о моей философіи, а о философіи, развиваемой гр. Л. Н. Толстымъ въ его сочиненіи «De la vie», содержаніе котораго здѣсь излагается. Не лишнимъ считаю привести и англійскій текстъ процитированной фразы: «real life is possible even within the limits of individual existence, although it simultaneously denies the letter».

П. Милюковъ.

II.

Въ «Указателѣ личныхъ именъ упоминаемыхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1890 г., приложенномъ къ декабрьской книжкѣ, рецензія книги «Потревоженныя тѣни», подписанная иниціалами Н. Л—въ, ошибочно приписана составителемъ «Указателя» Н. П. Лихачеву; авторъ ея не г. Лихачевъ, а Н. С. Лѣсковъ.

ГРИГОРІЙ ПЕТРОВИЧЪ ДАНИЛЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

Декабря 6-го, русская литература понесла новую утрату: въ Петербургѣ скончался одинъ изъ талантливыхъ и плодовитыхъ нашихъ беллетристовъ, болѣе сорока лѣтъ, неустанно трудившійся на литературномъ поприщѣ, Г. П. Данилевскій, бывшій членомъ совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати и главнымъ редакторомъ газеты «Правительственный Вѣстникъ». Покойный былъ извѣстенъ и какъ бытовой и какъ историческій романистъ не только въ Россіи, гдѣ его произведенія выдержали 6 изданій, но и за границей, гдѣ большая часть его сочиненій переведена на языки: французскій, нѣмецкій, польскій, чешскій, сербскій и венгерскій, встрѣтивъ при своемъ появленіи лестные отзывы. Онъ не принадлежалъ къ первостепеннымъ дѣятелямъ русской литературы, но среди второстепенныхъ занималъ одно изъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ, участвовалъ во всевозможныхъ періодическихъ изданіяхъ, и если бы собрать всѣ его статьи этнографическія, историко-литературныя, чисто-историческія, педагогическія, его романы, повѣсти, очерки, оригинальныя и переводныя стихотворенія и проч., то составилось бы не мало объемистыхъ томовъ. Литературная дѣятельность покойнаго писателя болѣе сорока лѣтъ шла объ руку съ дѣятельностью служебною.

Г. П. Данилевскій принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, издавна владѣвшему обширными помѣстьями въ южной Россіи, и родился 14-го апрѣля 1829 года, въ с. Даниловкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ подъ руководствомъ отца и матери, страстно любившей музыку и литературу и вліявшей весьма благотворно въ этомъ отношеніи на сына; дальнѣй-

шее же образованіе Г. П. получилъ въ Москвѣ, въ бывшемъ Дворянскомъ Институтѣ, а высшее—въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ со степенью кандидата по камеральному отдѣленію юридическаго факультета, въ 1850 г., поступилъ на службу въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1851 г., 20-го іюня, Г. П. былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія. Менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ этого, Г. П. Данилевскому, во время его путешествія по губерніямъ Курской, Харьковской и Полтавской, было поручено министромъ народнаго просвѣщенія: собрать, по возможности, свѣдѣнія о древнихъ рукописяхъ и старинныхъ актахъ въ монастыряхъ и городахъ и составить реестры любопытнѣйшихъ изъ означенныхъ актовъ, а также описаніе рукописей историческаго содержанія, или замѣчательныхъ по древности и въ иныхъ отношеніяхъ. Лѣтомъ 1855 года, состоялась другая командировка Г. П. Данилевскаго на 3½ мѣсяца, въ Полтавскую губернію—для осмотра и описанія въ археологическомъ отношеніи мѣстностей гор. Полтавы и ближайшихъ къ нему селеній, ознаменованныхъ событіями эпохи борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII, и въ Екатеринославскую губернію—съ цѣлью изслѣдованія архива и осмотра окрестностей гор. Екатеринослава. Съ небольшимъ черезъ полгода по возвращеніи изъ этого путешествія, покойный, по порученію морскаго министерства, одновременно съ Островскимъ, Потѣхинымъ, Писемскимъ, Максимовымъ, Михайловымъ (М. Ил.) и Чужбинскимъ, назначенными въ разныя мѣста, снова отправился въ командировку на югъ Россіи, къ прибрежьямъ Азовскаго моря и Дона и въ прилежащія губерніи, для описанія быта и промысловъ мѣстныхъ жителей.

Въ 1857 году Г. П. оставилъ службу и поселился въ Харьковской губ., гдѣ, затѣмъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, несъ различныя общественныя обязанности. Въ этотъ же періодъ времени покойный совершилъ двѣ поѣздки за границу, а также въ Польшу, Бѣлоруссію, Волынь, Подолію, объѣхалъ Волгу, Донъ и Днѣпръ, что дало богатый матеріалъ для будущихъ его произведеній. Проживая въ своемъ родовомъ имѣніи, Г. П. былъ сначала депутатомъ харьковскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ; затѣмъ, по порученію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Головина, посѣтилъ и описалъ около двухсотъ народныхъ школъ Харьковской губ. Со времени введенія земскихъ учрежденій Г. П. былъ членомъ зміевскаго училищнаго совѣта, гласнымъ харьковскаго губернскаго земскаго собранія и членомъ харьковской губернской земской управы, завѣдывая народными школами, больницами, пріютами; въ 1867—68 гг. былъ въ Петербургѣ, въ качествѣ одного изъ членовъ депутаціи харьковскаго губернскаго земства, ходатайствовавшей о сооруженіи курско-харьково-азовской желѣзной дороги, служилъ почетнымъ мировымъ судьею Зміевскаго уѣзда, и проч.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, Г. П. Данилевскій оставилъ земскую дѣятельность въ Харьковской губерніи и переселился въ Петербургъ, поступивъ, 25-го января 1869 года, на службу по министерству внут-

ренныхъ дѣлъ, чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ и, затѣмъ, былъ командированъ въ распоряженіе главнаго редактора газеты «Правит. Вѣстникъ». Занимаясь въ редакціи этой газеты, Г. П. устроилъ и велъ почти всѣ тѣ личныя сношенія редакціи съ представителями различныхъ министерствъ и высшихъ вѣдомствъ, посредствомъ которыхъ организовалась и была обезпечена для редакціи непрерывная доставка офиціальныхъ свѣдѣній по отдѣлу «сообщеній», какъ о болѣе любопытныхъ работахъ министерскихъ департаментовъ и отдѣленій, такъ и о занятіяхъ различныхъ проектныхъ комиссій и комитетовъ. Сверхъ того, по указаніямъ бывшаго тогда главнымъ редакторомъ «Правит. Вѣстника» В. В. Григорьева, Г. П. исполнилъ, на основаніи офиціальныхъ матеріаловъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ, нѣсколько самостоятельныхъ работъ, обратившихъ на себя вниманіе тогдашней періодической печати.

Въ началѣ 1870 года Г. П. былъ назначенъ помощникомъ главнаго редактора. 1-го января 1875 г. Г. П. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 22-го августа 1881 года назначенъ главнымъ редакторомъ газеты «Правит. Вѣстникъ». Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ этого, 5-го ноября 1882 г., Г. П. Данилевскому именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно быть членомъ совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, съ оставленіемъ въ должности главнаго редактора «Правит. Вѣстника», а въ 1886 году, 13-го апрѣля, покойный произведенъ въ тайные совѣтники.

Какъ редакторъ «Правит. Вѣстника», Г. П. много содѣйствовалъ тому, что литературный и научный отдѣлы этого изданія сдѣлались значительно разностороннѣе: теперь въ нихъ отмѣчаются всѣ существенныя явленія въ области науки, искусства и техники.

Писать въ стихахъ и прозѣ Данилевскій началъ очень рано, еще въ стѣнахъ Дворянскаго Института. Первымъ печатнымъ произведеніемъ его было стихотвореніе «Славянская весна», появившееся въ «Иллюстраціи» 1846 года. Затѣмъ произведенія его начали появляться на страницахъ дѣтскаго журнала А. О. Ишимовой — «Звѣздочка», гдѣ въ 1847 году была напечатана статья «Пещера тигровъ» и стихотвореніе «Брату». Въ 1848 году, уже студентомъ, Данилевскій получилъ серебряную медаль за сочиненіе отъ филологическаго факультета на тему: «О Пушкинѣ и Крыловѣ». По окончаніи университета Данилевскій весьма усердно занимался литературой, но начало его литературной дѣятельности было не особенно удачнымъ: Г. П. писалъ стихи, между тѣмъ, какъ поэзія не была его призваніемъ. Поэма изъ мексиканской жизни «Гвая Лиръ», напечатанная сначала въ «Библ. для чтенія» и вслѣдъ затѣмъ отдѣльною книжкою, лучшими тогдашними журналами была встрѣчена очень не сочувственно; еще болѣе рѣзкимъ отзывамъ подверглись «Крымскія стихотворенія», изданныя въ 1851 г., и появившіяся въ «Пантеонѣ» за 1852 г. стихотворныя произведенія Данилевскаго «Катулъ» и «Арабская Касида». Однимъ изъ первыхъ бытовыхъ разсказовъ Г. П., сочувственно встрѣченныхъ критикою, была «Повѣсть о томъ, какъ казакъ побывалъ въ Бахчисараѣ», на-

печатанная въ «Современникѣ» въ концѣ 1852 г. За нею послѣдовалъ цѣлый рядъ разсказовъ изъ украинскаго быта, собранныхъ впослѣдствіи въ одну книгу и изданныхъ подъ заглавіемъ «Слобожане». Въ этомъ сборникѣ дарованіе молодого писателя обрисовалось со всѣми его характеристическими особенностями. Кромѣ того, Г. П. Данилевскій извѣстенъ и какъ переводчикъ съ украинскаго и иностранныхъ языковъ. Въ пятидесятыхъ же годахъ напечатанъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ рядъ его стихотворныхъ переводовъ изъ Байрона, Шиллера, Лонгфелло, Новалиса, Мицкевича и Шекспира («Король Ричардъ III» и «Цимбелинъ»). Его переводы съ малороссійскаго, собранные впослѣдствіи подъ названіемъ «Украинскія сказки», неоднократно перепечатывались. Въ это же время Г. П. написалъ рядъ фельетоновъ въ газетахъ, критическихъ статей и замѣтокъ о малороссійской литературѣ.

Но общее вниманіе имя А. Скавронскаго (псевдонимъ Г. П. Данилевскаго) обратило на себя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда въ журналѣ Достоевскаго «Время» появились два его романа «Бѣглые въ Новороссіи» и «Бѣглые воротились». Блестящія картины южной природы, изображеніе всѣхъ мелочей крестьянскаго быта, увлекательный сюжетъ и живой, образный языкъ, — все это сразу сдѣлало имя Г. П. Данилевскаго извѣстнымъ въ публикѣ. Съ тѣхъ поръ всѣ его произведенія и мелкія, и крупныя пользовались солиднымъ успѣхомъ, а нѣкоторыя произвели своего рода сенсацію. Это были «Новыя мѣста», романъ, посвященный разоблаченію харьковской исторіи о поддѣлывателяхъ — аристократахъ кредитныхъ билетовъ, и «Мировичъ»—произведеніе, въ которомъ были впервые опубликованы любопытныя данныя изъ дѣла объ Іоаннѣ Антоновичѣ, до тѣхъ поръ составлявшія секретъ для публики. Нельзя также обойти молчаніемъ сборника «Украинская старина», вышедшаго въ свѣтъ въ 1866 году, заключающаго въ себѣ изслѣдованіе о харьковскихъ народныхъ школахъ въ старину и новѣйшее время и біографіи южно-русскихъ дѣятелей: Квитки-Основьяненко, Сковороды и Каразина. Академія Наукъ увѣнчала Данилевскаго за этотъ трудъ Уваровской преміей.

Въ періодъ времени между появленіемъ въ печати повѣсти «Новыя мѣста» и романа «Девятый валъ», Г. П. Данилевскій написалъ свои прелестные, художественные разсказы изъ украинской жизни предковъ. Это былъ переходъ къ историческимъ романамъ, хотя первая попытка (и весьма удачная) въ историческомъ жанрѣ была сдѣлана авторомъ еще въ 1856 году, когда имъ были написаны два разсказа изъ временъ царя Алексѣя Михайловича—«Вечеръ въ теремѣ» и «Первый выпускъ сокола». Послѣ же 1873 года, талантливый романистъ окончательно прощается съ современной жизнью, и съ этого времени непрерывно слѣдуетъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ и повѣстей. Историческія произведенія Г. П. Данилевскаго проводятъ передъ читателями въ художественной формѣ почти всю новую исторію новой, интелигентной Россіи. Авторъ былъ большимъ знатокомъ

XVIII вѣка и, главнымъ образомъ, изъ него черпалъ содержаніе для художественнаго воспроизведенія нашего прошлаго. Таковы его историческіе разсказы и повѣсти—«На Индію при Петрѣ I», «Потемкинъ на Дунаѣ», «Екатерина Великая на Днѣпрѣ», «Уманьская рѣзня» (Послѣдніе запорожцы)—изъ эпохи Петра I и Екатерины II; таковы же его большіе романы—«Мировичъ», «Княжна Тараканова» и «Черный годъ» — изъ эпохи Елисаветы Петровны, Петра III и Екатерины II. Началу XIX столѣтія посвященъ романъ «Сожженная Москва» и отрывки изъ романа «Восемьсотъ двадцать пятый годъ»— изъ эпохи Александра I.

Отсылая читателя къ подробной характеристикѣ Г. П. Данилевскаго, сдѣланной уже на страницахъ нашего журнала[1]), скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ объ особенностяхъ дарованія и нѣкоторыхъ поучительныхъ пріемахъ работы покойнаго писателя. Талантъ Данилевскаго идетъ не столько въ глубь, сколько въ ширь, и не останавливается надъ подробнымъ психологическимъ анализомъ чувствъ и мыслей изображаемыхъ лицъ; всѣ они у него въ движеніи, въ дѣйствіи, и характеризуются не столько разсужденіями, сколько поступками. Если какъ художникъ и рисовальщикъ Г. П. Данилевскій уступитъ многимъ изъ нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ, то какъ разсказчикъ и пейзажистъ онъ хорошъ безъ всякаго сравненія. Разсказъ покойнаго писателя обыкновенно простъ и оживленъ, сплошь интересенъ и подчасъ полонъ тревоги. Манера долго не останавливаться надъ пейзажами, а переплетать ихъ съ нитью разсказа придаетъ много прелести слегка торопливому и порывистому слогу. Какъ бытовой романистъ, Данилевскій отличается, кромѣ того, способностью пріискать интересную канву и любопытную, иногда очень сложную фабулу, которая служитъ автору для развитія основной, общественной идеи, всегда положенной въ его произведеніи. Помимо всѣхъ этихъ достоинствъ, въ романахъ Данилевскаго встрѣчается еще одно цѣнное качество — чувство мѣры, благодаря которому, въ большинствѣ его крупныхъ произведеній дѣйствіе развивается быстро, безъ остановокъ и скачковъ, интересъ овладѣваетъ читателемъ съ первой главы романа, небольшія главы не утомляютъ и всякая сцена подвигаетъ дѣйствіе къ развязкѣ.

Но особеннаго вниманія заслуживаютъ пріемы работы въ историческихъ романахъ Г. П. Данилевскаго, каковы «Мировичъ», «Черный годъ», «Княжна Тараканова» и «Сожженная Москва». На всѣхъ этихъ и всѣхъ вообще историческихъ произведеніяхъ покойнаго лежитъ печать многосторонняго и тщательнаго изученія эпохи по источникамъ, которые онъ доставалъ вездѣ и изучалъ съ величайшимъ тщаніемъ. Быть можетъ, ни у кого изъ нашихъ историческихъ романистовъ нѣтъ столько исторической правды, иногда новыхъ фактовъ, имъ самимъ добытыхъ, какъ, напримѣръ, въ лучшемъ романѣ «Ми-

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», № 4 (апрѣль) 1890. Статья С. С. Левина (псевдонимъ).

ровичъ», и счастливыхъ догадокъ. Поэтому историческія произведенія Г. П. Данилевскаго пріобрѣтаютъ особое значеніе: въ нихъ выдающійся талантъ беллетриста сливается съ добросовѣстностью историка. Кромѣ того, всѣ четыре большіе романа покойнаго писателя написаны въ видѣ историческихъ семейныхъ хроникъ, первоначальные образцы которыхъ далъ геній Пушкина въ «Капитанской дочкѣ» и «Арапѣ Петра Великаго». Такая реалистическая рисовка историческихъ лицъ и событій сквозь призму бытовыхъ характеровъ и бытовой обстановки немало увеличиваетъ занимательность историческихъ романовъ покойнаго автора.

Литературная дѣятельность Г. П. Данилевскаго не прекращалась до самой предсмертной его болѣзни. Уже болѣе года онъ работалъ надъ большимъ историческимъ романомъ, въ которомъ намѣревался изобразить жизнь и печальную судьбу царевича Алексѣя Петровича сына Петра Великаго. Въ сожалѣнію, этотъ романъ авторъ не успѣлъ кончить.

Покойный писатель, сколько извѣстно, велъ свои мемуары. Обладая широкимъ кругомъ знакомства, по своему положенію главнаго редактора «Правительственнаго Вѣстника», обладая прекрасною памятью, наблюдательностью и даромъ разсказа, Г. П. Данилевскій въ эти мемуары, вѣроятно, занесъ не мало любопытныхъ литературныхъ портретовъ и живыхъ сценъ. За мѣсяцъ до своей смерти, покойный передалъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника» свои интересныя воспоминанія о поэтѣ-сатирикѣ Щербинѣ, которыя напечатаны въ настоящей книжкѣ, къ сожалѣнію, одновременно съ некрологомъ безвременно и въ полномъ развитіи своего таланта угасшаго писателя.

МЕСТЬ КАРБОНАРІЕВЪ

(LA SAVELLI)

РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ ВО ФРАНЦІИ

ЖИЛЬБЕРА ОГЮСТЭНА-ТЬЕРРИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1891

ПРОЛОГЪ.

Белла.

Былъ теплый, апрѣльскій, дождливый вечеръ. Смеркалось. Сырымъ туманомъ окутывался Лондонъ.

Въ этомъ году—1854—въ Англіи была ранняя весна; всѣ сады рано зазеленѣли; вся страна утопала въ лучахъ солнца, та страна, въ которой, какъ гласитъ одинъ старинный мадригалъ, «такъ зелены луга, такъ золотисты кудри, такъ нѣжны голубыя очи, такъ прекрасна улыбка розовыхъ устъ». На большихъ часахъ позолоченной Вестминтерской башни пробило семь часовъ. Оживленіе рабочаго дня стало стихать. Шумный, оживленный кварталъ св. Павла точно погружался въ дремоту; банкиръ улицы Флитъ запиралъ контору, довольный тѣмъ, что наконецъ попадетъ къ себѣ домой; на Страндѣ зажглись фонари, отъ Hay-Market до Oxford Rood, подъ огнями газовыхъ рожковъ, заискрились и засіяли выставленныя въ окнахъ роскошныя издѣлія ювелировъ и серебренныхъ магазиновъ. Еще немного и Сенъ-Джемскій паркъ превратился въ притонъ для бродягъ, проводящихъ ночь подъ открытымъ небомъ, а его зеленыя лужайки—въ ложе любви для бездомныхъ ирландокъ.

Смеркалось. Былъ темный апрѣльскій вечеръ.

На Regent-Street, влѣво къ цирку, на сѣромъ фонѣ сумерекъ, выдавался ярко освѣщенный ресторанъ Ардити, итальянскій ресторанъ, съ хорошей репутаціей. По обыкновенію, отдѣльные ка-

бинеты были заняты влюбленными парочками, «fast people»—сжигателями жизни, «swells» или мамзелями отъ Пимлико. Всѣ они пировали и предавались дебошу, но чисто по-англійски—стыдливо и чопорно: больше бутылокъ, чѣмъ поцѣлуевъ. Такова ужъ «british respectability!»...

Въ тотъ вечеръ, однако, въ этомъ домѣ слышались не одни грубыя слова пьяницъ или нѣжные эпитеты влюбленныхъ. Въ первомъ этажѣ ресторана, въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ отдѣльныхъ кабинетовъ, за столомъ, сидѣли молча двое мрачныхъ съ виду мужчинъ. Одному изъ нихъ могло быть лѣтъ около сорока,—плотный, высокій, съ длинными темными волосами и густой бородой, дурно, бѣдно одѣтый. По его отрепанному виду его можно было принять за какого-нибудь учителя словесности или концертирующаго артиста, которыхъ такъ много отовсюду стекается въ Лондонъ—городъ, гдѣ толкаться по чужимъ переднимъ совсѣмъ не такъ легко, и гдѣ каждый поданый кусокъ хлѣба становится поперекъ горла. Въ эту минуту, онъ съ жадностью глоталъ супъ изъ бычачьяго хвоста, ветчину, ростбифъ—всѣ эти лакомые куски англійской кухни—и запивалъ ихъ пивомъ и рейнвейномъ.

Другой, почти старикъ, только смотрѣлъ какъ этотъ накидывался на свою добычу, самъ же почти не дотрогивался ни до чего. По внѣшности это былъ настоящій джэнтельмэнъ, лысый, съ бахромой сѣдыхъ волосъ вокругъ лысины, тщательно выбритый, безукоризненно одѣтый. Весь въ черномъ, въ бѣломъ галстукѣ, онъ былъ похожъ на старшаго архидіакона, занятаго вмѣстѣ съ другими спасеньемъ душъ. Но блескъ его карихъ глазъ, бронзовый цвѣтъ лица, обиліе жестовъ, выдавали въ немъ иностранца.

— Per Bacco!—тяжело вздохнувъ, проговорилъ его длинноволосый компаньонъ...—Che pranzo... Oh veramente stupenda...

— Будьте осторожны, Марино,—прервалъ его собесѣдникъ,—лакей, который намъ служитъ, итальянецъ; будемъ лучше говорить по-французски.

Оборванецъ кивнулъ головой и, не переставая ѣсть, спросилъ:

— Значитъ серьезный разговоръ, ваше сіятельство?

— Да, мой другъ, весьма серьезный.

— Ebbene!.. будемъ говорить по-французски, хотя это жаргонъ гнусливый, полуварварскій, съ дурнымъ запахомъ—какъ выразился о немъ совершенно вѣрно нашъ великій Альфіэри!.. Боже мой, какъ я здѣсь хорошо себя чувствую! Кухня достойна Апицін, вина—воспѣлъ бы самъ Горацій. А, кромѣ того,—продолжалъ онъ, понизивъ голосъ,—здѣсь нѣтъ сыщиковъ, шпіоновъ, всѣхъ этихъ полицейскихъ ужасовъ господина Бонапарта. Ужъ этотъ Бонапартъ!

И онъ усердно затыкалъ вилкою по тарелкѣ,—очевидно, его желудокъ дѣлалъ запасы на завтра.

— Имѣете ли вы какія-нибудь вѣсти отъ представителей «Молодой Италіи?»,—вдругъ спросилъ старикъ, тотъ самый, котораго Марино величалъ «ваше сіятельство».

Онъ проговорилъ эти слова тономъ ненависти и презрѣнія.

— Никакихъ!—было отвѣтомъ.—Упорное молчанье, значитъ большіе замыслы.

— Или вѣрнѣе—отступничество отъ вѣры, младенецъ!

— Что вы, ваше—ство.

— Читаете ли вы когда-нибудь, молодежь, швейцарскіе и нѣмецкіе журналы. Нѣтъ... Такъ вотъ вашъ Мазини взялся за перо. Правда, онъ пересталъ занимать деньги, зато нагло эксплоатируетъ чужія мысли—новая варіація его бандитства. Теперь этотъ знаменитый Іосифъ пишетъ—но что пишетъ—о Боже! какія пошлыя рѣчи! Свобода во имя Христа! Освобожденіе по Евангелію! Джоберти въ плохомъ видѣ, господинъ «Пророкъ идеи»! Конечно, Ватиканъ поспѣшитъ дать ему благословеніе: «быть по сему!»... Повторяю, это ничто иное, какъ грубое отступничество отъ вѣры.

Марино выпрямился и обиженнымъ тономъ проговорилъ:

— Ренегатъ? Онъ-то, освободитель Рима! Славный защитникъ его!

— А что же я по вашему?—воскликнулъ сіятельный старикъ, вставъ изъ-за стола и бросивъ салфетку? Развѣ я не былъ при осадѣ Рима! Я—членъ вашего конституціоннаго собранія и солдатъ Италіи? Но я не говорилъ рѣчей—я дрался. Враги, французы Бонапарта, подняли меня на баррикадѣ Портезе, истекающаго кровью, прострѣленнаго!

— О, безъ сомнѣнья, вы были настоящимъ героемъ,—замѣтилъ Марино, стараясь успокоить его гнѣвъ,—античнымъ героемъ, Коклесомъ, богомъ Марсомъ, рыцаремъ достойнымъ Капитолія!

— Ошибаетесь, любезный другъ, мазинисты меня не признаютъ, должно быть, я ни на что не годный, подлый трусъ, измѣнникъ! Я знаю, что именно такое слово было сказано... Неблагодарная отчизна!...

— Неблагодарная... всѣ отчизны одинаково неблагодарны... Помните, какъ поетъ несравненная Паста: «Dolce ingrata patria». Неблагодарныя и все же дорогія сердцу!

Глубокое молчаніе воцарилось послѣ цитированья этой достославной каватины, и «рыцарь достойный Капитолія» улегся на диванъ.

— Скажите же, наконецъ, да или нѣтъ,—обратился онъ снова съ вопросомъ,—получили ли вы какія-нибудь извѣстія?

Марино подошелъ къ нему и произнесъ съ таинственнымъ видомъ:

— Да—получилъ...—Помните ли вы человѣка, который служилъ подъ вашимъ начальствомъ въ Легіонѣ Красныхъ? Большой

смѣльчакъ... нѣкто... Піанори?.. Да, нѣтъ, впрочемъ, клянусь, я ничего, ничего не знаю!..

Въ это время раздался гнусливый, протяжный голосъ газетчика: «Вечернія газеты! Важныя телеграммы изъ Франціи!»

Почти одновременно съ Regent-Street сталъ доноситься глухой гулъ толпы.

Голосъ газетчика раздавался попрежнему: «Гнусное покушеніе на жизнь императора французовъ!»

Оба итальянца переглянулись. Его сіятельство бросился къ звонку. Вошелъ гарсонъ.

— Живо—пошлите купить мнѣ газету!

Человѣкъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ номеромъ «Evening Star» въ рукахъ.

Старикъ разложилъ передъ собою газету и сталъ читать вслухъ: «**Вечернія телеграммы.** Парижъ 5 часовъ вечера. Сегодня, въ Елисейскихъ поляхъ, нѣкто, по имени Піанори, произвелъ покушеніе на жизнь императора Французовъ нѣсколькими выстрѣлами изъ пистолета. Выстрѣлы не попали въ Наполеона. Убійца опасно раненый, едва не разорванный на части толпою, находится въ рукахъ правосудія».

Никакихъ другихъ подробностей; затѣмъ подъ телеграммой изъ Франціи множество телеграммъ изъ Италіи.

Старикъ продолжалъ читать:

«**Неаполь**, 10 часовъ утра. Вчера вечеромъ, въ театрѣ San-Carlo, состоялось первое представленіе новаго балета: «Женщины и Цвѣты». Театръ былъ полонъ. Восторженный пріемъ публикою. Танцовщицъ вызывали по семи разъ».

Газета выпала у него изъ рукъ и бывшій членъ римскаго конституціоннаго собранія тяжело опустился въ кресло. У него омрачилось чело точно подъ впечатлѣніемъ какого-то отчаяннаго позора; на глазахъ заблистали слезы и онъ пробормоталъ глухимъ голосомъ.

— Опять эшафотъ!.. Опять наша кровь... Мы страдаемъ, мучимся, а эта подлая Италія поетъ, пляшетъ и занимается любовью: putta! Нація позора! если ты такова, такъ пропадай же!

И онъ ударилъ кулакомъ по столу:

— Что касается меня — довольно! довольно вѣчнаго изгнанія, довольно скитанья по свѣту, довольно этой жизни дикаго звѣря, котораго травятъ всѣ полиціи!.. Прекрасно, господа представители «молодой Италіи», вы относитесь съ презрѣніемъ къ моимъ сѣдинамъ! Прекрасно! Отнынѣ эти сѣдины не будутъ больше преклоняться передъ вами! Finita la comedia! Я возвращенъ свободѣ!

— Какой свободѣ?—спросилъ Марино съ дѣланной улыбкой.

— Свободѣ быть тѣмъ, что я есть, и быть себѣ господиномъ!

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ, волнуясь все болѣе и болѣе отъ своихъ собственныхъ словъ.

— Это дѣло рѣшенное... Завтра я пишу кардиналу, государственному секретарю. Я знавалъ прежде Антонелли, и...

— Какъ? Вы хотите писать этому человѣку?

— Ему именно. Я буду просить помилованія — я увѣренъ въ прощеніи. Чортъ возьми! Я хочу быть похожимъ на другихъ: O Romagnuoli tornati in bastardi!

Онъ закурилъ сигару и снова растянулся на диванѣ. Поднявъ глаза къ потолку, слѣдя за кольцами дыма, онъ продолжалъ:

— Наконецъ, я увижу тебя Равенна, родная страна! и тебя, мой дворецъ въ Porta Serrata, такъ давно мною покинутый! И прекрасно! довольная Италія утопаетъ въ веселіи! Ликуетъ! Пускай же веселится! У нея нѣтъ ни политики, ни сердечныхъ увлеченій, ни печали, но есть оргія наслажденій, непрерывный маскарадъ, вѣчная масляница безъ поста... А кромѣ того, я усталъ отъ своего одиночества—и я не прочь испытать супружескаго счастья.

— Какъ, вы собиратесь жениться?—тихо вздохнулъ Марино, пересѣвъ къ дивану.—Вы забываете ваши шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ.

Старикъ слегка поднялъ голову:

— Шестьдесятъ и три года, господинъ музыкантъ, я это знаю— я и мечтаю о бракѣ, который бы совпадалъ съ моими иллюзіями, о бракѣ во вкусѣ моей родины! За моими поисками невѣсты я отправлюсь за кулисы къ примадоннамъ «San Carlo» или обращусь къ какой-нибудь звѣздѣ изъ балеринъ «Scala».

— Вы, конечно, шутите.

— Ничуть, его сіятельство никогда не шутитъ.

— А портреты вашихъ предковъ, великихъ патріотовъ, умершихъ за честь, которые будутъ смотрѣть на васъ въ вашемъ дворцѣ и день и ночь!

Однимъ прыжкомъ старикъ выпрямился во весь ростъ; блѣдный, онъ подошелъ къ окну и распахнулъ его изо всей силы— видно было, что онъ задыхался отъ гнѣва. Марино направился за нимъ и облокотился на перила балкона.

На улицѣ, передъ ресторанымъ, собралась толпа. Играли бродячіе музыканты; двѣ скрипки отчаянно пилили, фальшивила арфа, подъ аккомпаниментъ пѣла пѣвица «brindisi»: изъ Травіаты— «Libiamo ne lieti calici»—эту избитую банальную вещь.

— Красивый тэмбръ голоса!—замѣтилъ Марино,—жаль, что безъ всякой методы... О, еслибы я ей давалъ уроки!..

— Эй ты, красавица—piccolo! позвалъ старикъ... На̀ тебѣ шиллингъ—на̀, лови... а теперь иди сюда, къ намъ... Спой намъ какую-нибудь пѣсенку!

Женщина подняла голову, допѣла свою бравурную арію и скрылась въ воротахъ дома; черезъ нѣсколько минутъ она показалась въ дверяхъ обѣденнаго зала ресторана.

Что это была за красавица! молодая, стройная, съ бронзоватымъ отливомъ кожи итальянокъ, съ большими черными глазами, съ роскошными черными, блестящими косами, которыми обмотана была вся ея голова. Золотая булавка придерживала ихъ. Черты лица ея своею правильностью напоминали транстеверскихъ красавицъ, которыхъ съумѣлъ сдѣлать божественными божественный геній Санціо. Она была странно одѣта, въ костюмъ изъ комической оперы, который бросался въ глаза: красная юбка Фенеллы — купленная, вѣроятно, по случаю при распродажѣ театральнаго тряпья въ театрѣ Covent-garden. Къ корсажу былъ приппиленъ букетъ искусственнаго шиповника.

Площадная дива остановилась среди комнаты, наглымъ взглядомъ окинула обоихъ мужчинъ, улыбаясь и показывая приэтомъ свои жемчужные зубы, быстро перенесла взоръ своихъ бархатныхъ очей на господина въ черномъ.

— Вотъ я и пришла... Что же вамъ спѣть?.. «La santa Lucia?» Но у васъ нѣтъ фортепіано, чтобы мнѣ аккомпанировать?

Его сіятельство надѣлъ pince-nez и, разсмотрѣвъ ее съ видомъ знатока, замѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, нѣтъ... А ты говоришь по-французски, милашка?...

— Еще бы! Мой отецъ былъ профессоромъ въ Марсели.

— Ты родилась во Франціи?

— Нѣтъ, въ Римѣ, въ Борго.

— Дочь профессора?.. Каково! Значитъ, маленькая ученая?

— Да, я все знаю... Знаю даже, какъ не знать то, чего не слѣдуетъ знать...

И она разсмѣялась, разсмѣялись и оба мужчины. Его сіятельство указалъ на букетъ шиповника на ея груди и прибавилъ:

— Значитъ менѣе дикая, чѣмъ эта эмблема?

— А главное гораздо менѣе поблекшая!—отвѣтила она, весело улыбаясь.

— Отдай мнѣ твой букетъ, красотка.

— Ни за что... Это мой талисманъ.

— Противъ дурного глаза?

— Да хоть бы и такъ... вашъ-то не особенно хорошъ... Нѣтъ, я просто люблю эти цвѣточки за то, что мой отецъ ихъ любилъ.

— Вотъ это мило! Да здравствуетъ чувство! Какъ тебя зовутъ?

— Белла.

— Это твое боевое имя... Но другое, настоящее, христіанское?

Пѣвица повела плечами.

— Христіанское!—проговорила она.

— Чортъ возьми! Папистка и вольнодумная. Рѣдкое сочетаніе!

Белла была въ нерѣшимости, затѣмъ, подумавъ, проговорила серьезнымъ тономъ:

— Я вижу—вы сами итальянцы... Такъ знайте же—меня зовутъ Розина Савелли?

Она проговорила это съ гордостью, точно она повѣдала имъ, что она Малибранъ или Фальконъ. Безъ сомнѣнья, она разсчитывала на «эфектъ» и эфектъ удался вполнѣ.

— Савелли?—повторилъ его сіятельство.— Я зналъ одного Савелли при осадѣ Рима, Сципіона Савелли, онъ сражался подъ моимъ начальствомъ и былъ раненъ при бастіонѣ св. Панкратія. Храбрый былъ человѣкъ...

— Это былъ мой отецъ.

— Вашъ отецъ?.. Позвольте... Савелли? Вы пробуждаете во мнѣ тяжелыя воспоминанія... Это имя внесено въ число мучениковъ за святую свободу! Савелли, кажется, одна изъ жертвъ Бонапарта?..

Женщина разомъ поблѣднѣла, глаза ея засверкали и она съ трудомъ проговорила:

— Они его дважды растрѣливали... Это былъ мой отецъ.

— Дважды разстрѣливали! Подлецы! Но гдѣ же, при какихъ условіяхъ?

— Въ Провансѣ. Послѣ государственнаго переворота—во время большого возстанія на Югѣ.

— Догадываюсь... Нѣсколько вожаковъ «Молодой Италіи» присоединились къ республиканцамъ Франціи и погибли героями... Все та же безразсудная мечта... Безуміе!

— Можетъ быть, безуміе, но великое, достойное! Мой отецъ командовалъ въ Варѣ отрядомъ инсургентовъ... О да, мой отецъ былъ отважный, храбрый человѣкъ... страстный поклонникъ свободы, его сердце пылало за его дорогую Италію, за нашу многострадальную отчизну! Какъ онъ ненавидѣлъ глубоко этого Бонапарта, громителя Рима, этого покровителя папы и духовенства... Онъ зналъ прежде этого человѣка, который былъ такимъ же карбонаромъ, какъ и онъ самъ, они оба служили одной идеи, въ одномъ легіонѣ... Ренегатъ! Савелли рѣшилъ сражаться... При первомъ ударѣ въ набатъ, онъ покинулъ Марсель, учениковъ, друзей, и присоединился къ партіи. Благородное сердце... Онъ былъ взятъ на баррикады и былъ поставленъ подъ цѣлый рядъ ружейныхъ выстрѣловъ. Дикіе звѣри эти солдаты! Но его смертный часъ еще не насталъ—онъ не былъ убитъ... Весь простреленный, онъ еще дышалъ... его бросили въ лазаретный фургонъ, перевязали раны... Вы, можетъ быть, думаете изъ человѣколюбія? Человѣческія чувства у дикихъ звѣрей! Вы не можете себѣ представить, что это были за люди, ихъ «смѣшанныя комиссіи» и ихъ прокуроръ Бенардъ, этотъ ужасный Бенардъ, «бѣлый мясникъ» какъ его звали! Каналья!.. По приказанію этого Бенарда, моего отца, умирающаго, притащили въ военный совѣтъ. Онъ едва дышалъ, изъ ранъ его

струилась кровь!.. Мерзавцы, мерзавцы!.. Онъ былъ приговоренъ... и вотъ тогда... эти разбойники разстрѣляли его вторично! Да, канальи!

Разсказъ свой она сопровождала самыми страстными жестами, криками, итальянскими возгласами. Она вся изнемогала отъ дикой ненависти, глаза ея горѣли, кулаки были сжаты. Когда она замолкла, сіятельный старецъ, все время молчаливо слѣдившій за ней, наконецъ, проговорилъ:

— Подлецы!.. Но вы, его дочь, что сдѣлали вы, чтобы отмстить за его смерть?

— Я?—съ отчаяньемъ воскликнула она,—я была учительницею въ Марсели. Меня выгнали какъ паршивую собаку... и я смирилась...

— И это все?.. Немного...

— Что дѣлать!...

— И теперь, бѣдняжка, ты таскаешься по улицамъ, зарабатывая себѣ гроши?

— Я такъ была голодна!

Она вся дрожала и снова замолкла... А онъ продолжалъ ее разглядывать во всѣхъ подробностяхъ.

— Несчастный Савелли!—проговорилъ онъ, вставая.

Розина вдругъ остановилась передъ нимъ и, въ свою очередь обращаясь къ нему на «ты», сказала:

— Послушай... Мнѣ 22 года, и я хороша собой — хочешь ты отмстить за смерть моего отца—и я принадлежу тебѣ—принадлежу тебѣ тѣломъ и душою.

Старикъ вздрогнулъ.

— Милости просимъ ко мнѣ,—проговорилъ онъ.

— Когда?

— Завтра.

— Улица?

— Пиккадили, № 3.

— Какъ спросить?

— Князя Гвидо де-Карпенья.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Правосудіе.

ТОТЪ, кто царствовалъ въ это время во Франціи, назывался Наполеономъ.

Ниже своего положенія, весь подъ гнётомъ своего имени, теперь, изъ глубины своей могилы, властвующій надъ нашими теперешними властелинами минуты, этими живыми убогими, этотъ императоръ въ былыя времена достойный имперіи, уже 18 лѣтъ принадлежитъ исторіи. И что же—исторія, для всѣхъ долженствующая быть безпристрастнымъ судьей, приговоромъ вѣчной совѣсти, для него она только поношеніе, только оскорбленіе. Ненависть его враговъ разразилась надъ его памятью; она поглотила его цѣликомъ, она неумолима столько же, сколько прежде была боязлива. А онъ, точно замученная, обиженная многострадальная душа изъ какой-нибудь народной легенды витаетъ надъ этимъ самымъ Парижемъ, надъ всѣми городами и деревнями Франціи, которую онъ оставилъ въ такомъ цвѣтущемъ и благоустроенномъ состояніи, и требуетъ себѣ правосудія.

Въ то время его считали великимъ.

Возведенному на тронъ общественнымъ преступленіемъ ему простилось, быть можетъ, это преступленіе за то, что онъ былъ признанъ цѣлымъ народомъ. Этотъ племянникъ «великаго человѣка» могъ считать себя почти за равнаго ему. У него было счастье императорскаго генія, и—какъ полагали—смѣлость этого генія!..

И дѣйствительно, многіе изъ государей Европы боялись его... Наполеонъ! Какъ страшно звучало для нихъ это имя. Неужели и

съ этимъ другимъ Бонопартомъ начнется та же ужасная эпопея, неужели опять гигантскія сраженья, опять постыдныя пораженія, опять безпощадные договоры?

Одна королева Англіи, сознавая, что значитъ его сосѣдство, поспѣшила сдѣлать ему визитъ. Но еще болѣе, чѣмъ для старыхъ монархій, онъ былъ грозенъ молодой революціи, которую онъ на первыхъ же порахъ хотѣлъ укротить.

Укротить такого звѣря, пожирателя 1848 года!

О, какъ ненавидѣли этого Бонапарта всѣ тѣ, для кого февраль явился зарею свободы, которую декабрь снова погрузилъ въ мрачную ночь.

Отверженныя націи, бездомные народы, обездоленные родиною, бродяги по свѣту: венгерцы, итальянцы, въ особенности эти послѣдніе вѣчно содрогающіеся при созерцаніи «своего гнѣзда печали»! Они не могли забыть, что Луи-Наполеонъ былъ въ заговорѣ съ ними, что онъ принадлежалъ къ ихъ тайнымъ обществамъ и клялся имъ, что отнынѣ «Италія будетъ итальянскою». И для перваго акта своего могущества, ренегатъ вздумалъ штурмовать Римъ, Римъ освобожденный отъ папъ; осуществилась мечта его братьевъ по присягѣ.

И вдругъ онъ поддерживаетъ духовенство, ставитъ гарнизонъ и смѣетъ распоряжаться этою святынею. Святотатство!... Во-первыхъ въ то время всѣ итальянскія сердца были проникнуты слѣдующимъ политическимъ догматомъ: республика необходима Франціи, чтобы быть полезной Италіи. О, еслибы могъ исчезнуть этотъ тиранъ, Луи-Бонапартъ, какъ бы земля Ріенцевъ стряхнула безчестіе съ своихъ сыновъ, и какая любовь соединила бы навсегда этихъ сестеръ-націй!... Увы! Эта республика, о которой ты, Италія, такъ мечтала, наконецъ, на насъ обрушилась. Что ты теперь о ней думаешь, сестра-нація?... О чемъ теперь мечтаешь? На что разсчитываешь?

Но Франція лелѣяла тогда своего Наполеона, этого кесаря, котораго она, наконецъ, обрѣла. Она уже успѣла ему все простить, «декабрскую западню», «разстрѣливаніе на бульварѣ Bonne-Nouvelle» «смѣшанныя комиссіи», «административныя высылки тысячей невинныхъ и даже изгнаніе самыхъ великихъ изгнанниковъ». Она любила его... она такъ боялась другихъ!

Какъ во дни VIII года, католики считали его за орудіе, избранное карающимъ Провидѣніемъ, за существо избранное для дѣяній гнѣва, за Кесаря, которому суждено искоренить зло, за возстановителя царства Божія... Они вѣрили и самъ папа желалъ быть крестнымъ отцомъ сына этого другого Наполеона, этого царственнаго ребенка съ большими голубыми глазами полными мысли и горькихъ слезъ...

Въ соборахъ молебны, въ замкахъ—да зравствуетъ императоръ!...

Можетъ быть, менѣе восторженно, но не безъ меньшаго увлеченья отнеслась къ нему торговая буржуазія, по природѣ недовѣрчивая и все хулящая. Отнынѣ нечего бояться соціализма, говорила она себѣ, нечего предупреждать банкротства, или сдерживать мятежи, красный призракъ исчезъ въ лучахъ императорскаго величія... И въ дворцахъ банкировъ, и въ канурахъ бѣдныхъ лавочниковъ прозвучало «да здравствуетъ императоръ!»

Что касается до черни—у нея въ ушахъ все еще раздавались канонады прошлаго и побѣдоносные залпы, отъ которыхъ она вся еще трепетала.

Ну-ка, мужичекъ, посмотри-ка ты на литографіи маленькаго капрала, а ты, рабочій, полюбуйся колонной—и «да здравствуетъ императоръ»!

«Да здравствуетъ императоръ»! съ восторгомъ прокричало поколѣніе того времени—бывшій возгласъ Аустерлица и Іены—вопль «великой націи»...

Она считала себя счастливой... Сколько было иллюзій счастья!... О дни, какъ будто близкіе и уже столь далекіе, недавнее событіе, превратившееся почти въ легендарное, когда пушка Инвалидовъ разносила по свѣту такія имена какъ Альма, Малаховъ, Маджента, Сольферино, когда армія Франціи дважды прошла черезъ опьяненный Парижъ съ лавровыми вѣтвями на штыкахъ ружей, когда всѣ правители земли стремились въ Елисейскій дворецъ—этотъ отель королей! Когда для удивленной Европы императоръ французовъ не назывался иначе какъ императоръ!...

Счастливые дни славы, которая замѣняла нашимъ сердцамъ свободу—вернетесь ли вы снова когда-нибудь?... Нѣтъ, слишкомъ много ненависти смѣнило эту слишкомъ сильную любовь—и наша святая гордость пролила слишкомъ много слезъ! Свершилось нѣчто непоправимое... Но неужели наше отчаянье послѣ нашего послѣдняго пораженія уничтожило въ конецъ нашу память, неужели Седанъ—пропасть, которая поглотила даже воспоминаніе о нашемъ величіи!... О Франція, Франція, дочь старой Галліи, нація «Vae Victis»! Нація неумолимая къ своимъ побѣжденнымъ!

II.

Императорскія среды.

Въ этотъ вечеръ, 24-го ноября 1856 года, весь фасадъ Тюльерійскаго дворца сіялъ огнями. На Карусельской площади рядами стояли кареты, онѣ въѣзжали за рѣшетку, чередовались у подъѣзда и то и дѣло подвозили дамъ въ бальныхъ туалетахъ и кавалеровъ въ мундирахъ. Во дворцѣ былъ балъ, первый балъ зимняго сезона.

Онъ не существуетъ болѣе этотъ Тюльерійскій дворецъ. Съ перваго часа своей судорожной агоніи коммуна 1871 приговорила его къ разрушенію и ни одинъ изъ ея огней веселья не доставилъ этой безумной поджигательницѣ столько наслажденія. Дурачье! Неужели они могли думать, что, разрушивъ нѣсколько камней, которые говорили о прежнемъ величіи, они могутъ уничтожить само великое прошлое? Долго стояли эти унылыя развалившіяся стѣны, этотъ провалившійся куполъ, точно возставая противъ междоусобной войны,—теперь нѣтъ даже этихъ развалинъ—etiam periere. Въ пустомъ пространствѣ, открывающемся взору съ площади Каруселей, вѣчно чудится мрачный призракъ исчезнувшаго прошлаго, но это только смутное воспоминаніе, которое блѣднѣетъ съ каждымъ днемъ...

А вотъ близится и новое столѣтіе, которому нѣтъ дѣла до нашихъ утратъ—дѣти наши посмотрятъ съ удивленьемъ на того, кто имъ скажетъ: «Тутъ былъ дворецъ, въ которомъ жили короли». Забыто все, такъ скоро забыто... Забвеніе—вотъ настоящая могила человѣчества!..

Автору этого разсказа случалось въ былое время бывать въ старомъ царскомъ жилищѣ—онъ видѣлъ его послѣднихъ хозяевъ; да будетъ позволено ему вызвать ихъ тѣни.

Подъ куполомъ, направо, была широкая, каменная лѣстница, прямая, по которой не легко было подниматься—монументальная лѣстница. Въ дни пріемовъ она была освѣщена подфакельниками, на каждой ступенькѣ стоялъ неподвижный колоссъ-гренадеръ въ блестящей стальной кирасѣ. На верху, въ первой передней, каммергеръ въ красномъ встрѣчалъ приглашенныхъ. Затѣмъ вы попадали въ Galerie des Fêtes, она вся была изъ бѣлой деревянной рѣзьбы съ золотомъ, явная имитація Версальской галлереи, роскошная постройка короля Луи-Филиппа. Никакихъ картинъ тамъ не было, кромѣ одного портрета Наполеона III на конѣ, довольно любопытная картина Ораса Верне, занимающая все среднее панно. Вдоль стѣнъ въ два ряда стояли скамейки, на которыхъ дамы и дѣвицы разсаживались съ своими пышными кринолинами, а въ одномъ изъ угловъ стояли пюпитры «маленькаго оркестра», большой оркестръ Штрауса помѣщался въ залѣ маршаловъ. Хрустальныя люстры, подфакельники апплике, разливали массу свѣта на всю эту рѣзьбу · золота, и зеркала, блескъ мундировъ, переливы атласовъ и драгоцѣнныхъ камней, придавали императорскому празднику по истинѣ волшебный видъ.

Въ концѣ галлереи празднествъ (galerie des fêtes) громадная арка, украшенная яркимъ краснымъ бархатомъ, вела въ залъ маршаловъ. Этотъ залъ, чудо архитектуры, былъ квадратный—и вышиною доходилъ до самаго центральнаго купола. Гигантскія каріатиды изъ бѣлаго мрамора поддерживали своды; портреты во

весь ростъ маршаловъ первой имперіи украшали боковыя галлереи.

Видъ былъ внушительный и производилъ впечатлѣніе царственнаго величія. На возвышеніи, подъ пурпуровымъ, съ золотыми пчелами, балдахиномъ, возвышался тронъ. Вотъ тутъ-то, во время офиціальныхъ вечеровъ, обыкновенно находился Наполеонъ III. Около 10 часовъ онъ выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ; тогда открывался балъ и начинались представленія императрицѣ. Въ 12 часовъ Наполеонъ обходилъ галлерею празднествъ и возвращался во внутренніе аппартаменты дворца.

Итакъ, въ этотъ вечеръ, въ одну изъ средъ офиціальнаго пріема, въ Тюльери былъ балъ. Масса народа толпилась въ императорскихъ залахъ, балъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда показался виконтъ Марсель Бенардъ, который только-что пріѣхалъ изъ клуба. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати восьми, красивый, высокій, темноволосый, съ карими энергичными глазами, съ гордою осанкою. Его манеры и нѣсколько вызывающая осанка обличали въ немъ моднаго кавалера; длинные тонкіе усы, бородка à l'impériale, проборъ черезъ всю голову, съ гладко причесанными висками напередъ, однимъ словомъ «gandin» въ полномъ смыслѣ, по выраженію того времени. Стройный, прекрасно сложенный, онъ былъ въ красивой формѣ аудитора государственнаго совѣта: на немъ былъ голубой фракъ съ вышитыми рукавами и отворотами, бѣлые панталоны, справа шпага, подъ мышкою шляпа съ черными перьями.

Гордо закинувъ голову, съ моноклемъ въ глазу, небрежно покачиваясь—признакъ высшаго тона—волоча лѣниво ноги въ своихъ башмакахъ съ пряжками, виконтъ вошелъ. Окинувъ взглядомъ присутствующихъ въ первой галлереѣ, которые задыхались отъ жары, онъ сдѣлалъ презрительную мину и быстро направился въ залъ маршаловъ.

Ему пришлось остановиться на порогѣ: пройти не было никакой возможности, въ нѣсколько рядовъ стояли дамы и мужчины. Какъ разъ въ это время императоръ танцовалъ кадриль и всѣ стремились, со всѣхъ сторонъ, посмотрѣть на соло императора въ пятой фигурѣ. Марселю Бенарду пришлось вернуться въ галлерею, гдѣ онъ и сѣлъ недовольный, не въ духѣ.

Передъ нимъ кружилась масса танцующихъ, но все это были люди изъ чиновнаго міра. По этикету двора, въ залѣ маршаловъ могли веселиться только высокопоставленныя особы, иностранные послы, министры, заслуженные генералы, сенаторы, члены государственнаго совѣта. Что касается до людей съ болѣе скромнымъ положеніемъ, въ ихъ распоряженіе была предоставлена галлерея празднествъ. Тутъ появились префекты, ихъ помощники, директора департаментовъ, разные начальники отдѣленій, комисары, полков-

ники и цѣлая армія густыхъ и маленькихъ эполетъ, тутъ же были и почтенные члены магистратовъ, гордящіеся своими черными бархатными костюмами, нѣсколько членовъ французскаго Института во фракахъ съ зелеными вѣтками пальмъ, вызывавшихъ шушуканье и насмѣшки со стороны гренадеровъ и вольтижеровъ гвардіи.

Марсель Бенардъ смотрѣлъ на всю эту толчею съ тоскою человѣка привычнаго къ великолѣпію императорскихъ вечеровъ.

— Привѣтъ самому изъ милѣйшихъ виконтовъ!—проговорилъ около него молодой человѣкъ въ мундирѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Марсель оглянулся.

— А! это ты, Гравенуаръ! — воскликнулъ онъ. — Какъ поживаешь? Какова толкотня!

— Болѣе тысячи приглашеній, какъ видно весь цвѣтъ имперіи: каковъ букетъ!... Какъ здоровье графа Бенарда?

— Моего отца?... Гораздо лучше. Онъ уже вернулся и принялся за работу въ государственномъ совѣтѣ.

— Очень радъ слышать такія вѣсти. Что съ нимъ было, скажи на милость?

— Нервное разстройство. Доктора въ такихъ болѣзняхъ ничего не понимаютъ. Но теперь, слава Богу, все обошлось и онъ совсѣмъ здоровъ.

— Ты одинъ?

— Совсѣмъ одинъ, со скукою.

— Мадемуазель Мари-Анны нѣтъ съ тобой?

Марсель Бенардъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, моя сестра осталась съ отцомъ... Она вѣдь никогда не выѣзжаетъ.

Онъ всталъ; они оба попробовали сдѣлать нѣсколько шаговъ въ толпѣ.

— Гдѣ ты охотился эту осень?—спросилъ начинающій дипломатъ.

— Въ Нормандіи, въ моемъ маленькомъ зàмкѣ Сассевиль.

— Въ какомъ мѣстѣ?

— Въ Нижней Сенѣ, около Феканъ. Это собственность, которую я получилъ въ наслѣдство отъ матери.

— Хорошее помѣстье?

— По моему—идеальное, потому, что мнѣ принадлежитъ... Это еще кто? Гравенуаръ, взгляни-ка...

Молодая красивая женщина сидѣла въ креслѣ, окруженная цѣлою шумною толпою поклонниковъ. Она была замѣчательно хороша: брюнетка, съ большими голубыми глазами, съ роскошными плечами и шеей, вся изящная, стройная. Ея черные волосы, съ фестонами на лбу, по модѣ того времени, были заплетены въ длинныя косы «repentirs», которыя обрамляли овалъ ея лица. Въ этихъ

косахъ единственнымъ украшеніемъ была гирлянда шиповника, усѣянная бриллiантами, на груди былъ такой же букетъ.

Лѣниво покоясь въ креслѣ, эта красавица почти закрывала своихъ сосѣдей своимъ пышнымъ платьемъ изъ желтаго атласа съ тремя черными кружевными воланами. Въ ея довольно полной рукѣ былъ большой вѣеръ изъ марабу, которымъ она усердно махала, всячески имъ кокетничая, то запирая, то открывая его. Поклонники всѣхъ возростовъ, и старые и молодые, окружали ее, любезничали съ ней, увивались около нея, каждый разсчитывая на успѣхъ.

Очевидно, ее все это забавляло, эту удивительную женщину. При всякой болѣе свободной шуткѣ она конфузилась, откидывалась назадъ, раскрывала вѣеръ, пряталась за него, и только ея большіе глаза лукаво выглядывали изъ-за него и весело смѣялись.

При этихъ движеніяхъ нѣги и разсчитанной сдержанности, красавица, откидываясь, показывала свою ножку и даже часть чулка; тогда проносился шопотъ восторга, послѣ котораго сейчасъ же поправлялись нескромныя юбки.

— Скажи на милость, что это за красавица?—спросилъ аудиторъ своего пріятеля.

Гравенуаръ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Да ты ее конечно знаешь... Это Розина.

— Какая Розина?

— Жаль мнѣ тебя, милый другъ! Неужели ты записался въ монахи?... Эта красавица теперь въ славѣ... Розина... княгиня де-Карпенья.

Марсель разсмѣялся.

— Не слыхалъ... Странная фамилія... Вѣроятно изъ квартала Бреда?

— Ничуть!... Самая настоящая княгиня!... Эти Карпенья принадлежатъ къ древнему роду Романьи. У Данте въ «Чистилищѣ» «Божественной комедіи» есть цѣлый стихъ посвященный имъ. А она сама, говорятъ, урожденная графиня д'А-Прата, тоже древній родъ Равенны, но тутъ не берусь утверждать. Что бы тамъ ни было, я былъ ей представленъ въ прошломъ году въ Венеціи. Она занимала палаццо на Большомъ каналѣ, принимала у себя избранное общество и жила весьма открыто.

Марсель издали изучалъ молодую женщину.

— Чрезвычайно хороша, дѣйствительно! Но что за странный туалетъ! Розовые цвѣты на желтомъ атласномъ платьѣ... Иностранка, сейчасъ видно.

— Истая парижанка, эта прелестная Розина!.. всегда готовая на всевозможное обѣщаніе и никогда на исполненіе ихъ.

— Ба! что за фантазія одѣваться въ австрійскіе цвѣта?

— Можетъ быть, она ихъ носитъ въ честь своего уважаемаго

супруга, стараго заговорщика, въ настоящее время покаявшагося и находящагося въ милости у сильныхъ міра.

— Такъ существуетъ и мужъ?

— Еще бы! только онъ невидимъ; говорятъ, что они ненавидятъ другъ друга и живутъ врозь.

— Въ такомъ случаѣ, представь меня ей, пожалуйста.

— Ловеласъ!

И они направились къ княгинѣ де-Карпенья.

— Мосье Гравенуаръ!—воскликнула г-жа де-Карпенья, увидя молодого атташе,—васъ совсѣмъ не видно съ нѣкоторыхъ поръ, вы совсѣмъ пропали.

Молодой человѣкъ проговорилъ нѣсколько банальныхъ фразъ въ отвѣтъ.

— А я теперь поселилась въ Пасси,—продолжала молодая женщина...—въ моемъ монастырѣ въ Rue des Jardins и...

— Не разрѣшите ли мнѣ поступить настоятелемъ въ вашъ монастырь, княгиня.

— Ни даже ключаремъ, фатищка вы этакой! Но я съ удовольствіемъ вижу у себя друзей, которые не прочь отъ такого дальняго путешествія къ святымъ мѣстамъ...

— Княгиня, позвольте вамъ представить моего пріятеля, виконта Бенарда,—проговорилъ Гравенуаръ.

Рука, державшая вѣеръ, сдѣлала быстрое движеніе, по блѣдному лицу итальянки разлилась яркая краска.

— Мосье Марсель Бенардъ?—спросила она серьезнымъ тономъ,—можетъ быть, въ родствѣ съ графомъ Брутомъ Бенардомъ?

— Это мой отецъ.

— Вотъ какъ! бывшій генералъ-прокуроръ?

— Онъ самый.

— Вашъ отецъ?

Голубые глаза устремились на нѣсколько секундъ на молодого аудитора, затѣмъ молодая женщина, все еще продолжавшая на него смотрѣть, протянула ему руку.

— Друзья моихъ друзей—мои друзья. Прошу васъ, садитесь, виконтъ.

Она говорила правильнымъ французскимъ языкомъ, съ едва замѣтнымъ итальянскимъ акцентомъ, голосъ у нея былъ чрезвычайно звучный, мягкій. Говоря, она улыбалась, показывая свои перламутровые зубы.

Прерванный на время разговоръ продолжался. Говорились всевозможныя пошлости, любезности, иногда не совсѣмъ благозвучные намеки, всякія двусмысленности, банальности. Старый баронъ Ла-Шене «каммергеръ-депутатъ» шестидесятилѣтній волокита съ навощенными усами, плѣшивый, гордящійся своей плѣшью

à la Morny, громче всѣхъ болталъ какой-то вздоръ, полный цинизма и глупости. Молодая женщина слушала, возражала, забавлялась.

Но вотъ раздались первые аккорды вальса Штрауса «Morgenblätter».

— Княгиня, смѣю ли я просить васъ на туръ вальса?—спросилъ виконтъ Бернардъ.

Она сейчасъ же поднялась съ своего мѣста.

— Я не особенно люблю танцы, но для сына графа Бенарда у меня ни въ чемъ не можетъ быть отказа.

— Берегитесь! Онъ всего отъ васъ потребуетъ!—воскликнулъ графъ Ла-Шене.

— Когда же и быть смѣлымъ, какъ не въ его годы!—замѣтила весело красавица.

Ея отвѣтъ привелъ всѣхъ въ восторгъ.

Она слегка оперлась на руку молодого человѣка, усталая, полная нѣги, она легкимъ, непрерывнымъ, страстнымъ пожатіемъ прижимала его къ себѣ...

Онъ, смущенный, опьяненный ея близостью, весь въ упоеніи страсти, молча увлекалъ ее за собою черезъ толпу, боясь прервать прелесть нервнаго возбужденья, которую онъ испытывалъ отъ ея близости.

— И такъ, повторила она, вы сынъ графа Брута Бенарда, бывшаго генералъ-прокурора?

— Въ настоящее время онъ членъ государственнаго совѣта. Совершенно вѣрно, княгиня. Вы знакомы съ моимъ отцомъ?

— О, нѣтъ! Не лично... Я знаю его только по имени—онъ вѣдь слава французской имперіи, — и, продолжая въ томъ же тонѣ льстивой напыщенности, она прибавила: —Должно быть, не легко поддерживать честь такого имени!

Марсель поклонился и, взявъ за талью молодую женщину, увлекъ ее въ вихрѣ вальса. Она вальсировала, крѣпко прижавшись къ нему, съ закрытыми глазами, слегка касаясь повременамъ щекою его лица, отдаваясь его объятьямъ.

Но вотъ они остановились, оркестръ кончилъ. Капельмейстеръ ударилъ трижды по пюпитру и всѣ инструменты мѣдные и струнные разомъ грянули «гимнъ» королевы Гортанзіи. На порогѣ галереи празднествъ показалась высокая фигура оберъ-камергера герцога де-Бассано, который возвѣстилъ:

«Императоръ!»

— Что случилось?—спросила удивленная княгиня де-Карпенья.

— Императоръ идетъ!—отвѣтилъ Марсель,—онъ обходитъ галлерею празднествъ передъ уходомъ во внутренніе аппартаменты.

Рѣзкимъ движеніемъ она освободилась изъ рукъ Марселя, которыя ее держали. Она разомъ преобразилась; исчезла ея нѣжность взгляда, не осталось слѣда отъ нѣги, которой за минуту было полно

все ея существо, глаза ея блестѣли, и легкая дрожь пробѣжала по ея лицу.

— Императоръ!—воскликнула она,—о, прошу васъ подойдемте ближе.

Въ галлереѣ танцующіе уже выстроились въ два ряда—всѣ толкались, чтобы лучше видѣть.

Съ помощью своего кавалера, княгиня де-Карпенья пробралась въ первый рядъ. Оркестръ молчалъ, глухой шопотъ слышался отовсюду—медленно двигалось императорское шествіе.

Во главѣ шли офицеры императорской гвардіи въ кирасахъ съ чернью, въ стальныхъ каскахъ съ бѣлыми султанами, за ними флигель-адъютанты въ голубыхъ фракахъ съ серебренными аксельбантами, церемоніймейстеры въ лиловыхъ мундирахъ, штальмейстеры двора—въ зеленыхъ съ золотомъ, цвѣта Бонапарта, оберъ камергеръ въ красномъ и, наконецъ, самъ императоръ.

Наполеонъ III былъ въ формѣ дивизіоннаго генерала съ большой лентой Почетнаго Легіона. Онъ шелъ, слегка покачиваясь, таща ноги съ напряженіемъ всего тѣла; онъ казался не въ духѣ, съ отпечаткомъ скуки на лицѣ; своими безжизненными глазами онъ смотрѣлъ на эту колыхавшуюся толпу.

На ходу, совершенно машинально, онъ подымалъ правую руку къ усамъ и крутилъ ихъ. По временамъ, если онъ замѣчалъ въ толпѣ кого-нибудь изъ знакомыхъ ему должностныхъ лицъ, онъ на мгновенье оживлялся, подходилъ, говорилъ нѣсколько милостивыхъ словъ, былъ чрезвычайно любезенъ, милъ.

Онъ проходилъ... Въ эту самую минуту княгиня де-Карпенья, вытянувъ голову, чтобы лучше видѣть, неловкимъ движеньемъ выронила изъ рукъ вѣеръ и испуганно вскрикнула.

Наполеонъ остановился, нагнулся, поднялъ вѣеръ. Тогда молодая женщина храбро подошла къ нему и протянула за вѣеромъ руку. Въ продолженіе нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга. Она молча разсматривала его, конфузясь и краснѣя.

Императоръ поклонился и направился дальше.

На лицѣ его теперь появилась улыбка, онъ еще больше сталъ раскачиваться, еще больше теребить себя за усы. Черезъ нѣсколько шаговъ, замѣтивъ оберъ-камергера, онъ сдѣлалъ ему знакъ, тотъ наклонился къ нему, императоръ сказалъ ему нѣсколько словъ тихо.

Черезъ полчаса Наполеонъ III былъ въ своихъ внутреннихъ покояхъ.

III.

Результатъ одного двустишія.

— Что за прелесть вашъ императоръ!—объявила молодая женщина, сдѣлавшаяся вдругъ наивною, простушкою...—Любезный, милый!.. Людовикъ XIV нашелъ себѣ достойнаго въ немъ преемника... Очарователенъ вашъ императоръ!

Она снова подхватила своего кавалера подъ руку, и, гуляя съ нимъ по залу, кокетничала и весело болтала.

— Какой чудный балъ, мосье Бенардъ! Я видала много придворныхъ баловъ въ Италіи! Но какъ же сравнить наши жалкія festicciuole съ великолѣпіемъ вашего двора. Наши праздники такіе ничтожные, жалкіе, нищіе, настоящіе lazzaroni! Ахъ! что за праздникъ! что за балъ!

— Вы совсѣмъ поселились въ Парижѣ, княгиня? — спросилъ Марсель.

— По крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Я обожаю вашъ Парижъ.

— А парижанъ?

— Парижанъ? Они слишкомъ опасны для такой одинокой, беззащитной, какъ я.

Она говорила все это нѣжнымъ, мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, рука ея все сильнѣе и сильнѣе опиралась на Марселя, она все крѣпче и крѣпче прижимала его къ себѣ, полная нѣги и страсти.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до зала, гдѣ былъ накрытъ ужинъ—ужинъ стоя.

Тутъ была страшная толкотня,—офицеры и разные чиновники осаждали буфетъ, пролагая себѣ дорогу локтями и налету хватая какой-нибудь кусокъ или стаканъ шампанскаго—вѣчная исторія—часъ, когда въ человѣкѣ сказывается звѣрь.

— Какіе ваши пріемные дни, княгиня?—спросилъ Марсель, который призадумался надъ послѣдними словами, что она одинока и беззащитна.

— Субботы—но вамъ я буду рада во всякій день. О! еслибы я могла...

Она не докончила фразы и быстрымъ движеніемъ повернула назадъ:

— Ради Бога, въ ту сторону,—проговорила она.—Уйдемте отъ него... Онъ такой злой...

И она испуганно указала на господина, который, сидя на диванѣ, велъ оживленный разговоръ. Это былъ старикъ, въ элегантномъ, придворномъ костюмѣ французскаго двора, съ кружевнымъ жабо и при шпагѣ.

— Кто это злой? — спросилъ Марсель насмѣшливо... — Господинъ, который тамъ сидитъ, этотъ плѣшивый дѣдушка? Чудесный черепъ, на конкурсѣ плѣшивыхъ самому Ла-Шене пришлось бы уступить ему пальму первенства.

Онъ поправилъ свой монокль и, разсматривая его довольно нахально, продолжалъ:

— Это просто какой-то церковный староста, вашъ крокодилъ, онъ по меньшей мѣрѣ діаконъ, его преосвященство только безъ лиловыхъ чулокъ—и вы его боитесь—какъ можно!

— Онъ очень злой!—снова повторила она, тономъ испуганной дѣвочки—казалось, какъ будто она дѣйствительно боялась его.

Марсель сдѣлалъ крюкъ, чтобы избѣжать этого старика, но старикъ уже всталъ и, продолжая разговаривать, слѣдомъ шелъ за ними.

Имъ пришлось остановиться.

— Я страшно голодна,—проговорила она,—попробуемте пробраться въ буфетъ.

Не безъ труда провелъ Марсель свою даму черезъ толпу и, устроивъ ее около накрытаго стола, самъ всталъ сзади, для охраны ея.

Среди шума толпы раздался голосъ, который заставилъ его обернуться:

— Кто сегодя «чичисбей» прекрасной Розины?

— Мнѣ только-что его назвали... Нѣкто Бенардъ.

— Родственникъ члена совѣта?

— Кажется, что да.

Наступило молчаніе, а затѣмъ тотъ же голосъ продолжалъ съ насмѣшкою.

— Того самаго, котораго такъ жестоко пробралъ поэтъ:

> Le procureur Berand, Brutus de poistille
> Fils de bourreau, bourreau par vertu de famille.

Марсель быстро обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ господиномъ, «похожимъ, по его словамъ, на его преосвященство», который въ свою очередь безцеремонно разсматривалъ его.

— Плохіе стихи,—обратился къ нему молодой человѣкъ.... и мнѣ кажется, милостивый государь, васъ слѣдуетъ поучить стихотворству!... Я—сынъ Брута Бенарда... Потрудитесь меня подождать... Я долженъ съ вами поговорить.

Тотъ усмѣхнулся.

— Къ вашимъ услугамъ... Вы меня найдете... Надѣюсь не здѣсь? Въ залѣ Аполлона.

Во время этого объясненія, княгиня не шевельнулась и продолжала спокойно кушать. Слышала ли она что или нѣтъ? Когда она встала, Марсель подалъ ей руку и проводилъ до ея мѣста.

Возвращеніе княгини было всѣми радостно встрѣчено, Ла-Шене, Гравенуаръ и другіе ожидали ее, снова образовался кружокъ, снова началась та же болтовня, тѣ же любезности, тѣ же плоскости. Камергеръ Ла-Шене, съ видомъ побѣдителя пригладивъ себѣ виски и наклонясь къ плечу княгини, проговорилъ:

— Обольстительница! Похитительница сердецъ, слишкомъ умѣлая мастерица играть вѣеромъ — каковъ успѣхъ! — Если бы вы хотѣли...

— Что—если бы я хотѣла?—спросила она, смотря на него опять своимъ вызывающимъ и вмѣстѣ наивнымъ взглядомъ.

Онъ еще ближе нагнулся къ ней и что-то шепнулъ ей на ухо.

Молодая женщина откинулась назадъ и разсмѣялась.

— Какъ вамъ не стыдно! шутникъ вы этакой... Такая худышка, какъ я!.. Глупости!

— Что онъ сказалъ?—поинтересовался узнать Гравенуаръ.

— Ничего особеннаго—отвѣтила она,—милый вздоръ!

И показывая на перекрещенные ключи на его красномъ камергерскомъ мундирѣ, она добавила:

— Онъ бы желалъ открыть мнѣ всѣ комнаты этого дворца!.. Che pazzo!!.

Между тѣмъ Марсель, проводивъ свою даму, отправился къ назначенному мѣсту свиданья.

Далекое отъ галлереи празднествъ, зало Аполлона въ этотъ поздній часъ было почти пусто. Неизвѣстный, вытянувшись въ креслѣ, одинъ, уже ожидалъ его. Молодой человѣкъ придвинулъ стулъ, сѣлъ около него и, обращаясь къ человѣку, который его оскорбилъ—сказалъ:

— Я сынъ графа Брута Бенарда, вы оскорбили моего отца!

Тотъ поправилъ кружево своего жабо и, улыбаясь, проговорилъ спокойнымъ, невозмутимымъ голосомъ:

— Оскорбилъ вашего отца, молодой человѣкъ? Увы! Онъ не изъ тѣхъ, которыхъ можно оскорбить...

Марсель сорвалъ перчатку съ лѣвой руки.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Прокуроръ Бенардъ,—продолжалъ невозмутимымъ тономъ этотъ неизвѣстный господинъ,—бывшій поставщикъ «смѣшанныхъ комиссій» совершалъ страшныя звѣрства.

Молодой человѣкъ всталъ, угрожая.

— Вы лжете!—мой отецъ исполнялъ всегда только свой долгъ!

— Даже,—продолжалъ неизвѣстный,—даже тогда, когда разстрѣливалъ по два раза, какъ напримѣръ, Савелли?.. Вашъ отецъ?

— Подлецъ!—Марсель перчаткой хлеснулъ его по лицу.

Неизвѣстный, получившій пощечину, выпрямился во весь ростъ.

— Завтра я васъ убью.

Сынъ генералъ-прокурора пожалъ плечами:

— Гороховый шутъ!—Ваше имя?

— Вотъ моя карточка.

Марсель Бенардъ схватилъ и прочиталъ съ удивленіемъ: князь де-Карпенья.

Въ галлереѣ празднествъ, вокругъ интересной Розины все еще увивались ея поклонники, всѣ наперерывъ забавляли красавицу. Ла-Шене и Гревенуаръ были запѣвалами. Марсель поспѣшилъ къ нимъ присоединиться.

IV.

Графъ Брутъ.

Имя графа Брута Бенарда было одно изъ самыхъ извѣстныхъ именъ блестящей эпохи временъ имперіи: онъ былъ сынъ Жозефа Бенарда, друга Сіейса и близкій человѣкъ Мальмэзона, того самаго, который игралъ такую роль въ подготовленіи 18-го Брюмера.

Всякому извѣстна политическая дѣятельность этого выдающагося юриста, бывшаго однимъ изъ редакторовъ кодекса Камбасереса 1793 г., члена конституціоннаго собранія и конвента, члена совѣта пятисотъ, трибунала консервативнаго сената и графомъ имперіи,—словомъ, истое дѣтище революціи; но что не всѣмъ извѣстно—это любопытныя подробности его частной жизни и въ особенности тайна его смерти.

И дѣйствительно, въ «Gazette Nationale» и «Moniteur Universel» отъ 16-го іюня 1810 г. можно прочесть слѣдующее антрфиле, подписанное буквою С., т. е. самимъ Сово (Sauvo)—звѣздой того времени.

«Мы только-что узнали, что вчера днемъ скончался графъ Бенардъ, членъ консервативнаго сената и высочайшаго императорскаго двора, одинъ изъ командоровъ ордена Почетнаго Легіона, канцлеръ шестой когорты. Ничто не заставляло предполагать такую раннюю смерть—ни годы, ни здоровье этого неутомимаго дѣятеля. Графъ Бенардъ скончался отъ аневризма. Всѣ, кто въ состояніи оцѣнить качества этого великаго человѣка добра, присоединятся къ сочувствію, выраженному его вдовѣ его королевскимъ и императорскимъ величествомъ императоромъ и королемъ. Графъ Бенардъ оставилъ сына, который является наслѣдникомъ и преемникомъ его добродѣтелей».

Рядомъ съ этимъ читаемъ въ «Indiscret», въ этомъ роялистскомъ памфлетѣ, который редактировался Фошъ-Борелемъ—чудакомъ, котораго Людовикъ XVIII называлъ «мой маленькій Фошъ» (2-е изданіе, Лондонъ 1811, безъ означенія типографіи), слѣдующую своеобразную замѣтку:

«Бенардъ (Луи-Жозефъ), по прозванью графъ Бенардъ, онъ же «Citoyen la Vertu» родился въ округѣ Амонъ (Франшъ—Конте) въ 1750 г., скончался въ Парижѣ въ 1810 г. Для біографіи этого дѣятеля потребовался бы цѣлый томъ, для характеристики же его, какъ человѣка, достаточно одного слова: подлецъ!»

Луи-Жозефъ Бенардъ былъ священникомъ въ епархіи Безансона, когда разразилась революція. Депутатъ духовенства своего округа въ Etats généraux 1789 года съ первыхъ же дней узурпаціи Собранія, выдававшаго себя за «Конституціонное собраніе», является самымъ ярымъ ревнителемъ раскола конституціонной церкви: самъ папа Григорій былъ менѣе свирѣпъ. Позднѣе, какъ членъ конвента, во дни безумія и крови, онъ возсѣдалъ и въ Монтанѣ, вотировалъ смерть своего короля, поклонялся богинѣ разума и ввелъ гильотину на вѣчныя времена, за что получилъ прозвище «Добродѣтели» (Vertu). Къ этому же времени, онъ довершаетъ всю подлость своей политической дѣятельности торжественнымъ отступничествомъ отъ своего духовнаго сана. Этотъ разстрига влюбляется въ пѣвицу театра Фаваръ, знаменитую Флорину и публично соединяется брачными узами съ этой закулисной нимфой. Гобель, Сіейсъ, Шабо, такіе же священники и ренегаты, какъ онъ, приходятъ въ восторгъ отъ его поступка. О времена! О нравы!..

18-го Брюмера, «Добродѣтель» членъ совѣта пятисотъ и отвратительный фруктидористъ предлагаетъ свои постыдныя услуги Бонапарту. Корсиканецъ, конечно, не отказывается отъ такого сообщника. Бенардъ дѣлается трибуномъ и скоро въ награду за его угодливость, ему предлагаютъ кресло въ сенатѣ. Такимъ образомъ бывшій санкюлотъ надѣваетъ шелковые штаны и «Добродѣтель» превращается въ графа, а бывшая нимфа Флорина получаетъ маленькую скамеечку при дворѣ. Но Богъ не безъ милости...

15-го іюня 1810 года разнеслась вѣсть, что имперскій сенаторъ скоропостижно скончался. Крупный скандалъ; несчастный лишилъ себя жизни, будучи не въ силахъ выносить долѣе поведенія своей жены.

Еще одинъ изъ нашихъ якобинцевъ предсталъ на судъ Божій. Они опочіютъ отъ своихъ дѣлъ, а дѣянья преслѣдуютъ ихъ.

Жозефъ Бенардъ оставилъ сына... Бѣдный «ребенокъ!»

А этотъ сынъ, провозглашенный въ газетѣ имперіи, «прямымъ наслѣдникомъ добродѣтелей отца», а роялистскимъ органомъ сквернословія названный «бѣднымъ ребенкомъ» и является въ 1856 году графомъ Бенардомъ, членомъ государственнаго совѣта и командоромъ императорскаго ордена Почетнаго Легіона.

Звали его Брутомъ, онъ родился 5-го фримера III года, крестнымъ отцомъ его былъ Лаканаль, тоже въ своемъ родѣ «Добродѣтель».

Молодость его была трудовая, и онъ провелъ ее въ жестокой

борьбѣ съ жизнью. Мать его, женщина не порядочная, безнравственная, умерла въ первые годы реставраціи, оставивъ его безъ всякихъ средствъ. Въ эти времена дикой реакціи, въ эти дни бѣлаго террора и превотальныхъ судовъ, сынъ цареубійцы чувствовалъ всю тяжесть имени своего отца; но изъ гордости онъ рѣшился нести это бремя. Старому дворянству—всѣмъ этимъ герцогамъ и маркизамъ, вернувшимся изъ эмиграціи, онъ преподнесъ какъ вызовъ свой титулъ: графъ Брутъ Бенардъ. Его осмѣяли, и это отозвалось на его характерѣ—онъ сдѣлался мрачнымъ... угрюмымъ... А между тѣмъ, этотъ ярый бонапартистъ былъ бы какъ нельзя болѣе на мѣстѣ среди святошъ «мірской конгрегаціи» и другихъ участниковъ «Креста миссіи». Онъ никогда не былъ причастенъ къ «продажнымъ» карбонаріямъ, онъ никогда не кричалъ: «долой іезуитовъ!» до такой степени всѣ его вкусы влекли его къ «черному человѣку». Все это потому, что душа его была полна страннаго мистицизма, онъ вѣровалъ, вѣровалъ страстно. Священникъ Іосифъ Бенардъ, отвергшій Христа, произвелъ на свѣтъ христіанина!

Записавшись въ адвокаты Парижа, онъ рано пріобрѣлъ блестящую репутацію. Тридцати двухъ лѣтъ его приравнивали къ Дюпэну, къ Одилону Барро, къ Ше д'Естъ-Анжъ, только онъ былъ гораздо бѣднѣе, чѣмъ эти защитники бѣдняковъ. Но теперь этотъ либералъ не охотно защищалъ либераловъ, и къ мученичеству какого-нибудь Поль-Луи или Беранже онъ относился холодно, съ презрѣніемъ. Безчинства въ палатѣ, уличное волненіе, глухой гулъ какого-нибудь подготовляющагося возмущенія, не нравились ему. Изъ всей революціи онъ любилъ только ея разрушителя Наполеона.

Министры, рожденные отъ «Trois Glorieuses», превратили его въ члены магистрата. Брутъ Бенардъ былъ назначенъ прокуроромъ Сенскаго суда. Затѣмъ онъ быстро пошелъ въ гору, въ нѣсколько лѣтъ онъ переодѣвался въ черную тогу, въ красное одѣяніе и въ горностаевую эпитрахиль.

Это былъ неутомимый прокуроръ, вѣчно на чеку. Отличный юристъ, краснорѣчивый ораторъ, строгій, неподкупный, славящійся независимостью характера, онъ былъ грозный обвинитель. Въ этомъ сынѣ священника изъ конвента, соединился террористъ съ инквизиторомъ. Католикъ, полный фанатизма, онъ относился къ врагамъ своего Бога какъ къ своимъ личнымъ врагамъ. Быть можетъ, сынъ желалъ искупить собою атеизмъ отца; быть можетъ, онъ надѣялся, что облегчитъ страданія бѣдной души въ чистилищѣ своими богоугодными дѣлами. Неумолимый къ слабостямъ другихъ, потому что самъ былъ безъ слабостей, этотъ усердный преслѣдователь людей имѣлъ такое же холодное стальное сердце, какъ остріе гильотины, про которую онъ, однажды, публично сказалъ въ одномъ засѣданіи уголовнаго суда, что въ ней «послѣдняя

нравственная сила Франціи!»—«Оправданіе преступника, по его любимому выраженію, есть осужденіе судьи!» Правители 1848 года застаютъ генералъ-прокурора Бенарда въ судѣ въ Э, и, несмотря на его вызывающее положеніе, они не рѣшаются его прибрать къ рукамъ; въ декабрѣ 1851 года онъ еще занимаетъ то же мѣсто.

Какимъ крикомъ радости этотъ мистикъ встрѣтилъ извѣстіе о государственномъ переворотѣ! Какъ онъ былъ счастливъ, что наконецъ задушили республику—это проклятое, по его словамъ, чудовище. Въ это время на югѣ начались волненія, въ департаментахъ Вара и устьевъ Роны были возстанія. Итальянскіе эмигранты присоединялись къ мятежникамъ: космополитская революція пытала счастье. Виновники безпорядковъ были привлечены къ строгой отвѣтственности — всѣхъ ихъ генералъ-прокуроръ привлекъ къ суду и тутъ противъ нихъ онъ выступилъ съ свирѣпымъ краснорѣчіемъ. Благодаря ему ямы Ламбессы и болота Гвіаны заселялись сосланными, и, какъ говорили въ то время, онъ основалъ колоніи на кладбищахъ. Что касается до инсургентовъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, онъ ихъ отправлялъ въ военные совѣты—это значило заранѣе приговорить ихъ къ смерти.

Многихъ прогоняли сквозь строй ружейныхъ выстрѣловъ, а одного несчастнаго итальянца, котораго пули перваго взвода только ранили, разстрѣляли вторично.

Въ этомъ печальномъ дѣлѣ генералъ-прокуроръ самъ собиралъ всѣ нужныя свѣдѣнія и настойчиво требовалъ послѣдней пытки. Руки Брута Бенарда были дѣйствительно запятнаны кровью несчастнаго Савелли...

Зато усмиренные 1851 года ненавидѣли безсердечнаго поставщика жертвъ эшафота: «вонъ идетъ бѣлый мясникъ!» говорилъ народъ въ Э, когда на офиціальныхъ молебнахъ появлялся блѣдный старикъ въ красномъ одѣяніи.

Столько усердія должно было быть вознаграждено; въ день новаго 1854 года, генералъ-прокуроръ «смѣшанныхъ комиссій», былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта.

Министры новой имперіи, вѣроятно, разсчитывали найти въ немъ потворщика себѣ—но они жестоко ошиблись и очень скоро узнали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

Вскорѣ послѣ этого назначенія, въ государственномъ совѣтѣ разсматривались статуты одного финансоваго общества, предпріятія довольно нечистаго,—приходилось учредить одну монополію. Одно высокопоставленное лицо, свой человѣкъ въ Тюльери, развращенный и развращавшій другихъ, тайкомъ проводилъ этотъ проектъ; было ясно, что онъ получилъ за него взятку.

Давленіе правительства было сильное, и недоумѣвающій совѣтъ тѣмъ не менѣе собирался уже вотировать дѣло, какъ вдругъ поднялся съ своего мѣста Бенардъ:

— За мной 24 года судебной практики,—проговорилъ онъ,— скажу вамъ, что до сего дня я не вѣрилъ въ возможность публичнаго мошенничества.

— Милостивый государь,—возразилъ ему президентъ Барошъ,— никогда еще собраніе не слыхало ничего подобнаго.

— Въ такомъ случаѣ пускай оно это услышитъ сегодня,—сказалъ графъ, продолжая свою рѣчь.

Проектъ концессіи не прошелъ.

Обозленный такимъ исходомъ дѣла, «свой человѣкъ» въ Тюльери, отправился съ жалобою къ императору, который призвалъ къ себѣ слишкомъ смѣлаго нравоучителя.

Въ защиту себѣ Бенардъ сказалъ только нѣсколько словъ:

— Вашему величеству было угодно назначить меня въ совѣтъ вѣроятно для совѣта, а не для того только, чтобы я всѣмъ восхищался.

Затѣмъ, когда разговоръ сдѣлался болѣе общимъ, онъ прибавилъ еще:

— Богъ прощаетъ преступленіе, когда оно необходимо; когда же оно безполезно, это преступленіе становится вдвойнѣ преступнымъ.

Быть можетъ, говоря это, онъ имѣлъ въ виду событіе 2-го декабря, а можетъ быть и свою собственную исторію—казнь Савелли.

Наполеонъ улыбнулся, покрутилъ усы, и молча согласился съ нимъ.

Съ этого дня, графъ Брутъ Бенардъ очутился въ большой милости у своего мрачнаго повелителя, съ этого же дня министры возъимѣли скрытую ненависть къ этому непрошенному учителю.

Въ то время графъ Брутъ Бенардъ былъ уже старикомъ,—высокій, сѣдой, сгорбленный, съ длинными волосами, откинутыми назадъ, съ черными глазами полными огня. Онъ былъ давно вдовцемъ и жилъ съ дѣтьми—сыномъ Марселемъ и дочерью Маріею-Анною въ маленькомъ отелѣ въ Avenue Breteuil, полученномъ его покойною женою въ приданное, и вотъ въ немъ-то онъ теперь отдыхалъ отъ всѣхъ волненій и тревогъ его прежней жизни. Все свое содержаніе, какъ члена совѣта, онъ дѣлилъ ежегодно на три части: одну часть онъ жертвовалъ обществу St. Vincent-de-Paul, въ которомъ онъ состоялъ членомъ, другую посылалъ, какъ милостыню отъ неизвѣстнаго, для раздачи неимущимъ семьямъ преступниковъ, которыхъ онъ нѣкогда преслѣдовалъ и казнилъ, третью— около 8 тысячъ франковъ онъ тратилъ на себя. Выдѣливъ дѣтямъ увеличенное состояніе ихъ матери, онъ отказался жить въ первомъ этажѣ дома и поселился самъ на верху. Все его помѣщеніе состояло изъ двухъ комнатъ; въ первой комнатѣ, низкой, похожей на келью, стояла его желѣзная кровать, нѣсколько соломенныхъ стульевъ, вышитое кресло, налой для моленья, съ янсенистскимъ изображеніемъ Христа—и затѣмъ, скромная гостиная, которая служила

ему библіотекою. Тутъ опять стояло Распятіе, была масса книгъ, и рояль, на которомъ играла его дочь въ зимніе вечера. Въ силу ли смиренія, или въ силу какого-нибудь обѣта, этотъ добровольный схимникъ велъ самую скромную и воздержную жизнь, но онъ гордился своимъ униженіемъ. У сына его «виконта» Донъ-Жуана и постояннаго посѣтителя Café Anglais былъ и лакей и карета, а у него на весь домъ была одна прислуга, старуха Филомена, настоящая домоправительница сельскаго священника.

Дни этого члена государственнаго совѣта проходили въ непрерывномъ трудѣ. Каждый день лѣтомъ и зимою онъ вставалъ въ 5 часовъ утра и сейчасъ же принимался за свои дѣла общественнаго дѣятеля.

Въ семь часовъ онъ шелъ къ ранней обѣднѣ въ часовню св. Валеріи—эту обѣдню онъ заказывалъ «à une intention» и усердно молился, иногда точно въ экстазѣ. По возвращеніи домой, онъ снова принимался за работу, и спускался въ первый этажъ, къ дѣтямъ, только къ завтраку. Поцѣловавъ дочь, бѣдную маленькую Марію-Анну, поговоривъ нѣсколько минутъ съ сыномъ, онъ съ ними завтракалъ и затѣмъ отправлялся въ совѣтъ—на службу.

Свою служебную обязанность онъ исполнялъ со всею добросовѣстностью человѣка, который главнымъ образомъ желаетъ быть доволенъ самъ собою. Его коллеги не любили, но всѣ его глубоко уважали. Въ законодательномъ отдѣленіи съ почтеніемъ выслушивались его мнѣнія; въ главномъ совѣтѣ восхищались его даромъ слова. Что касается до людей офиціальныхъ салоновъ, то на первыхъ порахъ они какъ-то боялись этого мизантропа съ монашескими замашками, но затѣмъ, очень скоро, всѣ покинули этого страннаго человѣка, который самъ всѣхъ сторонился. Всѣ приглашенія на балы, концерты, точно не доходили до него и за исключеніемъ нѣсколькихъ обязательныхъ министерскихъ обѣдовъ, онъ нигдѣ не бывалъ. Всѣ вечера онъ проводилъ въ обществѣ своей дочери, болѣзненной слабой дѣвушки. «Начинай, моя дорогая, ты моя опера; я слушаю тебя». Онъ садился въ кресло и далеко за полночь отдыхалъ и забывался подъ звуки обоятельнаго голоса своей дочери.

За то шутки и остроты такъ и сыпались на этого необщительнаго человѣка. Весь императорскій Парижъ смѣялся надъ своеобразнымъ нравомъ «мосье Брута», какъ его звали за глаза. Это страшное имя вдохновляло въ совѣтѣ молодыхъ чиновниковъ на разныя остроумныя шутки; одинъ изъ нихъ, поэтъ латинскихъ стиховъ, написалъ въ честь его эпиграмму, въ которой, впрочемъ, было больше пятистопныхъ стиховъ, чѣмъ остроумія:

«Древній Брутъ приговорилъ, однажды, своего сына къ смерти за ухаживанье за этрускими кокотками, а ты, современный Брутъ, какъ поступишь ты съ твоимъ сыномъ?»

Шутка, конечно, довольно плоская, тѣмъ не менѣе новѣйшій Брутъ перевелъ ее и нашелъ, что она написана искусно, прекрасно. И вотъ такимъ-то образомъ, при такихъ-то условіяхъ, этотъ представитель юстиціи, весь разбитый, доживалъ свои послѣдніе дни; каждый новый день его однообразной жизни приближалъ его къ недалекой теперь уже смерти.

V.

Слова и совѣсть.

Пробило девять часовъ, свѣтъ снѣжнаго ноябрьскаго утра освѣщалъ отшельническое жилище графа Бенарда. Онъ сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, передъ каминомъ, и слушалъ свою дочь.

Въ этотъ день онъ всталъ еще болѣе угрюмымъ, чѣмъ обыкновенно, а между тѣмъ, именно въ этотъ день, 25-го ноября — 5-го фримера республиканскаго стиля, въ его семействѣ долженъ былъ праздноваться день его рожденья. Рано утромъ Марія-Анна прошла въ комнату своего отца и принесла ему корзинку осеннихъ цвѣтовъ, затѣмъ они уже вмѣстѣ стали ожидать прихода Марселя.

Поболтавъ немного, недоумѣвающая молодая дѣвушка спустилась внизъ, въ комнату брата, и быстро вернулась блѣдная, встревоженная: «Его нѣтъ... Постель его не тронута... Не случилось ли съ нимъ какое-нибудь несчастіе!...»

Старикъ пожалъ плечами, и все горе, которое давно ему причинялъ Марсель, вылилось у него въ словахъ негодованія:

— Вотъ они сыны нашей буржуазіи! Безполезные, порочные! Въ сто разъ болѣе преступные, чѣмъ развратники дворянства стараго времени,—у тѣхъ было, по крайней мѣрѣ, понятіе о чести!.. И намъ еще приходится отстаивать ихъ! О разлагающееся, приговоренное къ смерти общество!.. Дитя мое, обратимся съ молитвою къ Богу.

Дольше обыкновеннаго молился онъ это утро въ церкви св. Валеріи и въ 9 часовъ, возвратясь домой, отецъ и дочь снова прошли въ библіотеку. Отъ Марселя не было ни письма, ни депеши.

— У меня такъ тяжело на душѣ сегодня,—началъ графъ Бенардъ.—Утѣшь меня музыкою, дорогая моя, убаюкай мою тоску!.

У Маріи-Анны тоже глаза были полны слезъ, тѣмъ не менѣе она безпрекословно повиновалась и вотъ раздался ея звучный, чудный голосъ — у нея было чудесное меццо-сопрано. Она было выбрала себѣ нѣсколько мелодическихъ арій старыхъ французскихъ композиторовъ—Далерака, Мегюля, но отецъ остановилъ ее недовольнымъ жестомъ,—очевидно, бывшій репертуаръ Фаваръ—дивы Флорины,—не нравился ему.

— Нѣтъ, ради Бога, не это, что-нибудь другое. Спой-ка мнѣ лучше «Жалобу пряхи».

— Ту пѣсню, которую мы слышали, однажды, въ Одіернѣ?— спросила она, страшно поблѣднѣвъ.—Не знаю, помню ли я ее, боюсь, что...

— Все равно, попробуй, моя крошка. Я тебя слушаю.

Эта «Жалоба пряхи» была нѣчто въ родѣ народной баллады, на мѣстномъ нарѣчіи Корнуаля, которую однажды, въ одно изъ путешествій по Бретани, Марія-Анна слышала въ Одіернѣ, у голубыхъ водъ залива, подъ шелестъ пихтъ. Ея братъ попробовалъ перевести эту балладу на французскій языкъ стихами, стихи вышли любительскіе, тяжелые, почти безъ риѳмы, тѣмъ не менѣе въ нихъ сохранилось много неподдѣльнаго, искреняго чувства.

— Неужели ты не помнишь?—спросилъ графъ Бенардъ, замѣтя нерѣшительность своей дочери.

— О нѣтъ, я помню, помню...—проговорила она взволнованнымъ голосомъ.

И она запѣла:

I.

Поетъ моя прялка и съ нею вдвоемъ
Веселую пѣсню мы вмѣстѣ поемъ.
Вы знаете ль смыслъ той пѣсни безъ словъ?
Прядемъ для невѣсты мы тонкій покровъ,
И завтра подъ этой прозрачной фатой
Я стану женою его молодой.
Отнынѣ до дней до послѣднихъ моихъ
Любить меня будетъ мой милый женихъ!
Мнѣ завтра для свадьбы покровъ этотъ надо,
Прозрачный покровъ для невѣсты наряда.
Любимаго, вѣчно любимаго друга,
Счастливая стану я завтра супруга!

II.

Поетъ моя прялка и съ нею вдвоемъ
Печальную пѣсню мы вмѣстѣ поемъ.
Что значитъ та грустная пѣсня безъ словъ?
Прядемъ мы для савана тонкій покровъ
И завтра подъ этой прозрачной фатой
Вкушу я послѣдній и вѣчный покой!
Ахъ! въ самый разгаръ упованій моихъ
Меня обманулъ мой коварный женихъ!
Мнѣ завтра для гроба покровъ этотъ надо,
Печальный покровъ тотъ для смерти наряда.
И завтра невѣстой засну я унылой,
Въ гробу одинокомъ, подъ хладной могилой.

Графъ Бенардъ, сидя въ креслѣ, съ закрытыми глазами, молча слушалъ. Когда вырывалась какая-нибудь особенно звучная, страстная нота изъ груди его дочери, онъ открывалъ глаза, смотрѣлъ на нее и говорилъ про себя:

— Совершенно голосъ моей матери! О Боже! Боже!

Маріи-Аннѣ было 22 года. Она была дурна собою, и казалось мучилась своимъ безобразіемъ, въ лицѣ ея всегда выражалась плохо скрытая меланхолія. Круглая спина, голова безъ шеи, дѣлали ее почти горбатою; лицо худое, блѣдное, какъ полотно, голубые глаза были окружены темными кругами, безцвѣтные, безжизненые свѣтлые волосы, какіе бываютъ у анемичныхъ людей, были зачесаны въ гладкія бандо. Одѣвалась она просто, почти аскетически; она носила коричневое шелковое платье безъ всякой отдѣлки, на шеѣ тюлевая косынка, которая можетъ быть скрывала собою какіе-нибудь рубцы на шеѣ. Все въ этой дѣвушкѣ говорило, что она малокровна, въ высшей степени золотушна.

— Довольно, дитя мое,—прервалъ ее графъ Бенардъ, пораженный экзальтаціею молодой виртуозки...—Отчего ты такая блѣдная сегодня? Здорова ли ты?

— Такая какъ всегда, отецъ... болѣе чѣмъ всегда потому, что сегодня ваше рожденіе.

— Ты пропадаешь отъ тоски, я бы такъ желалъ, чтобы у тебя нашлись какія-нибудь развлеченія.

— Развлеченія?—повторила она съ грустью.

— Отчего ты не поѣхала вчера съ братомъ на балъ въ Тюльери?

— Ахъ, отецъ, отецъ—какъ вы жестоки!—проговорила она, вставъ и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

Эта несчастная, некрасивая, болѣзненная дѣвушка въ довершеніе всего была еще и хромая.

Старикъ бросился къ ней и, обнимая ее, воскликнулъ:

— Прости меня—прости, моя дорогая, любимая.

— Что вы, отецъ,—проговорила она весело,—если бы Господь превратилъ меня въ другую дѣвушку, въ такую какъ всѣ другія, я и тогда не перемѣнила бы своего образа жизни... въ этомъ отношеніи я совсѣмъ раздѣляю ваши взгляды и вкусы.

Въ эту минуту дверь гостиной отворилась и вошелъ Марсель.

Марсель только-что вернулся, переодѣлся, и въ перчаткахъ, со шляпою въ рукахъ, очевидно собирался опять уходить.

Молча графъ Бенардъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ полнымъ ироніи гнѣва; затѣмъ онъ сѣлъ въ кресло, не сказавъ ни слова.

Медленными шагами Марсель подошелъ къ нему.

— Простите мнѣ, отецъ, мое невольное отсутствіе въ такой день—но я не могъ вернуться раньше... у меня сейчасъ дуэль.

Старикъ вздрогнулъ, тѣмъ не менѣе, желая казаться спокойнымъ, онъ переспросилъ:

— Дуэль, милостивый государь? Поздравляю... По какому поводу?

— Ради возстановленія моей чести... и вашей, отецъ.

— Моей чести?—графъ Бенардъ всталъ.—Моей чести?—переспросилъ онъ.—Кто же осмѣлился ее задѣть?

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ФЕВРАЛЬ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1891 г.

См. слѣд. стр.

ДАРЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛЕОНОВА.

Дозв. ценз., Спб. 26 января 1891 г.

ФАМИЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

XVI.

НА СЛѢДУЮЩЕЕ утро, въ девятомъ часу, въ то время, когда малый, состоявшій при молодомъ баринѣ въ должности камердинера, подавалъ ему умываться изъ серебрянаго рукомойника, явился Игнатій Самсонычъ съ приказаніями отъ Марѳы Григорьевны.

— Бабушка изволили встать, накушаться чаю и приказали вамъ сказать, что дожидаются васъ въ большомъ кабинетѣ внизу,—доложилъ онъ съ торжественностью, на которую юноша не обратилъ должнаго вниманія.

Впрочемъ, выборъ мѣста для бесѣды немного озадачилъ его.

— Что это бабушкѣ вздумалось спускаться внизъ, вѣдь тамъ холодно должно быть, — замѣтилъ онъ, торопясь окончить свой туалетъ.

— Ничего-съ, еще вчера приказали кабинетъ внизу протопить,— неохотно отвѣчалъ старикъ.

Поправляя на ходу кружевное жабо и взбивая кверху густой кокъ напудренныхъ волосъ выхоленной бѣлой рукой, съ длинными тонкими пальцами, унизанными перстнями, юноша быстро прошелъ свѣтлые, залитые утреннимъ солнцемъ покои, отдѣлявшіе его половину отъ лѣстницы въ нижній этажъ, сбѣжалъ по этой лѣстницѣ, перескакивая по три, четыре ступеньки заразъ и очутившись у

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 5.

плотно притворенной двери изъ краснаго дерева, съ бронзой, поцарапалъ по ней ногтемъ.

— Войди,—раздалось изнутри.

Неужели это слово произнесла прабабка его, Мароа Григорьевна?

Голосъ былъ громкій, рѣзкій и повелительный. Никогда еще не слышалъ онъ у нея такого голоса и никогда не видалъ онъ ее такой, какой она предстала передъ нимъ въ это достопамятное утро.

Онъ былъ далеко не изъ трусливыхъ и скорѣе даже смѣлъ до наглости тамъ, гдѣ другіе смущались и робѣли, но Мароа Григорьевна была такъ грозна въ эту минуту и все существо ея дышало такою неумолимою строгостью, что ему жутко стало.

— Ну, Александръ Васильевичъ, отмѣннымъ ты передо мною мерзавцемъ и лгуномъ оказался,—начала она, не отвѣчая на его поклонъ и приковывая его пристальнымъ, повелительнымъ взглядомъ, на почтительномъ разстояніи отъ пузатаго бюро, заваленнаго бумагами, передъ которымъ она возсѣдала.

Не давая ему опомниться и сурово отчеканивая слова такъ рѣзко, точно молоткомъ вбивая ему ихъ въ память, она объявила что ей все извѣстно.

— Все, все я знаю и всегда знала про тѣ безобразія, что у васъ тамъ въ подмосковной творятся, а если молчала до сихъ поръ, то для того только, чтобъ испытать тебя, какую откровенность ты передо мной за всѣ мои благодѣянія проявишь, хватитъ ли у тебя духу до конца мнѣ врать. Вижу, что хватило. Полтора мѣсяца прожилъ у меня, каждый день ручки цѣловалъ, да ластился всячески, а самъ держалъ въ умѣ обмануть меня, провести! Щенокъ паршивый! Да знаешь ли ты что за человѣкъ прабабка твоя Мароа Григорьевна Воротынцева? Имѣешь ли ты понятіе о томъ какихъ персонъ умнѣющихъ, хитрѣющихъ и знатнѣющихъ, она на своемъ вѣку за носъ водила и по своей дудкѣ плясать заставляла? Что таперича мнѣ годовъ много и жить мнѣ не такъ долго, какъ тебѣ, поросенку, осталось, такъ ты себя и возмнилъ не вѣсть какимъ умникомъ, и что ничего тебѣ отъ меня, кромѣ денегъ моихъ да имѣній, не надо, такъ это ты врешь! Безъ моего наставленія, да совѣта, и съ богатствомъ пропадешь и сгинешь какъ послѣдняя букашка ползучая, которую каждый можетъ пятой раздавить. Такъ и отецъ твой сгинулъ, и дѣдъ. А ты одного съ ними отродья—сластолюбецъ и хитрецъ! Насквозь я тебя вижу! Чего ты еще и подумать-то не успѣлъ, а я ужъ знаю и вижу. Сблизился, сдружился съ кѣмъ?! Съ Дарькинымъ полюбовникомъ! Да гдѣ у тебя честь-то дворянская послѣ этого? Кабы совѣсть въ тебѣ настоящая была, ты первымъ долгомъ, какъ пріѣхалъ сюда, въ тотъ же день, ни минуты не медля, въ ноги бы мнѣ повалился, чтобъ я этого самого негодяя навсегда отъ тебя отлучила, а ты замѣсто того съ нимъ же вмѣстѣ у меня на глазахъ глупыя шашни

заводишь, за дѣвченками гоняешься, да сговариваешься какъ бы половчѣе меня провести?—Да гдѣ у тебя умъ-то послѣ этого? Сирота вѣдь ты круглый, ни матери, ни отца, одна надежда на прабабку Марѳу Григорьевну, отъ нея вся твоя судьба зависитъ, а ты ей лжешь, да дерзишь скрытностью? Какъ же мнѣ понимать тебя послѣ этого, какой ты есть человѣкъ, и могу ли я, безъ сумленія, честь всей нашей фамиліи тебѣ предоставить?

Она возвысила голосъ до крику при послѣднихъ словахъ и въ пристальномъ взглядѣ ея черныхъ глазъ, пытливо устремленныхъ на правнука, сверкала такая рѣшимость, гнѣвъ и упорство, что онъ почувствовалъ себя побѣжденнымъ.

Блѣдный, какъ полотно, съ низко опущенной головой и дрожащими пальцами, машинально теребя на груди кружевное жабо, отъ котораго къ концу аудіенціи остались одни только лохмотья, Александръ Воротынцевъ произнесъ наконецъ тихо, но твердо, то слово, которое ждали и требовали отъ него.

— Виноватъ!

И произнесъ онъ это слово такъ сознательно, съ выраженіемъ такого мучительнаго раскаянія въ голосѣ и взглядѣ, что старуха смягчилась.

— Тото, виноватъ. Ну, вотъ что я тебѣ скажу:—прощаются твои супротивъ меня продерзости единственно ради твоей юности, да по той причинѣ, что до сей поры учить тебя было некому уму-разуму, но таперича, съ этой самой минуты, ты ужъ по моей наукѣ живи и по моимъ указаніямъ дѣйствуй, ни на шагъ отъ нихъ не отклоняючись, а то плохо тебѣ будетъ, Лексашка! Какъ узнала я про все, чтò у васъ въ подмосковной творится, все, до послѣдней мелочи, такъ и про жизнь твою въ Петербургѣ узнаю. Обманывать меня и не пытайся лучше, второй разъ обмана не прощу и все имѣніе на монастыри роздамъ. Передъ образомъ клятву дала, что такъ сдѣлаю и клятвы той ни за чтò не нарушу. Пусть лучше нашъ Воротынцевскій родъ совсѣмъ прекратится. На скорую мою смерть не разсчитывай, легче тебѣ не будетъ, если я скоро Богу душу отдамъ, а станетъ еще тяжелѣе, по той причинѣ, что у меня ужъ давно распоряженіе сдѣлано насчетъ опеки. И такому человѣку я власть надъ тобой предоставила, который какъ пылинку съ лица земли стереть тебя сможетъ, если ты, Боже упаси, супротивничать ему станешь. И сотретъ, милости тебѣ отъ него не дождаться, твердый онъ человѣкъ и мнѣ преданный. А кто этотъ человѣкъ, узнаешь ты тогда только, когда меня похоронятъ. А доживу я до твоего совершеннолѣтія, то и вовсе никогда не узнаешь. Отправишься ты теперь въ Петербургъ одинъ, безъ гувернера. Не совсѣмъ оно для подростка хорошаго роду прилично, но что же дѣлать. Какъ пріѣдешь, такъ сейчасъ Потапыча пошли съ моимъ письмомъ къ дядѣ, Николаю Андреичу Ратморцеву, тому, что въ

сенаторы прошлой зимой произведенъ, а тамъ, въ тотъ день и часъ, который онъ назначитъ тебѣ, самъ къ нему отъявись съ почтеніемъ.

— Да онъ меня отъ себя выгонитъ,—вскричалъ изумленный такимъ приказаніемъ юноша.—Вѣдь дѣдушка съ нимъ больше чѣмъ двадцать лѣтъ въ ссорѣ! На ножахъ они и до сихъ поръ...

— А ты не разсуждай, а дѣлай то, что̀ тебѣ приказываютъ,— строго оборвала его старуха.

И указывая на два конверта, запечатанныхъ большой красной печатью съ фамильнымъ гербомъ, она прибавила:

— Оба эти письма Николаю Андреичу передай; одно, что поменьше, черезъ Потапыча пошли, другое самъ вручи и чтобъ безъ свидѣтелей. Секретную аудіенцію для этого испроси у него. Письмо это написано самому государю императору Александру Павловичу, и надо чтобъ оно въ собственныя руки царя попало,— продолжала она, торжественно возвышая голосъ. — Ужъ какъ тамъ знаетъ Николай Андреичъ, такъ пусть и орудуетъ, только бы желаніе мое было исполнено, и насколь возможно скорѣе; то дѣло о которомъ я прошу царя отлагательства не терпитъ. А станетъ пытать тебя дядя, извѣстно ли тебѣ, что у меня въ томъ письмѣ написано, скажи, что ты ничего про то не вѣдаешь. Бабушка, молъ, не изволила мнѣ довѣрить, о чемъ она царя проситъ, такъ и скажи. И разузнавать не пытайся. Несчастнымъ на всю жизнь можешь сдѣлаться, если заранѣе узнаешь про то, что̀ тебѣ станетъ извѣстно тогда только, когда въ настоящій разумъ войдешь. А паче всего службой да ученіемъ теперь займись. Таперича отъ дворянъ хорошаго роду много всякой науки требуется. Проси на этотъ счетъ указаній у дяди, Николая Андреича, онъ ученый, и все съ учеными знается. И наставника хорошаго проси, чтобъ онъ тебѣ нашелъ, и съ тѣмъ наставникомъ,— придется онъ тебѣ по нраву или нѣтъ, а все-таки дружи, и угождать ему старайся. Всѣ глупства, которымъ французъ тебя научилъ, брось совсѣмъ и забудь. Только этимъ милость мою ты себѣ заслужишь, ничѣмъ инымъ. И ни о чемъ больше не заботься, ни о чемъ не проси у Бога, чтобъ только мнѣ Господь на твое счастье вѣку продлилъ. Пока я жива, все тебѣ отъ меня будетъ въ изобиліи, и совѣтовъ и наставленій, и добра всякаго и протекцій. О своемъ умѣ и думать перестань, что онъ у тебя есть, а живи только моими мыслями да приказами. Своего ума у тебя нѣтъ и долго еще не будетъ, помни это, завсегда помни, и пуще всего забыть мои наставленія опасайся. Потапычу вѣрь и почитай его, онъ тебѣ преданъ и у меня въ довѣріи. Знай, что если тебѣ досталось за скрытность, то ему вдвое перепало, до гробовой доски не забыть ему вчерашняго дня. Ступай, съ французомъ будь попрежнему и виду не подавай, что на вѣки вѣченскіе съ нимъ разстаешься.

XVII.

Юноша вышелъ, понуривъ голову съ чувствомъ досады, изумленія и смутнаго страха въ душѣ.

Не взирая на то, что̀ ему объявили прощеніе, онъ чувствовалъ себя въ опалѣ и понималъ что не легко исправить бѣду. Не разъ придется ему всплакнуть про себя за то, что̀ онъ раньше не разгадалъ, что за личность его прабабка, Мароа Григорьевна.

Не даромъ объ ней въ подмосковной даже и поминать не любятъ.

Провожая его, дѣдъ прошамкалъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Ты тамъ къ бабушкѣ-то подольстись... строгая вѣдь она... покорность любитъ... а я ужъ дряхлъ... куда мнѣ!.. а скажи ей—дѣдъ молъ въ ножки вамъ кланяется, прощенія проситъ и родительскаго благословенія—ручки цѣлуетъ... И пожалѣй меня, Христа ради, Лексашинька... виноватъ я передъ нею и передъ тобой, а все-таки пожалѣй.

На эту старческую болтовню Александръ не обратилъ тогда вниманія. Присутствовавшіе при этой сценѣ съ улыбочками переглядывались. Французъ замѣтилъ, дотрогиваясь пальцемъ до своего лба: «Il n'a plus sa tête le pauvre homme!» А Дарья Семеновна,—Дарька какъ прозвала ее бабушка и какъ съ этой минуты сталъ звать ее про себя и молодой Воротынцевъ,—Дарька прибавила къ этому, усмѣхаясь сочными, малиновыми губами:

— А ужъ та-то, Мароа-то Григорьевна, поди чай, и совсѣмъ изъ ума выжила! Вѣдь ужъ ей, говорятъ, за сто лѣтъ перевалило.

Изъ ума выжила!

Посмотрѣли бы они какъ она изъ ума выжила.

Въ одномъ только и находилъ себѣ Александръ Воротынцевъ утѣшеніе, это въ томъ, что французъ попалъ въ западню.

XVIII.

Въ тотъ вечеръ за ужиномъ подавали холоднаго поросенка, гусиные полотки, жареныхъ индѣекъ, кашу молочную, хворостъ съ вареньемъ и еще что̀-то такое, чего маркизъ не могъ запомнить.

Все это запивалось пивомъ, медомъ, квасами разными и наливками.

Вотъ наливка-то всему и была причиной. Рюмочку за рюмочкой, маркизъ выпилъ одинъ цѣлую бутылку. Сидѣвшая съ нимъ рядомъ Варвара Петровна то и дѣло подливала ему. Подъ конецъ у него языкъ сталъ заплетаться, голова закружилась, и онъ не помнилъ, какъ его вывели изъ-за стола и потащили по узкой, съ крутыми ступенями лѣстницѣ, въ его комнату на интресоляхъ и какъ ка-

зачки, приставленные къ нему для услугъ, раздѣли его и уложили на пуховики и перины.

Какъ легъ онъ такъ и заснулъ, точно камень пошелъ ко дну.

Но среди ночи онъ проснулся отъ тяжести въ желудкѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ въ русскихъ домахъ и пилъ и ѣлъ вмѣстѣ со всѣми, маркизъ такъ часто испытывалъ это ощущеніе, что успѣлъ привыкнуть къ нему, но въ ту ночь оно показалось ему особенно непріятно и къ физической боли стало примѣшиваться нравственное неудовольствіе. Ему досадно было на себя за свою невоздержность.

Очень нужно было наѣдаться до отвала такими неудобоваримыми кушаньями, какъ поросенокъ, гусятина и тому подобное! И къ довершенію всего напиться пьянымъ. Чортъ знаетъ на что̀ похоже.

Маркизъ былъ прежде всего благовоспитанный человѣкъ и его въ краску бросало по мѣрѣ того, какъ нѣкоторыя подробности всплывали ему на память. Подъ конецъ ужина онъ совсѣмъ потерялъ сознаніе, навѣрное наболталъ много лишняго и, вообще, велъ себя крайне неприлично.

Что̀ именно произошло подъ самый конецъ вечера, этого онъ не могъ бы сказать, но онъ отлично помнилъ, что выволакивали его изъ-за стола подъ руки, что на лѣстницѣ онъ спотыкался при каждой ступени, его сзади подталкивали и хихикали надъ самымъ его ухомъ. Эдакая мерзость!

Что̀ подумала про него Марѳа Григорьевна? Разумѣется ей не въ первый разъ видѣть у себя пьяныхъ гостей, но то господа помѣщики, русскіе, изъ ея общества, а онъ иностранецъ-гувернеръ, обязанный за жалованье примѣромъ благонравія юному барченку служить. Да, прошли тѣ времена, когда можно было дебоширничать сколько душѣ угодно...

И улыбаясь игривымъ представленіямъ, всплывшимъ ему на память при воспоминаніи о жизни въ подмосковной, маркизъ сталъ было уже снова засыпать, какъ вдругъ глухая возня съ страннымъ какимъ-то шорохомъ, за стѣной, у которой стояла его кровать, заставила его встрепенуться.

Онъ сталъ прислушиваться. Шумъ не прекращался, а скорѣе даже усиливался; явственно раздавались шаги разбѣгающихся по разнымъ направленіямъ босыхъ ногъ, шопотъ, сопровождаемый вздохами и сдержаннымъ кряхтеньемъ, точно протаскивали что̀-то тяжелое по комнатамъ и коридорамъ. По временамъ слышался скрипъ дверей и глухой трескъ подгнившихъ половицъ подъ тяжестью ступней.

Да, въ домѣ происходило необычайное что̀-то такое. Гости, можетъ быть, пріѣхали, Лопкаревы?

Маркизъ старался остановиться на этой мысли, но смутное предчувствіе чего-то недобраго продолжало мучить ему душу. Заснуть онъ ужъ не могъ и, машинально уперлись взглядомъ въ дверь, выходившую въ коридоръ, онъ лежалъ, ни о чемъ не думая и досадуя на нежданныхъ посѣтителей, потревожившихъ его покой. Однако, возня не унималась. Сколько же ихъ понаѣхало, что до сихъ поръ размѣститься не могутъ? И почему не провели ихъ прямо во флигель для гостей, а размѣщаютъ въ домѣ?

Шумъ все усиливался и предосторожностей, чтобъ заглушить его, принималось все меньше и меньше; раздавались голоса, говоръ и даже возгласы, топали ужъ не босыми ногами, а въ сапогахъ съ гвоздями, хлопали дверьми по всѣмъ направленіямъ, а отдаленный гулъ, напоминавшій прибой морскихъ волнъ, давно ужъ гудѣвшій подъ окномъ и на который онъ не обращалъ вниманія, подымался все выше и явственнѣе, точно цѣлая толпа людей наполняла дворъ. И слышался среди этого гула сдержаныхъ голосовъ, по временамъ, какой-то странный звонъ. Это ночью-то, часа за три до разсвѣта, когда весь домъ долженъ былъ спать крѣпкимъ сномъ?

Ужъ не горитъ ли гдѣ-нибудь поблизости?

Маркизъ вскочилъ съ кровати, бросился къ окну и потянулъ къ себѣ ставень. Обыкновенно ставень этотъ, притворявшійся изнутри, легко отворялся, но на этотъ разъ, не взирая на всѣ усилія, онъ не подавался.

Маркизу стало жутко. Ставень оказался заколоченнымъ толстыми гвоздями. Проводя по немъ рукою, онъ ощупалъ шляпки этихъ гвоздей, вогнанныхъ молоткомъ такъ далеко, что нечего было и думать о томъ, чтобы вытащить ихъ безъ инструмента.

Маркизъ кинулся къ двери—заперта снаружи, и ключъ вынутъ. Кто-то пробѣжалъ мимо съ зажженной свѣчей въ рукѣ— онъ слышалъ шаги, и видѣлъ промелькнувшій мимо замочной скважины огонекъ.

Часъ отъ часу не легче. Его здѣсь заперли, чтобъ онъ не видалъ того, что̀ происходитъ въ домѣ и на дворѣ, это ясно. Страхъ и любопытство съ минуты на минуту мучили его нестерпимѣе. А шумъ, говоръ и возня кругомъ, въ домѣ и на дворѣ, все усиливались. До ушей его сталъ доноситься топотъ лошадей и громыханье экипажа, а на выбѣленной стѣнѣ, противъ окна, забѣгали огни. Онъ вспомнилъ про отверстіе въ видѣ сердца, вырѣзанное въ верхней половинѣ ставня, и вскочилъ на подоконникъ, чтобы выглянуть изъ этого отверстія на дворъ. Сквозь тусклыя, зеленоватыя стекла, кромѣ движущихся безформенныхъ черныхъ массъ, при мерцающемъ блескѣ какихъ-то огней, ничего нельзя было различить. Раздраженный всѣми этими препятствіями, внѣ себя отъ страха и недоумѣнія, онъ, не долго думая, продѣлъ руку въ

отверстіе ставня, вышибъ кулакомъ стекло, и тогда слѣдующее зрѣлище предстало его изумленнымъ глазамъ: толпа дворовыхъ, съ зажженными факелами и фонарями, окружала дорожную карету, навьюченную важами и чемоданами. Лошади были уже впряжены, онѣ фыркали и ржали, позванивая бубенчиками и колокольцами, готовыя пуститься въ путь. На широкихъ козлахъ, рядомъ съ ямщикомъ, сидѣлъ камердинеръ. Знакомая маркизу Глаша подавала ему какой-то большой свертокъ, который онъ засовывалъ себѣ за спину. На крыльцѣ стояла Мареа Григорьевна, окруженная своей обычною свитой, Ѳедосьей Ивановной, Митинькой, Варварой Петровной и дворецкимъ Игнатіемъ Самсонычемъ. Одной рукой старуха опиралась на плечо Мареиньки, а другой на костыль съ золотымъ набалдашникомъ, служившій ей обыкновенно не столько для подпоры, сколько для того, чтобы мимоходомъ поучить кого нужно изъ попадавшихся ей на встрѣчу людишекъ, когда она дѣлала свой обходъ по хозяйству. По всему было видно, что она только-что распростилась съ правнукомъ. Взволнованной походкой, низко опустивъ голову и приложивъ бѣлый батистовый платокъ къ глазамъ, юноша шелъ къ каретѣ въ сопровожденіи Потапыча. И не успѣлъ маркизъ сообразить какъ ему поступить, кричать ли въ окно, бить ли стекла или попытаться выломать ставень и раму, чтобы выскочить на дворъ, какъ ужъ оба, и воспитанникъ его и Потапычъ, очутились въ каретѣ. Кто-то подскочилъ, завернулъ подножку и захлопнулъ дверцу.

— Съ Богомъ! Трогай!—раздался, среди внезапно воцарившейся тишины, властный голосъ Мареы Григорьевны.

— Съ Богомъ! Съ Богомъ!—повторили въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе.

Кучеръ приподнялся на козлахъ, замахнулся кнутомъ и застоявшіеся кони весело и дружно понесли карету черезъ растворенные настежь ворота въ тополевую аллею.

За ними помчались, подпрыгивая на кочкахъ, тарантасы и подводы съ людьми и поклажей, да съ полсотни верховыхъ съ фонарями въ рукахъ, съ ножами и топорами за поясомъ.

Съ минуту еще, постепенно замирая въ темнотѣ, слышалось гиканье, звонъ колокольчиковъ, стукъ колесъ и топотъ лошадиныхъ копытъ, а затѣмъ все стихло.

Оставшіеся на дворѣ люди разбрелись кто куда, желѣзомъ окованныя двери захлопнулись за старой барыней съ ея свитой, и тяжелый болтъ на цѣпяхъ, которымъ каждую ночь, закладывалась дверь громко звякнулъ.

XIX.

Только тутъ, среди наступившихъ мрака и тишины, почувствовалъ себя маркизъ плѣнникомъ этой загадочной женщины, Марѳы Григорьевны, и понялъ, что онъ вполнѣ въ ея власти.

Но прежде чѣмъ окончательно примириться съ этою печальною мыслью, онъ попытался отнестись къ своему положенію свысока и, напустивъ на себя развязность, приказалъ вошедшему къ нему утромъ въ обычный часъ казачку Прошкѣ прислать къ нему Игнатія Самсоныча.

А когда этотъ послѣдній явился на его зовъ, онъ объявилъ ему, что желаетъ немедленно выѣхать изъ Воротыновки.

— Вы обязаны дать мнѣ экипажъ и лошадей. Вашъ молодой баринъ поступилъ со мной неблагородно и будетъ за это наказанъ. Я поѣду прямо въ городъ и буду на него жаловаться господину губернатору, который на то поставленъ отъ царя вашего, чтобы не давать господамъ безобразничать. Губернаторъ заставитъ молодого барина, мсье Alexandre, заплатить мнѣ за безчестье и обманъ. Я этого дѣла ни за что такъ не оставлю и никого не боюсь, потому что я французъ и никто не смѣетъ мнѣ ничего сдѣлать дурного въ Россіи. Такъ и скажите вашей барынѣ, Марѳѣ Григорьевнѣ.

Самсонычъ должно быть въ точности передалъ протестъ француза своей госпожѣ, потому что не прошло и десяти минутъ, какъ уже гонецъ отъ этой послѣдней, казачекъ Мишка, мчался на верхъ какъ угорѣлый, сверкая пятками и, ворвавшись какъ бомба въ комнату француза, весь красный отъ усилій сдерживать разбиравшій его смѣхъ, скороговоркой прокричалъ:—Пожалуйте къ барынѣ! А затѣмъ, фыркая въ кулакъ, кубаремъ скатился по лѣстницѣ обратно въ буфетную, длинную комнату, уставленную шкапами и ларями, гдѣ дворня собралась толковать о неожиданномъ и поспѣшномъ отъѣздѣ молодого барина, и о томъ что ждетъ арестованнаго, по распоряженію барыни, француза.

Стараясь всѣми силами сохранить собственное достоинство, чтобы никто, Боже сохрани, не догадался, что онъ трусить, маркизъ медленно и важно, выпячивая впередъ пышное, кружевное жабо, прошелъ черезъ комнаты, отдѣлявшія его помѣщеніе отъ кабинета хозяйки. Попадавшаяся ему на пути челядь провожала его сверкающими отъ любопытства глазами, а онъ надувался все больше и больше, и, по выраженію вострухи Машки, ужъ совсѣмъ индѣйскимъ пѣтухомъ предсталъ передъ Марѳой Григорьевной.

Остановившись передъ кресломъ съ высокой спинкой, на которомъ возсѣдала Воротыновская помѣщица, онъ приступилъ къ изложенію своихъ претензій.

Долго слушала Марѳа Григорьевна, молча и съ безстрастнымъ выраженіемъ лица, рѣчь француза, запальчивую, полную горькихъ упрековъ и скрытыхъ угрозъ по адресу ея правнука и, наконецъ, не выдержала, ударила кулакомъ по столу и грозно приказала ему замолчать.

— Будетъ, молчи лучше. Алексаша тутъ ни причемъ. Какъ я ему приказываю, такъ онъ и дѣлаетъ. По моей волѣ ты здѣсь оставленъ. И будешь жить у меня на глазахъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не заблагоразсудится тебя отпустить. А когда придетъ конецъ твоему плѣну, лучше и не пытайся узнавать, потому что я сама еще этого не знаю.

И помолчавъ немного, она продолжала, устремивъ на своего ошеломленнаго слушателя пронзительный взглядъ, и съ торжественною медлительностію, отчеканивая слова:

— Все зависитъ отъ того, скоро ли государь императоръ внемлетъ моей просьбѣ, и прикажетъ наложить опеку, на выжившаго изъ ума, сына моего Григорія Андреевича Воротынцева и выгнать изъ его владѣній подлую женку Дарьку, которая раззоряетъ его и которой онъ, по дряхлости своей и скудоумію, противиться не въ силахъ. Можетъ, на твое счастье, государь соблаговолитъ снизойти къ моей просьбѣ немедленно, а, можетъ, онъ прикажетъ слѣдствіе нарядить. Ну, тогда ужъ тебѣ плохо будетъ, потому всѣ твои шашни съ Дарькой откроются и не миновать тебѣ за всѣ твои продерзости отвѣта. Ужъ какъ тебя наказывать станутъ—не знаю. Можетъ, въ Сибирь сошлютъ, можетъ, въ тюрьму запрячутъ, а можетъ, кнутомъ отодравъ, изъ предѣловъ Россіи выгонятъ, это ужъ отъ суда будетъ зависѣть, какъ порѣшатъ, такъ и будетъ. А до тѣхъ поръ, пока съ Дарькой расправа не учинена, изъ Воротыновки тебѣ ходу нѣтъ. Такъ и знай. А бѣжать вздумаешь, да людишекъ моихъ смутишь, чтобы помогли тебѣ меня обмануть, не прогнѣвайся, тогда ужъ добра себѣ не жди, прикажу тебя изловить и такъ съ тобою расправлюсь, что всю жизнь будешь помнить. Такая ужъ наша россійская нація, терпимъ долго, а изъ терпѣнія выйдемъ, передъ расправой не задумываемся, понялъ?—грозно возвысила она голосъ.

Да, маркизъ теперь уже вполнѣ понималъ свое положеніе. При имени Дарьки онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и задрожалъ. Если ужъ и это здѣсь извѣстно, значитъ, пощады ему ждать нечего.

Предположенія, одно другого ужаснѣе, замелькали въ его умѣ. Вотъ, вотъ, сейчасъ поведутъ его въ застѣнокъ (онъ не сомнѣвался теперь, что въ которомъ-нибудь изъ многочисленныхъ подваловъ Воротыновскаго дома непремѣнно долженъ быть застѣнокъ. Подвалы эти запирались такими страшными, обитыми желѣзомъ дверьми, на нихъ висѣли замки такихъ огромныхъ размѣровъ, и заржавленные, вѣроятно, со слѣдами крови).

Начнутъ его пытать, вымучивать изъ него нестерпимыми страданіями подробности о сношеніяхъ его съ фавориткой старика Воротынцева. А что онъ можетъ сказать, кромѣ того, что амурничалъ съ полногрудой и черноокой Дарькой и находилъ забавной ея затѣю сдѣлаться законной супругой богатаго помѣщика знатнаго рода? Ровно ничего. Серьезныя и опасныя интриги были не въ его вкусѣ и когда возлюбленная его стала совѣтоваться съ приказнымъ, выписаннымъ нарочно для этого изъ Москвы, ему такъ прискучило слушать ихъ толки про законы, да про то, какими уловками надо обходить эти законы, чтобы не попасться, что онъ сталъ дѣятельно хлопотать о скорѣйшемъ отъѣздѣ воспитанника своего на службу въ Петербургъ. И такъ искусно съумѣлъ доказать, что присутствіе его при молодомъ барчукѣ необходимо, что его даже стали упрашивать сопровождать юношу. Но развѣ повѣрятъ его словамъ? Разумѣется, нѣтъ и ничто не спасетъ его отъ казни. Его непремѣнно повѣсятъ или, по здѣшней модѣ, либо засѣкутъ до смерти, либо отрубятъ голову. И спасти его некому. Старуха здѣсь полновластна, у нея больше чѣмъ десять тысячъ рабовъ, готовыхъ безпрекословно исполнять всякое ея приказаніе, какое бы оно ни было. А онъ здѣсь такъ одинокъ, что никто даже и не позаботится узнать, куда онъ дѣлся, когда его не будетъ въ живыхъ.

Кровь застыла у него въ жилахъ отъ ужаса, ноги сами собой подкосились и онъ упалъ на колѣни съ глухимъ воплемъ.

— Ну, встань, встань, что ужъ такъ оробѣлъ,—морщась вымолвила Мароа Григорьевна, не ожидавшая такого пассажа.

Понюхавъ табаку изъ золотой табакерки, съ портретомъ императрицы Екатерины Алексѣевны, съ которой она никогда не разставалась, старуха продолжала уже не такъ строго и съ оттѣнкомъ добродушной ироніи.

— А ты, подожди робѣть то, ни пытать тебя, ни казнить никто еще не собирается. Ты только намъ свою покорность настоящимъ манеромъ докажи, перестань фордыбачиться и заживешь ты у насъ разчудесно. Какъ было при Лексашѣ, такъ и теперь будетъ. Пищи и питія вволю и всякія тамъ удовольствія. Хоть кажинный вечеръ музыку играй да пляши съ дѣвицами, запрета тебѣ на это не будетъ. И чего захочетъ твоя душа, того пусть и проситъ—вина ли заморскаго, сластей ли какихъ... вотъ я замѣтила, что ты до маковниковъ въ меду охотникъ, кушай ихъ себѣ на здоровье хоть по полпуду въ день. Вздумаешь покататься, одинъ или съ кѣмъ-нибудь, и въ коняхъ тебѣ никогда отказа не будетъ, все тебѣ будетъ готово и подано въ какое время ни потребуешь.

Можно себѣ представить какой бальзамъ вливали въ душу маркиза эти слова! Онъ приподнялся съ колѣнъ, а Мароа Григорьевна между тѣмъ продолжала:

— И жалованье будетъ тебѣ идти отъ меня столько же, сколько ты у Лексаши получалъ, да сверхъ того изрядную сумму выдамъ тебѣ при прощаніи, когда придетъ тотъ часъ, что можно будетъ тебя отпустить. Небось, не обижу! Знаю я про твою вертопрашность и распутство, но также и про то мнѣ извѣстно, что другой на твоемъ мѣстѣ проявилъ бы и корысть изрядную, а ты на это простъ и, окромя пустыхъ финтифлюшекъ, ничѣмъ не съумѣлъ отъ той мерзавки, подлой женки Дарьки, попользоваться. И не съ чѣмъ бы тебѣ даже до Москвы добраться, кабы отпустила я тебя, по той причинѣ, что тѣ золотые, что я тебѣ вчера пожаловала, ты ужъ успѣлъ на половину растранжирить, Глашкѣ съ Машкой по цѣлому червонцу отвалилъ, того не понимая, что имъ и алтына за глаза довольно-предовольно. Вотъ ты какой легкомысленный человѣкъ! И смѣшно мнѣ на тебя, да и жалко отчасти, потому сирота ты, и на чужбинѣ, и хотя французъ, а все жъ душа въ тебѣ христіанская. А мнѣ ужъ жить не долго и обязана я передъ Богомъ и передъ людьми ко всякой твари милосердіе и справедливость соблюдать, чтобъ на томъ свѣтѣ мнѣ самой въ отвѣтѣ не быть.

Такихъ заключительныхъ словъ отъ грозной Воротыновской помѣщицы маркизъ ужъ никакъ не ожидалъ. Окончательно успокоившись, онъ, со свойственною ему впечатлительностью, почувствовалъ себя даже счастливымъ, что дѣло приняло такой благопріятный оборотъ. Послѣ грозившихъ ему пытокъ и казней, плѣнъ въ Воротыновкѣ сталъ казаться ему чуть ли не земнымъ раемъ.

Бесѣда кончилась тѣмъ, что маркизъ, со слезами умиленія на глазахъ, далъ торжественное обѣщаніе, скрѣпленное честнымъ словомъ французскаго дворянина, повиноваться безпрекословно всѣмъ требованіямъ Марѳы Григорьевны. И чувствуя потребность особеннымъ чѣмъ-нибудь выразить ей полноту своихъ чувствъ и признательности, онъ объявилъ, что не желаетъ даромъ пользоваться ея милостями и въ такомъ только случаѣ согласится брать жалованье, если она позволитъ ему учить Марѳиньку.

— Вотъ это дѣло,—объявила съ благосклонной улыбкой Марѳа Григорьевна.—Выучишь Марѳиньку по-французски, да на клавесинѣ играть, награжу тебя такъ, какъ ты и не ожидаешь.

Маркизу такъ полюбилось привольное житье въ Воротыновкѣ, что когда пришла вѣсть о томъ, что Дарька выслана изъ предѣловъ Московской губерніи, онъ отнесся вполнѣ равнодушно къ этому извѣстію и воспользоваться свободой, которую ему теперь предоставляли, не пожелалъ.

— Да живи себѣ у насъ хоть до самой смерти, если тебѣ хорошо,—отвѣчала со смѣхомъ Марѳа Григорьевна, когда онъ попросилъ у нея позволенія остаться въ Воротыновкѣ.—Безъ дѣла

не останешься. Вотъ Богъ дастъ Мароиньку замужъ выдадимъ, дѣтки у нея пойдутъ, ты и ихъ учить будешь.

Но планамъ этимъ осуществиться не было суждено. Задолго до того времени, когда Мароинькѣ можно было выйти замужъ, наступилъ двѣнадцатый годъ, сдѣлалось извѣстно о нашествіи Наполеона на Россію и французу жить среди русскихъ мужиковъ стало не безопасно. Мароа Григорьевна дѣятельно захлопотала о томъ, чтобы дать маркизу возможность благополучно выбраться за границу и, благодаря своимъ связямъ и щедрости, успѣла въ этомъ.

Прощаніе было трогательное. Маркизъ, рыдая, увѣрялъ, что чтитъ и любитъ ее какъ родную мать и никогда не забудетъ ея благодѣяній.

— И я тебя полюбила, мусью, и дай тебѣ Богъ всего хорошаго. Сердце у тебя доброе, хотя ты и французъ, и простоты въ тебѣ столько же, сколько и у нашего брата, русскаго,—отвѣчала не безъ волненія Мароа Григорьевна.

И осѣнивъ его большимъ православнымъ крестомъ, она надѣла ему на шею образокъ Иверской Божьей Матери, который онъ торжественно поклялся никогда съ себя не снимать.

XX.

Но кому было особенно тяжело разставаться съ французомъ, это Мароинькѣ.

Ей шелъ тогда только 13-й годъ, но по уму, развитію и познаніямъ, она ровнялась вполнѣ взрослой дѣвицѣ. Да и не многія дѣвицы въ то время знали французскую литературу, исторію и географію, рисовали и играли на клавесинѣ такъ прекрасно, какъ она.

Всѣ свои книги оставилъ ей маркизъ на память, въ знакъ дружбы, уѣзжая изъ Воротыновки. Мароинька уставила ими большой шкафъ въ библіотекѣ и ключъ отъ него постоянно держала при себѣ. Днемъ онъ лежалъ въ одномъ изъ кармановъ ея тафтяного передника, а ночью, она прятала его подъ подушку, чтобы, Боже упаси, кто-нибудь не похитилъ ея сокровищъ. Книгъ ей оставилъ маркизъ много, около двухъ сотъ томовъ, и всѣ онѣ одинаково ей были дороги и нужны, всѣ до единой. Нѣкоторыя она столько разъ перечитала, что знала ихъ наизусть; другія успѣла пробѣжать только на половину, до третьихъ еще вовсе не дотрогивалась, но она была убѣждена, что онѣ чрезвычайно интересны, и что когда ей минетъ 16 лѣтъ, она все въ нихъ пойметъ. До тѣхъ поръ, другъ ея, маркизъ, просилъ ее въ нихъ не заглядывать и она свято хранила этотъ завѣтъ.

Маркизу она во всемъ вѣрила и во всемъ старалась поступать согласно его совѣтамъ и указаніямъ.

Одинъ онъ только и имѣлъ вліяніе на ея умственное и душевное развитіе. Мареа Григорьевна обращалась съ нею какъ съ ребенкомъ. Онъ же очень скоро подружился съ нею, какъ съ равнымъ себѣ человѣкомъ. Она одна, во всемъ домѣ, могла понимать его. Съ нею не надо было пріискивать русскія слова, для выраженія мысли, она такъ быстро и хорошо усвоила себѣ французскій языкъ, что онъ по цѣлымъ часамъ могъ съ нею бесѣдовать или, лучше сказать, думать при ней вслухъ о своей родинѣ, о прошломъ, о надеждахъ на будущее. Само собою разумѣется, что ни возраженій, ни обмѣна мыслей онъ ждать не могъ отъ маленькой дикарки, которая ничего, кромѣ Воротыновки, въ своей жизни не видывала, но ему ужъ и то было отрадой, что его слушаютъ съ интересомъ, и понимаютъ каждое его слово.

Иногда, наскучивъ заниматься собой, онъ принимался фантазировать на счетъ своей маленькой пріятельницы.

Мареинька была сирота. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, всѣ были убѣждены въ Воротыновкѣ. Но кто были ея родители и какъ она попала сюда, это никому здѣсь не было извѣстно, кромѣ Мареы Григорьевны, разумѣется, да еще Өедосьи Ивановны, можетъ быть, но узнать отъ нихъ то, что̀ имъ желательно было скрывать, нечего было и пытаться.

Французъ находилъ въ этой тайнѣ много привлекательнаго и охотно предавался всевозможнымъ предположеніямъ относительно происхожденія своей ученицы. Она, безъ сомнѣнія, дитя любви и завѣщана Мареѣ Григорьевнѣ дорогой ей и близкой личностью, только этимъ обстоятельствомъ и можно было объяснить привязанность Воротыновской помѣщицы къ дѣвочкѣ.

Происхожденія Мареинька должна быть знатнаго. У хамскаго отродья не могло быть такихъ правильныхъ чертъ лица, такого восхитительнаго разрѣза зеленовато-сѣрыхъ глазъ, такихъ миніатюрныхъ рукъ и ногъ, такого стройнаго стана и такихъ чудныхъ волнистыхъ волосъ пепельнаго цвѣта. А бѣлизна и тонкость кожи? а блѣдный, какъ лепестокъ розы, распустившейся въ теплицѣ,—румянецъ на щечкахъ? а врожденная томная грація въ каждомъ движеніи, развѣ это не доказываетъ ея аристократическаго происхожденія?

Но чья она дочь? Тутъ ужъ маркизъ терялся въ догадкахъ.

Въ домѣ была портретная галлерея и, осматривая ее, онъ находилъ у Мареиньки сходство съ каждой изъ красавицъ, развѣшанныхъ въ золотыхъ рамахъ по стѣнамъ. У одной были точно такіе же брови дугой, какъ у нея, у другой—глаза, у третьей—губы и лобъ. Но кого она дѣйствительно, годъ отъ году, все болѣе и болѣе напоминала, это бывшаго ученика маркиза, молодого Воротынцева. И не всегда, а тогда только, когда она смѣялась. Впрочемъ, сходство это было такъ неуловимо и мимолетно, что

основывать на немъ какіе бы то ни было выводы, было довольно трудно.

Какъ бы тамъ ни было, но болтливый и неосторожный французъ возбудилъ и въ Мареинькѣ любопытство, узнать кто она и откуда. Спрашивать объ этомъ кого бы то ни было, она не рѣшалась, но мечтамъ своимъ на этотъ счетъ давала полную волю.

И до чего только не доводили ее эти мечты!

Послѣ отъѣзда маркиза, у Мареиньки ничего, кромѣ этихъ мечтаній да книгъ, не осталось.

Чтобы на свободѣ предаваться грезамъ на яву, она уходила въ самые уединенные уголки парка или забивалась съ книгой въ одну изъ тѣхъ парадныхъ комнатъ, въ которыя никто никогда не входилъ, съ мебелью, зеркалами и люстрами, окутанными чахлами, точно привидѣнія въ саванахъ, и гдѣ часто летучія мыши, перелетая съ одного лѣпного карниза на другой, заставляли ее замирать отъ ужаса, внезапнымъ шорохомъ своихъ крыльевъ.

Но ничего такъ не любила она, какъ въ лунныя ночи сидѣть у раскрытаго окна и всматриваться въ движущіяся тѣни между деревьями до тѣхъ поръ, пока изъ серебристой зыби полумрака не начинали выдѣляться призраки, вызываемые ея фантазіей, такъ явственно, что ей становилось жутко. Тогда только поспѣшно затворяла она окно, стремительно добѣгала до кровати, куталась въ одѣяло и съ сладкой дрожью во всемъ тѣлѣ, съ отуманенной странными видѣніями головой, крѣпко засыпала.

Мареѣ Григорьевнѣ такъ мало былъ знакомъ внутренній міръ ея воспитанницы, что, первое время послѣ отъѣзда маркиза, ее заботила мысль о томъ, что Мареинька, какъ дитя, перезабудетъ все, чему она у него училась и что надо непремѣнно нанять ей другого учителя или учительницу. Изъ нѣмцевъ чтò ли, если французовъ держать въ домѣ, по нонѣшнимъ временамъ, опасно и зазорно.

Она писала объ этомъ въ Петербургъ и въ Москву своимъ внукамъ и внучкамъ, въ томъ числѣ и Александру Воротынцеву, и всѣ ей, точно сговорившись, отвѣчали, что не такое теперь время, чтобъ думать объ учителяхъ и заниматься воспитаніемъ дѣтей. Французы подходили къ Москвѣ. Александръ съ восторгомъ увѣдомлялъ прабабку о томъ, что дядя Фреденборгъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты и что они скоро выступятъ въ походъ.

Тѣмъ изъ русскихъ людей, кто драться съ французами не могъ, оставалось только корпію щипать, да молиться за наше православное воинство.

Прошло еще три года, въ тревогахъ, печаляхъ, но и не безъ радостей.

До Воротыновки французы не дошли.

Съ наслѣдникомъ своимъ Мароа Григорьевна окончательно примирилась.

Она не могла не гордиться имъ. Во время войны онъ велъ себя героемъ и такъ умно исполнялъ предписанія начальства, что командиръ его, баронъ Фреденборгъ, по матери, рожденной Воротынцевой, доводившійся ему роднымъ дядей, а Мароѣ Григорьевнѣ—внукомъ, писалъ этой послѣдней, что правнукъ ея и наслѣдникъ извѣстенъ лично государю и на пути къ блестящей карьерѣ.

— Ну и слава Богу! А теперь жениться бы ему, — замѣтила на это со вздохомъ Мароа Григорьевна.

Александру шелъ всего только 23-й годъ и ему еще рано было связывать себя семьей. Но ей такъ хотѣлось умереть успокоенной на счетъ продолженія Воротынцевскаго рода! Одинъ, вѣдь, онъ, Алексаша, и остался для поддержанія этого рода.

Но онъ и не думалъ о женитьбѣ. Жизнь улыбалась ему. Онъ былъ богатъ, уменъ, красивъ, по тогдашнему блестяще воспитанъ, хорошаго древняго рода, ему казалось, что всѣ женщины на земномъ шарѣ принадлежатъ ему, и что нѣтъ между ними ни одной такой, для которой стоило бы жертвовать чѣмъ бы то ни было, даже мѣсяцемъ свободы.

Впрочемъ, чтобъ потѣшить прабабушку, онъ въ каждомъ письмѣ обѣщалъ пріѣхать въ Воротыновку, чтобы перетолковать съ нею о невѣстахъ, которыхъ со всѣхъ сторонъ ему предлагали.

Ждали его сюда и въ тотъ годъ, съ котораго начинается этотъ разсказъ. Но прошла весна, миновало лѣто, а онъ все не удосуживался навѣстить прабабку. Съ наступленіемъ же осени, Мароа Григорьевна и ждать его перестала. Она занемогла тѣмъ недугомъ, первымъ и послѣднимъ въ ея жизни, отъ котораго и должна была умереть.

XXI.

Хворала Мароа Григорьевна недолго. Въ Николинъ день, 6-го декабря, отстояла раннюю обѣдню въ новой церкви, что построила въ память избавленія Россіи отъ француза, на холмѣ, въ паркѣ и, вернувшись домой, передъ тѣмъ какъ садиться чай кушать, почувствовала себя дурно.

— Побѣлѣла вся и зашаталась. Кабы мы съ барышней не подскочили, да подъ ручки ихъ не подхватили, на полъ бы грохнулись,—объясняла Варвара Петровна дворовымъ, тѣснившимся въ сѣняхъ чернаго хода, чтобъ узнать, что приключилось съ барыней.

— Вотъ бѣда—распутица, а то за дохтуромъ бы въ городъ послать,—робко замѣтилъ кто-то.

Но Варвара Петровна въ испугѣ замахала руками.

— Ни Боже мой! Не желаютъ! Какъ открыли глазки, такъ

первыя ихъ слова были: «не вздумайте сдуру за дохтуромъ посылать». Такъ и сказали. Всѣ слышали, и Ѳедосья Ивановна и Митинька, и барышня. А потомъ изволили спросить, вынули ли ключи изъ кармана того шушунчика, что мы съ нихъ сняли, какъ задурнилось-то имъ, и приказали тѣ ключи подъ подушку себѣ положить. А потомъ, какъ уложили мы ихъ въ постель, да лисьимъ салопомъ прикрыли, изволили сказать: «пожила достаточно, надо и честь знать!»

— Господи Боже мой, Царица Небесная! — шептали со вздохомъ, крестясь, окружающіе.

— А за попомъ посылать не изволили? — полюбопытствовалъ кто-то изъ толпы.

— Нѣтъ, про попа ничего не наказывали.

— Стало быть часъ еще не наступилъ, — хрипло прошамкалъ Самсонычъ, съ трудомъ сдерживая слезы.

Буфетчикъ или, лучше сказать, домоправитель Марѳы Григорьевны, былъ толстый, обрюзгшій старикъ, лѣтъ 65-ти. Началъ дряхлѣть онъ съ ногъ. Ходить ему уже лѣтъ десять, какъ становилось все труднѣе и труднѣе. Однако, онъ каждый день сползалъ со своей лежанки, облекался въ ливрейный кафтанъ съ свѣтлыми пуговицами, красный камзолъ, кюлотъ, чулки и башмаки съ пряжками, а на голову напяливалъ напудренный парикъ, съ пучкомъ въ кошелькѣ, и становился во время обѣда за кресломъ своей госпожи.

Кромѣ того, на немъ лежала обязанность хранить ключи отъ подваловъ съ серебромъ и дорогими мѣхами съ коврами и сукнами, изготовляемыми ни фабрикѣ и въ ковровой, а также на его попеченіи были тѣ парадныя комнаты бельэтажа, которыя отворялись только въ экстренныхъ случаяхъ.

Наружность Самсонычъ имѣлъ весьма благообразную, а тучность придавала ему еще болѣе представительности. Говорилъ онъ мало, медленно и выражался высокопарно, коверкая по своему слова, слышанныя отъ господъ въ столицѣ и уже такъ давно, что запомнить, какъ именно произносились эти слова, онъ не могъ.

Проживъ всю молодость въ столицѣ, онъ деревню не любилъ, въ особенности за то, что научиться здѣсь новымъ словамъ было не у кого.

Ума Самсонычъ былъ недальняго, но этого никакъ нельзя было угадать по его напыщенному и самоувѣренному виду.

Марѳа Григорьевна цѣнила въ немъ неограниченную къ себѣ преданность, знала, что онъ одну только ее и обожаетъ на свѣтѣ, и вѣрила ему безусловно; но тонкихъ порученій, тамъ гдѣ требовались сноровка и находчивость, недовѣряла ему; на это у нея была Ѳедосья Ивановна.

Самсонычъ находился при барынѣ безотлучно всю свою долгую жизнь. Съ трехъ лѣтъ ужъ состоялъ онъ у нея на службѣ; носилъ за нею вѣеръ; подавалъ ей коробочку съ мушками, румяна; поднималъ съ полу носовой платокъ, когда она его роняла. Ребенкомъ онъ былъ очень красивъ, и ее забавляло наряжать его и называть своимъ маленькимъ пажемъ. Позже его произвели въ помощники мажордома, а когда Мареа Григорьевна переселилась въ деревню, онъ сдѣлался ея довѣреннымъ лицомъ по надзору за мужскимъ персоналомъ въ домѣ.

У него была гдѣ-то далеко семья, жена, съ которой онъ безъ всякаго сожалѣнія разстался, когда ее, вмѣстѣ съ двумя дочерьми, бѣлошвейками, и съ сыномъ, выѣзднымъ лакеемъ, Мареа Григорьевна подарила одной изъ своихъ внучекъ, въ видѣ свадебнаго подарка. Самсонычъ никогда и не вспоминалъ про жену или про дѣтей, у него одна только и была забота—угодить барынѣ и всегда являться передъ ея свѣтлыя очи въ приличномъ и опрятномъ видѣ. А при тогдашнихъ модахъ не легко было этого достигнуть, да и времени требовалось не мало, чтобы какъ слѣдуетъ парикъ завить да напудрить и все къ костюму пригнать, чтобъ хорошо было.

Самсонычъ такъ сжился всѣмъ своимъ существомъ съ барыней Мареой Григорьевной, что представить себѣ не могъ, какъ онъ будетъ существовать безъ нея. Мысль объ ея смерти никогда раньше не приходила ему въ голову и когда, вдругъ, пронеслось по дому, что барынѣ дурно, что она легла, чтобы больше ужъ не встать, Самсонычъ совсѣмъ ослабъ и растерялся.

— А вы сдерживайтесь, Игнатій Самсонычъ, того и гляди васъ туда потребуютъ, — замѣтила ему мимоходомъ Θедосья Ивановна, кивая въ сторону спальни.—Барыня, вы знаете, этого не любятъ, чтобы при ней забывались, обидѣться могутъ, если вы въ такомъ видѣ передъ ними явитесь,—прибавила она съ презрительной гримасой по адресу его перемятаго жабо, распухшаго отъ слезъ лица и небритаго подбородка.

Роковое извѣстіе застало Самсоныча какъ разъ въ ту минуту, когда онъ принимался за свой туалетъ и садился передъ зеркальцемъ съ бритвой въ рукахъ.

Тутъ ужъ было не до бритья, и чтобы скорѣе узнать въ чемъ дѣло, онъ выбѣжалъ въ буфетную, накинувъ затрапезное платье и въ парикѣ, надѣтомъ на скорую руку.

Слова Θедосьи Ивановны подѣйствовали. Самсонычъ торопливо сталъ оправляться, ощупалъ мѣшокъ съ косой на спинѣ, привычнымъ движеніемъ поправилъ букли парика спереди; стряхнулъ пыль и крошки отъ вчерашняго ужина, застрявшія въ плойкѣ жабо и энергичнымъ усиліемъ воли подавилъ трясеніе подкашивающихся подъ нимъ ногъ, такъ что, когда дѣвчонка, дежурившая

у двери спальни, прибѣжала его звать къ барынѣ, онъ довольно бодрой походкой послѣдовалъ за ней.

Но передъ тѣмъ, какъ переступить порогъ высокаго покоя, съ широкой кроватью подъ балдахиномъ на возвышеніи въ глубинѣ, на него снова нашло волненіе и робость, и затуманился взглядъ неудержимо набѣгавшими слезами.

— Самсонычъ это ты? — раздался знакомый голосъ, все еще твердый и властный, изъ глубины алькова.

Не двигаясь съ мѣста, онъ прошамкалъ что-то невнятное.

— Подойди ближе. А ты, Маѳинька, выйди малость, мнѣ съ нимъ вдвоемъ надо.

Съ двухъ широкихъ ступенекъ, обитыхъ краснымъ, выцвѣтшимъ и мѣстами потертымъ бархатомъ, въ pendant занавѣсямъ съ золотой бахрамой алькова, спустилась тонкая, стройная дѣвушка, въ узкомъ и короткомъ бѣломъ перкалевомъ платьѣ, съ рукавами—буфами, и съ зеленымъ широкимъ поясомъ, подъ мышками. Нѣжное личико, съ косой высоко подхваченной на затылкѣ черепаховымъ гребнемъ и съ мелкими кудерками спереди—было блѣдно и взволновано. Легкой походкой, едва прикасаясь до пола стройными ножками въ ажурныхъ чулкахъ и открытыхъ башмачкахъ одного цвѣта съ поясомъ, Маѳинька обогнула возвышеніе съ кроватью, пріотворила маленькую потайную дверь, и скрылась за нею. Самсонычъ же, тяжело ступая своими распухшими ногами, приблизился къ умирающей.

Глянувъ мелькомъ на пожелтѣвшее лицо, смотрѣвшее на него, съ наложенныхъ высоко подушекъ, пронзительнымъ взглядомъ, Самсонычъ еще ниже поникъ головой. Подбородокъ у него вздрогнулъ, углы губъ задергало и, какъ онъ ни крѣпился, но все-таки всхлипнулъ такъ громко, что барыня услышала.

— Не хнычь!—возвысила она голосъ, строго сдвигая брови.—Наплачетесь, когда хоронить меня станете, а теперь приказанія мои слушай да запоминай. Посылаетъ мнѣ Господь кончину въ такую пору, когда въ городъ проѣзда нѣтъ, такъ что и оповѣстить никого нельзя. Да и поздно, не успѣетъ гонецъ и до полпути доѣхать, какъ меня ужъ не станетъ. Должна я, значитъ, на тебя съ Ѳедосьей во всемъ положиться, больше не на кого. Ей ужъ наказъ мой данъ и присяга отъ нея принята, а теперича за тобой чередъ... Подойди ближе... Возьми ключи подъ подушкой... Сними тотъ маленькій, что шелковинкой перевязанъ,—отрывисто командовала она, по мѣрѣ того, какъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, старикъ, дрожащими руками, выполнялъ ея приказанія,—отцѣпи его отъ связки... вотъ такъ... а теперь пока въ карманъ камзола положи и сегодня же, какъ выйдешь отсюда, къ тому снурку привяжи, на которомъ у тебя натѣльный крестъ виситъ; а какъ пріѣдетъ молодой баринъ, въ собственныя руки ему этотъ ключикъ передай.

Скажи ему, ключъ этотъ отъ того потайнаго ящика въ черномъ бюро, гдѣ моя воля лежитъ. И до той поры пока онъ вамъ всѣмъ воли моей не объявитъ, никакихъ новшествъ здѣсь не вводить, слышишь? Какъ кто теперь живетъ при мнѣ, такъ пусть и безъ меня. Въ домѣ Мареинька, Варвара, Митинька, все чтобъ имъ было готово и подано. Мареиньку за барышню почитать и беречь, слышишь?

— Какъ повелишь такъ и будетъ, сударыня,—съ трудомъ вымолвилъ дрожащими губами старикъ.

Строгое выраженіе на лицѣ умирающей смягчилось немного.

— Ну, и смотри же! Вѣдь я васъ знаю, рады повольничать... на свою же голову. Распустить людишекъ не долго, а какъ ихъ потомъ соберешь да на разумъ наставишь, какъ воли-то понюхаютъ хоть день одинъ...

Голосъ ея оборвался и она довольно долго пролежала съ закрытыми глазами, съ трудомъ переводя дыханіе, дѣлавшееся съ минуты на минуту все тяжелѣе и тяжелѣе, а затѣмъ чуть слышно спросила:

— Проѣзду все нѣту?

— Нѣту, сударыня, нѣту.

— Ну, значитъ такъ Богу угодно наказать меня за грѣхи.

И снова собравшись съ силами, продолжала, хотя и тихимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Тамъ въ бюро есть и про Мареиньку, а ты все-таки на словахъ скажи молодому барину, чтобъ онъ ее пожалѣлъ. Женатый можетъ онъ сюда пріѣдетъ, съ молодой супругой, намекъ такой былъ въ его послѣднемъ письмѣ про то, что дѣвица одна ему нравится, которую тетка Ратморцева, Татьяна Михайловна, взялась ему сватать... Какъ тамъ Богъ дастъ, а если женатымъ къ вамъ пріѣдетъ, ты и ее тоже попроси, молодую-то барыню, чтобы въ память мою къ Мареинькѣ милостива была. Служи имъ какъ служилъ мнѣ, и милостью моей за то оставленъ не будешь... Подумала я объ васъ о всѣхъ, никого не забыла... Дождитесь только пріѣзда молодого барина и тогда, Богъ дастъ, добромъ меня помянете... А пріѣдетъ онъ сюда не раньше весны... Да раньше ему и не для чего здѣсь быть... По хозяйству и на фабрикѣ, отданъ Өедоту приказъ на годъ... А къ похоронамъ моимъ молодому барину все равно не поспѣть... Какъ меня хоронить, про то я скажу попу, какъ придетъ меня соборовать, а тебѣ вотъ мой приказъ: соблюди, чтобы на поминкахъ дворовая челядь не перепилась до безобразія. Мужики и фабричные, тѣ по дальнымъ избамъ въ село разбредутся, этихъ я не опасаюсь, а тѣ, что при домѣ, да въ ближнихъ флигеляхъ живутъ, тѣ пусть себя соблюдутъ, чтобы, Боже храни, дьячковъ, Крамаря съ Алтыновымъ, въ соблазнъ не вводить!.. Имъ отъ меня будетъ приказано сорокъ дней и сорокъ ночей попеременно псалтырь въ церкви читать надъ тѣмъ мѣстомъ, куда гробъ

мой опустятъ, такъ чтобы все это чинно дѣлалось, а не съ лѣнью и пьянствомъ... Да и передъ чужими господами, что пріѣдутъ меня хоронить, не гоже, скажутъ: не успѣла Мароа Григорьевна Воротынцева глаза закрыть, а ужъ людишки ея перепились да безобразничаютъ....

Отпустивъ Самсоныча, Мароа Григорьевна послала за Өедотомъ, воротынцевскимъ старостой и дала ему наставленіе, какъ поступать послѣ ея смерти, пока молодой баринъ не пріѣдетъ. А потомъ, переговоривъ съ нимъ обо всемъ обстоятельно, приказала сказать священнику, что желаетъ собороваться.

Церемонія происходила весьма торжественно, въ присутствіи толпы болѣе чѣмъ въ тысячу человѣкъ. Собралось бы въ барскій дворъ народу еще болѣе, еслибы былъ проѣздъ изъ сосѣднихъ деревень и хуторовъ. Барыня приказала всѣхъ пускать, кто захочетъ съ нею проститься и помолиться вмѣстѣ съ нею въ послѣдній разъ.

Стоять уже она не могла и всю службу провела сидя поперекъ своей широкой кровати, опираясь спиной о подушки, въ кружевныхъ наволочкахъ. Сама она была вся въ бѣломъ, очень нарядная, зажженную свѣчку въ рукахъ держала твердо и зорко посматривала по сторонамъ, все ли такъ дѣлается, какъ слѣдуетъ.

Бархатный пологъ съ золотой бахрамой у кровати, выдвинутой, для этого торжественнаго случая, на средину покоя, былъ со всѣхъ сторонъ приподнятъ и изо всѣхъ дверей, растворенныхъ настежь въ сосѣднія комнаты и коридоры, тѣснились головы.

Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть въ послѣдній разъ на барыню.

Өедосья Ивановна слѣдила за порядкомъ: тѣхъ, что насмотрѣлись, отпихивала назадъ, а другихъ впередъ выводила, чтобы никому не было обидно и чтобы всякому, хоть на минуточку, удалось взглянуть въ послѣдній разъ на ту, отъ которой столько лѣтъ зависѣла его судьба.

Когда умирающая, низко кланяясь на всѣ четыре стороны, стала просить громкимъ и твердымъ голосомъ православныхъ, чтобъ отпустили ей вольныя и невольныя ея противъ нихъ прегрѣшенія и молились за упокой ея грѣшной души, слова эти, передаваемыя изъ устъ въ уста взволнованнымъ шопотомъ, въ одно мгновеніе облетѣли всю толпу, начиная отъ тѣхъ, которымъ удалось проникнуть въ барскія хоромы и кончая тѣми, которые за тѣснотой, дальше лѣстницы и крыльца добраться не смогли, и такой поднялся вопль, что далеко его было слышно.

Н. Мердеръ (Северинъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТКИ ИМПЕРАТОРТКИХЪ ТЕАТРОВЪ Д. М. ЛЕОНОВОЙ [1].

IV.

Концертъ въ Варшавѣ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Объясненіе съ министромъ двора графомъ Адлербергомъ. — Его желаніе, чтобы я осталась на службѣ.—Появленіе мое въ оперѣ «Русалка».—Новый директоръ театровъ Сабуровъ.—Возобновленіе со мной контракта.—Появленіе мое въ Москвѣ въ роли Азучены въ оперѣ «Трубадуръ».—Успѣхъ мой въ этой роли.—Исторія постановки «Трубадура» въ Петербургѣ.—Интриги Ѳедорова и капельмейстера Лядова. — Непріязненныя отношенія ко мнѣ Сѣтова. — Столкновеніе съ нимъ. — Случай со мной въ Кронштадтѣ.—Пѣвецъ Никольскій. — Его поступокъ со мной.

ВОЗВРАЩАЯСЬ въ Петербургъ, мнѣ не хотѣлось проѣхать Варшаву, этого музыкальнаго города, сужденіе котораго могло бы только увеличить мою извѣстность.

Въ Варшавѣ я остановилась въ «Grand Hôtel» самой хорошей гостинницѣ города. Появились тотчасъ же знакомые. Я выразила желаніе дать концертъ. Но мнѣ посовѣтывали поговорить предварительно объ этомъ съ нѣкоторыми поляками, понимавшими положеніе дѣлъ того времени, такъ какъ это было наканунѣ польскаго возстанія 1862 года. Поляки высшаго круга, къ которымъ я обратилась за совѣтомъ, прямо отговаривали меня давать концертъ, потому что я, какъ русская, рисковала попасть подъ непріятность. Но желая сдѣлать мнѣ угодное, они нашли болѣе удобнымъ устроить

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 120.

частнымъ образомъ музыкальный вечеръ въ роскошной залѣ того же отеля, куда приглашены были извѣстные варшавскіе тузы и цѣнители музыки; тамъ присутствовалъ также талантливый композиторъ Монюшко. Такое устройство вечера предохранило меня отъ какой-нибудь выходки, могущей меня шокировать, и на другой день появились въ газетахъ, какъ нельзя болѣе лестные, отзывы о моемъ пѣніи и голосѣ.

Первымъ дѣломъ моимъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, было—купить оперу «Жизнь за царя», чтобы послать ее въ Парижъ къ Корвало. Стелловскій, въ магазинѣ котораго я купила ее, предложилъ мнѣ отправить ноты прямо изъ магазина и потомъ передать мнѣ почтовую квитанцію. Какова же была моя досада, когда я, пріѣхавъ къ Стелловскому за квитанціей, услышала, что онъ затерялъ ее; впослѣдствіи оказалось, что оперу въ Парижѣ не получали [1]).

Письмо Ѳедорова, полученное мною въ Парижѣ, заставило меня, по возвращеніи въ Петербургъ, поступать осмотрительно, чтобы оградить себя отъ дальнѣйшихъ непріятностей, и потому я, никому ничего не говоря, отправилась къ министру двора, графу Адлербергу, объяснила ему все, и онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы я потрудилась продолжать службу. Не знаю какъ это было объяснено моему начальству, но только, въ непродолжительномъ времени, мнѣ назначили пѣть «Русалку» Драгомыжскаго. Мнѣ не совсѣмъ пріятно было выступить въ «Русалкѣ», такъ какъ партія моя въ этой оперѣ была недостаточно эфектна для появленія въ первый разъ по возвращеніи изъ-заграницы. Конечно, публика, не смотря на это, все-таки встрѣтила меня рукоплесканіями, букетами и вѣнками, а въ газетахъ говорили, что съ голосомъ моимъ положительно совершилось что-то необыкновенное и что я сдѣлала громадные успѣхи въ пѣніи и игрѣ. Въ это время перемѣнился директоръ театровъ: вмѣсто Гедеонова былъ назначенъ Сабуровъ. Тогда же возобновили мой контрактъ; жалованье осталось тоже—600 рублей, 5 рублей поспектакльной платы и бенефисъ.

Я стала подумывать какъ бы пріобрѣсти для моего бенефиса оперу «Трубадуръ» и на мое счастіе узнала, что переводъ «Трубадура» на русскій языкъ сдѣланъ уже Рудневымъ въ Москвѣ. Доставъ его, я начала разучивать партію Азучены. Въ это время, какъ разъ меня командировали на мѣсяцъ въ Москву, гдѣ въ русской оперѣ былъ большой недостатокъ въ пѣвицахъ. Я пробыла тамъ гораздо болѣе срока моей командировки и такъ какъ въ это время тамъ поставили «Трубадура», то я и пѣла Азучену.

«Трубадуръ» на русскомъ языкѣ произвелъ въ Москвѣ громадное впечатлѣніе. Рецензіи были самыя лестныя. Между прочимъ

---

[1]) Можетъ быть, г. Стелловскій поступилъ такъ потому, что боялся перепечатки этой оперы.

много говорили о типѣ, который я придала Азученѣ. Въ этомъ мнѣ также много помогла моя заграничная поѣздка. Надо замѣтить, что до отъѣзда еще моего за-границу, Азучену играла въ Петербургѣ въ италіанской оперѣ Демерикъ-ля-Блашъ. Публика восторгалась ею и, вѣроятно, я старалась бы подражать ей и гримировалась бы также, если бы не случай, который далъ мнѣ поводъ обдумать типъ Азучены поглубже.

Какъ разъ наканунѣ пріѣзда моего въ Парижъ, шелъ «Трубадуръ» и Азучену пѣла Демерикъ-ля-Блашъ. Газеты, къ удивленію моему, разнесли въ пухъ и прахъ типъ, который она придала Азученѣ. Нельзя было не согласиться съ мнѣніемъ рецензентовъ, что никогда Азучена не могла быть такою, какою Демерикъ-ля-Блашъ представляла ее. Главнымъ образомъ, она не должна быть такъ заграмирована; Азучена не должна была быть такой старой, такой дрожащей. Всѣ эти замѣчанія я приняла къ свѣдѣнію и стала обдумывать эту роль. Тщательно прочитавъ либретто, я обратила вниманіе на то, что графъ Луно, спрашивая цыганку, говоритъ: «15 лѣтъ тому назадъ было событіе». Соображаясь съ этимъ, рецензенты были конечно правы, что цыганкѣ этой самое бо́льшое могло быть 40, 45 лѣтъ, а не 80, какъ изображала ее Демерикъ-ля-Блашъ. На этомъ основаніи, я создала типъ энергичной цыганки, смуглой и съ черными волосами, женщины еще въ полной силѣ. Когда извѣстный италіанскій пѣвецъ Тамберликъ увидалъ меня въ этой роли, то назвалъ меня «королевой Азученъ».

Во время пребыванія моего въ Москвѣ, въ Петербургѣ сгорѣлъ циркъ, въ которомъ давались оперы, такъ что, когда я пріѣхала въ Петербургъ, оперы шли только въ Александринскомъ театрѣ.

Имѣвъ въ Москвѣ такой громадный успѣхъ въ роли Азучены, я просила новаго директора, чтобы въ мой бенефисъ поставили въ Петербургѣ «Трубадура». Директоръ разрѣшилъ, приказалъ распорядиться о высылкѣ изъ Москвы нотъ съ переводомъ всѣхъ партій; но, благодаря Ѳедорову, вышло такъ, что нотъ не высылали очень долго. Тогда, предвидя что по этому поводу возникнутъ еще большія интриги, я попросила мужа съѣздить въ Москву. Ему дана была бумага на полученіе нотъ отъ дирекціи, въ томъ предположеніи, что ноты уже написаны. Оказалось, что не только ноты не написаны, но тамъ ничего даже не знаютъ объ этомъ. Чтобы подвинуть дѣло, мужъ мой заплатилъ за все и черезъ недѣлю привезъ всѣ партіи. Ѳедоровъ былъ не мало удивленъ этимъ сюрпризомъ. Но дѣлать нечего, роли раздаются. Вдругъ начальникъ репертуара заявляетъ, что партію графа Луно играть некому. Я же, проученная безконечными интригами, предвидѣла это и раньше еще позаботилась объ артистѣ на эту роль, именно предложила ее пѣвцу Гумбину, который съ удовольствіемъ взялъ на себя роль графа Луно. Ѣду къ директору, объясняю ему все и говорю о Гум-

бинѣ. Директоръ былъ очень радъ за меня. Пріисканіе графа Луно устранилось. Назначаютъ репетиціи на сценѣ Александринскаго театра. Начинаютъ устроивать декораціи; все, кажется, идетъ хорошо. Но мнѣ все не вѣрится, чуется что-то не ладное,—оно такъ и вышло.

Декораторъ, конечно подговоренный, объявляетъ, что у него нѣтъ декорацій, подходящихъ для постановки «Трубадура». Услыхавъ это, я бросилась къ директору съ словами: «Ваше превосходительство, я вамъ говорила, что «Трубадуръ» не пойдетъ, и «Трубадуръ» не идетъ!» Онъ такъ былъ удивленъ этимъ, что соскочилъ съ мѣста.—«Почему?»—спрашиваетъ онъ. Я объяснила ему, что декораторъ не находитъ подходящихъ декорацій. Директоръ страшно разсердился. — «Поѣзжайте домой, «Трубадуръ» будетъ идти»,—сказалъ онъ. Затѣмъ призываетъ къ себѣ декоратора и задаетъ ему два вопроса: почему не можетъ идти «Трубадуръ» и сколько лѣтъ служитъ декораторъ при театрѣ? На первый вопросъ отвѣтъ уже извѣстенъ, на второй декораторъ отвѣчалъ: 18 лѣтъ. Тогда директоръ приказалъ ему: «Декораціи найти, замѣнить требуемое чѣмъ-нибудь подходящимъ, гдѣ нужно садъ, тамъ русскій огородъ, гдѣ дворецъ—избу, гдѣ тюрьму—что хотите поставьте, но чтобы «Трубадуръ» шелъ, иначе получите отставку безъ пенсіи».

Послѣ такого энергичнаго приказанія нашлось все. Для перваго раза и для Александринскаго театра опера поставлена была отлично и имѣла большой успѣхъ. Рецензенты превозносили меня; такъ, напримѣръ, Толстой Ростиславъ, критикъ изъ тѣхъ, которые говорили обо мнѣ прежде, что я способна пѣть только русскія пѣсни, разбирая мое пѣніе и мою игру въ «Трубадурѣ» говорилъ: «Я беру мои слова назадъ и извиняюсь передъ этой артисткой». Похваламъ его не было конца. «Артистка эта,—говоритъ онъ,—долго искала оплотъ и, наконецъ, твердой ногой стала на него; чтобы такъ исполнить Азучену, выше нельзя идти въ оперномъ искусствѣ».

Съ этихъ поръ интриги моихъ враговъ усилились еще болѣе. Вскорѣ послѣ «Трубадура» ставилась опера «Марта», гдѣ мнѣ должна была быть роль, но Ѳедоровъ тщательно отстаивалъ, чтобы мнѣ не давать ее. Такъ какъ другого контральто, способнаго замѣнить меня, не было, то онъ, лишь бы только я не играла, назначилъ на эту роль сопрано. Не желая давать мнѣ хода, Ѳедоровъ старался возстановить противъ меня тенора Сѣтова, который въ то время имѣлъ громадное значеніе въ оперномъ дѣлѣ. Еще до отъѣзда моего за-границу, Сѣтовъ пріѣхалъ изъ-за границы въ Петербургъ и взялся ставить въ русскомъ переводѣ иностранныя оперы. Я тогда пѣла у него Лукрецію. Хотя роль эта написана для сопрано, но Сѣтовъ не находилъ въ персоналѣ русской оперы подходящаго сопрано и счелъ болѣе удобнымъ дать эту роль мнѣ

по обширности діапазана моего голоса, и не ошибся. Успѣхъ былъ полный. Въ то время въ италіанской оперѣ въ Петербургѣ роль эту играла Гризи, и я стараясь подражать ей, думала, что копирую ее, но критики мои нашли, что въ пѣніи моемъ и въ моей игрѣ была большая доля собственнаго моего характера, и исполненіе вполнѣ соотвѣтствующее этой роли. Теперь же Ѳедоровъ такъ удачно дѣйствовалъ противъ меня, что мнѣ долгое время приходилось ограничиваться весьма небольшимъ репертуаромъ, несмотря на всегдашніе горячіе пріемы публики и лестные отзывы рецензентовъ. Какая бы новая опера ни ставилась, роли для меня не было, такъ что въ концѣ концовъ я осталась съ одной оперой «Жизнь за царя», которая буквально поддерживала меня, иначе я совершенно бы истомилась. Всякій разъ, когда шла опера «Жизнь за царя» публика своимъ вниманіемъ и пріемомъ какъ бы выражала желаніе—видѣть меня чаще. Но тѣ, отъ кого это зависѣло, не хотѣли этого понимать. Однажды, пріѣхалъ ко мнѣ одинъ любитель, Лисицинъ, и спросилъ меня: «Почему вы мало играете; мы васъ не видимъ совсѣмъ?» Я объяснила ему, что это зависитъ не отъ меня, что я задавлена интригой. Желая ободрить меня, онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ фортепіано и сказалъ: «Вотъ каковъ долженъ быть отвѣтъ вашъ на всѣ эти интриги», и пропѣлъ разныя вокализы. «Вамъ дѣлаютъ тамъ гадости,—продолжалъ онъ,—а вы отвѣчайте имъ вашими занятіями, и повѣрьте, что въ концѣ концовъ вы достигнете, чего желаете». Никогда не забуду этого справедливаго совѣта. Дѣйствительно, когда всѣ protégés начали уже терять голосъ, у меня, отъ постоянныхъ занятій, онъ дѣлался только сильнѣе. И однако же, не смотря на это, появиться въ какой-нибудь новой роли было для меня великимъ затрудненіемъ. Даже выборъ оперы для своего бенефиса, на что всякій артистъ имѣетъ право, не удавался мнѣ, потому что начальникъ репертура, зная въ какой роли я могу болѣе выиграть, не давалъ мнѣ такой оперы; наконецъ, я поставлена была въ необходимость хитрить, чтобы достигнуть своего, именно хвалила тѣ оперы и роли, которыя мнѣ не нравились и наоборотъ. Этотъ маневръ мнѣ удавался и я начала получать тѣ роли, которыя дѣйствительно желала исполнять.

Читатель можетъ спросить, почему въ службѣ моей являлись все такія неудачи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо объяснить различныя обстоятельства и совпаденія. Начало положено было начальникомъ репертуара Ѳедоровымъ. Я уже говорила, почему онъ сталъ моимъ врагомъ и продолжалъ держать себя таковымъ относительно меня, во все время моей и своей службы и даже до самой смерти. Къ этому присоединились интриги противъ меня другимъ личностей; такъ, напримѣръ, капельмейстеръ Лядовъ не сочувствовалъ моимъ успѣхамъ, потому что конкурентка

моя по ролямъ, очень любимая имъ, была нелюбима публикой. Однако же, не смотря на послѣднее обстоятельство, она, благодаря покровительству Лядова, имѣла всегда преимущество передо мной, ей давались роли, которыя слѣдовали мнѣ. Я была тутъ совершенно безсильна, тѣмъ болѣе, что не умѣла никогда дѣйствовать окольными путями, а пути эти примѣнялись противъ меня. Кромѣ того, врагамъ моимъ удалось посредствомъ сплетень возстановлять противъ меня Сѣтова, отъ котораго въ то время зависѣла постановка и весь ходъ русской оперы. Если присоединить къ этому различныхъ персонажей, которыя завидовали моимъ успѣхамъ въ публикѣ, то, ясно будетъ видно, была ли у меня возможность бороться. Бывали вещи, можно сказать, вопіющія. Такъ, однажды, Сѣтовъ заболѣлъ; существованіе наше, значитъ, остановилось также, потому что главныя средства къ жизни составляли разовыя деньги, ибо жалованье было крайне скудное и жить на него было невозможно. Я въ то время получала уже 25 рублей разовыхъ. Болѣзнь Сѣтова, слѣдовательно, принесла громадный убытокъ всѣмъ артистамъ, и уже поэтому одному всякій изъ насъ отъ души желалъ скорѣйшаго выздоровленія Сѣтова. Наконецъ, онъ выздоравливаетъ и назначается его бенефисъ. Ставились «Гугеноты» въ первый разъ на русскомъ языкѣ. Мнѣ дали роль пажа. Назначаютъ репетицію, гдѣ въ первый разъ послѣ болѣзни долженъ появиться Сѣтовъ. Ѣхавъ на репетицію, я отъ души радовалась, какъ вѣроятно и всѣ другіе, что Сѣтовъ выздоровѣлъ. Каково же было мое удивленіе: является Сѣтовъ, и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: «Я живъ, пожеланія ваши не исполнились!» Выходка эта до такой степени поразила меня, что тутъ же, на репетиціи, мнѣ сдѣлалось дурно, и меня увезли домой въ болѣзненномъ состояніи. Успокоившись, я попрежнему исполняла мои обязанности и когда, черезъ нѣсколько дней, опять назначили репетицію «Гугенотовъ», я, конечно, волей-неволей, должна была участвовать. Непріятное столкновеніе мое съ Сѣтовымъ вызвало въ какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ друзьяхъ моихъ отпоръ, который вмѣсто пользы повелъ только къ еще бо́льшимъ для меня непріятностямъ. Эти неизвѣстные друзья мои оказали мнѣ медвѣжью услугу. Дѣло произошло такъ: бенефисъ Сѣтова назначенъ былъ на Рождествѣ. Наканунѣ приносятъ мнѣ неизвѣстно отъ кого свертокъ нотъ. На вопросъ мой: «отъ кого?» — прислуга отвѣчала, — что посланный велѣлъ только передать мнѣ, не сказавъ отъ кого. Въ сверткѣ оказался романсъ, слова котораго были странны и непонятны для меня. Названіе его: «Подарокъ на елку». Виньетка сдѣлана была отъ руки. Содержаніе текста приблизительно слѣдующее: «Нашего соловушку не возлюбилъ коршунъ, и коршуну этому отомстимъ ужасно». Написано было стихами. Я не обратила вниманія на значеніе этого текста, мнѣ рѣшительно не пришло

въ голову, чтобы слова эти имѣли какую-нибудь заднюю мысль. Впослѣдствіи же оказалось, что смыслъ ихъ касался прямо отношеній Сѣтова ко мнѣ. Когда, въ день бенефиса Сѣтова, всѣ артисты собрались въ театрѣ, готовились и одѣвались, въ уборную мою прибѣгаютъ и говорятъ, что Сѣтову подали какую-то шкатулку, которая, еслибъ онъ раскрылъ ее, могла бы нанести ему вредъ. Никого, навѣрное, не могла поразить эта вѣсть такъ, какъ меня. Тотчасъ же пришло мнѣ въ голову, что нѣтъ ли тутъ какого-нибудь соотношенія съ словами романса, поднесеннаго мнѣ неизвѣстнымъ лицомъ наканунѣ Рождества, подъ названіемъ «Подарокъ на елку». Никто, конечно, не страдалъ въ эту минуту такъ, какъ я. Если бы могла я предвидѣть что-нибудь подобное, то, конечно, употребила бы всѣ усилія, чтобы не допустить такого низкаго поступка. Мнѣ это прискорбно было тѣмъ болѣе, что взглядъ мой на искусство всегда былъ слишкомъ высокъ, чтобы сочувствовать подобнымъ продѣлкамъ. Я любила сцену. Это былъ мой кумиръ. Для всякаго истиннаго артиста сцена представляетъ изъ себя какъ бы святилище искусства, куда не должны проникать никакіе недостойные поступки, каковы бы ни были отношенія дѣйствующахъ лицъ. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, это бываетъ иначе, и у насъ сцена представляетъ изъ себя арену интригъ, что испытали многіе, что чувствовала и я на себѣ и что всегда противно было моей натурѣ и моимъ убѣжденіямъ. И въ данномъ случаѣ нанесеніе такого оскорбленія, какое сдѣлано было Сѣтову, гдѣ бы и кому бы то ни было, не заслуживаетъ никакого оправданія и, конечно, уже никакимъ образомъ не согласовалось съ моими понятіями. Неизвѣстные мои друзья оказали мнѣ плохую услугу, потому что Сѣтовъ говорилъ и прямо утверждалъ, что сдѣлала это я.

Каково было выносить все это, всѣ эти интриги, обвиненія безъ всякой причины, безъ всякаго основанія!

Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, что закулисная жизнь театра полна интригъ. Самолюбіе, зависть, жажда успѣховъ, какими бы путями они не доставались, доводятъ людей до поступковъ, не имѣющихъ оправданія и горе тѣмъ изъ артистовъ, которые стоятъ на высотѣ истинныхъ служителей искусства.

Припомнить всѣ интриги, которыя мнѣ приходилось переносить, невозможно; я приведу здѣсь лишь одинъ фактъ, какъ примѣръ закулисной пошлости.

Мнѣ часто приходилось давать концерты въ Кронштадтѣ. Моряки очень любили меня и часто приглашали. Всякій разъ, когда я тамъ пѣла, концертная зала бывала совершенно полна. Врагамъ моимъ это не нравилось и вотъ что одинъ разъ устроили они мнѣ. Я приглашена была въ Кронштадтъ. Надо сказать, что за недѣлю до назначеннаго моего концерта пѣла тамъ артистка, къ которой

нашъ капельмейстеръ былъ такъ расположенъ и концертъ ея вышелъ и въ матеріальномъ отношеніи и въ отношеніи успѣховъ неудачнымъ. Зная, что съ моимъ концертомъ будетъ совершенно противное, недруги мои подговорили Кэра, въ типографіи котораго въ Кронштадтѣ всегда печатались афиши и билеты, чтобы онъ не выпустилъ своевременно ни того, ни другого.

Въ назначенный часъ я пріѣзжаю въ Кронштадтъ. Собраніе освѣщено. Я вхожу, жду публику, ея нѣтъ! Забрели, увидавъ освѣщеніе, человѣкъ 15, 20 и только. Ничего не понимая, я удивляюсь, что публики почти нѣтъ. Посылаю спросить этихъ немногихъ, сидящихъ въ залѣ, не знаютъ ли они чего-нибудь. Оказывается, что афишъ въ городѣ не было. Дальнѣйшія справки указали мнѣ истину. Ждать слѣдовательно было нечего, и такъ какъ ни въ чемъ неповинные присутствующіе, при входѣ заплатили и дожидались, то я рѣшилась все-таки дать концертъ.

По окончаніи перваго отдѣленія, мнѣ приносятъ штукъ 400, 500 афишъ. Я спрашиваю:

— Зачѣмъ же это мнѣ? Нужно было разослать, а вы приносите сюда!

Мнѣ отвѣчаютъ:

— Это дѣло не наше, а потрудитесь отдать деньги.

Денегъ требуютъ къ тому же вдвое болѣе обыкновеннаго. Я увѣрена, что всякій на моемъ мѣстѣ раздражился бы.

— Если такъ,—говорю я,—афиши не были готовы во время, то я и платить не обязана вовсе.

Но не желая болѣе разговаривать съ этими людьми, отдаю за афиши столько, сколько платила всегда и афиши возвращаю. Посланный бросаетъ мнѣ деньги и говоритъ, что не возьметъ того, что я даю, а требуетъ двойную сумму. Меня страшно взорвало все это и я сказала ему, что если онъ не желаетъ взять того, что я даю и что дѣйствительно слѣдуетъ, то не дамъ ничего, и деньги эти тутъ же роздала служащимъ при собраніи.

Два дня спустя пришлось мнѣ участвовать въ студенческомъ концертѣ въ Петербургѣ и вдругъ мнѣ говорятъ: «Что за гадость напечатана про васъ въ «Сѣверной Пчелѣ»? Читаю слѣдующее: «Честь имѣю объявить всѣмъ артистамъ, что если кто изъ нихъ желаетъ давать въ Кронштадтѣ концерты, то высылали бы за афиши деньги впередъ, такъ какъ была здѣсь г-жа Леонова и денегъ мнѣ не заплатила». Это еще не все; черезъ день, въ этой же газетѣ появляется продолженіе: «Честь имѣю объявить, что за г-жу Леонову деньги внесены артистами императорской русской оперы». Тогда у меня не хватило уже болѣе силъ молчать и дерзость эта вызвала съ моей стороны отпоръ. Такъ какъ меня оскорбляли въ печати, то я и отвѣчала печатно такимъ образомъ: «Напрасно артисты трудились вносить за меня деньги. Еслибъ я точно не вне-

сла или отказывалась платить, то г-нъ Кэръ могъ бы требовать съ меня деньги судебнымъ порядкомъ, а не имѣлъ никакого права оскорблять меня печатно». При этомъ я привела нѣкоторые оскорбительные факты, проистекавшіе отъ моихъ недоброжелателей, какъ, напримѣръ: однажды пріѣхалъ ко мнѣ знакомый изъ Москвы. Въ этотъ день шла опера «Жизнь за царя». Онъ заѣзжалъ въ кассу и тамъ сказали ему, что нѣтъ ни одного билета. Господинъ этотъ очень досадовалъ, что не будетъ въ театрѣ. Тогда я послала къ кассиру своего кучера съ запиской, просила прислать мнѣ, если есть, одинъ изъ запасныхъ билетовъ, которые обыкновенно бывали. Отдавая мнѣ билетъ, кучеръ сказалъ: «Барыня, я видѣлъ тамъ одного изъ вашихъ актеровъ, который сказалъ мнѣ—это вѣрно ты будешь сидѣть на этомъ мѣстѣ»—и при этомъ улыбнулся. Вечеромъ въ спектаклѣ вижу я, что этотъ самый артистъ стоитъ между кулисами и въ то время, когда публика сильно вызывала меня, онъ позволяетъ себѣ почти въ глаза мнѣ говорить: «ишь, кучеровъ-то насадила»!

Такъ вотъ этотъ фактъ и подобные ему привела я въ напечатанномъ мною отвѣтѣ на оскорбительную выходку Кэра, настроеннаго противъ меня. Я сдѣлала это для того, чтобы показать публикѣ, какъ нѣкоторые товарищи по службѣ, изъ зависти, дѣйствовали противъ меня.

Кромѣ того, я поѣхала къ князю Суворову, бывшему тогда генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ, объяснила ему всю исторію съ Кэромъ, желая и этимъ поступкомъ показать артистамъ, до чего наконецъ они могутъ довести своими гнусными выходками.

Дѣло приняло тогда другой оборотъ. Кэра привлекли къ отвѣтственности, такъ какъ онъ не имѣлъ права упоминать моего имени печатно, а долженъ былъ, если считалъ меня неправой, повести дѣло другимъ порядкомъ, и за оскорбленіе моей личности ему предстояло трехмѣсячное тюремное заключеніе. Важнѣе же всего то, что на допросѣ онъ объяснилъ, что къ поступку этому его уговорили капельмейстеръ Лядовъ и другіе артисты.

Удовлетворенная такимъ оборотомъ, я, разумѣется, не пожелала, чтобы Кэръ сидѣлъ въ тюрьмѣ и прекратила дѣло.

Интрига до такой степени всосалась въ театральномъ мірѣ, что какъ бы ни были хороши отношенія артистовъ между собою, на прочность этихъ отношеній никогда нельзя разсчитывать. Примѣромъ этого могу привести здѣсь кстати поступокъ со мной тенора Никольскаго.

Теноръ Никольскій былъ обязанъ мнѣ поступленіемъ своимъ на императоскій театръ. Передъ публикой онъ появился въ первый разъ въ студенческомъ концертѣ, гдѣ пѣлъ романсъ «Скажите ей». Второй разъ онъ участвовалъ въ моемъ концертѣ и пѣлъ уже оперныя сцены: квартетъ изъ «Риголето», тріо изъ «Жизни за

царя». Концертъ мой былъ великимъ постомъ въ Александринскомъ театрѣ. Послѣ этого концерта, дирекція предложила Никольскому поступить на сцену на выгодныхъ условіяхъ. Онъ служилъ тогда въ капеллѣ, гдѣ до пенсіи надо прослужить 35 лѣтъ, въ театрѣ же только 20. Кромѣ того, ему предложили перейти въ театръ съ тѣмъ, чтобы засчитать прослуженное имъ въ капеллѣ время. Жалованья назначили 2000 рублей и 50 рублей разовыхъ. Конечно, онъ не задумался принять это предложеніе. Переговоры шли черезъ меня; я передала дирекціи о его согласіи, а дня черезъ два Никольскій заѣзжаетъ ко мнѣ и говоритъ, что у него былъ теноръ С., который наговорилъ ему такіе ужасы про театръ, что онъ испугался и не рѣшается принять предложенія дирекціи. Но я съумѣла повліять на него такъ, что онъ сказалъ: «Пускай пишутъ контрактъ, я подпишу». Я сообщила объ этомъ дирекціи и Никольскій поступилъ въ русскую оперу, гдѣ, какъ извѣстно, имѣлъ большой успѣхъ.

Отношенія наши повидимому были самыя дружескія; онъ видѣлъ во мнѣ человѣка, который, кромѣ добра, ничего не желалъ ему. И вотъ черезъ годъ послѣ его поступленія я давала въ театрѣ концертъ и просила его участвовать. Онъ согласился. Въ программѣ поставлены были ансамбли. Вдругъ, наканунѣ концерта, Никольскій присылаетъ мнѣ отказъ, не объясняя его ни болѣзнью, ни другой какой причиной, и требуетъ, чтобы съ афиши снято было непремѣнно его имя. Билеты были всѣ уже проданы, и я затруднялась исполнить его требованіе, боясь, чтобы изъ-за этого не возвратили билеты. Однакоже, надо было это сдѣлать, фамилію его съ афиши я сняла—и не смотря на это ни одного билета не было возвращено.

Впослѣдствіи, когда начались и противъ Никольскаго интриги, онъ объяснилъ мнѣ свой поступокъ слѣдующимъ образомъ: за два дня до моего концерта, онъ былъ на вечерѣ, гдѣ находился также капельмейстеръ Лядовъ и гдѣ послѣдній и уговорилъ его сдѣлать эту гадость, расчитывая конечно поднять въ публикѣ цѣлую бурю противъ меня и побудить купившихъ билеты на мой концертъ, возвратить ихъ. Но, какъ я сказала, интрига не удалась, и билетовъ не возвратилъ никто.

V.

Оперы, которыя ставились со мною.—Отношенія ко мнѣ М. И. Глинки.—Разсказы о немъ.—Мнѣніе его о Даргомыжскомъ и Кашперовѣ.

Теперь разскажу о томъ, какъ относились ко мнѣ разные композиторы и какія оперы ставили со мною.

Опера «Русалка» А. С. Даргомыжскаго въ первый разъ ставилась, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, со мною. Я исполняла роль княгини. Когда при постановкѣ оперы хозяевами были сами композиторы, то всѣ контральтовыя роли отдавались мнѣ, не смотря ни на какія интриги. Опера «Русалка» ставилась въ Петербургѣ самимъ Дарогомыжскимъ. Арія княгини «Чу, кажется, трубятъ!» была настолько сильно оркестрована, что А. С. пришлось перемѣнить всю оркестровку, такъ какъ эту арію не было возможности пѣть. Даргомыжскій очень дорожилъ квартетомъ съ хоромъ во 2-мъ дѣйствіи «Не къ добру на свадьбѣ нашей» и мнѣ вспоминается указаніе его относительно темпа этого квартета: какой бы медленный темпъ мы ни брали, Даргомыжскій просилъ пѣть еще медленнѣе. Я упоминаю объ этомъ для того, что нѣкоторые капельмейстеры могутъ не знать желанія покойнаго композитора.

Опера «Мазепа» Фитингофа была вторая, поставленная со мною. Роль Орлика, по желанію композитора, была отдана мнѣ и потому недоброжелатели мои, конечно, употребили всѣ старанія, чтобы опера недолго удержалась на репертуарѣ.

Опера «Кроатка» Дютша поставлена была мною въ мой бенефисъ. Главная теноровая партія исполнялась Сѣтовымъ. Опера имѣла большой успѣхъ и такъ какъ успѣху содѣйствовало значительно мое пѣніе, то нашлись личности, которыя постарались, или, лучше сказать, ухитрились, сдѣлать такъ, чтобы опера эта шла всего только два, три раза и затѣмъ похоронили ее. Дѣло вышло такъ: въ день спектакля Сѣтовъ присылаетъ сказать, что боленъ. Нѣсколько времени спустя оперу назначаютъ опять. Театръ полонъ и опять передъ началомъ аннонсируютъ, что опера не пойдетъ. Такъ назначали эту оперу разъ пять и постоянно она почему-нибудь не шла, а когда назначили въ шестой разъ, то публики собралось менѣе, нежели полъ-театра. Этого-то именно и желали, потому что существуетъ правило: когда при повтореніи оперы не выручается извѣстная опредѣленная цифра сбора, оперу эту кладутъ подъ спудъ. Дютшъ былъ такъ огорченъ, что захворалъ и умеръ.

Опера «Наташа» или «Волжскіе разбойники», сочиненія Вильбоа, тоже поставлена была въ мой бенефисъ.

Опера «Рогнѣда» Сѣрова шла также со мной. Первое время я исполняла роль Скульды, такъ какъ партія Рогнѣды была напи-

сана композиторомъ для сопрано и для этой роли даже нарочно выписана была пѣвица изъ-за границы. Въ то же время композиторъ транспонировалъ разъ для меня балладу изъ «Рогнѣды» и я ее спѣла. Сѣрову до того понравилось мое исполненіе, что онъ рѣшился передѣлать роль Рогнѣды для меня. Когда въ тотъ же годъ я жила на собственной моей дачѣ, въ Ораніенбаумѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Сѣровъ пріѣхалъ ко мнѣ. Я была, конечно, очень рада принять его у себя и предложила ему съ женой и съ маленькимъ сыномъ помѣщеніе. Они оставались у меня до осени, и здѣсь Сѣровъ передѣлалъ партію Рогнѣды для моего голоса, а осенью я въ ней выступила. Эта партія необыкновенно выиграла въ контральтовомъ переложеніи и имѣла громадный успѣхъ.

Другая опера Сѣрова «Вражья сила» была также поставлена со мной. Когда Сѣровъ писалъ ее, то заранѣе восторгался, воображая, каково будетъ мое исполненіе роли Спиридоновны и не ошибся. Къ сожалѣнію, ему не пришлось видѣть этой оперы на сценѣ. Онъ умеръ, не отдѣлавъ ее вполнѣ и инструментовка послѣдняго акта, какъ извѣстно, докончена была, послѣ уже смерти Сѣрова, Соловьевымъ.

Опера «Ратклифъ» сочиненія Кюи ставилась въ Петербургѣ въ мой бенефисъ, имѣла огромный успѣхъ и также долго не удержалась, по всѣмъ вѣроятіямъ потому, что исполненіе мое роли Маргариты было слишкомъ для меня выгодно.

Двѣ картины изъ оперы «Борисъ Годуновъ» сочиненія Мусорскаго шли также со мной, и Мусорскій, живя у меня на дачѣ, работалъ надъ двумя другими своими операми «Хованщина» и «Сорочинская ярмарка» и тамъ ихъ окончилъ.

Опера «Гроза» Кашперова шла также со мной. Исполняя роль Варвары, я имѣла такой успѣхъ, что А. Н. Островскій, увидѣвъ меня въ этой роли, сказалъ мнѣ: «Я мечтаю въ драмѣ о такой Варварѣ, какую вы исполнили въ оперѣ». Арія «Ахъ ты, матушка родимая» выходила у меня особенно удачно.

Относительно иностранныхъ оперъ нечего и говорить, что я пѣла почти всѣ контральтовыя партіи въ операхъ, которыя шли во время моей службы, главная же моя роль была въ Лоэнгринѣ, партія Ортруды.

Послѣднее время мнѣ пришлось взять для ансамбля въ «Фаустѣ» роль Марты. Эта роль вышла у меня настолько удачна, что публика ожидала съ нетерпѣніемъ каждаго моего появленія, встрѣчала и провожала меня громомъ рукоплесканій. Кромѣ того, за исполненіе этой роли я удостоилась высочайшей похвалы: его высочество великій князь Константинъ Николаевичъ сказалъ мнѣ: «У великаго артиста нѣтъ маленькихъ ролей, вы это доказали, мастерски исполнивъ Марту. Мы и не знали, что можно изъ этой роли сдѣлать подобное».

Закончу главу эту воспоминаніями о М. И. Глинкѣ. Опера его «Жизнь за царя» была, какъ извѣстно читателямъ, первою оперою, въ которой я выступила на сцену въ роли Вани. Я уже говорила, что въ началѣ моей артистической дѣятельности М. И. Глинка передѣлалъ для моего концерта на голоса сочиненіе свое «Въ минуту жизни трудную» и романсъ Ѳедорова «Прости, прости, прелестное созданье!» Кромѣ этого, онъ написалъ для меня слѣдующія піесы: «Valse-fantaisie»; цыганскую пѣсню «Я пойду, пойду косить»; аккомпаниментъ къ цыганской пѣсни «Ахъ, когдабъ я прежде знала, что любовь родитъ бѣду». При этомъ онъ вспоминалъ знаменитую Стешу въ Москвѣ, разсказывая, что она была единственная цыганка, которая положительно увлекала его своимъ пѣніемъ. Меня онъ училъ исполнять въ его духѣ его романсы: «Утѣшеніе» и «Не говори, любовь пройдетъ». Послѣдній былъ его любимый. Изъ дуэтовъ любимымъ былъ: «Вы не придете вновь». При этомъ дуэтѣ онъ вспоминалъ какъ двѣ сестры, высокопоставленныя особы, вручили ему текстъ этого романса и просили его написать музыку. У М. И. Глинки бывала часто фрейлина Бартенева, и онъ часто заставлялъ меня пѣть съ ней этотъ дуэтъ.

Объ италіанской методѣ пѣнія М. И. Глинка выражался такъ: «Хотя мнѣ и не понутру италіанщина, но она необходима для обработки голоса».

М. И. Глинка задумалъ написать третью оперу и сюжетъ заимствовалъ изъ драмы «Двумужница». На эту мысль навело его мое исполненіе его произведеній. Я уже говорила, что мой голосъ очень нравился М. И. Глинкѣ, а главное онъ цѣнилъ во мнѣ умѣнье исполнять его музыку по одному его намеку. Главная роль «Двумужницы» предназначалась именно мнѣ. Опера, можно сказать, была готова; музыка сложилась у него и нужно было только составить либретто, а такъ какъ изъ прежнихъ знакомыхъ ему либретистовъ не было никого — кто умеръ, а кто уѣхалъ за границу, — то онъ обратился ко мнѣ, говоря: «Найдите мнѣ либретиста, я хочу написать третью оперу изъ «Двумужницы».

Обрадовавшись этому намѣренію, я была увѣрена, что и другіе также заинтересуются и обрадуются возможности имѣть еще оперу М. И. Глинки, но интрига не пощадила и этого человѣка, несмотря на его геній, и вотъ фактъ, лишившій насъ третьей оперы этого великаго композитора.

Я поѣхала къ Ѳедорову, думая и его обрадовать этимъ извѣстіемъ, а главное разсчитывая, что онъ укажетъ мнѣ хорошаго либретиста. Дѣйствительно, онъ указалъ—это былъ Василькò-Петровъ, который, какъ оказалось потомъ, не могъ удовлетворить желанію М. И. Глинки. Я же, увѣренная, что Ѳедоровъ рекомендуетъ достойнаго для М. И. Глинки либретиста, повезла тотчасъ же Василькò-Петрова къ уважаемому моему учителю.

М. И. Глинка былъ очень доволенъ, что я такъ скоро нашла нужнаго для него человѣка; онъ тотчасъ же началъ съ нимъ дѣло. Разсказалъ ему весь планъ оперы, объяснилъ свои желанія и совѣтовалъ какъ писать.

Начало дѣйствія предполагалось такъ: на сценѣ мать укачиваетъ своего ребенка, и опера начинается колыбельною пѣснею (которую предстояло пѣть мнѣ). М. И. Глинка тогда же предлагалъ мнѣ написать эту пѣсню, недожидаясь окончанія всей оперы, для того, чтобы я могла пѣть ее раньше; но я, не желая затруднять, отклонила его отъ этого, въ полной увѣренности, что у насъ будетъ цѣлая опера. Впослѣдствіи я была въ отчаяніи и жалѣю ужасно до сихъ поръ, что не воспользовалась этимъ предложеніемъ; по крайней мѣрѣ хотя бы эта пѣсня теперь существовала, такъ какъ опера осталась ненаписанною. Василькò-Петровъ настолько былъ некомпетентенъ въ дѣлѣ писанія, что не могъ исполнить удовлетворительно того, о чемъ говорилъ ему М. И. Глинка и дѣлалъ совсѣмъ иное, чтò-то несообразное, а самое главное по своему плану. Тогда М. И. Глинка просилъ меня найти ему другого либретиста, говоря: «Опера у меня вся тутъ, въ головѣ, дайте мнѣ только либретиста и черезъ мѣсяцъ опера готова».

Геніальность М. И. Глинки давала ему возможность создавать сразу и способъ его сочинять замѣчателенъ: онъ не писалъ клавираусцуга, а прямо всю партитуру и голосъ и оркестръ. И для такого-то композитора я не могла въ Петербургѣ найти либретиста! Ѳедоровъ конечно нарочно рекомендовалъ бездарнаго Василькò-Петрова, это несомнѣнно. Да и во мнѣ самой нѣкоторые желали поколебать вѣру въ геній М. И. Глинки. Капельмейстеръ Лядовъ, напримѣръ, когда я сообщила ему о затрудненіи найти хорошаго либретиста, говорилъ мнѣ, что М. И. Глинка уже исписался, что ничего больше онъ уже сдѣлать не можетъ. И другіе артисты поддерживали его въ этомъ, сама же я не могла имѣть самостоятельнаго взгляда; читатель знаетъ, какъ я сдѣлалась артисткой и, не сознавая того сама, поддавалась вліянію этихъ гнусныхъ и ложныхъ мнѣній. М. И. Глинка, не найдя себѣ хорошаго либретиста, уѣхалъ за границу и, такимъ образомъ, эта третья опера его осталась ненаписанною.

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о возвышенной натурѣ о объ особенностяхъ характера М. И. Глинки. Я бывала у него часто и видѣла слѣдовательно его въ частной жизни, гдѣ, конечно, всегда характеръ человѣка выражается яснѣе. Такъ, напримѣръ, разъ мнѣ не пришлось дня два быть у М. И. Глинки. Прихожу и вижу измѣненіе въ квартирѣ. До этого у него было два кабинета. Теперь одинъ кабинетъ, поменьше, преобразился въ клѣтку. Поставлена въ немъ рѣшетка, за которой полъ усыпанъ пескомъ, разставлены деревья и штукъ сорокъ пѣвчихъ птичекъ

разныхъ сортовъ поселены въ этой большой клѣткѣ. Было это въ мартѣ. На вопросъ мой, какъ это сдѣлалось въ такое короткое время и для чего, онъ отвѣчалъ: «Я устроилъ это для того, чтобы птички эти наводили меня на новыя сочиненія; мнѣ довольно одного чириканья какой-нибудь птички, чтобы создать изъ этого цѣлую музыкальную фантазію».

Въ другой разъ, прихожу и опять вижу измѣненіе въ квартирѣ. Надо замѣтить, что М. И. Глинка жилъ съ сестрой своей Людмилой Ивановной Шестаковой. Они занимали цѣлый этажъ; входъ направо къ ней, налѣво къ нему, а квартира была общая. Такъ, въ этотъ разъ, когда я пришла, вижу, что отъ передней отгорожена половина и устроена кухня, въ которой готовитъ новая кухарка. Дверь же къ сестрѣ заперта. Когда я спросила М. И. что это значитъ, онъ объяснилъ мнѣ, что пожелалъ пожить своимъ хозяйствомъ, потому что нашелъ прекрасную кухарку. Онъ пригласилъ меня обѣдать. Кухарка была шведка и дѣйствительно очень искусна. Обѣдъ былъ превосходный, приготовленъ лучше всякаго повара. Конечно, черезъ недѣлю или полторы все это уничтожилось и жизнь потекла попрежнему. Онъ говорилъ мнѣ, что соскучился о племянницѣ.

М. И. Глинка очень привязанъ былъ къ этой дѣвочкѣ. Геній его какъ бы переданъ былъ ей. Такъ, напримѣръ, ей было не болѣе пяти лѣтъ, когда М. И. написалъ для меня цыганскую пѣсню «Я пойду, пойду косить», и эта дѣвочка скорѣе меня заучила и слова и голосъ. Это замѣчательно, тѣмъ болѣе, что въ этой пѣснѣ есть варіантъ, который проходитъ около двухъ октавъ. Крошечнымъ своимъ голоскомъ она выпѣвала такъ вѣрно всѣ нотки, что просто поразительно было слушать; замѣчательно еще, что въ этомъ же возростѣ она уже пѣла совершенно вѣрно всѣ лучшіе мотивы изъ оперы «Русланъ и Людмила». Ей было 8—9 лѣтъ, и она пѣла эту оперу можно сказать отъ доски до доски, и хоры, и соло, все однимъ словомъ. Когда она начала учиться музыкѣ, въ ней проявлялись задатки генія М. И. Глинки. Къ сожалѣнію, дѣвочка эта прожила недолго, она умерла 14-ти лѣтъ отъ горловой болѣзни.

Творчество М. И. Глинки проявилось въ немъ въ раннемъ возростѣ; 14-ти лѣтъ онъ написалъ уже квартетъ, который всѣмъ очень нравился, но квартетъ этотъ, какъ помнится, говорилъ мнѣ М. И., не существуетъ.

Вотъ еще интересный фактъ, разсказанный мнѣ самимъ М. И. Глинкой: разъ онъ ѣхалъ на свою родину и около Смоленска ямщикъ его запѣлъ. Въ оперѣ «Жизнь за царя» есть мотивъ, который проходитъ почти въ каждой части оперы «Ахъ, не мнѣ бѣдному!» М. И. взялъ его прямо отъ ямщика, который на словѣ ахъ—слѣдующее: sol, mi, ci, la, sol, fis, la, sol, mi, ci, fis, sol.

Этого довольно было для М. И. Глинки, чтобы построить такую громаду, какъ увертюра къ оперѣ «Жизнь за царя» и тріо «Ахъ, не мнѣ бѣдному!»

Глинка былъ большой домосѣдъ. Очень трудно было уговорить его выѣхать куда-нибудь. Однажды, какъ-то удалось мнѣ увезти его къ себѣ на дачу, на Черной рѣчкѣ. Мы ѣхали въ коляскѣ и когда переѣзжали мостами черезъ Неву, солнце было низко на закатѣ. М. И. такъ восхищался, такъ наслаждался, точно ему никогда прежде не приходилось видѣть этой картины, точно въ первый разъ онъ чувствовалъ это наслажденіе. Я же была счастлива, что удостоилась принять у себя такого великаго человѣка.

Могу привести здѣсь мнѣніе Глинки о нѣкоторыхъ композиторахъ.

Даргомыжскій, по его мнѣнію, имѣлъ большой даръ къ комизму, и Глинка совѣтывалъ ему выбрать какой-нибудь комическій сюжетъ для оперы. Но Даргомыжскій несогласенъ былъ съ его мнѣніемъ и даже обижался.

У Глинки бывалъ Вильбоа, который отдавалъ многія свои сочиненія подъ его редакцію. Изъ романса М. И. Глинки «Уймитесь волненія страсти» Вильбоа сдѣлалъ дуэтъ и напечаталъ его безъ просмотра М. И. Когда М. И. проигралъ этотъ дуэтъ на фортепіано, то положительно пришелъ въ негодованіе и сказалъ ему рѣзко: «Развѣ можетъ быть у меня такое соединеніе, какое вы сдѣлали». М. И. былъ такъ раздраженъ, что тутъ же сгоряча просилъ Вильбоа не бывать больше у него. Я упоминаю объ этомъ фактѣ для того, чтобы музыканты могли себѣ объяснить то, что найдутъ въ этомъ дуэтѣ несообразнаго съ духомъ М. И. Глинки.

Во время послѣдняго пребыванія М. И. въ Петербургѣ, пріѣхалъ изъ-за границы В. Н. Кашперовъ. М. И. необыкновенно симпатично относился къ нему. Представляя его мнѣ, назвалъ его своимъ другомъ и говорилъ, что въ будущемъ возлагаетъ большія надежды на него. (Кашперовъ ставитъ въ настоящее время оперу свою «Тарасъ Бульба»).

VI.

Мои матеріальныя средства.—Заключеніе со мною новаго контракта.—Неожиданное его измѣненіе.—Предложеніе Өедорова, чтобы я вышла въ отставку.—Появленіе на сценѣ пѣвицы Шредеръ.—Мой концертъ въ Павловскѣ.—Оваціи публики.—Неудача интриги Өедорова.—Появленіе на сценѣ пѣвицы Лавровской.—Опера «Іоаннъ Лейденскій».—Новыя интриги противъ меня.—Пріемъ оказанный мнѣ публикой въ мой бенефисъ.—Несправедливое оставленіе меня на два лишнихъ года на службѣ.—Поступокъ со мной Коммисаржевскаго.—Затрудненія и хлопоты при устройствѣ прощальнаго бенефиса.—Прощаніе съ публикой и окончаніе службы при театрѣ.

Всѣ почему-то были увѣрены, что я имѣю большія средства. Но средства мои были настолько ограничены, что я, работая цѣлый сезонъ, должна была всякій годъ, на лѣтніе мѣсяцы, отправляться куда-нибудь въ путешествіе, чаще всего по Волгѣ, тогда какъ у меня была уже въ то время собственная дача въ Ораніенбаумѣ, гдѣ я съ удовольствіемъ отдохнула бы лѣтомъ, еслибъ могла избѣжать этихъ экскурсій. Но безъ нихъ я не могла бы существовать. Содержаніе артистовъ было скудное. Какъ сказано выше, въ первый годъ я получала всего 300 руб.; потомъ жалованье мое удвоили, а черезъ три года я, кромѣ 600 руб. въ годъ, получала 5 руб. разовыхъ. Когда же я стала совершенно необходима для оперы, жалованье мое дошло до 1140 руб. въ годъ и поспектакльную плату мнѣ назначили 15 руб. Другого контральто между тѣмъ не являлось и я работала одна.

Прослуживъ такимъ образомъ 12 лѣтъ и вынужденная, кромѣ службы, прибѣгать каждое лѣто къ путешествіямъ, я рѣшилась воспользоваться, по совѣту моихъ друзей, удобнымъ для меня моментомъ и потребовать сумму, которая могла бы поправить меня въ матеріальномъ отношеніи. Я уже сказала, что другого хорошаго контральто не было. Случилось такъ, что контрактъ мой кончался наканунѣ открытія Маріинскаго театра послѣ пожара. Пользуясь такимъ счастливымъ для меня совпаденіемъ, я предложила слѣдующія условія новаго контракта: жалованья попрежнему 1140 руб., поспектакльной платы 50 руб. и 2000 рублей за бенефисъ. Послѣднее условіе главнымъ образомъ для того, чтобы гарантировать себя отъ тѣхъ непріятностей, которыя каждый годъ приходилось встрѣчать при бенефисѣ. Не могу выразить съ какими ужасными трудностями добилась я заключенія этого контракта и достигла я этого только благодаря удобному моменту, о которомъ упоминала выше. Никогда не дали бы мнѣ этой цифры по контракту, еслибъ я не объявила рѣшительно, что буду играть на открытіи театра въ такомъ только случаѣ, если мнѣ пришлютъ наканунѣ подписаннымъ контрактъ мною предложенный. Волей-неволей дирекціи

пришлось принять мои условія, потому что открытіе театра должно было произойти въ присутствіи высочайшей фамиліи, а замѣнить меня не могъ никто. Подписанный контрактъ присланъ былъ мнѣ наканунѣ этого спектакля въ 10 часовъ вечера. До минуты полученія этого документа я была въ тревожномъ состояніи; для меня рѣшался вопросъ: быть или не быть.

Контрактъ заключенъ былъ на три года и хотя въ немъ былъ пунктъ, что по прошествіи каждаго года контрактъ по обоюдному соглашенію можетъ быть нарушенъ, я была совершенно спокойна, разсчитывая на этомъ окладѣ дослужить до пенсіи, такъ какъ съ основанія театровъ не было примѣра, чтобы отнимали у артиста то, что разъ ему уже дали. Со мной же вышло не такъ.

По прошествіи трехъ лѣтъ контрактъ возобновили, несмотря на тщательное стараніе Ѳедорова найти въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ другое контральто. Его не находилось и пришлось возобновить volens-nolens контрактъ со мной. Черезъ годъ послѣ его возобновленія, директоръ Гедеоновъ, сынъ прежняго директора, присылаетъ за мной и объявляетъ мнѣ, что у меня отнимается половина моего содержанія, т. е. такъ какъ я получала около 6000 руб. въ годъ, то съ этого времени буду получать всего 3000 рублей. Говоря это, директоръ прибавилъ: «Если угодно вамъ продолжать службу, то можете только на этихъ условіяхъ, иначе вы намъ ненужны». Такое предложеніе ошеломило меня. Я спрашиваю, какъ же такъ я ненужна, когда всѣ оперы идутъ со мной. Тогда директоръ объяснилъ мнѣ, что на ту сумму, которая у меня отнимается, ангажирована Сульянова, также контральто, и что такъ какъ она раздѣлитъ мой трудъ, то и будетъ получать половину моего содержанія. Сульянова не пѣла еще ни на одной сценѣ и я выразила свое мнѣніе директору, что совершенно немыслимо, чтобы только-что начинающая пѣвица могла исполнять мои роли. Но что я ни говорила, ничто не могло измѣнить дѣла; какъ видно, рѣшено было отнять у меня половину содержанія. Я принуждена была согласиться, потому что до пенсіи моей оставалось четыре года. Прослуживъ 16 лѣтъ, я поступила бы необдуманно, еслибъ оставила службу, принявъ слишкомъ къ сердцу эту новую обиду. Конечно, Ѳедоровъ, зная мой характеръ, разсчитывалъ, что я не снесу такой несправедливости и выйду въ отставку. Но я тутъ же сказала директору: «Въ вашей волѣ не дать мнѣ даже ничего, а я все-таки должна служить, иначе зачѣмъ же я подарю вамъ мою службу, которая черезъ четыре года дастъ мнѣ пенсію».

Между тѣмъ Сульянова выступила въ «Русалкѣ» и тѣмъ ограничилась, такъ какъ совершенно не могла исполнять предназначенныхъ ей ролей.

Въ то же время Ѳедоровъ подсылалъ ко мнѣ своего секретаря, который самымъ дружелюбнымъ образомъ, какъ бы желая мнѣ

добра, спросилъ меня, не хочу ли я получить всю пенсію тотчасъ же. Я конечно готова была согласиться. Тогда онъ подалъ мнѣ заранѣе написанное имъ для меня прошеніе объ отставкѣ, которое оставалось только подписать, и говоритъ: «Черезъ нѣсколько дней вы получите полную пенсію». Прошеніе это я не подписала, потому что, прочтя его, увидѣла, что это была ни болѣе ни менѣе какъ ловушка: въ прошеніи говорилось, что я, представляя свидѣтельство отъ доктора, прошу отставки по болѣзни и въ такомъ смыслѣ, что, получивъ по такому прошенію отставку, я не могла уже болѣе надѣяться появиться гдѣ бы то ни было на сценѣ.

Такъ какъ Сульянова не могла исполнять предназначенныхъ ей ролей, пришлось опять мнѣ нести тяжесть исполненія всѣхъ контральтовыхъ партій за половинную плату.

Терпѣливо продолжала я свою работу, надѣясь, что начальство наконецъ окажетъ мнѣ должную справедливость и возвратитъ черезъ годъ то, что такъ неправильно отняло; но ожиданія мои не оправдались, начальство приготовило на мои роли воспитанницу театральнаго училища г-жу Шредеръ. Пѣвица эта теперь жена капельмейстера Направника. Шредеръ была жертвою, въ смыслѣ артистическомъ, Өедорова, который безжалостно сгубилъ ее, желая повредить мнѣ. У Шредеръ былъ прекрасный голосъ, но ей нужно было еще поучиться нетолько годъ, а года три по крайней мѣрѣ, чтобы выступить въ тѣхъ партіяхъ, которыя ей назначили.

Дѣло было такъ: лѣтомъ въ тотъ годъ, когда попытка замѣнить меня Сульяновой не удалась, разнесся слухъ, что съ открытіемъ сезона появится контральто изъ театральной школы, что контральто это просто диво, и что мнѣ уже отказано. Чтобы опровергнуть слухъ, распущенный обо мнѣ, подкрѣпить себя и доказать насколько публика любитъ меня, я дала концертъ въ Павловскѣ, и дѣйствительно публика заявила такую ко мнѣ любовь, что большаго невозможно было желать. Пріемъ сдѣланный мнѣ былъ вѣроятно еще усиленъ слухами объ удаленіи меня со сцены, и публика хотѣла показать, какъ дорожитъ мною. Когда я спѣла написанный для этого концерта Сидоровымъ романсъ: «Мнѣ все равно, враги ли мнѣ найдутся, съ врагами свыклась я давно», то публика пришла въ такой экстазъ, что описать невозможно; о громѣ аплодисментовъ и говорить нечего; со всѣхъ сторонъ махали платками, кричали: «оставайтесь, оставайтесь!» Когда я пошла, надѣленная цвѣтами, публика обступила меня и изъ шести букетовъ, поднесенныхъ мнѣ, не осталось ни одного листочка.

Настала осень. Назначили дебютъ Шредеръ въ «Жизни за царя». Я сказала, что начальство наше само сгубило Шредеръ, потому что ничего нѣтъ хуже, какъ вступать начинающему артисту въ контру съ публикой. Дебютъ Шредеръ вышелъ неудаченъ. При началѣ 3-го дѣйствія публика точно сговорилась, не давала

ей начинать и требовала Леонову. Требованіе это выражалось не въ верхахъ, а всею публикою. Однимъ словомъ, она выразила этимъ дирекціи протестъ за ея поступки со мной. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ публикѣ говорили: «Мы не противъ Шредеръ, но противъ несправедливостей, которыя дѣлаются заслуженной артисткѣ».

Ѳедорову не удалась и эта интрига. По окончаніи второго трехлѣтія дирекція возобновила опять со мной контрактъ, только, конечно, на тѣхъ же условіяхъ.

Послѣ этого, появилась на Петербургской сценѣ г-жа Лавровская. Она играла въ «Жизни за царя», въ «Русланѣ и Людмилѣ» мои роли, которыя я перестала играть; моя полнота мѣшала мнѣ нѣсколько въ ихъ исполненіи.

Г-жа Лавровская, какъ извѣстно, сдѣлалась также большой любимицей публики. Мы ничего не имѣли другъ противъ друга, но сама публика пожелала дѣлиться на партіи. Я съ своей стороны могу упрекнуть Лавровскую только въ одномъ: когда мы въ первый разъ встрѣтились, что̀ было на репетиціи «Фауста», гдѣ мы пѣли обѣ,—я играла Марту, она Зибеля,—то она не потрудилась даже попросить режиссера познакомить ее со мной, что ей, какъ вновь поступающей, слѣдовало бы сдѣлать. Я объясняю это вліяніемъ на нее начальника репертуара, который способенъ былъ даже сказать ей, чтобы она не знакомилась со мной. Такъ я предполагаю, утверждать же этого не могу. Но мнѣ не могло не показаться страннымъ такое отношеніе новой артистки, потому что когда поступала я, то просила режиссера познакомить меня со всѣми артистами, которымъ онъ меня и представилъ.

Наконецъ, ставится «Пророкъ» подъ названіемъ «Іоаннъ Лейденскій». Назначаютъ чередоваться мнѣ и Лавровской. Не смотря на то, что я пѣла много трудныхъ оперъ, просмотрѣвъ партію Фидесы, я долго крѣпилась, чтобы не брать эту роль, изъ боязни сорваться. Лавровская же, прослуживъ всего 3—4 года, храбро взялась за нее. Когда же, какъ я сказала, назначили намъ эту оперу пѣть въ очередь, я не могла не взять роли Фидесы, и изъ того, что слѣдуетъ, видно будетъ, какъ старалось мое начальство заминать меня. Ясно, что если исполненіе оперы дается поочередно двумъ артисткамъ, то и репетиціи должны бы были быть поочереди, тѣмъ болѣе, что партія эта такого сложнаго характера. И что же! Лавровской дано было репетицій до 40, я же не имѣла ни одной. Два первыхъ раза опера шла съ Лавровской, третій назначается со мной и безъ репетиціи! Если уже одной артисткѣ даютъ 40 репетицій, то другой, хотя бы и болѣе опытной, все же слѣдовало дать хотя бы репетицій десять.

Мнѣ удалось только, когда уже назначенъ былъ мой спектакль, сдѣлать одну спѣвку съ фортепіано и одну съ оркестромъ. Но пар-

тію свою я изучила вполнѣ заранѣе. Зная по опыту, что я могу ожидать всякихъ мерзостей, я привыкла быть предусмотрительной и предвидѣла то, что случилось. Меня хотѣли подвести, но я вышла изъ этой новой ловушки побѣдительницей. Я была готова къ исполненію роли Фидесы, разучивъ ее дома подъ аккомпаниментъ фортепіано и когда, передъ спектаклемъ, пѣла свою партію съ оркестромъ, весь оркестръ аплодировалъ мнѣ. Я упоминаю объ этомъ потому, что оркестръ аплодисментомъ своимъ выразилъ протестъ капельмейстеру, дѣйствовавшему также противъ меня.

Недоброжелатели мои были поражены, что съ одной этой спѣвки я могла исполнить всего «Пророка».

Наконецъ, въ мой бенефисъ шелъ «Іоаннъ Лейденскій». Въ распространенной тогда газетѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости» предупреждали заранѣе, что въ бенефисъ Леоновой готовится скандалъ. Однако, никакого скандала не было; появились правда шикальщики изъ-за того якобы, зачѣмъ я отбиваю роль Фидесы отъ Лавровской. За то мои доброжелатели, услышавъ о какомъ-то грозившемъ мнѣ скандалѣ, позаботились оградить меня и слухъ о скандалѣ послужилъ только къ бо̀льшему моему торжеству. Вся сцена Маріинскаго театра забросана была вѣнками и букетами; на мою голову сыпались со всѣхъ сторонъ цвѣты; до 600 вѣнковъ и букетовъ набросано было кругомъ меня. Противники мои были этимъ нѣсколько афронированы, но попытались показать себя во второмъ актѣ; когда я спѣла «Ахъ, мой сынъ!» и пошла къ двери, публика вызывала меня, а вверху стали шикать. Конечно, этимъ они только увеличили вызовы, и меня вызвали нѣсколько разъ. Когда я въ третьемъ актѣ спѣла арію «Подайте», публика была глубоко тронута и тутъ уже и враги мои и друзья соединились и аплодировали за одно.

Лавровская же, какъ извѣстно, сорвала голосъ на «Пророкѣ» и даже сама просила меня замѣнять ее нѣсколько разъ въ ея очередь.

Послѣ этого поставлена была опера Сѣрова «Вражья сила», въ которой мы заняты были обѣ, я и Лавровская; я въ роли Спиридоновны, Лавровская въ роли Груни.

Наконецъ, дослужила я двадцать лѣтъ, но меня, сверхъ ожиданія, заставили прослужить еще два года. Эта была новая несправедливость, потому что два года сверхъ срока обязаны были дослуживать только казенныя воспитанницы театральнаго училища, а я была приходящей. Пришлось еще два года переносить непріятности и притѣсненія; но я рѣшилась терпѣливо сносить все, въ виду приближающагося окончанія службы.

Такъ какъ я пѣла во многихъ операхъ, то случалось, что должна была участвовать почти во всѣхъ бенефисахъ моихъ товарищей. Участіе артистовъ въ бенефисѣ котораго-нибудь изъ нихъ, было дѣломъ обоюднымъ и хотя по окончаніи бенефиса слѣдовало бы

для приличія благодарить другъ друга, но этого у насъ не дѣлалось; точно также, когда объявляли афишей чей-нибудь бенефисъ другъ друга не просили, а каждый пѣлъ свою партію, какъ въ казенныхъ спектакляхъ. Послѣдніе бенефисы, въ которыхъ я участвовала, были: г-жи Платоновой, Петрова и Коммисаржевскаго. Хотя бенефисъ мой былъ ассюрированный, но такъ какъ предстоящій долженъ былъ быть послѣднимъ, то само собою разумѣется мнѣ хотѣлось, чтобы прощаніе мое съ публикой имѣло бы также значеніе и съ матеріальной стороны. Измѣненіе моего контракта за послѣднія шесть лѣтъ моей службы, четыре года срочныхъ до пенсіи и два года благодарственныхъ, разстроили всѣ мои разсчеты. Еслибъ я получала, какъ прежде до шести тысячъ въ годъ, то могла бы ко времени моей отставки скопить тысячъ пятнадцать, что меня обезпечило бы. Громадная же сбавка на 3,000 рублей въ годъ не только лишила меня возможности это сдѣлать, но мнѣ пришлось еще прикладывать ежегодно 1,500 рублей, такъ что скопленные мною въ прежніе года, изъ жалованья и изъ путешествій, 10,000 рублей, потрачены были въ эти послѣднія шесть лѣтъ моей службы. Вотъ почему мнѣ не хотѣлось лишиться бенефиса. Бенефиціантъ знаетъ впередъ изъ газетъ о томъ, что готовится ему, и съ этой стороны я могла надѣяться на хорошій результатъ.

Обращаюсь къ моему послѣднему бенефису относительно постановки спектакля. Надо замѣтить, что внѣшнимъ образомъ всѣ артисты были хороши со мной, но подпольная интрига не переставала работать противъ меня. Хотя мой бенефисъ былъ послѣдній, но не смотря на это, какъ трудно мнѣ было добиваться, чтобы онъ вышелъ такимъ, какимъ я желала. На каждомъ шагу я встрѣчала затрудненія и препятствія. Лично я не могла бы никогда поступить такъ съ моими товарищами-артистами, съ которыми столько лѣтъ служила вмѣстѣ, какъ поступили нѣкоторые изъ нихъ со мной при устройствѣ моего бенефиса, къ тому же послѣдняго. Сначала я выразила желаніе дать цѣлую оперу, но на какую я ни указывала, тотчасъ же являлось какое-нибудь препятствіе, чего-нибудь не доставало, то декорацій, то пѣвца на какую-нибудь роль, то что-нибудь не такъ въ оркестрѣ, и потому я должна была остановиться на сборномъ спектаклѣ. Незадолго до моего бенефиса, въ бенефисъ Коммисаржевскаго были поставлены два акта изъ оперы Мусорскаго «Борисъ Годуновъ», въ которой я исполняла роль корчмарши (хозяйки корчмы). Я находила, что ничего не можетъ быть лучше, какъ дать эти два акта и въ мой бенефисъ, потому что они очень понравились публикѣ. Но какъ только я заявила свое желаніе объ этомъ, мнѣ сейчасъ же поспѣшили отвѣтить, что за право дать эти два акта нужно платить разовыя композитору. На это я выразила мнѣніе, что навѣрное

Мусорскій ничего не возьметъ съ меня, потому что я съ нимъ хорошо знакома, и, дѣйствительно, когда я сказала ему объ этомъ одно слово, онъ отвѣчалъ, что сочтетъ себя счастливымъ, если увидитъ въ мой бенефисъ два акта своей оперы. И такъ, значитъ, идутъ два акта «Бориса Годунова» и къ этому я поставила 3-й актъ «Вражьей силы» и сцену изъ «Жизни за царя»—«Бѣдный конь въ полѣ палъ». Назначая такія вещи я заботилась, конечно, показать свою силу, съ какимъ голосомъ кончаю свою службу. Афиша уже вышла, какъ вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ режиссеръ и спрашиваетъ меня, просила ли я участвовать Коммисаржевскаго. Меня это крайне удивило; я отвѣчала, что нѣтъ. Тогда режиссеръ посовѣтывалъ мнѣ поѣхать попросить его. Я согласилась и поѣхала. Поднимаюсь на лѣстницу въ квартиру Коммиссаржевскаго, слышу его поющимъ, но когда я вошла въ гостиную, меня встрѣтила прежняя жена его, говоря, что его нѣтъ дома. У меня не достало духа сказать, что я слышала его голосъ; я рѣшилась ограничиться тѣмъ, что такъ какъ онъ дома, то будетъ слышать нашъ разговоръ. Я просила жену его передать ему мою просьбу участвовать въ моемъ бенефисѣ и прибавила, что ѣду отъ нихъ въ Маріинскій театръ, куда просила прислать мнѣ отвѣтъ. Въ этотъ самый моментъ вбѣгаетъ маленькая дѣвочка, дочь ихъ, и кричитъ: «Мама мама! папа спрашиваетъ, куда ты положила..?» (не помню что именно). Я отвернулась. Мнѣ стало совѣстно, стыдно за нее. Все это до глубины души смутило меня, и я не могла не вспомнить факта, который еще болѣе увеличивалъ низость такого поступка, именно: Коммисаржевскій служилъ въ Маріинскомъ театрѣ два раза; первый разъ, когда пріѣхалъ изъ-за границы. Прослуживъ недолго, онъ сталъ жертвой интригъ и ему отказали, что въ глазахъ моихъ было несправедливо. Оставивъ службу, онъ принужденъ былъ дать концертъ въ купеческомъ клубѣ и вотъ въ одинъ прекрасный день является ко мнѣ. Звонитъ, входитъ и прямо становится на колѣни передо мной, говоря: «Вы единственный человѣкъ, настоящая артистка, вы мнѣ не откажете участвовать въ моемъ концертѣ! Умоляю васъ, спасите! Я узналъ, что служу не съ артистами, а съ ремесленниками!» Хотя мы и не были съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, но онъ не могъ, конечно, сомнѣваться въ моемъ согласіи. Я тотчасъ же согласилась спѣть сколько надо было ему нумеровъ. Когда концертъ состоялся, онъ, говоря обо мнѣ, назвалъ меня: «Это истинная артистка-женщина!» Теперь я, видя такой пріемъ, въ самой деликатной формѣ напомнила женѣ Коммисаржевскаго объ этомъ фактѣ, о которомъ они оба забыли, можетъ быть. Она отвѣтила мнѣ только: «Да, это было такъ давно!»—«Не знаю, какъ для кого,—возразила я,—но что касается меня, я всегда цѣню, когда что-нибудь для меня сдѣлано!» Какъ бы то ни было, отъ нихъ я поѣхала въ Маріинскій театръ и ждала тамъ его от-

вѣта. Здѣсь, находясь въ непріятной неопредѣленности, я нашла сочувствіе только въ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Это былъ помощникъ режиссера Морозовъ. Онъ говорилъ: «Что за безобразія дѣлаются въ нашемъ театрѣ!» Режиссеромъ былъ въ то время Кондратьевъ, который состоитъ имъ и до сихъ поръ. Получаю, наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, отвѣтъ Коммисаржевскаго. Онъ пишетъ, что былъ у доктора и что тотъ запретилъ ему пѣть. Приходилось измѣнить афишу.

Мнѣ конечно было очень желательно, чтобы въ бенефисѣ моемъ участвовалъ маститый старецъ Петровъ и потому, такъ какъ два акта «Бориса Годунова» не могли идти безъ Коммисаржевскаго, а въ нихъ долженъ былъ пѣть также и Петровъ, то вмѣсто нихъ я просила поставить третій актъ «Русалки», гдѣ была партія Петрова. Я играла роль княгини. Во «Вражьей силѣ» должна была участвовать г-жа Крутикова. Потомъ долженъ былъ идти балетъ изъ второго акта оперы «Жизнь за царя». Всѣ танцовщицы, самыя знаменитыя, во главѣ съ Радиной, согласились участвовать въ моемъ бенефисѣ.

Афишу отпечатали опять. Казалось, ничто уже больше не можетъ встрѣтиться, чтобы заставило измѣнить эту программу. Разсчитывая на Петрова и Крутикову, я была въ полной увѣренности, что отказа съ ихъ стороны не будетъ. Крутикову къ тому же я сама учила исполнять роль Груни. И что же? На другой день послѣ отпечатанія афиши, Крутикова извѣщаетъ, что не можетъ пѣть по болѣзни, а Петровъ пишетъ, что не можетъ участвовать, потому-что въ этотъ день будетъ на какомъ-то вечерѣ.

Отказъ Петрова поразилъ меня болѣе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ. Я пѣла Петрову въ юбилеяхъ двадцати и тридцатипятилѣтія его службы и никто на сценѣ не радовался такъ оваціямъ, которыя ему дѣлались; сама я принимала изъ оркестра подарки и передавала ему, однимъ словомъ отъ души сочувствовала ему. И вдругъ онъ-то, изъ-за какого-то вечера, отказывается пѣть на моемъ прощальномъ бенефисѣ. Да, этого я не ожидала! И вотъ такимъ образомъ на бенефисъ мой остается балетъ и сцена изъ «Жизни за царя». Только!

Дѣлать нечего ѣду въ театръ. Режиссеръ говоритъ мнѣ: «Развѣ вы не видите, что вамъ не желаютъ давать бенефиса?»—«Что же дѣлать мнѣ въ такомъ случаѣ?—спрашиваю я.—Бенефисъ мой долженъ быть, объ этомъ объявлено уже въ афишахъ». Кстати замѣчу здѣсь, что многимъ артистамъ дозволялось объявлять, когда бенефисъ бывалъ прощальный; мнѣ же заикнуться объ этомъ было нельзя.

Отказъ Петрова и Крутиковой заставилъ еще разъ перемѣнить афишу. Афиши мѣняются всякій день. Въ публикѣ большое удивленіе, тѣмъ болѣе, что въ афишѣ не объясняется это измѣненіе

болѣзнею того или другого артиста, а просто появляется новая афиша.

Въ этотъ разъ я рѣшила поставить неотъемленное мое: 1) Балетъ второго акта изъ «Жизни за царя»; 2) Сцена изъ той же оперы «Бѣдный конь въ полѣ палъ»; 3) Изъ «Русалки» третій актъ, моя арія и пѣсенка Ольги; 4) второй актъ изъ оперы «Вражья сила», и 5) Изъ оперы «Пророкъ» арія «Подайте». Въ Русалкѣ роль Ольги и во «Вражьей силѣ» роль Груни исполняла моя племянница Кольцова. На счастье, я раньше учила ее этимъ ролямъ.

Вечеръ бенефиса наступилъ. Когда я пріѣхала въ театръ, меня поразило убранство моей уборной. Спрашиваю, кто это устроилъ? Мнѣ отвѣчаютъ, что бутафоръ и прислуживавшая сторожиха. Все убрано было живыми цвѣтами. Я была тронута до глубины души, что хотя въ этихъ маленькихъ людяхъ нашла сердечность.

Наконецъ, спектакль начался. Когда я вышла, то буквально была засыпана цвѣтами. Изъ заявленій публики ясно было, на сколько она желала, чтобы меня оставили продолжать службу. Какихъ овацій не выдерживала я въ прежнее время, но въ этотъ разъ, вѣроятно, отъ предъидущаго томительнаго состоянія, этотъ горячій пріемъ довелъ меня до такой степени возбужденія, что голосъ могъ измѣнить мнѣ отъ внутреннихъ нервныхъ рыданій, и я принуждена была уйти за кулисы, гдѣ мнѣ подали воды. Когда я возвратилась на сцену, публика видимо сочувствовала мнѣ, поняла меня и во второй разъ еще горячѣе принимала. За каждымъ актомъ подавались мнѣ громадные букеты, вѣнки съ расшитыми лентами, съ кусками матерій. Во время всего спектакля безпрестанно также подавались вѣнки и букеты отъ всѣхъ учрежденій, которымъ я оказывала помощь своимъ участіемъ въ ихъ концертахъ. Въ антрактѣ, возвратясь въ уборную, я увидала, что всѣ стѣны ея были убраны цвѣтами и вѣнками, брошенными мнѣ на сцену. Это сдѣлали съ непостижимою скоростью хористы, пока я была на сценѣ. Вотъ наступаетъ послѣдній выходъ. Я должна пѣть арію «Подайте» изъ Пророка. Совершенно вѣрно, что я поставила этотъ номеръ съ умысломъ, но я разсчитывала пѣть ее въ костюмѣ и съ хоромъ, къ которому я должна обращаться. Тутъ же, передъ самымъ выходомъ, мнѣ объявили, что по приказанію начальства я должна пѣть въ концертномъ платьѣ и безъ хора; такимъ образомъ я волей-неволей должна была пѣть, обращаясь къ публикѣ, не въ костюмѣ. И мнѣ, какъ бы въ отвѣтъ, поднесли золотой кулекъ съ червонцами на семь тысячъ рублей.

И такъ мучительный бенефисъ мой кончился.

Такимъ образомъ, кончила я службу, получивъ пенсію въ 1143 руб. въ годъ.

Но страсть моя къ театру не остыла, напротивъ, на этомъ прощальномъ спектаклѣ мнѣ казалось, что я только-что вошла въ свою роль.

Вскорѣ послѣ прощальнаго моего бенефиса, я приглашена была на обѣдъ въ собраніе художниковъ, сдѣланный для меня по подпискѣ. Оваціи, оказанныя мнѣ на этомъ обѣдѣ, выразили расположеніе ко мнѣ общества, какъ обстановкой праздника, такъ и отношеніемъ участвовавшихъ лицъ. Вся зала и потолокъ были въ зелени. Бюстъ мой также весь въ зелени, кромѣ того, художникъ Богдановъ сдѣлалъ акварелью мои портреты въ лучшихъ роляхъ. Безъ конца, казалось, чествовали мои заслуги; профессора говорили рѣчи, провозглашали тосты и кушаньямъ обѣденнаго меню даны были названія оперъ пѣтыхъ мною. На этомъ же обѣдѣ я получила серебряный вызолоченый лавровый вѣнокъ изъ Москвы отъ артистическаго кружка, привезенный четырьмя членами кружка, выбранными депутатами отъ общества.

Послѣ этого обѣда, былъ еще сдѣланъ мнѣ вечеръ также обществомъ собранія художниковъ въ Петербургѣ. Публики было очень много и когда я пѣла романсъ Лишина «До свиданья!», написанный собственно для этого вечера, то публика отвѣчала мнѣ повтореніемъ слова—«До свиданья!»

Распростившись съ петербургскою публикою, я поѣхала въ Москву отблагодарить артистическій кружокъ за его вниманіе и чествованія. Въ Москвѣ, на вечерѣ, устроенномъ мнѣ въ артистическомъ кружкѣ, принимали меня съ почетомъ и радушіемъ. Между прочимъ, упрашивали меня надѣть, поднесенный мнѣ кружкомъ, вѣнокъ. Обстановка вечера была роскошная; оркестръ музыки, богатое убранство цвѣтами, великолѣпный ужинъ, за которымъ сдѣланъ былъ мнѣ сюрпризъ: когда я сѣла къ своему прибору, то увидала передъ нимъ окруженный цвѣтами серебряный, вызолоченный калачъ, наполненный червонцами.

Ужинъ сопровождался тостами, публика провожала меня до кареты и всѣ просили у меня на память цвѣтовъ.

Д. Леонова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Проданныя дѣти.

(Посвящается сестрѣ моей Александрѣ Николаевнѣ Терпигоревой).

I.

Анна Ивановна Мутовкина, — докладываетъ лакей.

— А, чтобъ ей... Одна?—спрашиваетъ отецъ.

— Нѣтъ-съ, съ дѣтьми.

Отецъ съ досадой встаетъ съ дивана и уходитъ изъ угольной, гдѣ мы всѣ пили чай; остается матушка съ Анной Карловной, нашей гувернанткой-нѣмкой, да мы, дѣти,—я и сестра Соня, дѣвочка лѣтъ девяти.

Скоро въ дверяхъ угольной показывается Анна Ивановна Мутовкина съ дѣтьми, тоже мальчикомъ и дѣвочкой. Она привезла ихъ къ намъ, т. е. захватила ихъ съ собою собственно для насъ— для меня и для сестры, чтобы доставить намъ удовольствіе поиграть съ ними...

Анна Ивановна Мутовкина женщина лѣтъ пятидесяти, средняго роста, съ лицомъ вѣчно умильно улыбающимся, хотя глаза у нея бѣгаютъ какъ-то тревожно и она все видитъ, все слышитъ, все замѣчаетъ. Одѣта она не то чтобы бѣдно, а какъ-то неопрятно: одно плечо выпачкано мѣломъ—это она дома стояла у печки и грѣлась; на оборкахъ у платья сухая грязь — какъ забрызгалась, такъ съ тѣхъ поръ и не чистила его; мантилья спереди вся закапана—ѣла, соусомъ закапалась — она отвратительно ѣла — салфеткой кое-какъ вытерлась, пятна и остались. Но самое противное для насъ у нея было—это ея руки: маленькія, красныя, съ обгрызенными пальцами и всѣ въ «цыпкахъ», т. е., съ грубой и потрескавшейся кожей.

Когда мы утромъ, послѣ умыванія, спѣшили и кое-какъ вытирали, не насухо, лицо и руки, нянька говорила намъ всегда:

— Вотъ посмотрите, будутъ у васъ руки, какъ у Анны Ивановны, въ цыпкахъ всѣ.

— Отчего?

— Оттого, что съ мокрыми руками нельзя выходить.

— Да развѣ у нея отъ этого?

— А то отчего же.

Но я думаю, это было само собою, а главная причина—отъ неопрятности: противно неопрятна она была.

Дѣти ея тоже намъ не нравились. Старшею была Клавдинька, названная такъ въ честь своей крестной матери, нашей тетки Клавдіи Васильевны, покровительницы Анны Ивановны Мутовкиной. Это была дѣвочка скрытная, лицомъ очень некрасивая и совсѣмъ намъ не пара: она въ свои одиннадцать-двѣнадцать лѣтъ глядѣла почти какъ взрослая. Пойдемъ мы съ нею, бывало, гулять въ садъ, зовемъ ее бѣгать съ собою, играть:

— Сейчасъ... Бѣгите, я сейчасъ...

А сама идетъ съ няньками и все у нихъ выспрашиваетъ.

Онѣ сначала ей на все отвѣчаютъ, а потомъ какъ догадаются, что она это у нихъ нарочно для чего-нибудь выспрашиваетъ, и начнутъ ее стыдить:

— Ахъ, барышня, какая вы еще маленькая, а ужъ хитрая какая. И зачѣмъ вамъ это все знать? Вы бы побѣгали, поиграли,—усовѣщиваютъ онѣ ее.

А она, какъ ни въ чемъ не бывало, кашлянетъ, или разсмѣется, и опять за свое.

Няньки на нее потомъ, вечеромъ, жаловались матушкѣ.

— Ахъ, сударыня, какая она,—говорили онѣ,—и до всего-то, до всего ей дѣло. Обо всемъ это она разспрашиваетъ, все высматриваетъ.

— Несчастная дѣвочка,—говоритъ матушка.

— И вѣдь это ее все мать, Анна Ивановна, научаетъ,—продолжаетъ нянька.

— Конечно...

Сынъ, Ваня, мальчикъ лѣтъ девяти или десяти, былъ какой-то не то что дурачекъ, а глупый, тупой, да къ тому же еще забитый. Кромѣ того, онъ былъ постоянно боленъ золотухой: то щека подвязана, то нога забинтована. И чуть что̀, сейчасъ плачетъ. Побѣжитъ, упадетъ на больное мѣсто и такъ расплачется, что и не унять его.

— Не плачьте. Ну, что̀жъ дѣлать? Пройдетъ, ничего,—уговаваютъ его няньки.

— Больно...

— Ну чтожъ съ этимъ дѣлать. Пройдетъ. А то, срамъ какой, большой вы ужъ и плачете.

И начнутъ его перевязывать, перебинтовывать. А онъ сидитъ, всхлипываетъ, и такой несчастный, жалкій, безпомощный какой-то и въ то же время противный, потому что мы знали, что и онъ такой же вывѣдчикъ и сплетникъ, какъ и его сестра, только глупѣе ея и не такой шустрый, можетъ быть, потому что больной.

Мутовкина очень любила привозить ихъ къ намъ съ собою. Она даже, одно время, вздумала было чуть не черезъ день присылать ихъ къ намъ однихъ. Она жила не далеко отъ насъ, верстахъ въ трехъ, и они начали то-и-дѣло къ намъ являться. Привезутъ ихъ утромъ и оставятъ у насъ на цѣлый день — возись съ ними. Какъ дѣти, и мы, разумѣется, не охотно сидѣли въ классѣ, но гулять и заниматься съ ними у насъ было еще меньше охоты, и мы были очень довольны, когда вскорѣ эти визиты ихъ прекратили подъ предлогомъ, что мы въ это время занимаемся и это намъ мѣшаетъ.

Но когда у насъ гостила тетушка Клавдія Васильевна, покровительница Мутовкиной, или какъ та ее называла «благодѣтельница», тутъ ужъ ничего нельзя было подѣлать и Анна Ивановна съ дѣтьми являлась то-и-дѣло; дѣтей приведетъ къ намъ, насъ перецѣлуетъ, скажетъ:—«А я вотъ къ вамъ привезла своихъ, пускай они посидятъ съ вами»,—и пойдетъ и сидитъ съ тетушкой въ ея комнатѣ,—о чемъ-то онѣ бесѣдуютъ, что̀-то такое все разговариваютъ...

И матушка, и отецъ, Мутовкину не любили, особенно отецъ, но онъ не могъ ее не принимать, или принять ее такъ, чтобы она уже сразу перестала бывать у насъ потому, что онъ былъ предводителемъ въ это время, и какъ же такъ онъ сталъ бы невѣжливо или даже не внимательно обращаться съ дворянкой — помѣщицей своего уѣзда, какая бы она тамъ не была?..

Но она угнетающе дѣйствовала на него, и онъ всякій разъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ только докладывалъ лакей, что пріѣхала Мутовкина.

II.

У Анны Ивановны Мутовкиной былъ живъ еще мужъ, и не только живъ, но и служилъ даже, въ земскомъ судѣ, какимъ-то дворянскимъ засѣдателемъ. Онъ только у насъ не бывалъ, или почти не бывалъ. Я помню его у насъ всего только какихъ-нибудь два или три раза за все время, да и то видѣлъ его у отца въ кабинетѣ: въ прочихъ комнатахъ онъ не появлялся и ни за обѣдомъ, ни за чаемъ, я его никогда не видалъ.

По виду, это было существо самое жалкое: небольшого роста, въ неуклюжемъ, просторномъ, точно чужомъ, вицъ-мундирѣ —

фракъ съ желтыми полинялыми металлическими пуговицами, плѣшивый, съ глазами вѣчно слезящимися и робкой, заискивающей улыбкой. Какъ говорили, онъ былъ совершенно во власти у жены, вполнѣ отъ нея зависѣлъ и всѣмъ былъ обязанъ ей, такъ какъ она была женщина энергическая, всюду проникала, всѣхъ просила объ немъ и если разъ за что̀ бралась,—своего ужъ достигала. Но онъ, говорили, былъ въ то же время и изобрѣтательный, отчаянный взяточникъ, славившійся именно этой своей изобрѣтательностью во взяточничествѣ. Не было въ уѣздѣ ни одного темнаго дѣла, въ которомъ бы онъ не принималъ участія, или къ которому такъ или иначе не былъ прикосновенъ. Три губернатора, одинъ вслѣдъ за другимъ, обѣщались «съѣсть» его, какъ выражались тогда, и ни одинъ не могъ ничего съ нимъ подѣлать. Но онъ былъ постоянно подъ судомъ или подъ слѣдствіемъ. Отдадутъ его подъ судъ, онъ годъ или два посудится и опять очистится. И такъ все время, всю жизнь.

Онъ участвовалъ не только во всѣхъ чиновничьихъ и судебныхъ плутняхъ, въ лихоимствѣ и проч., но онъ принималъ участіе и прямо даже въ мошенничествѣ, въ воровствѣ, въ грабежѣ, который тогда случался тоже не въ рѣдкость. Ему приписывали, я помню, выдумку воровъ уводить зимою по ночамъ у мужиковъ лошадей и коровъ обутыми въ лапти: слѣдъ человѣчій, а украдена лошадь или корова, которыхъ слѣда нигдѣ нѣтъ, не видно. И много приписывали ему другихъ подобныхъ же изобрѣтеній.

Жена его, въ разговорѣ, отзывалась объ немъ пренебрежительно, называя его просто «мой» или съ прибавленіемъ: «дуракъ-то мой». Но она участвовала во всемъ съ нимъ за одно—онъ старался въ городѣ, въ судѣ или въ судахъ, а она въ деревнѣ, и дуракомъ она, на самомъ дѣлѣ, несомнѣнно не считала его потому, что въ спорѣ, въ азартѣ, иногда у нея вырывались объ немъ такія выраженія:—«Ну, да? ужъ Алексѣй Макарычъ-то это знаетъ!» Или: «Ну, да ужъ если Алексѣй Макарычъ-то за это дѣло возьмется, будьте покойны, ничего не подѣлаютъ», и проч.

Видалъ я его чаще у дѣда, у котораго были постоянно какія-то тяжебныя дѣла и ихъ велъ ему, въ качествѣ его повѣреннаго, или просто совѣтчика, Мутовкинъ.

— А спосылать-ка завтра въ городъ за Мутовкинымъ, — скажетъ, бывало, дѣдушка еще съ вечера.

На другой день Мутовкинъ и является, зазябшій, весь синій съ дороги, потому что за нимъ посылали мужицкую подводу въ одну лошадь, и онъ всѣ двадцать верстъ отъ города ѣхалъ шагомъ или почти шагомъ.

— Замерзъ... а?—спроситъ дѣдушка.

— Замерзъ, Николай Ѳедоровичъ.

— Водки хочешь?

И, не дожидаясь отвѣта, дѣдушка кричитъ:

— Кондрашка, подай водки и закусить чего-нибудь.

Не смотря на то, что дѣдушка высоко цѣнитъ судейскій умъ и судейскую опытность въ дѣлахъ Мутовкина, онъ, однако, при всѣхъ постоянно подсмѣивался надъ нимъ.

— Ну,—скажетъ,—разсказывай, какія тамъ у васъ въ городѣ новости, какія еще плутни вы тамъ придумали?

Мутовкинъ все это переносилъ и повидимому нисколько на это не обижался: сидитъ и самъ же смѣется, хихикаетъ, или разсказываетъ дѣйствительно какую-нибудь еще новую плутню — не свою, какъ онъ увѣряетъ, а чью-нибудь—но такъ тонко ее понимаетъ и смакуетъ при этомъ, что видно, что онъ весь въ ней, что это его жизнь.

— И какъ это только на васъ грозы никакой нѣтъ. Погодите, вотъ пріѣдетъ новый губернаторъ, онъ вамъ задастъ, всѣхъ васъ подъ судъ упрячетъ!—продолжаетъ дѣдушка.

А Мутовкинъ только сперва глупо-глупо такъ посмотритъ на него, дескать, за что же тутъ, я не понимаю, а потомъ, весело улыбнется и глаза сдѣлаетъ хитрые-прехитрые.

— Ты сколько разъ,—продолжаетъ дѣдушка,—подъ судомъ-то былъ?

— Восемь,—скромно отвѣчаетъ Мутовкинъ.

— И все чистъ выходилъ?

— Да за что же, Николай Ѳедоровичъ! Вѣдь если человѣкъ ничего не сдѣлалъ, за что же судить-то его?

— Разсказывай! Это ужъ особое къ тебѣ милосердіе дворянъ, что они еще выбираютъ тебя все.

— А страдаю-то я за кого? Все за господъ дворянъ же, за за нихъ же, за ихъ дѣла...

— А ты за нехорошія дѣла не берись.

— Не берись!

— Да, разумѣется.

— Ахъ, Николай Ѳедоровичъ, и какъ вы это говорите! Ну какъ я невозьмусь, если, примѣрно, вы меня призовете и скажете: обдѣлай мнѣ это...

— Я тебѣ никогда этого не скажу.

— Знаю-съ. Да я къ примѣру такъ.

Но и дѣдушка, и всѣ подсмѣивались надъ нимъ такъ только, потому что люди смѣются, а какъ крупные помѣщики, отъ которыхъ зависѣло его избраніе на балотировкахъ, вновь избирали его въ ту же должность засѣдателя, и съ дѣлами своими всѣ обращались къ нему: очень ужъ сами-то они всѣ плохо знали законы, что можно и чего нельзя, да и вообще и такъ были слабы по части грамотности.

III.

У Мутовкиной имѣніе было очень небольшое, даже собственно, по тогдашнему, не имѣніе, а просто хуторъ—десятинъ сто земли, двѣ семьи крестьянъ и одна семья дворовыхъ, которая вся и служила при домѣ и при усадьбѣ, исполняя обязанности кучера, повара, садовника, и разныхъ ключницъ, скотницъ, горничныхъ, птичницъ и проч.

Но въ подмогу имъ, тѣ помѣщики, дѣла которыхъ велъ Мутовкинъ, отдавали ему въ видѣ вознагражденія во временное пользованіе или одиночекъ мужчинъ и женщинъ, или иногда и цѣлыя семьи.

Положеніе этихъ несчастныхъ—помню разсказы объ этомъ—было самое ужасное. Мутовкинъ самъ жилъ постоянно въ городѣ, находясь на службѣ, или вотъ такъ разъѣзжалъ по помѣщикамъ въ качествѣ ихъ повѣреннаго или совѣтчика, а хозяйствомъ и всѣмъ въ деревнѣ или на хуторѣ завѣдывала Анна Ивановна. На этихъ несчастныхъ, присылаемыхъ къ ней во временное пользованіе, она смотрѣла прямо какъ на жертвъ своихъ и не только обремѣняла ихъ всякой работой, но еще, отпуская домой, по окончаніи срока пребыванія ихъ у ней, обирала, что называется, до нитки.

Какъ ни мало могли интересовать всѣ эти разговоры о порядкахъ у Мутовкиной насъ, дѣтей, но, вслушиваясь въ нѣкоторые изъ этихъ разговоровъ, интересовавшіе почему-нибудь насъ, мы невольно вдумывались въ эти разсказы и они запечатлѣлись у насъ въ памяти. Разговоры нянекъ, горничныхъ, между собою, которые мы не могли не слышать, дополняли наши представленія о Мутовкинскихъ порядкахъ.

— Такой, другой госпожи во всемъ уѣздѣ нѣтъ, да и въ губерніи во всей, пожалуй, не съищется,—говорили онѣ про нее.

— Жадна ужъ больно.

— Не насытная совсѣмъ... И жалости въ ней къ человѣку—никакой.

— Совѣсти—стыда никакого.

Я помню разсказъ одинъ няньки —ей тоже кто-то разсказывалъ — о томъ, какъ Мутовкина разбирала сундукъ или мѣшокъ какой-то горничной, присланной ей въ услуженіе какимъ-то помѣщикомъ, дѣла котораго велъ ея мужъ, и какъ она при этомъ отобрала у этой несчастной и взяла себѣ разныя ея тряпки, не побрезгавъ даже и этой скудной наживой...

Но это я однакожъ привожу здѣсь вовсе не потому, чтобы это было чѣмъ-то особеннымъ, исключительнымъ въ характерѣ самой Мутовкиной—это очень многія тогда дѣлали, то есть рылись въ сундукахъ у горничныхъ и даже отнимали у нихъ разную дрянь,—

я упоминаю здѣсь объ этомъ обо всемъ просто какъ объ общемъ фонѣ, на которомъ въ памяти у меня вырисовываются тѣ или другія картины или отдѣльныя сцены. Мутовкина была только мизернѣе, циничнѣе, неопрятнѣе другихъ и оттого, глядя на нее, или слушая ее, больше возмущалось нравственное чувство въ насъ, дѣтяхъ, и мы лучше и легче все это запомнили—только...

Имѣніемъ своимъ и своими людьми Мутовкина распоряжалась совершенно самостоятельно, не спрашивая ни согласія, ни совѣтовъ и указаній своего мужа. У нихъ были даже изъ-за этого имѣнія другъ съ другомъ ссоры. Сперва это имѣньице было его, но потомъ онъ какъ-то перевелъ его на ея имя. У него было какое-то опасное тогда дѣло, по которому онъ могъ поплатиться какимъ-то большимъ для него денежнымъ начотомъ или штрафомъ, взысканіемъ, и у него могли это имѣньице его отобрать или продать,—такъ вотъ, чтобы этого не могли съ нимъ сдѣлать, онъ и перевелъ его какъ-то на имя жены.

Но потомъ опасность эта миновала, онъ благополучно избѣгъ ея, «отсудился» отъ нея, какъ тогда говорили, хотѣлъ было опять перевести имѣніе на свое имя, но жена ужъ не соглашалась на это, не отдавала ему назадъ имѣнія, постоянно съ мужествомъ и очень ловко, говорили, отражала всѣ его подвохи и нападки.

Это все, однакожъ, тоже между прочимъ, такъ какъ и это все было въ то время вовсе не въ рѣдкость и у кого въ семьяхъ это происходило, семейному счастью семьи нисколько не мѣшало, напротивъ, и дѣлалось-то это все въ интересахъ семьи, ея безопасности и обезпеченности, и если надъ этимъ смѣялись, то лишь надъ отдѣльными какими-нибудь случаями этой борьбы супруговъ, а самый фактъ, мотивъ такихъ ссоръ и борьбу супруговъ всѣ уважали и разсматривали, какъ заботу ихъ о цѣлости имѣнія и объ обезпеченіи дѣтей. Такъ и теперь, Анна Ивановна находила много сторонниковъ, которые сочувствовали ей въ ея упрямствѣ не отдавать обратно мужу его имѣнія.

— Помилуйте, и къ чему? Избави Господи, опять попадется, чтожъ тогда снова переводить ему на жену.

— Глупости! Какъ это служащему человѣку на свое имя имѣніе держать...

И даже прямо, въ силу этихъ взглядовъ, смотрѣли на его желаніе получить имѣніе обратно отъ жены, какъ на предосудительное дѣло, какъ на доказательство того, что онъ не заботится о семьѣ,—по легкомыслію его, хотя всѣ знали, что какой ужъ онъ легкомысленный!..

IV.

Таково было общее отношеніе къ Мутовкинымъ всѣхъ сосѣдей и всѣхъ знавшихъ ихъ; но совсѣмъ иначе на нихъ смотрѣла

наша тетенька Клавдія Васильевна, или тетя Клёдя, какъ мы всѣ ее звали, или «благодѣтельница», какъ называла ее Анна Ивановна Мутовкина.

И, я не думаю, чтобы, по характеру своему, тетенька и въ глубинѣ своей души, оставаясь, такъ сказать, наединѣ съ своей совѣстью, смотрѣла на Мутовкиныхъ иначе, то есть съ тѣмъ же оттѣнкомъ нѣкоторой брезгливости, какъ смотрѣли на нихъ всѣ. Напротивъ, по всему, что мнѣ извѣстно, тетенька, будучи связана съ Мутовкиной нѣкоторой общей съ нею дѣятельностью и, видя притомъ постоянное ея усердіе, энергію и удачливость въ предпріятіяхъ самыхъ смѣлыхъ, иначе и не могла на нее смотрѣть, то есть иначе, какъ съ самыми дружескими къ ней чувствами...

За то и Анна Ивановна была не только вѣрный слуга для тетеньки Клавдіи Васильевны, но и восторженная ея почитательница. Она положительно смотрѣла на тетеньку, какъ на идеалъ женщины,—идеалъ, до котораго ей, при ея малыхъ средствахъ, необразованности, отсутствіи положенія и связей, да еще при такой «подлой» фамиліи, какъ выражалась она про себя,—никогда, во вѣки вѣковъ не достичь, чтобы она ни дѣлала и какъ бы не трудилась. Тетенька, въ ея представленіи, была орломъ, который свободно носился и низко надъ землей, схватывая всякую мелкую добычу, и свободно парилъ въ высотѣ, оттуда высматривалъ добычу и потомъ падалъ на нее со всей стремительностью и неотразимостью...

Бывая у насъ ежедневно почти, когда къ намъ пріѣзжала и гостила у насъ тетенька Клавдія Васильевна, Мутовкина сидѣла, ходила, смотрѣла на нее и говорила съ ней совсѣмъ какъ очарованная.

— Ишь, у Анны Ивановны-то, совсѣмъ дыханіе въ зобу сперлось,—говорили про нея наши няньки, смотря на нее, когда она бесѣдовала съ тетенькой.

И, дѣйствительно, во всей фигурѣ ея, въ выраженіи лица и въ глазахъ, было всегда столько восторга и умиленія, хотя въ то же время было и что̀-то страшное...

Наши няньки, глядя на нихъ, говорили:

— Опять, должно быть, Клавдія Васильевна научаетъ ее порѣшить кого...

Въ свою очередь, и тетенька выражала ей любовь и вообще нѣжныя чувства, что тѣмъ болѣе должно было быть для Мутовкиной цѣнно, что она ихъ никому не расточала, такъ какъ ихъ было мало у нея.

Бывало, когда сидятъ онѣ вдвоемъ у тетеньки въ комнатѣ, долго толкуютъ, разсуждаютъ, читаютъ какія-то бумаги, разсматриваютъ планы, тетенька — видимъ мы въ отворенныя двери —

встанетъ, пройдется по комнатѣ, достанетъ изъ шифоньерки леденцовъ, себѣ положитъ въ ротъ и ей тоже дастъ...

А иногда отсыплетъ ихъ нѣсколько, завернетъ въ бумажку и дастъ ей, чтобы она потомъ дома дала полакомиться и дѣтямъ своимъ, тетенькинымъ крестникамъ.

А когда тетенька лѣтомъ бывала у насъ, и къ ней являлась, по ея дѣламъ, Анна Ивановна, онѣ иногда въ садъ уходили для дѣловыхъ разговоровъ. И долго ходятъ все по дорожкамъ, остановятся иногда, говорятъ, или присядутъ на скамеечку и сидятъ,— тетушка говоритъ, даетъ ей наставленія, а она слушаетъ.

А подойдемъ мы къ нимъ, онѣ или замолчатъ и переменятъ разговоръ, или тетенька прямо скажетъ нашимъ нянькамъ:

— Ну, идите гуляйте... Это вы нарочно ихъ подводите, узнать хотите, о чемъ мы разговариваемъ.

— Помилуйте, матушка, оправдывается нянька:—они сами увидали васъ, ихъ не удержать...

— Не разсказывайте... Знаю я...

И всякій разъ, возвращаясь изъ сада, тетенька срывала нѣсколько яблоковъ, если онѣ въ то время были ужъ спѣлыя, и дарила ихъ Аннѣ Ивановнѣ, съ тѣмъ, чтобы та отвезла ихъ своимъ дѣтямъ. А если не было яблоковъ, то набирала съ нею вмѣстѣ малины, вишень, крыжовнику, и это посылала съ ней ея дѣтямъ.

Она нѣсколько разъ, я помню, дарила также этимъ ея дѣтямъ и деньги—по новенькому золотому—которые тутъ же почти вырывала у нихъ изъ рукъ ихъ мать Анна Ивановна, говоря, что они пожалуй еще потеряютъ, хотя это было и не похоже на нихъ...

Сама Анна Ивановна, послѣ такой милости со стороны тетеньки, ловила у нея ручку, чтобы поцѣловать, но та не давала, и она цѣловала ее въ плечико; дѣтямъ же тетенька протягивала очень охотно ручку, и они ее цѣловали, какъ-то съежившись при этомъ, и по нѣсколько разъ, какъ-будто не могли оторваться отъ такой сласти...

Что за дѣла такія были у тетеньки Клавдіи Васильевны съ Анной Ивановной и, вообще, что такъ связывало ихъ, за что онѣ любили такъ другъ друга и стояли одна за другую, мы знали довольно смутно, полагая лишь, что тетушка поручаетъ Аннѣ Ивановнѣ какія-то свои дѣла, и она ихъ ей всегда вѣрно и честно исполняетъ. Мы даже знали, что эти дѣла заключаются въ какихъ-то переводахъ или пересылкахъ мужиковъ изъ одного тетенькинаго имѣнія въ другое, изъ одной губерніи въ другую. Но о самомъ характерѣ такихъ дѣлъ, т. е., въ данномъ случаѣ, о самой ихъ сущности и о томъ, чѣмъ эти дѣла обусловливаются, чѣмъ сопровождаются, вообще, что это такое за дѣло, мы не имѣли ни малѣйшаго тогда понятія.

— Мама, да что такое Мутовкина ей дѣлаетъ? — спрашивали мы матушку.

— Ахъ, тамъ дѣла разныя по тетенькину имѣнію...

И ужъ только послѣ долгихъ разспросовъ однажды сказала:

— Тетя земли много пустой купила въ Саратовской губерніи, такъ ей мужиковъ туда послать надо...

Какъ это послать, откуда это Анна Ивановна ей этихъ мужиковъ можетъ набрать—ничего этого мы не понимали.

Няньки тоже отвѣчали какъ-то уклончиво на наши разспросы объ этомъ, хотя у нихъ иногда и вырывались такія выраженія:

— Отольются имъ обѣимъ эти слезы...

— Кому?

— Да тетенькѣ-то съ Анной Ивановной.

— За что?

Няньки ничего не отвѣчали, или вздыхали и говорили, что когда-нибудь мы все это поймемъ, а теперь намъ объ этомъ нечего знать и просили, чтобы мы объ этомъ ничего не говорили ни матушкѣ, ни отцу.

Очевидно и несомнѣнно, что тутъ было что-то не хорошее и запрещенное, чего мы не должны еще пока знать, но, что именно?

V.

Такъ бы, вѣроятно, всѣ эти «дѣла» и остались для насъ не разрѣшенной загадкой, по правдѣ, даже и мало интересовавшей насъ, дѣтей, а когда впослѣдствіи мы узнали бы ихъ, въ чемъ они заключались, но не увидя ихъ и не прочувствовавъ въ дѣтствѣ,— они сошли бы для насъ мертвымъ звукомъ, подъ ничего не выражающимъ названіемъ заселенія дальнихъ, степныхъ имѣній.

Но я ихъ, эти дѣла, видѣлъ... Я увидалъ ихъ, понялъ и хорошо почувствовалъ, благодаря случайному совсѣмъ обстоятельству—отъѣзду отца и матушки на мѣсяцъ въ Москву.

У насъ была какая-то намъ, дѣтямъ, неизвѣстная совершенно дальняя родственница—бабушка или тетушка, даже и этого не знаю хорошо,—которая постоянно жила въ Москвѣ. Но отецъ и матушка очень хорошо знали ее, очень любили и изрѣдка хотя, но все же переписывались. Судя по письмамъ, которыя получались отъ нея и читались потомъ и при насъ вслухъ, и она ихъ тоже любила.

Родственница эта давно ужъ изъявляла желаніе видѣть и матушку съ отцомъ, и насъ всѣхъ, и просила пріѣхать къ себѣ, или въ Москву, если зимою, къ ней въ домъ, или, если лѣтомъ, то въ ея подмосковную, гдѣ она любила жить съ самой весны. Поѣздка туда давно была рѣшена, но все откладывалась подъ разными предлогами изъ года въ годъ. Наконецъ, родственница написала

категорическое и необыкновенно чувствительное письмо, въ которомъ говорила и о томъ, что поѣздка эта не Богъ знаетъ какое ужъ трудное дѣло, что если они не ѣдутъ, то, значитъ, въ нихъ нѣтъ надлежащихъ къ ней родственныхъ чувствъ, а между тѣмъ она ужъ слабѣетъ, чувствуетъ, что ей не долго осталось жить, что она хотѣла бы распорядиться на счетъ оставляемыхъ ею имѣній, дома и денегъ и проч.,—и отецъ съ матушкой рѣшили, наконецъ, непремѣнно къ ней поѣхать, какъ только послѣ полой воды просохнетъ и установится настоящій ужъ лѣтній путь. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было и потому это обстоятельство, т. е. хорошая дорога, при семидневной ѣздѣ до Москвы, было очень важное. Такъ отвѣтили и родственницѣ, что явятся къ ней тотчасъ, какъ установится путь. По какимъ-то причинамъ или соображеніямъ насъ, дѣтей, однако, не брали съ собою, хотя родственница выражала въ своемъ письмѣ живѣйшее желаніе насъ видѣть. Настоящею причиной этого, кажется, было опасеніе, какъ бы мы не заболѣли дорогой и вообще наше здоровье, за которымъ смотрѣли и которое берегли я ужъ не знаю какъ,—«какъ зеницу ока», по любимой поговоркѣ нашихъ нянюшекъ. Сборы въ дорогу и разныя соображенія и распоряженія на счетъ того, какъ за нами смотрѣть, куда насъ пускать, куда не пускать, и проч., и проч., начались еще задолго, недѣли за двѣ до отъѣзда матушки съ отцомъ въ Москву.

Гувернантка наша, нѣмка Анна Карловна, и няньки наши, получали каждый день все новыя и новыя дополнительныя наставленія на счетъ всякой могущей встрѣтиться съ нами случайности: болѣзни какой, несчастія и проч., и проч. Матушка съ отцомъ первый разъ уѣзжали вмѣстѣ, покидали насъ такъ надолго и уѣзжали на такое далекое отъ семьи разстояніе.

Наконецъ, всѣ соображенія и распоряженія были кончены, дорога также просохла, сдѣлалась вполнѣ годною для дальней поѣздки. Къ крыльцу подвезли дорожную огромную карету и отпрягли ее. Тутъ она будетъ стоять дня два, покрытая бѣлымъ холстиннымъ чехломъ, пока будутъ въ нее, т. е. въ безчисленные ея сундуки, не спѣша и осмотрительно, все укладывать, что̀ надо взять съ собою для такой дальней дороги и потомъ для Москвы.

Вѣроятно, все бы это такъ и кончилось, устроилось, т. е., матушка съ отцомъ уѣхали бы въ Москву, оставивъ насъ на заботливомъ и вполнѣ достаточномъ попеченіи гувернантки Анны Карловны и нашихъ нянекъ, и мы прожили бы совершенно тихо, мирно и благополучно вплоть до ихъ возвращенія, если бы въ день, наканунѣ отъѣзда ихъ, къ вечеру, совершенно неожиданно, не появилась бы тетенька Клавдія Васильевна. И подъѣхала она до того тихо, что ее никто не слыхалъ. Мы увидали ее ужъ на балконѣ, что выходилъ у насъ въ садъ, и гдѣ мы всѣ въ это время сидѣли.

— Что это, вы ѣхать въ Москву собираетесь? — здороваясь и цѣлуясь со всѣми, спрашивала она: — а я было у васъ погостить хотѣла.

Ей начали разсказывать въ чемъ дѣло, почему рѣшили ѣхать именно теперь, а не въ другое какое время, и проч., и проч., и стали увѣрять, что ей все-таки рады и это будетъ даже очень хорошо, если за время поѣздки она пробудетъ у насъ, что это отлично вышло, что она надумала пріѣхать къ намъ именно теперь.

Завистливая, подозрительная и до крайности любопытная, она была видимо очень рада, что ей, такимъ образомъ, вдругъ и совершенно неожиданно открывается новое поприще хозяйки въ домѣ на цѣлый мѣсяцъ, и она многое узнаетъ, чего иначе никогда не могла бы узнать.

— Чтòжъ, пожалуй,—согласилась она.

— Это отлично. Ахъ, какъ это хорошо вышло,—искренно радовалась матушка, что будетъ еще одинъ вѣрный человѣкъ и притомъ такой авторитетный, солидный и родственный, который ужъ, конечно, будетъ заботиться и пещись объ насъ.

— Вы завтра утромъ, я слышала, ѣдете?

— Хотѣли, Клавдинька, завтра.

— Ну, чтòжъ, и не чего откладывать. Съ Богомъ.

— Да вѣдь одинъ день—это ничего не значитъ, можно и отложить.

— Нѣтъ, нѣтъ... Зачѣмъ... Что такое... Какія со мною церемоніи... Я, кажется, не чужая... своя...

На утро, прощаясь, матушка ей толковала главное про меня:

— Что все будетъ у насъ въ порядкѣ, въ томъ я увѣрена,— говорила матушка,— но вотъ я за него боюсь; онъ такой нервный, впечатлительный... На него все ужасно дѣйствуетъ... Какая-нибудь сцена...

Тетушка улыбалась своей сухой улыбкой и отвѣчала:

— Ничего, будь покойна... Ничего не случится... чтò же можетъ случится?..

Такъ матушка съ отцомъ и уѣхали.

VI.

Проводивъ ихъ, мы вернулись съ крыльца въ домъ, и я живо помню чувство пустоты и то сиротливое чувство, какое я ощутилъ сейчасъ же тогда. Это сиротство, быть можетъ, я почувствовалъ именно отъ присутствія тутъ «тети Клёди». Не будь ея, быть можетъ, было бы иначе; но она была тутъ и невольно приходило въ голову сравненіе ея съ тѣми, кто покинулъ насъ, съ отцомъ и матушкой, и кого замѣстительницей для насъ она теперь являлась...

— Ну, идите, занимайтесь съ Анной Карловной,—сказала она намъ.— Вы, Анна Карловна,— обратилась она къ гувернанткѣ,— пожалуйста, чтобы все такъ же... какъ было до сихъ поръ, безъ перемѣнъ. Какъ у васъ было заведено, такъ чтобы и теперь шло...

Мы пошли въ классную, а за нами, мы слышали, какъ тетенька кому-то сказала:

— Какъ бы послать кого-нибудь за Анной Ивановной... чтобы она сейчасъ ко мнѣ пріѣхала...

Это было первое ея распоряженіе, въ качествѣ правительницы, въ нашемъ домѣ, по отъѣздѣ отца съ матушкой.

Мутовкина, понятно, на крыльяхъ, точно, прилетѣла сейчасъ же. Когда мы «отучились» и вышли, по обыкновенію, въ залъ, чтобы играть и бѣгать, или отсюда ужъ черезъ балконъ идти гулять и играть въ садъ, Мутовкина ужъ прохаживалась вдоль комнатъ, сопровождая тетеньку, медленно выступавшую съ вѣчнымъ чулкомъ на спицахъ въ рукахъ, съ холодной, жесткой улыбкой на лицѣ.

И съ этого же перваго дня начались откровенія и открытія для насъ, что за дѣла такія у тетеньки съ Анной Ивановной. Если бы отецъ или матушка были дома, тетя Клёдя сидѣла и бесѣдовала бы съ Мутовкиной у себя въ комнатѣ, или гуляла бы съ нею въ саду, и онѣ тамъ обсуждали и разсматривали свои дѣла; но теперь отца и матушки не было дома, вмѣсто ихъ, съ согласія ихъ, и чуть не по ихъ просьбѣ, полноличной хозяйкой и замѣстительницей ихъ осталась тетенька Клавдія Васильевна, и она, въ этомъ качествѣ, хотѣла показываться всѣмъ на подобающемъ ей первомъ мѣстѣ, и ей, поневолѣ, такимъ образомъ, пришлось бесѣдовать и разсуждать обо всѣхъ своихъ дѣлахъ съ Мутовкиной при всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ присутствіи; да она, не находя ничего предосудительнаго въ нихъ, не считала нужнымъ и стѣсняться этимъ, или хранить ихъ отъ кого бы то ни было въ тайнѣ, исключая тѣхъ случаевъ, когда, вслѣдствіе огласки, какое-нибудь «дѣло», или какая-нибудь комбинація могли растроиться и не удасться.

Мутовкина тоже ни мало не стѣснялась. Она точно выросла. Точно съ высокимъ положеніемъ въ нашемъ домѣ, которое заняла тетенька, и она стала выше, получила какія-то права. Даже и къ намъ она, какъ будто, иначе начала относиться,— не обращала на насъ вниманія, не замѣчала насъ точно.

А объ нянькахъ и даже о гувернанткѣ, и подавно, ужъ и говорить нечего: она и знать ихъ не хотѣла.

И это все въ первый же день по отъѣздѣ отца съ матушкой.

Мы, дѣти, очень чутко поняли эту перемѣну разомъ, на нашихъ глазахъ, происшедшую и съ тетенькой и съ Анной Ивановной, и когда послѣ обѣда пошли гулять, и услыхали, какъ и что говорили по этому же поводу наша гувернантка и наши няньки,

мы почти обрадовались, найдя въ ихъ словахъ и разсужденіяхъ подтвержденія и объясненія того, что и сами замѣтили и почувствовали. Сразу, съ этого же дня, съ этой же самой послѣобѣденной прогулки нашей, не сговариваясь, не намекнувъ даже ни однимъ словомъ объ этомъ другъ другу, мы образовали свой совсѣмъ замкнутый кружокъ, прямо враждебный тетенькѣ и ея наперстницѣ Аннѣ Ивановнѣ. У себя дома мы теперь точно и не дома были, или по крайней мѣрѣ такъ стало казаться намъ.

Очень можетъ быть, что гувернантка и няньки, недовольныя тѣмъ, что первенствующая роль въ домѣ, которая должна была съ отъѣздомъ отца и матушки перейти къ нимъ, такъ вдругъ и неожиданно, вслѣдствіе случайнаго пріѣзда тетеньки, досталась ей, усиливали въ нашихъ глазахъ безтактность и холодность обращенія съ нами и тетеньки и Анны Ивановны, просто занятыхъ своими дѣлами, но намъ это все представлялось именно такъ, какъ мы чувствовали это сами и какъ еще болѣе ясно и отчетливо это представлялось изъ разговоровъ, какіе, нисколько не стѣсняясь нами, при насъ, постоянно во время прогулокъ вела гувернантка съ нашими няньками.

Обыкновенно, когда у насъ гостила тетенька, Мутовкина всегда являлась къ намъ съ дѣтьми своими, крестниками тетенькиными, но теперь она ихъ почему-то не везла. Этого пріѣзда ихъ мы боялись теперь, какъ огня. Они будутъ съ нами цѣлый день и тогда, значитъ, не будетъ у насъ убѣжища даже и въ своемъ кружкѣ. Этого только и не доставало!..

Но они не являлись.

Каждое утро къ намъ пріѣзжала Мутовкина, но одна, и мы радовались даже и этому, точно особенному какому счастію.

— Пріѣхала Мутовкина?—спрашивали мы утромъ няньку, передъ тѣмъ, какъ идти въ столовую пить чай.

— Пріѣхала. Ей-то не пріѣхать!..

— Одна?

— Одна... покамѣсть...

И точно повеселѣетъ все...

Точно и въ самомъ дѣлѣ, мы, дома у себя, не были дома и должны былы переносить это все, не имѣя даже права на протестъ...

VII.

Тетенькины дѣла, какъ мы вскорѣ, въ эти же первые дни, узнали, заключались всѣ въ томъ только, что она «скупала народъ», т. е. мужиковъ и бабъ, — гдѣ одного, гдѣ двухъ, а гдѣ и цѣлую семью, и двѣ, и три семьи. Мутовкина Анна Ивановна помогала ей въ этомъ, т. е. узнавала, гдѣ и у кого есть для продажи мужики, узнавала у владѣльцевъ и владѣлицъ ихъ цѣну, сооб-

щала все это тетенькѣ, а потомъ ужъ, если по ихъ соображеніямъ, обѣихъ ихъ, тетеньки и Мутовкиной, дѣло было подходящее, цѣна была подходящая, ѣздила и торговалась, урезонивала продавцевъ, пока дѣло не слаживалось наконецъ. За это тетенька платила ей «за труды», и чѣмъ выгоднѣе Мутовкина устроивала для тетеньки покупку, тѣмъ больше получала «за труды».

Обо всемъ этомъ мы догадались въ первый же день, за обѣдомъ, когда, нисколько ужъ не стѣсняясь, тетенька вела разговоры съ Мутовкиной. При отцѣ съ матушкой она этихъ разговоровъ ни за обѣдомъ, ни вообще публично, не вела, но теперь кого же ей было стѣсняться, да и за чѣмъ, да и что̀ тутъ такого?

Тогда кто же не продавалъ людей, кто же ихъ не покупалъ? Правда, у насъ не было «купленныхъ» людей и никого изъ нашихъ людей не продавали, а были они у насъ все тѣ же и были они не купленные, а такъ... просто наши... Сперва они были дѣдушкины, а потомъ стали наши...

Но мы слышали очень часто, что ихъ, т. е. людей, то продаютъ, то покупаютъ... И ничего тутъ въ этомъ нѣтъ ни страннаго, необыкновеннаго, ни предосудительнаго или дурного. Всѣ объ этомъ открыто говорили, всѣ это дѣлали. Что̀жъ тутъ такого?

Когда я узналъ, что въ этомъ только заключаются тетенькины дѣла съ Анной Ивановной, я помню, разочарованія свои по этому поводу даже. Чтожъ тутъ такого? Чтожъ это они такъ скрываютъ? думалъ я. Обыкновенныя дѣла и нисколько неинтересныя...

Когда послѣ обѣда мы пошли гулять, помню, я даже нѣсколько разочарованнымъ тономъ спросилъ у сопровождавшихъ насъ гувернантки и няньки:

— Анна Ивановна ѣздитъ и узнаетъ для тети Клёди, гдѣ продаютъ людей?

— Да.

— И больше ничего?

— Ничего.

— А потомъ тетя Клёдя дастъ ей денегъ, она ихъ ей и купитъ?

— Да.

— А потомъ ихъ тетя Клёдя отправитъ въ Саратовскую губернію къ себѣ въ имѣніе и они у нея тамъ живутъ?

— Тамъ и живутъ...

И въ слѣдующіе дни, каждый день и за обѣдомъ и вечеромъ за чаемъ, я слышалъ все тѣ же самые разговоры тетеньки съ Анной Ивановной о цѣнахъ на людей, о томъ, кто дешевле продаетъ у кого по такимъ-то и такимъ-то соображеніямъ выгоднѣе ихъ купить, и проч., и проч. Все то же самое и ничего необыкновеннаго, ничего такого, что слѣдовало бы скрывать отъ насъ и не скры-

вать даже—они, положимъ, не скрывали,—а считать неудобнымъ или какъ бы неприличнымъ говорить объ этомъ при насъ...

Но я все-таки продолжалъ ихъ слушать, вникалъ въ ихъ разговоры, въ надеждѣ все еще сдѣлать какое-нибудь открытіе, или хоть намекъ на то, что̀ они, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ имѣли бы основаніе отъ насъ скрывать; но — ничего. Всѣ фамиліи помѣщиковъ и помѣщицъ, у которыхъ имѣются, или онѣ предполагаютъ, что имѣются «для продажи» люди, возможныя или невозможныя цѣны, которыя они за нихъ запросятъ, разныя соображенія и хитрости, которыя, по мнѣнію тетушки, Мутовкина должна при своихъ розысканіяхъ продажныхъ людей и потомъ при торгѣ съ владѣльцами и при самой покупкѣ пускать въ ходъ—и больше ничего. Однообразный, сухой, скучный, нисколько неинтересный разговоръ.

Но вотъ, на третій или на четвертый день по отъѣздѣ отца съ матушкой, за вечернимъ чаемъ, я услыхалъ, что Мутовкина завтра куда-то уѣзжаетъ и будетъ назадъ не ранѣе, какъ дней черезъ десять, и уѣзжаетъ она по точно такому же тетенькиному дѣлу—окончательно сторговаться и купить отъ ея имени двѣ какія-то семьи мужиковъ или дворовыхъ людей.

Тетенька дѣлала ей наставленіе; Анна Ивановна слушала. Разъ или два Мутовкина пыталась было ей возражать, но тетенька сейчасъ же ее осаживала.

— Ты ужъ слушай лучше, что я тебѣ говорю... Меня послушай, лучше будетъ.

— Ну, слушаю, слушаю, благодѣтельница,—сейчасъ же покорившись, говорила Мутовкина.

Мое вниманіе остановили, я помню, изъ этого ихъ разговора только слѣдующія слова тетеньки:

— Если за стариковъ и за большихъ будутъ ломить ту же цѣну—и не нужно тогда совсѣмъ... Бери однихъ дѣтей. Эти мнѣ еще сподручнѣе и лучше. Подождать какихъ-нибудь пять, шесть лѣтъ—и такіе же работники будутъ, а цѣна совсѣмъ другая...

— Убыль бываетъ въ дѣтяхъ-то,—замѣтила Мутовкина.

— Какая же убыль? Убыль бываетъ въ грудныхъ, а эти, ты говоришь, какихъ лѣтъ? Семи, восьми?

— Да, такъ, по виду годовъ по семи, по восьми.

— Ну, такъ что̀жъ. И отлично. Черезъ шесть, семь лѣтъ—работники. Нынче вѣдь не какъ въ старину. Нынче въ пятнадцать-то лѣтъ онъ ужъ и пашетъ и коситъ...

— Да это такъ.

— А въ цѣнѣ-то какая разница. За эту цѣну-то я пятерыхъ дѣтей могу купить.

— Какъ можно—разница огромная!—соглашалась Анна Ивановна.

— Ну, то-то и дѣло. А что на убыль смотрѣть, можетъ убыль будетъ, — такъ вѣдь это и большіе умираютъ не равно. Это не узнаешь, кто дольше проживетъ, кто скорѣе умретъ. Вѣдь вотъ Ларька-то Ѳедотовскій, какой казался здоровякъ, что мы тогда за него триста рублей дали, а привезли въ Саратовъ, заболѣлъ и черезъ недѣлю его не стало.

Тетенька при этомъ начала было даже фантазировать, какъ бы она, если бы это было можно,—да вотъ бѣда не всѣ соглашаются продавать, — накупила бы все однихъ малолѣтнихъ, такъ — не меньше шести-семи лѣтъ—хлопотъ за ними много и дѣйствительно убыли больше — и какъ бы они у нея росли — совсѣмъ какъ молодыя деревца—а она бы на нихъ смотрѣла... современемъ всѣ работники будутъ... заплатятъ за свой кормъ и за воспитаніе...

Она начала даже наставлять въ этомъ Мутовкину, удивляться и выражать непониманіе почему это и какъ это всѣ стѣсняются, не продаютъ отъ отцовъ и матерей малолѣтнихъ...

— Точно не все одно. Также выростутъ. При матерях-отцахъ только избалуются—больше ничего... Да вонъ у меня же въ прошломъ году одиннадцать сиротъ купленныхъ—живехоньки всѣ и гораздо лучше выдутъ, я увѣрена, чѣмъ какъ при отцахъ - матеряхъ ростутъ! И въ работу раньше пойдутъ. Имъ надѣется не на кого. На себя однихъ только и есть надежда...

Это я слышалъ въ первый разъ. До тѣхъ поръ я не слышалъ, чтобы дѣтей продавали... И, потомъ, меня поразило лицо у тетеньки, когда она это все говорила. Лицо у нея было очень ужъ какое-то жесткое... глаза тоже узенькіе-преузенькіе сдѣлались, а сама она улыбалась...

VIII.

Это все произвело на меня тогда такое впечатлѣніе, что я никакъ не могъ отдѣлаться отъ него. А было оно не то, чтобы гнетущее какое—самаго факта, т. е. картины продажи дѣтей, я еще не видѣлъ покамѣстъ,—а я просто все носился, не могъ разстаться съ мыслью, увижу я этихъ проданныхъ и купленныхъ ею дѣтей, или нѣтъ, и какъ бы это ихъ увидѣть. Точно они, эти дѣти, должны были быть какія-нибудь особенныя, не такія совсѣмъ, какъ обыкновенныя, а какія-нибудь другія,—и вотъ въ чемъ эта разница, какъ она на нихъ отпечатлѣлась?..

Помню, я спрашивалъ объ этомъ и у нянекъ и у гувернантки, но онѣ на это отвѣчали не то, чтобы не охотно или равнодушно, а какъ-то такъ, что, дескать, «ну, самъ понимаешь—несчастныя, чтожъ тутъ еще толковать объ этомъ...» А когда я начиналъ настаивать и приставать съ разными вопросами относительно подробностей какъ это дѣлаютъ и проч., онѣ отвѣчали ужъ какъ-то подозрительно переглядываясь: «а, ну, какъ, если ты изъ этого

сцену какую глупую сдѣлаешь — бывали эти случаи-то ужъ не разъ...»

Съ сестрой Соней мнѣ еще меньше удалось выяснить это обстоятельство, т. е. чѣмъ это все должно сопровождаться, и какія такія должны быть эти дѣти.

— Крестьянскія,—сказала она, не понявъ хорошо того, что мнѣ нужно.

— Конечно, крестьянскія... Но они должно быть жалкія.

— Отчего?—удивилась даже она.

— Да какъ же... Вѣдь, тетя ихъ купитъ и увезетъ къ себѣ въ Саратовъ.

— Глупости какія.

— Нѣтъ, не глупости! Ты слышала, она вчера за обѣдомъ съ Мутовкиной-то разсуждала. У нея въ Саратовѣ ужъ много ихъ накуплено...

Сестра, вѣроятно, не слушавшая вчера разговора тетушки съ Мутовкиной объ этомъ, внимательно смотрѣла на меня, точно что-то соображая.

— Ты что-нибудь не то слышалъ,—наконецъ, сказала она.

— Нѣтъ, ужъ это вѣрно. Я знаю даже сколько ихъ у нея тамъ, въ Саратовѣ, накуплено: ихъ всѣхъ у нея одиннадцать...

Она промолчала на это, ничего мнѣ не отвѣтила...

Вечеромъ, однажды, въ одинъ изъ этихъ дней, вдругъ совершенно неожиданно явился къ намъ мужъ Анны Ивановны Мутовкиной.

— Алексѣй Макарычъ пріѣхали, — доложилъ лакей, — когда мы всѣ, т. е. тетенька, гувернантка наша и мы, сидѣли на террасѣ за чайнымъ столомъ.

Если бы это случилось при отцѣ, когда онъ былъ дома, Мутовкина навѣрное позвали бы въ кабинетъ, куда къ нему вышелъ бы отецъ одинъ, тамъ переговорилъ бы съ нимъ, о чемъ ему нужно, и тотъ уѣхалъ бы, не показавшись къ намъ. Но какъ будетъ теперь? Меня, я помню, ужасно это занимало,—благорасположеніе и дѣловыя отношенія тетеньки къ его женѣ—повліяютъ ли на его пріемъ, т. е. какъ тетенька велитъ его принять; позоветъ сюда, или выйдетъ одна къ нему?

— Проси же,—съ удивленіемъ и даже съ оттѣнкомъ нѣкотораго раздраженія на лакея за его непонятливость сказала тетенька.

— Сюда?—переспросилъ Никифоръ, не понимая куда его просить.

— Ну, конечно!.. И когда Никифоръ ушелъ добавила:—фу, какой дуракъ...

— Это онъ потому удивился,—ласково и вѣжливо, но съ оттѣнкомъ ядовитости, замѣтила тетенькѣ гувернантка,—что Мутовкина

никогда сюда не принимаютъ. Онъ обыковенно туда, въ кабинетъ проходитъ...

— А я вотъ сюда его прошу... Это я ужъ за это буду отвѣчать,—также вѣжливо и ласково отвѣтила ей тетенька, и, по обыкновенію, съ улыбкой посмотрѣла на нее.

Вошелъ Мутовкинъ, неловко раскланялся и потомъ поспѣшилъ прямо къ тетенькѣ, къ ручкѣ.

— Отъ Анны Ивановны, что ли? По дѣлу?—спросила его тетенька.

— Отъ нея, благодѣтельница.

— Опять напутала что-нибудь?—раздраженно проговорила тетенька.

— Что вы, благодѣтельница, избави Господи!.. Видѣлъ ее въ городѣ, купчую она совершаетъ, а я сюда ѣхалъ:—доѣзжай, говоритъ, поскорѣй, узнай у благодѣтельницы, не купитъ ли, за одно, дешево тутъ семья одна продается... Мужъ съ женой, четверо дѣтей...

— Чьи? Кто продаетъ-то.

— Не спросилъ. Вспомнилъ потомъ,—далеко ужъ отъѣхалъ...

— И цѣны тоже не знаешь.

— Нѣтъ, цѣну знаю. За всѣхъ шестерыхъ...

Я не помню теперь, какую онъ цифру сказалъ, но тетенька какъ-то сухо приняла это извѣстіе. Не показалась эта цѣна ей выгодной что ли, или по другому почему, но только Мутовкинъ, видимо, не такой ожидалъ встрѣчи привезенному имъ предложенію.

— Тѣхъ-то она купила, по крайней мѣрѣ, за которыми я ее послала?—спросила его тетенька.

— Купила, купила, благодѣтельница. Какъ же не купила.—Говорю, въ городѣ ужъ, купчую совершаютъ. Велѣла еще она сказать, что сама къ вамъ сюда ихъ всѣхъ привезетъ. Боится оставить ихъ тамъ, какъ бы не надѣлали чего надъ собою... да и за дѣтей тоже... Двухъ-то дѣтей вѣдь отъ отцевъ-матерей берутъ,—ну такъ боится, какъ бы они надъ ними не сдѣлали чего...

Тетенька выслушала и это все съ неудовольствіемъ и только замѣтила:

— Она бы, дура, хоть заковать-то велѣла большихъ.

— Закованы они у нея, закованы,—успокоивающе заговорилъ Мутовкинъ.—Какъ же, закованы. Она и это, благодѣтельница, мнѣ говорила. Она со всѣми съ ними у Семенихина на постояломъ дворѣ стоитъ. Они всѣ съ нею, потому, благодѣтельница, говоритъ: — боюсь однихъ ихъ оставить... Закованы... Какъ же,—закованы...

Тетенька начала потомъ говорить съ Мутовкинымъ какъ-будто немного спокойнѣе и не такимъ недовольнымъ тономъ. Она даже вернулась къ обсужденію привезеннаго имъ предложенія его жены купить еще какихъ-то людей съ четырьмя ихъ дѣтьми.

— Мнѣ народу много надо купить,—говорила тетенька:—въ Саратовѣ у меня пять тысячъ десятинъ, а душъ тамъ и полусотни не наберется. Мнѣ много надо...

— Благодѣтельница, да она, моя дура-то, для васъ готова стараться. Вы только про нее не думайте, чтобы она на счетъ чего другого и прочаго,—ни Боже мой. Она, благодѣтельница, вотъ какъ для васъ старается...

— Ея же выгода,—отвѣчала тетенька.

— Жизни своей она для васъ, благодѣтельница, не жалѣетъ...

— Ну, вздоръ...—сказала тетенька.

— Нѣтъ, не вздоръ это, благодѣтельница, а, доложу вамъ, сущая правда. Золъ на нее здѣшній народъ, охъ какъ золъ... И за эти все дѣла. Названія—имени ей нѣтъ другого, какъ ворона.— «Вонъ она, летитъ ворона! Опять видно цыплячьяго мяса захотѣла!..»

— Перестань, глупости говоришь. И слушать тебя не хочу,—передернувъ плечами, проговорила тетенька, и оглянулась на насъ.

А онъ, точно не замѣтилъ этого, что тетенька-то вотъ раздражалась отъ этихъ его разсказовъ, продолжалъ:

— Не глупость, благодѣтельница, говорю, а сущую правду и вотъ какъ передъ Богомъ не вру, знаю, отъ вѣрныхъ людей слышалъ, убить хотятъ ее!.. Какъ, говорятъ, полетитъ ворона опять по уѣзду, такъ ей и конецъ, довольно ей цыплятъ отъ матерей изъ гнѣздъ таскать...

— Перестань!—я тебѣ говорю,—почти вскричала тетенька.

Тетенька была сильно на него раздражена: кончикъ носика у нея побѣлѣлъ, то и дѣло она подергивала плечами и на лицѣ у нея, какъ зарница, быстро вспыхивала и опять потухала ея сухая, холодная, жесткая улыбка, отъ которой и намъ становилось иногда не то чтобы жутко, а непріятно... и хочется уйти...

— Ну, перестану, перестану, благодѣтельница,—опять зачастилъ онъ.—Я вѣдь это собственно къ тому, что если, избави Господи, она и на самомъ дѣлѣ изъ-за васъ живота своего по злобѣ людской лишится...

Но тутъ тетенька ужъ не выдержала и своимъ сорвавшимся, точно надтреснутымъ голоскомъ закричала на него:

— Перестань!.. тебѣ я говорю!..

Мутовкинъ безропотно замолчалъ, весь какъ-то даже съежившись и умалившись при этомъ. А тетенька—ужъ чисто отъ раздраженія, знали мы ее—вздрогнула раза три плечиками и потянула въ себя сквозь зубы воздухъ, какъ бы морозъ пробѣжалъ у нея по спинѣ... А потомъ опять ничего,—обернулась, посмотрѣла на насъ на всѣхъ и улыбнулась ужъ покойнѣе, продолжительнѣе.

Больше она ужъ тутъ, въ этотъ вечеръ, при насъ, объ этомъ обо всемъ съ нимъ не говорила. Потомъ, въ десять часовъ мы, т. е.

я съ сестрой, пошли спать, сопутствуемые, по обыкновенію, до самой дѣтской, нашей гувернанткой, гдѣ мы переходили ужъ всецѣло въ завѣдываніе нянекъ,—и долго ли оставался въ домѣ у насъ Мутовкинъ и что съ нимъ говорила тетенька, мы ужъ не могли знать.

Да довольно было съ насъ и того, что мы узнали изъ ихъ разговоровъ въ этотъ вечеръ, начиная съ того, что къ намъ на дняхъ Мутовкина привезетъ купленыхъ ею для тетеньки дѣтей и скованныхъ большихъ мужиковъ, до извѣстія о томъ, что Мутовкину Анну Ивановну, эту «ворону»—я самъ сталъ представлять ее себѣ неиначе, какъ вороной—хотятъ убить и, можетъ быть, вотъ-вотъ и въ самомъ дѣлѣ ее убьютъ...

Подавленный всѣми этими извѣстіями, такъ много говорившими моему воображенію, извѣстіями такими образными и вмѣстѣ такими вдругъ неожиданными, я ужъ ни о чемъ другомъ не могъ ни думать, ни говорить. Я обращался къ сестрѣ съ вопросами, къ нянькамъ, разсказывалъ самъ имъ, опять повторялъ то, что ужъ разсказывалъ однажды.

— «Цыплятъ повадилась таскать»—вѣдь это они, мужики, про дѣтей своихъ... да?—спрашивалъ я.

— Ну, извѣстно.

— И ихъ какъ же повезутъ—въ телѣгахъ?

— Не въ тарантасахъ же—извѣстно на телѣгахъ.

— Ихъ когда же привезутъ?

— Вы бы спросили у тетеньки,—отвѣчала нянька, которой я предлагалъ эти вопросы,—но сейчасъ же сообразила, что изъ того, что я буду ее объ этомъ спрашивать, выйдетъ, пожалуй, еще какая-нибудь исторія, спохватилась и добавила:—вы въ самомъ дѣлѣ не вздумайте объ этомъ ее разспрашивать.

— Почему же это?

— А потому, что не нужно этого.

— Я хочу знать, когда.

— Это совсѣмъ не ваше дѣло.

— Я хочу ихъ видѣть, когда ихъ привезутъ.

— Ну, ужъ этого вотъ только и не доставало!—рѣшительнымъ тономъ сказала нянька, и я тутъ же почти съ испугомъ понялъ, что мнѣ много будетъ хлопотъ и узнать когда ихъ привезутъ, и потомъ, когда провезутъ—увидѣть ихъ, да еще и удастся ли это?..

Я зналъ, что нянька меня ужасно любитъ, души, что называется во мнѣ не чаетъ, и что она, конечно, не отказалась бы и дать мнѣ знать, извѣстить меня, когда ихъ привезутъ и пойти со мною ихъ посмотрѣть, но ей ужъ столько разъ попадало за это, т. е. за подобныя неумѣстныя мнѣ поблажки, послѣ которыхъ я бывалъ и разстроенъ на нѣсколько дней и, однажды, даже серьезно боленъ, что я не могъ теперь разсчитывать на то, что уговорю ее.

А изъ разспросовъ моихъ и приставаній она ужъ видѣла — я сдѣлалъ эту оплошность, не скрылъ отъ нея, что дѣти, купленныя тетенькой и, вообще, вся эта исторія ея съ покупками людей, сильно меня и интересуетъ, и возбуждаетъ. Оставалось, стало быть, разсчитывать только на случайность, т. е., что случайно какъ-нибудь встрѣтимъ этотъ поѣздъ во время прогулки, или на хитрость, если удастся какъ-нибудь схитрить и явиться, когда узнаю, что ихъ привезли, неожиданно туда, ни у кого не спросясь,—а тамъ ужъ ничего они не подѣлаютъ, будетъ поздно, когда я ужъ все увижу...

IX.

И вотъ начались, съ этой тайной мыслью въ разсчетѣ на случайную встрѣчу во время прогулки, наши съ сестрой—мы конечно сговорились ужъ съ ней—приставанья къ гувернанткѣ и къ нянькамъ идти гулять не въ садъ, а въ поле, на выгонъ, къ деревнѣ, туда гдѣ дорога, по которой «они» должны были пріѣхать.

День, два, мы ходили туда гулять и утромъ до жары и вечеромъ, и никто не спорилъ съ нами, ни гувернантка Анна Карловна, ни няньки, находя вполнѣ естественнымъ это желаніе наше гулять тамъ, такъ какъ могло намъ надоѣсть гулять все время въ саду; но постоянныя наши упрашиванья идти гулять опять и опять на выгонъ, къ деревнѣ, гдѣ ровно ничего не было для нихъ интереснаго и гдѣ, кромѣ того, очень часто еще пекло солнце, не могло, наконецъ, не показаться имъ страннымъ.

— А, глупость, ну что тамъ дѣлать? Ну что тамъ—дорогу вы что ли не видали? Въ саду хоть тѣнь по крайней мѣрѣ есть, а тамъ что?—говорила Анна Карловна, гувернантка.

Но мы ее упрашивали, говорили, что на выгонѣ такъ хорошо намъ гулять, бѣгать съ сестрой, и она соглашалась, мы шли туда опять.

И мы съ сестрой нарочно, когда намъ и не хотѣлось вовсе, бѣгали по выгону, играли, чтобы только показать, какъ здѣсь хорошо и какъ намъ тутъ весело... И въ какомъ секретѣ я старался держать эту тайну, этотъ маленькій нашъ заговоръ!..

— Пойдемъ, Соня, бѣгать, — упрашивалъ я сестру: — ну, пойдемъ же.

Побѣжимъ, отбѣжимъ такъ, что насъ не слышатъ, пойдемъ потише, и заговоримъ, высказываемъ другъ другу наши соображенія, когда «ихъ» привезутъ, откуда, съ какой стороны—дорогъ много—«они» должны ѣхать.

За эти дни мы еще кое-что услыхали и узнали изъ разговоровъ тетеньки съ пріѣзжавшимъ къ ней изъ ея здѣшняго, не Саратовскаго, имѣнія старостой, бородатымъ съ огромной лысиной мужикомъ, котораго мы и ранѣе знали. Она говорила съ нимъ, и мы

слышали, какъ она сказала ему, что на дняхъ къ нему привезутъ двѣ семьи мужицкихъ, которыя она купила и пятерыхъ дѣтей, «разныхъ»,—какъ она ихъ ему назвала, такъ вотъ чтобы онъ ихъ принялъ и затѣмъ, какъ это и раньше было, въ прежній разъ, отправилъ бы на подводахъ въ Саратовъ и чтобы караулъ при этомъ и присмотръ за ними былъ крѣпкій. И опять упоминалось, чтобы мужики были скованы...

Высокій, бородатый мужикъ, вѣрный слуга ея и исполнитель всѣхъ тетенькиныхъ плановъ и распоряженій—«мучитель», «кровопійца», какъ называли намъ, говорили про него наши няньки—стоялъ передъ ней у притолки и все только повторялъ:

— Слушаю, матушка, слушаю... понимаю... будьте покойны.

Про этого мужика, старосту тетенькинаго, разсказывали ужасы.

— Онъ совсѣмъ безъ милости,—говорили няньки:—совсѣмъ въ тетеньку, или вотъ въ эту ворону-то подлую, въ Анну Ивановну,—за то она и любитъ его, ему одному и довѣряетъ. И какъ это человѣкъ о душѣ своей не думаетъ? Ну,—служи господину, а какая жъ это служба, развѣ это службой называется? Это кровопійца... кровь христіанскую пьетъ...

Я помню, когда первый разъ я услыхалъ это выраженіе, или слово—«кровопійца»—я думалъ, что тотъ, про кого это было сказано, и въ самомъ дѣлѣ пьетъ кровь, въ буквальномъ смыслѣ. Но теперь—мнѣ было ужъ лѣтъ десять,—я ужъ хорошо зналъ—довольно было для этого случаевъ—что можно быть «кровопійцей» и не пить на самомъ дѣлѣ кровь...

И тетенька дѣйствительно любила этого страшнаго и по виду мужика. Всякій разъ, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ, когда онъ у нея бывалъ «за приказаніями», она просила, чтобы ему дали стаканъ водки, которую тотъ выпивалъ медленно, какъ воду, потомъ нагибался, бралъ край армяка или полушубка—въ чемъ онъ былъ одѣтъ—утиралъ имъ губы, кланялся и говорилъ:

— Благодаримъ покорно.

Эти бесѣды у тетеньки съ нимъ происходили всегда обыкновенно въ дѣвичьей, куда и мы входили посмотрѣть на него и послушать о чемъ онъ съ ней говоритъ.

Но теперь, пользуясь, отсутствіемъ отца и матушки и тѣмъ, что она осталась за нихъ хозяйкой здѣсь, она этого жестокаго мужика позвала на балконъ, гдѣ и мы всѣ сидѣли и бесѣдовала съ нимъ. Онъ стоялъ на одномъ концѣ балкона, а мы сидѣли за чайнымъ столомъ на другомъ, прихлебывали чай со сливками изъ нашихъ чашекъ, слушали ихъ разговоръ и посматривали на нихъ, то на тетеньку, когда она говорила, то на него, когда онъ глухимъ своимъ голосомъ произносилъ: — «слушаю-съ... слушаю-съ... будьте покойны»...

Отъ слышанныхъ разсказовъ, или и въ самомъ дѣлѣ онъ и самъ по себѣ производилъ такое впечатлѣніе, но какъ-то жутко становилось, когда я представлялъ себѣ, что я почему-то вдругъ остался бы съ нимъ одинъ на одинъ... и мы ѣдемъ... въ полѣ... кругомъ никого нѣтъ... сумерки ужъ...

У дѣтей ужасно легко разыгрывается воображеніе, а я къ тому же былъ еще и страшно впечатлительный, нервный въ то время. Я очень часто тогда воображалъ себя то въ томъ, то въ другомъ положеніи, и въ головѣ, предъ глазами моими, проносились цѣлыя картины...

«Они» къ нему пріѣдутъ,—фантазировалъ я самъ съ собою, въ мысляхъ—эти скованные мужики и эти «разныя» дѣти, и онъ ихъ приметъ и останется съ ними одинъ на одинъ... кругомъ никого нѣтъ... и онъ начнетъ ихъ мучить...

Но на самомъ дѣлѣ это все, т. е. пріѣздъ ихъ и какъ я ихъ увидалъ, случились совсѣмъ иначе и гораздо проще—по крайней мѣрѣ не такъ, какъ я себѣ воображалъ.

Когда тетенька обо всемъ съ нимъ переговорила и совсѣмъ ужъ отпустила было его, онъ вдругъ спросилъ ее:

— А когда ихъ, матушка, привезутъ-то сюда?

— Этихъ... Купленныхъ-то?

— Да-съ.

— Да не знаю я. Я послала эту дуру,—съ раздраженіемъ отвѣтила ему тетенька.

— Анну Ивановну?

— Да. А она и запропала куда-то. Я еще вчера ее поджидала, а ее и сегодня нѣтъ.

— Ночью-то можетъ и подъѣдетъ. Изъ города-то можетъ холодкомъ выѣхали, теперь и ѣдутъ, къ утру будутъ...

Тетенька прослушила это и, найдя его соображеніе не серьезнымъ, отвѣтила:

— Нѣтъ, она въ ночь не выѣдетъ...

— Жарко днемъ-то. Вотъ, я ѣхалъ,—такъ и паритъ. А ночью-то, холодкомъ-то, хорошо.

— Да не поѣдетъ она ночью, я тебѣ говорю,— съ раздраженіемъ ужъ сказала тетенька, помолчала и добавила:—Какъ же это она ночью съ ними поѣдетъ... Пять мужиковъ везетъ, двухъ бабъ, да еще дѣтей съ ней сколько — и поѣдетъ она ночью... Я и то боюсь—вотъ, что не ѣдетъ-то она—не случилось ли ужъ чего съ нею...

Староста переступилъ съ ноги на ногу, переложилъ руки, кашлянулъ и, видимо, ждалъ дальнѣйшихъ сообщеній,—хорошо не понимая, что же такое могло съ ней случиться.

— Здѣсь народъ-то, самъ знаешь какой, — продолжала тетенька, опять помолчавъ нѣсколько.

— Да это ужъ извѣстно,—отозвался староста.

Такъ тетенька и не выговорила, что она боится, ужъ не убили ли Мутовкину. Я помню, мнѣ ужасно хотѣлось услыхать, какъ она это скажетъ... чтобы она это сказала... Но она такъ и не сказала, все-таки.

Только староста теперь понялъ, послѣ ея послѣдняго намека, вздохнулъ и тихо кашлянулъ.

— Ты, вотъ что: ты сегодня не ѣзди. Такъ и быть, ты ужъ подожди ее. Можетъ завтрашній день-то она подъѣдетъ. Она, я думаю, въ городѣ съ купчей замѣшкалась. Тутъ она мужа на дняхъ присылала, просила узнать не куплю ли я еще—еще двѣ семьи продаются—такъ я велѣла, если по той же цѣнѣ отдадутъ, купить ужъ за одно и ихъ...

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ староста: — Ужъ извѣстно, за одно ихъ везти, одни хлопоты, что больше двѣ семьи, что меньше.

— Да... Такъ,—раздумывая что-то, отвѣтила тетенька. Помолчала еще и сказала:—Ну, такъ иди покамѣстъ. Завтра, какъ пріѣдутъ, придешь...

— А подводы-то откуда мы возьмемъ?—вновь заговорилъ староста.

— Я здѣшнія дамъ.

— Народъ тоже нуженъ будетъ... везти-то ихъ... и для караулу тоже...

— Ну, это завтра увидимъ.

Староста постоялъ немного еще, поклонился и сошелъ съ балкона.

X.

Утромъ, на слѣдующій день, я проспалъ должно быть, или, ужъ не знаю почему, но только нянька все торопила меня умываться, говоря, что всѣ давно ужъ встали и вдругъ совершенно неожиданно сказала:

— Тетенька ужъ и такъ заждались, — она очень любила сама разливать чай и всегда и вездѣ это дѣлала, когда пріѣзжала куда,— имъ некогда, онѣ и то торопятся идти сейчасъ.

— Куда?—съ удивленіемъ спросилъ я.

— По дѣламъ своимъ... Смотрѣть этихъ купленныхъ-то, что Анна Ивановна привезла.

— Ихъ привезли? Когда?!—воскликнулъ я.

И я почувствовалъ, что у меня въ головѣ мыслей-мыслей безъ конца:—«Когда?» «Какъ?» «Куда ихъ помѣстили?» «Гдѣ они?...» Я стоялъ съ намыленными руками и что говорила нянька, я ничего ужъ не слыхалъ.

— Гдѣ же они? Какъ же это?—спрашивалъ, повторялъ я.

Кое-какъ, наскоро умывшись и одѣвшись, я поспѣшилъ на террасу, гдѣ мы обыкновенно пили лѣтомъ утренній чай.

Тамъ еще сидѣли тетенька и съ ней Анна Ивановна, загорѣлая, запыленная съ дороги, въ ситцевомъ, темненькомъ платьицѣ и съ необыкновеннымъ оживленіемъ, разводя руками, какъ бы показывая что̀, говорила, разсказывала что̀-то тетенькѣ.

Тетенька слушала ее съ довольной, т. е. холодной, сухой своей улыбкой, только болѣе оживленной теперь, какъ всегда это бывало съ нею, когда ей приходилось, не смотря на препятствіе, или общее сомнѣніе, все-таки восторжествовать, наконецъ.

На мгновеніе оглянувшись на меня, при моемъ появленіи, она взяла чайникъ и начала наливать мнѣ чай, вся поглощенная тѣмъ, что разсказывала ей Мутовкина.

Сестры и гувернантки ужъ не было за чайнымъ столомъ. Онѣ гуляли—мнѣ было ихъ видно съ террасы—въ саду.

Я поздоровался, т. е. поцѣловался съ тетенькой и сѣлъ, пододвинувъ къ себѣ свою чашку.

Мутовкина разсказывала, а тетенька слушала, совершенно позабывъ обо мнѣ, необращая никакого вниманія на то, что я тутъ сижу.

Мутовкина разсказывала, какъ она выѣзжала вчера съ своей кладью изъ города и какъ на нее, ѣхавшую со всѣми вмѣстѣ, тоже въ телѣгѣ, всѣ смотрѣли...

— И ѣду это я раннимъ утромъ по Дворянской, а губернаторъ на встрѣчу... Я такъ знаете, благодѣтельница... вся вотъ эдакъ, вотъ эдакъ...

— Что жъ онъ могъ бы сдѣлать?.. Ничего: законъ есть,—спокойно, съ презрительной улыбкой замѣтила ей тетенька.

— Его въ этотъ день встрѣчали... На ревизію онъ пріѣзжалъ. Чиновники-то всѣ вотъ какъ... зубъ на зубъ не попадутъ... Боятся... чувствуютъ всѣ за собою... Улицы песочкомъ посыпаны... А я-то съ добромъ этимъ своимъ на встрѣчу прямо ему...

— Ничего, ровно ничего онъ не могъ бы сдѣлать,—повторяла тетенька.

— Ахъ, благодѣтельница, вы по себѣ это судите, а я что̀? что̀ я ему? маленькій человѣкъ... А впереди меня-то на трехъ подводахъ людей скованныхъ везутъ... ребятъ малыхъ... стонъ... вой... плачъ... за ребятами-то матери бѣгутъ, голосятъ... Раиса Павловна-то, какъ продавала, обѣщала не позволять матерямъ провожать ребятъ, а тамъ видно позволила,—онѣ бѣгутъ за телѣгами-то въ голосъ голосятъ... Только онъ, губернаторъ-то, спалъ еще должно быть въ каретѣ, рано еще было, часовъ въ шесть мы выѣхали-то; а увидь онъ, навѣрное остановился бы...

— Ну, и, все равно, ничего не взялъ бы. Законъ есть на это. Господинъ воленъ своего раба кому угодно продать и купить тоже, если пожелаетъ,—стояла на своемъ тетенька.

— Страшно ужъ мнѣ-то тутъ стало. И за чѣмъ думаю, я, дура, по другой улицѣ не поѣхала. Вѣдь знала я, что ждутъ сегодня губернатора-то, и видѣла песочекъ на улицѣ... Ну, вотъ, какъ отнялъ кто у меня разумъ...

— Нѣтъ, это вздоръ, а я боялась, какъ бы ты въ самомъ дѣлѣ ночью сдуру не выѣхала изъ города-то. Подгородный народъ извѣстно какой...

— Побоялась, побоялась, благодѣтельница... И вчера-то, ѣдемъ, припоздали... Нѣтъ, думаю, не поѣду ночью, лучше въ Ивановкѣ заночую... Скованныхъ-то мужиковъ заперла въ сарай на постояломъ дворѣ, бабъ тоже. А дѣтей собрала къ себѣ, полеглись это они всѣ вокругъ меня, устали съ дороги и сейчасъ поснули... А я-то сама заснуть не могу... Ну, что хочешь—не могу да и только. Чуть что стукнетъ, или скрипнетъ, кажется мнѣ, что идутъ ко мнѣ, убить меня хотятъ — да и все тутъ... На дворѣ лошадь захрапитъ, собака цѣпью зазвенитъ, кажется, мужики мои посломали кандалы, идутъ ко мнѣ, убить хотятъ...

— Глупости какія,—презрительно улыбаясь, сказала ей на это тетенька.

— Охъ, ужъ не забуду я этого раза, набралась я страха. Сколько ужъ разъ я ихъ возила, а такого раза еще не бывало... И все разъ отъ разу хуже и хуже становится съ этимъ дѣломъ... Прежде народъ другой совсѣмъ былъ, а теперь лица-то у всѣхъ звѣрскія какія. Смотрятъ это на тебя, куда пріѣдешь, такъ кажется, чѣмъ попало сейчасъ бы тебя, тутъ же на мѣстѣ, и положили...

— Глупости, все это кажется только тебѣ.

— Нѣтъ, благодѣтельница, нѣтъ, не кажется... И по дорогѣ-то, и днемъ ѣдешь съ ними, — выѣдешь въ глухое мѣсто, далеко отъ жилья, лѣсокъ гдѣ, или оврагъ какой—и то я ни жива ни мертва. Ну, что я одна подѣлаю съ ними. На подводчиковъ, да на двухъ караульныхъ, какая ужъ надежда...

Тетенька при этомъ пожала плечиками—не понимаю, дескать— и протянула ручку къ лежавшимъ передъ нею какимъ-то деньгамъ и бумагамъ. Она молча сосчитала деньги, развернула, по-очереди, одну за другой бумаги, подержала ихъ и опять все сложила въ кучу.

— Вѣрно?—проговорила Анна Ивановна.

— Кажется,—отвѣчала ей тетенька.

— Пойдете, посмотрѣть-то ихъ?—спросила Мутовкина.

— Да, пойду,—отвѣчала тетенька; взяла со стола бумаги, сдачу, и поднялась, намѣреваясь уйти.

Во мнѣ дыханіе сжалось, сердце часто-часто билось:

«А ну, какъ она не возьметъ меня съ собою, не позволитъ?»

— Тетя, ты куда?—спросилъ я.

— Такъ, не далеко. До каретнаго сарая... Они тамъ, ты говоришь?—обратилась она къ Мутовкиной.

— Тамъ, благодѣтельница, тамъ...

— Тетя, голубчикъ, ну возьми меня съ собою, — жалобно, ласково сказалъ я, — какъ я никогда не говорилъ ей. — Ну, пожалуйста...

Она совсѣмъ рыбьимъ взглядомъ посмотрѣла на меня и по рыбьему же, еслибы рыба улыбалась, улыбнулась.

— Ну, пожалуйста... — снова началъ было я и вдругъ вздрогнулъ подъ этимъ ея взглядомъ.

— Ты что? Что съ тобою?..—остановилась она.

«Ну, все пропало, теперь не возьметъ меня», — мелькнуло у меня на мгновеніе въ головѣ.

Но она должно быть иначе объяснила это себѣ, т. е. тѣмъ, что это у меня случилось оттого, что я такъ прошу ее, а она не соглашается...

— Ну, иди...—проговорила она.

Я взглянулъ въ садъ. Гувернантка и Соня были далеко. Бѣжать за ними было ужъ некогда, да Анна Карловна, узнавъ, куда мы идемъ, пожалуй, возстала бы противъ этого, не пустила бы меня... Помню, у меня шевельнулось какое-то угрызеніе совѣсти противъ сестры — какъ же это такъ: я пойду; все увижу, а она нѣтъ, и я точно это тайкомъ отъ нея дѣлаю... Но я до такой степени былъ нервно возбужденъ, такъ боялся, что мнѣ не удастся увидать скованныхъ людей и этихъ купленныхъ и привезенныхъ «разныхъ» дѣтей, что эта мысль—угрызеніе совѣсти, только мелькнула у меня на мгновеніе въ головѣ и сейчасъ же прошла—въ виду грозившей опасности ничего не увидать...

XI.

Тетенька накинула на голову розовый шелковый платочекъ,—распустила зонтикъ отъ солнца—день былъ солнечный, жаркій—и мы втроемъ, т. е. еще Мутовкина и я, вышли на крыльцо.

До каретнаго сарая отъ дома было шаговъ двѣсти, если не больше: конюшня, при которой былъ этотъ сарай, стояла у самаго выѣзда со двора. Мы шли туда прямикомъ, по мелкой, зеленой травѣ, которая обыкновенно ростетъ на чисто и опрятно содержимомъ пространствѣ, въ усадьбѣ передъ домомъ. Изъ флигелей, изъ избъ, въ которыхъ жили кучера и проч. дворовые, на насъ выглядывали лица, догадавшись вѣроятно, куда мы идемъ. И мнѣ—живо я это помню—неловко какъ-то было идти, точно я будто тоже съ ними въ этомъ участвую, т. е., вотъ съ тетенькой и Мутовкиной...

Каретный сарай былъ затворенъ, не заперъ, а затворенъ только. Возлѣ него стояли четыре телѣги и выпряженныя изъ нихъ лошади ѣли овесъ или сѣно, положенное или насыпанное въ эти

телѣги. У одной изъ телѣгъ стоялъ мужикъ — не нашъ, чужой, очевидно, одинъ изъ подводчиковъ, привезшихъ «кладь».—Когда мы стали подходить къ каретному сараю, онъ пріотворилъ немного одну дверь его и вошелъ туда. Сейчасъ же, вслѣдъ за тѣмъ, оттуда вышелъ тетенькинъ староста, который, оказалось, ужъ былъ тамъ.

«Что онъ тамъ съ «ними» дѣлалъ? Можетъ, онъ тамъ мучилъ ихъ?» — мелькнуло у меня въ головѣ и я опять вздрогнулъ. Мнѣ было жутко...

— Что это съ тобою?—спросила, замѣтивъ это, тетенька.

Но я ужъ ничего не могъ отвѣтить ей. Нижняя губа у меня дрожала, горло сдавливало и холодно всему было.

— Что съ тобою?—повторила тетенька.—Посмотри-ка на меня?

Я взглянулъ на нее, стараясь улыбнуться, и насилу-насилу могъ выговорить:

— Ничего...

Мы подошли къ сараю.

Староста стоялъ съ непокрытой головой. Онъ отвѣчалъ тетенькѣ поклономъ, на который она кивнула ему.

— Ну, что? Всѣ они тутъ?—сказала тетенька.

— Тутъ-съ,—коротко отвѣтилъ староста.

— Ну-ка, отвори...

Староста сталъ разомъ, одновременно упираясь въ обѣ половинки огромныхъ дверей каретнаго сарая, отворять ихъ. Прямо оттуда, изъ темноты, извнутри сарая, глянули на насъ блестящія оглобли экипажей, кузова ихъ, пахнуло запахомъ кожи, мази колесной. Но «ихъ» не было видно. Не увидала ихъ и тетенька, потому что спросила, ни къ кому исключительно не обращаясь:

— Гдѣ же они?

— А вотъ тутъ, влѣво-то... вы взойдите въ сарай... темно. Со свѣту-то не видно сразу,—объяснила ей Мутовкина.

Тетенька шагнула въ сарай, за ней Мутовкина, и за этой ужъ, и я, со страхомъ заглядывая влѣво.

Тамъ, въ огромной, темной пустотѣ, виднѣлись на полу, на подостланномъ сѣнѣ люди. Они начали вставать и загремѣли желѣзомъ. Сюда, ближе къ намъ, сидѣли тоже на сѣнѣ дѣти. Эти и не думали вставать, только смотрѣли на насъ.

— Тутъ темно. Я ничего не вижу,—сказала тетенька.—Выйдите сюда на свѣтъ.

— Выйдите сюда. Что вы туда забились? Сюда на свѣтъ выйдите,—повторилъ ея приказанія староста, дѣлая шага два къ нимъ туда, въ глубь сарая.

Изъ темноты, одинъ за однимъ, начали выходить сперва мужики, потомъ бабы. Они всѣ выстроились въ рядъ и молча, съ серьезными лицами, смотрѣли на насъ.

— Жили сперва у однихъ господъ, теперь у меня будете жить,— обратилась къ нимъ тетенька.

Молчаніе, ни слова...

— Будете хорошо жить, и вамъ будетъ хорошо, — продолжала тетенька:—А вотъ, ты, что это—какой изъ нихъ тутъ Анкудимъ?— ей показали на самаго небольшого мужика, лѣтъ сорока, худого, всклокоченнаго—ты что это вздумалъ дорогой разсказывать?

Мужикъ молчалъ. Нѣкоторое время помолчала и тетенька.

— Ты что этимъ лучше себѣ думаешь сдѣлать? Вотъ изъ-за тебя одного и другихъ пришлось заковать...

Анкудимъ должно быть хотѣлъ что-то сказать, встряхнулъ головой, повелъ плечами и сдѣлалъ движеніе руками, которыя онъ держалъ, закинувъ назадъ,—но ничего не сказалъ и только зазвенѣлъ желѣзомъ.

— За вину одного, а всѣмъ срамоту приходится принимать— хорошо это небось,—продолжала тетенька,—когда везли васъ? Чьи это, спросятъ? Хороши, скажутъ, когда скованными приходится ихъ везти...

Возлѣ меня въ это время вдругъ кто-то глухо кашлянулъ и такъ громко, на весь сарай. Такъ кашляютъ овцы лѣтомъ отъ сухого корма—глухо и громко въ то же время. Я обернулся. Обернулась также и тетенька. Анна Ивановна, стоявшая все время молча, тутъ заговорила, подходя къ кашлявшему мальчику лѣтъ восьми или девяти, но рѣчь ея была обращена къ тетенькѣ:

— Вѣдь вотъ, брала я его, совсѣмъ здоровый былъ. А въ городъ какъ привезла, кашлять началъ... Что у тебя, хуже?

Она взяла его за руку—онъ сидѣлъ на сѣнѣ—и потянула съ полу. Мальчикъ сталъ вставать и опять кашлянулъ своимъ нечеловѣческимъ кашлемъ.

Мутовкина вывела его совсѣмъ на свѣтъ, къ самымъ дверямъ. Онъ исподлобья, хмуро, смотрѣлъ на насъ. Волоса на головѣ спутанные, въ сѣнѣ; рубашонка грязная-прегрязная...

— У тебя что? Что у тебя, кашель только?—спросила его тетенька.

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ ей.

— У тебя что? Ты отчего кашляешь?—повторила она свой вопросъ.

Мальчикъ опять кашлянулъ и страшно при этомъ вытаращилъ глаза, точно вотъ-вотъ сейчасъ подавится.

— Совсѣмъ здоровый былъ... Чтожъ, я съума сошла что ли взяла бы его такого?—повторила Анна Ивановна.

— Да что у него? Въ горлѣ вы посмотрите у него,—сказала тетенька.

Мутовкина взяла мальчика за голову, вывела изъ сарая совсѣмъ на свѣтъ, и начала смотрѣть ему въ ротъ.

— У насъ въ селѣ нонѣ моръ на нихъ,—заговорила вдругъ одна изъ бабъ, стоявшихъ въ ряду съ мужиками, тоже купленая:— ихъ за весну-то что померло ужъ...

— Анна Ивановна! Ты слышишь?—закричала тутъ тетенька.— Ты слышишь, что баба-то говоритъ?

Мутовкина бросила ребенка и поспѣшила къ тетенькѣ.

— Ты слышишь? Ты что же это мнѣ заразныхъ накупила-то? Заразу разводить? Вотъ она! Отличилась. Очень благодарна! Очень за это благодарна! Это мило!.. Заразныхъ дѣтей мнѣ накупила! Что я съ ними буду теперь дѣлать тутъ?

— Матушка, благодѣтельница! Что такое?..

— Благодѣтельница, что такое?—дразнилась тетенька:—Вотъ что такое, ты послушай-ка, что баба-то вонъ говоритъ.

— Что такое?—металась Мутовкина.

— Вотъ послушай-ка... послушай...

Баба повторила, что у нихъ въ деревнѣ много дѣтей нынѣ весной отъ этой болѣзни перемерло. Начнутъ кашлять, покашляютъ дня три и умираютъ.

— Благодѣтельница! Вретъ она. Чтожъ Раиса Павловна-то, продавая, развѣ скрыла бы это? Развѣ посмѣла бы она вамъ, благодѣтельница, продать, если бы у нея въ самомъ дѣлѣ зараза на деревнѣ была.

— Да вотъ же, тебѣ продала, а ты, не спросивъ—не разспросивъ и денежки ей сейчасъ:—на те, молъ, извольте, намъ такихъ и надо... Что я съ ними буду дѣлать теперь?—Что у него тамъ въ горлѣ-то? Ты смотрѣла?

— Да ничего. Такъ только побѣлѣло, какъ будто...

— Побѣлѣло! Ну, вотъ и есть...

Мальчикъ, пришедшій со двора опять въ сарай, снова кашлянулъ громко, глухо, страшно... И опять таращилъ при этомъ глаза, точно давился.

— Какъ же его везти?—говорила тетенька:—онъ еще умретъ дорогой. Они останавливаться должны будутъ, хоронить его, это цѣлая исторія. Кто это выправлять все будетъ? Ни одинъ попъ дорогой не похоронитъ...

— Ну, тутъ пока его оставить можно? Не сбѣжитъ,—предложила было Мутовкина, но тетенька не отвѣчала ей даже на это, вѣроятно, находя это не достойнымъ отвѣта, до того не сообразно.

Староста, молчавшій все время, тутъ вдругъ спросилъ:

— Ѣхать-то намъ когда?

Тетенька помолчала немного и сказала:

— Да такъ, я думаю, пообѣдайте и поѣзжайте: а что?

— Ничего, матушка, довезу...

— А если дорогой...

— Ничего. Не извольте сомнѣваться.

Мальчикъ стоялъ тутъ же передъ нами, слушалъ все это и смотрѣлъ на насъ.

— Не извольте безпокоиться. Ничего-съ... Если и грѣхъ случится дорогой,—ничего, не извольте безпокоиться...

Тетенька вопросительно, но съ довѣріемъ посмотрѣла на него, помолчала и проговорила:

— Я не знаю, какъ же это тебѣ... здѣшнихъ дать... здѣшнія подводы... или послать вольныхъ нанять... у государственныхъ крестьянъ.

— Нанять лучше,—сказалъ староста.—Здѣшній народъ-то...

И не договорилъ.

— Да ужъ это!.. ужъ на счетъ того, какъ здѣсь-то распущены!—докончила его мысль тетенька.

— Нанять лучше...—повторилъ опять староста.

Тетенька пошла изъ сарая, за ней Мутовкина и староста, предварительно хотѣвшій было затворить опять дверь, но потомъ передавшій это дѣло мужику - подводчику, а самъ поспѣшилъ за тетенькой, которая чтò-то говорила дорогой.

Я оглянулся. Мужиковъ, бабъ, стоявшихъ въ глубинѣ сарая, не было ужъ видно; но мальчикъ съ кашлемъ стоялъ и его скрыла у меня изъ глазъ затворяемая подводчикомъ дверь...

XII.

— Ты чтожъ меня не позвалъ?—спросила меня Соня, когда я явился въ садъ къ ней и гувернанткѣ.

— Ахъ, какая страсть! Ты знаешь, одинъ мальчикъ долженъ умереть дорогой... Они всѣ должно быть умрутъ. У нихъ въ деревнѣ, откуда ихъ привезли, зараза и они всѣ тамъ умираютъ. Онъ такъ кашляетъ... ахъ, какъ онъ кашляетъ...

Анна Карловна, гувернантка, глаза на меня при этомъ вытаращила. Няньки наши обѣ тоже ахнули.

— И это она васъ къ нимъ съ собою водила?!—воскликнула Анна Карловна.—Вы съ ней были тамъ?

— Съ тетей,—отвѣтилъ я.

— И она вамъ позволила?

— Она не знала.

— Вотъ этого только и не доставало! Это хорошо! Нѣтъ, я сегодня же обо всемъ въ Москву напишу. Нѣтъ, иначе, я низачто не отвѣчаю.

Няньки тоже были въ страшномъ волненіи.

— Какъ же онъ кашляетъ?—спросила сестра.

— Страшно. Знаешь, какъ овца. Только еще громче... И Анна Ивановна смотрѣла въ горлѣ у него,—говоритъ тамъ побѣлѣло все.

— А-а!.. И она васъ тамъ держала все время съ собою! А! Каково!..—восклицала гувернантка.

Вскорѣ за нами пришелъ изъ дома лакей и позвалъ насъ завтракать.

Мы поднялись съ ковра, на которомъ всѣ сидѣли, и молча пошли къ дому.

— Мутовкина тутъ еще?—спросила гувернантка у человѣка, пришедшаго звать насъ.

— Тутъ-съ.

Гувернантка остановилась:

— Я не знаю. Она съ ними ѣхала вмѣстѣ. Она тоже можетъ заразилась?.. Ахъ, что это Клавдія Васильевна только дѣлаетъ!..

Тетенька сидѣла на террасѣ, рядомъ съ ней Мутовкина, а на другомъ концѣ, у самаго входа на террасу, стоялъ по вчерашнему ся староста. Мы прошли мимо него.

— Ну, такъ ты позови ко мнѣ сейчасъ кузнеца, поскорѣй—говорила ему—мы услыхали—тетенька.

Староста ушелъ.

Тетенька, по обыкновенію, улыбнулась намъ, и продолжала разговоръ съ Мутовкиной.

Онѣ обѣ показались мнѣ теперь какъ-будто ужъ успокоившимися. Мы усѣлись и принялись за завтракъ. Гувернантка сидѣла молча все время, но мы, зная ее, видѣли и чувствовали это, что она собирается, выбираетъ моментъ, начать говорить съ тетенькой, хочетъ спросить ее обо всемъ этомъ. Мутовкина, проголодавшаяся должно быть дорогой, ѣла теперь много и такъ какъ она не умѣла ѣсть, ѣла отвратительно, неопрятно, то была ужасно мнѣ противна и съ этой стороны.

Къ концу завтрака, вдругъ опять появился на ступенькахъ террасы тетенькинъ староста въ сопровожденіи нашего кузнеца Ефима. Мы всѣ оглянулись на нихъ.

— Сейчасъ,—сказала тетенька имъ.

Завтракъ кончился, Никифоръ убиралъ со стола. Тетенька встала и, пройдя на другой конецъ терассы, заговорила. Мы всѣ еще сидѣли за столомъ и навострили уши.

— Ефимушка,—сказала она ласковымъ голосомъ—она это умѣла, когда ей было нужно:—Ефимушка, вотъ тутъ привезли мнѣ мужиковъ, они плохо закованы...

Мутовкина тоже подошла къ тетенькѣ и стояла возлѣ нея.

— Боюсь я, какъ бы дорогой не случилось съ ними чего... продолжала тетенька:—Ты бы мнѣ перековалъ ихъ. Я тебѣ заплачу.

Я видѣлъ лицо Ефима, полное злобы и презрѣнія къ ней. Дорогой староста, вѣроятно, сказалъ ему, зачѣмъ его зовутъ.

— Я не умѣю-съ этого,—отвѣтилъ ей Ефимъ.—Я только лошадей подковывалъ. Я людей въ кандалы не заковывалъ никогда...

— Да вѣдь это пустяки. Тутъ чтожъ мудренаго?—начала было Мутовкина, но тетенька ее остановила, необарачиваясь, махнувъ ей рукой, чтобы она замолчала.

— Нѣтъ-съ, я не могу этого,—повторилъ еще разъ Ефимъ.

— Такъ ты не можешь? Да?—услыхали мы голосъ тетеньки.

— Нѣтъ-съ, не могу.

— Гм...

Мутовкина опять наровилась было что̀-то начать говорить, но тетенька опять махнула ей рукой и та такъ и замолчала съ какой-то начатой фразой.

— Такъ ты не можешь? Да?.. Ну, ничего больше...

И вдругъ я почувствовалъ въ себѣ столько силы, смѣлой, рѣшительной, на все готовой, не помня и не сознавая ничего, крикнулъ ему:

— Молодецъ Ефимъ!..

Но дальше, на дальнѣйшее меня ужъ не хватило. Горло у меня сдавило, губа нижняя задрожала и, рыдая, я упалъ на полъ.

Что̀ произошло потомъ, я ужъ не могъ понимать. Я очнулся ужъ въ дѣтской. Возлѣ меня сидѣли нянька, Анна Карловна, сестра. Ждали доктора, за которымъ послали въ городъ.

Когда, оправившись и видя кругомъ повеселѣвшія лица, я спросилъ, увезли ли «ихъ»? Анна Карловна мнѣ отвѣтила, чтобы я забылъ объ этомъ и больше не спрашивалъ.

— Вы только скажите мнѣ.

— Ну, увезли.

— И этого мальчика?

— Всѣхъ...

Тетенька тоже почему-то уѣхала въ этотъ же день.

А тамъ, черезъ недѣлю, вернулись раньше срока изъ Москвы и отецъ съ матушкой, невыдержавшіе такой долгой разлуки съ нами.

С. Терпигоревъ.

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ НА ПАРИЖСКОМЪ КОНГРЕССѢ 1856 ГОДА[1].

II.

ВЪ ТАКОМЪ положеніи находились наши дѣла въ Парижѣ къ пріѣзду графа Орлова. Почва была уже предварительно изслѣдована, что значительно облегчало задачу Орлова, которому только оставалось провѣрить и дополнить наблюденія барона Бруннова. Графъ Орловъ не терялъ для этого времени.

«Прибывъ въ Парижъ,—доносилъ онъ[2],—9-го (21-го) февраля въ 11 часовъ вечера, я имѣлъ на другой день утромъ первое свиданіе съ графомъ Валевскимъ. Онъ объявилъ мнѣ, что императоръ, предупрежденный о моемъ пріѣздѣ, приметъ меня 11-го (23-го), сперва въ офиціальной аудіенціи и, вслѣдъ затѣмъ, пригласитъ меня на разговоръ съ нимъ, безъ свидѣтелей, въ свой кабинетъ».

Такъ и послѣдовало. Графъ Орловъ, по пріѣздѣ, въ 2 часа, во дворецъ въ Тюильери, былъ торжественно встрѣченъ высшими чинами двора.

Пріемъ, сдѣланный Наполеономъ нашему посланнику, былъ очень милостивый. Графъ Орловъ высказалъ желаніе императора Александра установить миръ и полное согласіе съ Франціей. Наполеонъ отвѣтилъ на это, что всѣ его старанія клонятся къ тому, чтобы — «raffermir (закрѣпить) симпатіи, существующія между

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 98.

[2]) Графъ Орловъ, 19-го февраля (2-го марта) 1856 г. № 22. М. И. Д.

двуми великими націями, судьба которыхъ ввѣрена Провидѣніемъ обоимъ монархамъ».

Послѣ офиціальнаго пріема, Наполеонъ пригласилъ Орлова въ свой кабинетъ. Предложивъ ему сѣсть и самъ опустясь въ кресло, онъ началъ разговоръ политическаго характера.

«Убѣжденный въ томъ, что прямота и откровенность моихъ словъ, есть лучшее средство произвести благопріятное впечатлѣніе въ умѣ императора,—писалъ графъ Орловъ,—я началъ съ объясненія, что постараюсь изложить истинное положеніе дѣлъ, не прибѣгая ни къ какимъ тонкостямъ, изворотамъ или скрытности. Что поэтому, я скажу прямо, на что имѣю право согласиться (при переговорахъ) на основаніи полученныхъ мною отъ императора инструкцій, и что обязанъ отвергнуть».

Затѣмъ, посолъ нашъ перешелъ къ обзору общихъ основаній по предстоящему постановленію условій мира, на которыя мы согласимся.

1) «Устья Дуная будутъ свободны для торговли всѣхъ націй. Острова, образующіе дельту рѣки, будутъ объявлены нейтральными, никѣмъ не занятыми, и ни одна держава не можетъ имѣть на нихъ никакихъ сооруженій. Для полнаго обезпеченія свободы плаванія торговыхъ судовъ по всему теченію Дуная, Россія соглашается срыть свои укрѣпленія въ Измаилѣ и Киліи, съ условіемъ, чтобы Турція разрушила всѣ форты въ Мачинѣ, Тульчѣ и Исакчѣ.

2) «Черное море будетъ признано нейтральнымъ.

3) «Граница между Бессарабіей и Молдавіей будетъ опредѣлена послѣ болѣе глубокаго изслѣдованія этого важнаго предмета, и государь императоръ свято исполнитъ всѣ принятыя имъ по этому постановленія.

«Но при этомъ необходимо, чтобы было принято во вниманіе, что мы уступаемъ занятую нами крѣпость Карсъ и другія земли въ Азіи, что составляетъ уже большую съ нашей стороны уступку.

— По этому, — сказалъ графъ Орловъ Наполеону,— союзныя державы, въ свою очередь, должны отказаться отъ измѣненія границъ Бессарабіи, и оставить эти границы въ ихъ настоящемъ видѣ. Вотъ наши откровенныя и законныя заявленія, которыя я счелъ за лучшее прямо представить для выясненія настоящаго положенія дѣлъ, избѣгая безполезныхъ словъ и праздныхъ споровъ, которые, обыкновенно, только усложняютъ затрудненія, вмѣсто того чтобы разрѣшать ихъ.

Затѣмъ, графъ Орловъ просилъ императора оказать поддержку нашимъ заявленіямъ, во всей ихъ совокупности, и тогда дѣло мира, при его содѣйствіи, достигнетъ скораго окончанія.

Выслушавъ нашего посла съ полнымъ вниманіемъ, Наполеонъ сказалъ:

— А Бомарзундъ!.. согласитесь ли вы не возобновлять его?

— Я знаю,—отвѣчалъ Орловъ,—что ваше величество придаете важность этому вопросу. Не колеблясь, я могу объявить по этому, что государь императоръ не представитъ въ этомъ случаѣ никакихъ препятствій. Желаніе его по этому предмету состоитъ только въ томъ, чтобы устроить все достойнымъ образомъ, безъ внесенія о томъ въ мирный договоръ.

Наполеонъ былъ видимо удовлетворенъ откровенностью, съ которою графъ Орловъ изложилъ этотъ вопросъ.—«Онъ былъ пораженъ такимъ знакомъ довѣрія»,—замѣчаетъ нашъ посолъ.

Затѣмъ, Наполеонъ перешелъ къ совершенно иному предмету. Онъ высказалъ чувства восхищенія (d'admiration) и уваженія къ императору Николаю, о кончинѣ котораго онъ искренно сожалѣлъ, и котораго назвалъ великимъ государемъ. Придавая потомъ разговору, какъ бы, частный характеръ, Наполеонъ спросилъ:

— Я хотѣлъ знать ваши мысли на счетъ Вѣнскаго трактата (1815 г.). Обстоятельства внесли въ него большія измѣненія. Если бы дѣло состояло въ томъ, чтобы пересмотрѣть его, то я хотѣлъ бы знать ваши мысли по этому предмету.

Графъ Орловъ отвѣчалъ, что—«это вопросъ столь обширный по своему значенію, затрогивающій интересы почти всѣхъ европейскихъ державъ, что высказывать о немъ свои личныя мнѣнія онъ не считаетъ себя вправѣ, на основаніи своихъ инструкцій».

— Но вѣдь это простой разговоръ,—сказалъ Наполеонъ и потомъ прибавилъ: — А бѣдная Италія!.. Во всякомъ случаѣ она не можетъ оставаться въ своемъ настоящемъ состояніи, полномъ страданія. Развѣ нельзя что-нибудь для нея сдѣлать? Я говорилъ объ этомъ съ графомъ Буолемъ—онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ на это. Кажется, онъ не любитъ этого вопроса. Потомъ также, эта бѣдная Польша, стѣсняемая въ своей религіи. Милосердіе императора развѣ не можетъ положить конецъ угнетеніямъ католической церкви? Развѣ нельзя облегчить, сколько-нибудь, судьбу многихъ несчастныхъ, которые имѣли несчастіе увлечься политическими заблужденіями?

Говоря это, Наполеонъ, видимо, находился подъ вліяніемъ измышленій, при помощи которыхъ польская аристократія и духовенство старались вызвать заступничество Франціи. Графъ Орловъ отвѣчалъ на это:

— Польша пострадала лишь по собственной винѣ. Всѣ элементы для процвѣтанія ея ей были предоставлены—она не умѣла воспользоваться ничѣмъ. Поляки потеряли свои политическія права, такъ какъ дѣйствовали противно данной клятвѣ и нарушили свои обѣщанія. Что же касается до свободы ихъ вѣроисповѣданія, то все уже давно сдѣлано для обезпеченія свободы ихъ совѣсти, въ отношеніи къ религіи. Конкордатъ, заключенный съ папой, подвергнутъ самому тщательному изслѣдованію, съ цѣлью привести

его въ исполненіе. Со дня вступленія своего на престолъ, государь императоръ превзошелъ надежды, возлагаемыя на его милосердіе. Не позволяя себѣ высказываться о его намѣреніяхъ, я полагаю, что въ день своего коронованія онъ имѣетъ въ виду облегчить участь виновныхъ.

Въ заключеніе своей аудіенціи, графъ Орловъ пришелъ къ убѣжденію—«что мысль о пересмотрѣ актовъ Вѣнскаго трактата сильно занимаетъ Наполеона, и что онъ думаетъ созвать для этого, въ будущемъ, новый конгрессъ.

Получивъ донесеніе объ этомъ разговорѣ Наполеона съ графомъ Орловымъ, графъ Нессельроде, одобривъ вполнѣ отвѣты послѣдняго, писалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ, относительно общаго направленія нашей политики, цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы не брать на себя никакихъ обязательствъ.—«Мы должны только маневрировать, вести временную игру,—писалъ онъ [1],—съ цѣлью ослабить нашихъ враговъ и достигнуть главной цѣли—заключенія мира». Но, писалъ нашъ канцлеръ,—«государь императоръ теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, желаетъ сохранить своей политикѣ свободу отъ всякихъ окончательныхъ обязательствъ (de tout engagement définitif)».

«Россія не имѣетъ надобности заключать преждевременные союзы, чтобы возвратить себѣ то политическое вліяніе въ Европѣ, какимъ она такъ долго пользовалась.

«Однако, это вовсе не означаетъ нашего желанія—добровольнаго изолированія. Еще менѣе того мы намѣрены показать, будто прежнія непріязненныя чувства руководятъ нашею политикою. Это заставило бы думать, что мы имѣемъ скрытыя мысли и снова намѣрены сплотить противъ насъ коалицію, которую мы съ трудомъ могли разстроить.

«Въ этомъ отношеніи мы должны, въ особенности, остерегаться того, кто руководитъ теперь судьбами Франціи.

«При неопредѣленности, въ которой мы находимся, относительно проектовъ императора Наполеона, направленныхъ къ своему собственному обезпеченію—мы, никоимъ образомъ, не можемъ напередъ связать его политику съ нашею.

«Но, съ другой стороны, благоразуміе требуетъ заручиться его добрымъ къ намъ расположеніемъ, давая ему понять ту выгоду, которую онъ можетъ имѣть, лично для себя, отъ сближенія съ Россіей; такъ какъ безъ ея участія,—каково бы ни было настроеніе остальной Европы, не исключая и Англіи, никакая коалиція, направленная противъ династическихъ правъ Наполеонидовъ, не можетъ составиться».

---

[1]) Графъ Нессельроде графу Орлову, отъ 30-го января 1856 г. № 40. М. И. Д.

Въ другой депешѣ, отъ 17-го февраля [1]), графъ Нессельроде писалъ:—«Вообще, мы должны сказать, что не основываемъ большихъ надеждъ на дѣйствіяхъ Наполеона: онъ также хочетъ мира, на столько блистательнаго, на сколько то возможно. Онъ не отдѣлится отъ своихъ союзниковъ. Пока миръ не будетъ подписанъ, мы постоянно будемъ имѣть противъ себя сплоченную коалицію.

«По всѣмъ спорнымъ вопросамъ, мы должны условиться съ уполномоченными Англіи и Франціи, преимущественно.

«Только они, совмѣстно съ нами, могутъ рѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ; по этому, только между нами тремя и должны вестись пренія. Личное вліяніе Наполеона, если на него можно разсчитывать, можетъ способствовать дѣлу, не задѣвая самолюбія Англіи.

«Рѣшенія, которыя послѣдуютъ вслѣдствіе соглашеній между нами тремя, должны быть, во всей ихъ силѣ, приняты конференціей, не допуская даже праздныхъ и непріятныхъ для насъ споровъ, въ присутствіи уполномоченныхъ Австріи, Турціи и Сардиніи.

«Если лордъ Кларендонъ желаетъ, какъ онъ сказалъ это въ парламентѣ — мира почетнаго для обѣихъ сторонъ, потому что только такой миръ можетъ быть прочнымъ,—то пусть онъ, удовлетворяя общественное мнѣніе въ Англіи, не требуетъ такихъ условій, которыя льстя самолюбію одной стороны, задѣваютъ національную честь другой».

Переходя къ обзору нѣкоторыхъ пунктовъ подлежащихъ обсужденію на конференціяхъ, графъ Нессельроде находилъ, что удовлетвореніе по нѣкоторымъ изъ нихъ, не имѣя для насъ никакой важности, можетъ быть пригодно только для удовлетворенія тщеславія нашихъ противниковъ.

Такъ, напримѣръ, вопросъ о невозобновленіи укрѣпленій Бомарзунда—«имѣетъ тѣмъ меньше для насъ значенія, что русское правительство не имѣло даже и мысли возстановлять разрушенныя на Аландскихъ островахъ укрѣпленія; и требованіе это только и нужно союзникамъ въ силу трактата, заключеннаго ими съ Швеціей». Поэтому гр. Нессельроде находилъ страннымъ, чтобы вопросъ о Бомарзундѣ могъ быть включенъ въ трактатъ, опредѣляющій Восточный вопросъ. Соглашеніе же относительно Аландскихъ острововъ, должно быть, прежде всего, добровольное, не имѣющее значенія требованія, и опредѣлено особымъ актомъ, а не трактатомъ.

Черезъ четыре дня послѣ разговора гр. Орлова съ Наполеономъ, открылась первая конференція, 13-го (25-го) февраля 1856 года.

Исходнымъ пунктомъ переговоровъ, какъ уже сказано, должны были служить основанія Вѣнской конвенціи 20-го января (1-го фе-

[1]) Графъ Нессельроде графу Орлову, 17-го февраля, № 69.

враля) 1856 г., по которой надлежало постановить сперва предварительныя условія мира, заключить перемиріе и потомъ уже приступить къ постановленію окончательнаго мирнаго трактата.

Когда всѣ уполномоченные заняли свои мѣста за столомъ конференціи, гр. Буоль предложилъ избрать гр. Валевскаго президентомъ предстоящихъ засѣданій. «Это предложеніе,—сказалъ онъ,— основано не только на томъ, что такъ было принято на переговорахъ въ Вѣнѣ [1]), но оно является, вмѣстѣ съ тѣмъ, выраженіемъ глубокаго почитанія къ монарху, гостепріимствомъ котораго пользуются въ настоящее время представители Европы». Всѣ уполномоченные, единогласно, приняли предложеніе гр. Буоля и гр. Валевскій отвѣчалъ на свое избраніе слѣдующею рѣчью:

«Господа, благодарю васъ за оказанную мнѣ честь избранія быть вашимъ органомъ. Хотя я не считаю себя достойнымъ такой чести, я не могу, я долженъ, не колеблясь, принять мое избраніе, такъ какъ оно служитъ новымъ доказательствомъ чувствъ, которыми руководились и наши союзники, и наши противники, требуя чтобы Парижъ служилъ мѣстомъ для открывающихся переговоровъ. Единодушное согласіе, высказавшееся въ настоящемъ случаѣ, есть доброе предсказаніе будущихъ результатовъ нашихъ усилій. Что касается до меня лично, я употреблю всѣ усилія оправдать ваше довѣріе, добросовѣстно исполняя обязанности, вами на меня возложенныя. Мои старанія будутъ направлены къ устраненію безполезныхъ затягиваній дѣла. Въ особенной заботливости достигнуть скорѣе цѣли, я не забуду, однако, что слишкомъ скорая поспѣшность можетъ только отдалить ее. И такъ, господа, одинаково одушевленные духомъ примиренія, готовые доказать другъ другу взаимное благорасположеніе, избѣгая раздражающихъ споровъ, мы съумѣемъ выполнить, добросовѣстно, и съ полной зрѣлостью, наше общее стараніе, не упуская изъ вида справедливаго нетерпѣнія Европы, взоры которой устремлены на насъ, и которая съ безпокойствомъ ожидаетъ результатовъ нашихъ переговоровъ».

Въ донесеніи о засѣданіи первой конференціи гр. Орловъ писалъ [2]):—«Было условлено между всѣми уполномоченными ненарушимо хранить въ секретѣ весь ходъ совѣщаній. Въ этихъ видахъ гр. Валевскій даже предложилъ не отправлять протоколовъ по почтѣ, а отсылать ихъ съ нарочными курьерами».

При открытіи засѣданія, русскіе уполномоченные, прежде всего, заявили, что необходимо приступить, вопреки протоколу послѣдней Вѣнской конференціи, 20-го января (1-го февраля) 1856 года, къ обсужденію условій окончательнаго (définitif) мира, и не приступать къ установленію предварительныхъ (préliminaires) условій.

---

[1]) Т. е. что президентомъ былъ избранъ министръ того государства, въ столицѣ котораго велись переговоры.

[2]) Гр. Орловъ 19-го февраля (2-го марта) 1856 г. № 19. М. И. Д.

«Придя по этому предмету къ соглашенію,—доносилъ графъ Орловъ,—мы старались согласиться и по вопросу о перемиріи, какъ это было уже принято въ принципѣ протоколомъ Вѣнскимъ. Уполномоченный Великобританіи, опасаясь вѣроятно возбудить противъ себя общественное неудовольствіе страны слишкомъ поспѣшнымъ соглашеніемъ, настаивалъ на томъ, чтобы перемиріе было заключено только на четыре недѣли и потомъ, если понадобится, можетъ быть возобновлено».

Англійскій уполномоченный указывалъ на то, что прекращеніе военныхъ дѣйствій на морѣ не должно распространяться на блокированіе мѣстностей объявленныхъ въ блокадѣ. Наши уполномоченные заявили на это, что такъ какъ во время зимы торговая комуникація прекращается сама собою, то они считаютъ безполезнымъ входить въ обсужденіе этого вопроса. «Но чтобы обезпечить наши пограничные пункты отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій во время перемирія на сушѣ, гр. Орловъ и Брунновъ настаивали, чтобы всѣ эскадры получили приказаніе отдалиться отъ нашихъ береговъ и ничего противъ нихъ не предпринимать». Это предложеніе было принято, какъ равно и заявленіе нашихъ уполномоченныхъ—«что заключаемое перемиріе требовалось не со стороны Россіи, а по желанію другихъ воюющихъ державъ, на что мы только согласились».

На этомъ основаніи было рѣшено установить на сушѣ и на морѣ перемиріе до 31-го марта.

Графъ Орловъ заканчиваетъ свое донесеніе констатированіемъ факта,—«что гр. Валевскій проникнутъ духомъ согласія, и въ этомъ направленіи исполняетъ свои обязанности, какъ президентъ. Были проявленія праздной полемики, обнаруженныя уполномоченными Англіи, Австріи и Сардиніи, но все это не имѣло никакихъ послѣдствій и въ протоколѣ о томъ вовсе не упоминается даже».

Установивъ перемиріе, предстояло теперь, конфиденціально, условиться относительно вопросовъ наиболѣе существенной важности, какими по § 5 Вѣнской конференціи, являлись вопросы, подлежащіе отдѣльному соглашенію. Такъ, предстояло постановить рѣшенія: 1) о нашихъ азіатскихъ границахъ и г. Карсѣ, 2) о новыхъ границахъ Бессарабіи и 3) объ ограниченіи военныхъ силъ на Черномъ морѣ.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ 14-го (26-го) февраля [1]) по вопросу объ удержаніи за нами Карса, въ вознагражденіе за расходы войны, или возвращеніе его подъ условіемъ оставленія границъ Бессарабіи безъ измѣненія, возникли очень ожесточенные споры.

«Послѣдовало неудачное объясненіе Кларендона, безъ Буоля,

---

[1]) Гр. Орловъ, 14-го (26-го) февраля 1856 г. № 14. М. И. Д.

съ гр. Валевскимъ,—доносилъ гр. Орловъ.—Англичане отвергаютъ вознагражденіе за Карсъ. Кажется, нельзя будетъ избѣжать измѣненія границъ Бессарабіи. Мы держимся твердо и отсрочили засѣданіе, чтобы поставить Наполеона въ извѣстность о положеніи переговоровъ. Если это средство не удастся, тогда полученныя нами инструкціи уполномочиваютъ насъ принять требованіе; иначе негоціаціи будутъ прерваны».

На этой депешѣ императоръ Александръ II сдѣлалъ отмѣтку: «Судя по началу, я не предвижу ничего хорошаго».

Графъ Нессельроде телеграфировалъ Орлову по вопросу о бессарабскихъ границахъ слѣдующее:

«Было бы желательно [1]), чтобы взамѣнъ уступки Измаила и Киліи, было постановлено, чтобы обѣ эти крѣпости были срыты и не могли быть исправлены. То же относительно Тульчи и Исакчи. Постарайтесь этого достигнуть, но не ставьте этого непремѣннымъ условіемъ. Если вы истощили уже всѣ средства по обсужденію бессарабской границы, то соглашайтесь на линію Гушъ-Сальчикъ и озеро Аниби, при чемъ, разумѣется, вопросъ о Карсѣ и Бомарзундѣ оставьте до окончательнаго соглашенія по всѣмъ другимъ пунктамъ».

На другой день послѣ бурнаго совѣщанія о Карсѣ, гр. Валевскій, желая смягчить споры, пригласилъ собраться у него для предварительныхъ совѣщаній, какъ по вопросу о Карсѣ, такъ и по другимъ пунктамъ § 5 протокола Вѣнскихъ конференцій. Поэтому, 15-го (27-го) февраля, наканунѣ второй конференціи, у гр. Валевскаго собрались представители Англіи и Россіи [2]). Ни гр. Буоль, ни представители Турціи и Сардиніи не были приглашены на совѣщаніе, такъ какъ предстояло обсудить не относящіеся къ нимъ вопросы.

Прежде всего было приступлено къ вопросу:

1) Объ Аландскихъ островахъ. Графъ Орловъ, какъ мы видѣли, еще прежде, на основаніи полученныхъ инструкцій, высказалъ Наполеону наши намѣренія: оставить укрѣпленія Бомарзунда въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились въ теченіе войны и не возобновлять ихъ, но съ условіемъ, чтобы это не было признано для насъ обязательнымъ, подлежащимъ внесенію въ протоколъ; мы же, съ своей стороны, свято исполнимъ обѣщаніе, данное Франціи и Англіи по этому предмету.

Графъ Валевскій не возражалъ противъ этого, а англійскіе уполномоченные также согласились. При этомъ гр. Орловъ сказалъ, что если мы даемъ обѣщаніе относительно Бомарзунда, то имѣемъ

[1]) Гр. Нессельроде гр. Орлову, отъ 28-го февраля 1856 г., № 82. М. И. Д.
[2]) Гр. Орловъ, 19-го февраля (2-го марта) 1856 г., № 20. М. И. Д.

въ виду только устраненіе споровъ по этому вопросу, и что это— «даетъ намъ право ожидать, что англійское правительство, съ своей стороны, будетъ стараться взаимно облегчить намъ рѣшеніе § 5».

«Но, доносилъ графъ Орловъ,—это ожиданіе, несмотря на всю его законность, было далеко отъ осуществленія».

2) Вторымъ вопросомъ, подлежавшимъ частному обсужденію, былъ снова вопросъ о Карсѣ.

Графъ Орловъ прямо заявилъ, что такъ какъ союзники возбуждаютъ вопросъ объ измѣненіи границъ Бессарабіи, въ видахъ вознагражденія за издержки войны, то и мы, — «основываясь на строгой справедливости, имѣемъ полное право смотрѣть на взятую нами крѣпость Карсъ и занимаемую нашими войсками его територію, какъ на средство вознаградить себя за военныя издержки».

На это англійскіе уполномоченные, по словамъ графа Орлова, отвѣчали—«протестомъ самымъ живымъ и упрямымъ. Съ ихъ точки зрѣнія, союзники формально обязались охранять цѣлость владѣній Оттоманской територіи, и потому, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ согласиться на отдѣленіе отъ Турціи части ея владѣній, служащихъ ей, къ тому же, оградою для обезпеченія ея азіатскихъ границъ. Скорѣе Англія рѣшится вести безконечную борьбу, во чтобы то ни стало, чѣмъ согласится на подобное ослабленіе Оттоманской имперіи, въ самой уязвимой (vulnérable) ея части, со стороны владѣній въ Азіи».

Графъ Орловъ сказалъ на это:—«Я имѣю полное основаніе и право настаивать на справедливомъ вознагражденіи, взамѣнъ обратной уступки (retrocassion) земель, находящихся въ нашихъ рукахъ по праву войны. Къ тому же, прибавилъ гр. Орловъ, взятіе Карса составляетъ событіе новое, послѣдовавшее послѣ того, какъ состоялось соглашеніе между Англіей, Франціей и Австріей, по § 5-му предварительныхъ условій».

Графъ Орловъ еще разъ началъ доказывать, что мы тѣмъ болѣе не можемъ отказаться отъ вознагражденія, что соглашаемся возвратить Турціи занятыя нами земли, имѣющія для нея, по словамъ англійскихъ уполномоченныхъ — «жизненную важность (l'importance vital)».

«Этотъ споръ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ,—доносилъ графъ Орловъ,—велся съ величайшимъ оживленіемъ, и привелъ насъ къ тому, что мы уже были увѣрены въ разрывѣ переговоровъ.

«Графъ Валевскій, который во все время споровъ былъ вялъ и недѣятеленъ (molle et passive), повидимому, очень встревожился тѣмъ серьезнымъ оборотомъ, который приняли наши объясненія. Онъ тотчасъ постарался ослабить ихъ рѣзкій характеръ. Съ этою цѣлью онъ предложилъ отложить споры до слѣдующаго раза и высказалъ надежду, въ видахъ соглашенія, устранить затрудненія.

Обѣ стороны оставили споръ не рѣшеннымъ (en suspens), не придя ни къ какому положительному результату».

3) Третій вопросъ возникъ по почину также англійскихъ уполномоченныхъ. Это былъ вопросъ о нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ вообще.

«Лордъ Кларендонъ,—доносилъ графъ Орловъ,—говорилъ одни общія и банальныя мѣста (vague et banal), выражаясь безъ всякой системы и опредѣленности. Онъ постоянно смѣшивалъ и путалъ названія Имеретіи, Грузіи, Абхазіи, Мингреліи и Закавказья. Въ этой номенклатурѣ, сбивчивой и пустой (confuse et sterille), мы увидѣли только его полное незнаніе ни географіи, ни политики, и отсутствіе въ немъ положительныхъ знаній (notions). Даже секретарь англійскій, повидимому убѣжденный въ совершенномъ незнаніи имъ сущности разсматриваемаго вопроса, избѣгалъ возбужденія споровъ, по существу. Мнѣ пріятно отдать спреведливость графу Валевскому, что онъ, какъ нельзя болѣе кстати, прекратилъ нашъ споръ и помогъ мнѣ получить возможность воспользоваться отсрочкою».

Отсрочка эта была необходима, такъ какъ графъ Орловъ просилъ аудіенціи у Наполеона—«личное вліяніе котораго только и могло умѣрить чрезмѣрныя требованія Англіи».

Черезъ день, графъ Орловъ былъ приглашенъ къ обѣду императора, и надѣялся вскорѣ опредѣлить твердость почвы подъ собою, такъ какъ до сихъ поръ онъ долженъ былъ, по его словамъ, «amuser le tapis à la table des conférences».

На другой день, именно, за нѣсколько часовъ до открытія 2-й конференціи 16-го (28-го) февраля, графъ Орловъ [1]) пріѣхалъ къ императорскому столу въ Тюильери. «Послѣ обѣда,—пишетъ онъ,—императоръ удостоилъ меня аудіенціи, продолжавшейся очень долго и имѣющей большой интересъ.

«Я приступилъ къ вопросу съ твердостью, но съ большою умѣренностью. Я благодарилъ его величество за полную его ко мнѣ довѣренность и за сообщеніе мнѣ всѣхъ взглядовъ и намѣреній своихъ; и я, въ особенности, выразилъ ему мою полную признательность, по поводу оказываемыхъ мнѣ общихъ симпатій, встрѣченныхъ мною по вопросамъ о мирѣ и о союзѣ съ Россіей. Я прибавилъ при этомъ, что наступилъ моментъ, когда я долженъ прибѣгнуть къ личной помощи императора, въ виду ежеминутно возростающихъ притязаній Англіи и уловокъ (tergiversations) Австріи, которыя заставляютъ меня опасаться, что онѣ принудятъ меня, наконецъ, прекратить переговоры.

«Императоръ Александръ,—прибавилъ я,—свято исполнитъ всѣ данныя имъ обѣщанія. Если онъ рѣшился согласиться съ австрій-

---

[1]) Графъ Орловъ, 19-го февраля (2-го марта) 1856 г., № 22. М. И. Д.

скими предложеніями, то это только потому, что онъ полагалъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, что владѣніе Карсомъ придало бы большой вѣсъ ходу переговоровъ, и будетъ поддержано могущественнымъ вмѣшательствомъ вашего величества.

«Императоръ не прерывалъ меня и слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Когда я кончилъ,— онъ высказалъ мнѣ много лестнаго, благодарилъ за законность моихъ дѣйствій и прибавилъ, что его отвѣтъ будетъ также состоять въ одной только правдѣ.

— Дѣйствительно,—сказалъ онъ,—я далъ вамъ понять, что владѣнія Карса въ состояніи были бы вознаградить васъ за уступку части Бессарабскихъ земель. Но я встрѣтилъ въ сопротивленіи Англіи и Австріи препятствія, почти непреодолимыя, послѣ того какъ я отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на чудовищныя (exorbitantes) претензіи Англіи, разрушить Николаевъ, и на требованія, касательно Азовскаго моря, какъ равно и по другимъ предметамъ, задѣвающимъ Россію. Что касается до моихъ обязательствъ въ отношеніи союзниковъ,—мнѣ невозможно разорвать съ ними окончательно всѣ связи, не подвергаясь обвиненію въ измѣнчивости (versatilité).

Затѣмъ, Наполеонъ сказалъ—«что онъ понимаетъ всѣ выгоды для Франціи крѣпкаго союза съ Россіей, столь согласнаго съ симпатіями и будущими интересами Франціи; но что онъ будетъ идти впередъ осторожно и не компрометируя себя. Что же касается до опредѣленія пограничной линіи Бессарабіи и, вообще, по всѣмъ условіямъ, принятымъ уже императоромъ Александромъ,—то онъ прикажетъ своему министру насъ поддерживать, лично изслѣдовавъ, предварительно, всѣ могущія встрѣтиться затрудненія. Наконецъ, его величество прибавилъ, что во всѣхъ случаяхъ, я имѣю право, лично обращаться прямо къ нему».

Заканчивая это донесеніе, графъ Орловъ высказываетъ мысль, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ, лучшее что мы можетъ сдѣлать это—«принять, по отношенію къ Европѣ, извѣстные четыре пункта, а по отношенію къ Азіи — l'uti possidetis ante, т. е. оставить все въ такомъ видѣ, какъ было до войны». Слѣдовательно, приходилось возвратить Карсъ и его владѣнія въ Азіи—безвозмездно, а не въ обмѣнъ за уступку части Бессарабіи.

Въ отвѣтъ на это донесеніе, графъ Нессельроде писалъ графу Орлову, отъ 3-го марта 1856 года, № 85—«Изъ всего что вы сообщаете намъ, судя по словамъ императора Наполеона,—мы должны заключить, что установленіе добрыхъ отношеній его къ Россіи, есть одна изъ причинъ, которыя побудили его съ твердостью взяться за возстановленіе мира. Мы думаемъ поэтому, что чѣмъ болѣе мы будетъ ласкать въ немъ эту мысль—тѣмъ болѣе онъ станетъ препятствовать Англіи, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ съ ея стороны затрудненій, сдѣлать переговоры безплодными».

Послѣ разговора съ Наполеономъ, графъ Орловъ, съ большею чѣмъ прежде увѣренностью, прямо изъ дворца, отправился на конференцію, чувствуя уже твердую почву подъ собою.

На этой 2-й конференціи былъ возбужденъ вопросъ о нашемъ соглашеніи съ Турціей, по вопросу о морскихъ силахъ на Черномъ морѣ, по поводу Дунайскихъ Княжествъ, и о христіанскихъ подданныхъ Порты.

«Читая текстъ 2-го протокола [1],—пишетъ графъ Орловъ графу Нессельроде,—ваше сіятельство, обратите вниманіе на наши старанія относительно прямого соглашенія (entente directe) съ уполномоченными Порты, по спеціальному вопросу о морскихъ силахъ обѣихъ державъ на Черномъ морѣ. Принявъ этотъ путь, мы будемъ имѣть шансы достигнуть лучшихъ результатовъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда соглашенія пришлось бы вести въ присутствіи другихъ уполномоченныхъ».

Что касается до вопроса объ устройствѣ Дунайскихъ Княжествъ, то графъ Орловъ не скрывалъ — «затрудненій, которыя представятся при рѣшеніи этого вопроса. Дѣйствительно, уполномоченные Франціи и Англіи дали намъ понять, что, по ихъ мнѣнію, вѣнскія постановленія прошлаго года относительно княжествъ не допускаютъ ни перемѣнъ, ни толкованій, ни передѣлокъ. (Sont susceptibles de changements, d'extension, de remaniement)».

«Эти замѣчанія,—доносилъ Орловъ,—повидимому, болѣе всего относятся къ вопросу объ оборонѣ княжествъ. Для разъясненія этого вопроса, въ Константинополѣ была еще прежде организована особая подготовительная комиссія изъ представителей Австріи, Франціи, Англіи и Турціи. Великій визирь сообщилъ намъ свѣдѣнія по этой работѣ.

«Мы во все вникнемъ и будемъ обсуждать вопросъ по зрѣлому разсужденію (avec maturité). Но не смотря на всѣ наши старанія, мы не можемъ скрыть, насколько намъ будетъ трудно бороться, исправлять и уничтожить дѣло, по которому наши противники употребили столько времени и могли придти къ соглашенію прежде, чѣмъ нашъ кабинетъ получилъ о томъ какія-либо свѣдѣнія.

«Я считаю своимъ долгомъ, обратить заранѣе вниманіе вашего сіятельства на эти затрудненія. Приступая къ дѣлу, мы должны всегда помнить, что главная наша обязанность, выражающая непремѣнную волю государя императора, заключается—въ возстановленіи мира, что должно быть главнымъ предметомъ нашихъ усилій.

«Эта великая миссія относится къ прямымъ интересамъ (intérêts directs) имперіи. Поэтому, интересы княжествъ имѣютъ лишь второстепенное для насъ значеніе. Я не буду ими пренебре-

[1]) Графъ Орловъ, 19-го февраля (2-го марта) 1856 г., № 21. М. И. Д.

гать. Я буду съ твердостью ихъ поддерживать, на сколько то возможно, но, какъ вѣрный слуга моего государя, я долженъ помнить, что благо Россіи, ея безопасность, честь, процвѣтаніе въ будущемъ и стараніе беречь кровь ея храбрецовъ, составляютъ,—согласно высочайшей волѣ государя императора,—высшій для меня законъ,

«Намѣреніе императорскаго кабинета — внести особымъ параграфомъ трактата утвержденіе преимуществъ Сербіи, получило одобреніе всѣхъ членовъ конференціи. Турецкіе уполномоченные подписали все безъ сопротивленія.

«Не то было съ вопросомъ о формальномъ дарованіи религіозныхъ и политическихъ правъ христіанамъ въ Турціи. Великій визирь Аали-паша намъ объявилъ, что хати-шерифъ султана, недавно публикованный, только-что подтвердилъ новыя гарантіи восточныхъ христіанъ, обезпечивая за ними привилегіи далеко превосходящія все, чтò было до сихъ поръ постановлено въ ихъ пользу. Онъ прибавилъ, что этимъ добровольнымъ актомъ султанъ полагаетъ удовлетворить всѣмъ законнымъ желаніямъ всѣхъ державъ. Поэтому, онъ настаивалъ на томъ, что сдѣланное уже опубликованіе упомянутаго хати-шерифа, устраняетъ необходимость упоминать что-либо въ трактатѣ по дѣламъ религіознымъ. Подобное упоминаніе, по его мнѣнію, было бы способно уменьшить значеніе добровольнаго акта, изданнаго султаномъ, въ интересахъ его христіанскихъ подданныхъ».

Прежде всѣхъ возражалъ противъ этого графъ Орловъ. Онъ настоятельно указывалъ на необходимость включить въ текстъ трактата параграфъ о преимуществахъ, обезпечивающихъ на будущее время благосостояніе христіанскаго населенія Оттоманской имперіи.

«Я заявилъ,—писалъ графъ Орловъ,—что, по мнѣнію государя императора, этотъ пунктъ составляетъ главное достоинство мирнаго европейскаго соглашенія, какъ предмета нашихъ общихъ усилій». Поэтому, Орловъ предупредилъ всѣхъ прочихъ членовъ конгресса, что при разсмотрѣніи редакціи трактата объ окончательномъ мирѣ, онъ—«считаетъ своею обязанностью предложить имъ, помѣстить, на первыхъ же строкахъ трактата, постановленіе по религіозному вопросу, которымъ всѣ христіанскія державы заинтересованы въ равной мѣрѣ, и должны рѣшить его по совѣсти и чести».

«Уполномоченные Франціи, Англіи, Австріи и Сардіи,—доносилъ Орловъ,—единогласно выразили одобреніе нашему предложенію, и присоединились къ нему.

«Великій визирь не сдѣлалъ прямыхъ возраженій и отказа. Но онъ просилъ отсрочки для испрошенія дополнительныхъ инструкцій по этому предмету.

«Согласились исполнить просьбу визиря и графъ Валевскій объявилъ засѣданіе закрытымъ».

По поводу этого донесенія, графъ Нессельроде препроводилъ графу Орлову слѣдующія указанія относительно вопроса о княжествахъ и о христіанахъ на Востокѣ:

«Молдавія и Валахія [1]) дали такъ много доказательствъ своей неблагодарности за всѣ благодѣянія, какія они получили цѣною русской крови, что не приходится еще проливать за нихъ эту кровь. Что касается до княжествъ, то для насъ важно только, чтобы согласно Адріанопольскому миру, всѣ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная были срыты, и чтобы не строили новыхъ крѣпостей на Дунаѣ, отъ Ренни до его устья, потому-что эти крѣпости являлись бы передовыми постами Турціи, выставленными противъ Россіи».

Затѣмъ, въ депешѣ отъ 12-го марта № 97, графъ Нессельроде писалъ:—«Государь императоръ приказалъ мнѣ предложить вамъ, сдѣлать всевозможное для лучшей редакціи пункта, относящагося до христіанъ. Однако, если вамъ не удастся сдѣлать этого, не подвергая риску заключеніе мира,—вамъ разрѣшается принять редакцію въ томъ видѣ, какъ она состоится».

Вообще, весь ходъ переговоровъ, со многими ихъ подробностями, о которыхъ ничего не говорится въ протоколахъ конференцій, виденъ изъ слѣдующаго, пространнаго донесенія графа Орлова отъ 29-го февраля (11-го марта) 1856 года, № 31. Въ этомъ донесеніи [2]) излагается все происходившее на конференціяхъ и въ частныхъ совѣщаніяхъ, отъ начала переговоровъ до кануна 8-й конференціи, состоявшейся 29-го февраля (12-го марта).

Донесеніе это дополнено затѣмъ позднѣйшими телеграммами, относящимися къ рѣшенію частныхъ вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію.

«Сегодня я считаю своею обязанностью представить императорскому кабинету полный очеркъ переговоровъ»,—доносилъ графъ Орловъ.

I. Вопросы рѣшенные.

«Изъ всѣхъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію въ Парижѣ, самымъ труднымъ и важнымъ, былъ вопросъ по пятому пункту предварительныхъ условій. Государь императоръ такимъ и считалъ его. По этому онъ и намѣренъ былъ, въ принципѣ, отдѣлить его отъ другихъ пунктовъ, такъ какъ его двусмысленная (ambigüé) редакція и неопредѣленность давали противникамъ нашимъ свободное поле выставлять свои безмѣрныя требованія, которымъ мы должны были противиться и отвѣчать на нихъ рѣшительнымъ отказомъ, что могло бы привести къ прекращенію переговоровъ.

---

[1]) Графъ Нессельроде графу Орлову, отъ 3 марта 1856 г., № 87. М. И. Д.
[2]) Графъ Орловъ, 28-го февраля (11-го марта) 1856, № 31. М. И. Д.

«Правда, императорскій кабинетъ, принимая § 5 за основаніе проекта предварительныхъ условій, имѣлъ надежду, что частныя соглашенія между Англію и Франціей не могутъ дойти до того, чтобы компрометировать самый миръ.

«Но эти соглашенія (vagues et timide), робкія и неопредѣленныя, не составляли никакихъ положительныхъ обязательствъ между западными державами. Вѣнскій дворъ ограничился тѣмъ, что вмѣсто всякихъ обезпеченій (sûreté) предлагалъ намъ одни слова. Прошлое поведеніе его говорило намъ, какъ мало мы могли на него разсчитывать.

«Объясненія, дѣлаемыя Франціей по § 5, были болѣе удовлетворительны. Она ограничила его двумя вопросами: 1) Объ Аландскихъ островахъ и 2) О нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ, къ востоку отъ Чернаго моря.

«Но неясная редакція этого послѣдняго пункта представляла такое поле для разныхъ сомнѣній и нарушеній права (controverse) по этому предмету, что Англія, какъ казалось, нарочно возбудила всѣ эти недоразумѣнія, чтобы имѣть возможность прекратить переговоры, предлагая Россіи такія требованія, которыхъ мы принять не могли.

«Намъ было, однако, важно приступить къ обзору этихъ затрудненій, не давая противникамъ повода думать, что мы избѣгаемъ споровъ по этимъ вопросамъ и сомнѣваемся въ нашемъ правѣ.

«Мы начали съ того, что сами возбудили эти споры. Принявъ это рѣшеніе, мы получили существенную выгоду — ясно опредѣлить намѣренія нашихъ противниковъ и съ точностью отличить виды Англіи, не согласные съ намѣреніями Франціи.

«Это дало намъ возможность сдѣлать, въ высшей степени важное, для насъ открытіе. Дѣйствительно, мы узнали отъ графа Валевскаго, что Англія хочетъ, ни больше, ни меньше, какъ подвергнуть сомнѣнію (revoguer en doute) всѣ наши територіальныя права на владѣнія по лѣвую сторону Кубани. Съ точки зрѣнія англичанъ, слѣдовало принудить насъ—или объявить независимость, т. е. нейтралитетъ всей страны, къ югу отъ Кубани, или передать ее въ номинальное распоряженіе Порты.

«Императоръ Наполеонъ, наотрѣзъ, отказался поддерживать подобныя предложенія. Проявленное имъ при этомъ сопротивленіе, оказало намъ, безъ всякаго сомнѣнія, великую услугу, и я долженъ засвидѣтельствовать это съ полною справедливостью».

Въ краткой телеграммѣ, отъ 21-го февраля (1-го марта) № 25, графъ Орловъ такъ описывалъ ходъ переговоровъ: — «Претензіи англичанъ о независимости Мингреліи, Закавказья и другія требованія, совершенно отвергнуты. Наши пограничныя крѣпости остаются не тронутыми (intactes).

«Споры по поводу Николаева, возбужденные Кларендономъ,

устранены нашими отвѣтами. Редакція по нейтрализаціи Чернаго моря окончена. Остается только конвенція наша съ Портой о количествѣ военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ—вопросъ довольно трудный (assez épineuse). Принципъ закрытія проливовъ утвержденъ».—«Все это хорошо», отмѣтка на депешѣ рукою императора Александра II.

Излагая далѣе свое донесеніе о положеніи дѣлъ къ 28 февраля (11 марта) графъ Орловъ продолжаетъ:

«Мы пришли къ убѣжденію, что, принимая споръ по вопросу, по которому Франція вовсе не намѣрена была поддерживать Англію,—намъ представлялась возможность состязаться по этому вопросу съ успѣхомъ».

Результаты вполнѣ оправдали эти ожиданія. Споры начались на конференціи 1-го марта. Объ этой конференціи графъ Орловъ доносилъ телеграммою отъ 18-го февраля (1-го марта) № 23.

«Четыре часа спорили по 5 пункту. Англичане хотѣли подвергнуть сомнѣнію вопросъ о всѣхъ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ по берегу Чернаго моря. Мы ихъ опровергали съ трактатами въ рукахъ. Требуется уступка Карса, безъ вознагражденія.

«Мы предоставляемъ себѣ право согласиться на это только тогда, когда будемъ удовлетворены по другимъ пунктамъ. Тоже и относительно Бомарзунда. Кларендонъ напалъ на наши пограничныя азіатскія крѣпости. Рѣшительный отказъ уступить чтолибо. Вообще, борьба идетъ сильная, но безъ успѣха для нашихъ противниковъ» [1]).

Продолжая свое донесеніе отъ 28-го февраля (11-го марта) № 31, графъ Орловъ говоритъ:—«Съ трактатами въ рукахъ, мы установили, что наши азіатскія владѣнія ясно опредѣлены нашими мирными соглашеніями съ Портою по § 4 Адріанопольскаго мира и I Петербургской конвенціи 1834 года, устраняющими всякіе недоразумѣнія и споры между обѣими державами.

«Представленныя русскими уполномоченными, несомнѣнныя доказательства дали намъ побѣду надъ англичанами. Лордъ Кларендонъ началъ постыдно отступать по вопросамъ о Мингреліи, Абхазіи и относительно страны черкесовъ (s'est jeté dans une digression confuse).

«Мы опровергали его по всѣмъ пунктамъ, ссылаясь даже на турецкихъ уполномоченныхъ, предлагая имъ объявить:—правда ли или ложно, что границы Россіи и Турціи опредѣлены по ихъ прямому, добровольному соглашенію?

«Великій визирь Аали-паша призналъ это. Онъ даже и не пытался возбуждать вопроса объ измѣненіи границъ, опредѣленныхъ въ 1834 году. Онъ ограничился лишь замѣчаніемъ, что съ того

[1]) Отмѣтка императора Александра: «И такъ: все еще ничего рѣшительнаго».

времени, измѣненіе этой границы могло произойти, что было бы желательно провѣрить ее на мѣстѣ; что еще до разрыва Порта намѣревалась предложить объ этомъ императорскому кабинету, и что теперь онъ имѣетъ порученіе предложить созвать особыхъ коммисаровъ, съ цѣлью провѣрки, (rectification), если то окажется нужнымъ, не нанося ущерба интересамъ ни той, ни другой стороны.

«Мы формально заявили, что предполагаемая провѣрка границъ не повлечетъ за собою никакихъ територіальныхъ, безвозмездныхъ уступокъ».

Наши уполномоченные желали, чтобы для провѣрки границъ были назначены только комисары со стороны Россіи и Турціи. Но графъ Валевскій заявилъ, что нужно назначить въ комиссію еще по одному представителю отъ Англіи и Франціи.

«Онъ предупредилъ насъ, конфиденціально, а не на конференціи,—пишетъ графъ Орловъ,—что это предложеніе идетъ прямо отъ императора Наполеона. Взамѣнъ оказанной имъ уже намъ поддержки по § 5, и во вниманіе къ нашимъ интересамъ: поддерживать его хорошія къ намъ отношенія, я полагалъ удобнымъ сдѣлать уступку его желанію».

Пограничную комиссію постановлено было собрать послѣ заключенія мира. Она должна была закончить свои занятія, спустя 8 мѣсяцевъ по ея открытіи.

Это давало намъ право разсчитывать, что разсматривая вопросъ уже по заключеніи мира, Порта воздержится отъ всякихъ неумѣстныхъ требованій, желая сохранить добрыя къ намъ отношенія.

«Такимъ образомъ,—писалъ графъ Орловъ,—Кларендонъ потерпѣлъ отъ насъ полное пораженіе по вопросу объ азіатскихъ границахъ, къ востоку отъ Чернаго моря. Чтобы вознаградить себя, хоть чѣмъ-нибудь, за эту неудачу, онъ настаивалъ на томъ, чтобы мы обязались—не возобновлять оставленныхъ нами, или разрушенныхъ во время войны, укрѣпленныхъ фортовъ по азіатской границѣ. Я прямо воспротивился этой претензіи. Я объявилъ, что государь императоръ будетъ всегда имѣть полную свободу возстановлять или не возстановлять эти форты, смотря по своему личному усмотрѣнію. Я поддерживалъ это право, какъ принципъ, съ точки зрѣнія абсолютнаго владычества, которое государь императоръ имѣетъ въ предѣлахъ своей територіи, надъ своими подданными».

По поводу этого заявленія, на 8-й конференціи 29-го февраля (12-го марта), лордъ Кларендонъ [1]) потребовалъ, чтобы и Турціи предоставлено было право возобновлять свои пограничные азіатскіе форты.

---

[1]) Графъ Орловъ, 29-го февраля (12-го марта) 1856 года, № 36. М. И. Д.

Далѣе, въ своемъ донесеніи графъ Орловъ продолжаетъ:—«Въ вопросѣ о возвращеніи Турціи занятаго войсками нашими Карса и его земель, Франція оказалась на сторонѣ англійскихъ требованій, такъ какъ иначе, Англія объявила, что будетъ продолжать безконечно войну, во чтò бы то ни стало, но не допустить присоединенія Карса къ Россіи. Въ этомъ случаѣ Франція и Англія согласно объявили, что ихъ обязательства не дозволяютъ имъ допустить отдѣленіе части турецкой територіи».

Но мы вовсе не имѣли въ виду требовать присоединенія къ намъ Карса. Въ силу полученныхъ инструкцій, уполномоченные наши должны были только воспользоваться уступкою Карса и его владѣній, какъ средствомъ, побудить нашихъ противниковъ быть умѣреннѣе по другимъ пунктамъ, въ особенности же по измѣненію границъ Бессарабіи.

По вопросу о Бомарзундѣ, укрѣпленія котораго не должны быть возобновлены, графъ Орловъ настаивалъ на томъ, чтобы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ отдѣльнымъ соглашеніемъ между Россіей, Франціей и Англіей, такъ какъ только эти державы принимали военное участіе на водахъ Балтійскаго моря.

Такимъ образомъ, были устранены всѣ острыя осложненія, которыя—«могли привести къ разрыву негоціацій, если бы,—пишетъ графъ Орловъ,—мы приступили къ нимъ съ меньшею твердостью и рѣшимостью. Но теперь все вступило на правильный путь. Слѣдовало сперва покончить съ неизвѣстнымъ, чтобы перейти къ извѣстнымъ затрудненіямъ. Они состояли въ томъ, чтобы умѣрить, если возможно, сущность (le fond), и улучшить форму четырехъ предварительныхъ пунктовъ, принятыхъ въ основаніе переговоровъ».

1) Нейтрализація Чернаго моря.

Вопросъ этотъ обсуждался въ засѣданіи 4-го марта. Австрійскій проектъ по этому предмету состоялъ въ томъ, что въ Черномъ морѣ не могутъ быть ни вновь устроены, ни сохранены, прежніе военно-морскіе арсеналы.

Предвидя возможность такой постановки вопроса, мы заготовили другую редакцію—«что не будутъ устроены вновь и сохранены военно-морскіе арсеналы на берегахъ Чернаго моря». Этимъ мы хотѣли отстранить вопросъ о закрытіи порта въ Николаевѣ, какъ того, по слухамъ, желали представители Англіи и Австріи.

Поэтому, конференція постановила, что—«такъ какъ Черное море объявляется нейтральнымъ, то въ поддержаніи прежнихъ или въ созданіи новыхъ, пограничныхъ, военныхъ учрежденій, не представляется надобности; вслѣдствіе чего, императоръ всероссійскій и его величество султанъ обязуются не возводить и не сохранять

на берегахъ Чернаго моря никакихъ военныхъ морскихъ арсеналовъ».

Тогда лордъ Кларендонъ началъ доказывать, что на основаніи этой резолюціи Николаевскій портъ также долженъ быть закрыть. Графъ Орловъ энергично возсталъ противъ этого и сказалъ:—«что Николаевъ находится далеко отъ берега Чернаго моря, и потому чувство достоинства Россіи не позволяетъ ей допустить какія бы то ни было ограниченія внутри своихъ владѣній, и эти ограниченія могутъ быть допущены единственно на ея границахъ».

Конференція признала доводы графа Орлова вполнѣ уважительными, и вопросъ о Николаевѣ не подвергался уже болѣе обсужденію.

«Сохраняя портъ въ Николаевѣ,—писалъ графъ Орловъ,—мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, получали право строить на немъ и военныя суда, но только такого типа, который опредѣлялся для охраненія морскихъ береговъ».

При этомъ графъ Орловъ заявилъ о намѣреніи императора Александра вывести изъ Николаева два линейныя судна, для отправки ихъ въ Балтійское море.—«Это заявленіе,—доносилъ графъ Орловъ,—ясное и точное, произвело, смѣю сказать, на всѣхъ членовъ конференціи самое сильное, въ нашу пользу, впечатлѣніе. Лордъ Кларендонъ первымъ отдалъ должную похвалу—прямотѣ намѣреній государя императора, и я считаю себя счастливымъ, что могъ уничтожить тѣ несправедливыя подозрѣнія, которыя такъ часто возникаютъ за границей по поводу политики Россіи».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Орловъ заявилъ, что все принятое нами по отношенію къ Черному морю, ни коимъ образомъ не можетъ относиться къ Азовскому морю, на которое также желали распространить ограниченія. Конференція и на это согласилась. Что касается до иностранныхъ консуловъ, которые будутъ назначены въ нѣкоторые города на берегахъ Чернаго моря, то графъ Орловъ заявилъ,—«что они въ Россіи будутъ пользоваться только тѣми правами, которыя признаны за русскими консулами, въ соотвѣтствующихъ иностранныхъ державахъ».

2) Закрытіе проливовъ—Босфоръ и Дарданеллы.

Вопросъ остался на основаніяхъ трактата 1841 г., который предполагалось пересмотрѣть особо въ Лондонѣ, и постановить спеціальную конвенцію.

3) Свобода плаванія по Дунаю.

Вопросъ этотъ былъ уже исчерпанъ въ подробностяхъ на конференціяхъ въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ послѣдовали относительно него лишь незначительныя измѣненія, противъ которыхъ наши уполномоченные не нашли нужнымъ возражать.

Между графомъ Валевскимъ и графомъ Буолемъ произошли при этомъ довольно рѣзкіе споры. Графъ Валевскій предложилъ, чтобы въ числѣ членовъ исполнительной комиссіи, на которую возлагалось наблюденіе за плаваніемъ по Дунаю, былъ бы включенъ и представитель отъ Баваріи, какъ Придунайской державы. Графъ Буоль возсталъ противъ этого. — «Мы не принимали ничьей стороны въ этихъ спорахъ, которые никоимъ образомъ не затрогивали наши прямые интересы»,—писалъ графъ Орловъ.

II. Вопросы, подлежащіе рѣшенію.

1) Опредѣленіе границъ Бессарабіи.

Графъ Валевскій предложилъ обсудить этотъ вопросъ предварительно въ частныхъ совѣщаніяхъ. Соглашаясь съ этимъ, графъ Орловъ принялъ себѣ за правило—«при всякомъ случаѣ доказать нашимъ противникамъ нашу твердую рѣшимость—ни отъ чего не отступать и не лукавить (biaiser), но идти прямо къ сущности спорныхъ вопросовъ, чтобы придти по нимъ, если можно, къ почетному и добровольному соглашенію».

Ходъ переговоровъ объ измѣненіи границъ Бессарабіи, графъ Орловъ изображаетъ въ слѣдующихъ донесеніяхъ своихъ: 1) отъ 11-го (23-го) февраля № 27. «Споры о границахъ Бессарабіи уже начались. Расположеніе Австріи дурно и неуступчиво и поддерживается Англіею. Франція заявляетъ себя сдержано по этому вопросу. Я почти не сомнѣваюсь въ необходимости поступить на основаніи крайнихъ предѣловъ моихъ инструкцій (d'en venir à la limites extrêmes de mes instructions)». На этой депешѣ императоръ Александръ написалъ:—«Я бы болѣе хотѣлъ избѣжать этой крайней необходимости». 2) Отъ 25-го февраля (8-го марта), № 28:— «Я прямо обратился къ императору. Онъ мнѣ обѣщалъ свою помощь, но откровенно заявилъ, что ничего не можетъ сдѣлать по вопросу объ Измаилѣ, такъ какъ его обязательства не дозволяютъ ему ничего предпринять къ этому предмету. Сегодня, послѣ продолжительныхъ споровъ, австрійскій проектъ проведенія границы отъ Хотина на озеро Сальчикъ, былъ отклоненъ. Мы сохраняемъ неприкосновеннымъ торговый путь чрезъ Брезаны, Бѣльцы, Скуляны. Мы сохраняемъ также площадь, признаваемую необходимою для военной обороны страны. Наконецъ, мы удерживаемъ линію Прута до Гуша. Оттуда мы предполагаемъ провести линію, которая, слѣдуя по вершинѣ холмовъ, кончалась бы на сѣверѣ озера Сальчикъ. Съ этого пункта требуютъ отъ насъ проведенія границы до озера Аниби, къ востоку отъ Сальчика, включая болотистую мѣстность, не имѣющую, вѣроятно, никакой стоимости. Въ общемъ,

мы отрѣзываемъ обратно почти половину територіи, уступленной по соглашенію на предварительныхъ переговорахъ въ Вѣнѣ. Но не взирая на всѣ наши старанія, намъ невозможно было сохранить линію, по которой оставались бы за нами Измаилъ и Болгарскія высоты. Кларендонъ очень не хорошъ. Буоль также. Валевскій опасается англичанъ. Всѣ возможныя усилія сдѣлать какъ лучше — были истощены». 3) Отъ 27-го февраля (10-го марта), № 30.—«На 7-й конференціи послѣ продолжительныхъ споровъ, настаиваютъ—границу Бессарабіи вести по линіи, начиная отъ берега Чернаго моря, вдоль по Восточному берегу озера Бурма-Зола (въ разстояніи 1 километра отъ берега этого озера). Далѣе, по линіи препендикулярной къ дорогѣ изъ Аккермана въ Килію до Троянова вала; потомъ по этому валу, южнѣе Болграда (Табакъ, на рѣкѣ Ялпухъ); отсюда, вверхъ по рѣкѣ Ялпухъ до Сарацика, и отсюда до рѣки Прутъ у Катамори». Затѣмъ 4) отъ 27-го февраля (10-го марта), № 29:—«Аудіенція у императора. Онъ очень не доволенъ спорами о границахъ и объявилъ, что рѣшился снова вернуться къ этому вопросу, съ тѣмъ чтобы сохранить за нами большую часть Болгарскихъ колоній. На засѣданіи сего числа, споры о границахъ вновь возбуждены. Новая граница для насъ выгоднѣе, почему я принялъ ее». Сверхъ того, въ донесеніи отъ 28-го февраля (11-го марта), № 32, графъ Орловъ, подробнѣе описываетъ ходъ переговоровъ о границахъ Бессарабіи:—«Еще на 5 конференціи отъ 6-го марта, по опредѣленію границъ Бессарабіи, наши уполномоченные имѣли въ виду опредѣлить эти границы точнымъ образомъ, такъ чтобы ихъ можно было бы тотчасъ же нанести на карту, и предоставить противникамъ инициативу въ этомъ вопросѣ для того, чтобы потомъ можно было возражать имъ, и установить границу для насъ возможно выгодную. Но противники наши, упорно отказываясь взять на себя инициативу (въ опредѣленіи подробностей границы), формально заявили только, что линія отъ Хотина къ озеру Сальчикъ достаточно опредѣляетъ направленіе, согласно § I предварительныхъ условій вѣнскихъ конференцій; что она должна слѣдовать въ направленіи горныхъ возвышенностей, проходящихъ отъ сѣвера, на юго-востокъ по Бессарабіи. Что этотъ проектъ, предложенный Австріей, отъ имени воюющихъ сторонъ, былъ принятъ въ Вѣнѣ purement et simplement нашимъ кабинетомъ. Поэтому, парижскія конференціи не могутъ даже входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, какъ вполнѣ уже законченнаго».

Наши уполномоченные энергично возражали противъ такой постановки вопроса. Они говорили, что задача конференцій состоитъ не въ томъ, чтобы обсуждать по отдѣльнымъ пунктамъ предварительныя условія, а въ томъ, чтобы выработать одно общее (un ensemble). Они заявили, что выговорили себѣ право настаивать на

томъ, чтобы было принято въ разсчетъ (qu'il nous fût tenu compte) возвращеніе нами Карса и обѣщаніе не возобновлять укрѣпленій Бомарзунда.—«Согласіе, изъявленное нами по различнымъ вопросамъ,—говорилъ графъ Орловъ,—не могло бы состояться, иначе какъ подъ условіемъ, что намъ, взамѣнъ того, будутъ сдѣланы соотвѣтственныя уступки по другимъ пунктамъ переговоровъ».

Споры по этому вопросу велись очень оживленно. «Графъ Буоль и лордъ Кларендонъ,—писалъ графъ Орловъ,—были настроены противъ насъ враждебно; графъ Валевскій, напротивъ, настойчиво и дѣятельно содѣйствовалъ намъ». Дѣло видимо принимало неблагопріятный для насъ оборотъ. Тогда наши уполномоченные и графъ Валевскій предложили отложить вопросъ до слѣдующаго засѣданія. Рѣшено было не вносить въ протоколъ подробностей диспутовъ, а подождать пока не состоится окончательное постановленіе о границахъ Бессарабіи.—«Такимъ образомъ,—говоритъ графъ Орловъ,—изъ протокола не будетъ видно, насколько былъ близокъ къ разрыву ходъ переговоровъ».

Было уже сказано, что графъ Орловъ воспользовался отсрочкой засѣданія, чтобы лично просить императора Наполеона принять участіе въ спорѣ, на что̀ и послѣдовало обѣщаніе—«умѣрить требованія Англіи и Австріи». Баронъ Брунновъ, по порученію графа Орлова, передалъ графу Валевскому три проекта, нами составленные, для опредѣленія Бессарабскихъ границъ. Императоръ Наполеонъ поручилъ графу Валевскому поддерживать третій изъ нашихъ проектовъ.

«Поэтому было условлено съ графомъ Валевскимъ,—писалъ графъ Орловъ,—что нами будутъ представлены первоначально первый и второй проекты, на которые графъ Валевскій не согласится, чтобы не подать другимъ членамъ конференціи мысли о нашемъ съ нимъ соглашеніи; а затѣмъ, третій нашъ проектъ онъ будетъ энергично поддерживать. Этотъ планъ дѣйствій былъ условленъ 7-го марта, на концѣ 6-го засѣданія [1]).

«Къ крайнему моему сожалѣнію, пишетъ гр. Орловъ, уполномоченные Англіи и Австріи оказали упорное сопротивленіе нашимъ намѣреніямъ. Гр. Валевскій имѣлъ съ ними очень ожесточенныя объясненія. Они, правда, отказались отъ австрійскаго проекта (по

---

[1]) По первому проекту, граница Бессарабіи, начинаясь на рѣкѣ Прутѣ, у Вадулуй-Исаки, проходила почти по вершинамъ озеръ Ялпуха, Котлобуга и Сасика. По второму, линія эта, отъ вершинъ озера Сасика, продолжена, почти въ перпендикулярномъ направленіи, къ берегу Чернаго моря, упираясь въ него. По третьему проекту, въ отличіе отъ предыдущихъ, отъ южной части Бессарабіи отходило только пространство между лѣвымъ берегомъ южнаго теченія рѣки Прута, до устья рѣки Сарацика, потомъ вверхъ по этой рѣкѣ до деревни Сарацика, и далѣе на востокъ, и къ югу, внизъ по правому берегу рѣки Ялпухъ.

которому отъ Бессарабіи отдѣлялась вся ея западная половина, по линіи Хотинъ—оз. Сальчикъ или Сасикъ); но не соглашались и на нашъ проектъ, поддерживаемый Валевскимъ, и вмѣсто того предложили два новыхъ проекта».

Представители Англіи и Австріи предложили провести линію отъ м. Липканы, на рѣкѣ Прутѣ, къ озеру Сальчику. По этому проекту, также какъ и по отвергнутому нами первому австрійскому проекту (Хотинъ—озеро Сальчикъ), хотя за нами и оставалась нѣсколько большая часть Бессарабіи, но она также дѣлилась вдоль, отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, на двѣ части. Къ тому же, линія Липканы—озеро Сальчикъ не имѣла даже и естественнаго направленія по горамъ. Поэтому, гр. Валевскій предложилъ намъ подать новый проектъ, согласный съ тѣмъ, который онъ поддерживалъ и по которому отъ насъ отходила только южная часть Бессарабіи. По этому новому проекту линія назначалась отъ Гуша на рѣку Прутъ, до озера Сальчикъ.

Этотъ проектъ и былъ, наконецъ, принятъ, только съ тѣмъ, что англійскій и австрійскій уполномоченные предложили протянуть линію еще на Востокъ, до вершины озера Аниби. Это, ни къ чему не ведущее, прибавленіе, по которому къ намъ присоединялось, никому не нужное, болотное пространство, служило англо-австрійцамъ, какъ-бы утѣшеніемъ въ томъ, что графъ Валевскій, даже не останавливаясь на разсмотрѣніи ихъ проекта (Липканы—озеро Сальчикъ), прямо перешелъ къ нашему проекту: Гушъ—озеро Сальчикъ.

«Это обстоятельство,—доносилъ графъ Орловъ,—вызвало со стороны Кларендона оживленные упреки, о чемъ не значится въ протоколѣ, но на что̀ я долженъ указать, чтобы придать большую точность разсказу».

Такимъ образомъ, благодаря личному вліянію Наполеона, вопросъ о проведеніи новой границы Бессарабіи, едва не послужившій къ разрыву переговоровъ, былъ законченъ въ болѣе удовлетворительномъ для насъ смыслѣ.

«Еще 9-го марта,—доносилъ графъ Орловъ,—въ частномъ разговорѣ со мною въ Тюильери, императоръ Наполеонъ сообщилъ мнѣ о своихъ положительныхъ намѣреніяхъ поддерживать нашъ проектъ; и того же числа вечеромъ, онъ объявилъ объ этомъ Кларендону и Буолю. Это непосредственное вмѣшательство, смѣю думать, рѣшило вопросъ въ нашу пользу. Мы могли въ этомъ убѣдиться, по замѣтно смягченному, даже можно сказать, приниженному тону, который вдругъ приняли наши притивники».

«Послѣдовали лишь незначительныя и не важныя для нашихъ противниковъ дополненія, или частныя измѣненія, проектированныхъ нами границъ, на что̀ мы соглашались, выговоривъ и для себя, чтобы граница была направлена южнѣе Болграда, составляю-

щаго центръ болгарскихъ колоній; на что противники наши согласились—какъ я думаю, не понимая важности этой уступки для насъ»,—поясняетъ графъ Орловъ.

Вообще, сравнивая результаты достигнутыхъ нами соглашеній о границахъ Бессарабіи, съ тѣми основаніями, которыя заключались въ австрійскомъ проектѣ, нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи, благодаря, конечно, личному вмѣшательству Наполеона въ нашу пользу, мы достигли очень важныхъ выгодъ, а именно:

1) По австрійскому проекту (линія Хотинъ—озеро Сальчикъ) самая крѣпость Хотинъ отходила къ Молдавіи. Австрійцы очень желали этого, чтобы ослабить насъ со стороны своихъ Буковинскихъ границъ. Мы оставили Хотинъ за собою.

2) Мы удержали, почти, три четверти изъ той западной части Бессарабіи, которая отдѣлялась къ Молдавіи, по австрійскому проекту.

3) Мы сохранили главную торговую дорогу, съ сѣвера на югъ Бессарабіи.

4) Сохраняли за нами всѣ нѣмецкія и болгарскія колоніи въ Бессарабіи, съ главнымъ центромъ послѣднихъ, Болградомъ.

Достигнуть всего этого стоило не мало труда, тѣмъ болѣе, что представители Англіи и Австріи постоянно указывали намъ на то, что опредѣленіе Бессарабской границы—Хотинъ—озеро Сальчикъ, было уже принято нами на Вѣнскихъ конференціяхъ, и вопросъ объ этомъ объявленъ былъ совершенно исчерпаннымъ.

2) Объ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ [1]).

Графъ Валевскій предложилъ, прежде чѣмъ приступить къ подробностямъ устройства княжествъ, рѣшить сперва вопросъ, слѣдуетъ ли соединить Молдавію съ Валахіей подъ одною общею властью господаря, князя, или вообще главы, съ наслѣдственною властью; или оставить ихъ, попрежнему, въ зависимости отъ Порты?

Графъ Буоль не прямо возражалъ противъ соединенія, но старался отклонить его, говоря, что это вопросъ преждевременный (prématurée).

Аали-паша заявилъ, что его уполномочія не даютъ ему права разсматривать этотъ вопросъ, и что, поэтому, онъ испроситъ инструкцій у Порты. Лично же онъ рѣшительно высказывается противъ соединенія.

Кларендонъ отзывался сочувственно о французскомъ предложеніи, но не поддерживалъ его настойчиво.

Наши инструкціи состояли въ одобреніи того, что будетъ принято.

---

[1]) Также изъ донесенія отъ 28-го февраля (11-го марта) 1856 года, № 31.

Графъ Валевскій живо возражалъ противъ доводовъ графа Буоля, и предложилъ Аали-пашѣ сдѣлать Портѣ запросъ по телеграфу.

Въ донесеніи отъ 29-го февраля (12-го марта) № 38, графъ Орловъ пишетъ по этому предмету:

«По дѣламъ княжествъ дѣла идутъ удовлетворительно. Будетъ поступлено на основаніи вѣнскихъ переговоровъ прошлаго года. Въ Бухарестѣ соберется особая комиссія, съ участіемъ делегата отъ Россіи, для обсужденія подробностей управленія княжествъ. Комиссія эта будетъ сноситься съ особою конференціей, засѣдающею въ Парижѣ. Выработанный здѣсь проектъ будетъ утвержденъ гати-шерифомъ султана, и представленъ всѣмъ дворамъ, подписывающимъ трактатъ, которые коллективно гарантируютъ его исполненіе. «Это,—замѣчаетъ графъ Орловъ,—какъ намъ кажется, согласно съ видами нашего кабинета».

3) Конвеція между Россіей и Портой о морскихъ силахъ, содержимыхъ въ Черномъ морѣ.

Было уже сказано, что для огражденія національнаго достоинства Россіи по вопросу объ ограниченіи нашихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ, предоставлено было рѣшить этотъ вопросъ добровольнымъ соглашеніемъ между Россіей и Турціей.

«Морская конвенція,—доносилъ графъ Орловъ отъ 16-го (28-го) февраля № 15 телеграммою,—будетъ обсуждаться между нами и турками. Послѣдніе желали, чтобы въ трактатѣ вовсе не затрогивался религіозный вопросъ; мы же на этомъ настаивали. Конференція одобрила наше мнѣніе. Французы за насъ, но не очень. Мы держимся твердо, и даже угрожаемъ разрывомъ».

Но не понимая своей выгоды, турки не рѣшались дѣйствовать самостоятельно и поддавались внушеніямъ англичанъ.—«Наши,—доносилъ графъ Орловъ отъ 29-го февраля (12-го марта) № 37,—переговоры съ турками, относительно морской конвенціи, оказались безплодными. Пришлось прибѣгнуть къ Валевскому сперва, а потомъ къ Наполеону, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. Не смотря на это англичане противятся. Мы сообщили французскій проектъ, по которому каждая изъ прибрежныхъ державъ имѣетъ право содержать шесть паровыхъ судовъ, 50 метровъ въ длину; и шесть по 65 метровъ длины, помѣщающихъ каждое по 1000 человѣкъ. Англичане хотѣли ограничить число судовъ только шестью. Я поддерживалъ французскій проектъ и, сверхъ того, требовалъ постановленія, имѣть по одному стаціонеру-судну, при каждомъ коммерческомъ портѣ. Французы признали, что этого требуетъ полицейская служба, но заявили, что суда эти должны быть небольшія, чтобы не пугать (offusquer) англичанъ, которые боятся мнѣнія

лондонской публики, если въ трактатахъ будетъ упомянута требуемаемая цифра стаціонеровъ».

Затѣмъ, черезъ два дня, графъ Орловъ телеграфировалъ отъ 2-го (14-го) марта № 39.

«Я предвидѣлъ сопротивленіе, которое окажутъ англичане французскому проекту о морской конвенціи. Кларендонъ получилъ изъ Лондона форменное приказаніе, допустить только шесть вооруженныхъ большихъ парусныхъ судовъ и четыре судна военныхъ, такой величины, какъ тѣ, которыя каждая изъ державъ будетъ содержать въ устьяхъ Дуная. Транспортныя суда и не вооруженные пароходы опредѣляются по усмотрѣнію (ad libitum). Въ этомъ собственно только и состоитъ теперь предметъ для обсужденій».

Вопросъ о количествѣ нашихъ судовъ на Черномъ морѣ разрѣшился, однако, для насъ болѣе удовлетворительно, чѣмъ можно было сперва надѣяться. Въ донесеніи своемъ отъ 28-го февраля (11-го марта) 1856 г. № 33, графъ Орловъ пишетъ, что—«намѣреніе французскаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы—сохранить за нами дѣйствительную возможность удовлетворить потребностямъ нашимъ, относительно числа и размѣра судовъ нашихъ на Черномъ морѣ, не возбуждая сильной распри между нами и Англіей, при нашемъ соглашеніи съ Турціей». Поэтому, графъ Валевскій, по совѣту адмирала Гамелена, опредѣлилъ видъ нашихъ судовъ на Черномъ морѣ, такимъ образомъ: 1) Суда паровыя, для охраны береговъ и 2) Транспортныя суда, парусныя или паровыя. Графъ Орловъ доказывалъ, что нуженъ еще третій видъ судовъ—стаціонныхъ, которыя необходимы для портовой полицейской службы и для покровительства торговлѣ. Вообще, Орловъ старался, сколько могъ, увеличить число нашихъ судовъ. Однако, графъ Валевскій передалъ ему, отъ имени императора Наполеона, чтобы онъ былъ умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ, иначе онъ встрѣтитъ, со стороны Англіи, непреодолимое сопротивленіе, которое можетъ привести къ разрыву переговоровъ.

Затѣмъ, въ донесеніи отъ 7-го (19-го) марта, № 41, по вопросу о судахъ на Черномъ морѣ, графъ Орловъ телеграфировалъ:

«Я употребилъ всѣ средства, бывшія въ моей власти, чтобы улучшить эту конвенцію. Я не могъ и не могу достигнуть чего-нибудь большаго. За неимѣніемъ лучшаго, я принялъ конвенцію, чтобы не сдѣлать невозможнымъ самый миръ».

4) Преимущества религіозныя и политическія христіанскихъ народностей.

Этому вопросу уполномоченные наши давали важное значеніе, настаивая съ энергіей на томъ, чтобы религіозныя и политическія права христіанскихъ подданныхъ Порты, были опредѣлены ясно въ трактатѣ о мирѣ.

5) Затѣмъ, предстояло рѣшить вопросъ о Сербіи. Вопросъ этотъ постановлено было отложить до тѣхъ поръ, когда будетъ оконченъ вопросъ объ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ.

6) Наконецъ, предстояло еще рѣшить подробности относительно эвакуаціи занятыхъ во время войны территорій, амнистіи, и установленія мирныхъ сношеній между воюющими сторонами. Всѣ эти подробности должны быть опредѣлены трактатомъ.

III. Обзоръ положенія.

«Начиная съ 13-го (25-го) февраля, когда открылась первая конференція—все казалось неопредѣленнымъ и неяснымъ,—доносилъ графъ Орловъ.—Мало-по-малу, все разъяснилось и, притомъ, въ нашу пользу. Я не позволю себѣ съ увѣренностію сказать, что исходъ совѣщаній вполнѣ обезпеченъ. Это зависитъ отъ столькихъ разнородныхъ интересовъ, отъ столькихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и, въ особенности, отъ столькихъ постороннихъ вліяній, которыя ставятъ меня внѣ возможности дѣйствовать иначе, какъ разсчитывая только на простую вѣроятность. До сихъ поръ императоръ Наполеонъ, судя по словамъ и поведенію, проявляетъ желаніе придти къ мирнымъ рѣшеніямъ. Если бы онъ не имѣлъ этого въ виду, онъ не старался бы умѣрить требованія Англіи, въ вопросѣ по 5 пункту предварительныхъ условій. Тогда переговоры, неминуемо, прекратились бы. Нашъ отказъ согласиться на несправедливыя претензіи британскаго правительства—положилъ бы конецъ переговорамъ, и отвѣтственность въ этомъ не могла бы пасть на императора Наполеона. Словомъ, если бы онъ предпочиталъ войну миру, ему стоило бы только хранить молчаніе. Но онъ вовсе не хотѣлъ этого сдѣлать. Онъ лично вмѣшивался, дѣятельно, и ловко, то чтобы умѣрить чрезмѣрныя намѣренія Англіи, то чтобы обрѣзать разсчеты Австріи на удовлетвореніе ея интересовъ. Онъ все это дѣлалъ, не только съ желаніемъ установить миръ, но еще и съ цѣлью доставить нашимъ прямымъ интересамъ справедливое (équitable) удовлетвореніе. Графъ Валевскій понялъ эту мысль. Онъ осуществилъ ее съ тактомъ и талантливо.

«На конференціяхъ, графъ Валевскій поддерживалъ, иногда, представителей Англіи, чтобы показать, офиціально, что Франція не желаетъ, открыто, разойтись съ Англіей.

«Но внѣ конференцій, въ нашихъ конфиденціальныхъ разговорахъ, онъ всегда обнаруживалъ къ намъ миролюбивыя и, скажу даже, дружественныя расположенія. Онъ поставилъ себя относительно насъ не въ положеніе врага, а въ положеніе нашего помощника (auxiliaire), какъ онъ самъ назвалъ себя.

«Настроеніе англійскихъ уполномоченныхъ мѣнялось, смотря потому, какое на нихъ производилось вліяніе со стороны Лондона

и Парижа. Въ принципѣ, они болѣе были расположены въ пользу разрыва чѣмъ замиренія. Продолженіе войны было въ это время болѣе популярно въ Англіи, чѣмъ заключеніе мира. Мало-по-малу расположеніе уполномоченныхъ приняло болѣе мягкій характеръ».

Такая перемѣна произошла по соображеніямъ чисто парламентскаго свойства. Лордъ Пальмерстонъ, опасавшійся за свою непопулярность, по случаю заключенія мира, не соотвѣтствовавшаго ожиданіямъ страны, надѣялся теперь не потерять своего поста и доказать, что заключенный миръ вполнѣ отвѣчаетъ интересамъ Англіи.

«Вотъ почему,—замѣчаетъ графъ Орловъ,—лордъ Кларендонъ такъ старался возбуждать вопросъ—и о независимости нашихъ азіатскихъ владѣній на Кавказѣ, и о срытіи нашихъ укрѣпленій на азіатскихъ границахъ, и о закрытіи Николаевской верфи, но не найдя поддержки въ Наполеонѣ, и встрѣтивъ **умѣренный**, но **твердый** отказъ съ нашей стороны, долженъ былъ покориться обстоятельствамъ, которыхъ побѣдить не могъ, и утѣшиться тѣмъ, что въ парламентѣ будутъ, по крайней мѣрѣ, знать объ его стараніяхъ дѣйствовать во имя англійскихъ интересовъ».

Графъ Буоль, сильно упалъ съ той высоты положенія, на которомъ находился въ Вѣнѣ. Къ тому же, его очень мучила зависть, видя что нашъ представитель пользуется особеннымъ вниманіемъ у императора Наполеона, при дворѣ, въ салонахъ и въ арміи.— «Мнѣ кажется,—доносилъ графъ Орловъ,—что онъ предвидитъ дружеское сближеніе Россіи съ Франціей. Это предвидѣніе пусть послужитъ этому человѣку наказаніемъ за всѣ его ошибки. Съ нѣкотораго времени онъ старается сблизиться со мною. Я принимаю эти авансы, не отталкивая его, но и не разсчитывая на его искренность».

«Уполномоченные Порты,—прибавляетъ графъ Орловъ,—это совершенное ничтожество, способные только возбуждать къ нимъ жалость».

А. Петровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КАЗАНСКІЕ ПОЖАРЫ 1863 ГОДА.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Въ КОНЦѢ апрѣля 1863 года, я пріѣхалъ въ Казань, на службу. Мнѣ было двадцать лѣтъ, я только-что получилъ офицерскіе эполеты и впервые выступалъ на служебномъ и общественномъ поприщѣ, въ званіи «таксатора» корпуса лѣсничихъ. «Таксаціонная партія», въ составъ которой я былъ назначенъ, состояла исключительно изъ такихъ же молодыхъ офицеровъ, кромѣ нашего начальника—поручика П—ва, произведеннаго тремя или четырьмя годами раньше меня. Немедленно по пріѣздѣ я явился губернатору (генералу Козлянинову) и своему непосредственному начальнику, отъ котораго получилъ предписаніе тотчасъ отправиться на работы, въ Мамадышскій уѣздъ, гдѣ предстояло устройство казенно-крестьянскихъ лѣсовъ. Такая поспѣшность въ высылкѣ изъ Казани меня и моихъ товарищей объяснялась до нѣкоторой степени тогдашнимъ тревожнымъ временемъ, которое здѣсь давало себя знать съ особенной силой. Недавнія волненія крестьянъ въ Спасскомъ уѣздѣ, съ кровавой развязкой, пресловутая панихида по убіеннымъ при подавленіи этихъ волненій, студенческія исторіи, заговоръ Иваницкаго, комиссія сенатора Жданова,—все это поддерживало умы въ крайне возбужденномъ состояніи. Слухи одинъ другого нелѣпѣе распространялись съ невѣроятной быстротой и принимались всѣми за чистую монету. Шли, между прочимъ, толки о готовящемся грандіозномъ движеніи русскихъ крестьянъ и татаръ, которое угрожало повтореніемъ пугачевскихъ смутъ. Эти, такъ сказать, внутреннія казанскія треволненія усугублялись

отголосками польскаго возстанія и опасеніемъ близкой европейской войны и немудрено, слѣдовательно, что рачительное начальство нашло полезнымъ выслать насъ изъ города какъ можно скорѣе, на лоно матери-природы.

За нѣсколько дней до нашего отъѣзда разнесся новый, страшный слухъ: во всей губерніи пожары! Горятъ деревни, села и города, горятъ до тла, безъ малѣйшаго при томъ повода, такъ что въ злонамѣренныхъ поджогахъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Особенно страшные пожары въ Мамадышскомъ уѣздѣ, городъ Мамадышъ буквально уничтоженъ огнемъ и расположенныя въ немъ войска выведены въ наскоро импровизованный лагерь. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ зловѣщихъ слуховъ, въ самой Казани начались частые пожары и стали появляться подметныя письма, съ угрозами истребить огнемъ цѣлый городъ. Никто этихъ писемъ самолично не видѣлъ, но никто не сомнѣвался, что угрозы эти будутъ приведены въ исполненіе; нервы были до того возбуждены, что чѣмъ чудовищнѣе казался пущенный слухъ, тѣмъ охотнѣе принимался на вѣру. Вѣсть о пожарахъ въ Мамадышскомъ уѣздѣ, куда предстояло мнѣ ѣхать на работы, произвела на меня сначала тягостное впечатлѣніе и вызвала смутное предчувствіе чего-то недобраго; но впечатлѣніе это смѣнилось очень скоро инымъ чувствомъ,— чувствомъ долга, который повелѣваетъ находиться въ центрѣ опасности, если сознаешь въ себѣ матеріальную и нравственную силу принести пользу, помочь общему бѣдствію. А мы, молодежь того времени, сознавали въ себѣ неизсякаемый источникъ этихъ силъ и неудержимо рвались примѣнить ихъ на дѣлѣ...

Рано утромъ, 7-го мая, мы собрались на пристань общества «Кавказъ и Меркурій», въ ожиданіи парохода. Наша «партія» состояла изъ семи офицеровъ, денщика—стараго солдата и моего лакея, парня лѣтъ двадцати. Общество «Кавказъ и Меркурій» только въ этомъ году открыло рейсы по Камѣ, а раньше по этой рѣкѣ ходили лишь самолетскіе пароходы. Я упоминаю объ этомъ, повидимому, неважномъ обстоятельствѣ, такъ какъ впослѣдствіи оно имѣло для насъ весьма важное значеніе. Вскорѣ пришелъ сверху пароходъ «Лоцманъ», принялъ насъ на свой бортъ и ровно въ полдень мы простились съ Казанью.

Жара стояла невыносимая, ее не могъ смягчить даже сильный южный вѣтеръ. Къ вечеру пароходъ подошелъ къ устью Камы, и передъ нами открылась великолѣпная водная картина, такъ какъ весеній разливъ былъ еще въ полномъ почти разгарѣ. Волны бушевали словно въ открытомъ морѣ и пароходъ нашъ стало не въ шутку покачивать, пока, повернувъ круто на сѣверъ, онъ не вошелъ въ величественные берега Камы. Вѣтеръ стихъ. На горизонтѣ показался полный мѣсяцъ и окружающая картина получила иную окраску и производила тѣмъ болѣе сильное впе-

чатлѣніе, что мы проѣзжали мимо мѣстъ, бывшихъ недавно театромъ кровавой драмы. Вотъ, направо, тотъ Спасскій уѣздъ, гдѣ погибло столько невинныхъ жертвъ, стоны которыхъ, казалось, раздаются въ ночномъ безмолвіи и кровавые призраки несутся надъ лѣсомъ, надъ полями и нивами, отъ которыхъ въ то же время вѣетъ благоуханіемъ весны и радостью пробуждающейся жизни... На противоположномъ, нагорномъ, берегу все тихо и спокойно, но, вдругъ, гдѣ-то вдали блеснулъ какой-то загадочный свѣтъ, блеснулъ и потухъ, а спустя нѣкоторое время снова появился и, наконецъ, засіялъ непрерывно на горизонтѣ. Нѣтъ сомнѣнія—это зарево далекаго пожара. Пароходъ быстро идетъ впередъ, дѣлаетъ крутой поворотъ, зарево выступаетъ ярче, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него виднѣется уже другое, а тамъ, гдѣ-то очень далеко, еще новый загадочный свѣтъ, безспорно тоже отблескъ пожара. Зловѣщіе слухи оказываются несомнѣннымъ фактомъ: здѣсь дѣйствительно происходитъ что̀-то неладное,—чувствуется, словно передъ грозой, присутствіе какой-то стихійной силы, готовой прорваться всякую минуту. Достаточно было взглянуть на суровыя, мрачныя лица крестьянъ, безмолвно взирающихъ съ палубы парохода на зловѣщія зарева пожаровъ, чтобы почувствовать невольный трепетъ и собственную безпомощность передъ этой могущественной силой...

Наступило утро, улеглись призраки, потухли отблески пожаровъ и на пароходѣ началась обыкновенная возня. Намъ надлежало высадиться въ совершенно глухомъ мѣстѣ, на полпути между Чистополемъ и Соколкой (селеніе при устьи рѣки Вятки), гдѣ не только не было пристани, но и нельзя было ожидать даже, чтобы съ берега выѣхала лодка. Мы просили капитана высадить насъ на пароходной шлюпкѣ, но онъ рѣшительно отказалъ, ссылаясь на то, что не можетъ терять ни минуты времени. Мы, однако, продолжали настаивать, и онъ уступилъ въ концѣ концовъ, къ великому, какъ оказалось впослѣдствіи, несчастью нашему. Когда мы приблизились къ назначенному мѣсту и на берегу показалась небольшая деревушка, капитанъ сталъ давать сигнальные свистки, въ надеждѣ, что авось выѣдетъ лодка, но надежда была тщетной и, скрѣпя сердце, онъ приказалъ спустить шлюпку. Черезъ полчаса мы очутились на берегу; матросы бросили вещи наши, какъ попало, мы усѣлись на чемоданы и беззаботно слѣдили за быстро удаляющимся «Лоцманомъ». Деревни не было видно — она скрывалась за горой. Солдата нашего мы послали за лошадьми, снабдивъ его подорожными, а сами рѣшились ждать на берегу и караулить вещи, которыхъ имѣлось изрядное количество, такъ какъ намъ предстояло прожить безвыѣздно 6—7 мѣсяцевъ въ глухихъ деревняхъ. Платье, бѣлье, разныя офицерскія вещи, книги, планы, складныя желѣзныя кровати, геодезическіе инструменты, цѣлые

короба табаку и гильзъ, всякіе съѣдобные консервы, крупа, макароны, и т. д., и т. д.; все это добро заключалось въ чемоданахъ самаго разнообразнаго вида, въ корзинахъ, тюкахъ, чехлахъ, которые въ хаотическомъ безпорядкѣ валялись на песчаной отмели. Семь человѣкъ юныхъ офицеровъ, въ новенькихъ кителяхъ и франтоватыхъ кепи, окружали этотъ багажъ, словно онъ состоялъ изъ военныхъ припасовъ, требующихъ самой бдительной охраны. На заднемъ фонѣ этой военной группы высились горы, скрывавшія деревню, а впереди — величественная рѣка съ ея темно-синими, глубокими волнами; далѣе, за нею — пустынный, низменный берегъ, покрытый необъятными лѣсами; кругомъ, на сколько глазъ хватитъ, ни единаго живого существа, даже на Камѣ ни единаго признака жизни...

Мы ждали добрый часъ, но посланный въ деревню солдатъ не возвращался. Какой-то оборванный мальчишка показался на вершинѣ горы, но въ ту же секунду стремительно бросился назадъ, словно испуганный страшнымъ зрѣлищемъ. Терпѣніе наше начинало серьезно истощаться, тѣмъ болѣе, что до мѣста назначенія намъ нужно было проѣхать около 30 верстъ. Нѣкоторые изъ насъ рѣшились уже было отправиться въ деревню и лично добыть лошадей, какъ вдругъ показалась цѣлая толпа крестьянъ, медленно спускавшихся съ горы. Одинъ изъ самыхъ нетерпѣливыхъ моихъ товарищей бросился было къ нимъ на встрѣчу, съ угрозами и упреками за медленность, но другіе силой удержали его, инстинктивно сознавая, что надо вести себя осторожно съ народомъ, находящимся видимо въ сильно возбужденномъ состояніи. Толпа приблизилась къ намъ, впередъ вышли старики и обнажили головы. На вопросъ—скоро ли будутъ лошади, они отвѣтили, что лошади готовы, но міръ насъ покорнѣйше проситъ не ѣхать прямо въ ту деревню, куда мы заказали лошадей, а на село Омары, до котораго всего 8 верстъ, такъ какъ въ Омарахъ находится волостное правленіе и намъ дадутъ хорошія обывательскія подводы, между тѣмъ, какъ на ихъ измученныхъ клячахъ трудно будетъ добраться до мѣста. Мы, разумѣется, охотно согласились, тѣмъ болѣе, что крюкъ приходилось дѣлать незначительный, а перспектива ѣзды 30 верстъ, на изнуренныхъ лошадяхъ, при 30 градусной жарѣ, не представляла ровно ничего привлекательнаго. Крестьяне несказанно обрадовались нашему согласію и, въ порывѣ сердечной признательности, звали насъ непремѣнно въ деревню—покушать молочка на дорожку; десятки рукъ подхватили наши вещи и мы тронулись въ путь, вполнѣ довольные другъ другомъ. Подводы дѣйствительно были уже готовы, чуть не вся деревня высыпала на улицу, ребятишки весело рѣзвились около лошадей, дѣвушки лукаво улыбались, однимъ словомъ, обѣ стороны находились въ самомъ благодушномъ и миролюбивомъ настроеніи. Мы размѣсти-

лись въ пяти телѣгахъ и, чрезвычайно дружески простившись съ народомъ, напутствуемые сердечными пожеланіями счастливаго пути, тронулись въ дорогу, въ село Омары.

Впереди ѣхалъ я съ своимъ лакеемъ; во второй телѣгѣ—Б—въ и М—въ; въ третей—В—ій и П—въ; въ четвертой—К—ій и Ми—въ; наконецъ, въ послѣдней—замыкая поѣздъ—денщикъ съ геодезическими инструментами. Былъ полдень, жара усилилась до крайнихъ размѣровъ, совершенно не соотвѣтствующихъ времени года (8 мая); какъ и наканунѣ, поднялся сильный южный вѣтеръ, обдавая насъ раскаленною пылью. Измученныя лошади еле плелись мелкою рысью, три заднія телѣги постепенно отставали и вскорѣ совсѣмъ скрылись изъ виду.

Когда, по разсчету времени, мы должны были проѣхать половину пути, я спросилъ ямщика—въ какой сторонѣ Омары?

— Вотъ тамъ,—отвѣтилъ онъ, указывая кнутомъ нѣсколько правѣе,—версты четыре еще осталось.

Я повернулъ голову и какъ разъ по указанному направленію замѣтилъ зловѣщій столбъ дыма.

— Что это, не пожаръ ли?—спросилъ я.

Ямщикъ приподнялся, чтобы лучше разглядѣть, но дымъ, какъ будто исчезъ; густая пыль, словно туманъ, скрывала весь горизонтъ.

— Не знаю,—проворчалъ онъ и крѣпко стегнулъ лошадей, которыя рванулись было впередъ, но тотчасъ перешли на шагъ.

Я пристально продолжалъ смотрѣть по указанному направленію, и каждый разъ, какъ разсѣвалась пыль, мнѣ казалось, что явственно вижу столбъ дыма.

— Смотри, не пожаръ ли?—снова спросилъ я ямщика.

— Должно быть, пожаръ,—отвѣтилъ тотъ равнодушно и снова ударилъ по лошадямъ.

— Не Омары ли горять?

— Должно быть, Омары.

Дорога шла въ гору, поднявшись на которую, всѣ сомнѣнія должны были разрѣшиться. Минутъ черезъ 10 мы поднялись на вершину и мгновенно, словно при перемѣнѣ декораціи въ волшебной феерія, передъ нами открылась страшная картина: громадное селеніе, раскинутое на нѣсколько верстъ, было объято пламенемъ. Часть его, по сю сторону рѣки Омары, пылала сплошь и огненные языки, какъ бы ища новую добычу, рвались неудержимо за рѣчку, гдѣ на нашихъ глазахъ, то тамъ то сямъ, вспыхивали огоньки, которые разростались въ пламя съ необыкновенной быстротой и силой; на противоположномъ берегу рѣки, на горѣ, виднѣлась церковь, озаренная кроваво-краснымъ свѣтомъ, готовая, казалось, каждую секунду сдѣлаться жертвой огня.

Лошади сами собою остановились, какъ вкопанныя. Я соскочилъ съ телѣги и подошелъ къ ѣхавшимъ позади товарищамъ,

чтобы посовѣтоваться, какъ намъ быть, что предпринять. Б—въ совѣтовалъ возвратиться назадъ на берегъ Камы, но это походило бы на бѣгство, и я отказался; М—въ тоже поддержалъ меня, и мы рѣшили ждать отставшихъ товарищей. Однако, ихъ не было видно: они или поѣхали другой дорогой, или, пожалуй, вернулись обратно.

— Надо ѣхать въ волостное правленіе,—посовѣтовалъ мой ямщикъ, видя нашу нерѣшительность,—оно вонъ тамъ, на горѣ, еще не горитъ, я провезу сторонкой, черезъ огороды.

Совѣтъ показался намъ наилучшимъ при данныхъ обстоятельствахъ, и мы тронулись впередъ, прямо къ пылающему селенію, до котораго оставалось версты полторы. Къ несчастью, пожаръ дѣлалъ успѣхи быстрѣе, чѣмъ мы обдумывали наши дѣйствія: оказалось, что добраться до волостного правленія нѣтъ уже физической возможности и растерявшійся ямщикъ кружился по огородамъ совершенно безцѣльно. Вѣтеръ гналъ пламя отъ насъ, а потому мы могли ѣхать чуть не бокъ о бокъ съ пылающими строеніями. Удивительнѣе всего, что никого изъ крестьянъ не было видно, точно всѣ жители несчастнаго селенія куда-то скрылись, предоставивъ безропотно все свое достояніе на жертву грозной стихіи. Однако, положеніе наше становилось невыносимымъ, и я приказалъ ямщику ѣхать прочь отъ пылающаго селенія по направленію къ рѣкѣ. Онъ повернулъ лошадей и тѣ, испуганныя ревомъ пожара, не смотря на совершенную усталость, понеслись въ карьеръ.

Вдругъ, словно изъ засады, выскочила откуда-то толпа крестьянъ, въ количествѣ десяти-пятнадцати человѣкъ и бросилась на лошадей.

— Стой! откуда? кто такіе? чего надо? — раздались со всѣхъ сторонъ возгласы.

Я не успѣлъ опомниться, какъ двое крестьянъ, повидимому сильно навеселѣ, стащили моего ямщика и, не ожидая отвѣтовъ на предложенные вопросы, стали наносить ему удары по лицу. Я не потерялъ присутствія духа, не предвидя для себя лично никакой опасности, и громогласно объяснилъ крестьянамъ, кто мы такіе, по какому дѣлу ѣдемъ и какимъ образомъ очутились на пожарѣ; въ то же время я попытался защитить ямщика, заявивъ, что онъ ѣхалъ по нашему приказанію и ровно ни въ чемъ неповиненъ.

Толпа на минуту успокоилась. Я воспользовался этимъ и спросилъ, какъ намъ проѣхать въ волостное правленіе.

— Какое вамъ волостное правленіе,—раздался грозный голосъ откуда-то неожиданно появившагося мужика,—видишь—все село горитъ и правленіе скоро сгоритъ.

Между тѣмъ толпа поминутно увеличивалась. Вновь прибывшіе, не зная въ чемъ дѣло, бросались къ намъ съ угрозами и ругательствами. Я тщетно упрашивалъ, чтобы отвели насъ въ волость или позвали старшину, писаря или священника, которые могли бы осмотрѣть наши бумаги и удостовѣрить, что мы за люди.

— Всѣ вы за одно!—кричали нѣкоторые въ толпѣ, грозя намъ кулаками.

Положеніе наше становилось критическимъ. Въ нѣсколько минутъ толпа увеличилась до сотни или болѣе человѣкъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики: «гдѣ они? кто они такіе? держи ихъ!» Мы всѣ были вооружены шашками и револьверами и слѣдовательно могли защищаться и проложить себѣ свободный путь сквозь толпу, если бы только сознавали всю опасность своего положенія; но мы никакъ не могли допустить мысли, чтобы противъ насъ употребили крестьяне грубое насиліе, а потому мы заявили, что понимаемъ ихъ подозрительность, оправдываемую постигшимъ ихъ страшнымъ бѣдствіемъ и добровольно дозволяемъ арестовать себя, съ тѣмъ чтобы они немедленно доставили насъ къ начальству. Пока мы старались вразумить крестьянъ, они окружили насъ плотной стѣной и съ крикомъ «вяжи ихъ!» разомъ бросились стягивать веревками наши руки.

— Вотъ они поджигатели, разбойники!—раздался вдругъ въ толпѣ пронзительный голосъ какой-то женщины, отъ котораго у меня сжалось сердце и холодный потъ выступилъ на лбу.

Слово «поджигатели», какъ электрическая искра, пронеслось по толпѣ; я понялъ, что участь наша рѣшена, что никакія убѣжденія не подѣйствуютъ болѣе на эту разъяренную толпу, обезумѣвшую отъ горя, страха и водки.

Между тѣмъ вѣтеръ измѣнилъ первоначальное направленіе и насъ обдало жаромъ и дымомъ. Кто-то изъ крестьянъ, пользующійся, повидимому, большимъ авторитетомъ, сдѣлалъ распоряженіе отвести насъ подальше отъ пожарища и назвалъ мѣсто, куда именно. Среди крестьянъ произошелъ шумъ и споръ, изъ котораго можно было заключить, что часть ихъ противится этому распоряженію, но въ концѣ концовъ изъ толпы выступило нѣсколько здоровенныхъ мужиковъ, которые окружили насъ и наши телѣги и, образуя въ нѣкоторомъ родѣ легальный конвой, повели на указанное мѣсто. Отойдя саженей 200, намъ приказали остановиться и привязали къ телѣгамъ, закрутивъ при этомъ еще сильнѣе наши руки, такъ что мы очутились въ неподвижномъ положеніи, лицомъ къ пылающему селенію. Не смотря на ужасъ собственнаго положенія, меня сильно безпокоилъ вопросъ—что сталось съ остальными товарищами нашими? Повернули ли они во время обратно, или также находятся во власти крестьянъ? Въ послѣднемъ случаѣ положеніе наше сдѣлалось бы еще отчаяннѣе. Конвойные наши

сначала, какъ казалось, защищавшіе насъ отъ напора разъяренной толпы, куда-то исчезли и мы очутились лицомъ къ лицу съ этой стихійной массой, которая ждала, повидимому, малѣйшаго толчка, чтобы обрушиться и раздавить насъ. Но пока дѣло ограничивалось одними ругательствами и угрозами. Мнѣ казалось, что окружающая насъ толпа состояла теперь, по крайней мѣрѣ, изъ тысячи человѣкъ.

Трудно передать, какое ощущеніе испытывалъ каждый изъ насъ въ эту минуту. Во всякомъ случаѣ это не было ощущеніе физическаго страха, а какое-то странное состояніе индеферентизма, когда человѣкъ перестаетъ сознавать прошедшее и будущее и сосредоточиваетъ все вниманіе исключительно на текущемъ мгновеніи. Все это случилось такъ быстро, внезапно, что мозгъ нашъ, не успѣвая перерабатывать переживаемыя впечатлѣнія, словно совсѣмъ отказался дѣйствовать; мы скорѣе съ изумленіемъ, чѣмъ со страхомъ, смотрѣли на все, что̀ вокругъ насъ происходитъ, отнюдь не думая объ угрожающей опасности, а слѣдя лишь съ замираніемъ сердца за самыми ничтожными фактами, которые совершались передъ нашими глазами.

Рѣшительный толчокъ, котораго ждала эта человѣческая масса, чтобы обрушиться на насъ, какъ и слѣдовало думать, явился очень скоро. Откуда-то нахлынула вдругъ новая толпа, вооруженная палками, кольями, оглоблями, и съ дикимъ ревомъ «въ огонь ихъ!» какъ лавина устремилась на насъ. По нѣкоторымъ возгласамъ, дошедшимъ до моего слуха, я понялъ, что остальные наши товарищи находятся такъ же во власти крестьянъ и участь ихъ одинакова съ нашей. Что̀ произошло затѣмъ въ послѣдующія минуты— я ясно не могу себѣ представить. Я помню только, что В—въ, который стоялъ привязаннымъ къ телѣгѣ рядомъ со мною, вдругъ очутился на землѣ и толпа неистово била и топтала его ногами; на мгновеніе онъ приподнялъ голову, повернулъ ко мнѣ окровавленное лицо и снова упалъ ницъ, пригвожденный ударами десятка здоровенныхъ ногъ. Я невольно закрылъ глаза и въ ту же минуту почувствовалъ, что нѣсколько человѣкъ подымаютъ меня и влекутъ впередъ, но я почему-то сопротивляюсь съ страшной силой, хотя вовсе не думаю сопротивляться. Меня ужасно мучитъ мысль, почему имъ такъ тяжело меня нести, но тотчасъ вспоминаю, что я привязанъ къ телѣгѣ и слѣдовательно тащу ея за собою; разрѣшивъ это сомнѣніе—какъ будто успокоиваюсь. «Въ огонь его!» раздается надъ моимъ ухомъ, но и эти зловѣщіе крики, предвѣщающіе немедленную, мучительную смерть, меня не тревожатъ и я соображаю лишь, что вмѣстѣ съ телѣгой имъ не дотащить меня скоро до огня. Вдругъ, во всѣхъ фибрахъ своего тѣла я почувствовалъ непонятное сотрясеніе и мозгъ мой озарился яркимъ, преяркимъ свѣтомъ: я вижу отчетливо свое дѣтство, деревню, гдѣ

родился, домъ, садъ, отца, мать, свой губернскій городъ, гимназію, товарищей, знакомыхъ, наконецъ, пламя, въ которое меня тотчасъ бросятъ и гдѣ окончится моя жизнь. Всѣ эти картины я вижу послѣдовательно одну за другой, но въ то же время будто вижу ихъ всѣ вдругъ, будто всю пройденную жизнь переживаю вновь однимъ мгновеніемъ. Сердце сжалось больно, больно, но одинъ только разъ, пока длилось это мгновеніе сознанія; затѣмъ, свѣтъ потухъ и снова наступило какое-то инертное состояніе, всѣ помыслы сосредоточились на заботахъ о настоящей минутѣ, причемъ чувства ужаса или страха—ни малѣйшаго. Что было дальше—не помню, такъ какъ меня оглушилъ ударъ, отъ котораго я моментально потерялъ сознаніе.

Когда я пришелъ въ себя, то прежде всего почувствовалъ страшную, мучительную жажду, заглушавшую всѣ другія ощущенія. Руки мои были свободны, но на лѣвой рукѣ, казалось, висѣла какая-то тяжелая масса. Съ невѣроятнымъ усиліемъ я приподнялъ голову и въ тотъ же мигъ почувствовалъ острую, сверлящую боль въ темени; мнѣ все-таки удалось взглянуть на свою руку: она была совершенно черная. Окружавшая насъ толпа стала замѣтно рѣже и, повидимому, не обнаруживала наклонности къ дальнѣйшимъ истязаніямъ, ближайшая къ намъ часть села почти догорѣла, но далѣе, за рѣкою, все было объято пламенемъ. Я искалъ глазами своихъ товарищей. Б—въ лежалъ недвижимо, шагахъ въ десяти отъ меня; остальныхъ я не замѣтилъ, но мнѣ показалось, что М—въ лежитъ въ телѣгѣ, прикрытый рогожей.

Былъ шестой часъ въ исходѣ и, слѣдовательно, съ момента задержанія нашего прошло около пяти часовъ. Вотъ что, по словамъ очевидцевъ и по удостовѣренію слѣдственныхъ актовъ, совершилось въ теченіе этого времени.

Значительная часть крестьянъ, а быть можетъ большинство, не считала насъ въ серьезъ поджигателями и всѣми силами противилась истязаніямъ и убійству. Благодаря лишь заступничеству этой «умѣренной» партіи, мы не были брошены въ огонь тотчасъ по задержаніи; но «умѣренные» не могли вполнѣ защитить насъ отъ «крайнихъ», которые порою брали верхъ, особенно, когда число ихъ увеличивалось пришлыми элементами изъ сосѣднихъ деревень. Вино, унесенное изъ кабаковъ, подъ предлогомъ спасенія имущества кабатчиковъ, также содѣйствовало усиленію партіи «крайнихъ»; къ этой же партіи принадлежали многія, обезумѣвшія отъ горя, женщины, которыя одной рукой придерживали испуганныхъ, плачущихъ ребятишекъ, а другой—указывали на насъ, посылая отвратительныя ругательства и подталкивая мужчинъ немедленно расправиться съ нами. Одно время «крайніе» взяли рѣшительный перевѣсъ и тогда начались звѣрскія истязанія. Меня ударили оглоблей по головѣ и отъ этого удара кровь хлынула изъ рта, носа,

ушей, и я свалился безъ чувствъ. Б—ва страшно избили ногами, а затѣмъ одинъ изъ крестьянъ замахнулся на него топоромъ, чтобы порѣшить сразу, но другой отвелъ ударъ и топоръ разсѣкъ лишь ему ухо. М—въ подвергся особенно утонченнымъ истязаніямъ за то, что у него долго не показывалась кровь, что чрезвычайно озлобило крестьянъ. Его и лакея моего такъ сильно избили, что ихъ сочли мертвыми и уложили въ телѣгу. Удовлетворивъ кровавые инстикты, толпа нѣсколько успокоилась и оставила первоначальное намѣреніе бросить насъ тотчасъ въ огонь. Сельское начальство, въ лицѣ старшины и писаря, пыталось было повліять на крестьянъ, но едва унесло ноги, по добру, по здорову; столь же неуспѣшной оказалась и попытка священника, который выходилъ къ толпѣ съ крестомъ и св. водой. Кто-то распустилъ слухъ, что мы подкупили старшину за сто тысячъ; ему ставили такъ же въ въ вину, что домъ его не сгорѣлъ.

Между тѣмъ, отставшіе товарищи наши испытывали такую же участь; они находились саженяхъ въ ста отъ насъ, но мы не могли другъ друга видѣть, такъ какъ насъ раздѣляла небольшая возвышенность. Они сошли съ телѣгъ и расположились бивуакомъ, въ разстояніи версты отъ пожарища; крестьяне натолкнулись лишь на нихъ тогда, когда мы были уже задержаны и открытіе этой новой «шайки поджигателей» еще болѣе усилило ихъ бѣшенство. По счастливой случайности, наши товарищи подверглись истязаніямъ, сравнительно, въ меньшей степени, кромѣ П—ва, получившаго жестокій ударъ въ грудь, который впослѣдствіи стоилъ ему жизни.

Придя окончательно въ сознаніе, я думалъ лишь объ одномъ— утолить страшно мучившую меня жажду.

— Воды, ради Бога, воды,—простоналъ я такимъ глухимъ голосомъ, что самъ испугался его звука.

Никто не отвѣчалъ и не шевелился.

— Воды...—чуть слышно прошепталъ Б—въ и, словно отдаленное эхо, тотъ же звукъ повторилъ еще болѣе слабый и болѣзненный голосъ, выходящій изъ телѣги.

Толпа сурово глядѣла на насъ и оставалась неподвижной.

Вдругъ, произошла одна изъ раздирающихъ душу сценъ: Б—въ, собравъ послѣднія силы, вскочилъ на ноги и съ ужасными угрозами и проклятіями требовалъ, чтобы дали ему напиться; потомъ, обезсиленный, заливаясь слезами, упалъ на колѣни и сталъ жалобно просить—одну только каплю, одинъ глотокъ, во имя Христово. Лицо его было не узнаваемо, глазъ почти не видно, волосы, на половину содранные, торчали клочьями, пропитанными грязью и кровью, отрубленная часть уха висѣла на тонкомъ кускѣ кожи и кровь сочилась оттуда капля по каплѣ... Картина эта такъ меня поразила, что я забылъ о собственной жаждѣ и началъ умо-

лять крестьянъ дать воды лишь ему одному. Но толпа безмолствовала, упиваясь видомъ нашихъ страданій.

Спустя нѣкоторое время между крестьянами произошло движеніе. Къ намъ подошло нѣсколько человѣкъ, которые, грубо толкнувъ ногами, приказали намъ встать и слѣдовать за ними; при этомъ намъ снова связали руки, что причинило нестерпимую боль. Только М—ва не трогали съ телѣги, считая его вѣроятно полумертвымъ. Шествіе наше продолжалось недолго: насъ привели на то мѣсто, гдѣ находились отставшіе товарищи, которыхъ мы увидѣли привязанными вокругъ телѣги; ихъ страдальческій видъ и окровавленныя лица наглядно свидѣтельствовали о перенесенныхъ мученіяхъ. Мы молча поздоровались, не имѣя силъ выговорить ни слова. Насъ привязали къ той же телѣгѣ.

Солнце значительно склонилось къ западу, былъ, вѣроятно, восьмой или девятый часъ. Вѣтеръ стихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестал бушевать и огонь,—догорали лишь остатки строеній. Видимая площадь пожарища казалась громадной, клубы дыма расстилались надъ нею, прорѣзываемые въ разныхъ мѣстахъ яркими языками пламени. Уцѣлѣла лишь церковь и немного домовъ, по ту сторону рѣки.

Толпа, обступившая насъ плотной стѣной со всѣхъ сторонъ, возросла, казалось, до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ; среди ея виднѣлось много татаръ. Ближе стоявшіе къ намъ крестьяне, повидимому вожаки, заявили, что приступятъ къ обыску и къ осмотру нашихъ вещей, въ ожиданіи котораго насъ оставили пока въ покоѣ, будучи увѣренными, что скоро обнаружатся неопровержимыя доказательства нашей виновности. Намъ подали даже миску съ водой, но строго наблюдали, чтобы каждому досталось не болѣе 2—3 глотковъ. Какой-то молодой, здоровенный мужикъ, съ выраженіемъ участія и состраданія, поднесъ В—ву особую кружку, наполненную до краевъ водою, но когда тотъ съ жадностью приложился къ ней губами, онъ вдругъ выплеснулъ всю воду ему въ лицо и съ хохотомъ бросился бѣжать прочь. Другой шутникъ предложилъ денщику воду, смѣшанную съ грязью и навозомъ; одну секунду старый солдатъ боролся съ отвращеніемъ, а потомъ залпомъ выпилъ всю эту отвратительную жидкость.

— Если ты христіанинъ—ѣшь землю,—сказалъ ему мужикъ, преподнесшій это варварское угощеніе.

Солдатъ безпрекословно упалъ ницъ и сталъ жевать песокъ.

Начался обыскъ. Въ одинъ мигъ всѣ наши чемоданы и сундуки были разбиты, разломаны и все, чтѣ въ нихъ заключалось выброшено на землю. Вниманіе крестьянъ прежде всего остановилось на желѣзныхъ складныхъ кроватяхъ. Нашелся ораторъ, который объяснилъ назначеніе ихъ слѣдующимъ образомъ: на Камѣ разъѣжаютъ англичане на пароходахъ и бросаютъ на оба

берега **ракитки**, посредствомъ которыхъ зажигаютъ села и деревни; желѣзная кровать не кровать, а **станокъ** отъ этихъ ракитокъ. Толпа, разумѣется, удовлетворилась этимъ объясненіемъ и на насъ снова посыпались проклятія и угрозы.

— Ракитки, ракитки нашли!—загудѣло множество голосовъ.

Ракитками оказались папиросныя гильзы.

— Они начиняютъ ихъ порохомъ и кидаютъ на православныя деревни,—замѣтилъ авторитетно какой-то старикъ.

Мы всѣми силами старались объяснить настоящее назначеніе этихъ бумажныхъ ракитокъ и намъ отчасти удалось вызвать сомнѣніе въ пригодности ихъ для разрушительныхъ цѣлей; но когда крестьяне нашли итальянскія макароны, то убѣдить ихъ—что они не ракитки—не было никакой уже возможности. Денщикъ сталъ было ихъ ѣсть, въ доказательство совершенной безвредности, но вдругъ кто-то заревѣлъ во все горло:

— Что на него смотрѣть, ребята, онъ, нехристь, и чорта съѣстъ!

Этотъ аргументъ уничтожилъ всѣ сомнѣнія.

Когда дошла очередь до бумагъ, былъ вытребованъ грамотѣй, оказавшійся отставнымъ солдатомъ.

Изъ массы бумагъ и плановъ онъ выбралъ прежде всего подорожныя, такъ какъ на нихъ красовался государственный гербъ. Первыя же строки «по указу Его Императорскаго Величества» произвели на крестьянъ сильное впечатлѣніе, и они сразу вдругъ замолкли; но кто-то изъ самыхъ «крайнихъ», желая предупредить реакцію, могущую наступить въ нашу пользу, благодаря императорскому титулу, который оказалъ на крестьянъ такое магическое дѣйствіе, накинулся на грамотѣя и заоралъ:

— Православные! нынѣ деньги поддѣлываютъ, а не то что такія бумаги.

Съ этими словами онъ вырвалъ подорожную изъ рукъ солдата и бросилъ ее на землю. Толпа снова загудѣла и обыскъ прекратился.

Въ это время какой-то человѣкъ выступилъ изъ толпы и, нагнувшись близко къ моему лицу, такъ что я невольно вздрогнулъ и прижался плотнѣе къ телѣгѣ, шопотомъ проговорилъ:

— Не унывайте, ваше благородіе, ночью непремѣнно дадимъ знать въ городъ.

Я не успѣлъ опомниться, какъ онъ уже скрылся.

Это былъ—какъ оказалось впослѣдствіи—лѣсной объѣздчикъ, который пытался неоднократно отправить нарочнаго въ Мамадышъ, но крестьяне учредили строгій караулъ вокругъ селенія и никого не пропускали; кромѣ того, ими учреждены были и конные разъѣзды, обязанные ловить всякаго, кто прорветъ караульную цѣпь. Разстояніе отъ села Омаръ до города Мамадыша 25 верстъ.

Между тѣмъ наступили свѣтлыя, майскія сумерки. Окружавшая насъ толпа не убывала, одни уходили, другіе приходили, появилось много пріѣзжихъ изъ дальнихъ деревень, верхомъ и въ телѣгахъ. Вновь прибывшіе протискивались сквозь толпу и пристально разсматривали насъ, съ головы до ногъ; большинство, насытившись созерцаніемъ нашихъ особъ, разражалось проклятіями и ругательствами, грозило палками и кулаками, плевало въ лицо, но были и такіе, которые съ состраданіемъ смотрѣли на насъ и уходили прочь съ глубокимъ вздохомъ, какъ бы выражая этимъ безсиліе помочь намъ при всемъ своемъ искреннемъ желаніи. Многіе обращались къ намъ съ вопросами, кто мы, откуда, сколько получили за поджогъ, сколько заплатили старшинѣ и т. п. Мы не отвѣчали уже на эти вопросы, сознавая совершенную безполезность какихъ бы то не было оправданій. Крестьяне въ особенности упирали на то, что мы высадились на берегъ Камы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ пристани и никто никогда не высаживается и, кромѣ того, что мы ѣхали на пароходѣ неизвѣстнаго имъ общества. Къ несчастью, пароходы общества «Кавказъ и Меркурій» дѣйствительно впервые въ этомъ году открыли рейсы по Камѣ, а что касается перваго обвинительнаго пункта, то онъ былъ безусловно справедливъ, такъ какъ капитанъ «Лоцмана» въ началѣ рѣшительно отказался насъ высадить и уступилъ съ трудомъ лишь послѣ самыхъ настоятельныхъ просьбъ.

Не смотря, однако, на крайне возбужденное состояніе крестьянъ, на ихъ угрозы и ругательства и на увѣренность, что мы дѣйствительно поджигатели, подосланные англичанами, они не прибѣгали болѣе къ насилію и истязаніямъ. Партія «умѣренныхъ» снова восторжествовала; мы видѣли, какъ наиболѣе буйныхъ и кровожадныхъ крестьяне силой удерживали, не допуская къ намъ близко. Пользуясь такимъ настроеніемъ толпы, я рѣшился обратиться съ просьбой, чтобы послали скорѣе въ городъ и дали знать начальству. На эту просьбу послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ:

— Всѣ вы за одно... мы васъ прямо царю представимъ.

Другіе прибавили:

— Какъ міръ положитъ, такъ и будетъ.

Ясно было, что немедленная расправа намъ не угрожаетъ и что участь наша будетъ обсуждаться міромъ. Мы немного успокоились, на сколько вообще возможно было успокоиться при испытываемыхъ страданіяхъ отъ страшной, мучительной жажды. Наши страданія сдѣлались столь ужасными, что должны были тронуть, казалось, не только человѣческое сердце, но и дикаго, разъяреннаго звѣря! Дѣйствительно, нѣкоторые крестьяне пытались принести намъ воды, но ихъ не допускали и опрокидывали ведра; одна женщина, оглашая воздухъ отчаянными воплями, старалась

пробиться къ намъ съ кружкой воды, но ударъ по головѣ свалилъ ее съ ногъ.

Когда совсѣмъ смерклось, насъ развязали и повели на ночь въ одну изъ уцѣлѣвшихъ избъ; оба служителя остались при вещахъ, чтобы, какъ объявили крестьяне, мы не могли потомъ жаловаться, что у насъ что-либо украдено. Эта предусмотрительность ясно показывала, что реакція дѣлаетъ быстрые успѣхи. Хозяинъ избы, въ которой намъ предстояло провести ночь, встрѣтилъ насъ очень враждебно, ни за что не хотѣлъ впускать и даже вступилъ въ драку съ нашими конвойными, но въ концѣ концовъ долженъ былъ покориться силѣ. Какъ только мы размѣстились въ избѣ, къ великой радости нашей, намъ принесли вдоволь воды, такъ что мы могли и утолить жажду и обмыть раны, въ чемъ особенно нуждался несчастный Б—въ. Изъ поспѣшности, съ которой намъ подали теперь воду, слѣдовало заключить, что мы находимся исключительно во власти «умѣренныхъ», которые тамъ, при народѣ, не рѣшались оказать намъ самомалѣйшее снисхожденіе, чтобы не вызвать снова улегшіеся было кровожадные инстинкты толпы. Тѣмъ не менѣе насъ не надолго оставили въ покоѣ. Около полуночи намъ приказали встать, снова связали руки и посадили всѣхъ рядышкомъ на скамьѣ, лицомъ къ выходу. Человѣкъ десять крестьянъ, вооруженныхъ дубинами, остались караулить въ избѣ и столько же на улицѣ и на дворѣ, около оконъ. Караульные смѣнялись акуратно черезъ правильные промежутки времени.

На разсвѣтѣ, когда дремота одолѣла нашихъ караульныхъ и мы сами стали забываться, приклонившись другъ къ другу, дверь неслышно отворилась и вошла женщина, неся въ одной рукѣ большую миску съ квасомъ, а въ другой цѣлый хлѣбъ и соль. Поставивъ то и другое на столъ, она помолилась на образъ, низко, преннзко поклонилась намъ до земли и со слезами въ голосѣ произнесла:

— Бѣдные, несчастные, что они съ вами сдѣлали!.. Покушайте, попейте, Богъ васъ не оставитъ...

Она нарѣзала хлѣбъ, посыпала солью и стала съ материнскою нѣжностью кормить и поить насъ, такъ какъ мы не могли шевелить руками.

Караульные молча глядѣли на эту сцену.

Невыразимо радостное чувство охватило насъ, при видѣ этой простой женщины, которая забывъ страхъ и опасность, повинуясь единственно влеченію сердца, тайкомъ пробралась къ намъ сказать слово утѣшенія и подѣлиться кускомъ хлѣба! Святая женщина! Образъ ея, навѣрное, запечатлѣлся въ каждомъ изъ насъ навсегда.

Когда наступилъ день, положеніе наше значительно ухудшилось. Толпа крестьянъ ворвалась въ избу, требуя нашей выдачи,

чтобы тотчасъ учинить судъ и расправу. Теперь все спасеніе наше зависѣло отъ караульныхъ: они выстроились въ одинъ рядъ, впереди насъ, имѣя, повидимому, рѣшительное намѣреніе отражать натиски толпы. Мы съ замираніемъ сердца слѣдили за происходившей борьбой, то содрагаясь отъ ужаса, когда толпа, казалось, одерживала верхъ, то вздыхая съ облегченіемъ, когда караульнымъ удавалось оттѣснить ее къ дверямъ. Были минуты, когда мы уже мысленно прощались съ жизнью, когда раздраженная сопротивленіемъ толпа, казалось, вотъ-вотъ сомнетъ и раздавитъ насъ. Я и до сихъ поръ не могу понять, какъ мы избѣгли смерти и увѣчій... Черезъ головы караульныхъ бросали въ насъ палками, деревянными обрубками, разной посудой и даже каменьями, но, по счастливой случайности, не получилъ никто изъ насъ серьезныхъ ушибовъ. Такія же сцены имѣли мѣсто и внѣ избы, гдѣ толпа старалась разрушить домъ, въ которомъ мы находились, и даже поджечь его. Одинъ здоровенный пьяный мужикъ, раздраженный караульными, не подпускавшими его близко къ избѣ, схватилъ огромную жердь и со всей силой ударилъ заостреннымъ концомъ ея въ окно. Рама разлетѣлась въ дребезги и сидѣвшій у этого окна П—въ чудомъ спасся отъ неминуемой гибели, благодаря лишь тому, что въ эту самую секунду наклонился къ своему сосѣду, который обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ. И такое мучительное состояніе, между отчаяніемъ и надеждой, между жизнью и смертью, продолжалось не менѣе шести часовъ сряду!

Въ это время произошелъ еще слѣдующій эпизодъ. Крестьяне ввели въ избу съ необыкновенною торжественностью стараго отставного солдата, пользовавшагося, повидимому, большимъ авторитетомъ и потребовали, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе, дѣйствительно ли мы русскіе офицеры? Старый солдатъ внимательно осмотрѣлъ каждаго изъ насъ по очереди и, покачавъ сомнительно головою, произнесъ:

— Нѣтъ, должно быть не офицеры, да и лица у нихъ не русскія.

Его, какъ стараго служиваго, сильно смутила наша молодость, безбородыя лица и болѣе всего наши головные уборы—кепи, недавно лишь введенныя въ войскахъ. Я думаю, что кепи была главной причиной непризнанія насъ за русскихъ офицеровъ.

Къ несчастью, утромъ поднялся снова вѣтеръ со стороны пожарища и явилась опасность, что огонь перекинетъ на церковь и на немногіе уцѣлѣвшія крестьянскія избы. Возбужденіе толпы росло съ каждой минутой. Наши караульные обнаруживали все меньше и меньше энергіи и приближался, казалось, моментъ, когда они оставятъ свой постъ и разъяренный народъ растерзаетъ насъ. Новая толпа крестьянъ ворвалась въ избу, крича, что міръ сейчасъ судить насъ будетъ, но если вспыхнетъ сегодня пожаръ, то насъ бросятъ въ огонь безъ всякаго суда. Нѣкоторые удовлетворились

этимъ рѣшеніемъ міра, но большинство требовало немедленной расправы и предложило сжечь насъ вмѣстѣ съ избой, въ которой мы находимся. Послѣднее предложеніе было принято съ восторгомъ и многіе бросились за соломой и стружками, которыя оказались уже на-готовѣ. Но хозяинъ избы, услыхавъ, что хотятъ поджечь ее, поднялъ ужасный шумъ, сторону его приняли наши караульные, всѣ не погорѣвшіе крестьяне и всѣ вообще «умѣренные», и обѣ стороны готовились вступить въ ожесточенную свалку, отъ исхода которой зависѣла наша жизнь. Наши нервы достигли крайней степени напряженія. Гулъ толпы доносился и съ улицы, гдѣ происходили тѣ же сцены, какъ и въ избѣ, но въ большихъ еще размѣрахъ.

Вдругъ между крестьянами произошло какое-то странное движеніе и постепенно начала воцаряться загадочная тишина. Гдѣ-то вдали раздавался чуть слышный, но тѣмъ не менѣе отчетливый звукъ колокольчиковъ. Всѣ находящіеся въ избѣ крестьяне, за исключеніемъ караульныхъ, поспѣшно бросились къ выходу. Звукъ колокольчиковъ становился все громче, все ближе. У насъ замерло сердце отъ радостнаго ожиданія... Неужели наступилъ конецъ нашимъ мученіямъ?... Неужели мы спасены?... Вотъ явственно слышится уже грохотъ колесъ и бѣшенный звонъ многихъ колокольчиковъ, который моментально замеръ у оконъ. Мы всѣ разомъ повернулись и прежде всего увидѣли запыленныя лица казаковъ, быстро соскакивавшихъ съ повозокъ. Какъ одинъ человѣкъ, мы громко, во всеуслышаніе, перекрестились и вдругъ засмѣялись какимъ-то глухимъ, безсмысленнымъ смѣхомъ и залились слезами...

Человѣкъ восемь казаковъ вошли въ избу и остановились у дверей; вслѣдъ за ними вошелъ офицеръ въ полной парадной формѣ и въ орденахъ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ и трехъ гражданскихъ чиновниковъ. Офицеръ быстро приблизился къ намъ и, окинувъ взглядомъ наши изувѣченныя лица и связанныя руки, остановился на мѣстѣ, какъ пораженный громомъ.

Мы въ нѣсколькихъ словахъ объяснили, что съ нами случилось.

Онъ ничего не отвѣчалъ и, блѣдный, какъ смерть, продолжалъ стоять неподвижно, видимо, не зная, что̀ предпринять, на что̀ рѣшиться.

— Господа,—проговорилъ онъ, наконецъ, взволнованнымъ, прерывистымъ голосомъ, — я ничего не зналъ... я пріѣхалъ сюда по дошедшимъ въ городъ слухамъ, что крестьяне поймали дѣйствительныхъ поджигателей... Со мной очень мало казаковъ... я долженъ быть очень остороженъ... прошу васъ подождать, пока, ради успокоенія крестьянъ, я осмотрю ваши вещи.

Затѣмъ, не слушая никакихъ возраженій, онъ повернулся къ намъ спиной и, давъ знакъ сопровождавшимъ его чиновникамъ, жандармамъ и солдатамъ слѣдовать за нимъ, направился къ выходу. Мы стали кричать, умолять, чтобы онъ оставилъ хотя нѣ-

скольких казаковъ для нашей защиты, но мольбы наши были тщетны, и мы снова очутились въ прежнемъ положеніи, единственно подъ охраною караульныхъ.

Пріѣхавшій офицеръ былъ капитанъ корпуса жандармовъ, Демидовъ, находившійся въ командировкѣ въ г. Мамадышѣ, по дѣлу о пожарѣ недавно истребившемъ этотъ городъ. Ни одинъ изъ отправленныхъ нарочныхъ, съ извѣстіемъ о нашемъ задержаніи, не попалъ въ городъ, такъ какъ крестьяне держали самый строгій караулъ. О томъ, что сгорѣло село Омары въ Мамадышѣ, конечно, было извѣстно, ибо видно было и зарево; кромѣ того, распространились неопредѣленные слухи, что крестьяне поймали какую-то шайку поджигателей. Исключительно на основаніи этихъ слуховъ капитанъ Демидовъ и отправился на мѣсто, захвативъ съ собою на всякій случай двухъ жандармовъ и восемь казаковъ; съ нимъ вмѣстѣ отправился также исправникъ, становой приставъ и окружный начальникъ. Но никому, разумѣется, изъ означенныхъ лицъ не приходило въ голову, что имъ придется спасать ни въ чемъ неповинныхъ офицеровъ изъ рукъ разъяреннаго народа и быть можетъ понадобится военная сила. Этимъ обстоятельствомъ объясняется крайняя осторожность капитана Демидова, которую въ то время мы не могли понять и обвинили его въ позорной трусости.

Осмотръ вещей продолжался не болѣе получаса, но время это показалось намъ цѣлою вѣчностью. Наконецъ, всѣ власти, жандармы и казаки вернулись обратно и тотчасъ освободили насъ отъ веревокъ; въ первый разъ, послѣ 24-хъ часовой физической и нравственной пытки, мы вздохнули съ облегченіемъ полною грудью. Демидовъ предложилъ выйти всѣмъ въ поле, гдѣ сложены были наши вещи и тамъ подождать подводъ, которыя имъ уже заказаны и которыя доставятъ насъ въ Мамадышъ. Мы тронулись въ путь, окруженные казаками и сопровождаемые громадной толпой крестьянъ, которые съ самаго пріѣзда властей хранили полное безмолвіе, но въ этомъ безмолвіи заключалось чтò-то зловѣщее. Багажъ нашъ оказался приведеннымъ въ кое-какой порядокъ нашими служителями, которые провели ночь въ такомъ же, какъ и мы, страхѣ, но истязаніямъ не подвергались; приставленные къ нимъ караульные освободили ихъ даже отъ веревокъ и ограничились лишь тѣмъ, что всю ночь стояли надъ ними съ нашими обнаженными саблями въ рукахъ.

Между тѣмъ, какъ мы собрались, съ капитаномъ Демидовымъ во главѣ, на маленькой площадкѣ, на которой сложены были наши вещи, толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ постепенно начала окружать насъ со всѣхъ сторонъ и, наконецъ, совершенно окружила желѣзнымъ кольцомъ. Гражданскія власти такъ растерялись, что не подавали признака жизни. Казаки, судорожно сжимая на-

гайки и шашки, все больше и больше пятились назадъ, такъ что нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и капитанъ Демидовъ, чтобы не быть смятыми этимъ живымъ кольцомъ, вынуждены были взобраться на груду чемодановъ. Подобно раскату грома, въ толпѣ пронесся глухой ропотъ, сотни рукъ поднялись съ угрожающими жестами и къ намъ явственно долетали слова: «всѣ вы за одно... всѣхъ васъ въ огонь!» Положеніе становилось въ высшей степени критическимъ: малѣйшая неосторожность, малѣйшая слабость и кровавая драма готова была разыграться въ то же мгновеніе.

Къ счастью для всѣхъ насъ и для этой многотысячной толпы, капитанъ Демидовъ не потерялъ присутствіе духа. Выхвативъ шашку изъ ноженъ онъ закричалъ громовымъ голосомъ:

— Смирно! Каждаго, кто на волосъ еще подвинется впередъ, бить нагайками, рубить шашками. Именемъ Его Императорскаго Величества приказываю вамъ повиноваться! Государь Императоръ не поблагодарить васъ за ослушаніе... Кайтесь и просите прощенія!..

Звучный, властный голосъ этого офицера, блескъ военнаго мундира, озареннаго яркими лучами солнца, наконецъ, священное имя Государя Императора,—все это произвело потрясающее впечатлѣніе. Казацкія шашки сверкнули въ воздухѣ и стоявшіе въ переднихъ рядахъ инстинктивно подались назадъ, разомкнувъ сдавливающее насъ живое кольцо. Еще секунда... толпа какъ будто оставалась въ нерѣшимости... но затѣмъ стала медленно отступать во всѣ стороны, словно морская волна, которая, достигнувъ предѣльной высоты, начинаетъ опускаться, повинуясь несокрушимой силѣ тяготѣнія. Въ то же время начала образовываться другая, новая толпа, которая приближалась къ намъ, слѣдуя навстрѣчу отступавшей людской волнѣ, повидимому, съ мирными намѣреніями. Толпа эта, сравнительно небольшая числомъ, но состоящая исключительно изъ стариковъ, подойдя на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, обнажила сѣдыя головы и, съ какой-то тупой безпомощностью и покорностью, упала передъ нами на колѣни.

Невозможно выразить чувство, охватившее меня при видѣ этой колѣнопреклоненной толпы стариковъ. И стыдъ отъ перенесенныхъ обидъ и жажда мести за звѣрскія истязанія, ничѣмъ не вызванныя, ничѣмъ не оправдываемыя,—все это ушло куда-то въ глубь, заглохло въ тайныхъ извилинахъ сердца, осталось одно лишь опредѣленное чувство, чувство невыразимой жалости къ этой человѣческой массѣ, ибо истинно она не вѣдала, что творила!..

Законъ восторжествовалъ!

Въ ту же минуту, словно изъ-подъ земли, явились старшина, писарь и прочія сельскія власти и энергически приступили къ отправленію своихъ обязанностей. Подводы были поданы немедленно, въ количествѣ далеко превышающемъ дѣйствительную потребность: мѣстныя власти желали этимъ доказать свое усердіе и

смягчить отвѣтственность «за бездѣйствіе». Мы не забыли женщину, которая утолила нашъ голодъ и жажду и принесли ей торжественно сердечную благодарность; кромѣ того, мы дали ей денегъ сколько могли, къ сожалѣнію, очень немного, такъ какъ всѣ почти деньги наши исчезли. Всего пропало около 3 тысячъ рублей, считая въ этомъ числѣ и казенныя суммы, находившіяся у старшаго таксатора П—ва. У меня лишь одного карманныя деньги уцѣлѣли, благодаря тому, что лежали въ боковомъ карманѣ кителя, а не въ сумкѣ, какъ у прочихъ моихъ товарищей; сумки же наши всѣ безъ исключенія оказались похищенными.

Капитанъ Демидовъ, не довѣряя вполнѣ покорности крестьянъ, торопилъ отъѣздомъ. Мы сѣли въ телѣги и, мимо дымящагося пожарища, направились по дорогѣ въ Мамадышъ. По обѣ стороны ея виднѣлся лагерь погорѣльцевъ, раскинутый на обширномъ пространствѣ; крестьяне, расположившись группами вдоль дороги, провожали насъ мрачнымъ взглядомъ и не многіе изъ нихъ снимали шапки; угрозы и ругательства посылались намъ вдогонку и враждебный гулъ толпы увеличивался по мѣрѣ того, какъ мы отъ нея удалялись. Лошади неслись вскачь, понуждаемыя нагайками казаковъ и, наконецъ, мы выбрались за черту бивуаковъ и въѣхали въ лѣсъ. Всякая опасность миновала!.. Мы еще разъ оглянулись на крестъ омарской церкви и, быть можетъ, впервые, въ теченіе своей короткой жизни, вознесли искреннее, отъ глубины сердца, благодареніе Богу... Во власти крестьянъ, между жизнью и смертью, мы пробыли ровно 22 часа!

Городъ Мамадышъ сгорѣлъ до тла недѣли двѣ тому назадъ. Уцѣлѣло лишь одно казенное каменное зданіе, въ которомъ помѣщаются присутственныя мѣста, да еще, какимъ-то чудомъ, уцѣлѣлъ домъ, занимаемый уѣзднымъ стряпчимъ и его семействомъ; въ этомъ послѣднемъ мы нашли пріютъ и самое сердечное гостепріимство. Вся квартира почтеннаго стряпчаго превращена была въ лазаретъ; явились врачи, фельдшера, началась промывка и перевязка ранъ, вытребованы всѣ имѣющіяся въ городѣ піявки, но ихъ все-таки оказалось недостаточно и менѣе пострадавшіе, великодушно уступили свою «порцію» болѣе слабымъ. Таковыхъ, къ счастью, было лишь двое: П—въ и Б—въ. Первый въ этомъ же году умеръ, а второй—остался калѣкой на всю жизнь. Конечно, намъ всѣмъ, порядкомъ досталось, но молодыя натуры наши легко все вынесли и мѣсяца черезъ два мы окончательно поправились; осталось только нервное возбужденіе, въ особенности при видѣ пожара, который во мнѣ, напримѣръ, до сихъ поръ вызываетъ судорожный трепетъ.

Пробывъ три или четыре дня въ Мамадышѣ, мы, подъ конвоемъ тѣхъ же уральскихъ казаковъ, которые спасли насъ отъ жестокой расправы крестьянъ, отправились на ближайшую паро-

ходную пристань (Соколки), съ тѣмъ, чтобы ѣхать обратно въ Казань для окончательнаго излеченія. Насъ принялъ на свой бортъ тотъ же самый пароходъ «Лоцманъ», который высадилъ насъ на мѣсто катастрофы и теперь возвращался обратно изъ Перми.

«Омарское дѣло» произвело въ свое время большую сенсацію, хотя не проникло въ русскія газеты, по тогдашнимъ цензурнымъ соображеніямъ; въ заграничной же печати объ этомъ событіи появились совершенно фантастическія извѣстія. Само собою разумѣется, наистрожайшее слѣдствіе началось немедленно, но не открыло ни политическихъ, ни соціалистическихъ нитей. Въ обществѣ почему-то вкоренилось глубокое убѣжденіе, что катастрафа произошла оттого, что мы говорили между собою по-польски и крестьяне приняли насъ за поляковъ. Но между нами было только двое уроженцевъ западныхъ губерній, и по-польски бесѣдовать они не могли, такъ какъ въ моментъ задержанія находились въ разныхъ партіяхъ; крестьянами также слово «полякъ» ни разу не было произнесено. Они называли насъ нехристами, бусурманами, даже англичанами, но о полякахъ, — повторяю, не было и рѣчи. По моему мнѣнію, объясненіе этой печальной катастрофы слѣдуетъ искать въ причинахъ болѣе общихъ. Повсемѣстное, сильное возбужденіе умовъ, вызванное недавними крестьянскими смутами, въ особенности кровавой драмой въ сосѣднемъ Спасскомъ уѣздѣ, полнѣйшее недовѣріе крестьянъ къ мѣстнымъ властямъ, къ ихъ честности и справедливости, наконецъ, горе и отчаяніе, вслѣдствіе потери всего своего достоянія, — вотъ эти общія и единственныя причины. Ближайшій же поводъ состоялъ въ томъ, что мы очутились внезапно въ пылающемъ селеніи при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ и что уѣздныя власти не распорядились своевременно объявить крестьянамъ о командированіи для устройства ихъ лѣсовъ особой таксаціонной партіи.

Осенью, того же года, всѣ жертвы описанной выше катастрофы, собрались снова въ село Омары, по вызову судебнаго слѣдователя. Слѣдствіе велось крайне энергично, масса крестьянъ засажена была въ тюрьму, но найти зачинщиковъ не было никакой возможности, а соучастниками преступленія являлись всѣ поголовно. Намъ предъявили всѣхъ заподозрѣнныхъ крестьянъ, но никто изъ насъ не смѣлъ взять на свою совѣсть и сказать положительно, что тотъ или другой принималъ непосредственное участіе въ истязаніяхъ. Тѣмъ не менѣе, судебный слѣдователь намѣтилъ главныхъ виновниковъ и всѣми силами старался добыть противъ нихъ улики, хотя таковыхъ не находилось; злые языки утверждали, что обвиняемыми оказались почти исключительно наиболѣе состоятельные крестьяне... Слѣдствіе тянулось многіе годы, масса крестьянъ

перебывала въ тюрьмахъ и острогахъ, многіе изъ нихъ тамъ и покончили свое земное существованіе, но въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, «дѣло» кончилось ничѣмъ и передано было «сужденію и волѣ Божіей». Но если правосудіе и не получило формальнаго удовлетворенія, въ лицѣ главныхъ виновниковъ, за то всѣ безъ исключенія омарскіе крестьяне получили за свое невѣжество и увлеченіе жестокое возмездіе, въ видѣ продолжительнаго слѣдствія, которое велось по всѣмъ правиламъ и традиціямъ стараго порядка, а каковъ былъ этотъ порядокъ—извѣстно каждому. Достаточно сказать, что намъ, напримѣръ, возвратили похищенныя деньги тотчасъ же по пріѣздѣ въ Казань, единственно на основаніи нашихъ личныхъ заявленій, никѣмъ и ничѣмъ не провѣренныхъ; эти деньги взысканы были съ погорѣльцевъ укорченно-административнымъ порядкомъ, какъ взыскивается контрибуція въ завоеванной странѣ!..

Я живо помню, какъ во второй мой пріѣздъ въ Омары, въ роли обвинителя, одинъ почтенный дряхлый старикъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами, которыми вѣрнѣе всего поясняется характеръ совершеннаго крестьянами преступленія.

— Прости насъ, ваше благородіе, мы люди совсѣмъ темные, лукавый насъ попуталъ... Это Господь Богъ наказать насъ хотѣлъ, за грѣхи наши тяжкіе...

Мы имъ давно простили... Мы не могли забыть лишь, что такой жестокій ударъ поразилъ насъ при первомъ же вступленіи на общественное поприще, что всѣ наши благія намѣренія, всѣ лучшія стремленія, всѣ мечты, надежды, помыслы о безкорыстномъ, святомъ служеніи народу — такъ безжалостно были поруганы и разбиты при первой встрѣчѣ съ дѣйствительной жизнью.

П. Жудра.

ПО ЮЖНО-УССУРІЙСКОМУ КРАЮ.

I.

ДѢЛО ШЛО уже къ осени, когда я длиннымъ путемъ вокругъ Азіи прибылъ во Владивостокъ — столицу Южно-Уссурійскаго края. Полутора-мѣсячный морской переходъ, бури, непогоды и морское томленіе, порядочно понаскучили, и всѣ мы, даже послѣ картинъ роскошной тропической природы, привѣтствовали Владивостокъ, какъ уголокъ великой Россіи, смотрящейся отсюда въ безконечный Тихій океанъ. Какъ ни хороши картины юга, какъ не волшебны пальмовые лѣса Цейлона и Малакки и какъ ни причудливы берега Китая, Японіи и Кореи, заливъ Петра Великаго, бухта Золотого Рога, а зеленѣющіеся холмы Владивостока говорили больше русскому сердцу и уму. Привѣтливо встрѣчали насъ красивые берега великолѣпной бухты, гдѣ могутъ вмѣститься чуть не всѣ флоты земнаго шара, нарядно выглядывалъ на склонѣ зеленыхъ холмовъ и самый городъ, раскинувшійся почти на 5 верстъ по берегамъ Золотого Рога; еще привѣтливѣе встрѣчали насъ русскіе люди, которымъ дорогъ всякій землякъ, заходящій къ нимъ изъ далекой, кондовой Россіи.

«Властитель Востока», какъ и другой городъ, построенный на противуположной оконечности Азіи—«Властитель Кавказа» самымъ именемъ своимъ показываетъ ту политическую важность, которую онъ имѣетъ для насъ на крайнемъ Востокѣ, почти отрѣзанномъ

отъ остальной Россіи. Громкія имена Босфора, Золотого Рога, Патрокла и Діомида, которыми окрещены воды, омывающія подножіе Владивостока, и несомнѣнное политическое, какъ и экономическое, значеніе этого города, не разъ подавали иностранцамъ поводъ думать, что этому послѣднему русскими предназначается роль второго Константинополя на крайнемъ Востокѣ. «Властитель Востока» въ 1880 г. въ періодъ нашихъ политическихъ недоразумѣній съ Китаемъ показалъ себя въ самомъ дѣлѣ достойнымъ громкаго имени и, сдѣлавшись тогда опорою могущественной русской эскадры, далъ Россіи перевѣсъ даже надъ Великобританіей на прибрежьяхъ Тихаго океана. За десять лѣтъ, прошедшихъ съ той поры, еще болѣе увеличился и укрѣпился Владивостокъ. Еще недавно представлявшій, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, видъ военнаго лагеря, онъ сталъ настоящею столицею всего Пріамурскаго края, передъ которою меркнетъ и официальная столица, носящая имя перваго русскаго піонера на Амурѣ—Хабарова. Съ 30-го августа 1887 г. Владивостокъ пересталъ быть городомъ и превратился въ довольно сильную крѣпость, которая предназначена оберегать интересы Россіи на крайнемъ Востокѣ, защищать весь Южно-Уссурійскій край отъ поползновеній Китая и служить военнымъ портомъ для нашихъ судовъ, плавающихъ въ Великомъ океанѣ. «Властитель Востока» надѣется въ скоромъ времени сдѣлаться конечною станціею желѣзной дороги, которая, пройдя отъ береговъ Тихаго океана, опояшетъ весь Старый Свѣтъ и свяжетъ оба океана черезъ необозримыя пустыни Сибири. Пока же рельсовый путь находится еще только на бумагѣ, и попрежнему по великому Сибирскому тракту отъ Урала до береговъ Великаго океана не паровозъ, а удалые сибирскіе кони везутъ многія тысячи людей...

Не долго я прожилъ во Владивостокѣ; изъ города меня потянуло скоро въ глушь и дебри далеко еще неизвѣданнаго края, который манитъ своими природными богатствами цѣлыя тысячи переселенцевъ изъ глубины кондовой Россіи. Много лѣтъ уже слышится во многихъ уголкахъ святой Руси захватывающій кличъ—«на Амуръ», и этотъ кличъ будитъ въ душѣ многихъ тысячъ русскихъ людей еще не замершій въ нихъ совершенно духъ бродяжничества и переселенія; большинство, однако, къ счастію, противустоитъ обурѣвающей ихъ страсти, но не мало находится на Руси такихъ забубенныхъ головушекъ, которые приносятъ все въ жертву своей пробудившейся страсти и идутъ на далекій Амуръ. Что манитъ ихъ туда, чего ждутъ они отъ этого сказочнаго для нихъ края, на что надѣются эти тысячи ежегодныхъ переселенцевъ, отправляющихся и сухопутнымъ, и морскимъ путемъ въ Южно-Уссурійскій край, — я сказать не берусь, потому что слишкомъ мало вѣрнаго и опредѣленнаго соединяется въ умѣ каждаго пере-

селенца съ этимъ сказочнымъ именемъ «Амуръ». Какъ перелетную пташку въ ненастное осеннее время такъ и тянетъ въ таинственный далекій Вирей—къ солнцу, теплу и югу, точно такъ роковыя имена «Сибирь» и «Амуръ» тянутъ русскаго мужика изъ болотъ Пріильменья, верховьевъ Волги, хлѣбородной полосы, даже Перми и казачины, куда-то на край крещеннаго свѣта. Спросите любого переселенца, даже не изъ тѣхъ, которыхъ роковая нужда гонитъ за кускомъ хлѣба на переселеніе куда бы то ни было, а изъ той категоріи добровольныхъ эмигрантовъ, которая проявилась рельефнѣе за послѣднее время, за чѣмъ ѣдетъ онъ на далекій Амуръ и что такое самый Амуръ.—Вы получите всегда отвѣтъ оптимиста. «Амуръ—страна вольная, богатая, хлѣбородная, всего тамъ много, что Сибирь — золотое дно. Земли сколько хочешь, лѣсъ строевой, рѣки рыбныя, оброчины никакой»... Все, что можетъ представить себѣ привольнаго умъ русскаго мужика — все соединяется въ его умѣ съ однимъ звучнымъ именемъ «Амуръ». Попробуйте разувѣрить переселенца, попробуйте сказать истину,—быть можетъ, вы его огорчите, но едва ли перемѣните его убѣжденіе. Слишкомъ сильна и слѣпа эта вѣра въ райскія прелести Амура, слишкомъ заманчива для русскаго человѣка сладкая перспектива—побродить по свѣту и поискать за тридевять земель себѣ счастія, котораго онъ не могъ найти у себя дома... Не «Амуръ» самый и не райскія прелести его въ самомъ дѣлѣ имѣютъ такую притягательную силу, чтобы осѣдлый землепашецъ бросилъ все, продалъ и землю, и домъ, покинулъ бы земляковъ и могилы родныхъ и отцовъ и пошелъ съ своею семьею съ грошами за пазухой искать себѣ счастье за моря... Тянетъ русскаго человѣка на край крещеннаго свѣта та же неудержимая сила, которая толкала его съ верховьевъ Волги, Дона и Днѣпра въ Біармію, къ подножію Кавказскихъ горъ, въ пустыни Туркестана, въ необозримыя тундры Сибири и къ берегамъ Великаго океана. Та сила не есть еще результатъ экономическаго роста народа, который вызываетъ потребность эмиграціи, а остатокъ еще не перебродившихъ силъ русскаго народа, давшихъ нашей исторіи ушкуйниковъ, казаковъ и прочихъ голутвенныхъ людей.

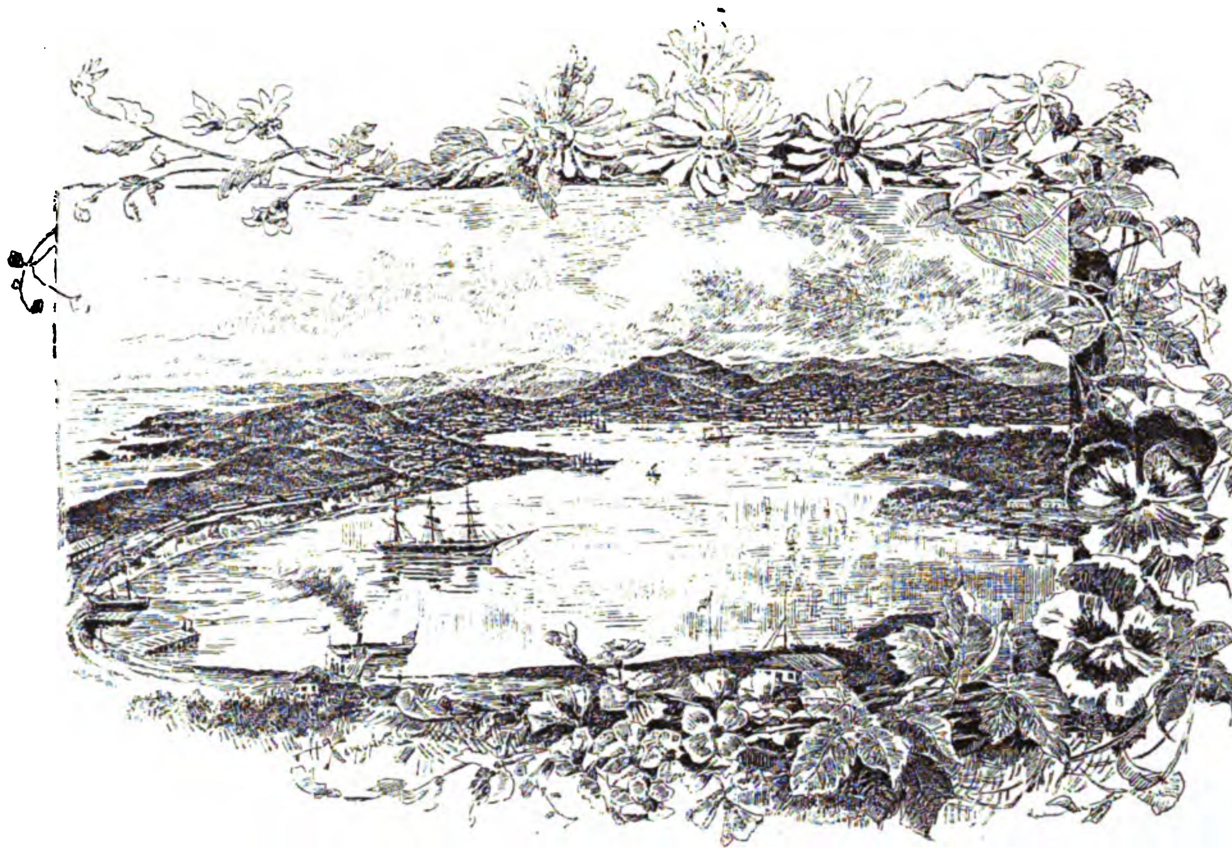
На Амуръ—этотъ таинственный Вирей современнаго русскаго народа меня тянуло также давно, не столько для того, чтобы присмотрѣться къ экономическимъ и политическимъ условіямъ края, сколько для того, чтобы побродить по его глухой тайгѣ, гдѣ соединяются флоры Сибири, Китая, Японіи и Америки, и гдѣ рядомъ съ огромнымъ чернымъ медвѣдемъ бродитъ великолѣпный тигръ, не уступающій въ ростѣ и красотѣ своему бенгальскому родичу. Огромная територія, занятая Амуромъ и его богаторазвѣтвленною системою, совмѣщающая самые разнообразные типы поверхности, флоры и фауны, всего лучше и богаче выразилась въ не-

большомъ клочкѣ земли, лежащемъ между Уссури, озеромъ Ханкой, китайскою границею и берегами Великаго океана и называемымъ Южно-Уссурійскимъ краемъ или Русскою Манчжуріею. Здѣсь заповѣдная страна тигра, краснаго оленя, тибетскаго медвѣдя, козули, фазана и знаменитаго «корня жизни» китайцевъ—женьшеня. Утомленный долгимъ морскимъ переходомъ, я и спѣшилъ изъ Владивостока поскорѣе взглянуть на эту интересную во всѣхъ отношеніяхъ страну.

Быстро гналъ свою удалую тройку мой возница по крутымъ уваламъ и спускамъ, начавшимся тотчасъ же за Владивостокомъ. Хотя первый перегонъ отъ города и идетъ не по материку, а по Амурскому полуострову, но общій характеръ всего края уже выражается хорошо, такъ что достаточно сдѣлать одну станцію, чтобы имѣть поверхностное понятіе о природѣ всего Южно-Уссурійскаго края.

Представляя въ общемъ, за исключеніемъ небольшихъ участковъ, альпійскую горную страну, весь край покрытъ массивами большей или меньшей величины, почти повсюду одѣтыми дѣвственными лѣсами. Мѣстами эти горные массивы образуютъ значительныя цѣпи; вершины по горамъ и перевалы представляютъ особенно глухую тайгу; многочисленныя горныя рѣчки, текущія съ одной стороны въ систему Амура, а съ другой въ Японское море, прорѣзываютъ въ разныхъ направленіяхъ эти массивы, образуя мѣстами дикія ущелья и тѣснины, служащія хорошимъ притономъ для многочисленныхъ дикихъ звѣрей. Между параллельными рядами горныхъ уваловъ эти рѣки образуютъ долины большей или меньшей величины, на которыхъ главнымъ образомъ и ютится почти все осѣдлое населеніе края; въ этихъ долинахъ также, какъ и въ степной полосѣ возлѣ озера Ханка, и расположены почти всѣ русскія поселенія, составляющія колоніи переселенцевъ, пришедшихъ по большей части изъ центральныхъ губерній Россіи; между ними мѣстами разсѣяны также поселенія корейцевъ и фанзы осѣдлыхъ китайскихъ манзъ. Эти узкія рѣчныя долинки, не занимающія и двадцатой части края, и составляютъ пока то манящее Эльдорадо, ради котораго какой-нибудь черниговскій или полтавскій мужикъ бросаетъ свой клочекъ земли, свою родину и идетъ съ своею семью за тридевять земель, приманиваемый тою сотнею пахатныхъ десятинъ, которыя обѣщаны каждому колонисту Южно-Уссурійскаго края.

Внѣ этихъ узкихъ рѣчныхъ долинъ, весь край, какъ мы сказали, покрытъ почти дѣвственными лѣсами, мѣстами переходящими въ такую не проницаемую тайгу, что даже смѣлые охотники не рѣшаются туда проходить. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ, занятомъ зеленою стихіею, царитъ уже звѣрь, а не человѣкъ; тигръ



Общій видъ Владивостока и его порта.

и медвѣдь являются настоящими царями Южно-Уссурійской тайги' владычество которыхъ человѣкъ сталъ оспоривать лишь въ самое послѣднее время, когда вмѣсто робкихъ манзъ и каули (китайцевъ и корейцевъ) явился предпріимчивый и смѣлый русскій мужикъ и казакъ. Лѣсное царство пока еще не принадлежитъ человѣку; онъ является тамъ пока еще гостемъ, а не хозяиномъ; охотничьи тропы, проложенныя въ дѣвственной тайгѣ человѣкомъ, еще перекрещиваются съ настоящими звѣриными тропами, а лѣсныя фанзы, разбросанныя во многихъ уголкахъ Южно-Уссурійской тайги и обитаемыя китайскими охотниками на соболей и искателями женьшеня, еще не могутъ быть считаемы за сѣть осѣдлыхъ человѣческихъ жилищъ, ограничивающую обиталище звѣря, царящаго въ тайгѣ.

Сейчасъ за Владивостокомъ уже начинается это лѣсное царство, которое къ сѣверовостоку отъ города переходитъ скоро въ такую страшную глушь, что до сихъ поръ лишь очень немногіе охотники рѣшаются бродить въ лѣсахъ полуострова Амурскаго, не смотря на незначительную ширину этого послѣдняго. Глядя съ вершины какого-нибудь увала на этотъ лѣсной океанъ, растилающійся внизу и заполняющій всѣ пади, лога и склоны, образуемые пересѣченною мѣстностью, вспоминаешь невольно то еще очень недалекое для Владивостока время, когда тигръ приходилъ въ самый городъ и скрадывалъ не только собакъ, но и неосторожныхъ людей. Значительные лѣса и перелѣски, почти уничтоженные нынѣ, спускались довольно низко къ самому городу, прижавшемуся къ Золотому Рогу, и позволяли страшному хищнику подходить не замѣтно къ самому человѣческому жилью. Времена полумиѳическія прошли, Владивостокъ сталъ подыматься самъ по склонамъ уваловъ вслѣдъ за уничтожаемыми лѣсами, жилища человѣка перешли хребетъ, тигръ ушелъ отъ самаго города, но не особенно далеко. Пораспросите вашего возницу,—и онъ разскажетъ вамъ навѣрное нѣсколько такихъ исторій о тиграхъ, что другой трусливый путникъ, пожалуй, откажется даже ѣхать далѣе по Южно-Уссурійскому краю.

Дорога между тѣмъ дивно хороша, и даже черствый душею путешественникъ не можетъ не залюбоваться ею. Съ горы на гору, по склонамъ и спускамъ, утопающимъ въ густой лѣсной чащѣ, дорога вьется, какъ змѣя, по уваламъ, составляющимъ отроги Сихэтэ-Алиня. Налѣво почти все время съ вершины уваловъ виднѣются голубыя волны Амурскаго залива и красивыя массивы его противуположныхъ недалекихъ береговъ. Крайняя синѣющая на горизонтѣ гряда возвышенностей указываетъ уже на русскую границу съ Манчжуріей и Кореей, на которой стоитъ рядъ пограничныхъ каменныхъ столбовъ.

Первая станція Ланчихэ расположилась на небольшой рѣчкѣ того же имени, на берегу не большой бухты, съуживающагося въ

этомъ мѣстѣ Амурскаго залива. Видъ здѣсь на столько великолѣпенъ, что имъ можно любоваться, даже проѣхавъ рядъ красотъ дороги отъ Владивостока. Рѣшившись переночевать на слѣдующей станціи, я не останавливался долго въ Ланчихэ; едва только успѣлъ я окунуться въ холодныя волны залива, какъ лошади были готовы, и мы понеслись далѣе съ головоломною быстротою, не смотря на неровность дороги и наступающую темноту. Еще болѣе зазмѣилась дорога въ гору, еще гуще и величественнѣе стали окрестъ ея лежащіе лѣса, почувствовалось уже вполнѣ дыханіе тайги, котораго не могли осилить даже вѣянія моря. Порою, когда дорога съ лѣсистыхъ уваловъ спускалась къ самому берегу залива, наша тройка мчалась по узкой каемкѣ берега подъ нависшими скалами, и волны, тихо катившіяся по песку, лизали ноги коней и еще болѣе подзадоривали ихъ. Черезъ полтора или два часа пути, проходящаго дикою и величественною тайгою, мы прибыли на станцію Тигровую, состоящую изъ одного станціоннаго домика, затерявшагося въ глухомъ лѣсу.

Было уже совершенно темно, когда мы прибыли на станцію; туманная, беззвѣздная августовская ночь спустилась на землю и заволокла своею сырою пеленою и небо, и море, и лѣса. Дальше ѣхать такою глухою ночью было не совсѣмъ безопасно, тѣмъ болѣе что тигръ снова появился на перегонѣ между этою станціею и Барановскою; еще прошлою ночью, говорили мнѣ, одинъ ямщикъ видѣлъ «его» на увалѣ и перепугался до того, что еле добрался до станціи. Это обстоятельство впрочемъ не должно было служить офиціальнымъ препятствіемъ для остановки почтоваго движенія, и станціонный смотритель предлагалъ мнѣ лошадей черезъ четверть часа, если мнѣ угодно будетъ отправиться.

— Какъ же вы гоняете почту по ночамъ, когда по дорогѣ бродитъ завѣдомо тигръ,—спросилъ я на станціи,—неужели же ямщики рѣшаются дѣлать такіе рискованные перегоны?

— Богъ милостивъ,—отвѣчали мнѣ,—видать-то тигра—видали не разъ, но грѣха покамѣстъ давно не бывало—ну и гоняемъ.—А ямщикъ ѣхать должо́нъ; ему разсуждать не приходится, почта—дѣло казенное, нужно—и вези.

Такъ и везутъ у насъ въ Южно - Уссурійскомъ краѣ повсюду не только почту, но и кладь по ночамъ, не боясь ни тигровъ, ни медвѣдей, ни хунхузовъ—китайскихъ разбойниковъ, благо Богъ милостивъ — все пронесетъ. Въ общемъ оно такъ и бываетъ — проноситъ дѣйствительно; чѣмъ менѣе боятся, тѣмъ менѣе и случается. Случаи нападенія тигровъ на людей въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, хотя и не составляютъ особой рѣдкости, но нашъ мужикъ какъ-то не особенно этого опасается и смотритъ на страшнаго хищника также, какъ у насъ во многихъ лѣсистыхъ уголкахъ на медвѣдя или волковъ. Припомнилось мнѣ опять не-

вольно при отвѣтѣ станціоннаго смотрителя на Тигровой обстоятельство, еще недавно слышанное мною на Цейлонѣ. Тигры въ Индіи, во многихъ мѣстахъ, залегши на почтовыхъ трактахъ, совершенно останавливаютъ всякое движеніе, и пока какой-нибудь смѣлый охотникъ не убьетъ страшнаго хищника, ни одинъ почтарь не рѣшится слѣдовать по роковому пути. Нашъ же русскій почтовый ямщикъ «ѣхать должо́нъ—ему разсуждать не приходится». Станція Тигровая, какъ показываетъ самое ея названіе, нерѣдко посѣщается страшными хищниками; перегонъ отъ нея до Раздольнаго въ самомъ дѣлѣ считается однимъ изъ самыхъ опасныхъ на почтовыхъ трактахъ края, не исключая и участка къ заливу Посьета. Особенно часто бродятъ тигры здѣсь зимою, и тогда не рѣдко ямщики и испуганные путники видятъ два яркіе глаза, горящіе, какъ свѣчи, въ ночной темнотѣ. По зимамъ, впрочемъ, говорятъ, тигры бросаются на проѣзжихъ еще рѣже, чѣмъ лѣтомъ и весною.

Не столько изъ боязни тигровъ, сколько отъ усталости, я остался ночевать на Тигровой. Незатѣйливый ужинъ изъ яицъ и холоднаго варенаго фазана подкрѣпилъ мои силы, а разсказы станціоннаго смотрителя о тиграхъ и медвѣдяхъ окружающей тайги такъ подѣйствовали на мое охотничье воображеніе, что я рѣшилъ во чтобы то ни стало въ предстоящую поѣздку, при случаѣ, поохотиться на того и другого царя Южно-Уссурійской тайги. Передъ сномъ, послѣ ужина, я вышелъ на полчаса погулять въ лѣсу около станціоннаго домика. Ночь была чудная, звѣздная; свѣжій бризъ согналъ тяжелые туманы съ земли и очистилъ небеса. Окружавшій меня глухой лѣсъ шумѣлъ, порою этотъ шумъ казался говоромъ бушевавшаго моря; гдѣ-то въ тайгѣ по временамъ ухалъ филинъ и кричала плаксиво сова. Я зашелъ въ самую чащу лѣса и сталъ прислушиваться къ звукамъ, доносившимся изъ тайги. Одинокій домикъ, съ своими свѣтящимися окнами, затерявшійся въ этомъ лѣсномъ океанѣ, казался мнѣ маякомъ, указывавшимъ на жилье человѣка, а вокругъ его бушевала зеленая стихія, въ густой сѣни которой кишѣли дикіе звѣри и кричали лѣсныя птицы. Тамъ не мѣсто человѣку, думалось мнѣ,—и словно въ отвѣтъ моимъ думамъ оттуда издалека, изъ лѣсу, до слуха моего донеслись два глухіе выстрѣла.

— Не добрые-то выстрѣлы, баринъ,—произнесъ, подходя ко мнѣ внезапно, все время за мною слѣдившій ямщикъ.—Въ такую ночь не промыслишь ничего, ужъ не «звѣрь» ли напалъ на человѣка, оборони его Богъ,—добавилъ, крестясь, мой новый собесѣдникъ.

Да, ужасно должно быть, подумалъ я, встрѣтиться такою темною ночью одинъ на одинъ въ густой тайгѣ съ тигромъ или медвѣдемъ,—а такіе случаи не рѣдко встрѣчаются съ нашими пересе-

ленцами. Но великъ Богъ земли русской; простой сѣрый мужичекъ, какой-нибудь Черниговской или Полтавской губерніи, отродясь не бившій у себя на родинѣ даже зайца, здѣсь на Амурѣ, придя на переселеніе, бьетъ, перекрестясь, даже тигра, а медвѣдя съ бѣлымъ ошейникомъ даже за звѣря лютого не почитаетъ.

Ночь я провелъ на Тигровой прекрасно; развалившись на вязкѣ сѣна и прикрывшись своею буркою, я проспалъ какъ на покойной постелѣ. Часовъ въ шесть утра, на зарѣ, меня уже разбудилъ самоваръ, весело кипѣвшій на столѣ. Заботливый смотритель торопился соорудить мнѣ какую-то закуску, а заѣзжій манза-торгашъ, пользуясь случаемъ, навязалъ мнѣ какіе-то китайскіе фуляры, которые я тутъ же подарилъ двумъ краснощокимъ бабамъ, все время возившимся у печи. Утренникъ былъ довольно свѣжій, когда я покинулъ Тигровую и покатилъ далѣе по чудному лѣсу, ставшему сплошною стѣною по обѣимъ сторонамъ дороги. Восходящее солнце особенно красиво золотило сквозныя вершины и пятна разноцвѣтной листвы, разукрашенной осенью и обильною росою. Скоро однако мы проѣхали южный участокъ лѣсной полосы и стали приближаться къ болѣе открытымъ, но за то и болѣе приспособленнымъ къ земледѣлію, урочищамъ края. Лѣса мѣстами здѣсь уже повырублены давно, и человѣкъ много лѣтъ отвоевалъ себѣ эти злачныя мѣста отъ всезасасывающей тайги. До сихъ поръ еще мы отъ самаго Владивостока не встрѣчали ни одного путника, ни одного воза, ни даже признака близкаго жилья, исключая одинокихъ станціонныхъ домовъ, а теперь еще далеко до Раздольной стали по дорогѣ попадаться не только корейцы и манзы съ табунами черныхъ свиней, но изрѣдка и телѣжки русскихъ мужиковъ. Мы приближались очевидно къ мѣстамъ, наиболѣе населеннымъ края, что показывали отчасти и большіе палы, видные по обѣимъ сторонамъ пути съ каждаго высокаго увала. Еще нѣсколько горокъ, и мы спускаемся въ долину рѣки Суйфуна—одной изъ самыхъ значительныхъ въ краѣ. Недалеко за купами кудрявыхъ деревьевъ виднѣлось и Раздольное, замѣтное издали по каменнымъ казармамъ, стоящимъ на самомъ пути. Скоро послышались звуки сигнальныхъ рожковъ, показались бѣлыя рубахи солдатъ, и мы были у воротъ станціоннаго дома.

Раздольное, стоящее на нижнемъ теченіи Суйфуна, представляется однимъ изъ самыхъ значительныхъ поселеній края и славится не только обиліемъ всевозможныхъ угодій, соотвѣтствующихъ его названію, но и бойкостью своего женскаго элемента, пользующагося не особенно лестною репутаціею въ краѣ. Въ Раздольномъ, существующемъ уже болѣе двадцати лѣтъ, мы увидали типъ русскихъ поселеній Южно-Уссурійскаго края, по внѣшнему облику не отличающихся отъ селеній черноземной полосы Россіи. Къ сожалѣнію только, жители этого богатаго своими угодіями селенія

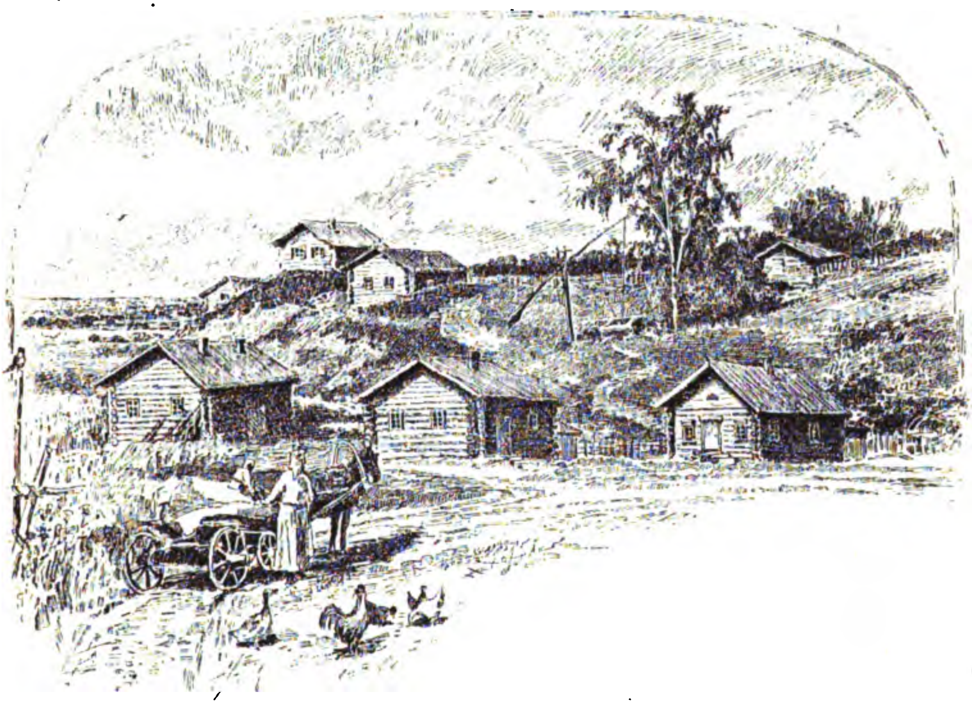
не пользуются вполнѣ этими послѣдними, а занимаются болѣе охотою, чѣмъ землею; въ общемъ очень лѣнивые и избалованные, они перебиваются около солдатъ двухъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, постоянно квартирующихъ въ Раздольномъ.

Раздольное вмѣстѣ съ Никольскимъ составляютъ, можно сказать, стратегическую базу въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Сравнительно значительныя силы, сосредоточенныя здѣсь, могутъ служить резервомъ, какъ для Владивостока, такъ и для Новокіевскаго, стоящихъ всегда лицомъ ко врагу. Подкрѣпленные баталіонами, расположенными на Даубихэ въ селѣ Анучинѣ, стрѣлки изъ Никольскаго и Раздольнаго могутъ быть въ любой моментъ направлены по всей нашей стратегической линіи отъ Владивостока до Камня-Рыболова, а также во всѣ пункты нашей корейско-манчжурской границы, наблюдаемой линіею постовъ и казачьихъ станицъ Южно-Уссурійскаго войска. Важность этой базы въ стратегическомъ отношеніи увеличивается еще тѣмъ, что она прикрываетъ и большую часть русскихъ поселеній края, расположенныхъ главнымъ образомъ въ долинѣ Суйфуна, на почтовомъ трактѣ до Камня-Рыболова, по южнымъ берегамъ озера Ханки и «вольной степи», идущей по берегамъ рѣкъ Мо, Лефу и Сантахезы.

Отъ Раздольнаго дорога идетъ или красивыми берегами Суйфуна, или по такимъ низинамъ, что съ почтовой брички можно любоваться могучимъ развитіемъ травянистой растительности, которымъ славится справедливо бассейнъ Амура. Травы во многихъ мѣстахъ достигаютъ такого роста, что въ нихъ пропадаютъ совершенно и всадникъ, и лошадь, и даже цѣлая тройка. Масса болотной птицы, а также кабаны, одни населяютъ эти мало доступныя для человѣка топи. За три версты до слѣдующей станціи встрѣчается жалкая деревушка Городечна, состоящая изъ нѣсколькихъ кое-какъ сколоченныхъ избушекъ, недавно перенесенная съ берега Суйфуна, чуть не подмывшаго въ половодіе самаго селенія. Разливы рѣкъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ всегда очень обильные составляютъ настоящее бѣдствіе для обитателей рѣчныхъ долинъ; весьма нерѣдко полая вода заливаетъ не только деревни, но и поля и луга съ готовою жатвою, и губитъ всѣ надежды земледѣльца.

Вскорѣ за Раздольнымъ мы встрѣтили первыя партіи переселенцевъ, прибывшихъ съ нами на пароходѣ изъ Одессы во Владивостокъ и отправлявшихся на новыя мѣста, преимущественно на рѣки Мо и Лифу. Глядя на эти возы, нагруженные незатѣйливымъ скарбомъ и крошечными грязными дѣтишками, на этихъ истрепанныхъ мужиковъ и бабъ, шествовавшихъ за своею кладью, на мальчишекъ, бѣгавшихъ въ запуски передъ возами, на всю картину, напоминавшую цыганскій таборъ въ пути, какъ-то грустно становилось за этихъ бѣдныхъ людей, которые жертвуютъ всѣмъ,

чаще всего жизнью цѣлой трети своихъ дѣтей для того, чтобы найти себѣ возможность работать и трудиться до упада силъ, что легко могли бы они найти и у себя на родинѣ. Но эти жертвы не безполезны, думалось мнѣ, хотя сами эти бѣдные люди ихъ и не могутъ оцѣнить. Водворяясь цѣною великихъ жертвъ и лишеній въ этомъ дикомъ еще не давно ставшемъ русскимъ краѣ, принося съ собою русскій духъ и культуру, эти грязные оборванные переселенцы составляютъ собою тотъ краеугольный камень, на которомъ твердо будетъ покоиться русское владычество въ этой



Русскій поселокъ въ Уссурійскомъ краѣ.

далекой нашей окраинѣ, на которую теперь китайцы смотрятъ такими жадными глазами. Въ русскомъ трезвомъ осѣдломъ населеніи, могущемъ поддерживать и питать наши мѣстныя вооруженныя силы, и въ будущей сибирской дорогѣ заключается вся задача поддержанія русскаго имени честно и грозно на берегахъ Великаго океана.

Переваливъ небольшую, но довольно высокую гряду горъ, мы прибыли на станцію Барановскую, состоящую пока изъ одного станціоннаго домика, его службъ, и окруженную довольно густыми лиственными лѣсами, переходящими на увалахъ въ настоящую

тайгу. Обиліе лѣса въ этой мѣстности и выгодное расположеніе станціи на большомъ пути между Владивостокомъ, Никольскимъ и Камнемъ-Рыболовомъ, подало мысль одному мѣстному виноторговцу устроить здѣсь обширный винокуренный заводъ, который будетъ пользоваться топливомъ изъ окружающаго лѣса, а зерномъ—съ богатой своими нашнями долины Суйфуна.

На станціи я не засталъ никого, ни смотрителя, ни ямщиковъ, а лишь одну 13-ти лѣтнюю дѣвчонку, присматривавшую за лошадьми. Пришлось мнѣ тутъ прождать часа два съ половиною, пока мнѣ приготовили лошадей. Отъ скуки ожиданія я блуждалъ по лѣсу около станціи и успѣлъ подстрѣлить великолѣпнаго фазана. Фазаны вообще не составляютъ особой рѣдкости въ краѣ и встрѣчаются сотнями во многихъ кустарниковыхъ мѣстахъ, особенно въ казачинѣ и по уваламъ Сихэтэ-Алинъ. Возвращаясь къ станціи съ добычею, я попалъ въ такую чащу, образованную ліанами вьющагося винограда, что буквально не могъ выбраться изъ нея, если бы не случилось со мною, къ счастью, остраго охотничьего ножа. Тайга Уссурійскаго края отличается преимущественно отъ тайги остальной Сибири не только своимъ преобладающимъ чернолѣсьемъ, но и обиліемъ ліанъ, дѣлающихъ ее мѣстами почти непроницаемою.

Уже смеркалось, когда я выбрался изъ Барановской и покатилъ далѣе по уваламъ вдоль Суйфуна; въ одномъ мѣстѣ черезъ эту рѣченку переброшенъ на понтонахъ временной деревянный мостъ. Около этого послѣдняго стояла палатка, возлѣ которой копошилось нѣсколько саперныхъ солдатъ, занимающихся лѣтомъ вмѣсто своихъ прямыхъ занятій полезнымъ дѣломъ приведенія въ порядокъ главнѣйшихъ дорогъ края. Видъ этихъ бѣлыхъ рубахъ и черныхъ шапокъ, лихо сдвинутыхъ на самый затылокъ, гдѣ бы я не встрѣчалъ ихъ—на Кавказѣ ли, въ Финляндіи или Туркестанѣ,—всегда дѣйствовалъ на меня очень хорошо, и я съ особымъ удовольствіемъ любовался на первыя солдатскія физіономіи, встрѣченныя въ глухомъ уголкѣ Уссурійскаго края.

Скоро совершенно стемнѣло, но изъ-за зубчатой линіи лѣсовъ, идущихъ справа на увалѣ, показалась блѣдная луна и освѣтила нашу головоломную дорогу своимъ бѣлымъ фосфорическимъ сіяніемъ. Въ темной зелени мѣстами показались яркія искры блестящихъ свѣтляковъ, которые напомнили мнѣ почему-то чудныя рощи Цейлона, оживленныя по ночамъ роями этихъ блестящихъ созданій. Не вдалекѣ отъ нашей дороги мы увидали огромный костеръ, къ которому я почему-то захотѣлъ приблизиться; сойдя съ повозки, я подошелъ пѣшкомъ къ манившему меня огоньку. Рядъ радостныхъ восклицаній привѣтствовалъ меня. Оказалось, что возлѣ костра расположилась на ночевку кучка знакомыхъ мнѣ по пароходу переселенцевъ. Разведя костеръ, мужики примостили

своихъ бабъ и дѣтей возлѣ огонька на телѣгахъ на импровизированныхъ постеляхъ и принялись готовить себѣ незатѣйливый ужинъ, изъ рыбы, наловленной тутъ же въ Суйфунѣ, и дичи, настрѣлянной однимъ бойкимъ парнемъ по дорогѣ. Вся эта картина еще живѣе напоминала таборъ цыганъ, чѣмъ медленное шествіе обоза переселенцевъ на пути. Я посидѣлъ нѣсколько минутъ возлѣ костра, послушалъ нескончаемыя жалобы забравшихся на край крещенаго свѣта мужичковъ, далъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ, и тронулся далѣе по увалу, съ вершины котораго уже виднѣлись вдали огни Никольскаго.

Село Никольское, по всей вѣроятности, не въ далекомъ будущемъ городъ Никольскъ, послѣ Владивостока является самымъ многолюднымъ и важнымъ центромъ всего Уссурійскаго края. Здѣсь сосредоточіе торговли, находящейся въ рукахъ многочисленныхъ китайскихъ торговцевъ и иностранной фирмы Альберса; здѣсь стоянка двухъ баталіоновъ солдатъ и резиденція многочисленнаго начальства. Общій видъ этого поселенія не особенно блестящъ и напоминаетъ обширное село, чрезвычайно разбросанное и состоящее изъ бѣлыхъ мазанокъ, среди которыхъ лишь мѣстами виднѣются порядочные домики съ чахлыми садами. Небольшой базаръ, деревянная церковь и мукомольная мельница — вотъ и всѣ достопримѣчательности этого унылаго скучнаго городка, передъ которымъ Владивостокъ кажется настоящею столицею. Непривѣтливости Никольска много способствуетъ отсутствіе хорошей зелени, оживляющей самые скучные виды; этотъ недостатокъ относится не къ одному Никольскому, но и ко всѣмъ поселеніямъ края; жители словно не любятъ зелени; всѣ деревни и городки поэтому пустынны, пыльны и напоминаютъ селенія нашей степной полосы, что особенно поражаетъ рядомъ съ великолѣпіемъ растительности Пріамурскаго бассейна.

Военное селеніе образуетъ особый городокъ за валомъ, куда ведутъ изъ города деревянныя ворота, имѣющія претензію на названіе тріумфальныхъ; рядъ прекрасныхъ каменныхъ флигелей и службъ придаетъ военной резиденціи видъ крѣпостцы. Говорятъ, что на этомъ мѣстѣ и въ самомъ дѣлѣ прежде было небольшое корейское укрѣпленіе. Все Никольское переполнено солдатами и манзами; трудолюбивое населеніе его, составляющее противуположность обитателямъ Раздольнаго, усердно занимается хлѣбопашествомъ, а потому живетъ исправно. Въ отношеніи экономическомъ Никольское представляетъ безъ сомнѣнія самое богатое и наилучше обставленное поселеніе края; земли, принадлежащія крестьянамъ этого села, составляютъ предметъ зависти многихъ переселенцевъ даже самыхъ хлѣбородныхъ областей.

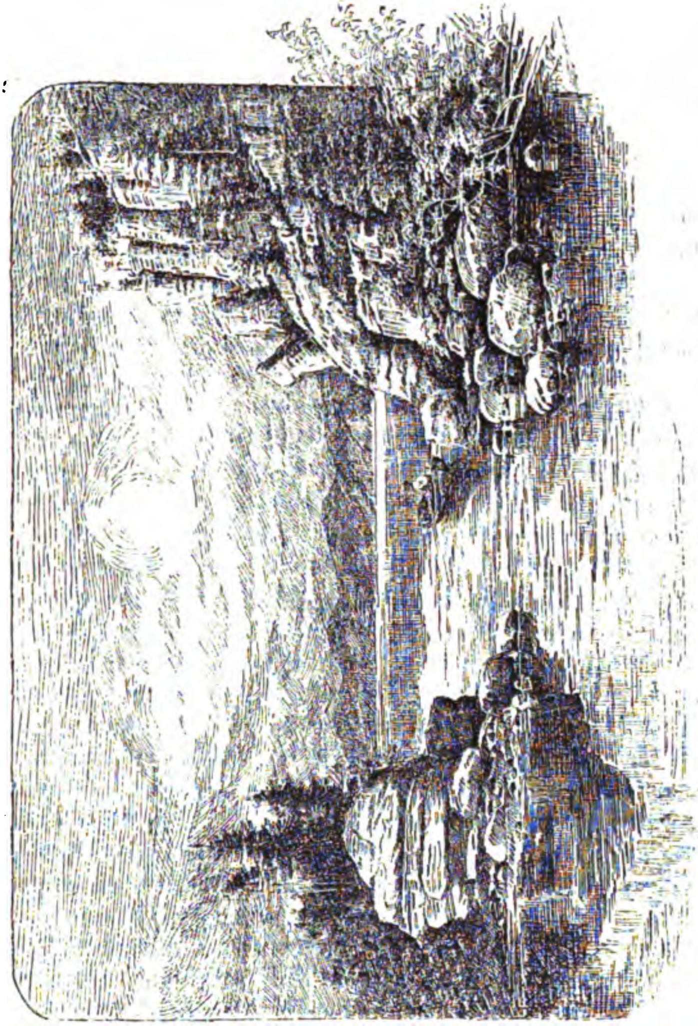
Никольскому принадлежитъ довольно много хорошихъ земель по Суйфуну, такъ что жители его могутъ принимать еще по нѣ-

скольку десятковъ семей новыхъ переселенцевъ въ свою общину. Приписка къ Никольскому обществу обходится впрочемъ не дешево, не менѣе 90—100 рублей въ 1887 году, тогда какъ въ другихъ старыхъ селахъ отъ 3—25 рублей. Значительное поселеніе и рынокъ, церковь, школа, врачебная помощь, порядочные пути сообщенія, центральное положеніе на главной артеріи края и прекрасныя земли все это повышаетъ ежегодно для новыхъ переселенцевъ цѣну приписки къ Никольской общинѣ, къ которой скоро могутъ приписываться лишь самые состоятельные.

Никольское, имѣющее важное стратегическое и экономическое значеніе, въ настоящее время представляетъ, можно сказать, центральное мѣсто русскихъ поселеній Южно-Уссурійскаго края. Бассейнъ Суйфуна, изъ всѣхъ рѣкъ края, представляющаго самыя обширныя пространства, годныя для земледѣлія, съ первыхъ же временъ заселенія этой области сдѣлался главнымъ сельбищемъ новыхъ русскихъ поселенцевъ. Остатки корейскихъ укрѣпленій и городищъ, слѣды дорогъ, проложенныхъ прежними обитателями, и свидѣтельства китайскихъ лѣтописей показываютъ, что здѣсь издавна было главное обиталище осѣдлаго населенія края. Не смотря на это, благодатная почва долины Суйфуна не истощена, и десятки русскихъ поселеній, идущихъ вверхъ отъ Никольскаго, не могутъ ни въ какомъ случаѣ пожаловаться на скудость урожая, хотя первобытный способъ обработки и недостатокъ удобренія могутъ скоро дать минусъ въ этой настоящей житницѣ края.

Я хотѣлъ было переночевать въ Никольскомъ, но услыхавъ, что на Утесной, двѣ станціи впереди, замѣтили ходъ козъ, рѣшилъ ѣхать туда на ночь, чтобы поохотиться, если возможно, за козою. Впереди насъ уже лежала та обширная довольно ровная полоса края, которая продолжается до самаго озера Ханки и носитъ названіе «вольной степы» у нашихъ переселенцевъ. Небольшіе увалы не портятъ впечатлѣнія, дорога вьется по нимъ, весь характеръ мѣстности напоминаетъ виды южно-русской степи, пересѣченной балками и оврагами. Въ 14 верстахъ отъ Никольскаго лежитъ большая и богатая деревня Михайловская или Дубининская, въ которой строится большая и красивая церковь; селеніе это богатое угодіями примѣчательно по «знаменитому сраженію», которое возлѣ нея имѣлъ поручикъ Дубининъ съ возставшими манзами. Мѣстныя преданія различно разсказываютъ объ этомъ интересномъ эпизодѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что бунтъ мѣстныхъ китайцевъ былъ вызванъ тѣми безпорядками, которые явились необходимымъ слѣдствіемъ насильнаго очищенія края отъ манзъ. Скопища китайцевъ, на половину вооруженныхъ, двинулись тогда, говорятъ, изъ Сучанскаго участка въ область «вольной степы» и пошли на Никольскъ, чтобы раззорить это главное селеніе края. Положеніе крестьянъ было критическое, войска вблизи не находилось, а манзы

двигались довольно быстро. Такъ какъ во всемъ Южно-Уссурійскомъ краѣ подвижной военной силы тогда еще не было организовано вовсе, то приказано было спѣшить на помощь даже казакамъ съ Уссури. Пока мобилизовались кое-какія военныя силы, поручикъ Дубининъ настигъ манзъ и нанесъ имъ такое «рѣши-



Верхнее теченіе рѣки Суйфуна.

тельное пораженіе», что толпы ихъ сразу разсѣялись, и край былъ спасенъ. Кое-какіе признаки волненій и недовольства между манзами заставили администрацію обратить на нихъ серьезное вниманіе и начальство, до сихъ поръ только очищавшее край отъ манзовскаго населенія, для того, чтобы приготовить мѣсто для русской колонизаціи, должно было подумать и о защитѣ этой послѣд-

ней. Послѣ того, какъ манзы, мстившіе русскимъ за изгнаніе, вырѣзали ночью цѣлый поселокъ крестьянъ въ Сучанскомъ участкѣ, во всѣхъ русскихъ поселеніяхъ края было поставлено по нѣскольку солдатъ и казаковъ. Съ той поры, разумѣется, многое перемѣнилось въ краѣ; военной силы тамъ стало слишкомъ достаточно, чтобы не бояться волненій манзъ, да и цѣпь русскихъ поселеній стала почти непрерывною.

Уже совершенно стемнѣло, когда я выѣхалъ изъ Михайловской; слѣдующія 27 верстъ дорога идетъ мѣстностью довольно ровною, и на столько однообразною, что общій характеръ ея напоминаетъ Россію; только направо, видны еще, не далеко отъ дороги, горныя громады, гдѣ таятся козы, медвѣди и фазаны. Такъ какъ любоваться дорогою было нечего, то я пробовалъ было дремать, тѣмъ болѣе, что мы ѣхали не особенно быстро, но вечеръ былъ на столько холоденъ, что температура спустилась близко къ нулю, и я, не смотря на свою кавказскую бурку, изрядно мерзъ всю дорогу до Утесной, куда мы прибыли около полуночи. Станція мало соотвѣтствующая названію и состоящая изъ одной бѣленькой чистенькой мазанки, пріютила меня, и я, примостившись на медвѣжьей шкурѣ, предложенной мнѣ любезно хозяиномъ, заснулъ богатырскимъ сномъ, прося его разбудить меня подъ утро для того, чтобы пройтись въ горы и постеречь дикихъ козъ.

Хотя всю ночь, недалеко отъ станціи, въ камняхъ, кричали козы, но утренняя моя охота не удалась. Одинъ изъ ямщиковъ станціи свелъ меня на тропу и посадилъ такъ, что я былъ на самомъ «ходѣ», во ни одной козы я даже не видалъ. Неудача моя была, однако, отчасти вознаграждена тѣмъ, что мнѣ удалось убить пару большихъ жирныхъ фазановъ, которыми я и позавтракалъ передъ тѣмъ какъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Станція Утесная стоитъ невдалекѣ отъ одного каменнаго увала, гдѣ звѣрья всякаго по временамъ бываетъ «видимо не видимо», и еще за два дня передъ моимъ пріѣздомъ возлѣ самой станціи убили большого медвѣдя. Одинъ охотникъ изъ города, во время недавняго хода козъ недалеко отъ Утесной, въ одинъ день убилъ нѣсколько десятковъ этихъ не совсѣмъ осторожныхъ животныхъ.

Недалеко отсюда по нашей дорогѣ виднѣется большое село Григоровка, также очень богатое пахатными землями и пастбищами. Довольно толстый слой чернозема, лежащій тутъ, даетъ хорошій урожай хлѣба, что и приманиваетъ сюда ежегодно десятки новыхъ переселенцевъ; такъ изъ нашей партіи тутъ размѣстилось 24 семьи, заплативъ всего по три рубля за приписку къ обществу. При обиліи земли, принадлежащей Григоровкѣ, онѣ не будутъ въ накладѣ, хотя нѣсколько дальше по рѣкѣ Мо новоселы могли бы устроиться еще выгоднѣе. Остановившись на нѣсколько часовъ въ Григоровкѣ, я имѣлъ случай познакомиться впервые съ такъ на-

зываемымъ пьянымъ хлѣбомъ, составляющимъ одну изъ невзгодъ края. Мѣстные ученые до сихъ поръ, кажется, не выяснили себѣ сущности этого заболѣванія зерна и спорятъ о формѣ и названіи микроскопическаго грибка его порождающаго, хотя вопросъ заключается вовсе не въ этомъ. Пьяный хлѣбъ—явленіе все-таки довольно исключительное, и въ Россіи не наблюдалось никогда; его не надо смѣшивать съ другою болѣзнею хлѣба—появленіемъ спорыньи, съ которою оно не имѣетъ ничего общаго. Очень мало отличаясь отъ настоящаго, пьяный хлѣбъ при помолѣ даетъ муку слегка розоватую, которую очень легко не узнать и употребить въ пищу. Выпеченный изъ нея хлѣбъ, помимо тошноты и другихъ разстройствъ желудочно-кишечнаго канала, вызываетъ въ самочувствіи его поѣвшаго ощущенія сильнаго опьянѣнія, сопровождаемаго бредомъ, болтаніемъ всякаго вздора, а иногда и судорожными явленіями. Наученные горькимъ опытомъ, переселенцы теперь умѣютъ практически довольно просто отличать вредное зерно отъ здороваго, по нѣкоторымъ морфологическимъ признакамъ, а пьяный выпеченный хлѣбъ еще проще, бросая кусокъ его собакѣ; если эта послѣдняя не станетъ его ѣсть,—то это лучшая проба его ядовитости. Юное общество изученія Амурскаго края энергично принялось за изслѣдованіе этого печальнаго явленія и добыло много научныхъ данныхъ, не давшихъ пока еще практическаго результата. Выяснено между прочимъ, что пьяный хлѣбъ чаще всего ростетъ на мокромъ низкомъ мѣстѣ, что появляется въ значительномъ количествѣ лишь въ извѣстные годы и что болѣзнь эта свойственна не однимъ хлѣбнымъ, но и другимъ дикимъ злакомъ. Поверхностное химическое изслѣдованіе, позднѣе мною произведенное во Владивостокѣ, показало, что дѣйствующимъ началомъ пьянаго хлѣба надо считать не грибокъ, который теперь такъ усердно изучаютъ, а образуемый имъ въ зернѣ растительный ядъ-птомаинъ.

Отъ Григоровки «вольная степа» еще больше сохраняетъ свой характеръ. Благодаря неровностямъ дороги, я прыгалъ въ своей бричкѣ, какъ мячикъ, и нѣсколько разъ выходилъ изъ нея, чтобы пройтись немного пѣшкомъ и отдохнуть. Послѣ тѣхъ живописныхъ видовъ, которые я видѣлъ до Никольска, просто невыносимо скучно было ѣхать по этой выжженной степи, тѣмъ болѣе, что сверху палило горячо солнце, а снизу поднималась мелкая ѣдкая пыль. Небольшое развлеченіе намъ, къ счастью, доставила великолѣпная молодая дрофа; встрѣтясь съ нами по дорогѣ и допустивъ бричку на нѣсколько саженей, она и тутъ не думала улетать, а шла спокойно впереди насъ, какъ домашній гусь, не торопящійся дать дорогу лошадямъ. Зная по собственному опыту, какъ осторожна и робка дрофа въ нашей степной полосѣ, гдѣ она не допускаетъ никогда охотника даже на ружейный выстрѣлъ, я сперва

и не думалъ стрѣлять по ней. Видя однако полную неосторожность, въ общемъ очень умной и «мыслящей» птицы, я остановилъ повозку, вынулъ изъ сумки патронъ, зарядилъ берданку и долго прицѣливался въ дрофу—и она все-таки не летѣла, а только принялась бѣжать; пуля легко настигла ее и убила наповалъ. Другая дрофа, показавшаяся не далеко отъ насъ, послѣ выстрѣла взлетѣла уже прямо, не надѣясь на быстроту своихъ ногъ, которыя даютъ ей право становиться въ одинъ разрядъ съ самыми мощными исполинами пернатаго царства страусомъ, казуаромъ и эму.

Раззадоровшись первою удачею, я пробовалъ отъ скуки стрѣлять и въ небольшихъ орловъ, круживщихся часто почти надъ самою головою, но пуля моей берданки видно не съумѣла до нихъ долетѣть. Послѣ 18-ти верстъ скучнаго и утомительнаго пути, я добрался до станціи Встрѣчной—одинокаго домика, стоящаго въ унылой степной мѣстности, почти совершенно лишенной зелени, выгорѣвшей во время лѣтнихъ жаровъ. Недалеко отсюда на востокѣ виднѣется съ дороги большая казачья станица Благодатная, по своимъ великолѣпнымъ полямъ оправдывающая свое названіе; отъ нея начинается рядъ русскихъ поселеній, идущихъ въ бассейнѣ Лифу и по южной окраинѣ Ханки. Вся эта мѣстность вообще такъ много напоминаетъ наши малороссійскія степи, что наблюдая бѣлыя мазанки поселенцевъ, пасущихся воловъ на поляхъ, даже аистовъ на крышахъ, забываешь совершенно, что находишься на далекой окраинѣ Азіи. Немудрено поэтому, что «вольная степа», идущая къ югу отъ озера Ханки, такъ сильно напоминающая родину нашимъ выселенцамъ изъ Малороссіи, нравится имъ до того, что они тѣснятся теперь здѣсь и не хотятъ идти въ другія, быть можетъ, даже болѣе привольныя мѣста. Низина озера Ханки и бассейнъ Лифу населенъ по преимуществу выходцами Черниговской и Полтавской губерній, которые перенесли сюда даже имена своихъ покинутыхъ на родинѣ деревень. Названія Черниговка, Дмитревка, Халкидонъ, Лелечи, Алтыновка, Спасское и др.,—все это выселки соотвѣтствующихъ селеній «хохландіи», о которой все-таки никогда не забываетъ самый забубенный переселенецъ.

Отъ Встрѣчной дорога идетъ тою же однообразною скучною мѣстностью, не особенно богато орошенною; всѣ деревни и поселки какъ-то отошли отъ большого почтоваго тракта, вѣроятно по этой послѣдней причинѣ. Нашу дорогу оживляли только по временамъ выпархивавшіе внезапно выводки фазановъ и стайки куропатокъ и рябковъ, пасшихся на сжатыхъ поляхъ и скошенныхъ луговинахъ. По дорогѣ попалась намъ небольшая партія охотниковъ, возвращавшихся съ верховьевъ Лифу, гдѣ она провела цѣлое лѣто на всевозможныхъ промыслахъ. Южно-Уссурійскій край, представляющій настоящее охотничье Эльдорадо, богатъ всевозможною пернатою и четвероногою дичью, которая пока еще до того мало

пугана, что во многихъ мѣстахъ совершенно близко допускаетъ къ себѣ человѣка. Эта сравнительная легкость охоты дѣйствуетъ заманчиво на всѣхъ, кто умѣетъ хотя держать ружье въ рукахъ; многіе поэтому вмѣсто того, чтобы заняться серьезно хлѣбопашествомъ, требующимъ все-таки извѣстной доли терпѣнія и настойчивости, предпочитаютъ звѣровать. Главную приманку охотничьяго промысла въ краѣ составляютъ такъ называемые панты или молодые оленьи рога, за которые китайцы платятъ сумасшедшія деньги отъ 75 до 600 рублей и даже болѣе, приписывая содержимому этихъ роговъ какія-то чудодѣйственныя свойства, не меньшія, чѣмъ и корню жизни—женьшеню. Ради добыванія этихъ пантовъ, одна пара которыхъ дѣлаетъ счастливаго охотника своего рода богачомъ, приманиваетъ многіе десятки мирныхъ земледѣльцевъ въ тайгу, гдѣ поневолѣ каждый становится болѣе или менѣе порядочнымъ охотникомъ или по меньшей степени лѣснымъ бродягою. Не одни олени и козы, но и тигры и медвѣди могутъ встрѣтиться въ тайгѣ, а потому постоянно надо быть готовымъ къ подобной встрѣчѣ; одно ожиданіе послѣдней, не говоря уже о звѣрованіи, закаляетъ натуры, и вотъ почему у насъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ среди простыхъ сѣрыхъ крестьянъ-переселенцевъ, на родинѣ, быть можетъ, не стрѣлявшихъ и по зайцу на своемъ вѣку, встрѣчается не мало охотниковъ, бивавшихъ тигра и не считающихъ медвѣдя опаснымъ врагомъ. Въ виду того, что добываніе пантовъ сопряжено теперь по рѣдкости звѣря съ большимъ трудомъ и требуетъ долгаго, а потому небезопаснаго пребыванія въ самой глухой тайгѣ, во всемъ краѣ снаряжаются небольшія охотничьи промысловыя экспедиціи, состоящія изъ 2—7 человѣкъ, имѣющихъ съ собою, помимо верховыхъ лошадей, нерѣдко и телѣгу, въ которой возятся необходимые охотничьи запасы. Одну изъ такихъ партій мы и повстрѣчали на пути; она звѣровала въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ и добыла, помимо тигра и двухъ медвѣдей, еще десять соболей, пять оленей, много козъ, кабановъ, козуль и другого звѣрья, не считая еще пернатой дичи, пошедшей на обѣдъ промышленникамъ.

Станція Мо — одинокій домикъ стоитъ еще въ болѣе унылой, почти напоминающей пустыню мѣстности, чѣмъ Встрѣчная и Григоровка; отсюда хотѣлось скорѣе выбраться подальше, что мы и сдѣлали, едва перемѣнили лошадей. Остальные 18 верстъ до Камня-Рыболова, показались намъ особенно скучными уже по тому одному, что солнце донимало насъ, а кони какъ нельзя тихо бѣжали по этой однообразной грустной низинѣ. Въ одномъ мѣстѣ мы такъ прочно завязли въ болотѣ, образуемомъ разливами Мо, что еле вытащили свою повозку; къ довершенію нашей непріятности, тутъ аттаковали насъ цѣлые рои оводовъ, жигалокъ и комаровъ, которые провожали насъ затѣмъ до тѣхъ поръ, пока мы не выбра-

лись совершенно изъ травянистыхъ низинъ. Не говоря уже о лошадяхъ, достойно пострадавшихъ за свою лѣнь, порядочно покусаны были и мы; у меня опухла губа и правый глазъ отъ ужаленія крылатыхъ мучителей, а у ямщика обѣ щеки и глаза до того, что онъ всю дорогу затѣмъ ругался, жалуясь на то, что плохо сталъ даже видѣть.

Черезъ самую рѣченку Мо перекинуты мостики на паромахъ; возлѣ нихъ копошились, чтѣ-то строя, мѣстные саперные солдаты—настоящіе мученики среди этого царства оводовъ и комариной рати. За рѣкою передъ нами предстала снова такая пустыня, что на яркомъ желтовато-бѣломъ фонѣ ея, блестѣвшемъ нестерпимо на полуденномъ солнцѣ, появились у горизонта даже различныя оптическія иллюзіи, напоминавшія миражи; отдаленные предметы, особенно холмы и кустарники, казались какъ будто бы утопающими въ легкихъ синеватыхъ водахъ. Съ небольшого подъема, на который взбирается дорога, показываются какъ-то сразу кучка сѣрыхъ избушекъ Камня-Рыболова и обширная водная равнина Ханки.

Не смотря на то, что Камень-Рыболовъ, какъ русское поселеніе, не уступаетъ по возросту Никольскому и Владивостоку, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ идти въ сравненіе даже съ первымъ, не говоря уже о второмъ — настоящей столицы края. Жалкая группа сѣрыхъ хижинъ и мазанокъ, разбросанныхъ очень широко по берегу озера, рядъ вѣтряныхъ мельницъ, высящихся надъ ними, и убогая деревянная церковь, не отличающаяся почти отъ избы— вотъ и все, что представляетъ изъ себя Камень-Рыболовъ—третій значительный пунктъ нашъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ—сѣверная оконечность той стратегической и колонизаціонной линіи, которая начинается отъ Владивостока. Тутъ находится управленіе Ханкайскимъ округомъ и штабъ сотни южно-уссурійскаго отдѣла амурскаго казачьяго войска, созданнаго выходцами изъ станицъ, расположенныхъ по Амуру и Уссури, пришедшихъ сюда въ 1879 г. Печальный общій видъ селенія, его разбросанность, пустынность, мертвая тишина, почти совершенное отсутствіе растительности — все это произвело на меня такое грустное впечатлѣніе, что я не захотѣлъ даже остаться ночевать въ Камнѣ-Рыболовѣ, гдѣ надѣялся немного отдохнуть. Обширная и пустынная равнина водъ, не оживляемая ни однимъ парусомъ или лодченкою, какъ-то гармонировала съ безжизненностью окружающей мѣстности и усугубляла непріятность общаго впечатлѣнія. Грязная, тѣсная, наполненная мухами, тараканами и клопами почтовая станція, хуже которой я еще не встрѣчалъ на всемъ трактѣ, окончательно испортила мое настроеніе, и я рѣшилъ въ тотъ же день покинуть непривѣтливое селеніе и отправиться въ манившую меня казачину и заповѣдную полосу земель, идущихъ по границамъ Манчжуріи. Такъ

какъ въ Камнѣ-Рыболовѣ кончался почтовый трактъ, и мнѣ для того, чтобы ѣхать далѣе, надо было по открытому листу выправить земскихъ лошадей, что зависѣло отъ мѣстнаго засѣдателя, то я первымъ дѣломъ, приведя въ порядокъ свой туалетъ, сдѣлалъ визитъ этому послѣднему.

Засѣдатель—симпатичный капитанъ П.—принялъ меня чрезвычайно любезно и обѣщалъ все устроить, не смотря на то, что со дня на день въ деревнѣ ожидали проѣзда генералъ-губернатора, ѣхавшаго въ Владивостокъ открывать тамъ новосозданную крѣпость. У засѣдателя же я познакомился и съ исправникомъ С., управляющимъ всѣмъ Южно-Уссурійскимъ краемъ. Имѣя предубѣжденіе противъ администраціи всякаго отдаленнаго края, я былъ пораженъ, увидѣвъ и въ исправникѣ человѣка достаточно образованнаго, знающаго край и отзывчиваго въ высшей степени, съ репутаціею при томъ честнаго человѣка. Пользуясь случаемъ, я долженъ тутъ же сказать, что и вообще мѣстная, даже захолустная администрація края, посѣщеннаго мною, произвела на меня чрезвычайно выгодное впечатлѣніе и превосходитъ во многихъ отношеніяхъ мѣстныхъ властей любого даже близкаго къ центрамъ и столицамъ уголка, что дѣлаетъ великую честь генералъ-губернатору края А. Н. Корфу, любящему и умѣющему выдѣлять людей порядочныхъ и честныхъ.

Не долго я пробылъ въ Камнѣ-Рыболовѣ, побродилъ немного по селенію, полюбовался обширнымъ видомъ озера съ обрыва, но перваго впечатлѣнія все-таки не могъ разогнать; поселокъ, не смотря на присутствіе нѣсколькихъ интелигентныхъ и симпатичныхъ людей, многочисленныхъ казаковъ, оживляющихъ его улицы, и прибрежье обширнаго озера, не привлекалъ меня къ себѣ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія земскихъ лошадей, чтобы ѣхать далѣе въ казачину, начинающуюся съ западнаго берега Ханки.

Ханка, или вѣрнѣе Ханъ-кай, т. е. средиземное море, какъ его зовутъ китайцы, представляетъ обширный озерный бассейнъ болѣе чѣмъ въ 3,000 квадр. верстъ, не отличающійся особенною глубиною; отъ береговъ Камня-Рыболова можно идти очень далеко по водѣ, не встрѣчая глубины такой, чтобы покрыть хотя до пояса человѣка; наибольшая глубина его, говорятъ, не превышаетъ пяти-шести саженей; подобное мелководье, уничтожаемое только во время половодья Амура и Уссури, а также постоянные вѣтры, производящіе сильную и непріятную зыбь, вмѣстѣ съ малою способностью для постояннаго судоходства р. Сунгача, составляющаго выходъ изъ Ханки въ систему Амура, обусловливаютъ пустынность обширныхъ водъ «внутренняго моря» Южно-Уссурійскаго края. По зимамъ Ханка замерзаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ, при чемъ промерзаетъ во многихъ мѣстахъ до самаго дна. Черезъ озеро тогда идетъ почтовая зимняя дорога, имѣющая нѣсколько иное направленіе,

чѣмъ лѣтомъ, когда пароходы, идущіе отъ Камня-Рыболова по Ханкѣ и далѣе по Сунгачу и Уссури до самой Хабаровки, продолжаютъ владивостокскій трактъ. Въ виду того, что осенью и весною наступаетъ великая распутица, которая тянется по нѣскольку недѣль, то для Южно-Уссурійскаго края наступаетъ сезонъ, когда онъ становится совершенно отрѣзаннымъ отъ остальной Сибири. Далѣе Камня-Рыболова по Сунгачу нѣтъ почтоваго лѣтняго тракта; озеро и рѣка не позволяютъ еще начаться пароходству, зимникъ уже попортился или не установился. То же самое наступаетъ иногда и лѣтомъ, когда Сунгачъ высыхаетъ и становится непроходимымъ даже для мелкосидящихъ параходовъ. Въ прошломъ, 1889 г., даже начальникъ края, гостившій въ Владивостокѣ, не зналъ, какъ пробраться ему въ серединѣ сентября домой въ Хабаровку и боялся зазимовать до установленія саннаго пути, идущаго болѣе прямымъ путемъ. Этотъ-то частый и полный перерывъ единственной коммуникаціонной линіи, связывающей Южно-Уссурійскій край съ остальною Сибирью, и заставляетъ мѣстную администрацію просить и ходатайствовать, чтобы однимъ изъ первыхъ участковъ будущей великой сибирской желѣзной дороги было соединеніе Владивостока съ Хабаровкою и Амуромъ постояннымъ и надежнымъ рельсовымъ путемъ.

Не смотря на всѣ мои старанія скорѣе выбраться изъ не понравившагося Камня-Рыболова, мнѣ это удалось лишь поздно вечеромъ; время, потерянное для осмотра ближайшихъ окрестностей поселенія, было отчасти вознаграждено нѣкоторыми находками, сдѣланными недалеко отъ каменнаго выступа, давшаго имя самому селенію, и признанными мною за остатокъ доисторическихъ обитателей береговъ Ханки. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ не позволилъ мнѣ сдѣлать необходимыхъ покопокъ, и я, уѣзжая темнымъ дождливымъ вечеромъ изъ Камня-Рыболова, уже скорбѣлъ о томъ, что оставлялъ за собою мѣсто, быть можетъ, весьма интересныхъ въ археологическомъ отношеніи находокъ.

Выѣхавъ изъ поселенія, мы взяли по проселку, идущему среди пахатныхъ полей; вдали уже на горизонтѣ темнѣли громады возвышеній, превращающихся въ каменные увалы по манчжурской границѣ. Порою вспыхивавшія на западномъ горизонтѣ зарницы оживляли мрачное, покрытое тучами небо и словно указывали нашъ дальнѣйшій путь.

— Въ казачину, баринъ, ѣдете, или къ столпамъ? — спросилъ меня лихой ямщикъ, уссурійскій казакъ.

— Въ казачину, братецъ, гони скорѣе, — отвѣчалъ я, кутаясь отъ ночной сырости покрѣпче въ свою кавказскую бурку...

А. Елисѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КАРИКАТУРИСТЪ Н. А. СТЕПАНОВЪ.

ВЪ РАСПОРЯЖЕНІЕ редакціи «Историческаго Вѣстника» А. В. Старчевскимъ были доставлены матеріалы для очерка жизни и дѣятельности нашего знаменитаго карикатуриста Николая Александровича Степанова, до сихъ поръ не дождавшагося болѣе или менѣе обстоятельной характеристики и оцѣнки своихъ многочисленныхъ трудовъ, богатаго наслѣдія художественныхъ, общественныхъ и политическихъ карикатуръ, въ теченіе почти четверти вѣка (съ конца 40-хъ до начала 70-хъ годовъ) пользовавшихся среди тогдашней публики большимъ успѣхомъ и до сихъ поръ не утратившихъ въ нѣкоторой своей части значительнаго интереса. Г. Старчевскій, лично зная покойнаго Н. А. Степанова (послѣдній съ конца 1857 года и въ теченіе 1858 года сотрудничалъ въ «Сынѣ Отечества» г. Старчевскаго), сообщилъ о немъ, во-первыхъ, свои воспоминанія и свою съ нимъ переписку,—а во-вторыхъ, обильныя свѣдѣнія о Н. А. Степановѣ, доставленныя г. Старчевскому другими лицами. Эти свѣдѣнія, весьма цѣнныя для очерка объ нашемъ карикатуристѣ, заключаются въ разныхъ документахъ, хранимыхъ у старшаго брата Ник. Ал., нынѣ генерала-отъ-инфантеріи, царскосельскаго коменданта, Петра Александровича Степанова, и сына покойнаго, Сергѣя Николаевича Степанова; въ запискѣ П. Ал—ча о своемъ братѣ, представляющей какъ бы curriculum vitae послѣдняго; въ показаніяхъ и отвѣтахъ Серг. Ник. на сдѣланные ему г. Старчевскимъ 180 вопросовъ; въ показаніяхъ Алек. Ив. Беггрова, съ которымъ Н. А. Степановъ въ 50-хъ годахъ издавалъ альбомъ своихъ политическихъ карикатуръ по поводу Крымской войны и общественныхъ

подъ заглавіемъ «Знакомые»; въ письмахъ, числомъ болѣе 60-ти, Степанова къ А. И. Беггрову по поводу этихъ изданій; наконецъ, благодаря любезному содѣйствію сына покойнаго, г. Старчевскій пользовался портфелемъ съ бумагами и письмами, оставшимися послѣ талантливаго карикатуриста. Послѣднія бумаги Степановъ хранилъ съ цѣлію составить впослѣдствіи свои мемуары, что видно изъ находящагося на портфелѣ ярлыка, на которомъ покойный собственноручно написалъ: «Письма, записки извѣстныхъ личностей, письма многихъ женщинъ, съ которыми былъ друженъ, и вообще разный матеріалъ, полезный для моихъ предполагаемыхъ мемуаровъ».

Обработка всѣхъ собранныхъ г. Старчевскимъ матеріаловъ, по просьбѣ редакціи, сдѣлана мною, при чемъ я, въ свою очередь, собралъ и пересмотрѣлъ всѣ изданныя степановскія карикатуры, выбравъ изъ нихъ для воспроизведенія на страницахъ «Историческаго Вѣстника» наиболѣе удачныя и до сихъ поръ не утратившія своего интереса и значенія. Кромѣ того, я сдѣлалъ оцѣнку трудовъ Степанова и вообще его дѣятельности, охарактеризовавъ попутно и основанный нашимъ карикатуристомъ вмѣстѣ съ В. С. Курочкинымъ сатирическій журналъ «Искру», который въ 60-хъ годахъ пользовался такимъ успѣхомъ и который до сихъ поръ является единственнымъ въ своемъ родѣ [1]).

Ridendo castigat mores.
(Насмѣшка очищаетъ нравы).

Въ то время, какъ на Западѣ карикатура переживаетъ уже четвертое столѣтіе (возникновеніе ея относится къ XVI вѣку),— пользуется серьезнымъ общественнымъ значеніемъ, находясь постоянно на стражѣ текущей политической и общественной жизни,— появляется на страницахъ цѣлой серіи сатирическихъ и юмористическихъ повременныхъ изданій, — насчитываетъ цѣлый рядъ

[1]) Считаю долгомъ принести искреннюю благодарность А. И. Беггрову, любезно предоставившему мнѣ всѣ изданные имъ альбомы степановскихъ карикатуръ, а также всѣ сохранившіяся у него степановскія статуэтки-карикатуры и бюстики извѣстныхъ русскихъ писателей, художниковъ, актеровъ и музыкантовъ 40-хъ годовъ; В. П. Ламбину, оказавшему мнѣ немалое содѣйствіе при пользованіи въ Публичной Библіотекѣ иллюстрированными сатирическими изданіями 50-хъ и 60-хъ годовъ, и В. В. Стасову, доставившему возможность помѣстить въ настоящей статьѣ описаніе хранящагося въ Библіотекѣ альбома степановскихъ карикатуръ на М. И. Глинку, и воспроизвести нѣкоторыя изъ нихъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Этотъ интересный альбомъ принесенъ въ даръ Публичной Библіотекѣ извѣстнымъ астрономомъ, имѣющимъ въ Дрезденѣ свою обсерваторію, В. П. Энгельгардтомъ, безъ разрѣшенія котораго нельзя ни воспроизводить изъ него карикатуръ, ни описывать ихъ на страницахъ повременныхъ изданій. Это разрѣшеніе и получено отъ г. Энгельгардта при обязательномъ содѣйствіи В. В. Стасова. С. Т.

своихъ замѣчательныхъ и талантливыхъ представителей, въ родѣ Гаварни, Гогарта, Дамье, Дантана, Шама и другихъ,—имѣетъ, наконецъ, о себѣ нѣсколько выдающихся, солидныхъ изслѣдованій, какъ, напримѣръ, Райта, Флегеля-Эбелинга, Шанфлери и Карте-, ре [1]), — у насъ на Руси она еще очень недавно завоевала право гражданства, всего пожалуй какихъ-нибудь лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ, хотя первыя карикатуры и появились въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Эти первыя карикатуры принадлежатъ Теребеневу и Иванову на походъ Наполеона I въ Россію и очень многимъ изъ нихъ нельзя отказать въ большомъ интересѣ и мѣткости. Но тѣмъ дѣло и кончилось, карикатура плохо прививалась на русской почвѣ, хотя русская жизнь и представляла для нея обильный матеріалъ, которымъ уже успѣла воспользоваться литература, въ лицѣ талантливыхъ баснописцевъ Хемницера и Дмитріева, а въ особенности геніальнаго Крылова. Только въ началѣ сороковыхъ годовъ карикатура опять появляется, чтобы, наконецъ, мало-по-малу, пустить прочные корни въ нашей общественной и отчасти политической жизни. Мы говоримъ объ альбомѣ карикатуръ Даля — «Похожденія Віольдамура»,—приложенномъ къ «Библіотекѣ для Чтенія» и заключавшемъ въ себѣ до пятидесяти литографированныхъ листовъ, на которыхъ рисунокъ былъ несложенъ и незатѣйливъ и вся карикатурность его заключалась въ подписяхъ. Альбомъ этотъ былъ очень цѣнимъ въ свое время и скоро сдѣлался библіографическою рѣдкостью.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи русской карикатуры должна по справедливости считаться дѣятельность М. Неваховича, издававшаго въ теченіе четырехъ лѣтъ (съ 1846 года по 1849) карикатурный альбомъ «Ералашъ», въ которомъ сотрудничалъ въ первые два года и Н. А. Степановъ. Недавно В. Р. Зотовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, печатавшихся на страницахъ «Историческаго Вѣстника» [2]), посвятилъ Неваховичу и его альбому нѣсколько весьма

---

[1]) A History of caricature and Grotesque in Literature and Art. By Thomas-Wright.—Geschichte des Grotesk—komischen von Floegel-Ebelings.—Champfleury: — a) Histoire de la caricature moderne, b) Histoire de la caricature sous le république, l'empire et la restauration, c) Histoire de la caricature sous la reforme èt la ligue—Louis XIII à Louis XVI.—J. Grand-Carteret. Les moeurs et la caricature en France.

[2]) См. «Историческій Вѣстникъ» 1890, № 4, стр. 105—113. Изъ этой статьи мною взято описаніе нѣкоторыхъ карикатуръ Неваховича, ибо, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть полнаго экземпляра «Ералаша». Благодаря обязательной любезности П. М. Виноградова, мнѣ пришлось просмотрѣть «Ералашъ» лишь за 1847—1849 года и то неполные. Перваго же выпуска мы не видали. Впрочемъ, первый выпускъ не особенно важенъ, ибо на первыхъ порахъ Неваховичъ, имѣя смутныя понятія о законахъ перспективы и анатоміи человѣческаго тѣла, какъ говоритъ г. Зотовъ, рисовалъ только головы, а все остальное отдѣлывалъ и дополнялъ Пальмъ. Слѣдовательно, мы видѣли наиболѣе характерное для дѣятельности Неваховича.

сочувственныхъ страницъ. Г. Зотовъ, оцѣнивая дѣятельность Неваховича, говоритъ, между прочимъ, что это былъ настоящій родоначальникъ литературной карикатуры, а Н. А. Степановъ только его преемникъ и послѣдователь, хотя и лучше его владѣвшій карандашемъ, но менѣе **остроумный и наблюдательный.**

Съ первымъ мнѣніемъ, конечно, согласится всякій, ибо до «Ералаша» Неваховича не было ничего подобнаго. Но мы не можемъ раздѣлять утвержденіе г. Зотова, что будто бы Н. А. Степановъ былъ менѣе остроуменъ и наблюдателенъ, чѣмъ Неваховичъ. По нашему крайнему разумѣнію, основанному на внимательномъ разсмотрѣніи степановскихъ карикатуръ, (а всѣхъ ихъ болѣе **трехъ тысячъ**),—Степановъ долженъ считаться талантливѣйшимъ изъ русскихъ карикатуристовъ. Къ признанію г. Зотова, что Неваховичъ плохо рисовалъ фигуры и вообще обстановку своихъ карикатуръ, мы прибавимъ, что онъ не блисталъ особеннымъ остроуміемъ, превосходящимъ остроуміе Н. А. Степанова. Въ сороковыхъ годахъ «Ералашъ» можетъ быть, дѣйствительно, какъ новинка, имѣлъ успѣхъ огромный; теперь же его карикатуры не производятъ почти никакого впечатлѣнія, за весьма малыми исключеніями. Между тѣмъ, большая часть карикатуръ Н. А. Степанова (напримѣръ, изъ «Искры», «Сына Отечества», альбомовъ «Знакомые», альбомовъ политическихъ карикатуръ на Крымскую войну и др.) до сихъ поръ не утратила ни своего интереса, ни своего общественнаго значенія. Положимъ, Неваховичъ очень рано умеръ — всего 33-хъ лѣтъ,—а Н. А. Степановъ дожилъ до преклоннаго возроста, и лучшія его карикатуры нарисованы близко къ концу его дѣятельности. Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что Неваховичъ **можетъ быть**,—проживи онъ дольше,—превзошелъ бы Н. А. Степанова, а теперь послѣдній стоитъ значительно выше перваго.

Тѣмъ не менѣе, по справедливому мнѣнію г. Зотова, «Ералашъ» заслуживаетъ всякаго вниманія, ибо въ немъ затронуты не безъ юмора, иногда очень ѣдкаго, по возможности «главныя стороны общественной жизни Петербурга въ 1846—1849 годахъ, всѣ его знаменитости, событія, увеселенія». Никакого скабрезнаго элемента, которымъ только и живутъ современные карикатуристы, Неваховичъ не допускалъ въ «Ералашѣ», также какъ не допускалъ его и Н. А. Степановъ въ своихъ альбомахъ и въ редактировавшихся имъ сатирическихъ изданіяхъ, которыхъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и основателемъ,—въ «**Искрѣ**» и «**Будильникѣ**». Тоже можно сказать и про другія сатирическія изданія 60-хъ годовъ — напримѣръ, про «**Занозу**» Розенгейма и «**Развлеченіе**» Ѳ. Б. Миллера. Тогда, въ 60-хъ годахъ, карикатура имѣла серьезныя общественныя задачи, была орудіемъ цивилизаторскихъ цѣлей, бичемъ современныхъ пороковъ и соціальныхъ безобразій; нынѣ же карикатурные журналы сосредоточиваютъ все свое вниманіе, главнымъ образомъ,

на избитомъ и набившемъ оскомину толкованіи порнографіи. Не вдаваясь въ подробный разборъ причинъ такого явленія, замѣтимъ только, что журналистика вообще является знаменіемъ времени и извѣстные ея органы не могутъ существовать безъ поддержки публики.

Въ «Ералашѣ» на каждомъ листѣ, въ числѣ 6—10 рисунковъ, встрѣчалось множество портретовъ лицъ, знакомыхъ всей столицѣ. Не щадилъ карикатуристъ и себя, рисуя собственный портретъ на заглавномъ листѣ всѣхъ годовъ. Неваховичъ безпощадно преслѣдовалъ карточныя мошенничества, и въ «Ералашѣ» можно найти портреты извѣстныхъ шулеровъ того времени. Порядочно доставалось и докторамъ: альбомъ украшаютъ портреты тогдашнихъ медицинскихъ знаменитостей и особенно театральныхъ докторовъ: Берса, Гейденрейха, Дворжака. Неваховичъ изображаетъ ихъ то стрѣляющими на воздухъ изъ пушки — микстурами и рецептами въ гриппъ, то свободно пропускающими въ 1848 году въ петербургскую заставу изъ Персіи холеру и отдающими ей честь клистирными трубками. Нѣсколько листовъ посвящено холернымъ разговорамъ великосвѣтскихъ особъ; хорошъ Невскій проспектъ со всѣми обычными его посѣтителями, съ портретами лицъ, гуляющихъ для здоровья, для развлеченія, съ горя, отъ нечего дѣлать, для собственнаго удовольствія. Въ числѣ петербургскихъ увлеченій, осмѣяна страсть къ пусканію мыльныхъ пузырей; изъ литераторовъ помѣщены портреты: Панаева, наблюдающаго, какъ книгопродавецъ Ратьковъ раздаетъ дичь въ видѣ приложенія къ «Современнику», — Булгарина, являющагося привидѣніемъ господину, начитавшемуся на ночь «Всякой всячины», — Григоровича, роющагося въ навозѣ, читающаго «Антона-Горемыку» при заснувшихъ отъ скуки слушателяхъ и ухаживающаго за Акулиной, обливающей его помоями, — поэта Губера, съ постной физіономіей бродившаго по маскарадамъ, и др. Попадаются карикатуры на нѣкоторыя театральныя пьесы, на нѣкоторыхъ актеровъ, какъ, напримѣръ, на Каратыгина и Максимова, на тогдашнихъ «акробатовъ благотворительности», на столичныя увеселенія, на петербургскую погоду, и пр. Послѣдній листъ альбома 1847 года оканчивался большою аллегорическою картиною «Шествіе въ храмъ славы», на которой фигурировала большая часть тогдашнихъ литераторовъ на пути въ храмъ славы. Казенный полосатый шлагбаумъ поднималъ цензоръ Очкинъ. Подлѣ него стоялъ Гребенка, впереди всѣхъ шелъ Гречъ съ своей грамматикой и съ «Черной женщиной» на плечахъ, за нимъ Кукольникъ съ своей «Иллюстраціей». Муза очищала метлою дорогу передъ обнявшимися Жуковскимъ и Вяземскимъ. Внизу другая муза тащила съежившуюся фигуру Бенедиктова. Въ тарантасѣ, на запяткахъ котораго стоялъ медвѣдь, ѣхалъ Сологубъ, пуская мыльные пузыри, подлѣ бѣжалъ въ при-

прыжку Панаевъ, шелъ Одоевскій и скелеты несли Губера, разсматривающаго черепъ. Выше всѣхъ несся Гоголь, уснувшій на второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», а за нимъ Булгаринъ летѣлъ верхомъ на пчелѣ. Внизу, въ лѣвомъ углу, бѣжалъ Зотовъ и выглядывала голова Некрасова. «Ералашъ» сдѣлался теперь большой библіографической рѣдкостью.

Въ числѣ предшественниковъ Н. А. Степанова нельзя, наконецъ, не назвать и Пав. Андр. Ѳедотова, тоже, какъ и Неваховичъ, очень рано умершаго—всего 37-ми лѣтъ (Ѳедотовъ родился въ 1815 году, умеръ въ 1852 г. [1]). Собственно карикатура для Ѳедотова была занятіемъ второстепеннымъ, ибо онъ долженъ по справедливости считаться отцомъ современнаго жанра. Извѣстность П. А. Ѳедотова зиждется на жанровыхъ картинахъ, какъ «Сватовство маіора»; карикатуры же его мало извѣстны, ибо въ большинствѣ случаевъ остались неизданными. Тѣмъ не менѣе, по утвержденію г. Сомова, преобладающимъ элементомъ работъ П. А. Ѳедотова является карикатура, полная неподдѣльнаго юмора и ѣдкой иронін, и въ этомъ отношеніи онъ подражалъ Гогарту; образцомъ же карандашнаго пріема служили для художника французскіе рисовальщики, преимущественно Гаварни. Такимъ образомъ, П. А. Ѳедотовъ привилъ карикатуру къ живописи, и въ этомъ отношеніи всякій согласится съ г. Сомовымъ, говорящимъ, что Ѳедотовъ открылъ новую, никѣмъ до него еще нетронутую въ русской живописи, жилу національности и сатиры, показалъ примѣръ удачной ея разработки и оставилъ ее въ наслѣдіе возникшимъ послѣ него талантамъ,—что, благодаря Ѳедотову, наше искусство обратилось отъ школьныхъ, чуждыхъ общественнаго интереса задачъ, къ изученію современнаго быта, къ обличенію его недостатковъ, къ указанію на свѣтлыя стороны русской жизни.

Всѣ помянутые предшественники Н. А. Степанова не сдѣлали, однако, карикатуру необходимымъ элементомъ нашей общественной жизни: эта честь выпала на долю Николая Александровича. Съ его легкой руки является у насъ цѣлый рядъ карикатурныхъ изданій, сдѣлавшихся уже потребностью нашего общества, хотя, пожалуй, карикатура у насъ на Руси, по различнымъ независящимъ отъ нея причинамъ, еще очень слабо вліяетъ на улучшеніе нравовъ. Карикатурные опыты Неваховича и Ѳедотова пробудили талантъ въ чиновникѣ, когда ему было уже за сорокъ лѣтъ—и онъ серьезно взялся за карандашъ, пустивъ въ ходъ опыты своего рисовальнаго искусства, которые до тѣхъ поръ очень долго ходили по рукамъ однихъ друзей и близкихъ его знакомыхъ, не появляясь на свѣтъ

---

[1]) Объ этомъ замѣчательномъ русскомъ художникѣ-самоучкѣ, такъ же какъ Неваховичъ и Степановъ, смотри трудъ А. И. Сомова: «П. А. Ѳедотовъ». Спб. 1876 г.

Божій. Н. А. Степановъ оставляетъ службу и посвящаетъ себя еще новому тогда дѣлу, въ которомъ онъ вскорѣ заявилъ себя выдающимся мастеромъ. Въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ (съ конца сороковыхъ годовъ по начало семидесятыхъ) онъ не выпускалъ изъ рукъ карандаша, оставивъ послѣ себя богатое наслѣдіе художественныхъ, общественныхъ и политическихъ карикатуръ.

I.

Гнѣздо рода Степановыхъ—Калужская губернія, Мещовскій и Жиздринскій уѣзды, гдѣ уже съ начала XVI столѣтія они владѣли помѣстіями, пожалованными имъ нашими великими князьями и царями. Уже при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ Степановы были пожалованы за свою службу помѣстьями по Хопру, въ Саратовской губерніи, находящимися и теперь во владѣніи этого рода. Нѣсколько Степановыхъ встрѣчаются въ исторіи и, въ числѣ ихъ имя новгородскаго думнаго дьяка, котораго казнилъ Іоаннъ Грозный, а потомъ внесъ въ свой синодикъ, предписывая молиться объ упокоеніи души его. Не вдаваясь въ особенныя генеалогическія подробности, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о прадѣдѣ и дѣдѣ нашего карикатуриста и затѣмъ подробнѣе остановимся на его отцѣ, Александрѣ Петровичѣ, довольно извѣстномъ въ свое время—въ тридцатыхъ годахъ—авторѣ романа «Постоялый дворъ» и «Описанія Енисейской губерніи», въ которой А. П. былъ губернаторомъ [1]).

Отъ Семена Моисеевича Степанова, прадѣда Ник. Алек., родились три сына—Ипполитъ, Руфъ и Петръ (отецъ Александра Петровича). Старшій изъ братьевъ, Ипполитъ Семеновичъ, служилъ при Екатеринѣ II въ конной гвардіи, а потомъ, оставивъ службу, поселился въ своихъ имѣніяхъ. То былъ человѣкъ свѣтлаго и предпріимчиваго ума, но дерзкаго и необузданнаго характера. Назначенный депутатомъ въ извѣстную екатерининскую комиссію, И. С. Степановъ опять появился въ Петербургѣ, гдѣ вскорѣ, по своему заносчивому и мстительному характеру, пріобрѣлъ много враговъ среди лицъ, бывшихъ тогда въ силѣ при дворѣ. Смѣшивая свои личныя антипатіи съ политическими воззрѣніями, Ипполитъ Семеновичъ вскорѣ навлекъ на себя наказаніе, и за свои предосудительные поступки былъ сосланъ въ Камчатку, гдѣ сошелся съ извѣстнымъ авантюристомъ Беневскимъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ

---

[1]) Свѣдѣнія о предкахъ, объ отцѣ Степанова и его дѣятельности, почерпнуты мною изъ обширной статьи А. В. Дружинина, помѣщенной въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1857 годъ, №№ 6 и 7. Въ этой статьѣ сдѣлана и обстоятельная литературная характеристика А. П. Степанова, причемъ особенно подробно разобранъ «Постоялый дворъ».

онъ подговорилъ и нѣсколькихъ другихъ ссыльныхъ; они захватили въ Большерѣцкомъ портѣ судно, и пустились въ открытое море. Однако, вскорѣ бѣглецы поссорились. И. С. Степановъ составилъ заговоръ противъ Беневскаго, рѣшивъ высадить его куда-нибудь на берегъ. Но Беневскій перехитрилъ Степанова, который былъ схваченъ сторонниками авантюриста и высаженъ на островѣ Явѣ. Вся эта исторія разсказана въ запискахъ Беневскаго, изданныхъ на французскомъ языкѣ; очень вѣроятно, что высадка Степанова на Явѣ есть плодъ фантазіи сочинителя, а что на дѣлѣ Беневскій или убилъ, или повѣсилъ злоумышлявшаго противъ него человѣка.

Слѣдующій братъ, Руфъ Семеновичъ, былъ мистикомъ того времени. Служилъ онъ въ гражданской службѣ и основалъ гернгутерскую колонію въ Саратовской губерніи, составивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и уставъ для колонистовъ, получившій тогда названіе «руфовскихъ законовъ». Наклонность его къ мистицизму сдѣлала его замѣчательнымъ лицомъ въ кругу тогдашнихъ мистиковъ, какъ бы ихъ оракуломъ и наставникомъ. Руфъ Семеновичъ изучалъ духовидцевъ и иллюминатовъ, бесѣдовалъ съ друзьями о сокровеннѣйшихъ тайнахъ науки, видѣлъ видѣнія, бесѣдовалъ съ мертвецами, и т. п. Все это не мѣшало ему быть человѣкомъ набожнымъ, благотворительнымъ и всѣми уважаемымъ. Когда подъ старость онъ лишился зрѣнія, образованнѣйшіе люди обѣихъ столицъ (онъ жилъ въ Москвѣ) все-таки посѣщали его, читали ему духовныя книги и слушали его бесѣду. Слѣпецъ дожилъ до 1828 года, скончавшись въ Москвѣ, окруженный почетомъ.

Самый младшій братъ, Петръ Семеновичъ, дѣдъ нашего карикатуриста, являлъ собой типъ человѣка, преданнаго философіи энциклопедистовъ. Онъ былъ выпущенъ изъ шляхетскаго корпуса подпоручикомъ въ армію. Стоя съ полкомъ въ Смоленской губерніи, онъ познакомился съ семействомъ Кашталинскихъ, людей богатыхъ, гордыхъ своими связями при дворѣ, и просилъ руки старшей дочери, Пелагеи Степановны, но получилъ рѣшительный отказъ. Въ это время началась кампанія съ Пруссіей, и П. С. Степановъ участвовалъ въ ней. По заключеніи мира, онъ пробылъ нѣкоторое время въ Берлинѣ, имѣлъ случай представиться Фридриху Великому, говорить съ королемъ-философомъ, и былъ до того имъ очарованъ, что избралъ его своимъ идеаломъ. Онъ просиживалъ ночи за твореніями философовъ, которымъ сочувствовалъ этотъ король, и Вольтеръ сталъ руководителемъ Петра Семеновича, хотя послѣдній, увлекаясь фернейскимъ философомъ, хранилъ вмѣстѣ съ тѣмъ многія убѣжденія стараго русскаго человѣка. Однако, ни походы, ни развлеченія Берлина, ни эпикурейскія теоріи, не поколебали восьмилѣтней привязанности въ молодомъ офицерѣ. Вернувшись въ Россію премьеръ-маіоромъ, онъ снова посватался къ Пелагеѣ Степановнѣ Кашталинской. Теперь ея отецъ согласился

на этотъ бракъ, но не далъ за дочерью приданаго. Вскорѣ послѣ брака, Степановы поселились въ Зеновкѣ, Калужской губ., гдѣ и родился у нихъ сынъ Александръ. Петръ Семеновичъ сначала занималъ мѣсто городничаго въ Козельскѣ, потомъ служилъ по выборамъ—судьей въ Мѣщовскомъ уѣздѣ. Жизнь текла мирно и весело, все улыбалось счастьемъ, какъ вдругъ скоропостижная смерть отъ удара унесла Петра Семеновича; жена осталась съ девятилѣтнимъ сыномъ; не получивъ основательнаго образованія, хотя и одаренная отъ природы необыкновеннымъ умомъ, она не могла сама руководить воспитаніемъ сына, и молодой Степановъ былъ отправленъ въ московскій университетскій благородный пансіонъ, пользовавшійся тогда славою лучшаго учебнаго заведенія въ Россіи; по ходатайству же дяди своего, оберъ-церемоніймейстера Матвѣя Ѳедоровича Кашталинскаго, Александръ Петровичъ былъ записанъ сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Успѣхи Александра Петровича въ пансіонѣ были весьма замѣчательны; еще на школьной скамьѣ онъ началъ писать стихи, и А. А. Антонскій, инспекторъ пансіона, поощрялъ въ воспитанникѣ литературныя стремленія.

Александръ Петровичъ далеко еще не кончилъ своего образованія, какъ вступившій на престолъ императоръ Павелъ, желая ограничить число молодыхъ людей, не служащихъ въ гвардіи, а только въ ней записанныхъ, потребовалъ ихъ на службу; 16-тилѣтній Степановъ явился въ свой полкъ, но съ повышеніемъ чина былъ переведенъ въ армію прапорщикомъ, отправившись въ Московскій гренадерскій полкъ, уже находившійся въ составѣ войскъ, двигавшихся въ Италію подъ предводительствомъ Суворова. Начальники Александра Петровича приняли въ немъ участіе и стали давать ему легкія порученія: его назначали то ординарцемъ, то адъютантомъ. Такъ онъ перебывалъ въ свитѣ Кушникова, Багратіона и поступилъ наконецъ въ штабъ самого главнокомандующаго. Суворовъ, конечно, обращался съ нимъ какъ съ юношей и, узнавъ, что Степановъ хорошо владѣетъ перомъ, поручалъ ему писать отвѣты на поздравительныя оды, которыя присылались во множествѣ въ главную квартиру. Довольный трудомъ Степанова, фельдмаршалъ называлъ его «своимъ юнымъ Демосѳеномъ». Въ какомъ-то городѣ, гдѣ была назначена торжественная раздача орденовъ, Суворовъ поручилъ прапорщику Степанову написать слова на польскій, которыя и были пропѣты военными пѣвчими, при собраніи отборнаго итальянскаго общества. Во время раздачи наградъ, великій полководецъ подозвалъ къ себѣ Степанова, надѣлъ ему крестъ ордена Іоанна Іерусалимскаго и, обратясь къ дамамъ, вскричалъ, указывая на юношу: «eccolo il nostro piccolo Demosthenol» (вотъ онъ, нашъ крошечный Демосѳенъ!)

Изъ Швейцаріи Степановъ, уже поручикомъ, былъ отправленъ въ свитѣ князя Горчакова къ баварскому королю просить его разрѣшенія размѣстить въ королевствѣ на отдыхъ войска, измученныя переходомъ черезъ горы. Скорое затѣмъ окончаніе похода въ Италію прекратило быстрые успѣхи Александра Петровича по службѣ. Возвратившись въ Россію, Степановъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералу Быкову, шефу Старооскольскаго пѣхотнаго полка. Здѣсь молодой поручикъ страстно влюбился въ 15-тилѣтнюю дочь своего начальника, Катерину Ѳедосѣевну, бравшую у него уроки итальянскаго языка. 18-тилѣтній Степановъ рѣшился написать объ этомъ своей матери, прося у нея благословенія, въ которомъ мать ему рѣшительно отказала, зная, что генералъ Быковъ не имѣетъ никакого состоянія. Отецъ Катерины Ѳедосѣевны точно такими же глазами посмотрѣлъ на это дѣло; но послѣ отказовъ Александръ Петровичъ рѣшилъ обвѣнчаться безъ согласія родителей. Въ одинъ прекрасный вечеръ, возвратившись изъ церкви, молодые нашли генерала за партіей бостона, упали, какъ водится, ему въ ноги и просили благословить ихъ. Генералъ благословилъ новобрачныхъ, потребовалъ шампанскаго и спокойно продолжалъ игру. Но мать Александра Петровича запретила ему показываться на глаза, отказавъ во всякой помощи. Степановъ, будучи 20 лѣтъ, вышелъ въ отставку, отправился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ министерство юстиціи. Министромъ былъ тогда И. И. Дмитріевъ, извѣстный поэтъ и другъ Карамзина. Онъ отличилъ Степанова и представилъ его, какъ поэта, Державину. У Степанова пошли дѣти, а средства его были ничтожны и положеніе его становилось невыносимымъ; но, наконецъ, мать смягчилась, потребовавъ, однако, чтобы сынъ перешелъ на службу въ Калугу. Александръ Петровичъ исполнилъ желаніе матери, получилъ мѣсто прокурора, купилъ въ Калугѣ домъ и зажилъ спокойно и весело. Пелагея Степановна простила сына, но до самой смерти оставалась холодна къ невѣсткѣ.

Остроумный, веселый и любезный въ обществѣ, Александръ Петровичъ былъ уважаемъ и любимъ всѣми. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ купилъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ село Ловать съ деревнями за 20.000 р. асс. Но такъ какъ денегъ у него не было, а материнскаго капитала тоже не хватало, то Александръ Петровичъ рѣшилъ обратиться къ жившему въ Калугѣ старику князю Черкасскому, мизантропу и чудаку, ибо у него водились большія деньги. Разсчетъ на успѣхъ былъ плохой, но, къ общему удивленію, князь далъ Александру Петровичу просимую сумму съ радушной готовностью. Такъ его всѣ любили. Управленіе этимъ имѣніемъ взяла на себя мать Александра Петровича.

Наступилъ 1812 годъ. Александръ Петровичъ опять поступаетъ въ военную службу и отправляется въ главную квартиру русской

арміи, находившейся уже въ Тарутинѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ однимъ изъ бывшихъ своихъ начальниковъ и спутниковъ въ итальянскомъ походѣ, Милорадовичемъ, который охотно вызвался взять его къ себѣ въ адъютанты. Но чинъ коллежскаго совѣтника не позволилъ занять ему это мѣсто и потому онъ поступилъ по особымъ порученіямъ къ сенатору Каверину, на которомъ лежало продовольствіе арміи, а потомъ приведеніе въ порядокъ губерній, опустошенныхъ непріятелемъ. По изгнаніи непріятеля и по устройствѣ дѣлъ въ разоренныхъ мѣстахъ, А. П. Степановъ опять оставилъ службу и поселился въ своемъ имѣніи. Между тѣмъ, дѣти подросли и надо было позаботиться объ ихъ образованіи. Сверхъ того, начатки литературнаго воспитанія, полученные имъ въ университетскомъ пансіонѣ, клонили Александра Петровича къ литературной дѣятельности. Вниманіе Суворова къ его первымъ трудамъ, знакомство съ Державинымъ и Дмитріевымъ, не могли не подѣйствовать на Степанова съ большою силою. Проживая въ деревнѣ, онъ всякое утро проводилъ въ своемъ кабинетѣ, много писалъ стихами и прозою, если же вдохновеніе не приходило, то составлялъ записки по разнымъ предметамъ для преподаванія дѣтямъ. Въ его Ловати составился цѣлый маленькій пансіонъ для дѣтей самого хозяина и нѣсколькихъ мальчиковъ, присланныхъ его друзьями и родственниками. Самъ Александръ Петровичъ съ любовью преподавалъ дѣтямъ уроки географіи, исторіи, русскаго языка и слѣдилъ за уроками другихъ преподавателей.

Образъ жизни А. П. въ имѣніи былъ правиленъ и пріятенъ; хозяиномъ онъ былъ плохимъ, но деньги тратилъ въ изобиліи, съ пользой и удовольствіемъ: онъ построилъ прекрасный домъ, садъ украсилъ рѣдкими растеніями, возвелъ обширныя оранжереи и теплицы. Послѣ обѣда онъ спалъ, принималъ гостей-сосѣдей, занимался съ дѣтьми, а къ ночи часто запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ. Онъ обработывалъ и оканчивалъ поэму «Суворовъ», задуманную и начатую имъ еще въ Калугѣ, сочинялъ мелкія стихотворенія, которыя отсылалъ въ Москву и Петербургъ, гдѣ они и печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Наконецъ, поэма была окончена, отвезена въ Москву, гдѣ и была напечатана. Но ей не посчастливилось: на нее посыпался цѣлый градъ ожесточенныхъ критическихъ нападокъ, что̀ отбило у автора охоту къ дальнѣйшему стихотворству. И критики были правы: въ этомъ сознавался самъ Степановъ въ своемъ «Постояломъ дворѣ», говоря, что онъ только «поэтъ въ душѣ» и что поэтому «не могъ съ успѣхомъ отличаться на аренѣ литературы». Непосредственнаго, творческаго таланта, по справедливому замѣчанію Дружинина, у А. П. было дѣйствительно мало; его повѣсти, романъ «Тайна» и стихотворенія не выдерживаютъ, по выраженію того же Дружинина, даже снисходительной критики и не возвышаются надъ

уровнемъ посредственности, но «Постоялый дворъ» есть творенiе, которое, говоритъ Дружининъ, должно жить въ русской литературѣ. Объ этомъ лучшемъ произведенiи А. П., написанномъ, когда автору было уже болѣе пятидесяти лѣтъ, мы скажемъ ниже.

Пока все вниманiе А. П. было устремлено на литературу, дѣла по имѣнiю шли весьма плохо. А. П. не былъ разсчетливъ, любилъ довольство, хозяйство довѣрялъ управляющимъ, вовсе не наблюдая за ними. Воспитанiе дѣтей стоило большихъ денегъ; приходы съ расходами не сходились, имѣнiе пошло въ казну и частнымъ лицамъ. Дѣти же подростали: старшимъ мальчикамъ было уже по 13 и 12 лѣтъ. А. П. рѣшилъ отдать ихъ въ Московскiй университетскiй пансiонъ,—гдѣ самъ первоначально получилъ образованiе,— и опять поступить на службу.

А. П. Степановъ свезъ сыновей въ Москву, а самъ отправился въ Петербургъ, гдѣ у него были еще многiе прiятели изъ прежнихъ сослуживцевъ: Кушниковъ, князь Кочубей, Милорадовичъ. По ихъ ходатайству, онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника и мѣсто губернатора въ открывавшейся тогда Енисейской губернiи. Въ 1822 году, Степановъ отправился съ семьей, кромѣ двухъ старшихъ сыновей [1]), въ Сибирь.

Принимая новую должность, А. П. сознавалъ, что его дѣятельности открывается новое, обширное поприще. Онъ страстно полюбилъ ввѣренную его заботамъ страну и пользовался въ ней общимъ уваженiемъ. Онъ находилъ время нѣсколько разъ объѣзжать свою безграничную губернiю—къ сѣверу до Туруханска, и на югъ до китайской границы, представляя отчеты о своихъ объѣздахъ государю, который постоянно оставался ими доволенъ. Отчеты Степанова были замѣчательны по живости, занимательности изложенiя, обилiю новыхъ фактовъ; въ нихъ А. П. былъ, по выраженiю Дружинина, поэтомъ на столько же, на сколько онъ имъ не былъ въ «Суворовѣ» и мелкихъ своихъ стихотворенiяхъ. Его картины природы живы и вѣрны, его подробности о нравахъ населенiя изложены превосходно. Любя естественныя науки, онъ умѣлъ оживлять свѣдѣнiя о произведенiяхъ и природѣ края, — антикварiй и любитель археологiи, онъ толковалъ о народной старинѣ, о народныхъ преданiяхъ, какъ о своемъ любимомъ предметѣ. Стоитъ только прочитать одну главу изъ «Описанiя Енисейской губерiи», чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго.

Главныя занятiя А. П. Степанова по устройству края сосредоточивались въ Красноярскѣ, возведенномъ въ губернскiй городъ. Въ немъ онъ поселился съ особенною радостью, такъ какъ мѣсто приходилось ему по сердцу; климатъ оказался отличнымъ и здоровымъ.

---

[1]) Петра Александровича, нынѣ генерала-отъ-инфантерiи, царскосельскаго коменданта, и Николая Александровича, нашего карикатуриста. Старшимъ изъ нихъ былъ П. А.

При Степановѣ Красноярскъ сдѣлался настоящею столицею богатой губерніи. Поселеніе ссыльныхъ, устройство училищъ, заведеніе хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, устройство приказа общественнаго призрѣнія, многочисленныя мѣры, касающіяся бродячихъ народовъ округа, — вотъ малая часть занятій А. П. Среди трудовъ и хлопотъ по управленію губерніей, Степановъ находилъ время и для литературныхъ занятій. Такъ, подъ его руководствомъ былъ составленъ и напечатанъ «Енисейскій Альманахъ», обратившій на себя особенное вниманіе цѣнителей даже въ ту пору, столь обильную альманахами. Онъ вышелъ въ свѣтъ въ 1826 году, и одною изъ лучшихъ статей въ немъ была статья А. П., до сихъ поръ еще замѣчательная какъ по занимательности предмета, такъ и по изяществу изложенія. Это «Поѣздка въ китайскій городъ Маймачень», впослѣдствіи изданная въ 1838 году, въ Петербургѣ, при собраніи мелкихъ повѣстей А. П. Степанова.

Служба А. П. въ Енисейской губерніи продолжалась болѣе девяти лѣтъ (т. е. до 1832 года), послѣ чего онъ покинулъ свой губернаторскій постъ и уѣхалъ въ имѣніе своей матери—Троицкое, куда призывали его и семейныя дѣла. Въ 1825 году А. П. лишился жены; почти одновременно, умерла и его мать. Старшіе сыновья А. П., уже начавшіе свою службу, требовали поддержки, тогда какъ слѣдовало еще заниматься воспитаніемъ младшихъ сиротъ. Мать Степанова, умирая, завѣщала имѣніе своимъ внукамъ, такъ что съ одной стороны А. П. былъ успокоенъ, но зато его собственныя имѣнія были проданы съ аукціона во время его отсутствія. Дѣла по хозяйству пришли въ такое положеніе, что нельзя было и думать о выкупѣ потерянныхъ имѣній, слѣдовало лишь позаботиться о томъ, чтобы дѣти не остались безъ куска хлѣба. Положеніе свое около 1832 года А. П. съ полной откровенностью передаетъ, говоря о семейныхъ дѣлахъ своего героя Горянова, во введеніи къ роману «Постоялый дворъ».

«Горяновъ,—говоритъ онъ,—видѣлъ много бѣдъ въ жизни своей, прошелъ черезъ большія испытанія. Онъ предавался страстямъ пылкимъ и безпеченъ былъ къ собственнымъ выгодамъ. Онъ женился рано; лишился жены, имѣлъ до десяти прекрасныхъ дѣтей, которымъ его мать укрѣпила небольшое имѣніе. Его собственное подверглось, по частнымъ долгамъ, публичной продажѣ во время службы, которую продолжалъ онъ въ отдаленнѣйшихъ концахъ имперіи. Не желая стѣснять дѣтей своихъ, онъ удержалъ для себя изъ остатковъ богатаго состоянія не болѣе пяти тысячъ рублей, и всѣ ихъ употребилъ на заведеніе постоялаго двора, на одной изъ губернскихъ дорогъ, пролегающихъ къ Москвѣ, въ двухъ стахъ верстахъ отъ столицы».

Эти слова буквально вѣрны, за исключеніемъ постоялаго двора... А. П. тихо проживалъ въ селѣ Троицкомъ, философски покоряясь житейской невзгодѣ и снова обращаясь къ своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ: онъ доканчивалъ свой романъ и «Опи-

саніе Енисейской губерніи». До осени 1834 года авторъ «Постоялаго двора» прожилъ въ селѣ Троицкомъ, съ наступленіемъ же слѣдующаго года онъ переѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ тогда же были изданы «Описаніе Енисейской губерніи» и «Постоялый дворъ». Первый трудъ, изданный въ двухъ томахъ, былъ поднесенъ императору Николаю Павловичу, который наградилъ автора подаркомъ по чину и пожаловалъ 10.000 рублей ассигнаціями на издержки изданія.

Успѣхъ «Постоялаго двора» былъ весьма значителенъ: онъ былъ встрѣченъ общими похвалами. Но не смотря на все это, дѣла А. П. не только не пришли въ хорошее положеніе, а напротивъ того, запутались еще болѣе. Старшіе сыновья нуждались въ поддержкѣ, за трехъ младшихъ приходилось платить въ пансіонъ, младшій сынъ оставался еще въ Троицкомъ, двѣ дочери воспитывались въ казенныхъ заведеніяхъ. Однако, А. П. не роп талъ на свою судьбу и радовался, что могъ часто видѣться съ нѣжно-любимыми дѣтьми. Онъ возобновилъ столичныя знакомства, вступилъ въ число сотрудниковъ «Библіотеки для Чтенія» и сблизился съ О. И. Сенковскимъ, ея редакторомъ. Въ 1836 году Степановъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Саратовъ, но занималъ этотъ постъ весьма недолго, послѣ чего, благодаря высокому покровительству государя, былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ сохраненіемъ содержанія.

Грустнымъ и больнымъ старикомъ вернулся авторъ «Постоялаго двора» въ Петербургъ, лѣтомъ 1837 года. Сношенія съ «Библіотекой для Чтенія» продолжались и во время этого послѣдняго пребыванія нашего автора въ Петербургѣ. За время своей журнальной дѣятельности, т. е. съ 1835 года, А. П. помѣстилъ въ «Библіотекѣ» рядъ повѣстей и разсказовъ, имѣвшихъ среди публики успѣхъ, благодаря лежащей въ основѣ каждаго его произведенія умной мысли, бойкости въ разсказѣ, эфектности и внѣшней занимательности сюжета. Но ни эти повѣсти, ни изданный отдѣльно романъ «Тайна», ничего не прибавляютъ къ литературной репутаціи А. П. Степанова.

Въ концѣ 1837 года крѣпкое здоровье А. П. наконецъ подломилось подъ гнетомъ тревогъ и недуговъ. Хроническое воспаленіе печени, начавшееся весьма давно, достигло крайнихъ предѣловъ и свело его въ могилу.

25-го ноября, рано утромъ, авторъ «Постоялаго двора» скончался тихо и безболѣзненно въ кругу дорогихъ для него людей. Тѣло его отпѣли въ Троицкомъ соборѣ и перевезли въ село Троицкое, гдѣ оно и погребено.

Полу-романъ, полу-автобіографія «Постоялый дворъ», по словамъ Дружинина, можетъ показаться съ современной точки зрѣнія произведеніемъ, не имѣющимъ художественнаго значенія, проникну-

тымъ дидактикой старыхъ годовъ, съ которой теперь трудно мириться; однако, при болѣе внимательномъ отношеніи, въ немъ открывается много «поэзіи тихаго преклоннаго возраста». Помимо своего автобіографическаго значенія, «Постоялый дворъ» представляетъ еще интересъ, какъ весьма поэтическое воспроизведеніе свѣтлой стороны русской помѣщичьей жизни за старое время. По словамъ того же Дружинина, въ этомъ лучшемъ произведеніи Степанова сосредоточились въ оригинально-художественномъ видѣ всѣ мысли, всѣ страсти, всѣ стремленія, всѣ радости, всѣ мечтанія, даже фантазіи и причуды людей стараго вѣка Мы не будемъ останавливаться на изложеніи содержанія «Постоялаго двора»: для современныхъ читателей это мало интересно; желающихъ же ближе познакомиться съ этимъ произведеніемъ мы отсылаемъ къ вышеномянутой обстоятельной статьѣ Дружинина въ «Библіотекѣ для Чтенія».

II.

Н. А. Степановъ родился 21 апрѣля 1807 года, въ городѣ Калугѣ, гдѣ въ то время служилъ его отецъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома, причемъ русскій языкъ и географію преподавалъ ему самъ Алек. Петровичъ. Въ дѣтствѣ Н. А. былъ ребенкомъ тихимъ и скромнымъ, въ ученьи не особенно бойкимъ; но и тогда уже въ немъ сказывались юмористическія способности, наклонность къ карикатурѣ близкихъ знакомыхъ въ лицахъ и вообще любовь къ рисованью. Хотя, какъ говоритъ Петръ Алек. въ curriculum vitae своего брата, дѣти въ деревнѣ и не учились рисованью, но, по любви отца ко всему изящному, у него въ домѣ почти всегда проживалъ какой-нибудь бѣдный, но ученый живописецъ. Поэтому съ младенчества дѣти усвоили себѣ вѣрность рисунка, стараясь соблюдать его въ своихъ дѣтскихъ упражненіяхъ. Систематической же живописной школы талантъ Ник. Ал. никогда не видалъ.

Въ 1821 году, т. е. на четырнадцатомъ году, Н. А., вмѣстѣ съ своимъ братомъ Петромъ Ал., поступилъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ, гдѣ слушалъ лекціи Мерзлякова, Павлова, Перевощикова, Давыдова и прочихъ тогдашнихъ профессоровъ. На будущемъ карикатуристѣ, какъ и на многихъ другихъ, отразилось господствовавшее въ пансіонѣ литературное направленіе, которое поддерживалъ преподаватель русской словесности, небезъизвѣстный въ свое время писатель Раичъ, издатель журнала «Галатея» и переводчикъ «Освобожденнаго Іерусалима» Тассо. Стихотворствомъ былъ зараженъ весь пансіонъ; многіе писали стихи и не безъ успѣха, въ томъ числѣ и Н. А. Степановъ, снискавшій на первыхъ же порахъ одобреніе Раича. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ стихотворенія Н. А. печатались въ разныхъ повременныхъ

изданіяхъ, они довольно звучны и красивы, свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ литературномъ дарованіи, но очевидно не въ нихъ была сила, не поэзія была призваніемъ Степанова, а карикатура. Тѣмъ не менѣе страсть къ стихамъ не оставляла Н. А. до глубокой старости. Такъ, уже на склонѣ лѣтъ, въ основанномъ имъ «Будильникѣ» онъ помѣщалъ свои стихотворенія, подписываясь: **Маркизъ Фру-Фру**. Въ портфелѣ Н. А. Степанова, бывшемъ въ рукахъ г. Старчевскаго, сохранились двѣ довольно объемистыя переплетенныя тетради, въ которыхъ собраны всѣ его стихотворенія, переписанныя имъ собственноручно; изъ этого собранія мы приведемъ нѣсколько выдѣляющихся изъ массы остальныхъ и заслуживающихъ вниманія для характеристики стихотворныхъ опытовъ нашего карикатуриста.

Къ другу.

(Отрывокъ).

«Другъ зоветъ?—Стремися къ другу,
«Но не спрашивай зачѣмъ,
«И, готовясь на услугу,
«Будь довѣрчивъ, слѣпъ и нѣмъ».

«Нужны жертвы?—Дай ихъ другу.
«Жизнь?—умри; совѣтъ?—подай,
«И, готовый на услугу,
«Предъ грозой не отступай».

«Кончивъ подвигъ благородный,
«Жди отъ міра клеветы;
«Знай: въ устахъ молвы народной
«Блекнутъ райскіе цвѣты».

Тревога души.

«Надъ лѣсомъ дремучимъ, надъ свѣтлой рѣкой
«Раскинулись тучи, какъ сѣти,
«Рѣка почернѣла, а чада вѣковъ,
«Завидя на небѣ пріюты громовъ,
«Поникли, какъ робкіе дѣти».

«Взыграютъ перуны—и горе землѣ!
«Не даромъ предчувствія полонъ,
«Глубоко подъ сводами каменныхъ плитъ
«И крылья, и клювъ опустивши, сидитъ
«Грозою напуганный воронъ».

«Носитель и смерти, и думъ, и заботъ,
«Безжалостно жертвы отмѣтитъ;
«Но въ память ихъ съ неба слеза не падетъ.
«Разсѣются тучи—и солнце съ высотъ
«Улыбкою гробы освѣтитъ».

«Кто опытомъ очи души изострилъ,
«Тотъ въ будущемъ видитъ далеко:
«Заранѣ предъ бурей тоскуетъ она,
«Невѣдая, чѣмъ разрѣшиться должна
«Посланница грознаго рока.»

«Смерть легче утраты, но душу о ней
«Печальная дума туманитъ:
«Умрешь ты, исчезнувъ безслѣдно, какъ дымъ;
«И, прежде чѣмъ прахъ твой остынетъ, надъ нимъ
«Беспечная радость проглянетъ».

Вотъ, наконецъ, нѣсколько строфъ изъ стихотворенія «Стонъ труженника» (мы не приводимъ всего, ибо оно довольно растянуто, какъ и многія стихотворенія Степанова):

«Жизнь безъ цѣли—не жизнь.—Люди! всѣмъ я вамъ чуждъ;
«Я трава опаленная зноемъ:
«Мнѣ давно бы пора отъ заботы и нуждъ
«Отдѣлиться могильнымъ покоемъ».

«Я желалъ бы заснуть, чтобъ печали меня
«Не будили надгробною пѣснью,
«И входили ко мнѣ прежде Божьяго дня
«Съ изнуренной сестрою—болѣзнью.

«Я желалъ бы заснуть, чтобы стонъ мой людей
«Не тревожилъ изъ кельи досчатой;
«Безъ заботы о томъ, что съ разсвѣтомъ мой путь
«Обозначится новой утратой»...

Нельзя сказать, чтобы приведенныя стихотворенія отличались особенной оригинальностью: въ нихъ нѣтъ ни особенной яркой образности, ни особенной новизны мысли, ни особенной задушевности чувства, нѣтъ, словомъ, того, что можно было бы назвать поэтическимъ талантомъ. Н. А. Степановъ стихомъ владѣлъ довольно прилично, гладко и звучно, но вмѣстѣ съ тѣмъ стихи его ничѣмъ не возвышаются надъ уровнемъ посредственности. Мы выбрали, по нашему мнѣнію, лучшіе, но и въ этихъ лучшихъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. По имѣвшимся въ нашихъ рукахъ стихотворнымъ опытамъ Н. А. Степанова, довольно трудно даже опредѣлить характеръ его поэтической физіономіи; намъ кажется, что ея не было, ибо въ стихахъ нашего карикатуриста очень мало поэзіи. Преобладающимъ настроеніемъ въ большинствѣ стихотвореній является настроеніе довольно мрачное и безотрадное. Извѣстно, кромѣ того, что Н. А. Степановъ писалъ и юмористическія стихотворенія, которыхъ, какъ говоритъ г. Старчевскій, сохранилось до ста. Эти опыты въ 1850 году точно также были переписаны начисто рукой автора, у котораго, вѣроятно, было намѣреніе ихъ напечатать. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ объ этихъ стихахъ никакого поня-

тія, ибо приводимый г. Старческимъ образчикъ совершенно безцвѣтенъ и выписывать его было бы оскорбительно для памяти нашего талантливаго карикатуриста.

Въ 1826 году, Ник. Алек. былъ выпущенъ изъ пансіона съ чиномъ двѣнадцатаго класса и въ слѣдующемъ году отправился на службу въ Сибирь, въ главное управленіе Восточной Сибири, съ откомандированіемъ въ Красноярскъ, гдѣ отецъ его былъ губернаторомъ. Прослужа тамъ пять лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ отцомъ въ 1832 году возвратился въ свое родовое имѣніе, село Троицкое. На службѣ въ Сибири, — говоритъ его братъ, — «началъ обозначаться его живописный талантъ. Безъ руководства и ученья, можно сказать инстинктивно, рисовалъ онъ такъ, что въ каждой неправильной чертѣ, въ каждомъ невѣжественномъ ударѣ кисти, виденъ былъ самобытный духъ искусства въ немъ живущій». Въ Сибири же Ник. Алек. принималъ участіе въ изданіи «Енисейскаго альманаха», а вскорѣ послѣ того затѣвалъ уже сатирико - карикатурный журналъ, проектъ котораго, въ видѣ пробнаго листа, сохранился въ портфелѣ Ник. Алек., озаглавленный: «Минусинскій раскрыватель» 1828 г. генварь, № 1. Это — праотецъ нашихъ нынѣшнихъ карикатурныхъ листковъ. Проектъ Степанова осуществился значительно позже въ «Искрѣ».

Графъ Сологубъ.

Въ 1833 году, Ник. Алек., вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Петромъ Алек., отправился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ департаментъ государственнаго казначейства. Прослуживъ здѣсь до 1836 года, Ник. Алек. перешелъ-было въ томъ же году къ своему отцу, назначенному губернаторомъ въ Саратовъ, чиновникомъ особыхъ порученій, но вскорѣ опять вернулся на прежнюю службу. Въ началѣ 30-хъ годовъ, въ Ник. Алек. видимо серьезно началъ

сказываться его карикатурный талантъ. По словамъ одного изъ сослуживцевъ Степанова по казначейству, Ник. Алек. упражнялся въ рисованіи карикатуръ на своихъ сослуживцевъ для самого себя; карикатуры эти ходили по рукамъ его близкихъ знакомыхъ и друзей, и приводили однихъ въ неописанный восторгъ, другихъ въ страхъ, какъ бы самимъ не попасть подъ его игривый карандашъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ его братъ. «Въ 1832 г. Ник. Алек. пріѣхалъ въ Троицкое съ Александромъ Петровичемъ, и здѣсь нашелъ брата и товарища своего Петра. Съ этихъ поръ братья опять надолго зажили вмѣстѣ. Большую часть времени они посвящали рисованью; у Петра выходило все смазано и стушевано; у Николая подъ бойкими чертами всегда проглядывалъ талантъ. Молодые люди вмѣстѣ ѣздили къ помѣщикамъ и рисовали ихъ карикатуры. Оба росписали стѣны своихъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ: Петръ разными предметами, Николай фигурами, между прочимъ изображеніемъ дѣда Руфа Семеновича, во весь ростъ, въ полномъ масонскомъ одѣяніи. Лѣтомъ, въ томъ же году, Николай сопутствовалъ въ Москву Петру, который поѣхалъ туда для пользованія отъ раны искусственными минеральными водами... Посѣтители минеральныхъ водъ привлекли на себя насмѣшливые глаза братьевъ. Ник. Алек. придумалъ нарисовать на длиннѣйшемъ листѣ всѣ эти забавныя фигуры. Вѣсть о томъ разнеслась по Москвѣ, и карикатуры сдѣлались до того модными, что даже лица, служившія моделями, жадно хотѣли увидѣть свое изображеніе» [1]).

Поэтъ Губеръ.

Душа моя—печальная могила,
И много въ ней холодныхъ мертвецовъ.

[1]) У Петра Александровича сохранилось много неизданныхъ карикатуръ его брата и особенно карикатуръ литературныхъ, которыхъ Ник. Алек. нарисовалъ цѣлую серію. Нѣкоторыя изъ этихъ карикатуръ (на гр. Сологуба, поэта Губера, Булгарина и К.) воспроизведены въ настоящей главѣ, другія появятся въ слѣдующихъ главахъ.

По возвращеніи изъ Саратова, Ник. Алек., снова поступивъ на службу въ казначейство, поселился въ Петербургѣ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Петр. Алек. «Комнату свою,—разсказываетъ Петръ Алек.,— Николай убралъ особеннымъ образомъ: всю сверху до низу разбилъ на квадраты въ аршинъ, раскрасилъ шахматами коричневой и блѣдно-желтой краской и въ каждомъ квадратѣ яркими красками нарисовалъ разныя уродства въ родѣ тѣхъ, которыя часто встрѣчаются въ французскихъ книжечкахъ. Два яруса шахматъ заняты

Булгаринъ.

— Вотъ и покойный другъ мой, лордъ Байронъ, имѣлъ слабость заниматься своею наружностью.

— Въ этомъ отношеніи и вы не отстали отъ вашего друга, потому что также считаете себя красивымъ мужчиной.

были карикатурами знакомыхъ и разныхъ извѣстностей, напримѣръ: Полевого, Краевскаго, Сенковскаго, Булгарина, Андрея Муравьева, гуляющаго по несвятымъ мѣстамъ, поэта Якубовича, и проч. Въ иныхъ квадратахъ были нарисованы цѣлыя сцены, какъ напримѣръ: бой между сей (Полевой) и этотъ (Сенковскій), пляска литераторовъ въ присядку на обѣдѣ у Жукова по случаю открытія табачной фабрики. Въ третьихъ, наконецъ, квадратахъ были нарисованы разныя фантастическія фигуры и животныя. Изъ молодыхъ людей Николай ближе другихъ сошелся съ В. Ф. Пургольдомъ,

Константинъ Булгаковъ.

Издатель цигары читаетъ свой журналъ, ибо никто другой не хочетъ его читать.

Сергѣемъ Николаевичемъ Муравьевымъ и съ Николаемъ Тиличеевымъ [1]). Частыя свиданія съ Глинкой [2]), Брюловымъ, Кукольникомъ

[1]) На одномъ изъ писемъ Тиличеева къ Степанову, найденномъ г. Старчевскимъ въ портфелѣ послѣдняго, читаемъ: «Хорошій мой пріятель, бывшій моимъ шаферомъ и впослѣдствіи орловскимъ губернаторомъ. Я искренно любилъ его и прощаю за трусость; тогда и всѣ струсили, и дѣло кануло въ Лету— и едва ли не къ лучшему, потому что всѣ мы были бы отправлены, подобно декабристамъ, туда, откуда никто не приходитъ». Къ сожалѣнію, мы нигдѣ болѣе не встрѣтили указаній, о какомъ это «дѣлѣ» могъ говорить Степановъ? Петръ Алек. въ своей запискѣ объ этомъ ничего не упоминаетъ.

[2]) Судя по письмамъ М. И. Глинки къ Степанову, сохранившимся въ портфелѣ послѣдняго, ихъ соединяли весьма дружескія отношенія. Писемъ этихъ мы не приводимъ, ибо въ нихъ ничего интереснаго нѣтъ: это большею частію записки въ нѣсколько строкъ, содержанія совершенно частнаго, такъ сказать «семейнаго», и притомъ пустого.

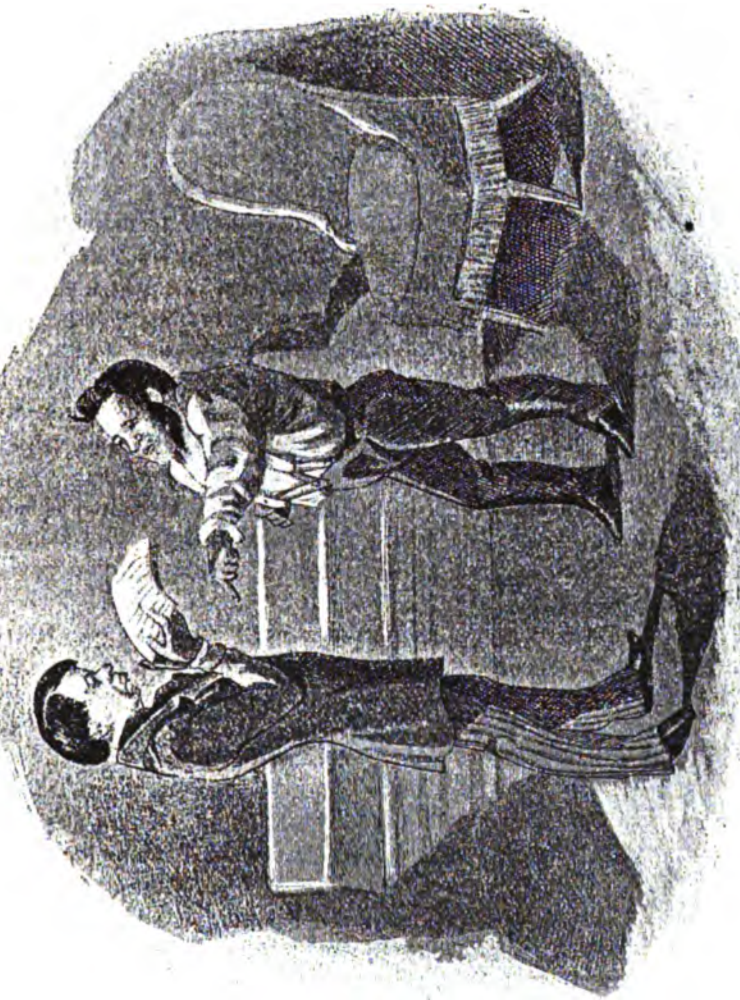
и Яненкой, вызвали изъ-подъ карандаша Николая цѣлый рядъ превосходныхъ и preѣдкихъ карикатуръ. Николай такъ мѣтко подмѣчалъ все смѣшное въ чертахъ человѣка, такъ удачно передавалъ въ забавныхъ очеркахъ весь характеръ, что Брюловъ называлъ его «желчнымъ шкафомъ». Ник. Алек. сознавался, что въ первомъ знакомствѣ съ человѣкомъ онъ искалъ смѣшного въ его лицѣ и во всей его фигурѣ. Кстати о Яненко. Передъ отъѣздомъ въ Сибирь, Александръ Петровичъ, по рекомендаціи гр. Толстого, взялъ съ собою молодаго художника, только-что кончившаго полный академическій курсъ. Я. Ѳ. Яненко числился на службѣ при губернаторѣ и между прочимъ рисовалъ для него все, о чемъ Александръ Петровичъ хотѣлъ сохранить память въ рисункахъ. Яненко влюбился въ гувернантку Надежды Александровны Степановой, англичанку Norman, женился на ней и съ нею уѣхалъ въ Петербургъ. Яненко хорошо учился, хорошо зналъ теорію живописи, былъ у него и талантъ; но лѣнь до того одолѣла, что мало-по-малу искусство окончательно было пожертвовано мамонѣ. Жаль, а человѣкъ былъ добрый, умный и очень занимательный.

«Николай не любилъ обширнаго знакомства, но любилъ такіе дома, гдѣ бы онъ могъ быть на короткой ногѣ, гдѣ бы могъ думать вслухъ и говорить не стѣсняясь. Такимъ домомъ было семейство Даргомыжскихъ. Служба Николая подвигалась неблистательно. Назначили его секретаремъ въ канцеляріи, но онъ больше любилъ поэзію и живопись, чѣмъ сухое дѣлопроизводство; однако же, за всѣмъ тѣмъ, дали орденъ св. Владиміра 4-й степени; въ чины онъ производился по мѣрѣ выслуги лѣтъ (вскорѣ послѣ своей женитьбы въ 1843 г., Н. А. вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника). Въ одну зиму Николай сильно заболѣлъ, у него начала образовываться та же болѣзнь, которою скончался и нашъ отецъ, а именно хроническое воспаленіе печени. Заботливостью докторовъ онъ былъ спасенъ, но послѣдствія болѣзни, т. е. постоянная слабость желудка, остались навсегда. До 1842 года Николай жилъ съ братомъ Петромъ, но въ этомъ году, по случаю производства брата въ полковники въ Измайловскій полкъ, переѣхалъ на особую квартиру... Николай продолжалъ часто посѣщать Даргомыжскихъ, гдѣ особенно нравилось ему общество старшей дочери Софіи [1]), дѣвушки видной собою, умной и доброй. Оригинальный складъ Николая произвелъ и на нее впечатлѣніе. Оба они, сами не зная какъ, освоились до такой степени, что уже имъ другъ безъ друга было не ладно. Николай посватался, родители согласились, и свадьба была назначена осенью... Осенью въ 1843 году свадьбу съиграли..., а 12 сентября слѣдующаго года у Николая родился сынъ Сергій, котораго крестили братъ Петръ и Ма-

[1]) Родной сестры нашего извѣстнаго композитора А. С. Даргомыжскаго.

рія Борисовна Даргомыжская [1]), мать Софіи Сергѣевны.—Николай жилъ въ семьѣ совершенно счастливо и продолжалъ служить въ своемъ департаментѣ, не имѣя никакихъ особыхъ занятій по художественной части».

«Частыя свиданія съ Глинкой, Брюловымъ, Кукольникомъ и Яненко,—говорилъ выше Петръ Александровичъ,—вызвали изъ-



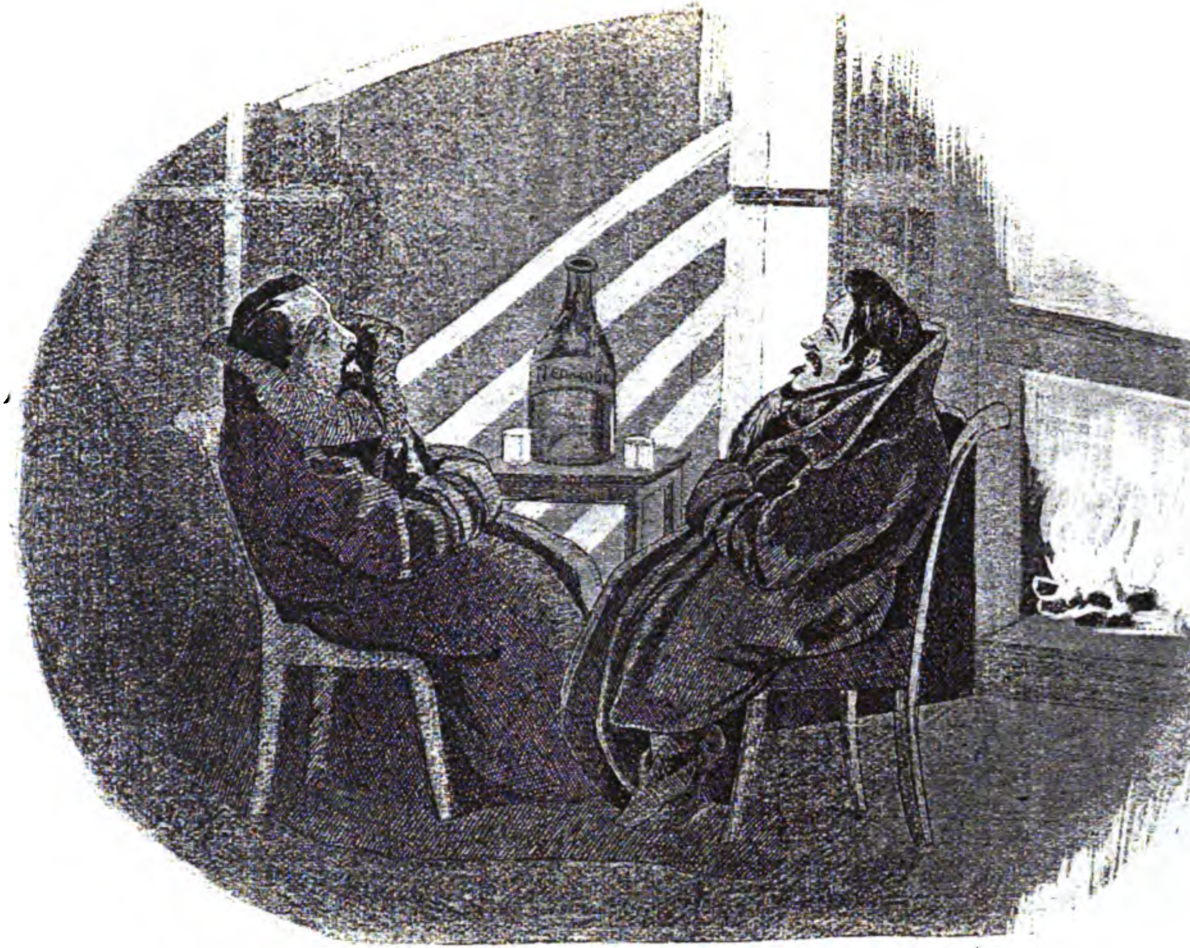
Письмо матери (М. И. Глинка и Н. А. Степановъ).— М. И.: Замѣть эту фразу, Michel, помни, что въ Испаніи мужья ревнивы, а кинжалы остры.

подъ карандаша Николая цѣлый рядъ превосходныхъ и préѣдкихъ карикатуръ». Эти строки, по нашему мнѣнію, должны быть отнесены къ той серіи карикатуръ, изъ которыхъ составился альбомъ, принесенный въ даръ Публичной Библіотекѣ В. П. Энгель-

[1]) Урожденная княжна Козловская, писавшая въ молодости стихи.

гардтомъ. Карикатуры, помѣщенныя въ этомъ альбомѣ (изъ нихъ воспроизведены у насъ четыре карикатуры на М. И. Глинку) рисовались въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, такъ что альбомъ, начатый въ тридцатыхъ годахъ, законченъ, повидимому, въ 1853 и 1854 годахъ, во время Крымской кампаніи, судя по сюжетамъ и пребыванію М. И. Глинки въ Царскомъ Селѣ, на дачѣ у сестры, Людмилы Ивановны Шестаковой. Всѣ карикатуры этого альбома исполнены акварелью и отличаются художественной тщательностью отдѣлки, поразительнымъ портретнымъ сходствомъ изображаемыхъ лицъ, по большей части мѣткостью и остроуміемъ. По сообщенію г. Старчевскаго, Н. А. Степановъ еще въ тридцатыхъ годахъ задумалъ составить альбомъ карикатуръ на Булгарина и М. И. Глинку; но издать такого альбома нельзя было, во-первыхъ, за неимѣніемъ средствъ, подъискать же на него издателя было невозможно: никто не пожелалъ бы навлечь на себя нападки Булгарина. Поэтому альбомъ этотъ впослѣдствіи времени и былъ подаренъ г. Энгельгардту. Н. А. исполнилъ въ этомъ альбомѣ только половину своихъ плановъ: онъ нарисовалъ только серію карикатуръ на Глинку, нѣсколько на другихъ своихъ пріятелей и знакомыхъ, оставивъ въ покоѣ Булгарина, карикатуры на котораго сохранились въ карандашныхъ неоконченныхъ набросках. Три-четыре листа альбома посвящены изображеніямъ (группамъ) Брюллова, братьевъ Кукольниковъ, Яненко, Даргомыжскаго, В. П. Энгельгардта, В. В. Стасова, Сантиса и др.; на пятидесяти же одномъ листѣ фигурируетъ въ разныхъ видахъ М. И. Глинка. Всѣ подписи сдѣланы самимъ Степановымъ.

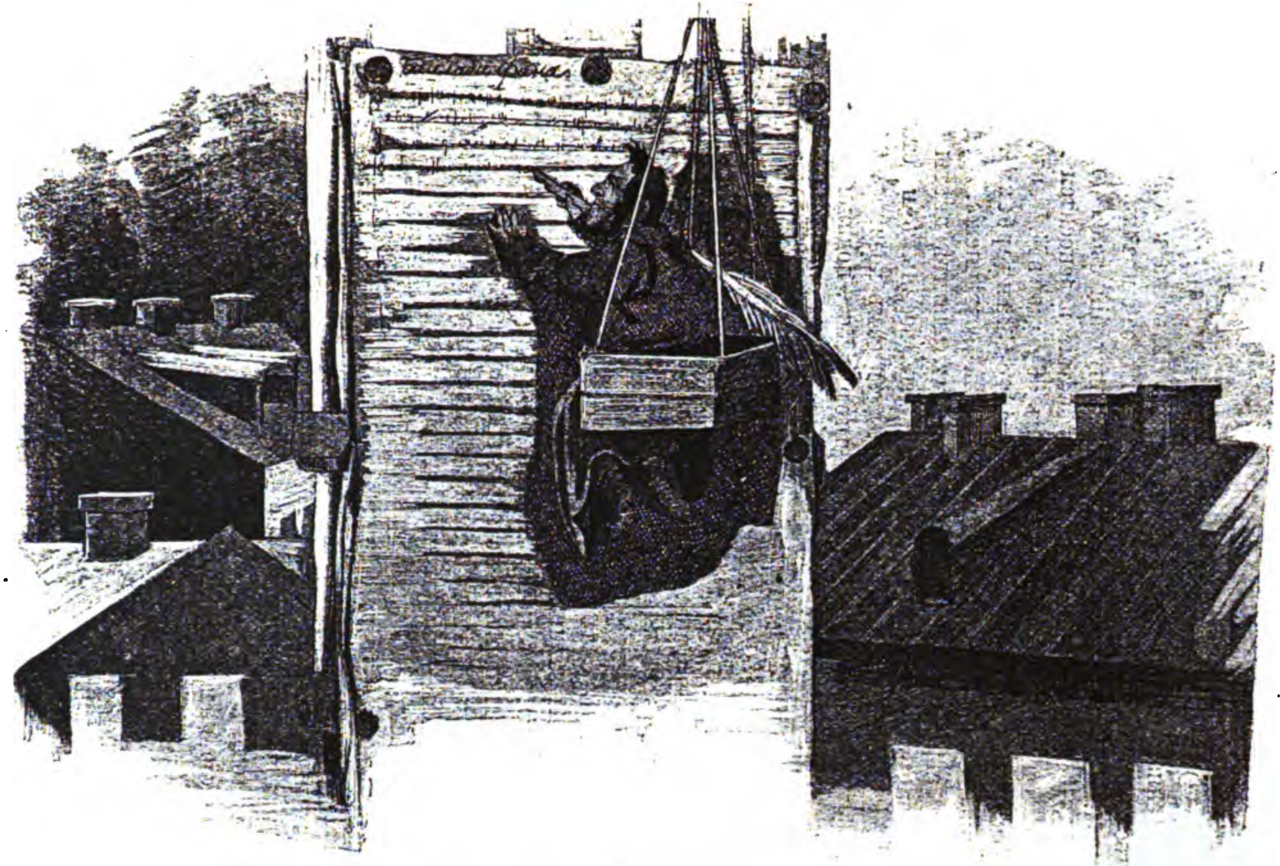
Первая изъ карикатуръ на Глинку, съ подписью: «М. И. дома, страдаетъ...», изображаетъ его лежащимъ на постелѣ, въ синемъ халатѣ; правая нога его голая, а лѣвая подогнута; онъ страдальчески смотритъ въ потолокъ. Далѣе фигурируютъ Глинка и Брюловъ. Подпись:—Б. Объясни по крайней мѣрѣ, чѣмъ ты страдаешь?—М. И. Plexus sollaris шалитъ... Карикатура изображаетъ Брюлова, сидящаго за столомъ и что-то пьющаго, Глинку же въ томъ же синемъ халатѣ, сидящаго къ нему задомъ и бокомъ къ зрителю. Затѣмъ идутъ карикатуры съ слѣдующими заглавіями и подписями: 3) М. И. и вѣрный служитель Яковъ Ульянычъ (Глинка безъ сюртука передъ зеркаломъ, а сзади вдвое выше его Ульянычъ съ сюртукомъ). Подпись: М. И.—Что сказалъ Брюловъ о моемъ портретѣ?.. Да ничего не сказали-съ... Сказали только, что лакейская живопись. 4) Репетиція сцены, какъ М. И. обличитъ невѣрную жену: онъ подкрадется въ резинныхъ калошахъ, вооруженный съ головы до ногъ, откроется потайной фонарь и сверкнутъ два страшные глаза (Глинка съ фонаремъ въ лѣвой рукѣ, съ кинжаломъ въ правой и съ двумя пистолетами за поясомъ позируетъ передъ зеркаломъ). Пятая изображаетъ М. И. идущимъ въ



М. И. Глинка въ Варшавѣ.—М. И. принимаетъ благоразумныя мѣры отъ холеры (въ іюлѣ мѣсяцѣ).

консисторію, а шестая съ подписью—«Digne et calme» представляетъ Глинку во фракѣ, въ обществѣ какихъ-то двухъ миловидныхъ дѣвицъ. Седьмая карикатура носитъ заглавіе: **М. И. съ примѣрнымъ мужествомъ обрекаетъ себя на безсмертіе.** Глинка стоитъ въ рубашкѣ и брюкахъ, а массивный Яненко мажетъ его кистью по лбу; рядомъ съ Яненко какой-то человѣчекъ съ тарелкой; все дѣйствіе происходитъ въ какой-то комнатѣ, на заднемъ планѣ которой стоитъ диванъ, слѣва же отъ зрителя на переднемъ планѣ—большой кувшинъ, и проч. 8) **Неимовѣрныя истязанія М. И. залитаго грудою алебастра.** Глинка лежитъ на диванѣ, вмѣсто головы у него большой комъ съ тремя длинными трубками; справа стоитъ Яненко съ своимъ семействомъ. 9) **Какъ М. И. обѣдаетъ и прохаживается по хересамъ.** За столомъ сидятъ—справа Глинка, противъ зрителя двѣ какихъ-то дѣвицы, слѣва двое мужчинъ, изъ коихъ одинъ В. П. Энгельгардтъ. 10) **Какъ наканифоленный М. И. приводитъ въ неистовый восторгъ своимъ пѣніемъ.** Глинка играетъ на роялѣ и поетъ, повернувъ голову влѣво (къ зрителю), по бокамъ двѣ какихъ-то слушательницы, сзади всплескиваетъ руками, повидимому отъ восторга, г. Энгельгардъ. 11) **Обычный послѣобѣденный parti.** Глинка и Энгельгардъ гуляютъ; первый идетъ, вытягиваясь на носочкахъ, второй, по своей вышинѣ, пригибается въ колѣняхъ. 12) **М. И. въ своей оперѣ вызываетъ автора.** Пустой театръ, и въ первомъ ряду сидитъ одинъ апплодирующій Глинка. На тринадцатой карикатурѣ, называемой «**М. И. недовольный публикой**», изображено одно изъ собраній «братіи»: за столомъ сидятъ Глинка, Яненко, Кукольникъ и кто-то еще четвертый; четырнадцатая же карикатура носитъ заглавіе: «**Претендентки на руку и сердце М. И.**», узнавъ о благополучномъ окончаніи бракоразводнаго дѣла, являются съ законными требованіями, а М. И., пораженный паническимъ страхомъ, рѣшается спастись бѣгствомъ въ Испанію. Пятнадцатая, носящая заглавіе «Письмо матери», воспроизведена на страницахъ нашего журнала, а шестнадцатая изображаетъ встрѣчу М. И. съ Донъ-Педро подъ роскошнымъ небомъ Андалузіи.

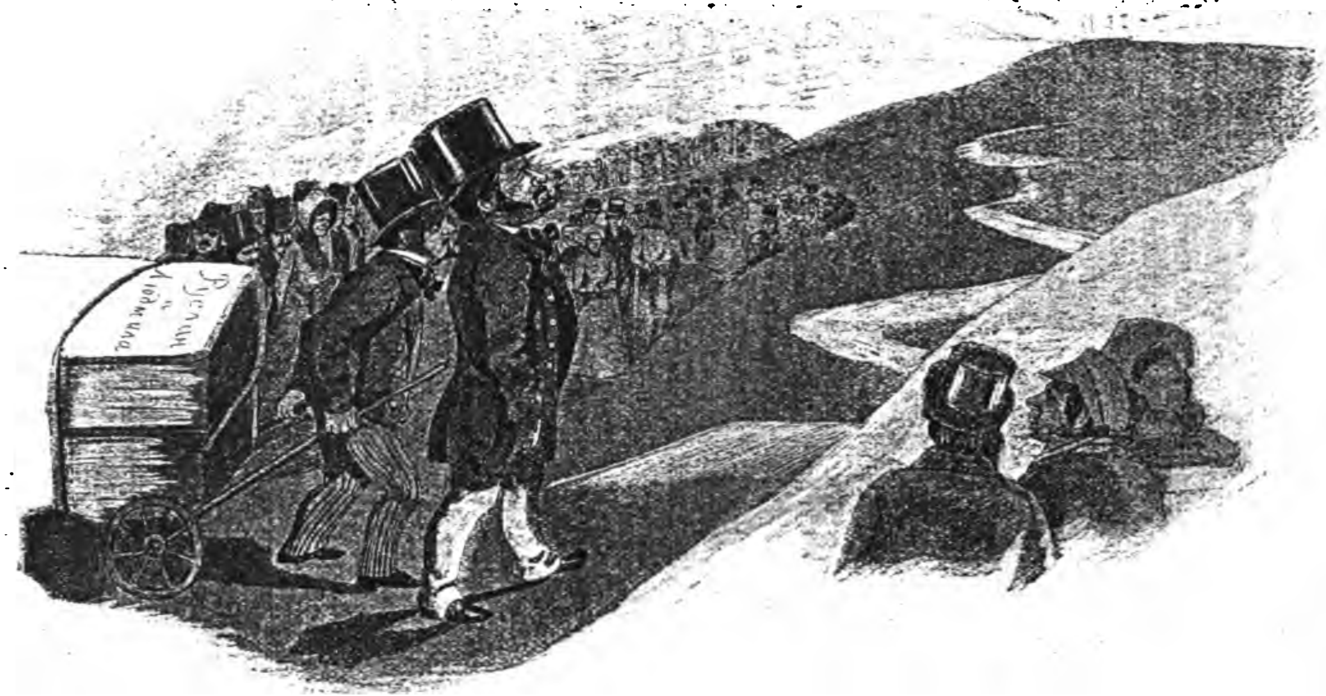
Далѣе нѣсколько карикатуръ посвящены приключеніямъ Глинки въ Испаніи. Такъ, семнадцатая изображаетъ «**Неистовую пляску М. И.**»: танцуютъ какой-то дикій танецъ дѣвица съ кастаньетами, Глинка и Don Pedro Nolasco Fernandez Sendino; въ восемнадцатой Глинка поетъ передъ домомъ арію, подъигрывая себѣ на гитарѣ. Подпись: «Съ гитарой и шпагой я здѣсь подъ окномъ!»; девятнацатая озаглавлена: мужъ Инезильи, обезпокоенный безвременнымъ пѣніемъ, приказалъ оттащить крикуновъ подальше отъ дому. Причемъ какой-то синьоръ тащитъ Глинку подъ мышкой, а Донъ-Педро держитъ на вѣсу за шиворотъ. Въ одной изъ слѣдующихъ каррикатуръ (21-й) изображается наконецъ бѣгство М. И. изъ Испа-



М. И. Глинка пишетъ партитуру оперы.

нія въ Варшаву на ослѣ, и затѣмъ три карикатуры посвящены пребыванію въ Варшавѣ. Съ 22-й читатели уже познакомились по помѣщенному па сихъ страницахъ снимку (М. П. принимаетъ благоразумныя мѣры отъ холеры), а 23-я озаглавлена: «Эпоха идиллической жизни М. И.» и изображаетъ влюбленнаго Глинку развѣшивающимъ бѣлье на какомъ-то дворѣ вмѣстѣ съ прачкой; 24-я, наконецъ, мать сей прачки, требующую отъ М. И. поправленія испорченной репутаціи своей дочери.

Съ двадцать пятой карикатуры дѣйствіе переносится въ Петербургъ, и на первыхъ порахъ мы видимъ «Тріумфъ М. И. въ домѣ потомка знаменитаго князя Кастріото-Скандербека». Глинку, сидящаго на креслѣ, поставленномъ на возвышеніе, Педро вѣнчаетъ лавровымъ вѣнкомъ; на подмостки летятъ цвѣты и букеты, а кругомъ кричащая толпа дѣвицъ, военныхъ и статскихъ; справа (отъ зрителя), за роялемъ сидитъ самъ хозяинъ. 26-я отличается лаконизмомъ: заглавіе—«Соперники», подпись—«Какова» (М. И. показываетъ своимъ соперникамъ задницу). На 27-й, тоже воспроизведенной въ нашей статьѣ, Глинка изображенъ пишущимъ партитуру «Руслана и Людмилы» (балладу финна). 28) Спойте намъ что-нибудь изъ вашей оперы «Жизнь за царя».—М. И. Что вамъ угодно?—«Спойте, Боже, Царя храни!»—Комната, рояль, Глинка и двѣ дѣвицы: одна правой рукой взяла его подъ-ручку, другая en face къ зрителю держитъ его за руку. 29) Любимый танецъ М. И. «Заинка»—изображенъ заяцъ съ головой Глинки, танцующій на заднихъ лапахъ. 30) М. И. испаряется—нарисована бутылка, изъ которой почти совсѣмъ вылѣзъ Глинка, кругомъ клубятся пары, а въ горлышкѣ виднѣется еще кто-то другой. 31) Такъ М. И. во время оно предводительствовалъ придворными пѣвчими:—изображенъ Глинка въ пѣвческомъ кафтанѣ съ поднятымъ камертономъ въ правой рукѣ, а сзади за нимъ изъ дверей выходящая толпа пѣвчихъ. На слѣдующей карикатурѣ нарисована какая-то диковинная и чудовищная «віолончель духовыхъ инструментовъ, изобрѣтенная М. И.», а на 33-й маленькій Глинка везетъ огромнаго Яненко, причемъ подпись гласитъ: «Везу не силою, а ухищреніемъ злобы». 34) М. И. дѣлаетъ венгерскую кампанію. Подпись: «И въ битвахъ жизни былъ не разъ». Вдали изображено сраженіе, сшибается конница, дымъ и пыль вьются клубами; на переднемъ планѣ небольшой дощатый заборъ, за которымъ присѣли на корточкахъ Глинка и Педро. Въ 35-й карикатурѣ М. И. бросаетъ музыку и начинаетъ ходить въ рисовальную школу, а въ 36-й М. И. изображенъ изучающимъ восточную музыку. Представлена аравійская пустыня, по коей шествуетъ Глинка съ тростью въ восточномъ костюмѣ и чалмѣ, а сзади него тащится навьюченный Педро.



М. И. Глинка идетъ въ потомство, не ломая шапки передъ современниками.

На слѣдующихъ листахъ Глинка то проводитъ ночь въ гаремѣ и производитъ тамъ землетрясеніе, то пируетъ въ компаніи съ Даргомыжскимъ и другими, то не хочетъ войти въ чью-то комнату, потому что чувствуетъ въ ней присутствіе металлическихъ красокъ, то онъ изображенъ идущимъ въ потомство, не ломая шапки передъ современниками (эта каррикатура послѣдняя изъ взятыхъ нами изъ альбома г. Энгельгадта). 41-я имѣетъ подпись: «Не прикажете ли нектару?—Не пью, а попрошу у васъ портвейну» и изображаетъ Глинку на Олимпѣ, въ храмѣ славы, на облакахъ, нагаго, съ лирой въ рукахъ, въ вѣнкѣ, и мальчика съ кувшиномъ, олимпійскаго служителя. На слѣдующихъ двухъ карикатурахъ Глинка изображенъ танцующимъ въ присядку съ А. П. Лодіемъ для возбужденія испарины, причемъ присутствуютъ Энгельгардтъ, Вильбоа, Стасовъ и Дубровскій, и слушающимъ, ходя по комнатѣ, какъ тѣ же лица, кромѣ Дубровскаго, котораго замѣняетъ Сѣровъ, истязаютъ на роялѣ въ восемь рукъ мученика Бетховена.

Послѣднія карикатуры—съ 44-й по 50-ю—относятся къ пятидесятымъ годамъ, къ эпохѣ Крымской войны. На первой изъ этой серіи изображены Глинка и Педро въ ополченскихъ мундирахъ, разговаривающими съ группою мужиковъ. Заглавіе: «М. И. уговариваетъ царскосельскихъ мужиковъ идти въ милицію». Подпись: «Мужикъ. Экой балагуръ! а ты, баринъ, пойдешь съ нами?—М. И. Нѣтъ, друзья мои, я останусь для защиты Царскаго Села».—На 45-й М. И. принимаетъ царскосельскихъ дамъ за англійскихъ мародеровъ и обращается въ бѣгство; на 46, 47, 48 и 49—Глинка изображается то въ плѣну у Наполеона, то спасающимся на суднѣ у береговъ Франціи, то въ плѣну у Непира и у Омера-паши. Серія этихъ карикатуръ заканчивается изображеніемъ блистательной переправы М. И. черезъ Дунай. Наконецъ, заключительный и послѣдній листъ въ альбомѣ г. Энгельгардта изображаетъ Глинку совсѣмъ голаго, сидящаго подъ кустомъ на аллеѣ, около дачи, въ кучѣ песку, которымъ онъ себя поливаетъ и который Педро въ тачкѣ подвозитъ къ нему. Подъ этой карикатурой стоитъ подпись: «М. И. лечится въ Царскомъ Селѣ песочными ваннами отъ контузій, полученныхъ въ компаніи пьяныхъ турецкихъ солдатъ».

Таково содержаніе интереснаго альбома степановскихъ карикатуръ на Глинку. Не всѣ онѣ, разумѣется, равно удачны и остроумны, но во многихъ изъ нихъ весьма мѣтко уловлены смѣшныя черты характера великаго композитора и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка, съ свойственными ему слабостями. Мы сочли нужнымъ болѣе подробно познакомить читателя съ содержаніемъ этого альбома потому, что для публики онъ почти недоступенъ, а между тѣмъ заключаетъ въ себѣ недурныя и характерныя иллюстраціи къ нѣкоторымъ страницамъ біографіи геніальнаго творца «Руслана и

Людмилы», столь мало понятаго современной ему публикой, но оцѣненнаго небольшимъ кружкомъ людей, истинно-понимавшихъ музыку. Къ числу послѣднихъ мы относимъ и нашего карикатуриста, понявшаго значеніе Глинки и его «Руслана», и изобразившаго это въ карикатурѣ, хотя и проникнутой ѣдкой ироніей, но полной уваженія къ своему геніальному другу. Мы говоримъ о карикатурѣ, изображающей шествіе Глинки вмѣстѣ съ Педро, везущимъ на телѣжкѣ кипы бумаги съ надписью «Русланъ и Людмила», къ храму славы въ потомствѣ, которое дѣйствительно по достоинству оцѣнило творца своей національной музыки. Этотъ альбомъ составляетъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ явленій въ области русской карикатуры такъ сказать «артистической», въ отличіе отъ карикатуры общественной, которой Степановъ посвятилъ себя съ половины пятидесятыхъ годовъ. Въ области артистической карикатуры Степановъ вообще создалъ не мало прекрасныхъ вещей, съ которыми мы познакомимся въ слѣдующей главѣ. Таковы именно статуэтки-карикатуры русскихъ артистовъ, писателей и художковъ, имѣвшія въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ огромный успѣхъ и до сихъ поръ памятныя, какъ знатокамъ искусства, такъ и современникамъ нашего карикатуриста.

С. Трубачевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА.

СОВЕРШЕННО случайно я пріобрѣлъ двѣ объемистыя записныя книжки ротнаго командира одного изъ южныхъ полковъ, прослужившаго, какъ это можно видѣть изъ его отрывочныхъ замѣтокъ, довольно продолжительное время въ рядахъ войска и видѣвшаго на своемъ вѣку не мало людей. Подробныхъ свѣдѣній объ авторѣ этихъ книжекъ мнѣ собрать не удалось; узналъ я только, что онъ родомъ грекъ по фамиліи Гулдари, родился около 1800—1804 года, а умеръ въ 1875 или 1876 году въ Петербургѣ; большую часть своей служебной жизни провелъ въ Херсонской, Бессарабской, Каменецъ-Подольской и Таврической губерніяхъ, участвовалъ въ Севастопольской кампаніи и былъ на Кавказѣ, впрочемъ, кажется, весьма непродолжительное время. Въ свои записныя книжки Гулдари вносилъ все то, что̀ ему казалось интереснымъ изъ разсказовъ другихъ лицъ, или чему самъ былъ очевидцемъ, при чемъ онъ не придерживался ни системы, ни хронологіи, и не стѣснялся въ выраженіяхъ. Изъ этого можно видѣть, что авторъ не предназначалъ своихъ замѣтокъ для печати, а вносилъ ихъ исключительно для себя и для тѣснаго кружка пріятелей, какъ это видно отчасти изъ многихъ мѣстъ рукописи. Обѣ записныя книжки содержатъ массу разнообразныхъ разсказовъ, впрочемъ, очень отрывочныхъ и иногда незаконченныхъ, вслѣдствіе того, что Гулдари всѣ свои замѣтки старался облекать въ анекдотическую форму. Извлекаемъ изъ нихъ то, что̀, по нашему мнѣнію, представляется наиболѣе интереснымъ и характернымъ. Въ виду слишкомъ откровеннаго тона, которымъ авторъ щеголяетъ съ явнымъ удовольствіемъ, мы были вынуждены сократить и смягчить многія его выраженія.

Въ предисловіи къ одной изъ своихъ записныхъ книжекъ Гулдари говоритъ: «Много я видѣлъ и много я слышалъ, въ свою семидесятилѣтнюю жизнь успѣлъ исколесить полсвѣта. Все мало-мальски интересное и любопытное я вносилъ въ свою тетрадочку, разумѣется, предварительно удостовѣрясь въ истинѣ. Благодаря моему знакомству съ стариками, служаками временъ Елисаветы, Ека-

терпны, Павла, мнѣ удалось изъ ихъ разсказовъ почерпнуть не мало характерныхъ и замѣчательныхъ эпизодовъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ скромности я не называю дѣйствующихъ лицъ по имени, подчасъ самому за нихъ стыдно бываетъ... Ко мнѣ очень примѣнима малороссійская пословица: «Бувавъ въ бувальцахъ и видавъ видальцахъ, або не пытай стараго, а пытай бувалаго».

М. В. Шевляковъ.

I.

Въ одномъ изъ приказовъ императора Павла I было объявлено, чтобы никто не смѣлъ появляться на улицѣ въ домашнемъ костюмѣ подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности.

Какъ-то, проѣзжая по Невскому проспекту, государь замѣтилъ гвардейскаго офицера, сидѣвшаго на балконѣ въ халатѣ. По пріѣздѣ во дворецъ, Павелъ тотчасъ же посылаетъ за нимъ. Нужно замѣтить, что офицеръ этотъ наканунѣ страшно проигрался въ карты, и спустилъ даже часть казенныхъ денегъ. На балконъ онъ вышелъ въ непринужденномъ видѣ, вопреки приказа императора, въ горестномъ раздумьѣ, доводившемъ его до отчаянія—онъ обдумывалъ планъ самоубійства...

Черезъ полчаса офицеръ былъ доставленъ во дворецъ.

— Какъ ты смѣлъ сидѣть на балконѣ въ халатѣ?—грозно приступилъ къ нему Павелъ.—Приказа моего не читалъ?

— Виноватъ, ваше величество! — отвѣчаетъ офицеръ. — Отъ страшнаго горя, посѣтившаго меня, я обезумѣлъ...

— Какого горя? Говори!

Офицеръ, разумѣется, побоялся сказать истину, зная какому большому наказанію подвергнетъ его государь, уничтожавшій картежныя игры и не терпѣвшій игроковъ. Онъ быстро придумалъ небывалую любовную исторію.

— Ваше величество! я влюбленъ въ дочь моего сосѣда, богача купца, — солгалъ онъ, — и она меня любитъ; но нашему счастью препятствуетъ ея суровый родитель, не желающій выдать ее за бѣднаго офицера.

— Что?—вспылилъ Павелъ.—Отказалъ офицеру?! Послать сейчасъ же за этимъ купцомъ! я ему покажу какъ пренебрегать мундиромъ!...

Является купецъ. Разгнѣванный государь закричалъ на него:

— Какъ ты смѣлъ отказать моему офицеру въ рукѣ твоей дочери? Они другъ друга любятъ, а ты съ тысячами своими разстаться не можешь!...

Перепуганный купецъ началъ было объясняться, но Павелъ не далъ ему слова выговорить.

— Сейчасъ же обвѣнчай ихъ,—приказалъ онъ,—не то я тебя въ арестантскія роты...

И съ этимъ отпустилъ ихъ. Ничего не понявшій купецъ, на другой же день выдалъ свою единственную дочь за этого офицера и вручилъ ему порядочное приданое, которое и спасло послѣдняго отъ самоубійства. Такимъ образомъ, эта случайность дала офицеру хорошенькую жену, солидный капиталъ, и избавила отъ отвѣтственности за ослушаніе высочайшаго приказа.

II.

Въ другомъ своемъ приказѣ, императоръ Павелъ повелѣлъ, чтобы всѣ, проѣзжающіе по улицѣ, встрѣчаясь съ нимъ, выходили изъ экипажа и отдавали бы ему царскую почесть поклономъ. Исключенія не было даже для дамъ.

Случилось однажды, что императоръ совершалъ свою обычную прогулку верхомъ въ грязный день. На встрѣчу ему мчится въ коляскѣ расфранченная дама. Поровнявшись съ императоромъ, кучеръ удержалъ лошадей, дама поспѣшно вылѣзла изъ экипажа. Государь, пожалѣвъ ея костюмъ, крикнулъ:

— Садитесь!

Она перепугалась этого возгласа, и принявъ его въ обратномъ смыслѣ, со всего размаха сѣла на землю въ грязь. Павелъ быстро соскочилъ съ лошади, подбѣжалъ къ ней, взялъ ее подъ руку, помогъ подняться и усадилъ въ экипажъ, сказавъ:

— Я вамъ велѣлъ сѣсть не въ грязь, а въ коляску!

Говорятъ, что это обстоятельство послужило поводомъ для примѣчанія къ приказу, которымъ женщины освобождались отъ такого оказыванія почтенія его величеству.

III.

Императоръ Александръ Павловичъ, осматривая Балаклавскій батальонъ, привѣтливо произнесъ:

— Здорово, ребята!

Молчаніе.

Государь повторилъ громче:

— Здорово, ребята!

Опять молчаніе.

— Что это значитъ, г. батальонный командиръ? — обратился императоръ къ начальнику.

— Ваше величество! — отвѣтилъ тотъ на ломанномъ русскомъ языкѣ, — тута нѣту ребятъ, тута капитани, поручики и дворяни, я самъ маіори!...

— Ну такъ какъ же мнѣ съ ними поздороваться?

— Здорово поликарья (молодцы)!

Государь такъ и поздоровался. Въ отвѣтъ на его слова баталіонъ, какъ одинъ человѣкъ, крикнулъ:

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество.

Послѣ этого Александръ Павловичъ пожелалъ узнать много ли дворянъ въ батальонѣ.

— Впередъ дворяне! — скомандовалъ онъ.

И что же? весь батальонъ вышелъ впередъ... Государь улыбнулся, поклонился имъ и уѣхалъ.

IV.

Императоръ Николай Павловичъ какъ-то осматривалъ артилерію. Проходя по рядамъ и увидя у одного капитана множество орденовъ на груди, не безъ ироніи спросилъ:

— У кого вы были адъютантомъ?

Нужно замѣтить, что государь былъ того мнѣнія, что больше всего и легче всѣхъ получаютъ награды именно адъютанты какихъ-нибудь высокопоставленныхъ особъ.

Капитанъ съ сознаніемъ своего достоинства отвѣтилъ:

— При этой пушкѣ!

V.

Прогуливаясь однажды по Невскому проспекту, Николай Павловичъ встрѣтилъ студента, одѣтаго не по формѣ, возвращавшагося, какъ оказалось потомъ, домой съ пріятельской пирушки; шинель на немъ была накинута на плечи небрежно, шляпа ухарски надвинута на затылокъ...

Государь остановилъ его и сердито спросилъ:

— На кого ты похожъ?

Увидя императора, студентъ смутился, растерялся и робко произнесъ въ отвѣтъ, не понявъ какъ слѣдуетъ вопроса:

— На маменьку!

VI.

Николай Павловичъ во время своего путешествія по югу Россіи остановился въ одномъ небольшомъ городкѣ на короткое время для перемѣны лошадей. Этимъ воспользовались жиды, собравшіеся у почтовой станціи въ большомъ количествѣ. Они хотѣли принести государю устную жалобу на какія-то якобы стѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ русскихъ. Только-что Николай Павловичъ вышелъ, чтобы садиться въ экипажъ, изъ толпы выдѣлился раввинъ, долженствовавшій произнести рѣчь; но отъ чрезмѣрной робости почтенный жидъ остановился передъ императоромъ съ разинутымъ ртомъ и не могъ выговорить ни слова.

— Чтò тебѣ надо?—сердито спрашиваетъ государь.

Тотъ молчитъ.

— Просьба?—опять вопрошаетъ Николай Павловичъ.

Раввинъ продолжаетъ молчать и только учащенно моргаетъ.

— Чтò это за дуракъ?—обращается государь къ сопровождавшимъ его.

Жиды начинаютъ галдѣть:

— И нѣтъ, винъ такой вумный, такой вумный, что съ его маленькаго рота не можетъ вискочить большой его разумъ.

Николай Павловичъ велѣлъ ихъ разогнать и уѣхалъ.

VII.

Къ намѣстнику царства Польскаго, великому князю Константину Павловичу, явился еврей съ жалобой на своего должника, тоже еврея. Онъ разсказалъ, что пришелъ къ должнику въ назначенный срокъ за полученіемъ долга по векселю. Тотъ очень любезно его встрѣтилъ и попросилъ на минуту вексель, чтобы взглянуть дѣйствительно ли подошелъ срокъ платежа. Кредиторъ довѣрчиво передалъ ему документъ, должникъ же быстро положилъ его въ ротъ и проглотилъ.

Константинъ Павловичъ послалъ за должникомъ. Тотъ явился и на всѣ вопросы великаго князя, въ присутствіи заимодавца, отвѣчалъ отрицательно.

— Не только я не проглатывалъ никакого векселя,—заявилъ онъ,—но даже и долженъ-то ему никогда не былъ.

Константинъ Павловичъ, желая какъ-нибудь принудить его къ сознанію, серьезно сказалъ:

— Все это легко можно повѣрить, стоитъ только распороть тебѣ животъ.

Должникъ, не придавая значенія угрозѣ, не смутился.

— Пожалуй,—хладнокровно замѣтилъ онъ,—я согласенъ, но только съ тѣмъ условіемъ, что если векселя въ моемъ желудкѣ не окажется, то распороть также и его животъ за клевету.

Онъ полагалъ, что заимодавецъ испугается такой операціи и откажется отъ жалобы; но жестоко въ этомъ ошибся. Тотъ, ни на минуту не задумываясь, согласился.

— Раздѣвайся!—крикнулъ великій князь должнику, а кредитору приказалъ дать въ руки ножъ.

Видя, что дѣло идетъ ужъ не на шутку, должникъ струсилъ, признался въ своемъ преступленіи и тутъ же уплатилъ свой долгъ сполна.

VIII.

Капитанъ Преображенскаго полка С. въ часы досуга вышилъ собственноручно разными шелками бархатную подушку и поднесъ ее императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Императрица подушку приняла и, думая, что капитанъ поднесъ ей работу своей жены, черезъ нѣсколько дней прислала ему серьги.

Капитанъ долженъ былъ ихъ принять, хотя не былъ женатъ.

IX.

Въ началѣ царствованія императора Александра Николаевича, въ періодъ измѣненій въ формѣ военной одежды, князь Меншиковъ ѣхалъ въ коляскѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, который раскланялся съ встрѣтившимся монахомъ.

Меншиковъ его спросилъ:

— Почему вы ему кланяетесь?

Тотъ отвѣчалъ, что всегда относится къ духовнымъ лицамъ съ почтеніемъ, не исключая, разумѣется, и монаховъ.

На это Меншиковъ, съ свойственной ему иронической улыбкой, замѣтилъ:

— А почему вы знаете что̀ это монахъ? Можетъ быть это новая лейбъ-гусарская форма.

X.

Вотъ фактъ, свидѣтелемъ котораго я былъ самъ.

Въ Крымскую войну, сдавъ команду надъ войсками подъ Севастополемъ князю Горчакову, князь Меншиковъ переселился на время въ Николаевъ. По случаю какого-то праздника, онъ пожелалъ отслужить молебенъ у себя на дому и послалъ своего вѣстового за священникомъ, приказавъ почему-то не говорить у кого именно долженъ быть отслуженъ молебенъ, и сослаться на бѣднаго старика.

Вѣстовой исполнилъ приказаніе въ точности, но на его приглашеніе къ бѣдному старику ни одинъ городской священникъ не согласился идти, отговариваясь недосугомъ. Возвращаясь къ князю съ безуспѣшныхъ поисковъ, вѣстовой встрѣчаетъ полковаго священника, проходившаго домой съ требы, и предлагаетъ ему послѣдовать за нимъ въ домъ бѣднаго старичка отслужить молебенъ. Священникъ, ни слова не говоря, отправился за вѣстовымъ. Когда они подошли къ дому, гдѣ жилъ Меншиковъ, священникъ тотчасъ же сообразилъ у кого ему придется справлять требу и ни за что не рѣшался войти къ князю въ той будничной рясѣ, въ которую былъ одѣтъ. Вѣстовой началъ упрашивать его, говоря, что князь

не взыщетъ; но священникъ колебался. Меншиковъ, увидавъ въ окно эту сцену, самъ вышелъ на крыльцо.

— Извините меня, ваша свѣтлость,—началъ было сконфуженный священникъ, но Меншиковъ перебилъ его, подходя подъ благословеніе:

— Ничего, батюшка, входите, не стѣсняйтесь!..

Молебенъ былъ отслуженъ, а священникъ награжденъ Меншиковымъ щедро: князь далъ ему сто рублей.

Понятно, что городскіе священники страшно раскаявались въ своей опрометчивости, узнавъ объ этомъ.

XI.

Когда, при началѣ Крымской кампаніи, въ помощь князю Меншикову былъ присланъ генералъ-адъютантъ Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ, Меншиковъ съ досадой сказалъ окружающимъ:

— Я просилъ подкрѣпленія войскамъ, а меня подкрѣпили Ерофѣичемъ [1])!

XII.

Говорятъ, что когда фельдмаршалъ Дибичъ-Забалканскій, будучи при вступленіи на престолъ императора Павла еще прапорщикомъ гвардіи, явился на смотръ, то очень не понравился государю своей некрасивой наружностью и малымъ ростомъ. Дибичъ былъ переведенъ въ армію, какъ сказано въ приказѣ, «за физіономію наводящую уныніе на цѣлый взводъ».

XIII.

Генералъ Б. разъ торжественно сказалъ офицерамъ своего полка:

— Господа! наступаетъ время, когда офицерамъ нужно учиться, чтобы получать чины. Каждый долженъ знать хорошо: артиллерію, фортификацію и пр.

Поручикъ З., отличавшійся дерзостью, рѣзко спросилъ его:

— Ваше превосходительство! а генералы тѣ же будутъ?

— Тѣ же.

— Въ такомъ случаѣ, кто же насъ провѣрять будетъ въ знаніи?

В. смутился и вскорѣ поручикъ З. получилъ переводъ.

---

[1]) Извѣстный, въ свое время водочный настой изъ травъ, назывался ерофеичемъ.

XIV.

Главнокомандующій первой арміей фельдмаршалъ Остенъ-Сакенъ, командиръ кіевской крѣпостной артилеріи, хромой, ходившій всегда на костыляхъ, генералъ-отъ-артилеріи Арнольдъ и кіевскій митрополитъ Димитрій, дожившіе до глубокой старости, каждый вечеръ аккуратно собирались по очереди другъ у друга играть въ карты. Излюбленная игра ихъ была извѣстная въ старину «три листика» по самой маленькой.

Играли они однажды у Сакена, въ тотъ вечеръ, когда я былъ у него ординарцемъ.

Подведя итогъ выигрышу, оказалось, что митрополитъ проигралъ хозяину пять копѣекъ ассигнаціями.

— Получить позвольте!—сказалъ Сакенъ.

Митрополитъ порылся въ карманахъ, но ничего не нашелъ. Онъ сталъ просить Сакена подождать долгъ до завтрашняго вечера, потому что не захватилъ сегодня съ собой денегъ.

Сакенъ, вспыливъ, началъ упрекать преосвященнаго въ томъ, что онъ всегда умышленно забываетъ взять съ собой деньги, чтобы какъ-нибудь уклониться отъ уплаты проигрыша.

— Въ карты играть безъ денегъ не садятся,—внушительно и горячо замѣтилъ восьмидесятилѣтній старикъ столѣтнему старцу.— Нельзя надѣяться на снисхожденіе партнеровъ...

Но дѣлать было нечего, пришлось митрополиту остаться должникомъ главнокомандующаго.

На другой день, Сакенъ, не дождавшись вечера, послалъ меня къ митрополиту за долгомъ.

Прихожу и докладываю, что его сіятельство приказалъ получить съ его высокопреосвященства пять копѣекъ, проигранныя имъ вчера.

— Вздорный онъ, братецъ, человѣкъ!...—сказалъ Димитрій, вручая мнѣ требуемую сумму.—Нате, отнесите ему, пусть богатѣетъ... Онъ только картами, кажется, и живетъ... До вечера не могъ подождать!...

Когда я передалъ эти деньги Сакену, тотъ самодовольно улыбнулся и радостно проговорилъ:

— Такъ-то вѣрнѣе.

Митрополитъ въ игрѣ былъ счастливѣе и Сакена, и Арнольда— это ужасно раздражало послѣднихъ, хотя проигрышъ почти никогда не превышалъ пятачка.

Другіе ординарцы мнѣ говорили, что столѣтніе игроки часто спорили, бранились и, разсердившись, расходились не окончивъ партіи; на другой же день, они, какъ ни въ чемъ не бывало, сходились у очередного снова и опять спорили, бранились и расходились.

Отъ старости они впадали уже въ младенчество.

XV.

Запорожскому атаману Гладкому, который въ турецкую кампанію 1828 года передался со всѣми жившими въ Турціи запорожцами Россіи, императоръ Николай Павловичъ далъ генеральскій чинъ и орденъ св. Георгія 4-й степени. Изъ запорожцевъ же составили полки, назвали ихъ Азовскими казаками и атаманомъ сдѣлали Гладкого.

Какъ-то Гладкому случилось представляться государю. Императоръ обратилъ вниманіе на георгіевскій крестъ, который Гладкій надѣлъ на шею.

— Этотъ крестъ носится въ петлицѣ,—замѣтилъ ему Николай Павловичъ.

Гладкій, ничуть не смутившись, отвѣтилъ:

— На шіи красывыйше!

XVI.

Графъ Аракчеевъ будучи военнымъ министромъ, какъ-то самолично ревизовалъ полковые лазареты Новогородскаго военнаго поселенія. Является онъ въ одинъ изъ лазаретовъ и подходитъ къ больнымъ солдатамъ.

— Чѣмъ боленъ?—спрашиваетъ одного.

— Лихорадкою, ваше сіятельство.

— А ты? — обращается Аракчеевъ къ другому, рядомъ лежащему.

— Она же томитъ, ваше сіятельство.

Графъ обращается къ доктору и спрашиваетъ:

— Чѣмъ ихъ лечите?

Докторъ назвалъ по-латыни лекарства.

— Дайте-ка мнѣ эти лекарства.

Требованіе Аракчеева немедленно было удовлетворено. Докторъ взялъ со столика, раздѣлявшаго кровати больныхъ лихорадкою солдатъ, двѣ склянки съ микстурою и подалъ ихъ графу.

Аракчеевъ съ видомъ знатока разсматриваетъ сперва цвѣтъ лекарства, потомъ взбалтываетъ его и снова наблюдаетъ за его измѣненіемъ, наконецъ откупориваетъ и нюхаетъ. Послѣ этой процедуры, онъ обращается къ доктору, пытливо глядя ему прямо въ глаза:

— Они оба больны одною болѣзнью?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Почему же у нихъ разныя лекарства? Быть можетъ, по ошибкѣ имъ прописано совсѣмъ иное.

— Никакъ нѣтъ ваше сіятельство.

И докторъ подробно изложилъ ему о степени болѣзни каждаго

солдата, пояснилъ ихъ разновидныя комплекціи, которыя, главнымъ образомъ, имѣются въ виду при прописке лекарства и даже упомянулъ о составѣ и дѣйствіи этихъ микстуръ, обратившихъ на себя вниманіе грознаго военнаго министра. По необходимости докторъ часто прибѣгалъ къ латинскимъ терминамъ, которыхъ Аракчеевъ не понималъ вовсе.

Внимательно выслушавъ объясненія доктора, графъ уже спокойно замѣтилъ:

— Ну, братъ, все я на свѣтѣ разобралъ до тонкости, а твою медицину не понялъ, да кажется ее и самъ чортъ не пойметъ.

Съ этимъ онъ уѣхалъ изъ лазарета.

XVII.

Инспекторъ всей поселенной кавалеріи, графъ Никитинъ, прогуливаясь однажды по городу Кременчугу, встрѣтилъ какого-то бородатаго господина въ военной фуражкѣ съ офицерской кокардой.

Никитинъ грубо остановилъ его и спросилъ:

— Ты кто такой?

— А ты кто такой?—въ свою очередь спросилъ этотъ господинъ.

— Развѣ не видишь!?—вспылилъ Никитинъ.

— Не вижу.

— Я генералъ-отъ-кавалеріи, графъ Никитинъ.

— А я отставной поручикъ, князь Репнинъ, сынъ генералъ-губернатора.

Никитинъ моментально измѣнилъ свой тонъ и уже почти ласково замѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что вашъ отецъ не носилъ и не носитъ бороду, а вы носите...

— А мнѣ говорили, что вашъ отецъ не только носилъ бороду, но даже въ лаптяхъ ходилъ, а вы вонъ въ генеральскомъ мундирѣ щеголяете...

Дѣйствительно, графъ Никитинъ происходилъ изъ крестьянъ и былъ не любимъ подчиненными за свой грубый и сварливый характеръ.

XVIII.

Командиръ резервнаго баталіона 13-й пѣхотной дивизіи, подполковникъ Яковъ Аѳанасьевичъ Бѣловъ, былъ невозможно придирчивъ, безтолково взыскателенъ и неразумно распорядителенъ, что взятое вмѣстѣ, дѣлало его нелюбимымъ начальникомъ. Впрочемъ, въ мое достопамятное время, такихъ какъ онъ было слишкомъ много и особенно рѣзко они не выдѣлялись изъ плеяды власть-имущихъ.

Этотъ Бѣловъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что, будучи полуграмотнымъ, выслужился изъ простыхъ кашеваровъ, получая повышенія обыкновеннымъ прогрессивнымъ порядкомъ, т. е. изъ кашеваровъ попалъ въ ефрейторы, изъ ефрейторовъ въ денщики, потомъ въ фельдфебели и т. д.

Пройдя, такимъ образомъ, что называется огонь и воду, Бѣловъ особенное свое вниманіе обращалъ на кухню и безошибочно угадывалъ виновныхъ въ посягательствѣ на казенное добро. Придетъ бывало на ротную кухню и говоритъ:

— Кто съѣлъ шкурку съ сала? Коптенармусъ, ты что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе,—отопрется виновный.

— Ты ужъ меня не учи!—основательно замѣчаетъ ему Бѣловъ и продолжаетъ:—А кто сверху жиръ собралъ? Кто самымъ хорошимъ попользовался? А? Фельдфебель, признавайся! Вѣдь по глазамъ вижу...

— Виноватъ, ваше-скородіе!

— Ну то-то... А ты, хлѣбопекарь, покажи-ка много ли себѣ хлѣбушекъ настряпалъ?

— Никакъ нѣтъ... заикнется пекарь, но Бѣловъ его перебьетъ:

— Меня, братъ, не обманешь: самъ я въ кухнѣ много лѣтъ выжилъ. Признавайся много ли на свой хлѣбъ сала да соли извелъ! Поди, себѣ вкусненькіе хлѣбцы скаталъ?

А потомъ начнутся по заслугамъ наказанія.

Яковъ Аѳанасьевичъ любилъ играть въ преферансъ, но не любилъ, чтобы его обыгрывали. Бѣда тому ротному командиру, которому посчастливится въ картахъ. На другой же день, Бѣловъ сдѣлаетъ смотръ его ротѣ, найдетъ массу неисправностей, ко всему придерется, офицерамъ пригрозитъ отставкою, солдатъ оставитъ на плацу, и приказываетъ производить ученіе ихъ часу до двѣнадцатаго.

Какъ-то разъ прихожу я къ нему и застаю его въ слезахъ.

— Что это вы, Яковъ Аѳанасьевичъ, плачете?—спрашиваю.

Онъ мнѣ отвѣчаетъ, что получилъ письмо изъ Архангельска, въ которомъ его извѣщаютъ о смерти матери.

Ему было въ это время 80 лѣтъ, сколько же лѣтъ должно было быть матери?

Нашъ баталіонъ ожидалъ пріѣзда флигель-адъютанта полковника графа Ивлича, долженствовавшаго произвести намъ смотръ по высочайшему повелѣнію. По этому случаю Бѣловъ, собравъ всѣхъ офицеровъ, началъ давать наставленія, какъ вести себя въ присутствіи такого важнаго гостя и умолялъ постараться на смотру. Штабсъ-капитанъ Перфильевъ, выслужившійся изъ гвардейскихъ солдатъ, успокоительно сказалъ Бѣлову:

— Ивлича я отлично знаю.

Яковъ Аѳанасьевичъ быстро перебилъ его и съ ироніей спросилъ:

— Ты въ которой тогда шеренгѣ стоялъ?

— Въ третьей,—не смущаясь, отвѣтилъ Перфильевъ.

— Ну, братъ,—проговорилъ Бѣловъ, махнувъ рукой.—Такъ-то я всѣхъ въ Петербургѣ знаю и даже со многими собственноручно знакомъ.

— То-есть какъ собственноручно?

— Да развѣ безъ битья какая-нибудь наука нашему брату дастся?!.

Только тутъ окружающіе поняли это оригинальное собственноручное знакомство.

XIX.

Генералъ Ротъ осматривалъ В—ю пѣхотную дивизію. Къ нему, по обыкновенію, пришли представляться полковые командиры. Во время представленія, въ залъ вышла коханка Рота, которую онъ возилъ всюду съ собой. Она, узнавъ въ одномъ изъ командировъ своего стараго знакомаго, бывшаго адъютанта Рота, а именно, командира Виленскаго полка, Губарева, сказала ему:

— Вы, monsieur Губаревъ, съ нами сегодня отобѣдаете?

— За счастіе сочту!—поклонившись, отвѣтилъ тотъ.

Ротъ преисполнился ревности и вспыльчиво замѣтилъ Губареву:

— Стыдно, полковникъ, почитать за счастіе со всякой дрянью обѣдать!

XX.

Московскій оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ былъ назначенъ на эту должность спеціально, какъ ходили въ то время слухи, для искорененія мошенничества и воровства.

Пріѣхавъ въ Москву, Шульгинъ громогласно хвасталъ, что искоренитъ это зло, и принялся за него не на шутку. Но московскіе жулики, провѣдавшіе объ этомъ, на первыхъ же порахъ его дѣятельности заявили себя непоборимыми и дали о себѣ чувствительное понятіе новому оберъ-полиціймейстеру.

Рано утромъ, подъѣзжаютъ къ дому оберъ-полиціймейстера парныя сани съ ливрейнымъ лакеемъ. Ливрейный лакей, лихо соскочивъ съ запятокъ, входитъ въ швейцарскую и приказываетъ доложить Шульгину, что за нимъ пріѣхали сани отъ графини Орловой, которая проситъ его пожаловать къ ней сейчасъ же по неотложному и важному дѣлу.

Шульгинъ, лично знакомый съ графиней, быстро собрался, накинулъ на плечи свою богатую бобровую шинель и отправился. Пріѣхавъ къ графинѣ, оберъ-полиціймейстеръ вошелъ въ подъѣздъ и сбросилъ на руки сопровождавшаго его лакея шинель. Лакей почтительно принялъ ее и присѣлъ на скамейкѣ въ прихожей. О Шульгинѣ доложили хозяйкѣ дома.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ гость, входя въ гостиную и раскланиваясь съ графиней.

Та недоумѣваетъ.

— Вы сейчасъ изволили присылать за мной свой экипажъ,— сказалъ Шульгинъ, въ свою очередь тоже недоумѣвая.

— И не думала!

— Я въ вашихъ саняхъ пріѣхалъ...

— Не можетъ быть!

Подняли въ домѣ тревогу. Бросились къ подъѣзду за санями, но ихъ и слѣдъ простылъ вмѣстѣ съ шинелью...

На другой день Шульгинъ получаетъ по почтѣ безъимянное письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «напрасно вы, ваше превосходительство, съ нами ссориться хотите; будемъ жить лучше въ мирѣ, да ладѣ, никто изъ насъ не будетъ въ накладѣ».

Это обстоятельство сперва обезкуражило его, но впослѣдствіи онъ уяснилъ смыслъ письма какъ нельзя лучше: жулики посвящали его во всѣ свои тайны, что давало ему возможность въ особенно важныхъ дѣлахъ проявлять необыкновенное проворство и ловкость къ открытію преступленій. Этимъ онъ прославился какъ дѣятельный оберъ-полиціймейстеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРИКЪ-ИДЕАЛИСТЪ.

ВДОВА ПОКОЙНАГО историка Николая Ивановича Костомарова издала недавно посмертный томъ его сочиненій, подъ заглавіемъ «Литературное наслѣдіе». Въ эту книгу включена, между прочимъ, и «автобіографія» Костомарова, напечатанная раньше, въ краткой редакціи, въ «Русской Старинѣ». Къ сожалѣнію, и въ настоящемъ изданіи «автобіографія» является въ неполномъ видѣ, съ большими пропусками, такъ какъ «печатаніе ея цѣликомъ было бы (по словамъ издательницы) неудобно по близости описываемаго времени, даже и тамъ, гдѣ отзывы о разныхъ лицахъ не представляли ничего, кромѣ высокаго уваженія къ нимъ» (?) — и поэтому пропущены даже такія существенныя главы, какъ напримѣръ IV, которая была бы чрезвычайно важна для характеристики Костомарова, именно въ его изложеніи и съ его личными объясненіями. По неровному, неправильному языку «автобіографіи» видно, что она была записана подъ диктовку Костомарова и не была имъ впослѣдствіи ни просмотрена, ни исправлена. Тѣмъ не менѣе, она заключаетъ въ себѣ очень много любопытныхъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ, въ связи съ нашими личными воспоминаніями, мы попытаемся набросать характеристику Николая Ивановича Костомарова, какъ историка, общественнаго дѣятеля и человѣка.

Николай Ивановичъ Костомаровъ, какъ человѣкъ, какъ писатель вообще и, въ особенности, какъ историкъ—представляетъ собою типъ чрезвычайно оригинальный, чрезвычайно сложный, и въ особенности любопытный тѣмъ, что въ его образованіи и раз-

витіи съ достаточною ясностью можно прослѣдить различныя вліянія, при которыхъ онъ сложился. Эти вліянія сказались въ такой степени осязательно и рѣзко во всей жизни и дѣятельности Костомарова, что ихъ стóитъ только припомнить здѣсь и перечислить, чтобы уже многое понять и оцѣнить по достоинству въ фактахъ біографіи, въ воззрѣніяхъ и мнѣніяхъ, въ ученой и литературной дѣятельности нашего историка. Н. И. Костомаровъ родился (4-го мая 1817 года) въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, заселенномъ на половину русскими, на половину малороссами. Отецъ его, «вольтерьянецъ» по убѣжденіямъ и крайній либералъ екатерининскаго вѣка, женился на простой крестьянкѣ (хохлушкѣ), отъ которой и произошелъ Николай Ивановичъ Костомаровъ. Ребенокъ, одаренный необыкновенною памятью и замѣчательными, блестящими способностями, долгое время находился подъ вреднымъ вліяніемъ отца, который «внушалъ ему вольтерьянское невѣріе» (стр. 6) и развивалъ въ немъ не разумъ, а только воображеніе... Затѣмъ, подобно всѣмъ богатымъ барчукамъ своего времени, съ 10-ти-лѣтняго возроста, Костомаровъ началъ долгія странствованія по московскимъ, воронежскимъ и инымъ пансіонамъ, въ которыхъ онъ поражалъ всѣхъ своими способностями и умѣньемъ быстро схватывать вершки знаній (недаромъ прозвали его enfant miraculeux!) и нигдѣ не получилъ серьезной подготовки къ ученью: — онъ самъ говоритъ, что «принимая его въ 3-й классъ гимназіи (въ 1831 г.), ему сдѣлали большое снисхожденіе», такъ какъ «онъ очень былъ слабъ въ математикѣ, а въ древнихъ языкахъ совсѣмъ не свѣдущъ» (стр. 11). При этомъ, еще за годъ до поступленія въ воронежскую гимназію, Костомаровъ лишился отца (онъ былъ убитъ дворовыми людьми) и остался на попеченіяхъ матери—женщины доброй, но совсѣмъ необразованной и любившей сына до безумія; она не отказывала ему ни въ чемъ и заботы о немъ ставила единственною, исключительною цѣлью своей жизни.

На 16-мъ году онъ поступилъ въ университетъ въ Харьковъ, гдѣ помѣщенъ былъ въ одномъ изъ профессорскихъ пансіоновъ, и оставался попрежнему настолько же далекимъ отъ практической жизни, какъ и до поступленія въ университетъ. Первое столкновеніе съ практической жизнью произошло тогда, когда Костомаровъ, слѣдуя общему въ то время пути всей молодежи, поступилъ въ военную службу (въ Кинбургскій драгунскій полкъ); но Н. И. оказался къ этой службѣ совсѣмъ неподготовленнымъ и вообще непригоднымъ. За то здѣсь, впервые, въ немъ сказался будущій историкъ: занятія исторіей полка въ острогожскомъ полковомъ архивѣ сблизили его съ архивными работами и дали возможность заглянуть въ исторію казачества. Вскорѣ, покинувъ службу въ полку (осенью 1837 г.), Н. И., желая пополнить свое

образованіе, вернулся въ Харьковъ и здѣсь, съ жадностью набросился на исторію...

Тогда-то, по его собственному признанію, впервые, его осѣнила мысль о томъ, что «исторію нужно изучать нетолько по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ» (стр. 28). Изученіе русскаго народа Костомаровъ началъ съ его малорусской вѣтви и обратился, прежде всего, къ изученію памятниковъ народной поэзіи. При своемъ сильно развитомъ воображеніи, Н. И. внесъ въ это изученіе, а равно и въ сопряженныя съ нимъ занятія этнографическими наблюденіями, столько увлеченія, что историческое прошлое Малороссіи представилось ему въ самыхъ блестящихъ поэтическихъ образахъ... Онъ дошелъ и самъ до поэтическихъ воспроизведеній этого отдаленнаго прошлаго—сталъ писать драмы, поэмы и думы, на малорусскомъ нарѣчіи, заимствуя сюжеты ихъ изъ исторіи казачества. Но Костомаровъ былъ настолько уменъ, что не могъ не признать своихъ произведеній литературныхъ крайне-слабыми—и потому, отъ увлеченій малорусской народной поэзіей и этнографіей, вернулся снова къ наукѣ. Наукою занялся онъ съ иною цѣлью, чтобы приготовиться къ каѳедрѣ, и въ короткое время написалъ двѣ диссертаціи на степень магистра [1]). Пріобрѣтеніе степени магистра привело Костомарова къ учительству въ Ровнѣ и, затѣмъ, къ профессурѣ въ Кіевѣ — и къ тѣмъ фантастическимъ мечтаніямъ панславистическаго характера, которыя должны были оказать рѣшительное вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу.

Не слѣдуетъ забывать, что Костомарову, въ эпоху его избранія на каѳедру въ Кіевскомъ университетѣ, было уже подъ 30-ть лѣтъ; что, слѣдовательно, онъ былъ уже далеко не юношей, но душою и пониманіемъ жизни онъ мало отличался отъ самаго зеленаго юноши, еще не вступавшаго ни въ какія столкновенія съ житейскою практикою. Это слишкомъ ясно выразилось въ тѣхъ чрезмѣрныхъ увлеченіяхъ модными въ концѣ 40-хъ годовъ теоріями панславизма, которымъ со страстью предался Костомаровъ и люди ближайшаго къ нему кружка (Бѣлозерскій, Кулишъ, Шевченко). До какой степени эти увлеченія были туманны и наивны, видно изъ признаній самого Костомарова (въ его «автобіографіи»), который, однакоже, и въ старости еще относился, повидимому, къ этимъ увлеченіямъ весьма сочувственно.

«Взаимность славянскихъ народовъ,—говоритъ Костомаровъ,—въ нашемъ воображеніи не ограничивалась уже сферою науки

---

[1]) Первая изъ нихъ (изъ исторіи Уніи) была забракована знаменитымъ архіепископомъ Иннокентіемъ, который справедливо нашелъ ее слабою въ научномъ отношеніи, хотя Костомаровъ даже и въ «автобіографіи» своей все еще на него за это сѣтуетъ.

и поэзіи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна была воплотиться для будущей исторіи. Мимо нашей воли (?) сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе (?) общественной жизни славянскихъ націй. Мы стали воображать всѣ славянскіе народы соединенными между собою въ федераціи, подобно древнимъ греческимъ республикамъ или Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, съ тѣмъ, чтобы всѣ находились въ прочной связи между собою, но каждая сохраняла свято свою отдѣльную автономію». При этомъ, по мнѣнію Костомарова и его товарищей, «федерація по народностямъ оказывалась неудобною» и въ будущемъ предвидѣлась «необходимость другого дѣленія частей будущаго славянскаго государства, для его федеративнаго строя». Это «дѣленіе частей» ставилось совершенно произвольно въ зависимость отъ «административнаго раздѣленія земель, населенныхъ славянскимъ племенемъ, независимо отъ того, къ какой изъ народностей принадлежитъ это племя въ той или другой полосѣ обитаемаго имъ пространства». Костомаровъ и его небольшой кружокъ не въ силахъ были «уяснить себѣ въ подробности образъ своего воображаемаго федеративнаго государства»; но эта неопредѣленность образа нимало не мѣшала тому, чтобы избрать его удобною канвою для фантазіи и покрыть эту канву самыми пестрыми узорами вымысла. Поэтому —«во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе основные законы и права, равенство вѣса и монеты, отсутствіе таможенъ и торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства въ какомъ бы то ни было видѣ»; предполагалось для порядка и «единая центральная власть, завѣдующая только сношеніями внѣ союза, войскомъ и флотомъ», но въ то же время—«полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію».

Такого идеальнаго устройства славянской федераціи «въ далекомъ будущемъ» предполагалось достигнуть «воспитаніемъ общества въ духѣ такихъ идей». Это «воспитаніе общества» должно было производиться черезъ университеты и прочія учебныя заведенія, въ которыхъ «люди, искренно преданные этимъ идеямъ», внѣдряли бы ихъ въ юношество. Для того же, чтобы воспитать этихъ «воспитателей», предполагалось устроить особое «Кирилло-Меѳодіевское» общество для «распространенія идей славянской взаимности, какъ путями воспитанія, такъ и путями литературными». Самъ Костомаровъ — человѣкъ опытный и умѣлый въ практикѣ житейскихъ отношеній!—взялся начертать уставъ этого будущаго общества, и въ этомъ уставѣ главными основами положилъ «полнѣйшую свободу вѣроисповѣданій и національностей»... Само собою разумѣется, что дальнѣйшее осуществленіе этого общества, послѣ написанія

устава, затормозилось; но, тѣмъ не менѣе, по утвержденію Костомарова, «мысль о славянской взаимности и славянской федераціи глубоко оставалась у всѣхъ насъ (т. е. у него и у членовъ его кружка), какъ завѣтная въ жизни» (стр. 63).

Эти неразумныя, дѣтскія мечтанія, подслушанныя кѣмъ-то изъ-за стѣны, дали поводъ къ извѣстному доносу, въ которомъ смѣшное и наивное было представлено грознымъ и опаснымъ, и Костомаровъ подвергся преслѣдованьямъ, которыя привели къ тому, что онъ былъ лишенъ своего мѣста въ Кіевскомъ университетѣ, высланъ изъ Кіева (наканунѣ свадьбы съ дѣвицею Алиною Леонтьевною Крагельскою) и отправленъ на житье въ Саратовъ. Это обязательное пребываніе Костомарова въ Саратовѣ, которое онъ въ своей автобіографіи величаетъ ссылкою [1]), оказало несомнѣнно полезное вліяніе на пламеннаго мечтателя, во-первыхъ, потому, что удалило его изъ кружка подобныхъ же мечтателей, а во-вторыхъ, потому, что впервые вынудило его пожить въ настоящей Россіи, на Волгѣ, вдали отъ заколдованнаго міра Малороссіи (съ примѣсью полячества), которымъ такъ увлекался нашъ молодой историкъ.

Въ Саратовѣ, гдѣ Костомаровъ поселился и числился на службѣ при губернаторской канцеляріи и номинально же состоялъ подъ надзоромъ полиціи, никто, конечно, не стѣснялъ его въ занятіяхъ научныхъ, въ увлеченіяхъ его, даже въ знакомствахъ съ поляками, которыхъ было въ то время очень много (поднадзорныхъ) въ Саратовѣ. Къ тому же, матеріальное положеніе Костомарова, незадолго передъ тѣмъ продавшаго свое воронежское имѣніе, было вполнѣ обезпеченнымъ; присутствіе любящей матери, которая всюду слѣдовала за сыномъ, попрежнему избавляло его отъ всякихъ житейскихъ заботъ—и онъ здѣсь, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, могъ спокойно предаваться своимъ книгамъ, рукописямъ, выпискамъ. Мало того: въ этой страшной ссылкѣ, мѣстное начальство поручало даже весьма охотно Костомарову выполненіе статистическихъ работъ, поощряло его къ поѣздкамъ по губерніи, способствовало его этнографическимъ наблюденіямъ — и такимъ образомъ дало ему возможность собрать матеріалъ для одной изъ наиболѣе талантливыхъ его монографій — для «Стеньки Разина».

---

[1]) Эта ссылка напоминаетъ мнѣ слѣдующій эпизодъ изъ моего первоначальнаго знакомства съ Варшавою въ 1868 г. Осматривая одинъ изъ знаменитыхъ варшавскихъ погребовъ венгерскаго вина, я узналъ отъ своего знакомаго, что старшій надсмотрщикъ погребнаго запаса, старый полякъ, долго жилъ въ Сибири, въ ссылкѣ, и лишь недавно возвращенъ оттуда. Это возбудило мое любопытство и я обратился къ этому надсмотрщику съ вопросомъ:

— Скажите пожалуйста, въ какія мѣста Сибири вы были сосланы?

— До Орловской губерніи,—пресерьезно отвѣчалъ полякъ.

— Какая же это Сибирь? Да это лучшее мѣсто Россіи!

— А! прошу пана, вшистко, цо за Петерсбургомъ, то южъ Сиберія.

Однакоже, главнымъ трудомъ Костомарова во время его пребыванія въ Саратовѣ былъ все же «Богданъ Хмѣльницкій», къ которому онъ уже въ два предшествующіе года готовился, собирая матеріалы, посѣщая мѣстности битвъ Хмѣльницкаго съ поляками, занимаясь исторіею Малороссіи въ XVII вѣкѣ. Въ промежутки между дѣломъ, Костомаровъ, въ Саратовѣ, собиралъ также и матеріалы для «внутренняго быта древней Россіи».

Весною 1856 г., съ начала новаго царствованія, закончилась «ссылка» Костомарова:—ему разрѣшено было отправиться въ Петербургъ для ученыхъ занятій, и онъ, работая нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, закончилъ свой учено-литературный трудъ—исторію Богдана Хмѣльницкаго, которая въ томъ же году и была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ». За этимъ первымъ трудомъ послѣдовалъ рядъ журнальныхъ статей въ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ — и, наконецъ, въ 1859 г. другой, менѣе объемистый, но не менѣе талантливый трудъ — «Бунтъ Стеньки Разина», напечатанный отдѣльною книгою и окончательно-упрочившій въ современномъ русскомъ обществѣ извѣстность Костомарова, какъ историка-художника. О Костомаровѣ заговорили, прокричали его русскимъ Амедеемъ Тьери, восхищались безусловно его первыми шагами на ученомъ поприщѣ—и это привело къ тому, что въ апрѣлѣ 1859 г. онъ былъ приглашенъ Петербургскимъ университетомъ на каѳедру русской исторіи, послѣ удалившагося въ отставку профессора Устрялова.

Послѣдовавшіе за этимъ избраніемъ два-три года профессорской дѣятельности слѣдуетъ считать апогеемъ славы и литературно-ученыхъ успѣховъ Николая Ивановича Костомарова. Профессоръ онъ былъ превосходный, увлекавшій за собою всю свою аудиторію живымъ, яркимъ, образнымъ своимъ изложеніемъ; въ живой рѣчи незамѣтны были ни критическіе промахи Костомарова, ни слабость его ученой подготовки [1]), ни крайняя несостоятельность нѣкоторыхъ его историческихъ воззрѣній и мнѣній... Еслибы ему удалось хоть лѣтъ десять подъ рядъ спокойно просидѣть на каѳедрѣ, съ жаромъ предаваясь разработкѣ историческихъ вопросовъ, которые онъ избиралъ темою для своихъ курсовъ — Костомаровъ вѣроятно принесъ бы немало пользы своимъ университетскимъ слушателямъ, да и самъ избѣгнулъ бы многихъ своихъ заблужденій и увлеченій, подчасъ чрезвычайно прискорбныхъ. Постоянная и опредѣленная работа, при опредѣленности обществен-

---

[1]) Въ этомъ и самъ Костомаровъ прямо сознается (стр. 114) въ своей **автобіографіи**: ...«Я взялъ на себя задачу чрезвычайно трудную и мало-удобоисполнимую, по причинѣ **моей малой подготовки къ работамъ надъ этой задачей**».

наго положенія, въ значительной степени обуздала бы его пылкое воображеніе и сдержала бы его подвижную, безпокойную натуру... Но судьба рѣшила иначе: профессоромъ Костомаровъ пробылъ не болѣе трехъ лѣтъ и, вслѣдствіе первой студенческой исторіи, разыгравшейся въ 1861 г., вынужденъ былъ покинуть каѳедру и выступить въ роли публициста и литератора, разработывающаго историческія задачи въ примѣненіи къ потребностямъ и интересамъ современной журналистики. Другими словами, мы полагаемъ, что, до конца своей профессуры (съ 1861 г.), Костомаровъ успѣлъ уже выполнить все то, что онъ способенъ былъ выполнить на учено-литературномъ поприщѣ, и его слава была бы ничуть не меньше, если бы онъ, вмѣсто многихъ и многихъ томовъ своихъ монографій, журнальныхъ статей и беллетристическихъ произведеній, закончилъ свою дѣятельность на изданіи въ свѣтъ «Богдана Хмѣльницкаго» и «Стеньки Разина»...

Для уясненія своей мысли мы, конечно, не вдадимся въ подробную критику этихъ двухъ историческихъ сочиненій Н. И. Костомарова, а только припомнимъ тѣ условія, среди которыхъ нашъ историкъ выросталъ, развивался и готовился къ своей будущей дѣятельности... Прежде всего, по самой природѣ своей, онъ рѣшительно не былъ способенъ быть историкомъ-изслѣдователемъ, историкомъ-критикомъ, зрѣло и здраво взвѣшивающимъ факты отдаленнаго историческаго прошлаго. Воображеніе до такой степени сильно преобладало (отъ ранняго дѣтства) въ натурѣ Костомарова, что онъ гораздо болѣе способенъ былъ живо представить себѣ несуществующее и сверхъестественное, нежели дать себѣ полный и ясный отчетъ о нѣкогда существовавшемъ въ дѣйствительности. При столь сильно-развитомъ воображеніи, Костомаровъ съ самой ранней молодости не отличался — какъ мы уже видѣли — ни знаніемъ жизни, ни способностью наблюдать и изучать человѣка. Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, онъ былъ болѣе способенъ увлекаться ими или подчиняться ихъ вліянію, нежели вникать въ ихъ характеры, и даже въ своихъ странствованіяхъ, въ своихъ наблюденіяхъ этнографическихъ, онъ, большею частью, видѣлъ кругомъ себя не то, что въ дѣйствительности было, а то, что онъ хотѣлъ или предполагалъ въ этой дѣйствительности отыскать. Эта способность къ увлеченію извѣстными взглядами, мнѣніями, личностями, вносила еще одну сторону въ нравственный типъ Костомарова-историка: — способность быстро создавать теоріи, строить и громоздить фантастическія системы и планы, и залетать, что называется, «за облака».

Всѣ эти стороны характера и личности нашего историка нашли себѣ блистательное подтвержденіе въ его страстномъ и безсистемномъ чтеніи, въ его безпрерывныхъ скитаніяхъ по бѣлу свѣту, въ его увлеченіяхъ, то собираніемъ пѣсенъ, то изученіемъ языковъ,

то архивными работами, то астрономіей и «космосомъ» Гумбольдта, то панславистическими теоріями и мечтаніями о Кирилло-Мееодіевскомъ обществѣ, которому предстояла задача перевоспитанія русскаго общества на новыхъ всеславянскихъ началахъ!.. Но, при этихъ увлеченіяхъ, онъ былъ человѣкомъ живымъ, воспріимчивымъ, богато-одареннымъ отъ природы способностью не только воспринимать, но и передавать свои впечатлѣнія въ яркихъ, пластическихъ образахъ. И вотъ, эти Богомъ данныя способности, Костомаровъ и примѣнилъ къ своимъ первымъ историческимъ трудамъ — и набросалъ въ нихъ богатую красками, роскошную картину эпохи казацкихъ войнъ и страшной Стенькиной смуты. Передъ русскимъ читателемъ впервые развернулись живыя страницы русской лѣтописи и на нихъ живые люди стали говорить и дѣйствовать среди живо-возсозданной и ярко-обрисованной Костомаровымъ эпохи. Его увлекательный способъ изложенія, послѣ сухого и скучнаго изложенія Устрялова, послѣ точнаго и сжатаго разсказа Соловьева, понравился всѣмъ, безъ малѣйшаго исключенія:—всѣ восхищались умѣньемъ Костомарова рисовать историческія лица, всѣ изумлялись множеству вносимыхъ имъ бытовыхъ подробностей, всѣ любовались мастерскимъ сопоставленіемъ историческихъ фактовъ, лицъ и характеровъ съ поэтическимъ вымысломъ, выразившимся въ произведеніяхъ народной поэзіи... При томъ же, и самая эпоха, въ началѣ которой явились въ свѣтъ первыя историческія сочиненія Костомарова—была эпоха живая, шумная, полная движенія и всякихъ упованій. Всѣ требовали отъ историка не строгой, критически-провѣренной правды, а широкой, художественно-набросанной картины; не сухого изслѣдованія, а занимательнаго разсказа; не точныхъ выводовъ и характеристикъ, а блестящихъ гипотезъ и смѣлыхъ парадоксовъ. Костомаровъ вполнѣ удовлетворилъ всѣмъ этимъ требованіямъ современнаго русскаго общества и потому былъ сразу превознесенъ и прославленъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ излишества. «Богдана Хмѣльницкаго» и «Стеньку Разина» читали съ увлеченіемъ даже и такіе люди, которые никогда на своемъ вѣку не развернули ни одной книги по русской исторіи и о нашемъ историческомъ прошломъ имѣли самое смутное понятіе, — читали, какъ романъ Вальтеръ-Скотта, какъ занимательную книгу, полную пикантныхъ подробностей. А когда авторъ «Богдана Хмѣльницкаго» и «Стеньки Разина» былъ призванъ на каеедру Петербургскаго университета, то онъ, конечно, сразу сталъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей въ столицѣ. Всѣ бросились слушать лекціи Костомарова въ университетъ, широко открывшій свои двери для званныхъ и незванныхъ — и здѣсь, съ каеедры, услышали «новые, живые глаголы». Эти живые глаголы заключались въ томъ, что нашъ историкъ «задался мыслью въ своихъ лекціяхъ выдвинуть на первый планъ народную жизнь

во всѣхъ ея частныхъ видахъ» (стр. 113). Онъ изображалъ государство скорѣе «случайнымъ плодомъ завоеваній, чѣмъ необходимымъ послѣдствіемъ географическихъ и этнографическихъ особенностей народной жизни» и доказывалъ, что жизнь народная развивалась (въ исторіи народа) своимъ путемъ, а «государство оставалось только внѣшнею формою объединяющей полицейской власти (sic)». Забывая извѣстную французскую пословицу (comparaison n'est pas raison), талантливый профессоръ смѣло почерпалъ сравненія изъ исторіи Греціи и Рима, изъ лѣтописей западно-европейскаго феодализма и добавлялъ съ полною увѣренностью, что «русская исторія представляла то же, хотя съ своеобразными особенностями» (стр. 114)... «Найти и уловить эти особенности народной жизни частей русскаго государства, составляло для него задачу его занятій исторіею». Онъ самъ сознавалъ недостаточность своей подготовки для рѣшенія столь трудной задачи, но утѣшалъ себя увѣренностью въ томъ, «что и любой изъ русскихъ ученыхъ не былъ еще въ состояніи приняться за это дѣло...» И онъ смѣло строилъ и излагалъ свои гипотезы передъ разнообразною аудиторіею, которая болѣе всего была способна восторгаться именно этою смѣлостью и пренебрежительнымъ отношеніемъ Костомарова къ его ученымъ предшественникамъ...

Увлекаемый своимъ литературно-ученымъ значеніемъ и ободряемый своими успѣхами на каѳедрѣ, Костомаровъ «отважился на разбитіе системы происхожденія Руси отъ норманскаго міра». Съ этою цѣлью, онъ придумалъ свою систему происхожденія Руси «изъ Литвы», и эту скороспѣлую теорію изложилъ въ весьма занимательной статейкѣ «Современника», подъ заглавіемъ «Начало Руси». Эта статейка привела къ извѣстному публичному диспуту Костомарова съ Погодинымъ (19-го марта 1860 года), приведеннымъ въ ужасъ легкостью отношенія Костомарова къ историческому изслѣдованію. Диспутъ, разумѣется, окончился ничѣмъ; но Костомаровъ, ничего недоказавшій Погодину, все же утѣшалъ себя, говоря: «что онъ понималъ чтеніе лѣтописей въ болѣе прямомъ смыслѣ (нежели Погодинъ) и притомъ въ такомъ, **какой вѣроятно имѣлся у самихъ лѣтописцевъ** (?)».

Мало-по-малу, Костомаровъ сталъ до такой степени входить въ роль передоваго дѣятеля по разработкѣ русской исторіи, до такой степени увлекаться своимъ ученымъ значеніемъ, до такой степени разбрасываться въ своихъ занятіяхъ рукописнымъ и архивнымъ матеріаломъ, что, конечно, работы его стали отзываться спѣшностью и слишкомъ ясно выказывать въ Костомаровѣ человѣка, принимающаго на себя выполненіе задачъ не по силамъ. Отчасти это выразилось въ дѣятельности Костомарова, какъ члена Археографической Комиссіи, когда онъ, приступивъ къ изданію актовъ, относящихся къ эпохѣ Хмѣльницкаго, сталъ «**выбирать изъ нихъ**

болѣе годные [1])» — отчасти же, и даже еще болѣе, это высказалось въ журнальной дѣятельности нашего историка, вызвавшей противъ него цѣлую бурю серьезныхъ возраженій, справедливыхъ осужденій и даже нареканій. Главною причиною подобныхъ нареканій была уже самая несвоевременность появленія нѣкоторыхъ журнальныхъ статей Костомарова, который рѣшался писать «О федеративномъ началѣ древней Руси» и о «Двухъ русскихъ народностяхъ» почти въ то самое время «какъ вспыхнуло польское возстаніе и русскіе стали болѣе горячо, чѣмъ когда-либо, хвататься за идею своего національнаго единства...» (стр. 121). Эта безтактность, вызвавшая толки о «сепаратическихъ» стремленіяхъ Костомарова, еще рѣзче высказалась при посѣщеніи имъ Вильны, гдѣ (въ самый разгаръ уличныхъ демонстрацій) нашъ историкъ не только посѣтилъ публичное засѣданіе Виленской Археографической Комиссіи, не только обмѣнивался любезностями съ графомъ Е. Тышкевичемъ и отвѣчалъ ему на польскую рѣчь польскою же рѣчью, но даже чувствовалъ себя польщеннымъ похвалами и лестью польскихъ археологовъ, систематически истреблявшихъ въ Литвѣ и Западномъ краѣ слѣды православія и русской старины.

Само собою разумѣется, что при такомъ странномъ и безтактномъ способѣ дѣйствій,—болѣе извинительномъ молодому человѣку, нежели зрѣлому 45-ти-лѣтнему мужчинѣ и профессору—Костомаровъ долженъ былъ возбудить противъ себя непріязнь очень многихъ. Невысказавъ особенной твердости во время студенческой исторіи 1861—62 гг., не поладивъ съ товарищами своими, онъ долженъ былъ выйти изъ университета, и, въ самый разгаръ начинавшейся въ русскомъ обществѣ реакціи, попалъ въ очень неловкое положеніе... Оставаясь на службѣ (онъ состоялъ членомъ Археографической Комиссіи) и продолжая даже получать жалованье, онъ, въ то же время, какъ-то невольно сталъ въ ряды оппозиціи и примкнулъ къ какой-то крайней лѣвой во всѣхъ, самыхъ жгучихъ вопросахъ историческихъ, имѣвшихъ хотя какое бы то ни было соотношеніе съ современностью. Это происходило, главнымъ образомъ, отъ того, что самомнѣніе Костомарова не переставало возростать и развиваться въ немъ до крайнихъ предѣловъ, и онъ уже начиналъ признавать правильными только свои личные взгляды. Подъ этимъ именно угломъ зрѣнія напечатаны были Костомаровымъ забористыя и задорныя статейки объ «Иванѣ Сусанинѣ» и «Куликовской битвѣ», которымъ онъ придалъ громкое названіе «изслѣдованій». Эти статьи, конечно, вызвали новую бурю противъ Костомарова, который въ возраженіяхъ своихъ про-

---

[1]) Припомнимъ, по этому поводу, извѣстную полемику покойнаго Г. Ѳ. Карпова съ Костомаровымъ. Полемика эта не была выгодною для нашего историка.

тивниковъ видѣлъ «только доказательство непрекратившагося еще господства дѣтскихъ взглядовъ и раболѣпства передъ рутинными убѣжденіями, основанными на ложномъ патріотизмѣ» (стр. 150)... «Отечеству нѣтъ никакого безчестія, если личность, которую прежде, по ошибкѣ, признавали высоко-доблестною, подъ критическими пріемами анализа представится совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ ее пріучились видѣть». Но, выражая такіе взгляды на выдающіяся историческія личности, Костомаровъ, какъ будто не допускалъ даже и мысли о томъ, что «критическіе пріемы анализа» слѣдуетъ къ нимъ примѣнять съ величайшею осторожностью и съ полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ и силѣ своихъ доводовъ. А между тѣмъ, своею статью о Сусанинѣ онъ нисколько не поколебалъ значенія этого героя-крестьянина, о которомъ еще въ XVII вѣкѣ сложилась извѣстная легенда, подтверждаемая отголосками въ актахъ и въ мѣстныхъ преданіяхъ; что же касается его статьи о Куликовской битвѣ, въ которой онъ силился доказать ни болѣе, ни менѣе, какъ «трусость» (!) Дмитрія Донского, то эта статья высказала въ Костомаровѣ лишь весьма поверхностное пониманіе древнерусскаго быта. Дѣло въ томъ, что онъ основывалъ свою (совершенно несостоятельную) гипотезу только на фактѣ переодѣванія Дмитрія передъ битвою въ платье простого воина, а между тѣмъ упустилъ изъ вида, что подобное переодѣваніе было весьма обычнымъ на Руси и въ предшествующіе вѣка, и что даже знаменитый своею беззавѣтною храбростью Изяславъ Мстиславовичъ, (внукъ Мономаха), чуть было не былъ изрубленъ своими собственными воинами, среди которыхъ онъ также сражался въ простомъ воинскомъ доспѣхѣ, безъ всякихъ княжескихъ отличій.

Не смотря на то, что статья Костомарова о Дмитріи Донскомъ встрѣчена была со всѣхъ сторонъ весьма вѣскими возраженіями, онъ нашелъ, что критики его «заслуживали одобренія только за свой патріотизмъ, а никакъ не за ученость». Къ числу этихъ неученыхъ критиковъ Костомаровъ преспокойно относитъ и Погодина!.. Но всего любопытнѣе то, что чрезвычайная легкость, съ которою Костомаровъ относился къ рѣшенію такихъ важныхъ историческихъ вопросовъ, какъ вопросъ о «трусости» Дмитрія Донского, нашла себѣ отголосокъ и въ «автобіографіи», писанной двадцать лѣтъ спустя послѣ статьи о Куликовской битвѣ. И двадцать лѣтъ спустя, Костомаровъ утверждаетъ, что «трусость Дмитрія Донского, которою такъ оскорбились Погодинъ и другіе мои противники, неоспоримо (?!) доказывается постыднымъ бѣгствомъ московскаго великаго князя изъ столицы во время нашествія на нее Тохтамыша» (стр. 157). И этимъ новымъ доводомъ только еще разъ доказываетъ свою полную несостоятельность въ знаніи древне-русскаго быта, такъ какъ «постыднымъ бѣгствомъ» называетъ удаленіе Дмитрія (застигнутаго врасплохъ набѣгомъ Тохтамыша)

изъ Москвы, для сбора войскъ въ ближайшихъ сосѣднихъ областяхъ. Другими словами, за «постыдное бѣгство» принимается Костомаровымъ обычный тактическій пріемъ нашихъ князей въ XIII и XIV вѣкѣ [1]), когда постояннаго войска не было и рубежъ Русской земли еще не былъ огражденъ надежными сторожевыми линіями отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ.

Въ то время, когда происходила полемика по поводу этихъ статей, Костомаровъ уже давно былъ занятъ подготовкою матеріаловъ для «Исторіи Смутнаго времени» и обработывалъ ее частями. «Всю зиму съ 1864 на 1865 годъ и весну 1865 г. онъ продолжалъ ревностно трудиться надъ «Смутнымъ временемъ» и занятія эти такъ увлекали его, что нерѣдко онъ проводилъ цѣлыя ночи, не въ состояніи будучи «оторваться отъ изслѣдованія лицъ (?) этой знаменательной въ исторіи русскаго народа эпохи». Хотя эти усиленныя занятія чередовались съ обычными у Костомарова поѣздками по Россіи и за границу—однако все же, «Смутное время» было къ началу 1868 г. уже закончено и съ первыхъ книжекъ «Вѣстника Европы» стало появляться на страницахъ этого журнала.

Само собою разумѣется, что даже и для поверхностнаго обзора такой пестрой и разнообразной эпохи, какъ «Смутное время», двухъ-трехъ лѣтъ работы (да еще съ перерывами для различныхъ поѣздокъ) было далеко недостаточно. Изложеніе матеріала, какъ и слѣдовало ожидать, вышло у Костомарова очень живое и красивое; но связь между фактами оказалась чрезвычайно слабою; взгляды, выраженные авторомъ на важнѣйшія событія—шаткими и неопредѣленными; характеристики многихъ важнѣйшихъ дѣятелей — произвольными и невѣрными. По сравненію съ предшествовавшими историческими сочиненіями, составившими славу Костомарова — съ «Богданомъ Хмѣльницкимъ» и «Стенькой Разинымъ»— въ «Исторіи Смутнаго времени» замѣтенъ былъ уже шагъ назадъ, въ томъ смыслѣ, что всѣ достоинства историческаго изложенія въ новомъ трудѣ Костомарова оказывались болѣе блѣдными, чѣмъ въ предшествующихъ трудахъ, а всѣ недостатки—болѣе замѣтными. Но, конечно, не такъ думалъ самъ авторъ «Смутнаго времени», который представлялъ себя въ самомъ расцвѣтѣ своей творческой дѣятельности и, съ какою-то болѣзненною, лихорадочною торопливостью, спѣшилъ приняться за новые и новые историческіе труды, то роясь въ рукописяхъ Публичной Библіотеки и другихъ русскихъ книгохранилищахъ, то разрывая польскіе архивы, то отрываясь отъ этой работы для обзора монастырей и историческихъ мѣстностей, то ударяясь въ писаніе журнальныхъ статей и въ задорную полемику съ противниками.

[1]) Этотъ тактическій пріемъ даже и побудилъ Тохтамыша къ поспѣшному отступленію отъ Москвы при первомъ слухѣ о приближеніи Димитрія съ набраннымъ войскомъ.

Печатаніе «Смутнаго времени» еще не было окончено въ «Вѣстникѣ Европы», а ужъ у Костомарова близился къ окончанію другой, не менѣе объемистый трудъ—«Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой». Не смотря на то, что съ весны 1868 г. Костомаровъ «на нѣсколько времени прервалъ свои занятія исторіею Польши, приготовляя къ печати монографію «О гетманствѣ Юрія Хмѣльницкаго» и статью о «первомъ раздѣлѣ церквей при патріархѣ Фотіи» (см. стр. 174) — «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» въ томъ же году были закончены и эта весьма объемистая исторія «паденія Польши» въ 1869 г. уже печаталась въ «Вѣстникѣ Европы»... Печатаніе этого сочиненія еще только началось въ журналѣ г. Стасюлевича, а ужъ Костомаровъ принялся за другую, нелегкую работу: — онъ сталъ читать въ клубѣ художниковъ подробный курсъ русской исторіи, въ видѣ цѣлаго ряда публичныхъ лекцій. Въ то время, какъ онъ читалъ эти лекціи, графъ Д. А. Толстой исходатайствовалъ Костомарову у государя императора ежегодное содержаніе, равное окладу ординарнаго профессора. «Это ходатайство графа Дмитрія Андреевича, — замѣчаетъ Костомаровъ въ своей автобіографіи, — было для меня истиннымъ благодѣяніемъ и внушило мнѣ чувство глубокой благодарности къ нему», и немного далѣе добавляетъ: — «я пріобрѣлъ (полученіемъ этой пенсіи) постоянную поддержку своего матеріальнаго быта, что освободило меня отъ необходимости быть въ постоянной зависимости и подчиненности отъ издателей и журнальныхъ редакторовъ» (стр. 175) [1]).

Судя по этому отзыву, можно было бы подумать, что Костомаровъ тяготился своими отношеніями къ журналистикѣ и что, получивъ «поддержку своего матеріальнаго быта», онъ броситъ журналистику и весь отдастся какому-нибудь завѣтному, излюбленному историческому труду. Но на дѣлѣ оказалось, что Н. И. Костомаровъ горячѣе, чѣмъ когда-либо прежде, предался писанію журнальныхъ статей по отдѣльнымъ историческимъ вопросамъ и нетолько журнальной, но даже газетной полемикѣ, которую эти статьи возбуждали. Эта безпокойная, постоянно разбрасывающаяся во всѣ стороны литературная дѣятельность, спѣшная работа то надъ рукописями, то надъ корректурами, безпрерывные переѣзды съ мѣста на мѣсто, мало-по-малу, до такой степени ослабили нервы, зрѣніе и общее состояніе здоровья Костомарова, что вскорѣ онъ уже почувствовалъ себя неспособнымъ заняться какимъ-

[1]) Трудно себѣ представить что-либо болѣе несправедливое, нежели этотъ отзывъ Н. И. Костомарова объ издателяхъ и редакторахъ. Издателемъ его былъ, преимущественно, его пріятель, Д. Е. Кожанчиковъ, который благоговѣлъ передъ нимъ и доставлялъ ему большія выгоды. Изъ редакторовъ, Н. И. Костомаровъ имѣлъ, главнымъ образомъ, дѣло съ М. М. Стасюлевичемъ, который платилъ ему очень щедро и никогда ни въ чемъ его не стѣснялъ.

нибудь однимъ дѣльнымъ трудомъ. А между тѣмъ, потребность въ работѣ, въ постоянномъ чтеніи, въ постоянной вознѣ съ книгами и рукописями, была страшная, ничѣмъ неутолимая, почти болѣзненная... И вотъ, не имѣя уже никакой возможности заниматься источниками исторіи и ихъ самостоятельною обработкою, Костомаровъ (въ 1872 г.) рѣшился посвятить свои невольные досуги (ему изъ-за болѣзни глазъ запрещено было работать) компилятивному труду, надъ выполненіемъ котораго могли трудиться другія лица, подъ его руководствомъ. «По совѣту многихъ знакомыхъ», онъ рѣшился приняться за составленіе «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», предназначая эту исторію для популярнаго чтенія» Эта чрезвычайно-трудная и мудреная задача почему-то представилась Костомарову необыкновенно легкою и удобоисполнимою; на выполненіе ея онъ смотрѣлъ «какъ на отдохновеніе для своихъ нервовъ (стр. 192)». Пріемы выполненія новой задачи также отличались замѣчательною простотою:—онъ пригласилъ къ себѣ въ сотрудницы жену бывшаго своего пріятеля, г-жу Б., которая, «по его указанію, читала вслухъ мѣста, указываемыя имъ въ источникахъ и писала текстъ подъ диктовку Костомарова». Такимъ образомъ начатая работа пошла чрезвычайно быстро:—въ четыре мѣсяца былъ изготовленъ первый, весьма объемистый выпускъ новой популярной исторіи!.. Впослѣдствіи, явились и остальные выпуски: но въ этомъ трудѣ, повторяющемъ всѣ прежнія гипотезы и ошибки нашего историка и отличающемся не мѣткостью, а только рѣзкостью характеристикъ, мы уже не узнаемъ Костомарова. Кругъ дѣятельности историка, очевидно, былъ уже законченъ и всѣ дальнѣйшія его работы (не исключая и «Руины») ничего не могли прибавить къ его извѣстности. Мы не ошибемся, если скажемъ, что эти работы были только простымъ удовлетвореніемъ его внутренней жажды дѣятельности и кабинетнаго труда. Недаромъ говаривалъ онъ не разъ, во время приступовъ болѣзни:—«Жить безъ дѣла—это хуже смерти». И дѣйствительно, эта работа его только смертью и закончилась...

Все вышеизложенное и основанное на словахъ самого Костомарова (т. е. на данныхъ его автобіографіи) представляется мнѣ лично особенно любопытнымъ именно потому, что эти данныя служатъ прекрасною провѣркою и дополненіемъ моихъ собственныхъ воспоминаній о Костомаровѣ, какъ ученомъ и какъ частномъ человѣкѣ.

Первое знакомство мое съ Н. И. Костомаровымъ относится къ тому времени, когда онъ, только-что возвращенный изъ пресловутой «ссылки», явился профессоромъ въ Петербургскомъ университетѣ, по каѳедрѣ русской исторіи. Должно сказать правду, что слухъ объ этой ссылкѣ, о страданіяхъ и гоненіяхъ, которыя будто бы пришлось претерпѣть Костомарову за какія-то полити-

ческія провинности, а также разсказы о романтическихъ обстоятельствахъ, которыми сопровождался тогда арестъ Костомарова въ 1848 г. — все это создало такой ореолъ около личности неизвѣстнаго намъ новаго профессора, что, уже задолго до его появленія на каѳедрѣ, мы его любили и уважали, присоединяя его заранѣе къ плеядѣ профессоровъ либеральнаго лагеря, тогда преобладавшей въ университетѣ. Мало того: мы заранѣе уже создали себѣ совершенно своеобразное представленіе о Костомаровѣ, какъ объ идеалѣ всякихъ доблестей и научныхъ достоинствъ... И Костомаровъ, на первыхъ порахъ, вполнѣ оправдалъ всѣ возложенныя нами на него упованія и надежды. Читалъ онъ лекціи превосходно, самъ видимо увлекаясь и успѣхомъ своимъ, и обаяніемъ, которое распространялъ вокругъ себя. Въ говорѣ его, не совсѣмъ чистомъ и правильномъ, было нѣчто своеобразное и привлекательное; языкомъ владѣлъ онъ ловко и умѣлъ чрезвычайно искусно украшать свою рѣчь цитатами и отдѣльными выраженіями, заимствованными изъ памятниковъ. Память у него была изумительная: онъ могъ свободно, не запинаясь, наизусть приводить изъ лѣтописей и актовъ цѣлыя страницы, и я помню, какъ насъ поражала эта способность Костомарова,—помню, какимъ великимъ ученымъ онъ намъ казался въ то время! Къ чести покойнаго историка слѣдуетъ замѣтить, что онъ нисколько не увлекался примѣромъ многихъ своихъ товарищей-профессоровъ, которые, въ то время, любили блистать на лекціяхъ либеральными фразами и теоріями, неимѣвшими никакихъ отношеній къ наукѣ. Онъ читалъ лекціи очень свободно, не стѣсняясь никакими цензурными условіями (таково было время), разбиралъ на каѳедрѣ житія и отреченныя книги, набрасывалъ широкую картину государственнаго строя древней Руси и пояснялъ ее примѣрами изъ позднѣйшей и современной русской исторіи; но онъ всегда и вездѣ оставался на почвѣ исторической науки и никогда не дѣлалъ никакой уступки фразѣ. И мы вполнѣ оцѣнили эту добросовѣстную и безпритязательную серьезность нашего новаго профессора, въ которомъ, впрочемъ, насъ привлекали не только его достоинства, но даже и его недостатки, съ такою рѣзкостью опредѣлившіеся въ его позднѣйшей научной дѣятельности. Такъ, напримѣръ, намъ чрезвычайно нравилась не только художественная образность историческаго изложенія въ устахъ Костомарова, но и его пристрастіе къ слишкомъ смѣлымъ гипотезамъ и къ такимъ сопоставленіямъ, которыя основывались на весьма шаткомъ и даже случайномъ совпаденіи нѣкоторыхъ чисто-внѣшнихъ признаковъ. Насъ поражало чрезвычайное остроуміе изслѣдователя, который то въ Ильменскихъ славянахъ ухитрялся видѣть своихъ излюбленныхъ «хохловъ», то въ варягахъ видѣлъ «Литву». Мы глубоко сочувствовали болѣе чѣмъ смѣлому рѣшенію Костомарова вступить въ ученый диспутъ «о

происхожденіи Руси» съ такимъ столпомъ норманизма какъ Погодинъ, и во всѣхъ, болѣе чѣмъ спорныхъ, доводахъ и возраженіяхъ нашего профессора знаменитому московскому ученому мы видѣли верхъ ученаго остроумія и находчивости. Мы никогда не забудемъ того восторженнаго грохота рукоплесканій, которымъ мы привѣтствовали на этомъ диспутѣ Костомарова, не забудемъ и того наивнаго самодовольствія, съ которымъ онъ принималъ воздаваемыя ему нами оваціи, какъ нѣчто подобающее, какъ нѣчто заслуженное имъ. Ему, повидимому, и въ голову не приходило, что этотъ диспутъ представлялся намъ вовсе не ученымъ споромъ, а чѣмъ-то въ родѣ борьбы свѣтлаго Сигфрида съ мрачнымъ Фафниромъ:—намъ казалось, что въ лицѣ Погодина на Костомарова возстаетъ все отжилое, отсталое, темное, и, напротивъ того, что все свѣтлое, новое, живое олицетворяется въ нашемъ любимцѣ [1])...

Однимъ только Костомаровъ не нравился студентамъ: онъ не любилъ ни съ кѣмъ вступать въ разговоры внѣ аудиторіи и не особенно жаловалъ тѣхъ, которые искали сближенія и знакомства съ нимъ... Отчасти это происходило потому, что онъ былъ постоянно очень занятъ своими лекціями и своими историческими работами; отчасти же потому, что онъ, вѣроятно, самъ чувствовалъ свою полнѣйшую неспособность кого бы то ни было руководить и направлять въ историческомъ изученіи. Постоянно пребывая въ своемъ особомъ, отвлеченномъ мірѣ, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія войти въ интересы постороннихъ лицъ, дѣлиться съ ними взглядами, или вести споръ о какомъ-нибудь частномъ историческомъ вопросѣ. Когда къ нему обращались студенты за какими-нибудь объясненіями, онъ довольствовался тѣмъ, что, указывая какую-нибудь книгу, высказывалъ кратко и опредѣленно свое мнѣніе—и спѣшилъ отдѣлаться отъ докучныхъ посѣтителей. На это (конечно, совершенно несправедливо) жаловались нѣкоторые изъ нашихъ товарищей; но мнѣ самому не пришлось этого испытать: — я былъ обласканъ Костомаровымъ при первомъ знакомствѣ съ нимъ, вѣроятно, изъ уваженія къ памяти покойнаго отца моего, также либерала и новатора въ русской исторической наукѣ, и когда, по окончаніи курса въ университетѣ, весною 1861 г., мнѣ пришлось уѣхать изъ Петербурга на службу въ провинцію, я унесъ съ собою самыя свѣтлыя, самыя восторженныя воспоминанія о Костомаровѣ, какъ профессорѣ. По моему тогдашнему мнѣнію, на этомъ солнцѣ не было и не могло быть пятенъ.

---

[1]) Помню, что меня лично привлекало къ Костомарому и еще одно случайное обстоятельство: внѣшностью своею онъ сильно напоминалъ мнѣ моего покойнаго отца, къ которому онъ всегда относился съ большимъ уваженіемъ.

Въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ мы встрѣчались съ покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ довольно рѣдко, только во время моихъ пріѣздовъ въ Петербургъ по дѣламъ семейнымъ, а потомъ для занятій по магистерскому экзамену и диссертаціи. Сношенія наши сдѣлались особенно оживленными и частыми только уже въ 1864, 1865 и 1866 годахъ, которые я провелъ въ Петербургѣ съ появившеюся у меня маленькою семьею. Въ теченіе этого времени я, кажется, не пропустилъ ни одного вторника (назначеннаго дня у Костомарова), и самъ Николай Ивановичъ заглядывалъ раза два въ недѣлю въ мою маленькую, уютную квартирку во дворѣ одного изъ домовъ 11-й линіи Васильевскаго острова. Насъ раздѣлялъ только небольшой переулокъ, и, благодаря этой близости, сношенія наши могли быть очень частыми, при той особенной пріязни, которая между нами установилась, не смотря на разницу лѣтъ и положеній. Я былъ тогда простымъ учителемъ, заваленнымъ уроками и очень юнымъ, неопытнымъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ всеобщей литературы при Петербургскомъ университетѣ;—Николай Ивановичъ былъ въ апогеѣ своей исторической славы и литературной извѣстности. Онъ работалъ надъ «Смутнымъ временемъ», и до такой степени углублялся въ свои работы, что, въ буквальномъ смыслѣ слова, жилъ съ Разстригою, Сапѣгою, тушинцами, Шуйскими, Болотниковыми и московскими перелетами. Онъ не могъ ни о чемъ, кромѣ героевъ «Смутнаго времени», ни говорить, ни думать; онъ чувствовалъ постоянную потребность читать вслухъ написанныя имъ части текста своего труда, и разсуждать, толковать о немъ со всѣми. Случалось даже, что онъ, съ свойственнымъ ему хохлацкимъ юморомъ, придумывалъ цѣлые комическіе діалоги между московскими боярами, польскими панами, тушинцами и казаками, и живо передавая въ лицахъ эти вымышленные разговоры, самъ хохоталъ надъ ними до упаду, съ дѣтскою наивностью.

«Вторники» Николая Ивановича были, въ своемъ родѣ, явленіемъ любопытнымъ. Съ чарующею простотою крупнаго таланта и человѣка, живущаго интересами «иного міра», не замѣчающаго кругомъ себя ни людей, ни практической жизни, Николай Ивановичъ одинаково радушно принималъ у себя по «вторникамъ» самый разнообразный людъ, и ученый, и вовсе не ученый, и литературный—и такой, который не имѣлъ и не могъ имѣть ни малѣйшаго отношенія къ литературѣ и наукѣ. Кого, кого нельзя было встрѣтить на этихъ Костомаровскихъ «вторникахъ»! Тутъ были и какіе-то сельскіе попы, и офицеры, и разныя ученыя и литературныя знаменитости шестидесятыхъ годовъ, и какіе-то саратовскіе помѣщики и чиновники, и учителя петербургскихъ гимназій, и студенты, и неизбѣжный книгопродавецъ Д. Е. Кожанчиковъ, который во всѣ разговоры и споры совался съ своими не-

умными и недальновидными разсужденіями и мнѣніями. Вся эта разнохарактерная и разношерстная братія собиралась въ кабинетѣ Николая Ивановича, около небольшого переддиваннаго столика, среди непроницаемыхъ облаковъ табачнаго дыма, усиленно осушая стаканы чаю, которые непрерывно присылала гостямъ матушка Николая Ивановича, неслышно и незамѣтно правившая всѣмъ домомъ сына и до старости окружавшая его, какъ малое дитя, самыми нѣжными заботами. Самъ Николай Ивановичъ почти никогда не сидѣлъ на мѣстѣ; онъ безпрестанно ходилъ изъ угла въ уголъ кабинета, покуривая свою классическую трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и изрѣдка покрикивая своего слугу «Миррона», чтобы набить или «запалить люльку». Но не смотря на эту непосѣдливость Николая Ивановича, онъ самъ все же оставался главнымъ центромъ, главнымъ интересомъ собиравшагося у него кружка—душею «вторниковъ». Мало того: онъ умѣлъ всегда всѣхъ своихъ гостей (даже и неимѣвшихъ никакого отношенія ни къ исторіи, ни къ наукѣ) заинтересовать тою эпохою «Смутнаго времени», которая его занимала и которую онъ такъ страстно изучалъ. Всѣмъ и каждому находилъ онъ возможность что-нибудь разсказать изъ вычитаннаго и отысканнаго имъ въ старыхъ книгахъ и рукописяхъ, и такъ и сыпалъ направо и налѣво анекдотами о герояхъ «Смутнаго времени», переплетая ихъ своими излюбленными разсказами изъ народнаго быта о казакахъ и жидахъ, или «валаамскими» сказками о поповомъ батракѣ, или наконецъ неистощимыми легендами о «бѣсахъ»...[1]). Жизненная сила ключемъ била изъ этого высокоталантливаго человѣка и художника, который, страстно занимаясь историческимъ изслѣдованіемъ и изученіемъ древнихъ памятниковъ, ни на минуту не выходилъ изъ заколдованнаго міра своей фантазіи и невольно увлекалъ въ него всѣхъ приближавшихся къ нему.

Обаяніе этой силы было настолько велико, что на первыхъ порахъ почти никто не замѣчалъ, что почтенный историкъ даетъ огромное преобладаніе своей фантазіи даже и въ дѣлѣ историческаго наблюденія, что онъ ею создаетъ историческіе образы и характеры, на ней строитъ свои приговоры объ историческихъ дѣятеляхъ, при помощи ея окрашиваетъ историческую эпоху въ тотъ или другой цвѣтъ. И ничто такъ не раздражало Костомарова, какъ дѣльное, основанное на фактахъ, возраженіе противъ возможности или правдивости созданной имъ фантастической теоріи, фантастическаго характера или фантастической окраски извѣстной эпохи... Это возраженіе на-

[1]) «Бѣсъ», при болѣзненно-настроенномъ воображеніи Николая Ивановича, игралъ весьма значительную роль въ его біографіи. Всѣ галлюцинаціи, къ которымъ Н. И. былъ очень склоненъ, выражались у него въ образѣ длинныхъ бесѣдъ съ бѣсомъ, который надъ нимъ «подшучивалъ» и, по увѣренію Николая Ивановича, даже жилъ постоянно въ печи его кабинета.

рушало тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ онъ привыкъ вращаться, оно перепутывало золотые сны его мечты, оно подрывало внѣшнюю стройность его идеальной постройки — и онъ терялся, не находя почвы подъ ногами, онъ старался даже вовсе отрицать приводимые въ доказательство факты и придумывалъ для опроверженія ихъ самыя смѣлыя, самыя неосновательныя гипотезы. Если по этому поводу завязывался серьезный, горячій споръ, Николай Ивановичъ въ немъ выказывалъ иногда иныя, далеко-непривлекательныя стороны своей натуры... Съ этими сторонами я успѣлъ хорошо ознакомиться по мѣрѣ того, какъ сближался съ нимъ и внимательно присматривался къ его частной жизни. Въ этой частной жизни почтенный историкъ выказывался капризнымъ, избалованнымъ ребенкомъ. Отъ ранняго дѣтства привыкнувшій жить исключительно въ мірѣ грезъ, постоянно окруженный заботами нѣжной матери, у которой онъ былъ единственнымъ ребенкомъ, никогда не знавшій нужды—Костомаровъ выросъ и созрѣлъ какимъ-то баловнемъ судьбы. Этотъ баловень не только не зналъ ничего въ обыденной, практической жизни, не только ничего въ ней не смыслилъ, но и не хотѣлъ знать, и не хотѣлъ смыслить. И это отчужденіе отъ жизни происходило вовсе не потому, чтобы онъ вовсе не былъ способенъ въ эту жизнь вникнуть, и не потому, чтобы онъ не зналъ цѣны земнымъ благамъ или пренебрегалъ ими... Нѣтъ, отчужденіе отъ жизни основывалось въ немъ на глубочайшемъ эгоизмѣ, которымъ проникнуто было все существо Николая Ивановича; а этотъ эгоизмъ совершенно правильно побуждалъ его выше всего на свѣтѣ цѣнить своимъ спокойствіемъ. Вотъ почему онъ весьма охотно предоставлялъ другимъ заботиться о немъ, весьма охотно принималъ услуги всѣхъ своихъ пріятелей и почитателей, — и рѣшительно никогда ни о комъ не заботился, никогда и никому не оказывалъ ни одной уступки или услуги и ни для кого не поступился ни своимъ спокойствіемъ, ни своимъ достаткомъ... Эти непріятныя (хотя и совершенно-естественно развившіяся) стороны характера Николая Ивановича, еще болѣе усилившіяся, еще рѣзче высказавшіяся подъ старость, дѣлали его весьма неудобнымъ во всѣхъ житейскихъ сношеніяхъ и отношеніяхъ, не связанныхъ съ его научными занятіями. Онъ былъ неудобнымъ членомъ коллегіи, въ которой никакъ не могъ забыть о своемъ личномъ значеніи и интересахъ; онъ становился весьма неудобнымъ пріятелемъ, какъ только отъ него требовалась небольшая услуга или уступка, хотя бы даже въ возмездіе за многія оказанныя ему услуги и пожертвованія. При этихъ сторонахъ характера, онъ былъ, конечно, очень неустойчивъ въ дружбѣ и въ пріятельскихъ, даже много лѣтъ длившихся отношеніяхъ:—всякій другъ и пріятель составляли для него не болѣе, какъ временное удобство жизни, извѣстную часть обстановки ея, къ которой онъ привыкалъ; но чуть

только этотъ другъ заявлялъ какія-нибудь права на спокойствіе, на вниманіе и участіе Николая Ивановича, тотъ сейчасъ же отъ него отвращался и очень скоро забывалъ о былой дружбѣ. Вообще говоря, сердечностью онъ никогда не отличался и этотъ недостатокъ ясно сказывался у него не только въ жизни, но и во всѣхъ его историческихъ трудахъ, въ которыхъ мы не знаемъ страницъ трогательныхъ, проникнутыхъ теплымъ чувствомъ, хватающихъ за живыя струны души...

Постоянныя и исключительныя заботы о себѣ самомъ, при полнѣйшемъ равнодушіи къ окружающимъ, приводили Николая Ивановича еще къ одной, чрезвычайно непріятной странности: — онъ постоянно наблюдалъ себя, изучалъ свой организмъ, слѣдилъ за нимъ съ величайшею тщательностью и каждое, самое ничтожное, явленіе въ немъ старался истолковать въ самыхъ мрачныхъ красках. Мнителенъ онъ былъ до чрезвычайности, лечился постоянно и непрерывно, то у докторовъ, то домашними средствами—и постоянно докучалъ всѣмъ и каждому разговоромъ о своихъ недугахъ. Какъ человѣкъ вполнѣ обезпеченный, одинокій и довольно скупой, онъ искалъ исцѣленія своимъ дѣйствительнымъ и мнимымъ недугамъ въ частыхъ путешествіяхъ по разнымъ водамъ, купаньямъ и курортамъ—и на это не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ, ни денегъ—выше всего на свѣтѣ ставя заботы о своемъ здоровьѣ.

Въ 1866 году я разстался съ Николаемъ Ивановичемъ, который въ это время былъ мнѣ уже и кумомъ (онъ крестилъ у меня сына Николая), и уѣхалъ въ Одессу, на службу при Новороссійскомъ университетѣ. Пять-шесть лѣтъ провелъ я на югѣ Россіи и въ Варшавѣ, и въ эти пять лѣтъ, сталкиваясь на каждомъ шагу съ непривлекательною дѣйствительностью на нашихъ окраинахъ, я сталъ какъ-то особенно непріязненно относиться къ преобладанію фантазіи въ историческомъ изученіи и крѣпко разочаровался въ Николаѣ Ивановичѣ, какъ ученомъ и общественномъ дѣятелѣ... Къ тому же и Николай Ивановичъ за это время успѣлъ слишкомъ ясно высказать себя сторонникомъ какой-то идеальной правды, отрицавшей въ нашемъ историческомъ прошломъ все то, что въ немъ было яркаго, великаго и достойнаго уваженія. Когда, по возвращеніи въ Петербургъ, я какъ-то разъ встрѣтился съ Николаемъ Ивановичемъ въ Публичной Библіотекѣ — мы, съ первыхъ же словъ завязавшейся между нами бесѣды, увидѣли, что мы совершенно чужды другъ другу... Я болѣе сочувствовалъ въ это время той критикѣ, которая начала сурово относиться къ ученой дѣятельности историка-идеалиста, нежели ему и его теоріямъ... Меня не потянуло къ возобновленію прежнихъ отношеній съ Николаемъ Ивановичемъ — и я уже не видѣлъ его болѣе до самой кончины...

П. Полевой.

ШЛИМАНЪ И ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Значеніе археологической дѣятельности Шлимана.—Его борьба за существованіе и достиженіе матеріальной независимости.—Первыя троянскія раскопки Шлимана на Гисарлыкѣ: открытіе такъ называемаго «сокровища Пріама»; нападки на «Троянскія Древности».—Результаты раскопокъ въ Микенахъ.—Открытія въ Итакѣ.—Раскопки на Гисарлыкѣ съ участіемъ Вирхова и Бюрнуфа.—Троянскія раскопки 1882 года съ участіемъ Дёрпфельда: открытіе остатковъ дворца.—Успѣхи Шлимана въ ученомъ мірѣ.—Шлимановскій способъ производства раскопокъ.—Открытія въ Тиринѳѣ.—Побѣда Шлимана въ ученомъ спорѣ съ Пенрозомъ.—Подробности о тиринѳскихъ древностяхъ.—Раскопки на Киѳерѣ и Сфактеріи.—Гдѣ находятся шлимановскія коллекціи?—Послѣдняя услуга Шлимана въ области археологіи.—Шлиманъ въ своей частной жизни.

I.

ВЪ АѲИНАХЪ 4-го января (нов. ст.) схоронили д-ра Генриха Шлимана, скоропостижно скончавшагося проѣздомъ черезъ Неаполь. Какая крупная сила утрачена наукой со смертью этого оригинальнаго ея дѣятеля, можно судить по единодушнымъ соболѣзнованіямъ о ней печати всего свѣта и многихъ ученыхъ авторитетовъ. Конечно, вполнѣ оцѣнить научныя заслуги покойнаго не пришло еще время. Того, что успѣлъ онъ собрать изъ открытыхъ имъ развалинъ давно погибшихъ доисторическихъ городовъ, на десятки лѣтъ хватитъ для изслѣдованій по наукѣ о древностяхъ, по исторіи искусства и культуры. Но независимо отъ окончательной разработки всего добытаго имъ археологическаго мате-

ріала, общее значеніе его плодотворной археологической дѣятельности и теперь уже совершенно ясно и неоспоримо.

Археологія обязана ему замѣчательными открытіями, освѣтившими ту героическую эпоху Греціи, которая нашла свое яркое выраженіе въ поэмахъ Гомера. До раскопокъ Шлимана наука о древностяхъ не имѣла о ней яснаго представленія и это какъ бы оправдывало безпочвенность заключеній филологической критики о твореніяхъ отца поэзіи. Въ нихъ эта критика не признавала исторической основы. Гомеровы описанія Троянской войны нерѣдко представлялись фантастическимъ вымысломъ, а самъ Гомеръ—миѳомъ. Энергіи и чуткой наблюдательности, трудамъ и самопожертвованію покойнаго посчастливилось расширить область изученія греческихъ древностей совершенно новымъ матеріаломъ, положить начало новымъ воззрѣніямъ на Гомеровы поэмы, основаннымъ на положительныхъ фактахъ, а не на замысловатыхъ гаданіяхъ пылкой фантазіи, и такимъ образомъ открыть новую эру въ изслѣдованіяхъ античной археологіи.

Такой переворотъ въ изученіи науки о древностяхъ произведенъ Шлиманомъ чисто практически. Онъ работалъ надъ рѣшеніемъ археологическихъ вопросовъ не по книгамъ, а на дѣлѣ, при помощи заступа и лопаты. Одинъ ученый, близко знавшій покойнаго, утверждаетъ, что Шлиманъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ рѣдкихъ людей, у которыхъ стремленіе къ идеалу замѣчательнымъ образомъ сочеталось съ практическимъ смысломъ. Это дѣйствительно подтверждается и жизненной карьерой, и археологической дѣятельностью его. Все, что̀ ни начиналъ онъ, доводилось имъ до конечныхъ цѣлей. Упорнымъ трудомъ и неослабной энергіей онъ выбился изъ бѣдности и безвѣстности, самоучкой сталъ выдающимся лингвистомъ, смѣлыми торговыми операціями достигъ независимаго матеріальнаго положенія, и только тогда всецѣло посвятилъ себя научной дѣятельности, съ цѣлью доискаться окончательнаго рѣшенія вопросовъ, пробужденныхъ въ немъ изученіемъ Гомера. Практическій купецъ оказался фанатическимъ поклонникомъ Гомеровой древности.

Ключъ къ уясненію побужденій, направившихъ Шлимана именно на изученіе героическаго періода Греціи, данъ въ его автобіографіи. Автобіографія эта поучительна и достойна занесенія въ книги для дѣтскаго чтенія, какъ примѣръ того, чего можно добиться непреклонной энергіей и упорнымъ трудомъ. Сынъ пастора мекленбургской деревни, обладавшій живой фантазіей, онъ семилѣтнимъ ребенкомъ (въ 1829 году) получилъ въ подарокъ къ рождественскимъ праздникамъ всемірную исторію для дѣтей, въ которой было изображеніе горящей Трои, съ ея огромными стѣнами и скайскими воротами, съ бѣгущимъ Энеемъ, несущимъ на спинѣ отца Анхиза и ведущимъ за руку маленькаго Асканія. Эта картинка произвела

сильное впечатлѣніе на Генриха, и подъ вліяніемъ разсказовъ отца его о гомеровскихъ герояхъ пробудила въ немъ желаніе посѣтить ту мѣстность и воочію увидѣть, что тамъ осталось отъ древняго величія. Иначе сказать, онъ тогда же крѣпко задумалъ найти го-

Д-ръ Генрихъ Шлиманъ.

родъ Пріама, этотъ центральный пунктъ всѣхъ событій и блестящихъ картинъ, описанныхъ въ «Иліадѣ».

Этотъ съ виду фантастическій планъ имѣлъ рѣшающее значеніе для всей его дальнѣйшей жизни. Непоколебимая вѣра Шлимана въ осуществимость такой мечты не покидала его никогда, ни при какихъ превратностяхъ судьбы. А этихъ превратностей и житейскихъ не-

взгодъ на его долю досталось не мало. По обѣдненіи отца, систематическое образованіе Генриха прервалось, когда ему минуло 14 лѣтъ. Нужда загнала его въ такую обстановку, гдѣ приходилось распроститься со всякими надеждами на идеальныя стремленія и вся первая половина его жизни прошла въ исканіи средствъ къ существованію. Сперва онъ болѣе пяти лѣтъ служилъ въ мелочной лавкѣ, работалъ съ самаго ранняго утра до ночи, не имѣя свободнаго времени помышлять о какихъ-либо умственныхъ интересахъ. Затѣмъ, надорвавшись тяжелой работой, онъ лишился и этого мѣста прислужника у торговца, попалъ въ крайнюю нищету и пѣшкомъ отправился въ Гамбургъ искать счастья. Тамъ онъ поступилъ на бригъ, направлявшійся въ Венесуэлу. Но бригъ по выходѣ изъ Эльбы потерпѣлъ крушеніе. Едва избѣжавъ смерти, Шлиманъ очутился въ Амстердамѣ еще въ болѣе безпомощномъ положеніи, чѣмъ былъ въ Гамбургѣ. Только счастливая случайность спасла его отъ голодной смерти. Одинъ знакомый его матери рекомендовалъ его въ артельщики при конторѣ фирмы Квіенъ. Почувствовавъ подъ собой нѣкоторую почву, имѣя опредѣленный заработокъ, Шлиманъ съ энергіей, пренебрегавшей лишеніями, принялся за пополненіе своего образованія. Жилъ онъ тогда въ нетопленной комнаткѣ на мансардахъ; но учился прилежно, отказывая себѣ въ необходимомъ, чтобы имѣть возможность запастись потребными книгами.

Практическая сторона этихъ занятій имъ не упускалась изъ вида. Расширеніе познаній могло только возвысить пригодность его въ торговой дѣятельности, и всего цѣлесообразнѣе тутъ было изученіе иностранныхъ языковъ. И Шлиманъ съ удивительнымъ успѣхомъ въ короткое время по собственному методу изучилъ прежде всего англійскій, французскій и русскій языки, а затѣмъ и другіе новѣйшіе языки. Особенно полезнымъ для него оказался русскій языкъ. Фирма Шредеръ и Комп. отправила его своимъ агентомъ въ Петербургъ, гдѣ онъ вскорѣ упрочилъ свою коммерческую самостоятельность. Опытность въ торговыхъ дѣлахъ, смѣлость и предпріимчивость, и всюду личное наблюденіе въ предпріятіяхъ до мельчайшихъ подробностей, послужили основой его быстрыхъ успѣховъ. Рядомъ съ главными предметами ввоза, индиго и чая, во время американской междуусобной войны онъ счастливо спекулировалъ на хлопкѣ, а въ Крымскую кампанію — на военныхъ матеріалахъ. Крымская война, обанкрутившая многихъ коммерсантовъ, удвоила состояніе Шлимана. Къ концу десятилѣтія своего пребыванія въ Петербургѣ онъ сталъ милліонеромъ. Но и въ то время, всецѣло посвящая себя торговой дѣятельности, онъ не забывалъ о планѣ своей юности. 36-ти лѣтъ онъ изучилъ въ Петербургѣ греческій языкъ, прочелъ Гомера въ подлинникѣ и рѣшилъ, что пришло время осуществить «мечту своей жизни».

II.

Купецъ Шлиманъ на нѣсколько лѣтъ отправился путешествовать. Черезъ Тунисъ и Египетъ онъ поѣхалъ въ Индію и на Гималаи, посѣтилъ Китай и Японію и побывалъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Мексикѣ. На обратномъ пути онъ попалъ въ Калифорнію, какъ разъ въ тотъ день, когда эта територія была при-

Г-жа Шлиманъ.

знана штатомъ, а каждый обитатель ея объявлялся гражданиномъ штата. Съ того времени онъ и считался американскимъ подданнымъ. По возвращеніи въ Европу, онъ поселился въ Парижѣ, для спеціальной подготовки къ археологическимъ изысканіямъ. Тамъ же онъ издалъ по-французски книгу «Китай и Японія» («La Chine et le Japon»). Затѣмъ въ 1868 году потянуло его въ классическія земли.

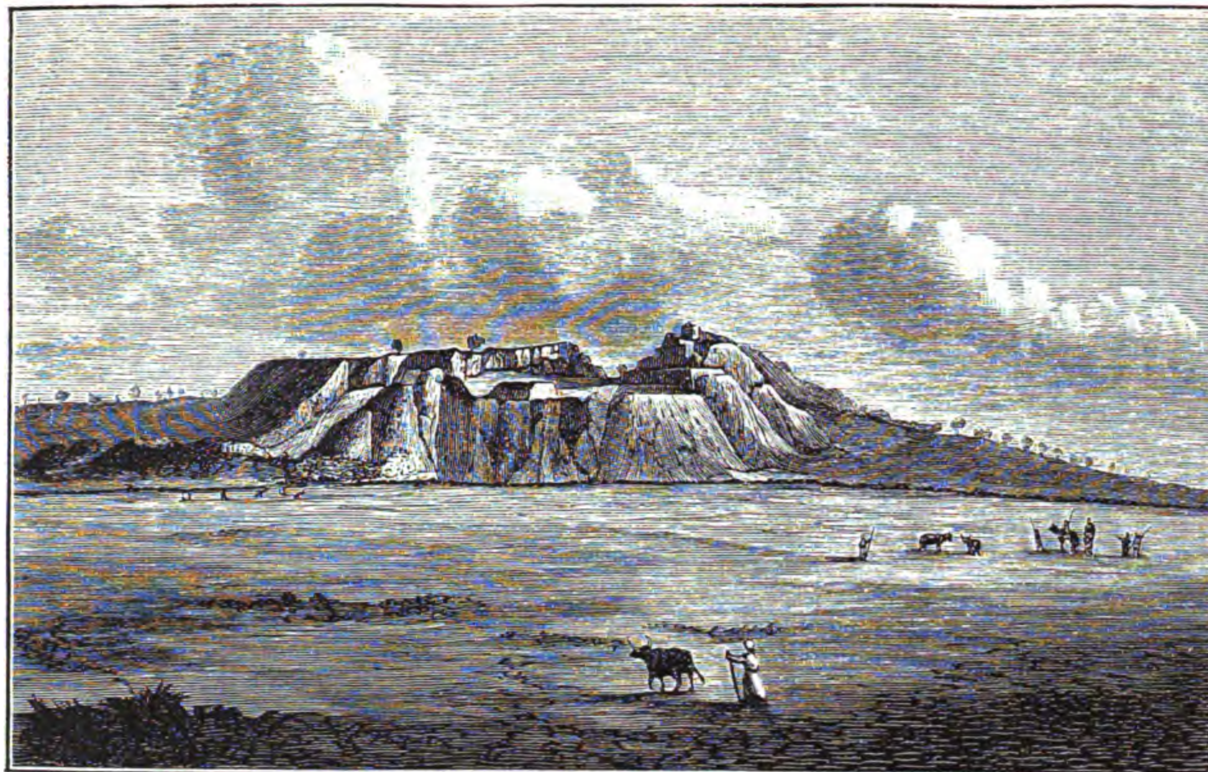
Онъ посѣтилъ поочередно три города, прославленные сказаніями древне-греческаго эпоса: Итаку, родину Одиссея, Микены, резиденцію Агамемнона изъ рода Атрея, и самую равнину Трои. Уже въ книгѣ, излагавшей результаты этого путешествія (издана въ 1869 г. по-нѣмецки и по-французски подъ заглавіемъ: «Итака, Пелопонесъ и Троя»), за которую Ростокскій университетъ присудилъ ему званіе доктора, намѣчены воззрѣнія, на которыхъ онъ обосновалъ впослѣдствіи всѣ свои археологическія предпріятія. Относительно Микенъ онъ заключилъ изъ описанія Павзанія (II, 16, 4), что могилы атридовъ должны находиться не внѣ, а внутри пространства, занимаемаго этимъ городомъ. Уже тогда онъ высказалъ увѣренность, что Гомерова Троя не есть созданіе поэтической фантазіи, а существовала въ дѣйствительности, именно на нынѣшнемъ Гисарлыкѣ, вблизи моря, и что непремѣнно должно существовать соотвѣтствіе между тѣмъ, что можетъ быть открыто на этомъ мѣстѣ древней Трои, и описаніями «Иліады». Эта твердая вѣра привела его ко всѣмъ послѣдующимъ открытіямъ, а его счастливый инстинктъ при выборѣ пунктовъ для раскопокъ и даръ наблюдательности оказали весьма существенныя услуги его успѣхамъ.

Первымъ сокровищемъ, обрѣтеннымъ имъ на почвѣ Греціи, была вторая жена покойнаго [1]), даровитая, образованная и энергичная гречанка, которая не только сочувствовала преклоненію мужа передъ классической древностью, но и принимала активное участіе въ созиданіи его славы и доказала готовность на самопожертвованіе ради успѣховъ дѣла, героически перенося всѣ лишенія и тягости, какія были сопряжены съ раскопками въ первые годы ихъ производства. Шлиманъ съ женой неотступно и самолично руководилъ ими. Милліонеръ тутъ отказался отъ всякихъ удобствъ, переносилъ всѣ непріятности погоды и климата. Онъ жилъ подъ примитивной крышей на открытомъ холмѣ въ Троянской равнинѣ. Рѣзкій холодъ съ вѣтромъ, отъ котораго вода замерзала въ печкѣ, смѣнялся солнечнымъ пекломъ, раскалявшимся надъ болотистой равниной, облака пыли, томительные дни среди шума полудикой толпы рабочихъ, безсонныя ночи подъ отвратительные крики совъ, массами гнѣздящихся въ тѣхъ мѣстахъ, — вотъ какія прелести переживала богатая чета. Завтракъ Шлимана нерѣдко состоялъ изъ хинина, который приходилось принимать въ большихъ дозахъ, въ предохраненіе себя отъ лихорадки. Но успѣхъ вознаградилъ его за тягостные труды.

Осенью 1871 года Шлиманъ приступилъ къ раскопкамъ на возвышенности Гисарлыка, которую онъ, вопреки принятому ар-

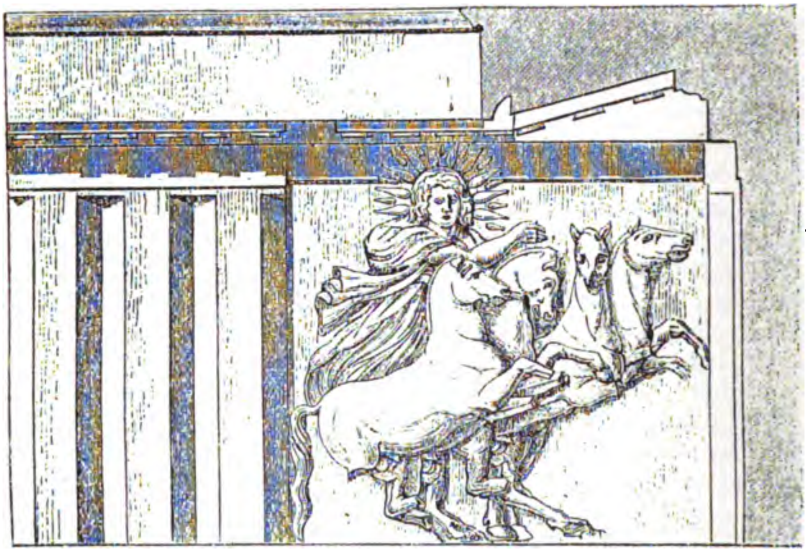
---

[1]] Съ первой женой онъ былъ разведенъ въ 1869 году въ американскомъ городкѣ Индіанополисѣ. Для этой цѣли онъ прожилъ тамъ съ годъ. Судъ выдалъ разводную, по которой женѣ Шлимана и тремъ дѣтямъ отъ нея отошло все, что̀ принадлежало ему въ Петербургѣ.



Видъ Трои по раскопкамъ Шлимана 1871—1875 гг. (съ сѣверной стороны).

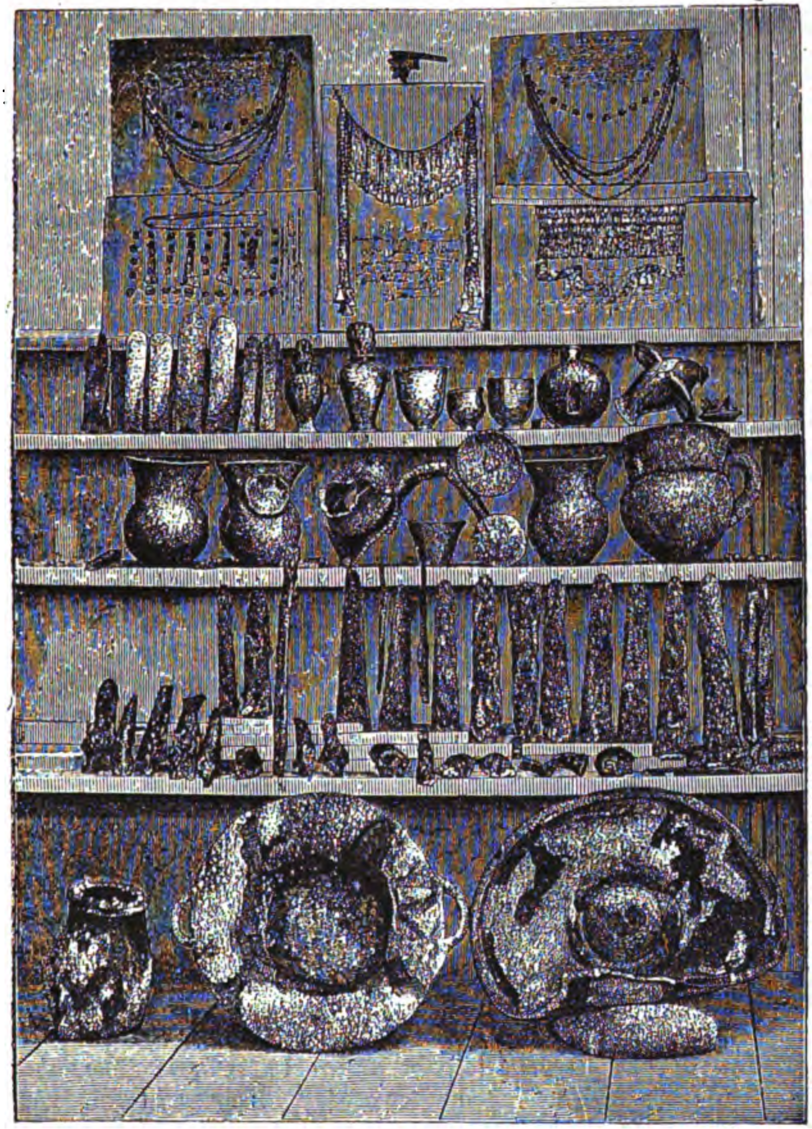
хеологами мнѣнію, намѣтилъ, какъ мѣсто древняго Иліона. Зима принудила пріостановить работы, но въ мартѣ 1872 г. Шлиманъ снова явился туда, и до половины августа до 150 человѣкъ раскапывали мусоръ тысячелѣтій. Тутъ еще далеко было до благопріятныхъ результатовъ. Обнаружились отдѣльныя стѣны, но въ какой связи они были между собою, оставалось неяснымъ. Изъ отдѣльныхъ находокъ самымъ интереснымъ явился изображенный на прилагаемомъ рисункѣ метопъ какого-то греческаго храма (Аѳины?) съ рельефнымъ изображеніемъ Геліоса. Въ слѣдующемъ году Шлиманъ еще усерднѣе принялся за раскопки съ 1-го февраля и въ теченіе 6 недѣль много терпѣлъ отъ сильнаго холода



Метопъ греческаго храма, найденный въ Новомъ Иліонѣ, съ изображеніемъ Геліоса.

и, по его словамъ, согрѣвался только по вечерамъ воодушевленіемъ къ великому дѣлу открытія Трои. Но къ этому году относятся и первые успѣхи его. Городскія стѣны выступили яснѣе, на юго-востокѣ показались большія ворота, и совсѣмъ вблизи ихъ подъ фундаментомъ городской стѣны найдено было знаменитое сокровище, названное имъ въ порывѣ увлеченія «сокровищемъ Пріама».

Дѣйствительно, сокровище оказалось неслыханнымъ. На прилагаемомъ рисункѣ оно изображено въ своемъ полномъ составѣ. На самомъ верху воспроизведены женскія украшенія, которыя были найдены сложенными всѣ вмѣстѣ въ серебряномъ горшкѣ (см. на рисункѣ въ третьемъ ряду справа самый большой горшокъ),



Такъ называемое «сокровище Пріама».

діадемы, шесть браслетовъ, 30 паръ серегъ. Уже одно это обстоятельство указываетъ на то, что тутъ дѣйствительно мы имѣемъ дѣло съ кладомъ, сокровищницей, а не съ содержимымъ могилы, какъ пытались утверждать нѣкоторые критики Шлимана.

Самыя замѣчательныя вещи въ этой коллекціи—двѣ большія діадемы, составленныя изъ безчисленнаго множества цѣпочекъ.

Какъ носились эти діадемы, видно на приложенномъ здѣсь портретѣ г-жи Шлиманъ.

Во второмъ ряду сверху размѣщены: слѣва шесть плоскихъ серебряныхъ слитковъ въ видѣ большихъ клинковъ различной величины, причемъ меньшіе плотнѣе большихъ, и вѣсъ ихъ колеблется между 171 и 174 граммами. Шлиманъ полагаетъ, что эти предметы служили для обмѣна и считаетъ ихъ гомеровскими талантами. Тамъ же видны двѣ серебряныя вазы съ крышками въ видѣ шапокъ и съ отвѣсными трубочками вмѣсто ручекъ. По своей формѣ вазы эти напоминаютъ египетскія канопы. Затѣмъ размѣщены въ томъ же ряду: три чаши-кубка, изъ нихъ два большіе изъ золота, меньшіе — изъ электрона (1 доля серебра на 4 доли золота), далѣе—шарообразная золотая бутылка и, наконецъ, овальный сосудъ съ двумя ручками, по формѣ похожій на раздутый челнокъ. Въ третьемъ ряду стоятъ четыре вазы, изъ нихъ наибольшая имѣетъ ручку, и для каждой изъ нихъ можно подыскать аналогичные сосуды только въ ряду египетскихъ сосудовъ. Въ срединѣ между ними лежитъ какой-то мѣдный предметъ, который Шлиманомъ считается за петлю ящика для сокровища. Слѣва къ нему приложена серебряная ваза, справа—небольшое серебряное блюдо. Въ четвертомъ ряду сверху помѣщается оружіе—кинжалы, копьеца и сѣкиры. Кинжалы имѣютъ видъ широкихъ листообразныхъ клинковъ, заканчивающихся толстымъ круглымъ штифтомъ, который совершенно вдоль входитъ въ черенокъ и закругляется на концѣ его. Копья совершенно плоскія и отличаются почти отъ всѣхъ другихъ копій, найденныхъ въ доисторическихъ кладахъ. Подобныя копья извѣстны только по кипрскимъ находкамъ, хранящимся въ Британскомъ Музеѣ и въ Луврѣ. Сѣкиры имѣютъ форму долота и въ этомъ отношеніи не отличаются отъ простѣйшихъ сѣкиръ другихъ раскопокъ. Химическимъ анализомъ металла въ этихъ оружіяхъ выяснено, что они всѣ состоятъ почти изъ чистой мѣди (на 0,286 грамма анализированнаго металла приходится 0,274 грамма мѣди и только 0,011 грамма олова). На рисункѣ въ самомъ нижнемъ ряду воспроизведены: слѣва—мѣдная ваза, въ серединѣ—мѣдное блюдо, справа—большое плоское мѣдное блюдо съ выпуклостью по срединѣ точно такой формы, какую имѣютъ греческія жертвенныя блюда позднѣйшаго періода.

Послѣ этой третьей попытки, Шлиманъ рѣшилъ опубликовать результаты своихъ раскопокъ. Онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что открылъ Трою. Въ 1874 г. появилась его книга: «Троянскія древности» по-нѣмецки и одновременно по-французски въ переводѣ Нестора новогреческой литературы Рангабэ. Это былъ дневникъ раскопокъ съ атласомъ въ 218 таблицъ, гдѣ воспроизведены разные найденные предметы. Этотъ дневникъ проникнутъ твердымъ убѣжденіемъ, что Троя стояла на возвышенности Гисарлыка,

а не на Балидагѣ, близь Бунарбаши, какъ до того времени предполагали ученые и путешественники. Множество глиняныхъ предметовъ и украшеній съ ихъ своеобразными формами (см. прилагаемые рисунки) указывали на то, что на Гисарлыкѣ должно было существовать весьма древнее и не маловажное поселеніе. Книга возбудила горячій споръ въ ученомъ мірѣ. Шлиманъ, правда, черезчуръ увлекся вѣрою въ свою гипотезу и, какъ уже замѣчено выше, описанный нами кладъ назвалъ «сокровищемъ Пріама», наибольшее изъ найденныхъ зданій окрестилъ «дворцемъ Пріама», а остатки воротъ—«Скайскими воротами». Эти три названія большинству архео-

Троянскія золотыя серьги.

Троянскій глиняный сосудъ съ формами человѣческаго лица (1/3 натуральной величины).

Троянскій глиняный сосудъ въ видѣ гиппопотама (2/3 натуральной величины).

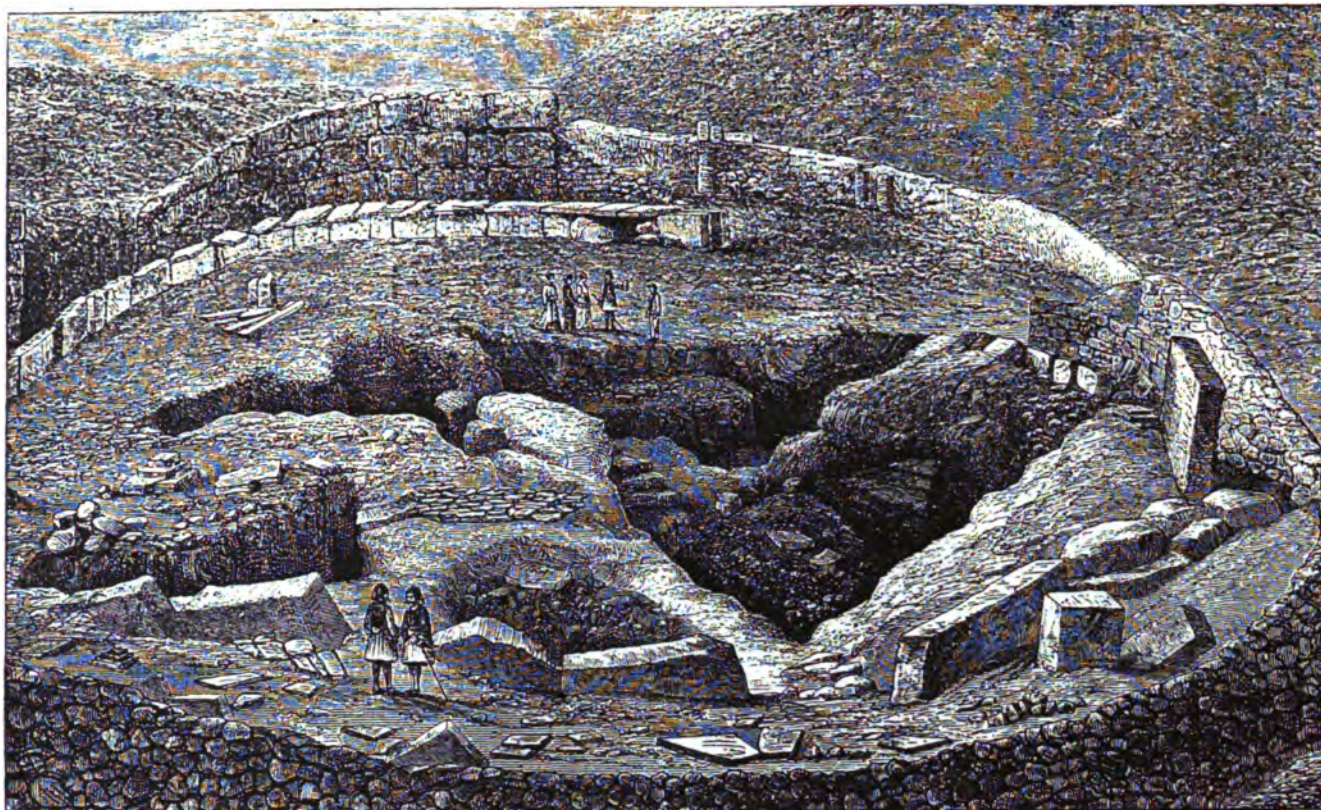
логовъ показались достаточнымъ основаніемъ для полнаго отрицанія всѣхъ результатовъ раскопокъ. Шлиману пришлось выдержать сильныя нападки, издѣвательства и насмѣшки. Цеховые археологи, за немногими выдающимися исключеніями, смѣялись надъ тѣмъ, что какой-то торговецъ индиго иначе и лучше, чѣмъ они, понимаетъ Иліаду. Но въ то же время они и завидовали ему. Такихъ цѣнныхъ находокъ никто изъ нихъ не съумѣлъ открыть. А такъ какъ ничего подобнаго раньше раскопокъ Шлимана нигдѣ не встрѣчалось, то ученые завистники простерли свое забавное подозрѣніе до того, что многія изъ замѣчательныхъ вещей, открытыхъ Шлиманомъ, считали его собственной поддѣлкой.

III.

Но энергія и предпріимчивость Шлимана дѣлали свое дѣло. Послѣдующіе четыре года прошли для него въ кипучей дѣятельности. Въ февралѣ 1874 г. онъ началъ раскопки въ Микенѣ. Тутъ турецкое правительство затѣяло съ нимъ процессъ изъ-за дѣлежа троянскихъ находокъ и на цѣлый годъ оторвало его отъ продолженія работъ. Процессъ окончился присужденіемъ 10,000 франк. въ пользу турецкаго правительства. Милліонеръ далъ 50 тысячъ, лишь бы не мѣшали ему. Но турецкая администрація медлила выдавать разрѣшеніе на продолженіе троянскихъ раскопокъ, а затѣмъ, когда удалось выхлопотать фирманъ, работы тормозились придирчивостью турецкаго комиссара, контролировавшаго ихъ.

Пока все это тянулось до октября 1876 г., Шлиманъ въ іюлѣ того же года занялся раскопками въ Микенахъ и уже въ первые мѣсяцы достигъ такихъ замѣчательныхъ результатовъ, что ему можно было на время даже позабыть о Троѣ. Изъ развалинъ Микенъ извлечена была масса золотыхъ вещей. Здѣсь нашлись царственныя могилы съ діадемами, масками (см. рис. на 548 стр.), нагрудниками, браслетами, серьгами, сосуды и кувшины, иные по четыре фунта вѣсомъ, и все это изъ золота. На прилагаемыхъ рисункахъ воспроизведено нѣсколько Микенскихъ драгоцѣнностей. Раскопки въ Микенахъ продолжались до конца 1876 г. Въ 1877 г. Шлиманъ издалъ книгу о нихъ («Микены», по-нѣмецки вышла въ Лейпцигѣ, по-англійски въ Лондонѣ и въ Нью-Іоркѣ, по-французски въ 1878 г. въ Парижѣ). Гладстонъ написалъ къ ней предисловіе. Добытое этими раскопками интересно особенно потому, что оно даетъ возможность опредѣлить тѣ корни, изъ которыхъ выростала греческая культура. Микенскія находки свидѣтельствуютъ, что въ Грецію еще въ каменномъ періодѣ проникла значительная культура изъ Азіи. Сверхъ того, онѣ указыкаютъ на отношенія между эллинской культурой и ассирійско-египетской, разносителями которой были финикіане.

Вслѣдъ за Микенскими изысканіями начались новые переговоры съ турецкимъ правительствомъ о разрѣшеніи продолжать троянскія раскопки и, пока тянулись эти переговоры, Шлиманъ отправился въ Итаку, осмотрѣнную имъ въ 1868 г. поверхностно. Въ развалинахъ этого острова никогда не находили ничего достопримѣчательнаго, даже не было установлено, гдѣ собственно считался тамъ главный пунктъ въ доисторическія времена. Но Шлиману, приглядѣвшемуся къ примитивнымъ греческимъ постройкамъ, посчастливилось на горѣ Аэтосъ открыть остатки окруженныхъ доисторическими стѣнами 190 циклопическихъ построекъ, а на вершинѣ — развалины дворца, окруженнаго двойными стѣнами, и, сверхъ того, удалось опредѣлить именно на этомъ мѣстѣ главный городъ.



Кругъ могилъ въ Микенахъ.

Въ концѣ сентября 1878 г. снова было приступлено къ работамъ на Гисарлыкѣ. Съ новыми непріятностями явились и новыя радости. Раскопки простирались на ту область, гдѣ находились золотыя вещи. Такъ называемый, дворецъ Пріама былъ очищенъ отъ мусора и рядомъ съ нимъ оказались еще мелкіе клады. 26-го ноября окончились эти работы.

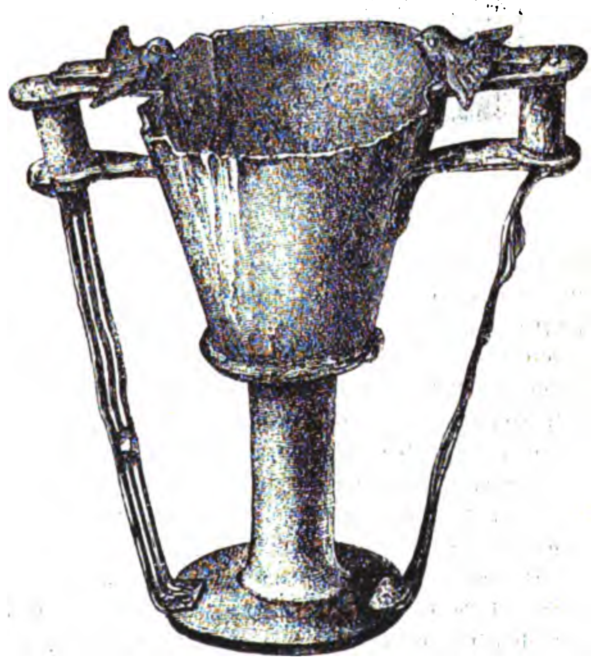
Но еще болѣе плодотворными результатами ознаменовались троянскія раскопки, возобновившіяся въ февралѣ 1879 г. Съ марта въ нихъ принялъ участіе Рудольфъ Вирховъ. Знаменитый ученый не только усердно помогалъ Шлиману и замѣтилъ на Гисарлыкѣ много новаго, но онъ съ нимъ исколесилъ всю Троянскую область до вершинъ Иды, всюду производилъ геологическія, ботаническія, мете-

Большая золотая діадема изъ Микенъ.

орологическія наблюденія. Изъ Франціи на Гисарлыкъ прибылъ Эмиль Бюрнуфъ, командированный французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для изученія результатовъ раскопокъ. И этотъ ученый дружески посвящалъ Шлиману свои силы. Тогда собственно все болѣе извлекались на свѣтъ Божій городскія стѣны.

По окончаніи работъ, Шлиманъ написалъ по-англійски обзоръ всѣхъ результатовъ, добытыхъ раскопками въ Троѣ. Этотъ огромный трудъ подъ заглавіемъ «Ilios», изданный въ 1880 г. былъ переведенъ и по-нѣмецки. Весь собранный матеріалъ тутъ представленъ въ хорошихъ и уясняющихъ дѣло иллюстраціяхъ. Не могли не произвести впечатлѣнія и приложенныя къ изданію изслѣдованія Вирхова, подтвердившія гипотезу Шлимана о Троѣ-Гисарлыкѣ новыми данными, а также его предисловіе къ книгѣ

Сосудъ изъ смѣси серебра съ свинцомъ въ видѣ оленя изъ Микенъ.



Клинокъ кинжала изъ Микенъ.

Золотой сосудъ изъ Микенъ.

Мнимый «дворецъ Пріама» признанъ здѣсь величайшимъ зданіемъ и названъ «домомъ начальника города», а «сокровище Пріама» обозначено просто «большое сокровище».

Но Шлиманъ не упускалъ изъ вида и другихъ мѣстностей. Такъ, въ 1880 и 1881 гг. онъ откопалъ въ Орхоменѣ, такъ—называемую сокровищницу Миніаса, большую могилу со сводами, совершенно такую же, какъ микенская сокровищница Атрея, и затѣмъ снова объѣхалъ Троянскую область и результатомъ этихъ предпріятій явились два изданія—«Orchomenos» и «Reise in der Troas» (1881 г.).

Въ мартѣ 1882 г. Шлиманъ снова сталъ копать на Гисарлыкѣ и, при содѣйствіи д-ра Дёрпфельда (перваго секретаря нѣмецкаго археологическаго института въ Аѳинахъ, который нѣсколько лѣтъ назадъ руководилъ раскопками въ Олимпіи), добился важнаго результата обнаруженіемъ многихъ остатковъ крупныхъ построекъ

Рѣзьба на золотомъ перстнѣ изъ Микенъ.

Глиняный сосудъ изъ Микенъ.

въ замѣчательнѣйшемъ изъ различныхъ слоевъ, второмъ отъ первоначальной почвы, — открылъ главныя части царскаго дворца, по плану однороднаго съ Микенскимъ и съ выкопаннымъ двумя годами позже Тиринскимъ. Все это вмѣстѣ съ позднѣйшими раскопками выяснило внѣ сомнѣній, что Шлиманъ въ главномъ слоѣ на Гисарлыкѣ нашелъ акрополь Пергамъ, который съ акрополемъ Тиринса и Микенъ принадлежитъ къ одному и тому же значительному и до-гомеровскому періоду процвѣтанія греко-азіатской культуры, и который безошибочно можно принять за Трою, прославленную въ пѣсняхъ божественнаго пѣвца.

И такъ, непоколебимая вѣра, съ какою Шлиманъ вопреки всякимъ насмѣшкамъ установилъ фактически историческое ядро гомеровскихъ поэмъ и Троянской войны, одержала побѣду надъ всѣмъ остроуміемъ и всей ученостью, выдвинутыми противъ него съ разныхъ сторонъ. Уже тогда на сторонѣ его гипотезы было нѣсколько именитыхъ авторитетовъ науки. Противники смолкли мало-по-малу,

и многіе приняли его выводы. Даже тѣ, которые сперва третировали его, какъ непризнаннаго выскочку, стали цѣнить и прославлять его дѣятельность. Энергіею и упорствомъ онъ рѣшилъ задачу, отъ которой ученые Европы отворачивались съ сомнѣніемъ, а теперь тѣ же ученые начали передъ нимъ преклоняться, такъ какъ безъ него оставались бы подъ землею невѣдомыми и развалины города Пріама, и могилы Гомеровыхъ героевъ въ Микенахъ, и доисторическій дворецъ Тиринса.

Серебряная голова быка изъ Микенъ.

Этими успѣхами вполнѣ оправдывался и своеобразный способъ производства раскопокъ Шлимана въ Троѣ. Съ этимъ способомъ знакомитъ насъ недавно изданная въ Лейпцигѣ книга д-ра Карла Шухгардта «Schliemann's Ausgrabungen», въ которой сдѣлана первая попытка привести въ систему всѣ результаты изысканій Шлимана и научно освѣтить все добытое имъ для археологіи въ періодъ послѣдняго двадцатилѣтія. Гг. археологи рекомендовали Шлиману раскапывать слой за слоемъ, такъ чтобъ каждый слой развалинъ былъ снятъ прежде, чѣмъ приступить къ слѣдующему слою. Но при этомъ забывалось, что это — не слои торта, лежащіе одинъ на другомъ. Поселенцы, обитавшіе въ этой мѣстности въ различные періоды, строились на остаткахъ предшествовавшаго имъ поселенія. Поэтому и различные слои, по Шлиману — «города» — не всегда отдѣлены одинъ отъ другого полной обособленностью предметовъ и остатковъ. Позднѣйшія постройки зачастую выведены непосредственно на развалинахъ болѣе раннихъ. При такихъ условіяхъ Шлиманъ не отдѣлялъ слоевъ одинъ отъ другого, и ему удалось извлечь остатки семи поселеній, причемъ первымъ «городомъ» онъ считаетъ самый глубокій, во второмъ снизу признаетъ развалины Гомеровой Трои, а въ седьмомъ—самомъ верхнемъ и позднѣйшемъ

слоѣ—новый Иліонъ, процвѣтавшій еще во времена римской имперіи.

Обзоръ всѣхъ новыхъ данныхъ касательно этого предмета появился въ 1884 г. по-англійски и по-нѣмецки подъ заглавіемъ «Troja» съ предисловіемъ извѣстнаго оріенталиста Сайса. Тутъ и Сайсъ признаетъ дѣйствительнымъ открытіе Гомеровскаго Иліона въ названномъ у Шлимана «второмъ» городѣ, который обнаружилъ слѣды сожженія. Его раскопки на шести прочихъ развалинахъ Троянской области показали ясно, что ни къ одной изъ нихъ не подходятъ ни описаніе Трои въ «Иліадѣ», ни свидѣтельства древнихъ писателей, тогда какъ найденное въ сожженомъ и наибольшемъ изъ «городовъ» Гисарлыка вполнѣ согласуется съ показаніями Гомера. Конечно, не всякая подробность въ поэмѣ Гомера подтверждается результатами этихъ раскопокъ, но ожидать этого было бы странно отъ поэтическаго произведенія. Главное заключалось въ устраненіи мнѣнія, признававшаго «Иліаду» какимъ-то созданіемъ заоблачныхъ сферъ, безъ всякой исторической основы, и обнаруженные строительные матеріалы, мусоръ сожженнаго города Пріама, оружіе, сосуды и прочія вещественныя доказательства, свидѣтельствуютъ вполнѣ, что твореніе Гомера имѣло подъ собой реальную почву. Со всѣмъ этимъ любопытствующіе всего ближе могутъ ознакомиться въ напечатанномъ по-французски заново обработанномъ и значительно расширенномъ важнѣйшемъ изъ трудовъ Шлимана «Jlios, ville et pays des Troyens» (1885 г.).

IV.

Изъ дальнѣйшихъ изысканій покойнаго, держась хронологическаго порядка, слѣдуетъ упомянуть о раскопкахъ близъ Мараѳона, гдѣ былъ открытъ холмъ, который Павзаніемъ описывается, какъ могила 192 аѳинянъ, павшихъ въ битвѣ 490 г. до Р. Х. Оказалось, что происхожденіе ея принадлежитъ гораздо болѣе раннему времени, чѣмъ эпоха персидскихъ войнъ.

Наконецъ, въ мартѣ 1884 г. Шлиманъ началъ раскопки въ Тиринсѣ. Здѣсь ему посчастливилось открыть превосходно сохранившіеся остатки дворца героической эпохи. Послѣдующей весной, въ изысканіяхъ его принялъ участіе и ученый архитекторъ Дёрпфельдъ. Результаты всего найденнаго въ Тиринсѣ изложены въ изданіи «Тиринсъ. Доисторическій дворецъ царей Тиринса» съ дополненіями этого архитектора и съ предисловіемъ профессора архитектуры Адлера. Изданіе это напечатано въ 1886 г. по-нѣмецки, по-французски и по-англійски. Какъ относительно древности находокъ на Гисарлыкѣ и Микенахъ, такъ и относительно этого новаго открытія возникли подозрѣнія. Стали утверждать, что открытые остатки дворца принадлежатъ византійскимъ временамъ.

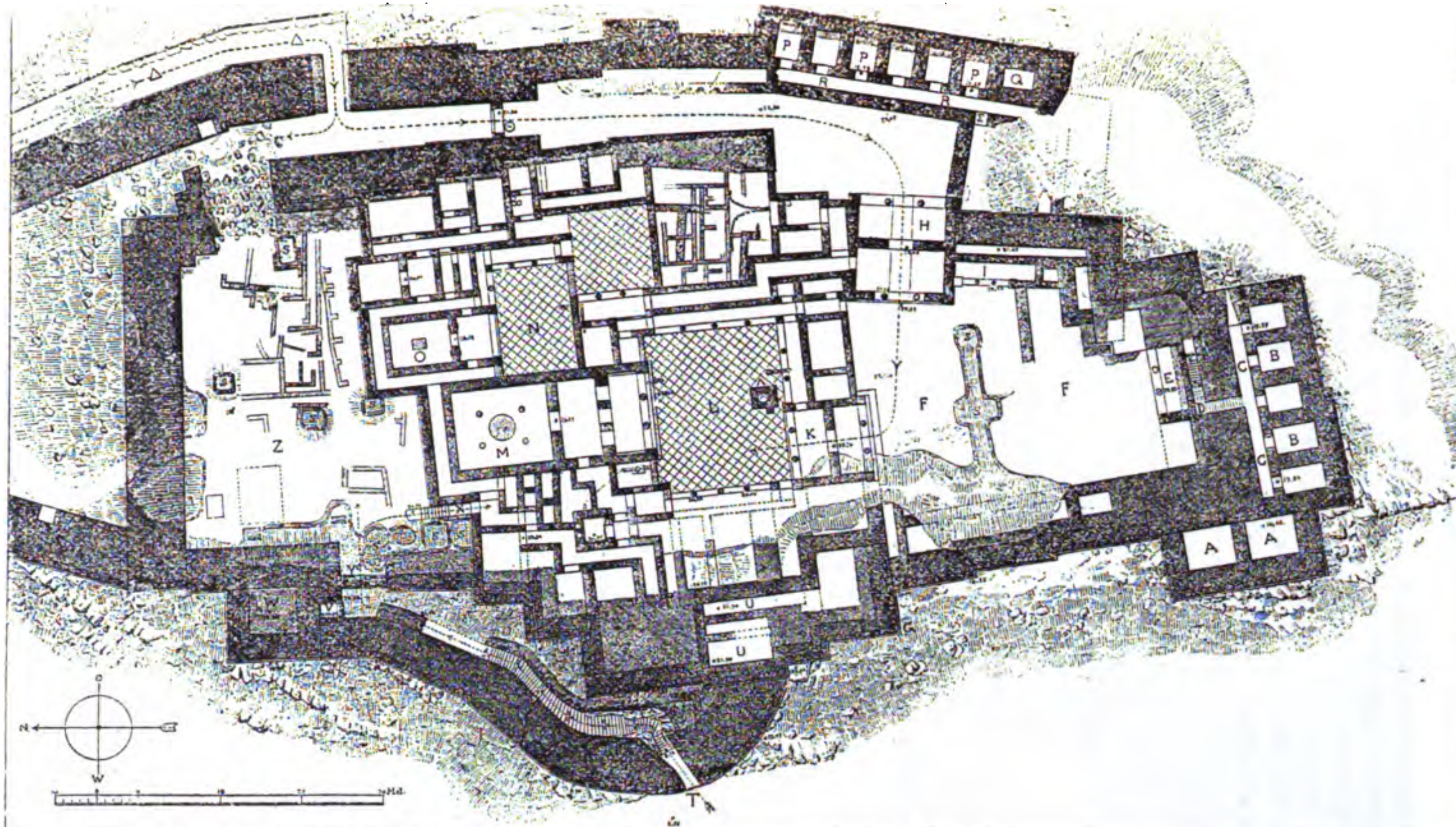
На мѣстѣ древней Трои: *a*. Дорога въ Трою.—*b*. Наружныя стѣны.—*c*. Внутреннія стѣны.—*d*. Выступы наружныхъ стѣнъ.—*e*. Троянскій кувшинъ.—*f*. Развалины храма Аѳины.—*g*. Эллинскія стѣны.—*h*. Масса мусора.—*i*. Входъ въ раскопки.

Это мнѣніе особенно усердно отстаивалъ Пенрозъ, директоръ британской археологической школы въ Аѳинахъ и за его спиной членъ подобной же американской школы, корреспондентъ «Times'а», Стильманъ. Послѣдній выставлялъ Шлимана одержимымъ необычайными галлюцинаціями не научнаго мечтателя. Тогда Шлиманъ вмѣстѣ съ Дёрпфельдомъ отправился въ Лондонъ и въ торжественномъ собраніи «Общества эллинскихъ древностей», разбилъ на голову своихъ противниковъ. Пенрозъ, по приглашенію побѣдителя, прибылъ на мѣсто раскопокъ и принесъ публичное покаяніе въ своей ошибочной критикѣ, изъ Савла преобразившись въ Павла. Пенрозъ призналъ неоспоримой древность открытыхъ Шлиманомъ развалинъ и одновременность ихъ съ такъ называемыми пелазгическими, т. е. доисторическими постройками.

Такъ это и должно было случиться. Изысканія въ Тиринсѣ освѣтили совершенно темную область археологіи доисторической эпохи Пелопонеса и обогатили археологію строительнаго искусства. Это признали лучшіе знатоки архитектуры. Покойный Фергюсонъ, значительный англійскій писатель о древней и новой архитектурѣ, относитъ постройку Тиринса къ XV вѣку до Р. Х.

Тиринсъ былъ построенъ на уединенно стоящей скалѣ известковаго камня, которая возвышается надъ окружающей ее равниной на 18 метровъ и надъ моремъ на 22 метра. Такъ какъ скала (по Дёрпфельду) въ своей сѣвѐрной половинѣ нѣсколько ниже, чѣмъ на южной, то въ сѣверной части ея былъ построенъ «нижній городъ», въ южной—«верхній городъ». Оба приблизительно одинаковыхъ размѣровъ. Отъ верхняго города отдѣляется небольшая нѣсколько глубже лежащая часть, которую можно назвать «среднимъ городомъ». Въ верхнемъ городѣ, окруженномъ двойными стѣнами, находилось жилье царя, царскій дворецъ. Средній городъ, непосредственно соединенный съ дворцемъ узкой лѣстницой, вѣроятно, заключалъ въ себѣ помѣщеніе для службъ. Въ нижнемъ городѣ находились хозяйственныя помѣщенія, конюшни для коней и жилье для дружины. Въ верхнемъ городѣ ясно виденъ почти весь дворецъ съ его постройками, дворами, залами, покоями. Большинство стѣнъ стоитъ еще на высотѣ $^1/_2$—1 метра. Въ дверяхъ сохранились до сихъ поръ каменные пороги. Многочисленные остатки колонъ остаются на своихъ мѣстахъ.

Дворецъ разрушенъ страшнымъ пожаромъ, слѣды котораго ясно указаны Шлиманомъ. Многія изъ обгорѣвшихъ стѣнъ видны на поверхности почвы и не разъ сбивали съ толка опытныхъ археологовъ. Никому не приходило въ голову, что имъ можетъ быть болѣе 2000 лѣтъ, и что онѣ могутъ принадлежать къ дворцу легендарныхъ тиринскихъ царей. Поэтому-то въ путеводителяхъ по Греціи до раскопокъ Шлимана значилось, что ничего привлекательнаго нельзя найти въ Тиринсѣ. А Шлиманъ взялся за ро-



План҄ъ «верхняго города» въ Тиринѳѣ, составленный Дёрпфельдомъ:—A. Башня съ двумя комнатами.—B. Помѣщенія со сводами —C. Галлерея.—D. Корридоръ съ лѣстницей.—E. Колонада.—F. Главный передній дворъ.—G. Юго-западный уголъ дворца.—H. Большіе Пропилеи.—I. Колонада.—K. Малые Пропилеи.—L. Большой дворъ.—M. Помѣщеніе для мужчинъ.—N. Малый дворъ.—O. Помѣщеніе для женщинъ.—P. Помѣщенія со сводами.—Q. Цистерна.—R. Галерея восточныхъ стѣнъ.—S. Шахта, выкопанная въ 1876 г.—T. Боковой подъемъ.—U. Мѣсто для подвала.—V. Цистерна.—W. Башня на сѣверо-западъ.—X. Малая лѣстница.—Y. Входъ въ «средній городъ».—Z. Средній или задній дворъ.—γ. Башня на сѣверо-востокъ.—Δ. Направленіе главнаго подъема.—ϑ. Городскія ворота.—λ. Жертвенникъ на дворѣ.—Ξ. Мѣсто, гдѣ найдены теракотты.—Σ. Дверь въ галлерею R.—Φ. Стѣны.

ыски и извлекъ изъ нѣдръ земли городъ эпохи близкой къ Троянской войнѣ. Передъ нами теперь и планъ верхняго города въ Тиринсѣ.

На осколкахъ найденныхъ тутъ же глиняныхъ сосудовъ изображены воины того времени въ шлемахъ, съ копьями и съ маленькими тарчами изъ кожи, какіе въ войскѣ Ксеркса фригійцы и вообще ѳракійцы, по Геродоту, имѣли при себѣ въ качествѣ національнаго щита. Съ затылка ниспадаетъ родъ хвоста—изображеніе звѣриной шкуры. На изображеніяхъ можно узнать и коней ихъ, и боевыя колесницы. Передъ нами также и женщины той эпохи. Онѣ въ длинныхъ одеждахъ съ покрываломъ на головѣ, съ вѣтвями ельника въ рукахъ, проходятъ торжественной процессіей, какъ на празднествѣ.

На тиринскихъ сосудахъ, сверхъ того, имѣются украшенія изъ звѣринаго и растительнаго царства—лошади, олени, журавли, лебеди, рыбы и пр. Краски на этихъ сосудахъ сохранили удивительную свѣжесть. Изъ идоловъ найдены одни съ грубымъ, едва узнаваемымъ человѣческимъ обликомъ, другіе съ коровьими головами. Все такъ, какъ въ Микенахъ, этомъ фригійскомъ поселеніи и въ Троѣ, «ѳракійскомъ городѣ», какъ ее называлъ Еврипидъ. Въ числѣ такихъ грубѣйшихъ слѣпковъ изъ глины есть одинъ въ фригійской шапкѣ. Оказалась также фигура воина съ палецъ величиной, вылитая изъ бронзы, шлемъ его напоминаетъ фригійскій способъ покрытія головы. Выкопаны и образы боговъ болѣе благородной формы, относящіеся къ позднѣйшему періоду и развитію. Любопытно, что при этомъ не оставляются копіи первобытныхъ, грубыхъ и простыхъ формъ даже тогда, когда искусство находилось, очевидно, въ лучшихъ условіяхъ. Это, по замѣчанію Карла Блинда (автора изслѣдованій о родствѣ троянъ съ ѳракійцами), вполнѣ согласуется съ встрѣчающейся у народовъ боязнью сразу порѣшить съ внѣшними формами своего религіознаго прошлаго.

Изъ отдѣльныхъ находокъ въ Тиринсѣ слѣдуетъ отмѣтить алебастровый фризъ съ наложеннымъ голубымъ стекломъ. Гомеръ упоминаетъ о подобномъ фризѣ во дворцѣ Алкиноя:

> «Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
> «Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали».

На прилагаемомъ планѣ можно прослѣдить, какъ жили въ Тиринскомъ дворцѣ. Тамъ были отдѣльныя помѣщенія для мужчинъ и женщинъ, ванныя, куда приглашали гостей по прибытіи ихъ, жертвенникъ, вокругъ котораго сидѣли жители. Дошли до насъ тоже остатки глиняныхъ ваннъ, кухонные сосуды, масса обломковъ сосудовъ, кувшиновъ, тарелокъ, множество веретенъ изъ голубого камня, подобныхъ найденнымъ въ Микенахъ. Отъ издѣлій слоновой кости сохранился только сломанный гребешокъ, изъ деревянныхъ предметовъ—обгорѣлый кусокъ елки.

Кругомъ этого доисторическаго города шли циклопическія стѣны, построенныя, по свидѣтельству древнихъ, ликійскимъ родомъ исполиновъ изъ Малой Азіи. Стѣны Микенъ были также ими построены. Тамъ вѣдь и господствовалъ родъ Атрея, происходившій отъ варварскихъ фригійцевъ изъ Малой Азіи. У Еврипида вся Арголида именуется «циклопической землей». Иноземцы, не греки, внѣдрились туда, поселились тамъ и, мало-по-малу, слились съ эллинами.

Уже изъ этого простого перечня находокъ въ Тиринсѣ видно, что Шлиманъ тутъ открылъ много новаго и неожиданнаго для археологіи, и освѣтилъ ими происхожденіе первоначальной культуры грековъ. Найденные фундаменты и развалины построекъ уяснили способъ строительства царскихъ дворцовъ въ доисторическую эпоху, описанныхъ Гомеромъ.

Послѣдними были произведены раскопки 1888 г. на Киѳерѣ, увѣнчавшіяся открытіемъ доисторическаго храма Ураніи Афродиты, и на островѣ Сфактеріи, гдѣ обнаружена древняя цитадель, которая тамъ, по Ѳукидиду, въ 425 до Р. Х. была найдена и занята спартанцами.

V.

Въ одномъ мѣстѣ своего труда «Ilios» Шлиманъ замѣчаетъ: «пользуюсь настоящимъ поводомъ, чтобы завѣрить читателя, что, любя науку ради нея самой, я никогда не сдѣлаю ее предметомъ торговли. Мои большія коллекціи троянскихъ древностей не могутъ быть оцѣнены, и онѣ никогда не будутъ проданы. Если я не успѣю подарить ихъ при жизни, то онѣ во всякомъ случаѣ, по завѣщанію, поступятъ въ музей того народа, который я наиболѣе люблю и цѣню». И дѣйствительно, онъ не только не спекулировалъ своими драгоцѣнными находками, а воодушевленный вѣрой въ свой идеалъ и неослабной жизнедѣятельной энергіей поступилъ самоотверженно и великодушно. Въ то время, когда онъ былъ предметомъ враждебныхъ и ярыхъ нападокъ, онъ тратилъ огромныя суммы на свои изысканія.

Англичане, высоко цѣнившіе дѣятельность Шлимана, сдѣлавшіе его докторомъ Оксфордскаго университета и присудившіе ему большую золотую медаль отъ Института Британскихъ Архитекторовъ, надѣялись, что покойный, на котораго на родинѣ его такъ несправедливо нападали, разумѣлъ именно ихъ подъ «народомъ, наиболѣе любимымъ и цѣнимымъ». На обложкахъ нѣкоторыхъ изъ его трудовъ значилось также: «Гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ».

Но ни Англіи, ни Америкѣ, не достались эти сокровища. Вся главная масса троянскихъ находокъ, за исключеніемъ немногихъ золотыхъ вещей, похищенныхъ рабочими въ 1873 г. а также $^{2}/_{3}$ на-

ходокъ 1882 г., подарена Шлиманомъ своей родинѣ—Германіи и хранится въ Берлинскомъ Этнологическомъ Музеѣ въ особыхъ залахъ съ именемъ жертвователя. Сокровища изъ Микенъ находятся въ аѳинскомъ Политехникумѣ.

Не довольствуясь сдѣланными открытіями, Шлиманъ намѣревался въ мартѣ нынѣшняго года снова начать раскопки въ Троѣ, чтобы рѣшить троянскій вопросъ. Раскопки назначались въ срединѣ «Агоры» (площади для народныхъ собраній), такъ какъ его противникъ, Беттихеръ, утверждалъ, что никакого «нижняго города» не существовало. Мнѣніе Беттихера таково, что развалины, открытыя Шлиманомъ въ доисторическихъ мѣстностяхъ, были кладбищами для сожиганія труповъ. Авторитетные археологи отвергаютъ это мнѣніе. Комиссія спеціалистовъ изъ разныхъ государствъ высказалась недавно противъ подобнаго воззрѣнія, и на этотъ счетъ Шлиманъ могъ бы успокоиться. Но когда дѣло касалось Трои, точнѣе, того вопроса, который зародился у него еще въ мечтахъ дѣтства, онъ не хотѣлъ оставлять неопровергнутымъ ни одного сомнѣнія, какъ бы ничтожно ни было оно.

Послѣднимъ дѣломъ Шлимана въ области археологіи, достойно завершившимъ его оригинальную жизненную карьеру, явилась возбужденная имъ агитація въ Англіи, имѣвшая цѣлью возвращеніе Греціи такъ-называемыхъ эльджинскихъ мраморныхъ плитъ. Это—метопы съ Парѳенона, въ началѣ нынѣшняго столѣтія увезенные лордомъ Эльджиномъ изъ аѳинскаго акрополя и потомъ поступившіе въ Британскій Музей. Лордъ за изрядную сумму денегъ получилъ отъ турецкаго султана разрѣшеніе на это похищеніе выдающихся произведеній искусства классической Греціи, но англійское правительство заплатило лорду вшестеро болѣе, чѣмъ онъ самъ заплатилъ за похищенные мраморы. Еще лордъ Байронъ не разъ въ своихъ произведеніяхъ рѣзко ратовалъ противъ этого «хищничества», указывая на то, что тутъ алчность наживы англійскаго аристократа похитила произведенія искусства, которыя своимъ величіемъ обезоружили бы даже разрушительную ярость готовъ и вандаловъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Греція достигла своей независимости, нерѣдко дѣлались попытки поднять агитацію въ самой Англіи для возвращенія мраморныхъ плитъ, но эти попытки оставались безуспѣшными. Шлиманъ передъ послѣднимъ отъѣздомъ своимъ изъ Аѳинъ обѣщалъ отправиться въ Лондонъ и убѣдить вліятельныхъ людей въ англійскомъ обществѣ къ выполненію этого долга чести относительно Греціи. Болѣзнь Шлимана не позволила ему доѣхать до Англіи; тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ случай въ Парижѣ и Берлинѣ склонить въ пользу этого дѣла вліятельныхъ лицъ. По иниціативѣ его, недавно въ журналѣ «The Nineteenth Century» была напечатана статья, въ которой требуется безусловная выдача мраморныхъ плитъ, а затѣмъ въ «Standard'ѣ» появи-

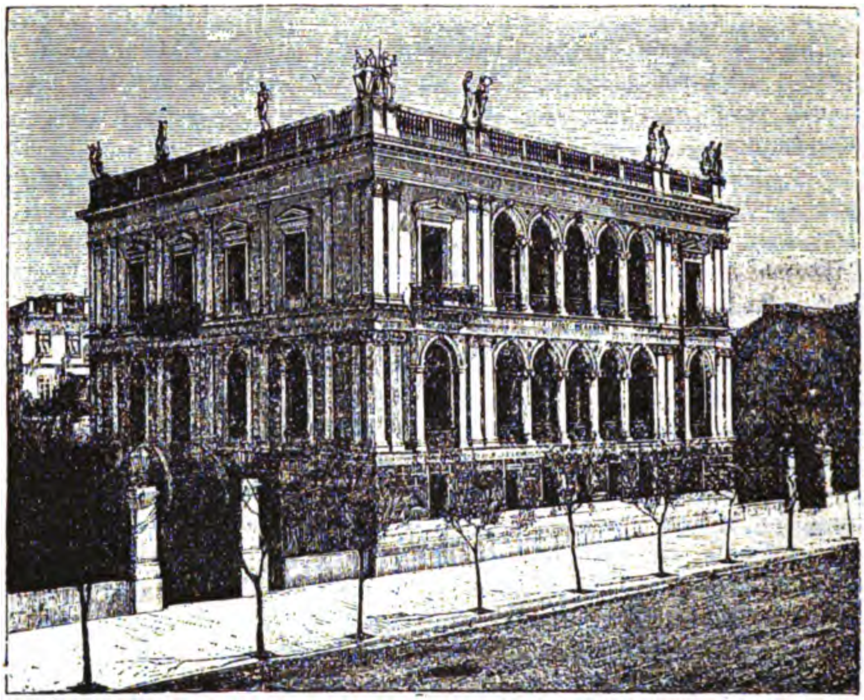
лась руководящая статья, поддержавшая требованія лондонскаго журнала. Ободренный этими заявленіями англійской печати, аѳинскій общинный совѣтъ 18-го декабря 1890 года постановилъ составить рефератъ по этому вопросу и разослать его англійскимъ ученымъ. Шлиманъ обѣщалъ участвовать въ составленіи реферата, но 19-го декабря минувшаго года неожиданно послѣдовала его кончина.

VI.

Какъ въ своей дѣятельности Шлиманъ всегда былъ индивидуаленъ и своеобразенъ, такъ и въ частной жизни онъ оставался самимъ собой, оригиналомъ. Въ антрактахъ между своими археологическими предпріятіями онъ жилъ преимущественно въ Аѳинахъ, въ собственномъ дворцѣ, гдѣ малѣйшія частности на каждомъ шагу напоминали ему тотъ доисторическій міръ гомеровой поэзіи, освѣщенію котораго посвящались его энергія, дарованіе и средства.

Этотъ дворецъ представляетъ собою среди роскошнаго сада мраморное зданіе, въ два этажа. Между первымъ и вторымъ этажами большими золотыми буквами по-гречески обозначено названіе постройки: «Дворецъ Иліона». Въ нижнемъ этажѣ помѣщается «Музей Шлимана», гдѣ собраны найденныя имъ рѣдкости Троянскихъ раскопокъ, которыя теперь должны быть присоединены къ коллекціямъ Берлина. Первый этажъ занятъ жилыми помѣщеніями и большимъ, блестяще убраннымъ торжественнымъ заломъ. Въ эти покои ведетъ широкая мраморная лѣстница, чудо архитектуры, — она не имѣетъ опоры, а какъ бы виситъ въ воздухѣ. Вся мебель выдержана въ древне-греческомъ стилѣ; въ качествѣ безделушекъ фигурируютъ танагрскія статуэтки и произведенія античной керамики, украшая собой комнаты. На мозаичномъ полу изображены важнѣйшіе экземпляры троянскихъ вазъ и урнъ, вдоль стѣнъ — фризы съ классическими пейзажами и эпизодами изъ «Иліады», перемѣшанныя съ стихами Гомера. Надъ каждой комнатой на языкѣ Гомера указано ея назначеніе. Подобная же мраморная лѣстница ведетъ въ Святая-Святыхъ: въ рабочія комнаты, помѣщающіяся во второмъ этажѣ, изъ которыхъ особое вниманіе привлекаетъ библіотека. Цѣлые ряды полокъ, съ полу до потолка, заполнены тутъ исключительно рукописями самого Шлимана. Надъ библіотекой значится изреченіе Пиѳагора: «Кто не учится геометріи, тотъ не входи». Древней Элладѣ посвящена даже крыша, плоская поверхность которой уставлена множествомъ статуй греческихъ боговъ. Отсюда открытый видъ на море. Справедливо гласитъ изреченіе на крышѣ: «Какъ пріятно съ суши взирать на море!»

Каждаго посѣтителя встрѣчалъ привратникъ Беллерофонъ, казачекъ Теламонъ провожалъ его къ владѣльцу дома, который въ часы досуга занимался чтеніемъ какой-нибудь греческой трагедіи. Тутъ же рядомъ находился цѣлый ворохъ курсовыхъ бюллетеней, доставлявшихся почтой ежедневно изъ Парижа, Лондона и Берлина. Сношенія Шлимана съ финансовымъ міромъ обусловливались интересами его огромнаго состоянія.



Домъ Шлимана въ Аѳинахъ.

Гостепріимный домъ его въ Аѳинахъ всегда былъ открытъ посѣтителямъ всѣхъ странъ. Но ихъ принимала жена Шлимана, а самъ онъ не нарушалъ своихъ занятій ничьимъ присутствіемъ. Докторъ Гурлиттъ въ посмертныхъ воспоминаніяхъ о Шлиманѣ по этому поводу разсказываетъ такой анекдотъ. Однажды, собравшіеся гости долго ожидали хозяина. Наконецъ, онъ вышелъ, торопливо шагая, какой-то разстроенный, съ печатнымъ листомъ въ рукахъ и, не здороваясь ни съ кѣмъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Какъ полагаете, хорошъ этотъ форматъ?» Это былъ англійскій текстъ его труда «Ilios». Я долженъ былъ признаться, что слишкомъ мало знакомъ съ книжнымъ дѣломъ въ Англіи,

чтобы дѣлать какія-нибудь предположенія о будущемъ матеріальномъ успѣхѣ книги, прибавивъ, однако, что содержаніе ея навѣрное обезпечиваетъ ей успѣхъ, независимо отъ какого бы то ни было формата. Отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ его, и я замѣтилъ, какъ на самыхъ различныхъ языкахъ съ этимъ же вопросомъ обращался онъ къ своимъ гостямъ. Затѣмъ, онъ опять скрылся, заявивъ, что, къ сожалѣнію, не располагаетъ временемъ. Его можно было видѣть собственно только за обѣдомъ, такъ что гости пользовались его сообществомъ очень мало; каждая минута въ теченіе дня была ему дорога. Съ 7 часовъ утра онъ уже садился за письменный столъ и прерывалъ работу только по вынужденной необходимости. Увлеченіе его Гомеромъ было безгранично. Колоссальная память его страшно помогала ему при этомъ; цѣлые ряды стиховъ Гомера Шлиманъ могъ продекламировать во всякое данное время. Онъ такъ много жилъ духомъ среди троянскихъ героевъ, что все связывалъ съ ними. Узнавъ о томъ, что нѣкоторые изъ русскихъ археологовъ (покойный Стефани) неосновательно сомнѣваются въ высокой древности Микенскихъ находокъ и сравниваютъ ихъ съ предметами раскопокъ въ Крыму, считая ихъ работой варваровъ по Р. Х., онъ пришелъ въ лихорадочное волненіе, точно какой-нибудь биржевикъ, бумаги котораго страшно упали въ цѣнѣ.

Страсть его къ греческому героическому періоду доходила до такой степени, что даже собственныхъ дѣтей окрестилъ онъ древне-классическими именами (сынъ—Агамемнонъ и дочь—Андромаха), и не только дѣти, но и воспитательница маленькой Андромахи, чистокровная нѣмка, образованная дама изъ Берлина, получила прозвище греческой героини. Каждому слугѣ, каждой служанкѣ, поступавшимъ въ домъ Шлимана, предлагался списокъ именъ, изъ которыхъ они по желанію могли выбрать себѣ имена Гектора, Діомеда, Одиссея, Ахиллеса, Кассандры, Пенелопы, Клитемнестры или Гекубы. Къ перекрещиванію этому онъ относился съ большой серьезностью. Тутъ умѣстно привести слѣдующій анекдотъ. Когда ему какъ-то передали просьбу одного господина дать его автографъ, Шлиманъ сперва отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, у него нѣтъ времени. Когда же ему подали бумагу и карандашъ, съ просьбой написать только его имя, онъ отвѣтилъ: «Я не дѣлаю этого изъ принципа. Единственное исключеніе допускается у меня въ этомъ случаѣ, и знаете когда? если дама, письменно обращаясь ко мнѣ съ такой прособой, подпишется какимъ-нибудь классическимъ именемъ: «Елены», «Креузы» и т. п., тогда я охотно исполняю ея желаніе». Отъ автографа, такимъ обрюзомъ, пришлось отказаться.

Всѣ эти забавныя черты показываютъ, до какой наивной непосредственности и до какого фанатизма доходило увлеченіе Шлимана древне-греческимъ міромъ. И онъ былъ счастливъ этимъ фа-

натическимъ увлеченіемъ, которое привело его къ открытію чудесъ древности, остававшихся погребенными десятки вѣковъ въ нѣдрахъ земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ, къ открытію новой эры для изслѣдованія греческой доисторической эпохи. Эта эпоха, какъ замѣтилъ въ своей рѣчи на похоронахъ Шлимана главный инспекторъ греческихъ древностей въ Аѳинахъ Каввадіасъ, можетъ считаться созданіемъ покойнаго, который, по мѣткому выраженію Любке, высоко оцѣнившаго значеніе открытій Шлимана для исторіи искусства, своимъ примѣромъ блистательно доказалъ, что не сомнѣніе, а вѣра въ идеалъ двигаетъ горы и совершаетъ чудеса.

Θ. Булгаковъ.

Золотая маска изъ Микенъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Оскаръ Пешель. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціею и съ предисловіемъ профессора Э. Ю. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Выпуски III и IV. Спб. 1890.

Третій и четвертый—послѣдніе выпуски русскаго перевода книги Pestchel — Kirchhoff'a «Völkerkund». Вмѣстѣ съ четвертымъ выпускомъ вышло и предисловіе редактора перевода—профессора Э. Ю. Петри, въ которомъ сообщаются, между прочимъ, біографическія свѣдѣнія объ авторѣ. Оскаръ Пешель родился 17-го марта 1826 г. въ Дрезденѣ. До 14-ти-лѣтняго возроста онъ посѣщалъ гимназію, а затѣмъ поступилъ въ торговый домъ, намѣреваясь посвятить себя коммерческому дѣлу но черезъ три года покинулъ эту карьеру и сталъ изучать юридическія науки въ Гейдельбергскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ. Въ 1848 г. онъ держалъ въ Лейпцигѣ экзаменъ pro praxi juridica et notariatum. Черезъ нѣсколько недѣль получилъ степень доктора философіи въ Іенскомъ университетѣ за диссертацію: «Ueber den Begriff des Tragischen im modernen Dramen. Eine Kritik der Aristotelischen Poetik». Еще будучи студентомъ, онъ увлекался Робертомъ Блумомъ, Арнольдомъ Руге и другими революціонерами, а въ 1848 г. сдѣлался политическимъ журналистомъ — постояннымъ сотрудникомъ и соредакторомъ газеты «Augsburger Allgemeine Zeitung». Началомъ своей научной дѣятельности самъ Пешель считалъ 1854-й годъ, когда онъ принялъ на себя редактированіе географическаго и естественно-научнаго журнала «Ausland». Не смотря на то, что онъ, какъ самоучка, вступилъ въ кругъ наукъ, почти что новый для него, и что онъ иногда почти цѣликомъ писалъ номера своего журнала, не допуская ни одного непровѣреннаго сообщенія, онъ успѣлъ въ эпоху своего редакторства создать такія крупныя произведенія, какъ «Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen» (1858) и «Geschichte

der Erdkunde» (1865). Эти сочиненія внесли рядъ новыхъ фактовъ и критическихъ идей въ исторію географіи. Заслугою Пешеля по отношенію къ распространенію естественно-научныхъ знаній является то, что онъ впервые въ Германіи указалъ на великое значеніе Дарвиновскаго ученія и первый же протестовалъ противъ крайнихъ увлеченій ультра-дарвинизма. Въ 1869 году онъ издалъ свои блестящіе этюды «Neue Probleme der Erdkunde», гдѣ намѣченъ рядъ труднѣйшихъ и интереснѣйшихъ географическихъ и геологическихъ задачъ. Въ 1870 г. Пешель былъ приглашенъ профессоромъ географіи въ Лейпцигъ. Умеръ онъ въ 1875 г.

Переведенное теперь на русскій языкъ — «Völkerkunde» издано имъ за годъ до смерти — въ 1874 году. Оно представляетъ собою комбинацію двухъ различныхъ въ своихъ конечныхъ результатахъ направленій — Александра Гумбольдта и Карла Риттера — и отличается выдержанностью и осторожностью сужденій (см. нашу рецензію на первый выпускъ). Конечную цѣль своихъ изслѣдованій Пешель опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

«Стремленіе наше всегда сводилось къ тому, чтобы понять страны, какъ театръ дѣйствія историческихъ событій. Это-то и есть современная задача нашей науки, поставленная ей Александромъ Гумбольдтомъ и Карломъ Риттеромъ». Человѣкъ, по его мнѣнію, не покидаетъ во всѣхъ своихъ разнообразныхъ соматическихъ и психическихъ проявленіяхъ той естественной, географической почвы, на которой онъ живетъ; но Пешель далекъ и отъ того, чтобы преувеличивать значеніе вліянія окружающей природы на человѣка: «Выше всякихъ очертаній моря и земли, говоритъ онъ, — даже выше всего, намъ приходится поставить дѣятельность человѣка» (стр. 546). Къ этому положенію сводятся всѣ его историко-философскія разсужденія, когда онъ «съ объективной точки зрѣнія землевѣдѣнія и народовѣдѣнія, вдумается въ историческій ходъ событій». Среди арійскихъ народовъ несомнѣнно ярче всего выдавались по своимъ государственнымъ талантамъ римляне. На счастье человѣчества, они нашли себѣ отечество именно на полуостровѣ, занимавшемъ срединное положеніе, ибо, какъ уже замѣтилъ Страбонъ, «міровое владычество римлянъ основывалось на центральномъ положеніи Италіи». Такимъ образомъ, незадолго до начала нашей эры, центръ тяжести культуры впервые перенесся съ южныхъ береговъ Средиземнаго моря на сѣверныя, съ крайняго востока его къ срединѣ, наконецъ, изъ бассейна Левантинскаго въ бассейнъ западный. Съ разсвѣтомъ гражданской культуры въ Сѣверной Европѣ, постепенно измѣнялось значеніе и важность географическихъ расчлененій. Рѣки способствовали возникновенію городовъ, ремесла и торговля процвѣтали и сѣверное прибрежье Средиземнаго моря стало пріобрѣтать теперь то, чѣмъ оно прежде обладало лишь въ незначительной степени: страны, лежащія позади него, получили свое политико-экономическое значеніе. Но развитіе мореплаванія произвело новый переворотъ: въ XIV в. венеціанскіе моряки выходятъ въ Атлантическій океанъ, вторично открываются Канарскіе острова, и впервые Азорскіе, которые лежали уже на двѣ пятыхъ ближе къ Америкѣ... Не безслѣдно проходили эти моряки мимо Португаліи, положеніе которой было несравненно болѣе благопріятно для океаническихъ сношеній. Португальцы и испанцы, робѣвшіе въ началѣ, пріобрѣли въ своихъ плаваніяхъ вдоль африканскаго берега навыкъ, необходимый для путешествія по открытому океану. Открыты были новый міръ на Западѣ и морской путь въ Индію, и въ то же время,

какъ Средиземное море вначалѣ медленно, а затѣмъ все быстрѣе опускалось до значенія внутриземельнаго моря, высшими географическими преимуществами стали пользоваться народы, расположенные на береговыхъ побережьяхъ Европы, народы, нуждавшіеся лишь въ толчкѣ, чтобы развернуть свои способности въ дѣлѣ мореплаванія. Чѣмъ выше поднималась съ тѣхъ поръ цѣнность заокеаническихъ странъ, какъ обновленной и расширившейся Европы, тѣмъ болѣе усиливалось и значеніе океаническихъ побережій. Отсюда слѣдуетъ, какъ преходящи всѣ географическія преимущества. Средиземное море—не болѣе, какъ одно изъ звеньевъ цѣпи, на которомъ лишь опредѣленное время сосредоточивался наибольшій блескъ. Такъ точно и Европа остается главнымъ театромъ дѣйствія человѣчества лишь на извѣстное время. Можно опасаться, что развитіе большого числа значительно индивидуализированныхъ народовъ приведетъ насъ къ такимъ же мелкимъ результатамъ, какъ тѣ, къ которымъ привела обособленность Аѳинъ, Лакодемоніи, Коринѳа и Беотіи, когда наступило для нихъ время великихъ историческихъ задачъ. «На Западѣ отъ насъ, въ мірѣ, который лежитъ между состарѣвшимся и старѣющимъ мірами, юная смѣсь народовъ готовится вскорѣ наполнить собою цѣлый материкъ (который можетъ пропитать все современное населеніе земного шара). Если когда-либо на этомъ театрѣ дѣйствія будутъ разрѣшаться болѣе высокія задачи, народамъ Европы придется отступить съ передняго плана исторіи. Когда у насъ солнце стоитъ въ зенитѣ, тогда первые лучи его окрашиваютъ побережья Новаго Свѣта. Тоже совершается съ человѣческою культурою. Европа находится теперь подъ зенитомъ ея пути, а по ту сторону уже зачинается утро. Но солнце движется далѣе, оно не приковано, какъ бы по велѣнію Іисуса Навина, и точно такъ же, какъ съ геологической точки зрѣнія расчлененіе нашего материка не болѣе, какъ мимолетное явленіе, такъ и культурно-историческое значеніе его не избѣжитъ удѣла всего преходящаго» (стр. 547).

О своемъ «Народовѣдѣніи» авторъ былъ самаго скромнаго мнѣнія: «Не внутреннія побужденія, а другія причины должны руководить писателемъ, когда онъ рѣшается печатать книгу, хотя бы до нѣкоторой степени подходящую къ типу руководствъ, ибо къ такому труду, дающему мало удовлетворенія, всегда должно предъявлять требованіе полноты. Если дѣло касается народовѣдѣнія, то авторъ вынужденъ вступить въ области, разрабатывать которыя полагается лишь строгимъ спеціалистамъ. Ему тогда не приходится излагать свои собственныя мысли, а лишь повторять то, что установлено авторитетными учеными, и вѣчно будетъ его преслѣдовать тягостное сознаніе того, что онъ сбираетъ розы въ чужихъ садахъ» (изъ предисловія, опущеннаго въ русскомъ изданіи, въ виду его совершенно личнаго характера). Два первые выпуска «Народовѣдѣнія» (стр. 1—322), кромѣ введенія (1, мѣсто человѣка въ мірозданіи; 2, единство или множественность человѣческаго рода; 3, прародина человѣчества и 4, о древности человѣческаго рода), посвящены установкѣ началъ для классификаціи человѣческаго рода по расамъ; причемъ авторъ не ограничивается «какимъ-либо случайнымъ и болѣе или менѣе измѣнчивымъ признакомъ, цвѣтомъ кожи, волосами, языкомъ и т. д.—онъ стремится къ суммированію всѣхъ антропологическихъ признаковъ» и потому обстоятельно изслѣдуетъ общіе вопросы, касающіеся: 1) тѣлесныхъ признаковъ человѣческихъ расъ; 2) лингвистическихъ признаковъ и 3) развитія техники, гражданственности и религіи. Въ

разсматриваемыхъ же выпускахъ (стр. 323—547), человѣческій родъ раздѣляется, съ точки зрѣнія всѣхъ этихъ признаковъ, на семь расъ: I) австралійцы; II) австралійскіе и азіатскіе папуасы; III) монголоподобные народы; IV) дравида или первобытные обитатели передней Индіи; V) готтентоты и бушмены; VI) негры и VII) средиземная раса (хамиты, семиты, баски, кавказскіе народы и индогерманское племя). Отмѣченныя уже нами ранѣе свойства ученаго труда Оскара Пешеля — осторожность въ выводахъ и умѣнье во время удержаться отъ окончательныхъ сужденій, которыя могли бы быть названы скороспѣлыми, сказались и въ разсматриваемомъ нами отдѣлѣ. Онъ и здѣсь не говоритъ «послѣдняго слова», такъ часто предлагаемаго отъ лица науки,—и прямо заявляетъ, что при современномъ состояніи знанія, абсолютно-правильная классификація расъ, разработанная во всѣхъ деталяхъ,— невозможна. Такъ, въ трактатъ о монголоподобныхъ народахъ онъ вводитъ рубрику: «Сѣверные азіаты, положеніе которыхъ не систематизировано», и говоритъ по этому случаю: — «Въ настоящемъ отдѣлѣ мы не думаемъ дать описанія новой группы монгольскихъ племенъ, напротивъ того, мы должны откровенно признаться, что мы выступаемъ съ научною системою въ незаконченномъ видѣ, такъ какъ мы не можемъ пріурочить трехъ различныхъ народностей (остяки, гиляки и айносы) къ одной изъ большихъ группъ» (стр. 398). Въ числѣ народовъ средиземной расы также значатся племена, «не занимающія опредѣленнаго положенія» (стр. 528—529 — баски, кавказскіе народы). Съ другой стороны, всякое новое, представляющееся болѣе состоятельнымъ, чѣмъ старое, хотя бы и общераспространенное воззрѣніе, всегда находитъ уже себѣ почетное мѣсто въ трудѣ Пешеля. Это нужно сказать, напримѣръ о замѣнѣ общепринятаго до настоящаго времени названія нашей расы: «Блуменбахъ обозначилъ тѣ племена, которыми по преимуществу занимается древняя и новая исторія культуры Запада, именемъ кавказцевъ; но отъ этого наименованія пришлось отказаться, такъ какъ оно подавало поводъ къ недоразумѣніямъ. Въ виду того, что терминъ—средиземные народы, вмѣсто кавказцевъ Блуменбаха, нынѣ получилъ нѣкоторое распространеніе, и мы будемъ придерживаться этого обозначенія. Къ средиземной расѣ принадлежатъ почти всѣ европейцы, насколько они не монголоподобны, всѣ сѣверные африканцы, насколько они не принадлежатъ къ расѣ негровъ, и всѣ юго-западные азіаты на ряду съ иранцами и индусами» (стр. 504).

Въ заключеніе, еще два слова о русскомъ переводѣ. Нѣкоторые рецензенты ставили ему въ упрекъ отсутствіе примѣчаній со стороны редактора, пользующагося авторитетомъ въ данной области. Отвѣтомъ на это являются слова Э. Ю. Петри въ предисловіи: «Мы, съ своей стороны, удержались отъ дополненій и примѣчаній къ труду Пешеля въ виду того, что нами издается въ настоящее время собственное руководство антропологіи; первый томъ, почти всецѣло появившійся въ печати, трактуетъ о вопросахъ, которымъ въ общемъ посвящена первая половина «Народовѣдѣнія» Пешеля; третій томъ даетъ очеркъ отдѣльныхъ народовъ земного шара и будетъ, такимъ образомъ, соотвѣтствовать второй половинѣ книги Пешеля» (стр. IX).— Особенности ореографіи—(Колонъ, Стэнлей, Мехика, Белучистанъ и пр.)—объясняются стремленіемъ редакціи придерживаться «какъ Пешеля, такъ и того, по возможности, правильнаго произношенія, которое въ настоящее время установилось на Западѣ, и которому намъ съ нашею своеобразною передѣлкою чуждыхъ «названій, давно пора было бы послѣдовать».

Въ прибавленіи помѣщены «Измѣреніе череповъ по Велькеру» — изъ «Archiv für Antropologie». Bd. XVI, 1885 г.—(1, группировка по народамъ; 2, обзоръ трехъ классовъ ширины черепа и 3, обзоръ соотношенія между шириною и высотою черепа), и алфавитный указатель лицъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ книгѣ С.

Штурмъ Измаила 11 декабря 1790 г. Составилъ полковникъ Н. Орловъ. Спб. 1891.

«Все хорошо въ свое время, и всякое дѣло приходитъ въ извѣстный часъ». Эту турецкую поговорку мы услыхали отъ турокъ еще во время первой (Румянцевской) войны съ Портою въ царствованіе Екатерины II. Хотя мы и не всегда, на дѣлѣ, примѣняемъ эту поговорку, но бываютъ и исключенія. Къ числу ихъ мы относимъ и появленіе труда г. Орлова. Трудъ этотъ появился именно во-время, ко дню столѣтняго воспоминанія о великомъ подвигѣ великаго Суворова, свершившаго считавшееся невозможнымъ.

Чтобы понять всю важность овладѣнія Измаиломъ, считавшимся не только Портой, но и въ Западной Европѣ, неприступнымъ, авторъ сдѣлалъ предварительный краткій очеркъ политическихъ отношеній Россіи къ Австріи, Пруссіи и Англіи.

Не смотря на блистательныя побѣды гр. Румянцева и А. Орлова при Кагулѣ и Чесмѣ въ 1770 году, въ Европѣ не могли еще свыкнуться съ мыслью о возростающемъ могуществѣ Россіи. Самую войну съ грозною до того Портою называли романическимъ похожденіемъ, а одержанные успѣхи приписывали счастливому случаю.

Вторая турецкая война, съ главнокомандующимъ кн. Потемкинымъ, велась безъ плана, вяло, безъ ясно опредѣленной цѣли, и по своему характеру могла назваться — хожденіемъ за крѣпостями. Въ то время не считали возможнымъ двигаться впередъ, не овладѣвъ всѣми крѣпостями въ тылу. Смѣлый планъ Суворова, послѣ его рымникской побѣды, — двинуться къ Балканамъ, оставивъ крѣпости подъ наблюденіемъ особыхъ заслоновъ,—не получилъ одобренія Потемкина. Самъ же Потемкинъ довольствовался взятіемъ второстепенныхъ крѣпостей—Киліи, Тульчи и Исакчи, и только дѣлалъ неудачныя попытки овладѣть твердынями Измаила. Два раза русскія войска подступали къ этой крѣпости, и оба раза неудачно. Репнинъ только показался подъ Измаиломъ и тотчасъ отступилъ; затѣмъ подошелъ Гудовичъ, также ничего не сдѣлавшій и передавшій команду Самойлову, который долго и почти безцѣльно простоялъ подъ крѣпостью, собравъ военный совѣтъ, постановившій рѣшеніе, что въ виду поздняго времени (декабрь мѣсяцъ), слѣдуетъ осаду замѣнить блокадой и потомъ расположить войска на зимнія квартиры.

Война, такимъ образомъ, снова затягивалась на неопредѣленное время. На заключеніе давно желаемаго мира не могло быть никакой надежды, пока еще не палъ Измаилъ, на который Порта смотрѣла какъ на несокрушимый оплотъ своего могущества. Иностранныя державы, въ особенности Пруссія и Англія, опасавшіяся и завидовавшія успѣхамъ Россіи, энергично поддерживали Порту въ ея намѣреніи продолжать борьбу.

Между тѣмъ война, начавшаяся въ 1787 году, длилась уже четыре года. Потемкинъ, благодаря своему продолжительному отсутствію изъ Пе-

тербурга, чувствовалъ, что теряетъ при дворѣ прежнюю силу. Императрица требовала видимыхъ результатовъ войны, — а ихъ не было. По этому Потемкинъ, получивъ постановленіе военнаго совѣта арміи, стоявшей подъ Измаиломъ, объ отступленіи — рѣшился поручить Суворову взятіе этой, знаменитой въ то время крѣпости, паденіе которой обѣщало скорый миръ, а неудачный приступъ могъ надолго затянуть войну.

Мы не станемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе этого геройскаго дѣла по существу, такъ какъ въ описаніи штурма Измаила, составленномъ г. Орловымъ, новаго ничего не представляется, чего бы не было сказано у прежнихъ изслѣдователей. Скажемъ только, что въ описаніи г. Орлова собранъ весь печатный матеріалъ, какой имѣлся въ нашей военной литературѣ касательно знаменитаго штурма. Такъ, авторъ ссылается на историковъ — А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, Смита, Соловьева; пользуется даже выписками изъ «Русскаго Инвалида» 1827 года и историческими журналами. Словомъ, онъ не упустилъ ничего, что могло служить къ подробному, всестороннему изслѣдованію вопроса. Независимо отъ того, онъ разсмотрѣлъ и рукописный матеріалъ Военно-Ученаго Архива, не смотря на то, что эти рукописныя дѣла были уже разсмотрѣны другими, и на нихъ сдѣланы соотвѣтственныя указанія въ сочиненіяхъ этихъ авторовъ [1]). Тѣмъ не менѣе, г. Орловъ сдѣлалъ изъ этихъ дѣлъ нѣкоторыя извлеченія, которыя не могли быть излишними при описаніи отдѣльнаго эпизода войны, разсматриваемаго какъ особый, цѣльный очеркъ. Словомъ, г. Орловъ не упустилъ ничего, чтобы сдѣлать свое описаніе вполнѣ законченымъ, интереснымъ и научнымъ. Всѣ распоряженія Суворова къ подготовкѣ штурма и самаго его производства, предварительное обученіе войскъ къ штурму, и самый штурмъ Измаила, изложены во всѣхъ подробностяхъ и съ знаніемъ дѣла.

Считаемъ, однако, нужнымъ, остановиться на слѣдующихъ мѣстахъ труда г. Орлова.

1) Стр. 26. Говоря объ островѣ Сулинѣ, отдѣляющемъ Килійское гирло Дуная отъ Сулинскаго и лежащаго противъ Измаила, авторъ замѣчаетъ, что островъ этотъ — «иногда называютъ Чаталъ». Островъ этотъ всегда назывался Сулиномъ; но западная часть его имѣетъ выдающійся мысъ, который называется—мысомъ Чаталъ.

2) При возведеніи одной изъ батарей противъ Измаила — «строителями были люди случайные (какой-то голландскій чертежникъ Воланъ и кавалерійскій офицеръ Мелиссино»), сказано у автора на стр. 27. Но Мелиссино былъ личностью не случайною, а генераломъ и начальникомъ артилеріи осаднаго корпуса.

3) Болѣе важное недоразумѣніе возбуждено г. Орловымъ относительно направленія, при штурмѣ, колонны Мекноба. Авторъ ссылается при этомъ (хотя и не придаетъ значенія) на отрывокъ диспозиціи, случайно доставленной Г. М. Писаревымъ Глинкѣ, автору — «Жизни Суворова». Но по этому отрывку ничего судить нельзя, такъ какъ распоряженія къ штурму дѣлались Суворовымъ еще за нѣсколько дней, измѣнялись и дополнялись. По этому Глинка могъ получить часть диспозиціи уже измѣненной.

---

[1]) Такъ напримѣръ—во II т. войны 1787—91 г. Петрова, авторъ, во многихъ мѣстахъ, дѣлаетъ ссылки на № 893 дѣла В. Уч. Арх.; г. Орловъ дѣлаетъ ссылки на тотъ же номеръ и на тѣ же документы.

Подлинной диспозиціи штурма нигдѣ не отыскано въ дѣлахъ. Это доказываетъ, что ее и не было, что весьма возможно. Суворовъ лично объяснялъ каждому начальнику—«понимать свой маневръ». Онъ указывалъ каждому и пунктъ, на который ему нужно слѣдовать, и путь, по которому идти, и время когда начать движеніе, для чего были даже свѣрены часы. Всѣ мельчайшія подробности были указаны не на бумагѣ, но прямо на мѣстѣ. Каждый зналъ, что нужно дѣлать, и въ диспозиціи окончательной не было надобности. На планѣ атаки, подписанномъ Суворовымъ, принятомъ за основаніе Петровымъ и Богдановичемъ, направленіе колонны Мекноба показано на средній сѣверный бастіонъ. Смитъ также говоритъ, что — «Мекнобъ долженъ былъ взойти на крѣпостной валъ съ сѣверной стороны; причемъ ошибочно замѣчаетъ, что это былъ бастіонъ—«у котораго сходятся угломъ оба сухопутные фронта». Но это, по плану, оказывается не сѣвернымъ, а сѣверо-западнымъ бастіономъ, на который и у г. Орлова направлена колонна Мекноба. Нечего и говорить, что направленіе Мекноба на куртину у Хотинскихъ воротъ, какъ сказано у Глинки—было бы крупною ошибкою, которую Суворовъ сдѣлать не могъ. Это было бы движеніемъ съ западной стороны, куда и безъ того уже было направлено двѣ коллонны, тогда какъ вся сѣверная сторона, наиболѣе длинная и важная, атаковалась бы только 2000 спѣшенныхъ казаковъ! Правый и лѣвый фланги атакующихъ были бы совершенно разобщены въ центрѣ. По этому-то, Мекнобъ и былъ направленъ именно на средній, сѣверный бастіонъ, находящійся между сѣверо-западнымъ и Бендерскимъ бастіонами. При этой колоннѣ находился и самъ Суворовъ, какъ въ центрѣ позиціи. Это направленіе и показано у Петрова и Богдановича и значится на подлинномъ планѣ атаки.

Это недоразумѣніе не умаляетъ, однако, достоинства труда г. Орлова. Почаще слѣдовало бы воскрешать въ памяти потомства славныя дѣла «давно минувшихъ дней».

Прибавимъ еще, что разсматриваемый очеркъ изданъ изящно, съ хорошими портретами Екатерины, Суворова, Потемкина, Рибаса и Платова. Планъ и виды Измаила также хороши. **А. П.**

Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада, I. Переломъ въ западноевропейской этикѣ въ XII — XIII вв. Средневѣковая романтика въ Италіи. Историко-литературные очерки Н. Дашкевича. Кіевъ. 1890.

Король Артуръ и витязи Круглаго Стола, волшебникъ Мерлинъ, таинственный орденъ св. Граля—вотъ образы той, въ высшей степени своеобразной и заманчивой, области поэзіи, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ господствовавшей въ западно-европейскихъ литературахъ, которую избралъ предметомъ изслѣдованій своихъ г. Дашкевичъ. Еще въ 1876 г. въ «Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ» былъ помѣщенъ трудъ его по исторіи бретонскихъ сказаній, посвященный «выясненію происхожденія основной первой вѣтви ихъ», т. е. сказанію о св. Гралѣ. Послѣ этого авторъ въ теченіе почти четырнадцати лѣтъ, отвлеченный, по его словамъ, другими работами, не могъ продолжать своихъ розысканій въ области средневѣковой романтики, и лишь недавно оказался въ состояніи снова обратиться къ нимъ. Въ настоящемъ выпускѣ авторъ уже яснѣе высказывается о планѣ своихъ изслѣдованій.

Онъ предполагаетъ «выяснить эволюцію романтики въ литературахъ запада на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ, отъ XII до XIX включительно», изслѣдовать какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю исторію романтики Круглаго Стола, т. е. какъ развитіе главнѣйшихъ изъ легендъ, составляющихъ содержаніе этой романтики, такъ и роль ея въ литературахъ и общественной жизни западно-европейскихъ народовъ. Такимъ образомъ, отдѣльные выпуски его розысканій будутъ, прежде всего, распадаться на двѣ серіи: на разборъ «сказаній, положенныхъ въ основу бретонскихъ романовъ, и новѣйшихъ относительно ихъ гипотезъ» съ одной стороны, и на исторію «романтики Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада» съ другой. Въ первой серіи, изъ которой вышелъ уже указанный выше очеркъ исторіи легенды о св. Гралѣ, предпологается еще: «Изслѣдованіе генезиса романтики Круглаго Стола» и «Вѣщій Мерлинъ»; во второй, кромѣ выходящаго въ настоящее время выпуска, предполагается также еще два: 1) «Романтика Круглаго Стола въ Англіи, Нидерландахъ, Германіи, Франціи и на Пиренейскомъ полуостровѣ до времени Возрожденія включительно», 2) «Романтика новаго времени». Кромѣ того, авторъ заявляетъ, что въ ближайшемъ будущемъ, по окончаніи обѣихъ первыхъ серій, онъ перейдетъ къ третьей, къ изслѣдованіямъ по сравнительной исторіи русскихъ былинъ; генезисъ нашего отечественнаго эпоса думаетъ онъ сопоставить съ генезисомъ Артурова эпоса, присоединяясь, такимъ образомъ, по его собственнымъ словамъ, «къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что наши былины вообще представляютъ болѣе пунктовъ соприкосновенія съ эпосами Запада и Кавказа, чѣмъ съ эпосами Востока».

Первая часть вышедшаго въ настоящее время выпуска посвящена особой эпохѣ въ исторіи средневѣковой общественной жизни и литературы, которую можно назвать своего рода возрожденіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ XII—XIII вв. Это время было во многихъ отношеніяхъ кульминаціонною точкою среднихъ вѣковъ. Благодаря крестовымъ походамъ, общество является исполненнымъ высшаго религіознаго воодушевленія, проявляется героизмъ рыцарей свѣтскихъ и духовныхъ, не уступающій доблести древнихъ витязей, распространяется болѣе утонченная образованность, науки находятъ себѣ славныхъ представителей, возрождаются искусства, и—вмѣстѣ съ ними и поэзія. Еще въ XI в. народная поэзія, находившаяся прежде въ загонѣ, державшаяся лишь въ низшихъ слояхъ общества, начинаетъ проникать въ зàмки князей и синьоровъ; она переработывается подъ вліяніемъ книжной учености, подъ вліяніемъ античной поэзіи и принимаетъ новый, своеобразный видъ. Не теряя своей мощи и своего величія, типы языческой, народной поэзіи совершенно измѣняютъ свой характеръ. Герои романтики XII, XIII вв. такіе же точно идеальные типы, какъ витязи народной поэзіи, но они уже представители не одной воинской доблести и удали, но и высшаго рыцарскаго изящества и мистическаго культа женщины. Особая «рыцарская» мораль развивается въ XII и слѣдующихъ вѣкахъ, не имѣющая корней ни въ античномъ мірѣ, ни въ средневѣковыхъ церковныхъ идеалахъ, ни въ завѣтахъ германскаго племени. Чтобы доказать совершенную своеобразность этой морали, г. Дашкевичъ дѣлаетъ отступленіе въ область германскихъ и французскихъ преданій до XII вѣка. Древніе германскіе герои представляютъ совершенную противоположность изящнымъ рыцарямъ: это образы полные величія, но суровые, мрачные и страшные, ихъ храбрость

сопровождается жестокостью, вѣрность господину страстью къ наживѣ; они сражаются съ чудовищами и драконами, но не ради высшихъ идей, какъ позднѣйшіе рыцари, а ради сокровищъ. Даже въ женщинахъ древнѣйшихъ германскихъ преданій мало мягкихъ, нѣжныхъ чертъ: Валькирія, Брунгильда и Гудруна сѣверныхъ сагъ, ради мести рѣшающіяся на самые жестокіе поступки, лучшія представительницы этого типа германскихъ героинь. Впослѣдствіи, въ обработкахъ, сдѣланныхъ въ Германіи уже въ рыцарское время, эти образы являются въ значительно смягченномъ видѣ, но и здѣсь довольно много древне-германскихъ чертъ: стоитъ лишь вспомнить кровавую месть Кримгильды во второй половинѣ пѣсни о Нибелунгахъ. Не болѣе признаковъ рыцарской морали находимъ мы въ эпохѣ французской, выросшей на почвѣ германскаго эпоса. И тутъ тѣ же суровые герои, для которыхъ война выше всего, а любовь считается лишь помѣхой къ проявленію истиннаго мужества; и здѣсь женщина мало выступаетъ на видъ, и мало проявляетъ чертъ мягкихъ и женственныхъ. Изъ подобныхъ идеаловъ невозможно, конечно, и вообразить, чтобы могли выработаться идеалы романтики, въ которой всѣ подвиги рыцарей—дѣла любви, совершаемыя во имя любимой дамы, эти идеалы, которые самими рыцарями выводятся изъ культа любви.

«D'amour descent chevalerie
«D'amour vient tote seignorie
«D'amour descent vigeur et force»,

какъ говоритъ старинный французскій поэтъ-романтикъ. Какъ могло явиться это новое направленіе? Г. Дашкевичъ выводитъ его изъ самыхъ требованій современной жизни, которымъ не могъ уже удовлетворять старый эпосъ. «Старый эпосъ, говоритъ онъ, не могъ быть вполнѣ примѣненъ къ новымъ наклонностямъ: онъ не укладывался въ рамки новаго направленія индивидуальной и соціальной жизни, не согласовался съ изящными и утонченными чувствованіями и дворскими манерами, которыя такъ цѣнились теперь въ средѣ знати. Энтузіазмъ героизма слился съ стремленіемъ къ выработкѣ большей человѣчности. Являлось юношески-возвышенное настроеніе, склонное къ идеализаціи предмета личной привязанности. Результатомъ его въ провансальской поэзіи было развитіе «веселой науки»,—«науки страсти нѣжной», какъ можно бы назвать ее словами Пушкина. Лирика, однако, надолго не могла удовлетворить общества, и вотъ появляются рыцарскіе романы, главнымъ образомъ, бретонскаго цикла, представляющіе «высшіе, самые популярные идеалы времени крестовыхъ походовъ, развитія мистики, утонченной дворской жизни и средневѣковой романтики». Романы Артурова цикла скоро завладѣли всѣми западными литературами, не смотря на весь протестъ возстававшихъ противъ новаго направленія труверовъ, которые жаловались на пренебрежительное отношеніе къ старинной «правдивой» поэзіи...

Вотъ, въ краткихъ чертахъ, то введеніе, которое авторъ предпосылаетъ своему разсмотрѣнію эволюціи романтики въ литературахъ и жизни Запада. Мы остановились на немъ подробнѣе, такъ какъ оно въ общихъ чертахъ намѣчаетъ содержаніе и слѣдующихъ выпусковъ второй серіи розысканій г. Дашкевича. Слѣдующая затѣмъ часть настоящаго выпуска посвящена разбору того, какъ романтика Круглаго Стола отразилась въ литературѣ Италіи. Уже въ началѣ XIII в. итальянцы оказываются знакомыми съ

сказаніями объ Артурѣ, и постепенно знакомство это принимаетъ все болѣе и болѣе значительные размѣры; въ итальянской литературѣ начинаютъ появляться переводы, передѣлки, подражанія бретонскимъ романамъ, хотя сначала лишь медленно, исподволь. И здѣсь, какъ во Франціи, слышится на первыхъ порахъ голосъ протеста: великій поэтъ-философъ Флоренціи осуждаетъ новые романы, вооружается противъ нравовъ рыцарей, изображаемыхъ въ нихъ; послѣдователи рыцарской любви и морали, Ланселотъ, Тристанъ и другіе, изображаются у Данте кружимыми вихремъ въ глубинѣ бездны ада. Начиная, однако, съ Декамерона Боккачіо, въ половинѣ XIV в., мы уже ясно видимъ, что совершился полный переворотъ въ морали и міровоззрѣніи итальянцевъ. Рыцарская романтика завоевываетъ себѣ неограниченное господство въ итальянской литературѣ: поэмы Пульчи, Боярда, Аріоста, характеризуютъ разцвѣтъ бретонскаго эпоса въ Италіи. Но не продолжительно только было это господство: въ XVI в., въ лицѣ Торквато Тассо видимъ мы уже угасаніе рыцарской романтики. Тассо былъ послѣдній романтикъ Италіи; что̀ мы послѣ него имѣемъ изъ этой области поэзіи въ Италіи, едва заслуживаетъ упоминанія.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе настоящаго выпуска труда г. Дашкевича. Безъ сомнѣнія, авторъ выбралъ себѣ для изслѣдованія изъ средневѣковой литературы запада чуть ли не самую интересную, но въ то же время и самую обширную область. Подавляющая масса самихъ литературныхъ произведеній, множество ученыхъ изслѣдованій о нихъ, не могли не оказать вліянія на самый трудъ: авторъ не успѣлъ всего разработать систематически, изложеніе его, во многихъ случаяхъ, непослѣдовательно, въ иныхъ мѣстахъ онъ повторяется, но все имъ разработано съ одинаковой основательностью,—однимъ словомъ, иной разъ кажется, что передъ нами лежитъ не законченный научный трудъ, а сборникъ матеріаловъ, собранныхъ на скорую руку и кое-какъ скомпанованныхъ. Къ этому заключенію принуждаетъ насъ придти не только отсутствіе системы въ частностяхъ, но и въ общемъ распредѣленіи матеріаловъ. Уже самое раздѣленіе исторіи романтики на внутреннюю и внѣшнюю,—раздѣленіе не совсѣмъ научное, принято авторомъ, главнымъ образомъ, для облегченія сортировки матеріаловъ. По той же причинѣ, вѣроятно, г. Дашкевичъ обзоръ исторіи романтики въ Италіи разбиваетъ на двѣ части: во-первыхъ, «данныя для установленія внѣшней и внутренней исторіи романтики въ Италіи» и во-вторыхъ, «заключительный общій обзоръ исторіи средневѣковой романтики въ Италіи». Если бы послѣдняя часть, по объему мало уступающая первой, была съ ней органически соединена, то и автору пришлось бы и повторяться меньше и картина эволюціи романтики въ Италіи получилась бы полнѣе. Нельзя одобрить и самаго раздѣленія исторіи романтики по отдѣльнымъ національностямъ, также принятаго авторомъ, по всей вѣроятности, по названной уже нами причинѣ. Въ области романтики происходило такое сближеніе западныхъ націй, такая смѣна взаимныхъ заимствованій, подражаній, переводовъ и т. п., что дѣленіе по отдѣльнымъ націямъ непремѣнно должно нарушить связь и послѣдовательность; къ тому же, романтика Круглаго Стола возникла во Франціи, а г. Дашкевичъ исторію ея начинаетъ съ Италіи. Все это, конечно, весьма легко объясняется тѣмъ, почти необозримымъ матеріаломъ, который имѣлъ передъ собою авторъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться, что и здѣсь большая систематизація была бы воз-

можна, если бы авторъ оставилъ въ сторонѣ много частностей, мало выясняющихъ общую мысль его и лишь вредящихъ изложенію.

А. Л.

Н. Страховъ. Изъ исторіи литературнаго нигилизма 1861—1865. Письма Н. Косицы.—Замѣтки лѣтописца, и пр. Спб. 1890. Онъ же. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книжка вторая. Изд. 2-е. Спб. 1890.

Г. Страховъ продолжаетъ собирать свои старыя статьи, разбросанныя по журналамъ послѣдняго тридцатилѣтія, и издавать ихъ отдѣльными сборниками. Статьи эти занимаютъ оригинальное мѣсто въ русской критикѣ: одинаково чуждый и «фанатическаго радикализма» и «фанатическаго старовѣрства» (его слова), этотъ критикъ-эстетикъ, вмѣстѣ съ Ап. Григорьевымъ, долгое время былъ чѣмъ-то въ родѣ «кимвала,брящающаго въ пустынѣ»; ни либералы, ни консерваторы, не считали его своимъ, не понимали его, вышучивали. Особенно незавидной репутаціей онъ пользовался въ такъ называемой «либеральной» части русскаго общества и журналистики въ 60-е годы, когда на него сыпались громы Чернышевскаго, Писарева и, не столь, правда, страшные и удачные, г. Антоновича—этихъ главарей того времени. Тоже продолжалось и въ 70-е годы, когда, напр., «Дѣло» издѣвалось надъ нимъ за то, что онъ называлъ гр. Л. Толстого «геніемъ»... Въ послѣднее время, почти совсѣмъ перекочевавъ въ лагерь «Русскаго Вѣстника», онъ съ одной стороны выигралъ въ смыслѣ опредѣленности литературной физіономіи, но за то, съ другой стороны, измѣнилъ многому, что было наиболѣе симпатично въ его прежней дѣятельности — проповѣди полной свободы слова, терпимости къ убѣжденіямъ, вѣрованіямъ, національностямъ, и пр. А отъ этого пренебреженіе и антипатія къ нему со стороны противоположнаго лагеря еще увеличились; явилась слѣпота, умышленное непониманіе и крайняя враждебность ко всему, что онъ говоритъ. Не добрую службу сослужили ему книги Н. Я. Данилевскаго, съ которыми онъ такъ носится!..

И, однако, г. Страховъ этого не заслуживаетъ. Изъ того, что онъ не шолъ за «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ», совсѣмъ не слѣдуетъ, что онъ былъ за-одно съ Аскоченскимъ и К°. Вспомнимъ то время и тѣхъ дѣятелей,— что̀ они такое были? Увлеченные живыми вѣяніями послѣ Севастопольской войны, послѣ мрачной первой половины 50-хъ годовъ, послѣ всѣхъ разочарованій и отчаянія, передовые дѣятели эпохи нашего «возрожденія» — «теоретики», какъ ихъ называетъ Ап. Григорьевъ, или, пожалуй, представители «нигилизма», если употребить неточный, хотя и принятый многими и, между прочимъ, г. Страховымъ, терминъ — естественно впали въ противоположную крайность, въ необузданныя надежды на всяческій прогрессъ. Чѣмъ больше надежды эти, хотя отчасти, осуществлялись, тѣмъ съ бо̀льшими требованіями, съ бо̀льшей смѣлостью и, надо сознаться, съ большей слѣпотой стали они обращаться ко всѣмъ явленіямъ русской жизни. Много тутъ было молодого увлеченія, юношеской свѣжести, честныхъ и гуманныхъ порывовъ и... идеализма, отъ котораго они такъ отрекались. Но, какъ бы то ни было, вышло въ концѣ концовъ то, что величайшаго разсвѣта русской художественной литературы они почти и не замѣтили, а если и замѣтили, то, такъ сказать, въ другую сторону: сто̀итъ только вспомнить, какъ относились они, со второй половины 60-хъ годовъ,

къ Пушкину, Л. Толстому, Тургеневу, Достоевскому, Гончарову, Писемскому, Лѣскову и др... Надо же когда-нибудь признать этотъ фактъ. «Русская Мысль», журналъ либеральный, года полтора тому назадъ реабилитировалъ репутацію г. Лѣскова (а вспомнимъ нападки Писарева на него?); тоже уже давно сдѣлали, словно сговорились, всѣ наши критики по отношенію къ Тургеневу, Л. Толстому и др. (ужъ не говоря про Пушкина); тоже отчасти нужно сдѣлать и относительно г. Страхова, писателя во всякомъ случаѣ талантливаго, умнаго, честнаго, гуманнаго и искренняго — по крайней мѣрѣ въ прежней своей литературной дѣятельности. Ужь за одно мужество идти «противъ теченія», произведенія Л. Толстого назвать «геніальными», надъ чѣмъ когда-то такъ слѣпо, неудачно и комично смѣялись либеральные журналы — онъ заслуживаетъ если не уваженія, то хоть вниманія...

Первый изъ названныхъ сборниковъ его статей («Изъ исторіи литературнаго нигилизма») весь состоитъ изъ болѣе или менѣе краткихъ отзывовъ автора на современныя явленія въ литературной, политической и общественной жизни. Нѣтъ здѣсь серьезной доказательности, все болѣе или менѣе случайно — самъ авторъ «считалъ эти статейки болѣе забавой, чѣмъ дѣломъ»,— но многое очень мѣтко и вѣрно замѣчено въ современной литературѣ. Статьи обнимаютъ собой всего четыре года (1861 — 1865) «время, которое, однако же, можно считать временемъ полнаго разцвѣта нигилизма, когда онъ еще вполнѣ вѣрилъ въ силу своей проповѣди и занималъ въ литературѣ наиболѣе значительное положеніе, почти господствовалъ» (Предисл. стр. IX). Любопытно самое происхожденіе этихъ статей и условія, при которыхъ онѣ въ состояніи были появиться въ печати: редакторы двухъ изданій, близко знакомые съ г. Страховымъ, не хотѣли печатать ничего въ такомъ духѣ, подчиняясь авторитету противнаго лагеря. Рѣшился на это только Достоевскій въ новооснованномъ имъ тогда журналѣ «Время», да и то дѣлалъ различныя вставки и оговорки, чтобы статьи не казались слишкомъ рѣзко идущими «противъ теченія». И все-таки, безъ сомнѣнія, онѣ послужили если не главной, то все же важной причиной того, что на «Время» ополчился тогда «Современникъ», въ лицѣ г. Антоновича, а потомъ и другіе, чуть не всѣ, журналы 60-хъ годовъ.

Какъ уже сказано, «статейки» сборника весьма разнообразны и случайны. Еще болѣе обща, такъ сказать, принципіальна, первая изъ нихъ «Нѣчто о Петербургской литературѣ» (1861 г.), гдѣ авторъ проводитъ старую мысль о противоположности Московской и Петербургской литературы; но, какъ и всѣ подобныя слишкомъ обобщающія, односторонніе сужденія, эта статья не имѣетъ значенія. Во времена Гоголя и Бѣлинскаго эта противоположность въ характерѣ литературной дѣятельности двухъ столицъ, дѣйствительно, была, позже же она уничтожается или, по крайней мѣрѣ, ослабѣваетъ, хотя нѣкоторые и нынѣ направленіе извѣстнаго рода называютъ «московскимъ», забывая, что въ Москвѣ издаются «Русскія Вѣдомости», «Русская Мысль» и нѣкоторыя другія изданія «петербургскаго» направленія. Традиціонная терминологія давно потеряла свою современность... Но интересно въ концѣ упомянутой статьи опредѣленіе «петербургскаго» (если употреблять все-таки терминъ г. Страхова) литератора: «Представьте — полнѣйшее отрицаніе авторитетовъ; слабое, даже ничтожное развитіе эстетическаго вкуса; нѣкоторое отвращеніе къ стихамъ, какъ къ чему-то очень

приторному; пламенное желаніе общественной пользы; желаніе стать во главѣ, на виднѣйшемъ и главнѣйшемъ мѣстѣ въ нашемъ движеніи впередъ; очень малая начитанность; полнѣйшая увѣренность въ достоинствѣ собственной логики и въ непогрѣшимости **самобытныхъ**, хотя весьма немногихъ собственныхъ убѣжденій; неопредѣленное, но постоянное недовольство всѣмъ и всѣми; инстинктивное уклоненіе отъ общества и пребываніе въ узкихъ кружкахъ; причисленіе себя къ избраннымъ и весьма немногимъ; полнѣйшее незнаніе дѣйствительности; мизантропическій взглядъ на людей, скорая вѣра во все дурное; воззрѣніе на жизнь болѣе аскетическое или стоическое, чѣмъ современное...» (стр. 11—12). Въ этой тирадѣ многое, конечно, утрировано, преувеличено, но **общій** характеръ того времени схваченъ вѣрно и, дѣйствительно, служитъ признакомъ «**юности**» его, юношеской порывистости, увлеченія, самомнѣнія и вѣры въ свои силы...

Одна изъ главныхъ ошибокъ г. Страхова (а по его, неоднократно заявленному мнѣнію, это — одна изъ главныхъ его заслугъ) заключается въ томъ, что онъ называетъ Писарева и другихъ «крайнихъ» публицистовъ «Русскаго Слова» **выводомъ** изъ Добролюбова и Чернышевскаго — и на этомъ основаніи строитъ сужденія весьма опрометчивыя и ложныя. Въ самомъ дѣлѣ, не такъ ли разсуждалъ и противоположный лагерь, причисляя славянофиловъ къ мракобѣсному «Маяку» и позднѣе того же г. Страхова къ журналистамъ въ родѣ пресловутаго Аскоченскаго. «Маякъ» называлъ Пушкина и Лермонтова безнравственными и бездарными — отсюда для характеристики славянофиловъ ничего не слѣдуетъ, хотя у нихъ было и нѣчто общее съ «Маякомъ» — мысль о «гніеніи Запада»; точно также, если Писаревъ и К° прилагаютъ—по пословицѣ «крайности сходятся»—Пушкину тѣ же упреки, что и «Маякъ», изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что **тоже** думали о великомъ поэтѣ Добролюбовъ и Чернышевскій, даже принимая во вниманіе указаніе ихъ на безсодержательность его поэзіи: вспомнимъ, что разъ уже Чернышевскій и въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ въ «Современникѣ» и въ отдѣльно изданной брошюрѣ «А. С. Пушкинъ» отзывается о поэтѣ вездѣ съ величайшимъ уваженіемъ и называетъ его великимъ безъ всякихъ ковычекъ (какъ это дѣлалъ Писаревъ). Это же нужно сказать и о Добролюбовѣ.

Поэтому, никакъ нельзя согласиться съ сужденіями г. Страхова въ слѣдующей статьѣ «Еще о петербургской литературѣ — письмо къ редактору «Времени» по поводу двухъ современныхъ статей». Статьи эти — «Схоластика XIX вѣка» Писарева и «О причинахъ паденія Рима» Чернышевскаго. Г. Страховъ, на основаніи этихъ статей, говоритъ, что первый — отрицаетъ философію, а второй — исторію, что у насъ «отрицаніе авторитетовъ» не происходитъ во имя чего-нибудь общаго, не во имя другого авторитета, а просто происходитъ отъ нашей «самобытности». Посмотримъ, на сколько это справедливо. Не приводя, за недостаткомъ мѣста, всѣхъ выдержекъ изъ статьи Писарева, мы ограничимся самымъ существеннымъ. «Ополчаться всѣми силами противъ отвлеченности мы имѣемъ полное право, говоритъ Писаревъ, — во имя того здороваго принципа, который, постепенно проникая въ общественное сознаніе, нечувствительно сглаживаетъ грани сословій и разбиваетъ хаотическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизмъ — явленіе опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монополія знаній и гуманнаго

развитія представляетъ, конечно, одну изъ самыхъ вредныхъ монополій. Что за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе спеціалисты?..... истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что̀ осязательно, что̀ можно разсмотрѣть глазами и ощупать руками, то пойметъ и десятилѣтній мальчикъ, и простой мужикъ, и свѣтскій человѣкъ, и ученый спеціалистъ» (стр. 19—20). Къ этимъ безмѣрно-наивнымъ строкамъ прибавимъ еще нѣсколько изъ другого мѣста той же статьи: «Философскіе вопросы, говоритъ Писаревъ, останутся непонятными для человѣка, одареннаго простымъ здравымъ смысломъ и не посвященнаго въ мистеріи философскихъ школъ; это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, служитъ самымъ разительнымъ доказательствомъ (!) незаконности, или вѣрнѣе, полнѣйшей безполезности подобныхъ умственныхъ упражненій» и т. д. (стр. 33). Изъ этихъ словъ г. Страховъ выводитъ, что Писаревъ здѣсь отрицаетъ философію. Заключеніе вѣрное, тѣмъ болѣе, что тутъ отрицается не только философія, но и вообще всякія науки: ни десятилѣтній мальчикъ, ни простой мужикъ, ни свѣтскій человѣкъ не поймутъ, намъ кажется, не только философію (даже и позитивной — во всемъ ея смыслѣ), но и астрономіи, и филологіи, и исторіи, и пр.; не поймутъ они и Шекспира, и Гете, и Данте и пр.

За то совершенно невѣрно заключеніе г. Страхова, что Чернышевскій отрицаетъ исторію. Выводится это изъ слѣдующихъ словъ Чернышевскаго: «Чѣмъ же былъ убитъ древній міръ? Мы прямо говоримъ: исключительно волненіемъ, которое овладѣло всѣми кочевыми племенами отъ Рейна до Амура. Тутъ было ни больше, ни меньше, какъ погибель страны отъ наводненія. Никакой внутренней необходимости смерти не было. Напротивъ, жизнь была свѣжа, прогрессъ безостановоченъ. Погибель имперіи такая же геологическая катастрофа, какъ погибель Геркулана и Помпеи» (стр. 28—29). Можно, конечно, и даже должно спорить, палъ ли Римъ отъ варваровъ или отъ внутренняго разложенія, но на основаніи того, что такъ объясняется этотъ фактъ, какое бы значеніе ни придавалъ ему г. Страховъ, — отнюдь нельзя вывести, что тутъ отрицается исторія, «такъ какъ отрицается смыслъ величайшаго событія». Небезъизвѣстно, что Чернышевскій переводилъ Шлоссера и Вебера, писалъ самъ историческія статьи — какъ же хоть это согласить съ его «отрицаніемъ исторіи». Какъ будто въ исторіи только и свѣту въ окошкѣ, что паденіе Римской имперіи...

Мы нарочно остановились на этой статьѣ г. Страхова подольше, такъ какъ она и обширнѣе и несправедливѣе другихъ; дальше пойдемъ быстрѣе.

Въ слѣдующей статьѣ «Нѣчто о полемикѣ» нельзя не согласиться съ слѣдующими словами г. Страхова: «...общій фактъ тотъ, что наша изящная литература развивается въ настоящее время помимо критики. Если посмотрѣть хорошенько, то наша изящная литература представляетъ богатое развитіе... Частенько критика пробовала свистѣть на нашихъ творческихъ писателей, но это свистѣнье не имѣло никакого вліянія на значеніе ихъ въ публикѣ и на ихъ развитіе. Сила беретъ свое» (стр. 54). Съ этимъ трудно спорить, нужно только, впрочемъ, оговориться, что къ тому времени, къ которому относятся эти слова (1861 г.), они не вполнѣ примѣнимы, но за то всецѣло относятся ко второй половинѣ 60-хъ годовъ и, въ огромной степени, къ 70-мъ годамъ и далѣе: Л. Толстой, Тургеневъ, Достоевскій и др. развивались вполнѣ независимо... Приведемъ еще хорошее замѣчаніе изъ

этой статьи о нетерпимости и фанатизмѣ: «Недурно бы было, если бы люди убѣжденій убѣдились, что однихъ убѣжденій мало, что и убѣжденіе, какъ и все на свѣтѣ, можетъ быть зломъ, что, напримѣръ, вмѣсто плодотворной борьбы идей, оно порождаетъ слѣпоту и глухоту, при которой только и возможенъ свистъ и личная полемика» (стр. 58). Въ другомъ мѣстѣ сборника, по поводу статьи «Литературные рабочіе» (въ «Современникѣ»), въ которой проповѣдуется мысль объ уничтоженіи книгъ и журналовъ противнаго образа мыслей, г. Страховъ сравниваетъ такой фанатизмъ съ разсужденіемъ калифа Омара объ александрійской библіотекѣ и потомъ говоритъ: «какъ же я стану ему (фанатику своихъ убѣжденій) доказывать, что чѣмъ больше у насъ книгъ и журналовъ, тѣмъ лучше для литературы? Что тѣмъ свободнѣе и многостороннѣе можетъ выражаться каждая мысль? Что тѣмъ большій просторъ дается всѣмъ талантамъ, всѣмъ способностямъ? Что тѣмъ легче публика можетъ цѣнить и поощрять писателей?» (стр. 92—93). «Не будемъ же стѣснять жизнь, говоритъ онъ, не будемъ ее насиловать. Пусть свободно разростается» (стр. 101). За такія мысли г. Страховъ заслуживаетъ не порицанія, а уваженія...

Странны утвержденія г. Страхова, что статьи Писарева «замѣчательны своей холодностью (стр. 106), а статьи «Современника» (1862 г.) «безцвѣтныя, безсвязныя, вялыя статьи» (стр. 131). Но параллель, проведенная имъ между Писаревымъ и Чернышевскимъ, очень любопытна, и до извѣстной степени вѣрна. если откинуть конецъ, повторяющій его любимую мысль: «г. Чернышевскій—догматикъ, твердо держащійся извѣстныхъ идей; г. Писаревъ—критикъ и скептикъ, все подвергающій сомнѣнію и анализу. Г. Чернышевскій—аргументаторъ, желающій убѣждать читателей строгими логическими выводами; г. Писаревъ — свистунъ, избравшій своимъ главнымъ оружіемъ — брань и насмѣшку. Г. Чернышевскій полагаетъ, что онъ строитель; г. Писаревъ прямо говоритъ, что онъ разрушитель. Г. Чернышевскій смѣлъ и откровененъ, г. Писаревъ еще смѣлѣе и откровеннѣе; г. Чернышевскій есть основаніе и начало, г. Писаревъ—выводъ и конецъ» (стр. 103).

У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, мѣста останавливаться на интересной полемикѣ г. Страхова съ г. Антоновичемъ, съ «Искрой» (о милостинѣ и регламентированной благотворительности). Здѣсь много мыслей очень вѣрныхъ, остроумныхъ, много очень характернаго для того времени. Безпристрастіе и умъ нашего писателя видны всюду. Насколько онъ безпристрастенъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ его словъ, до которыхъ многіе и теперь не могутъ додуматься: «...нигилисты, а также и нигилистки, составляютъ едва ли не лучшую полосу современныхъ людей. — Признаемся, что мы вообще считаемъ людей за весьма плохой народъ: они большей частью своекорыстны, завистливы, мелочны, тщеславны, самолюбивы и проч., и проч. Нигилисты выгодно отличаются отъ общей массы. Они просты, серьозны, ищутъ дѣла и занимаются дѣломъ, презираютъ мелочи; у нихъ нѣтъ той фальшивой наружности, о которой такъ много хлопочутъ другіе; поэтому, приходя въ соприкосновеніе съ ними, невольно чувствуешь свѣжее впечатлѣніе живой души» (стр. 200). Это говоритъ противникъ нигилизма. А какъ судили другіе?... Съ горячимъ сочувствіемъ привѣтствуетъ г. Страховъ и эмансипацію женщинъ, устройство «Общества женскаго труда», переплетной и пр. (въ замѣткѣ: «О женскомъ трудѣ» стр. 390—401). Въ полемикѣ «Русскаго Вѣстника» съ естественными науками онъ защищаетъ

послѣднія и возражаетъ противъ увлеченія классицизмомъ; мысли о томъ, всѣхъ или нѣтъ нужно воспитывать одинаково, онъ называетъ «нечестивыми и кощунственными» («Споръ объ общемъ образованіи» — стр. 270—291). Впрочемъ, трудно останавливаться на всѣхъ интересныхъ и вѣрныхъ сторонахъ сборника г. Страхова, какъ это ни важно въ виду составившагося предубѣжденія къ «одному изъ самыхъ изящныхъ писателей нашихъ», какъ выразился о немъ не такъ давно г. Бестужевъ-Рюминъ.

Что касается до другого сборника - «Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ», то онъ вышелъ уже вторымъ изданіемъ и потому мы не будемъ много говорить о немъ. Отмѣтимъ только въ первой статьѣ («Ходъ нашей литературы, начиная отъ Ломоносова»—стр. 1—60), странный взглядъ г. Страхова на таланты: онъ доказываетъ, что преемственной, генетической связи въ появленіи и развитіи писателей не бываетъ, а существуетъ зависимость только отъ современной писателю эпохи—можно ли спорить съ подобными заявленіями нынѣ? Отмѣтимъ также пристрастіе автора къ Карамзину: смѣшно говорить, что онъ серьезно любилъ изучать Европу—все дѣло ограничивалось сантиментальными восторгами предъ «властелинами нашихъ думъ». Оттого такъ легко произошла и реакція въ Карамзинѣ послѣ французской революціи...

Упомянемъ еще о статьѣ «Роковой вопросъ», впервые помѣщенной въ этомъ изданіи. Она написана по поводу польскаго возстанія 1863 г. и проникнута самыми симпатичными идеями.

Кромѣ того, новое также въ этомъ сборникѣ представляютъ полемическія статьи г. Страхова поповоду книгъ Н. Я. Данилевскаго: «Наша культура и всемірное единство»—защита «Россіи и Европы» противъ статьи г. Вл. Соловьева; далѣе—«Полное (?) опроверженіе дарвинизма» и др.—полемика съ гг. Тимирязевымъ, Фаминцынымъ и др. Ни та, ни другая полемика, какъ извѣстно. еще не окончены, но все-таки составляютъ любопытный «фактъ времени»... **Ар. М.**

Какъ училъ о крестномъ знаменіи всероссійскій патріархъ Іовъ (1889 г.). По поводу «бесѣды о перстосложеніи» преосв. Никанора. Соч. профессора Н. И. Барсова. Спб. 1890.

Такіе вопросы, какъ о перстосложеніи считаются обыкновенно маловажными. Но если принять во вниманіе, что изъ-за этого вопроса, между прочимъ, многомилліонныя массы русскаго народа упорно обособляются отъ общаго хода и строя общественной и государственной жизни въ Россіи, то едва ли такой взглядъ на него можно признать правильнымъ. Преосвященный Никаноръ издалъ въ 1890 году цѣлую книгу по этому предмету, надъ которою работалъ, по его словамъ, около 40 лѣтъ (съ промежутками). Археологическое изслѣдованіе г. Барсова, вызванное книгой преосвященнаго Никанора, имѣетъ и практическое значеніе, такъ какъ представляетъ новое рѣшеніе спорнаго между раскольниками и православными вопроса.

На основаніи посланія Іова и другихъ данныхъ, авторъ доказываетъ, что до самого московскаго собора 1666—67 года отнюдь не существовало каноническаго опредѣленія о перстосложеніи, и всѣ виды его—однoперстье, двуперстье и троеперстье—практиковались въ тѣхъ или иныхъ помѣстныхъ церквахъ ad libitum.

Это совершенно новая точка зрѣнія на вопросъ, такъ какъ обѣ спорящія стороны доселѣ доказывали, что извѣстный видъ перстосложенія—по мнѣнію раскольниковъ двуперстіе, а по мнѣнію православныхъ—троеперстіе, имѣетъ съ древнѣйшихъ временъ каноническое или догматическое значеніе. Если мнѣніе г. Варсова будетъ принято спеціалистами, оно составитъ значительный шагъ впередъ въ рѣшеніи спора и можетъ послужить исходнымъ пунктомъ соглашенія раскольниковъ съ православными по этому спорному вопросу. Д. Г.

Бродячая вольница, хроника-романъ первой половины XVIII столѣтія, А. А. Голубева, въ двухъ книгахъ. Москва. 1891.

Романъ А. А. Голубева, впервые появившійся въ журналѣ «Гусляръ», съ первыхъ же главъ поразилъ насъ своею необыкновенною оригинальностью, своимъ замѣчательнымъ языкомъ и тою историческою правдою, которая ярко сквозила во всѣхъ лицахъ, во всѣхъ событіяхъ, во всей бытовой обстановкѣ, въ которую почтенный авторъ вставляетъ простую, незатѣйливую интригу своего романа. Прочитавъ эти первые главы, мы сразу поняли, что авторъ—не просто беллетристъ, занимающійся разработкой историческихъ темъ только потому, что историческіе романы въ модѣ и оплачиваются лучше иной беллетристики... Нѣтъ! мы угадали въ г. Голубевѣ человѣка глубоко-ученаго, превосходно знакомаго съ русской стариной и народностью, и притомъ знакомаго не по книжкамъ, не по учебникамъ и сборникамъ— а по живому, непосредственному обращенію съ архивнымъ матеріаломъ, въ которомъ онъ много и много лѣтъ рылся, по живому общенію съ народомъ, который онъ изучалъ и наблюдалъ, какъ «свой» человѣкъ и какъ страстный изслѣдователь... Оттуда—изъ груды пыльныхъ актовъ и изъ яркой, ключемъ бьющей жизни народа въ нашемъ Поволжьѣ, г. Голубевъ заимствовалъ и свой удивительный, образный языкъ, привлекающій своею нѣсколько грубоватою прелестью, поражающій своею необычайной силою и мѣткостью... Читаешь «Бродячую вольницу» и чувствуешь, что этотъ романъ написанъ человѣкомъ, который не почерпалъ ни «словечекъ», ни пословицъ изъ Даля, не вычитывалъ народныхъ повѣрій и обычаевъ изъ Снигирева и Терещенки:—онъ прямо черпалъ ихъ изъ неистощимой сокровищницы своего наблюденія, своего знанія, и распоряжается этою сокровищницею съ такою щедростью, къ которой способенъ только русскій авторъ... Въ одномъ романѣ г. Голубевъ затратилъ такой богатый и огромный матеріалъ, котораго для любого изъ нашихъ историческихъ романистовъ хватило бы на всю жизнь—на цѣлую дюжину романовъ...

Область, изъ которой г. Голубевъ почерпнулъ содержаніе своего романа «Бродячая вольница», до сихъ поръ не была еще никѣмъ затронута—оставалась замкнутою для нашихъ романистовъ. Это—народная жизнь прошлаго вѣка, неофиціальная и не столичная, а захолустная, туго подчиняющаяся новымъ законамъ и новымъ порядкамъ. Изъ этой жизни авторъ взялъ, покамѣстъ, только одинъ любопытнѣйшій уголокъ: бурлачество, въ связи съ разбойничествомъ и расколомъ. На этой, богатѣйшей и дѣвственной литературной почвѣ, авторъ набросалъ намъ нѣсколько яркихъ, сильныхъ, полныхъ жизни характеровъ, заимствованныхъ имъ не изъ воображенія, а

изъ мрачной и кровавой дѣйствительности современныхъ актовъ XVIII вѣка... Авторъ передаетъ намъ похожденіе этихъ лицъ съ поразительною, почти эпическою простотою; читать ихъ и жутко, и страшно, потому что они, несмотря на свою несомнѣнную связь съ живою дѣйствительностью, представляются намъ какою-то невѣроятною, фантастическою сказкою. Особенно поражаетъ въ романѣ г. Голубева его главный герой, Подшивалка—попъ-растрига, силою разныхъ неблагопріятныхъ условій вынужденный укрываться и бѣжать изъ родного города. Онъ поступаетъ сначала въ бурлаки на Волгѣ, а потомъ около него образуется своя разбойничья артель, въ которой онъ становится атаманомъ. Типъ этого богатыря выработанъ авторомъ превосходно и притомъ такъ, что внѣшняя эпопея его невольныхъ разбойничьихъ подвиговъ не загораживаетъ нимало внутреннюю жизнь и дѣятельность его простой, доброй, истинно-русской души.

Привѣтствуя романъ г. Голубева въ отдѣльномъ изданіи, мы полагаемъ, что почтенный авторъ не закончитъ имъ такъ удачно начатую дѣятельность историческаго романиста и подаритъ насъ въ близкомъ будущемъ такими же замѣчательными произведеніями, полными жизненной правды и глубокаго знанія.

П. Полевой.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Изъ мемуаровъ барона Гаусмана: погоня за титулами выскочекъ второй имперіи; карьера Гаусмана и его дѣятельность въ пользу Наполеона III; наканунѣ декабрьскаго переворота; «гаусманизація» Парижа и ея статистика.—Отецъ Фридриха Великаго, его частная жизнь и характеръ. — Дэзире-Клари-Бернадоттъ: невѣста Бонапарта; разрывъ Дэзире съ Бонапартомъ; отзывъ Наполеона I о Бернадоттѣ; отеческія отношенія Бернадотта къ женѣ; Дэзире въ Парижѣ и Стокгольмѣ.—Георгіевскій крестъ, пожалованный императоромъ Александромъ I Альвенслебену.

ИЗЪ МЕМУАРОВЪ барона Гаусмана. Послѣдовавшая надняхъ въ Парижѣ кончина барона Гаусмана, 17 лѣтъ (съ 1853 по 1870 годъ) бывшаго сенскимъ префектомъ, преобразователемъ Парижа и магнатомъ второй имперіи, преданнѣйшимъ Наполеону III и бонапартизму, привлекаетъ вниманіе къ недавно появившимся его мемуарамъ. Эти мемуары могутъ показаться вообще довольно скучноватыми,—педантичность и обстоятельность всѣхъ записей ихъ не во вкусѣ французовъ, пикантнаго и забавнаго въ нихъ нѣтъ ничего. Но за то въ нихъ есть не мало любопытнаго для исторіи Парижа и объ отношеніяхъ Гаусмана къ Наполеону III. Гаусманъ, конечно, не могъ сказать о своемъ преобразованіи Парижа, какъ нѣкогда римскій цезарь сказалъ о Римѣ: «я нашелъ городъ каменнымъ, а оставляю его мраморнымъ». Но онъ преобразилъ Парижъ изъ города съ кривыми и угловатыми средневѣковыми переулками въ новѣйшій городъ, залитый солнцемъ, въ «lumière du monde».

Баронскій титулъ Гаусманъ наслѣдовалъ отъ дѣда по матери, но изъ этого титула онъ не дѣлалъ никакого употребленія въ теченіе 48 лѣтъ. Только въ 1857 году, когда его назначили сенаторомъ, секретаріатъ французскаго сената сталъ его величать «барономъ». Сенатъ въ то время большое значеніе придавалъ рангамъ и титуламъ и при всякомъ случаѣ подчеркивалъ свой аристократическій характеръ. Со времени первой имперіи

во Франціи существовало постановленіе, въ силу котораго съ кресломъ сенатора соединялся наслѣдственный графскій титулъ. Почти полвѣка это постановленіе оставалось безъ примѣненія, но затѣмъ какой-то бумажный червь выкопалъ его изъ архивной пыли и въ надеждѣ на милости и награды сообщилъ о немъ сенаторамъ Наполеона III. Тѣ поспѣшили украсить свои визитныя карточки графскимъ титуломъ и девятизубчатой короной. Эти-то коллеги и настояли на томъ, чтобы Гаусманъ не забывалъ о своемъ баронствѣ. Погоня за титулами выскочекъ второй имперіи дала поводъ Гаусману однажды недурно сострить. Вскорѣ послѣ пожалованія Макъ-Магону титула герцога, нѣсколько прихвостней Тюльери замѣтили Гаусману: «вамъ бы уже давно слѣдовало быть герцогомъ».

— Герцогомъ чего и какого мѣста?

— Ну, герцогомъ Парижа.

— О, Парижъ только графство, и у него есть обладатель королевской крови.

— Ну, въ такомъ случаѣ, герцогомъ Булоня, Венсеня, Дюисъ (названіе рѣченки, которою Гаусманъ воспользовался для снабженія Парижа водой для питья).

— Если Дюиса, то одного «duc» (герцога) недостаточно.

— Чего же вамъ еще нужно? Неужели князя?

— Нѣтъ, меня надо сдѣлать «aqueduc» (водопроводъ).

Императоръ, узнавъ объ этой остротѣ, много смѣялся и при ближайшей встрѣчѣ сказалъ Гаусману: «знаете ли, герцогомъ вы не хотите быть, а аквадукомъ я не могу васъ назначить. Я придумалъ для васъ иное отличіе». И Наполеонъ III далъ названіе «Гаусманъ» одному изъ красивѣйшихъ новыхъ бульваровъ Парижа.

Гаусманъ сперва учился въ консерваторіи, потомъ бросилъ ее и сталъ готовиться къ юридической карьерѣ. Вспыхнула іюльская революція. Случилось такъ, что этотъ студентъ 21 года при уличной схваткѣ былъ загнанъ толпой въ опасный пунктъ и потому прослылъ тогда за храбрѣйшаго изъ іюльскихъ борцовъ, хотя онъ не имѣлъ при себѣ оружія и ни разу не выстрѣлилъ. При раздачѣ добычи онъ получилъ въ награду мѣстечко—секретаря префектуры Вьенскаго департамента. При іюльской монархіи, не смотря на хорошее начало и семейныя связи, онъ не далеко пошелъ. Во время февральской революціи онъ послѣ 18-лѣтней службы числился только субъ-префектомъ. Онъ подалъ въ отставку и нѣсколько мѣсяцевъ выжидалъ, какой оборотъ примутъ дѣла. Потомъ онъ служилъ въ Жирондѣ, когда 10-го декабря 1848 года Франція выбирала себѣ президента. Этотъ департаментъ, считавшійся «дурнымъ», т. е. республиканскимъ и враждебнымъ диктатурѣ, далъ 104,000 голосовъ, т. е. 78 процентовъ всего числа голосовъ въ пользу Луи Наполеона Бонапарта. Такое усердіе Гаусмана къ услугамъ восходившей звѣзды не осталось незамѣченнымъ и безъ возмездія. Президентъ Наполеонъ назначилъ его префектомъ Варскаго департамента, гдѣ господствовали демагоги.

Въ три года, протекшіе со времени выбора Луи Наполеона президентомъ республики до декабрьскаго переворота, Гаусманъ имѣлъ нѣсколько случаевъ отличиться. Въ Варскомъ департаментѣ онъ немилосердно расправлялся съ республиканцами; перемѣщенный затѣмъ въ Іонскій департаментъ, онъ во время объѣзда Франціи президентомъ, подготовлявшимъ

имперію, пріучалъ населеніе кричать: «да здравствуетъ императоръ!» Луи Наполеона сопровождали тогда такъ называемыя «бѣлыя блузы», которыя всюду, какъ статисты, представляли собою народъ, кричавшій: «Vive l'Empereur!» и съ дикимъ гиканьемъ накидывались на неподготовленныхъ республиканцевъ, которые позволяли себѣ отвѣчать «бѣлымъ блузамъ» иными возгласами. Гаусманъ въ своемъ департаментѣ отличился блестящимъ пріемомъ президенту. Въ концѣ ноября 1851 года онъ получилъ извѣщеніе о назначеніи его префектомъ Жиронды, но предварительно его пригласили явиться въ Парижъ.

Вечеромъ, 1-го декабря, онъ былъ въ Елисейскомъ дворцѣ, нашелъ тамъ большое общество, но не зналъ, что затѣвается. Наполеонъ подошелъ къ нему и сказалъ: «теперь я вамъ не могу сказать, почему я назначаю васъ въ Бордо. Но я желаю, чтобы вы отправились туда немедленно. Пріѣзжайте завтра рано утромъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ за инструкціями». Гаусманъ, откланявшись, хотѣлъ уже уходить, но президентъ вернулъ его и шепнулъ: «Еще лучше, приходите въ министерство до разсвѣта». «И онъ,—разсказываетъ далѣе Гаусманъ,—пожалъ мнѣ руку особеннымъ образомъ. Я понималъ, что готовится нѣчто важное, но что же именно? Я вернулся въ первый залъ. Де-Ториньи (министръ внутреннихъ дѣлъ) стоялъ у камина. Онъ думалъ, что я хочу его благодарить за перемѣщеніе, и встрѣтилъ меня словами: «вы обязаны этимъ лично президенту». Принцъ—сказалъ я,—поручилъ мнѣ рано утромъ завтра быть у васъ за спеціальными инструкціями и немедленно отправляться.— «Но я не имѣю для васъ никакихъ особыхъ инструкцій», возразилъ министръ. — «Господинъ министръ, замѣтилъ Гаусманъ, приказаніе принца было такъ не двусмысленно, что я долженъ повиноваться безусловно. Полагаю, что его высочество поставитъ васъ въ извѣстность относительно моей миссіи въ Бордо».

«На слѣдующее утро въ 5 часовъ я уже сидѣлъ въ экипажѣ. На улицахъ я встрѣтилъ значительные отряды войска. Въѣздъ въ министерство былъ открытъ, на дворѣ я увидалъ батальонъ пѣхоты. На лѣстницѣ меня окружили всѣ слуги. «Вотъ и вы, г. Гаусманъ!»

— Вамъ угодно видѣть министра?—спросилъ одинъ изъ нихъ, служившій прежде у графа Дюшателя.

— Да, немедленно.

— Но какого? г. Ториньи или графа де-Морни?

Послѣднее имя все разъяснило Гаусману. Онъ просилъ доложить о себѣ Морни. «Открылась дверь кабинета и графъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями».

— И такъ, вы на нашей сторонѣ, г. Гаусманъ?—сказалъ графъ.

— Я еще не знаю, въ чемъ дѣло, графъ, но я служу принцу, и располагайте мною.

Морни никогда не забывалъ этого отвѣта. Онъ разсказалъ Гаусману, что послѣ пріема въ Елисейскомъ дворцѣ наканунѣ рѣшенъ государственный переворотъ. Онъ далъ прочесть прокламацію принца, которую только-что вывѣсили на стѣнахъ Парижа, и сообщилъ о принятыхъ уже мѣрахъ. Въ то время, когда они бесѣдовали, оппозиціонные члены палаты депутатовъ уже сидѣли за рѣшеткой и запорами.

Въ Бордо Гаусману пришлось подавлять уличное возстаніе, назначать «смѣшанныя комиссіи», республиканцевъ сажать по тюрьмамъ, преслѣдо-

вать, изгонять, высылать въ Ламбессу и Кайену подъ «сухую гильотину». Все это онъ дѣлалъ съ энергіей и воодушевленіемъ и въ награду за свою отлично-усердную службу Наполеонъ черезъ 15 мѣсяцевъ назначилъ его главою сенской префектуры.

Задача его въ Парижѣ заключалась въ томъ, чтобъ расположить къ новому режиму вѣчно внушавшія опасенія рабочее населеніе и буржуазію. Онъ и здѣсь оказался на своемъ мѣстѣ. Онъ началъ колоссальныя работы, которыя доставляли заработокъ въ теченіе почти двухъ десятилѣтій сотнямъ тысячъ поденщиковъ и ремесленниковъ, вызвали къ жизни бѣшеную спекуляцію, создали крупныя состоянія и преобразили Парижъ изъ конца въ конецъ. Какой-нибудь штрихъ краснымъ карандашемъ на планѣ Парижа, и толпа рабочихъ устремлялась въ старый кварталъ, сносила дома и улицы и воздвигала дворцы съ пышными, безвкусными украшеніями, бьющими на показъ—стиль весьма характерный для того времени внѣшняго блеска и наживы, напыщенныхъ выскочекъ, съ дерзкой наглостью рвавшихся блеснуть своей расточительностью передъ улицей и невѣжественной толпой.

«Гаусманизація» Парижа имѣла и свои хорошія стороны. Большія прямыя улицы сдѣлали удобнымъ сообщеніе, затруднили уличныя возстанія, хотя спеціалисты по части баррикадъ, бланкисты, и потѣшались не мало когда заходила рѣчь объ этой сторонѣ «гаусманизаціи». Въ Парижѣ стало больше воды, больше воздуха, чѣмъ 40 лѣтъ тому назадъ, и смертность тамъ понизилась съ 28 до 22 на тысячу. Оборотной стороной медали явился долгъ на городѣ въ полтора милліарда, съ которымъ не раздѣлалось еще и современное поколѣніе..

Счеты Гаусмана никогда не оглашались. Они погибли во время пожаровъ коммуны. Тѣмъ интереснѣе сообщенныя въ мемуарахъ Гаусмана данныя о перестройкѣ Парижа. На «обновленіе Парижа» истрачено 2.553.668,424 франка, изъ нихъ $1^1/_2$ милліарда приходится на проложеніе новыхъ улицъ и дорогъ въ Парижѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Съ 1853 по 1870 годъ снесено 19,722 дома, перемѣщены 117,553 семьи съ 350,000 душъ. Половина зданій была отчуждена, вторая «добровольно» продана. Но взамѣнъ того произведено было новыхъ построекъ и перестроекъ въ Парижѣ 43,777 и въ предмѣстьяхъ—58,710

Въ то время выгодно было дружить съ Гаусманомъ. Можно было заблаговременно заглянуть въ планъ и въ пунктахъ, отмѣченныхъ краснымъ карандашемъ, покупать дома, чтобъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ взять за нихъ вдесятеро дороже изъ городскихъ средствъ. Но нельзя же было всѣмъ угодить, и, такимъ образомъ, у Гаусмана явилось враговъ больше, чѣмъ друзей. Его это не тревожило. Онъ зависѣлъ непосредственно отъ императора, а этотъ дорожилъ имъ. Гаусманъ могъ распоряжаться деньгами, какъ хотѣлъ, ломать и строить, дѣлать займы и тайные долги. Все терпѣлось, пока рабочіе заработывали много денегъ, и въ наполеоновскіе дни кричали до охриплости «Vive l'Empereur!» Только когда вторая имперія задумала схватиться за свободу и назначила Оливье главою правительства, Гаусманъ долженъ былъ уйти. По свидѣтельству мемуаровъ, это случилось отъ того, что онъ не хотѣлъ подчиняться парламентскому министерству. А вѣроятнѣе всего, ему пришлось удалиться потому, что его считали однимъ изъ преданнѣйшихъ мамелюковъ имперіи и оппозиція ненавидѣла его за его посягательства на удобства и «человѣческія права» парижанъ. Послѣ паденія

второй имперіи онъ вышелъ изъ сената и жилъ пенсіей въ 6,000 франковъ. Во всякомъ случаѣ, это былъ одинъ изъ способнѣйшихъ и энергическихъ дѣятелей второй имперіи и много сдѣлалъ для города Парижа, который въ своемъ теперешнемъ республиканскомъ отвращеніи къ сенскому префекту недавно хотѣлъ было «Бульваръ Гаусманъ» лишить его названія.

Отецъ Фридриха Великаго, его частная жизнь и характеръ. Французскій историкъ Лависъ, котораго «Этюды по исторіи Пруссіи» удостоены преміи отъ парижской академіи наукъ, напечаталъ недавно этюдъ подъ заглавіемъ «Le père du grand Frédéric» (Отецъ Фридриха Великаго). Этюдъ составленъ на основаніи донесеній французскихъ посланниковъ при дворѣ Фридриха Вильгельма I, Роттенбурга и Ла-Шетарди. Эти донесенія хранятся въ архивахъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Лависъ характеризуетъ этого короля въ его административной дѣятельности по отношенію къ внѣшней политикѣ и въ его частной жизни. Такъ какъ о первыхъ двухъ отдѣлахъ этюда въ «Историческомъ Вѣстникѣ» будетъ сказано особо, то здѣсь умѣстно коснуться частной жизни короля. Лависъ распространяется о томъ, что король считалъ охоту высшимъ наслажденіемъ, а театръ маріонетокъ своимъ излюбленнымъ искусствомъ. Затѣмъ мы узнаемъ, что король ѣлъ, какъ неумѣренно пилъ онъ, отъ напитковъ авторъ переходитъ къ куренью, а отъ грубыхъ удовольствій въ табачной коллегіи—къ гнѣвному нраву Фридриха Вильгельма I. Ни одинъ капитанъ рабовладѣльческаго судна, по мнѣнію Лависа,—не наносилъ столько палочныхъ ударовъ, какъ этотъ государь. Въ кабинетѣ короля находилось нѣсколько толстыхъ палокъ для расправы съ тѣми, чьи отвѣты могли не понравиться королю. Однажды, онъ встрѣтилъ на улицѣ потсдамскаго пивовара:

— Почему ты продаешь такъ дорого свое пиво?

— Потому, что я сообразуюсь съ цѣной на ячмень. Если ваше величество позволите мнѣ привозить ячмень изъ Штральзунда, гдѣ онъ дешевъ, то я могу сбавить цѣну за пиво.

Въ награду за такой прямой отвѣтъ пивоваръ получилъ 20 палочныхъ ударовъ.

За придворнымъ обѣдомъ въ присутствіи 25 особъ и министровъ король спросилъ французскаго посланника: «если бы я угостилъ кого-нибудь изъ своихъ министровъ палками, донесли ли бы вы объ этомъ во Францію?»— «Надѣюсь—отвѣтилъ посланникъ,—что ваше величество не станетъ испытывать мою скрытность такимъ способомъ».

Извѣстныя по мемуарамъ данныя о болѣзненномъ состояніи короля, доводившемъ его до безобразныхъ дѣяній, дополняются Лависомъ изъ французскихъ рукописныхъ источниковъ. Король въ 10 часовъ вечера ходилъ гулять въ сопровожденіи пажей, несшихъ факелы; при этомъ онъ и его свита поднимали такой ревъ, что французскій посланникъ, если бы самъ не былъ очевидцемъ подобныхъ сценъ, принялъ бы ихъ за звѣрей, которыхъ гоняютъ на базаръ для продажи. Король цѣлыми часами молчалъ, и въ это время капали у него слезы изъ глазъ. Иногда по ночамъ онъ будилъ королеву, заявляя, что «ему приходятъ такія страшныя мысли и видѣнія, что онъ не можетъ спать и не знаетъ, куда ему дѣваться, чтобъ ему не казалось, что его всюду преслѣдуютъ и хотятъ убить». Когда случалась съ нимъ «черная меланхолія», то, по увѣренію французскаго посланника, онъ безпощадно билъ каждаго, кто къ нему подходилъ. «Затѣмъ отъ утомленія онъ

падалъ въ кресло, и положивъ локти на столъ, съ неподвижнымъ взоромъ, въ теченіе двухъ часовъ сидѣлъ и глядѣлъ на входящихъ и выходящихъ, не произнеся ни слова». Лависъ считаетъ эти припадки короля слѣдствіемъ неумѣреннаго потребленія алкоголя, а отчасти объясняетъ ихъ безпокойной натурой Фридриха Вильгельма.

Подданные не любили короля съ такимъ нравомъ. Каждый трепеталъ передъ нимъ въ такія минуты, «когда его можно было сравнить развѣ съ помѣшаннымъ, держащимъ въ рукахъ бритву». Вербовка солдатъ безъ всякаго разбора, по словамъ Роттенбурга, возбуждала крайнее неудовольствіе въ странѣ. Король зналъ, что онъ не любимъ. Однажды, во время его болѣзни докторъ посовѣтовалъ ему не выѣзжать ежедневно на парадъ, король отвѣтилъ, что его сочтутъ за умершаго, если онъ не поѣдетъ. Онъ предпочиталъ быть дѣйствительно больнымъ, предполагая, что вѣрятъ въ его здоровье, нежели быть здоровымъ, но поселять въ публикѣ пріятную увѣренность, что онъ боленъ.

Дэзире-Клари-Бернадоттъ. Въ тѣ времена, когда сынъ адвоката могъ сдѣлаться королемъ, никого не удивляло, что дочери марсельскаго торговца шелковыми товарами досталось на долю дѣлить тронъ съ такимъ королемъ. Мы говоримъ о Бернадоттѣ, занявшемъ престолъ Густава-Адольфа и о женѣ его Дэзире, королевѣ Швеціи и Норвегіи. Судьба ей очень покровительствовала. Дэзире могла достигнуть еще болѣе головокружительной высоты, ибо она въ юности считалась невѣстой Наполеона I Бонапарта. Вотъ какъ это случилось.

Дэзире познакомилась съ будущимъ міровымъ властелиномъ черезъ брата его Жозефа, который въ родительскомъ домѣ ея совсѣмъ уже освоился и, повидимому, находился въ недоумѣніи, на комъ ему жениться: на Дэзире или на старшей ея сестрѣ. Тутъ Наполеонъ, уже въ то время отличавшійся рѣшительностью и быстротой соображенія, положилъ конецъ неопредѣленному положенію. Исходя изъ того основанія, что вполнѣ однородные характеры не пригодны для супружеской жизни, для нерѣшительнаго отъ природы, мягкаго Жозефа назначилъ онъ энергическую Юлію, которая въ августѣ 1794 года дѣйствительно и сдѣлалась его женой. Для себя же выбралъ болѣе кроткую Дэзире. «Такимъ образомъ, разсказывала потомъ Дэзире барону де-Гохшильду, своему камергеру, посвятившему ея біографія книгу: «Désirée, reine de Suède et de Norvège», — стала я невѣстой Наполеона». Честолюбіе скоро увлекло его изъ Марселя, и первое время разлуки онъ часто переписывался съ Дэзире; но письма его, повидимому, были сожжены. Изъ ея любовныхъ посланій извѣстно также только одно, изъ котораго, во всякомъ случаѣ, явствуетъ глубокая преданность ея Наполеону, отъѣздъ котораго повергаетъ ее въ великую печаль. Все на бѣломъ свѣтѣ становится ей не мило. «Тебѣ извѣстно,—взываетъ она къ нему,— какъ я люблю тебя; но никогда не съумѣю я выразить этого такъ сильно, какъ я испытываю. Ни отсутствіе твое, ни разстояніе, ни на іоту не могутъ ослабить чувствъ, внушенныхъ мнѣ тобою; короче сказать, я твоя всецѣло».

Но эта безграничная любовь не помѣшала однако появленію замѣтнаго охлажденія по прошествіи года. И хотя, по увѣренію барона Гохшильда, плѣненный прелестями Жозефины Богарне, Наполеонъ яко бы самъ манкировалъ маленькой Дэзире, но сохранившіяся письма его къ своему брату Жозефу свидѣтельствуютъ совсѣмъ обратное. Не онъ, а любезная невѣста

его охладѣла къ человѣку, которому она только-что готова была принадлежать всецѣло. Какъ же иначе можно объяснить брошенный ей упрекъ Наполеона, что во время путешествія своего въ Геную она, по всей вѣроятности, переѣхала рѣку Лету, ибо въ теченіе нѣкотораго времени вовсе ему не пишетъ. Онъ-де ничего не знаетъ, жива ли она вообще, требуетъ извѣстій о ней и проситъ передать «молчальницѣ» поклонъ. Наполеонъ, для дальнѣйшей своей карьеры считавшій необходимымъ имѣть при себѣ жену, обладавшую способностью представительства, въ это время серьезно хотѣлъ жениться на ней и просилъ Жозефа переговорить объ этомъ съ Дэзирэ и ея братомъ. На слѣдующій же день послѣ этого порученія, даннаго 5-го сентября 1795 года, онъ снова пишетъ Жозефу изъ Парижа: «Будь здоровъ, милый другъ. Забавляйся, все идетъ превосходно; веселись, помни о моемъ дѣлѣ, ибо я горю страстнымъ желаніемъ устроиться собственнымъ домомъ. Такъ какъ ты не живешь здѣсь и желаешь остаться въ чужихъ краяхъ, исторія съ Эжени (такъ иногда называлъ онъ Дэзирэ) должна быть или покончена, или заброшена на вѣки. Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта». Не соотвѣтствовалъ ли отвѣтъ его желаніямъ, или повидимому отвѣта вовсе не послѣдовало, только Наполеонъ сталъ свататься за богатую вдову Пермонъ. Когда же г-жа Пермонъ, которой Наполеонъ годился въ сыновья, въ виду именно этой разницы лѣтъ, отказала ему, онъ началъ добиваться благосклонности Жозефины Богарне, которую и повелъ къ алтарю въ мартѣ 1796 года. По словамъ Гохшильда, Дэзирэ склонили къ отказу родная мать и шуринъ Жозефъ Бонапартъ. Совершенно необъяснимо, почему Жозефъ такъ отдалялся отъ своего брата, хотя видѣлъ восходящую блестящую звѣзду его и этимъ новымъ союзомъ могъ только еще тѣснѣе связать Наполеона съ судьбой своей фамиліи. Но Жозефъ въ мемуарахъ своихъ упоминаетъ самъ, что онъ и жена были весьма расположены къ этой свадьбѣ, и разстройство ея обоихъ ихъ чрезвычайно огорчило.

Все остается покрыто полнѣйшимъ мракомъ; вся исторія разстройства этого брака тѣмъ болѣе непонятна, что, по словамъ г-жи Ремюза, Дэзирэ въ теченіе всей своей жизни сохранила къ Наполеону глубокое расположеніе, тогда какъ Жозефину, по свидѣтельству другихъ источниковъ, всегда ненавидѣла. На самомъ дѣлѣ, какъ обыкновенно бываетъ, что утраченное въ большинствѣ вызываетъ страстную потребность обладанія имъ, такъ, повидимому, и свадьба Наполеона навела Дэзирэ на сознаніе состоявшейся утраты. Тутъ въ ней является потребность оправдаться въ глазахъ Наполеона, и она приноситъ ему извиненіе за свое долгое молчаніе. «Если у меня нѣтъ больше ни вашей любви, ни вашей дружбы — пишетъ она ему, — я желаю сохранить за собою по крайней мѣрѣ ваше уваженіе—единственное утѣшеніе, остающееся на мою долю». Въ этомъ письмѣ, если только оно неподдѣльно, какъ утверждаетъ баронъ Гохшильдъ, и не явилось продуктомъ позднѣйшей фальсификаціи,— есть указанія на причину, повидимому послужившую поводомъ къ разрыву. «Вы разгнѣвались на меня, — пишетъ она ему, — за то, что я не отвѣтила на ваше послѣднее письмо. Каюсь, я была неправа, но неужели такой незначительный проступокъ заслуживалъ такого страшнаго гнѣва? Нѣкоторое недовольство и ревность были причиною перерыва моей переписки. Мнѣ сказали, что вы ухаживали за одной богатой и красивой дамой. и повидимому въ этомъ храмѣ явно преклонялись передъ вашей женой: это

извѣстіе раздражило меня противъ васъ и сдѣлалось причиной всего моего несчастія». Въ письмѣ этомъ, гдѣ Наполеонъ забрасывается упреками въ нарушеніи своего слова, въ забывчивости о взаимномъ соглашеніи, поводомъ къ разрыву приводятся обстоятельства, при ближайшей оцѣнкѣ не выдерживающія критики. Развѣ заслуживаетъ какого-либо резоннаго упрека молодой генералъ, который съ іюля по сентябрь 1795 года безпрерывно настаиваетъ на вѣстяхъ отъ «молчальницы»? Помимо оставленнаго Дэзире безъ отвѣта послѣдняго письма Наполеона, на всѣ его справки о ней не отвѣчала ли она въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ упорнымъ пренебреженіемъ? Не смотря на это, онъ твердо и рѣшительно, на сколько это вообще возможно, настаивалъ на ея рѣшеніи. И только послѣ этого періода посватался онъ къ Жозефинѣ, такъ что и съ этой стороны Дэзире гнѣваться не приходилось. Можно собственно подумать, что у нея есть свои основанія умалчивать о настоящей причинѣ загадочнаго ея поведенія.

Какъ бы тамъ ни было, это письмо Дэзире, повторяемъ, если только оно не поддѣльное, — принадлежитъ къ курьезнѣйшимъ изліяніямъ любящаго существа, которое сперва изъ ревности отвергаетъ предложенную руку, а затѣмъ любимаго, но отверженнаго человѣка осыпаетъ упреками, говоритъ ему при этомъ, что изъ любви къ нему она поклялась въ ненависти ко всѣмъ мужчинамъ и никогда ни единому изъ нихъ не отдастъ болѣе своего сердца.

Но, подобно многимъ своимъ подругамъ, Дэзире тверже въ принесеніи клятвъ, нежели въ приведеніи ихъ въ исполненіе. Въ началѣ, правда, она хочетъ показать силу характера, отказывая генералу Дюфо. Нѣчто подобное повторяется съ Жюно, будущимъ герцогомъ д'Абрантомъ, хотя въ данномъ случаѣ, явись Мармонъ не въ качествѣ повѣреннаго своего друга, а самъ въ качествѣ претендента на руку и сердце Дэзире, она легко забыла бы всѣ свои клятвы, ибо, по собственному ея заявленію, это былъ «такой красивый мужчина!» Одно это заявленіе свидѣтельствуетъ о легкой воспріимчивости ея натуры и, конечно, она не принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя какъ бы созданы для того, чтобы проводить жизнь за стѣнами уединеннаго монастыря, погруженными въ печальное размышленіе объ утраченномъ счастіи на землѣ.

Лицо, которому предстояло примирить ее съ міромъ, былъ генералъ Бернадоттъ. Онъ проситъ ея руки и ему, который, какъ она выражалась впослѣдствіи, все-таки представлялъ собою нѣчто иное, чѣмъ отверженные ею дотолѣ,—ему даритъ она свое сердце и благосклонность. Изъ мемуаровъ Жозефа Бонапарта ясно, что онъ настаивалъ на этомъ союзѣ, заключенномъ въ 1798 году, и именно въ тѣхъ видахъ, дабы нѣсколько болѣе расположить Бернадотта въ пользу брата, стремленія котораго не встрѣчали особой симпатіи со стороны этого генерала.

Бернадоттъ, бывшій во времена директоріи военнымъ министромъ, представлялъ собою одно изъ знаменательнѣйшихъ явленій той эпохи, кичливо выставлявшей на показъ свое ярое республиканское направленіе. Никто не опредѣлилъ его лучше самого Наполеона, противника его, въ паденіи котораго и онъ былъ не безучастенъ. «Бернадоттъ, выразился какъ-то Наполеонъ,—въ его жилахъ течетъ мавританская кровь; онъ смѣлъ и предпріимчивъ; онъ не любитъ меня, знаю даже, что онъ будетъ противъ меня; разъ задѣтый за честолюбіе, онъ будетъ считать себя вправѣ пойти на все; этотъ діаволъ

во плоти, по крайней мѣрѣ, мало чувствителенъ къ соблазну; онъ безкорыстенъ и уменъ». Таковъ былъ человѣкъ, который ввелъ Дэзире въ свой домъ въ качествѣ супруги. Интересно, что тотъ же Наполеонъ, такъ аттестовавшій Бернадота и самъ ранѣе претендовавшій на руку теперешней его жены, услышавъ объ этомъ бракѣ въ бытность свою въ Египтѣ, написалъ брату слѣдующія слова: «желаю Дэзире счастія, если она выходитъ за Бернадотта; она этого заслуживаетъ».

Бернадоттъ былъ вдвое старше своей жены. Находясь въ Вандеѣ, онъ писалъ ей нѣжныя письма, но черезчуръ отеческія, рекомендуя ей развить свое свѣтское образованіе уроками танцевъ и музыки. При этомъ мужъ преподаетъ женѣ житейскія правила въ родѣ слѣдующихъ: «я слишкомъ уважаю тебя, чтобъ быть ревнивымъ, но и достаточно люблю, чтобъ желать тебѣ счастья. Нельзя быть счастливой, когда тебя стѣсняютъ или слѣдятъ за тобой». Самъ Бернадоттъ былъ стоикомъ строгихъ правилъ. Дамы даже упрекали его за эту строгость нравовъ, которая въ сущности объяснялась его глубочайшимъ равнодушіемъ ко всему, что не касалось его честолюбивыхъ плановъ. «Отчего это»—однажды, съ видимымъ раздраженіемъ спросила супругу Бернодотта г-жа Рекамье—«вашъ мужъ, когда мы встрѣчаемся съ нимъ случайно наединѣ, всегда говоритъ только о политикѣ?». Дэзирэ не отвѣтила ничего. Ее мало интересовало отношеніе мужа къ дамамъ. Ей было понятно только одно, что онъ сдѣлался маршаломъ, а потомъ княземъ Понтекорво и что ей въ концѣ концовъ придется покинуть Парижъ, тогда какъ дворецъ ея въ rue d'Anjou казался ей земнымъ раемъ. До конца дней своихъ она не допускала прикасаться къ этому святилищу. И Наполеонъ III былъ настолько любезенъ, что, по желанію шведской королевы, отмѣнилъ снесеніе цѣлой улицы, когда Дэзире, уже будучи старухой, черезъ французскаго посланника въ Стокгольмѣ извѣстила императора, что она не можетъ согласиться на отчужденіе ея частной собственности.

При такой любви къ своей парижской обители, Дэзире не хотѣлось переселяться съ Бернадоттомъ въ Швецію. Но мужу, который очень рано предугадалъ неизбѣжность паденія Наполеона I, было весьма пріятно, что жена его въ Парижѣ передъ кризисомъ и во время его беззаботно вращалась въ кругу старыхъ и новыхъ знакомыхъ. Въ качествѣ «герцогини Готландской» она принимала у себя французовъ и шведовъ, соотечественниковъ и подданныхъ. Послѣ Реставраціи она оставалась въ Парижѣ до 1823 г. Ея переписка съ Бернадоттомъ утрачена, если не сожжена. Въ ней, кажется, шла рѣчь о судьбѣ принца Оскара, который былъ разлученъ съ матерью въ теченіе 13 лѣтъ.

Только черезъ пять лѣтъ по вступленіи на престолъ Бернадотта, только послѣ обрученія сына ея со старшей дочерью Евгенія Богарне, принцессой Жозефиной Лейхтенберской, Дэзире Бернадоттъ, урожденная Клари, переѣхала въ Стокгольмъ. Она помышляла навѣрное вернуться въ Парижъ, но король «Карлъ XIV Іоганнъ» не хотѣлъ слышать о разлукѣ. «Несмотря на мотивы, по которымъ высокіе супруги въ теченіе 25-ти-лѣтняго брака жили отдѣльно другъ отъ друга, Карлъ Іоганнъ оставался истинно преданнымъ своей женѣ. Кромѣ того, со времени вступленія на престолъ онъ призналъ, что и при его дворѣ необходимъ женскій элементъ. Королева осталась въ Стокгольмѣ и, по настоятельному ея желанію, была торжественно коронована. Этимъ дѣяніемъ завершилась ея жизнь, полная приклю-

ченій. Но ей пришлось еще вести тихое, монотонное существованіе, въ которомъ свѣтовыми обликами были ея воспоминанія о пребываніи въ Парижѣ и о первомъ, величайшемъ изъ ея обожателей.

Въ 1844 г. умеръ Вернадоттъ. Завѣтное желаніе Дэзире опять вернуться во Францію теперь могло быть исполнено, но тутъ помѣшалъ страхъ старухи передъ морской болѣзнью. Она пережила еще своего сына Оскара († 1859 г.), которому наслѣдовалъ ея внукъ Карлъ XV, и въ 1860 г. умерла 79-ти-лѣтней вдовой.

— Георгіевскій орденъ, пожалованный Александромъ I Альвенслебену. Германскій главный штабъ издалъ недавно описаніе Парижской битвы 1814 года на основаніи автографическихъ замѣтокъ покойнаго императора Вильгельма. Изданіе называется «Kaiser Wilhelm I und die Schlacht von Paris. 30-го März 1814». Вильгельмъ участвовалъ въ этой битвѣ, когда онъ былъ еще 17-лѣтнимъ принцемъ. И въ брошюрѣ идетъ рѣчь о подвигахъ прусской гвардейской бригады. Она 30-го марта 1814 г. потеряла 66 офицеровъ и 1,210 солдатъ убитыми и ранеными. Тогда особенно отличился молодой 27-лѣтній командиръ бригады полковникъ Альвенслебенъ. Въ то время, какъ монархи съ высоты близь Роменвилля наблюдали битву гвардейцевъ, къ нимъ явился генералъ-адъютанъ императора Александра I, графъ Ожаровскій, и сообщилъ: «прусскіе гвардейцы дерутся какъ львы, а полковникъ фонъ-Альвенслебенъ—какъ ангелъ, съ хладнокровіемъ и несравненнымъ молодечествомъ». Услышавъ этотъ докладъ, императоръ Александръ снялъ съ себя Георгіевскій крестъ и сказалъ генералу: «отнесите этотъ крестъ храброму полковнику фонъ-Альвенслебену». Въ описаніи Михайловскаго-Данилевскаго похода 1814 г., не приведено этихъ словъ. Тамъ сказано, что передавалъ извѣстіе и орденъ графъ Орловъ, адъютантъ Наслѣдника престола и что императоръ Александръ снялъ орденъ не съ себя, а съ груди Наслѣдника. Это оказывается невѣрнымъ. Покойный императоръ Вильгельмъ помнитъ, что орденъ, пожалованный Александромъ I нѣмецкому полковнику, былъ не новый и «съ изъяномъ». И дѣйствительно, въ этомъ орденѣ, сохранившемся въ семьѣ Альвенслебена, недостаетъ эмали въ центральномъ полѣ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Новая біографія Тургенева.—Путешествіе въ Батумъ.—Фонвизинъ въ оцѣнкѣ Леже.—Петербургскія корреспонденціи въ швейцарскомъ журналѣ.—Осада Севастополя.—Нѣмецкія продѣлки съ переводами изъ Л. Н. Толстого.—Техника Достоевскаго съ нѣмецкой точки зрѣнія.—Англійскіе романы изъ русской жизни.—Историческіе романы: «Паризатида», «Византія», «Фонтенэ».

ВО ФРАНЦУЗСКОЙ Швейцаріи интересуются Россіею не менѣе чѣмъ во Франціи. Въ послѣднихъ книжкахъ «Всемірной Библіотеки» три статьи о Россіи, кромѣ обычныхъ писемъ изъ Петербурга. Дюранъ-Гревиль въ двухъ книгахъ разсказываетъ подробно жизнь Тургенева («Ivan Tourguénef»), и дѣлаетъ оцѣнку его характера и его произведеній. Очеркъ составленъ по статьямъ Анненкова, Стасюлевича и письмамъ самого Тургенева, и начинается съ цитаты изъ «Гамлета и Донъ-Кихота», переведеннаго для журнала еще въ 1879 году Луи Леже, но тщательно просмотрѣнной самимъ Тургеневымъ: «со смертью человѣка все уничтожается: его значеніе, величіе, геній, остаются только добрыя дѣла». Таковы слова цитаты, и авторъ вполнѣ примѣняетъ ихъ къ нашему писателю. Разсказывая, какъ старый другъ его Боголюбовъ передъ кончиною писателя поцѣловалъ его руку, по русскому обычаю, какъ у человѣка, котораго привыкли глубоко уважать, авторъ прибавляетъ: «Тургеневъ отнялъ руку, считая себя недостойнымъ этой чести, и прибавилъ:

— «Живите и любите человѣчество, какъ я всегда любилъ его». И это вся его біографія. Эту эпитафію можно было вырѣзать на его гробницѣ. Мы говоримъ это съ самымъ искреннимъ убѣжденіемъ: Иванъ Тургеневъ былъ добрый человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова, добрыя дѣла его проживутъ дольше, чѣмъ его книги».

Это заключеніе всякому покажется очень страннымъ. Значеніе Тургенева заключается вовсе не въ его добротѣ: добрыхъ людей на свѣтѣ очень много, а такихъ писателей, какъ Тургеневъ—мало. Да и вся жизнь его не

представляетъ никакихъ примѣровъ особенной доброты, чтобы ее можно было предпочесть его произведеніямъ. Можно соглашаться или нѣтъ съ Гревилемъ, что книги писателя учили столько же доброму, какъ и прекрасному, но нельзя утверждать, что добрыя дѣла его — выше его книгъ. Это чистый парадоксъ и желаніе высказать оригинальное сужденіе о человѣкѣ, значеніе котораго давно уже признано всѣми. Въ разсказѣ о жизни Тургенева и разборѣ его повѣстей и романовъ Гревиль не высказываетъ ничего новаго. Напрасно только приводя вздорное мнѣніе Анненкова, что «Дворянское гнѣздо» — романтическая сказка, Гревиль прибавляетъ, что Тургеневъ давалъ исправлять свои сочиненія этому бездарному критику, писавшему дубоватымъ языкомъ. Сравненіе «Отцовъ и дѣтей» съ комедіей Ожье «Зять г. Пуарье», приводимое Гревилемъ, также очень неудачно: въ пьесѣ преобладаетъ комическій элементъ, тогда какъ романъ — произведеніе капитальное, имѣющее огромное значеніе. Мы сомнѣваемся также, чтобы г-жа Віардо участвовала въ переводахъ сочиненій Тургенева на французскій языкъ. Ни она, ни мужъ ея, не знали русскаго языка и писатель самъ диктовалъ буквально переводъ своихъ повѣстей, который потомъ обработывалъ литературнымъ языкомъ Луи Віардо. Многіе разсказы переведены Проспоромъ Мериме, Ксаверіемъ Мармье, Делево и Генрихомъ Гревилемъ. Дюранъ-Гревиль, авторъ статьи о Тургеневѣ, говоритъ, что подъ его руководствомъ и онъ перевелъ «Вешнія воды», «Новь» и съ десятокъ повѣстей. «Дымъ» критикъ называетъ фальшивымъ и нестройнымъ произведеніемъ, памфлетомъ противъ своего отечества. Фантастическіе разсказы его названы совершенно основательно — неудачною попыткою. Болѣе всего Гревиль распространяется о своемъ переводѣ «Вешнихъ водъ» и «Живыхъ мощей». Послѣдній разсказъ критикъ считаетъ лучшимъ произведеніемъ Тургенева и ставитъ выше «Войны и мира». Въ концѣ статьи — разборъ «Нови» и нѣсколько словъ о «Стихотвореніяхъ въ прозѣ». «Память его будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ, кто любитъ прекрасное», говоритъ критикъ, забывъ уже о томъ, что въ первой статьѣ говорилъ о добрыхъ дѣлахъ. Все это весьма жидко и не даетъ вѣрнаго понятія о значеніи Тургенева.

— Какой-то ботаникъ, Эмиль Левье, описалъ въ трехъ книгахъ свое путешествіе отъ Ливорно до Батума («De Livourne à Batoum»). Больше всего авторъ говоритъ, конечно, о своей спеціальности, но у него много, кромѣ того, любопытныхъ замѣтокъ о плаваніи по Черному морю и о Батумѣ. Зданія въ Батумѣ выстроены большими квадратами, какъ въ Туринѣ. Но вездѣ большія недостроенныя пространства, многія улицы заросли травою и на нихъ стоятъ огромныя лужи. Лучшій отель въ городѣ, гдѣ останавливаются путешественники, «Франція», но цѣны въ немъ такія же дорогія, какъ въ гостинницахъ европейскихъ столицъ. Городъ освѣщенъ керосиномъ, почти свободно текущимъ отъ Баку на Каспійскомъ морѣ до Батума на Черномъ. Флора окрестностей не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, хотя различается даже отъ трапезундской, а тѣмъ болѣе отъ европейской. Путники хотѣли осмотрѣть снѣжныя горы, лежащія близь Батума. Лучшія указанія по этому пути далъ имъ англійскій консулъ Пикокъ, превосходно изучившій всю мѣстность на сотни верстъ кругомъ, — и они отправились по новой дорогѣ, проложенной отъ Батума до Ахалцыха, черезъ горы Аджаріи. Дорога эта по берегамъ Чорока чрезвычайно живописна; ботаникъ

описываетъ не только растенія, но и встрѣчавшіеся типы куртинъ, аджаръ, грузинъ, гурійцевъ. Всѣ мѣстные начальники были предупреждены о пріѣздѣ французскаго и итальянскаго ботаника и принимали ихъ вездѣ очень радушно. Такъ, въ Хулѣ, мингрельскій князь Джайяни угощалъ на славу путешественниковъ, восхищавшихся особенно красотой жены-грузинки одного изъ офицеровъ, Василія Деканосова. Къ сожалѣнію, офицеры не были сильны ни въ одномъ изъ европейскихъ языковъ, а когда итальянецъ обратился къ военному доктору Зибровичу на латинскомъ языкѣ, этотъ со смѣхомъ отвѣчалъ, что вся его кухонная латынь испарилась изъ его головы тотчасъ же по выходѣ изъ академіи. Поѣздка натуралистовъ въ горы кончилась благополучно; они собрали массу рѣдкихъ растеній, но на обратномъ пути въ Кеду имъ пришлось подвергнуться большой опасности: дорогу въ трехъ мѣстахъ чинили, о чемъ не увѣдомили путешественниковъ. Починка состояла въ томъ, что взрывали скалы, мѣстами съуживавшія почтовый трактъ и выравнивали неровности пути, поднимавшагося и опускавшагося по временамъ чуть не на 45 градусовъ. Можно представить себѣ, съ какими затрудненіями пришлось путешественникамъ перебираться по такой дорогѣ, въ фаэтонѣ, нагруженномъ багажемъ и ботаническими колекціями. По счастью, вмѣстѣ съ ними возвращался въ Батумъ отрядъ солдатъ, и они, въ опасныхъ мѣстахъ, распрягали и переводили лошадей, а экипажъ переносили на рукахъ. Плохо пришлось бы ученымъ безъ этой помощи.

— Извѣстный знатокъ русской литературы Луи Леже знакомитъ своихъ соотечественниковъ съ Фонвизиномъ, въ статьѣ «Русская комедія XVIII вѣка» (La comédie russe au dixhuitième siècle. Von Vizine). Очеркъ свой Леже написалъ потому, что «любопытно знать таинственные источники великой рѣки русской литературы, катящей теперь такія могучія волны, что по временамъ они, кажется, угрожаютъ поглотить насъ». По мнѣнію Леже, скоро откроютъ Россію XV вѣка, какъ открыли Германію Ганса Сакса и Англію Чосера. Положимъ, Европа немного извлечетъ изъ русской литературы XV вѣка, но въ XIX французскій критикъ нашелъ двѣ книги, заставившія его перечитать комедіи Фонвизина. Одна изъ этихъ книгъ вышла въ Лозаннѣ, принадлежитъ швейцарцу Александру Кротте, окончившему свое воспитаніе въ Петербургѣ, и носитъ названіе: «Вліяніе Запада на русскую литературу при Петрѣ I и Екатеринѣ II». Другая книга составлена Корвинымъ-Круковскимъ о театрѣ въ Россіи. Первая книга такъ слаба, что объ ней не стоило и говорить; о второй мы дали отзывъ въ прошломъ году, замѣтивъ, что она составлена изъ старыхъ анекдотовъ, понадерганныхъ отовсюду безъ всякой системы и не имѣющихъ никакого значенія. Луи Леже справедливо замѣчаетъ, что судить о литературномъ произведеніи, не зная изъ него ни одной цитаты, также трудно, какъ и оцѣнивать достоинство вина, не пробуя его, а основываясь только на вкусѣ эксперта. Корвинъ-Круковскій говоритъ правду, что Фонвизинъ первый вывелъ въ русской комедіи чисто русскіе типы, но не разсказываетъ даже ни содержанія, ни идеи «Бригадира» и «Недоросля». Кротте съ апломбомъ увѣряетъ, что въ трагедіяхъ Сумарокова «много очень интересныхъ сценъ, написанныхъ прекрасными стихами, полными философскихъ и нравственныхъ идей». Хорошо еще, что на основаніи такого сужденія Леже не обратился къ трагедіямъ Сумарокова, а взялся за разборъ Фонвизина, хотя

для оцѣнки его странно было руководствоваться двумя пустыми книгами и не сказать ни слова о монографіи Фонвизина, написанной кн. Вяземскимъ и дающей полное понятіе о значеніи творца русской комедіи. Жизнь его Леже разсказываетъ по его собственнымъ воспоминаніямъ; пребываніе свое во Франціи Фонвизинъ передалъ въ письмахъ къ своей сестрѣ, переведенныхъ и по-французски и изданныхъ въ 1888 году съ предисловіемъ Вогюэ. Леже разбираетъ подробно изъ сочиненій Фонвизина только двѣ его комедіи. Критикъ приводитъ не только въ выпискахъ цѣлыя сцены изъ «Бригадира», но цитируетъ отрывки изъ комедіи Екатерины II «О время!» по переводу Легреля 1888 года. Перейдя къ «Недорослю», котораго онъ не совсѣмъ удачно переводитъ выраженіемъ «Le Mineur», Леже говоритъ о русскомъ воспитаніи того времени, цитируетъ «Всякую Всячину» и «Записки Данилова». Тутъ переведено еще больше сценъ, чѣмъ изъ «Бригадира» и переведено вѣрно и литературно, хотя конечно нельзя было передать своеобразныхъ оборотовъ языка дѣйствующихъ лицъ комедіи. Но французы будутъ имѣть по крайней мѣрѣ полное понятіе объ ней изъ серьезнаго очерка Луи Леже.

— Петербургскій кореспондентъ швейцарскаго журнала «Всемірная Библіотека» принадлежитъ должно быть къ самому молодому поколѣнію нашихъ писателей: онъ часто расхваливаетъ то, на что у насъ никто не обращаетъ вниманія. Такъ, въ январьскомъ номерѣ, помимо разсказовъ о петербургскихъ выставкахъ, памятникѣ Пржевальскому, производящему, по его мнѣнію, весьма слабое впечатлѣніе, о будущей сибирской дорогѣ, о климатѣ приневской столицы, онъ начинаетъ восторгаться сочиненіемъ г. Альбова «Тоска», гдѣ описываются городскіе скверы, и жалуется на то, что памятникъ Петра опять отдѣлили отъ Александровскаго сада и окружили ужаснымъ булыжникомъ, уничтоживъ вокругъ деревья, цвѣты и живописную горку. Затѣмъ онъ говоритъ о комедіи Чайковскаго «Симфонія», сопоставляетъ драму Боборыкина «Божья коровка» съ романомъ г-жи Назарьевой «Актриса», потому что въ обоихъ произведеніяхъ дѣло идетъ о разводѣ, «очень легко совершаемомъ въ Россіи: стоитъ только сторговаться съ мужемъ женщины, которая нравится, купить ее у него и жениться на ней. Только мужъ одинъ теряетъ при этой сдѣлкѣ право вторичной женитьбы». Далѣе кореспондентъ говоритъ о романахъ разныхъ никому неизвѣстныхъ писателей, и ставитъ ихъ чуть ли не выше дѣйствительно замѣчательнаго разсказа г. Ахшарумова «Новая деревня». Кореспонденція оканчивается извѣстіемъ о смерти профессора Минаева и выходѣ въ свѣтъ новаго изданія географическаго Общества «Живая старина», которое напрасно переводится: les reliques vivantes du vieux temps.

— Шарль Рабурденъ издалъ поэму въ шести пѣсняхъ «Осада Севастополя» (Le siège de Sebastopol). Историческія событія описаны всѣ по порядку: прибытіе флота союзниковъ въ Черное море, холера въ Добруджѣ, пожаръ въ Варнѣ, высадка въ Крыму, сраженіе при Альмѣ, обложеніе Севастополя, потопленіе русскаго флота, работы по укрѣпленію города и пр. Въ каждой пѣснѣ, чтобы никому не было обидно, воспѣвается геройство всѣхъ пяти націй, принимавшихъ участіе въ Крымской войнѣ. Болѣе всего поэтъ сожалѣетъ, что двѣ лучшія и храбрѣйшія націи въ мірѣ истребляли другъ друга, а еще болѣе сокрушается о томъ, что послѣ этой войны сардинецъ занялъ Гаэту, то-есть Римъ, а англичанинъ Кипръ. Отъ перваго

занятія французскій поэтъ страдаетъ какъ ревностный католикъ, отъ второго—какъ патріотъ, хотя свѣтская власть папы исчезла вмѣстѣ съ имперіей, возвращенія которой конечно не пожелаетъ ни одинъ истинный французъ, а всѣ права на Египетъ заключаются только въ томъ, что Наполеонъ дрался подъ пирамидами. Но вѣдь онъ дрался и подъ Вѣной, и подъ Берлиномъ, и подъ Москвой, а Франція не заявляетъ своихъ правъ на эти города. Стихи въ поэмѣ вообще звучны, читаются легко, и авторъ ея давно извѣстенъ во французской литературѣ произведеніями въ томъ же воинственномъ духѣ.

— Нѣмцы въ запуски переводятъ Л. Н. Толстого, но при этомъ дѣло не обходится безъ литературныхъ продѣлокъ и обмана. Такъ, въ Лейпцигѣ Германъ Роскошный—несомнѣнно онѣмеченный славянинъ, издалъ книгу подъ названіемъ «Графъ Левъ Н. Толстой. Изъ моей жизни». (Graf Leo N. Tolstoj. Aus meinem Leben). Судя по этому заглавію читатель думаетъ найти въ книгѣ записки автора—между тѣмъ это не болѣе, какъ переводъ его разсказовъ «Дѣтство» и «Отрочество», да еще искаженный самымъ безсовѣстнымъ образомъ, съ выпускомъ мѣстъ, гдѣ авторъ объясняетъ психическое развитіе своего героя, съ уничтоженіемъ раздѣленія на главы, произвольными сокращеніями и пр. Такъ, третій разсказъ автора «Юность» сокращенъ болѣе чѣмъ на половину. Въ журналѣ «Magazin für Litteratur», въ статьѣ «Первые опыты Толстого» (Tolstoj's Erstlingswerk) Рафаэль Лёвенфельдъ возстаетъ противъ литературной недобросовѣстности Роскошнаго и даетъ вѣрную оцѣнку трехъ, почти біографическихъ разсказовъ автора. Для борьбы съ спекуляціей, подъ наблюденіемъ того же Лёвенфельда, книгопродавецъ Рихардъ Вильгельмъ началъ издавать полное собраніе сочиненій Толстого, съ разрѣшенія автора. Въ первыхъ двухъ выпускахъ помѣщены его біографическіе очерки, затѣмъ пойдутъ мелкіе разсказы и повѣсти, большіе романы и, наконецъ, народные, нравственно-философскіе разсказы и драмы. Всѣхъ выпусковъ будетъ до сотни. На оберткѣ въ русскомъ стилѣ—портретъ Л. Н. Толстого въ медальонѣ, его домъ въ Ясной Полянѣ и снимокъ съ картины Рѣпина: Л. Н. на пашнѣ.

— Пауль Эрнстъ старается опредѣлить, въ томъ же журналѣ, технику Достоевскаго (Zur Technik Dostojewski's). Она существенно разнится отъ техники гр. Толстого, и именно тѣмъ, что Толстой чуждается художественныхъ способовъ исполненія и основывается на собственномъ міровоззрѣніи и не заботится о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на читателя. У Достоевскаго искусство служитъ также только средствомъ для достиженія цѣли романа, но этотъ писатель является чаще настоящимъ художникомъ. Всѣ подобныя умствованія не болѣе, какъ пустыя тонкости, Spitzfindigkeiten, и какъ ни путается русская критика въ оцѣнкѣ нашихъ лучшихъ писателей, она высказываетъ все-таки болѣе вѣрныя и здравыя сужденія объ нихъ, хотя бы въ этюдахъ С. А. Андреевскаго. Все, что дальше говоритъ Эрнстъ о техническихъ пріемахъ Достоевскаго—ложно, натянуто и туманно. Такихъ фразъ, какія набираетъ нѣмецкій критикъ, можно составить сотни, и они все-таки не опредѣляютъ значенія писателя и особенностей его таланта. Только одно оригинальное и отчасти вѣрное заключеніе можно вынести изъ статьи Эрнста, что почти всѣ персонажи, выводимые на сцену Достоевскимъ, немножко помѣшаны (einen kleinen Stich ins Verrückte haben).

-- Англійская литература, взявшая для ознакомленія съ Россіей такихъ сотрудниковъ, какъ кн. Крапоткинъ и Степнякъ, выпускаетъ въ свѣтъ сенсаціонные романы изъ русской жизни. Какой-то графъ Павелъ П. написалъ двухъ-томный романъ «Заговорщикъ» (The Conspirator). Это весьма дикая и фантастическая исторія попытокъ возстанія противъ русской власти въ Привислянскомъ краѣ. Разсказъ передаетъ сцены такихъ ужасовъ, которые едва возможны въ варварскую эпоху, но авторъ увѣряетъ, что все это—дѣйствительныя событія. Герой романа — Алексѣй Васильевичъ одаренъ необыкновеннымъ умомъ и страшною силою воли, героиня—очаровательнѣйшая жидовка Миріамъ, отличается возвышенною и безпримѣрною преданностью. Авторъ упрекаетъ Англію въ томъ, что она не грозитъ болѣе войною, какъ во времена Пальмерстона и Дизраэли, а стремится къ миру. Заговорами всякаго рода полна вся книга, но вотъ что говоритъ объ нихъ въ романѣ старый заговорщикъ: «Мнѣ столько же лѣтъ, какъ и нашему столѣтію, и я пережилъ много перемѣнъ. Опытъ всей жизни привелъ меня къ заключенію, что заговорщики сдѣлали очень мало—даже почти ничего—для свободы и правъ человѣка».

Другой романъ написанъ мистриссъ Сотерландъ Эдуардсъ и носитъ эфектное заглавіе: «Тайна принцесы: разсказъ о жизни въ провинціи, лагерѣ, при дворѣ, на каторгѣ и въ монастырѣ Россіи» (The secret of the princess: a tale of country, camp, court, convict and cloister life in Russia). Дѣйствіе романа происходитъ большею частью въ Сибири, гдѣ случаются часто явныя возмущенія. При дворѣ и даже въ монастырѣ главную роль играетъ любовь. Тайна начинается съ первыхъ страницъ романа. Принцесса Волконская съ дочерьми и польскимъ опекуномъ живутъ въ своемъ помѣстьи Дубровино, близъ Москвы. Ночью она видитъ у наружной стороны окна своей спальни человѣка, цѣпляющагося за раму. Принцесса прицѣливается въ него изъ пистолета—и онъ скрывается. Въ этомъ и заключается главная тайна романа, происходящаго во время Крымской войны. Англійская критика находитъ, что авторъ очень хорошо знакомъ съ русскою жизнью и русскимъ характеромъ. Странная увѣренность.

— Франція, которой вѣроятно наскучили приторно-порнографическія пошлости, преподносимыя ей Полемъ Бурже и Гюи Монассаномъ подъ видомъ психологическаго романа, обратилась также къ роману историческому. Годъ тому назадъ французскій ученый Дьёлафуа рылся въ Сузѣ, въ развалинахъ Артаксерсова дворца, и нашелъ тамъ много интересныхъ вещей, описанныхъ имъ въ занимательной книгѣ, о которой мы дали въ свое время отчетъ. Спутницей въ экскурсіяхъ и раскопкахъ ученаго была его жена, также писавшая не мало о своихъ впечатлѣніяхъ и изслѣдованіяхъ. Теперь она вздумала воспользоваться и своимъ знакомствомъ съ Сузою и написала романъ изъ эпохи процвѣтанія этого города, остатки котораго собраны въ Луврскомъ музеѣ, въ отдѣлѣ древностей Сузы. Романъ называется «Парисатида» (Parysatis). Исторію этой царицы разсказалъ еще Плутархъ въ біографіи Артаксеркса. Это было за 400 лѣтъ до Р. Х., черезъ полвѣка послѣ войны съ Мидіей. Умеръ Дарій II, сынъ Ксеркса, разбитаго при Саламинѣ. Сынъ наложницы, онъ достигъ трона и удержался на немъ только энергіей своей жены, умной, но жестокой и распутной Парисатиды — Фредегонды своего времени. У нея было два сына, Артаксерксъ и Киръ. Старшій взошелъ на тронъ вмѣстѣ съ своею женой, прекрасною Статирой, и царица

ясно поняла, что ея власти при дворѣ и въ управленіи настадъ конецъ. Она хотѣла доставить престолъ своему любимцу Киру тотчасъ по смерти Дарія. Во время коронованія Артаксеркса, въ храмѣ Пасаргада, Киръ бросился на брата съ кинжаломъ, но былъ остановленъ и только мольбы Паризатиды спасли жизнь братоубійцы. Царь простилъ его и даже далъ ему въ управленіе греческія колоніи. Въ благодарность Киръ набралъ войско изъ греческихъ наемниковъ и пошелъ на брата. При Кунаксѣ онъ былъ разбитъ персидскими войсками и самъ убитъ подъ стѣнами Вавилона. Паризатида между тѣмъ пріобрѣла снова все свое вліяніе при дворѣ безхарактернаго Артаксеркса и жестоко отмстила убійцамъ Кира, предавъ страшнымъ пыткамъ, въ теченіе 17 дней, Митридата, нанесшаго первый ударъ Киру, и приказавъ содрать кожу съ Масабата, отрубившаго голову ея сына. Но оставалась еще Статира. Паризатида отравила ее, разрѣзавъ плодъ ножомъ, одна сторона котораго была намазана ядомъ, а сама съѣла неотравленную половину. Артаксерксъ сослалъ свою мать въ Вавилонъ, но вскорѣ возвратилъ ко двору, потому что не могъ управлять царствомъ безъ ея совѣтовъ и вліянія. Въ гаремѣ Кира, разбитаго при Кунаксѣ, была захвачена гречанка Аспазія. Артаксерксъ хотѣлъ взять ее себѣ, но она предпочла ему сына и наслѣдника его Дарія. Артаксерксъ все-таки отнялъ ее у сына подъ предлогомъ, что плѣнница должна быть отдана въ храмъ Діаны-дѣвственницы въ Экбатанѣ. Дарій составилъ заговоръ противъ отца, но былъ уличенъ въ этомъ и Артаксерксъ закололъ его своею рукою. Чтобы утѣшить сына въ потерѣ Статиры, Паризатида убѣдила царя взять наложницею свою же дочь Атоссу. Таково содержаніе романа г-жи Дьёлафуа. Въ немъ нѣтъ ни одного факта, который бы не былъ подтвержденъ исторіею. Весь этотъ варварскій міръ съ его дикими событіями, съ его археологическою обстановкою извѣстенъ намъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, но авторъ по счастью не вдается въ научно антикварныя подробности, чтобы сохранить мѣстный колоритъ. Его лица говорятъ понятными намъ выраженіями и сохранили даже свои давно знакомыя намъ имена Дарія, Ксеркса, Ормузда, Аримана—вмѣсто Дарайявaоуха, Хшайярша, Агурамазда, Ангрaмайніуха. Только іонійка Аспазія выражается въ романѣ уже очень цвѣтисто, à la Севинье.

— Жанъ Ломбаръ, авторъ занимательнаго романа «Агонія», гдѣ изображенъ распутный Римъ временъ Геліогабала, издалъ не менѣе интересный романъ «Византія» (Byzance), рисующій картины восточнаго міра на Босфорѣ, въ эпоху Константина V. Къ сожалѣнію, авторъ не слѣдовалъ примѣру г. Дьёлафуа и переполнилъ изображеніе хотя и болѣе близкихъ къ намъ временъ неудобопонятными словами, въ родѣ: великій логоѳетъ, статодедархъ, протоцеракарій, протопроэдръ, миртаитъ, кариклей, куропалатъ, спаѳарій, паландрій, монокcилоны, партексъ и пр., и пр. Надо быть завзятымъ археологомъ, чтобы одолѣть весь этотъ «мѣстный колоритъ». Но самая фабула романа весьма интересна: тутъ и теологическая борьба между приверженцами храмовъ святой чистоты и святой мудрости, скачки въ циркѣ, сраженіе между голубыми и зелеными, праздники двора Копронима, заговоръ славянъ и эллиновъ, чтобы очистить Византію отъ исавряиъ-азіатовъ. Глава этого заговора священникъ Гибреасъ, полубуддистъ и полуманихеянинъ, но пламенный патріотъ, надѣется низвергнуть исаврянскихъ автократовъ съ помощью славянина Управды и его сестры Вигли-

ницы, единственныхъ потомковъ Юстиніана. Убить Константина Копронима, провозгласить императоромъ Управду, соединить славянскую расу съ эллинскою, женивъ потомка Юстиніана на Евстахіи, внучкѣ Ѳеодосія—такова цѣль заговора. Но онъ не удается, Копронимъ остается побѣдителемъ, выкалываетъ глаза побѣжденнымъ и сжигаетъ храмъ святой чистоты, гдѣ гибнетъ въ огнѣ Гибреасъ. Вся эта страница изъ исторіи древней Византіи чрезвычайно рельефна и драматична.

— Вуагобе, въ романѣ «Фонтенэ—шпажный боецъ» (Fontenay. Coup d'épée), переноситъ читателя къ концу царствованія Наполеона I. Молодой креолъ Фонтенэ, любимецъ императрицы Жозефины, влюбленъ въ Генріету Гавръ, дочь испанки и француза. Дядя ея Монтальванъ, бандитъ и патріотъ, глава арагонскаго заговора 1808 года, проникаетъ въ Мальмезонъ, съ цѣлью убить Наполеона, но убиваетъ только полицейскихъ агентовъ, спасается въ Испанію, защищаетъ Сарагосу и замуровываетъ въ ея стѣны свою дочь за то, что она любитъ Фонтенэ. Этотъ герой оказываетъ чудеса храбрости въ разныхъ сраженіяхъ, исполняетъ затруднительныя дипломатическія порученія и женится наконецъ на своей возлюбленной. Въ романѣ много занимательныхъ эпизодическихъ сценъ, какъ смерть Палафокса, переговоры Фонтенэ съ Фуше, который старается провести всѣхъ и самого Наполеона. Только для чего это авторъ выставляетъ испанцевъ, сражавшихся за свободу своего отечества, какими-то фанатиками, заслуживающими презрѣнія. Никогда, напротивъ, этотъ народъ не стоялъ такъ высоко, какъ въ борьбѣ съ деспотизмомъ Наполеона. У учителя автора, Поля Феваля, есть романъ «Капитанъ—привидѣніе», взятый изъ той же эпохи войны съ Испаніей, но гдѣ гораздо больше исторической и логической правды и гораздо больше интереса въ фабулѣ романа.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ біографіи Н. А. Некрасова.

ПОЧТИ во всѣхъ біографіяхъ извѣстнаго поэта Н. А. Некрасова разсказывается, что на него лично и на его литературную дѣятельность имѣла сильное вліяніе нищета, будто бы перенесенная имъ въ Петербургѣ, въ дни юности, и доходившая до того, что онъ, не имѣя средствъ заплатить за бѣдный уголъ, былъ выгнанъ на улицу, дрогнулъ отъ холода, что въ этомъ безпомощномъ положеніи надъ нимъ сжалился какой-то нищій, который увелъ его съ собою въ отдаленный ночлежный пріютъ, гдѣ Некрасовъ добылъ себѣ кусокъ хлѣба, составивъ прошеніе и получивъ за него 15 копѣекъ и т. п.

Не рѣшаясь опровергать такую яркую картину, я хочу разсказать здѣсь лишь о моемъ случайномъ знакомствѣ съ Некрасовымъ именно въ то время, когда онъ только-что пріѣхалъ въ Петербургъ. Разсказъ мой будетъ очень коротокъ, потому что я самъ былъ тогда почти ребенкомъ, не могъ предвидѣть, что Некрасовъ сдѣлается впослѣдствіи извѣстностью, не обращалъ на него вниманія и не сохранилъ въ своей памяти никакихъ подробностей.

Отецъ мой, извѣстный въ свое время писатель и патріотъ Сергѣй Николаевичъ Глинка, встрѣтился съ Некрасовымъ въ 1839 году у своего кума Н. А. Полевого, заинтересовался имъ, и, не знаю вслѣдствіе какихъ причинъ, предложилъ ему учиться у него французскому языку. Съ этого дня, Некрасовъ сдѣлался частымъ посѣтителемъ нашего дома. Какъ теперь вижу его, передъ столикомъ, читающаго по-французски вслухъ съ забавнымъ выговоромъ. Некрасовъ скоро сошелся съ старшимъ братомъ моимъ С. С. Глинкой (еще живымъ до сей минуты) и поселился вмѣстѣ съ нимъ на углу Невскаго проспекта и Владимірской улицы, въ домѣ занятомъ теперь го-

стинницей «Москва». Они занимали въ третьемъ этажѣ нѣсколько комнатъ, прилично убранныхъ собственной мебелью, перевезенной братомъ съ старой квартиры на Литейной, гдѣ у него была типографія. Вся мягкая мебель была обита матеріей краснаго цвѣта; упоминаю объ этомъ потому, что по отъѣздѣ моего брата изъ Петербурга, Некрасовъ, при встрѣчахъ со мной, постоянно требовалъ эту мебель, хотя, по словамъ брата, она вовсе ему не принадлежала. Когда я заходилъ къ брату, то, большею частью, заставалъ Некрасова лежащимъ на диванѣ; онъ постоянно былъ, или казался, угрюмымъ и мало разговаривалъ. Помню, что въ то время онъ написалъ стихами афишу для «Кабинета восковыхъ фигуръ», помѣщавшагося у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгардта. У меня даже осталось въ памяти нѣсколько стихивъ изъ этой афиши:

«Иванъ Иванычъ Штейнигерсъ
«Съ саженной бородой:
«Онъ былъ въ нѣмецкомъ городѣ
«Когда-то головой!
«Вотъ и Вильгельмъ Васильевичъ
«Тель, парень удалой,
«Онъ храбро дрался съ нѣмцами
«За городъ свой родной!»

За составленіе афиши Некрасовъ получилъ двадцать пять рублей. Плодомъ занятій Некрасова французскимъ языкомъ былъ переводъ драмы «La nouvelle Fanchon» подъ заглавіемъ «Материнское благословеніе», имѣвшей большой успѣхъ на русской сценѣ и долго не сходившей съ репертуара. Помню, что Некрасовъ срѣзался на вступительномъ экзаменѣ, въ университетѣ, чуть ли не изъ закона Божія, и по этому поводу, съ горя, было выпито полъ-ведра водки въ обычной компаніи сожителей, состоявшей изъ артистовъ Александринскаго театра: Самойлова, Мартынова, Максимова и др. Съ братомъ моимъ Некрасовъ прожилъ съ 1839 по 1841 годъ и въ это время, могу удостовѣрить, ни въ чемъ особенно не нуждался; впослѣдствіи же, работая для театра и участвуя въ журналахъ, онъ тѣмъ менѣе могъ нуждаться. Онъ любилъ, по доброй охотѣ, странствовать по петербургскимъ трущобамъ и когда попадался въ полицію, то назывался фамиліей брата, бывшаго тогда редакторомъ неофиціальной части, «Губернскихъ Вѣдомостей», почему его тотчасъ же отпускали на всѣ четыре стороны.

Въ 1846 г. Некрасовъ приходилъ къ моему отцу съ предложеніями купить право на изданіе «Русскаго Вѣстника», но опоздалъ, потому что отецъ уже заключилъ условіе съ Ѳ. В. Чижовымъ, намѣревавшимся продолжать этотъ журналъ вмѣстѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, адъюнктомъ академіи Куникомъ и А. В. Старчевскимъ, черезъ котораго собственно и велись предварительные переговоры. Задатокъ въ 500 р. золотомъ уже былъ полученъ отцомъ, но извѣстная невзгода, постигшая славянофиловъ, неожиданно помѣшала осуществленію дѣла.

Помню еще, что въ 1848 г. въ литературныхъ кружкахъ говорили, будто Некрасовъ скупилъ оставшіеся экземпляры «Полнаго собранія сочиненій Гоголя», стоившіе по 8 р. за экземпляръ и продавалъ ихъ по 25 р. По этому поводу, А. А. Краевскій сказалъ: «Некрасову хоть битымъ стекломъ торговать».

Сообщено **Ѳ. С. Глинкой.**

СМѢСЬ.

Торжественное собраніе Академіи Наукъ. Ежегодное торжественное собраніе Академіи Наукъ, какъ и всегда, привлекло большое число посѣтителей. Въ 1 часъ дня прибылъ президентъ Академіи великій князь Константинъ Константиновичъ и занялъ предсѣдательское мѣсто рядомъ съ вице-президентомъ Я. К. Гротомъ. Непремѣнный секретарь Академіи А. А. Штраухъ взошелъ на каѳедру и началъ чтеніе отчета по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ Академіи за первое полугодіе 1890 г. Первыя слова отчета были посвящены памяти почетнаго члена Академіи, герцога Лейхтенбергскаго, посвятившаго себя изученію минералогіи въ широкомъ смыслѣ слова и совершившаго въ 60-хъ годахъ продолжительное путешествіе для изученія минеральныхъ богатствъ и горнаго дѣла на Уралѣ. Переходя къ отчету о дѣятельности членовъ Академіи, А. А. Штраухъ упомянулъ о сожалѣніи, которое было вызвано желаніемъ академика К. С. Веселовскаго покинуть постъ непремѣннаго секретаря, который онъ занималъ въ теченіе свыше 30-ти лѣтъ. Изъ состава Академіи выбыло, за смертью, нѣсколько почетныхъ ея членовъ: графъ П. А. Валуевъ, графъ Мих. Хр. Рейтернъ, профессоръ Алекс. Андр. Бунге, умершій въ Мэттико 6-го іюля, и Петръ Ал. Чихачевъ, скончавшійся во Флоренціи. Ихъ памяти былъ посвященъ перечень ихъ заслугъ и ученыхъ трудовъ. Изъ числа членовъ-корреспондентовъ, Академія понесла утрату въ лицѣ: финляндскаго профессора, публициста и изслѣдователя Сибири Альквиста, Г. А. Гирна, профессора Вейсъ-Валлота, Д. З. Бакрадзе, Л. Ф. Штейна и В. Л. Грубера. Академія утратила одного изъ своихъ маститыхъ членовъ, бывшаго директора главной Николаевской обсерваторіи, Струве, который, послѣ 52-лѣтняго служенія наукѣ, пожелалъ удалиться на покой. Послѣ этого въ академики по астрономіи былъ избранъ профессоръ Московскаго университета Ѳ. А. Бредихинъ, который и принялъ на себя должность директора обсерваторіи. Далѣе, вступили въ Академію ординарными академиками: профессоръ Петербургскаго университета В. Г. Васильевскій, предсѣдатель комитета министровъ Н. Х. Бунге, профессоръ Новороссійскаго университета А. О. Ковалевскій, экстраординарнымъ академикомъ избранъ про-

фессоръ здѣшняго университета баронъ В. Р. Розенъ и адъюнктомъ по зоологіи Ѳ. Д. Плеске. Августѣйшимъ президентомъ было обращено вниманіе на несовершенство настоящаго положенія Академіи и ограниченность ея штата; предположенія его высочества о разработкѣ измѣненій въ существующемъ уставѣ и штатахъ Академіи были одобрены Государемъ и вслѣдствіе этого съ минувшей весны составлена особая комиссія, которая и нынѣ занимается пересмотромъ устава Академіи. Другая комиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря М. Н. Островскаго, при участіи представителей отъ министерствъ финансовъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, выработала обстоятельный проектъ преобразованія зоологическаго музея Академіи, который ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ своего осуществленія. Точно также правительствомъ уважено ходатайство объ ассигнованіи средствъ на увеличеніе помѣщенія химической лабораторіи пристройками и приспособленіе ихъ для спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій, а также для размѣщенія обширной химической библіотеки. Главная физическая обсерваторія, благодаря содѣйствію министерства путей сообщенія, получила возможность предпринять подробныя изслѣдованія по вопросу предостереженія желѣзныхъ дорогъ о наступленіи снѣжныхъ мятелей. Учреждена особая самостоятельная лабораторія по анатоміи и физіологіи растеній и открытъ для публики музей по этнографіи и антропологіи, куда, между прочимъ, вошли нѣкоторыя замѣчательности изъ кабинета Петра Великаго и колекціи Крузенштерна, гр. Литке, Юнкера, Миклухи-Маклая и т. д. Въ послѣдніе годы замѣчается все бóльшій приливъ капиталовъ, имѣющихъ спеціальное назначеніе либо служить для раздачи премій, либо для изданія опредѣленныхъ сочиненій. Нынѣ эти капиталы, достигнувъ цифры до полумилліона рублей, увеличились открытіемъ конкурса имени П. Н. Юшенова.

Въ теченіе года отдѣльными трудами заявили себя академики: А. А. Марковъ, запиской о преобразованіи медленно сходящихся рядовъ въ быстро сходящіеся, В. Г. Имшенецкій изслѣдованіемъ о функціяхъ Бернулли и, кромѣ того, на разсмотрѣніе Академіи было представлено студентомъ Борткевичемъ математическое изслѣдованіе о смертности и долговѣчности мужского православнаго населенія Европейской Россіи и трудъ этотъ признанъ заслуживающимъ полнаго вниманія Академіи. Академикъ Ѳ. А. Баклундъ совершилъ экспедицію для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ сѣверной Россіи и продолжалъ свои изслѣдованія надъ кометою Энке, которая ожидается въ 1891 г. По физикѣ трудился О. Д. Хвольсонъ и издали нѣсколько записокъ ученые главной физической обсерваторіи: В. Срезневскій, Лейстъ, Б. Керсновскій, Шренкъ и Гадолинъ. Академикъ М. И. Сухомлиновъ подготовляетъ первый томъ сочиненій Ломоносова и, кромѣ того, подъ его редакціей изданъ VII томъ «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ». И. В. Ягичъ издалъ Corpus grammaticorum sloveno-rossicorum — сводъ грамматикъ изъ сборниковъ XVI и XVII вѣковъ. Кромѣ того, онъ же приготовилъ къ печати сочиненія для юго-славянской Академіи въ Загребѣ и для сербской академіи въ Бѣлградѣ. А. Н. Веселовскій доканчиваетъ печатаніе VI выпуска своихъ «Розысканій въ области русскаго духовнаго стиха», Н. С. Тихонравовъ изготовилъ 6-й томъ сочиненій Гоголя, а Л. Н. Майковъ приготовляетъ къ выпуску въ свѣтъ изданіе сочиненій Пушкина. Изданіе закончится біографіей поэта, для полноты которой академія проситъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ у себя письма и записки Пушкина, сообщить ихъ для снятія съ нихъ копій.

Въ этомъ году скончался профессоръ Казанской академіи И. Я. Порфирьевъ. Его памяти былъ посвященъ некрологъ. Исполнилось также 25 лѣтъ со дня смерти бывшаго профессора Петербургскаго университета и предсѣдателя словеснаго отдѣленія академіи П. А. Плетнева, скончавша-

гося въ Парижѣ. Воспоминанію о немъ было также посвящено перечисленіе его трудовъ на пользу науки и отечества. Не были забыты также и труженики науки, доставившіе свои сочиненія въ Академію и не состоящіе ея членами. Н. Ф. Дубровинъ продолжалъ свои занятія въ архивѣ собственной Его Величества канцеляріи и въ началѣ настоящаго года издалъ III-й выпускъ документовъ, хранящихся въ этомъ архивѣ. Академикъ В. Г. Васильевскій издалъ первую часть своего сочиненія «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи». Затѣмъ были перечислены ученые труды: академика К. Г. Залемана, д-ра Биленштейна, академика В. В. Радлова, синолога В. П. Васильева, г. Лемма и др. Результаты конкурсовъ были слѣдующіе: Ломоносовская премія (въ 1,000 руб.) досталась директору магнитной и метеорологической обсерваторіи въ Павловскѣ Лейсту за его изслѣдованіе «О температурѣ почвы въ Павловскѣ». На премію гр. Д. А. Толстого первой медали удостоено сочиненіе г. Таммана, второй — I. А. Керсновскаго и третьей — Б. Срезневскаго — о буряхъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Премію имени покойнаго вице-президента Буняковскаго, за выдающіеся математическіе труды, въ настоящемъ году, Академія присудила сборнику нѣсколькихъ изслѣдованій профессора чистой математики Варшавскаго университета Николая Яковлевича Сонина. Отчетъ о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1890 г. былъ составленъ академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и прочитанъ А. Н. Веселовскимъ. Въ число академиковъ вступили К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. А. Лавровскій и Н. С. Тихонравовъ. Отдѣленіе было занято обработкой новаго изданія академическаго словаря, главное редакторство котораго принялъ на себя вице-президентъ Академіи Я. К. Гротъ. Словарь доведенъ до буквы В. Изготовленъ первый выпускъ словаря покойнаго И. И. Срезневскаго подъ названіемъ: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ». Первоначально словарь этотъ издавался подъ надзоромъ И. В. Ягича, а затѣмъ А. Ѳ. Бычкова. Словарь этотъ доведенъ до половины буквы Г. По исторіи, въ началѣ 1890 года, изъ печати вышелъ составленный подъ редакціею члена-кореспондента Академіи Н. А. Попова I-й томъ Актовъ Московскаго Государства. Другое предпріятіе, посвященное хронологическому сопоставленію докладовъ и приговоровъ Сената въ царствованіе императора Петра I и руководимое академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ, въ настоящее время доведено до конца 1714 г. (IV томъ).

Торжественное собраніе закончилось провозглашеніемъ лицъ; вновь избранныхъ Академіею въ свою среду. Въ текущемъ году его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій принялъ званіе почетнаго ея члена; въ почетные члены Академіи избраны: д. т. с. Петръ Гр. Рѣдкинъ, д. с. с. Вл. Вл. Вельяминовъ-Зерновъ, егермейстеръ высочайшаго двора графъ С. Д. Шереметевъ. Въ члены-кореспонденты: В. П. Энгельгардтъ, директоръ императорскаго королевскаго метеорологическаго и магнитнаго центральнаго института въ Вѣнѣ, проф. Юл. Ганъ, проф. неаполитанскаго университета сенаторъ Арканджело Скакки, проф. Тюбингенскаго университета Лотаръ Мейеръ, проф. московскаго университета К. А. Тимирязевъ. А. П. Богдановъ, профес. императорскаго Петербургскаго историко-филологическаго института Н. П. Некрасовъ, членъ французскаго института Г. Пари, проф. Берлинскаго университета Г. Шмеллеръ, т. с. Д. Ѳ. Кобеко, проф. Петербургскаго университета И. В. Помяловскій, с. с. В. В. Латышевъ, проф. Геттингенскаго университета П. де-Лагардъ, д. с. д. П. С. Поповъ и д-ръ Биленштейнъ въ Добленѣ.

Отчетъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей за 1888 и 1889 гг. Къ концу 1887 г. Ростовскій музей церковныхъ древностей въ своемъ составѣ имѣлъ 195 лицъ. Управленіе музеемъ древностей лежало на обязанности комитета музея и на его членовъ, какъ на членовъ московскаго Археологическаго Общества,

возложено было завѣдываніе древними кремлевскими зданіями, а также и реставрація послѣднихъ. Наиболѣе была чувствительна для Ростовскаго музея потеря товарища предсѣдателя Д. А. Булатова, какъ дѣятельнѣйшаго сотрудника, принимавшаго живое участіе въ учрежденіи музея и дальнѣйшемъ его благоустройствѣ. Д. А. Булатовъ, скончавшійся 20-го октября 1889 года, явился одним изъ первыхъ вкладчиковъ въ сокровищницу музея своихъ фамильныхъ древностей по отдѣламъ: иконографическому, нумизматическому, палеографическому и проч. Къ началу 1890 года, кромѣ покровителя музея, предсѣдателя комитета, состояло при музеѣ почетныхъ членовъ 103 и членовъ — сотрудниковъ 91; всего 203 лица. Къ 1-му января 1890 года коллекціи Ростовскаго музея церковныхъ древностей, въ совокупности съ поступленіями предыдущихъ годовъ, представляютъ слѣдующую численность: въ собраніи иконъ, крестовъ, царскихъ вратъ и хоругвей: иконъ рѣзныхъ изъ дерева въ ризахъ, металлическихъ окладахъ, безъ оклада и проч. всего болѣе 300; крестовъ запрестольныхъ, рѣзныхъ изъ дерева, мѣдныхъ тѣльныхъ, золотыхъ, серебряныхъ, каменныхъ, бронзовыхъ, оловянныхъ, костяныхъ и проч. болѣе 400. Въ собраніи церковной утвари, богослужебныхъ предметовъ, антиминсовъ, покрововъ и священно-служительскихъ облаченій болѣе 200 предметовъ. Въ собраніи портретовъ, картинъ, гравюръ и фотографическихъ снимковъ, болѣе 400. Въ собраніи рукописей и книгъ 3047. Въ собраніи монетъ и медалей 1844, въ томъ числѣ русскихъ медалей, битыхъ въ память отечественныхъ событій, 114. Въ собраніи древнебытовыхъ и этнографическихъ предметовъ 553. Ростовскій музей церковныхъ древностей былъ открытъ ежедневно отъ 9 до 2 ч. пополудни (за исключеніемъ праздника Рождества Христова и трехъ дней Пасхи) для членовъ комитета, членовъ-сотрудниковъ и посторонней публики. Большинство посѣтителей падало на дни праздничные и особенно на время ростовской ярмарки, открывающейся съ половины первой недѣли великаго поста и продолжающейся до половины третьей. Неприкосновенныхъ капиталовъ музея къ 1-му января 1889 года состояло: а) пожертвованный Наслѣдникомъ Цесаревичемъ билетъ государственный 5% желѣзно-дорожной ренты, въ 1000 руб. и другія суммы. Всего же состояло на лицо 2550 руб. На приходъ музея поступило за отчетный годъ 853 руб. 37 к. Израсходовано въ теченіе 1889 года 853 руб. 37 к. на реставрацію поступающихъ въ музей древнихъ вещей, устройство витринъ, иконостасныхъ рамъ, переплетъ книгъ и другіе хозяйственные расходы. Почетный членъ музея А. Л. Кекинъ увѣдомилъ, что въ память юбилея Московскаго Археологическаго Общества, 8-го января 1890 года, онъ имѣетъ пожертвовать % бумагами 10 тысячъ рублей, доходъ съ которыхъ послѣ него будетъ получаться комитетомъ музея, въ случаѣ же особыхъ надобностей % будутъ высланы имъ и при жизни. Такимъ образомъ дальнѣйшее существованіе музея можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. Члены комитета Ростовскаго музея, состоя совмѣстно и членами коммисіи, завѣдывающей Ростовскимъ Кремлемъ, образовавшейся съ 1-го мая 1888 года, представили также краткій отчетъ о дѣйствіяхъ ихъ по возстановленію древнихъ кремлевскихъ зданій за 1888 и 1889 года. Изъ числа работъ, произведенныхъ коммисіею за отчетное время, должно указать на реставрацію Іоанно-Богословской церкви, выполненную на средства Алексѣя Леонтьевича Кекина. Во время производства реставраціонныхъ работъ, при раскопкахъ подвальнаго этажа, подъ этимъ храмомъ г. Шляковымъ были найдены: масса древняго изразца, мѣдныя монеты, бердышъ XVII в. и другіе остатки прежняго быта; все это нынѣ помѣщается въ витринахъ Ростовскаго музея. Подробный отчетъ о ходѣ работъ по реставраціи Іоанно-Богословской церкви, съ приложенными къ нему планами, рисунками и фотографіями, составленный членомъ коммисіи Шляковымъ, былъ своевременно представленъ въ

Московское Археологическое Общество и прочитанъ въ одномъ изъ засѣданій VIII-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. Въ концѣ 1879 года поступили пожертвованія на возстановленіе и другихъ древнихъ памятниковъ въ Ростовскомъ Кремлѣ. Затѣмъ, главной заботой комиссіи служитъ поддержка и, если возможно, полная реставрація такъ называемой Водяной башни, во второмъ этажѣ которой помѣщалась домовая церковь ростовскихъ владыкъ. Эта башня имѣетъ неразрывную связь съ древними митрополичьими хоромами, гдѣ жилъ съ 1605 года родоначальникъ царствующаго дома Романовыхъ, Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ, поступившій на ростовскую каѳедру, какъ извѣстно, изъ иноковъ Холмогорскаго Антоніева-Сійскаго монастыря. При Лжедимитріѣ II онъ былъ взятъ поляками въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ. Современный ростовскій лѣтописецъ XVII вѣка довольно подробно и краснорѣчиво описалъ эту полную драматизма исторію. Домъ знаменитаго іерарха хотя и поврежденъ новѣйшими передѣлками, но вполнѣ возможенъ для реставраціи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ какъ жилище родоначальника царствующей фамиліи. Особенно не трудно возстановить и примыкающую къ этому дому, находящуюся въ Водяной башнѣ, Всѣхсвятскую церковь. Храмъ этотъ уже былъ реставрированъ въ началѣ прошлаго вѣка извѣстнымъ ростовскимъ епископомъ Досиѳеемъ, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія пострадалъ не столько отъ ветхости, сколько отъ невниманія къ отечественнымъ памятникамъ. Онъ былъ разрушенъ и иконостасъ проданъ въ церковь села Никольскаго, что въ горахъ, гдѣ въ недавнее еще время и этотъ иконостасъ, замѣненный новымъ, сожженъ. Возстановленіемъ этой Всѣхсвятской церкви будетъ поставленъ памятникъ русскому историческому дѣятелю, всероссійскому патріарху Филарету, имя котораго принадлежитъ исторіи. Конечно, средствъ у комиссіи нѣтъ, но ихъ не было и при самомъ ея учрежденіи; однако, съ 1883 года, благодаря просвѣщенной и христіанской поддержкѣ истинно-русскихъ людей—Королевыхъ, Кекиныхъ, Вахромѣевыхъ, Рулевыхъ и другихъ, комиссія возстановила положительно изъ развалинъ храмъ Григорьевскаго монастыря-затвора, Іоанно-Богословскую и Одигитріевскую церкви, Бѣлую Палату, княжьи терема, часть стѣны и библіотечную башню, а теперь фундаментально реставрируетъ Воскресенскую церковь. Русскіе люди всегда придутъ на помощь возстановленію храма Божія и такого знаменитаго историческаго памятника. Комиссія твердо уповаетъ, что жилище родоначальника русскихъ царей и храмъ, гдѣ онъ приносилъ молитвы, возстанутъ изъ своихъ развалинъ, какъ возстали уже предназначенные къ сломкѣ Бѣлая Палата—гостинная палата св. митрополита Ростовскаго Димитрія, и Григорьевскій монастырь-затворъ—мѣсто постриженія русскаго апостола св. Стефана Пермскаго.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Изъ отчета Общества за 1890 годъ оказывается, что въ Обществѣ числилось 162 дѣйствительныхъ члена и 1 членъ соревнователь. Кромѣ трехъ засѣданій происходившихъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1889 года, Общество имѣло въ отчетномъ году (до конца ноября) 10 собраній, посвященныхъ съ одной стороны научнымъ сообщеніямъ и преніямъ по поводу ихъ, съ другой — обсужденію текущихъ дѣлъ. Научныя сообщенія были сдѣланы слѣдующими членами Общества: Н. И. Карѣевымъ «О задачахъ Историческаго Общества» и «О разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки», С. А. Бершадскимъ—«О крестьянскомъ хозяйствѣ въ Литвѣ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ», С. Л. Степановымъ — «Объ Аѳинской высшей школѣ въ IV в. по Р. Хр.», Я. Г. Гуревичемъ—«Объ исторіи, какъ наукѣ и какъ предметѣ преподаванія», Х. М. Лопаревымъ — «О дневникѣ Ф. Кабрита 1788 г.», Е. А. Бѣловымъ — «По вопросу о значеніи царствованія Грознаго въ русской исторической литературѣ», Н. И. Карѣевымъ—«О новѣйшихъ трудахъ по исторіи

французской революціи», П. Д. Погодинымъ—«По поводу книги Паспати о взятіи Константинополя турками», Е. Н. Щепкиной—«О Тульскомъ уѣздѣ въ XVI—XVII вѣкахъ», А. М. Ону—«Объ историческомъ значеніи царствованія Іосифа II», Г. Е. Аѳанасьевымъ—«О pacte de famine» и Н. И. Карѣевымъ—«О новомъ предпріятіи въ области преподаванія исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ». На сообщеніяхъ или преніяхъ по поводу ихъ, происходившихъ на четвертомъ, шестомъ, девятомъ, десятомъ, одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и тринадцатомъ общихъ собраніяхъ, присутствовала публика. Кромѣ научныхъ сообщеній и преній по ихъ поводу, Общество занято было обсужденіемъ вопросовъ объ изданіи своихъ трудовъ и о составленіи систематическаго указателя исторической литературы. Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то рѣшено было ограничиться пока изданіемъ сборника, редакція котораго поручена была комитету, а относительно второго составлена была особая комиссія, которая въ отчетномъ году собиралась 4 раза. Общество занято было также составленіемъ библіотеки. Она стала складываться въ отчетномъ году изъ 96 сочиненій въ числѣ 115 книгъ, пожертвованныхъ разными лицами. Средства Общества составлялись изъ членскихъ взносовъ и чрезвычайныхъ поступленій. Всего въ приходѣ было 935 руб., изъ которыхъ израсходовано 120 руб.

Сорокалѣтній юбилей Вельяминова-Зернова. 3-го декабря 1890 г. исполнилось сорокалѣтіе службы и учено-педагогической дѣятельности попечителя кіевскаго учебнаго округа, Владиміра Владиміровича Вельяминова-Зернова. Онъ происходитъ изъ старинной дворянской фамиліи, записанной въ бархатную книгу, и родился въ Петербургѣ, 31-го октября 1830 года. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ, онъ поступилъ въ азіатскій департаментъ въ 1850 году и въ качествѣ драгомана былъ посланъ въ Оренбургъ. Служа здѣсь, онъ имѣлъ случай исколесить всю киргизскую степь и пріобрѣлъ массу научныхъ свѣдѣній, близко ознакомился съ мѣстными татарскими нарѣчіями, до тѣхъ поръ совсѣмъ неизслѣдованными. Вскорѣ послѣ этого онъ выступилъ съ своимъ замѣчательнымъ трудомъ: «Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношеніяхъ Россіи съ Средней Азіей», изд. въ Уфѣ. Черезъ 5 лѣтъ онъ былъ избранъ адъюнктомъ нашей Академіи Наукъ по литературѣ и исторіи азіатскихъ народовъ, а въ 1861 году избранъ экстра-ординарнымъ академикомъ. Когда въ концѣ 70-хъ годовъ тяжелая болѣзнь заставила его ѣхать за границу, онъ принужденъ былъ оставить Академію; онъ былъ русскій, а потому академическіе нѣмцы не могли сдѣлать ему льготы, какую давали академикамъ германскаго происхожденія, т. е. дозволить, оставаясь академикомъ, жить за границей. Въ 1888 году В. В. занялъ постъ попечителя округа въ Кіевѣ, а въ 1889 году назначенъ предсѣдателемъ временной комиссіи по разбору древнихъ актовъ въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ. В. В. считается однимъ изъ ученѣйшихъ оріенталистовъ нашихъ и написалъ слѣдующія книги, извѣстныя и за границей: «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ», «Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства», «Джагатайскій словарь», «Исторія курдовъ» (на персидскомъ языкѣ).

Шестидесятилѣтіе служебной дѣятельности завѣдующаго Общимъ Архивомъ Министерства Двора Григорія Васильевича Есипова исполнилось 8-го января. Этотъ юбилей былъ отпразднованъ самымъ скромнымъ образомъ потому, что Г. В. къ сожалѣнію, боленъ и не встаетъ съ постели. Празднество ограничилось тѣмъ, что утромъ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго подчиненные Г. В. явились въ занимаемую имъ квартиру въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ и, привѣтствуя любимаго начальника, поднесли ему образъ Божіей Матери «Всѣхъ скорбящихъ радости». Юбиляромъ была получена масса поздравительныхъ писемъ и телеграммъ, въ томъ числѣ отъ министра двора, отъ управляющаго кабинетомъ Его Величества и другихъ высокопоставлен-

ныхъ лицъ. Русская историческая наука, въ лицѣ многихъ профессоровъ и ученыхъ, также чествовала Г. В. какъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ представителей. Люди, занимающіеся русской исторіей, давно уже оцѣнили значеніе многочисленныхъ статей и изслѣдованій Г. В., тѣ же, кто имѣлъ случай лично и близко узнать автора ихъ, никогда не забудутъ этого благороднѣйшаго, добрѣйшаго человѣка, всегда радушно готоваго дѣлиться не только своими обширными знаніями, но и громаднымъ матеріаломъ, собраннымъ имъ въ теченіе многолѣтнихъ занятій въ разныхъ архивахъ. Вся жизнь Г. В. была посвящена неустанному труду, часто тяжелому и неблагодарному, но который никогда не тяготилъ его, и которому онъ отдавался съ увлеченіемъ.

Окончивъ въ 1830 г. курсъ въ Петербургскомъ университетскомъ пансіонѣ и получивъ при этомъ чинъ десятаго класса, Г. В. поступилъ, 8-го января 1831 г. на службу въ комитетъ иностранной цензуры, сперва канцелярскимъ чиновникомъ, а потомъ помощникомъ старшаго цензора. Въ 1838 г., онъ перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ производителемъ дѣлъ ученаго комитета. Во время службы въ этомъ министерствѣ, онъ ревизовалъ, съ директоромъ департамента, Брадке, всѣ палаты государственныхъ имуществъ, потомъ ревизовалъ самостоятельно саратовскія колоніи, принималъ калмыцкія земли въ Сибирской губерніи и былъ завѣдующимъ временнымъ управленіемъ Самарскими государственными имуществами. Въ 1845 г., онъ поступилъ въ министерство юстиціи въ межевую канцелярію младшимъ членомъ, а за тѣмъ старшимъ. Въ 1848 г. назначенъ предсѣдателемъ Рязанской гражданской палаты; въ 1851 г. опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при почетномъ опекунѣ, графѣ Віельгорскомъ, съ правами службы по опекунскому совѣту; съ упраздненіемъ канцеляріи опекунскаго совѣта причисленъ къ бывшему IV Отдѣленію Собственной Его Величества канцеляріи. Въ 1852 г., назначенъ производителемъ дѣлъ высочайше учрежденной комиссіи по дѣламъ опеки надъ дѣтьми великой княгини Маріи Николаевны; въ 1856 г., по смерти графа Віельгорскаго, согласно желанію великой княгини, откомандированъ къ ея высочеству для занятій по благотворительнымъ учрежденіямъ, ей ввѣреннымъ, а въ 1864 г. причисленъ къ министерству императорскаго двора. Въ 1882 г. назначенъ завѣдующимъ Общимъ Архивомъ министерства двора, и исполняетъ эту обязанность до сихъ поръ, приведя архивы, помѣщающіеся въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ образцовый порядокъ.

Литературная дѣятельность Г. В. началась въ 1833 г. изданіемъ, вмѣстѣ съ графомъ Толстымъ и Д. И. Языковымъ «Сатиръ князя Антіоха Кантеміра». Въ 1834 г. онъ перевелъ, вмѣстѣ съ Мухановымъ, романъ Виктора Гюго «Ганъ Исландецъ». Питая всегда страсть къ отечественной исторіи, Г. В. съ 1850 г. всецѣло отдался изученію ея и преимущественно XVIII вѣка, тогда вовсе еще не разработаннаго, и съ этой цѣлью началъ заниматься въ архивахъ, въ которые получилъ доступъ по особому къ нему довѣрію. Плодомъ этихъ занятій явился, начиная съ 1851 г. рядъ историческихъ статей и изслѣдованій въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской Рѣчи», «Русскомъ Словѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русской Бесѣдѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русской Старинѣ», «Русскомъ·Архивѣ», «Древней и Новой Россіи», «Историческомъ Вѣстникѣ» и другихъ журналахъ. Перечислить всѣ эти статьи, заключающія въ себѣ драгоцѣнный архивный матеріалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересныя и доступныя каждому читателю по легкости и простотѣ изложенія, нѣтъ возможности. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ отдѣльно изданные сборники, подъ заглавіемъ: «Раскольничьи дѣла XVIII вѣка» 2 т. (1861 г.). «Люди стараго вѣка» (1880 г.) и «Тяжелая память прошлаго» (1885 г.). Сверхъ того, подъ редакціей Г. В. напечатаны: «Исторія Выговской пустыни», «Сборникъ документовъ о Петрѣ Великомъ», «Камеръ-фурьерскій

журналъ» съ 1774 по 1791 годъ и «Придворный календарь» 1789 и 1790 годовъ. Въ настоящее время, какъ мы слышали, Г. В. занимается историческимъ изслѣдованіемъ о старинныхъ Дворцовыхъ Приказахъ и о преобразованіяхъ Петра Великаго въ придворномъ бытѣ и дворцовомъ хозяйствѣ и продолжаетъ собирать матеріалы для исторіи Преображенскаго Приказа и біографіи знаменитаго князя А. Д. Меншикова.

Высоко цѣня полезные и неутомимые труды Г. В. по отечественной исторіографіи, мы можемъ только искренно желать, чтобы здоровье и силы позволили ему довести до конца начатыя работы и обогатить русскую науку новыми изслѣдованіями.

† 25-го декабря, въ Парижѣ, князь **Николай Максимиліановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій**, сынъ тетки Государя, великой княгини Маріи Николаевны, отъ брака ея съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ. Рожденіе герцога Николая Максимиліановича, 23-го іюля 1843 года, было большою семейною радостью для императора Николая I, котораго это былъ первый внукъ. Въ автобіографіи своего дѣтства и юношества, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» (май, 1890 г.), герцогъ описываетъ теплое участіе, которое покойный императоръ принималъ въ воспитаніи ребенка, стараясь дать ему военное направленіе. Умирая, Николай I благословилъ его и братьевъ, сказавъ: «Служите вѣрно». Къ сожалѣнію, здоровье герцога съ дѣтства было весьма слабое, а неудачныя операціи съ ногою еще усилили эту слабость, такъ что почти до двадцатилѣтняго возроста герцогъ непрерывно лечился здѣсь и за границею. Слабость здоровья не помѣшала однако покойному получить весьма основательное образованіе. Великая княгиня Марія Николаевна была очень образована и тонкая цѣнительница искусствъ, предсѣдательствуя въ Академіи Художествъ. Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій былъ человѣкъ также разносторонняго образованія. Онъ принималъ горячее участіе въ постройкѣ первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, завѣдывалъ институтомъ корпуса горныхъ инженеровъ, его покровительству и участію обязаны своимъ началомъ гальванопластика и строеніе паровозовъ въ Россіи.

Подъ вліяніемъ первоклассныхъ учителей и профессоровъ, изъ которыхъ, по собственному заявленію герцога «громадное вліяніе на его умственное развитіе» имѣлъ покойный химикъ Н. Н. Зининъ, — молодой герцогъ сдѣлался не только образованнымъ, но и ученымъ человѣкомъ. Минералогія была его любимою наукою: онъ съ жаромъ занимался ею подъ руководствомъ извѣстнаго минералога Н. И. Кокшарова, собралъ замѣчательную коллекцію минераловъ и сдѣлалъ и напечаталъ нѣсколько любопытныхъ изслѣдованій разныхъ минераловъ: брукита, лейхтенбергита, берилла, кочубеита и проч. Избранный въ 1865 году президентомъ Минералогическаго Общества, герцогъ совершенно обновилъ и оживилъ это учрежденіе. Онъ сдѣлалъ его изъ нѣмецкаго русскимъ ученымъ учрежденіемъ и далъ болѣе практическій характеръ трудамъ Общества. Кромѣ занятій минералогіей, Минералогическое Общество предприняло рядъ систематическихъ геологическихъ изслѣдованій на счетъ средствъ, исходатайствованныхъ покойнымъ у правительства. Эти изслѣдованія будутъ и впредь продолжаться. Изданія Общества были совершенно преобразованы, кромѣ того, учреждены преміи за лучшія сочиненія по геологіи, палеонтологіи и минералогіи, медали и пр.

Не ограничивая своего вниманія Минералогическимъ Обществомъ, герцогъ принималъ участіе въ трудахъ Академіи Наукъ, въ которой состоялъ почетнымъ членомъ. При его содѣйствіи задумана была прочная организація геологическихъ работъ въ Россіи, что привело затѣмъ къ учрежденію геологическаго комитета при горномъ департаментѣ.

Въ томъ же 1865 году произведенный въ генералъ-маіоры, герцогъ

былъ, по примѣру отца своего, назначенъ членомъ горнаго совѣта и ученаго комитета. Въ званіи членовъ этихъ учрежденій герцогъ принималъ постоянное участіе въ засѣданіяхъ, близко интересовался дѣлами и подавалъ голосъ съ большою независимостью.

Для лучшаго ознакомленія съ положеніемъ нашего горнаго дѣла, его высочество сдѣлалъ лѣтомъ 1866 года поѣздку на Уралъ, причемъ осмотрѣлъ всѣ важнѣйшіе казенные и частные горные заводы, а также оренбургскіе золотые промыслы. Результатомъ этой поѣзки былъ отчетъ, указывавшій на различные недостатки въ горномъ управленіи и законодательствѣ. Отчетъ этотъ былъ разсмотрѣнъ по резолюціямъ Александра II въ горномъ совѣтѣ и послужилъ началомъ для важныхъ по горной части мѣропріятій, между прочимъ для сбавки горныхъ податей и для продажи нѣкоторыхъ казенныхъ заводовъ въ частныя руки. Подъ предсѣдательствомъ герцога была образована также особая комиссія для разсмотрѣнія вопроса объ уничтоженіи откупа нефти на Кавказѣ. Комиссія эта выработала правила о нефтяномъ производствѣ, утвержденныя въ 1872 году и составляющія до сихъ поръ дѣйствующее по нефтяной части законодательство; только отдѣлъ объ акцизѣ съ фотогена подвергся существеннымъ измѣненіямъ.

Въ обществѣ ходили слухи, что для его высочества подготовляется въ будущемъ постъ министра промышленности и торговли, но въ 1871 году по семейнымъ обстоятельствамъ герцогъ оставилъ Россію и жилъ за границею. Онъ вернулся оттуда, чтобы принять участіе въ послѣдней турецкой войнѣ. Его высочество командовалъ бригадою гусаръ и, между прочимъ, начальствовалъ кавалеріей въ отрядѣ генерала Гурко, перешедшей Балканы. Экспедиція эта, окончившаяся неудачно, подвергалась, какъ извѣстно, огромной опасности. За свое мужество герцогъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Братья его высочества также отличились въ эту войну: герцогъ Евгеній Максимиліановичъ командовалъ съ успѣхомъ кавалерійскими отрядами, а герцогъ Сергѣй Максимиліановичъ палъ на полѣ битвы, сраженный турецкою пулею.

Послѣ войны герцогъ Николай Максимиліановичъ по болѣзни уже жилъ постоянно за границею съ супругою своею графинею Надеждою Сергѣевною Богарне, урожденною Анненковою, и только однажды вернулся въ Россію, въ маѣ прошлаго года, чтобы принять участіе въ торжествѣ, устроенномъ Минералогическимъ Обществомъ по случаю двадцатипятилѣтія президентства его высочества. Въ день юбилея состоялось большое торжество, сопровождавшееся парадными обѣдомъ. Государь наградилъ герцога за ученыя заслуги чиномъ генералъ-отъ-кавалеріи и званіемъ генералъ-адъютанта.

Теплый пріемъ, оказанный ему въ С.-Петербургѣ, тронулъ покойнаго и онъ высказывалъ желаніе поселиться здѣсь и вернуться къ своимъ прежнимъ занятіямъ. Онъ принималъ даже участіе въ засѣданіяхъ въ горномъ совѣтѣ. Но судьба рѣшила иначе. Ракъ въ горлѣ пресѣкъ жизнь его высочества на сорокъ седьмомъ году, послѣ ужасныхъ страданій.

Наружностью и характеромъ покойный напоминалъ своего дѣда, знаменитаго принца Евгенія, вице-короля итальянскаго. Это былъ въ полномъ словѣ рыцарь, единственный изъ маршаловъ Наполеона, оставшійся ему вѣрнымъ до конца, при всѣхъ превратностяхъ судьбы, и заслужившій уваженіе именно за эту благородную черту своего характера. Въ характерѣ герцога Николая Максимиліановича преобладала такая же рыцарская черта. Она и дала, при чрезвычайной мягкости его характера, направленіе всей его жизни. Это былъ идеалистъ въ полномъ смыслѣ слова. Отличаясь въ высшей степени добрымъ, любезнымъ и привѣтливымъ обращеніемъ, герцогъ во всѣхъ его знавшихъ вселялъ любовь къ себѣ. Простота и до-

ступность его невольно очаровывали и преждевременная смерть его вызвала искреннія сожалѣнія въ русскомъ обществѣ.

† Въ ночь съ 26-го на 27-е декабря, послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій, **Никаноръ**, архіепископъ херсонскій и одесскій. Онъ былъ замѣчательный ученый, неутомимый проповѣдникъ и дѣятельнѣйшій администраторъ. Его ученые труды займутъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ области богословскихъ наукъ: его проповѣди, касавшіяся преимущественно язвъ нашей общественной и религіозной жизни, производили глубокое вліяніе, его энергичная административная дѣятельность, особенно въ отношеніи церковнаго благочинія и благоустройства, а также развитія дѣла церковно-приходскихъ школъ, и въ настоящее уже время сказалась положительными результатами. Никаноръ (Бровковичъ), уроженецъ Могилевской губерніи, высшее образованіе получилъ въ Петербургской духовной академіи со степенью магистра въ 1852 г., но уже въ 1850 г., еще студентомъ, былъ постриженъ въ монашество. Съ 1856 по 1868 годъ, въ санѣ архимандрита, онъ занималъ должность ректора духовныхъ семинарій: рижской, саратовской и полоцкой, а съ 1868 по 1871 годъ былъ ректоромъ Казанской духовной академіи. Въ 1869 г. получилъ степень доктора богословія, Съ 1871 г. состоялъ въ санѣ епископа, сперва аксайской, затѣмъ уфимской и, наконецъ, херсонской епархіи, гдѣ и былъ возведенъ въ 1886 г. въ санъ архіепископа. Изъ ученыхъ трудовъ его особенно замѣчательно обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Позитивная философія и сверхчувственное бытіе», въ трехъ томахъ, гдѣ ученый богословъ отважно рѣшился на задачу, свидѣтельствующую, сколько объ огромныхъ его дарованіяхъ, столько же и объ его глубокой эрудиціи: онъ задумалъ опровергнуть и, гдѣ возможно, примирить основанія позитивной философіи съ началами вѣры. Проповѣди Никанора издаются уже третьимъ изданіемъ; по настоящее время вышло четыре обширныхъ тома, пятый же томъ (за корректурою котораго и скончался преосвященный) будетъ уже посмертнымъ изданіемъ. Въ проповѣдяхъ своихъ Никаноръ, съ особенною живостію отзываясь на всѣ движенія религіозной жизни послѣдняго времени, является неустаннымъ и непоколебимымъ борцомъ за церковь и за все народное.

† 5-го декабря, въ своемъ имѣніи Фуниково-Рожествино, Тульской губерніи, извѣстный лексикографъ и писатель Николай Петровичъ Макаровъ. Покойный родился 4-го февраля 1810 г. въ Чухломѣ, гдѣ отецъ его былъ исправникомъ. Въ 1823 г. Н. П. былъ вызванъ дядей своимъ В. М. Мичуринымъ, жившимъ въ Варшавѣ, гдѣ вскорѣ опредѣленъ подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Въ 1830 г. во время вспыхнувшаго въ Польшѣ мятежа, Н. П., въ числѣ другихъ русскихъ, былъ задержанъ какъ военноплѣнный и получилъ свободу только по взятіи Паскевичемъ Варшавы. Это событіе изъ его жизни описано имъ въ статьѣ «Воспоминанія военноплѣннаго офицера», напечатанной въ «Военномъ Сборникѣ» 1862 г. Въ 1837 г. Н. П. женился на дочери помѣщика Волтиной и перешелъ въ Рижскій драгунскій полкъ, а въ 1838 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора. Въ 1844 г., потерявъ жену, Н. П. поступилъ на службу къ В. А. Кокореву, но экспансивная, страстная натура его не могла долго ужиться съ расчетливымъ и холоднымъ комерсантомъ; въ 1852 г. между ними произошелъ полный разрывъ, а въ 1859 г. Н. П. напечаталъ въ «Современникѣ» грозную, обличительную статью противъ Кокорева, подъ заглавіемъ «Задушевная исповѣдь». Въ 1851 г. Н. П. ѣздилъ за границу съ цѣлью усовершенствованія своего любимаго инструмента, — гитары, на которой игралъ превосходно и для которой написалъ много композицій. Въ 1860 г. онъ поселился въ Тульской деревнѣ, полученной имъ въ приданое за второй женой, рожденной Богаевской. Отсюда онъ посылалъ статьи, касающіяся мировыхъ и другихъ общественныхъ учрежденій въ «Русскій Инвалидъ», «Сѣверную Пчелу» и др.

изданія, писалъ корреспонденціи въ «Голосъ» и издалъ три обличительно-сатирическихъ романа, подъ псевдонимомъ Трехзвѣдочкина: «Банкъ тщеславія», «Двѣ сестрички» и «Побѣда надъ самодурами»; послѣдній романъ вызвалъ ожесточенную полемику между Н. П. и покойнымъ Д. И. Писаревымъ. Всѣ названныя произведенія не только не имѣли никакого успѣха, но расходы на ихъ печатаніе совершенно разстроили небольшое состояніе Н. П. Тогда (въ 1863 г.) онъ принялся за свой первый лексикографическій трудъ «Полный русско-французскій словарь» который окончилъ въ 1866 г. Средствъ на печатаніе этого обширнаго труда у Н. П. не было и онъ появился въ свѣтъ лишь благодаря содержателю типографіи Неклюдову, отпечатавшему его въ кредитъ. Съ 1868 по 1872 г. Н. П. работалъ надъ составленіемъ «Полнаго французско-русскаго словаря» и тщетно обращался за помощью для его изданія къ извѣстному Солдатенкову и другимъ «меценатамъ», отвѣчавшимъ ему грубымъ отказомъ. Тогда онъ прибѣгнулъ къ министру народнаго просвѣщенія, графу Д. А. Толстому, и по его ходатайству, получилъ отъ государя императора 4,000 руб., обезпечившихъ изданіе второго словаря. Этимъ дѣятельность Н. П. не ограничилась: въ 1874 г. онъ издалъ «Международные словари» для учебныхъ заведеній и «Нѣмецко-русскій словарь». Въ награду за свои лексикографическіе труды Н. П. былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени. Въ 1878 г. онъ составилъ «Энциклопедію ума или словарь избранныхъ мыслей» за тѣмъ «Латинскія, итальянскія и англійскія пословицы и поговорки», и написалъ три беллетристическія произведенія: «Три бичующія сатиры», «Мои семидесятилѣтнія воспоминанія» (1882 г.) и «Калейдоскопъ» (1883 г.). Эти беллетристическія произведенія также, какъ и прежнія, не имѣли успѣха, а «Воспоминанія» вызвали даже, впрочемъ, вполнѣ заслуженныя, насмѣшки Въ 1881 г. Н. П. вмѣстѣ съ нѣсколькими литераторами основалъ литературное общество подъ названіемъ «Пушкинское Собраніе» и былъ выбранъ его предсѣдателемъ, но это общество существовало всего одинъ годъ. Послѣдніе годы своей жизни Н. П., одержимый старческими недугами, провелъ безвыѣздно въ деревнѣ, нетерпѣливо ожидая кончины, и постоянно говоря окружающимъ: «каждый день молю Бога о скорой смерти; страшно надоѣла мнѣ жизнь».

Какъ человѣкъ, Н. П. былъ въ высшей степени добрый, горячій, увлекающійся и довѣрчивый до такой степени, что всякій ловкій человѣкъ легко его обманывалъ; онъ былъ наивенъ, какъ ребенокъ, и растрачивалъ свои средства на всевозможныхъ эксплуатаровъ и проходимцевъ. Какъ беллетристъ, Н. П. былъ не лишенъ нѣкотораго таланта, но странныя, ложныя и отсталыя понятія, которыя онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ, создали ему весьма незавидную литературную репутацію.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Древности Пафнутьева монастыря.

Прочитавъ въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1890 годъ статью г. Пыляева «Историческіе колокола», я въ ней не нашелъ указанія на существованіе одного колокола, который лѣтами своими превосходитъ всѣ перечисленные г. Пыляевымъ колокола. При быстромъ исчезаніи, благодаря невѣжеству, предметовъ сѣдой старины, указаніе только на мѣстонахожденіе какого-либо стариннаго замѣчательнаго предмета лежитъ на обязанности каждаго интересующагося прошлымъ своего отечества.

Вотъ почему думаю, что моя замѣтка не будетъ излишней для сохраненія на будущее время памяти о тѣхъ предметахъ, описанія которыхъ хотя и существуютъ, но въ такихъ изданіяхъ, которыя или совсѣмъ не встрѣчаются въ продажѣ или расходятся въ маломъ количествѣ среди только извѣстной публики, какъ, напримѣръ, описанія монастырей, церквей и пр.

Близь уѣзднаго города Калужской губерніи, Боровска, находится Пафнутьевъ монастырь, основанный преподобнымъ Пафнутіемъ въ 1444 году. Монастырь этотъ, изъ котораго вышли такія извѣстныя въ церковной русской исторіи лица, какъ Макарій архіепископъ новгородскій, Іосифъ Волоколамскій, Вассіанъ архіепископъ ростовскій, и который въ настоящее время почти забытъ, въ стѣнахъ своихъ сохраняетъ немало памятниковъ, достойныхъ занять не послѣднее мѣсто по своей древности, по искусству работы и по личностямъ, принесшимъ ихъ въ даръ монастырю. Въ короткой замѣткѣ я не могу, понятно, распространяться объ этихъ древностяхъ, а укажу только нѣкоторыя изъ нихъ.

На монастырской колокольнѣ виситъ небольшой колоколъ пудовъ въ 20-ть, некрасивый своею формою, ушки его не вылиты вмѣстѣ съ колоколомъ, но послѣ отливки были ввинчены или всверлены. Вокругъ колокола почти посрединѣ его надпись славянскою вязью: «Лѣта 6996 (1488) мѣсяца октобря 10 дня здѣланъ бысть сей колоколъ Крождеству Святыя Богородица Фпафнотіевъ Монастырь при Благоверномъ Великомъ Князи Іване Васілевіче всея Руси і при его сыну Благоверномъ Великомъ Князи Іване Івановиче і при Священнымъ Архіепискупѣ Геронтие всея Русиа повелѣниемъ раба Божія Ігумена Арсения еже о Христе всея Братіи. А дѣлалъ Федько-Пушечникъ».

Изъ другихъ предметовъ, заслуживающихъ вниманія, укажу на два покрова съ изображеніемъ преподобнаго Пафнутія: одно зеленаго штофа съ надписью вязаными буквами «въ лѣто 7038 (1530) повѣленіемъ Василія Божіею Милостію Господаря всея Руси и Великаго Князя Володимерскаго и Московскаго и Новгродскаго и Псковскаго и Смоленскаго и Тверскаго и Огорскаго и Пермскаго и Волгарскаго и иныхъ сдѣланъ бысть покровъ сіи въ 24-е лѣто Государства Его и при Его великой Княгинѣ Еленѣ» и другое такого же штофа съ надписью вязью вышитыми буквами «въ лѣто 7083 (1575) Марта въ 5 день сдѣланъ покровъ сей при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси и при Его царицѣ и великой княгини Аннѣ и при Ея Благородныхъ чадѣхъ Иванѣ Ивановичѣ и при Его Царицѣ Княгинѣ Өедосьи и при благородномъ Царевичѣ Князѣ Өедорѣ и при Его Царицѣ Княгинѣ Иринѣ повелѣніемъ Царевича Ивана Ивановича и Его Царицы Княгини Өедосьи».

Замѣчательны также плащаницы, принесенныя въ даръ Василіемъ Яковлевичемъ Щелкановымъ въ 1598 году, и Евангеліе, писанное уставомъ въ 1533 году, даръ постриженника монастыря Макарія архіепископа Новгородскаго. Замѣтимъ, что въ 30 годахъ монастырь этотъ былъ посѣщенъ П. М. Строевымъ и имъ же былъ составленъ каталогъ монастырской библіотеки, нынѣ приготовляемый къ изданію почтеннымъ нашимъ ученымъ Н. П. Барсуковымъ.

Николай Феттеръ.

II.

По поводу историческихъ романовъ.

Въ послѣднее время, наши дешевые журналы и газеты переполняются оригинальными историческими романами,—историческими только по названію, а не по содержанію, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ни историческихъ характеровъ, ни знанія быта, ни художественнаго таланта, а есть только гру-

бое искаженіе русской исторіи и опошленіе ея выдающихся дѣятелей. Такое печальное явленіе объясняется очень просто. У насъ постоянно плодятся грошовыя изданія, съ грошовыми преміями и приложеніями, издаваемыя лицами, не имѣющими никакого отношенія къ литературѣ и видящими въ ней лишь способъ къ легкой наживѣ и эксплуатаціи довѣрчивыхъ и мало развитыхъ читателей. Для этихъ литературныхъ лавочекъ нужна, разумѣется, масса литературнаго товара, изъ котораго самый ходкій и заманчивый,— это историческій романъ. И вотъ, чтобы удовлетворить возростающій спросъ литературнаго рынка, досужіе люди, безъ всякой предварительной подготовки, безъ знакомства съ старинной жизнью и обычаями, при отсутствіи всякаго литературнаго дарованія, берутся за сочиненіе историческихъ романовъ. Канвой для подобнаго рода произведеній служитъ обыкновенно, какой-нибудь случайно вычитанный историческій анекдотъ, который и растягивается на цѣлые листы. Здѣсь все перепутано: и историческія событія, и хронологія, и историческія лица; но такое искаженіе исторіи имѣетъ легкій сбытъ, потому что невѣжественные издатели не въ состояніи сдѣлать оцѣнку предлагаемаго имъ историческаго винигрета и охотно пріобрѣтаютъ его, иногда за большія деньги. Къ сожалѣнію, не однѣ только бездарности, но и нѣкоторые талантливые писатели наши поддаются этому теченію. Просматривая объявленія разныхъ журналовъ и газетъ о подпискѣ, невольно изумляешься, напримѣръ, плодовитости извѣстнаго романиста графа Е. А. Саліаса. Его историческіе романы и повѣсти появляются одновременно въ нѣсколькихъ изданіяхъ, не исключая даже двухъ-рублеваго листка «Царь колоколъ». Писать въ одно и то же время пять, шесть, историческихъ романовъ,—искусство, по истинѣ, необычайное и поразительное! До него не достигалъ даже такой скорописецъ, какъ покойный Александръ Дюма. По этому поводу намъ доставлена не лишенная остроумія сатирическая замѣтка въ стихахъ, которую мы помѣщаемъ въ увѣренности, что уважаемый графъ Е. А. Саліасъ добродушно отнесется къ этой невинной шуткѣ:

«Засальяснлись» газеты
И журналы и листки...
Всюду древнихъ лѣтъ завѣты
Дали всходы и ростки...
Всѣ дѣла былыхъ столѣтій
Процѣдивъ сквозь свѣтлый умъ,
Графъ — романъ, другой и третій
Пишетъ смаху, наобумъ!
Про дьяковъ и басурмановъ
Началъ десять повѣстей
И одиннадцать романовъ,
По пятнадцати частей!
Въ новый годъ графъ всѣ изданья
Старой Руси подчинилъ;
Написавъ одни названья,
Полъ-ведра извелъ чернилъ.
Подивитесь же всѣ страны,
Изумись, журнальный міръ,
Какъ печетъ у насъ романы
Графъ Сальясъ де-Турнемиръ!!!

НАШИ ГУБЕРНСКІЯ АРХИВНЫЯ КОМИССІИ [1].

ВАЖНОСТЬ сохраненія документальныхъ источниковъ исторіи, всякаго рода офиціальныхъ актовъ, неоспорима. Знакомство съ послѣдними трудами по общей русской исторіи, по исторіи права, доказываетъ, что всѣ новые выводы и обобщенія, такъ далеко двинувшіе впередъ разработку нашей исторіи, явились только благодаря найденнымъ и приведеннымъ въ извѣстность актамъ. Въ особенности это нужно сказать о трудахъ, касающихся организаціи Московскаго государства, исторіи крестьянства, земскихъ соборовъ, исторіи XVIII вѣка. То же мы видимъ и въ работахъ по исторіи Южной Россіи. Предисловія къ изданіямъ актовъ Кіевской Археологической Комиссіи, основанныя почти исключительно на публикуемыхъ актахъ, представляютъ собою капитальныя изслѣдованія о положеніи казачества, церкви, крестьянъ, городовъ и т. д. Южной Россіи. Такое значеніе актовъ вызываетъ необходимость, чтобы архивныя сокровища, изъ которыхъ черпали и черпаютъ щедрою рукою изслѣдователи, приведены

---

[1]) Желающихъ ближе ознакомиться съ дѣятельностью архивныхъ комиссій, отсылаемъ прежде всего къ изданіямъ ихъ, указаннымъ въ настоящей статьѣ. Объ открытіи и дѣятельности первыхъ четырехъ комиссій помѣщены статьи въ «Вѣстн. Археол. и Ист.» (вып. 1, 2 и 3). Открытію Нижегородской комиссіи посвящена «Историческая записка», составленная А. С. Гацискимъ. Общіе годовые отчеты о дѣятельности архивныхъ комиссій директора Археологическаго Института И. Е. Андреевскаго помѣщены въ «Вѣстн. Арх. и Ист.» 1888 г. вып. 7-й; въ «Русск. Стар.» 1887 г. № 11; 1888 г. № 12; 1889 г. № 12 и 1890 г. № 11. О Рязанской Ком. есть статья М. И. Семевскаго въ «Русской Старинѣ» 1887 г. № 4. Офиціальные документы объ учрежденіи архивныхъ комиссій и губернскихъ историческихъ архивовъ напечатаны въ 1 вып. «Вѣстн. Арх. и Ист.» 1885 г., а также въ «Историч. запискѣ» А. С. Гацискаго. Авторъ настоящей статьи знакомъ съ изданіями только девяти комиссій, о дѣятельности Пермской комиссіи знаетъ только по отчету проф. И. Е. Андреевскаго. Дѣятельность Ярославской и Калужской комиссій еще не выяснилась.

были въ возможно большій порядокъ и безопасность. Къ сожалѣнію, у насъ до недавняго времени только главные и центральные архивы были поставлены въ благопріятныя условія, въ архивахъ же губернскихъ масса документовъ гибла и гибнетъ теперь отъ пожаровъ и расхищенія. Такъ, въ послѣдніе годы пожары истребили многіе архивы въ Сибири; Орловская и Таврическая архивныя комиссіи заявляютъ, что весьма многое, значащееся въ описяхъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ, уничтожено огнемъ. Приведенные примѣры далеко не единичные случаи.

Правда, начиная съ Петра Великаго, издавались указы о заботливомъ отношеніи ко всякаго рода древностямъ, а въ частности къ рукописнымъ сокровищамъ [1]). Въ 1731 году, напримѣръ, послѣдовалъ сенатскій указъ о постройкѣ въ губерніяхъ и провинціяхъ каменныхъ палатъ со сводами и каменными полами для храненія старыхъ дѣлъ и денежной казны. Во все царствованіе Екатерины II издаются указы о назначеніи въ архиваріусы надежныхъ людей, объ устройствѣ архивовъ, о порядкѣ храненія дѣлъ, о порядкѣ сдачи ихъ въ Государственный Архивъ изъ уничтоженныхъ присутственныхъ мѣстъ. Съ XIX вѣка, съ образованія первыхъ ученыхъ историческихъ обществъ, появляются первыя ученыя описанія архивовъ, старинныхъ документовъ. Учреждаются особыя археографическія экспедиціи, комиссіи, не только въ столицахъ, но и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, проявившія энергическую дѣятельность съ пятидесятыхъ годовъ. Въ послѣднее время настала очередь разбора и приведенія въ порядокъ провинціальныхъ архивовъ.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей по постановкѣ архивовѣдѣнія на подобающую высоту справедливо считается покойный сенаторъ Н. В. Калачовъ, основатель Археологическаго Института и авторъ статьи «Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство» [2]). Одною изъ важныхъ его заслугъ была иниціатива учрежденія ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій. Въ 1884 году Академія Наукъ, при дѣятельномъ участіи своего президента, графа Д. А. Толстого, высказалась за необходимость губернскихъ архивныхъ комиссій, а 12-го апрѣля послѣдовало Высочайшее утвержденіе положенія о нихъ. Самъ Калачовъ успѣлъ открыть въ 1884 г. комиссіи въ Твери, Рязани, Тамбовѣ, Орлѣ, и въ 1885 году въ Костромѣ. Много хлопоталъ онъ также объ основаніи задуманныхъ имъ учрежденій въ Нижнемъ Новгородѣ и Саратовѣ, но въ этихъ городахъ комиссіи были открыты уже послѣ его смерти, въ 1887 году. Въ этомъ же году начали свою дѣятельность Оренбургская и Таврическая архивныя комиссіи, къ которымъ въ 1888 году присоединилась Пермская, въ 1889 году Ярославская и въ 1890 году Калужская. Такимъ образомъ, въ настоящее время дѣйствуютъ 12 комиссій, т. е. въ теченіе шести лѣтъ число ихъ утроилось. Изъ факта такого развитія новыхъ ученыхъ обществъ и твердаго устойчиваго положенія большинства ихъ, видно, что наше общество сознаетъ необходимость подобнаго рода учрежденій, тѣмъ болѣе, что оно само, въ виду малаго обезпеченія комиссій, должно идти имъ на помощь не только безвозмезднымъ трудомъ, но и матеріальной поддержкой.

---

[1]) Указы эти собраны въ статьѣ г. Данилова «Правительств. распоряженія относительно отечественныхъ древностей съ императора Петра I, особенно въ царствованіе импер. Александра II» въ «Вѣстн. Арх. и Ист.» 1886 г. вып. VI.

[2]) «Сборникъ государствен. знаній», т. IV. Спб. 1877 г. и отдѣльно.

Ученыя архивныя комиссіи имѣютъ цѣлью, главнымъ образомъ, «разборъ дѣлъ, предназначенныхъ въ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которыя по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи подлежатъ передачѣ для храненія въ историческій архивъ». Независимо отъ этого, комиссіи могутъ включать въ кругъ своихъ занятій ознакомленіе съ мѣстными древностями.

И въ томъ, и въ другомъ отношеніи архивныя комиссіи за истекшіе 6 лѣтъ своей дѣятельности сдѣлали не мало.

Прежде всего были приведены въ извѣстность архивы присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ предстояло разсмотрѣть и выдѣлить для историческагѡ архива дѣла. Разборъ документовъ производится очень удачно и скоро, не смотря на то, что вначалѣ высказывались предположенія о медленности хода работъ, вслѣдствіе непривычки разбирать старинные почерки. Къ сожалѣнію, изъ массы просмотрѣнныхъ дѣлъ (теперь десятки тысячъ въ старѣйшихъ комиссіяхъ) приходится оставлять весьма немного [1]). Большинство этихъ дѣлъ относится къ XVIII и началу XIX вѣка. Это, главнымъ образомъ, рѣшенія изъ практики дореформенныхъ судовъ, дѣла губернскихъ и провинціальныхъ канцелярій, магистратовъ городовъ, консисторій и т. д. Они обрисовываютъ довольно ярко провинціальный бытъ преимущественно прошлаго столѣтія; поэтому небольшія изслѣдованія на основаніи разобранныхъ документовъ имѣютъ нѣкоторый общій интересъ. Позволимъ себѣ перечислить нѣкоторыя болѣе выдающіяся изъ этихъ работъ: «Тверскіе филантропы XVIII столѣтія» В. И. Колосова, «Объ участіи Рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ» А. Д. Повалишина, «Козловское малое народное училище» М. Г. Розанова, «Инородцы-помѣщики Керенскаго уѣзда въ XVIII в.» Г. П. Петерсона, «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные» А. Д. Повалишина, «О поселеніяхъ раскольниковъ въ предѣлахъ Таврической губерніи» А. Иванова», «Бытовыя картинки по архивнымъ дѣламъ» П. А. Дьяконова и др. Члены комиссій разбирали архивы монастырскіе, представляющіе также богатый матеріалъ для историка, (таковы, наприм., архивы Ипатскаго монастыря, Солотчинскаго, Мамонтовой пустыни и другихъ). Рядомъ съ этимъ идетъ составленіе описей историческихъ архивовъ. Руководствомъ комиссіямъ служатъ «Правила составленія губернскихъ историческихъ архивовъ, выработанныя Археологическимъ Институтомъ».

Не ограничиваясь мѣстными архивами, комиссіи вошли въ сношенія съ центральными Архивами Министерства Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ. Добрую услугу въ этомъ отношеніи многимъ комиссіямъ оказалъ библіотекарь Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ И. Ф. Токмаковъ, сообщающій списокъ матеріаловъ по археографіи извѣстнаго края, найденныхъ имъ въ названномъ архивѣ. Предсѣдатель Тамбовской комиссіи И. И. Дубасовъ лично и чрезъ письменныя сношенія извлекъ не мало документовъ изъ Архива Министерства Юстиціи. Управляющій этимъ архивомъ, Н. А. Поповъ, сообщилъ Тамбовской, Рязанской, Нижегородской, Тверской ко-

---

[1]) Вотъ примѣры, взятые на удачу: въ 1885 г. Тверск. ком. изъ 4,903 дѣлъ Вышневолоцк. уѣз. казнач. выдѣлила всего 250 дѣлъ, Рязан. ком. въ 1887 г. изъ 11,000 дѣлъ оставила въ Историч. Арх. 2,432 дѣла. Таврич. ком. въ 1889 году изъ 8,389 дѣлъ упраздненныхъ судебн. учрежд. 236, въ 1885 году Тамбовск. ком. изъ 2,800 дѣлъ Кирсанов. полиц. управ. оставила 165 дѣлъ, и т. д.

миссіямъ указатель хранящихся въ Архивѣ дѣлъ, которыя относятся къ району ихъ дѣятельности. Въ 1887 г. министръ юстиціи разрѣшилъ отсылку въ комиссіи дѣлъ Сенатскаго Архива, предназначенныхъ къ уничтоженію. Кромѣ того, нѣкоторыми мѣстными дѣятелями исходатайствовано разрѣшеніе для занятій въ архивахъ сосѣднихъ губерній.

Общество не осталось глухимъ къ дѣятельности архивистовъ. Уже въ 1884 и 1885 годахъ членамъ комиссій были предоставлены нѣкоторыми частными лицами занятія въ ихъ семейныхъ архивахъ, причемъ иногда болѣе интересные документы были ими приносимы въ даръ комиссіямъ. Ежегодно въ архивы и музеи нашихъ ученыхъ обществъ поступаютъ какъ цѣлые небольшіе частные архивы, такъ и жертвуемые разными лицами отдѣльные документы, письма историческихъ дѣятелей, крѣпостные акты, рукописныя описанія древностей края, рѣдкіе автографы, челобитья, писцовыя книги и т. д. Многіе изъ этихъ документовъ относятся къ XVI, XVII и XVIII вѣкамъ. Они представляютъ, судя, напримѣръ, по напечатаннымъ въ «Трудахъ Орлов. Комиссіи», цѣнный матеріалъ для исторіи крестьянства, помѣщичьяго быта XVII и XVIII в. и т. п. Вообще, образованные архивными комиссіями губернскіе историческіе архивы, безъ сомнѣнія, уже и теперь заключаютъ въ себѣ не мало цѣнныхъ документовъ. Къ сожалѣнію, вопросъ о помѣщеніи для историческихъ архивовъ далеко невездѣ рѣшенъ удовлетворительно.

Ознакомленіе съ древностями той или другой губерніи вызвало основаніе музеевъ. Самымъ богатымъ, но возникшимъ гораздо раньше архивной комиссіи, по справедливости признается Тверской музей, много обязанный своимъ развитіемъ предсѣдателю Тверской комиссіи А. К. Жизневскому. Послѣдній издалъ роскошное описаніе Тверскаго музея, имъ же издаются и ежегодные обзоры: «Тверской музей и его пріобрѣтенія за минувшій годъ». Остальные музеи явились исключительно благодаря архивнымъ комиссіямъ. Уже въ 1884 г. положено было основаніе музея Тамбовскаго (состоявшаго изъ четырехъ отдѣловъ: рукописей, живописи, нумизматическаго и палеонтологическаго). Музей этотъ ежегодно и замѣтно обогащается. Въ 1889 году составлено описаніе его П. А. Дьяконовымъ (съ раздѣленіемъ на 7 отдѣловъ). Рязанскій музей одинъ изъ богатѣйшихъ, часть его была на выставкѣ послѣдняго археологическаго съѣзда [1]). Въ послѣднее время развиваются музеи Нижегородскій и Саратовскій. Основанный всего въ 1888 году Таврическій (Севастопольскій) музей занялъ уже довольно видное мѣсто, благодаря богатству Крымскаго полуострова въ археологическомъ отношеніи. (Къ 1-му января 1890 года въ музеѣ считалось уже около 1,600 предметовъ и монетъ). Гораздо слабѣе пополняется Орловскій музей, Пермскій едва только зарождается. Для обогащенія музеевъ нѣкоторыя комиссіи, не довольствуясь одними пожертвованіями, пріобрѣтаютъ предметы древности на собственныя средства.

Рязанская, Таврическая и Саратовская комиссіи, независимо отъ этого, производили раскопки. Такъ, въ 1886 году А. В. Селивановъ, произведшій раскопки въ гор. Касимовѣ, нашелъ нѣсколько надгробныхъ надписей, довольно важныхъ для исторіи Касимовскаго царства; въ 1887 и слѣдующихъ

[1]) Есть «Краткій каталогъ Рязанскаго музея» (отдѣлъ I, археологическій), составленный А. В. Селивановымъ, 1889 г.

годахъ имъ же производились раскопки на мѣстѣ старой Рязани, давшія не мало находокъ. Производились раскопки и въ другихъ мѣстахъ разными лицами (гг. Важеновымъ, Протасьевымъ, Галаховымъ и др.). Саратовская комиссія въ 1888 году организовала экскурсію подъ руководствомъ своего предсѣдателя А. А. Тилло для раскопокъ близь посада Дубовки. Въ 1889 году г. Краснодубровскимъ произведена раскопка въ Сердобскомъ уѣздѣ. Тамбовская комиссія не разъ оказывала содѣйствіе нѣкоторымъ лицамъ въ археологическихъ предпріятіяхъ. Особенно много отчетовъ и замѣтокъ о раскопкахъ, какъ членовъ комиссіи, такъ и другихъ лицъ, появляется на страницахъ «Извѣстій» Таврической архивной комиссіи, иногда съ изображеніями найденныхъ вещей, и греческихъ надписей. (Таковы статьи гг. Ар. Маркевича, Хр. Ящуржинскаго, А. Стивена и другихъ). Для ознакомленія членовъ комиссій съ пріемами научныхъ раскопокъ, названными комиссіями напечатана была программа, составленная проф. Самоквасовымъ. Вопросъ объ археологическихъ губернскихъ картахъ обсуждался нѣкоторыми комиссіями. Гг. Проскурниковымъ и Розановымъ уже составлена археологическая карта Тамбовской губерніи, съ объяснительной запиской къ ней. Въ Саратовской комиссіи предложеніе объ археологической картѣ внесъ г. Косичъ (губернаторъ и непремѣнный попечитель комиссіи). Надъ Нижегородской археологической картой трудится г. Гацискій. Костромская комиссія собрала свѣдѣнія о нѣкоторыхъ памятникахъ старины (обработанныя г. Херсонскимъ) и о доисторическихъ древностяхъ Костромской губ. (курганахъ, городищахъ и т. п.) и напечатала ихъ въ 1-мъ выпускѣ «Костромской Старины». Нѣкоторыя комиссіи считаютъ своею обязанностью принятіе мѣръ къ охраненію предметовъ древности. Такъ, Рязанская въ 1886 году выхлопотала у мѣстнаго епархіальнаго начальства два распоряженія: 1) чтобы передѣлка церквей, построенныхъ ранѣе XVIII вѣка, разрѣшалась не иначе, какъ по предварительному соглашенію съ комиссіей (при чемъ былъ составленъ и провѣренъ списокъ такихъ церквей), и 2) чтобы реставрація древнихъ иконъ производилась также съ разрѣшенія комиссіи, которая принимаетъ на себя посредничество въ пріисканіи опытныхъ художниковъ. На практикѣ уже не разъ возбуждались вопросы о подобныхъ перестройкахъ и реставраціяхъ. Заботы объ охраненіи предметовъ древности приняла на себя и комиссія Таврическая, констатирующая тотъ фактъ, что они съ каждымъ годомъ уничтожаются невѣжественными людьми. Въ 1889 году на это же обратила вниманіе и Орловская комиссія.

На ряду съ музеями, стали образовываться и библіотеки, какъ отъ частныхъ пожертвованій, такъ и отъ обмѣна съ изданіями ученыхъ обществъ. Въ большинствѣ случаевъ, провинціальные дѣятели выдѣляютъ и стараются пополнять мѣстный отдѣлъ. Во временное пользованіе предоставили свои собранія книгъ по мѣстной исторіи гг. Гацискій и Мельниковъ (въ Нижегородской комиссіи). Таврическая комиссія пользуется библіотекою губернской земской управы «Таврика». Въ Рязанскую библіотеку пожертвовалъ свое богатое собраніе книгъ по мѣстной исторіи (762 т.) г. Селивановъ, а также г. Добролюбовъ. Саратовская комиссія рѣшила обратиться къ спеціалистамъ съ просьбою указать списокъ книгъ, необходимыхъ для нея. Въ Тверской и Тамбовской библіотекахъ, кромѣ книгъ, находится не мало рукописей.

Въ началѣ своей дѣятельности Архивныя Комиссіи обыкновенно ограни-

чивались печатаніемъ своихъ протоколовъ и иногда въ приложеніяхъ къ нимъ документовъ и изслѣдованій. Съ теченіемъ времени, послѣдній отдѣлъ сталъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе, а выпуски изданій стали появляться извѣстное число разъ въ годъ. Такимъ образомъ, явились провинціальные историческіе журналы, печатающіе на ряду съ матеріалами и документами нерѣдко и весьма цѣнныя изслѣдованія, рефераты, мелкія замѣтки и т. д. Къ сожалѣнію, по недостатку мѣста, мы не можемъ перечислить даже важнѣйшія работы, помѣщенныя въ нихъ[1]), скажемъ только, что нѣкоторыя работы, особенно членовъ Тверской, Тамбовской, Рязанской, Таврической комиссій вызвали одобрительные отзывы спеціалистовъ и ученой критики.

Дѣятельность комиссій расширяется и становится оживленнѣе съ каждымъ годомъ. Большинство ихъ принимало участіе въ послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ, гдѣ ихъ депутаты вмѣстѣ съ депутатами отъ архивовъ и Археологическаго Института образовали особую археографическую секцію, на которой читались рефераты, близко касающіеся комиссій. Между прочимъ, А. Ѳ. Селивановъ прочиталъ рефератъ о дѣятельности архивныхъ комиссій, а гг. Лашковъ и А. В. Селивановъ въ своихъ докладахъ изобразили внѣшнюю сторону и характеръ дѣятельности ихъ. А. В. Селивановымъ былъ возбужденъ вопросъ объ общемъ уставѣ. Но большинство высказалось въ томъ смыслѣ, что нѣтъ необходимости въ изданіи особыхъ правилъ въ дополненіе къ существующему положенію, что изданіе общаго устава стѣснило бы молодыя учрежденія, какими являются комиссіи; если же старѣйшія изъ нихъ чувствуютъ недостатокъ въ такомъ уставѣ, то онѣ сами могутъ выработать программу, обязательную для своихъ членовъ, лишь бы только она не шла въ разрѣзъ съ существующимъ положеніемъ объ архивныхъ комиссіяхъ. — Археографическая секція постановила ходатайствовать объ утвержденіи общаго положенія, объ устройствѣ губернскихъ архивовъ всѣхъ вѣдомствъ, объ уничтоженіи дѣлъ и прочихъ вопросахъ архивовѣдѣнія, поручивъ выработать это положеніе Археологическому Институту. На страницахъ своихъ изданій архивныя комиссіи помѣстили нѣсколько замѣтокъ о характерѣ своей дѣятельности, а въ послѣднее время отчетовъ объ археологическомъ съѣздѣ. Самой замѣчательной изъ нихъ намъ кажется статья нынѣшняго предсѣдателя Саратовской Комиссіи кн. Голицына «Архивы и порядокъ ихъ разбора»[2]). По его мнѣнію, просмотръ описей архи-

---

[1]) Тамбовская Комиссія издала 28 выпусковъ «Извѣстій», Орловская 6 выпусковъ «Трудовъ» до 1890 г. и въ 1890 г.—3 выпуска; Рязанская напечатала пять томовъ «Трудовъ», выпуски которыхъ, въ послѣдніе годы, выходятъ ежемѣсячно; Нижегородская комиссія съ 1888 г. ежегодно выпускаетъ по 3 №№ своихъ «Дѣйствій»; Саратовская, кромѣ протоколовъ, напечатала 3 тома «Трудовъ»; Таврическая 10 выпусковъ «Извѣстій». Тверская Комиссія печатаетъ только «Журналы» съ извлеченіями изъ рефератовъ, самые же рефераты печатаются отдѣльными книжками. Труды членовъ Костромской Комиссіи появляются въ «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», съ 1890 г. вышелъ 1 выпускъ «Костромской Старины»; Оренбургская Комиссія печатаетъ свои протоколы и «Архивъ Оренбургскій» (бывшій) генералъ-губернаторскаго управленія (вышелъ 1 выпускъ). Кромѣ этихъ изданій, выходили отдѣльно каталоги музеевъ, описи архивовъ и т. п.

[2]) «Труды Сарат. Арх. Ком.», 1890 г., т. III, вып. I.

вовъ невозможно поручать одному лицу. «Объемъ и характеръ историческаго научнаго образованія,— говоритъ авторъ,—симпатіи или антипатіи къ тому или другому порядку вещей, однимъ словомъ, субъективизмъ читающаго опись, отъ котораго отрѣшиться почти невозможно, будетъ имѣть своимъ результатомъ то, что въ описи будутъ отмѣчены лишь такія дѣла для просмотра, которыя подходятъ къ вкусамъ просматривающаго опись». Далѣе авторомъ предложена программа совмѣстнаго обсужденія описей.

Что касается болѣе подробной общей программы дѣйствій комиссій, то такая отчасти выработана Рязанской Комиссіей[1]). (Эта программа принята и въ Твери[2]). Въ общемъ она представляетъ распространеніе положенія о комиссіяхъ. Укажемъ на нѣкоторые ея пункты. Архивныя комиссіи должны заботиться о составленіи библіотеки пособій по разработкѣ историческихъ и археологическихъ матеріаловъ, о составленіи библіографическихъ и палеографическихъ указателей сочиненій и журнальныхъ статей объ извѣстномъ краѣ. Архивныя комиссіи собираютъ свѣдѣнія о писателяхъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятеляхъ своего края, ихъ портреты, а также виды историческихъ мѣстностей и т. п. Кромѣ того, онѣ должны приводить въ извѣстность воспоминанія, разсказы, преданія, пѣсни и т. д. Такимъ образомъ названныя комиссіи вполнѣ основательно включаютъ въ кругъ своихъ дѣйствій ознакомленіе со всѣми тѣми факторами, которые составляютъ необходимое условіе для полнаго изученія мѣстной исторіи; словомъ, архивныя комиссіи этой программой опредѣляютъ себя какъ провинціальныя общеисторическія общества.

Таковы въ общихъ чертахъ итоги ихъ дѣятельности. Итоги эти довольно значительны; но еще болѣе значительными представляются они, когда мы узнаемъ о ничтожности матеріальныхъ средствъ и постоянныхъ затрудненіяхъ архивныхъ комиссій. Положеніе о комиссіяхъ говоритъ, что расходы ихъ покрываются изъ средствъ, находящихся въ распоряженіи директора Археологическаго Института и изъ мѣстныхъ пожертвованій. Но Археологическій Институтъ, хотя и пользующійся казенной субсидіей, можетъ удѣлять комиссіямъ (въ особенности, съ увеличеніемъ числа ихъ) весьма мало. Нѣкоторою помощью имъ служатъ отпускаемые ежегодно г. министромъ юстиціи отъ 300 до 200 рублей на расходы по разбору и описанію архивовъ судебныхъ мѣстъ. Нѣкоторыми комиссіями для усиленія средствъ узаконены членскіе взносы и иногда практикуется подписка между членами. Только нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи, благодаря поддержкѣ земствъ. Другое затрудненіе, состоящее въ отсутствіи помѣщеній для историческихъ архивовъ, библіотекъ и музеевъ, устранено навсегда лишь нѣкоторыми комиссіями; въ большинствѣ же случаевъ приходится пользоваться временными помѣщеніями. Затрудненія научнаго характера въ пріемахъ дѣятельности устраняются отчасти указаніями Археологическаго Института, отчасти знакомствомъ съ трудами другихъ ученыхъ обществъ, оживленнымъ обмѣномъ изданіями съ другими комиссіями и указаніями спеціалистовъ.

Мы напомнимъ только главнѣйшіе изъ такихъ указаній. Не мѣшало бы всѣмъ комиссіямъ воспользоваться пока программой, выработанной въ Ря-

---

[1]) Труды Рязанск. Арх. Ком. 1889 г.

[2]) Журналъ Тверск. Арх. Ком. 14 апрѣля 1889 г.

зани и обратить должное вниманіе на статью кн. Голицына. Важно, по нашему мнѣнію, и указаніе управляющаго архивомъ Министерства Юстиціи г. Попова, высказанное имъ въ бесѣдѣ съ депутатами нашихъ комиссій во время послѣдняго археологическаго съѣзда. Сущность словъ г. Попова заключается въ томъ, что архивнымъ комиссіямъ слѣдуетъ пока исключительно приводить въ порядокъ мѣстные губернскіе и уѣздные архивы, находящіеся въ дурномъ состояніи и даже расхищаемые на нашихъ глазахъ. Разсмотрѣніе документовъ, которые хорошо сохраняются въ столичныхъ архивахъ и вполнѣ обезпечены отъ уничтоженія, конечно, важно для провинціальнаго историка; но эти документы всегда доступны изслѣдователю, чего нельзя сказать о провинціальныхъ архивахъ присутственныхъ мѣстъ; разборъ послѣднихъ и долженъ составлять главную задачу мѣстныхъ дѣятелей.

Позволимъ отъ себя также высказать нѣсколько пожеланій. Намъ кажется, что было бы всего удобнѣе, если бы и другія комиссіи стали выпускать свои изданія по примѣру «Трудовъ» Рязанской и «Извѣстій» Таврической комиссій. Достоинство послѣднихъ, на нашъ взглядъ, состоитъ въ удачномъ подборѣ статей, а также въ томъ, что протоколы засѣданій въ нихъ отодвинуты на послѣднее мѣсто; главное же значеніе и мѣсто занимаютъ рефераты и матеріалы; мелкія статьи и замѣтки выдѣлены въ особый отдѣлъ. Нельзя назвать удобнымъ форматъ Нижегородскихъ «Дѣйствій», Рязанскихъ «Трудовъ», Тверскихъ «Журналовъ». Нужно наблюдать осторожность при печатаніи документовъ и матеріаловъ (такимъ, напр., какъ подробные метеорологическіе дневники, совсѣмъ не мѣсто въ изданіяхъ архивныхъ комиссій). Едва ли также мѣсто въ «Извѣстіяхъ» комиссій такихъ рефератовъ, какъ о книгѣ Кантемира «Состояніе мухаммеданскихъ религій», которая имѣетъ только то отношеніе къ комиссіи, что находится въ ея библіотекѣ. Вообще, рефераты должны касаться исключительно извѣстнаго края.

Ознакомившись вкратцѣ съ положеніемъ архивныхъ комиссій, интересно задать вопросъ, отчего зависитъ ихъ бо̀льшій или меньшій успѣхъ? Большее развитіе дѣятельности архивныхъ комиссій замѣчается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже раньше было не мало людей, посвятившихъ себя изученію прошлаго своего края. Эти лица при открытіи комиссій жертвуютъ имъ свои библіотеки съ книгами по мѣстной исторіи, собранными съ любовью и знаніемъ дѣла, жертвуютъ свои коллекціи, вербуютъ новыхъ членовъ и своими работами оживляютъ дѣятельность комиссій. Тамъ, гдѣ меньше такихъ людей, гдѣ комиссіи образованы скорѣе случайно, чѣмъ по общему сознанію, дѣло идетъ слабѣе. Такое положеніе служитъ залогомъ, что комиссіи, открываемыя въ городахъ, въ которыхъ, такъ сказать, подготовлена для нихъ почва, гдѣ уже есть дѣятели, музеи и т. п., будетъ развиваться успѣшно. Подобныхъ пунктовъ въ настоящее время можно назвать нѣсколько. Еще въ 1888 г. проф. Андреевскій указывалъ на необходимость комиссіи въ Самарѣ. Странно видѣть отсутствіе ученыхъ историческихъ обществъ въ такихъ, богатыхъ историческими воспоминаніями, городахъ, какъ Новгородъ, Смоленскъ, Владиміръ, Житоміръ (Волынской губ.), Каменецъ (Подольской (губ.), Черниговъ. Архивныя комиссіи съ успѣхомъ могли бы заявить себя въ Екатеринославѣ, гдѣ находится одинъ изъ лучшихъ провинціальныхъ музеевъ (Поля), а область эта принадлежала нѣкогда Запорожью, по исторіи

котораго въ послѣднее время много работаетъ г. Эварницкій. Благопріятное мѣсто представляетъ также Воронежъ, уже давно выдающійся изъ числа губернскихъ городовъ, какъ ученый и литературный центръ[1]). Будемъ надѣяться, что мѣстные дѣятели возбудятъ въ непродолжительномъ времени вопросъ объ открытіи у себя архивныхъ комиссій, а провинціальное общество пойдетъ на встрѣчу ихъ начинаніямъ. Глубоко справедливы памятныя слова Н. В. Калачова въ его отчетѣ о первомъ годѣ дѣятельности архивныхъ комиссій: «Что касается дальнѣйшаго расширенія настоящаго дѣла, то оно должно будетъ зависѣть не столько отъ наличныхъ или могущихъ поступить на это дѣло денежныхъ средствъ, сколько отъ того, въ какой степени мысль о сохраненіи драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей старины встрѣтитъ сочувствіе въ средѣ лицъ, принадлежащихъ къ образованной части населенія данной мѣстности, и вызоветъ въ нихъ стремленіе къ изученію исторіи ихъ родины».

А. І. Л.

---

[1]) Желательно также объединеніе въ архивныя комиссіи другихъ историческихъ провинціальныхъ обществъ, каковы, напр., Псковское Археологическое Общество и Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края.

— Вчера, на придворномъ балу одинъ нахалъ осмѣлился назвать ваше семейство «потомствомъ палача». Онъ оскорбилъ моего дѣда, васъ, наконецъ всѣхъ насъ. Оскорбленіе было нанесено публично и онъ публично получилъ за него пощечину.

— И ты хочешь его убить?—воскликнула въ ужасѣ Марія-Анна.

Графъ Бенардъ, блѣдный, съ любовью смотрѣлъ на сына. Его Марсель! Такой легкомысленный, вѣтреный, и такой благородный, храбрый... Сколько сердечной доблести!...

Онъ протянулъ ему руку.

— Ты хорошо поступилъ, сынъ мой. Культъ чести есть одна изъ нравственныхъ обязанностей, налагаемыхъ на насъ Всевышнимъ. При такихъ условіяхъ дуэль вполнѣ законна, она является защитницею семейныхъ началъ, и тутъ люди правы, нарушая законъ. Какъ зовутъ этого нахала?

— Князь де-Карпенья.

— Итальянецъ... все ясно... Сколько ему лѣтъ?

Марсель, который все время слѣдилъ за отцомъ, испугался выраженія его лица. Видно было, что въ душѣ старика кипѣлъ гнѣвъ, а можетъ быть, въ немъ шевелилось и тайное желаніе самому отмстить за себя. Тогда онъ рѣшился на спасительную ложь.

— Сколько ему лѣтъ?... Да онъ, вѣроятно, моихъ лѣтъ... Пустая ссора молодыхъ людей...

— Но вѣдь былъ же, вѣроятно, поводъ къ ссорѣ.

— Поводъ?—повторилъ весело Марсель—неосторожное слово, какъ говорятъ, въ водевиляхъ—«не любезное приглашеніе къ завтраку».

— Ты меня обманываешь... Какія условія дуэли?

— Презабавныя...! Настоящая partie de plaisir. Обмѣнъ пулями на 25 шагахъ.

— Я знаю, что ты хорошо стрѣляешь... Кто твои секунданты?

— Мой пріятель Гравенуаръ и баронъ Ла-Шене.

— Я предпочелъ бы другихъ... Гдѣ назначено мѣсто поединка?

— Въ Вокрессонѣ, въ паркѣ Гравенуаръ.

— Прекрасно, я ѣду съ тобой.

Молодой человѣкъ протянулъ руку, точно желая преградить дорогу отцу.

— Нѣтъ! умоляю васъ, нѣтъ! Не дѣлайте меня посмѣшищемъ.

— Посмѣшищемъ!..

Графъ Бенардъ въ изнеможеніи опустился въ кресло, у него помутилось въ глазахъ, ноги отказывались служить, кровь приливала къ сердцу — онъ испытывалъ страшное мученіе. Тѣмъ не менѣе, энергичнымъ усиліемъ, онъ преодолѣлъ свое страданіе и, улыбаясь проговорилъ:

— Ты сказалъ жестокое слово... Хорошо, я останусь—я не хочу тебя дѣлать посмѣшищемъ.

Настала минута мучительнаго молчанія. Первымъ заговорилъ Марсель—и на этотъ разъ торжественнымъ тономъ:

— Я буду драться, отецъ, чтобы проучить нахала... Но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ только вопросъ...

— Вопросъ? Я тебя слушаю, Марсель.

Молодой человѣкъ пристально посмотрѣлъ на того, за любовь къ которому онъ шелъ убивать—и за которую, быть можетъ, самъ будетъ убитъ, и разстроганнымъ голосомъ проговорилъ:

— Скажите мнѣ, отецъ, какое преступленіе совершилъ Савелли?

Бывшій генералъ-прокуроръ такъ же пристально взглянулъ на сына.

— Савелли? что же ты собственно хочешь узнать—эта печальная исторія слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстна.

— Нѣтъ, недостаточно хорошо!.. Я былъ въ Парижѣ, далеко отъ васъ, когда она разыгралась... эта печальная исторія. Вы никогда о ней не упоминали... и я ее слышалъ только отъ другихъ—вѣроятно, слышалъ о ней больше лжи и клеветы, чѣмъ правды. Умоляю васъ, отецъ, сжальтесь, разскажите мнѣ, какое же преступленіе совершилъ Савелли?

Графъ Бенардъ не сейчасъ отвѣтилъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ потиралъ себѣ лобъ рукою, точно припоминая далекое прошлое—затѣмъ онъ выпрямился и заговорилъ:

— Я вижу, ты тоже сомнѣваешься, сынъ мой... Такъ слушай же! На другой день послѣ счастливаго событія 2-го декабря, наши южные демагоги заволновались. Образовались цѣлыя шайки инсургентовъ, настоящихъ разбойниковъ, которые распространяли всякій вздоръ. Они шатались по деревнямъ, грабили жилища, поджигали церкви — однимъ словомъ, вели себя, какъ могутъ вести только негодяи. Я въ это время былъ генералъ-прокуроромъ и назначенъ предсѣдателемъ одной смѣшанной комиссіи. Я получилъ предписаніе изъ Парижа усмирить мятежниковъ — и мой долгъ требовалъ не допускать никакихъ послабленій — и я, дѣйствительно, усмирилъ ихъ... Были между ними просто сбившіеся съ пути—съ этими я былъ снисходителенъ, но были между ними и настоящіе преступники, любители междоусобной войны, анархисты, нарушители всѣхъ соціальныхъ законовъ, богохульники вѣчныхъ законовъ—къ нимъ я былъ неумолимъ... Одной изъ такихъ шаекъ предводительствовалъ нѣкій Сципіонъ Савелли, мазинистъ, политическій изгнанникъ, давно намѣченный нами. Это былъ человѣкъ безъ родины, одинъ изъ маклеровъ космополитской революціи, commis voyageur въ возстаніяхъ и политическихъ убійствахъ. Какъ и его собратья, онъ мечталъ о позорѣ, объ уничтоженіи на-

шей Франціи, Франціи монархической, христіанской, великой Франціи нашихъ предковъ. Его схватили на баррикадѣ, въ то время, когда онъ собственноручно убилъ двухъ нашихъ солдатъ. Офицеръ, который командовалъ штурмомъ, прогналъ его сквозь строй, но онъ остался живъ и вотъ тогда...

Брутъ Бенардъ остановился, быть можетъ, онъ не рѣшался продолжать.

— Тогда его дважды разстрѣляли! — закончилъ едва слышно Марсель.

— Да, дважды!—съ жаромъ воскликнулъ бывшій генералъ-прокуроръ, — потому, что онъ самъ дважды убилъ. Я знаю, мнѣ скажутъ: что значитъ жизнь солдата въ сравненіи съ драгоцѣннымъ существованіемъ нашихъ «гражданъ»! Если іюньское возстаніе уничтожило цѣлую армію—велика бѣда! Vivat!.. Палачи! а попробуй-ка дотронуться до этихъ клубныхъ героевъ? Безчестно! Мученики!.. Герои! Если на бульварѣ Bonne Nouvelle какой-нибудь несчастный полкъ будетъ превращенъ въ мишень для пуль инсургентовъ—это хорошо, а если наши солдаты осмѣлятся защищаться, отвѣчать имъ, это—подло! Я не раздѣляю такихъ взглядовъ, и у меня совѣсть не какого-нибудь распространителя пасквилей... Сципіонъ Савелли убилъ и зато былъ убитъ. Онъ думалъ перевернуть нашу Францію, и Франція должна была его уничтожить. Не прикасайтесь, господа, къ кивоту Завѣта—за это смерть. Я примѣнилъ къ нему вѣчную логику—Евангельское возмездіе... и я ни въ чемъ не раскаиваюсь!

— Дважды разстрѣлялъ,—повторилъ снова Марсель.

— Я бы могъ, по примѣру многихъ другихъ,—продолжалъ Брутъ Бенардъ, — разъиграть комедію Пилата, сказать: я умываю себѣ руки, его приговорилъ военный совѣтъ, и послѣдній является во всемъ отвѣтственнымъ. Это была бы неправда, я самъ требовалъ этого приговора, я настаивалъ на его исполненіи,—это я, дѣйствительно, я, который требовалъ надъ нимъ правосудія!.. О! они это знаютъ, слишкомъ хорошо знаютъ, эти братья и друзья, члены тайныхъ обществъ! Съ этого дня на меня обрушилась ихъ ненависть—меня оскорбляли, меня унижали. Но какое мнѣ до нихъ дѣло? пускай себѣ скалятъ зубы — совѣсть у меня чиста! Пять лѣтъ какъ я всецѣло отдался Богу и ни разу еще я не слыхалъ отъ Господа: «кровь вопіетъ къ тебѣ!» Нѣтъ, я ни въ чемъ не раскаяваюсь!

Онъ замолкъ—молчалъ и сынъ.

Старикъ протянулъ руку за Распятіемъ на столѣ и, подавая его Марселю, сказалъ:

— Сознайся, что ты солгалъ. Ваша дуэль—дуэль на смерть—я это чувствую, я это знаю. Можетъ быть, къ вечеру тотъ, кто носитъ мое имя, котораго осѣняетъ моя любовь, дитя мое, дорогое

мое дитя, будетъ убитъ за спасеніе чести своего отца. Вотъ Тотъ Судія, Который наказываетъ и прощаетъ судей... Взгляни сюда... Я возлагаю руку на крестъ и повторяю: я исполнилъ свой долгъ... я ни въ чемъ не раскаяваюсь.

Послѣ этой торжественной клятвы, снова наступило молчаніе. Марсель Бенардъ медленно подошелъ къ отцу, сталъ на колѣни и, цѣлуя ему руки, проговорилъ:

— Простите меня, отецъ... простите мои сомнѣнія.

Старикъ обнялъ голову сына и горячо, горячо цѣловалъ его:

— Иди съ Богомъ, дитя мое, исполни твой долгъ по отношенію ко мнѣ, какъ я исполнилъ мой долгъ по отношенію къ моему отечеству!.. И въ этотъ тягостный день — Богъ да будетъ мнѣ судьей!

Молодой человѣкъ весь просіялъ:

— Богъ насъ всѣхъ разсудилъ, отецъ,—сказалъ онъ вставая,— и я возвращусь къ вамъ побѣдителемъ! А теперь покидаю васъ — такъ нужно!

Графъ Бенардъ проводилъ сына до дверей и, прижимая его къ сердцу, сказалъ:

— Если ты умрешь, я умру съ тобою!

Когда дверь за Марселемъ закрылась, бѣдный графъ Бенардъ долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ — онъ едва держался на ногахъ. Его трясла лихорадка, холодный потъ выступилъ на лбу. Всѣ предметы запрыгали у него передъ глазами—сперва медленно, потомъ все быстрѣе, быстрѣе, наконецъ, все закружилось передъ нимъ въ какомъ-то вихрѣ.

— Савелли! — пробормоталъ онъ, — Савелли! — и упалъ безъ чувствъ.

VI.

Марія-Анна.

Быстрыми шагами спускался Марсель Бенардъ по лѣстницѣ. Онъ дошелъ почти до конца ея, когда услыхалъ умоляющій голосъ Марія-Анны; маленькая хромоножка.бѣжала за нимъ и звала его.

Въ голосѣ ея были слышны слезы. Молодой человѣкъ остановился. Она добѣжала до него и съ отчаяніемъ проговорила:

— Ты ушелъ и не попрощался даже со мной.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Не плачь, дорогая Маріонетта! Эта дуэль простая забава! Вѣдь мнѣ это не въ первый разъ — ты знаешь, какъ я хорошо владѣю пистолетомъ, не даромъ я внесенъ въ золотую книгу лучшихъ парижскихъ стрѣлковъ. Я всажу пулю, нахалъ получитъ заслуженный урокъ, и, затѣмъ, я вернусь къ обѣду съ отличнымъ аппетитомъ. Закажи какихъ-нибудь сластей къ вечеру.

Онъ говорилъ это, все смѣясь, развязнымъ тономъ, точно онъ, дѣйствительно, собирался на какую-нибудь partie de plaisir, тѣмъ не менѣе можно было замѣтить у него легкое подергиванье губъ. Какъ ни былъ онъ храбръ, но сердце у него, вѣроятно, билось сильнѣе обыкновеннаго. Вернется ли онъ, или его принесутъ?

— Марсель! Марсель!—повторяла молодая дѣвушка, не будучи въ состояніи ничего сказать другого.

Онъ еще разъ пожалъ ея руки и побѣжалъ съ лѣстницы.

На аллеѣ, передъ домомъ, ожидало ландо.

Черезъ опущенное стекло Марія-Анна увидала въ ландо двухъ мужчинъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидали—секунданты ея брата.

Марія-Анна сейчасъ же узнала ихъ, одинъ изъ нихъ былъ Гравенуаръ съ завитой бородой, а другой—баронъ Ла-Шене, съ прямымъ носомъ, съ длинными усами и прилизанными висками. Эти господа раскланялись съ ней, Марсель вскочилъ въ экипажъ и они понеслись.

Дулъ ноябрьскій вѣтеръ, холодный, суровый, съ деревьевъ падали послѣдніе запоздалые листья, свинцовыя тучи висѣли въ воздухѣ, снѣгъ падалъ хлопьями и мостовая начинала бѣлѣть. Не двигаясь, съ непокрытой головой, Марія-Анна все еще продолжала смотрѣть имъ вслѣдъ. Ландо давно уже скрылось, а она все еще смотрѣла куда-то вдаль.

Голосъ прислуги заставилъ ее очнуться:

— Барышня вся въ снѣгу—вы простудитесь, барышня.

Молодая дѣвушка стряхнула съ себя снѣгъ, и молча прошла въ свою комнату.

Комната мадемуазель Марія-Анны не была похожа на суровую келью во вкусѣ гордаго смиренья ея отца—ея комната была свѣтлая, голубая, прелестная.

Графъ Бенардъ самъ позаботился ее меблировать: стѣны были обтянуты шелковымъ плюшемъ, кресло и диванъ китайскаго лака были голубые, съ особою нѣжностью онъ позаботился объ ея кровати, въ которой, по его мнѣнію, его дочь должна была покоиться подъ сѣнью крыльевъ ангела-хранителя. Онъ устроилъ ей маленькую библіотеку изъ божественныхъ книгъ, онъ же поставилъ ей налой для моленья въ углубленіи комнаты, въ полусвѣтѣ передъ этимъ налоемъ душа ея утромъ и вечеромъ возносилась къ Богу; его же подарками были ониксовая кропильница, Распятіе, обрамленное бархатомъ; на каминѣ, въ которомъ весело пылало пламя, былъ его послѣдній подарокъ — Салетская заступница — Божія Матерь маленькихъ пастушковъ... Она стояла тутъ, это таинственное явленіе, въ своемъ странномъ головномъ уборѣ, и съ грустнымъ взглядомъ, полномъ любви, казалось, говорила:

— Рука моего Сына тяжела—мнѣ не удержать ее.

Вошла Марія-Анна, она не взглянула ни на милосерднаго Хри-

ста, ни на Матерь Печали. Удрученная своими мыслями, она сѣла къ окну, къ своему маленькому письменному столу, и нѣсколько минутъ пробыла въ забытьи. Затѣмъ, она вынула листъ бумаги и вся красная, въ лихорадкѣ, начала писать:

«Моему отцу. Если Марсель будетъ сегодня убитъ, я не хочу переживать его—я тоже умру. Молю Іисуса и Пресвятую Дѣву о милосердіи—на колѣняхъ, отецъ, прошу вашего прощенія. Сознавая, что я для всѣхъ была предметомъ насмѣшекъ, или отвращенія, я много выстрадала, болѣе страдать не хочу.

«Завѣщаю все мое состояніе благотворительному обществу «Добрый Пастырь»—мнѣ такъ нужно, чтобы за меня много молились. Я...».

Она остановилась, перо выпало у нея изъ рукъ.

— Безсовѣстная! — воскликнула она, — о безсовѣстная, безсовѣстная!..

Въ порывѣ негодованія, Марія-Анна бросила начатое письмо въ каминъ и скоро ея мрачное признаніе превратилось въ кучку пепла.

Она направилась къ налою, сняла съ стѣны четки и стала читать молитву: «Отче нашъ иже еси на небесѣхъ». Она остановилась и взглянула на Распятіе...

— Ты сотворилъ меня не красивой, безобразной, смѣшной... Тебѣ этого было мало. Въ тѣло убогой Ты, по твоей благости, вложилъ безчестное сердце... и я называю Тебя «Отче нашъ»!

Она все еще продолжала перебирать четки.

«Богородица, Дѣво радуйся, благодатная Марія»...

— Да развѣ я вѣрую? — воскликнула она, вставая, — развѣ я могу вѣрить?

Глаза ея блестѣли, на лицѣ ея видна была злоба — она машинально протянула руку къ шкафу съ книгами. Тамъ, на первой полкѣ, стояли: «Imitations de la Sainte Vierge», «Les Rosiers de Marie», «Guides de la bonne Mort» — она раздвинула ихъ и вытащила книгу, которая была тщательно запрятана, вѣроятно, изъ коллекціи графа Бенарда. Загнутыя страницы показывали ясно, что ихъ не разъ читали и перечитывали.

Убѣдившись, что дверь заперта на задвижку, Марія-Анна вернулась къ окну, опустилась своимъ худенькимъ тѣломъ въ кресло, раскрыла книгу на удачу и начала читать:

«Я вдругъ замѣтилъ, что сестра моя начала терять здоровье и покой. Она худѣла, глаза у нея провалились, походка сдѣлалась унылою, голосъ беззвучнымъ. Однажды, я засталъ ее всю въ слезахъ передъ Распятіемъ. Общество, уединеніе, мое отсутствіе, мое присутствіе, ночь, день, все ее одинаково приводило въ отчаянье. Невольные вздохи вырывались изъ ея груди; то она дѣлала невозможные концы безъ всякой устали, то едва волочила ноги. Она брала и бросала работу, открывала книгу и не могла ее читать, начи-

нала фразу и вдругъ принималась плакать, не кончивъ ее, вся въ слезахъ, уходила къ себѣ молиться».

Марія-Анна остановилась; ее знобило, яркая краска разлилась по ея безкровному лицу, странно блестѣли ея безцвѣтные глаза.

— Совершенно вѣрно!—проговорила она,—къ сожалѣнію, это такъ...

Она закрыла книгу и призадумалась.

— Боже мой,—проговорила она, наконецъ, сложивъ руки,—Боже мой, сжалься надо мною!

Однако, она снова раскрыла книгу, перелистовала нѣсколько страницъ и принялась читать дальше.

«Женщина, братъ мой, дѣти, наполнятъ твои дни... Какая женщина не пожелала бы составить твоего счастья? Твоя глубокая душа, твой благородный и страстный взглядъ, твоя гордость и вмѣстѣ нѣжность, убѣдили бы тебя въ ея вѣрности. Съ какимъ наслажденьемъ будетъ она прижимать тебя къ своему сердцу! Всѣ ея помыслы, всѣ ея взгляды будутъ принадлежать тебѣ, для тебя она будетъ олицетворять собою любовь, невинность; тебѣ будетъ казаться, что ты обрелъ сестру...»

— Сестру! О нѣтъ,—воскликнула она со злобою.—Нѣтъ, оставайся лучше тѣмъ, что̀ ты есть... Оставайся лучше распутнымъ... бѣгай лучше за всѣми женщинами; но не люби только одну, если эта одна буду не я, а другая!

И вдругъ Марія-Анна, поднявъ голову, увидала себя въ зеркалѣ. Да, это была она, блѣдная, безобразная, съ слишкомъ короткимъ носомъ, съ слишкомъ большимъ ртомъ, съ слишкомъ толстыми губами. Она разсмѣялась надъ своимъ безобразіемъ. Широко открытый ротъ дѣлалъ ее просто страшною.

— Сестра Рене была по крайней мѣрѣ красива, ее можно было любить,—проговорила несчастная.—А я?.. Кровь святотатца-ренегата, внучка священника и комедіантки!

Въ это время тихонько постучали въ дверь; она быстро вскочила, бросила книгу подъ стулъ и пошла отворять.

— Барышня, идите скорѣе,—звала служанка ея отца.—Графу дурно!

VII.

Два выстрѣла.

Быстро неслась карета по шоссе, вдоль Гарша и Вокрессона, по направленію къ Сентъ-Жерменъ. Небо начинало проясняться, изъ тучъ выпалъ снѣгъ и на поляхъ, вдоль дороги, блестѣлъ на солнцѣ брильянтовою пылью.

Въ каретѣ всѣ были въ прекрасномъ расположеніи духа. Ла-Шене и Гравенуаръ курили и болтали такъ же весело и спокойно,

какъ будто они ѣхали на какой-нибудь изящный ужинъ въ Maison d'or или въ салонъ какой-нибудь графини квартала Пигаль. Марсель Бенардъ былъ сдержаннѣе, онъ даже казался мрачнымъ. Онъ сидѣлъ въ глубинѣ ландо, подлѣ шаловливаго камергера, напротивъ ихъ Гравенуаръ и еще другой господинъ, съ серьезнымъ, торжественнымъ видомъ—докторъ. На колѣняхъ у Гравенуара стоялъ ящикъ краснаго дерева съ пистолетами для поединка. Камергеръ, баронъ Ла-Шене, былъ въ духѣ и, не переставая, разсказывалъ веселые анекдоты и всякій вздоръ.

— Дуэль не особенно веселая partie de plaisir, милый другъ,—обратился онъ къ Марселю,—вы будете играть первую роль, счастливецъ, а мы, бѣдные, статисты!.. Довольны ли вы пистолетами?

Онъ открылъ ящикъ и вынулъ оттуда совсѣмъ новые пистолеты.

— Настоящіе пистолеты для дуэли, по всѣмъ правиламъ искусства. Я нарочно выбралъ съ тугимъ куркомъ. Такъ что нечего бояться.

— Тѣмъ хуже!—замѣтилъ Марсель Бенардъ,—я бы желалъ сегодня проучить хорошенько.

— Мы приготовили замѣтку въ газеты,—вмѣшался Гравенуаръ.— Наши противники отказались просмотрѣть ее, а такъ какъ они получили пощечину...

— Кто секунданты у графа?—спросилъ Марсель.

— Итальянцы,—отвѣтилъ Ла-Шене,—одинъ съ окончаніемъ на букву А, графъ Каносса...

— Благородный ломбардскій родъ!—замѣтилъ Гравенуаръ.

— А другой на букву И—синьоръ Травенти... что-то въ родѣ арлекина или Пьерро. Сегодня, когда мы съ нимъ познакомились, мнѣ показалось, но я ошибся, что это одинъ мой знакомый, итальянецъ, который служилъ въ иностранномъ легіонѣ, когда я командовалъ батальономъ. Его звали Марино. За то, что онъ гонялся за Бу-Маза, ему дали унтеръ-офицерскія нашивки, но онъ однажды сбѣжалъ въ Римъ, къ Мазини. Въ то время мой молодецъ увлекался одной маленькой барынькой... Гм!.. изъ породы—Бени-Муффетаръ—пѣвицей въ Оранскомъ Прадо. Звали ее «Стальное сердце». Не правда ли хорошенькое имя?.. Прелесть, что была за красавица. Въ одну прекрасную ночь... Вы зѣваете, Гравенуаръ, вамъ надоѣло слушать?

— Знаемъ мы эту исторію любви... Вы намъ ее разсказывали, по крайней мѣрѣ, сто разъ!

Ла-Шене закурилъ сигару:

— Господа, преклонимся передъ памятью незабвенной «Стальнаго сердца». Всѣ мы восхищались ею на придворныхъ балахъ и она умерла генеральшей. Вотъ до чего доводитъ поведеніе.

— Чортъ возьми!—разсмѣялся Гравенуаръ.—А теперь «Стальное сердце» возродилось въ разныхъ княгиняхъ.

Болтая такимъ образомъ, они доѣхали до перекрестка «Hubies»; въ этомъ мѣстѣ дорога раздвоивалась, одна вела въ Saint-Cloud и въ Буживаль.

Баронъ высунулъ голову въ окно:

— Я такъ и зналъ... мы опоздали... Насъ ждутъ!

Дѣйствительно, передъ трактиромъ стояла наемная карета и два господина нетерпѣливо прохаживались.

— Секунданты противника!—замѣтилъ Гравенуаръ.—Я сейчасъ дамъ имъ мои указанія, и они могутъ слѣдовать за нами.

Онъ соскочилъ и быстрымъ шагомъ направился къ нимъ.

— Смотрите! смотрите!—воскликнулъ Ла-Шене все еще высунувшись въ окно.—Какое хорошенькое купе... Чистокровная лошадь... Богатая ливрея... Со спущенными сторами... Это пахнетъ любовной интригой...

Въ это время подошелъ Гравенуаръ.

— Чей это экипажъ?—обратился къ нему любопытный камергеръ.—Вы, мѣстный владѣлецъ, вы должны знать.

— Почемъ я знаю... Въ путь-дорогу!

Черезъ нѣсколько минутъ ландо въѣхало въ ворота парка и покатилось по аллеѣ.

— Стой тутъ! Вотъ и мои владѣнья!—крикнулъ Гравенуаръ кучеру.

Всѣ четверо вышли; почти одновременно подъѣхала и другая карета.

Изъ нея вышелъ князь де-Карпенья въ сопровожденіи своихъ секундантовъ—при немъ былъ тоже свой докторъ. Обѣ стороны, согласно обычаю, обмѣнялись поклономъ. Затѣмъ, по указанію Гравенуара, вся компанія направилась въ чащу. Скоро они вышли на прогалину, просторную площадь, окруженную густыми каштановыми деревьями. Старыя деревья, оголенныя первыми холодами зимы, среди вялыхъ, сырыхъ листьевъ, казалось, страдали, вытягивались и извивались всѣми своими обнаженными вѣтвями.

Отсюда, черезъ широкую просѣку, былъ видѣнъ унылый пейзажъ: на откосѣ у Буживаля Сена несла свои воды, покрытыя рябью отъ холоднаго ноябрьскаго вѣтра; налѣво тянулись цѣлые ряды садовъ или рощъ съ послѣдними, безцвѣтными листьями, и среди всей этой осенней ржавчины, виднѣлась арка водопровода Марли, покрытая бѣлымъ инеемъ; тамъ, напротивъ, городъ Сенъ-Жерменъ съ бѣлыми домами и спиралями голубого дыма изъ трубъ; тамъ дальше на сѣромъ фонѣ горизонта безформенные контуры холмовъ терялись въ облакахъ. Вся эта мѣстность—долина, островки, посады, такая оживленная, шумная въ лѣтніе вечера, теперь замолкла уныло. Солнце быстро садилось и своими догорающими лучами окрашивало яркою краскою подымающійся надъ рѣкою туманъ.

Наступило молчаніе дней безъ птицъ, все впадало въ летаргію зимняго сна.

Да, Марсель Бенардъ скрылъ правду отъ отца: дуэль предстояла серьезная, не предвѣщающая ничего добраго.

Князь де-Карпенья, получившій публично пощечину, самъ назначилъ условія дуэли: противники становятся на разстояніи двадцати метровъ, съ возможностью подойти на пять шаговъ, дается минута на выстрѣлъ съ прицѣломъ. Понятно, что не тотъ, такъ другой, а можетъ быть и оба должны быть убиты.

Съ общаго согласія, Ла-Шене долженъ былъ руководить поединкомъ: порученіе щекотливое—не легко было ходить по этимъ скользкимъ, сырымъ листьямъ. Но опытный баронъ видалъ виды на своемъ вѣку!

Большими шагами онъ отмѣрилъ двадцать метровъ, намѣтилъ мѣсто, гдѣ дерущіеся должны были находиться до начала дуэли, затѣмъ палкою провелъ границу, которую нельзя переходить— судьба покровительствовала Марселю, ему пришлось выбирать пистолеты.

Когда всѣ приготовленія были сдѣланы, каждый сталъ на свое мѣсто, секунданты стали по обѣ стороны.

— Начинайте, господа,—скомандовалъ Ла-Шене.

Марсель сдѣлалъ шагъ впередъ, вытянулъ руку и выстрѣлилъ...

Попало... Князь де-Карпенья, раненый въ пахъ, пошатнулся Онъ все-таки выпрямился. Медленно, съ трудомъ передвигаясь, онъ дошелъ до намѣченной границы, медленно опустилъ пистолетъ и прицѣлился въ Марселя.

Марсель стоялъ совершенно спокойно со скрещенными руками.

— Стрѣляйте!.. Стрѣляйте же!—кричалъ Гравенуаръ.

— Да стрѣляйте же, наконецъ!—промычалъ Ла-Шене.

Князь де-Карпенья хотѣлъ уже спустить курокъ, но услыхалъ легкій шорохъ въ чащѣ... Онъ обернулся и вдругъ засмѣялся тихимъ, страннымъ смѣхомъ...

Онъ поднялъ руку и выстрѣлилъ на воздухъ. Затѣмъ безъ чувствъ онъ упалъ на землю.

Секунданты бросились къ нему, доктора изслѣдовали рану Князь истекалъ кровью — пуля застряла внизу живота.

— Его надо перенести въ мой коттэджъ, — сказалъ Гравенуаръ,—я велѣлъ тамъ приготовить комнату.

— Безполезно, милостивый государь,— замѣтилъ синьоръ Травенти.—Если бы его сіятельство могъ говорить, его сіятельство, вѣроятно, отказался бы.

— Да онъ не вынесетъ дороги... Это значитъ его убить!

Итальянскій докторъ былъ повидимому въ большомъ за-

трудненіи и требовалъ, чтобы согласились на предложеніе Гравенуара.

— Опасная рана!—проговорилъ онъ.—Положеніе весьма трудное, весьма трудное!

— Все равно!—порѣшилъ Травенти.—Необходимо ѣхать!..

Второй секундантъ князя уже отправился за каретою. Хирурги сдѣлали первую перевязку, затѣмъ общими силами подняли раненнаго и, не безъ труда, донесли его до аллеи парка. Князь де-Карпенья все еще былъ безъ чувствъ. Его положили на подушки коляски, три итальянца размѣстились около него и «Andiamo!»—карета тронулась погребальнымъ шагомъ. Стоя, посреди дороги, друзья Марселя слѣдили за нею, покуда она не скрылась въ вечернемъ туманѣ.

— Господа, — сказалъ французскій докторъ, — простимся съ нимъ на вѣки... Его привезутъ мертваго въ Парижъ!..

VIII.

Савелли.

Подъ впечатлѣніемъ пережитаго, виконтъ Бенардъ отсталъ отъ другихъ. Гравенуаръ подошелъ къ нему.

— Чудесный выстрѣлъ, милый другъ, браво!.. Но странная дуэль—мнѣ она напоминаетъ одну удивительную фантастическую вещь одного русскаго писателя—помнишь «Выстрѣлъ» Пушкина?

— Да, знаю,—отвѣтилъ Марсель, который понемногу приходилъ въ себя,—дуэль, гдѣ оскорбленный позволяетъ стрѣлять въ себя, а самъ откладываетъ свой выстрѣлъ до болѣе благопріятнаго случая... Посмотримъ!

— Господа,—обратился къ компаніи Ла-Шене, закуривая двадцатую сигару.—Предложеніе! Ночь приближается, мы всѣ проголодались, не почествовать ли намъ побѣдителя изысканнымъ ужиномъ въ Maison d'Or?

— Нѣтъ, на меня не разсчитывайте,—отвѣтилъ Марсель, — я спѣшу обнять отца.

Они вышли изъ парка и Марсель Бенардъ съ своими секундантами сѣли въ карету.

Въ эту самую минуту, какая-то женская фигура осторожно вышла изъ темной чащи. Она остановилась на дорогѣ, посмотрѣла вслѣдъ удаляющемуся ландо и жестикулируя, какъ актриса на сценѣ, громко заговорила:

— Неискусный! позволить себя убить! Настоящее самоубійство! Неумѣлый!.. Значитъ, теперь мы съ тобой Брутъ Бенардъ остались вдвоемъ... Чтожъ? Разсчитаемся вдвоемъ, «бѣлый мясникъ».

Ея купэ ожидало на поворотѣ, она быстро дошла до него.

— Теперь въ Пасси,—сказала она кучеру.

Но черезъ нѣсколько минутъ она велѣла остановиться. Она разглядѣла вывѣску трактира и вошла въ него. Она потребовала себѣ перо и черниль, и здѣсь, въ грязной комнатѣ, пропитанной табакомъ курящихъ, написала на своей карточкѣ:

Виконту Марселю Бенарду.

«Я была тамъ; я все видѣла, и не откладывая пишу вамъ на мѣстѣ поединка. Вы наказали нахала и отмстили за отца. За отца всякій обязанъ мстить... Если улица des Jardins и моя пустынная обитель въ Пасси не покажутся вамъ на краю свѣта, загляните ко мнѣ... Жду васъ...»

Она подписалась:

«Розина, рожденная графиня д'Апрата, наконецъ свободная».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Исторія одного нормандскаго помѣстья.

ТРУДНО представить себѣ что-нибудь отвратительнѣе, скучнѣе большой дороги, которую проложили наши господа инженеры съ своею прямолинейною геніальностью, изъ Гавра въ Аббевиль.

Между долиною Феканъ и оврагомъ Кани, дорога эта проходитъ на извѣстномъ разстояніи отъ моря, пересѣкаетъ площадь нормандскихъ утесовъ и тянется, унылая, по мѣстности безъ всякихъ контуровъ. Въ декабрѣ ее метутъ буйные вѣтры, которые наносятъ иногда съ Ламанша, и дождь, и снѣгъ.

Въ іюлѣ на ней палитъ солнце, и норманскимъ каретамъ приходится нестись въ пыли среди жужжанья неотвязчивыхъ насѣкомыхъ.

Осенью, послѣ жатвы, куда не кинь глазомъ, вездѣ только вспаханныя поля, да луга съ колеями, въ которыхъ зеленѣютъ медунки. Изрѣдка попадаются быки, которые отдыхаютъ среди клевера, и цѣлые стаи грачей кружатся надъ навозомъ. Вдалекѣ виднѣются рѣдкія изгороди, темнѣютъ деревушки, точно подводныя рифы на этомъ океанѣ затишья. Вѣроятно, тамъ, за этою оградою буковыхъ деревъ, живутъ же люди какой-нибудь жизнью— веселою или печальною, но кругомъ вездѣ однообразіе безбрежнаго пространства, вездѣ гнётъ тоски.

Въ трехъ лье отъ маленькаго городка Кани, напротивъ вывѣски трактира: «Спокойное сердце» съ надписью: «Здѣсь можно получать чистопробный сидръ», отдѣляется проселочная дорога, которая ведетъ въ Сассевиль.

Сассевиль довольно отвратильное село, съ церковью, съ мэріей, заново покрашенной, съ изобиліемъ политическихъ кабачковъ, гдѣ нормандецъ, любитель подвыпить, можетъ пить сколько влѣзетъ.

Эта большая деревня — Sassototum apud Caletas — по словамъ мѣстнаго священника—большаго археолога—пользуется нѣкоторою славою въ окрестностяхъ, конечно, не ради ея галло-романскаго происхожденія, но за прекрасное содержаніе птичьяго рынка. Кромѣ того, въ Сассевилѣ есть зàмокъ.

Во время оно, когда было два округа Ко, съ четырьмя виконствами—этотъ зàмокъ былъ великолѣпенъ, былъ украшеніемъ Мокондюи.

При Людовикѣ XVI эти господа Сассевиль такъ промотались, раззорились, что попали совсѣмъ въ руки жидовъ и на ихъ имущество и имѣніе былъ наложенъ арестъ—вслѣдствіе чего оно было заброшено.

Революція довершила его упадокъ, она превратила это нѣкогда барское помѣстье, въ владѣніе націи, развалившаяся капелла превратилась въ амбаръ для фуража, покуда не нашелся покупатель, заплатившій за него милліонъ ассигнаціями. Затѣмъ онъ былъ сейчасъ же перепроданъ—отъ якобинца онъ перешелъ къ термидористу,—тѣ же, спекуляторы, только непорочные!

Съ имперіею для Сассевиля наступило болѣе счастливое время. Его новый владѣлецъ, бывшій лавочникъ, перестроилъ его въ стилѣ греко-лавочномъ, и зàмокъ превратился въ величественное нагроможденіе кирипча и камня, нѣчто поразительно банальное.

При зàмкѣ былъ великолѣпный паркъ съ густыми аллеями, съ роскошными полянами, какихъ не найти было въ окрестности.

Въ тѣ времена клавикордовъ и гитары, тишина этого парка, журчанье его наядъ, вдохновили двухъ учителей и одного помощника префекта, мѣстныхъ поэтовъ, на элегію. Самъ Делиль, жалобный поэтъ, этотъ воркующій маленькій Делиль изъ «Almanach des Dames», бывъ какъ-то на пирушкѣ въ Сассевилѣ, удостоилъ воспѣть его лѣсныхъ птицъ:

«Скажи мнѣ, о ночи пѣвецъ, соловей,
«И вѣтеръ въ красавицу зорю влюбленный,
«И ты мнѣ скажи, шопотъ темныхъ вѣтвей,
«Что значитъ въ груди моей вздохъ затаенный!»

Въ первые годы реставраціи, бывшая національная собственность, перепроданная провіантмейстеромъ, принадлежала нѣкоему Эваристу Пуссе изъ Ивето, фабриканту ситцевъ, самому богатому королю изъ этой страны «du roi Yvetot».

Это было то время, когда Анри Сенъ-Симонъ, уже сенъ-симонистъ, но еще не пророкъ, требовалъ возрожденія Франціи посредствомъ промышленности и «индустріализма», онъ даже выдумалъ нарочно это слово,—то время, когда «Constitutionel» проповѣдывалъ нѣжную связь стараго феодальнаго ствола съ лаврами Побѣды или съ оливковыми вѣтвями Мира.

Въ Сассевилѣ вполнѣ раздѣляли эти идеи и понимали эти слова. Пуссе, впрочемъ, былъ либераломъ, любившимъ говорить «сынъ своихъ дѣяній» или «самъ себѣ предокъ», напѣвавшимъ Беранже и восхищавшимся Лафиттомъ.

Этотъ врагъ феодальной системы пожелалъ, чтобъ у дочери его былъ гербъ. И вотъ, однажды, мадемуазель Гортензія Пуссе превратилась въ графиню Брутъ Бенардъ. Когда бракъ этотъ совершился, папаша, хотя и «самъ себѣ предокъ», тѣмъ не менѣе отправился къ предкамъ и былъ погребенъ въ своей капеллѣ въ Сассевилѣ, которую онъ превратилъ въ склепъ уже готическій.

Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, графиня Бенардъ, маленькая, худенькая, золотушная, дѣлила съ мужемъ его судебные лавры. Она подарила ему двухъ дѣтей, сама вѣчно скучала и съ ней всѣ скучали; но такъ какъ на свѣтѣ всему есть конецъ, то и она однажды послѣдовала за своимъ папашей въ семейный склепъ Сассевиля, надъ которымъ красовались зелень и цвѣты.

При раздѣлѣ ея состоянія, зàмокъ и все принадлежащее къ нему досталось старшему въ родѣ Луи-Дезире Марселю, виконту Бенарду.

Какъ переполошились всѣ старыя дѣвы, всѣ святоши приходовъ Кани и Вальмонъ, когда, однажды, въ августѣ 1857 года виконтъ Марсель Бенардъ, такой всегда сдержанный, появился въ свое помѣстье не одинъ, а съ дамою.

Такъ какъ онъ былъ не женатъ, а у сосѣднихъ мамашей было не мало дочекъ на возрастѣ, то всѣ были недовольны, всѣ заворчали. Молодой человѣкъ, которымъ всѣ восхищались еще въ прошломъ году, котораго всѣ находили умнымъ, красивымъ, съ блестящею будущностью, оказался вдругъ не красивымъ, не интереснымъ, ни на чтò не способнымъ.

Въ немъ окончательно разочаровались, когда узнали, что «красавица», поселившаяся въ зàмкѣ—итальянка и вдова, мужа которой циникъ-виконтъ лишилъ жизни.

Страшный скандалъ! Ему перестали кланяться. Шуткамъ и остротамъ на его счетъ не было конца; не щадили и клеветы; въ кофейняхъ Сассевиля толстые подвыпившіе нормандцы распѣвали про нихъ веселенькіе куплеты, а священникъ-археологъ при свидѣтеляхъ привелъ однажды стихъ изъ древняго классика:

«Возможно ль быть наслѣдникомъ
«Того, кого убилъ?!»

II.

Дантовъ «Адъ»,—стихъ 106.

Да, онъ слишкомъ скоро сдѣлался наслѣдникомъ! Чуть ли не на другой день послѣ дуэли онъ получилъ письмо изъ Вокрессона съ мушиными лапками:

«Вы наказали нахала и отмстили за вашего отца. За отца всякій обязанъ мстить... Если улица Садовъ, и моя пустынная обитель въ Пасси не покажутся вамъ на краю свѣта, загляните ко мнѣ... Жду васъ. Розина, рожденная графина д'А-Прата, наконецъ свободная».

Наконецъ, свободная!.. О женщины! женщины!..

И черезъ три дня (онъ соблюдалъ приличіе) Марсель отправился въ Пасси и былъ у дверей «обители».

Это была чрезвычайно элегантная, слишкомъ роскошная бонбоньерка, отъ которой пахло содержанкой... Но вѣдь всѣ итальянки любятъ блескъ, роскошь, все бросающееся въ глаза. А эта казалась такою чистою, непорочною; быть можетъ, она была непослѣдовательна, но она была въ самомъ дѣлѣ честною. Марсель былъ убѣжденъ въ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ она была откровенна съ нимъ.

Въ первое же свиданіе, княгиня разсказала ему свою грустную повѣсть, грустную не смотря на свою банальную простоту. Въ ранней молодости, почти ребенкомъ, ее выдали замужъ изъ тщеславія, за сумасброднаго, развратнаго старика, злаго, бывшаго карбонара, кровопійцу, настоящаго дикаго звѣря.

— Я бы могла, конечно,—продолжала она со слезами на глазахъ,—утѣшиться съ другимъ, какъ это дѣлаютъ многія, могла бы избрать себѣ какого-нибудь «patito», но Пресвятая Дѣва и воспоминаніе о моей матери удержали меня отъ паденія.

Она никогда не знала любви. Какое счастье любить!.. Бѣдная женщина!

На другой день Марсель былъ опять въ улицѣ Садовъ, на слѣдующій день онъ былъ опять тамъ же... А теперь—Розина была у него... Она всецѣло принадлежала ему. Вдвоемъ они наслаждались въ его зȁмкѣ своимъ одиночествомъ, полнымъ ихъ любви, въ этихъ таинственныхъ, темныхъ аллеяхъ, убаюканные шумомъ недалекаго моря. Онъ любилъ ее безумно, страстно и душою и тѣломъ.

А она?

Она бывала иногда странно грустна, мрачна, полна отчаянья.

— Я люблю тебя,—говорила она ему, — и въ то же время я ненавижу себя, презираю себя!

Безъ сомнѣнія, въ этомъ крылось сознаніе своего паденія, угрызенія совѣсти, нарушеніе священныхъ законовъ, разныя нравственныя мученья.

Марсель рѣшилъ положить конецъ всему этому женитьбою, не говоря, однако, съ ней объ этомъ. Развѣ не слѣдовало заставить, наконецъ, замолчать клевету?

Хотя въ сущности клевета нисколько не тревожила съ презрительнымъ равнодушіемъ относящагося къ ней владѣльца зàмка Сассевиль.

Онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, почти нигдѣ не бывая, не принимая участія ни въ какихъ увеселеніяхъ, сокращая всячески день и удлиняя ночи, которыя всецѣло принадлежали его возлюбленной. Но возлюбленная его мало подражала его сдержанности—не сдержанная по натурѣ, еще менѣе того скромная, она, не стѣсняясь нисколько отдавалась вся огню его страсти. Какъ истая итальянка, не смотря на свой умъ, образованіе, она была полна суевѣрія, и на каждомъ шагу это суевѣріе проглядывало въ ней.

Однажды, вечеромъ, при свѣтѣ лампы подъ абажуромъ, прижавшись другъ къ другу, они вмѣстѣ переводили Аллигіери и именно мрачную исторію Франчески въ «Аду».

Цѣлуясь и обнимаясь послѣ каждаго терцета, они наконецъ дошли до незабвенныхъ стиховъ, можетъ быть, лучшихъ стиховъ этого божественнаго поэта:

«Любовь, которая не избавляетъ ни одно любимое существо отъ любви, такъ скоро опьянила меня счастьемъ моего любовника, что...».

Розина вдругъ закрыла книгу и далеко отбросила ее отъ себя. Марсель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Данте правъ, — проговорила она, — любовь, это проклятая зараза!

И она почти прошептала:

— Ахъ! mio caro! не надо читать послѣдняго стиха.

Но Марсель поднялъ книгу и съумѣлъ самъ перевести этотъ послѣдній стихъ, въ немъ говорилось:

«Любовь привела насъ обоихъ къ той же смерти».

III.

Договоръ любви.

3-го сентября, скромный нотаріусъ Сассевиля, Оскаръ Варенкуръ, слегка омрачилъ безоблачное небо счастливой пары.

Было около пяти часовъ вечера, когда этотъ дѣловой человѣкъ вошелъ въ густую аллею, ведущую къ зàмку. Въ одной изъ боковыхъ аллей онъ увидалъ Марселя съ княгиней де-Карпенья, которые, прижавшись другъ къ другу, какъ настоящіе влюбленные, гуляли вдвоемъ. Онъ поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу. Увидавъ его, Марсель не могъ скрыть своего неудовольствія.

— А! это вы, мосье Варенкуръ! Чѣмъ я обязанъ вашему визиту? Но въ душѣ онъ посылалъ его ко всѣмъ чертямъ.

— Прошу извинить меня, господинъ виконтъ,—началъ торжественнымъ тономъ Варенкуръ.—Я имѣю сообщить вамъ нѣчто весьма важное... Я долженъ вамъ прочитать письмо его высокопревосходительства, господина члена государственнаго совѣта.

— Письмо отъ моего отца?—воскликнулъ удивленный Марсель.—Прошу васъ, садитесь... я васъ слушаю.

По близости была скамейка и всѣ трое сѣли на нее. Оскаръ Варенкуръ разложилъ у себя на колѣняхъ пакетъ съ бумагами и, скорчивъ приличную случаю физіономію, обратился съ вопросомъ:

— Вы недавно изволили писать господину графу Бенардъ?

— Да, недавно, я писалъ ему о моемъ непремѣнномъ желаніи жениться на княгинѣ де-Карпенья.

— Чтò ты, Марсель, вотъ напрасная-то трата чернилъ,—проговорила съ насмѣшкой молодая женщина.

— Его высокопревосходительство удостоилъ написать мнѣ письмо и я принесъ вамъ его отвѣтъ.

— Его отвѣтъ! Черезъ васъ, а не прямо мнѣ?

— Къ сожалѣнію, да, виконтъ, вотъ письмо.

Варенкуръ подалъ ему письмо уже за номеромъ, такъ какъ Варенкуръ былъ нотаріусъ образцоваго порядка.

Марсель, взволнованный, протянулъ руку за письмомъ и сталъ читать вслухъ. А Розина, склонивъ голову на плечо своего любовника, съ полузакрытыми глазами, полная нѣги, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ оффиціальнаго лица, посѣдѣвшаго надъ указами, совѣтчика цѣлаго округа, у котораго подъ начальствомъ было цѣлыхъ три клерка, слушала его, улыбаясь.

Вотъ содержаніе этого суроваго, сухаго письма:

«Милостивый государь, одинъ изъ вашихъ кліентовъ, г. Марсель Бенардъ сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ. Я уже не разъ выражалъ этому молодому человѣку мое удивленіе и огорченіе по поводу его поведенія, но, какъ видно, ни мои просьбы, ни выговоры, не могли удержать его отъ крупнаго скандала, и я вынужденъ прервать всякія сношенія съ моимъ сыномъ. Будьте же посредникомъ между мною и имъ, и потрудитесь передать ему мой отвѣтъ,—вотъ онъ:

«Въ наше время, порядочный человѣкъ постыдился бы жениться на вдовѣ человѣка, оскорбившаго честь его семьи, вызваннаго имъ за оскорбленіе и убитаго на дуэли. Оскорбленіе и пролитая кровь вырыли бы непреодолимую пропасть между его страстью и честью. Теперь другія времена, какъ видно, и другіе взгляды. Я придерживаюсь старыхъ взглядовъ. Если у Марселя Бенарда нѣтъ совѣсти, то пусть онъ выслушаетъ то, что ему скажетъ совершенно опредѣленно, безповоротно, его отецъ.

«Не желая быть сообщникомъ въ столь гнусномъ поступкѣ— я, разъ навсегда, не даю моего согласія. Вашъ кліентъ, если желаетъ, можетъ, конечно, обойтись безъ него, но въ такомъ случаѣ я буду требовать вмѣшательства суда. Кромѣ того, передайте моему сыну, что ему не надолго придется отложить свое намѣреніе. Я старъ, боленъ, и мнѣ осталось не долго жить.

«Примите, милостивый государь, мое увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. «Графъ Бенардъ».

— Via vecchietto!—со вздохомъ проговорила молодая женщина, не мѣняя своей позы.

Что касается Марселя, онъ молчалъ и въ нервномъ возбужденіи долбилъ палкою по травѣ.

— На чемъ же мы порѣшимъ?—спросилъ Варенкуръ.—Ясно одно—отказъ родительскаго согласія требуетъ подчиненія родительской волѣ—статья 152 «Code Napoléon». Если мы пойдемъ на рискъ—у меня есть въ Парижѣ мой коллега, человѣкъ весьма любезный, мастеръ улаживать дѣла, я напишу ему. Во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы княгиня, рожденная дѣвица д'Апрата, разрѣшила мнѣ вступить въ сношенія съ ея нотаріусомъ въ Италіи. Мнѣ необходимы нѣкоторыя указанія...

— Боже мой! Сколько возни!—прервала Розина.—Отчего не ядъ Джуліэтты, который бы соединилъ меня съ моимъ Ромео... Нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ, я не хочу всѣхъ этихъ исторій... я предпочитаю... ждать.

Она произнесла это слово «ждать» съ такою ненавистью, что сынъ графа Бенарда поблѣднѣлъ.

— Я подумаю,—сказала она,—и увѣдомлю васъ о моемъ рѣшеніи. Зайдите, пожалуйста, черезъ нѣсколько дней.

Осторожный Варенкуръ взялъ занумерованный документъ, положилъ его въ конвертъ, конвертъ въ папку, папку въ портфель, а портфель подъ мышку, затѣмъ всталъ и отвѣсилъ два низкихъ поклона.

Скоро на поворотѣ аллеи скрылась черная тѣнь маленькаго человѣка.

Марсель и Розина остались одни.

— Что за глупости, Марсель,—запальчиво начала Розина,—къ чему этотъ бракъ.

— Это необходимо, Розина. Наше положеніе становится неудобнымъ.

— Ахъ, ты, буржуа!.. съ твоими узкими взглядами... Развѣ оттого, что ты женишься, ты меня будешь больше любить?

— Конечно, нѣтъ... Но ты будешь моею, моею навсегда!

Она посмотрѣла на него пристально и, переставъ надсмѣхаться, сказала:

— Навсегда! Я знаю узы, которые связываютъ прочные браки:

это смерть! Если любимое существо, онъ или она, обманываетъ — его убиваютъ... и затѣмъ—убиваютъ себя!

Послѣдовало довольно долгое молчаніе; оно подчеркнуло этотъ догматъ страсти.

— Пусть будетъ по твоему,—согласился, наконецъ, Марсель Бонардъ.—Это договоръ—я его принимаю.

И они возобновили прерванную прогулку.

IV.

Дикая роза.

Кончался день,—сентябрскій, яркій день, осень уже чувствовалась, вечеръ былъ сырой, къ блѣднѣющему небосклону тянулся туманъ. Паркъ Сассевиля погружался въ тихую дремоту, все точно замерло въ немъ, не было слышно ни малѣйшаго шелеста листьевъ. Солнце садилось, обрисовывая своими послѣдними лучами контуры тополей, въ полосахъ солнечнаго свѣта зябкіе насѣкомые, старички одного лѣта, доживали свои послѣднія минуты. Подъ густыми деревьями было темно, какъ ночью, трава на лужайкахъ была покрыта блестящею росою.

Они шли медленно, онъ обнявъ ее за талью, она склонивъ голову къ нему на плечо. И такъ они шли по мху, по высокимъ травамъ, оба молча, среди общей тишины и безмолвія.

Дойдя до окраины парка, они остановились. Передъ ними раскрывалась долина. Даль со всѣми ея унылыми красками. Въ то время это былъ дикій оврагъ между двухъ утесовъ, покрытыхъ деревьями, и кустарниками дикаго терновника, съ крутымъ скатомъ. Тамъ дальше, гдѣ развертывалась долина, виднѣлось море, искрившееся подъ лучами садившагося солнца, сперва виднѣлись волны и бѣлая пѣна, растилавшаяся по берегу, затѣмъ черная полоса подводныхъ рифовъ и уже за нею голубая масса безбрежной воды, въ которой отражалось голубое небо.

Потихоньку молодая женщина освободилась изъ его объятій:

— Какой чудесный осенній вечеръ!—воскликнула она,—что за чудная страна ваша Франція?

— Отчего «ваша Франція», моя Розина?—спросилъ ее Марсель.—Развѣ моя страна не твоя страна?

Она покачала головою:

— Знаю, знаю... «Твой Богъ будетъ моимъ Богомъ, твой народъ—моей отчизной». Нѣтъ, я хочу оставаться тѣмъ, что я есть... Ахъ!—продолжала она въ экстазѣ,—чудная страна ваша Франція... и вмѣстѣ съ тѣмъ достойная глубочайшей ненависти... Когда-то «царица націй» теперь только «публичная женщина!»

— Стихъ Данте!—замѣтилъ Марсель,—но Данте говоритъ это о вашей Италіи.

— Моей Италіи?.. Она тоже глубоко несчастна... Каторжница, закованная въ оковы... Но Италія, по крайней мѣрѣ, умѣетъ проклинать, умѣетъ плакать...

— Розина,—прервалъ ее молодой человѣкъ, видимо желая положить конецъ тяжелому разговору,—вмѣсто того, чтобы унижать то, что велико и достойно, разскажи мнѣ лучше что-нибудь про себя, про твою семью, про твою Романью. Скажи мнѣ «канцону» твоего любимаго поэта Леопарди «L'Italia».

— Нѣтъ!—продолжала она видимо горячась.—Не ее, что-нибудь другое.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, точно желая овладѣть собою, затѣмъ повернулась къ нему съ театральнымъ жестомъ трагической актрисы. Когда они стояли на вершинѣ холма, вся ея фигура, съ распущенными волосами, съ поднятой къ верху рукою, рисовалась на блѣдномъ фонѣ вечерняго освѣщенія—и вотъ она начала... А Марсель, сына графа Бенарда, влюбленный въ нее до безумія, съ прикованнымъ къ ней взоромъ, весь во власти этой повелительницы его сердца, овладѣвшей всѣмъ его существомъ, погубившей его честь, съ восторгомъ внималъ ей.

Гармоничный голосъ Розины проникалъ все его существо.

«Тебя ласкаетъ солнца лучъ влюбленный,
«Ты пышной зеленью украшена богато,
«Одѣта нивами, какъ покрываломъ злата—
«О, Франція, страна чудесъ, сокровище вселенной!

«Со всѣхъ концовъ земли къ тебѣ народъ стремится,
«Какъ нѣкогда въ Аѳины-храмъ стремился каждый
«Томимый красоты и правды вѣчной жаждой,
«Восторгомъ не земнымъ, а чистымъ тамъ упиться.

«Но нынѣ пустъ тотъ храмъ, въ забвенье погруженный,
«И тамъ, гдѣ нѣкогда горѣлъ огонь священный,
«Теперь лежитъ продажная и грѣшная жена.
«И это Франція! Она еще смѣется...
«Но смерть ужъ ждетъ ее, уже близка она
«И скорбный неба плачъ надъ нею раздается».

— Что за отвратительное ругательство, что за безумная ненависть!—воскликнулъ возмущенный Марсель...—Чьи это стихи?

— Моего отца!—отвѣтила Розина съ новымъ жестомъ актрисы изъ мелодрамы.

— Отца, о которомъ ты никогда не говоришь со мною... Въ такомъ случаѣ его итальянская ревность разразилась напрасно: то, что безсмертно, никогда не умретъ! Но отчего отецъ твой такъ не любилъ Франціи?

— Онъ-то? Не любилъ ее?.. Онъ любилъ ее безумно, страстно—онъ погибъ отъ любви къ ней!

— Погибъ отъ любви къ ней? Графъ д'Апрата, твой отецъ?.. Я ничего не понимаю... Что ты говоришь, Розина?

— Ничего! — проговорила молодая женщина, странно поблѣднѣвъ.

Молча продолжали они свою прогулку, но они молчали не отъ полноты счастья; какая-то невѣдомая, неиспытанная до сихъ поръ принужденность легла между ними.

Внизу, у спуска, имъ пришлось остановиться; каменная стѣна Сассевильскаго парка преграждала имъ путь. По стѣнѣ, обросшей мохомъ, вился дикій шиповникъ, съ пожелтѣвшими отъ осенняго вѣтра, листьями. На немъ уцѣлѣло нѣсколько блѣдныхъ похолодѣвшихъ цвѣтковъ, послѣдняя улыбка исчезнувшаго свѣта.

Молодая женщина подбѣжала къ цвѣтамъ и сорвала двѣ вѣтки.

— Прости меня, Марсель, что я тебя сейчасъ такъ огорчила... Прости! А теперь выслушай меня, и пойми меня... Не знаю, что готовитъ намъ судьба въ будущемъ. Но я, которая сейчасъ задѣла въ тебѣ самую чувствительную струну, самое благородное чувство гордости своей страной — я люблю тебя... Люблю тебя безумно и что̀ бы ни случилось, всегда буду тебя любить. Но ты, дорогой мой, съумѣешь ли ты сохранить въ душѣ твоей ко мнѣ любовь, когда судьба пошлетъ намъ испытаніе... Возьми эту розу: я ношу ея имя и, какъ она, душа моя дика... Во дни невзгодъ, когда тебѣ придется, быть можетъ, переживать сомнѣнье и печаль, взгляни на нее... и если тебѣ будетъ казаться, что ты пересталъ меня любить, она скажетъ тебѣ. «люби еще».

Улыбаясь, Розина Савелли заткнула пучекъ шиповника себѣ за лифъ, а другой поднесла къ губамъ, втянула въ себя его сырой запахъ и передала его Марселю.

Марсель схватилъ голову этой обольстительницы и покрывалъ ея трепещущія уста горячими поцѣлуями страсти.

Долго они пробыли оба въ безмолвномъ обаяніи этого поцѣлуя.

Вдругъ княгиня де-Карпенья, съ крикомъ, сконфуженная, откинулась назадъ—изъ за̀мка по горѣ спускался къ нимъ слуга.

— Пріѣхалъ гость, который непремѣнно желаетъ видѣть княгиню, — доложилъ онъ, подходя къ нимъ.

И онъ подалъ княгинѣ визитную карточку. Прочитавъ ее, она измѣнилась въ лицѣ и видимо растерялась.

— Хорошо...—проговорила она,—я сейчасъ приду.

— Кто пришелъ намъ мѣшать? — спросилъ Марсель, — покажи карточку.

Но Розина уже разорвала ее въ мелкіе куски.

— Одинъ изъ моихъ земляковъ,—отвѣтила она ему,—близкій человѣкъ моего семейства. Я должна непремѣнно его принять.

— Прекрасно!... Пойдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ не надо.—Не ходи, пожалуйста. Это Травенти!... Ты

знаешь—Алессандро Травенти, одинъ изъ секундантовъ князя въ вашей дуэли въ Вокрессонѣ... Я надѣюсь, у тебя нѣтъ особаго желанія его видѣть... А я его скоро спроважу...

Не дожидаясь отвѣта, она направилась къ зàмку.

— Полчаса терпѣнья, дорогой мой, подожди меня на берегу моря.

И княгиня де-Карненья бѣгомъ побѣжала въ гору. Добравшись до вершины, она еще разъ обернулась и послала рукой нѣжный поцѣлуй своему возлюбленному. Скоро ея силуэтъ исчезъ въ туманѣ полусвѣта темной аллеи.

Марсель долго еще смотрѣлъ ей вслѣдъ, затѣмъ онъ открылъ калитку и направился къ мѣсту свиданья.

Спустилась ночь, и окутала собою глубину долины. На горизонтѣ солнце садилось въ море, цѣлое зарево разлилось по небу, пурпуромъ подернулись облака.

Влюбленный Марсель легъ на берегу моря и наслаждался закатомъ чуднаго дня. Все существо его было полно безконечнаго счастья, на душѣ у него птицы пѣли пѣснь радости и блаженства.

V.

Простой разговоръ.

Когда Розина Савелли вошла въ тѣнь тополей, она замедлила шагъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ медленнѣе шла она, на лицѣ у нея выступилъ потъ, она остановилась въ волненіи. Пріѣздъ Травенти вносилъ столько безпокойства въ ея душу... Травенти!.. тотъ самый, который въ Лондонѣ называлъ себя Марино... Компаньонъ ея стараго супруга, бывшій его приближенный и свидѣтель его смерти! Зачѣмъ онъ явился? «Il tempo stringe» «время дорого» было написано на визитной карточкѣ, которую она такъ быстро разорвала. Что кроется въ этихъ словахъ? конечно, что-нибудь недоброе!..

Розина оглянулась еще разъ. Вдалекѣ виднѣлся Марсель, онъ шелъ по берегу моря—слава Богу, онъ не пошелъ за нею... какъ онъ весело, бодро идетъ подъ впечатлѣніемъ счастья... «Милый мой! дорогой мой!» И порывистымъ движеніемъ молодая женщина вдругъ повернулась къ нему.

— Что за малодушіе, Розина!—и она медленно снова направилась къ зàмку.

Высокое кирпичное зданіе стояло уже передъ нею. Княгиня де-Карненья прибавила шагу, за ней могли наблюдать изъ открытыхъ оконъ... Теперь она больше не боялась... Да чего же ей, въ самомъ дѣлѣ, было бояться... она была вдова, она свободна, любима и сама любила!

Въ передней Розина спросила лакея, давно ли ее ждетъ тотъ господинъ, который желаетъ ее видѣть.

— Съ полчаса. Кажется, господинъ этотъ очень торопится. Карета ждетъ его у воротъ парка.

Карета ждетъ этого человѣка. Значитъ, визитъ будетъ не долгій, его можно будетъ сдѣлать еще короче... Тѣмъ не менѣе, княгиня протянувъ уже руку къ ручкѣ двери, въ нерѣшительности не двигалась съ мѣста. Но лакей смотрѣлъ на нее и она вошла.

Въ гостиной сидѣлъ господинъ подозрительной наружности, дурно одѣтый, непріятный съ виду. Онъ всталъ и, раскланиваясь, жеманно проговорилъ:

— Приношу мое нижайшее почтеніе къ ногамъ княгини.

Съ перваго взгляда княгиня де-Карпенья узнала это знакомое ей лицо съ длинной бородой, съ косматой гривой... Да, это былъ онъ, учитель музыки, котораго она видѣла въ Лондонѣ, порядочная обезьяна.

Онъ заговорилъ по-итальянски. Розина намѣренно отвѣчала ему по-французски. Быть можетъ, она надѣялась ускорить такимъ образомъ объясненіе.

— Здравствуйте, мосье Марино, очень рада васъ видѣть.

Господинъ этотъ снова раскланялся и тоже заговорилъ по-французски, языкомъ, въ которомъ слышалось заальпійское нарѣчіе.

— La clarissime Altesse не забыла имени ничтожнаго Марино? Это наполняетъ гордостью мое смиренное сердце.

«L'altesse clarissime»—не могла удержаться отъ невольной гримасы, до такой степени низкимъ, подлымъ показался онъ ей, тѣмъ не менѣе, желая быть любезною, она продожала:

— Я не разсчитывала на вашъ визитъ, мосье Марино.

Марино улыбнулся улыбкою гориллы, показавъ при этомъ рядъ бѣлыхъ зубовъ, которые казались еще бѣлѣе отъ его черной бороды.

— Неожиданный визитъ... вызванный крайнею необходимостью. Я пріѣхалъ сюда за самою прекрасною княгиней міра.

— За мною?

— Я уже сказалъ—за самою прекрасною княгиней міра.

Испуганная молодая женщина отшатнулась назадъ.—Онъ подошелъ къ ней.

— Насъ ждетъ карета,—продолжалъ онъ...—очень скромный экипажъ, недостойный такой важной особы, какъ вы. Но я ничего не нашелъ лучше въ Феканѣ. Первобытная страна—варварскіе экипажи!

Княгиня де-Карпенья чувствовала, что ей измѣняютъ силы, тѣмъ не менѣе она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы казаться спокойной:

— Я не мастерица отгадывать загадки, мосье Марино, потрудитесь объяснить, въ чемъ дѣло.

— Какія тутъ загадки? Это даже не ребусъ... Ессо! Женевскіе, а съ ними и наши лондонскіе друзья, рѣшили, что первый актъ любовной комедіи съигранъ; наша дива, вы, княгиня, исполнили свою роль восхитительно! Да, княгиня, поразительно, удивительно, великолѣпно! По крайней мѣрѣ, прологъ готовъ. Теперь пора начинать второй актъ, занавѣсь подымется надъ другими декораціями—пора подумать о развязкѣ.—Готовится нѣчто ужасное, поистинѣ ужасное.

Разсказчикъ замолкъ на минуту, выпрямилъ свою до сихъ поръ униженно согнутую спину, и продолжалъ:

— Они поручили мнѣ—мое особое счастье—отправиться за вами... Я, Марино, скромный Марино, возведенъ въ должность вашего cavaliere servante—какая честь, княгиня! А теперь, поѣдемъ поскорѣе.

Онъ взялъ шляпу и направился къ выходу.

Не двигаясь, Розина, блѣдная, слѣдила за нимъ.

— Я напрасно силюсь васъ понять,—проговорила она, наконецъ, все болѣе и болѣе волнуясь.

Итальянецъ вернулся и, улыбаясь, началъ все тѣмъ же сладкимъ голосомъ:

— Она не понимаетъ? Она? Этотъ перлъ ума? Она, конечно, понимаетъ, конечно. Я вижу, что память вернулась къ ней—я вижу по ея лицу, что она все вспомнила—съ памятью къ ней вернулась и совѣсть.

И онъ нагнулся къ испуганной молодой женщинѣ и заговорилъ шопотомъ точно дѣло шло о какой-то тайнѣ.

— «О, вспомни!» вѣдь такъ поется во французскихъ романсахъ... Да, вспомните, моя сіятельная княгиня, ресторанъ Ардити, домъ увеселенія для богачей, князя де-Карпенья, это важное лицо и маленькую Беллу въ красной юбочкѣ съ шиповникомъ на груди—вотъ точно съ такимъ букетомъ какъ у васъ теперь, княгиня! Такая милашка—она пѣла: «Libiamo ne licti calici!» хорошенькій голосокъ, но безъ всякой школы. Ахъ! сколько огня было въ ея глазахъ, сколько страсти въ ея словахъ. Вспомните только, ваше сіятельство, слова: «Мнѣ 22 года, я хороша собой. Хочешь отмстить смерть моего отца—хочешь?—И тогда я принадлежу тебѣ душой и тѣломъ!» Такъ вотъ мы хотимъ отмстить за столь любимаго отца. Дочь его принадлежитъ намъ душою и тѣломъ, она наша вещь!

Каждое слово этого человѣка задѣвало гордость этой бывшей пѣвицы, заставляло ее плакать надъ прошлымъ. Потерянная, она склонила чело подъ сарказмами этого низкаго лакея.

Тѣмъ не менѣе, въ порывѣ негодованія, собравъ послѣднія крохи храбрости, она съ насмѣшкою попробовала отдѣлаться отъ него.

— Преданья старины глубокой! мой милый. Белла не существуетъ, а княгиня де-Карпенья свободна. Было время, она была рабою своего мужа—теперь ей возвращена свобода—мужъ ея умеръ.

— Увы! умеръ!—плаксиво проговорилъ итальянецъ.—Онъ далъ себя убить... Умеръ отъ раны, этотъ благородный князь... въ Равеннѣ... на моихъ рукахъ... призывая тщетно свою супругу въ свои послѣднія минуты. Супруга была далеко... въ Парижѣ... всецѣло преданная своей мести за отца; несмотря на все желаніе, она не могла быть на его похоронахъ. Да, онъ умеръ, il generoso vecchione! Совсѣмъ умеръ! Превратился «въ гвоздь дверей», по выраженію не особенно изящной англійской метафоры... Но духъ его безсмертенъ, какъ тѣнь Нина въ оперѣ божественнаго Россини, онъ витаетъ здѣсь, смотритъ на насъ, слышитъ насъ, говоритъ съ нами... И онъ говоритъ вамъ, княгиня: «берегись».

— А! Угрозы! Я знаю, что вы всѣ разбойники, что вы способны меня убить. Я...

— Васъ убить?—Бывали вещи поужаснѣе.—Но успокойтесь, княгиня, что бы ни случилось, мы всегда постараемся сберечь дочь Савелли.

«Дочь Савелли!» Съ какимъ презрѣніемъ это было сказано. И, полная любви, забывшая своего отца, она растерялась передъ позоромъ. Красная отъ гнѣва и стыда, она тяжело опустилась въ кресло, не находя словъ. Ею снова овладѣлъ страхъ, отчаянье наполнило ея душу... Она чувствовала, что погибла, погибла безъ возврата. Человѣкъ, который оскорблялъ ее цѣлые четверть часа, не уйдетъ безъ своей добычи. Черезъ нѣсколько минутъ вернется Марсель; она ему разскажетъ всю исторію ея позора. Отчаянье, отвращенье этого дорогого, опозореннаго человѣка!.. И у тебя, Розина, для защиты твоей не будетъ ни улыбки, которая смирила бы его гнѣвъ, ни поцѣлуя, чтобы зажать ему уста, ни ласки, чтобы осушить его слезы... Однимъ жестомъ руки твой любовникъ выгонитъ тебя, недостойную. Бѣги же, бѣги скорѣй безъ оглядки. По крайней мѣрѣ, онъ не узнаетъ всей грязи твоего прошлаго, онъ будетъ жить иллюзіей и въ своей печали будетъ звать тебя».

Вотъ что она говорила себѣ, а между тѣмъ, она стояла, не двигаясь, убитая, уничтоженная... Послѣдніе лучи проникали въ окна и точно прощались съ ней, свѣжій морской воздухъ точно ласкалъ ее, вечерній звонъ сассевильской церкви уныло отдавался въ ея душѣ...

Боже мой! Сколько счастья въ этомъ земномъ уголкѣ, осѣненномъ любовью!

А Марино, растянувшись въ креслѣ, закуривъ сигару и перемѣнивъ тонъ, разговаривалъ какъ бы съ собою.

— Digraziati noi!.. Съ женщинами всѣ расчеты человѣческой мудрости напрасны. Хоть бы вотъ эта, напримѣръ, ея отецъ былъ

герой, погибъ какъ мученикъ. Кровь Сципіона Савелли вопіетъ о мести, а дочь его не внемлетъ ей—она предпочитаетъ шляться по непотребнымъ мѣстамъ.

Однимъ прыжкомъ Розина набросилась на него:

— А кому я обязана этимъ позоромъ? Кому—какъ не вамъ, подлые негодяи—кто сказалъ мнѣ: «заставь себя полюбить». Кто? вашъ Карпенья, мой низкій мужъ.

— Да, онъ сказалъ: «заставь себя полюбить», но онъ не говорилъ: «полюби сама». Вы, какъ видно, не совсѣмъ поняли то, что вамъ было предписано.

— Мнѣ предписано? Развратники!.. Оттого, что вы меня встрѣтили, однажды, нищую, голодную, вы рѣшили, что у меня сердце какой-нибудь потаскушки, публичной дѣвки? Подлецы! «Заставь себя полюбить, нищенка; повинуйся намъ, мы тебя купили!» А я, несчастная, я сама полюбила его! Да, несчастная!

— Однимъ словомъ, Родригъ и Химена!—насмѣхался профессоръ...—Это прекрасно въ трагедіи, но не въ дѣйствительной жизни.

— Вы сейчасъ угрожали мнѣ,—продолжала Розина,—такъ убейте меня, какъ вы убивали другихъ.—Да, убейте меня, я сама себѣ отвратительна, противна!.. Я не хочу имъ повиноваться!.. Чего они требуютъ отъ меня, наконецъ, эти господа съ ихъ великими замыслами?.. Негодяи!—Да, это дѣло вашихъ рукъ, эта страсть, которая сжигаетъ меня, поглощаетъ меня всю! Вы заставили меня играть съ любовью, любовь надсмѣялась надо мною! Она сожгла меня, я вся объята ея пламенемъ... Я люблю... Я люблю его! слышите... понимаете ли вы?.. Я люблю его, люблю безумно!..

— Чортъ возьми! Зачѣмъ терять разсудокъ?

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? Развѣ для чувства есть законъ? Случайность, увлеченье, страсть—таковъ, видно, мнѣ удѣлъ!.. Зачѣмъ? Какъ мнѣ смѣшно это «зачѣмъ»! Потому, что любовь—зараза, которая никогда не щадитъ... потому что если я пала, любя, я пала бы еще ниже, не любя... потому, что мужъ мой развратилъ меня, а мой любовникъ возвысилъ меня до своей любви... потому что... потому что я его люблю—вотъ и все!

И она опустилась въ кресло, изнеможенная, закрывъ лицо руками.

Она вдругъ вздрогнула.

Марино всталъ и разсматривалъ картину на стѣнѣ. Это былъ портретъ графа Брута Бенарда. Бывшій генералъ-прокуроръ былъ изображенъ въ костюмѣ члена апелляціоннаго суда, въ красной тогѣ, опушенной горностаемъ, въ позѣ публичнаго обвинителя, который судитъ и осуждаетъ. Мазинистъ, нѣсколько минутъ молча разсматривавшій эти ненавистныя черты, вдругъ обратился къ ней съ презрительной ироніей.

— А мосье Брутъ... бѣлый мясникъ... сочувствуетъ вашей любви?

Молодая женщина подняла голову и растерянными глазами смотрѣла на него.

Марино вдругъ бросился на свою добычу и вцѣпился въ нее пальцами.

Грубымъ усиліемъ онъ заставилъ ее встать и, сжавъ ея руки въ своихъ кулакахъ, потащилъ ее къ картинѣ.

Она всячески отбивалась отъ него—онъ не выпускалъ ее.

— На, смотри же, подлая тварь! Такъ онъ былъ одѣтъ, когда предъ нимъ предсталъ твой отецъ съ сочащеюся кровью изъ ранъ! Такъ онъ стоялъ, когда требовалъ смерти твоего отца, котораго смерть пощадила!.. Такъ онъ улыбался, когда былъ утвержденъ смертный приговоръ, по которому отецъ твой былъ разстрѣленъ на этотъ разъ на смерть! На же, на, смотри,—влюбленная красавица, нѣтъ, ты лучше покрой поцѣлуями эти руки, это платье, быть можетъ, на немъ сохранились еще капли крови твоего отца, безстыдная!

И онъ схватилъ ее за горло и ея губами тыкалъ въ картину.

Она бѣшенно выбивалась, ногтями впиваясь въ этого безпощаднаго палача. Въ ней сказалась истая итальянка, дочь народа.

— Вы правы! Канальи! Канальи! Эта страсть ужасна!.. Я «Iupa», я отцеубійца!.. Мерзавцы! Дѣлайте со мной, что хотите—я вамъ продала себя... вы купили мое тѣло—подлые! и душу и тѣло—демоны! Разъ, что я вся ваша... Распоряжайтесь мной... Подлецы! Веди меня отсюда вонъ!.. веди—но только скорѣй... Сейчасъ... Сію минуту... покуда онъ не вернулся—если я его увижу.,. я не уйду... я буду не въ силахъ уйти... я упаду мертвая къ его ногамъ.

Марино выпустилъ добычу изъ своихъ сжатыхъ пальцевъ:

— Va bene!—проговорилъ онъ,—наконецъ-то я узнаю мою княгиню! А теперь, въ путь-дорогу! Насъ ждутъ въ Парижѣ. Вы скоро узнаете, ваше сіятельство, какое почетное порученіе будетъ па васъ возложено.

Онъ пошелъ поднимать кружевную косынку, которую уронила княгиня и, возвращаясь къ бѣдной женщинѣ, увидалъ ее всю въ слезахъ.

— Да перестаньте, дорогая синьора, вы раздираете мнѣ душу, не плачьте.—Вы скоро увидите вашего giovinotto... увѣряю васъ очень скоро.

— Никогда! Никогда!—проговорила Розина сквозь слезы.

— Увидите! увѣряю васъ, очень скоро увидите вашего милаго друга.

Она съ негодованіемъ взглянула на этого безсовѣстнаго человѣка:

— Никогда! Слышите ли никогда! Ищите другихъ для вашихъ подлыхъ дѣлъ... оставьте любовника! оставьте его... Я не хочу его видѣть... Не хочу... Никогда.

— Знаемъ мы всѣ эти клятвы влюбленныхъ, обѣщанья пьяницъ!.. А вотъ и готовый отказъ ему.

Онъ вынулъ изъ кармана заранѣе написанное письмо и положилъ его на столъ, на видное мѣсто.

— Presto e vivace!—воскликнулъ онъ,—желѣзныя дороги не ждутъ, а честь еще того меньше.

Онъ предложилъ руку злополучной женщинѣ, она съ презрѣніемъ отказалась.

Блѣдная, какъ смерть, она подошла уже къ дверямъ, какъ вдругъ вспомнила о букетѣ шиповника на груди. Она сорвала его въ порывѣ безумной страсти, крѣпко поцѣловала, добѣжала до стола и положила его рядомъ съ письмомъ, какъ вѣчное послѣднее «прости». Марино, слѣдившій за каждымъ ея движеніемъ, притворился растроганнымъ.

— Capisco!—проговорилъ онъ,—влюбленный шиповникъ—эмблема нашей милой дикарки, дорогое воспоминаніе о ней и о мечтахъ о ней, при лунномъ свѣтѣ!.. Счастливый молодой человѣкъ!

Не отвѣчая ему, съ горячими, но сухими глазами, точно стряхнувъ съ себя все прошлое любви, Розина бросилась къ дверямъ. Скоро карета увезла ее въ невѣдомыя страны. Черезъ полчаса вернулся Марсель, въ гостиной было темно и пусто. На столѣ онъ нашелъ запечатанное письмо на его имя. Встревоженный, онъ распечаталъ его и вскрикнулъ отъ ужаса.

Въ письмѣ было только двѣ строчки:

«Она думала, что васъ любитъ, но она не любила васъ. Забудьте же ее, какъ забывается все на свѣтѣ».

Никакой подписи.

Марсель читалъ и перечитывалъ это письмо, ничего не понимая, не желая понять его.

Наконецъ, онъ позвонилъ.

— Гдѣ княгиня?

— Княгиня только-что уѣхала.

— Одна?

— Нѣтъ, съ тѣмъ господиномъ, который ждалъ ее.

— Она не сказала куда?

Никто изъ прислуги ничего не зналъ объ этомъ.

— Все равно. Скорѣй запрягать! Я нападу на ея слѣдъ.

Когда Марсель остался одинъ, онъ еще разъ перечиталъ это письмо безъ подписи. И тутъ онъ замѣтилъ букетъ шиповника, увядшій, какъ его любовь. Несчастный захохоталъ смѣхомъ отчаянья, расщипалъ эти жалкіе цвѣты, бросилъ ихъ на полъ и растопталъ ихъ.

— Вотъ тебѣ! комедіантка! вотъ какъ мнѣ дорога твоя память! Какое счастье! Наконецъ, я свободенъ!..

У него вдругъ потемнѣло въ глазахъ, ноги подкосились, и онъ упалъ на полъ безъ чувствъ.

VI.

„Да вѣдь это сынъ мой...“

Настала зима, окутавъ Парижъ своими туманами и уныніемъ. Въ ту ночь шелъ дождь.

Въ фамильномъ замкѣ на Бретельской авеню Марія-Анна сидѣла возлѣ своего отца. Былъ уже вечеръ.

Какимъ старикомъ смотрѣлъ графъ Бенардъ! Достаточно было одного года, чтобы его недавно еще гордый и прямой станъ сдѣлался согбеннымъ. Сѣдые волосы его порѣдѣли; лицо покрылось багровой краской, а изъ угловъ рта ниспадали теперь двѣ глубокія складки—признаки одряхлѣлости. Болѣзнь, снѣдавшая его, усилилась; обмороки повторялись безпрестанно, и докторъ не скрывалъ болѣе своихъ опасеній.

— Въ особенности,—объявилъ онъ,—слѣдуетъ удалять отъ него слишкомъ сильныя волненія; я боюсь какой-нибудь катастрофы.

Бѣдная хромоножка обратилась тогда въ бдительную сидѣлку при больномъ, расточая передъ нимъ весь пылъ своихъ дѣтскихъ чувствъ.

Въ описываемый моментъ, старикъ лежалъ, вытянувшись на кушеткѣ, съ закрытыми глазами, скрестивъ руки. Онъ казался спящимъ; хотя, глядя на эту безкровную блѣдность, на эту безмолвную неподвижность, можно было подумать, что онъ спалъ непробуднымъ сномъ смерти.

Бѣдная Марія-Анна также сильно измѣнилась; худощавое лицо ея подурнѣло еще болѣе, а двѣ складки, лежавшія бороздками на блѣдныхъ щекахъ, свидѣтельствовали о длинныхъ безсонныхъ ночахъ, равно какъ и о долгихъ дняхъ, проведенныхъ въ слезахъ. Въ туалетѣ ея не осталось ни единаго признака наивнаго былого кокетства: ни ленточки, ни цвѣтка въ волосахъ; ея черное шерстяное платье, казалось, носило на себѣ трауръ по какомъ-то исчезнувшемъ «миломъ». Сидя за своимъ роялемъ, молодая дѣвушка быстрыми пальчиками наигрывала звучныя модуляціи и странные диссонансы. Изъ произведеній Шопена она выбирала ноктюрны и берсезы, вещи, излюбленныя ея отцомъ... И посреди печали этой полутемной комнаты раздавались то стенанія высокаго артиста, то взрывы его сокрушенной радости, напоминавшіе собою проклятія содрогающагося богохульства... О, Шопенъ! поэтъ, погибшій отъ горести, ты геній, который былъ цѣликомъ сотканъ изъ слезъ, патріотъ, оплакивавшій свое отечество, любовникъ, презиравшій свои увлеченія... какая страждующая душа могла когда бы то ни было слышать безъ содраганія вопли, исторгнутые твоимъ отчаяніемъ на трупъ твоего сердца!

Два легкихъ удара въ дверь заставили молодую дѣвушку подскочить; она вдругъ остановилась... Дверь пріотворилась и на порогѣ показалась растрепанная фигура Филомены.

— Барышня!

— Что, другъ мой?

— Барышня... гости!

— Въ этотъ часъ?

Марія-Анна задрожала; внезапное волненіе лишило ее способности рѣчи.

— Гости!—повторяла служанка,—вамъ необходимо надо сойти внизъ!

Графъ Бенардъ снова открылъ глаза.

— Ступай, дитя мое, и приди мнѣ сказать, что это за таинственность.

Марія-Анна немедленно вышла, и больной снова впалъ въ свою прерванную дремоту... Тѣмъ не менѣе онъ прислушивался и слышалъ.

Въ домѣ поднялось необычайное хожденіе взадъ и впередъ... шумъ голосовъ,—голосъ его дочери, еще какой-то другой... Поднимались на лѣстницу... шаги въ коридорѣ... наконецъ дверь слегка толкнули: передъ нимъ стоялъ Марсель.

Графъ Бенардъ не шевельнулся.

— Это вы, сударь?—сказалъ онъ равнодушно,—и такъ вотъ вы возвратились?

Скромно, все на той же дистанціи, молодой человѣкъ преклонилъ одно колѣно:

— Батюшка, простите меня!.. я такъ много перенесъ!

Никакого отвѣта. Онъ началъ снова:

— Простите меня... Я низко оскорбилъ васъ; я хотѣлъ вынудить ваше согласіе на бракъ недостойный: дать ваше имя существу ничтожному; открыть ему вашъ домъ, вашу семью! Но вѣдь я страдалъ; я искупилъ свою вину!—Простите меня!

— Батюшка!.. О, батюшка!—подобно эху вторилъ умоляющій голосъ Маріи-Анны.

Графъ Бенардъ нѣсколько приподнялъ голову.

— А какъ давно покинули вы вашъ за̀мокъ Сассевиль?

Марсель на минуту призадумался. Затѣмъ прерывающимся голосомъ продолжалъ:

— Да, я долженъ былъ бы раньше броситься къ ногамъ вашимъ, раньше умолять о вашемъ снисхожденіи: я не смѣлъ, я... Нѣтъ, я лгу, — я не хотѣлъ! Страсть владѣла еще мною всѣмъ вполнѣ. Отъ меня бѣжали: я пытался нагнать; спаслись,—я преслѣдовалъ! Я пересѣкъ Францію, проѣхалъ Италію, исколесилъ всѣ города... Ничего! я ничего не нашелъ!.. И вотъ теперь страсть потухла; безуміе мое вполнѣ излечено! Батюшка, простите меня!.. Я столько перенесъ!

Маленькая хромоножка совершенно по-дѣтски подбѣжала и также опустилась на колѣни.

— Папа!.. О, папа!—повторяла она, не находя другихъ словъ для мольбы.

— Если я и рѣшился явиться къ вамъ,—продолжалъ Марсель,—такъ это потому, что я долженъ проститься съ вами. Я не въ силахъ былъ бы оставаться въ Парижѣ подъ гнетомъ вашего гнѣва! Жизнь моя разбита; я долженъ возродить въ себѣ новую душу. Я уѣду. Я просилъ, чтобы меня отправили въ какое-нибудь отдаленное консульство, все равно въ какую ссылку, только куда-нибудь подальше... туда, гдѣ исполненіе долга поможетъ мнѣ снова обрѣсти сознаніе моего собственнаго достоинства... Осмѣлюсь ли, батюшка, просить васъ скрѣпить мою челобитную?

Графъ Бенардъ обратилъ свой взоръ на просителя:

— Хорошо... я поговорю съ министромъ.

Марсель поднялся съ колѣнъ и, въ сопровожденіи Маріи-Анны, пошатываясь, вышелъ.

Все также вытянувшись на кушеткѣ, графъ Бенардъ слышалъ, какъ онъ удалялся медленными шагами... вотъ спускаются съ лѣстницы, спотыкаясь на каждой ступенькѣ... они вовсе не остановились въ первомъ этажѣ... вотъ шаги раздаются уже въ передней, близко къ выходу, къ улицѣ, къ разставанью, быть можетъ, безъ возврата...

Во мгновеніе ока старикъ очутился на ногахъ; онъ бросился къ двери своей комнаты и съ силой рванулъ ее.

— Марсель!

Шаги остановились.

— Марсель! Марсель!..

И сынъ прибѣжалъ; отецъ раскрылъ ему свои объятія; онъ, внѣ себя, бросился въ нихъ... не произнеся ни слова. Долго обнявшись, они молчали, и тотъ и другой.

VII.

Ночной призракъ.

«Сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся»...

Въ настоящій моментъ въ комнатѣ возвратившагося блуднаго сына трещалъ веселый каминъ, и лампа распространяла изъ-подъ абажура свой слабый, робкій свѣтъ. Марсель поцѣловалъ Марію-Анну въ лобъ и тихо отпустилъ ее отъ себя.

— Иди, милочка, я чувствую себя усталымъ; мнѣ хотѣлось бы попытаться заснуть.

Наконецъ-то онъ остался одинъ!..

Какое наслажденіе располагать возможностью подкрѣпить свое тѣло и усыпить свою душу!..

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Д. М. Леоновой.** 2) Месть карбонаріевъ. (La Savelli). Романъ изъ временъ второй имперіи во Франціи. **Жильбера Огюстэна-Тьерри.** Переводъ съ французскаго. Часть первая. Гл. VI—VIII. Часть вторая. Гл. I—VII. (Продолженіе). 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина. 4) Объявленія.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Програма **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. **Редакторъ С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

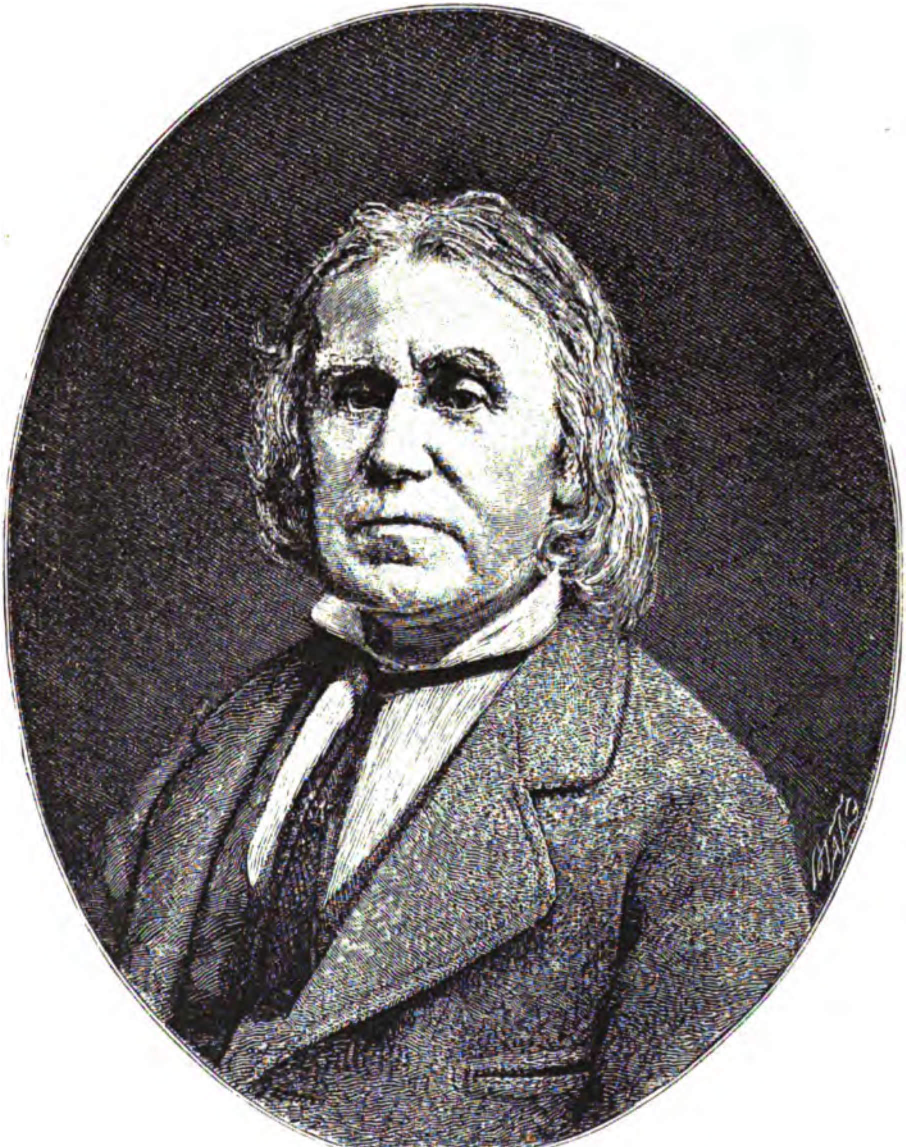
ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

МАРТЪ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1891 г.

См. слѣд. стр.



НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СТЕПАНОВЪ

Дозволено цензурою. Спб., 22 февраля 1891 г.

ФАМИЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ[1].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ ДЕНЬ похоронъ Марѳы Григорьевны, снѣгъ падалъ, не переставая, а къ ночи завернулъ морозъ, да такой лютый, что зима стала твердо.

На девятый день множество народу понаѣхало по первопутку изъ сосѣднихъ селъ и деревень въ Воротыновку, къ панихидѣ, и всѣ потомъ угощались на поминальномъ обѣдѣ въ большой людской вмѣстѣ съ дворовыми людьми.

А сорочины справлялись еще пышнѣе; издалека пожаловали помянуть Марѳу Григорьевну знакомые господа и для нихъ обѣдъ былъ приготовленъ въ домѣ, въ большой столовой съ хорами и разрисованными потолками. Сервировался этотъ обѣдъ какъ при покойницѣ, также чинно и богато, на серебрѣ, съ иностранными винами, и кушанья были такія затѣйливыя, что многіе изъ гостей не умѣли и названіе къ нимъ прибрать. Поваръ съ поваренками потрудился на славу въ тотъ день.

Хлопотали около гостей и угощали ихъ Ѳедосья Ивановна, Варвара Петровна и Митинька. За порядкомъ же и прислугой, чтобы каждый свое дѣло помнилъ и чтобы все чинно да безъ сутолоки дѣлалось, наблюдалъ Игнатій Самсонычъ.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 305.

И онъ и другіе старшіе слуги, а также Варвара Петровна съ Митинькой, облеклись по этому случаю въ траурную одежду, вынутую изъ сундуковъ, гдѣ она хранилась еще съ того времени, какъ старый баринъ, супругъ Мареы Григорьевны, померъ.

Мареинька не показывалась.

Ее и въ церкви не было видно. Она молилась въ темномъ углу на хорахъ и спустилась оттуда тогда только, когда Малашка прибѣжала ей сказать, что въ церкви никого болѣе нѣтъ, всѣ господа понасѣли въ сани да въ кибитки и поѣхали въ домъ.

Но Мареинька все еще съ минуту замѣшкалась на паперти прежде, чѣмъ пуститься съ Малашкой въ путь, такъ боялась она попасть на глаза кому-нибудь изъ чужихъ.

Онѣ прошли въ домъ тропинкой, прочищенной по приказанію барышни, черезъ паркъ прямо къ той потайной двери, скрытой за густыми кустами сирени, что вела къ лѣстницѣ винтомъ, въ тѣ двѣ комнаты бель-этажа, въ которыхъ барышня, послѣ смерти бабушки, поселилась.

Съ какою цѣлью была сдѣлана эта лѣстница и когда именно — Мареинька не знала, да и знать не хотѣла. Ей нравилась мысль, что она открыла этотъ ходъ и эту лѣстницу и что никто раньше не подозрѣвалъ объ ихъ существованіи.

Оно можетъ быть такъ и было. Домъ былъ выстроенъ еще свекромъ Мареы Григорьевны и передъ тѣмъ какъ этой послѣдней здѣсь поселиться, въ немъ были произведены нѣкоторыя передѣлки, однѣ двери прорубили тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, другія наглухо заколотили, въ томъ числѣ и ту, что вела къ вышеупомянутой таинственной лѣстницѣ, найденной впослѣдствіи Мареинькой.

Любознательностью она заразилась отъ своего учителя. Маркиза чрезвычайно занимала оригинальная архитектура Воротыновскаго дома, онъ сравнивалъ эту постройку съ тѣми, которыя видѣлъ во Франціи и въ Германіи, и находилъ крайне интереснымъ остроумныя приспособленія, придуманныя русскимъ строителемъ съ цѣлью согласовать условія иноземнаго вкуса съ потребностями отечественныхъ нравовъ.

Желаніе Мареиньки поселиться одной съ Малашкой во второмъ этажѣ, гдѣ были парадные нежилые покои, отворявшіеся только въ экстренныхъ случаяхъ, вызвало горячій протестъ со стороны ея сожителей.

Не только разсудительная Өедосья Ивановна, Митинька и Самсонычъ, находили намѣреніе это неудобнымъ и нелѣпымъ, но также и Варвара Петровна, не взирая на свое пристрастіе ко всему эксцентричному, отнеслась къ этой идеѣ крайне неодобрительно и вмѣстѣ съ другими старалась отговорить отъ нея юную фантазерку.

Не лучше ли ей было поселиться внизу? Тутъ и теплѣе и люднѣе. Сюда и Өедосья Ивановна съ Варварой Петровной перебра-

лись сверху послѣ кончины барыни. Здѣсь въ длинной горницѣ, служившей нѣкогда билліардной, устроили дѣвичью. Потолки низкіе, во всѣ окна лѣтомъ зелень изъ саду лѣзетъ, на подоконники стòитъ только зерна насыпать, мигомъ воробьи слетятся. Тутъ и зимой, какъ затопятъ печку съ широкой лежанкой, такъ весело и уютно, что подмываетъ пѣсни пѣть да сказки разсказывать, а наверху всегда мрачно, пусто, холодно и жутко.

И долго еще будетъ тамъ по ночамъ являться призракъ покойной Мареы Григорьевны, на широкой кровати, вся въ бѣломъ, съ зажженной свѣчей въ рукѣ, и слышаться ея громкая, торжественная, предсмертная рѣчь. А въ большой залѣ будетъ мерещиться малиновый, бархатный гробъ на возвышеніи и строгое восковое лицо покойницы, озаренное трепещущимъ блескомъ свѣчей въ высокихъ подсвѣчникахъ, и чувствоваться запахъ ладана, и слышаться пѣніе «со святыми упокой».

— Да ты тамъ, сударыня, до смерти можешь напужаться,—говорила Өедосья Ивановна.

— Господи! Да я бы ни за чтò!.. Ну вотъ, хоть озолоти меня сейчасъ съ ногъ до головы, чтобъ я тамъ хоть ночку одну переночевала, ни за чтò!—подхватывала, вздрагивая отъ ужаса, Варвара Петровна.

Митинька, какъ мущина, больше на холодъ, да на сырость напиралъ. Долго ли простудиться? Вѣдь весь этажъ отапливать невозможно. Сама покойница Мареа Григорьевна завсегда къ зимѣ внизъ перебиралась, потому что тутъ уютнѣе и теплѣе. Если смерть застала ее въ парадной спальнѣ наверху, то это потому только, что до самого дня ея похоронъ морозовъ не было.

— А теперь ужъ скоро весна,—замѣчала на это съ улыбкой Мареинька,—мерзнуть намъ, значитъ, съ Малашкой долго не придется.

— Да чтожъ ты тамъ одна-то будешь дѣлать, сударыня? Статочное ли дѣло, чтобы молодая дѣвица и вдругъ одна, съ одной только дѣвкой, въ цѣлыхъ шестнадцати комнатахъ жила!

Өедосья Ивановна находила это даже крайне неприличнымъ, хотя объяснить почему именно неприлично, ей было бы трудно. А Варвара Петровна, та все о скукѣ толковала.

— Здѣсь все-таки, и съ нами когда погуторите и дѣвушки вамъ пѣсенку могутъ спѣть, да и гостей принять, когда пріѣдутъ васъ навѣстить, удобнѣе.

Но Мареинька стояла на своемъ. Ни пѣсенъ, ни гостей, ни разговоровъ ей не надо; одного только желала она, чтобъ ее въ покоѣ оставили.

— Дайте мнѣ ради Бога пожить, какъ хочется, до пріѣзда Александра Васильевича,—повторяла она съ слезами на глазахъ.

Ее спѣшили успокоить.

— Да мы, сударыня, и не неволимъ тебя, ты барышня и власти нашей надъ тобою нѣту, какъ хочешь, такъ живи,—сказала Өедосья Ивановна.—Мы только, какъ старые люди, и тебя жалѣючи, не хотимъ, чтобы печалилась ты одна, вотъ и все. А хочешь ты наши совѣты слушать, или нѣтъ—это ужъ твоя воля. По нашему разумѣнію, затворницей тебѣ жить съ такихъ младыхъ лѣтъ не приходится. Судьба твоя еще неизвѣстна, можетъ Господь и взыщетъ тебя по сиротству и счастье тебѣ пошлетъ, жениха хорошаго, или инако какъ устроитъ тебя, все это въ Его Святой волѣ! Вотъ, Богъ дастъ, молодой баринъ пріѣдетъ, тогда все узнаешь. Можетъ ты тогда и настоящей барыней, помѣщицей окажешься, кто знаетъ! Вѣдь покойница-то тебя какъ свое родное дитя любила, а имѣньевъ и добра всякаго много послѣ нея осталось, было ей чѣмъ тебя наградить,—прибавляла Өедосья Ивановна съ тонкой усмѣшкой.

По одной этой усмѣшкѣ можно было догадаться, что ей многое извѣстно изъ того, что для всѣхъ остальныхъ составляло еще непроницаемую тайну. Не даромъ Марөа Григорьевна дольше всѣхъ съ Өедосьей Ивановной бесѣдовала передъ смертью.

II.

Впрочемъ, въ томъ, что барыня не забыла блестящимъ образомъ обезпечить свою любимицу, никто въ Воротыновкѣ не сомнѣвался. Всѣ помнили, какъ строго наказывала она окружающимъ служить Марөинькѣ, какъ барышнѣ, и беречь ее всячески. Кто думалъ, что покойница ей по завѣщанью оставила одно изъ своихъ имѣній, кто предполагалъ, что она капиталомъ изряднымъ наградила ее, или тотъ домъ въ городѣ, ей завѣщала, который стоитъ тамъ съ заколоченными ставнями, весь полный мебели и всякой утвари, съ тѣхъ поръ какъ въ немъ супругъ Марөы Григорьевны скончался. А можетъ Марөинька сдѣлается владѣтельницей земель за Волгой, подъ Саратовомъ? Во многихъ мѣстностяхъ были имѣнія у Марөы Григорьевны, и въ ея было волѣ награждать своихъ любимцевъ, какъ ей вздумается.

Все это должно было сдѣлаться извѣстнымъ, когда молодой баринъ пріѣдетъ.

А между тѣмъ, пріѣздъ этотъ съ мѣсяца на мѣсяцъ откладывался. Въ краткихъ посланіяхъ, состоящихъ изъ однихъ только приказаній и распоряженій по хозяйству, ни однимъ словомъ не упоминалось ни о причинахъ задерживающихъ его пріѣздъ въ Воротыновку, ни о томъ, когда именно состоится этотъ пріѣздъ.

— Хочетъ врасплохъ застать,— толковали промежъ себя старшіе слуги, староста Өедотъ, Игнатій Самсонычъ и другіе.

Мало-по-малу, о немъ составилось такое мнѣніе, что онъ: «изъ молодыхъ, да ранній» и что съ нимъ слѣдуетъ «ухо держать востро».

Припоминая черты изъ нрава его прадѣда, дѣда и отца, Ѳедосья Ивановна выводила заключеніе, довольно-таки зловѣщаго свойства, относительно его ума и характера, но Варвара Петровна, та съ восторженнымъ умиленіемъ распространялась объ его красотѣ, ловкости и благородствѣ. Ужъ если онъ былъ такимъ красавцемъ десять лѣтъ тому назадъ, юношей шестнадцати лѣтъ, то можно себѣ представить, что за прекрасный кавалеръ вышелъ изъ него впослѣдствіи, когда у него и усы выросли, и возмужалъ онъ, да еще въ военномъ мундирѣ!.. Ума помраченіе да и только!

А Ѳедосья Ивановна, продолжала, не вслушиваясь въ восторженныя восклицанія старой дѣвы:

— Дѣдушка-то его, страсть какой былъ злопамятный, помнишь Самсонычъ?—обращалась она къ старому дворецкому, который отвѣчалъ ей глубокимъ вздохомъ. — И ужъ такой-то упрямый, что захочетъ, непремѣнно на своемъ поставитъ. И сынокъ-то, Василій Григорьевичъ, весь въ него вышелъ. Одну только покойницу Марѳу Григорьевну и боялись, одну только ее и почитали.

— И гордый же онъ долженъ быть, Александръ-то Васильевичъ, у-у-у, какой гордый! — робко присоединялъ и свое мнѣніе къ этой оцѣнкѣ Митинька.

Никакъ не могъ онъ забыть обиды, нанесенной ему наслѣдникомъ его благодѣтельницы. Вскорѣ послѣ смерти этой послѣдней, Митинька постарался, написалъ ему длинное письмо со всѣми подробностями: какъ Марѳа Григорьевна помирала, что она говорила передъ смертью, какъ ее хоронили, да поминали, а молодой баринъ хоть бы спасибо сказалъ ему за это, такъ и пропали даромъ Митинькино усердіе и краснорѣчіе.

Но Варвара Петровна и тутъ находила извиненіе своему любимцу.

— Еще бы ему не быть гордымъ! Такой красавецъ, да знатный, да богатый!—восклицала она.

И почти каждый день, такимъ образомъ сыпались воспоминанія, разсказы, предположенія, на счетъ героя всеобщихъ здѣсь ожиданій, опасеній и мечтаній.

А когда гостили въ Воротыновкѣ пріятельницы Варвары Петровны попадейки, изъ которыхъ одна превратилась въ мать семейства, вышедши замужъ за дьякона въ Морскомъ, а другая успѣла обвѣнчаться и овдовѣть, тогда ужъ конца не было разговорамъ, главною темой которыхъ служили восторженныя воспоминанія о томъ, черезчуръ, увы, короткомъ времени, когда молодой Воротынцевъ гостилъ у прабабки.

Эти шесть недѣль сверкающей точкой запечатлѣлись на вѣки въ памяти всѣхъ обитателей Воротыновки безъ исключенія. Съ этого времени здѣсь вели лѣтосчисленіе и, припоминая о такомъ-то или о такомъ-то событіи, говорили: это было прежде или это случилось послѣ Александра Васильевича.

Одна Мареинька не принимала участія въ этихъ разговорахъ и только загадочно улыбалась, прислушиваясь къ нимъ.

Странную жизнь повела она послѣ смерти своей благодѣтельницы. Уединеніемъ своимъ въ бель-этажѣ она не только не соскучилась, какъ всѣ ожидали, но со дня на день все упорнѣе отдалялась отъ людей, сокращая на сколько возможно то время, которое должна была, волей-неволей, проводить въ обществѣ. Скушаетъ двѣ-три ложки похлебки за обѣдомъ, крошечный кусочекъ цыпленка и ужъ сыта, бѣжитъ къ себѣ на верхъ, читать, играть на клавесинѣ и пѣть. Или, усѣвшись на окно, выходившее на тополевую аллею, смотритъ по цѣлымъ часамъ вдаль, не шелохнется и до того углубится въ свои думы, что если окликнуть ее, вздрогнетъ, поблѣднѣетъ, какъ полотно, взглядъ сдѣлается растерянный, готова упасть въ обморокъ.

Устроилась она въ новомъ помѣщеніи, по своему, чуднò какъ-то и странно. Откопала въ одной изъ кладовыхъ красную ткань, служившую, можетъ быть, нѣкогда пологомъ, понадѣлала на окна занавѣски, задергивающіяся на кольцахъ, стѣны увѣшала картинами въ источенныхъ червями рамахъ, а тотъ шкафъ съ французскими книгами, ключъ отъ котораго она носила постоянно при себѣ, приказала перетащить въ ту комнату, что служила ей спальней и по цѣлымъ вечерамъ читала при свѣтѣ восковыхъ свѣчей, вставленныхъ въ низенькіе серебряные подсвѣчники, заграничной работы.

А иногда она пѣла по цѣлымъ ночамъ до разсвѣта, акомпанируя себя на клавесинѣ.

Первое время всѣ эти выдумки смущали окружающихъ и заставляли ихъ опасаться за отданную на ихъ попеченіе барышню-сироту. Ужъ не порчу ли какую, Боже упаси, напустили на нее злые люди, что она не такая какъ всѣ прочія дѣвицы ея лѣтъ и находитъ себѣ удовольствіе въ томъ, отъ чего бы другая съ тоски пропала? Но потомъ къ странностямъ ея привыкли.

Хỳда ей отъ этой жизни, что она сама себѣ устроила, не было никакого; никогда ни жаловалась она ни на скуку, ни на нездоровье, щечки у нея были розовыя, глаза блестящіе и ходить она могла по долгу не уставая. По нѣскольку верстъ отмахивала съ своей вѣрной Малашкой по лѣсу лѣтомъ, и въ такія дебри заходили онѣ, о которыхъ никто въ домѣ и понятія не имѣлъ.

Вернутся оттуда съ обильной жатвой полевыхъ цвѣтовъ, ягодъ, грибовъ, веселыя, бодрыя, насквозь пропитанныя лѣсными ароматами, часто съ изодранными въ клочья платьями отъ терновника, сквозь который продирались и все о чемъ-то, съ радостно-сверкающими глазами, шепчутся между собою.

Малашка доводилась внучатною племянницей Өедосьѣ Ивановнѣ и съ ранняго дѣтства приставлена была въ горничныя къ барышнѣ.

Ей было лѣтъ восемнадцать; высокая брюнетка съ живыми глазами, веселая, пронырливая, ловкая, она пользовалась полнѣйшимъ довѣріемъ Мареиньки. Но старшимъ отъ того толку мало было. Өедосья Ивановна, поощрявшая эту дружбу съ цѣлью узнать внутренній міръ барышни, ошиблась въ разсчетѣ. Хохотушка Малашка заразилась скрытностью отъ своей госпожи, и ничего отъ нея нельзя было узнать.

— Ну, да слава Богу хоть за то, что барышня не одна по полямъ, да по лѣсу бродитъ,—говорила Өедосья Ивановна.

— Да и ночью-то имъ вдвоемъ не такъ страшно на верху,—присовокупляла къ этому Варвара Петровна.

III.

Съ наступленіемъ осени, когда нельзя было проводить большую часть дня въ лѣсу, Мареинька снова принялась за чтеніе и музыку. И опять стало раздаваться по цѣлымъ вечерамъ ея пѣніе по всему дому, не взирая на запертыя двери, и всю почти ночь можно было видѣть свѣтъ въ ея спальнѣ сквозь завѣшанныя окна.

Мареинька ночью книжки читала.

Кромѣ тѣхъ, въ которыхъ описывались подвиги рыцарей и ихъ дамъ, какъ напримѣръ Mathilde ou les Croisades, les Chevaliers du Cygne, Eginard et Emma и тому подобныя, маркизъ оставилъ своей ученицѣ произведенія болѣе современныхъ авторовъ, писателей конца XVIII вѣка, г-жъ Сталь и Жанлисъ, Ж. Ж. Руссо и другихъ, а также переводы съ нѣмецкаго и англійскаго,—«Les souffrances du jeune Werther», «Paméla ou la vertu recompensée», «Clarisse Harlowe», «Charles Grandisson» и проч., и проч., и проч., почти все, что восемнадцатый вѣкъ завѣщалъ намъ по части сантиментальнаго романтизма.

Все это Мареинька, съ жадностью юной восторженной души, жаждущей сильныхъ ощущеній, читала и перечитывала на просторѣ, въ полнѣйшемъ уединеніи, не имѣя ни единаго существа, съ которымъ ей можно было подѣлиться впечатлѣніями, и уносясь мечтами далеко отъ дѣйствительной жизни въ чудный міръ, населенный геніями и чудовищами, героями и героинями, неземной красоты и недосягаемой для простого смертнаго добродѣтели и духовнаго величія.

Походить на героинь этихъ хоть въ чемъ-нибудь, сдѣлалось ея самой завѣтной мечтой. И вотъ, за невозможностью бороться съ какимъ-нибудь коварнымъ злодѣемъ, испытывать муки плѣна у невѣрныхъ, жертвовать собой для какого-нибудь Малекъ-Аделя, или томиться въ башнѣ стараго зáмка, окруженнаго глубокимъ рвомъ съ подъемнымъ мостомъ, въ ожиданіи избавителя въ коль-

чугѣ, латахъ и въ шлемѣ съ забраломъ, Мареинька пыталась хоть въ чемъ-нибудь подражать излюбленнымъ своимъ героинямъ.

Она устроивала себѣ странные костюмы изъ платьевъ, хранившихся въ гардеробной покойной Мареы Григорьевны, надѣвала на себя длинныя юбки съ фижмами, изъ дорогой парчи съ затканными бархатными цвѣтами яркаго цвѣта, перешивала на свою гибкую, тонкую, дѣвичью, талью, корсажи на твердыхъ костяхъ съ торчащими широкими воротниками изъ старыхъ пожелтѣвшихъ кружевъ, съ пышными рукавами, и прохаживалась въ этомъ убранствѣ съ вѣеромъ въ рукахъ по обширнымъ, парадным покоямъ, стараясь подражать походкой и жеманствомъ той дамѣ изъ прочитаннаго романа, которую ей хотѣлось олицетворить собой. Съ сладостнымъ замираніемъ сердца прислушиваясь къ шелесту жесткой шелковистой ткани, волочившагося за ней длиннаго шлейфа, по источенному червями, а мѣстами прогрызенному мышами, паркету, Мареинька, иногда какъ вкопанная останавливалась среди обширнаго покоя и начинала декламировать. цѣлыя сцены изъ романа, страстные монологи по адресу отсутствующаго героя, въ стихахъ или въ прозѣ, смотря по тому, что первое навертывалось ей на память—подходящее ли мѣсто изъ трагедіи Корнеля или тирады изъ романа мадамъ Cottin.

А иногда она облекалась вся въ бѣлое, распускала по плечамъ свои длинные золотистые волосы и разыгрывала передъ высокими зеркалами въ золоченныхъ рамахъ сцены изъ поэмы Оссіана или изъ «Нины съумасшедшей отъ любви» и тому подобныхъ произведеній.

Свидѣтельницей этихъ чудачествъ барышни была одна только Малашка; никому больше Мареинька не довѣрялась, но ужъ за то въ Малашкѣ она имѣла преданную и вполнѣ надежную наперстницу, ловкую, увертливую и находчивую.

— Чтò это у васъ опять за возня была наверху?—спрашивала у этой послѣдней Өедосья Ивановна, когда ей случалось, проснувшись ночью, слышать шорохъ и шаги въ комнатахъ наверху.

— Это крысы, тетенька, — не задумываясь объясняла Малашка.—Страсть сколько у насъ этой подлой твари развелось! Ужъ я хочу у коровницы Марьи кота взять хоть на одну ночь, пусть онъ ихъ тамъ передушитъ подлянокъ, чтобы, Боже упаси, намъ съ барышней носы не отъѣли...

— И музыку вѣрно у васъ тоже крысы по ночамъ играютъ?—недовѣрчиво покачивала головой Өедосья Ивановна.

Малашка раскрывала изумленные глаза.

— Кака така музыка? Мы съ барышней спали и никакой музыки не слыхали.

— Ладно, вотъ какъ заведу я тебя въ чуланъ, да отстегаю тамъ прутомъ, узнаешь ты тогда какъ старшихъ морочить! Крысы

у нея, видите ли вы, на клавикордахъ по ночамъ играютъ!.. ахъ ты, безстыжая!

— Да ей Богу же, тетенька, вотъ провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ!

— Нишкни, полно врать-то! До разсвѣта вы тамъ съ барышней куралесите. Нынче, ночью, у васъ въ окнахъ огонь видѣли, ужъ послѣ того, какъ пѣтухи пропѣли.

— Кто это видалъ?

— Ѳомка видалъ, вотъ кто.

— Да ему пригрезилось, Ѳомкѣ-то вашему. Какъ пѣтухи-то пѣли, мы съ барышней уже давнымъ-давно спали. Передъ ужиномъ онѣ со мной ходили въ библіотеку, это точно, за новыми нотами, а потомъ и не думали, вотъ вамъ крестъ, что не думали.

— Вотъ и Самсонычъ говоритъ: «пожара бы, Боже упаси, не надѣлали, со свѣчей-то ночью», — стояла на своемъ Ѳедосья Ивановна.

— Да ужъ не безпокойтесь, пожалуйста, тетенька, я вѣдь тоже не о двухъ головахъ,—возражала Малашка. — Если даже когда и пройдемся мы съ барышней по комнатамъ, такъ бѣды отъ того никому не будетъ, стульевъ тамъ не просидимъ и паркета не продавимъ, не безпокойтесь.

IV.

Впрочемъ, забавляться переодѣваньями и декламировать монологи передъ зеркалами, Марѳинькѣ скоро надоѣло и съ наступленіемъ весны, второй со смерти Марѳы Григорьевны, она изобрѣла себѣ новую забаву—вздумала верхомъ ѣздить.

Для этого понадобилась лошадь, дамское сѣдло, амазонка и мужская шляпа.

— А вы бы объ этомъ съ Игнатіемъ Самсонычемъ переговорили,—посовѣтовала Малашка,—они, намеднись, въ людской хвастались, что при покойной барынѣ въ берейторахъ состояли, когда онѣ еще молоденькіе были и верхомъ скакали.

— Здѣсь?—спросила барышня.

— Здѣсь, должно быть, потому-что и Митрій Митричъ съ ними ѣздилъ, —отвѣчала Малашка.

— Значитъ, и сѣдло ея здѣсь гдѣ-нибудь спрятано. Надо его найти, Малаша.

— А вотъ дайте срокъ, я вамъ все это разузнаю.

И въ тотъ же день, вечеромъ, провожая барышню внизъ ужинать, она шепнула ей на ухо:

— Сѣдло есть, въ гардеробной, на антресоляхъ, ключъ у тетеньки Ѳедосьи Ивановны. Надо къ ней подбиться.

Ужинала и обѣдала Марѳинька внизу, за однимъ столомъ съ Варварой Петровной и съ Митинькой. Такъ ужъ повелось въ домѣ

съ того дня, какъ старая барыня скончалась и обычая этого Мареинька нарушать не рѣшалась.

При трапезахъ этихъ всегда присутствовала Ѳедосья Ивановна, стоя у притолки двери, что вела въ дѣвичью, а прислуживалъ господамъ молодой малый Ѳомка, изъ котораго Самсонычъ выдрессировалъ себѣ весьма приличнаго преемника.

Иногда старикъ сползалъ съ своей лежанки, чтобы видѣть какъ Ѳомка служитъ. Для этого Самсонычъ становился рядомъ съ Ѳедосьей Ивановной и, важно насупившись, училъ Ѳомку пріемамъ лакея хорошаго дома; брюжжалъ на него за то, что онъ недостаточно вѣжливенько подсовывалъ чистыя тарелки господамъ, шумитъ ножами и вилками, мало выгибаетъ фертомъ локоть, подавая блюда, и тому подобное.

Тутъ же, кстати, онъ и казачковъ, толкавшихся у господскаго стола, началилъ, дралъ ихъ за вихры и за уши за каждую провинность.

— Самсонычъ, кто провожалъ бабушку, когда она верхомъ въ Петербургѣ ѣздила?..—спросила барышня передъ тѣмъ, какъ встать изъ-за стола.

— Я провожалъ, сударыня, кому же больше. Верхомъ ѣздить меня въ полку учили, чтобы заправскаго берейтора изъ меня сдѣлать,—отвѣчалъ старикъ. — И вотъ, бывало, какъ пришлютъ изъ дворца приказаніе, чтобы намъ къ царской кавелькадѣ готовиться...

— А здѣсь съ кѣмъ бабушка ѣздила?—прервала начатое повѣствованіе Мареинька.

— Здѣсь спервоначалу тоже со мной, а потомъ, какъ Митрій Митричъ у насъ проявились, такъ съ нимъ изволили ѣздить.

Мареинька оглянулась на сидѣвшаго по правую ея руку старика и ласково кивнула ему.

На лицѣ Митиньки расплылась блаженная улыбка, а у Ѳедосьи Ивановны, тревожно слѣдившей за этой сценой, сдвинулись озабоченно брови. Малашка же, выглядывавшая изъ двери сверкающими отъ любопытства глазами, фыркнула въ кулакъ, а Варвара Петровна разсказала, что ей одинъ только разъ и удалось видѣть Мареу Григорьевну верхомъ на конѣ.

Это случилось сорокъ лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ пріѣзда Варвары Петровны въ Воротыновку. Ей было тогда семнадцать лѣтъ, а благодѣтельницѣ ея за пятьдесятъ. Но больше тридцатипяти никто бы ей тогда не далъ, не правда ли, Ѳедосья Ивановна?

Ѳедосья Ивановна утвердительно кивнула.

— Я какъ сейчасъ ихъ вижу,—продолжала приживалка,—на нихъ была амазонка изъ голубого сукна, небеснаго цвѣта, лифъ въ видѣ гусарской куртки, съ золотыми переплетами на груди, перчатки лайковыя съ крагами, а на головѣ мужской беретъ съ перьями. Очень было красиво.

— Ужъ не собираешься ли и ты, сударыня, верхомъ ѣздить?—обратилась Ѳедосья Ивановна къ барышнѣ.

— Да, мнѣ хотѣлось бы,—отвѣтила Марѳинька.

— Ну, ты эту затѣю брось. Это тогда была мода, потому что сама царица Екатерина Алексѣевна любила верхомъ ѣздить, и всѣ прочія за нею, а таперича у насъ государь мужскаго полу, Алесандръ Павловичъ, и барынямъ примѣръ брать не съ кого. Поди чай и въ Петербургѣ-то никто изъ барынь таперича не ѣздитъ, развѣ ужъ отчаянныя какія. Ну, а тебѣ, какъ дѣвицѣ, да сиротѣ вдобавокъ, и вовсе не подобаетъ такой куражъ на себя напускать.

И озадаченная немного упорнымъ молчаніемъ барышни да лукавой усмѣшкой Малашки, она прибавила уже не такъ рѣшительно:

— Да и ѣздить-то тебѣ не на чемъ, лошадей у насъ такихъ, чтобы выѣзжены были подъ дамское сѣдло, нѣтъ, костюмъ покойницы-бабушки тебѣ впору не будетъ, сѣдло, поди чай, давно ужъ мыши изгрызли, а берейторы-то наши ишь какъ состарились! У одного водянка, кажись, начинается, ноги-то какъ бревна раздуло, а другому пѣшкомъ даже до бани безъ палки не доползти, вотъ это какіе берейторы,—кивнула она съ насмѣшливой улыбкой на Самсоныча съ Митинькой.

И на это Марѳинька ничего не возражала. Но отъ мечты своей не отказалась и даже весьма скоро привела ее въ исполненіе. Вышеприведенный разговоръ происходилъ въ половинѣ мая, а въ первыхъ числахъ іюня, она уже скакала по полямъ и лѣсамъ, въ амазонкѣ, доморощеннаго издѣлія, сшитой по указаніямъ Варвары Петровны изъ какой-то пестрой ткани, найденной въ гардеробной. Тамъ же и сѣдло оказалось за шкапомъ, въ пыли и на половину источенное молью, но шорникъ его починилъ, обтянулъ кускомъ бархата, споротаго съ одного изъ золоченыхъ креселъ въ парадной гостиной и пошло за новое. Шляпу презентовала барышнѣ Малашка. Это была, брошенная за негодностью, дорожная шляпа Александра Васильевича, широкополый сѣрый фѣтръ, кокетливо приподнятый съ одной стороны, «à la mousquetaire», съ большимъ бѣлымъ перомъ.

Марѳинька смастерила себѣ изъ этого хлама фантастическій головной уборъ, который, не взирая на свое безобразіе, ей былъ къ лицу.

Нашлась на конюшнѣ и лошадь, довольно преклонныхъ лѣтъ, которую старый кучеръ Степанъ приспособилъ подъ дамское сѣдло. Выѣздилъ ее Прошка, старшій конюхъ. Онъ же вызвался служить и берейторомъ барышнѣ.

Впрочемъ, вдвоемъ кататься имъ удавалось рѣдко; большею частью, на старой кобылѣ за ними трусилъ Митинька, а передъ тѣмъ, какъ кавалькадѣ пускаться въ путь, вся дворня сбѣгалась

смотрѣть какъ барышню сажаетъ на сѣдло кучеръ Степанъ, почтительно указывая ей, какъ держать промежъ пальчиковъ поводья, какъ сидѣть и какъ дѣйствовать хлыстомъ.

Тѣшилась новой забавой Мароинька мѣсяца полтора и такъ страстно, что даже книги и музыку забросила. Вернется съ прогулки верхомъ, разбитая отъ усталости, даже кушать ничего не можетъ, сбросить съ себя свой странный костюмъ, да и въ постель; спитъ до утра какъ убитая. Даже сновъ ей никакихъ за это время не грезилось.

Но потомъ, и верховая ѣзда ей стала мало-по-малу прискучать, и къ осени когда дожди пошли и дни стали короче, опять по цѣлымъ днямъ раздавались пѣніе ея и музыка въ старомъ домѣ, а ночью, часто до утра, свѣтился огонь въ ея комнатѣ.

Такъ прошелъ еще годъ и наступила третья зима послѣ смерти Мароы Григорьевны.

V.

Въ эту зиму Мароинькѣ надоѣли и книги и музыка. Гулять ходить, какъ бывало прежде, далеко по большой дорогѣ, она тоже потеряла охоту; а когда пойдетъ по неотвязной просьбѣ Малашки, то скоро устанетъ и сейчасъ—назадъ. Прежде кататься была охотница, а теперь и къ этому развлеченію охладѣла. Запрягутъ ей лошадей въ широкіе сани съ ковромъ, подъѣдутъ къ крыльцу лихо, съ колокольцами, бубенцами, а она дѣвушекъ вмѣсто себя пошлетъ, либо Варвару Петровну съ Митинькой, а сама дома остается и все одна.

Войдутъ къ ней—не выгонитъ и даже неволитъ себя разговоръ вести, а только тошно ей, по всему замѣтно, что тошно и что ждетъ не дождется одной остаться.

А одна—плачетъ. Сколько разъ ее теперь съ заплаканными глазами видѣли, почти-что каждый день.

О чемъ кручинится, лучше и не спрашивать, все равно не скажетъ, а иной разъ даже обидится, уйдетъ въ спальню и запрется тамъ.

Стала замѣтно худѣть; кушала черезъ силу.

— Болитъ что ли у тебя что, сударыня?—время отъ времени приступала къ ней съ разспросами Оедосья Ивановна, которую перемѣна въ барышнѣ не на шутку тревожила.

— Ничего у меня не болитъ, оставьте меня, не обращайте вниманія,—отвѣчала Мароинька, съ слезами на глазахъ, такъ раздражали ее эти разспросы.

— Да какъ же на тебя не обращать вниманія, когда ты намъ покойницей-барыней поручена,—возражала Оедосья Ивановна.— На смертномъ одрѣ вѣдь приказала она мнѣ тебя беречь. Вотъ и имъ тоже,—кивала она на Самсоныча съ Варварой Петровной.

— Приказала, это точно что приказала,—шамкалъ беззубымъ ртомъ старикъ, кивая лысой головой.

Отъ парика онъ сталъ постепенно отвыкать и надѣвалъ его по однимъ праздникамъ.

А Варвара Петровна, та только глазами хлопала, да вздыхала.

Старая барышня Варвара Петровна совсѣмъ опустилась послѣ смерти своей благодѣтельницы.

Первый годъ она еще крѣпилась, и въ пяльцахъ пошьетъ передъ обѣдомъ, и чай разольетъ, и въ карты вечеркомъ дѣвушкамъ погадаетъ, и при случаѣ вспомнитъ да разскажетъ что-нибудь изъ былого времени, когда еще молодой баринъ въ Воротыновку не пріѣзжалъ, ну, а на второй годъ ужъ замѣтно слабѣть стала, какъ сядетъ за работу, такъ сейчасъ и задремлетъ, а проснется—кушать запроситъ, а какъ покушаетъ, такъ и въ постель, точно дитя малое, отъ груди да въ люльку. Плохо слышать стала, а что̀ и услышала - сейчасъ забыла.

Время отшибло память и у Самсоныча; про старину еще разговаривать съ нимъ можно было, многое онъ изъ стараго времени помнилъ, а что вотъ сейчасъ при немъ случилось, или вчера, лучше и не спрашивай, непремѣнно забылъ.

— Эхъ, подтянуть-то васъ некому!—съ укоризной покачивая головой, думала Ѳедосья Ивановна, глядя на ихъ слабость и слушая ихъ жалобы на немощь.

Поясницу ломитъ, руки, ноги ноютъ, голову съ подушки не поднять, такая стала тяжелая, моченьки нѣтъ, совсѣмъ разнедужились,—ныль то одинъ, то другой, изъ ся сподвижниковъ по службѣ въ покинутомъ господами барскомъ домѣ.

Сама она все еще гоголемъ, какъ при покойницѣ-барынѣ, ходила. Прямая какъ палка, да костлявая, съ умными, пронзительными глазами на длинномъ, морщинистомъ лицѣ, Ѳедосья Ивановна съ ранняго утра и до поздней ночи была на ногахъ. Ею одной все здѣсь и держалось, одну ее только и боялись и слушались, въ ткацкихъ, гдѣ ковры ткали по рисункамъ, выбраннымъ еще Марѳой Григорьевной, на суконной фабрикѣ, гдѣ додѣлывали казенный подрядъ, принятый тоже еще покойницей, и всюду. До всего доходила Ѳедосья Ивановна и никому спуску не давала. А ужъ тѣмъ, кто ей сродни приходился, и-и-ихъ, какъ доставалось. Не въ примѣръ хуже чѣмъ когда настоящая барыня въ усадьбѣ жила.

Отчеты по хозяйству Митинькѣ диктовала теперь она. А приказы молодого барина сначала велитъ себѣ одной прочитать, а ужъ потомъ передастъ эти приказы старостѣ Ѳедоту, ткачамъ, завѣдующему фабрикой и прочимъ, до кого что̀ касалось.

Молодой баринъ продолжалъ писать все также кратко и рѣдко, ни къ кому лично не обращаясь. И такою холодною надменно-

стью вѣяло отъ его требованій и выговоровъ, что каждый разъ послѣ полученія такого письма, всѣ въ усадьбѣ ходили, повѣся носъ, съ жуткимъ чувствомъ тревожнаго недоумѣнія въ душѣ.

VI.

По мѣрѣ того какъ время шло, образъ красиваго юноши въ бархатѣ, атласѣ и кружевахъ, съ огненнымъ взглядомъ и сладострастными губами, оживлявшаго весь домъ своимъ раскатистымъ смѣхомъ, веселыми играми да затѣями, все дальше и дальше уплывалъ у всѣхъ изъ памяти, уступая мѣсто загадочному существу, гордому и неумолимому, отъ котораго никто не ждалъ себѣ добра Чувство недовѣрія и страха къ наслѣднику Мароы Григорьевны съ каждымъ днемъ вростало все глубже и глубже въ сердца воротыновскихъ обитателей. О пріѣздѣ его вспоминали съ таинственнымъ ужасомъ, какъ объ напасти какой, въ родѣ чумы или холеры.

Народъ стали тѣснить, выжимая изъ него требуемые бариномъ доходы; благосостояніе воротыновцевъ пошатнулость. Все чаще и чаще, то изъ одного двора, то изъ другого, выводили лошадь или корову, чтобъ продать ее за недоимку. Поборы съ году на годъ увеличивались. Молодой баринъ требовалъ все больше и больше денегъ. Все теперь продавалось въ барской усадьбѣ, всѣ ковры до единаго, всѣ сукна, всѣ хозяйственные продукты; въ Петербургъ ничего не посылалось, даже кружева, что плели дворовыя дѣвки и вышивки по батисту и кисеѣ, все что̀ прежде, при Мароѣ Григорьевнѣ, разсылалось въ видѣ подарковъ родственникамъ и пріятелямъ, теперь по распоряженію ея правнука продавалось пріѣзжающимъ изъ города купцамъ. А деньги не отправлялись такъ какъ при ней, съ вѣрнымъ человѣкомъ туда, куда слѣдовало, а отвозились въ городъ, въ почтамтъ.

И въ Воротыновку тоже не являлось больше посланцевъ ниоткуда.

Въ Гнѣздѣ и въ Морскомъ все еще пока шло попрежнему, какъ вдругъ, незадолго до Рождества, пронесся по всему околотку слухъ, что въ Морское присланъ изъ Петербурга новый управитель, и что управитель этотъ никто иной, какъ сынъ бывшей прачки Акульки—Дормидошка.

Акульку эту, съ мальчишкой, старая барыня подарила внуку своему, Владиміру Сергѣевичу Ратморцеву, когда онъ надумалъ жениться.

Въ Воротыновкѣ многіе еще помнили Дормидошку толстопузымъ, бѣловолосымъ мальчуганомъ, а мать его, миловидной, расторопной бабенкой.

Попала она на барскую прачешную по протекціи Ѳедосьи Ивановны, доводившейся ея матери чѣмъ-то въ родѣ троюродной се-

стры. Мужъ Акулины, Ивашка столяръ, былъ горькій пьяница, и взяли ее во дворъ отчасти, чтобы дать ей хоть немножко отдохнуть отъ тиранства супруга, но она была такая способная и такъ скоро научилась тонкія вещи стирать и гладить, что когда понадобилось послать прачку въ Петербургъ, выборъ барыни палъ на нее, да кстати ужъ и Дормидошку отправили съ нею, въ казачки къ молодымъ господамъ.

Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ сорокъ, Дормидошку величали теперь Дормидонтомъ Иванычемъ и видъ у него былъ такой внушительный, что иначе какъ за купца, его нельзя было принять.

— Борода у нихъ широкая такая, лопатой, съ просѣдью, волосы тоже съ серебрецомъ и до плечъ динные, рожа жирная да румяная, брови густыя и черныя, а брюхо—во какое!—объяснялъ и словами и жестами Ѳомка, собравшимся вокругъ него, обитателямъ и обитательницамъ нижняго этажа барскаго дома.

— И одѣтъ по-купецки, въ длинномъ кафтанѣ хорошаго сукна, въ картузѣ съ большимъ такимъ козырькомъ, округъ шеи красный гарусный шарфъ обмотанъ, а шуба медвѣжья.

Самъ Ѳомка его не видалъ, но онъ встрѣтился на селѣ съ купцами, которые прямо изъ Морскаго прибыли въ Воротыновку за льномъ.

— Льну въ Морскомъ нынѣшнимъ лѣтомъ не сѣяли,—замѣтилъ кто-то.

— Не сѣяли. Имъ такъ староста и сказалъ.—А къ намъ, говоритъ, господа управителя прислали изъ Петербурга. Какіе порядки онъ заведетъ неизвѣстно; а только по всему видно, что дошлый, пальца въ ротъ ему не клади, откуситъ.—Говоритъ онъ это, а новый-то управитель тутъ какъ тутъ, обходъ, значитъ, дѣлалъ. И какъ увидалъ пришлыхъ людей, сейчасъ имъ допросъ: откелева да и зачѣмъ? И все это такъ строго да важно. А староста имъ потомъ, купцамъ-то, какъ управитель-то ушелъ:—ишь растопырился какъ!—говоритъ. А вѣдь нашего поля ягода, Воротыновской прачки, Акульки да столяра Ваньки сынъ,—говоритъ.

— Такъ, такъ, Акулькинаго мужа Ванькой звали. Пьяница былъ горькій, покойникъ,—раздумчиво вымолвила Ѳедосья Ивановна.

— Чьихъ же они таперича господъ будутъ?—полюбопытствовала Варвара Петровна.

— Да Владиміра Сергѣича, меньшого сынка покойницы Катерины Васильевны, того самаго, котораго въ сенаторы произвели за три года до кончины старой барыни. Она имъ еще тогда, по этому случаю, поздравленіе писала, да подводу съ коврами, да съ серебромъ послала. А женатъ Владиміръ Сергѣичъ на дочери генерала Майданова, Надеждѣ Алексѣевнѣ, и дѣтки у нихъ—старшій Сергѣй Владимірычъ, на три годка помоложе нашего барина будетъ, да три барышни: Татьяна Владиміровна, Варвара Владиміровна и

и Марья Владиміровна. А у старшаго братца ихъ Димитрія Сергѣича, что на Райвеновой женатъ, все сыновья: Григорій Дмитрычъ, Аполлонъ Дмитрычъ и Леонидъ Дмитрычъ.

Все это Митинька отрапортовалъ однимъ духомъ, безъ запинки.

Какъ секретарю покойной Марѳы Григорьевны ему лучше всѣхъ была извѣстна хроника Воротыновской семьи, кто на комъ женатъ, кто отъ кого родился, кто умеръ.

— Поди чай и къ намъ понавѣдается, новый-то управитель,— замѣтилъ Самсонычъ,—захочетъ на старое пепелище взглянуть, по барынѣ Марѳѣ Григорьевнѣ панихидку отслужить, да кстати ужъ и родителя свово помянуть, вѣдь онъ на нашемъ кладбищѣ схороненъ, Ивашка-то столяръ.

— Ужъ это безпремѣнно.

— Одинъ онъ сюда пріѣхалъ или съ семьей?—спросила Ѳедосья Ивановна.

— Ни жены, ни дѣтей при немъ не видать,—отвѣчалъ Ѳомка,— можетъ послѣ пріѣдутъ, а таперича окромѣ старушки одной, не то чтобъ ужъ очень древней, а тоже не изъ молоденькихъ,—никого съ нимъ нѣту.

— Старушка?

Ѳедосья Ивановна оживилась и глаза ея заискрились отъ любопытства.

— Слышишь, Самсонычъ?—обратилась она къ дворецкому, который сползъ съ своей лежанки, послушать новости, принесенныя Ѳомкой.

— Слышу, матушка Ѳедосья Ивановна, слышу. Ужъ это не матка ли Дормидошки-то, племянница твоя, Акулина?

— Она самая, должно быть и есть,—рѣшила Ѳедосья Ивановна.

— Ну, ужъ эта безпремѣнно сюда навѣдается. Завсегда была она ко мнѣ почтительна, съ каждой оказіей, бывало, и поклоны шлетъ и гостинцы. До сихъ поръ, поди чай, помнитъ, какъ я ее отъ мужа отъ злодѣя выручала. Пріѣдетъ, безпремѣнно пріѣдетъ,— самодовольно ухмыляясь, говорила Ѳедосья Ивановна.

И стала она припоминать какая въ молодости Акулина была шустрая, рѣчистая да веселая. Первая вѣстовщица въ деревнѣ; все ей, бывало, раньше всѣхъ извѣстно, кто что̀ сказалъ, кто что̀ сдѣлалъ.

— А мальчишка у ней невзрачный такой былъ изъ себя, сопатый.

— А вотъ онъ, таперича, сопатый-то, въ каку честь влѣзъ!

— Да, съумѣлъ, значитъ, господамъ потрафить!

— Да ужъ по всему видимо что съумѣлъ. Приказано ему и надъ Пафнутьичемъ въ Гнѣздѣ надзоръ имѣть, провѣрку ему, значитъ, сдѣлать, какъ имѣньемъ управлялъ съ тѣхъ поръ, какъ барыня Марѳа Григорьевна померла.

— Вотъ какъ! И къ баронскимъ, значитъ, подбился?

— Подбился должно быть, когда полную довѣренность ему дали. Хвастался онъ эфтой самой довѣренностью и попу и старостѣ въ Морскомъ, а также и купцамъ, что за льномъ-то къ нимъ ѣздили. Въ моей, говоритъ, власти этого самаго Пафнутьича смѣнить или оставить, какъ захочу, молъ, такъ и будетъ.

— Ишь ты!

Малашка, присутствовавшая при этомъ разговорѣ, вмѣстѣ съ другими дѣвушками, побѣжала съ этими новостями къ барышнѣ.

Но Мароинька отнеслась къ ея разсказамъ совсѣмъ равнодушно и, не давъ ей всего досказать, объявила, что ее нисколько не интересуютъ ни господа Ратморцевы, ни бароны, ни слуги ихъ.

— Что мнѣ до нихъ за дѣло!—вымолвила она съ досадой, не отрывая глазъ отъ книги, которую читала.

— Да какъ же, барышня, вѣдь это ваши родные,—замѣтила Малашка, озадаченная такимъ равнодушіемъ.

Мароинька вспыхнула и, пристально глянувъ на нее, спросила, какъ-то странно и знаменательно отчеканивая слова:

— А ты почему знаешь, что они мнѣ родня?

Малашка замялась:

— Да вѣдь вы, барышня...

— Ну?—настойчиво сдвинувъ брови, возвысила голосъ дѣвушка:—Чтожъ изъ того что я барышня?

— Покойница барыня васъ жалѣли, и всѣмъ наказывали беречь васъ, и Оедосьѣ Ивановнѣ, и Игнатію Самсонычу... Намедни еще Самсонычъ вспоминалъ...

— А бабушка сказала имъ чья я дочь?—прервала ее Мароинька. И вдругъ громко и истерически зарыдала.

Малашка въ испугѣ упала передъ нею на колѣни.

— Барышня, милая, не плачьте!—повторяла она, цѣлуя ея руки.—Золотая, бриліантовая, не убивайтесь!

Но ее не слушали. Ломая руки, Мароинька повторяла прерывающимся голосомъ:

— Кто мнѣ это скажетъ? Кто?

И рыдала пуще прежняго.

— Успокойтесь, барышня, я вамъ это узнаю,—сказала Малашка.

— Ты?—недовѣрчиво протянула Мароинька.

Она перестала плакать и горькая улыбка исказила ея красивое лицо.

— Нѣтъ, Малаша, тебѣ этого не узнать, — продолжала она со вздохомъ.—Ты думаешь мнѣ это только сейчасъ запало въ голову? О нѣтъ! Еще когда бабушка была жива, мы съ маркизомъ... Ты помнишь его, Малаша?..

— Это мусью-то? Какъ не помнить!..

Она хотѣла еще что-то прибавить, но только засмѣялась, а того, что вспомнила, не сказала.

— Онъ былъ добрый, любилъ меня и принималъ горячее участіе въ моей судьбѣ, — продолжала между тѣмъ раздумчиво Мареинька.—Еслибъ онъ не уѣхалъ отсюда, ему, можетъ быть, удалось бы узнать чья я дочь, живы ли мои родители и почему я разлучена съ ними... Всѣ думаютъ, что они умерли, что я сирота, но я не могу этому вѣрить, не могу! Если они умерли — почему мнѣ этого не скажутъ, почему меня еще маленькимъ ребенкомъ не заставляли о нихъ молиться? Нѣтъ, нѣтъ, Малаша, они живы, повторяла она съ экзальтаціей.—Они живы, но есть причины, по которымъ не хотятъ, чтобъ я знала кто они и гдѣ они. И имъ то же, вѣрно, сказали, что меня нѣтъ на свѣтѣ и они оплакивали меня, какъ мертвую, а, можетъ быть, давно уже забыли про меня.— А можетъ быть, они до сихъ поръ вспоминаютъ обо мнѣ съ тоской и слезами и имъ не вѣрится, что я умерла. Вѣдь они не видѣли меня въ гробу, не хоронили меня... Можетъ быть, они несчастны, томятся гдѣ-нибудь въ заточеніи, а, можетъ быть, они въ большомъ свѣтѣ, при дворѣ... Какъ я сюда попала? Кто меня сюда привезъ? Для чего? Маркизъ былъ того мнѣнія, что это сдѣлали, вѣроятно, изъ-за денегъ, чтобы состояніе моихъ родителей досталось не мнѣ, а кому-нибудь другому. Можетъ быть, дѣтямъ моего отца отъ другой жены, кто знаетъ? А можетъ быть, меня похитили у нихъ изъ мести. Какой-нибудь злодѣй, врагъ моей семьи, подкупилъ кормилицу, прислугу... Это бываетъ, Малаша. Въ книгахъ описаны происшествія еще необыкновеннѣе и невѣроятнѣе этого, а маркизъ говорилъ, что въ жизни случается невѣроятнѣе и ужаснѣе самаго страшнаго романа...

Мареинька все болѣе и болѣе одушевлялась. Глаза ея горѣли, щеки покрылись румянцемъ, рѣчь лилась изъ устъ неудержимымъ потокомъ. Въ первый разъ въ жизни высказывала она вслухъ мысли, тѣснившіяся у нея въ мозгу, и это доставляло ей неописанное наслажденіе.

— Знаешь, мнѣ иногда кажется, что вотъ что было: мать моя была красавица, въ нее вѣрно влюбился какой-нибудь очень важный господинъ, она предпочла ему моего отца, и вотъ этотъ злодѣй подвелъ ловкую интригу, чтобы погубить ее... Какъ въ той исторіи, которую я тебѣ разсказывала, помнишь? И вотъ,—продолжала она, не дождавшись отвѣта отъ своей оторопѣвшей слушательницы,—онъ устроилъ такъ, что отецъ повѣрилъ клеветѣ и приказалъ меня умертвить, а бабушка, Мареа Григорьевна, меня спасла и пріютила у себя. О! это непремѣнно такъ и было! А теперь меня, можетъ быть, давно ищутъ, невинность моей матери открылась и всѣ въ отчаяніи, что не могутъ меня найти. Мать моя убивается обо мнѣ, точно также, какъ и я о ней; отецъ ждетъ но

дождется той минуты, когда ему можно будетъ меня обнять и при всѣхъ назвать своею дочерью... а я здѣсь, одна!.. Совсѣмъ одна съ тѣхъ поръ, какъ бабушка умерла! И конца такому положенію не предвидится. Вотъ уже три года, какъ это продолжается, я состарѣюсь въ этой глуши, сдѣлаюсь такая же, какъ Ѳедосья Ивановна, какъ Варвара...

Голосъ ея порвался въ рыданіяхъ, а Малашка, опустившись передъ нею на колѣни, цѣловала ея руки, тоже всхлипывая отъ избытка чувствъ.

— Знаешь, Малаша,—тихо проговорила Марѳинька нѣсколько минутъ спустя,—на прошлой недѣлѣ я чуть было не ушла отсюда совсѣмъ.

— Барышня, милая, да куда же хотѣли вы уйти?—вскричала въ испугѣ Малаша.

— Куда глаза глядятъ. Дошла бы до какой-нибудь деревушки, оттуда наняла бы мужика, чтобы подвезъ меня въ городъ, а тамъ поѣхала бы дальше, въ Петербургъ. Я знаю, чувствую, что тамъ я найду себѣ покровителей, которые помогутъ мнѣ отыскать моего отца и мою мать.

— Тамъ нашъ баринъ, Александръ Васильевичъ,—вымолвила безсознательно Малашка, у которой, какъ у всѣхъ обитателей Воротыновки, представленіе о Петербургѣ было неразлучно съ мыслью объ ихъ молодомъ баринѣ.

Марѳинька вспыхнула:

— Что мнѣ до него за дѣло, до вашего барина? — вскричала она съ раздраженіемъ, — я не крѣпостная его, чтобы заботиться о томъ, гдѣ онъ, что̀ онъ дѣлаетъ и почему онъ сюда не ѣдетъ,—продолжала она, преслѣдуя вслухъ нить новыхъ мыслей безостановочно развертывающихся въ ея мозгу.—Никакихъ правъ онъ надо мной не имѣетъ, ровно никакихъ!

— Да вѣдь письмо-то про васъ покойница-барыня ему написала,—напомнила Малашка.

— Письмо!

Когда Марѳинька вспоминала про это письмо, у нея кровь приливала къ сердцу, и оно такъ билось, точно выскочить хотѣло.

Письмо это было здѣсь, въ домѣ. Самсонычу приказано было отдать его въ собственныя руки молодому барину. Тогда Марѳинька все узнаетъ. Но когда жъ это случится?

— Долго ли еще Александръ Васильевичъ будетъ насъ томить въ неизвѣстности?—вскричала она съ отчаяніемъ.

— Да вотъ теперь, можетъ, и узнаемъ, когда онъ собирается сюда пріѣхать,—сказала Малашка.

— Отъ кого?

— Да отъ тѣхъ, что въ Морское изъ Петербурга пріѣхали. Имъ нельзя про нашего барина не знать, это и Ѳедосья Ивановна и всѣ говорятъ.

VII.

Въ слѣдующее же воскресенье, новый управитель господъ Ратморцевыхъ явился къ обѣднѣ въ Воротыновку и съ матерью.

Пріѣхали они въ хорошихъ, покрытыхъ ковромъ, саняхъ, запряженныхъ лихой тройкой, съ колокольчиками и бубенчиками, какъ господа. Самъ одѣтъ купцомъ, точь-въ-точь какъ Ѳомка описывалъ, а мать его, бывшая прачка, Акулька, въ лисьемъ салопѣ, крытомъ дорогимъ сатенъ-тюркомъ и въ стеганномъ, атласномъ капорѣ съ мѣхомъ.

Можно себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ старые и малые глазѣли на добродушное лицо съ кроткими выцвѣтшими глазами старушки, отыскивая на немъ слѣды прежней Акульки. Но она такъ перемѣнилась, что никто не могъ ее узнать.

А ужъ про сына и говорить нечего. Отъ сопатаго, толстопузаго и бѣлобрысаго Дормидошки ничего не осталось; это былъ теперь среднихъ лѣтъ человѣкъ, съ хитрымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, слегка заплывшихъ жиромъ, благообразный, степенный, какъ подобаетъ быть управителю важныхъ и богатыхъ господъ.

Всю службу простояли пріѣзжіе чинно, истово крестясь и усердно кладя земные поклоны, не оборачиваясь по сторонамъ и дѣлая видъ будто не замѣчаютъ устремленныхъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, сверкающихъ жгучимъ любопытствомъ, взглядовъ. Къ кресту, по обыкновенію, раньше всѣхъ подошла Маѳинька, за ней Варвара Петровна съ Митинькой и Ѳедосьей Ивановной, а послѣ нея священникъ вскинулъ глаза на пріѣзжихъ и взглядомъ пригласилъ ихъ подойти приложиться.

— Съ пріѣздомъ, — слегка наклоняя голову, тихо произнесъ о. Петръ, когда Дормидонтъ Иванычъ съ Акулиной Савишной приложились къ кресту.

Оба отвѣтили почтительнымъ поклономъ и, повернувшись къ маленькой группѣ, остановившейся у праваго клироса, стали здороваться съ Ѳедосьей Ивановной, Варварой Петровной, Митинькой, Самсонычемъ и другими старшими дворовыми.

— Тетенька Ѳедосья Ивановна! Вотъ привелъ Богъ встрѣтиться!—съ слезами умиленія говорила Акулина.

— Привелъ Акулинушка, привелъ, — съ обычною сдержанностью отвѣчала Ѳедосья Ивановна; но голосъ ея дрожалъ отъ волненія и глаза затуманились слезой.

Старухи троекратно облобызались, а затѣмъ когда Акулина продѣлала ту же церемонію съ старыми своими знакомыми Митинькой и Самсонычемъ, а также съ Варварой Петровной, кото-

рую ей представили какъ барышню, что завсегда была при Марѳѣ Григорьевнѣ и больше тридцати лѣтъ живетъ въ домѣ, Ѳедосья Ивановна пригласила гостей въ домъ чайку откушать.

Дормидонтъ Иванычъ вѣжливо принялъ приглашеніе.

Не взирая на видное положеніе, до котораго возвысило его барское довѣріе, онъ особенной кичливости ни передъ кѣмъ здѣсь не проявлялъ и обошелся со всѣми, хотя съ чувствомъ собственнаго достоинства, но какъ человѣкъ, желающій жить съ сосѣдями въ мирѣ и согласіи и чтобъ о немъ всѣ были хорошаго мнѣнія.

Привѣтливо разспросилъ онъ Самсоныча и Митиньку о здоровьѣ, и когда первый сталъ жаловаться на боль въ ногахъ, Дормидонтъ Иванычъ вызвался прислать отличное средство противъ этой немощи.

— Въ родѣ какъ мазь, духовитая и втирать ее надо до суха. Вотъ маменька ею одно время пользовалась и предовольна осталась, — указалъ онъ движеніемъ бровей на мать, занятую бесѣдой съ Ѳедосьей Ивановной.

Понравилось также всѣмъ, что онъ заказалъ панихиду по барынѣ Марѳѣ Григорьевнѣ, при чемъ читалась, по поданному имъ поминанію, длинная вереница именъ, между которыми присутствующіе узнавали многихъ своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ, конечно, и пьяницу Ивашку столяра.

Марѳинька тотчасъ послѣ обѣдни, и ни съ кѣмъ не вступая въ разговоръ, вышла, не оглядываясь, изъ церкви. Во время службы, она чувствовала на себѣ пристальный взглядъ пріѣзжихъ, и ей было очень неловко. Вздохнула она свободнѣе тогда только, когда очутилась въ своихъ комнатахъ на верху.

Она была въ большомъ волненіи, Малашка съ такою увѣренностью утверждала, что отъ пріѣзжихъ узнается много новаго, что увѣренность эта, мало-по-малу, сообщилась и барышнѣ. Жгучее чувство страха и любопытства такъ мутило ей душу, что она ничѣмъ не могла заняться, ни на чемъ сосредоточить мысли и ходила какъ потерянная взадъ и впередъ по своимъ двумъ комнатамъ, вздрагивая при каждомъ шумѣ, въ ожиданіи для себя чего-то важнаго и роковаго.

А внизу между тѣмъ шло угощеніе гостей.

Еще въ началѣ обѣдни Ѳедосья Ивановна послала въ домъ гонца съ приказаніемъ скорѣе пирогъ съ капустой въ печь сажать, да курочекъ, штукъ пять-шесть, да гуська ощипать и зажарить, такъ что, когда приглашенные ею гости, Дормидонтъ Иванычъ съ матерью, попъ съ попадьей, дьяконъ съ дьяконицей, и два дьячка съ ихъ женами, проникли въ нижній этажъ дома, черезъ низенькую дверь чернаго хода (парадный стоялъ запертымъ со смерти Марѳы Григорьевны), длинный столъ въ большой комнатѣ, служившей теперь пріемной и столовой, былъ накрытъ,

и такъ тѣсно уставленъ всевозможными холодными и горячими кушаньями, бутылками и графинами, что не вдругъ можно было въ нихъ разобраться.

За другимъ столомъ, молоденькая Любаша, которую исподоволь Өедосья Ивановна готовила на должность ключницы, взамѣнъ одряхлѣвшей старой барышни, хлопотала у огромнаго пузатаго самовара. У этого стола размѣстился женскій полъ, а у другого съ настойками и закусками—мужчины. И тотчасъ повелась оживленная бесѣда про покойную барыню, Марөу Григорьевну, и про то, какъ она помирала.

Пріѣзжіе весьма интересовались всѣми этими подробностями, разспрашивали, дивились, умилялись, и въ свою очередь разсказывали какъ ихъ господа помирали.

— Сперва умерла барыня Катерина Васильевна, а супругъ ейный Сергѣй Сергѣичъ преставился годковъ шесть послѣ того, какъ вашъ молодой баринъ Александръ Васильевичъ, у насъ въ Петербургѣ проявился,—объясняла Акулина.

При имени Александра Васильевича, подслушивавшая у дверей, съ другими дѣвушками, Малашка, насторожила уши.

— А часто бываетъ у васъ нашъ молодой баринъ?—спросила Өедосья Ивановна, принимая изъ рукъ Любаши налитую чашку.

— Господи! Первѣющій, можно сказать, гость у нашихъ господъ,—отвѣчала Акулина Савишна, покачивая головой и разводя руками.

И лизнувъ съ ложечки меду, она запила его глоткомъ чая съ блюдечка.

— Вашъ Александръ Васильевичъ съ нашими господами въ самыхъ, такъ сказать, пріятельскихъ отношеніяхъ состоитъ,—замѣтилъ ея сынъ.

— А какъ насчетъ ихъ пріѣзда въ наши палестины, ничего еще не извѣстно?—освѣдомился священникъ.

— Про то слуховъ у насъ въ домѣ не было, — сухо отвѣтилъ Дормидонтъ Иванычъ.

И круто свернувъ разговоръ на урожай пшеницы въ нынѣшнемъ году, далъ этимъ замѣтить, что не намѣренъ удовлетворять любопытство здѣшнихъ обитателей относительно молодого барина.

Но мать его оказалась сообщительнѣе и едва только духовные, откушавши, распростились и ушли, а управитель Морскаго отправился съ Митинькой и Самсонычемъ осматривать фабрику и ковровую, какъ между пріѣзжей и ея теткой завязалась бесѣда такого интимнаго свойства, что вначалѣ Акулина Савишна, каждую минуту съ безпокойствомъ оглядывалась на Варвару Петровну, сидѣвшую въ той же комнатѣ, на широкомъ диванѣ, и какъ всегда, послѣ сытной трапезы, сладко подремывавшую, сложивъ ручки на животѣ.

Но Ѳедосья Ивановна поспѣшила успокоить свою собесѣдницу.

— При нихъ можно о чемъ угодно говорить, все равно ничего не поймутъ, а если и поймутъ, то сейчасъ и забудутъ, — сказала она, махнувъ рукою въ сторону старой барышни и не подозрѣвая, что къ самой той двери, у которой сидѣла она съ своей гостьей, приложилась ухомъ Малашка и прислушивается съ напряженнымъ вниманіемъ къ каждому ихъ слову.

Раньше, Малашка съ прочими выглядывала изъ коридора, а когда гости, за исключеніемъ Акулины, ушли изъ столовой, и глазѣвшая на нихъ дворня тоже разбрелась кто куда, Малашка обѣжала кругомъ и черезъ комнату, обращенную въ кладовую для разной рухляди, проникла въ тотъ темный чуланъ, въ которомъ была заколоченная дверь въ столовую, какъ разъ у того мѣста, гдѣ на креслахъ размѣстились для бесѣды Ѳедосья Ивановна съ Акулиной.

Преинтересныя вещи услышала тутъ наперсница Марѳиньки.

Н. Мердеръ (Северинъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ Д. М. ЛЕОНОВОЙ [1].

VII.

Кончина матушки.—Вторичная поѣздка за границу.—Концерты въ Вѣнѣ и Парижѣ.—Приготовленія къ дебюту въ «Grande Opera».—Пожаръ этого театра.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Предложеніе Сѣтова.—Рѣшеніе ѣхать въ кругосвѣтное путешествіе.—Концерты въ Костромѣ.—Пріѣздъ въ Пермь.—Неожиданный отказъ піаниста Линева сопутствовать мнѣ въ путешествіи.

ТАКИМЪ образомъ, я распрощалась съ тѣмъ, что мнѣ было такъ дорого! Но одна бѣда всегда ведетъ за собой другую: я разсталась со сценой и въ тотъ же годъ скончалась матушка. Съ этой смертью прекратилось все то, что привязывало меня къ Петербургу, и я очутилась совершенно одинокой. Стремленіе же мое къ сценѣ разгоралось все болѣе и болѣе, и я чувствовала въ себѣ столько силъ, что рѣшилась поѣхать за границу—въ Вѣну, а потомъ Парижъ. Въ Вѣнѣ я дала концертъ въ залѣ консерваторіи; пѣла сочиненія русскихъ композиторовъ, также Шумана и Шуберта. Нѣмцы были въ восторгѣ. Всѣ газеты, безъ исключенія, даже враждебныя русскимъ, расточали мнѣ необычайныя похвалы.

Въ Парижъ я пріѣхала во время выставки и тамъ уже извѣстно было объ успѣхахъ моихъ въ Вѣнѣ, такъ какъ въ нѣсколькихъ газетахъ были переведены съ нѣмецкаго отзывы о моихъ концертахъ, и когда я пріѣхала, ко мнѣ явилась депутація съ просьбою пѣть въ концертѣ, въ пользу одной деревни близь Парижа, которая пострадала отъ взрыва газа. Вся пресса была заинтересована этимъ концертомъ, въ которомъ участвовали пѣвцы и пѣ-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 326.

вицы изъ «Grande Opera». Мой выборъ былъ также удаченъ; я пѣла русскія вещи и arioso «Ah, mon fils» изъ «Prophête». Французы приняли меня такъ, какъ я даже не ожидала, и мнѣ передавали, что въ фойе говорили, будто я напомнила французамъ ихъ знаменитую Альбони.

На другой день подтвердилось все это въ газетахъ. Мой голосъ, манеры, даже фигуру, сравнивали съ Альбони, и, наконецъ, предложили мнѣ дебютировать на театрѣ «Grande Opera». Я начала готовить на французскомъ языкѣ всю оперу «Prophête». У меня было два профессора—одинъ аккомпанировалъ мнѣ, а другой занимался со мною французскимъ языкомъ, передавалъ мнѣ всѣ его тонкости, и такъ какъ я была очень способная, то успѣхи мои рѣшительно поражали ихъ обоихъ. Они говорили мнѣ:

— Если вы владѣете еще и сценической игрой, то мы впередъ можемъ васъ поздравить съ тѣмъ, что вы будете имѣть громадный успѣхъ.

Конечно, я усердно работала, чтобы имѣть успѣхъ, и никто не подозрѣвалъ, что главной причиной тому было стремленіе доказать врагамъ моимъ силу мою этимъ дебютомъ въ Парижѣ. Но тутъ, какъ и много разъ въ теченіе артистической моей дѣятельности, нанесенъ былъ мнѣ судьбою совершенно неожиданный ударъ: наканунѣ того дня, когда назначена была мнѣ проба въ театрѣ «Grande Opera», я была на музыкальномъ вечерѣ у графини Шавони; возвращаясь въ каретѣ графини въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, я ѣду мимо «Grande Opera» и вижу въ окнахъ его пламя. И вотъ, почти на моихъ глазахъ, все это великолѣпное зданіе сгорѣло!

Никому не желаю испытать такую минуту! Не помню, какъ я пріѣхала домой, какъ вошла на лѣстницу, до такой степени поразило меня это зрѣлище.

Послѣ этого я еще прожила нѣсколько дней въ Парижѣ, въ надеждѣ не будетъ ли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ открыта «Grande Opera», но оказалось, что ее закрыли на два года. Ждать было нечего и я отправилась обратно въ Россію, черезъ Варшаву, гдѣ дала два концерта.

Здѣсь встрѣтила я многихъ изъ нашего генералитета, которые только-что вернулись изъ Петербурга и говорили мнѣ, что были въ «Жизни за царя», но того Вани, котораго они такъ привыкли видѣть, теперь не видали. Лестныя для меня сужденія эти въ особенности были мнѣ дороги въ томъ томительномъ положеніи, въ которомъ я тогда находилась.

Изъ Варшавы заѣхала я въ Вильно, дала и тамъ два концерта. Вездѣ принимали меня горячо. Наконецъ, вернулась я въ Петербургъ и имѣла большую надежду, что послѣ успѣховъ въ Вѣнѣ и Парижѣ, о которыхъ почти всѣ рецензіи перепечатаны были въ

петербургскихъ газетахъ, мнѣ предложатъ опять продолжать службу. Но дирекція упорно молчала. Я же съ своей стороны не находила возможнымъ предложить свои услуги на томъ основаніи, что тогда, по всей вѣроятности, могла бы разсчитывать еще на худшія условія, нежели у меня были прежде.

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи жила я въ Петербургѣ и не знала, что̀ мнѣ дѣлать. Въ это время пріѣхалъ Сѣтовъ, который имѣлъ оперу въ Кіевѣ. Онъ предлагалъ мнѣ тысячъ семь, восемь, въ сезонъ, но я не приняла его предложенія. Оно казалось мнѣ такимъ мизернымъ противъ того, что могло быть. Я настолько чувствовала себя оскорбленной и столько сознавала въ себѣ силы для сценическихъ подмостковъ, что не могла помириться съ мыслью поступить куда-нибудь въ провинцію для того только, чтобы имѣть кусокъ хлѣба; для меня этого было мало.

Вдругъ въ головѣ моей блеснула новая и смѣлая мысль. Задумала я думушку, которая не давала мнѣ покою ни днемъ, ни ночью, а именно: дай-ка возьму, да объѣду кругомъ свѣта.

Съ каждымъ днемъ эта мысль крѣпла у меня, поддерживаемая увѣренностью въ себѣ и сознаніемъ, что я въ силахъ привести ее въ исполненіе. Обдумывая, конечно, все, и взвѣшивая, я ставила судьбу свою и даже, можетъ быть, жизнь на карту. Нужно было все предусмотрѣть при составленіи плана путешествія. Я остановилась на слѣдующемъ: проѣхать черезъ всю Сибирь къ устью Амура, побывать въ Владивостокѣ, и затѣмъ проѣхать черезъ Китай, Японію и Америку. Я должна была приготовляться ко всему, даже къ гибели. Еслибъ я не обдумала этого вопроса глубоко со всѣхъ сторонъ, вѣроятно, я не рѣшилась бы на такое длинное и опасное путешествіе; но я пришла къ тому заключенію, что если вернусь благополучно, то это будетъ какъ бы возвращеніе съ побѣдой съ страшнаго поля сраженія, если же погибну, то значитъ такъ судьба велитъ. И я твердо рѣшилась ѣхать. Я сговорилась съ аккомпаніаторомъ Линевымъ, который для этого пріѣзжалъ изъ Вильно ко мнѣ. Мы покончили съ нимъ и онъ получилъ отъ меня деньги, чтобы пріѣхать прямо къ извѣстному времени въ Пермь. Я перевезла свое имущество въ Ораніенбаумъ, гдѣ у меня и по сіе время есть дача. Относительно денежнаго вопроса я не задумывалась, я разсчитывала на себя, хотя денегъ у меня было мало. Съ прощальнаго бенефиса моего прошло уже немало времени и, конечно, отъ поднесенныхъ мнѣ червонцевъ оставалось немного, потому что, когда я оставила службу, денегъ у меня не было, а долгу было тысячъ шесть, которыя нужно было заплатить, да немало также стоило мнѣ путешествіе за границу—жизнь въ Парижѣ, приготовленіе мое тамъ къ дебюту; всякій пойметъ, что все это требовало большихъ расходовъ. Не смотря на все это, я рѣшилась и въ половинѣ іюня 1874 года выѣхала изъ Петербурга.

Нѣкоторые изъ знакомыхъ, провожавшихъ меня на Николаевскую желѣзную дорогу, прощаясь спрашивали: «Вы задумали ѣхать вокругъ свѣта, сколько же взяли вы съ собой денегъ»?—«Въ настоящій моментъ,—отвѣчала я,—у меня есть только 400 руб.». Отвѣтъ мой немало удивилъ спрашивавшихъ, потому что отправляться въ путешествіе вокругъ свѣта съ 400 рублями въ карманѣ было, конечно, рисковано. Но мнѣ давали право рискнуть на это примѣры того, что когда я въ лѣтнія путешествія мои пріѣзжала куда-нибудь, въ какой бы то ни было городъ, вездѣ я встрѣчала такое сочувствіе, такой пріемъ и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи, что и теперь, съ твердой увѣренностью на свои силы, не задумалась привести въ исполненіе мой планъ.

Пріѣхавъ въ первый городъ, Рыбинскъ, я хотѣла устроить что-нибудь; но для этого не оказалось ни какой возможности: театръ протекалъ насквозь и потому я должна была продолжать путь въ Кострому. Когда пріѣхала туда, то изъ 400 руб. истрачено было уже болѣе половины. Въ Костромѣ я дала два концерта, которые прибавили нѣсколько сотенъ рублей и я могла ѣхать дальше. По пріѣздѣ въ Пермь, я, согласно условію, ожидала найти тамъ г. Линева; но вмѣсто себя, онъ прислалъ телеграмму съ отказомъ ѣхать со мной. Отказъ свой онъ мотивировалъ тѣмъ, что его сильно напугали этимъ путешествіемъ, что онъ даже опасается за свою жизнь и потому не можетъ ѣхать. Что̀ мнѣ оставалось дѣлать? Ѣхать безъ піаниста? Я подумала, что если до сихъ поръ вездѣ находила музыкантовъ, которые мнѣ аккомпанировали, то, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ найду ихъ. Дѣйствительно, оно такъ и вышло. Отказъ же Линева сдѣлалъ мнѣ громадное сбереженіе. По условію, заключенному съ нимъ, въ теченіе путешествія, по моему разсчету, пришлось бы отдать ему тысячъ пятнадцать рублей.

VIII.

Пермь.— Кунгуръ.—Семейство Кузнецовыхъ.— Екатеринбургъ. — Необычайный успѣхъ моихъ концертовъ. — Постановка оперы «Трубадуръ».—Тюмень.— Концерты и оваціи въ Омскѣ. — Буранъ въ степи. — Землетрясеніе въ Барнаулѣ.— Томскъ.— Красноярскъ.— Подарокъ Кузнецова. —Концерты въ Иркутскѣ.—Тяжелая болѣзнь.—Байкалъ.— Маймачинъ.— Китайскій обѣдъ.—Чита.— Опасное приключеніе на дорогѣ. — Нерчинскъ. — Благовѣщенскъ. — Хабаровка. — Николаевскъ.—Аукціонъ моихъ вещей.—Уссури и Сунгача.—Бабочки, падающія съ неба.—Ловля рыбы.—Ссыльные китайцы.—На пароходѣ.—Владивостокъ.

Съ Перми началось мое путешествіе по Сибири. Я запаслась лишь немногими рекомендательными письмами, надѣясь, что мое имя достаточно извѣстно,—и не ошиблась. Гдѣ только появлялась я съ моей визитной карточкой, вездѣ двери мнѣ растворялись и вездѣ мѣстныя власти оказывали мнѣ вниманіе и дѣлали все, что̀

только отъ нихъ зависѣло въ мою пользу. Многіе слышавшіе меня въ Петербургѣ, съ восхищеніемъ припоминали свои впечатлѣнія, вынесенныя послѣ той, или другой оперы, въ которой я пѣла; находились и такіе, которые считали себя обязанными мнѣ потому, что окончили ученіе на суммы отъ концертовъ при моемъ участіи.

Могу сказать безъ хвастовства, что проѣздъ мой по Сибири былъ рядомъ тріумфовъ.

Девять концертовъ въ Перми дали мнѣ возможность ѣхать дальше и я направилась въ Екатеринбургъ.

По дорогѣ я заѣхала въ Кунгуръ. Здѣсь находилось семейство Кузнецовыхъ, которые пригласили меня остановиться у нихъ. Гостепріимство Кузнецова было истинно сибирское. Прелестно убранная зала отдана была въ мое распоряженіе, билеты быстро розданы, аккомпаніаторъ найденъ и, въ концѣ-концовъ, Кузнецовъ вручилъ мнѣ за два концерта солидную сумму. Найти все это въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Кунгуръ, было сверхъ моего ожиданія.

Въ Екатеринбургѣ разрѣшилась вся задача моего путешествія и разрѣшилась благопріятно для меня. Количество концертовъ было неожиданное. Даю одинъ, два, три—желаютъ еще, такъ, что по счету оказалось 17 концертовъ со сценами и пять разъ полная опера «Трубадуръ». Кромѣ того, послѣ пятаго представленія «Трубадура» ко мнѣ пріѣхали г. Нуровъ и г-жа Баландина[1]), и просили меня остаться еще на три представленія; но я должна была отказаться, потому-что тарантасъ мой былъ уже уложенъ. Кто путешествовалъ съ большою кладью, тотъ знаетъ, что значитъ уложить тарантасъ.

Разскажу какимъ образомъ «Трубадуръ» былъ поставленъ въ Екатеринбургѣ. Когда я стала давать эту оперу сценами, то явились любители, которые предложили поставить полную оперу. Оказалось, что имѣлся теноръ, баритонъ, басъ и сопрано, г-жа Маклецкая, взявшаяся готовить хоръ.

Пока разучивали хоры, я успѣла съѣздить въ Нижній-Тагилъ и Кушву.

Въ Нижнемъ-Тагилѣ мнѣ отвели помѣщеніе въ домѣ Демидова, которому собственно принадлежатъ эти заводы и рудники. Проживя здѣсь нѣсколько дней, я отдохнула, благодаря комфорту, который нашла въ этомъ домѣ. Напримѣръ, спальня отдѣлана была роскошно во французскомъ вкусѣ; утромъ, когда я выходила въ столовую, чай и завтракъ были сервировары на серебрѣ и у моего прибора красовался букетъ цвѣтовъ. Послѣ тѣхъ мученій, которыя терпѣли въ то время всѣ проѣзжавшіе отъ Перми до Екатеринбурга по ужасной дорогѣ, попасть въ такую обстановку казалось какимъ-то волшебствомъ.

---

[1]) Конечно, кто былъ въ Екатеринбургѣ, тотъ знаетъ, что эти дома отличаются своимъ гостепріимствомъ.

Концертъ также устроился здѣсь какъ бы самъ собой и, кромѣ того, что доставилъ мнѣ порядочную сумму, пріемъ былъ особенно радушный. Общество было самое сердечное, меня чествовали, угощали и взяли съ меня слово, что на обратномъ пути изъ Кушвы я дамъ другой концертъ.

Кушва неболѣе, какъ простая, хотя и большая деревня. Меня ожидали и отвели мнѣ особенный домикъ, хотя нероскошный, но все въ немъ было чисто и хорошо. Здѣсь также устроили концертъ. Конечно, вся интелегенція Кушвы была въ концертѣ. Кромѣ того, устроены были въ честь меня три вечера. Въ этомъ уголкѣ, на окраинѣ европейской Россіи, сдѣланъ былъ мнѣ такой радушный пріемъ, что я никогда не забуду его.

Когда я уѣзжала изъ Кушвы, мнѣ было необыкновенно грустно; во всякомъ другомъ городѣ, прощаясь, приходило все-таки въ голову—почемъ знать, быть можетъ, и въ другой разъ еще побываю, но здѣсь, я чувствовала, что прощаюсь навсегда съ радушными, добрыми людьми этой далекой, какъ будто невѣдомой страны [1]).

Отсюда я возвратилась въ Нижній-Тагилъ. Тамъ все уже было готово для второго концерта. На другой день послѣ него сдѣланъ былъ въ громадной залѣ обѣдъ. Вся зала уставлена была цвѣтами, шампанское лилось рѣкой за мое здоровье, при чемъ выражались пожеланія хорошаго пути и т. д.

По возвращеніи въ Екатеринбургъ, я нашла, что дѣло мое кипѣло: хоры были почти уже выучены, артисты-любители готовы. Начинались репетиціи «Трубадура», а затѣмъ спектакли, пять подъ рядъ (не болѣе какъ черезъ день) и каждый разъ театръ полонъ.

Всѣ пять спектаклей сошли замѣчательно удачно—для такого города какъ Екатеринбургъ. Капельмейстеръ былъ италіанецъ, оркестръ прекрасный. Костюмовъ, правда, не оказалось, но мы съумѣли все сдѣлать эффектно и дешево. Коленкоръ и манчестеръ играли у насъ роль шелковыхъ матерій. Перья для шляпъ, и бѣлыя и сѣрыя, дѣлались изъ бумаги и т. д.

Между тѣмъ, начались порядочные морозы и сталъ выпадать снѣжокъ; былъ конецъ октября. Въ Тюмени, гдѣ я дала два концерта приходилось позаботиться о возкѣ, потому что санная дорога устанавливалась. Пріискать для меня возокъ было дѣло нелегкое; чтобы сохранить мой голосъ въ холода̀, которые должны были все усиливаться, надо было пріискать возокъ съ наибольшими удобствами. Но когда судьба начнетъ покровительствовать человѣку, то ему удается все,—такъ было и въ этомъ случаѣ. Мнѣ сообщили, что продается сдѣланный для выставки въ Москву, но опоздавшій на нее какой-то особенный возокъ. При осмотрѣ, онъ

---

[1]) Теперь черезъ Нижній-Тагилъ и Кушву проходитъ желѣзная дорога, о чемъ тогда и помышленія не было.

оказался просто чудомъ по удобству и по отдѣлкѣ. Сверху онъ былъ обтянутъ лосиной кожей, окна опушены медвѣдемъ; двойныя отводины, сдѣланныя такимъ образомъ, что возокъ не могъ опрокинуться; внутри обитъ синимъ репсомъ; ручки, крючки, кнопки изъ слоновой кости; внутри два фонаря и зеркало; рамы двойныя. Однимъ словомъ, я нашла всевозможныя приспособленія для удобства и предохраненія отъ холода, какъ будто возокъ былъ заказанъ нарочно для меня. Стоилъ онъ 350 рублей. Тарантасъ мой приняли за 150 рублей, такъ что мнѣ пришлось доплатить всего 200 рублей. Въ Иркутскѣ же, когда я пріѣхала туда и возокъ оказался мнѣ ненужнымъ, мнѣ дали за него, не спрашивая цѣны, 750 рублей.

Выѣхавъ изъ Тюмени въ такомъ роскошномъ возкѣ по первопутку, я благополучно пріѣхала въ Омскъ. Генералъ-губернаторомъ Западной Сибири былъ тогда генералъ-адъютантъ Казнаковъ. Я сдѣлала всѣмъ визиты и получила ихъ обратно. Въ это время здѣсь происходило открытіе театра. Генералъ-губернаторъ ввелъ меня въ свою ложу и этимъ обратилъ общее вниманіе на меня.

Послѣ второго акта раздавались афиши на мой концертъ и того, кто раздавалъ ихъ, буквально сбили съ ногъ. Въ афишахъ было сказано, что билеты можно получать на слѣдующій день съ 9-ти часовъ утра въ гостинницѣ, гдѣ я остановилась. Съ 8-ми часовъ публика уже осадила гостинницу и произошла страшная давка.

Я дала шесть концертовъ. Въ послѣдній, для прощанья, я назначила между прочими вещами мазурку Контскаго и изъ «Жизни за царя»—«Бѣдный конь въ полѣ палъ»—изъ четвертаго акта. Въ Омскѣ было очень много ссыльныхъ поляковъ и они такъ обрадовались, услышавъ свой національный танецъ—мазурку, что устроили мнѣ цѣлую овацію. Во второмъ отдѣленіи, когда я стала пѣть изъ «Жизни за царя» со стороны русскихъ явилось какъ будто соревнованіе въ выраженіи восторга, и я должна была повторить всю арію по требованію публики. Не помню, чтобъ когда-нибудь еще принимали меня съ такимъ восторгомъ; зала буквально дрожала отъ рукоплесканій и криковъ.

Въ промежуткахъ между концертами я была приглашаема на разные вечера къ тамошней аристократіи.

Проводы мои изъ Омска были самые радушные. Мнѣ надавали, по обычаю сибиряковъ, цѣлую массу провизіи на дорогу. Кадку замороженныхъ щей по тарелкамъ, такъ что можно было удобно разогрѣвать ихъ, пельменей, жареныхъ пулярдокъ, разныхъ винъ, и много другого въ этомъ родѣ, такъ что некуда было класть. Гостепріимство сибиряковъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, выразилось въ полной силѣ.

По выѣздѣ моемъ изъ Омска, пошелъ сильный снѣгъ съ вѣтромъ и на слѣдующей же станціи ямщики совѣтывали мнѣ по-

временить: «Такой снѣгъ,—говорили они,—и видно что-то готовится, а ѣхать степью, гдѣ только одинъ кустарникъ». Но я очень торопилась, хотѣлось подвигаться все дальше и дальше и такъ какъ я была не одна, а съ спутникомъ, то и рѣшилась ѣхать. Возокъ былъ запряженъ четверкой лошадей, переѣздъ предстоялъ въ 26 верстъ. Ѣхали, ѣхали, вдругъ останавливаемся на половинѣ дороги. Ямщикъ хлещетъ лошадей, возокъ ни съ мѣста. Съ четверть часа бился онъ такимъ образомъ, наконецъ, подходитъ, отворяетъ дверцу и говоритъ: «Вылѣзай баринъ и барыня». Мы самымъ покорнымъ образомъ исполнили его требованіе. Вѣтеръ валитъ съ ногъ, снѣгъ засыпаетъ глаза, ураганъ страшный, мететъ такъ, что на аршинъ отъ себя ничего не видно. Далѣе послѣдовало новое приказаніе ямщика: «Ты баринъ держи возжи, я буду хлестать лошадей, а ты барыня иди сзади подпирай возокъ». Мы безпрекословно исполнили его приказаніе, думая, что все это, наконецъ, поможетъ. Но не смотря на всѣ старанія, мы не двигаемся съ мѣста. Насколько теперь это кажется смѣшнымъ, настолько тогда было печально. Мы спрашиваемъ, что теперь дѣлать? Ямщикъ, не желая даже отвѣчать, поступаетъ самостоятельно: откладываетъ лошадей, садится на одну изъ нихъ, другихъ беретъ за поводъ и объявляетъ, что приведетъ новыхъ лошадей съ людьми, чтобы стащить возокъ. Такимъ образомъ, мы остались одни среди степи и въ величайшемъ страхѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ было извѣстно, мѣстные киргизы не рѣдко нападали на проѣзжающихъ, пользуясь подобными случаями. Но дѣлать было нечего, надо было покориться необходимости и ждать.

Для предохраненія отъ холода я выпила вина, благо оно со мной было. Я стояла съ одной стороны возка съ револьверомъ въ рукахъ, съ другой стороны мой спутникъ. Ждемъ часъ, два, прождали часа четыре, утѣшаясь тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что такъ какъ возокъ въ теченіе этого времени почти совершенно занесло снѣгомъ, то уже можно было менѣе опасаться нападенія; но невольно закрадывалось сомнѣніе—найдетъ ли насъ ямщикъ. Наконецъ, часа въ три ночи послышались голоса. Въ первую минуту сдѣлалось страшно и вмѣстѣ явилась надежда. Наконецъ, о радость—видимъ лошадей и людей! Начинаются переговоры. Просятъ 25 руб., чтобы вытащить возокъ. Конечно, я спѣшу отвѣчать: «Отрывайте, и сейчасъ же получите деньги». Они требуютъ деньги впередъ. Хотя я и не довѣряла имъ вполнѣ, но приходилось согласиться на условія. Дѣйствительно, не легко было стащить возокъ. Запрягли шестерку лошадей и шесть человѣкъ толкали возокъ сзади, но онъ ни съ мѣста. Полозья такъ врѣзались въ землю, что пришлось опять отпрягать лошадей, отрывать полозья и подложить подъ нихъ жердь. Тогда только шестеркой лошадей сдвинули наконецъ возокъ.

Мы пріѣхали на станцію, когда начало уже свѣтать, и были счастливы, что могли отдохнуть и уснуть.

Не помню сколько станцій надо было проѣхать до поворота на Барнаулъ. И мѣстность, и способы ѣзды здѣсь уже другіе. Лошадей запрягаютъ не въ рядъ, а гусемъ, т. е. одна лошадь впереди другой, ямщикъ на козлахъ, а на третьей лошади форейторъ. Любопытно, что переднія лошади иногда сворачиваютъ какъ имъ вздумается и тогда приходится направлять ихъ на дорогу. Лошади замѣчательно послушны. На одной станціи говорятъ мнѣ, что будутъ нырочки, по нашему ухабы. Эти нырочки до сей минуты не могу забыть. Они были таковы, что возокъ то нырнетъ совершенно въ яму, такъ что его даже невидно, то опять вынырнетъ и снова исчезнетъ. Благодатная страна. Дичи несмѣтное множество; куропатки летали у ногъ лошадей, а по сторонамъ дороги на елкахъ я замѣтила массу тетеревей, которыхъ можно было считать не сотнями, а тысячами.

Мы въѣхали въ Барнаулъ, когда уже темнѣло. Гостинницъ здѣсь нѣтъ и проѣзжающіе должны останавливаться въ меблированныхъ комнатахъ, устроенныхъ болѣе домашнимъ образомъ, нежели обыкновенныя гостинницы.

Попавъ въ теплую комнату послѣ такой мучительной дороги, всего болѣе желательно было добраться скорѣе до постели и уснуть. И что же? Только-что думала я успокоиться, вдругъ слышу такой страшный гулъ, что, казалось, цѣлый городъ готовъ былъ провалиться. Стоявшіе на столѣ стаканъ и свѣча закачались. Вскакиваю въ испугѣ, бѣгу изъ комнаты, хочу спросить, что это такое! Вездѣ все заперто, темнота, всѣ спятъ. Испугъ мой былъ такъ великъ, что я просидѣла до самаго утра, не ложась спать, ожидая, что повторится то же самое. Утромъ, когда всѣ встали, я спросила, что случилось? мнѣ объяснили, что было землетрясеніе, но для мѣстныхъ жителей это было обыкновенное явленіе, и они остались совершенно спокойны.

На другой же день поѣхала я съ визитами. Конечно, прежде всего къ главному начальнику города, который предложилъ мнѣ помѣщеніе у себя; но я, поблагодаривъ, отказалась, на томъ основаніи, что всѣ костюмы и вещи мои были уже разложены и складывать все это—ужасная возня. Концертъ устроился очень скоро. Замѣчателенъ былъ выѣздъ мой на первую репетицію. Морозъ дошелъ до 40°. Выхожу, чтобы ѣхать и чувствую, что отъ холода не могу дохнуть. Но Барнаульское общество было такъ предупредительно, что, предвидя не привычку мою къ такимъ морозамъ, приготовило для меня у подъѣзда четыре кареты, такъ что мнѣ оставалось только выбрать. Кромѣ того, возвратившись съ репетиціи, я не узнала своей гостиной. Вмѣсто простыхъ стульевъ нашла я роскошную бархатную мебель, всѣ комнаты установлены

были цвѣтами, великолѣпный коверъ, прелестный чайный сервизъ. Неожиданность такой любезности, такого вниманія, поразили меня въ высшей степени.

Концерты со сценами приводили публику въ восторгъ и всѣ наперерывъ приглашали меня на вечера и обѣды. Доходило до того, что я принуждена была въ одномъ семействѣ завтракать, а въ двухъ другихъ обѣдать, въ 12 часовъ, въ 3 и въ 6, и непремѣнно должна была вездѣ успѣвать, иначе могла оскорбить ту, или другую семью.

Въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ Барнаулъ, удалось мнѣ дать шесть концертовъ.

Передъ отъѣздомъ устроенъ былъ въ честь меня главнымъ инженеромъ большой прощальный вечеръ. Вернувшись съ вечера, я уложилась и въ 6 часовъ утра покинула Барнаулъ, направляясь въ Томскъ. Морозы въ эти дни были страшные и доходили до 45°.

Я пріѣхала въ Томскъ въ первый день Рождества и на слѣдующій день сдѣлала визиты. Меня всюду принимали съ необычайнымъ, чисто сибирскимъ, радушіемъ. На концертахъ восторгъ публики былъ неописанный. Въ одномъ изъ нихъ присутствовало нѣсколько человѣкъ китайцевъ, которые по своему отдавали мнѣ честь. Когда мнѣ аплодировали и я кланялась, они вставали съ своихъ мѣстъ и также кланялись. Мнѣ пришлось дать въ Томскѣ одиннадцать концертовъ со сценами, частію въ театрѣ, причемъ я получила много разныхъ подарковъ и, между прочимъ, отъ г. Цибульскаго слитокъ золота. Въ Томскѣ я пробыла недѣли три, и, послѣ самыхъ искреннихъ проводовъ, направила путь свой далѣе.

Пріѣхавъ въ Красноярскъ, я, конечно, прежде всего познакомилась со всѣми властями города и съ семьею богача П. И. Кузнецова, была обласкана имъ и получила отъ него роскошный подарокъ— нѣсколько десятковъ превосходныхъ черныхъ соболей, поднесенныхъ мнѣ оригинальнымъ образомъ: когда меня пригласили обѣдать и я пришла къ столу, щи уже были налиты, а моя тарелка обложена кругомъ соболями, для того, сказалъ мнѣ хозяинъ, чтобы щи не простыли. Здѣсь я дала всего шесть концертовъ со сценами, такъ какъ городъ Красноярскъ небольшой; но пріемъ, оказанный мнѣ въ немъ, былъ таковъ, что останется навсегда въ моей памяти. Когда я уѣзжала, то всѣ старались чѣмъ-нибудь выразить мнѣ свое радушіе и расположеніе, почти каждый снабдилъ меня на дорогу — кто пельменями, кто индѣйками, кто необыкновенно вкусными пирожками и булочками, и, наконецъ, одна купчиха прислала мнѣ, чтобы закутать потеплѣе ноги, цѣлый соболій мѣхъ.

Февраль мѣсяцъ подходилъ уже къ концу; но морозы все еще продолжались. Пріѣхавъ въ Иркутскъ, я тотчасъ же переодѣлась и поѣхала къ генералъ-губернатору Восточной Сибири барону Фри-

дериксу съ письмами, которыя имѣла изъ Петербурга отъ очень важныхъ лицъ. Генералъ-губернаторъ очень ласково принялъ меня, какъ уже извѣстную ему по Петербургу артистку, и по письмамъ, которыя я передала ему. Онъ спросилъ меня, гдѣ я желаю начать свои концерты, въ собраніи, или въ театрѣ. Я выразила желаніе дать первый концертъ въ собраніи. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что самъ заѣдетъ въ собраніе и посмотритъ какъ и что̀ надо будетъ сдѣлать. Въ условленный часъ я пріѣхала и баронъ былъ настолько любезенъ, что самъ размѣрялъ, сколько станетъ стульевъ въ первомъ ряду и т. д. Когда сосчитали сумму сбора, который могъ дать первый концертъ, въ три тысячи рублей, баронъ Фридериксъ обращается ко мнѣ и спрашиваетъ: довольно ли? я замѣтила, что нахожу цѣны слишкомъ дорогими. Тогда онъ спросилъ полиціймейстера, будетъ ли полно? Тотъ отвѣтилъ, что въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, что желаніе публики посѣтить концертъ такъ велико, что будь мѣста вдвое дороже и то собраніе было бы полно. Отвѣтъ его оправдался. Когда открыли кассу въ 9-ть часовъ, то къ 11-ти уже не осталось ни одного билета.

Генералъ-губернаторъ совѣтывалъ мнѣ сойтись съ театромъ, такъ какъ наступила масляница и я, взявъ театръ по 400 рублей за спектакль, въ теченіе недѣли могла имѣть 3,200 рублей. Такъ я и сдѣлала. Кромѣ того, мнѣ было предоставлено право давать концерты въ театрѣ въ теченіе всего поста.

Но тутъ меня постигло несчастіе: передъ послѣднимъ спектаклемъ, когда ставили «Русскую Свадьбу», я почувствовала простуду. Исполняла я роль боярина Хрущева. Хочу взять ноту и не могу,— голосъ пропалъ совершенно. Я получила страшный бронхитъ и, вмѣсто того, чтобы въ теченіе всего великаго поста давать концерты, прохворала вплоть до мая мѣсяца. Всѣ лучшіе иркутскіе доктора терялись и думали, что я должна погибнуть. Я была въ большой опасности и вся интелегенція Иркутска была озабочена тѣмъ, чтобы спасти меня во что̀бы то ни стало. Говорили: «Сохрани Богъ, если она здѣсь умретъ, первый разъ такая артистка заѣхала въ Сибирь, и будетъ настоящимъ пятномъ для сибиряковъ, если мы не спасемъ ее». Дѣйствительно, заботы обо мнѣ и уходъ были таковы, что, можетъ быть, благодаря именно этому я осталась жива; въ то же время еще двѣ барыни захворали бронхитомъ и обѣ умерли. Ко мнѣ приглашали телеграммами изъ другихъ городовъ врачей, которые почему-нибудь считались особенно хорошими. Такъ дотянули меня до мая. Мнѣ ужасно хотѣлось передъ отъѣздомъ дать прощальный концертъ. Конечно, я была еще очень слаба, но концертъ все-таки состоялся съ участіемъ любителей. Публика была такъ благосклонна, что осыпала меня подарками. Между прочими вещами, мнѣ поднесли: браслетъ, брошь, соболей на шубу, серебряный чайный сервизъ. Здѣсь я продала

мой прелестный возокъ и пріобрѣла тарантасъ. Доктора объявили, что послѣ такого бронхита возможно ѣхать только за Байкалъ.

Кто бывалъ въ Сибири, тотъ знаетъ Байкалъ. Тамошніе жители обижаются, когда его называютъ озеромъ и сами зовутъ его моремъ. Оно имѣетъ ту особенность, что во время бурь ни одинъ пароходъ не можетъ пристать къ берегу и долженъ находиться въ открытой водѣ, чтобы не быть разбитымъ. Озеро это можно назвать бездоннымъ котломъ, сколько разъ ни пробовали измѣрять его глубину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но не могли достать дна; такъ по крайней мѣрѣ говорятъ тамъ. Бурность озера внушаетъ такой суевѣрный страхъ въ туземцахъ, что они называютъ его Святымъ моремъ и передаютъ о немъ множество разныхъ легендъ. Байкалъ отстоитъ отъ Иркутска въ 60 верстахъ. Дорога къ нему идетъ по берегу быстрой, необыкновенно красивой по чистотѣ воды и живописности береговъ Ангарѣ. Она вытекаетъ изъ озера, черезъ пороги, за которыми открывается громадная масса водъ озера. До станціи Листвиничной на Байкалѣ, гдѣ находится пристань, меня провожали въ нѣсколькихъ экипажахъ. Пароходъ отходилъ въ 4 или 5 часовъ утра. Все общество дожидалось, когда я сяду на пароходъ, и оставалось на берегу, пока онъ не скрылся изъ виду, при чемъ мы взаимно размѣнивались привѣтствіями.

Переѣздъ черезъ Байкалъ былъ удачный. За озеромъ все уже было покрыто зеленью. Мы направили свой путь въ Кяхту. Наступило лѣто, а съ нимъ страшные жары. Казалось, что о концертахъ не могло быть и рѣчи. Вся Кяхта перебралась на дачи по рѣчкамъ Кирону и Чикою. Здѣсь же мнѣ предложили и дачу. Я дала два концерта за городомъ и два въ городѣ.

Гостепріимство оказывалось мнѣ чрезвычайное. Между прочимъ, въ пограничномъ китайскомъ городѣ Маймачинѣ мнѣ устроили у китайцевъ настоящій китайскій обѣдъ. Особенность его заключалась въ томъ, что на большомъ столѣ поставлено было, въ маленькихъ блюдечкахъ, сто перемѣнъ разныхъ кушаньевъ. Замѣчателенъ былъ поросенокъ, зажаренный особеннымъ образомъ и поданный цѣликомъ на большомъ блюдѣ. Мнѣ потомъ показывали, какъ цѣлый поросенокъ протыкается вертеломъ и человѣкъ двѣнадцать китайцевъ поворачиваютъ его и въ то же время опахиваютъ вѣерами, для того, чтобы жаръ попадалъ на него ровно; корочка у такого поросенка выходитъ необычайно вкусная. На обѣдѣ, мнѣ было подарено нѣсколько вазъ и китайскій альбомъ. Въ Маймачинѣ мнѣ показывали національный китайскій театръ. Оркестръ составляли: дудки, цимбалы, разные струнные инструменты, бубенъ и т. п., каждый музыкантъ дудилъ, или билъ въ свой инструментъ какъ попало. Хаосъ выходилъ невообразимый. При этомъ, на сценѣ актеры страшнымъ образомъ ломались.

Когда я очутилась на воздухѣ, то почувствовала, что меня точно выпустили изъ какого-то ада.

На другой день я покинула Кяхту и направилась въ Читу.

Здѣсь мнѣ была приготовлена квартира у адъютанта военнаго губернатора Забайкальской области, Педашенко. На другой день я поѣхала съ визитомъ къ губернатору, который меня зналъ еще по Петербургу. Встрѣча была радушная и, конечно, тотчасъ же было устроено все для концерта. Черезъ два дня состоялся концертъ, а на другой день, по просьбѣ публики, второй, въ небольшомъ театрѣ этого миніатюрнаго городка. Въ ложахъ и партерѣ преобладалъ военный элементъ, что меня необыкновенно обрадовало, напоминая Петербургъ, тѣмъ болѣе, что нашлось много знакомыхъ офицеровъ. Пріемъ мнѣ былъ, можно сказать, тріумфальный. Одинъ изъ моихъ старыхъ знакомыхъ даже поѣхалъ со мной до Нерчинска, чтобы еще разъ услышать мое пѣніе.

Изъ переѣзда моего отъ Кяхты до Нерчинска въ моей памяти остался одинъ случай: передъ Нерчинскомъ есть громадныя горы. Проѣзжая черезъ нихъ, меня чуть было не постигло большое несчастіе: тарантасъ, запряженный четверкой лошадей, тащился на самую крутую изъ этихъ горъ, кажется седьмую. Была ночь. Вдругъ, ямщикъ соскакиваетъ съ козелъ, замѣтивъ, что лошади пятятся назадъ. Читатель, конечно, знаетъ, какая угрожаетъ опасность, когда лошади не могутъ сдержать экипажъ въ гору; бывали примѣры, что и лошади и тарантасъ летѣли въ такомъ случаѣ кувыркомъ съ горы. Предвидя опасность, я вскакиваю со своего мѣста, хватаю возжи, неистово кричу (вотъ тутъ мой голосъ пригодился), беру немного вправо, потомъ влѣво; лошади напрягаютъ всѣ силы, втаскиваютъ экипажъ на вершину горы и останавливаются. Подходитъ ямщикъ и говоритъ: «Вотъ такъ барыня, спасла себя и лошадей!» Когда приходилось мнѣ разсказывать кому-нибудь объ этомъ случаѣ; то всѣ говорили, что не поступи я такъ энергично, со мною могло бы произойти большое несчастіе.

Въ Нерчинскѣ существовало отдѣленіе Музыкальнаго Общества подъ покровительствомъ извѣстнаго Бутина, любителя искусствъ и литературы. Онъ же предложилъ мнѣ по пріѣздѣ моемъ въ Нерчинскъ помѣщеніе у себя. Признаюсь, что когда я вошла въ квартиру, назначенную мнѣ, то испытала ощущеніе, которое уже давно не приходилось испытывать. Мнѣ отданы были двѣ роскошно меблированныя комнаты съ балкономъ въ садъ, который могъ сравниться только съ самыми замѣчательными садами Европы. Весь въ цвѣтахъ, растенія теплаго климата, даже тропическія, какъ, напримѣръ, лавръ, потомъ кедры, лиственницы; однимъ словомъ собраніе европейскихъ и азіатскихъ растеній. Здѣсь я оставалась двѣ недѣли, и дала четыре концерта. Въ маленькой

консерваторіи Бутина оркестръ былъ настолько хорошъ, что могъ мнѣ аккомпанировать всю сцену изъ «Жизни за царя», также изъ «Рогнѣды» и «Пророка». Нельзя передать всего восторга, который пришелся на мою долю въ Нерчинскѣ, потому что публика услыхала пѣніе мое подъ аккомпаниментъ оркестра. Впечатлѣніе было такое, что мой портретъ повѣсили на вѣчныя времена въ залахъ Музыкальнаго Общества, а отъ оркестра мнѣ былъ поднесенъ вѣнокъ и фотографія всего оркестра, собственно для меня сдѣланная. Такая же группа поднесена была мнѣ въ Екатеринбургѣ отъ оркестра. Обѣ эти группы хранятся у меня, какъ пріятное воспоминаніе.

Г. Бутину желательно было оказать мнѣ особое вниманіе, и онъ предложилъ мнѣ поѣхать на его золотые пріиски, что было также весьма интересно. Поѣздка эта запечатлѣлась глубоко въ моей памяти. Ѣзды было часовъ двѣнадцать, дорога, можно сказать, непроходимая. Громадный лѣсъ изъ разнообразныхъ видовъ деревьевъ, мѣстами повалившихся съ торчащими корнями и переломанными вѣтвями, а рядомъ съ ними свѣжія молоденькія лиственницы и сосны съ нѣжной зеленью. Мѣстность гористая съ крутыми обрывами и узкими ложбинками, изрытыми ручьями. Этотъ лѣсъ не можетъ не остаться въ памяти того, кто разъ его видѣлъ, и онъ долженъ восхитить всякаго, не смотря на свою дикость.

Наконецъ, показался роскошный домикъ въ этой страшной глуши. Подъѣзжаемъ, передъ глазами открывается прекрасная площадь, покрытая всевозможными машинами. Входимъ въ домъ, гдѣ уже все было приготовлено къ нашей встрѣчѣ,—обстановка и удобства заставляли забывать, что мы находимся въ тайгѣ. На другой день пошли осматривать рудники, гдѣ добывается золото. При мнѣ какъ разъ былъ сдѣланъ опытъ: громадная машина подняла массу земли, изъ которой внизу получилось небольшое количество чего-то, оказавшагося кусочками чистаго золота. Въ числѣ этихъ кусочковъ попался на этотъ разъ одинъ, въ видѣ брелока, который и былъ мнѣ поднесенъ.

Я прогостила здѣсь четыре или пять дней. Время шло незамѣтно: придумывались всевозможныя прогулки съ обѣдами и завтраками, въ окрестностяхъ пріиска.

Возвратившись съ пріиска въ Нерчинскъ, я начала собираться на Амуръ. Тарантасъ, въ которомъ я пріѣхала, былъ купленъ Бутинымъ. Но я доѣхала въ этомъ тарантасѣ до Амура, а потомъ уже онъ возвращенъ былъ владѣльцу. Я не могла нарадоваться, что разстаюсь съ тарантасомъ и сажусь на пароходъ; но радость эта продолжалась недолго. Тотчасъ же пошли разсказы объ опасностяхъ, потому что пароходы здѣсь очень стары и такъ непрочны, что дно ихъ называется тюлевымъ отъ множества заплатокъ, которыя приходится часто дѣлать, потому что безпрестанно попадаются подводные камни, пробивающіе дно парохода.

Общество пароходства такъ было внимательно ко мнѣ, что поднесло безплатные билеты на весь путь.

Пароходъ отвалилъ и глазамъ нашимъ представился великолѣпный видъ: берега высоты необычайной; горы съ зубчатыми вершинами, покрытыя роскошной зеленью. Однимъ словомъ картина красоты и дикости невообразимой.

Скоро я познакомилась съ обществомъ, находившимся на пароходѣ, и между прочимъ съ ѣхавшимъ съ нами губернаторомъ города Благовѣщенска. Онъ спросилъ меня намѣрена ли я остановиться въ Благовѣщенскѣ. Я отвѣчала, что билеты мнѣ выданы прямо до Николаевска и потому трудно будетъ это сдѣлать. Онъ замѣтилъ, что проѣхать Благовѣщенскъ будетъ просто грѣхъ.

— Дайте мнѣ согласіе,—сказалъ онъ,—и я устрою все.

Онъ предложилъ мнѣ свою залу, послалъ телеграмму, чтобы приготовили для концерта все, что было нужно. Пароходъ приходитъ въ Благовѣщенскъ въ четыре часа по полудни и стоитъ до часа ночи, такъ что я успѣла дать концертъ. Одѣвшись на пароходѣ, я отправилась прямо пѣть. Очистилось мнѣ 600 рублей. Концертъ кончился въ 11 часовъ, послѣ чего губернаторъ угостилъ меня ужиномъ, и я успѣла вернуться на пароходъ вовремя, чтобы продолжать свой путь.

Слѣдующая станція была Хабаровка. Хотя мѣстечко это въ родѣ деревни, но тамъ живетъ много служащихъ, которые просили меня дать концертъ. Я остановилась у извѣстнаго мѣховщика Плюснина, который поднесъ мнѣ въ концертѣ сорокъ соболей.

Изъ Хабаровки я направила свой путь въ Николаевскъ. Тамъ особенно обрадовались мнѣ моряки, которые знали меня по Кронштадту. Заранѣе еще отведена была мнѣ квартира въ одномъ семействѣ. Тутъ я чувствовала себя такъ, какъ будто пріѣхала въ родное мѣсто. Я дала четыре концерта, сопровождавшіеся всевозможными оваціями. Мнѣ опять поднесли соболей и восторги были такъ сильны, что губернаторъ сказалъ мнѣ:

— Разсказывайте, матушка Дарья Михайловна, какъ мы васъ здѣсь чествуемъ!

Такъ какъ это былъ почти предѣлъ путешествію моему по Сибири, и туалетъ мой, отъ многочисленныхъ концертовъ, значительно уже поблекъ, то опытные люди посовѣтывали мнѣ сдѣлать аукціонъ. Нечего говорить, какую цѣну давали за крупныя вещи, лишь бы имѣть что-нибудь отъ меня; для примѣра скажу, что цвѣтокъ, за который было назначено 50 коп., доходилъ до десяти рублей.

Мнѣ хотѣлось переѣхать въ Японію прямо изъ Николаевска, но моряки посовѣтывали, чтобы я сѣла на морской пароходъ изъ Владивостока, такъ какъ настоящихъ рейсовъ отсюда не было и меня могли завести въ Камчатку. Поэтому я изъ Николаевска

вернулась на Хабаровку, гдѣ меня упросили дать еще два концерта. Отсюда пароходъ по Уссури отходитъ нѣсколько разъ въ недѣлю.

Мнѣ разсказывали еще раньше, чему я не вѣрила, будто бы въ Уссури столько какой-то большой рыбы, что она вскакиваетъ въ каюту. Теперь, проѣзжая здѣсь, я была сама очевидицей этого: къ пароходу привязана была маленькая лодочка и отъ движенія пароходнаго колеса двѣ громадныя рыбы очутились въ лодочкѣ. Онѣ были такъ велики, что ихъ достало на обѣдъ для всѣхъ, бывшихъ на пароходѣ. Рыба эта, розовая, похожа на нашу лососину, даже вкуснѣе; тамъ же она ни во что̀ не цѣнится. Мѣстные жители почему-то не ѣдятъ эту рыбу и потому на берегу ее нельзя найти. Ее здѣсь такое множество, что когда бываетъ ходъ этой рыбы, разъ или два въ году, то пароходъ едва можетъ проходить, потому что колеса задѣваютъ за рыбу.

Рѣка Уссури не широка, по берегамъ ея тянется лѣсъ, состоящій изъ краснаго, чернаго, орѣховаго и тому подобныхъ деревьевъ. Этимъ-то драгоцѣннымъ деревомъ казаки топятъ печи. Въ Уссури впадаетъ узенькая рѣчка Сунгача. Подобной рѣчки, вѣроятно, нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ. Напримѣръ: по прямому направленію до какого-нибудь мѣста не болѣе 70—80 верстъ, а по Сунгачи верстъ триста, до того она извилиста. Ѣдешь верстъ тридцать и черезъ часъ, полтора, оказывается, что подъѣзжаешь къ тому же мѣсту, только съ другой стороны. Мѣстность здѣсь совершеннно непроходимая, дикая. По берегамъ цвѣтетъ викторія; черепахи, величиною въ $^1/_2$, въ $^3/_4$ аршина, бросаются въ воду заслыша пароходъ; или вдругъ на берегу появляется стадо дикихъ козъ, которыя, испугавшись парохода, бросаются прочь.

Картина удивительная! Рѣчка Сунгача впадаетъ въ озеро Хонь-кау. Подъѣзжая къ озеру мы были свидѣтелями страннаго явленія: набѣгаетъ туча и изъ нея падаетъ что̀-то въ родѣ небольшихъ бѣлыхъ бабочекъ. Первый моментъ послѣ паденія онѣ живы, а черезъ секунду уже мертвыя. И такое ихъ множество, что на пароходѣ образовался изъ нихъ, въ нѣсколько минутъ, слой въ два-три вершка, имѣвшій видъ мокраго снѣга. Когда это странное явленіе стихло и стали мести палубу, то все это обратилось въ бѣлую слизистую массу. Затѣмъ наступила ясная погода. Мы занялись рыбной ловлей. Пароходъ былъ очень маленькій и капитанъ посовѣтывалъ намъ испытать, какъ легко можетъ ловиться здѣсь рыба. Удочку устроивали такъ: брали простой гвоздь, конецъ котораго загибали; крюкъ этотъ привязывали на веревочку и надѣвали кусочекъ хлѣба. Рыба ловилась такъ, что едва успѣвали забрасывать удочки. Эти рыбки въ родѣ нашихъ стерлядокъ и изъ нихъ сдѣлали намъ превосходную уху.

Наконецъ, мы вошли въ озеро Хонь-кау. Небольшая буря такъ взволновала его, что надо было остановиться. Пароходы здѣсь съ

плоскимъ дномъ, и бывали примѣры, что отъ качки перевертывались. Вообще, озеро это, взволновавшись, дня два-три не утихаетъ. Мы пристали къ берегу и капитанъ объяснилъ намъ, что здѣсь живутъ ссыльные китайцы. Это такъ заинтересовало всѣхъ насъ, что мы спросили, нельзя ли посмотрѣть этихъ ссыльныхъ. Они совершенно свободно сидѣли на берегу и вязали мережи (невода), почтительно намъ поклонились и повели насъ осматривать свое помѣщеніе; чистота его поразила насъ. Вокругъ стѣнъ устроенъ родъ дивановъ, гдѣ ссыльные спятъ одинъ подлѣ другого. Все это очень опрятно, и даже покрыто коврами. Китайцы проводили насъ на пароходъ и, получивъ отъ насъ нѣсколько денегъ, очень благодарили.

Переночевавъ на якорѣ, мы переѣхали на другой день озеро совершенно благополучно. На берегу меня встрѣтилъ исправникъ, которому было уже написано обо мнѣ. Я остановилась у него и онъ тотчасъ же телеграфировалъ въ Владивостокъ, чтобы за мной прислали въ рѣчку Суйфунъ маленькій пароходъ, и поѣхалъ самъ провожать меня во Владивостокъ.

До парохода пришлось ѣхать въ тарантасѣ; проѣхать нужно было немного, верстъ сто; но отъ одной мысли о тарантасѣ я приходила въ ужасъ. Ѣхали впрочемъ хорошо, но все же я была рада, когда мы добрались до рѣчки Суйфунъ, гдѣ меня ждалъ маленькій пароходъ.

Капитанъ объявилъ, что пароходъ отвалитъ послѣ обѣда. Пообѣдали мы превосходно и тронулись въ путь, продолжавшійся до ночи.

Рѣчка Суйфунъ неболѣе пяти сажень шириною, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и того менѣе. Дорогой представилось намъ необычайное зрѣлище: саженяхъ въ 15 сзади насъ, рѣчку переплывала изгибаясь змѣя такого размѣра, что голова ея была на одномъ берегу, а хвостъ почти на другомъ. Страшно было, конечно, видѣть эту картину. Оказалось, что мы находимся въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ водятся удавы, и это былъ удавъ.

Подъѣзжая къ морю мы почувствовали близость его въ прохладномъ вѣяніи вѣтерка.

На встрѣчу мнѣ, для морского переѣзда высланъ былъ большой пароходъ во Владивостокъ. Онъ стоялъ въ открытомъ морѣ на небольшомъ разстояніи отъ берега. Перебираться на него было неудобно и страшно: нужно было подниматься по лѣстницѣ съ нашего маленькаго парохода, къ тому же ночью. Подъ вліяніемъ разныхъ волнующихъ впечатлѣній, мнѣ казалось, что погода была тихая, но когда мы поѣхали по морю, то волны поднимались горами и меня охватило угнетающее чувство. Мы должны были обойти мысъ, который выдается далеко въ море и войти въ бухту, гдѣ находится городъ Владивостокъ. Такъ какъ пароходъ очень запоздалъ и мы прибыли въ глухую полночь, я должна была остановиться

въ домѣ близь гавани, нѣчто въ родѣ гостинницы. На другой же день весь Владивостокъ узналъ о моемъ пріѣздѣ и нѣкоторые моряки пріѣхали ко мнѣ. Я съ своей стороны также поспѣшила сдѣлать визиты главнымъ лицамъ города. Однимъ семействомъ мнѣ была предложена квартира съ всевозможными удобствами, что конечно я приняла съ благодарностью. Здѣсь я дала нѣсколько концертовъ съ большимъ успѣхомъ.

IX.

Отплытіе изъ Владивостока.—Корветъ «Баянъ».—Буря на морѣ.—Юкагама.—Впечатлѣніе, произведенное моимъ пѣніемъ на японцевъ.—Пріобрѣтеніе японскихъ и китайскихъ вещей.—Обѣдъ данный моряками.—Шанхай.—Хонькоу.—Китайскій обѣдъ.—Колобки изъ собачьяго мяса.—Встрѣча новаго года па канонирской лодкѣ «Соболь».—Русская кулебяка въ Китаѣ.—Радушные проводы хонькоуцевъ.—Русскіе блины въ Японіи.—Страшная опасность, грозившая мнѣ.—Переѣздъ въ Санъ-Франциско.

Наступила пора двинуться въ Японію, но являлся вопросъ, на чемъ переѣхать море, такъ какъ платныхъ рейсовъ отсюда не было. Мнѣ посовѣтывали обратиться къ морскому начальству съ просьбой перевезти меня на какомъ-нибудь корветѣ. Сдѣлать это было мнѣ тѣмъ удобнѣе, что я нашла во Владивостокѣ адмирала Пузино, съ которымъ была знакома еще въ Петербургѣ. Онъ плылъ въ Японію съ цѣлой эскадрой. Благодаря посредничеству адмирала, скоро получена была изъ Петербурга телеграмма, разрѣшающая, съ согласія его высочества великаго князя Константина Николаевича, перевезти меня въ Японію. Адмиралъ распорядился, чтобы я ѣхала на корветѣ «Баянъ», гдѣ въ распоряженіе мое отдана была его роскошная каюта, а самъ онъ помѣстился на корветѣ «Аскольдъ».

Оригинально, что русской пѣвицѣ пришлось плыть къ берегамъ Японіи на корветѣ, носившемъ названіе народнаго пѣвца древнихъ славянъ.

Съ полудня начались всевозможные проводы. Весь почти городъ сошелся на берегъ, чтобы сказать «прости» отходившему «Баяну». Обстановка и военные пріемы проводовъ были торжественны; мнѣ казалось, что мы отправляемся на войну.

Наконецъ, мы въ открытомъ морѣ. Я часто сидѣла на кормѣ, бóльшею частью бесѣдуя съ священникомъ корвета, любуясь и восхищаясь величіемъ зрѣлища Тихаго океана.

Переходъ отъ Владивостока до Юкагамы въ Японіи продолжается девять дней. Плаваніе наше началось при тихой погодѣ. Не помню, сколько прошло дней, когда мы проѣзжали мимо города Хоходате. Вечеромъ въ этотъ день, послѣ молитвы, я вышла на палубу. Дежурный офицеръ съ верхняго мостика пригласилъ меня

поглядѣть на прелесть природы, говоря: «Тамъ внизу не видно того, что видно здѣсь, взойдите и посмотрите на эту прелесть!» Я взбираюсь. Дѣйствительно передо мной картина, величіе которой мнѣ, конечно, не придется больше никогда видѣть. Корветъ покачивается тихо, граціозно, луна сіяетъ; небо спокойное, ясное, лишь легкія облачка пробѣгаютъ въ вышинѣ, воздухъ чистый, легкій; дышется свободно; поверхность воды спокойна, а саженяхъ въ 50 налѣво отъ корвета мирно плывутъ четыре кита, пуская высоко фонтаны. Спокойствіе кругомъ было полное; вдругъ, нежданно, негаданно, является откуда-то громадная волна, нахлынула на корветъ и покрыла съ головы до ногъ всѣхъ стоящихъ, въ томъ числѣ и меня. Офицеры подхватили меня и помогли сойти внизъ. Тихая погода вдругъ смѣнилась жесточайшей бурей. Мнѣ говорили моряки, что Тихому океану свойственны такіе неожиданные переходы и что однажды внезапно нахлынувшая волна сбила съ ногъ и снесла въ океанъ офицера, стоявшаго на верхнемъ мостикѣ.

Спустившись въ каюту, я хотѣла снять мою мокрую одежду, но буря усиливалась и отъ качки невозможно было держаться на ногахъ. Переходъ тихой погоды въ страшную бурю произошелъ въ какія-нибудь десять минутъ! Слышу кричать: «авралъ». Слово это означаетъ, что требуется къ дѣлу все, что̀ находится на корветѣ: люки заколачиваются, пушки привязываются. Нельзя вообразить себѣ эту суматоху, не видавъ ее. Что это былъ за ужасъ! Качка была такъ сильна, что корветъ два раза ложился совершенно на бокъ. Буря, а съ ней и страхъ мой, продолжались до утра.

Когда мы приблизились къ рукаву, ведущему въ бухту Юкагамы, то, вслѣдствіе бури у береговъ скопился такой туманъ, что всѣ пришли въ смущеніе, опасаясь, чтобы не случилось какого-нибудь несчастія, потому что здѣсь находится масса подводныхъ камней. Капитанъ былъ въ недоумѣніи, что дѣлать. Однакоже, мы подвигались впередъ, въ ожиданіи лоцмана, который обыкновенно встрѣчаетъ подходящія суда, чтобы провести ихъ. Наконецъ, мы увидѣли, что онъ приближается. По принятому обычаю, лоцману былъ данъ съ корвета сигналъ. Раздался пушечный выстрѣлъ. Настоящій лоцманъ долженъ былъ это понять, но, по всей вѣроятности, подъѣзжавшій къ намъ лоцманъ былъ простымъ проводникомъ, незнавшимъ этого обычая и, испугавшись выстрѣла, повернулъ назадъ и исчезъ. Мы остались попрежнему въ затрудненіи. Въ это время проходилъ въ виду насъ американскій пароходъ. «Баянъ» спросилъ у него знаками указаній, какъ пройти къ Юкагаму. Тотъ также знаками отвѣтилъ: «слѣдуйте за мной». Но «Баяну» нельзя было этого сдѣлать, потому что надо было развести пары, а, по правиламъ морскаго плаванія, корветъ можетъ разводить пары только тогда, когда взойдетъ въ рукавъ или въ рѣку. Американскій пароходъ скрылся скоро у насъ изъ виду. На счастье

наше, на корветѣ находился старшій офицеръ, который раньше уже проходилъ въ этомъ мѣстѣ. Онъ вызвался провести насъ. Подъ руководствомъ его рѣшено было искать надлежащій путь.

Утомленная до крайности бурной ночью, я боролась между страхомъ и желаніемъ отдохнуть, пока, наконецъ, сонъ не пересилилъ боязнь; я ушла въ каюту и скоро заснула. Когда я проснулась, то пары уже дѣйствовали. Мы вошли въ рукавъ. До бухты, по рукаву, надо было пройти часовъ пять или шесть. Я одѣлась и вышла на палубу. Собесѣдникомъ моимъ, по обыкновенію, былъ священникъ. Мы, разумѣется, говорили о только-что испытанныхъ впечатлѣніяхъ во время бури. Какъ потомъ оказалось, причиною ея было землетрясеніе на берегахъ Японіи. Между прочимъ въ Юкагамѣ оно произвело большое опустошеніе: зданія рушились, земля трескалась, и, какъ мнѣ разсказывали очевидцы, стѣны деревянныхъ домовъ раздвигались и сдвигались. Чтобы объяснить такое странное явленіе, нужно замѣтить, что углы деревянныхъ домовъ въ Японіи, именно въ виду частыхъ землетрясеній, въ предупрежденіе разрушеній, устроиваются такъ, чтобы бревна могли сдвигаться.

Наконецъ, въ виду нашемъ показался Юкагама, прелестный городокъ, весь въ зелени, среди которой выдавались роскошныя пальмы. Навстрѣчу намъ выѣхало множество лодокъ съ кучею детей и разведенными огнями; корветъ былъ окруженъ ими. Въ лодкахъ движеніе, варятъ, пьютъ, ѣдятъ и предлагаютъ разные продукты. Съ пристани начинается пальба и къ корвету подъѣзжаютъ члены русскаго посольства.

Приближаясь къ берегамъ Японіи, я призадумалась надъ тѣмъ, что въ этой странѣ не могу встрѣтить ни одного знакомаго человѣка, и что же? Среди членовъ посольства, подъѣзжающихъ къ намъ, вижу вдругъ все знакомыя лица: Александръ Александровичъ Пеликанъ, съ которымъ я была знакома въ Петербургѣ; секретарь посольства, баронъ Ровенъ, котораго знала также по Петербургу, какъ прекраснаго музыканта и, наконецъ, посланникъ Струве, съ которымъ я также встрѣчалась. Съ супругой Струве, Маріей Николаевной, я тотчасъ же познакомилась и приглашена была на другой день къ нимъ обѣдать.

Послѣ отъѣзда посольства, мы вышли на берегъ и я помѣстилась въ роскошной французской гостинницѣ «Бона».

Контрастъ между Владивостокомъ и Юкагамой поразителенъ. Въ первомъ вездѣ по улицамъ оставшіеся пни отъ срубленныхъ деревьевъ, ѣздить приходится по кочкамъ, всюду нечистота, плохія зданія—здѣсь, въ Юкагамѣ, улицы ровныя, дома прекрасные, множество зелени, садовъ; все чисто и красиво.

Первые дни по пріѣздѣ мнѣ необходимо было отдохнуть и разобрать вещи, послѣ чего я поѣхала къ нашему посланнику, гдѣ,

къ радости моей, встрѣтила всѣхъ офицеровъ съ «Баяна», а также адмирала Пузино и офицеровъ съ «Аскольда», которыхъ я видѣла во Владивостокѣ. Адмиралъ успѣлъ уже прибыть съ своей эскадрой вслѣдъ за нами.

Послѣ визитовъ, начались хлопоты по устройству концертовъ. Японцы оказались очень любезными и впервые дали зданіе своей ратуши для артистическаго вечера. Зала ратуши роскошна. Число газовыхъ рожковъ доходитъ до 800. Здѣсь обыкновенно живетъ Микадо, когда пріѣзжаетъ изъ Іеддо.

Я познакомилась со многими иностранцами,—французами, англичанами, нѣмцами и, конечно, со всѣми русскими, которые были въ то время въ Юкагамѣ.

При устройствѣ концерта, я встрѣтила полное сочувствіе отъ всѣхъ. Одинъ англичанинъ предложилъ мнѣ аккомпанировать и свой инструментъ для концерта. Участвовалъ еще одинъ французъ со скрипкой и нѣкоторые любители пѣнія. Такимъ образомъ составился интересный концертъ.

Въ концертѣ болѣе половины залы было занято японцами, остальныя мѣста заняты были европейцами. Русскій посланникъ пріѣхалъ съ дочерью японскаго министра двора; ей необыкновенно понравился концертъ. Она много говорила со мной черезъ переводчика, разспрашивала о путешествіи и удивлялась моей рѣшимости на такой дальній и опасный путь.

О концертѣ разсказывать не буду, а приведу только отзывъ главной тамошней японской газеты: «Подходимъ къ башнѣ ратуши; было половина осьмого. (Начало назначено было въ 8 часовъ). По вьющейся лѣстницѣ мы взошли въ залу. Передъ нашими глазами стояли стулья числомъ до тысячи и стулья эти поставлены были рядами одинъ около другого. Впереди залы поставленъ былъ амвонъ, покрытый краснымъ сукномъ и ящикъ о трехъ ножкахъ. Публика идетъ, идетъ, наконецъ, наполнилась вся ратуша. Появляется дама въ черномъ платьѣ, покрытомъ прозрачной черной тканью. (Вѣроятно, видъ мой соотвѣтствовалъ японскому вкусу, потому что здѣсь авторъ статьи разсыпался съ необычайной похвалой относительно моей наружности). Съ ней вышелъ мужчина въ черномъ фракѣ, который, открывъ ящикъ о трехъ ножкахъ, заигралъ на немъ, и мы услыхали тогда впервые звуки, поразившіе насъ. Наконецъ, пѣвица эта начинаетъ пѣть. Она пѣла, то такъ тонко какъ волосъ, то вдругъ какъ мужчина. (Надо замѣтить, что когда японцы восхищаются, то непремѣнно сравниваютъ съ чѣмъ-нибудь). Она пѣла такъ, какъ могла только пѣть богиня пѣнія, которая своимъ голосомъ укрощала не только людей, но и звѣрей. И эта пѣвица пѣла такъ, что рыбки на днѣ моря встрепенулись. Ей такъ хлопали въ ладоши, такой былъ шумъ въ залѣ, точно тысячи журавлей слетались и колотили своими носами въ

полъ». Такова была рецензія главной японской газеты, выходящей въ Іеддо.

Вообще, пѣніе мое произвело такое впечатлѣніе на японцевъ и такъ расположило ихъ ко мнѣ, что они не переставали разспрашивать меня черезъ переводчиковъ, которыхъ постоянно было три или четыре, изъ японцевъ же, говорящихъ по-русски. У нихъ даже возбудился вопросъ объ устройствѣ академіи искусствъ, въ программу которой входили музыка, пѣніе, архитектура и рисованіе. Ихъ такъ это занимало, что они желали тотчасъ же перейти къ исполненію, но не было необходимыхъ для этого суммъ, которыми они могли бы тогда располагать и пришлось отложить возможность осуществить это дѣло.

Я пробыла въ Японіи нѣсколько мѣсяцевъ и положительно обворожена была ею, ея оригинальностью, ея обычаями, характеромъ японцевъ вообще, ихъ простодушіемъ, довѣрчивостью, безхитростью, опрятностью, и только сожалѣю, что эта симпатичная страна далеко отъ насъ. Утромъ, выходя изъ комнаты, я всегда находила въ коридорѣ множество японцевъ съ разными вещами, изъ которыхъ я покупала то, что казалось мнѣ интереснымъ. Такимъ образомъ, пріобрѣтая здѣсь старинныя японскія вещи, а потомъ въ Китаѣ—китайскія, я устроила себѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, японско-китайскую комнату, которая существуетъ у меня и теперь и восхищаетъ тѣхъ, кто посѣщаетъ меня. Правда, собирая эту коллекцію, я имѣла въ виду, что она, по возвращеніи моемъ въ Россію, послужитъ въ глазахъ тѣхъ, кто всегда интриговалъ меня, самымъ вѣскимъ доказательствомъ моихъ успѣховъ въ продолженіе моего кругосвѣтнаго путешествія. Еслибъ я, вернувшись, имѣла только большія деньги, то кто же могъ знать, что я ихъ пріобрѣла, тогда какъ эта комната надѣлала такого шума въ Петербургѣ, что о ней неоднократно писали. Изъ временъ пребыванія моего въ Японіи, мнѣ между прочимъ памятенъ обѣдъ, данный русскими морскими офицерами. Самый обѣдъ, т. е. японскія кушанья, не по русскому вкусу. Въ нихъ преобладаютъ каракатицы, разныя водоросли, мясо же въ составъ японскаго обѣда совсѣмъ не входитъ. Мнѣ интересно было любопытство, съ которымъ прислуживавшія за обѣдомъ японки осматривали насъ и изучали туалетъ европейскихъ дамъ; это заняло ихъ такъ, что послѣ обѣда онѣ попросили насъ въ отдѣльную комнату, гдѣ безъ церемоніи разбирали нашу одежду, осязая ее.

Въ Японіи мнѣ случилось быть свидѣтельницей разрушительнаго дѣйствія бури Тихаго океана нетолько въ морѣ, но и на берегахъ. Крыши сносились, дома разрушались, стеклянная крыша, сдѣланная надъ дворомъ гостинницы «Бонà», гдѣ я жила, снесена была и разбита, три судна на рейдѣ перевернуты вверхъ дномъ; при этомъ погибло много народа. Въ Японіи же я испы-

тала два небольшія землетрясенія. Разъ утромъ за чаемъ почувствовала я вдругъ, что̀ испытывается во время качки на морѣ, качнуло раза три и тѣмъ кончилось; то же самое произошло и въ другой разъ.

Въ Японіи я побывала два раза—до отъѣзда въ Китай и на пути въ Америку. Въ первый разъ прожила три мѣсяца и отправилась въ Китай на пароходѣ, который долженъ былъ остановиться въ Нагасаки. Здѣсь русскій консулъ, г. Орловскій, предложилъ мнѣ помѣщеніе у себя, и я провела три недѣли въ его гостепріимномъ домѣ. Отсюда я продолжала путь въ Шанхай. При переѣздѣ моремъ была такая буря, что съ борта парохода сорвало ботъ и снесло верхнюю капитанскую будку. Люди не только не могли держаться на ногахъ, но не въ состояніи были удержаться въ койкахъ; оставалось лежать всѣмъ на полу каютъ. При мнѣ былъ маленькій кроликъ, мой любимецъ, который отъ самаго Петербурга совершилъ со мной кругосвѣтное путешествіе. Я чуть не лишилась этого милаго животнаго—во время бури его бросало изъ стороны въ сторону, какъ мячикъ.

Въ Шанхаѣ я также провела время очень пріятно. У меня было письмо къ американскому консулу. Остановилась я во французской гостинницѣ. Общество было очень внимательно ко мнѣ, устроивались музыкальные вечера, и, наконецъ, концертъ, на которомъ присутствовала вся европейская публика Шанхая, т. е. англичане, французы, нѣмцы, американцы и, конечно, русскіе. Впрочемъ, послѣднихъ въ Шанхаѣ очень мало. Изъ китайцевъ былъ только одинъ мандаринъ.

Концертъ удался и по сбору и по музыкѣ, не смотря на строгую критику публики, состоявшей, можно сказать, изъ компетентныхъ цѣнителей. Въ концертѣ былъ, между прочимъ, одинъ русскій, который, спросивъ меня, куда я поѣду дальше, выразилъ желаніе видѣть меня въ Хонькоу и, такъ какъ ѣхалъ туда на другой день, вызвался узнать мнѣніе тамошней русской колоніи и извѣстить меня. Хонькоу отстоитъ отъ Шанхая болѣе нежели на 1000 верстъ и путь идетъ по рѣкѣ Янци-кіангу. Вскорѣ я получила отъ этого господина телеграмму съ нѣсколькими подписями. Все общество русскихъ чайныхъ торговцевъ просило меня пріѣхать въ Хонькоу. Я не задумалась и собралась, хотя былъ уже декабрь.

На пароходѣ я доѣхала въ три дня до Хонькоу, гдѣ встрѣтилъ меня нашъ консулъ П. А. Пономаревъ. Онъ предложилъ мнѣ для помѣщенія домъ-особнякъ, хозяева котораго находились въ то время въ Россіи, а у себя каждый день обѣдъ. Въ двѣнадцать часовъ ежедневно четыре китайца являлись за мной съ паланкиномъ и несли меня къ консулу. Здѣсь окружало меня все русское купеческое общество и мнѣ невыразимо пріятно было, что въ центрѣ Китая я нахожусь совершенно въ русскомъ кружкѣ.

Общими силами устроили концертъ и здѣсь, также какъ и въ Шанхаѣ, публика состояла исключительно изъ европейцевъ. Всякій изъявлялъ желаніе, чтобы я спѣла что-нибудь на его родномъ языкѣ, или его національное музыкальное произведеніе; мнѣ пришлось такимъ образомъ пѣть и на италіанскомъ, и на нѣмецкомъ, и на французскомъ, и на другихъ языкахъ. Шотландская пѣсня «John Anderson» вызвала у стариковъ шотландцевъ слезы. Одинъ изъ нихъ училъ меня предварительно выговаривать шотландскія слова и хотя мнѣ было очень трудно привыкнуть къ выговору, но я все-таки освоилась съ нимъ настолько, что спѣла. Въ концертѣ былъ одинъ мандаринъ, который, выражая свой восторгъ, подарилъ мнѣ кацавейку вышитую гербами. Подобную одежду можно получить только съ плеча; китаецъ не имѣетъ права вышить и продать такую вещь европейцу. За это у нихъ полагается по закону строгое наказаніе. Здѣсь также, какъ и въ Шанхаѣ, китайцы не входили въ залу, а слушали подъ окнами.

Концертъ удался какъ нельзя болѣе и мнѣ жилось вообще очень весело. Безпрестанно приглашали меня на вечера и обѣды. Изъ числа послѣднихъ былъ обѣдъ китайскій, съ пѣвцами китайцами и пѣвицами китаянками, данный мнѣ русской колоніею съ нашимъ консуломъ во главѣ. Перемѣнъ на этомъ обѣдѣ было до семидесяти въ чашечкахъ и блюдечкахъ, какъ обыкновенно у китайцевъ, и стоилъ онъ что-то очень много. Деньги за него, мѣдной китайской монетой (чоки), отвезли на восьми подводахъ. Китайскій обѣдъ несравненно лучше японскаго, уже по одному тому, что у китайцевъ есть мясныя блюда. Особенно вкусны были колобки изъ мяса и я ѣла ихъ съ удовольствіемъ, но каково же было мое разочарованіе, когда, возвратившись въ Россію, я получила отъ русскаго консула письмо, въ которомъ онъ писалъ: «вкусные мясные колобки, которые вы такъ усердно кушали, дѣлаются изъ собачьяго мяса». Большую роль въ китайскомъ обѣдѣ играютъ ласточкины гнѣзда. Они, какъ извѣстно, добываются съ большимъ трудомъ, даже съ опасностью жизни, съ отвѣсныхъ приморскихъ скалъ и состоятъ изъ водорослей, служащихъ этимъ птицамъ матеріаломъ для гнѣздъ.

Между тѣмъ, приближался новый годъ. Въ Хонькоу зимовала русская кононирская лодка «Соболь». Капитанъ пригласилъ насъ встрѣтить на ней новый годъ. Встрѣча новаго года была такъ оригинальна, что я никогда не забуду этого праздника. Мы переѣхали въ маленькихъ лодкахъ на «Соболь», убранный роскошными растеніями, между которыми красовались разныхъ цвѣтовъ камеліи. При входѣ мнѣ поднесли прелестный букетъ. Въ 12 часовъ капитанъ вышелъ на трапъ, гдѣ собралась уже вся команда въ ожиданіи этой торжественной минуты, поздравилъ всѣхъ съ новымъ годомъ и торжественно провозгласилъ тостъ за Государя Императора, при этомъ раздались пушечные выстрѣлы и единодушное

«ура» всей команды и гостей. Затѣмъ слѣдовали многочисленные тосты, поздравленія, пожеланія, шампанское подавалось въ изобиліи. Матросамъ роздано было угощеніе и они бросились качать капитана. Однимъ словомъ, было весело, пріятно и очень торжественно.

Однако, наступило время оставить Хонькоу. Я не знала чѣмъ бы съ своей стороны угостить милое и радушное общество русскихъ чайныхъ торговцевъ, и, наконецъ, придумала. «Я сдѣлаю вамъ настоящую русскую кулебяку,—сказала я, и потребовала нужные на то продукты, что мнѣ и было доставлено, разумѣется, самаго лучшаго достоинства; въ томъ числѣ капуста, которая тамъ чрезвычайно нѣжна и рыба, названіе которой не помню, очень похожая на нашего сига. Помню, что консула очень удивила порція потребованнаго масла, но нужно было такъ, потому что тѣсто я сдѣлала слоеное. Кулебяка вышла превосходная и заслужила всеобщее одобреніе и похвалы; угощеніе мое было тѣмъ болѣе пріятно, что никто тамъ не умѣлъ дѣлать кулебяки.

Въ день моего отъѣзда, у консула былъ обѣдъ, на который было приглашено много европейцевъ. Обѣдъ начался въ 7 часовъ, а кончился въ 10. Во время обѣда мнѣ поднесены были два браслета, литые изъ червоннаго золота, каждый почти по фунту вѣсомъ и на нихъ вычеканено по русски «Отъ Хонькоуцевъ». Вещи мои отправлены были впередъ. Передъ отъѣздомъ мы присѣли по русскому обычаю.

Когда консулъ свелъ меня подъ руку съ лѣстницы своего дома, мнѣ подали роскошный паланкинъ, отдѣланный бархатомъ и золотомъ; я сѣла и съ удивленіемъ увидала себя окруженной торжественной церемоніей, какія бываютъ у насъ на сценѣ. Съ каждой стороны паланкина по 50 китайцевъ несли различные значки, путь освѣщался фонарями и фейерверкомъ, подъ аккомпаниментъ китайскихъ бураковъ, трескъ которыхъ продолжался во время всего пути. Такъ какъ бураки эти взрывались одинъ за другимъ и были подвѣшаны на веревкѣ, прикрѣпленной къ палкамъ, которыя несли передъ паланкиномъ, то и образовали передо мной почти непрерывную огненную линію.

Такимъ образомъ донесли меня до парохода. Было 11 часовъ. На прощанье пили шампанское, выражали разныя пожеланія и, наконецъ, провожавшіе вернулись на берегъ. Послѣднее «прости» выражено было громаднымъ фейерверкомъ. На берегу устроенъ былъ щитъ на протяженіи всего парохода, и когда его зажгли то глазамъ нашимъ представились огненныя изображенія драконовъ, крокодиловъ и разныхъ чудовищъ.

Послѣ третьяго звонка, въ часъ ночи, пароходъ отошелъ отъ берега и Хонькоу со всѣми огненными украшеніями быстро скрылся въ темнотѣ.

Тѣмъ же путемъ возвратилась я въ Юкагаму, проживъ, по дорогѣ, двѣ недѣли въ Нагасаки. Въ Юкагамѣ я остановилась опять въ отелѣ «Бона», сдѣлала визиты своимъ знакомымъ и выжидала наиболѣе удобнаго времени для переѣзда по Тихому океану въ С.-Франциско. Во время послѣдняго пребыванія моего въ Юкагамѣ, я получила изъ Іеддо телеграмму отъ нашего посланника съ приглашеніемъ на блины съ икрою, какъ сказано было въ телеграммѣ. Это привело меня въ восхищеніе. Японія и русскіе блины!

Посланница привезла съ собой русскую дѣвушку, которая умѣла печь блины, а русскіе моряки привезли икру; такимъ образомъ устроилась у насъ въ Іеддо русская масляница. Эти блины составили тамъ цѣлое событіе для русскихъ.

Возвратившись послѣ блиновъ въ Юкагаму, я начала приготовляться къ отъѣзду. Вещи, пріобрѣтенныя въ Японіи и въ Китаѣ, я отправила прямымъ путемъ къ себѣ въ Ораніенбаумъ. Наконецъ, день отъѣзда былъ назначенъ и наканунѣ я поѣхала съ прощальными визитами, но тутъ произошла со мной катастофа, задержавшая меня въ Юкагамѣ еще на три недѣли. Билеты были уже взяты и, дѣлая визиты, я была увѣрена, что на слѣдующій день непремѣнно выѣду въ С.-Франциско; но вотъ-что случилось: отъ консула Пеликана повезъ меня, какъ ѣздятъ здѣсь всѣ, о чемъ я уже говорила, носильщикъ, называемый здѣсь «дженериксъ». По этой дорогѣ, приходится спускаться съ большой горы и прежде я брала всегда двухъ людей; одинъ, какъ водится, держалъ оглобли, другой же, для безопасности, долженъ былъ поддерживать экипажъ. Въ этотъ разъ я не позаботилась о второмъ дженериксѣ, затрудняясь вообще объясняться по-японски и предполагая, что дженериксъ надѣется на себя. Но вотъ, когда пришлось спускаться съ горы, онъ побѣжалъ слишкомъ скоро и, будучи не въ силахъ удержать экипажъ, началъ кричать; я также, видя неминуемую опасность, закричала. Ко всему этому, спускъ былъ съ крутымъ поворотомъ. Какъ разъ у поворота находилась небольшая лавочка и дженериксъ, разсчитывая остановиться, направился прямо на эту лавочку. Ударъ былъ такъ силенъ, что когда оглобли ударились въ стѣну, то я стукнулась лбомъ такъ сильно, что почти потеряла сознаніе. Когда мнѣ подана была помощь, то оказалась сильная опухоль на лбу и самая кость была вдавлена, такъ, что до сихъ поръ у меня остался знакъ. Послѣ такого ушиба и испуга, конечно, я не могла выѣхать. Несчастный дженериксъ поплатился за свою самонадѣянность ужасно: ему краемъ стѣны сразу отрѣзало ухо, и онъ, сознавая свою вину, такъ былъ испуганъ, что, несмотря на страшную боль, которую испытывалъ, убѣжалъ, оставивъ ухо на мѣстѣ. Безъ ужаса не могу вспомнить этого случая! Но, какъ выяснилось впослѣдствіи, по милосердію Божію, это несчастіе предохранило меня отъ совер-

шенной гибели, потому что пароходъ, на которомъ я должна была тогда выѣхать, погибъ со всѣми пассажирами, почему одно время въ Петербургѣ разнесся слухъ, что я погибла.

Когда я оправилась отъ ушиба и была въ состояніи отправиться въ путь, наступали уже послѣдніе дни страстной недѣли. Мнѣ очень было грустно, что приходилось встрѣтить свѣтлый праздникъ въ морѣ безъ всего, что мы русскіе привыкли имѣть въ эти дни, безъ кулича, пасхи и красныхъ яицъ. Но и тутъ позаботились побаловать меня. Консулъ нашъ неожиданно привезъ мнѣ вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, на пароходъ, пасху, красныхъ яицъ и куличъ, который онъ испекъ самъ и который вышелъ превосходный. Это, разумѣется, очень обрадовало меня и я могла встрѣтить праздникъ Пасхи по-русски.

Въ четыре часа ночи пароходъ нашъ «Бельфикъ» отошелъ отъ пристани. На другой день, утромъ, въ одиннадцать часовъ, я вышла на палубу. Ничего уже не было видно, ни кораблей, ни лодокъ, ни береговъ. День былъ превосходный, волненіе океана едва замѣтное; но на другой же день волненіе начало постоянно увеличиваться. Въ первый день я видѣла на палубѣ много дамъ; но со второго дня онѣ уже скрылись и въ теченіе девятнадцати сутокъ, которыя мы шли до С.-Франциско, я увидѣла ихъ вновь только за три дня до пріѣзда. Дѣйствительно, волненіе было такъ сильно, что на палубу никому нельзя было показаться.

Названіе «Тихій океанъ», можно считать ироническимъ. Сколько ни приходилось мнѣ проѣзжать морей, нигдѣ не бываетъ такихъ постоянныхъ и сильныхъ волненій, какъ въ этомъ океанѣ: волны на немъ такъ велики, что пароходъ то совершенно скрывается между ними, то носъ его поднимается такъ, что пароходъ принимаетъ почти вертикальное положеніе; при этомъ набѣгающія волны громадой своей грозятъ совершенно поглотить пароходъ, но нашъ пароходъ былъ великолѣпно устроенъ, конечно, въ виду этихъ волненій океана, длинный и узкій; когда онъ находилъ на волну, то такъ разсѣкалъ ее, что не долго оставался въ водѣ, и мы, черезъ толстыя стекла каютъ, видѣли только какъ вода перебѣгаетъ черезъ рубку. Надъ мѣстомъ, занимаемымъ рулевымъ, устроенъ стеклянный колпакъ, такъ что, какъ бы пароходъ ни погружался въ воду, лоцманъ можетъ все видѣть.

Такимъ образомъ, въ теченіе пятнадцати сутокъ волны кидали насъ изъ стороны въ сторону. Изъ женщинъ одна только я могла ѣсть, всѣ остальныя были больны; англичанъ и американцевъ такъ это удивило, что они прозвали меня—женщина-матросъ.

Наконецъ, постоянно усиливавшееся волненіе перешло въ настоящій штормъ; насъ вдругъ такъ качнуло, что неожиданно повалилось все и всѣ. Капитанъ сдѣлался даже замѣтно озабоченнымъ. Онъ сошелъ въ нижнюю большую общую каюту и объяс-

нилъ пассажирамъ, что такъ какъ уже 15 сутокъ насъ преслѣдуетъ по этому направленію штормъ, который можетъ разразиться ураганомъ, то онъ теперь же, раньше обыкновеннаго, свернетъ на югъ. И дѣйствительно, какъ только пароходъ измѣнилъ направленіе, часа черезъ два времени неболѣе, намъ представился совершенный контрастъ того, что̀ было; единственно только въ Тихомъ океанѣ можно встрѣтить такія противуположности: наступила совершенная тишь, море было неподвижно, какъ зеркало. Дамы конечно обрадовались, вышли на палубу; но ихъ нельзя было узнать—лица испитыя, желтыя, такъ подѣйствовала на нихъ буря. Одинъ же японецъ пострадалъ такъ, что умеръ, какъ только вышелъ на берегъ; впрочемъ, онъ былъ человѣкъ болѣзненный.

Во все время пути я не знала, что пароходъ везъ внизу въ трюмѣ 700 китайцевъ и что между ними свирѣпствовала страшная черная оспа. Мнѣ это сказали, когда мы уже вышли на берегъ.

Д. Леонова.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СОПЕРНИКИ.

(Разсказъ изъ жизни понизовой вольницы прошлаго столѣтія).

I.

ЗАБРЕЗЖИЛОСЬ весеннее утро и огнистымъ отблескомъ затрепетало на выцвѣтшихъ стеклахъ «наугольной казармы» Симбирской тюрьмы, помѣщавшейся въ «старомъ городкѣ», на низу, на берегу Волги. По казармѣ пошелъ не громкій гомонъ, среди котораго слышались скорбные вздохи, возгласы молитвы, зѣвота и глухое лязганье кандаловъ. Сидѣльцы этой казармы—все бродячая вольница, судившаяся только за безпаспортность, хотя многіе изъ нихъ въ разбойныхъ станицахъ хаживали, а двое, Онуча и Сизой, «по три лѣта атаманствовали». Свѣтъ румянаго утра съ каждой минутой все властнѣй внѣдрялся въ сѣрую тюрьму, осиливая тяжелый мракъ и привѣтливо освѣщая закоптѣлые своды бывшихъ крѣпостныхъ казематовъ. Тюремные сидѣльцы стали вставать съ своихъ логовищъ, выползали изъ-подъ наръ и изъ глубокихъ оконныхъ впадинъ, бродили, что ночныя тѣни, по казармѣ, шлепая босыми ногами.

Нѣсколько колодниковъ столпились около глубокихъ и узкихъ, какъ амбразуры, рѣшетчатыхъ окошекъ и молча глядѣли въ туманную ширь Волги рѣки, глядѣли на вольный свѣтъ, въ міръ золотой свободы. А изъ туманной дали доходила до колодниковъ, что тяжкій стонъ больной души, бурлацкая пѣсня. Но заключенники и къ этому стону прислушивались жадно, съ мучительной завистью, какъ къ дорогому звуку, къ любимой пѣснѣ.

— Чу! наша братья бурлаченьки... идутъ сердешные на вольной волюшкѣ, а мы добры молодцы во тюрьмѣ сидимъ,—проговорилъ съ скорбнымъ вздохомъ рябой колодникъ Филька.

— Такова, значитъ, наша часть,—гнусливо отвѣтилъ кто-то отъ другого окна.

— Такова-ста!.. Похвалялся вашъ Онуча насъ изъ тюрьмы увести, да сплутовалъ,—упрекнулъ Филька.

— Время, значитъ, не пригадалъ.

— Не пригадалъ-ста!.. Голова-то у него не съ того конца зарублена. Какъ бы въ ту пору мы Сивому поклонялись, давно бы теперясь по Волгѣ гуляли.

— Загулялъ одинъ такой-то, поди-ка! Въ ту пору Филькѣ рябому особливая почотка вышла бы, сами бы власти тюрьму отворили: «ступай-де, Филя, гуляй по вольному свѣту!»—насмѣхался колодникъ отъ другого окна.

— Гнусавый чортъ!.. гу-гу-гу!—передразнилъ Филька и замолчалъ.

И товарищъ, его отвѣтчикъ, замолчалъ. Прошло нѣсколько минутъ.

— Сивой!—крикнулъ Филька, обратившись лицомъ въ казарму.

— Что̀ надо?—отвѣтилъ голосъ издали.

И въ ту же минуту выдвинулся изъ толпы и подошелъ къ окошку молодой, лѣтъ тридцати, парень, роста высокаго, въ плечахъ—косая сажень. Черты лица его были тонки и благородны, голубые глаза—глубоки и вдумчивы, какъ будто этотъ человѣкъ былъ родомъ не изъ «подлости». Вся фигура его представляла олицетвореніе богатырской силы, несокрушенной энергіи и безшабашной отваги.

— Сжалься надъ нами, Сивой, уведи изъ тюрьмы, а то гляди мохомъ обростать стали,—съ мольбой проговорилъ Филька.

— Опоздано!—отрывисто отвѣтилъ Сивой.

— Гдѣ опоздано?—Самая пора—весна!—возразили ему.

— Опоздано!—опять коротко отвѣтилъ Сивой.—Онуча вашъ до сей поры зря проваландался, время проволочилъ.

— Плюнь на Онучу... провались онъ!.. Ты веди насъ, мы отъ тебя чаемъ помощи.

— Опоздано!—сказалъ Сивой, раздумчиво нахмуривъ брови.

— «Опоздано, опоздано»—ишь заладилъ одно да долго,—посѣтовали горячо колодники.

— Эхъ, ты богатырь-калѣка!.. и самъ въ тюрьмѣ завязъ, что боровъ въ болотѣ,—укорилъ Филька.

— Стало, такъ мнѣ хочется,—огрызнулся Сивой.

— Вѣдомо!.. зазнобила молодца чужа мужняя жена... Вонъ, ребятушки, нашего атамана, добра молодца, баба осилила, руки-ноженьки ему лычкомъ спутала, — сталъ досадливо насмѣхаться Филька, обращаясь къ товарищамъ.

Но тѣ молчали, понуривъ головы. Сизой мрачно вздохнулъ и пошелъ отъ товарищей прочь, шмыгая дырявыми бахилами по кирпичному полу. Колодники опять тоскливо уткнулись въ окошко. Изъ города, съ «вѣнца», дошелъ внизъ до тюрьмы утренній благовѣстъ. Изъ-за темнаго раменья луговаго берега выкатилось солнышко, большое и красное. Съ нагорнаго берега побѣжалъ вѣтерокъ. Сизый туманъ, скутавшій рѣку, заволновался блѣдно-пурпурными волнами и поползъ по лугамъ и кустарникамъ, падая на нихъ жемчужной росой. Сіянье веселаго и теплаго дня золотистымъ заревомъ разлилось повсюду, отъ края и до края небесъ... У тюремной двери загрохоталъ желѣзный засовъ и дубовая дверь, визгливо скрипя, отворилась настежь. Всѣ сидѣльцы обратили на нее глаза. Въ тюрьму вошелъ самъ секретарь Симбирской провинціальной канцеляріи, Давыдъ Черноусовъ, а за нимъ сержантъ, копіистъ съ бумагами и шесть человѣкъ кузнецовъ съ молотками, зубилами, подпилками и другими кузнечными инструментами. А на дворѣ, передъ отворенной дверью, стояли солдаты съ ружьями «въ штыкахъ», съ сумами и во всей походной формѣ. Секретарь велѣлъ копіисту «учинить колодникамъ перекличку». Тюремные сидѣльцы всѣ оказались на лицо, утеклецовъ не было. Затѣмъ самъ секретарь прочиталъ опредѣленіе и резолюцію Казанской губернской канцеляріи, въ силу которой всѣ колодники наугольной казармы Симбирской тюрьмы ссылались «въ дальные сибирскіе городы въ работу вѣчно».

— Опоздано... Сизой-вѣщунъ,—угрюмо проговорилъ Филька стоявшимъ съ нимъ товарищамъ.

Сержантъ сталъ подводить колодниковъ къ кузнецамъ, которые осматривали кандалы и заклепывали «кои объявлялись въ изъянѣ». Готовыхъ къ походу колодниковъ выводили на дворъ, вышелъ и Сизой и окинулъ дворъ пытливымъ взоромъ. Въ сторонѣ, недалеко отъ воротъ, стояли семь молодыхъ бабъ колодницъ, изъ коихъ одна рѣзко выдѣлялась и своей пропорціональной фигурой, и живымъ миловиднымъ лицомъ, и большими карими глазами, отражавшими глубину пылкой души. На ней Сизой остановилъ свой взглядъ. Глаза его встрѣтились съ ея глазами, ясная улыбка проскользнула по ихъ лицамъ.

— Въ походъ, Матреха?—крикнулъ ей Сизой.

— Въ походъ,—отвѣтила баба.

— Съ вами вмѣстѣ,—сказали другія бабы.

Сизой самодовольно тряхнулъ кудрями и сталъ въ ряды другихъ колодниковъ. Въ унылыхъ глазахъ его зажегся лучъ счастія.

Часа за два до обѣда, партія колодниковъ въ сорокъ девять человѣкъ вышла со двора тюрьмы и пошла на Казань, подъ конвоемъ сержанта Поляпцова и двѣнадцати солдатъ.

II.

Черезъ нѣсколько дней, партія пришла въ село Нижній Услонъ и, въ ожиданіи переправы на другую сторону Волги, расположилась на отдѣльно выдавшемся бугоркѣ, вблизи берега. Полуденная жара и большой переходъ истомили колодниковъ и солдатъ: послѣдніе позабыли про караулъ и растянулись на вершинѣ бугорка подъ коренастымъ вязомъ, скрывшись отъ жгучихъ лучей солнца. Жажда томила всѣхъ. Нѣкоторые изъ колодниковъ, кои были посильнѣй, спускались подъ бугорокъ къ роднику, вырытому въ берегу въ родѣ пещерки, сами пили тамъ и въ шляпахъ и кувшинахъ приносили своимъ малосильнымъ товарищамъ. И Сизой пошелъ къ роднику съ большимъ берестовымъ буракомъ.

— Напой меня, Алешка,—крикнула ему колодница Матрена, когда онъ возвращался отъ родника.

Алешка повернулъ на зовъ.

— Душа вся выгорѣла, Алеша, а самой сойти къ роднику мочи нѣтъ: ноженьки мои притомились, болятъ,—съ истомой говорила Матрена, поднявъ на Сизова ласковые глаза.

— Пей сколь душа приметъ... мало, еще принесу,—отвѣтилъ тотъ.

Матрена жадно припала къ бураку запекшимися губами и съ наслажденіемъ пила холодную воду, какъ дорогой напитокъ.

— Спасибо, соколикъ, дай Богъ тебѣ...—благодарила она, возвращая буракъ.

— На здоровье,—проговорилъ Сизой и хотѣлъ идти. Но Матрена съ такой лаской и мольбой взглянула на него, что онъ невольно запнулся на мѣстѣ и остановился, смущенно потупивъ глаза.

— Что ты во всю путину идешь все одаль отъ насъ? Николи не подойдешь и издали не взглянешь,—тихо и застѣнчиво проговорила Матрена, не поднимая глазъ.

— И безъ меня около васъ много... Онуча всю путину около тебя трется,—ревниво отвѣтилъ Алешка.

— Что мнѣ Онуча—тьфу!

— Ври!.. Видалъ я, какъ ты съ нимъ зубы-то чешешь.

— Нешто! въ эдакой дорогѣ и лѣшему радъ. Пришлось и съ Онучей калякать, коль ты прочь держишься,—сказала Матрена, съ укоромъ взглянувъ на Алешку.

— Тебѣ я что?—съ какой-то обидой выговорилъ Сизой.

— Ты-то?—протянула Матрена, посмотрѣвъ на него знойными глазами.

— Я-то?—взволнованно пробурчалъ Сизой.

— Эхъ, Алешка!.. мучитель ты мой!—горько вздохнула она.

Яркій румянецъ проступилъ на загорѣломъ лицѣ Алешки. Сладкій трепетъ взволновалъ его сердце.

— Не облыгаешь?—глухо выговорилъ онъ.

Матрена взглянула на него искрившимися слезой глазами.

— Стало, любишь?

— Аль до сей поры не догадался?—упрекнула Матрена.

— Вѣрно слово?

— Вѣрнѣй вѣрнаго.

— Добро. И я давно сохну по тебѣ,—сказалъ Алешка, облегченно вздохнувъ.—Теперь, значитъ, моя душа отдохла... Теперясь я знаю, гдѣ лежитъ моя дорожка, не заросла она, сыщу ее!—горячо выговорилъ онъ, потрясая кулакомъ.

Матрена устремила на него ласковый, какой-то лелѣющій взоръ.

— На, попей еще водицы,—заботливо предложилъ Алешка...—Я завсегда буду носить тебѣ воду.

Матрена взяла буракъ и опять попила водицы.

— Прощай покуда, Мотря.—Помни, теперясь мы съ тобой—свои.

— Вѣрно слово,—отвѣтила Матрена съ счастливой улыбкой.

Алешка удало тряхнулъ головой и бодро зашагалъ къ товарищамъ, чтобы поскорѣй напоить ихъ. А въ это время и паромъ пришелъ съ той стороны. Черезъ нѣсколько минутъ колодниковъ погнали на паромъ, сержантъ торопился поскорѣй придти въ Казань, гдѣ ему будетъ смѣна и колодниковъ поведетъ въ Сибирь другой начальникъ, поручикъ Широковъ.

III.

Изъ Казани колодники пошли Арской дорогой и вплоть до Иртыша шли пѣши, а по этой рѣкѣ пошли внизъ на трехъ «дощаникахъ». Около крѣпости Сургута вошли въ рѣку Обь и пошли по ней вверхъ. Это былъ самый тяжолый походъ: дощаники пришлось тянуть лямкой. Бережныя болота, лѣса и непролазные тальники, всякіе заливы и ерики, которые приходилось переходить, и при этомъ тяжелые кандалы—совсѣмъ измучили колодниковъ.

Былъ августъ мѣсяцъ. Партія колодниковъ прошла около ста верстъ вверхъ по Оби. Съ утра пасмурный день къ полудню разыгрался непогодой. Сѣверный вѣтеръ перешелъ въ бурю, которая подняла сѣдыя волны на многоводной рѣкѣ. Поручикъ велѣлъ зачалиться къ берегу. Вся партія колодниковъ расположилась на небольшой песчаной косѣ. Кругомъ былъ лѣсъ дремучій, жилья человѣческаго и признака не было. Бушевавшая рѣка ревѣла, съ дикимъ шумомъ кидаясь на берегъ бѣлыми валами. Лѣсная дебрь выла и стонала. Мрачныя тучи, зловѣще клубясь, бѣшено и низко мчались надъ лѣсомъ. Холодно и страшно, точно начиналось свѣтопреставленье. Вся конвойная команда схоронилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колодниковъ, подъ деревья, чтобы защититься отъ

бури и холода, и прикурнула, безпечно завернувшись въ свои «строевые кафтаны».

— Пора!—шопотомъ сказалъ Алешка Сизой бывшимъ около него товарищамъ.

И это слово его, такимъ же шопотомъ, быстро разнеслось по всему колодничьему стану. Наступила тишина. Сизой, а за нимъ и другіе колодники, человѣкъ съ тридцать, тихонько привстали «на четвереньки», насторожась, какъ кошки, и разомъ кинулись на команду. Одна минута и безпечные солдаты очутились въ плѣну. Колодники всѣхъ перевязали, а сами расковались. Колодничій станъ дико зашумѣлъ, пересиливая шумъ бури. Составился кругъ и поручика судить стали за то, что онъ «морилъ колодниковъ голодомъ, не давалъ нигдѣ въ городахъ печь мягкаго хлѣба и работой нехристіанской изневажилъ сверхъ силъ», и присудили бить его батожьемъ. Отобравъ у поручика пару пистолетовъ и барашковую шубу, а у солдатъ—двѣнадцать ружей со штыками, сумы съ порохомъ и съ пулями, палаши, и, завладѣвъ всѣмъ заготовленнымъ провіантомъ, колодники оставили команду на берегу, а сами переѣхали въ дощаникахъ на другую сторону рѣки. Отсюда тридцать девять человѣкъ пошли на низъ рѣки пѣши, а остальные десять поплыли въ дощаникахъ. Послѣдніе наѣхали на прибрежную деревню и разбили ее, пограбивъ сто шестьдесятъ рублей денегъ и много всякихъ пожитковъ. Изъ деревни колодники переѣхали на другую сторону рѣки, гдѣ была рыбачья ватага и стояло много лодокъ, которыми они овладѣли. Сюда подошли пѣшіе колодники и всѣ порѣшили идти на низъ «воровской артелью». Въ атаманы выбрали Онучу, такъ какъ среди колодниковъ было большинство его старинныхъ товарищей, прежде ходившихъ «подъ нимъ» въ разбойныхъ станицахъ; въ есаулы поставили Марка Жимолость, а старостой Якова Чупина.

На другой день, въ полдень, станица пошла на низъ въ четырехъ лодкахъ и передъ солнечнымъ закатомъ встрѣтила купеческое судно. Завидѣвъ его издали, Онуча отдалъ приказъ напасть на него съ двухъ сторонъ, «въ двѣ лодки съ каждой». Но судно представлялось грознымъ, потому что «изоружено было четырьмя чугунными пушками, всякимъ ружьемъ и сторожей оснащено довольно».

— Иди мимо!—крикнулъ съ судна водоливъ.

— Бросай якорь!—отвѣтилъ ему Онуча.

Но судно якоря не бросало.

— Сарынь на кичку!—раздался съ атаманской лодки традиціонный крикъ.

Лодки понеслись на судно, но атаманская поотстала: очевидно Онучѣ не хотѣлось нападать первому, чтобы не подвергать себя опасности первой схватки. За то лодка, въ которой былъ Сизой съ своими товарищами, первая доспѣла къ судну, и Сизой съ без-

шабашной удалью первый вскочилъ на бортъ его, размахивая солдатскимъ ружьемъ. Хозяева и прислуга судна, пораженная этой удалью, «побѣжала и попряталась въ мурьи и подъ кичку». Когда остальныя лодки зачалились баграми за судно, Сизой съ товарищами побѣдоносно стояли «по потопчинамъ» и объявляли, что сопротивленья уже нѣтъ. Станица разсыпалась по судну и начался безпощадный грабежъ: денегъ взяли болѣе четырехъ тысячъ, множество перстней, крестовъ и цѣпочекъ серебряныхъ, пять ружей «турокъ», много пороху, свинцу, чаю, сахару, шелку, канаваты, камки, полотна, всякихъ фуфаекъ, котловъ, чайниковъ и блюдъ оловянныхъ, два боченка вина. Однимъ словомъ, пограбили всякаго добра столько, сколько въ лодкахъ увезти могли. Хозяевъ-купцовъ разбойники не тронули, потому что они, «ничѣмъ не противились».

Ограбивъ судно, станица сплыла верстъ десять ниже и стала въ глухомъ мѣстѣ.

Разсвѣтало сѣрое утро слѣдующаго дня. Станица стала дуванить богатую добычу. Послѣ дувана началась попойка. Буйный разгулъ огласилъ и шумящую рѣку, и темную лѣсную трущобу.

— Матрешка, иди ко мнѣ!—принялся азартно звать Онуча Матрену, сидѣвшую рядомъ съ Сизымъ.

— Мнѣ около Алешки слаще,—бойко отвѣтила бабенка.

— Коль сама не придешь, за косы притащу,—грозился Онуча.

— Руки у тебя коротки,—крикнулъ Сизой.

— Чтò?.: Я атаманъ!... Я чтò хочу, то съ вами и дѣлаю: «хочу съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю».

— Врешь, орясина болонистая!—вспылилъ Сизой, вскочивъ на ноги.—Коль самъ забылъ, такъ спроси у артели, въ чемъ есть твое атаманство.

— Спрячь языкъ, а то урѣжу!—захрипѣлъ Онуча, схватившись за ножъ.

Но и Сизой быстро выхватилъ ножъ.

— Нну, иди на меня! — громовымъ голосомъ крикнулъ онъ, ставъ въ вызывающую позу.

Онуча остановился и въ безсильной злобѣ молча глядѣлъ на соперника, стиснувъ зубы и сверкая рысьими глазами. Весь станъ вдругъ затихъ: станичники мигомъ столпились около бойцовъ.

— Въ ножи ослушника! убейте его, ребята!—хрипло и беззвучно выкрикнулъ Онуча, обращаясь къ ближайшимъ станичникамъ.

— Ваша ссора, вамъ и разниматься,—послышалось изъ толпы.

— Вы такъ-то!.. атамана ослушаться!.. Постой! — зашипѣлъ Онуча, обводя станичниковъ ошалѣлымъ взоромъ, и разразился потокомъ «неподобной брани».

— Онуча посунулся на Сизова зря, не по-атамански!.. криво пошелъ!.. такъ въ артеляхъ не важивалось!—раздались крики въ толпѣ.

— Врешь, Онуча идетъ по атаманству!—возражали другіе, его сторонники.

Поднялся горячій споръ. Весь станъ зашумѣлъ и заволновался. Началась ожесточенная драка.

— Долой Онучу!.. Сизой нашъ атаманъ! — загорланило много голосовъ.

И опять драка. Кончилась распря тѣмъ, что Онучу «съ атаманства ссадили», а поклонились имъ Сизому. Принявъ атаманство, Сизой возстановилъ порядокъ въ хмѣльной и буйной артели и велѣлъ прибираться въ походъ. У него была одна мысль — скорѣе выбраться изъ Сибири, поэтому онъ въ тотъ же день повелъ станицу на низъ. Не доходя верстъ десять до крѣпости Сургута, станицѣ повстрѣчался рыбакъ, который объявилъ, что въ ихъ рыбачью избу пріѣхалъ сургутскій воевода съ семью дворовыми людьми и съ восемью солдатами. Сизой тотчасъ поплылъ къ рыбачьей избѣ; съ крикомъ и съ ружейной пальбой причалили станичники къ берегу. Воевода, понявъ, что за люди наѣхали, хотѣлъ скрыться, но было поздно, поэтому онъ вышелъ къ разбойникамъ съ поклономъ. Сизому это понравилось.

— Добро, воевода. Своей покорностью ты закупилъ себѣ спасенье: не трону тебя, а подарю моей дружбой. Давай побратаемся,— сказалъ Сизой.

Но это предложеніе побрататься, очевидно, было не по сердцу воеводѣ: сурово нахмуривъ брови, онъ молчалъ. Сизой, сердито смѣривъ воеводу глазами, молча вынулъ ножъ и повертѣлъ его, какъ бы любуясь игрою стального клинка, на которомъ свѣтлыми бликами разсыпались прорвавшіеся сквозь облака солнечные лучи.

— Ну, давай побратаемся,—сказалъ воевода.

Сизой воткнулъ ножъ въ ножны и перемѣнялся съ воеводой крестами. Въ ознаменованіе братства и дружбы онъ подарилъ воеводѣ «зеленаго сукна аршинъ пятьдесятъ, два чайника и два мѣдныхъ котла, да швабрское полотно». А воевода отдарилъ его «туркой». Сизой приказалъ «варить чай» и угощалъ воеводу. День клонился къ вечеру.

— Награди насъ пашпортами, сто рублевъ дамъ, — запросилъ Сизой.

— Пашпорты на штанномъ дворѣ, не у меня,—отвѣтилъ воевода.

— Не дашь?

— Не моего дѣла просишь. Пашпорты военный капитанъ выдастъ.

— Дѣло говоришь. Ну, прощай, — послѣ минутнаго раздумья сказалъ Сизой и сѣлъ въ лодку.

Станичники отплыли отъ берега. Взмыла бурлацкая пѣсня и·

разбить его. Но старцы добровольно отворили ворота и съ поклономъ встрѣтили воровскую шайку. «Видя оную покорность старцевъ», Сизой разбивать монастыря не сталъ, а взялъ только двадцать короваевъ печенаго хлѣба, сушеной рыбы пудовокъ съ шесть, да свинцу и пороху. Станица расположилась около монастыря на отдыхъ. На станъ пришелъ какой-то мужичишка, Семка, и сталъ проситься въ станицу, а о себѣ сказывалъ, что онъ родомъ съ Усолья Надѣинскаго, кое въ Жигуляхъ, въ прошломъ-де лѣтѣ пришелъ на Каму въ разбойной станицѣ атамана Соколова и зазимовалъ въ Чувашахъ, а теперь пробирается опять на Усолье. Сизой принялъ его въ станицу. Съ перваго же дня многіе изъ станичниковъ примѣтили, что Онуча съ пришлымъ бурлачишкой Семкой «якобы въ давнемъ знакомствѣ и дружбѣ; на отдыхѣ ложились вмѣстѣ и межъ собой шопоткомъ шушукались». Этотъ Семка только двое сутокъ пробылъ въ артели и съ одной стоянки ушелъ тайкомъ, ночною порой, невѣдомо куда. Убыль пришлаго бурлачишки нисколько не потревожила станицы: всѣ сочли его за побродягу, коихъ въ то время много шаталось по Руси, а не за настоящаго бурлака-станичника, поэтому сейчасъ же и забыли про его утечку.

Дня черезъ два послѣ того, станица подплывала къ селу Сарапулю. Держась, по воровскому обычаю, вблизи горнаго берега, она плыла не торопясь по теченью рѣчной струи, сложивъ весла. Большая часть станицы безпечно дремала, не подозрѣвая близости большого и опаснаго села, которое заслоняла отъ нихъ высокая и угрюмая Старцова гора. Стоялъ жаркій полдень. Теплый вѣтерокъ по временамъ только, поднявшись изъ дебрей горнаго лѣса, сверкающей рябью проносился по широкому простору спокойной рѣки и опять затихалъ, засыпая въ зеленыхъ кущахъ кудряваго луговаго мелколѣсья.

— Эй, станица!.. что лѣниво идешь?—дошелъ до лодокъ голосъ со Старцовой горы.

Станичники подняли глаза на гору: на верху голаго «камня» стоялъ мужичишко, въ которомъ всѣ узнали утеклеца Семку.

— Опять чтоль просишься? — крикнули ему съ атаманской лодки.

— Пѣшему вольготнѣй,—отвѣтилъ Семка и, загрохотавъ подозрительнымъ смѣхомъ, шмыгнулъ съ камня въ лѣсъ.

Черезъ нѣсколько минутъ съ горы раздался дребезжащій свистъ точно кто продудѣлъ въ глиняную свистульку. Сизой всполошился и велѣлъ взяться за весла и держаться отъ берега на средину рѣки. Онуча, стоявшій у руля задней лодки, сразу направилъ ее на противоположный песчаный берегъ, поэтому задняя лодка первой вынеслась на средину, откуда открывалась рѣка во всю ея ширину, отъ края и до края.

— Берегись.. высылка!..—раздался тревожный крикъ съ этой лодки.

— Чаль на песокъ!—громогласно скомандовалъ Сизой.

И разбойныя лодки понеслись къ песчаному берегу. А саженяхъ во ста ниже торопливо гнали на тотъ же берегъ шесть лодокъ съ солдатами подъ командой поручика Хвостова. Двѣ лодки съ «высылкой» доспѣли къ берегу одновременно съ разбойными. Станичники, выбѣжавъ на песокъ, начали палить изъ ружей, а сами спѣшно отступали къ бережному мелколѣсью. Вдругъ раздался трескучій залпъ съ солдатскихъ лодокъ и двое станичниковъ пали.

— Ай! — вскрикнула Матрешка, и какъ снопъ, свалилась на землю.

Сизой кинулся къ ней, старался поднять ее, но, увы — изъ груди Матрешки ключемъ била кровь, обагряя бѣлый песокъ.

— Мотря, милая женка!.. открой свои ясныя оченьки! — простоналъ онъ, наклонившись надъ ней.

Матрена съ трудомъ приподняла вѣки, но «ясныя оченьки» уже потускнѣли и гасли.

— Попомни меня, Сизой: отместку ты получилъ, Онуча не любитъ въ долгу быть. «Высылку» навелъ я черезъ Семку. Жалко лишь, что пуля нашла Матрешку, а не тебя!—прокричалъ Онуча и, захохотавъ, побѣжалъ къ кустарнику.

Какъ раненый звѣрь, вскочилъ Сизой на ноги и ринулся вдогонку.

— Умри, злодѣй!—заревѣлъ онъ, догнавъ коварнаго врага, и всадилъ ему ножъ въ бокъ.

Онуча, не вскрикнувъ, ткнулся лицомъ въ песокъ, а Сизой опять побѣжалъ къ женѣ и засталъ только ея послѣдній вздохъ. Роняя слезы, онъ стоялъ около подруги на колѣняхъ, вонзивъ ножъ въ сыпучій песокъ, и съ горькой тоской глядѣлъ въ ея потухшія очи.

А между тѣмъ четверо солдатъ спѣли къ нему и были уже недалеко.

— И я съ тобой, моя голубка! — перекрестивъ и поцѣловавъ покойницу, проговорилъ Сизой.

И въ ту же минуту, изо всей мочи рѣзнувъ себя по горлу широкимъ ножемъ, упалъ на трупъ Матрены, захлебываясь собственной кровью.

А. Голубевъ.

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ НА ПАРИЖСКОМЪ КОНГРЕССѢ 1856 ГОДА. [1]

III.

Разсмотрѣвъ ходъ переговоровъ и положеніе дѣлъ на Парижскомъ конгрессѣ за первыя 8 конференцій, т. е. до 28-го февраля (11-го марта) 1856 года, обратимся къ обзору дальнѣйшаго хода переговоровъ, до ихъ окончанія.

Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что русскіе дипломаты, еще съ самаго начала переговоровъ, выражали желаніе, чтобы Пруссія, какъ великая держава, участвовавшая въ подписаніи трактата 1841 года, подлежавшаго теперь пересмотру, была бы приглашена участвовать на Парижскомъ конгрессѣ. Подобное же заявленіе было сдѣлано еще въ 1855 году княземъ Горчаковымъ въ Вѣнѣ, во время происходившихъ тамъ переговоровъ. Бисмаркъ не вѣрилъ нашей искренности, такъ какъ, по его мнѣнію, это было не въ нашихъ интересахъ. Но наши политическіе разсчеты не проникали такъ глубоко въ будущее, какъ это казалось Бисмарку.

Для выясненія этого вопроса, обратимся къ обзору обстоятельствъ, въ силу которыхъ Пруссія не получила приглашенія отъ западныхъ державъ участвовать на Парижскомъ конгрессѣ.

Соперничество Пруссіи съ Австріей, по дѣламъ Германіи, заставляло первую изъ нихъ опасаться, чтобы Австрія не возвысилась еще болѣе въ виду современнаго положенія дѣлъ въ Европѣ, при которомъ вѣнскій кабинетъ занималъ выдающееся по-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 386.

ложеніе, какъ держава неучаствовавшая въ войнѣ, но которую обѣ воюющія стороны старались привлечь къ союзу. Поэтому Пруссія, насколько могла, во всемъ мѣшала Австріи.

За это Австрія предлагала Франціи держать въ блокадѣ все Балтійское море, съ прусскими берегами, чтобы препятствовать военной контрабандѣ и вліять на Пруссію. Но графъ Буоль не обѣщалъ принять рѣшительное участіе въ войнѣ, говоря вообще двусмысленно и опасаясь впасть въ недоразумѣнія (malentendus). Австрія опять обратилась къ германскому союзу съ предложеніемъ общаго германскаго единства. Пруссія, въ свою очередь, этому воспротивилась.

Бисмаркъ ѣздилъ по этому поводу въ Штутгардъ и Виртембергъ, чтобы настроить всѣхъ противъ Австріи.

Тогда графъ Буоль поручилъ Эстергази передать въ Берлинѣ копію съ полученнаго имъ отъ вѣнскаго двора заявленія, что ежели прусскій король не присоединится къ державамъ, отправившимъ въ Петербургъ свои требованія по четыремъ пунктамъ, то не будетъ участвовать въ постановленіи мира, о которомъ начнутся въ Парижѣ переговоры.

Лордъ Блумфельдъ, съ своей стороны, сказалъ по адресу Пруссіи, что политика, которая могла быть хорошею въ 1855 году, не будетъ уже таковою въ 1856 году [1]). Независимо отъ того, органъ лорда Пальмерстона, «Morning Post», называя политику Пруссіи лукавою (cauteleuse) и безчестною (déshonorante), говорилъ, что всему этому наступаетъ конецъ, что прусскій король силою будетъ принужденъ выйти изъ своего нейтралитета. «Мы дадимъ Пруссіи урокъ, котораго она долго не забудетъ» [2]). Мы видѣли, изъ донесенія графа Орлова, что въ то время, какъ Англія и Австрія (желавшая быть въ Парижѣ единственною представительницею Германіи) противились приглашенію Пруссіи, графъ Орловъ постоянно настаивалъ на приглашеніи послѣдней участвовать на конгрессѣ. Оно и понятно. Пруссія заявляла намъ, что ей грозятъ разныя несчастія, вслѣдствіе нежеланія ея стать открыто на сторону нашихъ враговъ. Мы вѣрили, поэтому, что Пруссія расположена къ намъ дружественно, и потому, естественно, старались привлечь ее къ участію въ конгрессѣ. Но тутъ-то и представляется чрезвычайно важный вопросъ: сохраняла ли Пруссія свой нейтралитетъ изъ расположенія къ намъ, или подъ вліяніемъ соперничества съ Австріей? Принявъ сторону нашихъ враговъ, она способствовала бы только усиленію Австріи, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Но желала ли она своимъ нейтралитетомъ оказать дѣйствительную пользу Россіи?

---

[1]) Rothan, p. 238.
[2]) Rothan, p. 239.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно разсмотрѣть—чего желала и чего не желала, вообще, Пруссія? Она не желала усиленія Россіи, какъ своего сосѣда, для политики будущаго. Но она не желала и вооружать его противъ себя, въ тѣхъ же видахъ будущаго; къ тому же настоящее сложилось противъ Россіи такъ, что ей и безъ того предстояло выйти изъ войны не усиленною, а ослабленною. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, желаемая цѣль, въ извѣстной степени, достигалась сама собою. И такъ, ставъ открыто на сторону нашихъ враговъ, Пруссія ничего не выигрывала. Пристать къ намъ—значило рисковать, потому что тогда и Австрія, несомнѣнно, стала бы на сторону нашихъ противниковъ, а это составило бы пять противъ двухъ. Поэтому, только въ состояніи нейтралитета Пруссія и могла имѣть, во время войны, политическое значеніе для обѣихъ воющихъ сторонъ. Угрозъ же дѣлаемыхъ ей, она не боялась, хорошо понимая, что западныя державы предпочтутъ имѣть Пруссію нейтральною, чѣмъ ставить ее противъ себя, съ оружіемъ въ рукахъ, когда и безъ того шансы войны были еще сомнительны. Но эти угрозы только давали Пруссіи право указывать Россіи, что, не желая быть ея врагомъ, руководимый къ ней чувствами дружбы, берлинскій кабинетъ навлекаетъ на себя вражду цѣлой Европы.

Такимъ образомъ, внѣшняя сторона дружбы съ сосѣдомъ сохранялась. Мы и вѣрили въ эту дружбу.

«Мы конечно не можемъ забыть,—писалъ графъ Нессельроде графу Орлову отъ 5-го апрѣля 1856 года № 120,—что изъ всѣхъ великихъ державъ, одна Пруссія, не была намъ враждебна».

Но если поставить вопросъ такъ: «Поведеніе Пруссіи было ли намъ полезно?» То на этотъ вопросъ факты отвѣчаютъ только отрицательно. Дѣйствительно: въ 1853 году, когда еще война не была объявлена Турціи, Англія и Франція тогда еще не рѣшались на борьбу съ Россіей. Австрія выработала ноту, одобренную Россіей, какъ средство удовлетворить ея законнымъ требованіямъ относительно Порты. Ноту эту обѣщали поддерживать въ Константинополѣ представители Англіи и Франціи. Принятіе этой ноты султаномъ, обязывая его исполнить существующіе между Россіей и Турціей трактаты, устранило бы самую войну. По поводу этой вѣнской ноты, уже одобренной императоромъ Николаемъ, въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ были сдѣланы нѣкоторыя замѣтки, не съ цѣлью измѣненія самой ноты, но, единственно, лично для императора, чтобы указать на нѣкоторыя въ ней неточности и неполноту выраженій, которыя могутъ быть истолкованы не въ нашу пользу.

Эти секретныя замѣтки, не предназначавшіяся даже для ихъ заявленія, неожиданно, появились на столбцахъ берлинскихъ газетъ и вызвали цѣлую бурю толкованій по поводу затаенныхъ,

будто бы, намѣреній Россіи. Англія и Франція отказались поддерживать эту ноту; Турція ее не приняла, и война началась.

Въ 1854 году, опять та же Австрія, въ качествѣ посредника, составила проектъ, такъ называемыхъ, четырехъ пунктовъ предварительныхъ соглашеній, которые предлагалось Россіи принять безъ измѣненій. Эти четыре пункта были такого свойства, что графъ Нессельроде, говоря о нихъ въ инструкціи къ графу Орлову, отъ 30-го января 1856 года № 37, выражается такъ, что если бы не обстоятельства «то, безъ малѣйшаго колебанія, пришлось бы бросить перчатку двору, котораго низость равняется только его неблагодарности». И что же? Прусскій король, по его собственнымъ словамъ, кровью писалъ свое письмо императору Николаю—«умоляя его внять голосу благоразумія»—т. е., принять четыре вѣнскихъ пункта безъ измѣненія.

Императоръ Николай поэтому и согласился принять эти пункты за основаніе мирныхъ переговоровъ, которые и открылись въ Вѣнѣ, въ 1855 году. Во время самаго разгара переговоровъ, произошло, также случайное и неожиданное, обстоятельство. Положеніе союзниковъ подъ Севастополемъ было таково, что Наполеонъ уже готовился снять осаду и очистить Крымъ. Но вдругъ представители Франціи и Англіи на конференціяхъ начали проявлять неимовѣрную настойчивость въ своихъ требованіяхъ и не соглашались ни на какія уступки въ пользу Россіи. Дѣло это разъяснилось тѣмъ, что министръ Пруссіи, Мантейфель, всегда крайне не расположенный къ Россіи, добылъ чрезъ своего шпіона копію съ частныхъ писемъ прусскаго военнаго агента въ Петербургѣ къ генералу Герлаху въ Берлинѣ. Въ письмахъ этихъ, какъ неимѣющихъ офиціальнаго значенія, многое говорилось въ крайне преувеличенномъ видѣ и выставлялось почти безвыходное положеніе Россіи и скорое паденіе Севастополя. Мантейфель доставилъ эти копіи, чрезъ третье лицо, одному изъ членовъ французскаго посольства, и вскорѣ ихъ имѣлъ уже въ своихъ рукахъ Наполеонъ. Это было для него манной, свалившейся съ небесъ. Онъ рѣшилъ продолжать осаду, послалъ Пелисье сообщеніе о скоромъ, неминуемомъ, паденіи Севастополя и приказалъ своему уполномоченному въ Вѣнѣ не дѣлать никакихъ уступокъ. Такимъ образомъ выходитъ, что прусскій министръ Мантейфель былъ, едва ли, не главною причиною неудачи вѣнскихъ конференцій и, быть можетъ, паденія Севастополя.

Когда, въ началѣ 1856 года, снова былъ поднятъ вопросъ объ открытіи переговоровъ, которые императоръ Александръ II предложилъ начать въ Парижѣ, то было рѣшено собраться сперва въ Вѣнѣ представителямъ державъ и опредѣлить основанія переговоровъ, въ смыслѣ тѣхъ же четырехъ пунктовъ, по которымъ въ прошломъ году не состоялось соглашенія. Въ это время прусскій

король приказалъ своему посланнику въ Петербургѣ заявить императору Александру II, что ежели Россія не приметъ, безъ измѣненія, дѣлаемыхъ ей предложеній, то онъ, посланникъ, долженъ будетъ оставить Петербургъ [1]).

Поэтому, 15-го (27-го) января 1856 г. прусскому посланнику было сообщено, что Россія приметъ, въ общихъ основаніяхъ, постановленія, которыя состоятся въ Вѣнѣ, и дѣйствительно она приняла вѣнскую конвенцію 20-го января (1-го февраля) 1856 г., какъ основаніе для Парижскаго конгресса.

Такимъ образомъ, Пруссіи пришлось влить послѣднюю каплю въ чашу горечи, которую намъ предстояло испить. Ей выпало, наконецъ, на долю своимъ рѣшительнымъ словомъ побудить Россію сдѣлать уступки, которымъ она такъ долго противилась, разсчитывая на поддержку или хотя на нейтралитетъ Пруссіи.

Австрія упрекала Пруссію за то, что она «первая успѣла пролѣзть въ брешь, которая сдѣлана была Австріей». Теперь Пруссія разсчитывала, что будетъ приглашена къ участію въ Парижскомъ конгрессѣ. Но въ «Times» появилась статья официіальнаго значенія, въ которой спрашивалось: «въ качествѣ чего Пруссія будетъ участвовать на конференціяхъ? Она ни нашъ союзникъ, ни союзникъ Россіи, и даже не великая держава, такъ какъ она отказалась отъ этой чести (abdique les honneurs) и на конференціяхъ нѣтъ мѣста для разныхъ увертокъ (subterfuges)». Принцъ Альбертъ, въ письмахъ своихъ къ королевѣ, высказывался въ томъ смыслѣ, что не слѣдуетъ допускать на конференціи державу, которая—«ничѣмъ не желала рисковать, а хочетъ получить выгоду, предоставивъ другимъ нести свои жертвы».

Королева, въ письмѣ къ Кларендону отъ 25-го марта н. с. 1856 г.—писала, что «принять Пруссію на конгрессъ—значитъ унизить Англію и доказать, что она смотритъ равнодушно на безнравственность въ политикѣ». Не дождавшись приглашенія, прусскій король обратился въ Петербургъ, прося возбудить вопросъ о приглашеніи Пруссіи на конгрессъ. Противъ этого приглашенія были не только Англія, но и Австрія. Первая потому, что нейтралитетъ Пруссіи не дозволилъ окончательно ослабить Россію; Австрія потому, что, по той же причинѣ, она не получила ожидаемыхъ выгодъ на Балканскомъ полуостровѣ. Поэтому обѣ заявили, что допустятъ Пруссію только тогда, когда она предварительно согласится на принятіе всѣхъ требуемыхъ отъ Россіи условій, и обѣщаетъ поддерживать эти требованія оружіемъ, если Россія ихъ отвергнетъ.

Пруссія однако не согласилась дѣйствовать оружіемъ противъ Россіи и объявила французскому посланнику, де-Мустье, что отно-

---

[1]) Rothan, p. 240.

сительно своего приглашенія на конгрессъ—она полагается только на справедливость и великодушіе императора Наполеона, вовсе не желая вступить на конгрессъ по милости графа Буоля и подъ его покровительствомъ. «Мы только на васъ разсчитываемъ,—сказалъ Мантейфель.—Англія противъ насъ озлоблена, Австрія намъ завидуетъ, а Россія не желаетъ видѣть насъ въ Парижѣ. Она надѣется, что оскорбленіе, которое мы почувствуемъ вслѣдствіе нашего исключенія изъ конгреса, заставитъ насъ предаться въ ея распоряженіе. Я уже замѣтилъ это изъ разговоровъ съ графомъ Орловымъ, который увѣрялъ меня, что наше положеніе полно достоинства, и совѣтуетъ отклонять всѣ предложенія, которыя намъ будутъ дѣлать» [1]).

Бисмаркъ былъ того же мнѣнія. «Усилія Россіи,—писалъ онъ отъ 15-го февраля,—добиться нашего приглашенія на конгрессъ, не серьезны. Наше раздраженіе, вслѣдствіе исключенія насъ отъ участія на конгрессѣ, сослужитъ ей лучшую службу, чѣмъ наше на немъ присутствіе».

Бисмаркъ совѣтовалъ оставаться спокойными. «Угрожать,—писалъ онъ,—безъ приведенія угрозъ въ исполненіе, покажетъ только дурное состояніе нашего духа. Раздражаться же, не имѣя возможности уничтожить причину раздраженія, силою, или иначе—еще гибельнѣе для государства чѣмъ для частнаго лица. Къ тому же, до сихъ поръ, мы и не имѣемъ еще причинъ быть недовольными своею судьбою» [2]). «Чѣмъ болѣе,—писалъ онъ 25-го января 1856 г.,—мы будемъ изъявлять желаніе и нетерпѣніе участвовать на конгрессѣ, тѣмъ выше будутъ держать веревку, черезъ которую мы хотимъ перескочить».

Англійскій посолъ въ Берлинѣ, лордъ Блюмфельдъ—сказалъ Мантейфелю.

— Ваша политика неизбѣжно приведетъ Пруссію къ полному изолированію въ Европѣ.

— Мы не настолько изолированы, какъ вы думаете,—отвѣчалъ Мантейфель.

— Да, вы правы,—съ ироніей сказалъ Блюмфильдъ—я забылъ, что вы вѣдь спутники (les satelites) русскихъ».

Было уже сказано, насколько это названіе было справедливо. Тѣмъ не менѣе, Россія не переставала настаивать на приглашеніи Пруссіи, что наконецъ и состоялось.

Въ своемъ собраніи 10-го марта, конгрессъ рѣшилъ, чтобы Пруссія, какъ держава подписавшая трактатъ 13-го іюля 1841 года, была приглашена принять участіе въ его трудахъ.

«Имѣю честь препроводить вамъ экземпляръ протокола, кото-

---

[1]) Rothan, p. 248.

[2]) Rothan, p. 250.

рый прошу сообщить прусскому правительству»,—писалъ графъ Валевскій Мантейфелю, прилагая ему выписку изъ протокола, съ постановленіемъ конгресса о приглашеніи Пруссіи. Представителемъ Пруссіи въ Парижѣ былъ назначенъ тотъ же Мантейфель, враждебность котораго къ Россіи была извѣстна всей Европѣ.

Мантейфель поѣхалъ на конгрессъ и прибылъ въ Парижъ 15-го марта. Къ кому онъ не являлся—его долго держали въ пріемныхъ, такъ что онъ намѣревался уже вернуться въ Берлинъ. Послѣ же аудіенціи у Наполеона и графа Валевскаго, положеніе его поправилось, и онъ всего ближе сошелся съ Кавуромъ.

Наполеонъ, при всѣхъ случаяхъ, умышленно показывалъ прусскому послу свое вниманіе, также какъ и графъ Валевскій.

Назначеніе Мантейфеля представителемъ Пруссіи на конгрессъ ясно показываетъ, насколько она желала дѣйствовать въ нашихъ интересахъ. Въ ненависти къ Россіи Мантейфель уступалъ развѣ только Бунзену. Впрочемъ, мы и не нуждались теперь въ Пруссіи, такъ какъ за насъ былъ Наполеонъ, по камертону котораго настроивался тонъ конгресса.

По поводу назначенія Мантейфеля въ Парижъ, графъ Орловъ ограничился простымъ сообщеніемъ, телеграммою [1]).

«Пруссія вступила вчера на конференцію, вопреки антипатіи Англіи. Занимаются редакціей окончательнаго трактата, который, въ полномъ его видѣ (dans le plenum), возбуждаетъ суетливое (tracassière) сопротивленіе Англіи. Не смотря на это, работы подвигаются, хотя и съ трудомъ».

Затѣмъ, отъ 12-го (24-го) марта [2]), онъ писалъ: «Кларендонъ возбуждаетъ безполезные споры относительно формы принятія Пруссіи на конгрессъ. Послѣ трехъ засѣданій, затрудненія преодолены. Параграфъ о Сербіи принятъ въ нашемъ смыслѣ. Споры о христіанахъ начались. До сихъ поръ мы достигли желаемыхъ результатовъ. Мы включили слова [3]): — который посвящаетъ (qui consacre) свои великодушныя намѣренія пользамъ христіанскихъ населеній».—«Кажется, что англичане получили изъ Лондона приказаніе затягивать переговоры и всѣми мѣрами имъ противиться (contrecarer), въ разсчетѣ затянуть ихъ до 6-го апрѣля н. ст., когда кончается финансовый годъ въ Англіи».

Окончанію переговоровъ препятствовалъ такимъ образомъ только вопросъ о христіанахъ на Востокѣ. Для обезпеченія ихъ будущей судьбы, мы требовали обязательнаго акта со стороны султана. Это находили не согласнымъ съ достоинствомъ Порты. Дѣло останови-

---

[1]) Графъ Орловъ, 7-го (19-го) мая 1856 г., № 42. М. И. Д.

[2]) Графъ Орловъ, 12-го (24-го) марта 1856 г., № 50.

[3]) Слова, внесенныя въ трактатъ, какъ обязательство султана, по отношенію къ христіанамъ въ Турціи.

лось не на его сущности, а на формѣ. Графъ Орловъ представилъ по этому вопросу свой проектъ.

«Но, телеграфировалъ онъ [1]),—судя по всему, принятіе его возбудитъ непреодолимыя затрудненія. Въ этомъ вопросѣ мы стоимъ одни. Прошу сказать мнѣ—до какого предѣла я могу довести мое сопротивленіе. Слѣдуетъ ли абсолютнымъ отказомъ компрометировать подписаніе самаго мира? Мы будемъ стараться достигнуть всего, что въ нашей власти, но я сомнѣваюсь въ какомъ-либо успѣхѣ».

Графъ Нессельроде отвѣчалъ на этотъ запросъ телеграммою отъ 12-го (24-го) марта [2]):

«Государь императоръ приказалъ мнѣ предложить вамъ, сдѣлать все возможное для лучшей редакціи пункта, относящагося до христіанъ. Однако, если вамъ не удастся сдѣлать этого, не подвергая риску заключеніе мира,—вамъ разрѣшается принять редакцію въ томъ видѣ, какъ она состоится».

По вопросу о христіанахъ на Востокѣ, графъ Орловъ дѣйствовалъ въ смыслѣ поданнаго ему, состоящимъ при посольствѣ, грекомъ Базили, мемуара, авторъ котораго, по словамъ графа Орлова, былъ знатокомъ положенія дѣлъ на Востокѣ.

По смыслу этого мемуара [3])—«всѣ христіане, безъ различія культа, должны состоять подъ покровительствомъ Европы. Всѣ измѣненія, которыя султанъ пожелалъ бы сдѣлать относительно ихъ въ будущемъ, должны быть предварительно заявлены державамъ, участвующимъ въ гарантіи христіанскихъ привилегій. Относительно же подданныхъ Россіи, посѣщающихъ Іерусалимъ, они пользуются правами, предоставленными католикамъ и протестантамъ—имѣютъ своихъ священниковъ въ Іерусалимѣ и отдѣльныя церковныя зданія, для чего, по требованію русскаго правительства, имъ отводятся въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ приличныя мѣста, годныя для устройства церкви русской и дома для призрѣнія странниковъ и больныхъ. Устройство церкви и дома должно быть подъ спеціальнымъ наблюденіемъ русскаго генеральнаго консула въ Сиріи и Палестинѣ».

Но опытъ показалъ, что турки не идутъ ни на какія соглашенія и переговоры съ ними всегда только «усложняли положеніе и порождали недовѣріе». Поэтому, проектъ упомянутаго соглашенія былъ представленъ графу Валевскому, который отвѣчалъ на него мемуаромъ, гдѣ говорилось, что въ сущности нашъ проектъ представляетъ тѣ же требованія, которыя были заявлены въ Константинополѣ княземъ Меншиковымъ и которыя не привели къ со-

---

[1]) Графъ Орловъ, 9-го (21-го) мая 1856 г., № 45. М. И. Д.

[2]) Графъ Нессельроде графу Орлову, 12-го (24-го) мая 1856 г., № 97. М. И. Д.

[3]) Графъ Орловъ, 9-го (21-го) мая 1856 г., № 48. М. И. Д.

глашенію. Также мало надежды, чтобы и теперь могло состояться соглашеніе—«и настаивать на этомъ, значитъ, рисковать самымъ миромъ». Къ тому же, всѣ эти гарантіи имѣютъ лишь призрачный характеръ. Стараясь о правѣ постройки русской церкви и странопріимнаго дома въ Іерусалимѣ, нельзя запретить султану дозволить возводить подобныя сооруженія всѣмъ другимъ иностранцамъ въ Турціи.

Франція сама пользуется только чисто призрачнымъ правомъ покровительства на востокѣ христіанамъ, не состоящимъ въ подданствѣ Турціи, потому что весь церковный персоналъ въ Іерусалимѣ—католики, а всѣ, кому они должны покровительствовать—старинные подданные Порты. Вообще графъ Валевскій совѣтовалъ, для нашего же достоинства, не испрашивать отъ Турціи никакихъ частныхъ постановленій. Когда же придетъ время строиться въ Іерусалимѣ или другихъ мѣстахъ, говорилъ онъ, тогда, по заключеніи мира, легко будетъ условиться объ этомъ съ Турціей. По мнѣнію графа Орлова, Турція больше всего боится отдѣльныхъ съ нами соглашеній, и для насъ выгоднѣе держаться общихъ выраженій трактата, растяжимость котораго даетъ намъ возможность развить впослѣдствіи наше положеніе.

Принимая во вниманіе этотъ взглядъ, наши уполномоченные пришли къ тому выводу, что—«на Востокѣ мы имѣемъ перспективу все большаго и большаго искренняго соглашенія съ Франціей. Это послужитъ дѣйствительнымъ средствомъ къ развитію нашей дѣятельности политической и нашихъ правъ, которыя вполнѣ могутъ согласоваться съ правами Франціи, и взаимное согласіе которыхъ будетъ дѣйствительнымъ прогрессомъ для человѣчества вообще, и христіанства въ частности».

Вообще, ходъ переговоровъ, во второй половинѣ сессіи конгресса, виденъ изъ донесенія графа Орлова 9-го (21-го) марта 1856 года, № 46. Донесеніе это служитъ, какъ бы продолженіемъ его отчета о переговорахъ первой половины сессіи, отъ ея начала до 28-го февраля (11-го марта) того же года.

«По вопросу о Дунайскихъ княжествахъ,—пишетъ въ донесеніи за № 46 графъ Орловъ,—мы успѣли выполнить виды императорскаго кабинета, выраженные въ полученныхъ нами инструкціяхъ, которыми мы руководствуемся. Мирный трактатъ подтвердитъ привилегіи Молдавіи и Валахіи, обезпечивая за ними сохраненіе независимой и народной администраціи, равно какъ свободу религіи, закона, торговли и навигаціи. Подробности вопросовъ будутъ опредѣлены соглашеніями между договаривающимися державами. Спеціальная комиссія соберется въ Бухарестѣ и будетъ соображаться съ желаніемъ обоихъ княжествъ, относительно окончательнаго ихъ административнаго устройства. Въ комиссіи будетъ присутствовать одинъ делегатъ отъ русскаго императорскаго двора.

«Султанъ долженъ будетъ издать особый хати-шерифъ, долженствующій утвердить административное устройство княжествъ, которыя будутъ состоять подъ гарантіей всѣхъ договаривающихся державъ».

По настоянію нашихъ уполномоченныхъ, въ трактатъ рѣшено было не вносить оскорбительнаго для Россіи выраженія—«полнаго уничтоженія русскаго протектората» надъ княжествами, какъ этого желала Австрія, ставя это выраженіе во главѣ предварительныхъ условій мира, по вѣнскимъ протоколамъ.

Что касается до хода переговоровъ о числѣ нашихъ судовъ на Черномъ морѣ, то въ этомъ отношеніи англичане сильно возражали противъ французскаго проекта, говоря, что—«состояніе нашего флота, по предполагаемому проекту, даетъ намъ силу, которая можетъ быть опредѣлена въ 12,000 тоннъ, что далеко превосходитъ уже требованія морской службы на морѣ, которое объявляется нейтральнымъ и закрытымъ для иностранныхъ военныхъ судовъ». — «Поэтому, пишетъ графъ Орловъ, поводу, возникли между лордомъ Кларендономъ и графомъ Валевскимъ очень живыя объясненія, какъ словесно, такъ и письменно. Они приняли настолько рѣзкій характеръ, что я уже видѣлъ, что главный предметъ переговоровъ, т. е., возстановленіе мира, рискуетъ разбиться, натолкнувшись на дурныя намѣренія британскаго правительства. Я ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы побѣдить препятствія. Я имѣлъ честь говорить о нихъ лично императору Наполеону. По истинной правдѣ я долженъ отдать ему справедливость въ томъ, что онъ съ мудростью употреблялъ свое авторитетное вліяніе, съ цѣлью примиренія. Графъ Валевскій дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Однако, англійскіе уполномоченные, находясь подъ опасеніемъ порицаній журналовъ, парламентскихъ нападеній и потери популярности, которыя угрожаютъ нынѣшнимъ правителямъ страны въ случаѣ заключенія мира, не рѣшаются навлечь на себя отвѣтственности подписаніемъ акта, по которому наши морскія силы на Черномъ морѣ далеко превосходятъ размѣръ, который можно было бы назвать необходимымъ, но который они называютъ грознымъ (formidable).

«Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они кончили однако тѣмъ, что согласились на условія для нихъ далеко не выгодныя, а для насъ еще болѣе благопріятныя, чѣмъ предполагалось по предварительному плану». Дѣйствительно, за нами утвердили право имѣть 6 большихъ парусныхъ судовъ, въ 50 метровъ длиною, и 4 легкихъ судна, вмѣстимостью 200 тоннъ каждое:— «Но за то, продолжаетъ графъ Орловъ, независимо отъ военныхъ судовъ, предназначенныхъ для береговой службы, мы получили полное право строить и имѣть въ нашемъ распоряженіи, сколько хотимъ, и какихъ хотимъ размѣровъ, транспортныя суда, лишь бы

они не были вооружены и не имѣли военнаго флага. Такое положеніе даетъ императорскому правительству всѣ желаемыя средства образовать морскія силы, важность которыхъ опредѣлится со временемъ, и даетъ возможность имѣть, по всему протяженію азіатскихъ и европейскихъ береговъ Чернаго моря, суда годныя для военной службы на случай надобности».

Вообще представители Англіи почти ежедневно мѣняли или дополняли свои заявленія—«получая изъ Лондона телеграммы, противорѣчившія сегодня тому, на что они соглашались наканунѣ. Этимъ безпрерывнымъ контръ-приказаніямъ наступилъ теперь конецъ»,—писалъ графъ Орловъ.

Графъ Орловъ написалъ по этому поводу письмо лорду Кларендону. Отвѣчая на него, Кларендонъ не скрывалъ—«того ужаса, который охватываетъ главнаго секретаря Англіи—отвѣтственность передъ общественнымъ мнѣніемъ страны и англійскаго правительства»—«чѣмъ и можно объяснить поведеніе англійскихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ»,—замѣчаетъ графъ Орловъ.

Особенности переговоровъ по вопросу о христіанскихъ подданныхъ Порты состояли въ томъ, что этому вопросу договаривающіеся хотѣли придать какъ бы ничтожное значеніе.

«Вы будете удивлены, узнавъ,—пишетъ графъ Орловъ графу Нессельроде,—что, по соглашенному уже между нашими противниками плану, было рѣшено помѣстить постановленіе по этому вопросу—въ концѣ трактата, съ цѣлью ослабить его важность. Я разрушилъ это предположеніе, предложивъ соединить пунктъ касающійся христіанъ, вмѣстѣ съ пунктомъ, по которому Оттоманская имперія вступала въ составъ европейскихъ державъ».

Вообще не оставалось уже болѣе вопросовъ, по которымъ можно было ожидать серьезныхъ разногласій.

Графъ Валевскій желалъ, чтобы окончательный мирный договоръ былъ уже подписанъ 8-го (20-го марта) марта, въ день годовщины возвращенія съ острова Эльбы императора Наполеона. Но исполнить это не оказалось возможнымъ, въ виду громадныхъ предварительныхъ работъ, которыя требовалось исполнить прежде чѣмъ миръ будетъ подписанъ.

Къ тому же, Англія не переставала тормозить дѣло. Не были еще рѣшены вопросы объ Аландскихъ островахъ и относительно редакціи текста о христіанахъ Порты.

По первому вопросу, заявляя Наполеону и графу Валевскому о намѣреніи русскаго императора не возобновлять укрѣпленій на Аландскихъ островахъ, графъ Орловъ обусловилъ эту уступку такимъ образомъ [1]):

---

[1]) Графъ Орловъ, 20-го мая (1 апрѣля) 1856 г., № 58.

1) «Мы соглашаемся на это только послѣ того, какъ воспослѣдуетъ уже соглашеніе по другимъ пунктамъ переговоровъ.

2) «По этому вопросу соглашеніе должно быть установлено отдѣльное, только между Россіей, Франціей и Англіей, такъ какъ только эти державы вели военныя дѣйствія на водахъ Балтійскаго моря.

3) «Все принятое нами по вопросу объ Аландскихъ островахъ есть наше добровольное обѣщаніе, а не вынужденное обязательство.

Затѣмъ, въ донесеніи отъ того же числа № 57, излагая ходъ дѣла по вопросу о христіанахъ въ Турціи и религіозному,—графъ Орловъ говорилъ,—«что онъ предложилъ проектъ своей редакціи, которую лордъ Кларендонъ назвалъ «въ десять разъ худшею чѣмъ нота князя Меншикова, а графъ Валевскій сказалъ, что будетъ невозможно заставить уполномоченныхъ Турціи подписаться подъ этимъ проектомъ». Предвидя это, наши уполномоченные, заранѣе, заготовили и другой, болѣе мягкій, проектъ редакціи. Этотъ проектъ встрѣтилъ такой же отпоръ, причемъ представители Англіи и Франціи высказали даже опасенія, что Россія имѣетъ какую-то заднюю мысль, и что дѣло можетъ окончиться тѣмъ, что султанъ вовсе откажется внести въ трактатъ параграфъ о христіанахъ, на чемъ настаивалъ графъ Орловъ.

Кларендонъ и Валевскій составили послѣ этого сами проектъ новой редакціи и Валевскій пригласилъ графа Орлова обсудить эту редакцію конфиденціально. Графъ Орловъ счелъ нужнымъ прямо высказать свои замѣчанія по этому проекту.

1) Онъ находилъ, «что французскій проектъ, въ интересахъ Порты, не упоминаетъ вовсе о христіанскомъ населеніи, въ пользу котораго долженъ быть составленъ фирманъ.

2) «Не говорится о томъ, что этотъ актъ, издаваемый султаномъ, долженъ освятить (consacrer) новыя постановленія, имѣющія цѣлью улучшить положеніе христіанскихъ подданныхъ Порты».

Графъ Валевскій обѣщалъ принять эти замѣчанія во вниманіе для новой редакціи текста, но заявилъ, что ему предстоитъ не мало труда побудить другихъ уполномоченныхъ сдѣлать требуемыя нами дополненія, такъ какъ и безъ того, съ большими только затрудненіями, удалось получить согласіе на сдѣланную уже редакцію фирмана.

«Поэтому,—доносилъ графъ Орловъ,—не отъ нашихъ усилій и предусмотрительности (persévérance) зависитъ рѣшеніе этого вопроса, вполнѣ согласное съ нашими желаніями».

Графъ Валевскій, дѣйствительно, составилъ новую редакцію султанскаго фирмана, принявъ въ соображеніе желанія нашихъ уполномоченныхъ, и просилъ ихъ при этомъ не возбуждать новыхъ требованій, такъ какъ можетъ случиться, что султанъ, согласив-

шись на включеніе въ трактатъ особаго пункта о христіанахъ, можетъ взять назадъ свое согласіе и затруднить дѣло.

Дѣйствительно, изъ французскаго посольства въ Константинополѣ было получено извѣстіе, что турецкое правительство очень взволновано тѣмъ, какъ приметъ мусульманское населеніе имперіи извѣстіе о томъ, что въ трактатъ внесенъ особый пунктъ, гарантирующій участь христіанъ, подвластныхъ Портѣ.

Положеніе вопроса, по словамъ графа Орлова, было настолько важно, что можно было ожидать даже разрыва переговоровъ. Графъ Валевскій, чтобы придать обязательную силу султанскому фирману, предложилъ употребить выраженіе, «что договаривающіяся державы признаютъ за нимъ большую важность».

Русскіе уполномоченные составили контръ-проектъ, въ которомъ говорили, что «султанъ, обезпечивая за христіанами Оттоманской Порты сохраненіе, во всей цѣлости, ихъ привилегій, тѣмъ самымъ даетъ новую гарантію миру».

Такимъ образомъ, еслибы султанъ посягнулъ впослѣдствіи на нарушеніе правъ христіанскихъ подданныхъ своихъ, то договаривающіяся державы могли бы сказать тогда, что одна изъ гарантій общаго мира нарушена, и потребовать ея возстановленія, по точному смыслу договора.

Графъ Валевскій и лордъ Кларендонъ отвѣтили на контръ-проектъ нашихъ уполномоченныхъ, что для новаго измѣненія редакціи по вопросу о христіанахъ, пришлось бы ожидать разрѣшенія изъ Константинополя и тѣмъ затянуть переговоры.

Тогда графъ Орловъ объявилъ, что согласенъ принять французскій проектъ, съ нѣкоторыми, лишь незначительными, измѣненіями, и вопросъ былъ этимъ исчерпанъ окончательно.

Когда, вслѣдствіе несогласій возникшихъ при переговорахъ съ лордомъ Кларендономъ, успѣхъ переговоровъ подлежалъ сильному сомнѣнію, графъ Орловъ, въ частныхъ своихъ письмахъ къ графу Валевскому [1]) слѣдующимъ образомъ излагалъ наши требованія, отъ которыхъ мы не отступимъ.

Для рѣшенія предстояло четыре вопроса:

1) Слѣдовало опредѣлить наиболѣе удобную форму выраженій для включенія въ трактатъ вопроса объ измѣненіяхъ нашихъ границъ на лѣвомъ берегу Дуная.

«Въ этомъ отношеніи,—доносилъ графъ Орловъ графу Нессельроде,—я выражалъ мысль соединить этотъ вопросъ съ вопросомъ о навигаціи по Дунаю. Императоръ Наполеонъ одобрилъ эту мысль и обезпечилъ намъ ея осуществленіе».

2) Отдѣльная конвенція между Россій и Портой относительно морскихъ силъ на Черномъ морѣ.

---

[1]) Графъ Орловъ, отъ 20-го марта (1-го апрѣля) 1856 г., № 56. М. И. Д.

«Личное вліяніе императора Наполеона было съ пользою употреблено къ устраненію препятствій, встрѣченныхъ со стороны Англіи по этому предмету».

3) Конвенція относительно Аландскихъ островов.

«Если вопросъ этотъ и не былъ разрѣшенъ вполнѣ въ смыслѣ нашихъ требованій, то это не можетъ быть отнесено къ императору Наполеону, а произошло вслѣдствіе сопротивленія изъ Лондона».

4) Привилегіи христіанскихъ населеній Порты.

«Въ этомъ отношеніи, — доносилъ графъ Орловъ, — я долженъ былъ имѣть въ виду двоякую цѣль: во-первыхъ—помѣстить пунктъ, относящійся до христіанъ, на подобающемъ ему видномъ мѣстѣ трактата, и во-вторыхъ, изыскать средство придать обѣщаніямъ султана болѣе обязательную силу, въ видахъ дѣйствительнаго обезпеченія интересовъ христіанскихъ подданныхъ Порты».

Съ этою цѣлью графъ Орловъ передалъ графу Валевскому слѣдующую редакцію пункта о христіанахъ:

«Не посягая на независимость и достоинство султана, великія договаривающіяся державы, принимая сообщенное имъ добровольное рѣшеніе его величества султана, относительно его великодушныхъ намѣреній—предоставляютъ себѣ право коллективнаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ дарованныхъ христіанамъ правъ, въ интересахъ всего христіанскаго міра».

По этому вопросу графъ Орловъ не встрѣтилъ поддержки со стороны Наполеона.

«Я имѣю всѣ основанія думать,—писалъ онъ,—что императоръ встрѣтилъ со стороны британскаго правительства непреодолимое сопротивленіе. Не имѣя личной опоры императора, всѣ мои, самыя ревностныя, усилія остались безплодными предъ конференціей, на которой уполномоченные Россіи, при настоящихъ обстоятельствахъ, остаются изолированными.

«Моя попытка послужитъ, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ, что я не пренебрегъ ничѣмъ, что могло способствовать осуществленію намѣреній императорскаго кабинета въ границахъ возможнаго. Еслибы я пытался преступить эти границы, то рисковалъ бы успѣхомъ переговоровъ, ввѣренныхъ моимъ стараніямъ. Избѣжавъ этой опасности по вопросу о заключеніи почетнаго мира—совѣсть говоритъ мнѣ, что я вѣрно исполнилъ обязанности, возложенныя на меня государемъ императоромъ, и что я служилъ законнымъ и истиннымъ интересамъ Россіи».

«Государь императоръ,—отвѣчалъ на это графъ Нессельроде телеграммою за № 92,—одобряетъ все вами сказанное и сдѣланное. Теперь не будутъ закладывать палокъ между спицами колесъ. Кончайте и подписывайте».

Наступило послѣднее засѣданіе конгресса. Графъ Орловъ такъ

описываетъ его въ своемъ донесеніи отъ 7-го (19-го) апрѣля 1856 года № 77.

«Мы настаивали, прежде всего, на немедленномъ снятіи блокады, которая три года задерживала всю нашу морскую торговлю. Это было исполненно постановленіемъ въ засѣданіи 4-го апрѣля, при чемъ постановлено возвратить призы захваченные на моряхъ, послѣ подписанія трактата.

Затѣмъ обсуждался вопросъ о взаимномъ очищеніи занятыхъ во время войны территорій. Гр. Орловъ предложилъ, что очищеніе нами турецкой территоріи должно быть основано на принципѣ одновременности (simultanéite) очищенія нашихъ владѣній союзниками. Послѣдніе возражали, что они находятся въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ мы: намъ ничто не мѣшаетъ, тотчасъ же, произвести очищеніе турецкихъ владѣній, тогда такъ имъ, для очищенія Крыма, требуется больше времени.

Но Орловъ настоялъ на принципѣ одновременнаго очищенія, такъ такъ нужно прекратить, въ одно и то же время, взаимныя занятія земель, занятыхъ во время войны.

«Послѣ нѣсколько разъ возобновлявшихся по этому случаю споровъ, — доносилъ Орловъ, — поддерживаемая мною система была принята.

«Я тѣмъ болѣе придерживался этой системы, что она была лучшимъ средствомъ ускорить передвиженіе союзныхъ войскъ, съ цѣлью точнаго согласованія съ нами во времени». Пользуясь такою постановкою вопроса объ эвакуаціи, гр. Буоль предложилъ, чтобы и австрійскія войска очистили Дунайскія Княжества, по мѣрѣ очищенія союзниками Крыма и Турціи, а Россіей — турецкихъ азіатскихъ владѣній. «Но предложеніе это, писалъ гр. Орловъ, встрѣтило сильный отпоръ со стороны Турціи и представителей другихъ державъ, указавшихъ на то, что страна [1]), занятая чужеземными войсками, не можетъ свободно рѣшить, предоставленный ей конгрессомъ для рѣшенія вопросъ, о своемъ внутреннемъ устройствѣ и управленіи». По этому, предложеніе Буоля было отклонено, и Австрія обязалась очистить Княжества прежде срока очищенія, принятаго ея союзниками.

Развивая свою мысль по поводу устройства Дунайскихъ Княжествъ, гр. Орловъ замѣтилъ, что страна состоящая въ подданствѣ Турціи и подъ обезпеченіемъ европейской гарантіи, представляетъ такія осложненія, которыя доставляли до сихъ поръ не мало затрудненій для одной Россіи, «которая, сказалъ онъ, пріобрѣла отъ того очень мало плодовъ, чтобы жалѣть о нихъ, также какъ и о томъ, что ее избавили теперь отъ тяжести, которую до сихъ поръ она несла одна за всѣхъ. Ужъ, конечно, она ничего не по-

[1]) Молдавія и Валахія.

теряетъ отъ того, что на будущее время раздѣлитъ свою гарантію съ другими гарантирующими державами. Послѣдніе убѣдятся на опытѣ, что встрѣтится больше затрудненій и неудобствъ, чѣмъ выгодъ—вмѣшиваться въ административное управленіе Княжествъ».

«Мы успѣли превозмочь,—телеграфировалъ графъ Орловъ отъ 15-го (24-го) марта, № 51,—всѣ затрудненія, дѣлаемыя англичанами послѣ 4-хъ-дневныхъ засѣданій, по 6 часовъ каждое. Вѣроятно, трактатъ будетъ подписанъ черезъ два или три дня. Наше положеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Сардинцы находятся съ нами въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ».

Наконецъ, 18-го (30-го) марта, графъ Орловъ телеграфировалъ:—«Трактатъ подписанъ сегодня утромъ. 101 пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ объ этомъ счастливомъ событіи столицу. По выходѣ изъ засѣданія, всѣ уполномоченные, съ разрѣшенія его величества, отправились въ Тюильери и были приняты очень милостиво. Приготовляю отъѣздъ графа Шувалова съ трактатомъ».

IV.

Трудное дѣло совершилось. Парижскій трактатъ, хотя и ослаблявшій Россію, все же далеко не былъ для насъ тѣмъ, чѣмъ хотѣли его сдѣлать наши противники—Англія и Австрія.

Получивъ извѣстіе о подписаніи трактата, графъ Нессельроде писалъ графу Орлову отъ 19-го марта, № 101 [1]), что государь императоръ, находясь въ Финляндіи, получилъ объ этомъ извѣстіе и тотчасъ же, возвратясь въ Петербургъ, поручилъ канцлеру «благодарить графа Орлова за настойчивыя усилія, употребленныя имъ для ускоренія окончательнаго мира».

«Это новая и видная услуга оказанная вами отечеству, — писалъ графъ Нессельроде, — такъ какъ мы пришли къ такому положенію, что необходимость быть готовыми къ возможной войнѣ безполезно вызывала большія издержки.

«Среди всѣхъ разнообразныхъ затрудненій, вы ничѣмъ не пренебрегли, ни въ формѣ, ни въ сущности дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, что весьма важно, вы успѣли, не вводя Россію ни въ какія обязательства, ослабить узы коалиціи противъ насъ до того, что сомнительно, чтобы эти узы пережили заключеніе мира».

Затѣмъ, отъ 5-го апрѣля, № 119, канцлеръ писалъ графу Орлову [2]):—«Я имѣлъ честь представить его величеству вашу депешу отъ 10-го марта (1-го апрѣля) съ увѣдомленіемъ о подписаніи окончательнаго мира, и о тѣхъ подробностяхъ, которыя предшествовали его подписанію.

---

[1]) М. И. Дѣлъ.
[2]) М. И. Дѣлъ.

«Государю императору благоугодно было оцѣнить, по достоинству, непреклонную настойчивость, проявленную вами для того, чтобы побѣдить дурныя намѣренія нашихъ враговъ; равно какъ мудрую проницательность, съ которою вы и баронъ Брунновъ съумѣли, среди возникавшихъ затрудненій, устранить препятствія, которыя могли вредить соглашеніямъ».

Говоря затѣмъ объ успѣшности стараній графа Орлова заручиться личнымъ расположеніемъ Наполеона, графъ Нессельроде продолжаетъ:—«желанія ваши исполнились, и вы сохранили при этомъ искренность, полную достоинства, столь согласнаго съ чувствами государя императора. Вы успѣли, при добромъ расположеніи къ вамъ императора Наполеона, разстроить намѣренія Англіи и уничтожить коалицію, принимавшую все болѣе и болѣе страшные размѣры, способную ввергнуть Россію въ продолжительную войну, исходъ которой предвидѣть нельзя.

«Занятымъ вами на конференціяхъ положеніемъ, вы способствовали улучшенію постановленій трактата. Вашимъ поведеніемъ, внѣ конгресса, вы заставили уважать русское имя, и возбудили къ нашимъ знаменамъ симпатіи тѣхъ, которые были нашими противниками.

«Трактатъ, обезпечивающій Россіи благодѣянія мира, согласованъ съ великодушнымъ самоотверженіемъ, сдѣлавшимъ его возможнымъ.

«Государь императоръ вполнѣ признаетъ важность новой услуги, оказанной вами вашему отечеству».

И такъ, миръ состоялся. Ближайшимъ его послѣдствіемъ было желаніе съ нашей стороны возвратить свободу нашей торговлѣ, стѣсненной блокадой, и очистить владѣнія наши отъ непріятельскихъ войскъ.

Графъ Орловъ доносилъ отъ 23-го марта (4-го апрѣля), № 67 [1]), что—«союзники тотчасъ начнутъ очищать Керчь, Эникале, Кинбурнъ. Эвакуація опредѣлена въ 6-ть мѣсяцевъ. Просятъ дозволенія вступить въ Севастопольскій портъ, для удобства нагрузки судовъ, что можетъ ускорить на 2 мѣсяца эвакуацію.

«Они также хотятъ насъ поскорѣе оставить, какъ мы желаемъ отъ нихъ отдѣлаться». Съ нашей стороны это дозволеніе было дано.

Такимъ образомъ, постановленія трактата приводились въ исполненіе, и вскорѣ все должно было вступить въ свой нормальный порядокъ, нарушенный войною.

Но каковы должны были послѣдовать дальнѣйшія событія, вытекающія изъ только-что законченной великой борьбы? Мы знали теперь и нашихъ враговъ и сомнительныхъ друзей нашихъ. Ка-

[1]) М. И. Дѣлъ.

кое положеніе займетъ въ будущемъ Россія, и въ какія станетъ отношенія къ прочимъ державамъ? Каковы, наконецъ, взаимныя отношенія опредѣлятся между европейскими державами вообще?

Вотъ вопросы, которые желалъ освѣтить нашъ канцлеръ, въ препровожденномъ имъ графу Орлову меморандумѣ отъ 5-го апрѣля 1856 г. № 120 [1]), на которомъ рукою императора Александра II написано—быть по сему.

Въ этомъ меморандумѣ графъ Нессельроде говоритъ:

«Трактатъ только-что заключенный въ Парижѣ, полагая конецъ войнѣ, а вслѣдствіе того и образовавшейся противъ Россіи коалиціи, тѣмъ не менѣе, нужно въ томъ сознаться, оставляетъ насъ въ неопредѣленномъ положеніи относительно нашей политики въ будущемъ.

«Послѣ только-что перенесеннаго испытанія, Россія нуждается въ сосредоточеніи въ самой себѣ (a besoin de se replier sur elle-même), и въ изысканіи средствъ залечить нанесенныя ей войною раны, посредствомъ всѣхъ внутреннихъ средствъ своихъ.

«На этой мысли должна основываться вся наша политика въ теченіе неопредѣленнаго времени, съ цѣлью достигнуть этого благого желанія, и устраняя внѣшнія препятствія, могущія затруднить его достиженіе. Къ осуществленію этой политики должны быть направлены теперь всѣ усилія слугъ императора.

«Какъ не просто кажется это желаніе, но достиженіе его будетъ не легко. Россія находится предъ лицомъ Европы въ новомъ положеніи. Перенесенный ею кризисъ сильно ослабилъ ея прежнія сношенія.

«Тройственный сѣверный союзъ, служившій долгое время противовѣсомъ союзу морскихъ державъ, пересталъ существовать. Поведеніе Австріи разрушило престижъ, придаваемый въ Европѣ этому союзу.

«Съ другой стороны—Швеція на сѣверѣ, а Турція на югѣ, стоятъ противъ насъ въ условіяхъ совершенно новыхъ и требующихъ осторожности (délicates).

«Англія—нашъ истинный постоянный (persèvérante) врагъ, осталась недовольной и злобной и по заключеніи мира. Поэтому, элементы причинъ вызвавшихъ противъ насъ коалицію продолжаютъ существовать.

«Наша единственная гарантія (sauvegarde) противъ возникновенія несогласій, прекратившихся миромъ, и наше обезпеченіе въ томъ, что этотъ миръ предолжится на столько, сколько намъ необходимо для внутреннихъ надобностей—состоитъ въ добромъ расположеніи къ намъ императора Наполеона.

---

[1]) М. И. Дѣлъ.

«Поэтому, сохранить это расположеніе, не обязываясь однако обѣщаніемъ слѣдовать за предпріятіями, которыя онъ можетъ предпринять—должно быть предметомъ всѣхъ нашихъ усилій».

Одобряя поэтому тотъ тактъ, съ которымъ графъ Орловъ отклонилъ возбужденный Наполеономъ разговоръ по поводу Польши, Италіи и Вѣнскаго конгресса 1815 г., графъ Нессельроде замѣчаетъ, что послѣдній вопросъ, «вѣроятно, имѣлъ цѣлью обезпеченіе династическихъ правъ Бонапартовъ». Поэтому, графу Орлову было указано, что если другія европейскія державы согласятся признать эти династическія права Бонапартовъ, то онъ, Орловъ, можетъ или признать ихъ отъ имени Россіи, или, смотря по обстоятельствамъ, отложить ихъ признаніе на будущее время.

«Другой предметъ,—продолжаетъ графъ Нессельроде,—который государь императоръ поручаетъ вашему попеченію — это вопросъ объ отношеніяхъ Франціи къ Пруссіи. Мы, конечно, не можемъ забыть, что изъ всѣхъ великихъ державъ одна Пруссія не была намъ враждебна (hostile).

«Прямые интересы связываютъ ее съ Россіей, и намъ кажется, что отношенія наши къ Франціи, каковы бы они ни были въ будущемъ, только выиграли бы отъ подкрѣпленія (à s'etayer) этого союза. Миролюбивыя расположенія тюильерійскаго двора къ этой державѣ, насколько они теперь проявляются, кажется, только подтверждаютъ нашу мысль».

Изъ словъ графа Нессельроде, такимъ образомъ, видно, что онъ все еще не довѣрялъ искренности Наполеона, хотя послѣдній и оказывалъ свое полное расположеніе къ Россіи и къ ея представителю въ Парижѣ.

Мы знали, что императоръ французовъ искалъ также сближенія съ Пруссіей, и находили, что это сближеніе согласуется съ нашими видами; но мы не забыли, что въ 1854 г., Наполеонъ выражалъ Пруссіи свое желаніе—«видѣть ея владѣнія округленными», а для округленія ихъ слѣдовало присоединить къ ней наши балтійскія провинціи.

Такая мысль, конечно, была лишь попыткою вовлечь тогда Пруссію въ войну противъ Россіи, — но ничто не ручалось, что эта, или подобная ей, комбинація можетъ возродиться вновь въ пылкомъ и предпріимчивомъ умѣ повелителя Франціи. Поэтому, нужна была осторожность въ сношеніяхъ съ нимъ; надлежало ближе узнать дѣйствительныя намѣренія его въ будущемъ. Эта задача и предстояла теперь нашимъ уполномоченнымъ въ Парижѣ, который они вскорѣ должны были уже оставить. Въ особенности, надлежало выяснить значеніе новаго, принятаго на себя Франціей обязательства, какъ бы направленнаго противъ Россіи, заключеннаго уже послѣ подписанія мирнаго трактата. Оказалось, что Англія, Австрія и Франція подписали между собою особое секрет-

ное соглашеніе отъ 3-го (15-го) апрѣля, относительно гарантіи, въ видахъ обезпеченія цѣлости Турецкой имперіи. Такъ какъ нарушительницей этой цѣлости предполагалась Россія,—значитъ Франція согласилась вступить въ союзъ направленный противъ Россіи.

Готовясь къ отъѣзду въ Лондонъ, баронъ Брунновъ, наканунѣ своего отъѣзда [1]), имѣлъ конфиденціальную аудіенцію у графа Валевскаго. Послѣдній сообщилъ ему при этомъ копію съ трактата, заключеннаго между Австріей, Франціей и Англіей, отъ 3-го (15-го) апрѣля. Хотя вопросъ этотъ былъ уже соглашенъ между этими тремя державами еще въ Вѣнѣ, 14-го ноября 1855 г., но теперь онъ получилъ форму трактата, цѣль котораго, какъ полагалъ графъ Орловъ, состояла въ томъ, «чтобы сблизить начинавшія ослабляться отношенія Австріи къ Англіи и чтобы скомпрометировать Францію, искавшую сближенія съ Россіей».

«Мысль подобной политической комбинаціи, пишетъ графъ Орловъ, уже не нова. Графъ Буоль позаимствовалъ ее, какъ традицію, изъ архивовъ вѣнскихъ канцелярій, въ которыхъ покоятся (reposent) обломки тройственнаго союза, заключеннаго въ 1814 г., передъ Вѣнскимъ конгрессомъ, по мысли, плодотворной въ основаніи, князя Меттерниха и Талейрана. Но стараясь подражать примѣру политики уже отжившей, принадлежавшей къ эпохѣ, не существующей въ настоящемъ, графъ Буоль долженъ былъ бы подумать о томъ, насколько такая комбинація была не вѣрно разсчитана (précaire). Онъ долженъ былъ бы вспомнить, въ особенности, какъ блаженной памяти императоръ Александръ I умѣлъ разрушить узкіе разсчеты своихъ противниковъ, предавъ все великодушному, но презрительному забвенію, когда трактатъ тройственнаго союза попалъ ему въ руки. Этотъ великій примѣръ политики, мудрой, потому, что она великодушна, представится, какъ я въ томъ увѣренъ, въ мысли государя императора, когда онъ узнаетъ о дѣлѣ, слѣды коего я открылъ всего спустя нѣсколько дней по его совершеніи».

Графъ Валевскій, рѣшаясь признаться по этому дѣлу барону Бруннову, обнаружилъ смущеніе, смѣшанное съ смиреніемъ (humiliation). Онъ старался указать на то, что согласіе Франціи по настоящему дѣлу было дано еще въ ноябрѣ 1855 г., въ то время когда тюльерійскій кабинетъ не имѣлъ еще никакой надежды улучшить, въ будущемъ, прямыя сношенія между Франціей и Россіей.

По словамъ графа Валевскаго, Наполеонъ долго колебался исполнить теперь, данное въ прошломъ году, Австріи обѣщаніе, и согласился на это—единственно для того, чтобы не навлечь на себя осужденія (blâme) въ не исполненіи даннаго слова.

---

[1]) Графъ Орловъ, 19-го апрѣля (1 мая) 1856 г., № 91. М. И. Д.

Графъ Орловъ также готовился оставить Парижъ. Передъ отъѣздомъ, онъ [1]) просилъ позволенія представиться Наполеону, но въ качествѣ министра, а какъ генералъ-адъютантъ русскаго императора. Наполеонъ прислалъ къ нему своего церемоніймейстера, который заявилъ, что императоръ желаетъ принять его съ особенною торжественностію. Въ назначенный день аудіенціи, три придворныя парадныя кареты, съ кавалерійскимъ конвоемъ, прибыли къ дому русскаго посольства и графъ Орловъ, съ своей свитой отправился во дворецъ, у входа котораго былъ выставленъ почетный караулъ, встрѣтившій прибывшихъ музыкою. Послѣ торжественнаго пріема, Наполеонъ пригласилъ графа Орлова въ сосѣдній залъ, для частныхъ переговоровъ и сказалъ при этомъ: — «что если бы покойный императоръ Николай могъ узнать его истинныя намѣренія въ свое время, то этимъ предотвратилась бы возникшая между ними распря, избѣжать которую онъ (Наполеонъ) желалъ всѣмъ сердцемъ». При этомъ Наполеонъ пожаловалъ графу Орлову высшую степень ордена Почетнаго Легіона.

Черезъ нѣсколько дней, графъ Орловъ былъ снова принятъ императоромъ Наполеономъ 21-го апрѣля (3-го мая). «Я только-что имѣлъ, телеграфировалъ Орловъ [2]), у Наполеона аудіенцію, о которой предварительно не испрашивалъ разрѣшенія. Въ интимномъ разговорѣ, онъ самъ возбудилъ вопросъ о секретномъ трактатѣ; онъ высказалъ мнѣ сожалѣніе, что принялъ на себя въ Вѣнѣ обязательство, которое теперь, по настоянію Австріи и Англіи, долженъ былъ подписать, какъ трактатъ, въ которомъ онъ, впрочемъ, не признаетъ ни цѣли, ни необходимости, такъ какъ онъ имѣетъ одни общія мѣста, подходящія ко всѣмъ случаямъ.

«Я сказалъ, что причины руководившія Англіей и Австріей понятны: хотѣли попытаться поссорить насъ съ Франціей и предупредить возможность составленія союза между Россіей и Франціей. Императоръ прибавилъ:

— «Когда я узналъ отъ Валевскаго, что текстъ трактата вамъ еще не сообщенъ, я выразилъ ему по этому случаю мое неудовольствіе, такъ какъ это имѣетъ видъ хитрости, на которую я неспособенъ, и я прошу васъ увѣрить въ этомъ императора Александра; я приказалъ сообщить вамъ всѣ свѣдѣнія по этому вопросу».

На другой день, графъ Орловъ былъ принятъ на аудіенціи у императрицы Евгеніи. На этой аудіенціи [3]), императрица выразила ему сожалѣніе относительно того, что императоръ Наполеонъ былъ въ необходимости участвовать въ тройственномъ союзѣ, какъ бы направленномъ противъ Россіи, но при этомъ она прибавила:—«Я

[1]) Графъ Орловъ, отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1856 г., № 88. М. И. Д.
[2]) Графъ Орловъ, отъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1856 г., № 92. М. И. Д.
[3]) Графъ Орловъ, отъ 22-го апрѣля (7-го мая) 1856 г., № 95. М. И. Д.

знаю отъ графа Валевскаго, что Англія и Австрія всѣми силами старались опредѣлить подробности, casus belli, но Наполеонъ очень рѣшительно отвергъ это требованіе сказавъ:—Я не подпишу ничего, кромѣ общихъ основаній, такъ какъ оставляю за собою право лично рѣшить, существуетъ ли въ данномъ случаѣ casus belli или нѣтъ». Наполеонъ не согласился также привлечь къ тройственному союзу и Пруссію.

Съ своей стороны, баронъ Брунновъ, также способствовалъ выясненію нашихъ отношеній къ Франціи. 6-го (18-го) мая [1]) онъ имѣлъ аудіенцію у Наполеона, который между прочимъ сказалъ:

— «Мое убѣжденіе состоитъ въ томъ, что насущные интересы Европы, для ихъ обезпеченія, нуждаются въ соглашеніи Франціи съ Россіей и Англіей. Я старался поддержать мой союзъ съ Великобританіей, но въ то же время я имѣлъ въ виду установить доброе согласіе съ Россіей. Если бы эти три державы пришли къ общему соглашенію, то мнѣ кажется, что онѣ полюбовно могли бы рѣшить всѣ вопросы, которые могутъ имъ представиться. Вы не можете себѣ представить, какъ трудно мнѣ было иногда привести англичанъ къ какому-нибудь положительному рѣшенію. Такъ было по случаю установленія плана кампаніи. У нихъ были постоянныя колебанія. Въ то время, когда я уже считалъ какое-нибудь рѣшеніе совершенно установившимся—оказывалось, что, нѣсколько недѣль спустя, нужно было начинать снова обсужденіе того же вопроса. Это уже происходитъ отъ конституціонной формы страны, въ которой правительство не всегда свободно, ни въ своихъ желаніяхъ, ни въ дѣйствіяхъ. Я вамъ представлю еще другой образчикъ англійской нерѣшительности. Когда на конференціяхъ разбирался вопросъ объ измѣненіи границъ Бессарабіи, я полагалъ, что для вашего кабинета возможно устроить такой обмѣнъ: оставить неприкосновеннымъ границы на Дунаѣ, и взамѣнъ того уступить (de concéder) нѣкоторые пограничные ваши пункты въ Азіи. Я передалъ объ этомъ лорду Кларендону, но онъ никогда не могъ договориться ни до какого практическаго рѣшенія».

Перейдя затѣмъ снова къ мысли о будущемъ союзѣ Франціи съ Россіей и Англіей, Наполеонъ сказалъ:

— «На Востокѣ, какъ я полагаю, мы могли бы сгладить всѣ затрудненія. Въ Италіи и Германіи,—думаю, не существуетъ между Франціей и Россіей причинъ къ разногласію (de dissentiment). По этому наше соглашеніе, мнѣ кажется, совершенно обезпеченнымъ».

Брунновъ заговорилъ тогда о Греціи, выставляя на видъ безкорыстныя цѣли, которыя имѣла Россія относительно Греціи, и что мы желали утвержденія въ этой странѣ порядка, основаннаго

[1]) Брунновъ, 11-го (23-го) мая 1856 г., № 113. М. И. Д.

на трактатахъ, и отстраненія отъ нея всего, что могло только породить безпорядки. Наполеонъ ничего рѣшительнаго не сказалъ по этому вопросу и перешелъ прямо къ тому, что поведеніе Россіи относительно бельгійскаго вопроса передъ началомъ войны прямо показало ему дурное расположеніе къ нему императора Николая. Брунновъ доказывалъ, что направленіе бельгійскаго вопроса исходило отъ Англіи, а что императоръ Николай не хотѣлъ даже имѣть при брюссельскомъ дворѣ своего посланника, такъ какъ король Леопольдъ имѣлъ въ своей свитѣ многихъ поляковъ, измѣнившихъ своей присягѣ относительно Россіи, и что императоръ Николай не имѣлъ къ Франціи никакихъ поводовъ къ враждебности. Выслушавъ эти замѣчанія, Наполеонъ сказалъ:

— «Вы можете всегда разсчитывать на мое доброе расположеніе, даже не смотря на нѣкоторыя дурныя воспоминанія. Я вамъ скажу только, что я очень благодаренъ за намѣреніе вашего государя установить свои сношенія съ Туринскимъ дворомъ. Король Сардиніи— мой союзникъ. Мнѣ пріятно видѣть прекращеніе несогласій вашихъ съ державою, сосѣднею и дружественною Франціи».

Брунновъ замѣчаетъ по поводу своего разговора съ Наполеономъ, что это человѣкъ съ умомъ замѣчательнымъ и глубокимъ, привыкшій говорить меньше, чѣмъ думать, и не говорить всегда того, чтò думаетъ.

И такъ, Наполеонъ не переставалъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражать свое желаніе сблизиться, какъ можно болѣе, съ Россіей.

Въ особенности сильно онъ высказался въ этомъ смыслѣ при прощальной аудіенціи у него графа Орлова, который доносилъ о ней 12-го (24-го) мая № 119 [1]).

«Аудіенція у императора была вполнѣ удовлетворительна. Онъ говорилъ со мною обо всемъ, безъ всякаго стѣсненія (avec un entier abandon), и поручилъ мнѣ, на этотъ разъ совершенно искренно, просить для него дружбы государя императора. Онъ надѣется, что взаимныя симпатіи, существующія между обѣими націями, пріобрѣтутъ еще большую силу, отъ согласія установившагося между ихъ государями.—«Это желаніе моего сердца»,—прибавилъ онъ съ волненіемъ и со слезами на глазахъ. Онъ говорилъ со мною также о Польшѣ, но въ смыслѣ совершенно согласномъ съ намѣреніями государя императора. Считаю лишнимъ говорить о томъ, что было сказано лично обо мнѣ. Чтò касается до будущаго—мнѣ кажется, что слова Наполеона имѣютъ значеніе правды».

На этой депешѣ императоръ Александръ сдѣлалъ надпись:— «все это очень хорошо, если только искренно».

Съ отъѣздомъ графа Орлова изъ Парижа закончился процессъ

[1]) М. И. Дѣлъ.

установленнаго въ немъ трактата, ратификація котораго послѣдовала 15-го (27-го) апрѣля 1856 года.

По внѣшности, мы остались въ наилучшихъ отношеніяхъ къ Франціи.

Императоръ Александръ II препроводилъ Наполеону высшій россійскій орденъ св. Андрея Первозваннаго. Графу Валевскому пожалована дорогая табакерка, украшенная бриллiантами. Баронъ Бруиновъ также получилъ въ награду бриллiантовую табакерку.

Мы вышли изъ конгресса лучше, чѣмъ можно было ожидать. Многое сдѣлано было такъ, какъ мы того желали. Насколько было возможно, честь Россіи осталась неприкосновенною, какъ въ вопросѣ объ Аландскихъ островахъ, такъ и относительно Польши.

Въ высочайшемъ манифестѣ отъ 19-го марта 1856 года, по случаю заключенія парижскаго мира, между прочимъ говорится:

«Россіяне! Труды ваши и жертвы были не напрасны. Великое дѣло совершилось, хотя иными, непредвидѣнными путями, и мы нынѣ можемъ, съ спокойствіемъ совѣсти, положить конецъ симъ жертвамъ и усиліямъ, возвратить драгоцѣнный миръ любезному отечеству нашему». Упомянувъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ границахъ Бессарабіи и по отношенію къ нашему черноморскому флоту, въ манифестѣ сказано:

«Сіи уступки не важны въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны, и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе державы, отъ Бога намъ врученной» [1]).

Не считаю нужнымъ приводить здѣсь подлинный текстъ редакціи парижскаго трактата, такъ какъ онъ, дословно, напечатанъ еще въ 1857 г., въ 15 томѣ, извѣстнаго сборника Мартенса [2]). Укажемъ только на то, что мы успѣли отстоять въ Парижѣ. У насъ желали отобрать почти всю Бессарабію—пришлось уступить только незначительную, южную часть ея. Хотѣли уничтожить всякое значеніе нашихъ силъ на Черномъ морѣ и для этой цѣли закрыть докъ въ Николаевѣ—мы отстояли Николаевъ и сохранили на Черномъ морѣ силы, которыя Англія называла даже formidables. Въ Азіи у насъ хотѣли отнять всю страну по лѣвому берегу Кубани—мы сохранили ее. Хотѣли насъ заставить сдѣлать уступки Польшѣ—мы съ твердостью отклонили эти настоянія.

Въ своемъ донесеніи графу Нессельроде отъ 7-го (19-го) апрѣля 1856 г. № 78 [3]), графъ Орловъ выражается, между прочимъ, такъ: «Мнѣ легко было замѣтить, что французскій кабинетъ имѣлъ мысль—расширить сферу политическихъ вопросовъ, предложенныхъ намъ на разсмотрѣніе. Это стремленіе проявилось еще во

---

[1]) Полное собраніе законовъ, т. XXXI, 1856 года.

[2]) Martens. Recueil général des traités. Gottingue. 1857.

[3]) М. И. Д.

время моего перваго разговора съ императоромъ Наполеономъ. Ваше сіятельство оцѣнили серьезность причинъ послужившихъ мнѣ основаніемъ—не вступать на путь, который могъ оказаться сомнительнымъ и труднымъ.

«Но не смотря на это, императоръ французовъ воспользовался случаемъ поговорить со мною, чтобы еще разъ возвратиться къ тому же предмету, выражая свое желаніе, чтобы слово милосердія и великодушія было произнесено въ интересахъ Польши. Я не поколебался отклонить это внушеніе (suggestion), сдержанно, но твердо. Я сказалъ, безъ всякихъ изворотовъ, что всякая мысль, относительно улучшенія въ будущемъ, за безуміе (de démence) въ прошломъ, принадлежитъ единственно государю императору; что всякая иниціатива въ этомъ отношеніи, принятая кѣмъ-либо другимъ, не только не улучшитъ, а только можетъ помѣшать улучшенію этого вопроса.

«Словомъ, глубокое чувство долга передъ моимъ императоромъ, заставляетъ меня громко высказаться противъ илюзій, возникшихъ на конференціяхъ относительно вопроса, совершенно не подлежащему нашему обсужденію [1]).

«Эти слова, какъ мнѣ кажется, произвели выгодное впечатлѣніе въ мысляхъ императора Наполеона. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сообщить вашему сіятельству, что когда наши засѣданія приближались къ концу, графъ Валевскій, въ частномъ и конфиденціальномъ разговорѣ со мною, убѣдительно просилъ меня сказать на конференціяхъ, отъ имени государя императора, нѣсколько словъ, благопріятныхъ Польшѣ.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что желаніе это было внушено намѣреніемъ доказать польской эмиграціи, что интересы эмигрантовъ не были забыты, и что вліяніе Франціи побудило меня сдѣлать въ пользу ихъ заявленіе на самыхъ конференціяхъ.

«Хотя внушеніе это и было мнѣ сдѣлано въ самой дружеской формѣ, но я счелъ своимъ долгомъ, самымъ положительнымъ образомъ, разочаровать ихъ. Въ этихъ видахъ, я не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ передать графу Валевскому мой разговоръ по этому предмету съ императоромъ Наполеономъ.

«Въ самомъ дѣлѣ—отклонивъ требованія императора, нельзя уже было ожидать, что мною будутъ приняты предложенія его министра.

«Мнѣ кажется, что графъ Валевскій пришелъ къ очевидности подобнаго вывода для своихъ размышленій».

Въ то же время и лордъ Кларендонъ, желая быть пріятнымъ своему правительству, также въ частномъ разговорѣ съ графомъ

---

[1]) На этомъ мѣстѣ рукою императора Александра замѣтка «très bien répondu».

Орловымъ, завелъ рѣчь о Польшѣ, но встрѣтилъ такой же энергичный отпоръ.—«Кларендонъ,—писалъ въ томъ же донесеніи за № 78 графъ Орловъ,—понялъ, что мое рѣшеніе слишкомъ твердо, чтобы поколебать его. Поэтому, онъ воздерживался съ тактомъ и приличіемъ. Такимъ образомъ, всѣ сдѣланныя въ этомъ отношеніи попытки остались безплодными, и я вполнѣ доволенъ тѣмъ, что мнѣ не пришлось слышать произнесеніе имени Польши на засѣданіяхъ, въ присутствіи представителей великихъ державъ Европы. Каждый долженъ сказать, что соглашеніе, подписанное въ Парижѣ, предъ лицомъ всей коалиціи, которая не рѣшилась даже произнести имени Польши въ присутствіи русскаго уполномоченнаго, было, я смѣю это сказать,—миромъ почетнымъ для нашего государя и соотвѣтственнымъ достоинству его короны».

Что касается до вопросовъ европейской политики, не относящихся, непосредственно, до Россіи, какъ напримѣръ—Греціи, папскаго престола, обѣихъ Сицилій и Италіи, то графъ Орловъ не принималъ въ нихъ никакого особеннаго участія, заявивъ на конференціяхъ, что такъ какъ его миссія состоитъ въ заключеніи мира, то онъ не имѣетъ никакихъ полномочій по вопросамъ, не относящимся къ замиренію Россіи съ ея противниками.

Между Кавуромъ и Буолемъ происходили рѣзкіе переговоры по италіанскимъ вопросамъ. Напрасно Буоль говорилъ, что миссія конгресса не заключается въ обсужденіи внутреннихъ дѣлъ въ государствахъ независимыхъ.

Живые споры возникли также на совѣщаніяхъ по поводу обсужденія вопроса о нейтрализаціи и свободѣ морей. Графъ Валевскій и лордъ Кларендонъ хотѣли установить по этому предмету редакцію, выработанную ими во время послѣдней войны.

На это графъ Орловъ замѣтилъ, что—«въ такомъ случаѣ, Россія имѣетъ еще больше права настаивать на текстѣ конвенціи, заключенной ею въ 1854 г. съ Американскими Соединенными Штатами, такъ какъ конвенція эта сильно поддерживаетъ принципы, покровительствующіе свободѣ плаванія по нейтральнымъ морямъ». Такая постановка вопроса была далеко не въ интересахъ Англіи, почему она и отказалась отъ своего предложенія. Поэтому, возникшіе споры не дали перевѣса Валевскому съ Кларендономъ, почему о спорахъ этихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ протоколѣ № XXIII, резюмировавшемъ этотъ вопросъ, и предложеніе министровъ Франціи и Англіи—«было совершенно отмѣнено» — а принята редакція предложенная графомъ Орловымъ.

По окончаніи конференціи, Орловъ предложилъ Кларендону и другимъ уполномоченнымъ выразить графу Валевскому общую благодарность за его тактъ, съ которымъ онъ велъ дѣло конференцій, и довелъ ихъ къ благополучному окончанію. Предложеніе это было принято всѣми и находится въ XXIV протоколѣ.

Когда миръ еще не былъ подписанъ окончательно, графъ Нессельроде писалъ Орлову отъ 3-го (15-го марта), — «что слѣдуетъ сдѣлать что-нибудь, чтобы изгладить изъ памяти Наполеона все непріятное по воспоминаніямъ о 1814 и 1815 гг., такъ какъ это можетъ облегчить заключеніе мира». Графъ Орловъ, отвѣчалъ ему на это, отъ 20-го марта (1-го апрѣля) 1856 г. № 61 [1]),—что миръ заключенъ и безъ этого. Что теперь удобнѣе сдѣлать что-нибудь въ этомъ смыслѣ, уже послѣ, а не прежде заключенія трактата. Дѣйствительно, сдѣланныя Орловымъ въ этомъ смыслѣ заявленія были приняты графомъ Валевскимъ, и потомъ Наполеономъ, съ живѣйшею благодарностію.

Значитъ, и въ этомъ случаѣ графъ Орловъ проявилъ большой тактъ, не дѣлая вида, что мы, съ цѣлью заручиться расположеніемъ Наполеона, упреждаемъ его желанія, а вынудили его самого искать дружбы съ Россіей.

Опасаясь этой дружбы, Австрія дѣлала возможныя попытки сблизиться съ Франціей. Графъ Орловъ писалъ князю Горчакову [2])—«Валевскому пожалована лента св. Стефана. Эрцгерцогъ, братъ австрійскаго императора, прибудетъ надняхъ въ Парижъ— вотъ шаги Австріи дѣлаемыя для сближенія съ Наполеономъ, и для избѣжанія жгучаго (épineuse) вопроса объ Италіи».

Еще болѣе, чѣмъ Австрія, опасался отдѣльнаго сближенія нашего съ Франціей берлинскій кабинетъ, тогда какъ мы считали полезнымъ содѣйствовать дружескому сближенію Пруссіи съ Франціей. Въ этомъ желаніи проявлялась наша ошибочная увѣренность въ расположеніи къ намъ берлинскаго двора, еще въ 1855 г., заискивавшаго у Наполеона.

Въ апрѣлѣ 1855 года Наполеонъ поѣхалъ въ Лондонъ. Его встрѣтили тамъ со всевозможнымъ вниманіемъ и предупредительностью. Въ честь его устроено было нѣсколько празднествъ. На одномъ изъ нихъ, во дворцѣ королевы, она танцовала съ Наполеономъ, и при этомъ занесла въ свой журналъ [3]):

«Не странно ли, что я, внучка Георга III, танцую въ залѣ Ватерлоо, съ императоромъ Наполеономъ, племянникомъ величайшаго врага Англіи, а теперь моимъ искреннѣйшимъ союзникомъ, который всего еще не болѣе восьми лѣтъ назадъ жилъ у насъ несчастнымъ изгнанникомъ!» Изъ залы были, во вниманіе къ Наполеону, вынесены всѣ картины, изображавшія бой при Ватерлоо и даже снятъ былъ со стѣны портретъ Веллингтона.

Затѣмъ, въ августѣ, того же года, королева отдала визитъ въ Парижъ, и подъ руку съ Наполеономъ осматривала домъ инвали-

---

[1]) М. И. Д.

[2]) Графъ Орловъ, 26-го апрѣля (7-го мая) 1856 г. М. И. Д.

[3]) Journal de la reine Victoria.

довъ, учрежденный Наполеономъ I, для ветерановъ, изъ которыхъ многіе сражались противъ Англіи.

Парижъ сталъ центромъ европейской политики. Этого было достаточно, чтобы всѣ дипломаты Европы устремились по направленію къ этому центру. Не замедлилъ туда явиться и Бисмаркъ, который теперь сталъ восхищаться всѣмъ французскимъ. Представленный въ Парижѣ англійской королевѣ, онъ, на ея вопросъ—«нравится ли ему Парижъ?—отвѣчалъ—«да, Парижъ гораздо лучше Петербурга» [1]). Онъ хвалилъ англійскую армію, называлъ Наполеона III великимъ монархомъ, а объ императрицѣ Евгеніи сказалъ—что—«лучшее, что онъ видѣлъ въ Парижѣ — это императрица французовъ»—зная, что эти слова будутъ ей переданы. Въ Берлинѣ нѣкоторые порицали такое измѣненіе во взглядахъ Бисмарка, помня, какъ онъ, еще недавно, отзывался по поводу тѣхъ же личностей.

— «Никоимъ образомъ, говорилъ генералъ Герлахъ, ему (Бисмарку) не слѣдовало присутствовать на празднествахъ, которыя составляютъ лишь позоръ нашего королевства» [2]).

Какъ только было получено въ Берлинѣ извѣстіе о подписаніи парижскаго мира, король, тотчасъ же, приказалъ отслужить благодарственный молебенъ и сказалъ при этомъ — «я добезумія радъ миру».

Но обѣщалъ ли этотъ миръ что-нибудь прочное для спокойствія Пруссіи? Какъ велики были ея шансы на сближеніе съ Франціей, чего она такъ желала?

Еще 19-го января 1856 года, Бисмаркъ въ донесеніи своемъ писалъ:

— «По словамъ Доренберга (Doerenberg, депутатъ отъ Гессена)—граница по Рейнъ составляетъ неизмѣнную программу Наполеона въ будущемъ. Онъ полагаетъ, что императоръ находитъ болѣе удобнымъ достигнуть этой цѣли съ помощью Австріи, чѣмъ при содѣйствіи Россіи, ослабленной войною. Поэтому, Пруссія не должна терять времени, а должна вооружиться и приступить къ мобилизаціи союзныхъ войскъ федераціи, не заботясь о протестѣ Франціи». Тѣмъ не менѣе, союзъ Пруссіи съ Россіей и Франціей онъ находилъ полезнымъ.—«Генералъ Герлахъ, писалъ онъ 13-го февраля 1856 г.,—выражалъ мнѣ свои опасенія по поводу сближенія Россіи съ Франціей. Я въ этомъ и не сомнѣвался бы, если бы мы сами не могли твердо вступить въ этотъ двойственный союзъ. Это послужило бы намъ средствомъ избавиться отъ опеки и сѣтей Австріи».

Когда, по окончаніи переговоровъ въ Парижѣ и по подписаніи трактата, Мантейфель возвращался въ Берлинъ, то заѣхалъ во

---

[1]) Journal de la reine Victoria.

[2]) Rothan, p. 215.

Франкфуртъ, съ цѣлью переговорить съ Бисмаркомъ относительно дальнѣйшей политики, которой должна слѣдовать Пруссія. Бисмаркъ высказался въ томъ смыслѣ, что Пруссіи слѣдуетъ быть любезной со всѣми, но ни съ кѣмъ исключительно. Каждому, надлежало сдѣлать намекъ на возможность союза съ Пруссіей, такъ какъ всѣ того желаютъ: Англія, чтобы обезпечить себя относительно Франціи; Австрія, потому что она боится за Италію. Больше же всего она боится, чтобы по окончаніи замиренія Россія не вступила въ союзъ съ Франціей, и вмѣстѣ съ нею не отплатила Австріи за ея поведеніе въ послѣднюю войну. Италія нуждалась въ Пруссіи, потому что имѣетъ счеты съ Австріей. Россія— потому что стоитъ изолированною, и даже Франція, которая плохо вѣритъ въ безкорыстіе Англіи, и которой симпатіи были на сторонѣ Италіи. Еще въ 1854 г., въ бытность въ Парижѣ герцога Саксенъ-Кобургскаго, Наполеонъ, желая сблизиться съ Пруссіей, сказалъ, что онъ—желалъ бы видѣть Пруссію сильною, съ округленными границами въ Германіи: Австрію можно удовлетворить дунайскими княжествами, а германскихъ принцевъ, лишенныхъ владѣній—на счетъ Польши»[1]).

Теперь же, въ тѣхъ же видахъ сближенія съ Пруссіей, Наполеонъ, въ маѣ 1856 года, изъявилъ желаніе видѣть маневры прусскихъ войскъ. Другими словами, онъ желалъ получить приглашеніе побывать въ Берлинѣ. «Если это такъ, писалъ Бисмаркъ 10-го мая, то это будетъ служить вѣнцомъ нашей политики на востокѣ. Присутствіе его въ Берлинѣ, когда императоры Россіи и Австріи намѣреваются, можетъ быть, ѣхать въ Парижъ, было бы, по моему, дипломатическою побѣдою».

Но Наполеонъ слишкомъ былъ опьяненъ своимъ счастьемъ, чтобы видѣть въ настоящемъ свѣтѣ, политическій горизонтъ Европы. «Опьяненіе, говоритъ Ротанъ, помрачаетъ взглядъ и скрываетъ дѣйствительность. Оно заставляетъ забывать уроки прошлаго. Наполеонъ и не подозрѣвалъ, что Пруссія и Піемонтъ, скрывавшія свою настоящую политику, послужатъ причиною его гибели». Англія также не могла не таить зависти противъ Франціи. Россія задавалась внутренними реформами. Въ самой Франціи, орлеанская партія, не терявшая надежды снова появиться на сценѣ по смерти Наполеона, неимѣвшаго наслѣдника, и мечтавшая о коронѣ—была сильно опечалена рожденіемъ у него сына, отнимавшаго у нея надежду на будущее. Съ другой стороны, сторонники республики также не радовались упроченію династіи Наполеона и пріобрѣтенному блеску, озарявшему его корону. Ничто не было упущено этими партіями изъ вида, чтобы поколебать наслѣдственность власти Бонапартовъ.

---

[1]) Rothan, p. 272.

Одно довѣренное лицо въ Парижѣ, такъ сообщало гр. Нессельроде настроеніе французскаго общества, по случаю рожденія императорскаго наслѣдника. Корреспонденція эта послана изъ Парижа 19-го (31-го) марта, т. е. на другой день по подписаніи мира, въ годовщину вступленія союзниковъ въ Парижъ въ 1814 году. Числа были подогнаны съ цѣлью, показать Франціи, что 1856 годъ искупилъ 1814.

Корреспондентъ [1]), съ отмѣткою на своемъ письмѣ—très secret, говоритъ, что партіи орлеанистовъ и республиканцевъ были очень недовольны рожденіемъ наслѣдника Наполеона, такъ какъ это значительно ослабляло надежды первыхъ и намѣренія вторыхъ. Поэтому стали распространяться слухи, что родившійся принцъ не есть сынъ Наполеона. Говорили, что императрица поѣхала на югъ Франціи по приказанію императора и была тамъ безъ него еще до начала беременности, а оттуда уже возвратилась въ ожиданіи наслѣдника; и именно наслѣдника, а не наслѣдницы.

«Наполеонъ, говорилось далѣе, слишкомъ уменъ для того, чтобы положиться на случай. Обстановка беременности сдѣлана была очень ловко для того, чтобы оставалось чего-либо еще желать отъ родительницы». Эта увѣренность, что будетъ объявлено о рожденіи непремѣнно сына, была такъ велика, что на предложеніе одного камергера, занимавшаго видное мѣсто при дворѣ, держать по этому предмету пари въ 100 луидоровъ противъ 1,000, не нашлось ни одного охотника.

Слѣдя за подробными бюллетенями, объявлявшими о ходѣ болѣзни императрицы, многіе говорили: «такъ не выставляютъ передъ всѣми свою жену на показъ! Ужъ лучше было бы устроить ся разрѣшеніе на открытой площади».

Слухи эти доходили до императора, раздражали его и заставляли принимать мѣры строгости. Болѣе 600 человѣкъ было, по поводу этихъ слуховъ, посажено въ крѣпость.

Но этой мѣрой число недоброжелателей династіи не уменьшалось, а, напротивъ, возростало. Для борьбы съ этими партіями, Наполеонъ окружалъ себя лицами враждебнаго имъ направленія.

Понимая свою силу, приверженцы царствующей династіи не стѣснялись въ образѣ своихъ дѣйствій вообще, зная что имъ все сойдетъ съ рукъ, пока во Франціи царствуетъ Наполеонъ. Проявлялись, на каждомъ шагу, расхищенія казенныхъ суммъ, и даже изъ портфеля самого Наполеона, лежавшаго на письменномъ столѣ въ его кабинетѣ, маршалъ С. А., съумѣлъ, во время доклада, взять крупную сумму (около 100,000 франковъ) и потомъ, шутя, сознался въ этомъ Наполеону.

Все это быстро умножало число недовольныхъ противъ, такъ

---

[1]) Изъ бумагъ гр. Нессельроде. М. И. Д.

называемыхъ, креатуръ Наполеона, особенно противъ лицъ высшей военной іерархіи, которымъ дозволялся всякій произволъ, въ видахъ твердой опоры на армію.

Въ своемъ ослѣпленіи, Наполеонъ не обращалъ даже вниманія на то, что эта самая армія, сочувствіемъ которой онъ такъ желалъ заручиться, благодаря хищничеству своихъ начальниковъ, — не имѣла даже боевого снаряженія. Запасы, заготовленные на случай войны, значились только въ отчетахъ на бумагѣ, а ассигнуемыя на нихъ суммы оставались въ карманахъ высшихъ чиновъ арміи.

Клерикальная партія, т. е. партія іезуитовъ, также вліяла на политику Наполеона, доказывая ему необходимость вмѣшательства въ дѣла Мексики, что имѣло такой печальный конецъ. Съ другой стороны италіанцы и поляки взывали къ нему же о помощи противъ Австріи, въ видахъ объединенія Италіи, и противъ Россіи. Словомъ, въ самой Франціи, принявшей, къ тому же, крайне повелительный тонъ въ сферѣ европейской политики, таились, и даже проявлялись явно, элементы, развитіе которыхъ предвѣщало неизбѣжность скорой катастрофы.

И катастрофа эта должна была послѣдовать оттуда, откуда ее всего менѣе ожидалъ Наполеонъ—со стороны Пруссіи, съ которою онъ хотѣлъ сойтись послѣ Парижскаго конгресса.

Съ замѣчательною проницательностью предсказалъ будущій ходъ европейской политики послѣ Парижскаго мира Бисмаркъ, въ его мемуарѣ отъ 26-го апрѣля н. ст. 1856 года [1]), поданномъ прусскому королю:

«Наполеонъ имѣетъ теперь большой для себя выборъ союзниковъ», писалъ онъ. Бисмаркъ допускалъ возможность сближенія Франціи съ Россіей, и самъ находилъ полезнымъ стать твердо, обѣими ногами (à pieds joints), въ этомъ союзѣ.

«Но въ настоящее время, замѣчаетъ Бисмаркъ, для этого союза еще не пробилъ часъ».

«Настойчивыя усилія Орлова, говоритъ онъ, еще не заставятъ грушу упасть съ дерева; но когда она созрѣетъ, — она упадетъ сама собою, и русскіе тогда явятся во время, чтобы поймать эту грушу въ свою шапку».

Бисмаркъ былъ правъ относительно возможности сближенія Франціи съ Россіей, но не былъ правъ, говоря, что Орловъ настаивалъ на союзѣ. Мы видѣли, что напротивъ Орловъ имѣлъ инструкціи не вступать ни въ какія положительныя соглашенія и обязательства съ Наполеономъ, что могло бы помѣшать намъ заняться исключительно внутренними дѣлами.

«Англія,—продолжаетъ Бисмаркъ,—также будетъ стараться под-

---

[1]) Correspondance diplomatique de M. de Bismarck. Traduite par M. Funck-Brentano.

держать добрыя отношенія къ Франціи. Для обѣихъ разрывъ былъ бы опасенъ и дорого бы обошелся. Флотъ Франціи послѣ войны пришелъ въ жалкое состояніе. Въ случаѣ войны съ Англіей, Франція могла бы найти поддержку со стороны Россіи и Американскихъ Штатовъ. Поэтому, Англія скрываетъ свой гнѣвъ по случаю заключенія Парижскаго мира.

«Правда, Наполеонъ терпитъ финансовыя затрудненія. Но если бы Англія имѣла въ виду этимъ воспользоваться и поселить смуту во Франціи, то Наполеонъ возбудитъ противъ коварнаго Альбіона національное чувство французовъ, и всѣ попытки англичанъ сойдутъ съ Франціи—какъ съ гуся вода.

«Нельзя допустить, чтобы Людовикъ - Наполеонъ предпринялъ войну ради войны, и чтобы онъ былъ побужденъ къ тому жаждою пріобрѣтеній—онъ не принадлежитъ къ числу завоевателей. Но возможно, что онъ предприметъ войну въ интересахъ Италіи».

«Претензіи Сардиніи,—говоритъ Бисмаркъ,—воспоминанія Бонапартистовъ и Мюратистовъ, корсиканская гордость—все это можетъ легко повліять на старшаго сына римской церкви. Ненависть противъ Австріи, и италіанскіе владѣтели облегчатъ ему намѣченные пути противъ Австріи, тогда какъ онъ не можетъ разсчитывать ни на чью помощь въ Германіи—ни на принцевъ, потому-что они не имѣютъ силы, ни на демократію, потому что она жадна и подла (rapace et lâche)».

Обращаясь снова къ вопросу о возможныхъ въ будущемъ союзахъ, Бисмаркъ говоритъ:

«Сближеніе между Франціей и Россіей естественно вполнѣ. Ихъ географическое положеніе и политическіе взгляды представляютъ для обѣихъ этихъ державъ наименѣе поводовъ къ столкновенію, чѣмъ между всѣми другими великими державами. У нихъ нѣтъ интерессовъ, вызывающихъ неизбѣжное столкновеніе. Враждебное отношеніе императора Николая къ династіи орлеанистовъ разъединяло до сихъ поръ обѣ страны между собою. Война, оконченная безъ взаимной ненависти, покончила между ними всѣ счеты.

«Война послужила болѣе внутреннимъ, чѣмъ внѣшнимъ потребностямъ Франціи. Теперь орлеанисты исчезли; императоръ Николай скончался; священный союзъ не существуетъ. Я не вижу поэтому ничего, что могло бы остановить силы, влекущія оба государства одно къ другому, и любезности, которыми онѣ обмѣниваются между собою,—есть скорѣе доказательство взаимной симпатіи, уже существующей, чѣмъ средство породить ее... Если состоится франко-русскій союзъ, съ воинственными цѣлями—мы не можемъ быть въ числѣ его противниковъ, потому что, я въ этомъ убѣжденъ, мы не устоимъ противъ него».

«Во времена Шварценберга, — прибавляетъ Бисмаркъ,— много говорили о тройственномъ союзѣ между Россіей, Франціей и

Австріей. Ненависть, которую питаетъ теперь Россія къ Австріи, и вліяніе, которое императоръ Наполеонъ намѣренъ проявить на полуостровѣ Итальянскомъ, побудятъ вѣнскій кабинетъ принять противъ этого соотвѣтственныя мѣры».

Союзъ между Англіей и Австріей Бисмаркъ не находилъ полезнымъ ни для Пруссіи, ни для германской федераціи и вообще, неудобнымъ для страны. Если бы Англія оказалась даже побѣдительницею на моряхъ — Германія, находясь между Россіей и Франціей, несла бы на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы.—«Къ тому же,—прибавляетъ Бисмаркъ,—я утверждаю, что въ случаѣ опасности,—ни одинъ союзный князь въ Германіи не задумается не исполнить своихъ обязательствъ, въ разсчетахъ, что императоръ Наполеонъ и императоръ Александръ ихъ не оставятъ, и что они, какъ въ 1813 и 1814 годахъ, не потеряютъ ничего, сохранятъ свои очаги и своимъ подданнымъ предоставятъ счастье, понимаемое каждымъ по своему».

Что касается до будущихъ отношеній между Пруссіей и Австріей, то Бисмаркъ замѣчаетъ:—«Германія слишкомъ тѣсна для насъ обоихъ. Въ будущемъ, намъ придется бороться съ Австріей за наше существованіе, и не отъ насъ зависитъ предупредить предстоящее столкновеніе. Ходъ событій въ Германіи не допускаетъ иного исхода».

Поэтому, въ ожиданіи будущаго, Бисмаркъ совѣтовалъ,—«дѣлать разные авансы Людовику-Наполеону, что насъ ни къ чему не обязываетъ и охранять себя отъ всѣхъ попытокъ, имѣющихъ цѣлью вести насъ на буксирѣ Австріи».

Будущее показало всю проницательность Бисмарка. Наполеонъ, дѣйствительно, прежде всего, обратился противъ Австріи, въ интересахъ итальянцевъ, а затѣмъ началась борьба между Пруссіей и Австріей, окончившаяся удаленіемъ послѣдней изъ Германіи. Не осуществился только дѣйствительный союзъ между Франціей и Россіей. Но и тутъ виноватъ не Бисмаркъ, а Наполеонъ, который, побуждаемый іезуитами, вмѣшательствомъ своимъ въ дѣла Польши въ 1863 году помѣшалъ весьма возможному союзу Россіи съ Франціей, что предупредило бы роковыя для Франціи событія 1870 и 71 годовъ.

Въ то время, когда Наполеонъ готовился нанести ударъ Австріи, берлинскій дворъ незамѣтно подготовлялъ событія, о которыхъ еще въ 1854 году, Наполеонъ высказывался принцу Саксенъ-Кобургскому, говоря, что онъ—«желалъ бы видѣть владѣнія Пруссіи округленными въ Германіи, а Пруссію—сильною на сѣверѣ».

Предупредительность Наполеона была тогда такъ велика, что онъ даже спрашивалъ:—«не найдутъ ли въ Берлинѣ болѣе удобнымъ взять Ганноверъ, вмѣсто Саксоніи [1])».

---

[1]) Zur Geschichte der Orientalischen Kriegs 1853—56. Geffken.

Наполеонъ забылъ правило Макіавелли: «Chi è cag
diventi potente-rovina» (кто помогаетъ усиленію другог
готовитъ гибель).

Но въ Берлинѣ твердо помнили это правило и при
на всѣ стороны своихъ границъ. Тамъ желали войны м
ціей и Австріей, такъ какъ это ослабляло сосѣдей]
югѣ и на западѣ. Что касается до восточнаго сосѣда,
ніе Пруссіи, во время всей крымской войны, достаточн
что старый Макіавелли находилъ себѣ читателей въ Б

Пруссія, пользуясь борьбою Австріи съ Франціей и
спокойная на счетъ Россіи, сама теперь стала помь
округленіи своихъ границъ, почему, прежде всего, обр
маніе на Данію, потомъ на Австрію, а затѣмъ и на саму

Мы не руководствовались Макіавелли и допустили с
всему, о чемъ мечтала Пруссія. Что же будетъ потомъ? –
verra!

А. Пе

ВОСПОМИНАНІЯ О В. И. НАЗИМОВѢ.

НОЯБРЯ 24-го 1889 г. въ Казани скончался бывшій попечитель Казанскаго учебнаго округа Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ (родился 27-го іюня 1826 г.). Прежде чѣмъ занять постъ попечителя округа, который онъ съ честью занималъ почти двадцать лѣтъ, П. Д. Шестаковъ прошелъ всѣ низшія педагогическо-служебныя должности. Онъ былъ и учителемъ (1846—1852 гг.), и инспекторомъ (1852—1855 гг.), и директоромъ гимназіи (1855—1860 гг.), и инспекторомъ студентовъ (1860—1861 гг.), и инспекторомъ казенныхъ училищъ (1861—1863 гг.), и помощникомъ попечителя учебнаго округа (1863—1865 гг.).

Продолжительная и плодотворная педагогическая дѣятельность П. Д., которой онъ посвятилъ всѣ лучшія свои силы, не ограничивалась одними чисто служебными, хотя и весьма сложными обязанностями. Помимо многочисленныхъ педагогическо-литературныхъ трудовъ, разсѣянныхъ по различнымъ педагогическимъ изданіямъ, онъ не мало работалъ и по исторіи Россіи. Во время пребыванія своего въ должности учителя Тверской гимназіи, онъ вмѣстѣ съ директоромъ гимназіи, Н. М. Коншинымъ, трудился надъ изданіемъ «Домостроя» попа Сильвестра, а также надъ описаніемъ рукописи «Посланіе митрополита Фотія къ войску въ Свіяжскъ». Въ должности инспектора и директора Смоленской гимназіи, онъ составилъ «Историческую записку за 50 лѣтъ ея существованія» и въ «Смоленскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1853—1855 гг. напечаталъ слѣдующія статьи по исторіи и этнографіи Смоленской губерніи: «Отрывочныя сказанія о городѣ Смоленскѣ, извлеченныя изъ старыхъ записей и разсказовъ старожиловъ», «Смоленскій говоръ», «Духовщинское подрѣчье». Въ «Памятной книжкѣ Смоленской губерніи» онъ напечаталъ въ 1857 г. «Географію Смоленской губерніи». Назначенный въ 1857 г. директоромъ Смоленскаго губернскаго попечительскаго комитета о тюрьмахъ, П. Д., по его собственному признанію, «ревностно

исполнилъ обязанности директора и имѣлъ утѣшеніе видѣть хорошіе результаты». Въ 1861 г. въ «Русской Рѣчи» имъ были напечатаны двѣ статьи «Изъ записокъ директора тюремнаго комитета».

Во время пребыванія въ Москвѣ въ званіи инспектора студентовъ и затѣмъ инспектора казенныхъ училищъ [1]) П. Д. помѣстилъ въ «Православномъ Обозрѣніи» «Матеріалы для жизнеописанія святителя Тихона, епископа Воронежскаго» (Записки келейника В. И. Чеботарева).

Въ періодъ двадцатилѣтняго управленія Казанскимъ учебнымъ округомъ, П. Д. Шестаковъ напечаталъ въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета» 1868 г. изслѣдованіе о «Святомъ Стефанѣ Великопермскомъ», а въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за тотъ же годъ «Житіе преподобнаго отца нашего Трифона Вятскаго чудотворца». За 1873 г. въ «Ученыхъ Запискахъ» имъ было напечатано изслѣдованіе «Родственна ли меря съ вогулами». Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» П. Д. были помѣщены статьи о «Просвѣтителяхъ лопарей архимандритѣ Феодоритѣ и и св. Трифонѣ Печенгскомъ» (1868 г.), «О распространеніи христіанства у калмыковъ» (1869 г.) и «Чтеніе древнѣйшей вырянской надписи, единственнаго сохранившагося памятника времени св. Стефана Великопермскаго» (1871 г.). Всѣ эти ученыя работы стоятъ въ тѣсной связи съ занятіями П. Д. по интересовавшему его вопросу объ образованіи инородцевъ и съ трудами по открывшемуся въ 1867 г. въ Казани братству святителя Гурія, въ которомъ онъ былъ первымъ предсѣдателемъ. Въ 1869 г. имъ сдѣлано было обширное представленіе министру народнаго просвѣщенія въ видѣ «Соображеній о системѣ образованія инородцевъ, обитающихъ въ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа».

Въ 1877 г. происходилъ въ Казани IV археологическій съѣздъ. П. Д. и здѣсь «явился дѣятельнымъ работникомъ», сначала по организаціи съѣзда, въ качествѣ предсѣдателя его предварительнаго комитета, затѣмъ въ качествѣ члена съѣзда и, наконецъ, въ качествѣ предсѣдателя (1878—1883 гг.) «Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи», возникшаго по мысли съѣзда. Здѣсь плодомъ дѣятельности П. Д. явились слѣдующіе рефераты, касавшіеся вопросовъ мѣстной географіи, исторіи и этнографіи: «Напоминаніе о древнемъ городѣ Моджарѣ», «Замѣтка о вліяніи русскаго языка на языки инородческіе» и изслѣдованіе по вопросу о томъ, «Гдѣ книги, писанныя вырянскою или пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Великопермскимъ?» Всѣ эти статьи были напечатаны въ «Трудахъ IV археологическаго съѣзда». Въ «Трудахъ Общества Врачей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» П. Д. въ 1879 г. напечаталъ «Показанія о чумѣ очевидцевъ не медиковъ».

За свои ученые труды и просвѣщенное сочувствіе къ научнымъ интересамъ, П. Д. Шестаковъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Императорскаго Казанскаго университета, Казанской духовной академіи, Общества врачей

---

[1]) Въ 1849—1852 гг. П. Д. былъ учителемъ 4-й Московской гимназіи. За это время онъ перевелъ съ греческаго двѣ трагедіи Эврипида—«Медею» и «Гипполита, несущаго вѣнокъ». Обѣ были напечатаны впослѣдствіи въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета» 1865 и 1871 гг. и изданы отдѣльными оттисками. Въ 1876 г. въ тѣхъ же «Ученыхъ Запискахъ» была напечатана въ переводѣ П. Д. трагедія Эврипида «Троянки».

при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи.

18-го іюня 1883 г., согласно прошенію, П. Д. былъ уволенъ отъ должности попечителя округа. Въ послѣдніе шесть лѣтъ жизни, проведенные въ отставкѣ, П. Д. продолжалъ усердно заниматься наукой. За это время онъ, кромѣ многихъ педагогическихъ статей, напечаталъ, по опредѣленію Совѣта Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, «Воспоминанія о графѣ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Уваровѣ», а въ «Русской Старинѣ» 1887—1889 гг. помѣстилъ свои воспоминанія «О Московскомъ университетѣ въ 1840-хъ годахъ», «О студенческихъ волненіяхъ въ Москвѣ 1861 г.», «О студенческихъ волненіяхъ въ Казани 1882 г.». Въ недавнее время въ «Русской Старинѣ» помѣщены, посланныя имъ еще при жизни, его воспоминанія «О графѣ Д. А. Толстомъ» и «Казанскомъ университетѣ».

Послѣ смерти П. Д. въ его бумагахъ, помимо автобіографіи и дневника (почти въ 600 листовъ), который онъ велъ въ теченіе 20 лѣтъ, осталось нѣсколько статей, совсѣмъ приготовленныхъ къ печати. Одна изъ нихъ «Воспоминанія о В. И. Назимовѣ»—предлагается теперь вниманію читателей «Историческаго Вѣстника».

А. Рождествинъ.

Послѣ блестящаго попечительства графа С. Г. Строгонова и прошедшаго незамѣтно кратковременнаго попечительства Д. П. Голохвастова, въ московскій учебный округъ назначенъ былъ попечителемъ генералъ-адъютантъ В. И. Назимовъ, бывшій, по однимъ слухамъ, попечителемъ, по другимъ—дядькой наслѣдника цесаревича Александра Николаевича.

Слухи о новомъ попечителѣ ходили устрашающіе. Говорили про него, что онъ солдафонъ, бурбонъ, что онъ—человѣкъ безъ всякаго образованія, что онъ заводитъ и въ университетѣ и въ гимназіяхъ солдатскую дистиплину, студентовъ и гимназистовъ уже заставилъ маршировать, скоро-де у него замаршируютъ и учителя, и инспектора, и деректора, и профессора. Объ его недостаточныхъ знаніяхъ сложились даже легенды. О немъ разсказывали, что, при первомъ посѣщеніи университета, найдя въ актовой залѣ девять нишъ, занятыхъ статуями музъ, и видя, что десятая ниша пустая, онъ приказалъ въ пустой поставить десятую музу; что, присутствуя на экзаменѣ изъ естественной исторіи, онъ, услышавъ отвѣтъ студента, что слонъ съѣдаетъ въ день сто пудовъ сѣна, замѣтилъ: «ну ужъ это слишкомъ много», а когда профессоръ сказалъ: это гипербола, ваше превосходительство, то попечитель обратился къ студенту съ укоромъ: «видите, это гипербола съѣдаетъ сто пудовъ сѣна, а вы сказали—слонъ». Много и другихъ анекдотовъ разсказываютъ про В. И. Назимова; всѣ эти анекдоты показываютъ одно, что ученымъ людямъ онъ пришелся не по душѣ, вотъ они и разгуливались на его счетъ.—Мы, признаюсь, съ трепетомъ ожидали пріѣзда грознаго попечителя, который, по слухамъ,

не церемонился съ подчиненными, кричалъ и распека
ному. Мы, правду сказать, имѣли основаніе опасаться бол
наша гимназія (Московская 4-я) была преобразована из
закрытаго по повелѣнію государя императора Николая
заведенія, Московскаго Дворянскаго Института; бол
воспитанниковъ института остались въ гимназіи. «Разг
попечитель», говорили воспитанники старшихъ классовъ.
4-й гимназіи, Н. М. Коншинъ, перемѣщенный изъ
Тверской гимназіи, на первыхъ же порахъ какъ-то не
ладить съ воспитанниками старшихъ классовъ, и былъ
ими, слѣдовательно отъ него воспитанники поддержки
рекомендаціи ожидать не могли.

«Завтра попечитель пріѣдетъ», заговорили въ гим
ствительно, попечитель пріѣхалъ. Всѣ ученики были
большой актовой залѣ. Попечитель вошелъ суровый
глядя изъ-подлобья, такъ, можетъ быть, показалось отъ
тотчасъ же отдалъ приказаніе отдѣлить новыхъ восп
поступившихъ въ 4-ю гимназію, отъ старыхъ, бывших
никовъ упраздненнаго Дворянскаго Института. Отдѣли
поставили направо, вторыхъ налѣво, съ послѣдними п
я, какъ надзиратель 7-го класса, а семиклассники всѣ
ченія были прежніе воспитанники Дворянскаго Институ
зимовъ сначала подошелъ къ стоявшимъ направо, позд
ними,—потомъ круто повернулъ въ нашу сторону, мра
буря, и сталъ громить воспитанниковъ. Разгромивъ
обратился ко мнѣ, и, смотря на меня гнѣвнымъ взгля
кричать: «А вы чего смотрѣли? Какъ вы могли допу
мерзости?» и т. п. Распекъ, что называется, въ пухъ
обратившись къ директору, сказалъ ему: «проводите м
назіи». И учителя, и надзиратели, и воспитанники, об
мнѣ съ сожалѣніемъ: «васъ-то за что̀ распекъ? Вы-то
чемъ?»—Что на это сказать?—Распекъ, потому что вла
распекать. Безъ сомнѣнія, видя меня стоящимъ окол
воспитанниковъ Дворянскаго Института, онъ принялъ м
жившаго въ Институтѣ; а я только-что перемѣщенъ
Тверской гимназіи учителемъ и вмѣстѣ надзирателемъ
скаго пансіона.—Проходя обратно по залѣ, гдѣ мы дож
возвращенія, попечитель кинулъ въ нашу сторону гр
трите вы у меня», въ сторону стоящихъ направо: «пр
дѣюсь, вы не будете таковы»,—и вышелъ.

Слухъ о томъ, что попечитель не церемонился съ под
оправдался,—сталъ оправдываться и слухъ о томъ, что
заводитъ военную дисциплину.

Н. М. Коншинъ перемѣщенъ директоромъ Ярославс
и училищъ Ярославской губерніи. Новый директоръ

4-й гимназіи, назначенный, по представленію попечителя, изъ военныхъ, баронъ А. И. Рейхель, переименованный изъ подполковниковъ въ надворные совѣтники, сталъ сильно налегать на военную выправку и фронтовое ученіе гимназистовъ, и даже въ первое время давалъ надзирателямъ выговоры за «плохую выправку» пансіонеровъ. Барону Рейхелю принадлежитъ оставшееся надолго въ памяти учителей и учениковъ замѣчательное въ своемъ родѣ изреченіе, сказанное имъ министру народнаго просвѣщенія князю Ширинскому-Шахматову: «Смѣю завѣрить, ваше сіятельство, что съ тѣхъ поръ какъ введено обученіе фронту, съ тѣхъ поръ какъ ученики стали маршировать, они сдѣлались развязнѣе и къ ученію понятливѣй». А. И. Рейхель былъ въ сущности премилый и предобрый человѣкъ, чрезвычайно ласковый съ учениками, заботливый и внимательный воспитатель. Но нужно было посмотрѣть, какъ преображалась его маленькая, тщедушная фигурка, когда онъ пробѣгалъ по фронту учениковъ, какой-то взъерошенный. «Смирно-о-о!—кричалъ онъ пронзительной фистулой.—Глаза на пра-а-а-во! Глаза на пра-а-во! Смотрѣть въ глаза начальнику! Ѣсть начальника глазами!» При немъ заведены были дежурные по классу. При входѣ директора или инспектора въ классъ, ученики вставали, вытягивая руки по швамъ, и, на привѣтствіе начальника, кричали: «Здравія желаемъ, ваше в—іе». Дежурный по классу мѣрнымъ шагомъ подходилъ къ вошедшему начальнику и рапортовалъ:—Честь имѣю рапортовать вашему в—ію, что въ классѣ учениковъ по списку—, на лицо—, въ больницѣ—. И затѣмъ, сдѣлавъ налѣво или направо кругомъ, маршировалъ къ своему мѣсту. При встрѣчѣ съ директоромъ или инспекторомъ въ коридорѣ, ученики обязаны были дѣлать фронтъ. Къ чаю, завтраку, обѣду и ужину, воспитанники пансіона, построившись рядами попарно, обязаны были идти въ ногу. Эти военные порядки какъ-то легко прививались къ воспитанникамъ 4-й гимназіи, чему, по моему мнѣнію, много способствовали два воспитанника С. и Ш., поступившіе изъ кадетскаго корпуса, отлично учившіеся, дружно жившіе съ товарищами и имѣвшіе на нихъ хорошее вліяніе. С. и Ш. были отличными ординарцами и отличными, такъ сказать, ефрейторами, ведшими отдѣленія по военному на прогулкахъ.

Впрочемъ, эти выправки и фронтовыя ученія не заглушали въ А. И. Рейхелѣ голоса сердца: онъ относился весьма тепло и къ своимъ сослуживцамъ и къ воспитанникамъ. Баронъ А. И. Рейхель завелъ въ пансіонѣ 4-й гимназіи спектакли и концерты, на которыхъ играли воспитанники, и которые привлекали отборную публику; устроилъ нѣчто въ родѣ полугодичныхъ испытаній, на которыя приглашалъ профессоровъ. Во время роскошной иллюминаціи въ честь двадцатипятилѣтія царствованія государя императора Николая Павловича, на вышку дома 4-й гимназіи, помѣщавшейся

тогда въ извѣстномъ домѣ Пашкова, гдѣ теперь Р
музей, собралось большое общество военныхъ и статс
ловъ, такъ какъ съ этой вышки представлялся велико
на иллюминованную Москву. По распоряженію дирек
танники—старшіе встрѣчали каждаго гостя въ пріем
жали на вышку. Между собравшимися звѣздоносцам
одѣтый въ черный сюртукъ худой, длинноносый, не
ловѣчекъ, на котораго со вниманіемъ смотрѣли всѣ з
наши, а воспитанники просто поѣдали его глазами. Э
менитый авторъ «Мертвыхъ Душъ», Н. В. Гоголь. 1
онъ, долго любуясь на разстилавшуюся подъ его н
діозно освѣщенную нашу матушку Москву, задумчи
«Какъ это зрѣлище напоминаетъ мнѣ вѣчный город

Черезъ нѣсколько времени по поступленіи въ Мос
гимназію новаго директора, снова разнесся слухъ: по
ѣдетъ. «Ну, сказали мнѣ сослуживцы, теперь ужъ
теперь у насъ директоръ-любимецъ попечителя, посм
читель всѣмъ останется доволенъ и васъ распекать

Пріѣхалъ попечитель, обошелъ по классамъ, пошел
я, въ качествѣ дежурнаго надзирателя, сопровождал
съ директоромъ и инспекторомъ. Въ спальняхъ поп
поднималъ одѣяла, простыни, тюфяки, смотрѣлъ, в
«Прекрасно»,—сказалъ онъ директору,—«все чисто, х
рядкѣ». И вдругъ, повернувшись въ мою сторону,—
чалъ:—«А у васъ въ Институтѣ что̀ было?—Грязь, не
зость». Рядомъ со мною стоялъ экономъ пансіона, бы
момъ и въ Дворянскомъ Институтѣ. Наивно увѣрен
нему обращается попечитель, я отступилъ нѣсколько
«Куда вы»,—сказалъ попечитель,—«я вамъ говорю,
поддерживали тутъ всякую мерзость». И пошелъ, и п
рѣзкаго тутъ было сказано. Я стоялъ, почтительно в
и слушалъ... Наконецъ, выливъ свой гнѣвъ, попечител
расхваливать нынѣшніе порядки и благодарить дире

Послѣ этой жестокой распекаціи, я, по отъѣздѣ
обратился къ директору и просилъ его должность г
округа, что онъ другой разъ распекаетъ меня публ
меня за служившаго въ Дворянскомъ Институтѣ, но
скомъ Институтѣ не былъ, а поступилъ на службу въ 4
А. И. Рейхель отвѣчалъ мнѣ: «Успокойтесь, завтра
надѣюсь, что Владиміръ Ивановичъ больше васъ
будетъ».

Черезъ недѣлю снова пріѣхалъ попечитель округа
его дежурства и, увидѣвъ меня, съ улыбкою сказа
меня по своей гимназіи». Этимъ окончились мои сл
взгоды въ 4-й гимназіи. А одинъ случай, самъ по с

тельный, обратилъ на меня особенное милостивое вниманіе попечителя. Возвращаясь разъ съ воспитанниками изъ дальней прогулки за городъ, я, войдя на бульваръ Петровскаго парка, предложилъ имъ построиться и идти, какъ въ городъ, въ ногу. Такъ какъ воспитанниковъ со мною было много, то воспитанники С. и Ш. предложили раздѣлить всѣхъ на два отряда: одинъ велъ Ш. впереди, другой—С.; при этомъ отдѣленіи былъ и я. Ш. съ своимъ отдѣленіемъ шелъ скорѣе и нѣсколько опередилъ насъ. Вдругъ слышимъ мы—оттуда доносится: здравія желаемъ, ваше превосходительство. «Вѣрно попечитель встрѣтился», заговорили воспитанники нашего отдѣленія, подтянулись, приободрились... Подъѣзжаетъ попечитель въ коляскѣ. По командѣ С., воспитанники быстро выровнялись въ двѣ шеренги лицомъ къ попечителю. Онъ приказалъ кучеру остановиться. «Здравствуйте, дѣти!»—Здравія желаемъ, ваше превосходительство. Попечитель подозвалъ меня къ себѣ, спросилъ, откуда мы, съ кѣмъ идетъ первый отрядъ, и снова привѣтливо раскланялся съ воспитанниками. Несомнѣнно, что очень расположенный ко мнѣ Н. М. Коншинъ, съ которымъ мы вмѣстѣ трудились въ Твери надъ изданіемъ «Домостроя» попа Сильвестра, и баронъ А. И. Рейхель хорошо отрекомендовали меня попечителю; но думаю, что и этотъ случай не мало способствовалъ моему повышенію. Съ повышеніемъ попечитель поздравилъ меня по военному.

Въ Москвѣ въ это время (въ 1852 году) устроена была интересная сельско-хозяйственная выставка въ манежѣ. Повели и мы туда своихъ воспитанниковъ. Пришли въ манежъ, ходимъ чинно парами, осматриваемъ. Вдругъ шопотъ: «попечитель, попечитель!» Воспитанники подтянулись. Попечитель поровнялся съ нами и, подавая мнѣ руку,—сказалъ: «Здравствуйте, инспекторъ». Воспитанники, какъ и я самъ, полагали, что попечитель принялъ меня за нашего инспектора В. В. Авилова, хотя смѣшать насъ было трудно. Когда мы вышли изъ манежа, я увидѣлъ, что нашъ директоръ шелъ по тротуару. Вѣроятно, услышавъ мѣрный шагъ воспитанниковъ, онъ посмотрѣлъ въ нашу сторону и знакомъ подозвалъ меня къ себѣ. Я разсказалъ ему встрѣчу нашу съ попечителемъ и прибавилъ: вѣроятно, г. попечитель принялъ меня за инспектора, смѣшалъ меня съ В. В. Авиловымъ.—«Нѣтъ, грустнымъ голосомъ сказалъ мнѣ баронъ Рейхель, не смѣшалъ, а поздравилъ. Владиміръ Ивановичъ беретъ васъ отъ меня, онъ назначаетъ васъ кудо-то инспекторомъ и завтра проситъ васъ къ себѣ, чтобы объявить о назначеніи. Мнѣ такъ тяжело разставаться съ вами,—вы мнѣ оказывали такую большую помощь. Но что̀ дѣлать?»

На другой день, 6-го октября, я явился къ попечителю. Онъ встрѣтилъ меня очень ласково.

— Я назначаю васъ инспекторомъ. Я обѣщалъ Смоленскому

директору Философову дать ему хорошаго инспектор
бы, чтобы вы ѣхали въ Смоленскъ. Но Ярославскі
Коншинъ проситъ назначить васъ къ нему въ инсп
боръ я предоставляю вамъ, хотя бы и желалъ, что
инспекторомъ въ Смоленской гимназіи. Подумайте и
куда вы желаете.

Я зналъ хорошо Н. М. Коншина, желалъ бы служ
но мнѣ не безъизвѣстно было, что, съ моимъ назначен
славль, потеряетъ мѣсто инспекторъ, бывшій прежде
телемъ; и потому, недолго раздумывая, я отвѣтилъ:

— Я поѣду въ Смоленскъ, согласно желанію ваш
дительства.

— Ну, очень радъ. Сегодня же состоится ваше н
товьтесь въ путь, тамъ директоръ очень нуждается
номъ и надежномъ помощникѣ.

Пожавъ мнѣ крѣпко руку, попечитель простился

Въ послѣднее воскресенье передъ моимъ отъѣздомъ
неожиданно для меня, въ гимназической церкви пос
распоряженію директора, служили напутственный д
бенъ. А. И. Рейхель и воспитанники тепло и сердечн
со мною. Видно, сердце у А. И. Рейхеля не замуштр
ною дисциплиною и осталось при немъ теплое и от

Такое же доброе и отзывчивое сердце нашелъ я
директора изъ военныхъ, у директора Смоленской г
Философова. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспомин
временную, къ сожалѣнію, совмѣстную службу съ ни
сился ко мнѣ просто, честно, подружески.

Почитаю здѣсь умѣстнымъ сказать нѣсколько сл
обвиненія, возводившагося на В. И. Назимова, как
округа, за назначеніе имъ директоровъ гимназіи и
«Самъ бурбонъ, изъ бурбоновъ и назначаетъ». Сложи
то время между педагогами Московскаго учебнаго
поговорка: directores nascuntur, inspectores fiunt (ди
дятся, инспекторовъ назначаютъ). Но какъ я убѣди
мѣровъ барона Рейхеля и Философова, В. И. Назим
въ директора людей честныхъ, сердечныхъ и усердн
съ пользою служили начальниками учебныхъ заве
того, впослѣдствіи увидимъ, что онъ представлялъ
и инспекторовъ. Стало быть, это обвиненіе не имѣ
ныхъ основаній. При Смоленской гимназіи былъ бла
сіонъ, а при гимназіяхъ, гдѣ были благородные пан
почетные попечители, избираемые дворянствомъ н
число лѣтъ. Почетные попечители иные ничего не
лялсь только въ торжественныхъ случаяхъ, такъ
ники пансіона, увидѣвъ на гимназическомъ актѣ ос

торскомъ мундирѣ, съ удивленіемъ спрашивали: кто это? Иные почетные попечители ограничивали свою дѣятельность вниманіемъ къ воспитанникамъ, выражавшимся въ присылкѣ имъ конфектъ, въ устройствѣ елокъ и т. п. Были и такіе, которые желали играть первую роль, роль начальника, къ которому въ праздники являлись бы въ мундирахъ и директоръ, и инспекторъ, и учителя,—такіе нерѣдко вмѣшивались во все, дѣлали грозный окрикъ на учителей и надзирателей, а если поддастся, то и на директора. Къ числу такихъ почетныхъ попечителей принадлежалъ и Смоленскій графъ Б. При прежнемъ директорѣ, который страдалъ запоемъ и не посѣщалъ гимназіи, при инспекторѣ, любившемъ играть въ карты и просиживавшемъ ночи напролетъ въ клубѣ, графъ Б. привыкъ распоряжаться въ гимназіи, распекалъ всѣхъ, грозилъ учителямъ: «я васъ выгоню, стоитъ только съѣздить къ попечителю округа», словомъ былъ полновластнымъ хозяиномъ гимназіи.

Новый директоръ, Философовъ, къ счастію, былъ старый товарищъ графа Б. по кадетскому корпусу и былъ съ нимъ на ты. Какъ стараго товарища, встрѣтилъ его въ сущности добродушный, только крайне честолюбивый и не обладавшій тактомъ графъ Б. съ распростертыми объятіями. Меня онъ тоже встрѣтилъ привѣтливо,—онъ зналъ меня, когда я шесть лѣтъ тому назадъ былъ учителемъ греческаго языка въ Смоленской гимназіи. И у насъ образовалось довольно согласное тріо. Почетный попечитель, не желая обидѣть своего кадетскаго товарища, не вмѣшивался слишкомъ усердно въ дѣла, хотя и подавалъ директору совѣты въ родѣ такихъ: «А учителя Г., братъ, нужно непремѣнно выгнать: онъ пьяница страшный, у него, посмотри, отъ пьянства носъ красный». Въ дѣйствительности же учитель Г. только и пилъ, что чай съ вареньемъ, ни водки, ни вина въ ротъ не бралъ, но былъ очень невзраченъ: безъ руки, лицо угреватое, носъ сизо-красный, но человѣкъ былъ добрый, веселый, сердечный и учитель знающій, усердный и энергическій. На такіе совѣты директоръ отвѣчалъ: «Погоди, братъ, дай всмотрѣться», и графъ Б. успокоивался. Все шло на первыхъ порахъ тихо и гладко.

По порученію директора, въ первый годъ инспекторской службы я ѣздилъ въ Москву для закупокъ по пансіону и для доклада попечителю округа о нѣкоторыхъ дѣлахъ. Здѣсь я еще лучше могъ узнать В. И. Назимова. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково, расцѣловался со мною, выслушивалъ внимательно, и вотъ что меня поразило при этомъ объяснепіи. Въ жару разговора, я, позабывшись, разъ назвалъ его не ваше превосходительство, а просто Владиміръ Ивановичъ, какъ мы обыкновенно называли попечителя въ разговорахъ съ директоромъ Философовымъ. И каково же было мое удивленіе! Владиміръ Ивановичъ взглянулъ на меня при этомъ, подалъ мнѣ руку и крѣпко пожалъ мою. Это ли не сердечность?

Къ сожалѣнію, спокойствіе въ Смоленской гимназіи продолжалось недолго. Что̀-то вышло между женами почетнаго попечителя и директора. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, идемъ мы съ директоромъ въ пансіонъ,—оттуда отъѣзжаетъ почетный попечитель и, отворотившись, проѣзжаетъ мимо насъ.

— Что̀ это значитъ, Михаилъ Александровичъ?—спрашиваю я.

— Не понимаю, только ясно, что Б. отвернулся съ намѣреніемъ. То-то съ нѣкотораго времени онъ что̀-то не посѣщаетъ меня, а прежде заѣзжалъ каждый день.

Черезъ недѣлю директоръ получилъ отъ попечителя округа запросъ по поводу донесенія почетнаго попечителя о безпорядкахъ въ гимназіи и пансіонѣ. Это было начало. Затѣмъ пошли доносъ за доносомъ. Почетный попечитель доносилъ попечителю округа, что директоръ Философовъ ничѣмъ не занимается, что если бы не инспекторъ, который очень дѣятеленъ, то и гимназія и пансіонъ пришли бы въ безпорядокъ; но и инспекторъ не можетъ дѣлать многаго, такъ какъ директоръ не даетъ ему воли.

Одновременно съ этими донесеніями почетнаго попечителя, приходилъ ко мнѣ одинъ знакомый дворянинъ, который былъ близокъ къ графу Б. и старался вооружить меня противъ директора, разсказывая, между прочимъ, какъ дурно обо мнѣ отзывается Философовъ и какъ отлично говоритъ обо мнѣ графъ Б. Этотъ подсылъ возмутилъ меня. До тѣхъ поръ я не дѣйствовалъ, съ этого же времени открыто сталъ на сторону директора. Я отправился къ губернскому предводителю князю М. В. Друцкому-Соколинскому, и просилъ его откровенно сказать мнѣ, доволенъ ли онъ гимназіею и пансіономъ. Князь отвѣчалъ мнѣ: «очень доволенъ, хочу даже сына моего отдать къ вамъ въ пансіонъ». Тогда я разсказалъ ему объ отношеніяхъ почетнаго попечителя къ директору и просилъ его, не найдетъ ли онъ возможнымъ и справедливымъ, какъ губернскій предводитель, написать письмо директору и выразить ему свое удовольствіе веденіемъ дѣлъ въ благородномъ при гимназіи пансіонѣ. Князь М. В. Друцкій-Соколовскій изъявилъ полное согласіе, и на другой же день прислалъ директору письмо, въ которомъ благодарилъ отъ лица родителей-дворянъ за отличное состояніе пансіона. Это письмо, шедшее совершенно въ разрѣзъ съ донесеніями почетнаго попечителя, директоръ въ подлинникѣ препроводилъ къ попечителю округа. Кромѣ того, я открыто сталъ говорить въ обществѣ о дѣйствіяхъ почетнаго попечителя.

Разгнѣванный этимъ, графъ Б. перемѣнилъ тактику. Теперь онъ доносилъ попечителю округа преимущественно на меня. Онъ доносилъ, что инспекторъ забралъ въ руки директора и вертитъ всѣмъ, что и въ гимназіи, и въ пансіонѣ, безпорядокъ, что посѣтивъ ночью благородный пансіонъ такого-то числа, онъ нашелъ много безпорядковъ, даже дежурнаго надзирателя нашелъ спя-

щимъ. Вслѣдствіе этого донесенія, попечитель округа прислалъ предписаніе, въ которомъ дѣлалъ замѣчаніе директору и строгій выговоръ инспектору за найденные почетнымъ попечителемъ безпорядки въ пансіонѣ. Какъ ни стѣснялся благородный М. А. Философовъ объявлять мнѣ эту бумагу, но я, замѣтивъ, что онъ сконфуженъ и скрываетъ отъ меня что-то, прямо спросилъ: «Не полученъ ли выговоръ мнѣ отъ попечителя округа?»—«Вы почемъ знаете», съ удивленіемъ спросилъ директоръ.—«Видѣлъ во снѣ и во снѣ читалъ бумагу отъ попечителя со строгимъ выговоромъ мнѣ». Дѣйствительно, я видѣлъ такой сонъ, вѣроятно, потому, что ожидалъ непріятностей. По поводу этого предписанія попечителя округа я представилъ объясненіе, въ которомъ высказалъ, что безпорядковъ никакихъ почетный попечитель въ пансіонѣ во время посѣщенія ночью не нашелъ, что видно и изъ самаго донесенія почетнаго попечителя, такъ какъ онъ ни на какіе безпорядки не указываетъ, кромѣ того, что «даже надзирателя засталъ спящимъ», но надзирателямъ и не вмѣнено въ обязанность не спать. Затѣмъ я объяснилъ, что въ это свое ночное посѣщеніе почетный попечитель сдѣлалъ безпорядокъ въ пансіонѣ, потому что распекалъ надзирателя, сталъ на него кричать и своимъ крикомъ разбудилъ и напугалъ воспитанниковъ, что объ этомъ шумѣ, произведенномъ почетнымъ попечителемъ, я въ тотъ же день доложилъ директору.

Частыя и многословныя донесенія графа В. побудили попечителя округа поспѣшить пріѣздомъ въ Смоленскъ, куда онъ обѣщалъ пріѣхать, еще прощаясь со мною въ послѣдній разъ въ Москвѣ.

Вѣсть о пріѣздѣ попечителя округа распространилъ, помнится, почетный попечитель. Эта вѣсть нагнала порядочный страхъ на учительскій персоналъ: боялись вліянія графа Б., который уже многимъ давно грозилъ, что ихъ выгонятъ, только бы ему увидѣться съ попечителемъ округа. Памятна мнѣ комическая сцена, которой я самъ былъ свидѣтелемъ. Прихожу я въ учительскую и вижу: стоитъ передъ зеркаломъ учитель Г., тотъ самый, изгнанія котораго желалъ графъ Б., укоризненно качаетъ головою и говоритъ:

— Ахъ ты рожа, рожа! Вотъ пріѣдетъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, посмотритъ на тебя и скажетъ: гоните вонъ эту красноносую, угреватую рожу,—видно, что пьетъ горькую.

Пріѣхалъ попечитель округа въ Смоленскъ. Мы отправились къ нему вмѣстѣ съ директоромъ. Доложили о нашемъ приходѣ, ждемъ въ залѣ. Выходитъ попечитель, подходитъ къ директору, здоровается съ нимъ и ведетъ его въ кабинетъ. На меня и не посмотрѣлъ, какъ-будто вмѣсто меня тѣнь стояла. Минутъ черезъ десять, поговоривъ, конечно, обо мнѣ съ директоромъ, попечитель выходитъ, радушно подаетъ мнѣ руку, цѣлуется со мною и

пробѣжалъ глазами, вижу—то же, что̀ онъ говорилъ. Тогда я и принялся на него кричать, отдѣлывать его по-военному. Онъ было въ графскую амбицію вломился. Ваше превосходительство, говорить, прикладывая руку къ уху, я немного крѣпокъ на ухо, говорите погромче, погромче. Что̀? крикнулъ я на него, молчать, руки по швамъ! Я говорю вамъ, какъ генералъ-адъютантъ моего всемилостивѣйшаго государя. Ну, и отдѣлалъ молодца по-свойски. Скажите пожалуйста. Выдумалъ этакую клевету, а еще руку къ уху, «я крѣпокъ на ухо». Будетъ онъ помнить.

Разсказавъ о почетномъ попечителѣ, В. И. обращается ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Ну, какъ вы здѣсь поживаете? Довольны службою?

— Нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я,—недоволенъ.

— Чѣмъ же?

— Какъ мнѣ быть довольнымъ? Пока я былъ учителемъ, я не только не слыхалъ выговора или замѣчанія, даже косого взгляда не видалъ отъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, а при первомъ шагѣ на мѣстѣ начальника, я имѣлъ несчастіе получить письменный строгій выговоръ.

— Отъ кого это?

— Отъ вашего превосходительства.

— Вотъ охота вамъ обращать вниманіе на мое письменное предписаніе и принимать къ сердцу. Вы бы плюнули на мою бумагу.—Вы знаете, что я васъ люблю и уважаю. Ну, довольны теперь?.

— Не совсѣмъ, ваше превосходительство.

— Что̀ же вамъ еще нужно?

— Я имѣлъ несчастіе получить письменный выговоръ.

— А! понимаю. Завтра же Михаилъ Александровичъ получитъ отъ меня бумагу. Довольны теперь?

— Мнѣ остается только благодарить ваше превосходительство за ваше лестное, дорогое вниманіе ко мнѣ.

Такъ и хотѣлось тогда разцѣловать этого суроваго, жесткаго попечителя: столько простоты и сердечности было въ его словахъ, а черты лица его сдѣлались какъ-будто мягкими и нѣжными.

На другой день, 9-го ноября 1853 г., получено было на имя директора слѣдующее предложеніе попечителя округа за № 510-мъ.

«При обозрѣніи моемъ здѣшней губернской гимназіи и принадлежащаго ей благороднаго пансіона, переведеннаго въ корпусъ гимназіи по неудобствамъ и ветхости прежняго зданія, я усмотрѣлъ слѣдующее:

«Не взирая на тѣсное помѣщеніе учениковъ, въ заведеніи содержится примѣрная чистота и порядокъ; у самихъ учениковъ веселый и смѣлый взглядъ, непринужденность и находчивость въ отвѣтахъ; содержаніе ихъ, какъ въ отношеніи одежды, такъ и

въ Смоленскъ инспектора казенныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа П. К. Өедорова, «чтобы, какъ сказалъ мнѣ самъ П. К., защищать меня отъ нападеній почетнаго попечителя», и продержалъ его въ Смоленскѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ. П. К. Өедоровъ сильно скорбѣлъ и жаловался на эту бездѣйственную жизнь вдали отъ дѣтей; онъ пріѣхалъ съ одною женой, и говорилъ: «Къ чему Владиміръ Ивановичъ прислалъ меня, вы и сами съ зубами, и сами отлично отгрызаетесь». Управлялъ все это время гимназіею и дирекціею я, а инспекторъ казенныхъ училищъ состоялъ какъ бы въ резервѣ, на случай. Нельзя не видѣть и въ этомъ фактѣ мягкости В. И. Назимова и его сердечной заботливости о своихъ подчиненныхъ. Наконецъ, и П. К. Өедоровъ уѣхалъ въ Москву, вѣроятно, убѣдивъ попечителя округа, что я и самъ слажу, что графъ В. не съѣстъ меня. Остался я одинъ, и графъ В., вслѣдствіе своихъ крайне несдержанныхъ доносовъ, вынужденъ былъ оставить постъ почетнаго попечителя. Онъ поступилъ въ ополченіе и скончался чуть ли не на второмъ переходѣ. Миръ его душѣ! Онъ былъ добрый человѣкъ, но увлекающійся, крайнее самолюбіе не давало ему покоя.

На первомъ же дворянскомъ собраніи, бывшемъ послѣ этой долго тянувшейся борьбы съ почетнымъ попечителемъ, въ февралѣ 1855 г. мнѣ поднесенъ былъ отъ смоленскаго дворянства адресъ слѣдующаго содержанія [1]).

«На сихъ дняхъ разнеслись слухи, что вы оставляете Смоленскую губернскую гимназію, въ благородномъ пансіонѣ которой получаютъ воспитаніе наши дѣти. Эти слухи огорчили, скажемъ болѣе, поразили родителей, ввѣрившихъ своихъ дѣтей вашему попоченію. Скорбь ихъ, которой они не въ силахъ были выразить, нынѣ достигла до губернскаго стола Дворянскаго Собранія. При семъ случаѣ и губернскій предводитель, какъ постоянный свидѣтель вашихъ неусыпныхъ трудовъ къ пользѣ ввѣреннаго вамъ юношества и горячей любви къ дѣтямъ, долгомъ почелъ съ своей стороны выразить передъ собраніемъ великую потерю для благороднаго пансіона, если вы его оставите. Просьбы родителей слились съ просьбами всѣхъ дворянъ и выразились единогласнымъ возгласамъ: просить Петра Дмитріевича остаться у насъ, не покидать дѣтей нашихъ. Просимъ, покорнѣйше просимъ гг. предводителей дворянства упросить отъ всѣхъ насъ Петра Дмитріевича не оставлять благороднаго пансіона.

«Петръ Дмитріевичъ! Эти строки суть слѣдствія общаго желанія дворянства и каждаго изъ насъ.

«Пансіонъ, подъ управленіемъ вашимъ, въ глазахъ нашихъ до-

---

[1]) Въ это время по городу разнесся слухъ, будто меня переводятъ инспекторомъ въ одну изъ московскихъ гимназій.

стигъ своего назначенія. Вы съумѣли развить въ сердцахъ дѣтей зародышъ святого чувства любви къ вѣрѣ, престолу и родинѣ. Вы указываете имъ стезю чести, по которой долженъ идти русскій дворянинъ. Ваша любовь къ дѣтямъ сдѣлала для нихъ трудъ науки пріятнымъ и дорогимъ. Изъ любви къ вамъ они сохраняютъ, какъ святыню, высокія правила нравственности, которыя вы внушаете имъ словомъ и прекраснымъ своимъ примѣромъ. Ваше безотлучное присутствіе въ пансіонѣ, полное участія и любви къ дѣтямъ, до того сроднило ихъ съ вами, что они не могутъ вообразить себя безъ васъ.

«Вотъ наши и всего дворянства нелицемѣрныя чувства и истинныя убѣжденія. Ежели особенныя и неизвѣстныя намъ служебныя причины вамъ не препятствуютъ, то мы всепокорнѣйше просимъ васъ не оставлять управленія пансіона, который столь высоко поставленъ вашими неутомимыми о немъ заботами и попеченіями».

Адресъ подписанъ губернскимъ предводителемъ княземъ М. Друцкимъ-Соколинскимъ и всѣми уѣздными предводителями дворянства [1]).

Въ первый день свѣтлаго праздника получено мною отъ попечителя округа письмо, въ которомъ г. попечитель весьма рѣзко дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе, поставляя на видъ, что мнѣ не слѣдовало принимать адреса отъ дворянства безъ разрѣшенія своего начальства, что въ этомъ адресѣ смоленское дворянство выбираетъ меня въ безсмѣнные инспектора или директора, тогда какъ оставленіе меня на службѣ въ Смоленской гимназіи зависитъ не отъ дворянства, а отъ учебнаго начальства и т. д. Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось этого письма: содержаніе письма, полученнаго въ такой великій праздникъ, такъ меня возмутило, что, каюсь, я изорвалъ его въ кусочки. Теперь дорого бы далъ, если бы оно было у меня, чтобы я могъ привести оное дословно. Я отвѣчалъ попечителю округа на это суровое письмо изложеніемъ всего хода дѣла, какъ совершенно неожиданно для меня все это случилось. Сидѣлъ я на урокѣ въ Заднѣпровскомъ приходскомъ училищѣ, вдругъ ко мнѣ явились два дворянина въ мундирахъ, и отъ имени дворянъ пригласили меня «къ столу Дворянскаго Губернскаго собранія».

Въ прежнее время не разъ случалось, что директоровъ приглашали къ столу Дворянскаго Губернскаго собранія для выраженія неудовольствія дворянства за плохое веденіе хозяйства въ благородномъ пансіонѣ, существовавшемъ на счетъ дворянства, за неудовлетворительное нравственное состояніе пансіона и т. п. По-

---

[1]) Этотъ лестный для меня адресъ я не представлялъ никуда, но губернскій предводитель препроводилъ копію съ адреса попечителю московскаго учебнаго округа.

нятно, что въ видахъ прошедшихъ столкновеній съ почетнымъ попечителемъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ большую партію, мнѣ естественно было подумать, что и меня ожидаетъ непріятный сюрпризъ у стола Дворянскаго Губернскаго собранія. Не ѣхать значило вооружать противъ себя дворянство. Я поѣхалъ.

При моемъ появленіи въ залѣ, губернскій предводитель попросилъ меня къ столу и затѣмъ сказалъ секретарю дворянства: «читайте». И секретарь сталъ читать извѣстный теперь г. попечителю адресъ; по прочтеніи адресъ былъ врученъ мнѣ губернскимъ предводителемъ. Я былъ глубоко взволнованъ и тронутъ этимъ адресомъ, и, по врученіи его мнѣ, сердечно благодарилъ дворянство Смоленской губерніи за лестное вниманіе, мнѣ оказанное, и, сказавъ при этомъ краткую прочувствованную рѣчь, заключилъ ее такими словами: «Адресъ благороднаго смоленскаго дворянства я сохраню, какъ драгоцѣнный памятникъ, и передамъ его въ наслѣдство моимъ дѣтямъ». Я спрашивалъ въ письмѣ г. попечителя округа, какъ же я могъ не принять адреса? Неужели мнѣ слѣдовало сказать тутъ же при всемъ собраніи дворянства: не читайте, не подавайте мнѣ адреса, я прежде спрошу разрѣшенія моего начальства.

На это письмо отвѣта, конечно, не послѣдовало. Ходили слухи, что попечитель московскаго округа, получивъ отъ смоленскаго губернскаго предводителя копію адреса, мнѣ поданнаго, и отвѣтивъ и губернскому предворителю и мнѣ суровыми письмами [1]), предлагалъ мѣсто директора смоленской гимназіи поочередно всѣмъ московскимъ инспекторамъ, имѣя намѣреніе, на зло дворянству, перевести меня въ Москву. Но всѣ инспектора московскихъ гимназій отказались отъ мѣста Смоленскаго директора. Такъ дѣло о назначеніи директора въ Смоленскъ и замолкло. Одинъ изъ дворянъ Смоленской губерніи, служившій прежде въ военной службѣ и имѣвшій рекомендательныя письма къ В. И. Назимову, ѣздилъ въ Москву просить мѣсто директора смоленской гимназіи. Попечитель московскаго учебнаго округа принялъ его ласково, но на его просьбу отвѣтилъ лаконически: «Тамъ директоръ есть». Этотъ отвѣтъ попечителя сдѣлался извѣстенъ въ Смоленскѣ, и пошли толки, что безъ сомнѣнія попечитель разумѣлъ меня, и что, конечно, я и останусь директоромъ, тѣмъ болѣе, что исправляю директорскую должность около двухъ лѣтъ [2]).

---

[1]) Князь М. В. Друцкій-Соколинскій очень оскорбился полученнымъ отъ попечителя письмомъ и хотѣлъ отвѣчать рѣзко; но я упросилъ его не отвѣчать, опасаясь, что его отвѣтъ можетъ вредно отозваться на мнѣ.

[2]) Съ 15 декабря 1853 по 8 февраля 1855 безмездно, такъ какъ директоръ считался на службѣ, а съ 8 февраля по 6 декабря 1855 г. съ полученіемъ содержанія.

ПО ЮЖНО-УССУРІЙСКОМУ КРАЮ[1]).

II.

Казачиною или «заповѣдною казацкою землею» недавно еще стала зваться пограничная съ Манчжуріею полоса Южно-Уссурійскаго края, населенная преимущественно казаками Уссурійскаго войска. Пришедши сюда съ праваго берега Уссури въ 1879 году, немногочисленные казаки образовали рядъ станицъ въ пограничномъ раіонѣ отъ озера Ханка до рѣки Суйфуна. Сознавая важность прикрытія границы не столько колоніями переселенцевъ, сколько станицами пригодныхъ къ военной службѣ казаковъ, мѣстная администрація думала искусственно усилить численность этихъ послѣднихъ, переименовавъ въ казаки крестьянъ изъ деревень пограничнаго раіона. Мѣра эта, неприведенная правда въ исполненіе, принесла нѣкоторыя непріятныя послѣдстія для правильной колонизаціи края. Переселенцы, было обосновавшіеся въ «заповѣдныхъ казацкихъ земляхъ», каковыми считалась пограничная полоса верстъ 25—50 въ ширину, изъ боязни быть перечисленными въ казаки, покинули насиженныя мѣста и подвинулись въ глубь страны къ большому почтовому тракту, еще болѣе разрѣдивъ и безъ того скудное населеніе края.

— Чего же ты не захотѣлъ идти въ казаки?—спросилъ я своего новаго возницу на пути въ казачину.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 435.

— Мы люди вольные,—отвѣчалъ онъ напрямикъ,—а казакъ тотъ же солдатъ; ни воли нѣтъ у него, ни свободушки; ихняго брата совсѣмъ нѣмецъ заѣлъ, — прибавилъ еще вполголоса мой ямщикъ.

Грѣха нечего таить, подумалъ я про себя, внутренно соглашаясь съ мнѣніемъ крестьянина. Чего ради въ самомъ дѣлѣ въ Уссурійскомъ казачьемъ войскѣ такъ много нѣмцевъ, которыхъ такъ недолюбливаетъ и крестьянинъ, и казакъ? Нечего и говорить о томъ, что не въ нѣмцахъ тутъ дѣло, но стоитъ только припомнить фамиліи начальствующихъ лицъ всего Пріамурскаго края, чтобы не сознаться, что правъ отчасти крестьянинъ, въ простотѣ своихъ нехитрыхъ мыслей всѣ неурядицы сваливающій на не полюбившихся ему нѣмцевъ. Недостатокъ чисто-русскихъ, энергичныхъ, преданныхъ душою дѣлу и относящихся тепло къ меньшему брату, дѣятелей слишкомъ ощутителенъ въ краѣ, гдѣ такъ заботливо насаждается рукою правительства чисто-русское населеніе; какъ бы высоко во всѣхъ отношеніяхъ не стоялъ власть имущій иностранецъ, хотя бы только по имени, долго еще въ глазахъ простого русскаго человѣка онъ не будетъ пользоваться тѣмъ престижемъ, который привлекаетъ невольно сердца.

Версты не считаны по тѣмъ проселкамъ, по которымъ приходится пробираться въ казачинѣ, но все-таки не мало ихъ мы проѣхали, пока добрались до большой деревни Жарикова, лежащей къ юго-западу отъ Камня-Рыболова. Глухою ночью мы пріѣхали сюда насквозь пронизанные сыростью холодной ночи, забрызганные грязью, усталые и голодные. Деревня разумѣется спала, и лишь нѣсколько десятковъ быковъ, лежавшихъ на улицѣ передъ избушками, встрѣтило насъ, не охотно, уступая дорогу повозкѣ и лошадямъ.

— Видно здѣсь не боятся тигровъ,—спросилъ я ямщика, пока онъ розыскивалъ такъ называемую земскую квартиру, которая отводится путнику въ каждой деревушкѣ Южно-Уссурійскаго края.

— Не слыхать ихъ давно ужъ тутъ, а вотъ поѣдемъ далѣе въ казачину, тамъ по ночамъ держи ухо востро; еще онамеднясь у казака одного утянули послѣднюю лошадь. По уваламъ больше тигра живетъ, не любитъ онъ «вольной степы».

Жариково населено еще крестьянами, а не казаками; изъ боязни быть перечисленными въ эти послѣдніе, отсюда еще недавно ушло нѣсколько семей, поселившихся на среднемъ Суйфунѣ. Мѣстность кругомъ хлѣбородная, урожаи хороши, скота много, лѣсъ не особенно далеко—всѣ данныя есть для того, чтобы процвѣтать деревнѣ, но она еще многаго оставляетъ желать. Есть что-то общее для русскихъ деревень края, даже обезпеченныхъ всякими угодіями, и это общее сказывается прежде всего въ какой-то неу-

съ тѣми, при какихъ доселѣ пахали землю у себя на родинѣ наши переселенцы,—но не надо забывать по пословицѣ, что первый блинъ всегда комомъ. Поживутъ еще нѣсколько годковъ жалующіеся на природу, еще скучающіе по родинѣ мужички, пооcмотрятся, подъучатся, попримѣтятъ—и пойдетъ хозяйство поглаже у нихъ. Стоитъ только посмотрѣть на села, которыя подольше обосновались въ краѣ, и поймешь сразу, что они живутъ и не тужатъ, хотя у нихъ земля такая же, какъ и у новоселовъ. Тоже можно увидать и у казаковъ—однихъ изъ самыхъ первыхъ русскихъ насельниковъ края. Они присмотрѣлись къ окружающей ихъ мѣстности и природѣ до того, что имъ, какъ и корейцамъ, самымъ древнимъ обоpигенамъ края, удается все, и если бы окончились всякія передряги, до настоящаго времени смущающія казачину, она дала бы еще въ десять разъ болѣе того, что она представляетъ теперь.

Отъ Жарикова до Барабашевой Левады и урочища Атамановскаго будетъ, по моему, никакъ не менѣе 40 или 45 верстъ. Отъ полудня мы ѣхали очень порядочно, бодро поднимались и опускались по уваламъ и все-таки прибыли въ Леваду лишь позднимъ вечеромъ, остановившись всего часа два на дорогѣ. Красоты природы на этомъ перегонѣ не настолько хороши, чтобы ихъ можно было живописать, но за то охота въ этихъ мѣстахъ такая, какой далеко не вездѣ можно сыскать. На пути отъ Жарикова въ Леваду, даже не имѣя никакой особенной страсти или желанія стрѣлять, я принужденъ былъ все-таки не покидать своего дробовика, такъ какъ разнообразная дичь, можно сказать, сама просилась на выстрѣлъ. Помимо цѣлаго десятка фазановъ, настрѣленныхъ нами въ два ружья съ возницею, мнѣ удалось еще свалить великолѣпную козулю, которая выпрыгнула чуть не подъ ноги нашимъ лошадямъ, а за тѣмъ, испугавшись, забилась въ кусты вмѣсто того, чтобы бѣжать. Пуля берданки убила ее на повалъ, мой возница опытною рукою началъ снимать шкуру еще съ теплаго и дымящагося мяса, но оно такъ трепетало подъ ножемъ, что дальнѣйшая операція была оставлена, и мы ограничились лишь тѣмъ, что взвалили добычу на телѣгу и повезли съ собою въ Леваду. Но и этими трофеями не окончились наши охотничьи подвиги; мой возница, пользуясь двухчасовою остановкою для корма коней, успѣлъ подстрѣлить еще пару жирныхъ куропатокъ. Помимо этихъ успѣшныхъ выстрѣловъ, давшихъ намъ хорошую добычу, оба мы еще не мало пропуделяли по дичи болѣе осторожной и не шедшей глупо подъ выстрѣлъ.

Хотя большая деревня Барабашево-Левада и стоитъ въ самой казачинѣ, но она подобно Жарикову населена крестьянами и можетъ похвастаться также всевозможными угодіями, которыми человѣкъ еще не съумѣлъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ. Такъ какъ здѣсь, повидимому, на природу жаловаться было нельзя, а хны-

бы очистить мѣсто русскому «капитану». Желая познакомиться поближе съ крайне меня интересовавшими манзами, я приказалъ старику не безпокоить ради меня ранѣе насъ прибывшихъ путниковъ, сѣлъ къ огоньку на разосланную мнѣ медвѣжью шкуру и сталъ ожидать приготовленія мнѣ ужина и чая по китайскому образцу, присматриваясь къ кружку оборванныхъ и не особенно привѣтливыхъ съ виду китайцевъ, которые видимо боялись меня, какъ русскаго чиновника, всегда грознаго для нихъ, по всей вѣроятности, безпарспортныхъ, голодныхъ и безпріютныхъ бродягъ, я замѣтилъ одного старика, какъ-то особенно выгодно отличавшагося отъ прочихъ. Высокій, стройный, мускулистый, онъ не прятался отъ моихъ глазъ, а глядѣлъ мнѣ прямо въ лицо, словно желая чтò-то спросить. Знаками я пригласилъ его сѣсть поближе ко мнѣ, надѣясь разговориться съ нимъ при помощи моего проводника, не много мароковавшаго по-китайски. Къ удивленію моему, старый китаецъ, подошедшій ко мнѣ съ великимъ почтеніемъ по приглашенію, вдругъ довольно хорошо заговорилъ со мною на томъ смѣшанномъ русско-китайскомъ нарѣчіи, которымъ говорятъ между собою русскіе и китайцы отъ Туркестана и Кяхты до Владивостока. Собесѣдникъ мой оказался тѣмъ человѣкомъ, который могъ быть наиболѣе пригоденъ мнѣ при странствованіяхъ моихъ по пограничной тайгѣ, и я черезъ полчаса знакомства съ нимъ уже составилъ въ головѣ планъ, чтобы овладѣть этимъ манзою и эксплоатировать его въ качествѣ охотника и проводника. Я сообщилъ свой планъ моему спутнику изъ Левады и тотъ одобрилъ его, сообщивъ мнѣ, что словоохотливый китаецъ, нашъ новый знакомый, своего рода знаменитость, первый охотникъ между пограничными манзами— Тунли. Такъ какъ около трехъ недѣль дальнѣйшаго моего путешествія по краю было связано самымъ тѣснымъ образомъ съ этимъ новымъ знакомцемъ, которому я обязанъ очень многимъ, я позволю себѣ въ нѣсколькихъ словахъ очертить интересную и оригинальную личность Тунли.

Тунли представлялъ образецъ того любопытнаго и вымирающаго типа лѣсного бродяги, который я встрѣчалъ и въ Лапландіи, и на Уралѣ, и въ Обонежьѣ, и на Кавказѣ, и въ Алжиріи, и на Таврѣ — вездѣ, гдѣ остаются еще цѣлыми дремучіе заповѣдные лѣса. Хитрость китайца, чутье собаки, глазъ сокола, ухо зайца и ловкость тигра — вотъ качества, какія чуть не отъ рожденія пріобрѣлъ и унаслѣдовалъ Тунли. Сынъ дикой Манчжуріи, не трусливый китаецъ родомъ, онъ былъ настоящимъ царемъ идущей по верховьямъ Суйфуна тайги. Человѣкъ и звѣрь соединились въ немъ, но звѣрь не заглушилъ человѣка. Старый ловецъ звѣрей былъ прежде всего человѣкомъ; его сердце было отзывчиво къ нуждамъ ближняго, кто бы ни былъ то—свой, инородецъ, или русскій человѣкъ; старымъ дѣдомъ и отцомъ называли его безпріютные, оди-

болѣе, что онъ такъ горячо мнѣ рекомендовалъ Тунли, что трудно было съ нимъ не согласиться. И такъ я очутился въ своемъ дальнѣйшемъ путешествіи по уваламъ и тайгѣ пограничной полосы совершенно одинъ, въ сообществѣ какого-то пока еще совершенно

Засада на тигра.

мнѣ не знакомаго китайца или манчжура, къ которому присоединилось еще двое подозрительныхъ манзъ.

Такъ какъ дальнѣйшія мои странствованія въ теченіе почти трехъ недѣль представляютъ уже не систематическіе переѣзды отъ

утомительные переходы въ первобытномъ лѣсу въ сообществѣ стараго Тунли и двухъ его сотоварищей, которыхъ я тоже скоро полюбилъ. Какъ теперь вижу я, нашъ маленькій, но постоянно оживленный караванъ. Впереди него бѣгутъ, обнюхивая по сторонамъ, двѣ небольшихъ лайки, которыхъ выростилъ и выкормилъ Тунли; старый охотникъ съ ружьемъ наготовѣ идетъ за ними, высматривая слѣды звѣря и человѣка на тропѣ и на сучьяхъ деревьевъ. Вслѣдъ за Тунли верхомъ, или ведя подъ уздцы свою крошечную корейскую лошадку, двигаюсь я, собирая растенія, любуясь разнообразною жизнью тайги, прислушиваясь къ ея многорѣчивымъ голосамъ. Два остальныхъ китайца идутъ сзади, присматривая за вьючною лошадью и оберегая нашъ тылъ. Они также, какъ и старый Тунли, особенно внимательно всматриваются въ пучки растеній, ютящихся у корней великановъ лѣса, полные сладкой надеждой отыскать многоцѣнный корень жизни—женьшень. Опытные охотники за пантами и женьшенемъ, они всю жизнь свою провели въ добываніи того и другого продукта, невѣроятную цѣну которыхъ понимаютъ лишь одни сыны Китая и Манчжуріи.

Однообразно проходятъ дни и недѣли въ этомъ блужданіи по тайгѣ, но сколько чудныхъ воспоминаній, полныхъ дикой поэзіи, оставили они во мнѣ даже послѣ странствованія по роскошнымъ лѣсамъ Японіи и Цейлона. Кочевая жизнь въ лѣсу, ночевки подъ открытымъ небомъ, въ глубинѣ таинственной тайги, у костровъ и въ лѣсныхъ шалашахъ, звѣрованіе, встрѣчи съ дикими звѣрями и не менѣе дикими людьми лѣса—все это представляетъ такой поразительный контрастъ съ жизнью цивилизованнаго человѣка, что, не испытавъ его, даже трудно себѣ вообразить. Утромъ насъ будила рано обыкновенно пронизывающая сырость и прохлада, отъ которой тщетно мы старались уберечься, кутаясь въ свои шубы и пальто. Костерокъ, согрѣвавшій насъ ночью и вечеромъ, такъ располагавшій къ кейфованію и нѣгѣ, подъ утро всегда замиралъ, и тщетно карауливщій манза пытался его поддержать. Мы просыпались нерѣдко подъ ревъ бурановъ и всегда подъ звуки тысячеголосой тайги. Не смотря на свѣжесть утра, дышалось какъ-то легко, по всему тѣлу разливалось столько энергіи, что ее хватало снова на цѣлый день утомительнаго пути. Живо мои манзы разводили новый костеръ, варили рисъ или похлебку, жарили съ вечера еще набитую дичь, приготовляли кипятокъ для чаю, кормили и оправляли лошадей. Не проходило обыкновенно часу, какъ мы уже готовы были снова выступать. Часы до полудня проходили быстро; мои спутники искали слѣдовъ звѣря и женьшеня, а я любовался дикою прелестью лѣса, прислушивался къ его пѣснямъ, наблюдалъ его разнообразную жизнь, а порою погружался въ такое созерцаніе, изъ котораго меня выводили только какія-нибудь замѣчанія

словоохотливаго Тунли. По дорогѣ всѣ мы при случаѣ стрѣляли ту или другую дичь, не брезгуя даже зайцемъ и маленькою лѣсною куропаткою. Къ вечеру нашъ запасъ дичи всегда былъ настолько великъ, что мы могли даже дѣлать выборъ, приготовляя себѣ ужинъ или обѣдъ. Около полудня мы останавливались обыкновенно; привалъ свой пригоняли мы чаще всего къ какому-нибудь весело журчавшему лѣсному ручейку; тутъ мы поили и оставляли своихъ лошадей, готовили себѣ обѣдъ, отдыхали, а часовъ около трехъ снова пускались въ дальнѣйшій путь, и такъ шли до тѣхъ поръ, пока не начинало смеркаться, и въ глухой тайгѣ не становилось такъ темно, что звѣровая тропа пропадала совершенно въ чащѣ. Опытный Тунли и ночлегъ нашъ обыкновенно пригонялъ къ ручейку или къ какому-нибудь охотничьему шалашу, представлявшему кое-какую защиту съ навѣтренной стороны. Снова зажигался костерокъ, ставились неизмѣнные два котелка, варился незатѣйливый ужинъ и самымъ первобытнымъ путемъ обжаривалась настрѣленная дичь. При всѣхъ этихъ приготовленіяхъ не было и намека на какое-нибудь кулинарное искусство; безъ хлѣба, а потомъ и безъ соли, которою не запаслись мы достаточно, съѣдали мы и рисъ, и похлебку, и куски скорѣе обугленнаго и закопченнаго, чѣмъ прожареннаго мяса. Не смотря на это, ужинъ нашъ, запиваемый чаемъ, приготовлявшимся и по русскому и по китайскому способу, былъ всегда однимъ изъ самыхъ пріятныхъ моментовъ дня. Поэтическая обстановка, ясный костерокъ, лѣсные звуки, неумолкающіе даже ночью, пріятная усталость, здоровый аппетитъ и оживленная бесѣда—все это дѣлало вечернюю остановку на ночлегъ настолько пріятною, что даже яркимъ солнечнымъ днемъ невольно мечталось о ней. Цѣлыми часами, нерѣдко за полночь, продолжались наши бесѣды; словоохотливый Тунли разсказывалъ интересные эпизоды изъ своей долгой, богатой приключеніями жизни, о тиграхъ, хунхузахъ—китайскихъ разбойникахъ, о добываніи женьшеня, пантовъ, и о многомъ другомъ, о чемъ знаетъ лишь тайга, да лѣсные бродяги, подобные Тунли. Я слушалъ со вниманіемъ эти простые, полные наивности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго интереса разсказы, и они дополняли во многомъ мои свѣдѣнія о природѣ, и людяхъ этого любопытнаго таёжнаго уголка. Мнѣ не пересказать всего того, что я слышалъ отъ Тунли и его опытныхъ товарищей въ долгіе часы нашихъ бесѣдъ, у костровъ, во мракѣ ночей, подъ легкій шумъ засыпающей тайги, потому что для того понадобилась бы цѣлая книга. Я скажу кратко только, что въ нихъ заключалось цѣлое міросозерцаніе человѣка, проведшаго всю свою жизнь въ общеніи съ природою, которая одна была его матерью, наставникомъ и духовнымъ отцомъ. Всегда полезно и пріятно общеніе съ такими людьми, которые примѣромъ собственной жизни доказываютъ, какъ могучъ даже одинъ предоставлен-

ный самому себѣ человѣкъ въ борьбѣ и союзѣ вмѣстѣ съ всемогущей природой.

Не разъ наши мирныя бесѣды у яркопылающаго костра смущали крики звѣрей, близко подходившихъ къ нашему становищу, не разъ замѣчалъ Тунли, что даже тигръ бродилъ недалеко отъ нашего костерка, и тогда мы проводили часа полтора или два въ довольно сильной ажитаціи, хотя старый охотникъ и успокоивалъ наше смущеніе. Одну ночь мы провели совершенно безъ сна въ ожиданіи нападенія тигра, все время пугавшаго нашихъ собакъ и лошадей; двѣ другихъ ночи мы просидѣли подъ проливнымъ дождемъ, прячась лишь подъ широкія лапы елей и прикрываясь шкурами. Но всѣ эти несовсѣмъ пріятныя приключенія только разнообразили наше звѣрованіе и еще болѣе затягивали меня въ кочевую жизнь.

Черезъ недѣлю своего блужданія по тайгѣ, идущей по верховьямъ Тунги и истокамъ Суйфуна, мы пришли въ лѣсную фанзу Тунли, стоящую въ глухомъ лѣсу, верстахъ въ 30 отъ русской границы. На пути къ ней, въ предѣлахъ китайской Манчжуріи, мы прошли одинъ пограничный постъ, содержимый манчжурскими войсками, при чемъ убѣдились, что съ китайской стороны самая граница еще болѣе слабо населена, чѣмъ со стороны Южно-Уссурійскаго края, и наблюдается гораздо хуже, чѣмъ нашими рѣдкими караулами. Нѣсколько позднѣе мы прошли съ четверть версты другой манчжурскій постъ, при чемъ видали даже начальника его, мирно пившаго чай передъ караульной фанзою и не обратившаго даже вниманія на то, что недалеко отъ него проходитъ небольшой караванъ съ русскимъ военнымъ мундиромъ во главѣ. Эта непростительная небрежность необъяснима была тѣмъ болѣе, что встрѣчавшіе насъ не разъ на пути бродячіе манзы, по всей вѣроятности, уже успѣли далеко по краю разнести молву, что въ самыхъ китайскихъ предѣлахъ находится русскій «капитанъ». О моей поѣздкѣ, какъ я узналъ позднѣе, китайскія власти знали даже въ Хунчунѣ; меня удивляетъ по этому, какимъ образомъ безъ всякой задержки и даже опроса я прошелъ почти передъ самымъ носомъ три или четыре караульни, не говоря уже о нѣсколькихъ другихъ, которыя мы миновали, оставивъ далеко въ сторонѣ. Всего за день до прибытія въ фанзу Тунли, мы встрѣтили въ лѣсу одного изъ военныхъ манчжурскихъ всадниковъ, который, поговоривъ немного въ Тунли, очень вѣжливо разстался съ нами и велѣлъ передать мнѣ самыя лучшія пожеланія.

Не доходя до фанзы нашего Немврода, мы впервые еще за недѣлю нашего блужданія по лѣсу, нашли ясно намѣченные тигровые слѣды. Страшный звѣрь, повидимому, шелъ по направленію къ избушкѣ Тунли, и это почему-то смутило нашего стараго опытнаго проводника.

— Тигръ обидѣлъ Тунли,—сказалъ онъ вдругъ послѣ долгаго изученія слѣдовъ,—онъ утащилъ изъ фанзы стараго охотника или собаку, или свинью. Не прошло и получаса, какъ подтвердились предположенія Тунли; едва мы прибыли въ фанзу, какъ молодой работникъ его сообщилъ, что прошлою ночью тигръ дѣйствительно скралъ лучшую собаку Тунли. Страшно былъ опечаленъ этою вѣстью добрый старикъ, любившій своихъ собакъ, какъ единственныхъ друзей, раздѣлявшихъ съ нимъ всѣ радости и печали кочевой жизни, но скоро онъ оправился и далъ клятву отомстить тигру за его тяжелую обиду. Разумѣется, я съ радостью принялъ приглашеніе Тунли остаться на нѣсколько дней въ его фанзѣ, чтобы подкараулить или выслѣдить тигра. Для меня представлялся рѣдкій случай поохотиться за страшнымъ хищникомъ въ сообществѣ такого опытнаго охотника, какъ Тунли, и пожить въ звѣровой избушкѣ, жизнь въ которой мнѣ казалась всегда привлекательною.

Цѣлую ночь эту мы прокараулили тигра изъ фанзы, но онъ и не думалъ подходить близко, не смотря на подставленную падаль и визгъ поросенка, привязаннаго на деревѣ въ мѣшкѣ; на утро однако слѣды хищника оказались въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ фанзы. Весь слѣдующій день мы пробродили по окрестностямъ, опредѣляя направленіе тигровыхъ слѣдовъ, при чемъ напали на небольшую тропинку, которою видно звѣрь ходилъ нѣсколько разъ. Тропка эта вела въ самое глухое мѣсто прилежащей тайги, гдѣ, по всей вѣроятности, находилось логовище звѣря. На этой тропкѣ мы и рѣшили сдѣлать засаду, подманивъ хищника на привязанную козу. Еще съ вечера мы забрались въ лѣсъ, приготовили все для ночной сидьбы и вчетверомъ рѣшили во что бы то ни стало ожидать тигра.

Долѣе полуночи мы просидѣли на мѣстѣ, и какъ ни ревѣла бѣдная коза, тигръ не думалъ являться, такъ какъ собаки наши и не думали безпокоиться. Ночь проходила, нервы стали уже ослабѣвать отъ сильнаго напряженія, энергія пропадала, и двое изъ охотниковъ уже хотѣли снимать засаду, какъ Тунли подалъ знакъ къ молчанію. Черезъ нѣсколько секундъ послѣ этого, раздался невдалекѣ отъ насъ такой оглушающій ревъ, что у меня пропала даже въ первые моменты всякая охота поджидать, чтобы тигръ подошелъ ближе. Второй раскатъ рева словно громъ послышался чуть не у самыхъ ногъ. Да, только въ самыя роковыя минуты охоты начинаешь раскаиваться въ томъ, чего такъ долго и страстно ожидалъ. Уже не впервые я испытывалъ подобное раскаяніе, но не впервые получалъ и удовлетвореніе, если выдерживалъ тѣ или другія испытанія. Кое-какъ успокоенный присутствіемъ опытнаго звѣробоя, подошедшаго близко ко мнѣ, я ободрился, и всѣ наши четыре ружья были направлены въ сторону, откуда слышался ревъ и шелестъ мягкихъ, хотя и тяжелыхъ шаговъ. Не смотря однако на

страшный ревъ, которымъ тигръ словно вызывалъ скрытыхъ охотниковъ на бой, звѣрь видно почуялъ засаду, узналъ во время коварство человѣка, и не рѣшился вступить съ нимъ въ борьбу, испытавъ, по всей вѣроятности, превосходство оружія, передъ которымъ безсильны вся дикая звѣриная сила и самое отчаянное мужество. Тигръ ушелъ снова въ тайгу, откуда и пришелъ. Засада наша опять кончилась неудачею, и мы пришли къ убѣжденію, что едва ли можно было добыть засадою осторожнаго звѣря... На другой день, мы рѣшили покинуть фанзу Тунли, чтобы изслѣдовать хищника въ самой чащѣ по его слѣдамъ.

Прошло еще нѣсколько дней, и мы, потерявъ тигровые слѣды, направились снова вдоль линіи границы, зайдя въ такую глухую тайгу, что мѣстами терялись самыя звѣровыя тропы, и намъ приходилось пробираться черезъ чащи. Слѣпо довѣряя своимъ проводникамъ, я шелъ за ними, не думая даже о томъ, куда ведутъ меня мои казавшіеся мнѣ порою подозрительными друзья. Ужъ не хунхузы ли они, — порою пробѣгала въ моей головѣ неотвязчивая мысль, но я спѣшилъ отогнать отъ себя страшное подозрѣніе, потому-что это значило совершенно запропасть въ тайгѣ. Попрежнему мы успѣшно звѣровали, били дичь и даже добыли соболя, правда вынувъ его изъ чужой пасти [1]). Тунли посчастливилось даже найти два небольшихъ корешка женьшеня, которые я тотчасъ же и купилъ у него, чтобы испытать на себѣ позднѣе ихъ чудотворное дѣйствіе [2]). Скоро прошла уже цѣлая недѣля, какъ мы покинули фанзу Тунли и находились безвыходно въ тайгѣ, натыкаясь временами на одинокія лѣсныя фанзы, гдѣ дополняли свои скудные припасы и снова уходили въ манившую насъ все дальше и дальше тайгу. Не разъ за это время мы шли по слѣдамъ тигра, но звѣрь словно бѣжалъ передъ нами, какъ говорилъ старый Тунли; мы даже не слыхали его рева вблизи, и только въ послѣднюю ночь пребыванія нашего за столбами слышали снова его близкое присутствіе возлѣ нашего становища.

Кромѣ рѣдкихъ лѣсныхъ фанзъ, звѣриныхъ тропокъ и пастей, мы встрѣчали за столбами еще такъ называемыя звѣровыя ямы, посредствомъ которыхъ ловятъ въ большомъ количествѣ всякаго звѣря въ предѣлахъ русской и китайской Манчжуріи. Ямы эти, или скорѣе сказать, рвы копаются на большомъ протяженіи поперекъ падей, или логовинѣ, лежащихъ между увалами, такъ что ими совершенно преграждается проходъ черезъ эти послѣднія. Ямины, крытыя хворостомъ, перемѣшиваются съ баррикадами изъ поваленныхъ де-

[1]) Пастью называется особаго рода ловушка или западня для звѣря, преимущественно соболя.

[2]) Женьшень, какъ и панты, позднѣе испробованные мною, не оказали ровно никакого дѣйствія.

ревъ и валежника, такъ что звѣрь, бѣгущій по пади, остановленный препятствіями, идетъ въ проходы, оставленные между ними и занятые рвами и непремѣнно попадетъ туда. Такой способъ охоты дозволяетъ безъ большого труда и безъ всякаго риска добывать много звѣря, и потому, какъ хищническій, строго воспрещенъ у насъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Во всѣхъ лѣсахъ края однако можно до сихъ поръ встрѣтить остатки звѣровыхъ ямъ, которыми иногда впрочемъ тайнымъ образомъ и доселѣ пользуются звѣровые манзы.

Такъ какъ общее направленіе нашего блужданія шло по линіи границы, то мы перешли рядъ уваловъ, раздѣляющихъ между собою верховья Суйфуна, Тунги и Патахезы, а потомъ спустились по направленію къ среднему теченію Суйфуна. По всѣмъ лѣснымъ рѣчкамъ, говорятъ, встрѣчается много золотого песку, который добываютъ манзы; одна небольшая рѣченка, впадающая въ Суйфунъ и находящаяся большею частью своего теченія въ китайскихъ владѣніяхъ, такъ и называется Золотою Патахезою. О золотѣ и розсыпяхъ золотого песку, я слыхалъ не менѣе, чѣмъ о женьшенѣ, соболяхъ и пантахъ, не только отъ Тунли, но и другихъ своихъ проводниковъ; всѣ эти промыслы видно составляютъ самыя прибыльныя занятія для аборигеновъ края.

Столько не бродилъ однако я по самымъ глухимъ уголкамъ тайги, сколько не встрѣчалъ тамъ бродячихъ и звѣровыхъ манзъ, пробирающихся, по всей вѣроятности, въ наши предѣлы, я не видалъ только знаменитыхъ хунхузовъ—китайскихъ разбойниковъ, которыми меня многіе пугали въ краѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, многочисленные и сильные прежде, они могли безнаказанно хищничать въ краѣ и грозить одинокимъ поселенцамъ, но разъ во всѣ уголки, годные для земледѣлія, явились цѣлыя общины русскихъ и китайскихъ поселянъ, хунхузы стали пропадать и скоро отойдутъ въ область исторіи. Разумная мѣра снабженія русскихъ поселенцевъ казенными винтовками и патронами лучше всѣхъ другихъ способствовала вымиранію хунхузовъ, о которыхъ теперь говорятъ болѣе легенды, чѣмъ ихъ дѣйствительные потерявшіе всякое обояніе подвиги. Русскій поселенецъ, бьющій смѣло тигра и медвѣдя, не побоится десятка даже вооруженныхъ манзъ, которыхъ силу и трусость онъ знаетъ хорошо.

Много за то мнѣ пришлось услышать за столбами отъ Тунли и другихъ встрѣчныхъ манзъ, которыхъ я разспрашивалъ при посредствѣ этого послѣдняго, о другомъ явленіи, которое болѣе страшно, чѣмъ хунхузы для нашего Южно-Уссурійскаго края. Не тысячи, а десятки тысячъ переселенцевъ Китай призываетъ изъ глубины своей имперіи на культурную борьбу съ Россіею, даетъ имъ земли въ Манчжуріи и готовитъ изъ нихъ базисъ для дальнѣйшаго своего наступательнаго движенія къ нашей границѣ.

Еще недавно Манчжурія была совершенно лишена собственно китайскаго населенія, не уходившаго за предѣлы Великой Стѣны, а теперь въ ней многія тысячи китайскихъ семействъ, подкрѣпляемыхъ значительными военными силами, собранными въ Хунхунѣ, Нингутѣ и Цицикарѣ. Въ случаѣ какого-нибудь наступательнаго шага, Китай можетъ серьезно опереться на свою Сунгарскую линію, обращенную фронтомъ къ нашему Уссурійскому краю.

Бассейнъ Сунгари съ городами Сансиномъ, Нингутою, Цицикаромъ и Гириномъ, представляющій населеніе въ десять разъ большее, чѣмъ весь нашъ Уссурійскій край, подкрѣпляемое еще непосредственно населеніемъ застѣннаго Китая, является уже такою сильною стратегическою, колонизаціонною и экономическою базою, которой мы и въ пятьдесять лѣтъ самой энергической колонизаціи русской Манчжуріи не можемъ противупоставить ничего подобнаго. Правда, какъ мы уже говорили, самая пограничная полоса со стороны Китая населена еще слабѣе и наблюдается хуже, чѣмъ со стороы Уссурійскаго края, но линія осѣдлаго китайскаго населенія уже не далеко отъ границы, всего въ какой-нибудь сотнѣ верстъ, а линія манчжурскихъ поселковъ и звѣровыхъ фанзъ китайцевъ еще ближе. Сѣть китайскихъ фанзъ покрываетъ весь нашъ Уссурійскій край даже въ самыхъ глухихъ его уголкахъ, а потому на нихъ, какъ на аванпосты китайскаго культурнаго и экономическаго вліянія, надо обращать самое серьезное вниманіе.

Почти 20 дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ я перевалилъ границу недалеко отъ Атамановки; все время это я находился за столбами во владѣніяхъ богдыхана, лишь по временамъ подходя близко къ русской границѣ, особенно блуждая въ верховьяхъ Патахезы. Мало-по-малу, мы стали выходить изъ глухой тайги, и по мѣрѣ приближенія къ среднему Суйфуну, къ той полосѣ, гдѣ онъ начинаетъ входить въ русскіе предѣлы, встрѣтили первыя осѣдлыя китайскія поселенія, представленныя нѣсколькими фанзами, наполненными рабочими. Близко по этимъ дорогамъ, унизаннымъ подобными фанзами, думалось мнѣ, Китаю добраться до нашей границы, да и за нею онъ найдетъ себѣ союзниковъ и друзей. Непріятное впечатлѣніе произвели на меня поэтому эти довольныя, жирныя лица манзъ—хлѣбопашцевъ, въ сравненіи съ тѣми лѣсными бродягами, въ обществѣ которыхъ я доселѣ находился.

Послѣднюю ночь пребыванія во владѣніяхъ богдыхана, какъ я уже упоминалъ, мы провели въ близкомъ сосѣдствѣ съ тигромъ, который долго ходилъ вокругъ нашего становища, пугая лошадей и заставляя насъ разводить сильнѣе огонь и быть постоянно настрожѣ вмѣсто того, чтобы отдохнуть послѣ утомительнаго 12-ти часоваго перехода по тайгѣ. На утро мы выступили по этому

поздно съ послѣдняго ночлега и пошли прямо къ «столбамъ», что виднѣлись уже съ вершины увала. Къ полудню мы были у нихъ и перешли русскую границу.

На всемъ протяженіи нашей пограничной линіи отъ Посьета до поста № 4, т. е. почти на 450-верстномъ разстояніи идетъ нѣсколько десятковъ пограничныхъ столбовъ, обозначенныхъ съ одной стороны русскимъ орломъ, а съ другой китайскими и манчжурскими надписями. Столбы эти съ каменнымъ основаніемъ аршина 2½—3 въ вышину, во многихъ мѣстахъ уже полуразрушенные, стоятъ на каждыхъ 10—15 верстахъ и раздѣляются на главные и второстепенные. Не только русскіе охотники, но и бродячіе манзы дѣлятъ всю границу на участки по этимъ столбамъ, не стѣсняясь впрочемъ никогда въ случаѣ нужды переходить границу и бить звѣря на чужой землѣ. Такъ точно поступили и мы; нечего поэтому и удивляться, что манзы, не имѣющіе и понятія о международныхъ отношеніяхъ, нарушаютъ границу постоянно, тѣмъ болѣе что они до сихъ поръ смотрятъ на Уссурійскій край, какъ на уголокъ своей родины, временно данный ихъ богдыханомъ русскимъ на пользованіе. На эти нарушенія, впрочемъ, никто и не обращаетъ никакого вниманія.

Переваливъ русскую границу, мы были въ одномъ мѣстѣ сильно поражены тѣмъ, что всѣ склоны горъ были ископаны глубокими яминами и обвалами, словно служившими для добыванія какой-нибудь руды. Тунли пояснилъ мнѣ, что по границѣ многія горы ископаны такимъ образомъ, такъ какъ здѣсь цѣлыя сотни людей занимаются добываніемъ золота. Масса преступленій совершается ради этого презрѣннаго металла; отецъ самого Тунли былъ убитъ изъ-за нѣсколькихъ мѣшковъ золотого песку его же сотоварищемъ по добыванію золота. Благоразумными мѣрами, принятыми противъ хищническаго добыванія металла, тайная добыча его мало-по-малу прекращается, но правильной организаціи этого промысла пока еще нѣтъ вовсе, хотя золотой песокъ встрѣчается во многихъ рѣкахъ Южно-Уссурійскаго края.

Спускаясь съ уваловъ, окаймляющихъ берега средняго Суйфуна, мы видали издалека значительное манчжурское поселеніе, расположенное въ долинѣ этого послѣдняго, а также многолюдный базаръ, куда съѣзжаются и русскіе казаки, и поселенцы съ Суйфуна, но посѣтить тотъ и другой въ своемъ военномъ мундирѣ я нашелъ неудобнымъ, чтобы не смущать и безъ того подозрительныхъ китайскихъ властей. Еще часъ пути, и вдали показались бѣлыя мазанки большой казачьей станицы Полтавской, куда я и направлялся теперь, чтобы отдохнуть послѣ трехнедѣльнаго блужданія по тайгѣ. Выйдя изъ казачины у Атамановскаго, я снова попадалъ въ нее, и на этотъ разъ она привѣтливо встрѣчала меня

и яркимъ солнечнымъ днемъ, и праздничнымъ видомъ разряженнаго народа, и залихватскою пѣснею русскою.

— Теперь прощай, капитанъ, — сказалъ мнѣ вдругъ задумавшись Тунли, — моя не пойдетъ Полтавской, казакъ не любитъ манза.

— Со мной полюбятъ,—отвѣчалъ я ему,—пойдемъ со мною, и я скажу всѣмъ «капитанамъ» русскимъ, что Тунли хорошій человѣкъ, и я отъ всего сердца полюбилъ его...

А. Елисѣевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КАРИКАТУРИСТЪ Н. А. СТЕПАНОВЪ [1]).

III.

ВПЕРВЫЕ Н. А. Степановъ выступилъ публично на карикатурное поприще въ «Ералашѣ» Неваховича. Это видно изъ того, что на заглавномъ иллюстрированномъ листѣ 1846 года, съ лѣвой стороны, нарисованъ портретъ Неваховича, а съ правой—Степанова. Кромѣ того, просматривая листы «Ералаша», легко отмѣтить степановскія карикатуры, зная его манеру. Въ «Ералашѣ» первенствовали, конечно, карикатуры Неваховича, за которыми слѣдовали карикатуры Степанова и, наконецъ, Н. А. Пальма; подписей, однако, подъ карикатурами не было. Сотрудничество Н. А. въ «Ералашѣ» продолжалось годъ, или два, и въ дѣятельности нашего карикатуриста особенно важнаго значенія не имѣетъ: это были первые печатные шаги и опыты, въ которыхъ еще мало мастерства и бойкости рисунка, выработанныхъ съ теченіемъ времени.

Кромѣ «Ералаша», Степановъ въ 1848 году выступилъ съ своими карикатурами въ «Иллюстрированномъ альманахѣ», изданномъ Панаевымъ и Некрасовымъ въ видѣ приложенія къ «Современнику». Хотя передъ нами цѣлыхъ десять писемъ, писанныхъ къ Н. А. частью Панаевымъ, частью Некрасовымъ, по поводу издававшагося ими альманаха, но изъ нихъ точно нельзя опредѣлить, какое принималъ участіе въ этомъ изданіи Степановъ, который сдѣлался уже довольно извѣстенъ своими карикатурами.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 457.

Изъ писемъ редакторовъ «Современника» видно, что всѣ статьи, печатавшіяся въ альманахѣ, посылались на предварительный просмотръ и одобреніе Н. А. Можетъ быть, Панаевъ и Некрасовъ находили, что Степановъ компетентнѣе ихъ въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній; а можетъ быть, Степановъ, будучи равнымъ съ ними вкладчикомъ въ альманахъ, не желалъ вполнѣ полагаться на ихъ вкусъ, боясь за свой пай, и потому выговорилъ себѣ право предварительнаго просмотра литературнаго матеріала. За неимѣніемъ данныхъ, вопросъ этотъ нельзя рѣшить ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Въ альманахѣ было помѣщено 10 повѣстей и разсказовъ, а именно: «Семейство Тальниковыхъ», романъ Станицкаго (жены И. И. Панаева),—«Лола Монтесъ», повѣсть А. В. Дружинина съ картинкой Ф.**,—«Смотрины и рукобитье», разсказъ В. И. Даля съ двумя картинками Степанова, — «Дуракъ Ѳедя», разсказъ Ѳ. М. Достоевскаго съ четырьмя картинками Ф.**,—«Три Хашиша» М. А. Сааруни съ пятью его же иллюстраціями, — «Встрѣча на станціи», разсказъ Панаева съ картинкой Ф.**, — «Старушка», разсказъ А. Н. Майкова,—«Заборовъ», повѣсть Е. П. Гребенки съ тринадцатью картинками Агина и др. Наконецъ, были помѣщены: «Исторія капитана Копѣйкина, въ лицахъ», три картины А. А. Агина, и «Два помѣщика», рисунокъ Ф.**

Альманахъ начинался карикатурами Степанова, которыхъ было приложено семь. Всѣ онѣ рисованы на камнѣ въ литографскомъ заведеніи Поля-Пти; рисунокъ ихъ былъ исправленъ и улучшенъ г. Викторомъ, отчего онѣ много потеряли и кажутся хуже карикатуръ Агина и Неваховича [1]). Вотъ перечень степановскихъ карикатуръ: 1) Генеральная репетиція оперы «Эсмеральда», (карикатура на Даргомыжскаго, но онъ сдѣланъ очень моложавымъ). Подпись: Композиторъ. Да гдѣ же остальные? (представлена поющею коза).—Служитель. Завтра на представленіи будутъ всѣ.. 2) Ну, вотъ и прекрасно! (карикатура на Н. В. Кукольника; подпись—его постоянная поговорка. 3) Типографскія превращенія—карикатура, но весьма неудачная, на Бѣлинскаго и намеки на цензорскую работу. Подпись: «Своей собственной статьи не узнаю въ печати...» 4) Петербургскій Томъ Пусъ — карикатура на Л. Брандта, фельетониста «Сѣверной Пчелы», мнившаго себя похожимъ на Наполеона и изображеннаго поэтому à la Napoleon [2]). 5) Жур-

---

[1]) Карандашу послѣдняго принадлежатъ въ альманахѣ двѣ карикатуры: 1) Остроумный бенефиціантъ и 2) Господинъ и слуга.

[2]) По словамъ П. А. Степанова, Брандтъ самъ объяснялъ свое сходство съ Наполеономъ I слѣдующимъ образомъ: во время бѣгства своего изъ Россіи, въ 1812 году, Наполеонъ остановился почевать въ усадьбѣ матери Брандта, въ Литвѣ, и былъ принятъ чрезвычайно радушно. Послѣдствіемъ этого пребыванія императора у г-жи Брандтъ и было рожденіе ею сына, весьма похожаго на великаго полководца.

налистъ и сотрудникъ (карикатура на Краевскаго и какого-то, повидимому, сотрудника «Отечественныхъ Записокъ». Краевскій похожъ мало, а сотрудникъ напоминаетъ Д. В. Григоровича). Подпись: Вы изволили прочесть мою повѣсть? — Прочелъ, ничего, не дурно, мѣстами есть промахи, поверхностный взглядъ на предметы... (съ глубокомысленною важностью) Знаете, повѣсть ваша, собственно, не повѣсть, а психологическое развитіе...—Именно-съ...— Вы, можетъ быть, изволили забыть, что это мнѣніе г. Т. (т. е. Тургенева), которое я изложилъ въ письмѣ къ вамъ при посылкѣ повѣсти... 6) Гамлетъ, покупающій дрова (карикатура на актера Каратыгина, слишкомъ шаржирована), и, наконецъ, 7) Мазурка (карикатура на Булгарина, съ надписью, взятою изъ его «Воспоминаній»: «Съ молоду я былъ хорошъ собою, ловко танцовалъ мазурку и нравился женщинамъ...»). Изъ всѣхъ семи карикатуръ эта самая удачная.

Въ воспоминаніяхъ г-жи Панаевой-Головачевой разсказана печальная судьба, постигшая этотъ альманахъ, который сначала въ концѣ 1847 года былъ разрѣшенъ цензурой, а затѣмъ, въ началѣ 1848 года офиціально запрещенъ главнымъ цензурнымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ графа Бутурлина, но всетаки проникъ въ публику контрабандой. О появленіи его въ продажѣ г-жа Панаева-Головачева разсказываетъ слѣдующее: «Когда альманахъ былъ запрещенъ, то листы были свалены на чердакѣ при квартирѣ редакціи. Когда надо было переѣзжать на другую квартиру, то я пошла на чердакъ и удивилась, замѣтя, что пачки листовъ развязаны и валялись въ безпорядкѣ. Прислуга объяснила мнѣ, что бывшій лакей Некрасова водилъ на чердакъ букинистовъ и продавалъ имъ бумагу на вѣсъ. Ясно, что изъ этихъ листовъ составлялись книжки и втихомолку распродавались» [1]).

Ни прекращеніе «Ералаша», ни неудавшійся «Иллюстрированный альманахъ» не могли, конечно, удержать Степанова отъ дальнѣйшихъ опытовъ карикатурныхъ изданій. Вмѣстѣ съ своимъ зятемъ, А. С. Даргомыжскимъ, Н. А. затѣялъ въ 1849 году «Музыкальный альбомъ» съ карикатурами, издателемъ котораго явился извѣстный тогда редакторъ «Музыкальнаго Вѣстника»—Бернардъ. Альбомъ состоялъ изъ 24 листовъ большого формата и сдѣлался теперь библіографической рѣдкостью. Вотъ его содержаніе:

1) «Не задумывайся, мой другъ», музыка А. А. Алябьева. Карикатура на Алябьева, подъ заглавіемъ: «Композиторъ послѣ обѣда». Подпись: «Соловей нашъ, соловей! И какъ видно откормленъ не баснями». Затѣмъ идутъ ноты и листъ съ словами пѣсни. 2) L'attente (ожиданіе), romance. Paroles de m-me Desbor-des-Valmore.

---

[1]) См. «Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой. Русскіе писатели и артисты. 1824—1870». Стр. 193.

Musique de P. Castrioto Scandezberg. Dedié à m-elle Herminie Dargomijski. Карикатура на Степанова. Надпись: «Композиторъ въ разсѣянности»; подпись: Композиторъ. Какъ плохо! Чей это романсъ?—Вашъ собственный...» 3) «Не называй ее небесной», романсъ, слова Павлова, музыка Даргомыжскаго. Карикатура на Даргомыжскаго, съ надписью: «композиторъ, цѣнитель талантовъ». Подпись: «помилуйте! Всѣ хвалили ея пѣніе—да она безбожно

Н. А. Степановъ, раскрашивающій статуэтку-карикатуру.

фальшивитъ». Композиторъ. «Ну гдѣ же фальшивитъ? Она прехорошенькая...» 4) «Колыбельная пѣсня» (безъ словъ) кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Карикатура изображаетъ красиваго князя Одоевскаго, несущаго семерыхъ дѣтей. Подпись: «Дѣти кричатъ. Пусти, я хочу играть, мнѣ ѣсть хочется, пусти... Композиторъ. Тссъ! Спите глупенькіе! (поетъ) баю, баюшки-баю...» 5) «Былыя слезы», романсъ, слова графини Ростопчиной, музыка Ѳ. М. Толстого, съ карикатурой на послѣдняго. Заглавіе: «Композиторъ въ горѣ», подпись:

«Ахъ зачѣмъ ты проливаешь
«Слезы горкія тайкомъ
«И украдкой утираешь
«Ихъ кисейнымъ рукавомъ».

«Композиторъ. Увы! оперу мою отложили до будущаго сезона». 6) «О, молчи, молчи, милый другъ мой, молчи», романсъ А. Варламова. Подъ карикатурой подпись: «Композиторъ. Нравится ли вамъ мой красный сарафанъ?—Могу вамъ сказать одно, что онъ никогда не износится». 7) «Воспоминаніе», романсъ А. Ѳ. Львова. Карикатура на него носитъ заглавіе: «Композиторъ увлеченный и увлекающійся» и представляетъ Львова въ одномъ генеральскомъ эполетѣ, въ мундирѣ, стоящимъ передъ пюпитромъ (на которомъ лежитъ другой снятый эполетъ) и играющимъ на скрипкѣ. Подпись: «Плохая нажива для карикатуры—ни одной слабой струны...» 8) «Ты скоро меня позабудешь», романсъ, слова Ю. Жадовской, музыка М. И. Глинки. Заглавіе карикатуры на послѣдняго: «Композиторъ, возвратившійся на родину». Глинка представленъ джентельменомъ, въ застегнутомъ на всѣ пуговицы фракѣ, съ тупеемъ на головѣ. Подпись: «Что вы привезли намъ изъ Италіи?—Всегдашнюю готовность любить. — Мы были бы довольны новой оперой».

Конечно, альбомъ этотъ былъ больше издательской аферой, чѣмъ выдающимся художественнымъ изданіемъ. Но въ то время, когда все вдругъ замолкло подъ тяжелой рукой цензуры и литература очутилась въ опалѣ, надо было пробиваться чѣмъ Богъ послалъ. Поэтому «Музыкальный альбомъ» занималъ не однихъ интересующихся музыкой. Ни Степановъ, ни Даргомыжскій, не цѣнили особенно высоко свое наскоро испеченное дѣтище, какъ это видно изъ слѣдующаго юмористическаго стихотворенія Н. А., сохранившагося въ его портфелѣ и написаннаго по поводу продажи права на изданіе альбома г. Бернарду:

Александру Сергѣевичу Даргомыжскому, по продажѣ „Музыкальнаго альбома“ Бернарду.

«Васъ, любезный компаньонъ
«По дѣламъ альбома,
«Подравляю разъ милльонъ
«Съ тѣмъ, что мы ужъ дома.
«Барышами полонъ ротъ,
«Въ дѣлѣ не погибли.
«Да-съ! Рублей по пятисотъ
«Съ вами мы зашибли.
«И никто, мой компаньонъ,
«Правды не закроетъ:
«Общій трудъ нашъ награжденъ
«Болѣе чѣмъ стоитъ.

«Твой барышъ—вѣдь просто рай;
«У любаго спросимъ.
«Эхъ! какъ въ добрый урожай
«Получилъ самъ-восемь.
«Ты всѣ піэсы могъ продать,
«То-есть піэсовъ пару,
«Такъ рублей за пятьдесятъ
«Хоть жиду Бернару.
«Я же за восемь головъ
«Да за листъ покрышки
«Получилъ бы сто рублевъ
«Гукѣ [1]) на коврижки.
«Но сверхъ этихъ барыши!
«Не возясь съ Бернаромъ,
«Ты взялъ сотенку рублей,
«Я съ полсотни даромъ.
«Нашъ разсчетъ и бѣлъ, и чистъ,
«Какъ отъ прачки юбки:
«Ты почти капиталистъ,
«Не поднявъ кузютки.
«Какъ же намъ не ликовать—
«Вотъ хоть бы на столько [2])—
«Что пришлось намъ отдыхать,
«Не трудясь нисколько».

Если карикатуры Н. А., появившіяся въ печати въ концѣ сороковыхъ годовъ, стоятъ значительно ниже позднѣйшихъ его карикатуръ и по техникѣ, и по замыслу, представляя только какъ бы «пробы карандаша», то статуэтки-карикатуры и бюстики его работы должны быть признаны произведеніями, заслуживающими всякаго вниманія. Выйдя въ отставку, Н. А. сталъ помышлять, чѣмъ обезпечить свое существованіе, и напалъ на счастливую мысль, которая доставила ему не только всеобщую извѣстность, но и вполнѣ обезпечила ему безбѣдное существованіе въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Вотъ что разсказываетъ по поводу этихъ работъ Петръ Александровичъ: «Однажды, Николай, навѣстивъ Петра, засталъ его лѣпящимъ бюстъ Глинки. Это породило въ немъ охоту также попробовать лѣпки. Первое, что онъ сдѣлалъ, была статуэтка въ карикатурѣ Яненки, нюхающаго табакъ; для большаго эффекта онъ ее раскрасилъ—вышло очень хорошо. Затѣмъ были вылѣплены Брюловъ, Глинка, Кукольникъ—обычные типы Николая, надъ которыми любилъ потѣшаться его юморъ. Въ этой новой работѣ многаго ему недоставало, все дѣлалось самоучкой; надо было позаняться отъ человѣка знающаго. Петръ свезъ Николая къ скульптору барону Клодту, который съ охотою

---

[1]) Такъ родители въ дѣтствѣ называли своего сына, Сергѣя Николаевича Степанова.

[2]) При этомъ въ рукописи нарисована рука, показывающая пальцами «на сколько».

многое пояснилъ, многому научилъ Николая и далъ ему много нужныхъ инструментовъ. Съ этого времени Николай весь предался лѣпкѣ. Каждая новая статуэтка выдѣлывалась искуснѣе; о сходствѣ и говорить нечего. Полное не только физическое, но и душевное сходство съ оригиналомъ воспроизводилось поразительно.

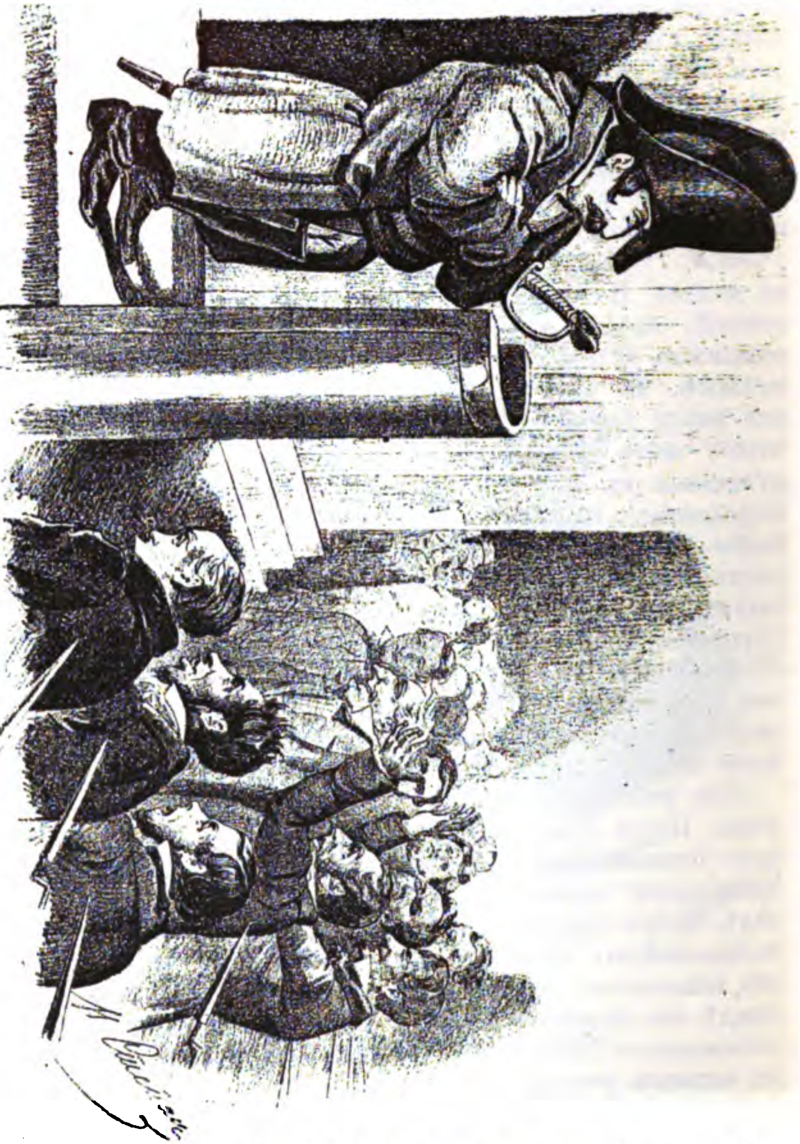
— Наконецъ-то я въ Севастополѣ! (Штурмъ 6 іюня).

Всѣмъ хотѣлось имѣть такія статуэтки, и Николай рѣшился пускать ихъ въ продажу. Въ магазинѣ Беггрова появились въ первый разъ эти карикатуры. Раскупались онѣ на-расхвать. Для удовлетворенія требованій Николай вынужденъ былъ нанять двухъ формовщиковъ и отвести имъ особую мастерскую. Одинъ за другимъ начали появляться: Каратыгинъ, князь Одоевскій, князь

Вяземскій, графъ Сологубъ, Гречъ, Булгаринъ, Краев
евъ, Щепкинъ, Айвазовскій, Бенедиктовъ, всѣ извѣст
тисты, актеры и литераторы. Во всѣхъ журналахъ заг
этой новости. Стали уже покупать ихъ не только въ
но и въ Москвѣ, гдѣ нашлись комиссіонеры. Выписыв
Кіевъ, Одессу и другіе города,—словомъ по всей Россі
лись эти дѣти насмѣшливаго духа искусства. Никол
изъ воска, формовщики отливали сначала изъ гипса, а
папье-маше. Отлитыя и отчищенныя раскрашивались
женою. Продавали статуэтки—бѣлыя по полтора рубля
шенныя по 2 рубля, и это доставляло очень порядочн
который былъ весьма кстати: Сережа подросталъ, наста
ученья... Сережа учился охотно... Но странно, что иск
не далось. Не смотря на то, что занятія отца окружа
стикой, занятія дяди, А. С. Даргомыжскаго, звука
возымѣлъ склонности ни къ живописи, ни къ скульпт
музыкѣ. Въ 1852 году Николай переселился въ тот
гдѣ жили Даргомыжскіе. Переселеніе это сдѣлано был
чтобы жить поближе къ Серг. Ник. Даргомыжском
нуждался въ утѣшеніи по случаю кончины своей ж
Борисовны.—Имя Николая сдѣлалось извѣстно. Въ иск
болѣе и болѣе крѣпнулъ. Кромѣ карикатуръ, онъ л
бюсты въ натуральную величину и маленькіе. Въ пя
годахъ онъ вылѣпилъ небольшіе бюсты великихъ лю
Суворова, Державина, Ломоносова, Карамзина, Крылов
Жуковскаго, Пушкина, Брюлова, Глинки и другихъ.
ная эта коллекція расходилась на первыхъ порахъ
послѣ первой распродажи пошла вяло. Значитъ, публ
болѣе тѣшатъ игрушки, чѣмъ дѣло серьезное».

Кто видѣлъ степановскія статуэтки, тотъ согласит
ніемъ Петра Александровича, что сходство ихъ съ о
было поразительное, хотя художникъ передавалъ толь
ристическія особенности копируемаго имъ лица въ к
видѣ. Всѣхъ статуэтокъ Н. А. сдѣлалъ до восьмиде
отливались изъ алебастра съ примѣсью стеарина, друг
изъ папье-маше, третьи — на императорскомъ Алекса
заводѣ изъ фарфоровой глины. Бюстиковъ же извѣстн
щественныхъ дѣятелей, артистовъ, литераторовъ и х
въ четверть натуральной величины, было сдѣлано Н.
рока. Н. А. Степановъ лѣпилъ очень быстро. Карика
раскрашенныя головки изъ папье-маше онъ дѣлалъ
имѣя недостатка въ заказахъ. Работалъ онъ по заказа
въ натуральную величину. Этими скульптурными раб
существовалъ безбѣдно, ни въ чемъ себѣ не отказыв
вины сороковыхъ годовъ до 1856 года. Конечно, и т

въ потѣ лица, что, не смотря на его выносливую натуру, успѣло нагнать на его голову порядочную просѣдь. Теперь, къ сожалѣнію, отъ замѣчательнаго предпріятія талантливаго карикатуриста-лѣпщика ничего не осталось для потомства. Статуэтки и бюстики



— Французы! Имперія есть миръ, а подтвержденіе этой истины — позади васъ.—До свиданья! (Да здравствуетъ Наполеонъ!).

его сдѣлались археологическою рѣдкостью, и, вѣроятно, лишь у немногихъ лицъ сохранились полныя ихъ коллекціи. Нынѣшняя же публика очевидно не имѣетъ о нихъ никакого понятія, и поэтому намъ, кажется, не лишнимъ перечислить болѣе полно, чѣмъ

выше перечислилъ Петръ Александровичъ, хотя бы
изъ нихъ. Н. А. были сдѣланы статуэтки: Булгарина, Гр
Кукольника, Яненко, кн. Одоевскаго, актера Максим
скаго, Брюлова, Д. В. Григоровича, артистокъ Гус

— Я дѣлаю для Франціи все, что̀ умѣю и могу.

новой, Бѣлинскаго, В. Р. Зотова, Лазарева, извѣстн
актера Мора, пѣвца Петрова, Ѳ. А. Кони, Артемовск
това, кн. Вяземскаго, Варламова, Владиславлева,
артистовъ Вэрнэ и Готье, М. И. Глинки, Губера, Го

жинина, Даргомыжскаго, Г. П. Данилевскаго, П. А. Каратыгина, Краевскаго, Ан. Контскаго, Леонова, Лоди, Мартынова, Марковецкаго, Некрасова, Панаева, гр. Сологуба, Самойлова, Сосницкаго, И. С. Тургенева, Тимма, Щепкина, Щербины, и друг.

Главнѣйшіе же бюстики были слѣдующіе: Суворова, Ломоносова, Державина, И. И. Дмитріева, Батюшкова, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Грибоѣдова, Баратынскаго, Дельвига, Загоскина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Н. А. Полевого, Ѳ. Н. Глинки, Кукольника, Вонлярлярскаго, Бенедиктова, Брюлова, М. И. Глинки, Даргомыжскаго, В. А. Каратыгина, Рикорда (адмирала), Пирогова, С. С. Куторги, Рашели, Контскаго, кн. Безбородко, и друг.

Н. А. весьма внимательно слѣдилъ за газетными отзывами о своихъ статуэткахъ и собиралъ ихъ, дѣлая по поводу этихъ отзывовъ тутъ же на газетныхъ вырѣзкахъ свои замѣчанія. Приводимъ тѣ изъ нихъ, которые сохранились въ портфелѣ Н. А. Эти отзывы съ одной стороны характерны, какъ оцѣнка скульпторныхъ работъ Н. А. Степанова, а съ другой небезъинтересны и для характеристики самихъ писавшихъ. Вотъ, напримѣръ, отзывъ Булгарина о статуэткахъ Н. А. Степанова до появленія его карикатуры: «На Невскомъ проспектѣ у магазина Беггрова, каждый день толпится публика и съ любопытствомъ разсматриваетъ цѣлый рядъ карикатурныхъ статуэтокъ даровитаго любителя Н. А. Степанова. Кто не знаетъ даровитыхъ статуэтокъ Дантана, представляющихъ въ карикатурѣ всѣхъ парижскихъ знаменитостей? У г. Степанова явилась мысль по тому же способу иллюстрировать русскихъ геніевъ. Всѣ статуэтки его отличаются рѣдкимъ сходствомъ... Не только лицо, но и фигура, походка, даже манера одѣваться — все выдержано и сохранено. Многія статуэтки раскрашены и отъ этого получили онѣ еще болѣе сходства.—Потѣха, да и только! У насъ всѣ роды остроумія, какъ въ Парижѣ». А вотъ отзывъ Булгарина о тѣхъ же статуэткахъ послѣ появленія его карикатуры: «Вотъ справедливый анекдотъ, опредѣляющій вполнѣ искусство г. Степанова, котораго «Библіотека для Чтенія» сравнила съ знаменитымъ Дантаномъ! Г. Степановъ такой же Дантанъ, какъ авторъ «Мертвыхъ душъ»—Гомеръ! Передъ окномъ, на которомъ въ магазинѣ Беггрова выставлены уродливыя статуйки съ размазанными красною краскою рожами, остановилась толпа, и мы примкнули къ ней! «Что это за люди? — спросилъ русскій парень у старика же въ русскомъ платьѣ. — Убогіе люди: — вишь всѣ слѣпые и калѣки! — отвѣчалъ старикъ. Карикатуры должны смѣшить, а статуйки г. Степанова возбуждаютъ жалость. Попалъ въ цѣль!» Между тѣмъ, нѣсколько раньше, Булгаринъ и въ частныхъ письмахъ къ Н. А. подписывался «преданнымъ, любящимъ и уважающимъ». Истинно фигляринская преданность, о которой распространяться нечего, ибо Ѳаддей Булгаринъ въ этомъ отношеніи пріобрѣлъ въ русской литературѣ прочную извѣстность.

Въ стилѣ и духѣ Булгарина писалъ о статуэткахъ фельетонистъ «Сѣверной Пчелы», тоже жестоко об[illegible] свою карикатуру. Онъ говоритъ: «Городской Вѣстни[illegible] умолчать о появленіи на окнѣ магазина Беггрова н[illegible]

туры. Многіе думаютъ, что это бѣдный квазимодо, п[illegible] браженіе фантазіи Виктора Гюго, невинное чудов[illegible] умѣло любить и плакать; собравшіеся передъ окномъ другъ у друга: кто это? И получаютъ въ отвѣтъ...

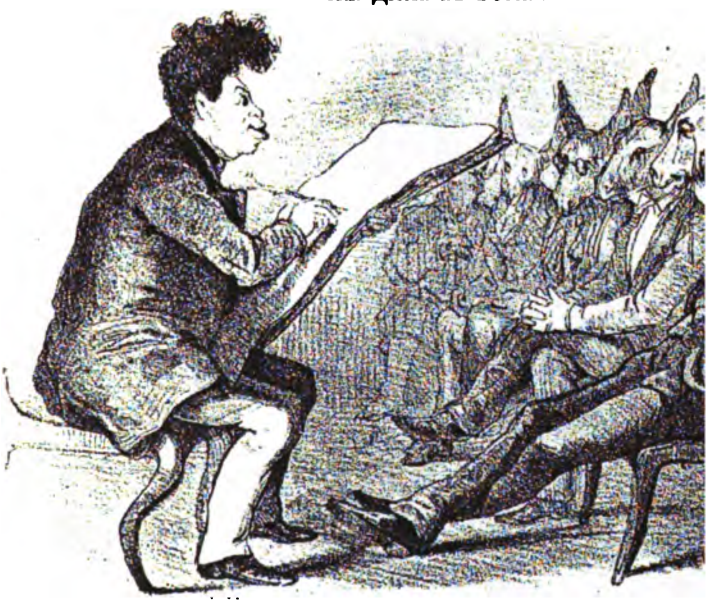
не угадаете, кого изображаетъ или думаетъ изобразить новая статуэтка... Посмотрите, что за носъ—цѣлое плацпарадное мѣсто, на которомъ могутъ свободно маневрировать два комплектныхъ баталіона! А губы — флейты, да и только; а брюшко, а ножка! Руки въ положеніи оратора: въ одной не то книга, не то двѣ колоды картъ... Особенно не посчастливилось улью «Сѣверной Пчелы» — не трутни какіе-нибудь, но просто страшилища... должно быть въ самомъ дѣлѣ страшны». И такъ писалъ человѣкъ, который въ письмахъ къ Н. А. неоднократно выражалъ желаніе попасть въ число знаменитостей и извѣстностей, статуэтки которыхъ дѣлалъ Н. А. Степановъ. Очевидно одно, что обидчивую клику «Сѣверной Пчелы» статуэтки сильно взволновали. Такъ, Булгаринъ писалъ Н. А. Степанову, когда послѣдній въ глазахъ перваго былъ еще «почтеннѣйшимъ», что «голова Греча произвела страшную революцію въ его семействѣ!»

Не такъ, конечно, относились къ карикатурамъ Н. А. Степанова люди умные и порядочные и органы печати солидные. Въ портфелѣ Н. А. сохранилось, напримѣръ, письмо поэта Губера, извѣстнаго переводчика «Фауста», въ которомъ онъ говоритъ. «Уродуйте меня столько, сколько можете; даю вамъ carte-blanche; чѣмъ больше, тѣмъ ближе будетъ къ дѣйствительности, которая въ моей прекрасной персонѣ врядъ ли не останется недосягаемымъ для васъ идеаломъ; я буду очень радъ увидѣть себя раскрашеннымъ; это еще возвыситъ мои прелести... Сердиться же на свою карикатуру можетъ только Булгаринъ»... Или вотъ еще отрывокъ изъ письма Г. П. Данилевскаго къ Н. А. Степанову, отъ 10-го мая 1856 года, изъ с. Петровскаго, близь Чугуева, Харьковской губ.: «Помня наши условія, пишетъ Г. П. Данилевскій, о доставленіи вашимъ скульптурнымъ статуэткамъ и бюстикамъ комиссіонеровъ по городамъ пространнаго русскаго царства, теперь рекомендую вамъ въ Харьковѣ магазинъ Г. П. Сакмейера... Черезъ его магазинъ ваши статуэтки найдутъ доступъ къ значительной массѣ покупателей... Сакмейеръ сидитъ въ эту минуту у меня въ деревнѣ, посѣтивъ мой уголокъ на день, и лѣпитъ со мною поломанныя въ дорогѣ головы Айвазовскаго и Сологуба, и ноги и спину Панаева, не считая носовъ другихъ»...

Приведемъ, наконецъ, отзывы двухъ газетъ, мнѣніемъ которыхъ Н. А. могъ дорожить и которыя дѣйствительно высказались довольно характерно и мѣтко. Особенно удаченъ и близокъ къ истинѣ отзывъ о статуэткахъ и бюстикахъ «Московскихъ Вѣдомостей». Вотъ что говорили по этому поводу «Санктпетербургскія Вѣдомости» (1855 г., № 57): «Нашъ даровитый художникъ-любитель Н. А. Степановъ, прославившійся своими шаржами (русскаго слова не знаемъ) на извѣстныхъ литераторовъ и художниковъ, недавно пополнилъ свои коллекціи, въ которыхъ любители дѣлаютъ

частыя опустошенія; теперь желающіе могутъ пріобрѣс
отдѣльныя статуэтки, но и всю коллекцію вдругъ. Ко
жей или статуэтокъ Н. А. Степанова состоитъ изъ
49 лицъ (тутъ всѣ онѣ перечисляются). Всѣ эти ст
лаются современемъ драгоцѣнностью, потому что г
не только мастеръ ловить сходство, но также подмѣ
давать смѣшную или странную черту, не впадая въ
Лучшимъ доказательствомъ словъ нашихъ можетъ слу
никто изъ послужившихъ г. Степанову оригиналами
не обидѣлся [1]) и мы даже знаемъ одного, который с

Ал. Дюма въ Россіи.



— Путевыя впечатлѣнія будутъ помѣщены въ журналѣ
вмѣстѣ съ другими замѣчательными очерками, написанными *со*
знающихъ очень хорошо Россію изъ иностранныхъ источниковъ

и выпросилъ себѣ мѣстечко въ этой коллекціи. Кром
или шаржей, есть у г. Степанова еще коллекція бю
стоящая изъ 32 лицъ (которыхъ авторъ и перечисля

Но гораздо содержательнѣе отзывъ «Моск. Вѣдо
особенно важенъ тѣмъ, что совершенно вѣрно отмѣчае
ство статуэтокъ Н. А. Степанова надъ статуэтками
слѣдній, можетъ быть, дѣйствительно, подалъ Н.
мысль заняться этимъ дѣломъ примѣнительно къ ру
но чтобы, какъ нѣкоторые утверждаютъ, произведе
въ художественномъ отношеніи стояли выше степано

[1]) За исключеніемъ, какъ мы видѣли, клики «Сѣверной Пче

мнѣніе совершенно ложное и не основательное. Но предоставимъ слово критику «Моск. Вѣдом.» (1855 г., № 13): «Въ прошломъ году у насъ было однажды сказано о бюстикахъ г. Степанова какъ-то мимоходомъ и невѣрно. Не преминемъ теперь, при сообщеніи художественныхъ извѣстій, отдать полную справедливость художнику, который изъ любви къ искусству и къ литературѣ производитъ прекрасную коллекцію бюстовъ замѣчательныхъ русскихъ писателей; большая часть изъ вышедшихъ до сихъ поръ въ публику

(Ант. Контскій).

Членъ всѣхъ музыкальныхъ обществъ, придворный піанистъ императрицы Сандвичевыхъ острововъ и кавалеръ орденовъ: земель Каффровъ и Готтентотовъ, Сіамскаго короля, и проч.

отличается большимъ сходствомъ, и не слѣдуетъ принимать нѣсколько эскизную ихъ лѣпку за небрежную: между тою и другою большая разница. Что же касается до карикатуръ г. Степанова, то, по нашему мнѣнію, онѣ стоятъ выше карикатуръ Дантана, который, какъ французъ, по натурѣ своей, пересаливаетъ до того, что человѣческій образъ въ его шаржахъ совершенно теряется; а такія карикатуры хороши лишь въ рисункахъ. Взглянешь—и потомъ въ сторону; постоянно же имѣть ихъ передъ глазами непріятно, какъ всякую чудовищную уродливость. Но въ карикатурахъ г. Сте-

панова личность изображаемаго лица не только н
напротивъ, при шаржировкѣ, сдержанной въ грані
возможности, становится еще рельефнѣе. На этом
каждая карикатура г. Степанова весела, заба
пріятна для глаза на столѣ, на этажеркѣ, на стѣ
Лаблашъ, Листъ и другіе черезъ край карикатурны
Дантана очень скоро лишаются своихъ почетныхъ

(А. А. Фетъ).

Горацій. Cum interprete odarum mearum consuetudinem ju
mihi est. (Мнѣ очень пріятно познакомиться съ переводчиком
— Извините, я не понимаю по-латыни.

ходятъ въ переднія и дальше. Мы сами были очев
переселеній, потому что и не очень развитый вку
выносить безграничныхъ уродствъ, составляющих
тивоположность съ красотою».

IV.

До сихъ поръ мы знакомили читателя съ прои
лантливаго карикатуриста, посвященными почти
представителямъ изъ области искусства и литера

тѣсной сферѣ Н. А. долженъ былъ работать довольно долгое время главнымъ образомъ въ силу условій времени, — второй половины и конца Николаевскаго царствованія. Можно навѣрно сказать, что цензура этого времени не пропустила бы ни одной изъ тѣхъ карикатуръ Н. А. Степанова, что̀ появлялись нѣсколько лѣтъ спустя напр. въ «Искрѣ» или даже въ «Знакомыхъ». Но въ 1855 году времена измѣнились: вступилъ на престолъ Александръ II, окончилась тяжелая и безплодная Севастопольская война, повѣяло новымъ живительнымъ духомъ, пробудившимъ русскую общественную жизнь и мысль отъ долгаго прозябанія. Измѣнился и характеръ дѣятельности нашего карикатуриста: онъ выходитъ на широкую дорогу карикатуры общественной, бытовой и политической. Положимъ, что на этой широкой дорогѣ было понадѣлано не мало шлагбаумовъ съ надписью: «цензура», стояло не мало досмотрщиковъ, а иногда эта дорога волею судебъ превращалась снова въ глухой и трудно-проѣзжій проселокъ, однако кое-что удавалось сдѣлать и при такихъ условіяхъ. И Н. А. началъ работать съ удивительной бодростью и юношеской энергіей, не смотря на приближеніе старости (въ 1855 году ему было уже около пятидесяти лѣтъ) и трудился такимъ образомъ около пятнадцати лѣтъ—періода наиболѣе плодотворнаго и плодовитаго изъ всей своей дѣятельности. За это время имъ нарисована цѣлая масса карикатуръ — болѣе двухъ тысячъ группъ, среди которыхъ, разумѣется, много утратившихъ нынѣ интересъ, но не мало и сохранившихъ его, ибо Н. А. Степановъ по большей части умѣлъ выбирать сюжеты для своихъ карикатуръ, умѣлъ изображать типически-смѣшное, подмѣчать такія стороны русскаго характера, русской жизни, такія подчасъ общечеловѣческія слабости, которыя существуютъ доселѣ и долго еще будутъ существовать. Изъ этихъ карикатуръ мы выбрали для воспроизведенія двадцать (4 изъ альбомовъ политическихъ карикатуръ и 16 изъ альбомовъ «Знакомые»), среди которыхъ есть нѣсколько литературныхъ, но большая часть имѣетъ значеніе общественное. Карикатура только тогда хороша, когда она понятна безъ подписи, ибо подпись должна играть роль какъ бы аккомпанимента, причемъ рисунокъ—мелодія. Не всѣ, конечно, карикатуры Н. А. Степанова удовлетворяютъ этому условію: во многихъ вся соль заключается лишь въ подписяхъ, и не будь послѣднихъ—зритель бы недоумѣвалъ, что̀ хотѣлъ сказать карикатуристъ; въ иныхъ же и самый рисунокъ и подписи равно безцвѣтны и не остроумны. Но при оцѣнкѣ карикатурной дѣятельности Н. А. нужно принять во вниманіе, что онъ съ 1855 по 1864 г. работалъ, связанный извѣстными условіями—сначала съ г. Беггровымъ, издателемъ его политическихъ карикатуръ и «Знакомыхъ», затѣмъ съ г. Старчевскимъ, сотрудничая больше года въ его «Сынѣ Отечества», наконецъ, со вторымъ редакторомъ «Искры» В. С. Курочкинымъ. Н. А.,

въ силу извѣстнаго уговора, долженъ былъ предст
кому-то сроку опредѣленное количество группъ. Так
въ «Искрѣ» для каждаго нумера онъ долженъ был
или четыре большихъ группы, занимающихъ двѣ
или двѣнадцать маленькихъ, помѣщая, кромѣ того,
большой и сложный рисунокъ заглавный на первой
это въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ, изъ недѣл

(М. П. Погодинъ).

— Куплю-ка я эти старыя голенищи за нѣсколько мѣдн
потомъ выдамъ ихъ за голенища Святополка Окаяннаго.

При такой работѣ едва ли можно требовать постоян
вдохновенія, новизны и остроумія темъ, тщательно
рисункѣ: для всего этого просто не хватитъ времен
ское вдохновеніе вещь очень капризная.

Сравнивая карикатуры Н. А. съ нынѣшними, п
зать, что степановскимъ нужно отдать преимуществ
шнія превосходятъ, пожалуй, въ нѣкоторыхъ случа
скія въ отношеніи техники, то послѣднія стоятъ без

первыхъ по содержанію. Карикатуры Н. А. всегда приличны и цѣломудренны; онѣ не потакають дурнымъ вкусамъ толпы, не разжигаютъ чувственности, не трактуютъ скоромныхъ сюжетовъ. Онѣ зачастую заставляютъ серьезно задуматься, вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ и смѣхъ, но смѣхъ сквозь слезы. Карикатуры Н. А. Степанова принадлежатъ въ лучшей своей части къ разряду серьезной сатиры на общественные нравы, на сколько эта сатира была возможна при современныхъ карикатуристу условіяхъ. Излюбленными же темами нынѣшнихъ юмористическихъ журналовъ являются, во-первыхъ, порнографія въ разнообразнѣйшихъ видахъ и варьяціяхъ, во-вторыхъ, семейныя измѣны и супружеская невѣрность, въ-третьихъ, тещи и, въ-четвертыхъ, позаимствованное у Островскаго «темное царство». Вотъ коньки, на которыхъ ѣздятъ нынѣшніе «Стрекозы», «Будильники», и др. Разница, такимъ образомъ, между прежнимъ и теперешнимъ довольно большая: прежде думали, что карикатура, будучи юмористическимъ произведеніемъ, должна преслѣдовать и цѣли серьезныя, сатирическія; нынѣ же думаютъ, что юмористика и порнографія—одно и то же.

Нынѣ, напримѣръ, не появляется ничего подобнаго политическимъ карикатурамъ Н. А. по поводу Крымской войны. Эти карикатуры, появившіяся въ свѣтъ по мысли Н. А. Степанова, издавалъ А. И. Беггровъ, который, зная талантъ Н. А., охотно пошелъ на это предпріятіе. При большихъ связяхъ Н. А. не трудно было исходатайствовать разрѣшеніе на подобное патріотическое предпріятіе, которое въ то время было весьма не лишнимъ и могло хоть сколько-нибудь развлечь публику, изнывавшую и горевавшую отъ разныхъ нашихъ неудачъ въ эту войну. Н. А. своими политическими карикатурами попалъ, такъ сказать, въ нервъ времени и имѣлъ большой успѣхъ. Никакихъ письменныхъ условій у Н. А. Степанова съ г. Беггровымъ не было: послѣдній несъ всѣ издержки по изданію, а первый долженъ былъ поставлять извѣстное число карикатуръ, при составленіи которыхъ, для вѣрности портретовъ и сходства съ оригиналами, Н. А. пользовался разными иностранными иллюстрированными изданіями, выходившими въ то время въ Германіи, Франціи и Англіи. Въ теченіе 1855 года въ свѣтъ вышло всего лишь три выпуска большого формата въ десять листовъ каждый. Какъ дополненіе къ нимъ въ началѣ 1856 года успѣлъ еще появиться альбомъ, тоже политическихъ карикатуръ, въ большую четверку подъ заглавіемъ «Современныя шутки», заключающій десять рисунковъ. Четвертый же выпускъ изъ первой серіи былъ въ 1856 году совсѣмъ готовъ, и въ то время, когда оставалось только выпустить его въ свѣтъ, онъ былъ остановленъ цензурой, по случаю заключенія Парижскаго мира. Издатель, г. Беггровъ, получилъ удовлетвореніе отъ правительства за издержки, понесенныя имъ на четвертый выпускъ, заключавшій въ

себѣ карикатуры главнымъ образомъ на Наполеон
стойныхъ сподвижниковъ. У г. Веггрова хранится
экземпляръ этого выпуска, который онъ любезно п
наше распоряженіе и изъ котораго мы заимствова
изведенія три группы. Оригиналы всѣхъ политиче
туръ были куплены у Н. А. однимъ англичанино
деньги.

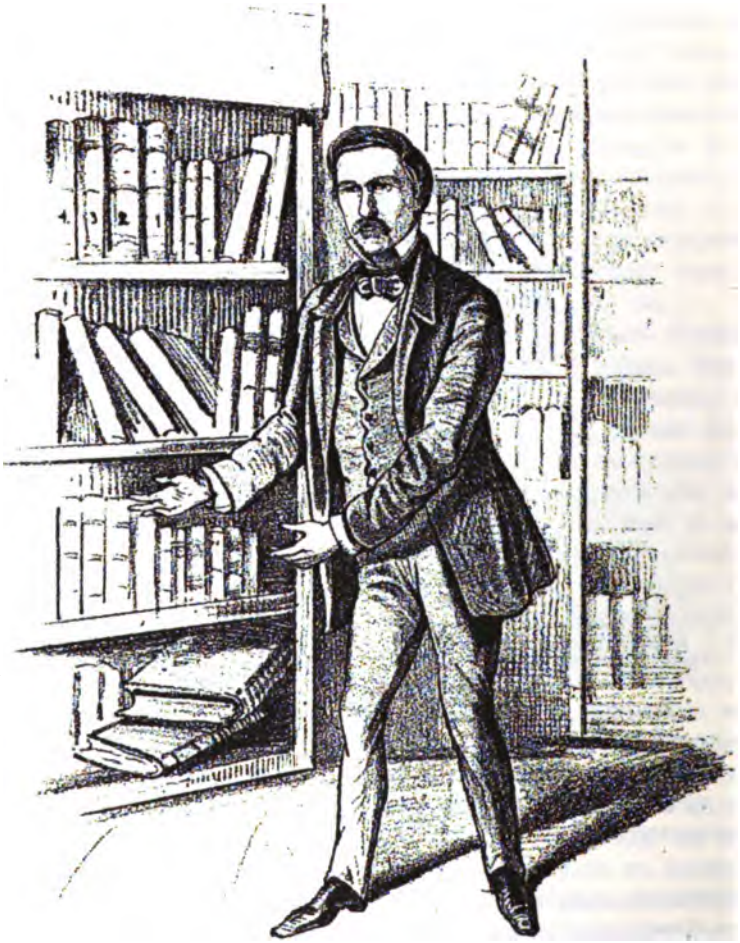
(И. А. Гончаровъ). (Н. А. Степан

— Да вѣдь это моя карикатура! ну, батюшка, одолжили! а
тать позволяется...

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ политическ
турахъ Степанова является Наполеонъ III: онъ фи
семнадцати листахъ, т. е. занимаетъ почти половину
рехъ выпусковъ или тридцати девяти листовъ. Бо
отведено мѣста въ четвертомъ и въ первомъ выпу
катуры на Наполенона III вообще наиболѣе удали
всѣхъ остальныхъ: онѣ и ѣдки, и мѣтки. Хвастовст
его самомнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысліе, деспо
нее самообожаніе — все это нашло въ карикатура

яркое выраженіе. Вмѣстѣ съ Наполеономъ очень часто изображается и лордъ Пальмерстонъ. Кромѣ тѣхъ трехъ, что воспроизведены у насъ, есть еще нѣсколько весьма характерныхъ, съ которыми считаемъ нелишнимъ познакомить читателя. Начнемъ съ карикатуры подъ заглавіемъ: «Какъ изобрѣли Наполеона III». На ней изобра-

(А. В. Дружининъ).



— Рекомендуется вновь открытая библіотека для чтенія.

женъ Наполеонъ въ видѣ ребенка, стоящій на табуреткѣ. Вдали красуется памятникъ Наполеону I, нарисованному въ его любимой позѣ, со скрещенными на груди руками, въ треуголкѣ, въ сѣромъ военномъ пальто. Пальмерстонъ старается сдѣлать точную копію съ великаго полководца: одной рукою онъ надѣваетъ на Напо-

леона III треуголку, другой скрещиваетъ ему руки в
двое, повидимому джонъ-булей, сыплютъ въ карман
туры изъ объемистаго мѣшка стерлинги. Подпись:
въ этомъ видѣ и онъ будетъ страшенъ». Далѣе, засл
манія карикатура, на которой съ лѣвой стороны из
ная статуя—памятникъ съ надписью на постаментѣ: «

(Н. Ѳ. Щербина).

— День—деньской я на солнцѣ лежу, трусь всемъ вокр
воронъ и на будку гляжу, да на чухонъ античныя лица—и т
уста: красота! красота! красота!

самому себѣ», а съ правой—онъ же самый въ почти
съ тѣнью Наполеона I, явившагося, какъ обыкн
суютъ, въ деревѣ. Подпись представляетъ разг
предка съ хвастливымъ потомкомъ: «Вѣроятно, ты
этотъ памятникъ за какія-нибудь великія заслуги?-
поставилъ его именно для того, чтобы безъ заслу

выше въ глазахъ націи. Вы этого не поймете, любезный дядюшка, потому что отстали отъ вѣка, а нынѣшнимъ французамъ и понимать не нужно: я пріучилъ ихъ не разсуждать, но исполнять мои желанія».—Отмѣтимъ еще карикатуру, изображающую сцену, на которой выстроена съ лѣвой стороны длинная шеренга казаковъ на-вытяжкѣ съ пиками на плечо, а съ правой такая же шеренга

(В. А. Кокоревъ).

Удочка, на которую ловится русскій человѣкъ.

стрѣляющихъ въ нихъ французскихъ солдатъ; выше надъ ними изъ ложи высунулся апплодирующій Наполеонъ III. Подпись гласитъ: «Наполеонъ III, за неимѣніемъ II-го, невидавшій другого непріятеля, кромѣ своихъ заимодавцевъ, одерживаетъ въ театрѣ блистательныя побѣды надъ казаками».—Наконецъ, назовемъ еще карикатуру, на которой Наполеонъ фигурируетъ бесѣдующимъ съ двадцатью

какими-то дѣвицами, стоящими на правой сторо: зрителю, въ два ряда,—о слѣдующемъ: «Плонъ-Пл ченіе привезти извѣстіе о взятіи Севастополя. Ка появится съ непріятельскими знаменами и флагами приложите руку къ сердцу, что будетъ означать 2(coeurs) или побѣдитель (vainqueur).—А если извѣ благопріятное?—Тогда вы удалитесь.—Нѣтъ, мы пов

Русскій человѣкъ.

— Вотъ твои деньги. Я съ тобою больше не поѣду—убира
— Надо бы на часкъ прибавить.

ложимъ руку къ другому мѣсту, а что̀ это значит дастся».

Слѣдующее мѣсто за Наполеономъ и Пальмерстоі тическихъ карикатурахъ Степанова отведено адми Онъ занимаетъ половину перваго выпуска и изображ ныхъ видахъ. На одной, напримѣръ, карикатурѣ он сидящимъ съ стаканомъ въ одной рукѣ и бутылко другой и выслушивающимъ отъ офицера рапортъ ад

риджа слѣдующаго содержанія: «Адмиралъ! имѣю честь донести, что флотъ нашъ, не найдя въ Улеаборгѣ и Брагештадтѣ ни одного русскаго солдата, увѣнчался новыми подвигами храбрости и великодушія. При семъ препровождаются побѣдные трофеи: барка съ саломъ и солью. Истребляя и защищая собственность частныхъ лицъ, мы щадили жизнь ихъ... Русскіе же, напротивъ того, выказали при Гамле-Карлебю все свое варварство. Они выставили противъ нашихъ 9 вооруженныхъ баркасовъ, двѣ пушки, одного офицера и безпощадно поразили въ рядахъ нашихъ до 100 несчастныхъ жертвъ». Нэпиръ на это воскликнулъ: «Годдамъ! жизнь храбрыхъ моряковъ нашихъ дорога. Для подобныхъ случаевъ надо вытребовать французскій дессантъ—да позначительнѣе. Подставлять подъ пули и проливать кровь—дѣло французовъ, а мы, какъ видите, и вина даромъ не проливаемъ?»—Кромѣ этой, весьма недурны еще и по замыслу, и по выполненію, слѣдующія двѣ карикатуры, представляющія какъ бы двѣ послѣдовательныя сцены изъ одного и того же водевиля. На одной изъ нихъ Нэпиръ изображенъ въ костюмѣ паяца, въ курткѣ съ буфами, въ короткихъ буфчатыхъ же штанишкахъ, въ кругленькой шапочкѣ съ перьями. Онъ стоитъ на берегу Финскаго залива, въ дали котораго виднѣются кронштадтскія укрѣпленія; рядомъ съ нимъ столъ съ пирамидой бутылокъ и съ двумя канделябрами, въ рукахъ же Нэпира свитокъ, на которомъ написано: «Программа спектакля. 1) однимъ ударомъ кулака сокрушить Кронштадтъ, 2) другимъ Свеаборгъ, 3) вступить побѣдителемъ зим...» (далѣе прочитать нельзя, ибо свитокъ въ этомъ мѣстѣ свертывается). На другой же карикатурѣ Нэпиръ, взобравшись на мачту, смотритъ на кронштадтскія же укрѣпленія; кругомъ разстилается море, сливаясь съ горизонтомъ, и среди такой обстановки толстая маленькая фигурка адмирала, уцѣпившагося кое-какъ за мачту, производитъ весьма комическое впечатлѣніе. Подпись: «Ге!.. ге!.. ге!.. Какъ тутъ крѣпко—пожива плохая!—Видно завтракъ въ этихъ портахъ придется уступить французамъ».

Второй и третій выпуски по содержанію представляются смѣшанными: въ нихъ изрѣдка встрѣчаются и карикатуры на Наполеона и Пальмерстона, но на ряду съ ними—и на нѣкоторыхъ французскихъ генераловъ (Сенъ-Арно, Раглана), на французовъ вообще, на многихъ карикатурахъ бесѣдующихъ о взятіи Севастополя, изображаемаго въ видѣ бульдога, на англійскую артиллерію, ѣздящую въ Крыму вмѣсто лошадей—на турецкихъ солдатахъ, на англійскихъ и турецкихъ генераловъ, на англичанъ вообще, которые откровенно объявляютъ, что имъ комфортъ дороже военной славы, и проч. Эти карикатуры, нужно сознаться, менѣе удались Степанову, чѣмъ карикатуры на Наполеона III, Пальмерстона и Нэпира, хотя безотносительно многія и изъ нихъ

удачны—остроумны и характерны, какъ, напримѣръ
кермана до и послѣ сраженія» или «Франція, недово
генералами».

Въ то же время, когда выходили политическія
по поводу Крымской войны, Степанову пришла мы
нѣчто въ родѣ «Ералаша» Неваховича. Н. А. предложи
рову издавать вмѣстѣ карикатурный альбомъ: «Наш
но тогдашняя цензура почему-то не нашла возможны
слово «наши», а пропустила только «знакомые», кот

Мечты и дѣйствительность.

— Слишкомъ 40 лѣтъ не видался я съ своимъ школьны
Воображаю, какъ голубчикъ мнѣ обрадуется.

лись въ теченіе двухъ лѣтъ: въ 1856—1857 году в
томъ и въ 1857—1858 году—другой. Оба тома въ б
заключаютъ въ себѣ по 36 листовъ съ 195-ю литогра
рисунками. Всѣ рисунки перваго тома-выпуска
одному Степанову, во второмъ же томѣ 20 листовъ,
12 рисованы художниками: Р. К. Жуковскимъ, М.
стунисомъ, А. Волковымъ, П. И. Анненскимъ и дру
того, ко второму тому сталъ прилагаться и текстъ, со

В. Р. Зотовымъ, Курочкинымъ и Щербиной, подъ заглавіемъ: «Листокъ Знакомыхъ». Текстъ во второмъ томѣ занимаетъ всего 12 листовъ [1]). Не смотря на то, что цензорами были Бекетовъ и И. А. Гончаровъ, Степановъ жаловался, что они перечеркивали красными чернилами лица на тѣхъ карикатурныхъ листахъ, которые не дозволялись къ напечатанію.

Будучи продолженіемъ «Ералаша», «Знакомые» были вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо лучше его: въ нихъ карикатуры были удачнѣе и по техникѣ и по содержанію, въ нихъ участвовали люди истинно-талантливые, извѣстные художники. Не смотря на все это, особеннаго успѣха «Знакомые», однако, не имѣли, изданіе плохо окупалось и черезъ два года прекратилось. Во время изданія «Знакомыхъ» самъ Н. А. не входилъ съ г. Беггровымъ ни въ какіе разсчеты. Ихъ вела его жена, Софья Сергѣевна, какъ это явствуетъ изъ переписки за это время, сообщенной г. Беггровымъ А. В. Старчевскому. Письма въ этой перепискѣ чаще всего просительныя о деньгахъ, изъ чего можно заключить, что средства Н. А. опять сдѣлались неблистательными и что онъ не участвовалъ въ выгодахъ отъ изданія, получая лишь выговоренный имъ гонораръ за извѣстное число рисунковъ.

Для того, чтобы познакомить читателя какъ съ общимъ направленіемъ «Знакомыхъ» въ карикатурахъ, такъ и съ характеромъ литературныхъ ежемѣсячныхъ къ нимъ прибавленій («Листка Знакомыхъ»), мы позволимъ привести изъ нихъ «Нѣсколько словъ о самихъ себѣ, о знакомыхъ, о читателяхъ и о прочемъ», помѣщенныхъ въ послѣднемъ (12-мъ) нумерѣ «Листка», отъ 20-го октября 1858 года. Вотъ что тамъ говорилось по этому поводу:

«Годъ тому назадъ мы выпустили въ свѣтъ первую тетрадь второго тома «Знакомыхъ», съ текстомъ, соотвѣтствующимъ своимъ содержаніемъ общему направленію изданія... Теперь, прекращая изданіе «Знакомыхъ», мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, для чего мы предпринимали его и почему не продолжаемъ.

«Съ развитіемъ въ нынѣшнее царствованіе общественнаго движенія, съ обнаруженіемъ нашихъ недостатковъ и странностей, литература обратилась къ ихъ обличенію и осмѣянію. Въ этомъ дѣлѣ, полезномъ и необходимомъ для улучшенія общества, самымъ лучшимъ помощникомъ слова могло быть наглядное изображеніе; карандашъ долженъ былъ объяснить и дополнить перо. Карикатура приносила такую же пользу, какъ насмѣшка, иронія, рисунокъ дѣйствовалъ такъ же, какъ сатира.

---

[1]) Карикатуры Н. А. изъ альбомовъ «Знакомые» были изданы еще въ другомъ видѣ, въ 20 тетрадяхъ, съ слѣдующими подраздѣленіями: «Съ натуры»—4 тетради, «Петербургскіе типы»—2, «Промышленники»—3, «Литераторы»—2, «Дачи»—2, «Дѣти»—1, «Моды»—2, «Чиновники»—3, «Художники и артисты»—1 тетрадь.

даже цѣлая драма въ пяти картинахъ. Благосклонный пріемъ публикою этого тома «Знакомыхъ» побудилъ насъ дать на слѣдующій годъ еще болѣе развитія этому изданію, присоединивъ къ рисункамъ и текстъ, который состоялъ бы изъ легкихъ очерковъ петербургскихъ странностей столичной жизни, юмористическихъ анекдотовъ и стихотвореній, и т. п...

«Теперь, когда число періодическихъ изданій съ рисунками, карикатурами и иллюстраціями увеличилось, когда дѣятельнѣйшій сотрудникъ нашъ Н. А. Степановъ предпринимаетъ съ новаго года

Подчиненнаго гни въ дугу,

новый сатирическій и карикатурный журналъ [1]), въ которомъ тексту и рисункамъ назначены обширныя рамы, намъ остается уступить мѣсто нашимъ собратамъ, пожелавъ имъ всевозможнаго успѣха. Въ узкой программѣ своей «Знакомые» не могли, очевидно, развивать тѣхъ обширныхъ вопросовъ, которые задала себѣ «Искра». Наша цѣль была скромнѣе. Мы только слегка набросали тѣ очерки петербургскихъ нравовъ и особенностей, о которыхъ можно написать цѣлые томы. Если мы успѣли обратить вниманіе читателей на нѣкоторые изъ современныхъ типовъ и вопросовъ, то довольны и этимъ.

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, объ «Искрѣ».

его жену; камелія, недовольная шалью, подаркомъ ея обожателя, и замѣчающая, что такую гадость онъ могъ бы подарить своей женѣ. Здѣсь выставлены и чиновники, и дачники, добродушные мужья и эманципированныя жены, фокусники Кастонъ и Александръ Дюма, мѣткіе отвѣты русскаго человѣка, цѣлая драма изъ жизни художниковъ, однимъ словомъ все, что занимаетъ Петербургъ и о чемъ онъ говоритъ. Собранные по серіямъ и категоріямъ эти рисунки представляютъ вѣрную и полную картину особенностей и быта цѣлыхъ сословій... Прощаясь съ читателями, мы можемъ сказать, что сдѣлали все, что могли, если не все, что слѣдовало и что было необходимо. Faciunt meliora potentes».

Мы, конечно, не могли заимствовать изъ альбомовъ «Знакомые» для воспроизведенія всѣхъ удачныхъ карикатуръ и сохранившихъ доселѣ въ томъ или другомъ отношеніи интересъ. Взятые нами образчики характерны на столько, что могутъ дать хотя бы нѣкоторое понятіе о наблюдательности Н. А. Степанова съ сферѣ общественной жизни, о его умѣніи подмѣчать человѣческія слабости и способности находить для воплощенія ихъ яркіе карикатурные образы. Добрая половина карикатуръ изъ «Знакомыхъ», конечно, для насъ имѣетъ весьма слабый интересъ, затрогивая и иллюстрируя такія злобы дня, которыя волновали людей пятидесятыхъ годовъ. Есть кромѣ того, карикатуры шуточныя, а не сатирическія, не преслѣдующія особенно серьезныхъ цѣлей, являющіяся такъ сказать, «цвѣтами невиннаго юмора». Такимъ образомъ остается, пожалуй, всего лишь четверть, имѣющихъ значеніе и донынѣ; изъ этой четверти мы и заимствовали шестнадцать карикатуръ для воспроизведенія. Среди нихъ есть нѣсколько литературныхъ, но большая часть общественныхъ. Въ «Знакомыхъ» Н. А. Степанову больше всего удались карикатуры на «акробатовъ благотворительности», на чиновничество, серія карикатуръ подъ заглавіемъ: «Русскій человѣкъ», въ которыхъ подмѣчено много классическихъ чертъ русскаго характера, и другая, наконецъ, серія, иллюстрирующая наши «Взгляды на воспитаніе». Вообще же, хотя «Знакомые» и были, какъ мы уже говорили, какъ бы продолженіемъ «Ералаша», но по содержанію своему они гораздо разнообразнѣе послѣдняго, превосходя его вмѣстѣ съ тѣмъ и качествомъ рисунка, большею типичностью и мѣткостью. Просматривая пятьдесятъ шесть листовъ, заключающихъ больше двухъ сотъ принадлежащихъ карандашу Н. А. рисунковъ, мы убѣждаемся, что талантъ его достигъ къ этому времени уже полной своей зрѣлости, что для него настала пора широкой общественной дѣятельности съ сферѣ карикатуры, что творческая фантазія его работала неутомимо, ибо онъ, одновременно съ дѣятельнымъ участіемъ въ «Знакомыхъ», болѣе года сотрудничаетъ еще въ «Сынѣ Отечества», привлекая къ нему массы подписчиковъ и подготовляя себя для пятилѣтнихъ трудовъ въ «Искрѣ».

ками Емельянова и Маркова, заботившихся болѣе о рисункѣ, чѣмъ о содержанiи карикатуры. У Н. А. Степанова карикатура является карикатурой какъ по своей внѣшности, такъ и по внутреннему содержанiю. И хотя онъ не придавалъ своимъ карикатурамъ особеннаго значенiя, и не предполагалъ, что онѣ долго будутъ занимать общество, но многiя изъ нихъ и теперь еще не лишены интереса и свѣжести... Одно только можно замѣтить, что такъ какъ въ карикатурахъ фигурируютъ настоящiе портреты многихъ лицъ, игравшихъ тогда роль и извѣстныхъ во всѣхъ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ, то теперь карикатуры эти уже требуютъ объясненiй, а безъ нихъ онѣ цѣнятся лишь по ихъ внѣшной карикатурной сторонѣ. Это, конечно, недостатокъ, но что же дѣлать, если карикатура часто бываетъ вызвана извѣстною личностью...

«Съ выступленiемъ Н. А. Степанова на журнальную арену у него явились благопрiятели, старавшiеся разобрать его карикатуры по косточкамъ и указать на ихъ недостатки. Послѣ разноголосныхъ толковъ оказалось, что Н. А. Степановъ не умѣетъ рисовать, что во всѣхъ его карикатурахъ рисунокъ неправиленъ и невѣренъ. Разумѣется, мнѣнiе это ложно... Стоитъ бросить хоть бѣглый взглядъ на любую карикатуру Н. А. Степанова—и она тотчасъ вызоветъ въ васъ улыбку, и очень часто, не прочитавъ еще подписи, вы уже знаете въ чемъ дѣло. Нѣтъ сомнѣнiя, что подписи играютъ не послѣднюю роль во многихъ сложныхъ карикатурахъ, но Н. А. Степановъ старался, чтобы подпись играла въ карикатурѣ лишь роль аккомпанимента, придавала бы ей большую силу и экспрессiю. Взгляните, напримѣръ, на карикатуру, въ которой представленъ бѣдный мелкiй чиновникъ, явившiйся къ своему директору съ просьбою о пособiи, по случаю какого-то семейнаго несчастiя. Тутъ вамъ не нужна никакая подпись»...

Весь 1858 годъ, начиная съ нумера второго, Н. А. Степановъ участвовалъ въ «Сынѣ Отечества» и далъ карикатуры для сорока двухъ нумеровъ, т. е. сто шестьдесятъ восемь группъ. Карикатуры его, по вѣрному замѣчанiю г. Старчевскаго, становились все лучше по исполненiю, такъ какъ онъ вполнѣ усвоилъ себѣ тѣ правила и прiемы, въ которые посвятили его граверы, да и нѣкоторыя основательныя замѣчанiя критики имѣли также влiянiе на улучшенiе его рисунка. Что же касается подписей, то за ними никогда дѣло не стояло: Н. А. Степановъ былъ очень остроуменъ, ѣдокъ и находчивъ. Здѣсь кстати замѣтить, что до сотрудничества въ «Сынѣ Отечества» Н. А. не имѣлъ понятiя, какъ рисуютъ на деревѣ. Между тѣмъ, заключая съ г. Старчевскимъ условiе, онъ хотѣлъ самъ и компановать, и рисовать на доскахъ скомпанованныя карикатуры. Но чтобы передавать рисунокъ на деревѣ—требуется особенная снаровка и привычка, такъ что многiе, отлично рисуя на бумагѣ, совершенно не могутъ переводить ихъ на доски. Намъ

сдѣланы полегче, я хочу перепробовать всѣ способы черченія — авось, добьюсь и до настоящаго. Пришлю я вамъ также два листа карикатуръ, но прошу заранѣе оградить личность ихъ отъ пощечинъ цензуры... Еще разъ прошу откомандировать ко мнѣ Сѣрякова»[1]).

Возьмемъ еще нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній г. Старчевскаго о сотрудничествѣ Н. А. въ «Сынѣ Отечества». «Относительно аккуратности, — говоритъ Старчевскій, — и своевременной доставки въ редакцію и цензуру карикатурныхъ листовъ, а также по своевременному исполненію рисунковъ на доскахъ — Степановъ былъ безукоризненъ. Записки о скорѣйшемъ доставленіи дощечекъ и процензурованныхъ карикатуръ такъ и летѣли въ редакцію... Такъ какъ у Н. А. было довольно дѣла съ карикатурами, которыхъ еженедѣльно требовалось скомпановать четыре группы, нарисовать ихъ предварительно на листахъ, а потомъ перевести на доски, то разумѣется, что свободнаго времени у него оставалось очень мало, и потому въ теченіе всего года мы видѣлись очень рѣдко: каждый дѣлалъ свое дѣло. И нужно отдать полную справедливость его благородному безкорыстію: онъ самъ назначилъ себѣ помѣсячный гонораръ въ 60 рублей и былъ имъ вполнѣ доволенъ. Такая умѣренность талантливаго художника у насъ довольно рѣдка... Лѣтомъ 1858 года мнѣ уже было извѣстно, что, увлекшись необычайнымъ успѣхомъ «Сына Отечества», который имѣлъ до 14.000 подписчиковъ, В. С. Курочкинъ, бывшій мой сотрудникъ, а потомъ перебѣжчикъ въ «Общезанимательный Вѣстникъ», издававшійся Рюминымъ, вздумалъ, при содѣйствіи Степанова[2]), издавать чисто карикатурный журналъ «Искру». Онъ полагалъ, что если карикатуры Степанова, помѣщаемыя въ «Сынѣ Отечества», имѣютъ въ обществѣ большой успѣхъ, то и первый на Руси чисто сатирическій журналъ съ карикатурами долженъ имѣть успѣхъ громадный, переманивъ не одну тысячу подписчиковъ отъ «Сына Отечества»... Въ теченіе лѣта, однако, все это держалось отъ меня въ тайнѣ... Но вотъ, наконецъ, появилось

---

[1]) По поводу этого письма г. Старчевскій замѣчаетъ: «Послѣдняя фраза теперь многимъ литераторамъ, знающимъ чѣмъ впослѣдствіи сталъ извѣстный нашъ граверъ Сѣряковъ, покажется странной. Но тогда Сѣряковъ рѣзалъ на деревѣ рисунки для «Сына Отечества» и хотя былъ однимъ изъ лучшихъ ксилографовъ, однако, никто не могъ думать, что человѣкъ, не получившій никакого образованія, прибывшій въ Петербургъ по способу пѣшаго хожденія и поступившій на первыхъ порахъ въ дворники, какъ онъ самъ объ этомъ разсказывалъ, впослѣдствіи получитъ европейскую извѣстность и будетъ конкурировать въ Парижѣ съ первѣйшими французскими ксилографами, которымъ онъ ни въ чемъ не уступалъ. Какая счастливая и богатая русская натура».

[2]) Здѣсь г. Старчевскій не точно передаетъ факты: завѣтной мыслью Н. А было издавать карикатурный журналъ (объ этомъ подробнѣе скажемъ въ слѣдующей главѣ), онъ давно искалъ редактора литературной части и денегъ на такое изданіе; ему принадлежитъ полная иниціатива въ основаніи «Искры», а не Курочкину.

Польза отъ кринолиновъ.

Для науки: въ примѣненіи къ аэростатамъ.

объявленіе объ изданіи въ 1859 году «Искры». Вскорѣ послѣ этого Степановъ былъ у меня, объяснилъ все дѣло и заявилъ, что будетъ попрежнему продолжать работать для «Сына Отечества» до конца года и даже въ январѣ 1859, пока я не отыщу лицо, способное замѣнить его въ журналѣ. И онъ дѣйствительно самымъ добросовѣстнымъ образомъ продолжалъ свое дѣло... Надо сознаться, что оставленіе Н. А. «Сына Отечества» было для меня весьма чувствительною потерей. Замѣнить его было невозможно, да и онъ пріобрѣлъ громадную популярность, которую вполнѣ заслуживалъ. Но переходъ его въ «Искру» не только не лишилъ меня подписчиковъ, а напротивъ въ 1859 году число ихъ прибавилось, превысивъ 16.000.—Тѣмъ не менѣе, 1858 годъ нанесъ мнѣ два чувствительныхъ удара: первый—смерть Сенковскаго, лишившая меня популярныхъ «листковъ барона Брамбеуса», второй—уходъ Степанова, карикатуры котораго замѣняли эти листки».

Особенно яркихъ и характерныхъ среди карикатуръ, рисованныхъ Н. А. за время его сотрудничества въ «Сынѣ Отечества», по нашему мнѣнію, нѣтъ; потому мы и не взяли изъ нихъ ни одной для воспроизведенія на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Этотъ краткій періодъ своей дѣятельности, первые свои шаги на журнальномъ поприщѣ Н. А. не ознаменовалъ ничѣмъ выдающимся. Карикатуры этого времени съ одной стороны примыкаютъ къ «Искрѣ», а съ другой являются продолженіемъ темъ изъ альбомовъ «Знакомые». Въ нихъ преобладаетъ не сатира, подчасъ очень ѣдкая и больно бичующая современные пороки, какъ это было въ «Искрѣ», а игривое остроуміе, добродушный юморъ и подчасъ довольно незатѣйливая игра словъ, такъ что весь эффектъ и соль заключаются въ удачныхъ подписяхъ.

Но помимо этихъ шалостей талантливаго карандаша, которыя вызывались, вѣроятно, довольно часто «независящими обстоятельствами», есть карикатуры съ пошибомъ сатирическимъ. Вотъ, напримѣръ, на одной карикатурѣ изображаются водовозъ и фельетонистъ. Первый спрашиваетъ второго:

— А что баринъ, и ты возишь воду?

— Да любезный,—отвѣчаетъ фельетонистъ, имя же ему легіонъ и донынѣ,—подрядился поставлять въ одинъ журналъ.

Или еще другая карикатура изъ того же журнальнаго міра, столь примѣнимая къ современнымъ нравамъ. Двое бесѣдуютъ:

— Не хотите ли быть моимъ компаніономъ по изданію?

— Хорошо, но тутъ много условій.

— По моему только два: умъ и деньги.

— Значитъ, капиталъ вашъ?

Весьма не дурна и слѣдующая жанровая картина, характерная для семейныхъ нравовъ извѣстнаго сорта людей или даже

людей извѣстнаго круга. Дѣйствующія лица отецъ и сынъ, встрѣтившіеся въ неудобномъ мѣстѣ.

Отецъ. Вѣдь я запретилъ тебѣ таскаться по трактирамъ.

Сынъ. Виноватъ, сейчасъ уйду домой.

Отецъ. На этотъ разъ можешь остаться, только не говори матери, что встрѣтился тутъ со мной.

Интересны до сихъ поръ карикатуры изъ быта чиновничьяго, столь близко знакомаго Степанову, изъ семейной жизни, которая досёлѣ служитъ неисчерпаемымъ кладеземъ юмористическаго вдохновенія для карикатуристовъ всѣхъ націй, въ особенности же русскихъ; заставляютъ задумываться и такія карикатуры, которыя, кажется, посвящены вопросамъ и злобамъ, отошедшимъ уже въ область преданій, каковы, напримѣръ, откупа и взяточничество, ибо эти карикатуры съ нѣкоторыми измѣненіями примѣнимы и къ жизни современной: реформы учрежденій совершаются быстро, нравы же исправляются очень медленно, слоями, касаясь болѣе верхнихъ и слабо проникая въ нижніе.

С. Трубачевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА [1].

XXI.

Московскій оберъ-полиційместеръ Шульгинъ былъ гордъ и надмененъ. Это обстоятельство много вредило ему въ отношеніяхъ къ самолюбивымъ москвичамъ.

Однажды, является къ Шульгину, по дѣламъ, богатый первогильдейный купецъ и располагается въ пріемной, бережно положивъ свою мѣховую шапку у письменнаго стола.

Въ пріемную вышелъ Шульгинъ и прежде всего ему почему-то бросилась въ глаза эта шапка.

— Чья?—грозно спросилъ онъ посѣтителей, указывая на нее.

— Моя, ваше превосходительство,—отвѣтилъ купецъ нѣсколько смутившись и неловко потянулся къ собственности.

— Какъ же ты смѣлъ положить свою шапку на мое кресло!—наступилъ на него оберъ-полиціймейстеръ.

Такой неласковый пріемъ неожиданно проштрафившагося купца сконфузилъ и обидѣлъ его.

— Помилуйте,—сказалъ онъ, давая понять Шульгину, что тотъ разговариваетъ не съ какимъ-нибудь разночинцемъ, а съ коммерческой особой.—Я вѣдь первой гильдіи купецъ!

---

[1] См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 488.

— А я, по твоему, второй что ли?—сердито воскликнулъ оберъ-полиціймейстеръ и приказалъ дежурному квартальному: дать ему метлу и заставить вымести улицу.

Какъ купецъ не упирался и не протестовалъ, а улицу вымелъ...

XXII.

Младшій священникъ Литовскаго полка разсказывалъ мнѣ, какъ нѣкоторые солдаты приступаютъ къ причастію.

Придетъ и вытянется, точно аршинъ проглотилъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваю.

— Андрей Степановъ, ваше благородіе!—отчеканитъ онъ.

Я набираю лжицею причастіе, а онъ съ мѣста не тронется, только вытянетъ шею, какъ журавль, и тянется къ чашѣ. Съ крайнею осторожностью донесешь лжицу до его рта и не успѣешь принять ее обратно, какъ онъ снова отчеканитъ:

— Покорно благодаримъ, ваше благородіе!

И повернувъ налѣво кругомъ, маршированнымъ шагомъ отправляется на мѣсто.

XXIII.

Поручикъ пограничной стражи Бакѣевъ былъ одержимъ страстью къ спиртнымъ напиткамъ. Начальство долго терпѣло его поведеніе, но, наконецъ, потерявъ всякую надежду исправить его, предложило ему выдти въ отставку. Это было во время Севастопольской кампаніи... Бакѣевъ воспользовался военнымъ временемъ и попросилъ перевода въ дѣйствующую армію, что и было охотно исполнено. Его зачислили въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ Севастопольскаго гарнизона. Съ этимъ переводомъ наступило для него положительное приволье: пить онъ могъ безнаказанно сколько было угодно, потому что начальству тогда было не до того.

Разъ ему пришлось стоять на посту въ виду непріятелей. Наканунѣ онъ былъ пьянъ и хмѣль еще не совсѣмъ вышелъ изъ его головы... Вѣроятно, соскучившись стоять нѣсколько часовъ на одномъ мѣстѣ, онъ легъ на спину, задорно поднявъ ноги, на подобіе флаговъ.

— Бейте, подлецы,—сказалъ онъ,—на полный пенсіонъ!

Непріятели нацѣлились въ оригинальнаго часового и такъ мѣтко попали въ него, что Бакѣевъ до пенсіи не выжилъ.

XXIV.

Въ доброе старое время армейскіе офицеры отличались сантиментальностью и по простотѣ своей душевной довольствовались очень немногимъ.

Бывало, только-что произведенный офицеръ считалъ обязанностью на первое свое третное жалованье купить: халатъ съ пестрыми разводами и красными цвѣтами, шнуръ, который заканчивался тяжелыми кистями; спальные сапоги съ цвѣтными узорами, на манеръ татарскихъ; турецкую феску и длинный черешневый чубукъ. Этимъ обозначались самые первые и утѣшительные шаги къ барству и сознанію относительной самостоятельности. Кисетъ же, изготовленный изъ разныхъ лоскутковъ, и часовой шнурокъ, вышитый голубымъ бисеромъ, обыкновенно заготовлялся задолго до полученія офицерскаго чина. Эти предметы были почти всегда трогательными воспоминаніями о какой-нибудь барышнѣ, заставлявшей трепетно биться юное сердечко счастливаго обладателя этихъ сувенировъ, тѣмъ болѣе дорогихъ, что они добывались путемъ терпѣливаго и продолжительнаго ухаживанья.

Часто случалось, что офицеръ, обзаведенный всѣми атрибутами роскоши и потратившій на это все свое жалованье, принужденъ былъ съ рыцарскимъ терпѣніемъ переносить нужду и довольствоваться солдатскимъ обѣдомъ. Впрочемъ, это его не смущало нисколько, потому что при слѣдующей получкѣ денегъ онъ пріобрѣталъ гитару и въ часы досуга обучался извлекать изъ нея медленные звуки какого-нибудь чувствительнаго романса.

Обычнымъ развлеченіемъ офицеръ стараго времени считалъ «провѣтриванье». Это значило въ домашнемъ костюмѣ сидѣть за воротами своего дома, покуривать трубку и брянчать на гитарѣ. Высшимъ же удовольствіемъ было прогуливаться по городу въ праздничный день. Облачится бывало офицеръ въ полную форму и лихо пройдетъ мимо тѣхъ домовъ, изъ оконъ которыхъ кокетливо выглядываютъ женскія головки. За нимъ непремѣнно плетется денщикъ, таскающій чубукъ и кисетъ.

Во время этой прогулки между самодовольнымъ офицеромъ и терпѣливымъ денщикомъ обыкновенно происходитъ такой разговоръ:

— Егорка, эполеты трясутся?

— Трясутся, ваше благородіе.

— Ну и пусть себѣ трясутся!... А шарфъ шатается?

— Шатается, ваше благородіе.

— Богъ съ нимъ! Пусть себѣ шатается!... А барышни любуются?

— Любуются, ваше благородіе.

— Не запретишь вѣдь,—пусть себѣ любуются и страдаютъ!

И жилось просто, счастливо и пріятно! Такъ ли нынѣшніе живутъ?!

XXV.

Солдатъ учатъ, чтобы они при инспекторскихъ смотрахъ отвѣчали быстро, внятно и громко. Однажды, этотъ мудрый способъ преподаванія «не задумываться» сослужилъ большую службу нѣкоему полковому командиру С—ну.

На него былъ сердитъ начальникъ дивизіи, вздума врасплохъ сдѣлать смотръ, чтобы къ чему-нибудь подвести командира подъ отвѣтственность; но все ока удовлетворительнымъ. Тогда онъ сталъ разспрашива

— Претензіи не имѣете?

— Не имѣемъ, ваше превосходительство.

— Получаете все сполна?

— Все, ваше-ство.

— Кормятъ васъ хорошо?

— Хорошо, ваше-ство.

— Даютъ вамъ котлеты?

— Даютъ, ваше-ство.

— И соусъ?

— Такъ точно, ваше-ство.

Генералъ сталъ ужъ сердиться.

— И бисквиты получаете?

— Такъ точно, ваше-ство.

— Индюки, скоты, дурачье, бараны! — закричал дивизіи и уѣхалъ ни съ чѣмъ.

XXVI.

Въ мое время военное начальство особенною гра отличалось. Попадались такіе офицеры, которые безъ фамилію подписать не могли, и при какой-нибудь ну списать или отписать, обращались обыкновенно къ р рямъ, хотя тоже не особенно грамотнымъ, но за то водившимъ буквы, такъ что внѣшній видъ рукописи замѣнялъ внутренній. И это считалось совершенно д

Поэтому случались такія сценки:

Однажды капитанъ Шатихинъ, человѣкъ недале вательный и исполнительный служака, вздумалъ на женѣ письмо изъ лагеря. Не обладая достаточнымъ у давать бумагѣ свои мысли, онъ приказалъ явиться ному писарю, который, разумѣется, не замедлилъ пр нимъ съ необходимыми атрибутами: бумагою, перомъ

— Ну, садись... Слушай и записывай, — приказал и сталъ диктовать: — «Милая моя Оля! Я, слава Богу, ж чего и тебѣ желаю»...

Писарь бойко написалъ.

— Готово? — освѣдомился капитанъ.

— Готово.

— А ну-ка, почитай, такъ ли вышло...

— «Милая моя Оля!» — началъ было писарь, н гнѣвно его перебилъ:

— Какъ твоя Оля?... Ахъ, ты болванъ! Да какъ ты смѣешь про мою жену такъ говорить! На конюшню! Запорю!... Пиши снова...

Оробѣвшій писарь принялся за письмо во второй разъ. Капитанъ, значительно возвысивъ голосъ, вторично продиктовалъ: «Милая моя Оля! Я, слава Богу», и т. д. Когда фраза была написана, онъ снова потребовалъ ее прочитать.

— Опять что-нибудь навралъ!—внушительно замѣтилъ Шатихинъ.

Смѣтливый писарь во второй разъ посланіе своего начальника прочелъ уже такъ:

— Милая вашего высокоблагородія Оля! Ваше высокоблагородіе, слава Богу живы и здоровы, чего и вашему высокоблагородію желаютъ...

— Ну, то-то!—сказалъ довольный капитанъ.—Всегда нужно предъ начальствомъ почтеніе оказывать. Жена-то хоть и баба, а все-таки капитанша.

XXVII.

Начальникъ кирасирской дивизіи, генералъ Пилларъ-фонъ-Пильхау, плохо зналъ русскій языкъ, вслѣдствіе чего происходили частыя недоразумѣнія при объясненіяхъ его съ подчиненными. Въ особенности трудно ему было столковаться съ солдатами.

Однажды, при посѣщеніи полкового лазарета, Пилларъ-фонъ-Пильхау обратился съ вопросомъ къ одному больному рядовому:

— Чѣмъ ты больна?

— Задавнею ломотою,—отвѣтилъ тотъ.

Генералъ съ запальчивостью набросился на доктора.

— Пошему мнѣ не доложено? опять безпорядки!

Недоумѣвающій докторъ не нашелъ отвѣта.

— Вси необыкновенна слючи должны быть мнѣ извѣсна тотшасъ,—продолжалъ генералъ,—шелофека изуротовали, а я нишово не знаю...

— У больного, ваше превосходительство,—началъ было докторъ объяснять ревматическую болѣзнь рядового, но строгій начальникъ его перебилъ:

— Ахъ, пожалюста, безъ оправтаній!..

И моментально перемѣривъ гнѣвный голосъ на ласковый, сталъ разспрашивать солдата.

— Ахъ, ты бѣдній, бѣдній! Кто же тебя задафиль? Кто тебя поломаль?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство,—вздумалъ солдатъ поправить генерала.—У меня задавняя ломота...

— Нишаво, нишаво, ми все узнаемъ!..—успокоивающе сказалъ Пилларъ-фонъ-Пильхау и приказалъ сопровождавшему его адъютанту:—Нарядить слѣдствіе и подробно доложить мнѣ!

Привыкшій къ подобнымъ недоразумѣніямъ адъюта
въ разъясненія, отвѣтилъ:

— Слушаю!

XXVIII.

Адмиралъ N былъ страстный поклонникъ жен
оставался холостымъ до преклонныхъ лѣтъ. Его сл
рошенькимъ женщинамъ знали всѣ подчиненные и
сю въ неограниченныхъ предѣлахъ. На этой слабо
карьеры и упрочивалось благосостояніе очень многих

Однажды, является къ N экипажный командиръ
и докладываетъ:

— У меня въ экипажѣ матросъ женится...

— Ну, такъ что же?

— А то, что матросъ этотъ съ необыкновенно у
зіономіей и дылда такая, что невѣста ему чуть ни
достаетъ только... Совсѣмъ не пара ему эта красави

— Красавица, говорите?

— Удивительная!.. И молоденькая очень...

— Когда же свадьба?

— Сейчасъ должа состояться.

— Пойдемъ посмотрѣть!

Вошелъ адмиралъ въ церковь, взглянулъ на не
зился ея миловидностью. Дѣйствительно, она была о
Потомъ смѣрилъ взглядомъ жениха и брезгливое чу
имъ: матросъ представлялъ своею внѣшностію слиш
противоположность этой дѣвушкѣ.

Мягкое сердце адмирала преисполнилось жалос
почувствовало къ несчастной невѣстѣ непоборимое

Адмиралъ подошелъ къ ней и тихо спросилъ, по
вступаетъ въ замужество?

— Мать заставляетъ идти за него,—грустно отвѣ
конфузливо потупляясь.

Адмиралъ сейчасъ же прошелъ въ алтарь къ
готовившемуся приступить къ вѣнчанію, и сказалъ:

— Батюшка, вѣнчайте меня съ нею!

— Что вы?!—ужаснулся священникъ,—этимъ шу

— Да я и не шучу? Спросите у невѣсты желаетъ
за меня замужъ?

Произошло нѣкоторое замѣшательство. Послѣ нема
ній и доводовъ, священникъ вышелъ къ невѣстѣ
желаніи ея относительно замужества съ адмираломъ.
утвердительно.

Къ изумленію всѣхъ присутствовавшихъ въ хра
всталъ съ дѣвушкой подъ вѣнецъ, а отставному же

съ экипажнымъ командиромъ, пришлось расписаться въ метрической книгѣ свидѣтелями этого случайнаго брака.

Впослѣдствіи изъ этой дѣвушки вышла прехорошенькая адмиральша, на которую завистливо посматривало все морское общество. Адмиралъ нанялъ ей разныхъ учителей, и она въ самое короткое время, благодаря своей воспріимчивой натурѣ, сдѣлалась образованной и свѣтской барыней. Общество кронштадтскихъ дамъ къ ней искренно привязалось и никто не гнушался ея мѣщанскимъ происхожденіемъ.

XXIX.

Генералъ Коцебу ревизовалъ солдатскую школу. Осмотрѣвъ помѣщеніе, школьныя пособія, и поговоривъ съ офицеромъ-преподавателемъ, онъ обратился къ учащимся, желая провѣрить ихъ знанія.

— Это что за буква? — спросилъ Коцебу крайняго солдата, указывая на А. крупно написанное имъ на черной доскѣ.

— А, ваше превосходительство,—быстро отвѣтилъ тотъ.

— Хорошо! А эта?

— К, ваше—ство.

— Молодецъ!—поощрительно замѣтилъ генералъ и написалъ на доскѣ букву Я.—Ну а эта что за буква?

Солдатъ замялся.

— Развѣ этой буквы не знаешь?—удивился генералъ.—Вѣдь, поди, училъ ее?

— Такъ точно, ваше—ство.

— Забылъ, чтоли?

— Никакъ нѣтъ, ваше—ство.

— Такъ отчего же не можешь назвать ее?

Солдатъ глупо вытянулъ физіономію.

— Ну?

Наконецъ вопрошаемый съ робостію произноситъ, принимая ее за мѣстоименіе:

— Генералъ Коцеба!

XXX.

Генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края, князь Воронцовъ, оставилъ по себѣ благодарную память въ управляемой имъ мѣстности. Его справедливость, снисходительность и доброта, цѣнились всѣми и располагали къ нему каждаго. Въ обращеніи съ людьми онъ всегда былъ простъ и любезенъ, что способствовало откровенности младшихъ со старшими и порождало вѣру въ любимаго начальника края, принимавшаго близко къ сердцу нужды и благосостояніе жителей.

венно хватавшее на мѣсяцъ, теперь расходилось въ нѣсколько часовъ. Его табакъ вошелъ въ моду и самъ онъ уже не сталъ поспѣвать приготовлять его въ требуемомъ количествѣ, пришлось нанять работниковъ и открыть маленькую лавочку, впослѣдствіи расширенную въ большой магазинъ, приносившій владѣльцу изрядные барыши.

Въ непродолжительное время солдатъ скопилъ кругленькій капиталъ, выстроилъ на памятной ему Дерибасовской улицѣ роскошный домъ и записался въ купцы. Впослѣдствіи онъ бросилъ свою табачную фабрику и занялся болѣе крупными комерческими оборотами.

Благодаря счастливой случайности, что у князя Воронцова во время прогулки не оказалось въ табакеркѣ табаку, бѣдный отставной солдатъ сдѣлался богачемъ.

ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ ИДЕАЛИСТОВЪ.

ВЪ ДЕКАБРѢ мѣсяцѣ, 1888 года, Моск
при огромномъ стеченіи народа, къ
няго упокоенія, въ Алексѣевскій мона
изъ популярнѣйшихъ своихъ люде
десятилѣтія—Сергѣя Андреевича Юр
извѣстнаго своими литературными
слугами, сколько своимъ обширным
нымъ вліяніемъ, своей обаятельной, чарующе

Въ первые же дни послѣ кончины С. А. сред
возникла мысль объ изданіи въ память его и въ пол
сборника, и однимъ изъ первыхъ на призывъ иниці
дѣла отозвался графъ Л. Н. Толстой, предназначав
чально въ сборникъ «Крейцерову сонату», а затѣмъ
ее комедіей «Плоды просвѣщенія». Сборникъ этотъ,
шедшій въ свѣтъ и озаглавленный: «Въ память С.
является лучшимъ памятникомъ, который могли тольк
одному изъ послѣднихъ русскихъ идеалистовъ его
читатели. Помимо разнообразнаго и интереснаго мате
чающагося въ этомъ сборникѣ, онъ важенъ особен
даетъ возможность воскресить духовный обликъ С. А
ный въ воспоминаніяхъ его друзей,—свѣтлый облик
учительный и назидательный для нашего дряблаго
наго времени.

Когда С. А. Юрьева захотѣли выбрать въ Моск
Общества любителей россійской словесности и, по о
дили справки о томъ, что онъ напечаталъ, искренно

Писемскій—воскликнулъ: «что вы мнѣ говорите, напечаталъ! Да онъ наговорилъ о литературѣ больше всѣхъ насъ!» Дѣйствительно, Юрьевъ былъ по преимуществу художникомъ устнаго слова, ораторомъ, и владѣлъ этимъ рѣдкимъ даромъ въ совершенствѣ. Онъ, такъ сказать, разбрасывалъ по воздуху свои сокровища, а не будь этого—его положеніе въ литературѣ было бы гораздо опредѣленнѣе и внушительнѣе, чѣмъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, С. А. извѣстенъ теперь какъ публицистъ, основатель недолговѣчной «Бесѣды» (1871—1872 гг.) и «Русской Мысли», изъ которой ловкіе люди съумѣли его выжить; какъ художественный критикъ, немногочисленныя статьи котораго о театрѣ и по литературѣ, какъ напримѣръ «Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ» и «Опытъ объясненія трагедіи Гёте «Фаустъ», никогда, правда, не забудутся; наконецъ, какъ драматическій писатель и главнымъ образомъ прекрасный переводчикъ нѣкоторыхъ драмъ Лопе-де-Веги и Шекспира... и только. Между тѣмъ, имя его было извѣстно всей Москвѣ и въ литературѣ произносилось съ большимъ уваженіемъ. Тайна этой широкой популярности скрывалась въ его высоко-образованной, чуткой, идеальной личности, въ его вліяніи на людей разныхъ общественныхъ положеній и состояній, ибо С. А., этотъ неутомимый искатель истины, былъ вѣчнымъ проповѣдникомъ, всегда увлекающимся, задушевнымъ собесѣдникомъ, добровольнымъ учителемъ всѣхъ, кто хотѣлъ его слушать. Артистъ, начинающій писатель, студентъ, спеціалистъ ученый, общественный дѣятель—всѣ почерпали въ его рѣчахъ много цѣннаго и ободряющаго. Такимъ образомъ, бесѣды Юрьева были серьезнымъ общественнымъ служеніемъ. Эти бесѣды теперь не исчезнутъ въ памяти общества, и благородный, и яркій образъ Юрьева-мыслителя, Юрьева-оратора, отзывавшагося своею бодрою мыслью на самые разнообразные вопросы и предметы, сохранится въ потомствѣ. За это, конечно, нужно поблагодарить друзей покойнаго: профессора А. Н. Веселовскаго, князя А. И. Сумбатова, Л. М. Лопатина и г-жу Л., которые подѣлились съ публикой своими воспоминаніями о симпатичномъ идеалистѣ, позволяющими сдѣлась довольно обстоятельную характеристику Юрьева и лишній разъ остановить общественное вниманіе на одномъ изъ благороднѣйшихъ энтузіастовъ, которыми такъ оскудѣла современная дѣйствительность...

Многимъ С. А. казался человѣкомъ страннымъ, въ которомъ уживались всевозможныя противоположности и который будто бы тѣшился игрою противорѣчій. Эти непроницательные люди удивлялись какъ прекрасный математикъ, даже астрономъ, могъ въ то же время бредить Шекспиромъ и Гёте, какъ калязинскій землевладѣлецъ, популярный въ своей округѣ, могъ ходить тамъ въ народномъ костюмѣ, играть у себя вмѣстѣ съ крестьянами на сценѣ, а потомъ углубляться съ Шеллингомъ въ дебри абстрактности; какъ

цѣлямъ». Исторія начинается порабощеніемъ человѣка природой и обществомъ и ходъ ея состоитъ въ постепенномъ нравственномъ возвышеніи и освобожденіи лица отъ внѣшняго и внутренняго гнета. «Въ будущемъ,—говоритъ г. Лопатинъ,—предносилось Юрьеву полное раскрытіе нравственныхъ силъ человѣчества, окончательная побѣда самодѣятельной личности надъ противоборствующими ей темными силами». При этомъ личность только въ нравственномъ единеніи съ остальнымъ человѣчествомъ, въ началѣ соборномъ или хоровомъ, найдетъ высшую правду жизни,—только руководимая любовью къ человѣку и идеалами счастья людей достигнетъ «святая святыхъ тайнъ жизни, полнаго удовлетворенія и блаженства». Отсюда понятнымъ становится важное значеніе, которое Юрьевъ придавалъ народности, ибо только въ союзѣ съ другими людьми человѣкъ становится нравственною личностью. Народъ есть естественный союзъ людей, въ которомъ они прямо родятся и на жизнь котораго вліяютъ своимъ творческимъ духомъ, постепенно обособляясь среди другихъ народовъ своимъ языкомъ, поэзіей, обычаями, религіозными вѣрованіями. Но это обособленіе въ концѣ концовъ должно завершиться общечеловѣческимъ единеніемъ «по мѣрѣ того, говоритъ Юрьевъ, какъ возростаютъ познанія истины и вселяется ея правда въ жизнь человѣчества, возростаютъ и самобытность и независимость каждаго народа и каждаго человѣка, возростаетъ и братство народовъ и людей и ихъ внутреннее единеніе, и близится возвѣщенное Христомъ царство правды, въ которомъ душа каждаго человѣка станетъ для всѣхъ дороже цѣлаго міра, и всѣ будутъ едины, какъ братья».

Понимая такъ внѣшнюю жизнь міра, С. А. глубоко былъ убѣжденъ въ существованіи въ ней стороны мистической, ибо міръ потому и существуетъ, что въ немъ вѣетъ Духъ Божественный, вездѣ внося жизнь и радость, ибо реальное начало должно въ корнѣ просвѣтиться, внутренно, а не только извнѣ подъ давленіемъ начала идеальнаго: иначе міровой процессъ не былъ бы законченъ и осмысленъ. Тварь должна потушить въ себѣ антагонизмъ къ идеальному, т. е. должна принять въ себя Божество. Но собственными силами она сдѣлать этого не могла, и отсюда возникла нравственная неизбѣжность воплощенія Бога въ человѣческомъ образѣ. «Личность Христа,—говоритъ г. Лопатинъ,—является средоточіемъ мірового и историческаго процесса въ его неуклонномъ теченіи къ очищенію и возрожденію всего сотвореннаго, и искупительный актъ Христовъ былъ для Юрьева не только предметомъ вѣры— онъ видѣлъ въ немъ верховную истину умозрѣнія».

Будучи убѣжденнымъ спиритуалистомъ, С. А. оригинально доказывалъ, что жизнь организма есть «лишь выраженіе безотчетнаго душевнаго творчества». Онъ разсуждалъ такъ: въ физической природѣ нѣтъ того, что мы называемъ развитіемъ и совер-

шенствованіемъ, а только смѣна формъ движенія; въ духѣ же пріобрѣтенія души не поглощаются ихъ переходомъ въ активныя состоянія, духъ непрерывно накопляетъ пережитыя состоянія, безпредѣльно ростетъ и ширится, словомъ духъ отличается отъ тѣла внутренней безконечностью. Къ этому коренному убѣжденію Юрьева въ могущество духа примыкала его горячая вѣра въ без-

Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ.

смертіе души, для которой земная жизнь слишкомъ ограниченна, чтобы развить всю безконечную полноту лежащихъ въ ней духовныхъ задатковъ. Мы не только ничтожные винты и колеса огромной и безпощадной машины: въ насъ живетъ свободный, безконечный духъ, который погибнуть не можетъ, — иначе жизнь лишается смысла. Для Юрьева безсмертіе было не отвлеченнымъ

догматомъ, а живымъ представленіемъ: онъ разсматривалъ, по стопамъ великихъ мыслителей церкви, Оригена и св. Григорія Нисскаго, судьбу душъ за предѣлами гроба, какъ великій очистистительный процессъ, ведущій всякую духовную тварь къ примиренію и сочетанію съ ея Божественнымъ Источникомъ. «Онъ признавалъ, говоритъ г. Лопатинъ, различіе въ посмертной участи духовныхъ существъ, но онъ не рѣшился вѣрить въ вѣчную область зла и муки рядомъ съ торжествующимъ царствомъ Христа. Страданія омраченной души являлось его умственному взору нравственно необходимымъ слѣдствіемъ духовнаго огрубѣнія, ненормальнаго направленія воли, ея извращеннаго отношенія къ божеству и низшимъ силамъ дѣйствительности. Однажды, покойный выразился такъ въ неподражаемой наивности своей образной рѣчи: «Представьте человѣка, который живетъ въ душу живую (передъ тѣмъ шелъ разговоръ о различіи въ человѣкѣ души живой, общей у него съ животными, отъ духа животворящаго, — высшаго начала въ немъ), т. е. животныя побужденія—ѣсть, пьетъ, ищетъ только чувственныхъ наслажденій, и вдругъ онъ умираетъ, остается духъ и только. Поймите, въ какое положеніе онъ попадетъ,—странное, нелѣпое положеніе! Ему неловко, онъ не знаетъ, что съ собой дѣлать, куда дѣться! Онъ точно пьяный среди трезвой и благочинной компаніи! И вотъ является неизбѣжный рядъ мученій, борьбы, безплодныхъ усилій». Но и для этихъ душъ, утонувшихъ въ собственной тьмѣ, загорится когда-нибудь яркій лучъ благодати и примиренія.

Въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ С. А. находился и взглядъ его на задачи познанія: онъ утверждалъ, что полная живая истина открывается лишь гармоническому дѣйствію всѣхъ духовныхъ силъ человѣка. Подъ такимъ внутренно-цѣлостнымъ познаніемъ Юрьевъ разумѣлъ не только простое сочетаніе умозрѣнія съ опытомъ; онъ давалъ не менѣе выдающееся мѣсто въ познаніи высшей истины волѣ, направленной къ добру, и чувству, воспріимчивому къ красотѣ созданія. Такой взглядъ становится понятенъ, если припомнить, что Юрьевъ считалъ міровой процессъ—живымъ художествомъ всемірнаго духа, а вселенную — художественнымъ осуществленіемъ божественной мысли. Слѣдовательно, для пониманія «таинственной картины міра, раскинутой передъ нашими глазами, мы должны настроить себя созвучно тому, что въ немъ совершается».

Но истина все-таки дается не одинокимъ усиліямъ отдѣльнаго ума, она «усвояется соборною всецѣлостью общечеловѣческаго сознанія, объединеннаго свободнымъ дѣйствіемъ любви въ воспріятіи откровенія, т. е. осуществляется только въ церкви, мистически обоснованной искупительнымъ актомъ Христа». С. А. былъ искренно-вѣрующимъ православнымъ христіаниномъ, горячимъ поклонни-

комъ Хомякова и его теоріи церкви. Юрьевъ говори:
ныя вѣрованія христіанства въ ихъ живомъ внутр
ствѣ суть такіе же постулаты свободнаго нравственн
какими представлялись Канту его абстрактныя у
бытіи Бога, безсмертіи души и человѣческой свобод
рилъ, что духъ христіанства, которымъ сознательно
тельно живутъ новые вѣка, ведущіе человѣка къ жи
ной, не можетъ считать противоестественными стр
вѣка познать абсолютную истину и проникнуть дух
жизни божественной, но вмѣняетъ въ вину человѣка
направленіе его душевныхъ стремленій и видитъ въ
ственное извращеніе природы человѣка, источникъ ег

Конечно, многіе найдутъ и находили міровоззрѣн
тастическимъ и мечтательнымъ; многіе скажутъ, что
произвольныя толкованія понятій, которыя обыкновен
совсѣмъ иное, чѣмъ думаетъ Юрьевъ. Мы говоримъ
кованіи безсмертія души, о загробномъ существованіі
вѣры въ догматы съ совершеннымъ свободомысліемъ,
дахъ на сущность познанія, отличающихся туманно
до нѣкоторой степени вѣрно и строгой, научно-фило
тики многіе отдѣльные взгляды Юрьева, пожалуй, н
Но противники С. А. забываютъ, что въ данномъ слу
все не въ критикѣ: Юрьевъ не желалъ строить ника
ской системы и не считалъ себя къ тому призванны
воззрѣніе было его личнымъ вѣрованіемъ и, не с
которыя натяжки, имѣетъ бо̀льшую жизненную и
цѣнность, чѣмъ многія стройныя философскія ученія
особенно потому, что черезъ него красной нитью пр
чая вѣра всѣмъ сердцемъ въ человѣка, настоящая б
къ людямъ. И оно важно особенно въ наше время—
бонервное, ноющее, когда гнилыя пессимистическія те
тили почти все молодое поколѣніе, когда угасла бо
безконечность человѣческаго духа и когда эту вѣру з
слабляющая и убивающая всѣ хорошія стремленія
ванѣ, мысль о кажущемся ничтожествѣ всѣхъ дѣлъ ч
приводящая столь же скоро и къ легкомысленнымъ са
и къ безшабашному прожиганію жизни. Нынѣшни
старикамъ, не спѣша критиковать взгляды Юрьева,
запастись его вѣрой во внутреннюю красоту человѣк
онъ почерпалъ свой юношескій пылъ, выдѣлявшій ег
его сверстниковъ и помогавшій переносить ему тяж
скія невзгоды,—слѣдовало бы научиться у него жит
умирать,—слѣдовало бы воспринять его вѣру въ свѣ
людей, въ глубокій нравственный смыслъ исторіи и
вѣщія слова: «Стремленіе къ познанію истины, къ о

правды въ жизни, есть основная и центральная сила духовной природы человѣка, которая влечетъ его на высшія степени совершенствованія, къ высшимъ цѣлямъ его жизни. Это голосъ Бога въ его душѣ, незаглушимый, неистребимый никакими отрицательными силами, въ какія бы уклоненія не отвлекали онѣ его отъ прямого пути, какими бы извилинами не шелъ онъ въ своей жизни». Въ этомъ глубоко-поучительная и жизненная сторона міровоззрѣнія С. А., съ которымъ тѣсно были связаны его гуманный либерализмъ во мнѣніяхъ о дѣлахъ общественныхъ и политическихъ и его возвышенный идеализмъ въ вопросахъ искусства.

Юрьевъ горячо сочувствовалъ всякому успѣху свободы, гуманности, правды во всѣхъ странахъ; насиліе и безчеловѣчность, гдѣ бы они ни совершались, глубоко возмущали его, ибо онъ верховной обязанностью человѣка считалъ дѣятельность свободную, соединенную съ полнымъ развитіемъ силъ личности. Онъ говорилъ: «Только отрицая духъ въ человѣкѣ, можно отрицать его абсолютное право на индивидуальную, личную самостоятельность и свободу. Свобода для человѣка есть возможность для него личнаго самоопредѣленія во имя правды, и право на свободу равносильно праву на то, чтобы быть вполнѣ человѣкомъ. Это неприкосновенная святыня, за которую онъ долженъ умирать, ибо безъ нея онъ не можетъ служить правдѣ. Какъ безконечны силы духа, такъ безконечна и радость ихъ удовлетворенія. Къ этому счастью открываетъ путь свобода, и потому нѣтъ драгоцѣннѣе ея никакого сокровища на землѣ». Такіе диѳирамбы свободѣ подавали иногда поводъ людямъ, не знавшимъ лично С. А., считать его человѣкомъ, вредно дѣйствовавшимъ на молодежь, называя его «нигилистомъ». Г-жа Л. замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Юрьевѣ, что она всегда искренно удивлялась такому мнѣнію. Самъ С. А. высказывалъ ей (см. 171 стр. «Сборника»), что видѣлъ въ радикальной молодежи лишь извѣстнаго оттѣнка людей, не щадившихъ жизни для воображаемаго блага человѣчества, и что, по его мнѣнію, движеніе это прежде всего достойно искренняго сожалѣнія.—«Я всегда говорилъ, что эта проповѣдь невозможна, что это вздоръ, чепуха!.. Путемъ насилія они ничего не сдѣлаютъ, этого нельзя, это совершенный вздоръ-съ! Идеи свободы и равенства можно проповѣдывать только Евангеліемъ».

Столь же свято, какъ свобода, было для Юрьева искусство, и художественный геній былъ для него великой силой ясновидѣнія самыхъ коренныхъ тайнъ, движущихъ жизнью природы и человѣка. Онъ требовалъ отъ искусства не потаканія грубымъ вкусамъ, а служенія высшимъ вопросамъ духовной жизни; онъ полагалъ его задачу въ живомъ воплощеніи идеаловъ красоты и правды, ибо былъ убѣжденъ, что нравственное и художественно-прекрасное тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ двѣ стороны

одной и той же истины. Изъ всѣхъ видовъ искусс
ствовалъ особенное влеченіе къ сценическому, призн
громадное культурное значеніе. Драму С. А. счит
созданіемъ поэзіи, а сцену—всенародной каѳедрой.
зывалъ еще всенароднымъ краснорѣчіемъ («Нѣско
сценическомъ искусствѣ»), говорящимъ не одному
сторонамъ духа,—тѣмъ краснорѣчіемъ, въ котором
всѣ искусства, чтобы овладѣть всѣми инстинктами ду
то возвышенныхъ убѣжденій С. А. почерпнулъ сво
вѣчнымъ непреходящимъ образцамъ драматической
сателямъ, чьи идеалы понятны и близки лучшей ч
ловѣчества и во всѣ времена. Представленіе пье
Шиллера и Лопе-де-Веги, было для С. А. праздни
сическую міровую драматическую литературу онъ в
и справедливо находилъ, что она забывается. Онъ в
что наша драматическая литература все болѣе и бо
до фотографической передачи дѣйствительности, ли
поэзіи и не одушевленной никакой идеей. «Соразм
говорилъ С. А., падаетъ вкусъ; и критика, говоря
блика, восхищающаяся вѣрностью, рабской переда
щихъ никакого значенія формъ дѣйствительности,
такой реализмъ лжетъ на жизнь человѣка и на пр
давая чисто внѣшнія, частныя и случайныя черты
нее и общее». Такой приговоръ современной драма
ратурѣ, конечно, совершенно справедливъ и вовсе не
С. А. признавалъ громадное значеніе бытовыхъ пр
вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы на ряду с
мѣсто занимали и міровые классики, чтобы на нихъ
опирался театръ.

Высокія требованія отъ театра вообще совпадали
требованіями отъ актеровъ. С. А. требовалъ идеи и
исполняющихъ драму, онъ считалъ непремѣннымъ
сценическаго дѣятеля воплощеніе не только во внѣ
нымъ образомъ въ духовный обликъ изображаема
врядъ ли правы тѣ, говоритъ князь Сумбатовъ, рис
С. А. къ сценѣ за послѣдніе годы его жизни, кото
его, главнымъ образомъ, въ отрѣшенности отъ живы
запросовъ, отъ живыхъ явленій современной ему
только понялъ, что ему назначено, всѣми условіями
натуры, занять извѣстное мѣсто въ общемъ дѣлѣ,
дачу, къ которой былъ призванъ...

«С. А. считалъ назначеніемъ театра давать общ
силы устои, на которыхъ бы могли опереться и в
его стремленія. Предоставляя другимъ анализъ и х
воплощеніе матеріальной стороны жизни, онъ былъ

и аналитикомъ ея духовной стороны. Поэтому-то онъ и былъ такъ близокъ всѣмъ тѣмъ, кто сохранилъ живую вѣру въ свѣтлыя и святыя цѣли жизни, въ вѣчное торжество духа надъ матеріей. Онъ откликался и со сцены и въ личныхъ бесѣдахъ, на ихъ страстные порывы, на крики ихъ мятущейся души. Онъ не признавалъ, что есть люди, у которыхъ угасла совсѣмъ искра Божія, умѣлъ находить и раздувать ее. Онъ не умѣлъ быть никому чужимъ и эта любовь къ человѣку освѣщала все, къ чему онъ ни прикасался».

Таковъ симпатичный духовный обликъ восторженнаго энтузіаста С. А. Юрьева, одного изъ послѣднихъ типическихъ представителей сороковыхъ годовъ по своимъ стремленіямъ,—человѣка, въ душѣ котораго горѣлъ святой огонь идеализма, который умѣлъ соединять любовь ко всему свѣтлому и цѣнному, что выработала западная культура, съ любовью къ родинѣ, съ вѣрой въ ея великое будущее; который умѣлъ быть религіознымъ и свободно-мыслящимъ человѣкомъ,—который съ высокимъ образованіемъ съумѣлъ соединить любящее рѣдкое сердце, отзывчивость и чуткость ко всѣмъ вопросамъ общественнымъ... Память о такихъ людяхъ должна вѣчно сохраняться, ихъ образъ долженъ вдохновлять на подвиги грядущія поколѣнія...

Кромѣ воспоминаній о С. А., въ сборникѣ въ его память несомнѣнный интересъ представляютъ письма къ нему Тургенева, Достоевскаго, Салтыкова, А. И. Кошелева и Н. А. Чаева и статья М. М. Ковалевскаго, являющаяся прекраснымъ комментаріемъ къ драмѣ Лопе-де-Вега «Овечій источникъ», въ которой поэтъ проникъ въ сокровеннѣйшій смыслъ народной жизни. Эта статья очень умѣстна въ сборникѣ, ибо Юрьевъ сильно интересовался раскрытіемъ нравственнаго и общественнаго міросозерцанія народа прошлаго и настоящаго времени. Далѣе интересны письма Гоголя къ графу А. П. Толстому, являющіяся весьма цѣннымъ матеріаломъ для біографіи великаго писателя; интересна также статья профессора Н. И. Стороженко «Вольнодумецъ эпохи Возрожденія», трактующая о французскомъ гуманистѣ Долѐ, который жестоко потерпѣлъ отъ фанатизма инквизиціи за свое нейтральное свободомысліе внѣ религіозныхъ партій; наконецъ, въ сборникѣ помѣщено нѣсколько стихотвореній и нѣсколько вещей беллетристическихъ, среди которыхъ общее вниманіе привлекла и привлекаетъ комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ графа Л. Н. Толстого «Плоды просвѣщенія». Нѣкоторые критики еще до появленія этой комедіи въ печати восторгались ею, какъ произведеніемъ высоко-художественнымъ. Намъ кажется, что не будь подъ этимъ произведеніемъ знаменитаго имени автора «Войны и мира» и «Анны Карениной», оно бы далеко не обратило на себя такого вниманія, какъ теперь. Произведенія графа Толстого читаются на-расхватъ, вы-

зываютъ горячіе споры и пространно комментиру
чалось и съ «Плодами просвѣщенія». Хотя это
названо комедіей, но оно сбивается на фарсъ и п
рованный. Намѣреніемъ автора было осмѣять
жизни, ея сытое бездѣльничанье подъ видомъ дѣла
кими модными теоріями и вопросами. Тема почтен
затронутая комедіей. Хозяинъ дома—спиритъ, его
тельная и мнительная дама, помѣшанная на свои
бактеорологіи, сынокъ—кандидатъ безъ опредѣле
членъ общества велосипедистовъ, общества конс
и общества поощренія борзыхъ собакъ, и пр
щія лица изъ аристократическаго круга пре
меки на современные типы, которые такъ и
ками. Это не живые люди, а ходячія олицетвор
нія тѣхъ или иныхъ барскихъ глупостей. Роль хо
просвѣщенія» играютъ трое мужичковъ, пришедш
изъ Курской губерніи приторговать у Звѣздинцева
щика, землю, потому что у нихъ самихъ «земля
скотину,—курицу, скажемъ, и ту выпустить неку
человѣкъ прислуги. Этотъ хоръ назначенъ для ос
ничегонедѣланія, и отдѣльные хористы и хорист
слѣднія, напримѣръ, кухарка и горничная, разск
господа «здоровы жрать» и какъ они вчетверомъ
«запузыриваютъ» или въ карты играютъ, какъ б
ниваютъ» въ корсетъ и проч. въ этомъ же стилѣ.
что подобная quasi-сатира недостойна геніальнаго
Толстого. Конечно «Плоды просвѣщенія» читаются
кательно, какъ бойко написанный фарсъ, но и то
же автора погибла въ карикатурѣ, и комизмъ это
совершенно внѣшній.

ЗАПИСКИ ТАЛЕЙРАНА.

Два представителя европейской дипломатіи.—Наслѣдники Талейрана, оттягивающіе обнародованіе его «Записокъ».—Вынужденная публикація ихъ.—Появленіе «Записокъ» въ англійскомъ переводѣ сѣвероамериканскаго журнала ранѣе французскаго подлинника.—Значеніе «Записокъ» и сужденіе объ ихъ авторѣ американскаго посланника.—Мнѣнія о Талейранѣ его современниковъ и позднѣйшихъ писателей.—Обвиненія подкрѣпленныя документами.—Умолчаніе Талейрана о выдающихся фактахъ его карьеры.—Законодательная дѣятельность Талейрана и его характеристика.—Дѣтство и не любовь отца.—Хромота, какъ причина поступленія въ духовное званіе.—Монархическіе принципы.—Вступленіе въ свѣтъ и въ ґенеральные штаты.—Лафайетъ и увлеченіе Америкою.—Кардинальская шляпа.—Графъ д'Артуа.—Талейранъ, служащій обѣдню на Марсовомъ полѣ.—Герцогъ Орлеанскій.—Причина революціи.—Отправленіе въ Англію и высылка изъ Лондона.—Талейранъ въ Америкѣ.—Вашингтонъ и Гамильтонъ.

Пятьдесятъ два года назадъ умеръ въ Парижѣ государственный дѣятель, игравшій въ теченіе полустолѣтія выдающуюся роль въ политической исторіи не только своего отечества, но и всей Европы. Послѣ Метерниха это былъ единственный министръ, извѣстность котораго была такъ прочна и громка, что дипломаты всѣхъ странъ склонялись передъ его искуствомъ вести международныя сношенія и переговоры, устроивать конгрессы, заключать трактаты. Правда, нравственный обликъ французскаго дипломата, также какъ и его австрійскаго ученика, не возбуждалъ особенной симпатіи къ нимъ, даже въ тѣхъ лицахъ, которыя пользовались ихъ услугами, но кто же не знаетъ, что «въ политикѣ нѣтъ справедливости» и между дипломатіей и моралью нѣтъ ничего общаго. Но Талейранъ, при всемъ своемъ искусствѣ обходить несговорчивыхъ людей и обманывать довѣрявшихъ его слову, всетаки симпатичнѣе австрійскаго ретроградa и консерватора, при-

I.

Американскій авторъ введенія къ «Запискамъ» Талейрана говоритъ, что въ нихъ многіе думали найти складъ разнаго рода политическихъ тайнъ и разоблаченіе поступковъ и характеровъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ одно время съ министромъ Директоріи, консульства, имперіи, реставраціи и орлеанской монархіи. Другіе ждали пикантныхъ анекдотовъ о тѣхъ, чья репутація уже установилась исторіею. Рейдъ не прибавляетъ, оправдались ли эти надежды и опасенія, но мы можемъ сказать заранѣе, судя по первымъ томамъ, что съ этой стороны любопытство и ожиданія читателей не будутъ удовлетворены. Никакого новаго свѣта авторъ «Записокъ» не бросаетъ на извѣстныя событія и на лицъ, въ нихъ участвовавшихъ. Любопытны только его взгляды на нихъ, да попытки выставить свои отношенія къ нимъ въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ. И это совершенно естественно: такой человѣкъ, какъ Талейранъ, не могъ относиться иначе, какъ вполнѣ субъективно къ фактамъ и лицамъ, и эта субъективность составляетъ отличительную черту и его «Записокъ», гдѣ онъ самъ вездѣ стоитъ на первомъ планѣ. Вездѣ онъ является преимущественно офиціальнымъ лицомъ, руководителемъ иностранной политики и международныхъ сношеній и хотя исполняетъ только предписанія своихъ монарховъ, но придаетъ дипломатическимъ отношеніямъ такой тонъ, какой отвѣчаетъ его личнымъ воззрѣніямъ и интересамъ. Генрихъ Бульверъ сказалъ объ немъ: «это былъ самый выдающійся членъ учредительнаго собранія послѣ Мирабо, а вовремя имперіи первый человѣкъ, послѣ Наполеона». Это справедливо только по отношенію къ политикѣ, но ненадо забывать, что удивляясь его дѣятельности въ этой области и признавая въ ней его вліяніе, выше котораго было въ послѣднее время только вліяніе Бисмарка—ни одинъ изъ государственныхъ людей не могъ положиться на обѣщанія перваго министра Франціи, а масса обыкновенной публики считала его прямо человѣкомъ, ни на одно слово котораго нельзя расчитывать. Наполеонъ называлъ его шелковымъ чулкомъ, наполненнымъ навозомъ, и высказалъ ему это однажды въ глаза. Шатобріанъ говорилъ: «когда Талейранъ не составляетъ заговоровъ, то онъ кого-нибудь подкупаетъ». Карно выражался еще рѣзче: «въ немъ всѣ пороки стараго режима и ни одной изъ добродѣтелей новаго; у него нѣтъ никакихъ принциповъ, онъ мѣняетъ ихъ какъ бѣлье; сегодня онъ республиканецъ, потому что это выгодно, завтра—приверженецъ абсолютной монархіи, потому что вѣтеръ подулъ въ эту сторону». Мирабо отзывался объ немъ, какъ о низкомъ лгунѣ, способномъ продать за деньги не только своихъ друзей, но и свою душу. Жозефъ Шенье, когда въ директоріи зашла рѣчь о томъ, чтобы вернуть Талейрана изъ изгнанія, говорилъ: «онъ былъ сначала анархистомъ,

для себя и еще большей суммы для Директоріи подъ видомъ займа, посланникъ писалъ конгрессу: «развѣ вы не знаете, что въ Парижѣ все продается. Неужели вы думали достигнуть чего-нибудь безъ денегъ съ такимъ правительствомъ?» Говорятъ, что обманывая своихъ правителей, онъ заботливо охранялъ права и достоинства Франціи какъ первостепенной державы. Но и это весьма сомнительно. Тьеръ и Минье говорятъ, что онъ выказывалъ отвращеніе къ насилію и преслѣдованіямъ и никому не дѣлалъ зла. Но Сент-Бёвъ писалъ еще въ 1867 году: «на памяти Телейрана лежатъ три сомнительныхъ дѣла: смерть Мирабо, герцога Энгіенскаго и заговоръ Мобрейля съ цѣлью убійства Наполеона». Обо всѣхъ этихъ обвинительныхъ пунктахъ Талейранъ очень мало говоритъ въ своихъ «Запискахъ», хотя толки, относящіеся къ Мирабо, сильно тревожили его. Въ смерти герцога Энгіенскаго самъ Наполеонъ обвинялъ Талейрана, но этотъ, въ свою очередь, взваливаетъ всю вину на своего повелителя—и это гораздо вѣроятнѣе. Участіе же въ заговорѣ Мобрейля и совсѣмъ не вѣроятно. При дворѣ онъ держалъ себя со всею утонченностью вельможи стараго режима. Онъ говорилъ хорошо, а писалъ еще лучше, и въ салонахъ отличался блестящимъ остроуміемъ. Женщины всегда были на его сторонѣ. Въ годы величія онъ не отличался высокомѣріемъ, въ тяжелыя времена умѣлъ стушеваться и не помнилъ обидъ. Когда Наполеонъ въ присутствіи другихъ упрекалъ его въ продажничествѣ и двуличіи, онъ молчалъ и только, когда императоръ уходилъ, замѣтилъ: «какъ жаль, что такой великій человѣкъ такъ мало сдерживаетъ себя». Еще первымъ консуломъ Наполеонъ спросилъ его однажды: отчего онъ такъ разбогатѣлъ и нажилъ до 30-ти мильоновъ франковъ?—«Очень просто, отвѣтилъ онъ, я купилъ сколько могъ ренты наканунѣ 18 брюмера и продалъ ее на другой день». На вѣнскомъ конгрессѣ когда пришло извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона съ Эльбы, Талейранъ почувствовалъ необходимость ѣхать въ Карлсбадъ, такъ какъ «у него печень не въ порядкѣ, а первая обязанность дипломата заботиться о своей печени». Послѣ Ватерлоо онъ сильно жаловался на эту печень, но когда Людовикъ XVIII возвратилъ ему званіе министра иностранныхъ дѣлъ, болѣзнь какъ рукой сняло.

Его дѣятельность въ учредительномъ собраніи мало оцѣнена и забыта, а онъ былъ въ немъ всегда на сторонѣ полезныхъ мѣръ. Онъ усердно содѣйствовалъ введенію метрической системы и сопротивлялся введенію ассигнацій, предсказывая плачевный конецъ ихъ. Онъ представилъ дѣльный планъ финансовыхъ реформъ и настаивалъ на уничтоженіи лотерей. Имъ составленъ также проектъ преобразованія народнаго воспитанія и секуляризаціи школъ. Въ политикѣ онъ держался мирнаго направленія и союза съ Англіею. Бывши епископомъ, онъ подалъ планъ о покупкѣ имѣній духовенства, увеличившій фонды казначейства на два мильярда

любого министра, Бонапарте— это весь свѣтъ, и упорствовать въ борьбѣ съ этимъ свѣтомъ большая ошибка, а въ наше время политическія ошибки гибельны для правительства». Фразу — «всѣ умнѣе, чѣмъ одинъ кто-либо»—Талейранъ повторялъ не разъ въ разныхъ формахъ.

Записки Талейрана, во всякомъ случаѣ, разъясняютъ многія, если на всѣ стороны его политической дѣятельности и знакомство съ ними полезно и интересно. Обратимся теперь къ извлеченію изъ нихъ выдающихся мѣстъ и къ ихъ оцѣнкѣ.

II.

«Я родился въ 1754 году, — такъ начинаются мемуары,—родители мои были очень не богаты, но занимали при дворѣ положеніе, которое обезпечивало за ними съ ихъ дѣтьми достиженіе высшихъ званій. Людовикъ XV пользовался тогда всеобщимъ уваженіемъ. Первыя лица въ государствѣ считали заслугою повиновеніе своему монарху; они не понимали другой власти и величія, какъ происходящихъ отъ королевскаго могущества». Изъ этихъ вступительныхъ фразъ можно было бы заключить, что Талейранъ преданнѣйшій слуга самодержавной монархіи, еслибы въ теченіе своей жизни, онъ не изъявлялъ нѣсколько разъ своей преданности и готовности служить всевозможнымъ образамъ правленія отъ разнузданнаго республиканизма до наполеоновскаго деспотизма и конституціонныхъ приципов іюльской монархіи. И потомъ, тотчасъ же вслѣдъ за изъявленіемъ вѣрноподданническаго уваженія къ особѣ короля, Талейранъ прибавляетъ, что королева своими «меланхолическими добродѣтелями возбуждала сожалѣніе въ народѣ, извинявшемъ склонность короля къ маркизѣ Помпадуръ, Пентіеврь, маршальшѣ Дюрасъ, г-жѣ Люинь, Марсанъ, Перигоръ, Суршъ, Виларсъ, Таванъ, Эстисакъ, герцогинѣ Флери. Талейранъ не называетъ только Дюбарри, вѣроятно, какъ недостойную стать по своему происхожденію на ряду съ этими знатными дамами. Бабушка его была при дворѣ королевы, жила въ Версали и дала свѣтское образованіе своимъ пятерымъ дѣтямъ. У отца его были точно такіе же взгляды на воспитаніе: слишкомъ большая заботливость о дѣтяхъ, казалось ему педантизмомъ, достаточно было—«открыть имъ карьеру». Маленькихъ дѣтей обыкновенно не держали дома. Талейранъ росъ въ окрестностяхъ Парижа. Тамъ будучи четырехъ лѣтъ, онъ упалъ однажды со шкапа и повредилъ себѣ ногу. Женщина, которой было поручено смотрѣть за ребенкомъ, сообщила объ этомъ его семейству черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и онъ остался хромымъ на всю жизнь. Это обстоятельство имѣло вліяніе на всю его будущность. Семья съ горестью увидала, что онъ неспособенъ къ военной службѣ и сдѣлала его духовнымъ

не сочувствовалъ общему увлеченію и находилъ, что Франціи выгоднѣе имѣть сношенія съ Старымъ чѣмъ съ Новымъ Свѣтомъ, что по своему географическому положенію она должна имѣть вліяніе на государства басейна Средиземнаго моря. Поэтому онъ включилъ въ трактатъ о заключеніи мира съ Англіею въ Амьенѣ нѣсколько чисто платоническихъ пожеланій о необходимости сдѣлать доступными цивилизаціи берега сѣверной Африки. Въ то же время онъ совѣтовалъ своему правительству не посылать остатковъ блестящей египетской арміи на Сан-Доминго, съ напрасной цѣлью возвратить снова этотъ островъ подъ французское владычество, а употребить эти войска для обузданія алжирскихъ пиратовъ и занятія Варварійскихъ владѣній. Талейранъ былъ въ этомъ случаѣ предусмотрительнымъ политикомъ и если бы Франція завладѣла Алжиромъ не въ 1830 году, а въ началѣ столѣтія, это могло бы остановить и введеніе континентальной системы, принесшей столько вреда. Увлеченіе Америкой имѣло еще и тѣ дурныя послѣдствія, что оттуда возвращались съ идеями полнаго равенства всѣхъ гражданъ и находили въ своемъ отечествѣ, напримѣръ, приказъ маршала Сегюра, подтверждающій, чтобы офицерское званіе получали въ арміи одни дворяне.

Въ концѣ восемидесятыхъ годовъ, Талейранъ уже такъ умѣло дѣйствовалъ на дипломатическомъ поприщѣ и пріобрѣталъ благоволеніе иностранныхъ государей, что Густавъ III выхлопоталъ ему у папы Пія VI кардинальскую шляпу. Шляпы этой искусному дипломату не удалось, однако, надѣть, такъ какъ Марія-Антуанета, не любившая его, сильно возстала противъ этого и, черезъ посредство австрійскаго двора, убѣдила папу отложить это назначеніе, потому будто бы, что награжденіе по ходатайству иностраннаго государя такою милостью, человѣка, не рекомендованнаго своимъ правительствомъ, нарушаетъ права короны. Въ собраніе генеральныхъ штатовъ Талейранъ былъ выбранъ какъ членъ духовенства и, понявъ, что при дѣленіи представителей по сословіямъ нельзя выработать никакого прочнаго плана конституціи, предложилъ распустить штаты и сдѣлать новые выборы, по другой системѣ. Объ этомъ онъ сообщилъ графу д'Артуа, который «оказывалъ мнѣ нѣкоторую благосклонность и—если я смѣю употребить его собственное выраженіе — даже дружбу». Въ посмертныхъ «Запискахъ» можно было бы и не выражаться такимъ придворнымъ языкомъ о человѣкѣ, который былъ дурной братъ, дурной гражданинъ и дурной король, но Талейранъ очевидно не могъ отучиться отъ низкопоклоничества и въ литературѣ, какъ и въ жизни. Его сообщенія будущему королю Карлу X и переговоры съ дворомъ не повели ни къ чему, и онъ рѣшился—плыть по теченію, не выдвигаясь впередъ и не подвергая себя опасности. Онъ признавалъ опасность принятія «деклараціи правъ человѣка», но не протестовалъ про-

рами. Въ назначенный часъ всѣ собрались къ столу, не было только одного Конфланса и герцогъ былъ недоволенъ этимъ, такъ какъ торопился тотчасъ послѣ обѣда въ театръ. Въ четыре часа лакей Конфланса явился съ извѣстіемъ, что господинъ его внезапно скончался. Всѣ были поражены неожиданною новостью, но герцогъ Орлеанскій вскричалъ: «господа! такъ какъ намъ теперь некого больше ждать, отправимся скорѣе обѣдать, чтобы мнѣ не опоздать къ началу оперы». Талейранъ опровергаетъ мнѣніе, что герцогъ былъ однимъ изъ дѣятелей революціи, что вокругъ него собирались группы недовольныхъ, и самъ онъ съ помощью ихъ замышлялъ проложить себѣ дорогу къ трону. Все это немыслимо при безхарактерности герцога и его распутной жизни. Въ національномъ собраніи онъ игралъ самую жалкую роль и не смотря на то, что вотировалъ смерть короля, сложилъ свою голову на гильотинѣ. Онъ не могъ быть ни коноводомъ, ни агентомъ революціи. «Историки напрасно ищутъ людей, которые возбудили, направляли или сдерживали французскую революцію: въ ней не было ни творцовъ, ни руководителей. Сѣмена ея посѣяны писателями, которые, въ эпоху прогреса, стремясь къ уничтоженію предразсудковъ, опрокинули религіозные и общественные принципы,—а также неумѣлыми министрами, увеличившими дефицитъ финансовъ и неудовольствіе народа». Странное мнѣніе о причинѣ революціи у такого государственнаго, хотя не общественнаго дѣятеля какъ Талейранъ.

Въ виду угрожающаго положенія нѣкоторыхъ изъ европейскихъ державъ, сбиравшихся вмѣшаться во внутреннія дѣла Франціи, жирондисты потребовали отъ министерства, чтобы оно вошло въ сношенія съ державами о прекращеніи вооруженій. Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Лессаръ положилъ отправить Талейрана съ этимъ предложеніемъ въ Лондонъ. «Мнѣ давно хотѣлось оставить Францію, говоритъ онъ, гдѣ я утомился и разочаровался, и хоть я былъ увѣренъ въ неуспѣхѣ моего порученія, но принялъ его охотно. Людовикъ XVI написалъ королю Англіи письмо и я повезъ его. Въ то время дѣло шло уже не о томъ, какъ будетъ царствовать король, а о томъ, какъ спасти его со всею семьею. Надо было употребить всѣ средства для этой цѣли». Франція была тогда въ войнѣ только съ Австріей и Сардиніей. Но если бы всѣ европейскія державы предложили свое посредничество и признали совершившуюся во Франціи перемѣну формы правленія, съ тѣмъ, чтобы царствующей семьѣ была предоставлена свобода оставить страну, демагоги, хотя и были бы недовольны этимъ, но не могли бы отвергнуть такого предложенія, тѣмъ болѣе, что кабинетъ разослалъ миролюбивыя деклараціи ко всѣмъ правительствамъ. Талейранъ уѣхалъ въ Лондонъ послѣ 10 августа 1792 г. и пробылъ тамъ слѣдующій годъ и часть 1794 г. Маркизъ Лансдоунъ принялъ его очень любезно и познакомилъ съ Гастингсомъ, Пристлеемъ, Кан-

— И вы конечно поспѣшите увидѣть великаго человѣка?— спросилъ Талейранъ.

— Постараюсь, но еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ я встрѣтилъ бы тамъ мистера Бингама, самаго богатаго человѣка въ городѣ,—отвѣчалъ практическій американецъ.

Объ освободителѣ Америки и ея первомъ президентѣ Талейранъ говоритъ только одинъ разъ, въ приведенномъ выше мѣстѣ. Причина этому очень проста: лордъ Лансдоунъ далъ ему очень любезное рекомендательное письмо къ Вашингтону. Въ письмѣ Талейранъ разхваливался, какъ человѣкъ передовой и умѣренный, пожертвовавшій своимъ самолюбіемъ общественному принципу, отказавшись отъ духовнаго званія, но изгнанный по желанію двухъ дворовъ, недопускающихъ, чтобы епископъ могъ предпочесть свободу гражданина своимъ духовнымъ обязанностямъ. Не смотря на такую рекомендацію, Вашингтонъ наотрѣзъ отказался видѣться съ Талейраномъ, и дипломатъ никогда не могъ простить этого. За то онъ съ восторгомъ отзывается о генералѣ Гамильтонѣ и приводитъ продолжительныя бесѣды съ нимъ, о политическомъ и экономическомъ положеніи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Преобладаніе исключительно торговыхъ интересовъ могло быть причиною комерческихъ кризисовъ и вредить развитію страны. Пропитанный идеями французскихъ экономистовъ, Талейранъ стоялъ за свободу торговли и уничтоженіе пошлинъ. Гамильтонъ представилъ напротивъ въ конгрессъ таможенный тарифъ, и конгрессъ утвердилъ его. По мнѣнію Талейрана, ничто не мѣшало самымъ близкимъ сношеніямъ между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Европа, столько лѣтъ уже развивающая свою промышленность и искусства, производитъ болѣе предметы роскоши, дѣлающіе жизнь болѣе пріятною и комфортабельною. Америка даетъ такой урожай хлѣба, какого не можетъ доставить ни одна страна. Такимъ образомъ, обмѣнъ произведеній, одинаково необходимыхъ для обѣихъ частей свѣта, будетъ необходимо содѣйствовать ихъ сближенію, сначала торговому, а потомъ и умственному. Гамильтонъ находилъ, что это можетъ осуществиться, когда въ Америкѣ будутъ такіе же четыре обширные комерческіе рынка для всемірной торговли, какъ Лондонъ, Амстердамъ, Марсель и Кадиксъ. Талейранъ, проведя 30 мѣсяцевъ въ Америкѣ, хорошо ознакомился съ этой страною, гдѣ онъ жилъ «безъ всякой другой цѣли, кромѣ той, чтобъ быть далеко отъ Франціи и Англіи». Декретъ конвента 1796 года позволилъ ему вернуться въ отечество.

Вл. Зотовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МЕТАФИЗИКЪ XVII СТОЛѢТІЯ.[1]

ИМЯ СПИНОЗЫ чрезвычайно популя
философы среднихъ вѣковъ, и даж
времени, удостоивались такого в
ной критики, какъ жизнь и дѣяте
каго метафизика XVII столѣтія. Ин
тература, и въ особенности германска
трудами о Спинозѣ: его судили и и
всѣхъ сторонъ; его сочиненія переведены
давно и тѣмъ не менѣе эта сильная и могучая н
шаяся загадкой для современниковъ, продолжаетъ и
носить на себѣ какую-то таинственную окраску. Когд
говорить о Спинозѣ, мысль невольно переносится къ
ему эпохѣ, полной борьбы, мрака и ужаса. Феодальн
живаетъ свои послѣдніе дни; деспотизмъ достигаетъ ап
Господа и ради спасенія человѣческихъ душъ «великій
безпощаденъ и всевластенъ. Рядомъ съ этимъ, всю кон
Европу ослѣпляетъ блескъ и слава двора Людовика Х
лютизмъ достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта
кословно повинуется французскому королю: даже го
женію современниковъ, отступаютъ передъ его велѣ
внѣшняя сторона вѣка, но даже поверхностный на

---

[1]) Переписка Бенедикта де-Спинозы съ приложеніемъ жиз
нозы І. Колеруса. Переводъ съ латинскаго Л. Я. Гуревичъ, п
съ примѣчаніями А. Л. Волынскаго. Спб. 1891.

дитъ, что средневѣковое зданіе непрочно и близко къ распаденію. Всѣ его устои расшатаны и новая жизнь съ ея жгучими запросами готова поглотить вѣковыя формы и традиціи. Сѣверныя державы объявляютъ борьбу ветхому континенту и дѣлаются разсадникомъ, какъ политической, такъ и религіозной оппозиціи. Оппозиція эта ростетъ съ каждымъ годомъ и мало-по-малу охватываетъ собою все бо́льшую територію. Въ этой борьбѣ стараго и новаго обѣ стороны отличаются крайней фанатичностью своего credo и скепсизъ не закрадывается въ вѣрющія сердца.

И вотъ, въ эту-то эпоху является великій скептикъ своего времени, человѣкъ, одаренный отъ прироры умомъ, способнымъ на глубокій анализъ и на широкій синтезъ. Бенедиктъ де-Спиноза бросаетъ перчатку своему вѣку, рветъ узы съ современниками, съ своимъ народомъ, и произноситъ громкое и сильное осужденіе и старому и новому порядку вещей. Все отъ него отшатывается, онъ остается одинокъ, больной, хилый, въ нуждѣ. Евреи произносятъ надъ нимъ великую анаѳему; христіане шлютъ ему негодованіе и проклятіе. Врагъ церковности, онъ не вступаетъ въ союзъ и съ свѣтской властью, не смотря на то, что послѣдняя идетъ ему на встрѣчу: ему дороже всего въ жизни свобода, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Только въ свободѣ Спиноза усматриваетъ путь къ истинѣ, а послѣдняя есть альфа и омега всей его жизни. Только немногіе люди либеральнаго образа мыслей признали его великимъ человѣкомъ вѣка, предвидя, что основы борьбы философа останутся отнынѣ на вѣки основами всякой соціальной и философской борьбы. Трагизмъ положенія, смѣлость, даже дерзость мысли, непоколебимость убѣжденій, гармонія жизни съ проповѣдью, при мрачномъ фонѣ окружающихъ явленій—вотъ что невольно заставляетъ остановиться передъ Спинозой въ изумленіи всякаго, кто примется за изученіе исторіи XVII столѣтія.

И наша отечественная литература обратила уже давно вниманіе на Спинозу, хотя при этомъ приходилось преимущественно пользоваться иностранными источниками. Только недавно появилась въ переводѣ его «Этика», остальные же труды были для насъ недоступны. Теперь передъ нами новый путь къ ознакомленію съ типичной фигурой философа: мы имѣемъ прекрасный переводъ «Переписки Бенедикта де-Спинозы», сдѣланный г-жею Гуревичъ, подъ редакціей г. Волынскаго, по изданію сочиненій Спинозы Ванъ-Флотена и Ланда 1882 — 1883 гг. Къ перепискѣ присоединено и жизнеописаніе философа, сдѣланное современникомъ Спинозы, Іоганномъ Колерусомъ, а также текстъ отлученія, обнародованный въ 1656 г. противъ Спинозы заправилами еврейской общины съ высоты синагогальной каѳедры. Редакторъ перевода снабдилъ изданіе многочисленными примѣчаніями, поясняю-

обратился къ изученію теологіи со всѣми ея схоластическими тонкостями. Но его жажда истиннаго знанія не нашла себѣ утоленія въ этой излюбленной средними вѣками области: реальный умъ юноши не примирился съ фальшивыми положеніями схоластики и обратился къ изученію окружающей природы. На нѣкоторое время Спиноза всецѣло отдается естественнымъ наукамъ, физикѣ по преимуществу. Но реальное точное знаніе не удовлетворяетъ его — онъ не довольствуется констатированіемъ фактовъ: ему нужно широкое обобщеніе, философское обоснованіе и толкованіе всего міозданія. Онъ погружается въ разсмотрѣніе существующихъ философскихъ ученій и ищетъ методовъ для построенія собственной научной системы.

Ученіе Декарта все болѣе овладѣвало въ то время умами пытливыми и рвущимися къ свободному знанію. Въ методахъ и философской системѣ французскаго ученаго Спиноза нашелъ себѣ временное удовлетвореніе. Положеніе Декарта cogito ergo sum *или* все то истинно, что я познаю ясно и опредѣленно, вполнѣ гармонировало съ прирожденнымъ настроеніемъ ума молодого амстердамскаго ученаго. Но если Декартъ вѣчно находился въ страхѣ передъ ортодоксальнымъ духовенствомъ и тщательно избѣгалъ явныхъ съ нимъ столкновеній, за то его молодой поклонникъ, принявъ положенія своего учителя, сразу сдѣлалъ изъ нихъ жизненное примѣненіе. Со всею отвагою пылкаго ума онъ ринулся въ борьбу съ существующимъ порядкомъ вещей и на первыхъ порахъ занесъ свой философскій мечъ противъ единовѣрцевъ. Іудейское исповѣданіе съ его талмудическими и кабалистическими толкованіями стало претить его логически-прямому разуму и точнымъ методамъ мышленія. Подвергнувъ строгому анализу не только кабалистическія и талмудическія ученія, но и книги библіи, онъ отнесся скептически къ тому, чему поклонялось столько вѣковъ правовѣрное еврейство. Выступить сразу противъ библіи онъ, однако, не рѣшился, а направилъ свою проповѣдь противъ раввинизма. Спиноза сталъ, не стѣсняясь, среди знакомыхъ и учениковъ, утверждать, что принципы еврейскихъ раввиновъ не могутъ быть приняты ни однимъ здравомыслящимъ человѣкомъ; по его мнѣнію, всѣ эти принципы имѣютъ единственнымъ основаніемъ авторитетъ самихъ раввиновъ, а вовсе не исходятъ отъ Бога, какъ они на то претендуютъ, не имѣя за себя въ этомъ отношеніи ни тѣни какого бы то ни было основанія. Это стремленіе къ правдѣ, чистой правдѣ и несомнѣнности, повело къ полному разрыву между нимъ и единоплеменниками.

У Спинозы теорія не расходилась съ практикой, расчетливость и выгоды жизни не входили въ его планы, какъ это было у ловкаго и осторожнаго Декарта, почему онъ, установивъ однажды извѣстное положеніе, со всею страстностью своего темперамента рѣшился на явную оппозицію. Онъ пересталъ посѣщать синагогу,

сталъ избѣгать сношеній съ старшинами своей ко
скими толковниками и мудрецами. Философскія и
какъ послѣдствія ихъ, смѣлые выводы и обобщенія
хія, въ которую онъ всенародно окунулся. Поведені
наго произвело настоящій переполохъ, цѣлую бурю
ской еврейской общинѣ.

Столько надеждъ возлагалось на этого блисті
таго члена общины! старики видѣли въ немъ оп.
еврейства, столь нуждавшагося тогда въ мужествен
И что же вмѣсто того? Измѣна, ренегатство, позорн
ство... И въ какое время? Въ то время, когда и без
дымъ днемъ численность племени уменьшается, кот
славы Господней жгутъ на кострахъ и пытаютъ
инквизиціонныхъ подземельяхъ, когда христіанск
переполнены трусливыми и робкими, бѣжавшими ту
самосохраненія... Нѣтъ, этому слѣдуетъ положить к
представители Амстердамской общины, послѣ долги
совѣщаній, начинаютъ дѣйствовать. Главные хахал
коллегіи сначала добыли несомнѣнныя доказательст
ступничества, затѣмъ пригласили его къ себѣ и ст
Но увѣщеванія не подѣйствовали. Скромно, но твер
тикъ съумѣлъ дать отпоръ своимъ противникамъ.
вергли первичному церковному отлученію: всякое бл
общеніе въ теченіе 30 дней было запрещено. Это,
дѣйствовало, и Спиноза въ кругу близкихъ продолж
своей ереси. Коллегія попыталась переманить его н
инымъ путемъ: ему предложили ежегодную пенсію
деновъ подъ условіемъ, чтобъ онъ хоть изрѣдка яв
гогу и не дѣлалъ явныхъ враждебныхъ еврейств
деньги не соблазнили молодого философа и онъ пр
свободнымъ, зависимымъ только отъ своихъ убѣж
ственности, чѣмъ связать себя позорной продажей и
отступничествомъ передъ тѣмъ, что считалъ за исти
ская колонія продолжала волноваться. Одинъ фана
даже покончить съ молодымъ философомъ, причиня
заботъ своимъ единоплеменникамъ. Однажды, при
нозы изъ театра, онъ напалъ на него и попытался
ударъ кинжаломъ. Спиноза съумѣлъ во время отст
что кинжалъ разрѣзалъ только плащъ. Видя такое
дебное настроеніе и опасаясь быть убитымъ какимъ
тизированнымъ гражданиномъ, онъ рѣшается поки
дамъ и поселяется у одного знакомаго въ деревнѣ,
угрожало его жизни и гдѣ онъ могъ свободно преда
леннымъ научнымъ и ремесленнымъ занятіямъ.

Удаленіе Спинозы изъ Амстердама переполнило

еврейской коллегіи и она рѣшила болѣе его не щадить. И вотъ въ одинъ изъ четверговъ 1656 года, незадолго до траурнаго дня разрушенія Іерусалима, раввинны и старшины произнесли надъ нимъ въ синагогѣ, съ высоты каѳедры и при открытомъ кивотѣ завѣта, великую анаѳему, самый страшный видъ отлученія. Мотивировавъ сначала, почему философъ подвергается столь жестокому наказанію, раввины возгласили: «По произволенію ангеловъ и приговору святыхъ мы отлучаемъ, отдѣляемъ и предаемъ осужденію и проклятію Баруха де-Спинозу, съ согласія синагогальнаго трибунала и всей этой святой общины, передъ священными книгами Тора съ шестьюстами тринадцатью предписаніями, въ нихъ написанными—тому проклятію, которымъ Іисусъ Навинъ проклялъ Іерихонъ, которое Элиса изрекъ надъ отроками, и всѣмъ тѣмъ проклятіямъ, которыя написаны въ книгѣ законовъ. Да будетъ онъ проклятъ и днемъ и ночью; да будетъ проклятъ, когда ложится и когда встаетъ; да будетъ проклятъ и при выходѣ, и при входѣ. Да не проститъ ему Адонаи, да разразится его гнѣвъ и его мщеніе надъ человѣкомъ симъ, и да тяготятъ надъ нимъ всѣ проклятія, написанныя въ книгѣ законовъ. Да сотретъ Адонаи имя его подъ небомъ и да предастъ его злу, отдѣливъ отъ всѣхъ колѣнъ израилевыхъ со всѣми небесными проклятіями, написанными въ книгѣ законовъ. Вы же, твердо держащіеся Адонаи, нашего Бога, всѣ вы нынѣ да здравствуйте! Предупреждаемъ васъ, что никто не долженъ говорить съ нимъ ни устно, ни письменно, ни оказывать ему какую-либо услугу, ни проживать съ нимъ подъ одной кровлей, ни стоять отъ него ближе, чѣмъ на четыре локтя, ни читать ничего, имъ составленнаго или написаннаго».

Такъ какъ Спиноза не явился въ синагогу, чтобъ лично присутствовать при своемъ отлученіи, то актъ анаѳемы былъ изложенъ письменно и копія его доставлена отлученному. Но этимъ заправилы общины не ограничились, а рѣшили для вящшаго наказанія отступника и для примѣра другимъ молодымъ людямъ обратиться къ городскому магистрату съ ходатайствомъ объ офиціальномъ и пожизненномъ удаленіи его изъ Амстердама. Городскія власти уступили синагогальной общинѣ и запретили Спинозѣ въѣздъ въ Амстердамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Всѣ эти дѣйствія, однако, не смутили Спинозу. Онъ продолжалъ спокойно жить въ деревнѣ своего друга, погруженный въ свои изслѣдованія и занятый усовершенствованіемъ въ избранномъ ремеслѣ — шлифовкѣ стеколъ, въ чемъ видѣлъ средство къ скромному существованію. Правда, онъ отвѣтилъ амстердамскимъ властямъ оправдательною запискою, главная цѣль которой заключалась въ изложеніи религіозно-политическаго profession de foi. Большая часть положеній этой записки вошла въ составъ надѣлавшаго такъ много шума его «Богословско-политическаго трактата». Одно изъ главныхъ положеній, какъ записки, такъ и трактата,

заключалось въ томъ, что «свобода мысли можетъ
безъ всякаго ущерба для государственнаго спокой(
она должна быть даже допущена, такъ какъ пр
не могли бы существовать въ государствѣ религія

Проживъ нѣкоторое время у своего знакомаго в
ноза переѣхалъ сначала въ Ринсбургъ, а вскорѣ
тельно поселился въ Гагѣ, гдѣ за скромную пла
незатѣйливое помѣщеніе у одного небогатаго се
уже ничто не мѣшало его занятіямъ и дни ег
и тихо среди усиленныхъ занятій философіей, пе
которыми пріятелями и выдѣлыванья шлифова
Послѣднее занятіе, благодаря его искусству и ста
доставляло ему незначительный заработокъ, помо
концы съ концами своей скромной, полной лишеній и
Нельзя сказать, чтобъ это ремесло было легкое. (
хилому Спинозѣ приходилось вдыхать постоянно ст
которая губительно дѣйствовала на легкія и въ
развила въ немъ злѣйшую чахотку, которая и св
гилу. А вмѣстѣ съ тѣмъ, поступись онъ только
ными убѣжденіями, какая почетная дорога могла пе
вернуться. Такъ, послѣ обнародованія нѣсколькихъ
ній, онъ сталъ привлекать къ себѣ вниманіе все (
современниковъ изъ христіанъ; одни изъ нихъ по
встрѣчу, ища его дружбы и расположенія, другіе
винить его въ атеизмѣ и даже политической неб
Изъ числа первыхъ необходимо отмѣтить курфюрс
Карла Людвига, который черезъ посредство доктор
рицiуса обратился къ Спинозѣ съ предложеніемъ
философіи въ Гейдельбергскомъ университетѣ, при
тировалась «широкая свобода философствованія, со
ципамъ и личному усмотрѣнію». Но амстердамск
не плѣнился почетнымъ предложеніемъ и заманчивы
Въ письмѣ, полномъ достоинства, вѣжливомъ и лю(
казался отъ занятія каѳедры, мотивируя свой отка
соображеніями: «во-первыхъ, я думаю,— писалъ онъ
что обученіе юношества воспрепятствовало бы моим
философскимъ занятіямъ; а во-вторыхъ, я не зна
предѣлахъ должна заключаться предоставляемая м
лософствованія, чтобы не вызвать подозрѣнія въ
на государственную религію... Испытавъ непріят
моей одинокой частной жизни, я имѣю тѣмъ бол
опасаться ихъ по достиженіи высшаго положенія.

«И такъ, вы видите, славнѣйшій мужъ, что не
кую-либо лучшую участь удерживаетъ меня, но ли
спокойствію, которое я надѣюсь до нѣкоторой сте
себѣ воздержаніемъ отъ публичныхъ чтеній».

Если Спиноза умѣлъ держать себя съ достоинствомъ въ благопріятныхъ случаяхъ жизни и не поступаться убѣжденіями передъ соблазнами, то не съ меньшимъ спокойствіемъ и сознаніемъ своей философской правды встрѣчалъ онъ и опасности. Послѣ своего возвращенія въ Гагу изъ Утрехта, куда онъ ѣздилъ для свиданія съ принцемъ де-Конде, среди городской черни распространился слухъ, что Спиноза состоитъ на службѣ принца въ качествѣ шпіона. Чернь заволновалась и хозяинъ дома, гдѣ жилъ философъ, опасался, чтобъ домъ его и имущество не пострадали отъ возбужденной толпы. Спиноза успокоилъ его словами: «Не безпокойтесь на мой счетъ, мнѣ весьма легко оправдаться: многимъ гражданамъ и нѣкоторымъ изъ членовъ правительства хорошо извѣстно, что побудило меня къ этой поѣздкѣ. Но въ случаѣ чего, при первомъ малѣйшемъ шумѣ черни у вашей двери—я самъ пойду къ ней на встрѣчу, хотя бы даже она намѣрена была поступить со мной такъ же, какъ съ несчастными де-Виттами. Я честный республиканецъ и никогда не имѣлъ въ мысляхъ ничего, кромѣ пользы и славы моей родины».

Свою извѣстность Спиноза пріобрѣлъ главнымъ образомъ опубликованіемъ двухъ сочиненій—«Этики» и «Богословско-политическаго трактата», особенно послѣднимъ, такъ какъ оно задѣвало представителей духовной власти. Въ первомъ трудѣ заключается главное развитіе пантеистическаго ученія Спинозы. Центральный пунктъ его метафизической системы заключается въ томъ, что Богъ имманентенъ, присущъ міру, а не трансцедентенъ, внѣ міра; Богъ есть причина вселенной, въ которой онъ всецѣло воплощается. Связь человѣка со вселенной, т. е. съ Богомъ и любовь къ нему, достигается путемъ высшей прозорливости, черезъ посредство руководящаго разума. Высшая добродѣтель есть самоотреченіе путемъ знанія и возможно меньшее соприкосновеніе съ жизненными бурями.

«Этика» Спинозы, хотя и имѣла сильное вліяніе на умы современниковъ, однако не произвела такой сенсаціи, какъ «Богословско-политическій трактатъ», обнародованный въ Амстердамѣ въ 1670 году и возстановившій противъ философа представителей церкви и людей, религіозныхъ, какъ католиковъ, такъ и протестантовъ.

Главная мысль трактата, какъ мы уже упомянули, слѣдующая: «такъ какъ религія состоитъ не столько во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, сколько въ простотѣ и истинѣ души, то до нея нѣтъ дѣла никакому праву и никакому общественному авторитету» и въ другомъ мѣстѣ: «правительству принадлежитъ право опредѣлять родъ общественнаго богослуженія въ данномъ государствѣ,—но оно должно предоставлять своимъ подданнымъ свободу имѣть въ вопросахъ религіи какія угодно мнѣнія и высказывать все, что имъ подсказываетъ сердце и разумъ. Такая же свобода должна быть допущена для подданныхъ и въ отношеніи внѣшнихъ проявленій богопочитанія».

щена, что доставило ему только большую популярность. На автора посыпались возраженія, какъ печатныя, такъ и въ письмахъ.

Пасторъ реформатской церкви, г. Бурманъ, объявилъ Спинозу «нечестивѣйшимъ изъ атеистовъ, какого когда-либо видѣлъ міръ», докторъ Музеусъ, профессоръ изъ Іены, писалъ: «діаволъ совратилъ великое множество людей, находящихся на службѣ у него и направляющихъ свои старанія къ тому, чтобы ниспровергнуть все, что̀ есть въ мірѣ святого. Но можно право сомнѣваться, чтобы кто-либо между ними работалъ надъ разрушеніемъ всякаго божественнаго и человѣческаго права съ такою силою, какъ этотъ лжеучитель, рожденный на погибель религіи и государства». Цѣлый рядъ брошюръ и памфлетовъ появился въ печати, направленныхъ противъ Спинозы; и подъ какимъ только заглавіемъ ни появлялись они, напримѣръ «Побѣжденное нечестіе», «Убѣжденный нечестивецъ или разсужденіе противъ Спинозы опровергающее основные принципы его атеизма» и множество другихъ.

Теперь Спиноза очутился воистину въ трагическомъ положеніи: проклятый еврействомъ, онъ вооружилъ своимъ раціонализмомъ и христіанскій міръ. Имя его сдѣлалось символомъ нечестія и разрушенія. Даже вчерашніе друзья, и тѣ стали относиться къ нему сдержанно, боясь себя скомпрометировать въ глазахъ правительства и духовенства. Ихъ письма носятъ на себѣ характеръ или увѣщеваній или вопросовъ, гдѣ у автора со страхомъ и недоумѣніемъ просятъ разъясненій; нѣкоторые требуютъ, чтобы онъ очистилъ себя отъ напрасныхъ обвиненій. Характерно письмо одного бывшаго пріятеля Спинозы, Альберта Бурга, перешедшаго изъ лютеранства въ католичество. Посвятивъ очень много мѣста критикѣ ученія Спинозы, Бургъ заключаетъ письмо слѣдующимъ патетическимъ монологомъ: «Одумайтесь, философъ! Признайте свою мудрствующую глупость и безумную мудрость, преложите гордость на смиреніе,— и вы излечитесь. Молите Христа во святой Троицѣ, чтобы онъ смилостивился надъ вами—и онъ спасетъ васъ. Читайте святыхъ отцовъ и учителей церкви, и они научатъ васъ, что̀ надо дѣлать, чтобы не погибнуть, но обрѣсти жизнь вѣчную. Посовѣтуйтесь съ правовѣрными людьми доброй жизни и глубокой вѣры, и они скажутъ вамъ много такого, чего вы никогда не знали раньше и что̀ поразитъ васъ».

На печатные памфлеты мы не имѣемъ отвѣтовъ Спинозы, но съ кореспондентами онъ старательно обмѣнивался мыслями. Однимъ (напримѣръ, Ольденбургу) онъ разъяснялъ истинное значеніе «Трактата» и развивалъ подробнѣе нѣкоторыя положенія, другихъ онъ опровергалъ и иронически указывалъ имъ ихъ противорѣчія. Такъ, отвѣчая тому же Бургу, онъ писалъ: «Не въ томъ ли состоитъ все ваше смиреніе, что вы вѣрите не самому себѣ, а другимъ людямъ, которыхъ многіе осуждаютъ. И неужели вы можете

ЖАНЪ-ЛУИ-ЭРНЕСТЪ МЕЙСОНЬЕ.

Первые художественные опыты Мейсонье. — Мейсонье, какъ иллюстраторъ. — Дебюты его въ живописи и безучастность его къ классикамъ и романтикамъ.— Отличительныя черты произведеній Мейсонье. — О женофобіи его. — Картинка «L'affaire Clémenceau». — Картины: «Чтеніе у Дидро», «Драка» и «Баррикада 1848 г.».— Портретныя работы Мейсонье.— Батальноисторическія картины его: «Императоръ при Сольферино», «1814-й годъ», «1805-й годъ», «1807-й годъ» и другія произведенія изъ эпохи Наполеона I. — Участіе въ Парижскихъ Салонахъ, награды и отличія. — Организація національнаго Салона въ 1890. — Начальствованіе корпусомъ художниковъ при осадѣ Парижа. — Любовь Мейсонье къ лошадямъ и студіи его въ Парижѣ и Пуасси.

I.

СКОЛЬКО БЫ ни мѣнялись вкусы и направленія въ художествахъ Франціи съ каждымъ новымъ государственнымъ переворотомъ, переходя отъ классицизма къ романтизму, отъ реализма къ натурализму, одна особенность всегда отличала французовъ неизмѣнно въ ихъ отношеніяхъ къ искусству. Это — уваженіе къ совершенному и прекрасному, къ тому, что французъ называетъ «le fini». Оно-то, конечно, и побуждаетъ всякаго даровитаго художника во Франціи посильно добиваться истиннаго мастерства и осмысленности въ техникѣ, которыя самымъ обыденнымъ сюжетамъ придаютъ привлекательность, а за произведеніями французскаго искусства обезпечиваютъ господство на міровомъ рынкѣ.

Первоклассньмъ и самымъ авторитетнымъ выразителемъ такихъ отличительныхъ особенностей французской живописи изъ художниковъ XIX вѣка былъ покойный Жанъ-Луи-Эрнестъ Мейсонье. О немъ справедливо сказалъ одинъ изъ европейскихъ художественныхъ критиковъ, что цѣль его искусства — «voir en grand, exé-

пѣснѣ «le vieux célibataire», но объ условіяхъ исполненія этихъ работъ ничего неизвѣстно. Затѣмъ Кюрмеръ заказалъ молодому художнику виньетки, заставки и пр. для своего новаго изданія «Discours sur l'Histoire Universelle» Босюэта, для котораго Мейсонье также нарисовалъ три фигуры—Исайя, св. Павла и Карла Великаго, впослѣдствіи выставлявшіяся въ Парижскомъ Салонѣ въ большомъ форматѣ. Около того времени ему было поручено иллюстрировать «Chûte d'un Ange» Ламартина и сантиментальные эпизоды изъ сочиненій Бернардэна де-Сенъ-Пьерра. Тогда Мейсонье отмѣчалъ свои работы монограмой ЕМ или МЕ, надолго остававшейся его подписью.

Но на рисовальщика Мейсонье было обращено вниманіе лишь съ появленіемъ иллюстрированнаго изданія «Paul et Virginie» и «Chaumière indienne». Тутъ въ рисункахъ уже ясно сказалась индивидуальность юнаго художника. Форматъ этихъ изданій, необходимость соображаться въ размѣрахъ изображаемаго съ числомъ и длиннотой строкъ, конечно, могли только научить иллюстратора умѣнью выражать свою мысль въ рамкахъ нѣсколькихъ сантиметровъ и развить въ немъ природный инстинктъ миніатюриста. Иллюстраціи къ этимъ сочиненіямъ Бернардена свидѣтельствовали о добросовѣстности исполненія. «Jardin des Plantes» съ одной стороны и библіотека Лувра — съ другой, давали ему матеріалъ для подготовки рисунковъ. Въ ботаническомъ саду онъ изучалъ произведенія тропической природы, а въ библіотекѣ извлекалъ данныя изъ описаній путешественниковъ и ученыхъ.

Затѣмъ Мейсонье участвовалъ въ изданіи Кюрмера «Les Français peints par eux-mêmes», гдѣ главными иллюстраторами состояли Гаварни, Анри Монье и Тримоле. Изъ этихъ работъ знаменитаго художника особенно любопытны: «Модель художника», какъ рѣдкій у Мейсонье образецъ трактовки женской фигуры; виньетка къ «Agent de change», какъ одна изъ первыхъ попытокъ его изобразить группу, въ которой каждому персонажу отведена особая роль и приданъ индивидуальный характеръ; внутренность конюшни, служащая фронтисписомъ къ «Парижскому спортсмену», свидѣтельствующая о любви художника къ лошадямъ; старый книжный червь въ образѣ «Amateur de livres»; слѣпой нищій въ «Les pauvres».

Вторая серія «Les français» посвящена провинціаламъ и тутъ, рисунки Мейсонье обличаютъ въ немъ большую наблюдательность.

Всѣ эти рисунки исполнялись имъ между 1841 — 1843 гг. Тогда же Кюрмеръ далъ возможность Мейсонье впервые обратить вниманіе на Наполеоновскую легенду. Въ 1840 г. останки Бонапарта, котораго доблести воспѣвались въ то время Викторомъ Гюго, Беранже и другими республиканскими поэтами, были привезены съ острова св. Елены и прибытіе ихъ во Францію ознаменовалось пробужденіемъ горячихъ симпатій къ дѣлу Наполеона. Изъ худож-

никовъ, при доставленіи праха въ домъ Инвалидовъ, находились Добиньи и Мейсонье. Послѣдній исполнилъ замѣчательно законченный этюдъ вступленія праха въ Гаврскій портъ и сцену на Руанской набережной, когда погребальное шествіе проходило черезъ Сену.

Въ 1845 г. Мейсонье иллюстрировалъ «Ile des Plaisirs» Фенелона и эта работа поставила его въ дѣловыя отношенія съ извѣстной парижской издательской фирмой Гетцеля, которая поручила ему исполнить рисунки для «L'Histoire d'une poupée et d'un soldat de plomb» Сталь. Сверхъ того, онъ попробовалъ примѣнить къ иллюстраціямъ свои глубокія свѣдѣнія по части костюмовъ XVII и XVIII вв. и сдѣлалъ девять рисунковъ на деревѣ, рѣзанныхъ Лавуанья, для перевода Віардо «Lazarillo de Formes» Мендоцы. Въ 80-хъ гг. Мейсонье исполнилъ нѣсколько рисунковъ для полнаго собранія сочиненій Бальзака, напечатаннаго въ 1885 г. Алекс. Гуссьо. Болѣе, чѣмъ характеры Бальзака, по сердцу художнику пришлись «Contes Rémois» графа де-Шевине. Эти краткія исторіи въ стихахъ, приложенныя къ духу времени, дали возможность Мейсонье во всемъ блескѣ показать свое мастерство иллюстратора и рисунками для «Contes Rémois» завершилась карьера его, какъ рисовальщика.

II.

Тѣмъ временемъ возростала постепенно и слава Мейсонье, какъ живописца. На первыхъ порахъ и ему довелось испытать всѣ непріятности дебютантовъ, заявляющихъ себя новизной и оригинальностью. Первыя попытки его въ живописи совпали съ періодомъ моды на дикія композиціи и бѣшеный канканъ красокъ, когда подражатели Делакруа, во имя дѣланной афектаціи и превыспренныхъ темъ, пренебрегали и рисункомъ, и добросовѣстнымъ изученіемъ своего дѣла, когда всѣ силились творить отъ себя, когда разныя бездарности, усвоившія отъ своего учителя только его ошибки, возводили въ принципъ свое незнаніе и нежеланіе учиться.

Въ такое-то время, среди нихъ появился юный Мейсонье, сразу выказавшій и добросовѣстность, и готовность совершенствоваться, пренебрегая требованіями модныхъ вкусовъ и партійныхъ догматовъ. Тогдашніе вершители судебъ искусства сперва отвергали его картинки, какъ негодныя для Салона, а когда пустили туда, то молодого художника, внимательно изучавшаго голландскихъ жанристовъ, встрѣтили свистками и обзывали живописцемъ Ивану-шекъ-дурачковъ и табакерочныхъ крышекъ.

Но Мейсонье продолжалъ спокойно идти своей дорогой. Впервые его имя упоминается въ каталогѣ Салона 1834 г. подъ двумя работами—акварелью, изображающею дѣвочку, которая подаетъ бу-

куплена за такую цѣну и затѣмъ перешла въ руки Потюрга, за смертью котораго поступила въ галлерею недавно скончавшагося извѣстнаго англійскаго коллекціонера Уолесса.

Въ слѣдующемъ году Мейсонье не выставлялъ въ Салонѣ. Вражда различныхъ направленій въ искусствѣ, какъ и въ литературѣ того времени, дошла до крайнихъ предѣловъ, и ясно было, что молодой художникъ не принадлежалъ ни къ партіи, державшейся традицій академичности въ искусствѣ, ни къ тѣмъ, кто давалъ необузданную волю фантазіи. Темпераментъ Мейсонье, какъ и вкусы его, удаляли его отъ споровъ классиковъ съ романтиками, въ которыхъ дѣятельную роль играли Делакруа, Дешанъ, Шеферъ, Дюпре, Буланже. Онъ болѣе склонялся на сторону Понсара и Эмиля Ожье, чѣмъ Виктора Гюго и Альфреда де-Мюссе, писалъ ихъ портреты и рисовалъ костюмы для ихъ пьесъ.

Эти его любимые драматурги являлись въ сущности представителями здраваго смысла. Мейсонье, не раздѣляя романтическихъ восторговъ своихъ коллегъ, отвертывался и отъ бездушнаго классицизма Демарна, Раффе и Гюе. Его сюжеты долгое время ограничивались узкимъ кругомъ. Но онъ, очевидно, стремился скорѣе достигнуть безусловнаго совершенства въ воспроизведеніи немногихъ типовъ, чѣмъ отдавать свое мастерство на произволъ ничѣмъ не сдерживаемой фантазіи. Отсюда объясняется такое обиліе написанныхъ имъ типовъ кавалеровъ XVII—XVIII вв. и оруженосцевъ, типовъ читающаго или пьющаго.

Но это не значитъ, что Мейсонье копировалъ самаго себя, какъ обыкновенно поступаютъ его подражатели — миніатюристы, если имѣется спросъ на ихъ работы. Во множествѣ картинокъ его съ одинаковыми названіями, трактующихъ тѣ же характеры, всегда видно отраженіе иного истолкованія одного и того же сюжета. Въ этомъ отношеніи онъ отличается и отъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ голландской школы, по мнѣнію многихъ, превосходя ихъ бо̀льшей ясностью.

Другая отличительная черта произведеній Мейсонье — ихъ осмысленность. Смотря на его курильщиковъ, его ученыхъ, его игроковъ въ шахматы, или знатоковъ любителей картинъ и эстамповъ, живо представляешь себя въ подобномъ положеніи. Правда, костюмы тутъ не нашего времени, но мысли, позы и чувства, выраженныя въ этихъ типахъ, умѣстны во всякія эпохи. Окружающая эти типы обстановка зачастую принадлежитъ прошлому вѣку, но тщательное изученіе того періода, который художнику желательно воскресить, все-таки подчинено главному интересу картины. Лица, физіономіи и позы, выдвинуты на первый планъ и обстановка является лишь аксесуаромъ, тогда какъ у новѣйшихъ миніатюристовъ бываетъ какъ разъ наоборотъ. Все это подтверждается множествомъ «Игроковъ въ шахматы», первый образчикъ которыхъ

появился въ Парижскомъ Салонѣ 1836 года, различн
картежниковъ (см. прилагаемый рисунокъ), игрок
игроковъ въ пикетъ, иллюстрирующими различные п
мовъ со временъ Людовика XIII до начала французск

Курильщикъ.
Съ картины Мейсонье.

Въ эти группы, по обстановкѣ преимущественно X
Мейсонье рѣдко допускаетъ болѣе пяти персонажей, но
нихъ изображается въ различныхъ позахъ. При этом
не требуется многихъ сценъ для иллюстрированія жи
любого изъ избираемыхъ имъ типовъ. Въ маленькой р

жетъ выразительно передать его характеръ. Въ этомъ отношеніи любопытны и воспроизводимыя здѣсь фигуры «Курильщика» (1848 г.) и гравированнаго Ражономъ «Знаменоносца». Оруженосцы, офицеры, придворные Мейсонье, какъ живые, повѣствуютъ о своихъ приключеніяхъ не хуже персонажей въ романахъ Вальтеръ-Скотта или Александра Дюма-отца.

Только героини изъ романовъ или изъ дѣйствительной жизни не пользуются симпатіями художника. Это—рѣдкостный примѣръ женофобіи со стороны французскаго художника. Есть нѣсколько произведеній, созданныхъ точно случайно, преимущественно сельскихъ сценъ, въ которыхъ Мейсонье изображаетъ представительницъ прекраснаго пола, но такихъ исключеній у него не много. Поэтому-то картинка Мейсонье «Decameron» въ галлереѣ Уоллеса является безцѣнной рѣдкостью. Она безусловно опровергаетъ приписываемую знаменитому художнику неспособность воспроизводить граціозность формъ или красоту женскаго лица. Это — сцена въ духѣ Ватто, показывающая красивыхъ кавалеровъ и дамъ подъ итальянскимъ небомъ.

Вообще, установилось мнѣніе, что Мейсонье неспособенъ портретировать женскія фигуры. Въ большинствѣ его произведеній, дѣйствительно, женщина совершенно отсутствуетъ или играетъ подчиненную роль на второмъ планѣ, подавая вино или пиво жовіальнымъ всадникамъ или пѣшеходамъ. Но на одной изъ его картинокъ «Le baiser d'adieu» (1855 г.) женская фигура сосредоточиваетъ на себѣ главный интересъ сцены. Любовники видятся украдкой на окраинѣ парка и, быть можетъ, прощаются навсегда.

Тутъ же умѣстно упомянуть о малоизвѣстной картинкѣ, кажется, единственной, на которой знаменитый художникъ трактовалъ нагую фигуру. Она была на юбилейной выставкѣ его въ 1884 г. Въ каталогѣ этой выставки картинка называется «L'affaire Clémenceau». Написана она вотъ по какому случаю. Александръ Дюма въ 1866 г. напечаталъ свой весьма извѣстный романъ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Изъ ста роскошныхъ экземпляровъ, назначавшихся для любителей, одинъ былъ разрѣзанъ по страницамъ, которыя авторомъ были розданы художникамъ-пріятелямъ. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ рисунокъ соотвѣтственный содержанію полученной страницы. Буланже нарисовалъ фронтиспись, Викторъ-Жераръ — сцену на кладбищѣ Монтмартръ и т. п. Мейсонье досталась страница, описывающая сцену того, какъ Клемансо впервые устанавливалъ свою модель Маріетту.

И во всѣхъ этихъ произведеніяхъ наблюдательность художника, его тщательное изученіе всякой подробности и внѣшнихъ атрибутовъ, которыми характеризуются послѣдовательные періоды исторіи Франціи, не менѣе замѣчательны, какъ и его тонкое письмо и жизненность миніатюрныхъ изображеній. Всѣ аксесуары, начиная

Знаменоносецъ.
Съ картины Мейсонье.

съ экрана при каминѣ и оконныхъ занавѣсей, комб
точно для того, чтобы полнѣе и всестороннѣе охарак
браженныя фигуры или группы.

Въ одной изъ наиболѣе выдающихся картинъ с
lecture chez Diderot» (1859 г.) воспроизведенъ кр
фовъ-энциклопедистовъ. Шестеро друзей Дидро со

въ его библіотекѣ, въ концѣ стола помѣстился Дидро; онъ читаетъ одну изъ своихъ критическихъ статей о новыхъ произведеніяхъ Салона. Тутъ не трудно узнать Гримма, Гольбаха, д'Аламбера. На лицахъ всѣхъ выражено удовольствіе, вызываемое слушаніемъ умнаго чтенія.

Въ сценахъ на воздухѣ съ охотниками, солдатами и лошадьми, фигуры трактуются Мейсонье съ неменьшей тщательностью и правдивостью, какъ и самый пейзажъ. Самые измѣнчивые эфекты воздуха ему также удавалось передавать, какъ и искусственное освѣщеніе его студіи. И почти во всѣхъ произведеніяхъ Мейсонье, группы ли это или отдѣльныя фигуры, слѣдуетъ отмѣтить одну замѣчательную особенность. Всѣ его характеры находятся въ покойномъ состояніи или въ прерванномъ движеніи. Можетъ быть, оттого-то картинки Мейсонье производятъ впечатлѣніе спокойствія и мира.

Исключенія отсюда почти случайныя и единичныя. Вотъ знаменитая «La rixe» («Драка»), за которую художникъ въ 1855 г. получилъ высшее художественное отличіе—почетную медаль. Въ тавернѣ два игрока съ яростными жестами набросились другъ на друга. Двое другихъ пытаются силой разнять противниковъ. Тутъ руки говорятъ еще яснѣе, чѣмъ лица. И картина не выходитъ изъ предѣловъ красоты и разработана съ тою же тщательностью, какъ и прочія произведенія Мейсонье. Наполеонъ III, замѣтивъ, какое впечатлѣніе произвела эта картинка на его высокаго гостя, покойнаго супруга королевы Викторіи, купилъ ее у Мейсонье за 25,000 франковъ и подарилъ принцу Альберту. «La rixe» виситъ теперь въ Osborne House, какъ цѣнный «сувениръ», хотя и не совсѣмъ подходящій для напоминанія объ «entente cordiale» двухъ націй.

Другая картинка, полная движенія, есть «Un souvenir de la guerre civile», написанная, вѣроятно, въ бурные дни 1848 г. Тутъ Мейсонье оказался доступнымъ политическимъ эмоціямъ, какъ бы вопреки сложившемуся мнѣнію объ его художническомъ безстрастіи и политическомъ индиферентизмѣ. Небольшая канва, всего въ нѣсколько квадратныхъ дюймовъ, представляетъ баррикаду при въѣздѣ на одну изъ тѣхъ улицъ (какъ утверждаютъ, улицу de la Morsellerie) стараго Парижа, считавшуюся властями наиболѣе упорною въ смыслѣ народнаго недовольства. Солдаты проложили себѣ путь черезъ баррикаду; темная улица безмолвна, какъ могила, ни единаго окна не отворено, не замѣтно ни малѣйшаго признака жизни, хотя трупы грудами лежатъ на опрокинутой баррикадѣ. Какъ разъ на первомъ планѣ валяется старый башмакъ, недавно ношенный, со стоптанной пяткой, краснорѣчиво свидѣтельствующій о нищенскомъ положеніи его хозяина. Вчера ему казалось легче и, быть можетъ, благороднѣе пасть, борясь за свободу, нежели умереть отъ голода въ канавѣ, но сегодня, передъ лицомъ

войска, въ виду бо́льшей опытности сравнительно съ его собственной, онъ поступилъ согласно изреченію «plutôt souffrir que de mourir» и предался бѣгству вмѣстѣ со всѣми остальными, посѣявъ позади себя свой старый башмакъ. Выставленная въ 1851 году, въ періодъ возроставшаго развитія имперіализма, картина эта какъ бы потерпѣла фіаско, — сюжетъ помѣшалъ ея художественному успѣху и она была переправлена черезъ Брюссельскую границу и по настоящее время находится въ галлереи жены бывшаго бельгійскаго министра двора ванъ-Пратъ.

Художникъ не возвращался болѣе къ воспоминаніямъ объ уличныхъ схваткахъ, хотя говорятъ, что онъ написалъ повтореніе картины «La barricade» и не выпускалъ ее изъ мастерской въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Говорятъ, будто впослѣдствіи онъ отдалъ ее другу своему и коллегѣ Делакруа. При продажѣ картинъ послѣдняго, она была пріобрѣтена Штейнгелемъ, зятемъ Мейсонье, за 6,000 франковъ, и предложена имъ для Люксанбургской галлереи, но, по неизвѣстнымъ причинамъ, предложеніе это было отклонено, а затѣмъ ее кто-то купилъ за 6,000 франковъ.

Мейсонье не разъ приходилось писать и портреты. Въ болѣе раннихъ произведеніяхъ его, пріятели и знакомые позировали ему въ качествѣ моделей, и не мало весьма извѣстныхъ именъ въ Парижѣ въ періодъ іюльской монархіи анонимно воспроизведены въ персонажахъ знаменитаго художника. Первыми его портретными работами были портреты его первой жены (сестры его товарища художника Штейнгеля) и дочери (1854 г.). Въ числѣ другихъ работъ подобнаго рода считаются наиболѣе удачными портреты Александра Батта (1857 г.), голландскаго скрипача, долгое время проживавшаго въ Парижѣ, баронессы Тэнаръ (1859 г.), красивой женщины съ роскошными волосами, сына художника Шарля Мейсонье въ фантастическомъ костюмѣ временъ Людовика XIII, стоящаго подъ деревьями (1864 г.), Александра Дюма-сына (1867 г.), Делаганта и Тьера (1867 г.), издателя Гетцеля (1879 г.).

III.

Когда началась итальянская война, Мейсонье получилъ разрѣшеніе сопровождать штабъ французской арміи въ качествѣ живописца, и былъ хорошо принимаемъ въ главной квартирѣ. Къ этому переходу отъ простого и субъективнаго жанра къ историческому его побудило чтеніе Тьеровской исторіи войнъ первой имперіи и тщательное изученіе анатоміи лошади. Результатомъ итальянской кампаніи явилась первая батально-историческая картина его «Императоръ при Сольферино». «Solferino» (1860 г.) имѣла размѣры: 12×8 дюймовъ, но на такомъ пространствѣ художникъ съумѣлъ изобразить вотъ что:

Императоръ, стоя нѣсколько впереди своего главнаго штаба, обозрѣваетъ поле битвы съ вершины возвышенности, круто обрывающейся книзу и открывающей артилерійскую баттарею. На краю площадки неподвижная лошадь настороживаетъ уши на грохотъ пушекъ. Императоръ слегка склонился на сѣдельную луку, какъ бы сопровождая взглядъ свой, которымъ онъ окидываетъ горизонтъ, съ хладнокровіемъ предводителя, изучая шахматную доску, гдѣ разыгрывается страшная партія. Ничего не можетъ быть правдивѣе, говоритъ Теофиль Готье въ своемъ отзывѣ о Салонѣ 1861 года, ничего не можетъ быть проще и благороднѣе этой позы, ни малѣйшей напыщенности, никакой натянутости, а между тѣмъ глазъ невольно приковывается къ этой спокойной, серьезной, задумчивой фигурѣ. Сдерживая своихъ коней, раздражаемыхъ запахомъ пороха и взрывами артилерійскихъ снарядовъ, офицеры въ молчаніи ожидаютъ результата осмотра и могущихъ послѣдовать приказаній; почтительное любопытство заставляетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ обернуться къ своему главнокомандующему, какъ бы изъ желанія предугадать его мысль на безстрастномъ его лицѣ; другіе какъ бы застыли въ своей героической пассивности, ничего не предрѣшая и готовые рѣшиться на все. Въ нѣсколькихъ шагахъ позади группы виднѣется самъ художникъ, помѣстившій сюда свой портретъ какъ бы для того, чтобы своимъ присутствіемъ засвидѣтельствовать о достовѣрности сцены. Влѣво нѣсколько труповъ австрійцевъ, отличающихся своими бѣлыми жилетками и синими панталонами, лежатъ распростертые на землѣ.

Въ компановкѣ конной группы, гдѣ всѣ персонажи представляютъ собою портреты, производящіе положительно реальное впечатлѣніе, зрителя поражаетъ удивительное мастерство художника. Онъ превзошелъ Воувермана, Бургиньона, Верне. При всемъ маломъ размѣрѣ его боевыхъ коней, вышиною въ четыре-пять сантиметровъ, вы видите зрачки ихъ глазъ, пряжку на ихъ оглавіи, шифръ ихъ сѣдла, малѣйшую деталь ихъ строенія и упряжи. Это, конечно, мелочи, но упомянуть о нихъ не мѣшаетъ, такъ какъ онѣ нисколько не мѣшаютъ широтѣ цѣлаго; ихъ замѣчаешь, какъ и въ природѣ, только приглядѣвшись къ нимъ поближе.

То же самое можно сказать и о фигурахъ людей. При первомъ взглядѣ на нихъ, они поражаютъ ясностью силуэта, естественностью жестовъ, непринужденностью позы и вольнымъ военнымъ аллюромъ. Приглядываясь къ нимъ болѣе внимательно, можно разсмотрѣть пуговицы, кантики, аксельбанты, темляки, всѣ детали мундира, до ордена включительно, который виднѣется въ разрѣзѣ на груди фигуры третьяго плана.

Со времени «L'Empereur à Solferino», бывшей на выставкѣ въ Салонѣ 1861 года и пріобрѣтенной для Люксанбургскаго музея за 200,000 франковъ, Мейсонье обратился къ военной исторіи Фран-

ціи и въ частности къ Наполеоновской эпопеѣ. Конечно, онъ могъ бы до конца жизни продолжать писать своихъ напудренныхъ читателей, писателей, игроковъ, курильщиковъ, знатоковъ искусства, безъ ущерба для сбыта своихъ картинъ. Вмѣсто того 50-лѣтній художникъ, вдругъ обращается къ новой, болѣе трудной области художественнаго вторчества.

Выборъ Наполеоновской эпопеи вполнѣ понятенъ. Во-первыхъ, во всякомъ хорошемъ французѣ сидитъ солдатъ и даже шовинистъ. Во-вторыхъ, Мейсонье выросъ среди героическихъ легендъ о войнахъ первой имперіи. Онъ слушалъ пѣсни Беранже и читалъ повѣствованія Тьера. Но, противоположно историку или романисту, художникъ началъ прямо съ развязки. Первое изъ трехъ его главныхъ произведеній, иллюстрирующихъ Наполеоновскую эпопею, называется «1814 годъ». Картина появилась въ Салонѣ 1864 года подъ названіемъ «Campagne de France».

По избитой, ухабистой, изборожденной выбоинами дорогѣ, размякшей отъ полуталаго снѣга, на своемъ бѣломъ конѣ, сопровождаемый генеральнымъ штабомъ, шагомъ движется Наполеонъ. У генераловъ мрачный, угнетенный видъ. Они не осмѣливаются прерывать молчаніе того, кто такъ часто водилъ ихъ на встрѣчу успѣхамъ. Императоръ, въ надвинутой на чело треуголкѣ, предается горькому раздумью; правая рука засунута въ наглухо-застегнутый сѣрый сюртукъ; лицо блѣдно, взоръ потухшій, ротъ искаженъ лихорадочнымъ состояніемъ.

Непосредственно за властелиномъ, на гнѣдомъ конѣ, подбоченясь, слѣдуетъ маршалъ Ней; на немъ темнозеленый сюртукъ, съ генеральскимъ шарфомъ на боку, большая сѣрая шинель, накинутая на плечи, съ развѣвающимися рукавами, застегнутая спереди у ворота, съ поднятымъ воротникомъ. Онъ смотритъ на императора съ гордой увѣренностью и надеждой. На томъ же планѣ, также на гнѣдой лошади, закутанный въ черную шинель, ѣдетъ генералъ Берту, съ выраженіемъ безропотной покорности на лицѣ.

Почти на той же линіи, на сивомъ конѣ въ яблокахъ, виденъ генералъ Друо; на немъ черная шинель; правая рука у него засунута въ карманъ шинели. Подъ вліяніемъ утомленія, убаюкиваемый ходомъ своего коня, онъ какъ будто полуспитъ. За нимъ видны генералы Гурго, Флаго, весь генеральный штабъ съ развѣдчиками, егерями и гусарскими офицерами. Сзади нихъ помѣщается отрядъ развѣдчиковъ и совсѣмъ въ концѣ императорской свиты, вдали, виднѣются кирасиры въ своихъ блестящихъ мундирахъ. Справа, впереди группы кавалеристовъ, маршируютъ барабанщики, держа съ боку какъ бы онѣмѣлые барабаны и среди иихъ тамбуръ-мажоры. За ними дефилируетъ безчисленными рядами пѣхота. Вся картина съ ея туманнымъ воздухомъ, съ фигурами и конями, производитъ мощное, неотразимое впечатлѣніе тишины и сосредоточенности.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день, къ Делаганту явился Багъ, большой знатокъ искусства, съ предложеніемъ купить у него картину за 500,000 франковъ на чистыя деньги. Делагантъ не устоялъ противъ такого соблазна и согласился. Всѣхъ въ Парижѣ занималъ тогда вопросъ: для кого покупалъ Багъ? Для кого онъ запасался этой картиной? На другое же утро стало извѣстно, что «1814 годъ» купленъ Шошаромъ, бывшимъ директоромъ большихъ магазиновъ «Лувръ» за 850,000 франковъ. Такимъ образомъ въ 24 часа Багъ нажилъ на продажѣ 350,000 франковъ.

Это былъ первый случай, что художнику при жизни его достался такой успѣхъ. Ни одна изъ знаменитѣйшихъ картинъ, за которыя платилось въ новѣйшее время сотни тысячъ, не была оцѣнена такъ высоко.

Второй картиной изъ Наполеоновской эпохи явилась «Кирасиры», иначе называемая «1805-й годъ». Она была окончена въ 1871 году. По содержанію она составляетъ прямую противоположность «1814-му году». Здѣсь конецъ тріумфовъ великаго полководца. «1805-й годъ»—преддверіе его великой славы. Полки ждутъ сигнала къ атакѣ. Кавалерія стройно подвигается впередъ, пѣхота скучилась и ждетъ команды, справа артиллерія приготовилась открыть огонь по непріятелю. Императоръ виденъ еще только на заднемъ планѣ, занимая небольшую возвышенность вблизи своего штаба. Эта картина, купленная за 400,000 франковъ, ушла въ Америку и во время пожара въ Нью-Іоркѣ сгорѣла въ кладовой, гдѣ помѣщалась временно.

Въ третей картинѣ изъ цикла Наполеоновской легенды, «Фридландъ» или «1807-й годъ», изображающей верхъ торжествъ Наполеона I, кирасиры дефилируютъ передъ императоромъ, который тутъ помѣщенъ уже въ самомъ центрѣ этой сцены. Около императора находятся маршалы Бессьеръ, Дюрокъ и Бертье, позади него генералъ Нансути ожидаетъ приказаній двинуть впередъ «старую гвардію».

Мейсонье, говорятъ, работалъ не менѣе 15-ти лѣтъ надъ этой картиной и этому не трудно повѣрить въ виду 67 эскизовъ сдѣланныхъ художникомъ спеціально для «1807 года», которые были собраны на его юбилейной выставкѣ въ Парижѣ въ 1884 году. Нью-Іоркскій милліонеръ Стюартъ купилъ картину за 300,000 франковъ.

Къ этимъ тремъ главнымъ твореніямъ слѣдуетъ прибавить еще картины на сюжеты изъ Наполеоновской эпохи—«Моро и Десоль» (1876 годъ) утромъ передъ битвой Гогенлиндена, «Кавалерійская аттака» (1869 года), купленная Пробоско изъ Цинцинати, «Маршалъ Саксонскій и его штабъ» (увезена также въ Америку), «Генералъ Дезэ при Рейнской арміи» (1867 года).

Эскизъ фигуры въ картинѣ «1807-й годъ».

Эскизъ фигуры «1807-й

IV.

Какъ уже сказано, извѣстность Мейсонье возрост
и слава пришла къ нему не сразу. Въ этомъ не тр
изъ перечня результатовъ его художественной дѣ
сколько она выразилась на парижскихъ выставка
Шесть лѣтъ Мейсонье выставлялъ въ Салонѣ,
никакихъ наградъ. Затѣмъ въ 1840 году онъ по
третьяго разряда за картину «Читающій», въ слѣ
ему досталась второклассая медаль за «Партію в
въ 1843 году первокласная медаль за картины «
своей мастерской» и за два мужскіе портрета. Та
была присуждена ему въ 1848 году за картинки:
«Игра въ карты», «Солдаты» и за три портрета. О
кромѣ того, въ Салонахъ: 1842 г. «Jeune homm

basse» и «Курильщикъ»; 1845 г. — «Corps de garde», «Молодой человѣкъ разсматривающій рисунки» и «Партія въ пикетъ»; 1849 г. — «Курильщикъ»; 1850 г. — «La dimanche», «Souvenir de guerre civile», «Играющій на флейтѣ», «Художникъ показывающій свои рисунки» и портретъ; 1852 г.—«Homme choisissant son épée», «Молодой человѣкъ за работой» и «Bravi»; 1853 г.—«A l'ombre des bosquets», «Chants d'un jeune poète», «Un jeune homme lit en dejeunant» и «Пейзажъ».

Всемірная выставка въ Парижѣ 1855 года принесла ему большую почетную медаль. Тутъ появились его замѣчательнѣйшія произведенія — «La rixe», «Bravi», «La lecture chez Diderot» и «Le joueurs de boules» (при Людовикѣ XV). Затѣмъ Мейсонье выставлялъ въ Салонахъ 1857, 1861, 1864, 1865, 1877, 1883 и 1884 годовъ. Въ 1867 году, на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, ему опять досталась первая почетная медаль. На вѣнской всемірной выставкѣ 1873 года, когда онъ получилъ высшую награду, находились 7 его картинъ, включая «Сольферино», «1807-й годъ» и «1814-й годъ», два этюда plein-air «La partie de boules» и «Le route de la Salice», двѣ военныя сцены—«Au tournebride» и «Petit poste de grand'garde» и одна комнатная сцена—«Игра въ карты».

На всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1878 года, его произведенія занимали почетное мѣсто. Для Мейсонье отведена была одна изъ галлерей выставки—отличіе, какого удостоивались раньше только Энгръ и Делакруа. Въ 1883 году, въ первомъ трехгодичномъ правительственномъ Салонѣ, знаменитый художникъ явился съ пятью картинами: «San'Marc» («Madonna del Bacio»—изображена молодая женщина на колѣняхъ молящаяся передъ Мадонной), «Le guide» (баварскій крестьянинъ—проводникъ драгунъ изъ арміи Рейна и Мозеля 1797 года), портретъ Виктора Лефранка; «Les Tuileries» въ маѣ 1871 года (развалины), «La vedette» (при Людовикѣ XIV) и «Le chant» (мальчикъ поющій подъ шарманку).

Въ Салонѣ 1884 года находился его работы портретъ г-жи Макэ, американской милліонерши. Изъ-за этого портрета знаменитый художникъ испыталъ не мало непріятностей. Дѣло въ томъ, что милліонерша вздумала украсить свою галлерею собственнымъ портретомъ, который былъ бы непремѣнно написанъ знаменитѣйшимъ изъ французскихъ художниковъ. Мейсонье, рѣдко работавшій женскіе портреты, послѣ долгихъ переговоровъ, уступилъ желаніямъ неотвязчивой американки. Портретъ, за который художнику было заплачено 90,000 франковъ, не понравился г-жѣ Макэ, и она бросила его и довела объ этомъ до свѣдѣнія Мейсонье. Послѣдній вернулъ деньги и, получивъ портретъ обратно, уничтожилъ его.

Съ 1884 года картины его не выставлялись въ парижскихъ Салонахъ. Въ іюнѣ 1884 года, по случаю его 50-тилѣтняго юбилея, была устроена особая выставка его произведеній. На ней находи-

ровую вилу, онъ не берегся въ своихъ хлопотахъ, и 78-лѣтній художникъ схватилъ простуду, на которую сперва не обратилъ вниманіе. Появилось воспаленіе легкихъ и въ короткое время свело его въ могилу.

Независимо отъ перечисленныхъ художественныхъ отличій, Мейсонье въ 1861 году былъ избранъ членомъ французскаго Института, гдѣ ему досталось 12-е кресло, занимавшееся до 1835 года барономъ Гро (Gros), а потомъ Абелемъ де-Пюжолемъ, котораго «Renaissance des Arts», украшавшее библіотеку Тюльери, было уничтожено при коммунѣ 1871 года. Затѣмъ онъ до конца дней своихъ занималъ постъ президента парижской академіи изящныхъ искусствъ.

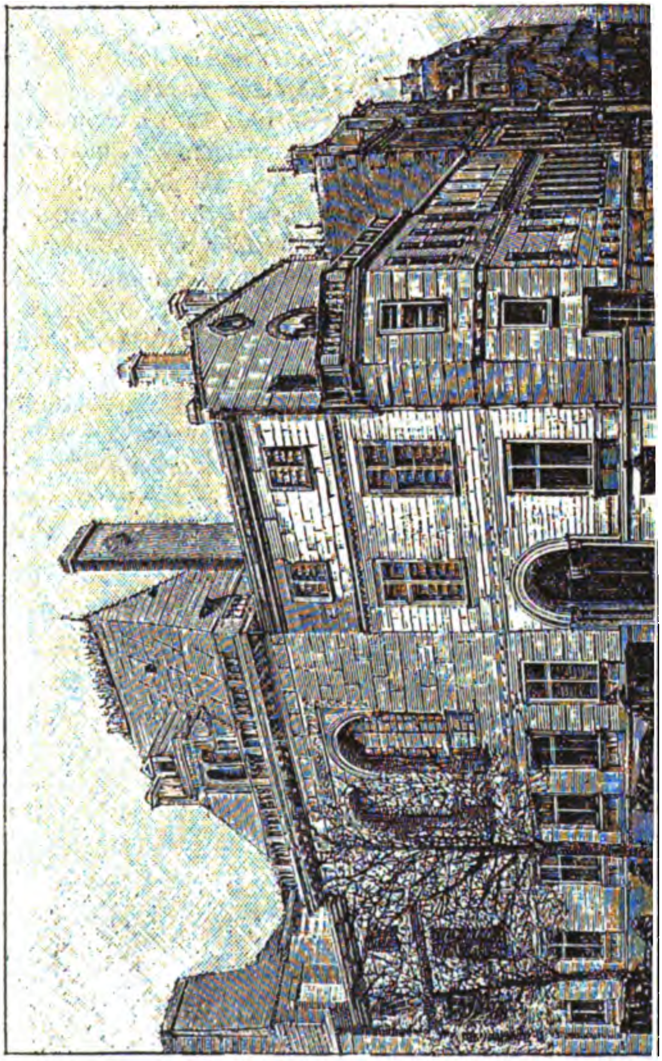
Помимо чисто художественныхъ отличій, Мейсонье съ 1846 года получилъ всѣхъ степеней знаки Почетнаго Легіона. Въ итальянскую кампанію 1859 года онъ состоялъ при главномъ штабѣ, а въ 1870 году при началѣ французской войны сопровождалъ Рейнскую армію, но послѣ первыхъ проигранныхъ французами битвъ вернулся въ Парижъ, не пожелавъ увѣковѣчивать пораженій отечественной арміи. Вскорѣ, однако, когда опасность со стороны непріятеля стала угрожать Парижу, художникъ оставилъ свою студію въ Пуасси.

Во время осады Парижа онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи корпуса художниковъ, отличившагося храбростью и самоотверженіемъ, особенно въ битвѣ при Бюзанвалѣ, которая талантливому Реньо стоила жизни. Мейсонье во все время осады состоялъ при штабѣ въ чинѣ полковника, имѣя подъ своимъ начальствомъ импресіонистовъ Броуна и Мане. По заключеніи мира, онъ просилъ правительство національной обороны назначить его префектомъ Меца, утверждая, что даже въ своей студіи онъ никогда не былъ такъ счастливъ, какъ при исполненіи обязанностей мэра въ Пусеи. Но Гамбетта отказалъ въ просьбѣ знаменитому художнику, что, къ слову сказать, не только не породило размолвки между народнымъ трибуномъ и живописцемъ-патріотомъ, но послужило только новымъ поводомъ къ ихъ сближенію.

Въ заключеніе этого краткаго очерка жизни и дѣятельности Мейсонье, небезъинтересно упомянуть еще о томъ, что приведено въ извѣстность относительно особенностей обстановки, въ какой жилъ этотъ знаменитый художникъ.

Большую часть года Мейсонье проводилъ въ своей усадьбѣ въ Пуасси. Здѣсь пристройки его дома и украшенія служатъ свидѣтельствомъ различныхъ стадій карьеры художника. Лошади особенно интересовали его. Говорятъ, онъ разорился бы на красивыхъ лошадей, еслибы картины не доставляли ему огромныхъ суммъ. Конюшни въ Пуасси по обстановкѣ и комфорту соперничали съ его студіями. Онъ самъ расписывалъ свои конюшни и свои экипажи. Въ Пуасси онъ однажды провелъ небольшую желѣзнодорожную линію, чтобы имѣть возможность съ карандашемъ въ рукахъ слѣдить за галопировавшимъ кавалерійскимъ полкомъ и отмѣчать движенія лошадей. Почти для каждой изъ лошадей, изображен-

ныхъ на его картинахъ, онъ покупалъ особую моде
дней своихъ Мейсонье не переставалъ изучать ана
Въ Парижѣ его домъ (на углу Avenue de Villei
Maleslierbes) во многихъ отношеніяхъ являлся дв

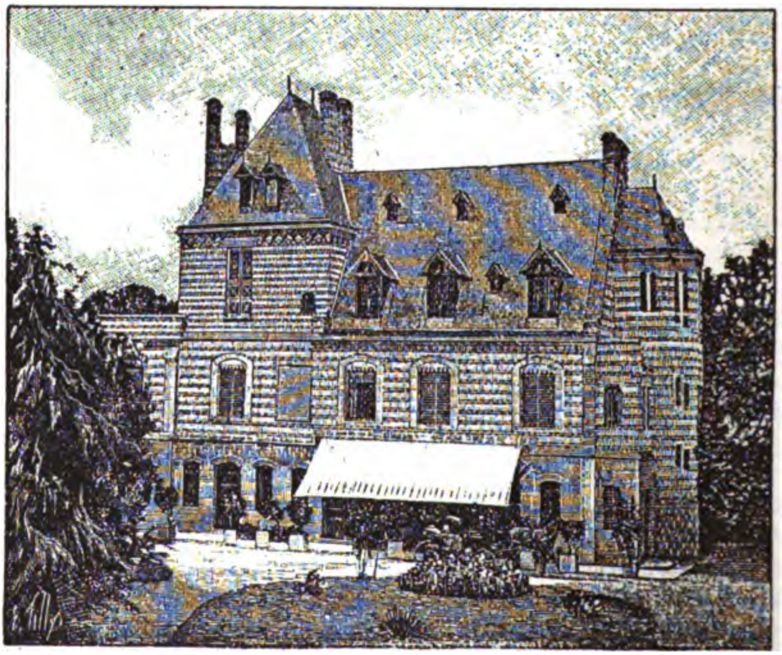


въ Пуасси. Студіи и конюшни составляли глав
обоихъ. Въ каждомъ изъ нихъ было по двѣ ст
гдѣ художникъ принималъ посѣтителей, и меньша
открытъ доступъ только близкимъ людямъ и друзья
эти наполнены были оружіемъ, костюмами, драпиро
періодовъ французской исторіи, начиная съ XV ст

номъ углу находились костюмы кавалеровъ періода Людовика XIII, въ другомъ—образцы полковыхъ мундировъ французской арміи со временъ Директоріи. Посѣтители любовались еще восковыми моделями, сдѣланными самимъ Мейсонье.

Въ Парижѣ циркулируетъ множество анекдотовъ насчетъ того, какъ работалъ Мейсонье и съ какими трудами сопряжено было для него достиженіе безусловной безупречности въ исполненіи картинъ. Говорятъ, что модель его для картины «La rixe» подвергалась настоящимъ пыткамъ, но вѣдь и самъ Мейсонье готовъ былъ подчиниться всякаго рода мукамъ, лишь бы достигнуть идеальной точности въ воспроизведеніи натуры. Разсказываютъ, что во время писанія картины «1814-й годъ» художникъ получилъ позволеніе взять на время изъ «Musée des Souverains» плащъ, который былъ на Наполеонѣ при возвращеніи его изъ Россіи. Мейсонье сдѣлалъ точную копію плаща и, сидя въ своей студіи на деревянномъ конѣ, передъ зеркаломъ изучалъ цѣлыми часами положеніе каждой складки и затѣмъ воспроизводилъ это съ микроскопической точностью. Кромѣ того, онъ устроилъ въ миніатюрѣ пейзажъ съ моделями фуръ, пушекъ и другими принадлежностями арміи. Подобныя же приготовленія были сдѣланы для его оставшейся неоконченной картины «La France vengeresse». Сверхъ того, каждая изъ его студій была полна этюдами, цѣнность которыхъ разсчитывается въ 2 милліона франковъ.

Ө. Булгаковъ.



Домъ Мейсонье въ Пуасси.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Историческіе акты XVII столѣтія (1633—1699).]
исторіи Сибири. Собралъ и издалъ Инн. Кузне
1890.

КНИГА, заглавіе которой мы выписали, с
сибирскіе историческіе акты, отчасти из
нецовымъ изъ мѣстныхъ архивовъ (изъ а
и изъ той части архива Саянскаго остр
нится въ Минусинскомъ музеѣ), отчас
имъ отъ томскаго старожила и собирате
костей П. А. Пушкарева. Всѣхъ напеч
актовъ 34 №№; изъ нихъ нѣкоторые ни
содержанію, другіе были уже напечатаны ра
тѣ, такъ и другіе, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣск
шихъ еще въ печати, несомнѣнно имѣютъ значеніе не то
мѣстной, но и для исторіи Россіи вообще. Особенный и
ляютъ прежде всего тѣ акты, которые относятся ко време
Петра Великаго: въ нихъ мы находимъ немало такихъ
еще разъ доказываютъ глубокій практическій умъ и забо
зователя Россіи, простиравшуюся до мелочей. Таковы,
грамоты: о приводѣ къ вѣрѣ истца, отвѣтчика и свидѣтел
моженныхъ пошлинахъ (№ 34) о жалованьѣ томскому ду
о гербовой бумагѣ (№ 33) и о посылкѣ «съ Москвы въ

---

[1]) Напримѣръ, присяжный листъ Алтынъ-хана Кунканче
напечатанъ въ I т. «Памятниковъ Сибирской исторіи XVIII в
а грамота томскому воеводѣ о «непокупкѣ архіепископамъ и в
скимъ чинамъ земельныхъ и рыбныхъ угодій» — въ V т. «
скихъ» (стр. 48, гр. 32; только у этой послѣдней не хватаетъ
вана она кузнецкому воеводѣ).

кантарей «для праваго вѣсу» (№ 31). Въ послѣдней грамотѣ, между прочимъ, предписывается томскому воеводѣ «съ товарищи» «записать эти кантари въ приходную книгу... и беречь отъ пожарнаго времени и, чтобъ не заржавѣли, вымарывать ихъ масломъ или какимъ саломъ, чтобъ въ правомъ вѣсѣ никогда отъ нихъ никакой измѣны не было». Изъ другихъ актовъ, находящихся въ сборникѣ г. Кузнецова, наиболѣе любопытны тѣ изъ нихъ, которые характеризуютъ отношеніе русскаго правительства къ сибирскимъ инородцамъ, нерѣдко изъявлявшимъ полную готовность служить «великому государю», «подъ его высокою рукою въ подданствѣ быти», и въ то же время никогда не упускавшимъ случая пограбить и побить русскихъ и ихъ «ясачныхъ людей». Русское правительство никогда не отказывалось принимать этихъ инородцевъ «подъ свою высокую руку», почти всегда исполняло всѣ ихъ просьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда вполнѣ не довѣряло ихъ обѣщаніямъ и рекомендовало воеводамъ соблюдать въ отношеніи ихъ величайшую осторожность. Такъ, напримѣръ, въ 1666 году нѣкоторые калмыцкіе тайши просили царя Алексѣя Михайловича, чтобъ онъ принялъ ихъ «подъ свою высокую руку въ подданство», не велѣлъ ратнымъ людямъ ходить на нихъ войною и дозволилъ ихъ «улуснымъ людямъ ходити съ торги къ Томску», причемъ обѣщались «служити великому государю и на ослушниковъ его войною ходити». Царь весьма благосклонно отнесся къ этой просьбѣ, велѣлъ послать тайшамъ «жалованье» и сказать при этомъ, «чтобъ тайши улусныхъ своихъ людей съ торгомъ къ Томску и къ Тобольску присылали немногихъ, чтобъ отъ многихъ людей въ торгахъ съ русскими людьми ссоры и задоровъ не было», а воеводамъ предписалъ «того смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобъ ихъ было немноголюдно, и осторожность велѣть отъ нихъ держать большую, и велѣть имъ торговать отъ города вдали, а въ городъ опричь пословъ, никого калмыковъ не пускать, и ссоры и задоровъ русскимъ людемъ съ калмыки чинить не велѣть» (№ 11). О точно такомъ же отношеніи русскаго правительства къ калмыкамъ свидѣтельствуетъ и грамота № 20 (1679 г.). Есть еще въ сборникѣ г. Кузнецова любопытные документы, касающіеся отношенія русскаго правительства къ «ясачнымъ людямъ» (обращаться съ ними предписывается возможно мягче, ласковѣе, «чтобъ тѣмъ ясачныхъ людей не оскорбить и отъ нашей государевой милости не отогнать»—(№№ 21, 23, 27 и др.), также отношенія томскихъ служилыхъ людей къ воеводамъ и служилымъ людямъ Кузнецкаго и Красноярскаго остроговъ (№№ 4 и 23), устройства новыхъ поселеній (№ 26)—«о строеніи Уртамской слободы», отправки хлѣбнаго и денежнаго жалованья изъ Тобольска въ Томскъ (№ 16), экономическаго положенія сибирскихъ монастырей (№ 18) и проч.; есть, кромѣ того, и нѣсколько другихъ, неменѣе любопытныхъ и важныхъ, какъ въ историческомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи, но на нихъ мы не имѣемъ возможности останавливаться...—Намъ необходимо еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ изданы г. Кузнецовымъ «Историческіе Акты». Судя по тому значенію, какое придаетъ имъ самъ собиратель и издатель ихъ и какое могутъ они имѣть для изслѣдователя, мы ожидали бы, что и изданы они будутъ, по крайней мѣрѣ, удовлетворительно; но на самомъ дѣлѣ, мы этого не замѣчаемъ. Правда, напечатаны они на хорошей бумагѣ, превосходнымъ крупнымъ шрифтомъ, къ нимъ приложенъ «Алфавитный указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій, съ примѣчаніями къ нимъ», но... вмѣстѣ съ тѣмъ, мы встрѣчаемъ

Древняя исторія К. Ф. Беккера, вновь обработанная Вильгельмомъ Мюллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Съ 95 рисунками и 2-мя раскрашенными картами. Часть вторая. Спб. 1891.

Вышедшая теперь въ русскомъ переводѣ вторая часть научно-популярнаго сочиненія К. Ф. Беккера,—Becker's Geschichte des Alterthums,—вновь обработаннаго Вильгельмомъ Мюллеромъ, отличается тѣми же достоинствами, которыя мы отмѣтили въ первой его части (см. «Историческій Вѣстникъ», 1890 года, мартъ, стр. 691). Изъ шести періодовъ, на которые авторъ дѣлитъ всю исторію человѣчества, здѣсь разсматриваются два: третій—отъ Кира до Александра и четвертый —Римская исторія дома Константина и его династіи (534 г. до Р. Х., до 363 г. по Р. Х.). Послѣдній, впрочемъ, здѣсь только начатъ (до законовъ Лицинія)—продолженіе его въ третьей части. Такимъ образомъ почти вся настоящая часть посвящена исторіи Греціи (стр. 24—239 изъ 278-ми). Разсматривая первую часть, въ числѣ другихъ свойствъ талантливаго автора, мы отмѣтили то, что у него культурная сторона исторіи не заслоняется внѣшними фактами, а напротивъ выступаетъ на первый планъ,—представляетъ ту почву, на которой развиваются событія внѣшней исторіи. Это особенно приложимо ко второй части исторіи Беккера, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ главнымъ образомъ о самой культурной странѣ, древности, съ ея искусствомъ, литературою и философіей, достигшими высшаго своего развитія «въ цвѣтущій періодъ» ея исторіи. Какъ на образецъ хотя и краткихъ, но блестящихъ характеристикъ Беккера, можно указать на характеристику одного изъ трехъ великихъ греческихъ трагиковъ Еврипида:—«По благородству и смѣлости, онъ примыкаетъ къ Эсхилу, а по изяществу языка и глубинѣ мысли къ Софоклу. Еврипидъ является истиннымъ сыномъ своего вѣка. Прежній идеальный характеръ трагедіи онъ перенесъ или скорѣе возвратилъ къ истинной правдѣ дѣйствительной жизни и изображалъ людей такими, какими они являются въ ней на самомъ дѣлѣ. При этомъ въ трагедіяхъ своихъ Еврипидъ приводилъ выводы и основныя положенія тогдашней философіи и пользовался софистическою діалектикою. Длинные разсказы вмѣсто драматическаго дѣйствія въ соединеніи съ часто употребляемою развязкою въ видѣ неожиданно появляющагося Божества, такъ называемаго deus ex machina, показываютъ, что Еврипидъ не особенно заботился объ естественномъ и послѣдовательномъ развитіи драмы. Хоровыя пѣсни не находятся уже въ полной, внутренней, тѣсной связи съ дѣйствіемъ и характерами дѣйствующихъ лицъ; онѣ являются какъ бы чѣмъ-то сохраняющимся лишь по обычаю, а не въ силу дѣйствительной необходимости. Но за то Еврипидъ отличается необыкновеннымъ пониманіемъ сердца человѣческаго и его страстей. Главною цѣлью его было возбужденіе сострадания и умиленія, почему онъ и заслужилъ у древнихъ названіе τραγικώτατος. Какъ послѣдователь Анаксагора, Еврипидъ часто впадаетъ въ противорѣчіе съ миѳами, что нерѣдко пагубно отражается на содержаніи его пьесъ»... (стр. 146—7). Политипажи, иллюстрирующіе содержаніе, отличаются изяществомъ выполненія и представляютъ собою снимки съ древнихъ памятниковъ и съ произведеній замѣчательныхъ художниковъ новаго времени. Ко второй части приложены три карты (изъ которыхъ двѣ раскрашены): 1) Македонская монархія Александра Великаго, 2) Лаціумъ и 3) Италія. **С.**

память оставилъ онъ по себѣ какъ ученый, какъ общественный дѣятель, какъ человѣкъ». Будемъ надѣяться, что Юридическое Общество, членомъ-учредителемъ котораго онъ былъ, принималъ затѣмъ близкое участіе въ его дѣятельности, насчитывающее въ числѣ своихъ членовъ много лицъ, близко знавшихъ покойнаго, употребитъ всѣ средства къ тому, чтобы провести въ общественное сознаніе память о покойномъ, какъ ученомъ и общественномъ дѣятелѣ, и путемъ разбора дѣятельности покойнаго подготовитъ необходимый матеріалъ для обстоятельной, всесторонней біографіи и оцѣнки дѣятельности А. Д. Градовскаго. Ѳ. М.

Pamiętnik drugiego zjazdu historyków Polskich we Lwowie. I. Referaty. Lwow. 1891.

Въ 1880 году истекло четыреста лѣтъ со времени смерти извѣстнаго польскаго историка, краковскаго каноника Яна Длугоша. Чтобы должнымъ образомъ отпраздновать этотъ юбилей, польскіе историки постановили устроить свой съѣздъ. Собрать его они хотѣли, между прочимъ, и по той причинѣ, что вслѣдствіе оживленія, послѣдовавшаго съ семидесятыхъ годовъ въ польской исторической наукѣ, они считали необходимымъ выяснить главныя нужды ея и изыскать пути, чтобы обезпечить ей наболѣе успѣшное дальнѣйшее движеніе. Въ виду всего этого, съѣздъ поставилъ себѣ цѣлью, во-первыхъ, привести въ извѣстность силы, которыми располагаетъ польская историческая наука, а во-вторыхъ, обсудить вопросъ о томъ, изданіе какихъ источниковъ наиболѣе пригодно и необходимо въ данный моментъ. Дѣйствительно, здѣсь въ Краковѣ была начертана польскими учеными программа изданія историческихъ матеріаловъ, наиболѣе необходимыхъ для изученія прошлаго Рѣчи Посполитой, программа, которой они продолжаютъ слѣдовать и до настоящаго времени. Три года спустя, въ виду наступавшаго исполненія трехлѣтія со времени смерти извѣстнаго поэта Яна Кохановскаго, корифея такъ называемаго золотаго періода польской литературы, было постановлено созвать историко-литературный съѣздъ въ Краковѣ въ маѣ 1884 года. Программа этого съѣзда упоминала о ненаучности, господствующей въ пріемахъ изученія исторіи польской литературы и языка, указывала на необходимость заняться рѣшеніемъ вопроса объ устраненіи этихъ недостатковъ, требовала разсмотрѣнія задачъ и потребностей исторіи польской литературы, а также предпринятія болѣе критическаго изданія литературныхъ памятниковъ. Что касается послѣдняго вопроса, то труды историко-литературнаго съѣзда, носящаго названіе съѣзда Кохановскаго, не прошли безслѣдно. Стоитъ лишь вспомнить о превосходномъ изданіи сочиненій Яна Кохановскаго (оно будетъ вскорѣ совершенно окончено), а также о переизданіи рѣдкихъ литературныхъ произведеній XVI вѣка подъ редакціей краковской академіи наукъ, которое, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оставляетъ многаго желать.

Съѣздъ 1884 года, хотя въ немъ принимало участіе очень много историковъ, какъ мы видѣли, имѣлъ свою спеціальную задачу. Между тѣмъ въ десятилѣтіе, протекшее со времени такъ называемаго съѣзда Длугоша, историческая наука сдѣлала большіе успѣхи, и польскіе ученые сочли полезнымъ собраться опять. Мѣстомъ для созванія новаго съѣзда былъ избранъ городъ Львовъ, и такъ какъ организаціей его занялось мѣстное историческое обще-

ство, во главѣ котораго стоитъ проф. Лиске, то этимъ от
опредѣлялось на какіе вопросы будетъ главнымъ образом
піе съѣзда. Чтобы не затягивать засѣданій его, было
предварительно всѣ рефераты, которые должны были быт
съѣздѣ, и разослать ихъ участникамъ его, чтобы собравші
прямо заняться обсужденіемъ поднятыхъ референтами в
можно объяснить только то обстоятельство, что въ течені
окончилъ всѣ свои занятія (онъ былъ открытъ 17-го, а
нов. стиля), не смотря на довольно значительное колич
ныхъ докладовъ и принятыхъ по поводу ихъ рѣшеній. П
книга изданныхъ съѣздомъ рефератовъ (числомъ 29) под
miętnik drugiego zjazdu historyków polskich we Lwowie».
стѣ съ отчетами, помѣщенными въ различныхъ журнал
преній по поводу ихъ во Львовѣ, даютъ намъ возможнос
тіе о задачахъ, поставленныхъ тамъ себѣ польскою ист
и о тѣхъ цѣляхъ, которыя она теперь намѣрена преслѣд

Вопросамъ теоретическимъ и научной разработкѣ п
было отведено мѣста на львовскомъ съѣздѣ. Коснулся эт
одинъ только г. Корзонъ, извѣстный своими трудами по
ва-Августа. Его рефератъ о погрѣшностяхъ польской
изображеніи прошлаго своего народа вызвалъ очень бур
ныя пренія. Г. Корзонъ, разсмотрѣвъ въ своемъ докладѣ
чивую и ненаучную оцѣнку различныхъ эпохъ и событі
новою школою, такъ называемою краковскою, смѣнивш
время нарушевичевскую и лелевелевскую, обратилъ вним
обходимость отказаться отъ прежнихъ пріемовъ изученія
указалъ на то, что польскіе историки заставляютъ сво
цѣлямъ политическимъ и проповѣдуютъ, что исторія ест
вслѣдствіе этого въ высшей степени субъективно относ
прошлой жизни своего народа при ихъ изученіи, толков
Указалъ онъ и на недостаточное знакомство многихъ
съ всеобщею исторіею. Сѣтованія г. Корзона станутъ в
каждаго, кто знакомъ съ польскою исторіографіею. Дост
что лучшіе труды по польской исторіи, которые охваты
ріоды, принадлежатъ до сихъ поръ перу нѣмцевъ (Репп
жалѣнію, рефератъ г. Корзона вмѣсто спокойнаго, сер
встрѣтилъ далеко недружелюбный пріемъ, какъ свидѣтел
ные отчеты.

Всѣ другіе рефераты были посвящены различнымъ ча
Значительная часть ихъ трактовала о собираніи и изда
документовъ, о сохраненіи и приведеніи въ извѣстность
рины, объ основаніи музеевъ, а также о средствахъ, къ
прибѣгнуть, чтобы вызвать и оживить научное движеніе
для русскихъ историковъ болѣе спеціальный интересъ и
тѣ рефераты, которые затрогивали различные вопросы из
исторіи. Четвертая часть напечатанныхъ докладовъ да
священа Литвѣ и Червоной Руси. Это станетъ вполнѣ пон
тить вниманіе на то, что главнымъ устроителемъ львов
мѣстное историческое общество (оно было основано въ 1

поставило себѣ цѣлью: «содѣйствовать развитію историческихъ наукъ, насколько онѣ касаются въ особенности Червоной Руси». Впрочемъ, нельзя не отмѣтить въ нынѣшнемъ теченіи польской исторической литературы того факта, что, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и Австріи, поляки съ особеннымъ усердіемъ стали заниматься изученіемъ прошлаго Литвы и Галицкой Руси. Въ послѣднее время ими опубликовано много документовъ и сочиненій по исторіи указанныхъ земель и издано также не мало изслѣдованій по ихъ этнографіи и географіи.

Я сообщу лишь самымъ краткимъ образомъ о занятіяхъ львовскаго съѣзда, посвященныхъ исторіи Литвы и Руси, чтобы дать понятіе о намѣченныхъ польскими историками изысканіяхъ и работахъ въ указанной области. Александръ Чоловскій изъ Львова представилъ большой рефератъ по поводу спорнаго вопроса о мѣстоположеніи древняго Галича. Владиміръ Деметрикевичъ изъ Кракова поднялъ вопросъ объ опекѣ надъ историческими памятниками Галиціи и о необходимости коренныхъ реформъ въ этомъ отношеніи. Ѳаддей Довгирдъ изъ Варшавы сдѣлалъ въ своемъ рефератѣ, хотя поверхностный, но небезъинтересный очеркъ изслѣдованій Литвы въ археологическомъ отношеніи въ доисторическое время и охарактеризовалъ главные типы остатковъ кладбищъ, городищъ, кургановъ и могилъ этой эпохи. Маврикій Станкевичъ изъ Кракова, указавъ на успѣхи, дѣлаемые польскою исторіографіею въ области изученія прошлой жизни Литвы, взывалъ въ своемъ докладѣ къ съѣзду, чтобы было обращено также вниманіе и на исторію литовской письменности, которая оставлена въ пренебреженіи польскою наукою. Въ виду этого обстоятельства онъ предложилъ обратить вниманіе польскихъ библіотекъ на собираніе и пріобрѣтеніе литовскихъ книгъ, надѣясь, по всей вѣроятности, что эта мѣра можетъ повести къ восполненію указаннаго имъ пробѣла въ польской наукѣ. Александръ Семковичъ изъ Львова въ своемъ рефератѣ указалъ на то, что исторія польской культуры почти не разработана, а по исторіи польскихъ городовъ ровно ничего не сдѣлано. Лишь въ послѣднее время краковская академія наукъ издала нѣсколько томовъ документовъ, извлеченныхъ изъ городского архива Кракова. Въ виду этого г. Семковичъ предлагаетъ немедленно приняться за приведеніе въ порядокъ львовскаго городского архива и одновременно начать публикацію наиболѣе важныхъ актовъ его. Разобравъ довольно подробно вопросъ о важномъ значеніи для исторіи польской культуры документовъ, касающихся прошлой жизни Львова, игравшаго такую выдающуюся политическую роль, онъ въ то же время намѣтилъ и планъ ихъ изданія. Впрочемъ, всѣ проекты о приведеніи въ должный порядокъ архива и о публикаціи его документовъ представляютъ только мечты г. Семковича, такъ какъ въ своемъ рефератѣ онъ вынужденъ оговориться, что надежду на выполненіе своихъ плановъ онъ возлагаетъ на щедрость городского управленія, которое, вѣроятно, не откажетъ въ матеріальной поддержкѣ указанному дѣлу. Польскіе журналы сообщаютъ, будто, дѣйствительно, городское управленіе Львова образовало уже особую комиссію для разсмотрѣнія вопроса о приведеніи въ порядокъ городского архива.

Польскіе ученые въ послѣднее время занялись усердно критическимъ изслѣдованіемъ литовскихъ лѣтописей. Этому вопросу посвящено профессорами Шараневичемъ, Смолкою нѣсколько работъ. Г. Прохаска, хорошо извѣстный въ русской литературѣ своими трудами по литовской исторіи,

публикою. Не говоря уже о томъ, что у насъ вообще предпочитаютъ холодному тайному совѣтнику увлекающагося Шиллера, самая судьба переводовъ Гете подвергалась у насъ рѣзкимъ колебаніямъ. Мы познакомились съ нимъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда на русскомъ языкѣ явились сначала «Клавиго», потомъ «Вертеръ». Затѣмъ въ журналахъ и альманахахъ эпохи Александра I и первыхъ годовъ Николая I появлялись мелкія, большею частью лирическія пьесы Гете. Въ 1842 году, въ Петербургѣ общество молодыхъ людей предприняло изданіе полнаго собранія сочиненій Гете въ русскомъ переводѣ, но предпріятіе прекратилось на третьемъ выпускѣ—по неудовлетворительности переводовъ, а еще болѣе по равнодушію публики. Потомъ, въ 1865 году явился первый томъ новаго перевода «полнаго собранія» подъ редакціей Вейнберга, начинавшаго десятки изданій разнаго рода и не оканчивавшаго ни одного изъ нихъ. Дотянувшись до 1871 года изданіе остановилось на шестомъ томѣ. Наконецъ, въ 1878 году началось новое полное собраніе изъ хорошихъ переводовъ, подъ редакціей Гербеля и въ два года вышло въ десяти томахъ. Почти одновременно явилось такое же полное собраніе и въ изданія Вольфа. Кромѣ того, начиная съ пятидесятыхъ годовъ, являлись не разъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ и въ журналахъ всѣ лучшія произведенія писателя, въ добросовѣстныхъ переводахъ Струговщикова, Кронеберга, Погодина, Яхонтова, Водовозова, М. Достоевскаго, Ап. Григорьева, П. Полевого и др. Фауста переводили десятки поэтовъ: Губеръ, Вронченко, Овчинниковъ, Струговщиковъ, Грековъ, Павловъ, Фетъ, Трунинъ, Аносова, Холодовскій и др. Фирма А. С. Суворина выпустила вторымъ изданіемъ «Гете, его жизнь и избранныя стихотворенія».

Но при обиліи переводовъ изъ Гете мы не богаты коментаріями на его произведенія и оцѣнкою его значенія. Вся литература о немъ ограничивается переводомъ А. П. Невѣдомскаго классическаго труда Льюиса «Жизнь Вольфганга Гете», статьями Дмишина: «Гете, его жизнь и произведенія» («Библіотека для Чтенія» 1857 г.), «Характеръ Гете и его нравственное вліяніе» («Сынъ Отечества», 1857 г.), «Два фазиса мыслящаго Гете» А. Струговщикова («Всемірный Трудъ» 1868 г.) и «Жизнь Гете» А. П. М—ля («Отечественныя Записки» 1868 г.). Книга Эккермана была вовсе неизвѣстной на русскомъ языкѣ до тѣхъ поръ, пока г. Аверкіевъ по собственному выраженію «почувствовалъ себя счастливымъ», когда А. С. Суворинъ предложилъ ему заняться переводомъ «Разговоровъ». И не одинъ г. Аверкіевъ такъ высоко ставитъ эту книгу. Нашъ знаменитый филологъ и археологъ Ѳ. И. Буслаевъ называетъ ее своимъ «эстетическимъ евангеліемъ и любитъ почитать изъ нея страничку другую на сонъ грядущій». Конечно, этого сна не наводитъ на него книга, замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, какъ и ея авторъ, сынъ мелкаго торговца лентами и полотномъ по деревнямъ, коровій пастухъ въ молодости, потомъ писецъ въ уѣздномъ судѣ, недурной живописецъ, пустившійся въ литературу, плохой поэтъ, заурядный критикъ, но почти неразлучно жившій съ Гете въ послѣднія десять лѣтъ жизни писателя, влюбленный въ его произведенія, приводившій въ порядокъ его бумаги, управлявшій его дѣлами. Безъ Эккермана мы не знали бы такъ хорошо жизнь Гете, его мнѣнія о разныхъ предметахъ, тщательно собираемыя и записываемыя Эккерманомъ, старавшимся объяснить значеніе произведеній писателя. Объ нихъ Гете говоритъ самъ, что они никогда не могутъ быть

Все это не мѣшаетъ, однако, книгѣ Эккермана въ переводѣ г. Аверкіева быть чрезвычайно интересною, а критикѣ желать, чтобы книга эта нашла сколько можно болѣе распространенный кругъ читателей, которымъ она принесетъ несомнѣнную пользу, если и недоставитъ счастія, какъ переводчику. Вл. З—въ.

Архивъ князя Воронцова. Книга 37-я. Москва. 1891.

Каждому, занимающемуся отечественною исторіей, извѣстно это обширное, хотя и лишенное научнаго аппарата, изданіе важныхъ документовъ, обнимающихъ нѣсколько эпохъ, съ царствованія Елисаветы до Николая I. Оно нерѣдко даетъ или нигдѣ болѣе не встрѣчающіяся бумаги, или такіе государственные акты, которые намъ удавалось видѣть только въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Оттого нѣтъ историческаго изслѣдованія, посвященнаго указаннымъ эпохамъ, которое обходилось бы безъ ссылокъ на это изданіе и безъ выдержекъ изъ него. Только-что вышедшій 37-й томъ «Архива кн. Воронцова» посвященъ исключительно XIX вѣку, и именно важной и мало разработанной порѣ, 1814—1829 гг. Предметомъ его служитъ послѣдняя изъ знаменитостей рода Воронцовыхъ,—князь Михаилъ Семеновичъ. Пятую часть книги занимаетъ его автобіографія, причемъ половина ея напечатана въ двухъ одинаковыхъ текстахъ — французскомъ и англійскомъ: издатель очевидно не жалѣетъ бумаги. Автобіографія была написана для родственницъ автора, которыя, подобно многимъ изъ Воронцовыхъ, принадлежали не столько Россіи, сколько Англіи, гдѣ затерялся и подлинникъ автобіографіи (она напечатана теперь по списку). Ее можно бы было и не печатать: это—краткій и сухой дневникъ военнаго человѣка, ровно ничего не дающій новаго даже о Бородинѣ, гдѣ авторъ былъ въ самомъ средоточіи огня, но зато дневникъ обстоятельно излагаетъ исторіи полученія наградъ и рожденія дѣтей писавшимъ. Подобнымъ же характеромъ отличаются письма кн. Воронцова, особенно изъ Варшавы, гдѣ его плѣняли «черные глаза, чертовка, злодѣйка» и т. д. Столь же мало историческаго интереса въ письмахъ разныхъ лицъ къ князю. Исключеніе составляютъ письма графа А. А. Закревскаго, занимающія пятую часть книги. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ является въ нихъ человѣкомъ, дѣловитымъ, своеобразнымъ, въ особенности же прямодушнымъ: онъ часто дѣлаетъ нотаціи князю, особенно по поводу его манеры испрашивать себѣ разныя аренды, и столовыя и прибавки. Закревскій—критическій умъ. Онъ вездѣ схватывалъ слабыя стороны и считалъ это истиннымъ патріотизмомъ. Въ кампанію 1812 г. онъ ясно видѣлъ всю «бестолковщину, безпутство», самохвальство и ложь нашихъ военачальниковъ, комисаріата и провіантской части. А потомъ его поражали недостатки министровъ, начиная съ Канкрина. Въ 1816 г. онъ писалъ: «не удивляюсь, что министры наши пользѣ государственной мѣшали: когда же они сего и не дѣлали?» Тогда же, говоря о пребываніи въ Петербургѣ Ермолова, котораго одного онъ высоко ставилъ, Закревскій говорилъ: «Ермолову здѣсь такъ наскучило жить безъ толку, что онъ въ отчаяніи. Все испытываетъ въ Петербургѣ министровъ и разнаго рода сволочь». А на запросъ какъ идутъ дѣла? онъ отвѣчалъ: «хорошо: воровство не уменьшается; управленіе департаментами въ самомъ гнусномъ состояніи». Въ 1818 г. такая аттестація потому же поводу: «У насъ все идетъ по старому, и зло-

то не всегда), но всѣ рѣчи Бѣлинскаго, Тургенева, Добролюбова, Некрасова и пр., въ изобиліи имѣющіяся хоть у той же г-жи Головачевой, только могли быть сказаны, а были ли дѣйствительно, этого никто, должно быть, не станетъ утверждать навѣрное.

Ярче всѣхъ выдается въ письмахъ Тургеневъ съ его рѣдкимъ остроуміемъ, огромнымъ литературнымъ чутьемъ, его мягкой, немножко эпикурейской натурой, прогрессивными, общественными и политическими идеалами. Много еще въ этомъ «неисправимомъ западникѣ» загадочнаго, недостаточно понятнаго и разъясненнаго, какъ, напримѣръ, его отношенія къ Некрасову и другимъ сотрудникамъ «Современника» или, вообще, къ «молодому поколѣнію 60-хъ и 70-хъ годовъ». Впрочемъ, и настоящія письма тутъ ничего почти не прибавляютъ къ прежде извѣстнымъ матеріаламъ. Они только еще рельефнѣе рисуютъ намъ этого все-таки симпатичнаго, при всѣхъ его, можетъ быть, недостаткахъ и странностяхъ, писателя въ сравненіи съ Боткинымъ, тѣмъ же г. Фетомъ и даже Л. Толстымъ. До конца жизни своей онъ все-таки остался чистъ по своимъ убѣжденіямъ и вѣренъ идеаламъ молодости, по крайней мѣрѣ въ своей литературной дѣятельности. Живо интересуясь явленіями современной литературы и жизни, обладая замѣчательнымъ критическимъ чутьемъ, онъ былъ по бóльшей части безпристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ: съ одной стороны—онъ сразу открывалъ и признавалъ талантъ даже въ произведеніяхъ людей совершенно несимпатичныхъ ему по направленію и убѣжденіямъ,—такъ, онъ вездѣ почти отзывается въ настоящихъ письмахъ съ восторгомъ о сочиненіяхъ Л. Толстого, съ которымъ у него ничего не было общаго,—а съ другой,—онъ умѣлъ понимать фальшь или недостатки въ произведеніяхъ близкихъ пріятелей (и тоже не скрывалъ этого), какъ напримѣръ Фета, къ которому онъ былъ привязанъ съ давнихъ поръ. Такъ, онъ нигдѣ не хвалитъ его безъ оговорокъ («у васъ изъ десяти стихотвореній всегда одно превосходное»), не преклоняется безусловно предъ его поэтическимъ талантомъ, какъ это дѣлалъ Толстой или недавно г. Страховъ по поводу юбилея г. Фета,—для этого онъ обладалъ слишкомъ тонкимъ эстетическимъ пониманіемъ, а напротивъ: онъ часто замѣчаетъ, хотя въ видѣ шутки, но шутка его убійственна,—уродливость каждаго неестественнаго или неправильнаго стиха этого лирика, у котораго часто это бываетъ.

О Толстомъ, своемъ личномъ врагѣ, Тургеневъ, какъ выше сказано, отзывается съ величайшимъ уваженіемъ, напримѣръ, по поводу его «Казаковъ», отъ которыхъ онъ «пришелъ въ восторгъ» (I, 417), «Поликушки», въ которомъ «есть страницы поистинѣ удивительныя! Даже до холода въ спинной кости пробираетъ» (II, 7); въ «Войнѣ и Мирѣ» есть вещи, которыя... такъ великолѣпно хороши, что ничего лучшаго у насъ никогда не было написано никѣмъ» (II, 174). А вспомнимъ, какъ объ этомъ романѣ отзывалось большинство нашихъ критиковъ! Понялъ Тургеневъ и таланты Помяловскаго (I, 383—4, 391) и Рѣшетникова, котораго, по его словамъ, одного, да еще Толстого, когда онъ не философствовалъ, и можно читать (II, 190. Писано въ 1869 г.).

Много любопытнаго и важнаго заключается и въ письмахъ Л. Толстого. Тутъ еще разъ подтверждается недавно открытый критиками фактъ въ дѣятельности знаменитаго писателя—присутствіе въ ней съ самаго ея начала тѣхъ элементовъ, которые такъ сильно развились у него въ послѣднее время; если въ срединѣ 50-хъ годовъ онъ и является передъ нами франтомъ и гим-

пастомъ, то скоро уже «усердно ищетъ сближенія съ с
хозяйствомъ» и «желаетъ все захватить разомъ» (I
любопытно одно письмо его отъ 1858 года, совершенн
слогу и по веселости, столь рѣдкой въ немъ. Кто повѣ
гр. Л. Н. Толстой, безпощадный анализъ котораго, кажет
исключать такія чувства: «Душенька дяденька Фетинька
и я васъ ужасно, ужасно люблю. Вотъ-те и все. Пов
стыдно. Стихи писать... Пожалуй пишите; но любить
очень пріятно. А можетъ быть противъ моей воли и с
щая во мнѣ еще не назрѣвшая повѣсть заставляетъ л
иногда такъ кажется. Что ни дѣлай, а между навозо
нѣтъ да возьмешь и сочинишь. Спасибо, что еще писа
и не позволю... Дружининъ проситъ по дружбѣ сочини
хочу сочинить. Такую сочиню, что ужъ ничего не бу
скій куритъ табакъ, а я тебя люблю. Вотъ она штука
вдругъ захочется быть великимъ человѣкомъ и такъ
поръ еще это не сдѣлалось. Даже поскорѣе торопишьс
дать обѣдъ, чтобы начинать...» (I, 279—80).

Но вообще письма Л. Толстого большей частью
особенно письма позднѣйшихъ годовъ, когда онъ такъ у
скимъ хозяйствомъ. Многія изъ нихъ наполнены мел
стями хозяйственной жизни и въ общемъ скучны и
интересны письма такъ или иначе затрогивающія с
туру, о которой Толстой дѣлалъ своеобразные отзывы,
его умственное настроеніе, размышленія надъ «смысл
Особенно важно въ этомъ послѣднемъ отношеніи пись
смерти Н. Н. Толстого, брата Л. Н.; здѣсь уже знаком
нашего времени: ...«Ничто въ жизни не дѣлало на меня
Правду онъ говаривалъ, что хуже смерти ничего нѣтъ.
подумать, что она все-таки конецъ всего, такъ и хуже
Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что был
вичъ Толстой, для него ничего не осталось... Къ че
начнутся муки смерти со всею мерзостью лжи, самооб
чтожествомъ, нулемъ для себя. Забавная штучка... В
человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидит
обманъ, и что правда, которую онъ все-таки любитъ лу
правда ужасна... Искусство есть ложь, а я уже не могу
ложь...» (I, 350—51). Вотъ гдѣ зародышъ того умствен
перерожденія Толстого, которое совершилось окончател
70-хъ годовъ. Какъ извѣстно, въ «Исповѣди» онъ вспом
и это настроеніе и говоритъ почти тоже...

Оригинальны и любопытны отзывы Л. Толстого о н
литературныхъ произведеніяхъ: «Наканунѣ» много лу
Гнѣзда», и есть въ немъ отрицательныя лица превосх
отецъ. Другія же не только не типы, но даже замыс
ихъ, не типическое, или ужъ они совсѣмъ пошлы. Впроч
няя (!) ошибка Тургенева... (эта повѣсть) успѣха им
«Гроза»—«плачевное сочиненіе, а будетъ имѣть успѣ
бопытно сопоставить послѣдній отзывъ, какъ и многіе

Тургенева: «Фетъ! помилосердуйте! Гдѣ было ваше чутье, ваше пониманіе поэзіи, когда вы не признали въ Грозѣ... удивительнѣйшее, великолѣпнѣйшее произведеніе русскаго, могучаго, вполнѣ овладѣвшаго собою, таланта? Гдѣ вы нашли тутъ мелодраму, французскія замашки, неестественность? Я рѣшительно ничего не понимаю и въ первый разъ гляжу на васъ—въ этого рода вопросѣ—съ недоумѣніемъ. Аллахъ! какое затменіе нашло на васъ?» (I, 313). Послѣдствія показали на чьей сторонѣ здѣсь правда... Любопытно и сужденіе Толстого о «Дымѣ»: въ немъ «нѣтъ ни къ чему почти любви и нѣтъ почти поэзіи... Еще одинъ (т. е. Тургеневъ) кончилъ. Желаю и надѣюсь, что никогда не придетъ мой чередъ. И о васъ тоже думаю (!)» (II, 121).

Менѣе, конечно, интереса представляютъ письма и личность В. П. Боткина, извѣстнаго друга Бѣлинскаго, но къ шестидесятымъ годамъ уже сожегшаго почти «все, чему поклонялся», хотя память о прежнемъ, какъ показываетъ его восторгъ при чтеніи «Воспоминаній о Бѣлинскомъ» Панаева, пробудившихъ старое въ его душѣ, еще и осталась. Часто трактуя о «подвальныхъ сотрудникахъ» «Современника» и «Русскаго Слова», онъ не пренебрегаетъ противъ нихъ и такими средствами: «я же, пользуясь моимъ знакомствомъ съ членами совѣта по книгопечатанію, стараюсь поддержать ихъ въ ихъ энергіи» (II, 82). И кости «друга» его, великаго критика, не повернулись въ могилѣ! Между тѣмъ, какъ Тургеневъ о возникающемъ «Вѣстникѣ Европы» отзывается какъ о «самомъ пріятномъ явленіи», Боткинъ видитъ въ немъ «центръ разныхъ разлагающихъ доктринъ подъ маскою либерализма» (II, 86). За то у Боткина большое сходство съ г. Фетомъ: послѣдній спалъ когда-то при чтеніи самимъ Гончаровымъ «Обломова» (I, 201), а первый могъ одолѣть только двѣ части «Обрыва» и называетъ его «длинной, многословной рапсодіей, утомительной до тошноты» (II, 196).

Ар. М.

Р. Гаймъ. Романтическая школа. Вкладъ въ исторію нѣмецкаго ума. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Невѣдомскій. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1891.

Это первая чисто историко-литературная работа профессора философіи въ Галльскомъ университетѣ Роберта Гайма (Haym, род. 1821 г.), появившаяся десятью годами раньше его обширной монографіи о Гердерѣ, которую г. Невѣдомскій перевелъ въ 1888 году. Мы вовсе не намѣрены ставить въ упрекъ почтенному переводчику этого противорѣчія между хронологіей оригиналовъ и хронологіей переводовъ; напротивъ, мы вполнѣ раздѣляемъ тѣ основанія, которыми онъ, повидимому, руководствовался: во-первыхъ, хронологія переводовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ хронологіи историко-литературныхъ фактовъ, которые изслѣдовалъ Робертъ Гаймъ, такъ какъ Гердеръ есть предшественникъ романтиковъ въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова; критикъ, образовавшій литературныя убѣжденія Гете, первый вліятельный проповѣдникъ любви и уваженія къ родной старинѣ и народности, не только вмѣстѣ съ Лессингомъ расчистилъ дорогу новой, романтической поэзіи, но и указалъ важнѣйшіе фазисы ея развитія; иначе сказать, безъ Гердера романтики не понятны; послѣ Гердера—они только естественное послѣдствіе. Во-вторыхъ, работа Гайма о Гердерѣ интереснѣе и понятнѣе уже по одному тому, что предметъ ея — дѣятельность одного человѣка, за которымъ чита-

Философская подготовка Гайма очень помогла дѣлу, такъ какъ основатели школы, напримѣръ: Фридрихъ Шлегель и Шлейермахеръ болѣе философы, чѣмъ литераторы.

Но и историкамъ Гаймъ оказался прекраснымъ; многіе вопросы переработаны имъ заново и рѣшены окончательно, напримѣръ, хоть вопросъ о личныхъ отношеніяхъ основателей школы къ Гете и Шиллеру.

Въ общемъ книга Гайма читается не легко, но зато никто, прочтя ее, не скажетъ: «я потерялъ масло и время». Считаемъ излишнимъ говорить о достоинствахъ перевода г. Невѣдомскаго. **А. К.**

Исторія педагогики Карла Шмидта. Томъ первый. Дохристіанская эпоха. Изданіе четвертое, значительно дополненное, исправленное и передѣланное профессоромъ Эмануиломъ Ганнакомъ. Переводъ Эдуарда Циммермана. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1890.

Вышедшее около тридцати лѣтъ тому назадъ сочиненіе К. Шмидта—«Die Geschichte der Pädagogik»—все еще остается, по выраженію Диттеса, «замѣчательнѣйшимъ въ своемъ родѣ произведеніемъ», даже въ богатой нѣмецкой литературѣ. Оно потребовало со стороны автора, отличавшагося громадною эрудиціей, десятилѣтнихъ подготовительныхъ работъ и представляетъ собою типическое произведеніе извѣстной «нѣмецкой, совѣстливой, трудолюбивой учености». Предлагая массу фактическаго матеріала, оно является въ то же время и вполнѣ философскимъ произведеніемъ, проникнутымъ опредѣленною идеею. Послѣднее обстоятельство отразилось на немъ двояко, сообщивъ ему высокія достоинства и немаловажные недостатки. Укажемъ главные изъ тѣхъ и другихъ.

Шмидтъ—идеалистъ, послѣдователь Гегеля, философія котораго, несмотря на свою принципіальную несостоятельность, оказала въ высшей степени благотворное вліяніе на многихъ замѣчательныхъ дѣятелей науки, сообщивъ широту ихъ воззрѣніямъ и глубину философскаго проникновенія въ излѣдуемые предметы. Этой философіи обязанъ Шмидтъ тою широтою постановки вопросовъ воспитанія, которою отличаются какъ это, такъ и другія его сочиненія. «Можетъ ли быть воспитателемъ тотъ, — спрашиваетъ онъ,—кто не знаетъ человѣческаго организма, ни въ его относительной самостоятельности, ни въ его тѣсной связи съ природою; — кто не постигъ, что совокупное человѣчество проявляетъ, обособляясь, въ каждой единичной личности; — кто не изслѣдовалъ духовныхъ органовъ въ качественномъ и количественномъ отношеніи, и потому не въ состояніи сообщить имъ отвѣчающее ихъ бытію развитіе?» Какъ членъ во «всеорганизмѣ міровъ», человѣкъ, по его словамъ не что иное, какъ обособленный организмъ, міръ въ маломъ видѣ, средоточіе дѣйствующихъ во вселенной силъ и законовъ, состоящій въ тѣсномъ взаимнодѣйствіи со всѣмъ, и въ свою очередь представляющій обликъ. А потому людское существо постигнетъ и способенъ быть воспитателемъ, т. е. образователемъ человѣка, только тотъ, кто изслѣдовалъ природу, ея строй, ея своеобразную жизнь, воплощеніе въ ней духа. Человѣческая жизнь необъяснима безъ созерцанія космической. Въ частности, относительно исторіи воспитательнаго дѣла, онъ говоритъ: — «Погружаясь въ купель исторіи, человѣкъ крѣпнетъ. Благодаря ей, обновляется его жизнь: онъ сжигаетъ свой

старящій и мертвящій эгоизмъ во всеобщемъ разумѣ чел
же педагогъ въ исторіи педагогики. Кто дошелъ до созна
наука приводитъ къ ясному пониманію жизни и ея я
есть основа для художника-педагога; кто сверхъ того у
менное состояніе есть результатъ прошедшаго, и что, с
тотъ составитъ себѣ вѣрное понятіе о современност
прошедшее, т. е. ея основу: тотъ пойметъ также, что
но получить вѣрное понятіе о задачахъ современнаго
только найдется ключъ къ разрѣшенію этихъ задач
дуемъ путь, пройденный исторіей воспитанія, и присл
щему, поучительному и просвѣщенному голосу. Что
денной единичной личности противъ опыта тысячелѣт
ниченный своею особностью единичный умъ противъ в
торый развился въ потокѣ всемірной исторіи изъ разум
всѣхъ временъ. Только тотъ постигнетъ сущность и
прослѣдитъ за развитіемъ идеи его въ потокѣ вѣковъ
безъ исторіи ея—то же, что зданіе безъ основы. Исторі
себѣ есть уже законнѣйшая и объективнѣйшая науч
гики. Исторія воспитанія, по Шмидту, находится въ с
ческой связи съ исторіею культуры вообще: развитіе
зависитъ отъ степени развитія народа, среди которагс
также и отъ степени развитія человѣчества, въ средѣ
родъ. И поскольку высока или низка эта ступень раз
народа, постольку же будутъ болѣе или менѣе совершен
тія относительно единичнаго человѣка, а слѣдовательно
его. «Наука и художество, религіозный и государственны
пень, занимаемая его членами, обусловливаютъ равно
системы воспитанія».

Но въ самомъ взглядѣ на сущность историческаго
залъ автору плохую услугу: на всемірную исторію он
реализацію абсолютнаго. «Существо Божіе, — говорит
всемъ, а въ человѣчествѣ оно проявляется разумомъ, к
ностью. (По сравненію съ соотвѣтствующими выражен
стахъ, мы можемъ замѣнить послѣднія понятія обычн
послѣдователей терминами—«истина, добро и красот
идеальныхъ силъ и есть та цѣль, къ которой стремится
рія свидѣтельствуетъ о попыткахъ и подвигахъ, пред
шенныхъ нашимъ родомъ на пути къ этой цѣли, обо н
рывахъ, возникшихъ изъ желанія, чтобы царство бо
землѣ, о побѣдахъ, уже одержанныхъ ходомъ непрерыв
развитіе выражаетъ собою тайну жизни, и дѣло н
жизни эту тайну. Развитіе человѣчества есть поступат
простого къ сложному;—это развитіе — переходъ отъ
сознанію, отъ безобразія къ красотѣ, отъ природной н
бодѣ духа. Усматривая аналогію между развитіемъ вс
отдѣльнаго индивида, Шмидтъ находитъ, что восточн
ляютъ собою дѣтство человѣчества, классическая др
возростъ, христіанство—зрѣлость. Таже аналогія прос
народъ, въ частности: онъ «проживаетъ свой дѣтскій

ромъ онъ самъ себѣ представляется какъ бы сказаніемъ и потому въ сказаніяхъ изображаетъ свою жизнь; онъ празднуетъ свою юность дивными подвигами, стремясь въ силу своего разцвѣтающаго духа къ завоеваніемъ; онъ проявляетъ мужемъ зрѣлость, спокойствіе и разумность въ мысляхъ, чувствахъ и хотѣніяхъ; наконецъ, старецъ-народъ пользуется лишь нажитыми благами и, костенѣя, погибаетъ, если только народный духъ не одаренъ столь высокими качествами и такимъ энергическимъ порывомъ, что по осуществленіи и проявленіи идеи, лежавшей въ основѣ его бытія, онъ въ состояніи будетъ воспринять и разработать новую идею; въ такомъ случаѣ возросты для него не что иное, какъ историческія времена года, въ чередованіи которыхъ онъ молодѣетъ вновь».

Законы, управляющіе, по мнѣнію Шмидта, исторіею вообще, прилагаются имъ и къ исторіи педагогики. Главная задача послѣдней состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить, насколько глубоко, насколько ясно, идея человѣчества отражается въ сознаніи любой современной ему эпохи. Всеобщая исторія показываетъ, что всякое дальнѣйшее развитіе есть критика только-что пройденнаго пути человѣчества, такъ что каждый новый періодъ идетъ далѣе, отрѣшаясь отъ односторонностей стараго, и человѣчество такимъ образомъ все болѣе приближается къ своей божественной цѣли; подобно тому исторія педагогики также должна изслѣдовать органическое развитіе искусства воспитанія и стало быть представить и уяснить поступательное движеніе педагогической идеи въ ходѣ времени. Согласно съ этимъ, исторія педагогики должна показать, каково въ каждую эпоху было воспитаніе въ дѣйствительности и какимъ въ то же время ему слѣдовало бы быть по существу своему, въ духѣ людей мыслящихъ, т. е. представить, какъ обучались народы, и чему и какъ учили геніальныя личности среди народовъ. Поэтому исторія педагогики должна не только представить теорическое и практическое развитіе педагогики въ продолжительномъ ходѣ всемірной исторіи; но также и характеризовать это развитіе въ средѣ единичныхъ народовъ. Она должна изобразить воспитаніе въ дѣтскомъ возростѣ народа, когда оно исходитъ отъ главы семейства и состоитъ въ пріученіи къ старозавѣтнымъ нравамъ, формамъ и обычаямъ, не руководясь, впрочемъ, при этомъ никакою высшею сознательною идеею. Однако путемъ наблюденія и опыта исподоволь слагаются единичныя правила, основныя начала воспитанія, переходящіе въ устныхъ преданіяхъ изъ рода въ родъ. Сознательно же воспитаніе ведется уже въ расчлененной общинѣ и въ организованномъ государствѣ,—въ юномъ возростѣ народа. Тутъ оно не предоставляется болѣе случайнымъ и произвольнымъ воззрѣніемъ единичной личности; а уже само государство заинтересовано въ томъ, чтобы подростающія поколѣнія воспитывались, и сверхъ того, чтобы они развивались путемъ, отвѣчающимъ устойчивости и преуспѣянію общины и государства, и тѣмъ достигалось бы единство въ мысляхъ и дѣйствіяхъ членовъ послѣдняго. Законодатели въ этомъ періодѣ приводятъ въ порядокъ и выясняютъ установившіеся обычаи и правила воспитанія. Затѣмъ, уже въ зрѣломъ возростѣ народа воспитаніе и обученіе вытекаютъ изъ яснаго стремленія, сознающаго свою цѣль и средства. Теперь, какъ и въ эпоху народной старости, выступаютъ философы и педагоги, съ тѣмъ, чтобы утвердить воспитаніе на прочныхъ началахъ и дать такимъ образомъ законченную теорію его.

Въ настоящее время, характеризуемое паденіемъ идеализма вообще и

гегельянскаго въ особенности, было бы анахронизмомъ вз
воззрѣній Шмидта на исторію воспитанія. Они слишкомъ у
го, какъ не отвѣчаютъ современному состоянію историчесі
гія изъ приводимыхъ авторомъ фактическихъ указаній. Э
торы 4-го нѣмецкаго изданія сочиненія Шмидта — Дитт
которые нашли нужнымъ «основательный и строгій пересм
мѣстахъ даже совершенную перемѣну его».

Редакція перваго тома, посвященнаго воспитанію у ди
Востокѣ, у грековъ и римлянъ, принадлежитъ Ганнаку, дир
ческаго института въ Вѣнѣ, который долженъ былъ пре
«трудности». Послѣднія возникли, во-первыхъ, вслѣдствіе то
ваго изданія въ области восточной и классической древност
няты обширныя изслѣдованія и сдѣланы замѣчательные
въ послѣдующихъ затѣмъ изданіяхъ не были приняты къ
ство новыхъ данныхъ, собранныхъ Ганнакомъ, сдѣлали то, ч
почти вдвое обширнѣе прошлаго. Во-вторыхъ,—вслѣдствіе
зрѣніи на исторію педагогики онъ значительно расходит
тогда какъ Шмидтъ придавалъ главное значеніе субъекти
ному распредѣленію и разложенію фактовъ, въ духѣ геге
Ганнакъ, со своей стороны, выдвинулъ на первый планъ
свидѣтельствованное исторіей, конкретное содержаніе и «с
оттуда, само собою вытекающія, условія и послѣдствія, не
нія ни на какія предвзятыя теоріи». Благодаря всему эт
здѣсь дѣло не столько съ исторіей педагогики Шмидта, ск
произведеніемъ—Ганнака, на что и обращаемъ вниманіе ч
мыхъ съ первоначальною редакціею, въ подлинникѣ или
реводѣ. I

Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Москв

Кто не знаетъ давнишней формулы сѣтованій на прео
журналистики надъ всѣми иными формами печатнаго слов
Журналовъ тысячи, а книги ни одной, повторяет
сновенный къ литературѣ, но рѣдко кто помнитъ автора эт
Д. П. Горчакова (1756—1824). Вышеприведенный стихъ за
памяти, въ немъ нѣтъ ничего устарѣлаго, но возьмемъ его
ной комбинаціи того эпиграмматическаго характера четвер
имъ замыкается, и получится совершенно иное впечатлѣні
Вотъ это четверостишіе:

«Исполнить торопясь писательски желанья,
«Всѣ въ ежемѣсячныя пустилися изданья,
«И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной,
«Журналовъ тысячи, а книги ни одной».

Архаизмы этихъ стиховъ оттолкнутъ современнаго чи
шаго къ гладкости стиха и прозы нашихъ дней. Таковъ
въ произведеніяхъ котораго хорошее загромождено отживш
А между тѣмъ, сатира князя Горчакова, изъ которой вая
стихи, въ свое время пользовалась значительной извѣстн
рическое посланіе къ князю С. П. Долгорукову, напечата
смерти автора, да и то отрывкомъ въ «Памятникахъ отече

на 1827-й годъ, подъ заглавіемъ «Невѣроятные». Сатирикъ обвиняетъ здѣсь русское общество въ отсутствіи національной окраски, говоря, что его блестящіе представители, тотъ «сокъ умной молодежи», которую такъ зло въ то же время осмѣялъ Грибоѣдовъ, были не болѣе какъ на русской подкладкѣ франты французскаго фасона, получавшіе во времена Директоріи кличку «incroyables».

Въ другой своей сатирѣ: «Совѣтъ Пустону» князь Горчаковъ съ еще большею рѣзкостью нападаетъ на подобнаго рода франтовъ, рисуя передъ нами одного изъ нихъ, всецѣло погруженнаго въ свѣтскія удовольствія и пренебрегающаго интересами науки и литературы. Типъ старый даже для того времени, когда за спиной автора стоялъ Кантемиръ въ сатирѣ «Къ уму моему» и Фонъ-Визинъ въ комедіи «Бригадиръ». Но сатира «Совѣтъ Пустону» сильна своей положительной стороной. Князь Горчаковъ заключаетъ свою сатиру обращеніемъ къ Пустону:

«Послушай, у тебя прекрасное село;
«Ступай въ него, оставь жокеевъ и катанье,
«И къ земледѣлію направь свое вниманье;
«Учись и замѣчай, въ какія времена
«Тамъ выгодно землѣ повѣрить сѣмена;
«Какъ утучнить ее, какъ съ малыми трудами
«Покрыть свои поля обильными плодами,
«Какъ въ пользу всѣ стихіи обращать
«И честнымъ образомъ себя обогащать.
«Смотри, чтобъ у тебя крестьяне не лѣнились
«И прибыльно себѣ и обществу трудились...
«Не меньше прочаго Россіи нуженъ плугъ;
«Герой ее хранитъ, философъ просвѣщаетъ,
«А добрый селянинъ трудомъ обогащаетъ,
«И хлѣбомъ житницы стараяся снабдить,
«Двумъ первымъ подаетъ онъ способы служить.
«Такъ точно подъ землей сокрыто основанье
«Великолѣпное поддерживаетъ зданье».

Впослѣдствіи Гоголь вложилъ эту программу въ уста Тентетникова, который, собираясь бросить службу въ Петербургѣ, говоритъ своему чиновному дядюшкѣ: «у меня триста душъ, имѣнье въ разстройствѣ, и государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцеляріи другой переписать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я помѣщикъ; званіе это также не бездѣлица. Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста трезвыхъ работящихъ подданныхъ, чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія?» («Мертвыя души» часть II, гл. 1). И тотъ же Гоголь вывелъ департаментскаго чиновника Хлестакова, который про деревню знаетъ только, что она «имѣетъ свои пригорки, ручейки». Такимъ образомъ, князь Горчаковъ представляется намъ въ живомъ соотношеніи съ общимъ ходомъ развитія литературы. Его живой умъ, его энергичное негодованіе, искрятся въ его сатирическихъ произведеніяхъ, направленныхъ не только противъ полуобразованности, но и противъ казнокрадовъ, подрядчиковъ и откупщиковъ—однимъ словомъ, противъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ объединялъ подъ общимъ именемъ «злодѣйствъ мерзительный соборъ».

Къ сожалѣнію, князь Горчаковъ, при всѣхъ его задаткахъ движенія впередъ, былъ слишкомъ привязанъ къ устарѣвшимъ и для его времени тра-

диціямъ искусства и не умѣлъ сразу схватить жизненні
вѣяній. Сторонникъ Державина, присяжный членъ «Бесѣ
скаго слова» онъ былъ ревностнымъ поборникомъ ложно
ріи, въ путахъ которой писалъ комическія оперы («Калифъ
ливая тоня», «Баба Яга»), отличающіяся тяжелымъ языкс
художественной правды въ положеніяхъ и рѣчахъ дѣй
Впрочемъ, въ свое время публику могли удовлетворять,
заслуженно, такіе, напримѣръ, куплеты приказнаго Ваятв
въ оперѣ «Баба-Яга»:

«Ибо указъ мы туда пригибаемъ,
«Гдѣбъ отъ него намъ покормка была;
«Точно то мы одно наблюдаемъ,
«Чтобы по формѣ текли всѣ дѣла.
«Выписки, справки скстракты по дѣлу
«Мы сочиняемъ, собравшись съ умомъ.
«Должно въ приказныхъ обрядахъ быть смѣлу.
«Доидеже хлѣбецъ добудешь перомъ».

Горчаковъ нападалъ на Карамзинскій сантиментализмъ,
чрезвычайно чувствительнымъ въ своей россійской пов
Ранда» (напечатана въ 1796 г.), построенной въ духѣ «Ст
Вертера».

Обращаясь къ вышедшему теперь въ свѣтъ собранію
Д. П. Горчакова, изданныхъ его внучкой княжной Елен
воздавая должное прекрасной внѣшности книги, обстоят
біографіи, предпосланной сочиненіямъ нашего автора, мы
не можемъ не отмѣтить пропуска нѣсколькихъ произведеі
ныхъ А. Д. Галаховымъ въ исторіи «Русской словесности»
относится рядъ стихотвореній въ «Другѣ просвѣщенія» (18
ихъ только одно посланіе къ Долгорукову («Другъ просвѣщ
помѣщено въ собраніи сочиненій, причемъ помѣчено, какъ в
«Исторической христоматіи» А. Д. Галахова. Хорошо был
издательницы, почтившей память своего дѣда такимъ разум
какъ изданіе его сочиненій, пополнить отмѣченный пробѣл
видѣ особаго прибавленія нечаянно пропущенныя стихотв
то ни было, кн. Горчаковъ сыгралъ довольно видную роль
ратурѣ, при изученіи которой необходимо располагать во
собраніемъ его сочиненій. Къ сочиненіямъ кн. Горчакова
рошо сдѣланный портретъ его.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Варенское событіе: бѣгство Людовика XVI съ семействомъ изъ Парижа и причина его неудачи; почтмейстеръ Друэ.— Екатерина Медичи—злая фея Франціи: правители эпохи реформаціи; политика женской красоты и лукавства во Франціи; купанье короля Франциска II въ дѣтской крови; астрологія и магія въ XVI столѣтіи; политическія предсказанія астролога Руджіери о судьбѣ послѣднихъ Валуа; параллель между Екатериной Медичи и императрицей Евгеніей.— Тьеръ о своей политической карьерѣ по воспоминаніямъ Арсена Гуссе: маленькій ростъ великихъ людей; ничтожество академическихъ лавровъ; значеніе путешествій. — Новая версія сказаній о Соломонѣ и Савской царицѣ: аравійское происхожденіе эѳіопской царицы; посѣщеніе Соломона Савской царицей; критическія времена для Соломона.

ВАРЕНСКОЕ СОБЫТІЕ. Бѣгство королевской семьи изъ Парижа 20-го іюня 1791 г. и арестованіе ея въ мѣстечкѣ Вареннѣ представляетъ, какъ извѣстно, одинъ изъ интереснѣйшихъ драматическихъ эпизодовъ бурной эпохи французской революціи. На описаніи этого бѣгства останавливались не только всѣ историки революціи, но и біографы членовъ королевской фамиліи: Людовика XVI, Маріи-Антуанеты и Людовика XVII.

Не смотря на обиліе описаній событія, сдѣлавшагося, казалось бы уже вполнѣ извѣстнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, новые изслѣдователи продолжаютъ, однако, заниматься этимъ вопросомъ и стараются—по имѣющемуся нынѣ въ ихъ распоряженіи громадному матеріалу—выяснить съ возможнымъ безпристрастіемъ причины неудачи путешествія и степень отвѣтственности, падающей на лицъ, принимавшихъ въ этомъ дѣлѣ участіе. Фурнель, Варенскій уроженецъ, выросшій, какъ говоритъ онъ, почти среди очевидцевъ злополучнаго событія, собиралъ, съ своего ранняго возраста, всѣ мѣстныя устныя преданія о катастрофѣ 21-го іюня и посвятилъ разработкѣ этого вопроса все свое усердіе и умѣніе. Сочиненіе его подъ заглавіемъ «L'Evenement de Varennes» (Paris, 1890), представляетъ дѣйствительно зна-

чительный интересъ со стороны критики; Фурнель разъясняе до сего времени нѣкоторыя разнорѣчія и выясняетъ очень главнѣйшія причины неудачи бѣгства короля. Фурнель согла извѣстнымъ уже мнѣніемъ, что Людовикъ XVI, долго коле тельно необходимости выѣзда изъ Парижа, рѣшился на послѣ изданія закона о гражданскомъ устройствѣ духовен одобреннаго папою и оскорбившаго религіозное чувство кор наго сына церкви. Въ тотъ день, говоритъ авторъ, когда Л что его религіозное убѣжденіе болѣе не свободно, положені ему окончательно невыносимымъ, онъ пересталъ колебать рѣшительно къ приготовленіямъ къ отъѣзду. Въ «L'Evenem подтверждены также извѣстные факты о неосторожностях ніяхъ къ бѣгству и о доносахъ придворной прислуги, но д ни Бальи (мэръ Парижа), ни Лафайетъ (начальникъ націон на которыхъ, какъ извѣстно, обрушилось общественное мнѣн только распространилась вѣсть о бѣгствѣ королевской се этомъ не знали. Описаніе ночнаго выхода изъ Тюльери, хожд улицамъ Парижа, приведшія къ опозданію отъѣздомъ изъ чія интересныя подробности первыхъ шаговъ бѣглецовъ, ни поля существенно не отличаются отъ извѣстныхъ уже о всемъ в

Въ разсказѣ о дальнѣйшемъ путешествіи до м. Понъ-Со роль долженъ былъ встрѣтить первое военное прикрытіе по герцога Шуазеля, авторъ справедливо упрекаетъ герцога Ш девременный уходъ съ своимъ отрядомъ съ мѣстъ наблюде шена была общая связь между кавалерійскими отрядами, р вдоль пути слѣдованія королевской семьи, что въ свою главнымъ образомъ къ Варенской катастрофѣ. Съ момента вика XVI изъ Понъ-Соммевеля, Фурнель считаетъ весь план устроенной имъ цѣпи прикрытій для обезпеченія бѣгства к мейства, нарушеннымъ и успѣхъ предпріятія компрометиро

Къ 8-ми часамъ вечера тяжелая королевская карета м. С.-Менегульдъ, гдѣ содержатель почтовой станціи Друэ (мейстера, какъ его обыкновенно называютъ), возвративши полевой прогулки, увидѣлъ огромныхъ размѣровъ карету, в гали шестерикъ лошадей, приблизился къ экипажу, окруж любопытныхъ, и разглядѣлъ случайно высунувшееся изъ кар Сличивъ это лицо съ изображеніемъ на ассигнаціяхъ, Друэ далъ, кто скрывается подъ видомъ слуги мнимой баронессы торою слуга ея сидѣлъ вмѣстѣ въ каретѣ. Лишь только эк изъ С.-Менегульда, муниципальныя власти собрались на с гласно уполномочили Друэ принять мѣры для воспрепятст ствію королевской семьи. Друэ и еще одинъ менегульдскій поскакали тотчасъ же верхами въ Варенъ, опередили прибыт ской кареты и устроили всѣмъ извѣстное Варенское задерж Людовика XVI.

Кто же были виновники и какія были вообще причины не Все рѣшительно,—отвѣчаетъ Фурнель,—вело неминуемо къ к съ самаго момента отъѣзда и даже пожалуй раньше — был одна нескончаемая цѣпь или неловкостей, неосторожностей

Такимъ образомъ, не то удивительно, по мнѣнію Фурнеля, что несчастный монархъ попался въ западню, не доѣхавъ лишь нѣсколькихъ километровъ до станціи спасенія, а скорѣе то изумительно, что онъ не былъ задержанъ на самыхъ первыхъ же порахъ.

Со стороны маркиза Булье мѣры были приняты съ возможной тщательностью и несомнѣнною предусмотрительностью. Ошибки же, разстроившія весь ловко и умно задуманный планъ дѣйствій, произошли съ одной стороны отъ его второстепенныхъ агентовъ, а съ другой—отъ самого короля. Не смотря на сдѣланныя неосторожности и доносы, отъѣздъ изъ Парижа совершился благополучно. Маркизу Булье удалось также возстановить безурядицу, происшедшую было вслѣдствіе выѣзда 20-го іюня, т. е. днемъ позже противъ назначеннаго, но медленность движенія во время пути была неисправимо пагубна.

Поэтому нужно признать, что главнѣйшая причина приведшая къ печальной развязкѣ заключается прежде всего въ позднемъ прибытіи королевской семьи на первый военный постъ (Pont Sommevelle) — это же произошло вслѣдствіе опозданія выѣздомъ изъ Парижа, медленности ѣзды и починки кареты. Казалось бы, по правиламъ элементарной осторожности, что въ виду значительнаго опозданія слѣдовало бы послать нарочнаго предупредить объ этомъ герцога Шуазеля, но объ этомъ-то и не подумали... Герцогъ же съ своей стороны, въ виду возбужденнаго непріязненнаго настроенія жителей Понъ-Соммевеля и боясь столкновенія съ ними, нашелъ вынужденнымъ увести свой кавалерійскій отрядъ до прибытія короля, при этомъ онъ пошелъ назадъ не большою, а окольною дорогою, сбился съ пути, и не только не могъ приготовить, какъ условлено было, подставу въ Варенѣ, но преждевременнымъ уходомъ своимъ нарушилъ еще общую связь между отрядами, расположенными вдоль пути слѣдованія короля. Ко всему этому нужно прибавить, говоритъ авторъ, наружный видъ и размѣры кареты, которая какъ будто нарочно была сдѣлана, чтобы привлекать на себя всеобщее вниманіе, костюмы трехъ спутниковъ-курьеровъ, одѣтыхъ въ ливреи ярко-желтаго цвѣта, наконецъ, не осторожное поведеніе самого короля, — все это вмѣстѣ взятое объясняетъ вполнѣ несчастную развязку королевскаго бѣгства.

Изъ книги Фурнеля узнаемъ также съ нѣкоторою достовѣрностью о дальнѣйшей судьбѣ лицъ игравшихъ наиболѣе видную роль въ Варенскомъ событіи, особенно почтсодержателя Друэ. Послѣдній, какъ извѣстно, сдѣлался личностью историческою: онъ былъ весьма замѣтнымъ депутатомъ національнаго собранія, принадлежа къ якобинской партіи, вотировалъ смертный приговоръ Людовика XVI, былъ въ плѣну у австрійцевъ и сидѣлъ въ крѣпости Шпигельбергъ, принималъ затѣмъ, возвратившись во Францію, участіе въ заговорѣ Бабёфа: во время имперіи занималъ должность подъ-префекта въ своемъ родномъ городѣ С.-Менегульдѣ и Наполеонъ пожаловалъ ему орденъ Почетнаго Легіона. Фурнель розыскалъ его просьбу отъ 27-го марта 1813 г., въ которой онъ ходатайствовалъ о назначеніи его генеральнымъ полицейскимъ комиссаромъ, для чего имѣлъ всѣ необходимыя способности. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ, Друэ почувствовалъ себя въ небезопасности и принужденъ былъ тщательно скрываться отъ розысковъ полиціи. Проживъ 3 мѣсяца въ пещерѣ, высѣченной въ скалѣ, близь С.-Менегульды, онъ укрылся сперва въ С.-Дени, а затѣмъ поселился въ Маконѣ подъ чужимъ именемъ

нѣкоего Маергеса (Maërgesse), механика, родомъ изъ Ліе
около 8 лѣтъ съ любовницею по имени Норманъ, котор
у ея мужа. 11-го апрѣля 1824 г. Друэ умеръ, и только благо
этой Норманъ власти узнали, что лицо извѣстное подъ и
былъ исчезнувшій Жанъ Баптистъ Друэ, розыскать котора
не удалось. Эти подробности появляются въ печати вперв

— **Екатерина Медичи—злая фея Франціи.** Же
женское лукавство въ теченіе вѣковъ были главными
Франціи. Конечно, тутъ разумѣются главнымъ образомъ
лей. Красавицы со стороны вмѣшивались въ дѣла правле
головами и сердцами королей. Если же когда-либо и коро
играть историческую роль, то ея вліяніе обыкновенно был
Но едва ли не самымъ пагубнымъ можно считать управ
риха II, Екатерины Медичи. Для Франціи она явилась зло
женію нѣмецкаго ученаго Земмига. Въ вѣкъ реформаціи в
правителей, способныхъ справляться съ колосальными за
и руководить движеніемъ своего времени. Могущественн
ихъ, императоръ Карлъ V, сознавъ свое безсиліе, удалил
А его соперникъ, Францискъ I, король Франціи, былъ тол
нировъ, красивымъ салоннымъ кавалеромъ. Еще менѣе
собности благопріятно направлять судьбы своей страны сы
его Генрихъ II.

Въ 1533 г. въ Марсели, онъ сочетался бракомъ съ ит
риной Медичи, истинной дщерью своей родины, умной и с
къ искусствамъ, но безъ всякой нравственной основы и
ступной угрызеніямъ совѣсти. Пока былъ живъ ея мужъ
престолъ въ 1547 году, она держалась вдали отъ всякихъ
дѣлъ. Она чувствовала, что напрасно было бы бороться с
сивой Діаны де-Пуатье. Она упражнялась тогда лишь въ и
впослѣдствіи примѣняла на пагубу Франціи, именно въ л
послѣ смерти короля въ 1559 г. она играла политическую
регентши по малолѣтству ея четверыхъ сыновей. Тутъ он
тельною королевой.

Вмѣсто соблазна чувственной красотой, одолѣвавшей ея
стояли ей на дорогѣ демонъ честолюбія и кровавый ды
оспаривая у нея бразды правленія. Первый овладѣлъ
второй—обоими Гизами, герцогомъ Францискомъ и его б
ломъ Карломъ. Племянница Гизовъ, Марія Стюартъ, была
Франциска II. Въ началѣ Екатерина охотно щадила обѣ пар
свою собственную власть на ненависти принцевъ и Гизовъ
король влюбился въ свою молодую жену, а эта подсказы
нашептывали ей оба дядюшки. Чтобъ не разсориться съ с
пила въ сдѣлку съ обоими Гизами и отстранилась отъ при
женцевъ ихъ и Колиньи. При французскомъ дворѣ, таки
вили теперь красота Маріи Стюартъ и лукавство Екатери

Вслѣдствіе такой политики, почва Франціи почти непр
валась кровью. То междуусобія, то убійства, то эшафотъ—
кровавыми ужасами, длившимися почти 40 лѣтъ, витала
Екатерина Медичи. Въ новѣйшія времена подобное же па

вающее вліяніе на нравы и судьбы Франціи оказывала императрица Евгенія. Дурной примѣръ ея страсти къ нарядамъ внесъ въ многочисленныя семьи Франціи разореніе, а ея ханжество привело къ войнѣ 1870 г. При Екатеринѣ Медичи, вмѣсто пруссаковъ воевали съ гугенотами.

Начало ея вмѣшательства въ судьбы Франціи ознаменовано изувѣрскимъ поступкомъ. Молодой король заболѣлъ какой-то загадочной болѣзнью. Сыпь покрыла его лицо, и королева-мать въ концѣ октября 1559 г. отвезла его въ Блуа въ надеждѣ, что чистый воздухъ Луарской долины будетъ ему полезенъ. Но пребываніе загадочно больного короля въ Блуа приводило въ ужасъ всѣхъ матерей этого города. Прошелъ даже слухъ, что больной король для освѣженія своей крови купается въ крови маленькихъ дѣтей, которыхъ тайно похищаютъ.

Затѣмъ въ заботахъ о будущемъ своего рода и въ виду притѣсненій со стороны партій, суевѣрная флорентинка прибѣгла къ астрологіи. Астрологія тогда была офиціально признанной наукой и обнимала собой данныя астрономіи, медицины, математики и даже богословія. Король Карлъ V основалъ даже особую коллегію, въ которой спеціально изучалась астрологія, и папа Урбанъ V принялъ подъ свое покровительство продѣлывавшіяся тамъ астрологическія операціи. Астрологія сперва избѣгала связи съ магіей. Послѣдняя, считавшаяся грѣховной, учила совершать сверхъестественныя дѣла съ помощью сверхъестественныхъ существъ, ангеловъ или діаволовъ. Астрологія же дѣлала свои выводы изъ наблюденій надъ небесными тѣлами и утверждала, что опирается на природѣ вещей и на наукѣ чиселъ, но въ концѣ концевъ магія и астрологія породнились. Всего за 9 лѣтъ до того времени о которомъ идетъ рѣчь, въ Ліонѣ (1550 г.) появилось полное собраніе сочиненій ученаго авантюриста, который впервые привелъ въ единую научную систему астрологію и магію. Это былъ Корнелій Агриппа изъ Неттесгейма, современникъ д-ра Фауста. Агриппа приписывалъ извѣстнымъ духамъ родъ господства надъ планетами, отъ которыхъ зависѣла судьба человѣка, и косвенно приписывалось тѣмъ же духамъ господство надъ человѣческими судьбами.

Во времена Екатерины Медичи знаменитѣйшій изъ тогдашнихъ астрологовъ Козьма Руджіери, котораго Екатерина привезла съ собой во Францію, также былъ однимъ изъ сторонниковъ помянутой системы нѣмецкаго ученаго. Для операцій Руджіери и другихъ астрологовъ, Екатерина отвела замокъ Шомонъ, находившійся въ нѣсколькихъ часахъ отъ Блуа на лѣвомъ берегу Луары, на лѣсистой возвышенности. На зубцахъ башни въ Шомонѣ, соединенной съ спальней Екатерины, до сихъ поръ еще сохранились разные кабалистическіе знаки. Тутъ въ уединеніи Екатерина въ сообществѣ съ своими учеными отгадчиками тайно, по звѣздамъ, не разъ узнавала планы своихъ враговъ и указанія на то, какой политикѣ ей надо держаться.

И вотъ въ октябрѣ она снова явилась въ Шомонъ. Руджіери показалъ ей въ своемъ залѣ, уставленномъ чудодѣйственными инструментами, скелетами звѣрей и т. п., судьбу четырехъ ея сыновей. Двоимъ изъ нихъ предсказывалась насильственная смерть, а всѣмъ четверымъ—кончина въ молодыхъ годахъ и безъ прямыхъ наслѣдниковъ. Но всѣ четыре должны были носить королевскую корону.

— Какъ же, имъ предназначено занимать престолъ Франціи одному за другимъ?—печально воскликнула Екатерина.

На этотъ вопросъ Руджіери не могъ дать опредѣлен
былъ не вполнѣ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. И дѣйствительн
Екатерины, герцогъ Алансонскій, умеръ въ 1584 году, не
лемъ.

Такъ какъ указанія звѣздъ были недостаточно яс
обратилась къ магіи. Руджіери подвелъ ее къ волшебно
лева увидѣла въ немъ большой залъ, и чародѣй предуп
кого она увидитъ въ этомъ залѣ, процарствуютъ столько
они обойдутъ кругомъ зала. Сперва показался царствова
чальнымъ угнетеннымъ лицомъ, которое королева едва
глядѣть—такъ быстро исчезло это видѣніе. Поблѣднѣвъ
терина узнала, что не пройдетъ и года, какъ она узр
старшаго сына. За нимъ послѣдовалъ будущій Карлъ I
залъ пять съ половиною разъ и при исчезновеніи видѣні
зилось какое-то кровавое облако. Вотъ она и Варѳоломеев
появился герцогъ Анжуйскій, который долженъ былъ сдѣла
и прогулялся вокругъ зала 15 разъ, прежде чѣмъ остано
за нимъ вышелъ бодрый и веселый Генрихъ IV, двадцать
и хотѣлъ было пройтись въ 21-й разъ, но вдругъ исчезъ
появился маленькій принцъ 8—9 лѣтъ, обошедшій залъ
все смѣшалось, такъ какъ королева уже не хотѣла болѣе г

Объ этомъ пророчествѣ разсказывалось многими исто
нѣкоторыми варіантами относительно подробностей. Земм
чаталъ о немъ замѣтки по версіи, передаваемой библіо
ромъ въ Орлеанѣ.

На душу Екатерины это предсказаніе оказало глубок
всѣ суевѣрные люди, она объяснила его на свой ладъ,
только то, что́ ей годилось. Она вѣрила въ свое лукавст
съумѣетъ обойти судьбу, какъ привыкла поступать съ св
этому, какъ только Карлъ IX сдѣлался королемъ, послѣ с
циска, она для остальныхъ двухъ сыновей своихъ приняла
земныя короны. Съ этой цѣлью она поручила французско
Константинополѣ похлопотать у турецкихъ министровъ,
риху, герцогу Анжуйскому, дать королевство Алжирію.
не удался, она вознаградила себя тѣмъ, что постаралась
Генриха королемъ Польши. Въ тѣхъ же честолюбивыхъ
бляла всѣ усилія, чтобы женить ея четвертаго сына, Ф
Алансонскаго, на королевѣ Елисаветѣ, дабы возложить
рону Англіи.

И этой суевѣрной женщинѣ суждено было направлят
Страна обрекалась на погибель, какъ въ новѣйшія вре
трицѣ Евгеніи, затѣявшей «sa petite guerre à elle». Мон
уничтожена фанатической лигой и возстаніемъ Парижа.
Парижа выгнало императрицу Евгенію изъ Франціи и
имперію. Послѣдній, оставшійся въ живыхъ, сынъ Екате
истекъ кровью подъ кинжаломъ одного монаха, сынъ имп
умеръ отъ пикъ африканскихъ дикарей. Екатерина по
средствами, чтобъ удержать власть за своими сыновьями,
лантерейности до смертоубійства. Эта безсовѣстность наш

рона Валуа ниспала окровавленной съ головы ея дочерей. Легкомысленная надменность испанки въ позднѣйшія времена привела къ подобной же катастрофѣ.

— **Тьеръ о своей политической карьерѣ.** Арсенъ Гуссе, 76-тилѣтній авторъ «Histoire du quarante et unième fauteuil de l'Academie française», издалъ 5 й и 6-й томы своихъ «Confessions», которые заключають въ себѣ воспоминанія не столько его собственныя, сколько чужія, и потому весьма любопытны. Интересно, между прочимъ, мнѣніе Тьера о своей политической карьерѣ.

«Однажды вечеромъ,—разсказываетъ Гуссе,—не помню, по какому случаю, Тьеръ еще разъ разсказалъ намъ про свою жизнь. Слушателями были: двѣ дамы и двое мужчинъ, герцогиня Колонна и княгиня Трубецкая, бывшій министръ Тьера и я, случайный его исторіографъ. Г-жа Тьеръ и mademoiselle Донъ (Dosne) гдѣ-то въ уголкѣ задремали, а политики окружили Минье. Вотъ что приблизительно говорилъ Тьеръ: «быть можетъ, я сдѣлался государственнымъ человѣкомъ потому, что природа дурно меня выкроила. Тѣмъ настойчивѣе было мое рѣшеніе сдѣлаться великимъ, чѣмъ менѣе преуспѣлъ я въ физическомъ ростѣ. Духовная сторона во мнѣ мстила за физическую. Будь я такъ же красивъ, какъ красавецъ Минье, быть можетъ, я и удовольствовался бы одной этой красотой, но я утѣшался мыслью, что міромъ владѣли люди малорослые: Наполеонъ—гигантъ по уму, Талейранъ—лукавая голова. И тотъ, и другой, были бы забракованы при рекрутскомъ наборѣ. Сначала я предполагалъ избрать себѣ поприще ученаго, критика, историка, одного изъ числа сорока «безсмертныхъ», но быть руководителемъ общественнаго мнѣнія. Съ самаго ранняго моего дѣтства я сказалъ себѣ, что принадлежу къ фамиліи Шенье. Если ужъ мнѣ не суждено было бы подняться въ высшія сферы, въ такомъ случаѣ я могъ бы продекламировать вамъ свои любовныя стихи или христіанскіе стансы, которые будутъ вполнѣ умѣстны, когда я издамъ наконецъ мой трудъ о бытіи Бога».

«Здѣсь Тьера прервали. Одинъ изъ насъ посовѣтовалъ ему поспѣшить съ изданіемъ. «Да, да,—продолжалъ онъ,—въ теченіе всѣхъ вѣковъ Господь позволяетъ себѣ скрываться подобно солнышку за облаками. Но пойдемъ далѣе. Я слишкомъ большой почитатель древности, чтобы не любить искусства; посему долженъ признаться, что въ основѣ любви моей къ церкви лежатъ работы великолѣпныхъ художниковъ всякаго рода, обращающихъ ее въ музей. Трудъ составлялъ самое фундаментальное ядро всей моей жизни. Я слышалъ, что для заработка куска хлѣба надо сдѣлаться адвокатомъ. Съ этого я и началъ, однако, мнѣ скоро стало ясно, что я призванъ на защиту болѣе великаго дѣла, чѣмъ все то, что встрѣчалось въ судебной практикѣ. Для однихъ исходнымъ пунктомъ является судебная арена, для другихъ—имъ служитъ литература. Я дебютировалъ на литературномъ поприщѣ панегирикомъ стоику Вовенаргу. Позвольте при семъ показать вамъ все ничтожество академическихъ лавровъ. Академія въ Э назначила похвальное слово Вовенаргу. Рѣчь моя была блистательна. Но было извѣстно, что ея авторъ—я, какой-то ничтожный адвокатишка. Премированіе мое было отложено до слѣдующаго года. Тогда я заявился вторично, на этотъ разъ подъ покровомъ тайны, панегирикомъ, который далеко уступалъ первому, ибо былъ признанъ болѣе академичнымъ. Само собой разумѣется, я былъ премированъ. Это было въ то время, когда другъ мой Минье былъ премированъ «академіей надписей» за трудъ объ

«Institution de Saint Louis». Оба лауреата не могли болѣе винцiя, и вотъ мы отправились въ Парижъ. Не утаю, ч сосредоточивались на улицѣ du Bac (гдѣ обитала госпож мы бредили). Только погрязнувъ выше головы въ гряз мы потребность въ солнцѣ. Дождливые дни проводилъ музеяхъ, гдѣ наконецъ обрѣлъ для себя вторую отчизну. кала меня живопись. Я готовъ былъ самъ взяться за жденъ былъ удовольствоваться геніемъ другихъ. Извѣст tutionnel'ѣ» 1822 года я писалъ о «Салонѣ» того времени меня занималъ одинъ романъ, неправдоподобный, но впо былъ романъ мистриссъ Белами, знаменитой актрисы, доч артистическое посвященіе которой было совершено Га театральныхъ подмосткахъ, такъ и внѣ ихъ, она жила ка ролева. Но историческія занятія увлекали меня сильнѣе

«Герцогиня Колонна высказала свое мнѣніе, что ист же сводится къ роману, но—avec garantie des gouverneme вкусу романы Бальзака и Жоржа Занда; они правдивѣе ствуютъ исключительно о нашихъ страстяхъ». Затѣмъ «Во всякомъ случаѣ, въ то время я не особенно отдавалс образомъ, посѣтилъ я Пиренеи и Альпы, признаться,—и бы не замерзнуть въ Парижѣ. Ахъ, эти путешествія. Каж женъ бы годъ съ днемъ путешествовать подобно тому, днемъ отбываетъ воинскую повинность. Обратите вни мое по Италіи я по сейчасъ является лучшимъ произведе теки. Моимъ идеаломъ было бы возсѣсть на коня и проѣхат Наполеону весь свѣтъ, вмѣсто солдатъ, снабженнымъ воор

«Тьеръ замолкъ и поникъ челомъ на руку. Это был спустя послѣ его смѣщенія съ президентства французско чувствовалъ, что съ его паденіемъ миссія его окончена.

— «Ну и что же дальше?—спросила герцогиня.

— «Дальнѣйшее вамъ извѣстно,—сказалъ Тьеръ, под бы отгоняя свою мечту,—я написалъ «Histoire de la Révolu послѣдовала другая исторія: я засадилъ Карла X въ X его броситься изъ окна. Я громко и слишкомъ поспѣшн противъ іюльскихъ распоряженій. Благодаря этому, я сд и министромъ-президентомъ. При Людовикѣ XIV или во сохранилъ бы за собою этотъ постъ; но при королѣ (Лу раго я создалъ, идеи мои были отвергнуты, и, вслѣдстві жался на престолѣ и самъ король».

— **Новая версія сказаній о Соломонѣ и Савск** рія и критика, какъ извѣстно, не согласны въ томъ, нас ная повелительница принадлежитъ къ области достовѣрны болѣе любопытнымъ оказывается новый этюдъ на эту разрѣшить вопросъ о реальности знаменитой царицы, кот Іерусалимъ слава о мудрости Соломона. Гдѣ находилось ц тельницы? Іосифъ Флавій полагаетъ, что правительница, мона, была царицей Эѳіопіи. Онъ называетъ ее Никау Предположеніе это поддерживаютъ отцы церкви Григорій горій Нисскій, Оригенъ, Августинъ, Іеронимъ и др. Оно

легендами, до сихъ поръ сохранившимися въ Эѳіопіи. Англичанинъ Брюсъ извлекаетъ изъ эѳіопскихъ книгъ, что нѣкогда царица этой страны по имени Мокеда пріѣзжала въ Іерусалимъ, гдѣ приняла вѣру въ истиннаго Бога. Она имѣла сына отъ Соломона. Этотъ сынъ послѣ нея управлялъ Эѳіопіей подъ именемъ Мемлека съ прозвищемъ Эбу-Хакимъ, т. е. «сынъ мудреца». Существованіе такихъ преданій подтверждается и другими.

Другіе изслѣдователи переносятъ Савское царство въ Аравію, и отождествляютъ его съ Маріабо, нынѣ Маребъ, а царицу называютъ Балкисъ. Она властвовала надъ Іеменемъ. Архіепископъ Турскій Мейньянъ, напечатавшій недавно историко-критическую работу о Савской царицѣ, держится этой послѣдней версіи. Его доводы заслуживаютъ упоминанія. «Во-первыхъ—говоритъ онъ—по священному писанію эта страна находится въ Аравіи; подарки, принесенныя царицей, аравійскіе продукты, и свѣтская наука также подтверждаетъ это».

Но какъ же аравійская царица попала въ Эѳіопію? Мейньянъ ссылается на Ленормана и на Сельвестра де Саси. Оба ученые допускаютъ великое переселеніе сабеянъ въ Эѳіопію. Оно относится ко временамъ Соломона и совершилось тогда, когда сабеяне были изгнаны другими аравитянами изъ своихъ мѣстъ. Затѣмъ сынъ царицы и Соломона съ своими людьми перешелъ черезъ Красное море въ Эѳіопію и основалъ тамъ новое царство. Такимъ образомъ двѣ различныя версіи соединяются въ одну и уясняются. Теперь, когда всякія историко-критическія сомнѣнія устранены, нельзя не коснуться романическихъ отношеній Савской царицы къ Соломону.

Царица въ отдаленной Аравіи прослышала о мудрости, богатствахъ и, конечно, красотѣ и силѣ Соломона и не могла удержаться, чтобъ не отправиться въ Іерусалимъ. Она отправилась туда съ многочисленной свитой и цѣлымъ караваномъ верблюдовъ, нагруженныхъ драгоцѣнными тканями и благородными металлами. Ее встрѣтили, устроили и обращались съ нею съ помпою, которая восхитила ее и повергла въ сладостный восторгъ. Представъ предъ Соломономъ, она говорила съ нимъ притчами и загадками, которыя онъ всѣ умѣлъ разрѣшить. Наконецъ, она уже не владѣетъ собою и восклицаетъ съ восторгомъ: «и мудрость твоя и дѣянія твои гораздо выше всего, чтò я слышала о нихъ. Счастливы подданные твои, о царь, и счастливы слуги твои, имѣя возможность всегда быть около тебя и слышать слова твоей мудрости!» Архіепископъ Мейньянъ усматриваетъ во этихъ словахъ «меланхолическую скорбь» о томъ, что она вскорѣ должна разстаться съ такимъ царемъ. Не изобличаютъ ли эти слова, говоритъ онъ, болѣе живое чувство, чѣмъ одно удивленіе?

«Болѣе живое чувство» не осталось безъ отвѣта. По арабскому преданію, Савская царица, разставшись съ Соломономъ, была его женой и матерью одного изъ его дѣтей. Этимъ объясняется ея расточительное великодушіе относительно повелителя Израиля. Она подарила Соломону 120 золотыхъ талантовъ, драгоцѣнные камни и столько благовонныхъ снадобій, сколько ихъ не бывало никогда въ Іерусалимѣ. Соломонъ не остался въ долгу. При отъѣздѣ царицы онъ одарилъ ее еще больше, чѣмъ она его.

Тогда еще для Соломона были хорошія времена. Онъ былъ страшно богатъ и щедрость его не знала границъ. Но этому пришелъ конецъ, когда онъ забылъ объ истинномъ Богѣ и обратился къ Астароту и Камосу. Мудрость свою онъ утратилъ во дворцѣ, гдѣ жили тысячи его женъ. Онъ ра-

сточалъ свои сокровища и сталъ разоряться отъ своей м
ніямъ. Явился дефицитъ, который, слѣдовательно вовсе не
деніе, а для покрытія дефицита пришлось дѣлать займы.
не могъ платить своимъ кредиторамъ.

Такимъ образомъ, со стороны Соломона романъ конч
прозаически. А царица Савская сохранила его образъ отъ бл
Соломона и не переставала его любить и почитать. Пред
что она даже переписывалась съ Соломономъ при посредствѣ
которая доставляла письма. Ученые еще не знаютъ, кака
Стало быть, въ концѣ царствованія Соломона рядомъ с
роскошными сооруженіями, дефицитомъ, государственным
кротствомъ существовали своего рода почтовые голуби. Н
луной!

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англійскій кореспондентъ на Закаспійской желѣзной дорогѣ. — Угро-финскій сборникъ. — Біографія Дизраели. — Послѣдніе томы исторіи Лекки. — Исторія Ирландіи. — Нѣмецкій протестъ противъ Пруссіи, въ формѣ педагогическаго сочиненія.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ КОРЕСПОНДЕНТЪ газеты «Times», Джорджъ Добсонъ издалъ книгу «Желѣзнодорожное движеніе Россіи въ центральную Азію». (Russia's railway advance in Central Asia). Онъ былъ первый англичанинъ, совершившій по этой дорогѣ поѣздку въ Самаркандъ. Джорджъ Кёрзонъ проѣхалъ по ней послѣ него, хотя и описалъ ее прежде. Еще раньше полковникъ Лемезюрье осмотрѣлъ ее до Бухары, откуда ѣхалъ до Чарджуя въ экипажѣ, такъ какъ дорога еще строилась. А у насъ поторопились ли издать полное и обстоятельное описаніе пути, о которомъ столько говорятъ иностранцы? Кёрзонъ говоритъ объ этой дорогѣ съ политической точки зрѣнія (мы дали объ ней отчетъ въ прошломъ году), а Добсонъ утверждаетъ, что «предразсудки и ложныя идеи о Россіи происходятъ большею частью отъ этихъ политическихъ взглядовъ» и повторяетъ, что цѣлью его было написать «безпристрастную книгу—общаго характера», которая могла бы замѣнить книгу Евгенія Шюйлера о Туркестанѣ. Книга Добсона составлена изъ его писемъ въ газету «Times», и добавлена разсказами о послѣднихъ событіяхъ. Англійская критика, и особенно строгій критикъ «Academy» Стефенъ Уилеръ, довольны наблюдательностью автора и сообщаемыми имъ свѣдѣніями, но не его политическими выводами, и опровергаютъ его мнѣнія о границахъ Бухары, о томъ, что Англія не имѣетъ контроля надъ Абдурахманомъ. Этому контролю критикъ приписываетъ напротивъ то обстоятельство, что Россія не нарушала границъ Афганистана. Уилеръ обращаетъ, также вниманіе на толки Добсона о соперничествѣ и интригахъ русскихъ начальниковъ въ Средней Азіи и выводитъ изъ этого заключеніе о непрочности нашей власти въ этой странѣ. Кёрзонъ также говоритъ о неправиль-

ныхъ дѣйствіяхъ русскихъ властей. Добсонъ приводитъ всѣ
смѣны генераловъ Розенбаха, Комарова, Колпаковскаго (
леръ говоритъ, что онъ положилъ конецъ подкупамъ и
щенности въ Туркестанѣ). Мы не можемъ судить о степ
этихъ толковъ (извѣстный Вамбери, напримѣръ, говори
гое) также и о томъ, насколько поколеблено положені
г. Анненкова и полковника Алиханова; но замѣтимъ толь
свои выводы на ходячихъ толкахъ о современныхъ собы
езнаго наблюдателя. Историческія свѣдѣнія, сообщаемыя
скихъ туркменахъ, также весьма сомнительны, хотя онъ
преданіямъ самихъ текинцевъ, которые два столѣтія то
эмигрировали въ бухарскія владѣнія изъ Маргилана в
скій историкъ Абулъ Гарихапъ описываетъ стоянку туркм
на берегахъ Каспійскаго моря. Происхожденіе текинцев
также опровергнуты Генрихомъ Роулинсономъ. Разсказъ
бухарскимъ шахомъ Мурадомъ, приписанный Добсономъ
историческое событіе, упоминаемое въ «Исторіи Монг
основаніи показаній Абдулъ Керима. Объ немъ говори
кольмъ. За то свѣдѣнія, сообщаемыя Добсономъ, о то
Азіи очень замѣчательны и тутъ можно понять недовѣ
имъ къ статистическимъ цифрамъ, выводимымъ русским
увѣреніямъ, что англійскіе и индѣйскіе товары вытѣсн
въ Средней Азіи. Авторъ сожалѣетъ, что въ Бухарѣ
англійскихъ консуловъ и не надѣется на скорое водво
странахъ.

— Въ Гельсингфорсѣ издается уже пять лѣтъ журн
но-угрскаго (Suomolais ugrilaisen seuran ackak
выходило не болѣе одной книги въ годъ, но теперь выш
журналѣ участвуютъ не одни финны, но русскіе, нѣмцы,
помѣщаются, кромѣ финскаго, на французскомъ и нѣмец
придаетъ книгамъ космополитическій оттѣнокъ. Особен
въ журналѣ лингвистика и миѳологія. Сетеле помѣстил
комъ языкѣ обстоятельное изслѣдованіе объ образовані
нахъ и видахъ въ финно-угрскихъ языкахъ (Zur Geschic
Modus Stammabildung in der finnisch ugrischen Sprachen).
ство финскаго языка со всѣми его нарѣчіями: корельск
винскимъ, эстонскимъ, летскимъ и языками лапландс
черемисскимъ, зыряно-вотякскимъ, мадьярскимъ, вогульс
Докторъ Парка отдаетъ отчетъ въ своемъ путешествіи к
кель изслѣдуетъ жилища финскихъ племенъ. Покойный
чаталъ изслѣдованіе на французскомъ языкѣ «объ ос
миѳологіи». Карлъ Кронъ собралъ всѣ сѣверныя зооморф
медвѣдѣ и лисицѣ. Помѣщены также отчеты о поло
вопросовъ у разныхъ племенъ, о языкѣ черемисовъ и т.
ваетъ, что сѣверные сосѣди наши занимаются не тольк
претензіями, но и серьезными, научными изслѣдованіями,
полезнѣе.

— Англійскій публицистъ и историкъ Фроудъ предпр
вые министры королевы Викторіи» и началъ серію ихъ

(The prime ministers of que en Victoria. Lord Beaconsfield). Біографіи будутъ написаны разными лицами и все изданіе можетъ скоро закончиться, такъ какъ въ 53 хъ-лѣтнее царствованіе Викторіи было только девять премьеровъ: Мельборнъ, Пиль, Россель, Дерби, Абердинъ, Пальмерстонъ, Дизраели, Гладстонъ и Салисбюри. Во Франціи только со времени паденія второй имперіи ихъ было вдвое больше. Книга Фроуда написана прекраснымъ языкомъ, но не сообщаетъ новыхъ подробностей объ этомъ семитическомъ выродкѣ, управлявшемъ политикою христіанской Англіи, а во время берлинскаго конгресса и всей Европы. Авторъ біографіи чаще всего заставляетъ говорить самого Дизраели, приводя обширныя выписки изъ его писемъ и романовъ. Читая тѣ и другіе, удивляешься, какимъ образомъ этотъ безспорно умный, но далеко не блестящій государственный человѣкъ, могъ сдѣлаться вождемъ строго-консервативной партіи въ Англіи. «Чтобы управлять людьми, пишетъ онъ, надо или стать выше ихъ или презирать ихъ. Я выбралъ второе и сдѣлался популяренъ. Ловкость у насъ гораздо нужнѣе, чѣмъ геній». И этой ловкостью онъ добился перваго мѣста въ Англіи. Романы его нисколько не помогли ему въ этомъ случаѣ: трилогія его, написанная въ молодые годы «Коннингсби», «Сивилла» и «Танкредъ» сочинена для прославленія еврейства, которому, по словамъ автора, долженъ будетъ принадлежать весь міръ. Только въ зрѣломъ возростѣ онъ разочаровался нѣсколько въ своихъ соотечественникахъ и написалъ серьезный романъ «Лотарій», уже послѣ того, какъ былъ первымъ министромъ. Любопытнымъ эпизодомъ въ жизни Дизраели была его связь съ мистрисъ Бриджесъ Вилльямсъ, уже пожилой вдовою еврейскаго происхожденія, какъ и самъ онъ. Она вела съ нимъ переписку до своей смерти и оставила ему все свое огромное состояніе. Фроудъ приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ этой корреспонденціи, но говоритъ, что теперь она еще не можетъ быть напечатана вполнѣ, хотя Дизраели отзывался вообще очень сдержанно о лицахъ съ которыми былъ въ сношеніяхъ. Въ концѣ 1862 года онъ пишетъ о малоизвѣстномъ фактѣ: «греки рѣшили имѣть короля непремѣнно изъ англійскаго дома и, въ виду отказа принца Альфреда (герцога Эдинбургскаго) намѣрены избрать лорда Станлея (графа Дерби). Если онъ приметъ, я потеряю въ немъ друга и вліятельнаго коллегу. Это конечно блестящая перспектива для дома Станлеевъ, но ихъ трудно ослѣпить и они предпочтутъ свой зáмокъ въ Ланкастерѣ Партенону и равнинамъ Аттики. И нашъ вѣкъ называютъ утилитарнымъ, тогда какъ онъ вполнѣ романтическій!» Дизраели признается, что если бы онъ былъ молодъ какъ Дерби, то не отказался бы отъ престола. Странно, что не подумали сдѣлать предложенія такому православному христіанину какъ потомокъ жида. Къ Станлеямъ имѣли все-таки основаніе обратиться. Не говоря уже о томъ, что они въ родствѣ съ Плантагенетами, они были прежде и королями острова Мэнъ, имѣющаго до сихъ поръ особую конституцію и отдѣльный парламентъ, чего такъ напрасно добивается Ирландія. Устроить несчастную Ирландію Дизраели, по мнѣнію Фроуда, могъ бы очень легко во время своего шестилѣтняго управленія Англіею (1874—1880), но онъ занимался только восточными, а не внутренними дѣлами. Не смотря на это авторъ восхищается все-таки широтою принциповъ Дизраели. Въ чемъ же заключается эта широта?..

— Къ Ирландіи собственно относятся и послѣдніе два тома «Исторіи Англіи въ XVIII столѣтіи» (History of England in the eighteenth

century) Вильяма Лекки. Историкъ положилъ закончить (
трудъ европейскою войною 1793 года и исполнилъ это]
вышедшихъ до послѣдняго времени. Теперь вышли два пс
священные исключительно исторіи Ирландіи до уничтож
парламента въ 1801 году актомъ соединенія этого острова
ніею. Въ книгѣ Лекки приведено много новыхъ документ(
къ этимъ событіямъ, полнымъ возстаніями и заговорами
очень снисходительный: трудно управлять страною, счи
борьбы политическихъ партій. Не только трудно, но негу
политично править островомъ такъ, какъ это дѣлала и дѣл
и сама видитъ это теперь и большинство ея, въ лицѣ ли(
стоитъ за автономію острова, но консерваторамъ это не (
они стараются всѣми средствами отдалить неизбѣжный моме
дія должна получить самоуправленіе. Изложеніе Лекки отли
и строгою группировкою фактовъ, являющихся мѣстами]
окраскѣ, какъ напримѣръ въ разсказѣ о погонѣ за Эдуа
ральдомъ, о поимкѣ этого главы возстанія 1798 года и о па
его смерти. Къ печальнымъ явленіямъ этой эпохи да и всѣ:
эпохъ возстаній и заговоровъ относится то обстоятельство
заговорѣ были доносчики и измѣнники, сообщавшіе за дев
правительству все, что замышлялось противъ него. Отъ ;
дители возстаній шли на явную гибель и надо еще удив.
ихъ не уменьшалось.

— Объ Ирландіи вышла также замѣчательная книга ф
наго Прессансе, могущая служить продолженіемъ исторіи]
она начинается съ акта соединенія и доходитъ до 1888 год
l'Angleterre depuis l'acte d'Union jusqu'a nos jour
Francis de Pressensé). Авторъ прямо объясняетъ въ пр
значеніе своей книги: «это опытъ политической исторіи.
предубѣжденіемъ въ пользу господства Англіи и противъ
номіи и кончилъ вполнѣ присоединившись къ требованіямъ
нелистовъ». Таковъ результатъ добросовѣстныхъ изслѣдова
его мнѣнію ирландцы ненавидятъ англичанъ вовсе не и
розни, а за захватъ лондонскимъ правительствомъ и ла
искони принадлежавшихъ жителямъ Зеленаго острова. I
ково ненавидитъ лорда-католика и лорда-протестанта, по
безпощадны къ крестьянину, землю котораго присвоили
Авторъ приводитъ выписки изъ народныхъ пѣсенъ, выраж
висть. Вотъ отрывокъ ирландской марсельезы, написанны
на смерть трехъ ирландскихъ патріотовъ, повѣшенныхъ з
рвали изъ рукъ жандармовъ двухъ вождей феніанской па
«Высоко на висѣлицѣ качались трое съ благородными серд
въ цвѣтѣ лѣтъ, местью тирана. Но они смѣло смотрѣли е
твердой душою пошли на смерть. Боже спаси Ирландію! го
спаси Ирландію! повторимъ мы всѣ. На высокомъ ли эша(
сраженія умремъ мы—не все ли это равно, если мы умир
Ирландію? Никогда до послѣдняго дня не забудется память
шихъ свою жизнь нашей родинѣ. Но дѣло наше все-таки
редъ среди радостей, среди счастія или печали, до тѣхъ пс

димъ на нашемъ островѣ—народъ свободнымъ и великимъ». Если бы ирландцы отстаивали только свое право на обладаніе землею Ирландіи съ ними была бы вся англійская демократія, но теперь она боится, что автономія острова будетъ гибелью для Англіи и эгоизмъ заставляетъ англичанъ забыть чувство справедливости. Въ этомъ вся серьезность ирландскаго вопроса.

— Нѣмецкая журналистика замолчала въ послѣднее время книгу, выдержавшую въ десятокъ мѣсяцевъ до 50-ти изданій. Положимъ, каждое изданіе серьезной нѣмецкой книги печатается обыкновенно не болѣе какъ въ ползавода (600 экземпляровъ), но во всякомъ случаѣ, книга, въ короткое время расходящаяся и въ тридцати тысячахъ экземплярахъ, явленіе рѣдкое и заслуживала полнаго вниманія. Между тѣмъ, ни одинъ журналъ не далъ объ ней сколько-нибудь серьзной, хотя бы и неодобрительной критики. Это происходитъ оттого, что книга отрицаетъ современное умственное развитіе Германіи, а публика читаетъ ее съ жадностью потому, что авторъ подвергаетъ рѣзкому осужденію все то, чѣмъ въ Германіи привыкли гордиться официіально и официіозно. Книга носитъ странное названіе: «Рембрандтъ какъ воспитатель» (Rembrandt als Erzieher); издана она въ Лейпцигѣ безъ имени автора, но одинъ берлинскій журналъ говоритъ, что ее написалъ докторъ Юлій Лангхельнъ изъ Экенферде въ Шлезвигѣ, работавшій одно время въ археологическомъ институтѣ въ Римѣ, потомъ жившій частнымъ человѣкомъ въ Дрезденѣ, а теперь поселившійся въ Вѣнѣ. Вотъ все, что̀ знаютъ объ немъ. Книга его дурно написана, мало интересна, полна странныхъ мыслей и узкихъ сужденій, въ ней 329 компактныхъ страницъ безъ всякаго раздѣленія на главы; педагогическаго значенія въ ней нѣтъ вовсе, литературнаго очень мало и между тѣмъ нѣмцы читаютъ ее съ увлеченіемъ, отъ Рейна до Вислы, отъ Балтики до Адріатики, хотя главная мысль книги—бросающійся въ глазъ парадоксъ: воспитаніе въ Германіи такъ плохо, что его необходимо преобразовать, но профессора не вольютъ новой умственной жизни въ нѣмцевъ—это дѣло нѣмецкой молодежи, для этого она должна только изучить творенія Рембрандта, самаго индивидуальнаго изъ всѣхъ художниковъ и самаго нѣмецкаго̀ (хотя онъ и голандецъ). Картины и гравюры Рембрандта укажутъ настоящій путь въ наукѣ, въ искусствѣ, литературѣ, философіи, въ политикѣ, въ нравственномъ чувствѣ. Вотъ почему этотъ художникъ долженъ быть всеобщимъ воспитателемъ. Кромѣ этого главнаго софизма, въ книгѣ еще много другихъ: философія Спинозы серьезно сравнивается съ философіею Рембрандта, отрицается всякая заслуга Дарвина, германское правительство упрекается за то, что дало субсидію на изданіе латинскихъ надписей, когда могло бы издать на эти деньги народныя пѣсни и проч. Но не смотря на всѣ парадоксы и увлеченія автора, книга его произвела впечатлѣніе потому, что громко высказываетъ то, о чемъ думаютъ многіе нѣмцы: современная Германія идетъ къ умственному паденію, къ нравственному самоубійству. Авторъ говоритъ прямо: «послѣ 1870 года интелектуальное развитіе, на которое расчитывали нѣмцы—не осуществилось и произошло скорое паденіе. Въ нравственномъ отношеніи Іена была для нѣмцевъ полезнѣе Седана». Паденіе это доказывается безплодіемъ современной литературы, науки, искуства. Наука потонула въ спеціальностяхъ, нѣтъ ни одного выдающагося мыслителя, въ пластическихъ искусствахъ нѣтъ величія, въ музыкѣ—одни исполнители; въ романѣ великій человѣкъ—Пауль Гейзе, въ поэзіи нѣтъ ни одного даже такого имени

критика занимается только коментаріями умершихъ п
ность убила науку; возясь съ микроскопомъ, нѣмецкіе
міра, подробности скрываютъ отъ нихъ цѣлое и умъ их
же близорукимъ, какъ и ихъ глаза. Привычка къ клас
отучаетъ отъ анализа идей. Прежде строили теорію на о
изслѣдованныхъ фактовъ, теперь изъ фактовъ не выводя
а только каталогизируютъ, вносятъ въ реестры, пишутъ р
не признаетъ ни Момсена, ни Ранке и говоритъ: «произв
изслѣдованія—это наука, писать исторію—это искусство
шивать эти два рода умственной дѣятельности. Есть два
отдѣляетъ истинное отъ ложнаго, другая различаетъ су
важное и она-то представляетъ главное, организующее
ная нѣмецкая наука занимается только накопленіемъ ф
объ ихъ значеніи». Причину умственнаго упадка авторъ
университетскомъ преподаваніи: оно скопляетъ только фа
нихъ не выводитъ. О другой причинѣ упадка—милитар
жается очень сдержанно: «прусскій поручикъ—говоритъ
красный образецъ, но онъ недостаточенъ по своимъ по
чтобы давать направленіе нашей политической и умст
70-го года поручика все вѣнчаютъ лаврами, но въ лавр
ческое свойство, этого не надо забывать». Третья прич
Берлинъ (авторъ не смѣлъ сказать прямо: Пруссія) «Бе
нѣмецкій городъ, берлинскій духъ холодный, сухой, неу
тивенъ настоящей нѣмецкой натурѣ. Это говорилъ еще
атмосфера убиваетъ мысль и чувство, тамъ боятся мыс
нѣмцѣ хотятъ подавить отличительное свойство его на
лизмъ. Не отъ ума, а отъ духа развиваются въ нѣмцѣ
серьезныя мысли, чистота чувства. Умственное возрожд
жно выйти изъ ея политическаго возрожденія». Таково за
какъ достигнуть его—авторъ не говоритъ. Сколько ни с
Рембрандта, изъ этого ничего не выйдетъ. Какъ примир
циплину съ индивидуализмомъ, милитаризмъ съ необход
нія? Авторъ не даетъ указаній на это и только взывает
чественникамъ да и то въ туманныхъ фразахъ, чтобы он
мертвящаго прусскаго духа, давящаго индивидуализмъ
національной нѣмецкой натуры. И воззванія автора, не
манность и преувеличенія, находятъ отзывы въ десяткахъ
бросившихся съ радостью читать эту странную книгу, п
радоксальной педагогической формой законныя политиче

СМѢСЬ.

Десятилѣтіе взятія Геок-Тепе. 12-го января, минуло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ наши войска, послѣ двадцатитрехдневной тяжелой осады, взяли приступомъ Геок-Тепе. Непріятель былъ въ шесть разъ многочисленнѣе, но недостатокъ въ численности возмѣщался духомъ дисциплины и настойчивостью войскъ. Малочисленный осадный отрядъ перенесъ много тяжкихъ минутъ подъ стѣнами Геок-Тепе. Съ ничтожными средствами онъ произвелъ огромныя осадныя работы, которыя въ пору были бы цѣлому корпусу войскъ. Офицеры и солдаты почти не знали отдыха, постоянно занятые то траншейной службой, то устройствомъ траншей, отвоевывая цѣною крови каждый шагъ у храбраго непріятеля. Неоднократно огромныя толпы текинцевъ бросались по ночамъ на наши траншейные караулы и, пользуясь темнотой, наносили намъ постоянно чувствительные удары, такъ что исходъ осады могъ казаться сомнительнымъ. Но отрядъ имѣлъ во главѣ молодого героя М. Д. Скобелева, котораго любили и которому довѣряли. Гдѣ былъ Скобелевъ, тамъ должна быть и побѣда; самъ Скобелевъ, сознавая высокое довѣріе, оказанное ему покойнымъ государемъ, и цѣня любовь русскаго общества, не щадилъ ни ума, ни силъ ни жизни, чтобы довести дѣло до благополучнаго конца. Нѣсколько разъ говорилъ онъ во время осады, что если штурмъ не удастся, то онъ самъ умретъ на стѣнахъ крѣпости. Какъ будто предчувствуя, что это послѣдній его походъ, Скобелевъ проявилъ здѣсь высокія качества таланта и огромную силу воли, какая рѣдко встрѣчается въ исторіи. Можно безъ преувеличенія сказать, что Скобелевъ, благодаря своей нервной организаціи, въ конецъ разстроилъ здѣсь свое здоровье. Ударъ, нанесенный имъ самымъ независимымъ и разбойничьимъ племенамъ Средней Азіи, соотвѣтствовалъ затраченной на это энергіи. Черезъ три года многочисленныя племена мервцевъ и сарыковъ безъ выстрѣла присоединились къ Россіи. Прошло десять лѣтъ и край уже трудно узнать. Желѣзная дорога прорѣзала страшные для пѣшеходовъ пески; гдѣ было кровопролитное поле осады — тамъ теперь станція; на мѣстахъ бывшихъ ауловъ—выросли русскіе города.

Блестящее дѣло, достигнутое упорнымъ трудомъ и хр
руководимыхъ такимъ полководцемъ, дало результаты впо
ные. Однимъ ударомъ Россія обезпечила себѣ господств
не только въ Средней Азіи, но и далеко за ея предѣлами
вмѣстѣ съ тѣмъ обезопашены пути нашей торговли въ
торая сдѣлалась обширнымъ рынкомъ для русскихъ прои
нынѣшнее наше положеніе въ Средней Азіи, если и сопр
вѣстными матеріальными жертвами, то эти жертвы не
безвозвратными, и—надо надѣяться—уже не далеко то вре
Азія будетъ не въ тягость, а въ большое подспорье Рос
воеваніе Ахалъ-Теке, закончившееся блестящимъ дѣло
1881 года, сдѣлало насъ полными хозяевами Средней Азіи
скомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ.

Общество любителей древней письменности. Очередное з
было заявленіемъ предсѣдателя о принесеніи Обществу
пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, 3,000 рублей, для о
косновеннаго капитала имени С. Д. Шереметева. Секрета
залъ нѣсколько словъ объ утратѣ, постигшей Общество
шагося члена-кореспондента Г. П. Данилевскаго. Затѣмъ,
нившагося десятилѣтія дѣятельности П. Н. Тиханова,
Общества, собраніе выразило скромному сотруднику на
живѣйшую благодарность за усердіе и акуратную добросо
дѣятельности. Членъ-кореспондентъ А. П. Барсуковъ, продо
интересующаго его вопроса о представителяхъ русской це
сообщилъ интересныя свѣдѣнія о патріархѣ Іоакимѣ, прин
дворянскому роду Савеловыхъ (въ мірѣ Иванъ Петровичъ
ставители котораго имѣются еще и въ наши дни въ Мож
одинъ изъ нихъ, М. П. Савеловъ, принесъ Обществу въ д
мейныхъ документовъ, подавшее докладчику ближайшій
ресному сообщенію. Членъ-кореспондентъ Ѳ. Н. Бергъ доло
перепечатанное имъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» изъ «Чтеній в
ріи и Древностей Россійскихъ», 1858 года,—письмо бывшаго
щаго русскими войсками въ Финляндіи графа Ѳ. Ѳ. Букс
ному министру графу Аракчееву, отъ 13-го сентября 1809.
характерное по возростающей энергіи въ возраженіяхъ и
Аракчеева; интересна одна подробность—это то, что Арак
преслѣдуя Буксгевдена, прибѣгалъ даже къ нѣкоторой п
путемъ газетныхъ объявленій. Письмо графа Буксгевдена
что въ собраніи выражено было желаніе удостовѣриться,
было послано это письмо Аракчееву и не составляетъ ли
ществующіе на него отвѣты (и то, и другое были распростр
спискахъ) — памфлеты того времени. Засѣданіе закончил
секретаря о умноженіи колекцій и изданій Общества: отъ
щенскаго поступилъ экземпляръ его новаго изслѣдованія «
позднія эпохи греческой скульптуры»; отъ Д. Ѳ. Кобеко—эк
въ память 50-тилѣтія министерства государственныхъ иму
тены: интересный рукописный экземпляръ, изъ колекціи
това, теософическаго сочиненія Кунрада, со множествомъ
ковъ отъ руки; прекрасный экземпляръ рукописной «Букв
Въ заключеніе И. В. Помяловскій представилъ собранію
ченное печатаніемъ сравнительное изслѣдованіе свое о «
Освященнаго», вызванное изученіемъ рукописнаго экземпл
принадлежащаго Обществу. Рукопись эта, вмѣстѣ съ грече
наломъ, воспроизведена типографски (а нѣсколько страни
точныхъ снимкахъ) въ упомянутомъ изданіи Общества. С

ствовало съ живѣйшимъ сочувствіемъ новый капитальный трудъ И. В. Помяловскаго и появленіе въ изданіи Общества любителей древней письменности такого изслѣдованія, которое могло бы занять почетное мѣсто въ ряду изданій любого высшаго ученаго учрежденія. Полковникъ генеральнаго штаба Масловскій затронулъ любопытный, важный и мало извѣстный эпизодъ семилѣтней войны—взятія и занятія русскими войсками Берлина въ 1760 г. Мысль о пользѣ взятія налетомъ Берлина явилась послѣ того, какъ австрійскій генералъ Годе, въ 1757 г., занялъ столицу Пруссіи, взялъ съ нея приличную контрибуцію и бросилъ городъ въ однѣ сутки. Полковникъ Масловскій сообщилъ подробно, какъ русскіе заняли Берлинъ подъ носомъ у австрійцевъ, которымъ нѣмцы не хотѣли сдаться на капитуляцію, какія контрибуціи были взысканы и въ какихъ формахъ; приведены были интересныя данныя о личности и дѣяніяхъ русскаго офицера графа Тотлебена, къ которому всѣ относились съ презрѣніемъ, и который въ концѣ-концовъ уличенъ былъ поличнымъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Фридрихомъ, которому онъ передавалъ секретныя свѣдѣнія. Тотлебенъ при удобномъ случаѣ прихватилъ контрибуцію съ евреевъ, о размѣрахъ которой не осталось свѣдѣній.

Археологическое Общество. Въ засѣданіи отдѣленія славянской и русской археологіи Археологическаго Общества Е. К. Рѣдинъ прочиталъ рефератъ «объ Эчміадзинскомъ диптихѣ». Пользуясь фотографическимъ снимкомъ изъ колекціи Н. П. Кондакова и рисункомъ Ѳ. Г. Бернштама, докладчикъ подвергнулъ этотъ памятникъ древняго искуства рѣзьбы на слоновой кости, въ свое время описанный покойнымъ гр. А. С. Уваровымъ, детальному изученію какъ съ стороны стиля, такъ и съ стороны догматическаго значенія разработанныхъ здѣсь сюжетовъ изъ жизни Спасителя и Богоматери, соотвѣтственно чему, сопоставляя памятникъ съ цѣлымъ рядомъ ему подобныхъ, пріурочиваетъ его къ IV—V в. по Р. Х. Въ томъ же засѣданіи А. С. Лаппа-Данилевскій сдѣлалъ сообщеніе «о древностяхъ, найденныхъ въ курганѣ близь Крымской станицы (въ низовьяхъ Кубани, въ 30 верстахъ отъ Анапы). Этотъ богатый кладъ, найденный весной 1888 года Е. Д. Фелицинымъ, былъ представленъ въ засѣданіи на обозрѣніе членовъ Общества. Научной оцѣнкѣ сдѣланнаго открытія докладчикъ предпослалъ сводъ данныхъ о народностяхъ, обитавшихъ въ древности при Азовскомъ морѣ, въ ихъ связи съ сарматами и скиѳами и въ ихъ сношеніяхъ съ греками. Среди этихъ народностей съ особеннымъ вниманіемъ докладчикъ останавливается на синдахъ, обитавшихъ въ IV в. до Р. Х. на Таманскомъ полуостровѣ до нынѣшней Анапы (въ др. Горгиппія), и достигшихъ значительной степени государственнаго развитія, какъ это подтверждается надписями и даже монетами. Раскопанный Е. Д. Фелицинымъ курганъ, въ предѣлахъ именно древней страны синдовъ, скрывалъ подъ собою обширный, сводчатый, выложенный тесаннымъ камнемъ склепъ съ тремя отдѣльными камерами и коридорами. Въ одной изъ этихъ камеръ найденъ скелетъ мужчины, въ другой — скелетъ женщины. На обоихъ костякахъ богатыя золотыя украшенія. Всѣ эти находки интересны во многихъ отношеніяхъ.

Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія Археологическаго Общества, прочтенъ былъ А. В. Позднѣевымъ рефератъ «о древней манчжурской письменности». Путемъ непосредственнаго изученія источниковъ, а именно одной древней манчжурской рукописи о происхожденіи манчжурскихъ письменъ и хранящагося въ парижской національной библіотекѣ глоссарія, составленнаго манчжурскими учеными въ срединѣ прошлаго столѣтія, докладчикъ, устранивъ бывшія доселѣ въ сужденіяхъ европейскихъ оріенталистовъ неясности и сбивчивыя сужденія, точно установилъ тотъ фактъ, что приспособленіе монгольскаго алфавита къ манчжурскому языку было сдѣлано въ 1599 году нашей эры, по почину основателя манчжурской династіи въ Китаѣ, ученымъ Эрдени-Бахчи, а при слѣдующемъ императорѣ той же дина-

стіи, въ 1632 г., манчжурскій алфавитъ былъ окончательн
дами другого ученаго Дахая. Въ томъ же засѣданіи ба
сдѣлалъ сообщеніе «о турецкомъ словѣ «челеби», вызва
въ пониманіи этого слова, обозначающаго званіе въ раз
скихъ памятникахъ. Въ общепринятомъ въ турецкомъ яз
«челеби», близкое по смыслу къ слову «эффенди», выраж
вѣка свѣдущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ благороднаго. Доиск
слова «челеби», баронъ В. Р. Розенъ производитъ его, согл
одного турецкаго изслѣдователя, но давая ей научное об
сидско-арабскаго источника, причемъ можно предполагат
ніе слова относится ко времени распространенія христіа
скихъ племенъ сирійскими миссіонерами-несторіанами, и
первоначальномъ своемъ сирійскомъ корнѣ «цлиба» (к
проповѣдниковъ креста, бывшихъ среди тюркскихъ плем
дителями просвѣщенія. Съ забвеніемъ христіанства за сл
осталось значеніе человѣка образованнаго, что и дало по
нія слова «челеби» въ вышеуказанномъ современномъ ег

Къ исторіи Печенгскаго монастыря. 25-го минувшаго дек
ровно триста лѣтъ со дня разгрома шведами Печенгскаг
ваннаго преподобнымъ Трифономъ въ далекой Лапландіи
разгрома шведы умертвили всю монастырскую братію
цевъ, не различая ни возраста, ни пола. Братія возобнов
щее время Печенгскаго монастыря, въ первый день Ро
торжественно чтила память иноковъ, убіенныхъ трист
этотъ день надъ общей могилой убіенныхъ была соверше
веннаго храма и училища, сооружаемыхъ братіею въ
избавленія ихъ Императорскихъ Величествъ и ихъ А
отъ опасности, угрожавшей 17-го октября 1888 года. Н
нившагося трехсотлѣтія со дня разворенія Печенгскаго
вежскомъ государственномъ архивѣ былъ найденъ интере
документъ, относящійся до этого событія. Копія съ этог
передана помощникомъ начальника архива, H. S. Huit
консулу въ сѣверной Норвегіи, Д. Н. Островскому. Доку
ставляетъ собою донесеніе вардэскаго губернатора Jorge
въ Копенгагенъ бывшему коменданту замка, дворянину
чаетъ списокъ жертвъ, убитыхъ во время шведскаго ра
написано на старомъ норвежскомъ языкѣ и возвращено
стіанію при общей передачѣ дѣлъ датскаго секретнаго а
скій государственный архивъ въ 1851 году. Въ началѣ
ваны 17 убитыхъ шведами лопарскихъ мужчинъ, жен
бавлено, что въ Волковой губѣ были убиты еще 10 же
Затѣмъ записаны имена еще 10 убитыхъ лопарей, пла
скому королю и русскому великому князю. На 4-й стра
мѣщенъ списокъ братіи Печенгскаго монастыря, убит
спискѣ убитыхъ первымъ значится игуменъ Гурій и три
ter): Пахомій (Packum), Іосифъ (Iosef) и Іона (Iono). Кр
имена 38-ми убитыхъ монаховъ и 51-го монастырских
мольцевъ и имена двухъ женщинъ Афимьи и Акулины,
стырскомъ скотномъ дворѣ. Донесеніе заканчивается
шведы сожгли вмѣстѣ съ монастыремъ. Сожгли они так
церковь, большую часть имущества, скотный дворъ и
также поселокъ подъ названіемъ Викидъ (Wickitt), гдѣ
гавань, всѣ карбасы и лодки, а находившіяся въ гавани
части». И такъ, отъ монастыря не осталось ни одного ст
стоявшей не вдалекѣ, да двухъ землянокъ, находившихс
кихъ островахъ, куда шведы не могли проникнуть.

Пятидесятилѣтіе научной дѣятельности И. А. Гюббенета. Въ январѣ исполнилось 50 лѣтъ службы помощника директора государственнаго и петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, И. А. Гюббенета, принимавшаго дѣятельное участіе въ классификаціи и описаніи государственнаго архива. И. А. Гюббенетъ издалъ «Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона», по архивнымъ документамъ (въ двухъ томахъ). Эта книга была удостоена лестныхъ отзывовъ печати и увѣнчана Академіей Наукъ преміей гр. Уварова. И. А. Гюббенетъ много трудился при введеніи новой системы храненія дѣлъ государственнаго архива. Въ массѣ бумагъ, подмоченныхъ наводненіемъ 7-го ноября 1824 г., онъ открылъ обширную переписку по разнымъ учрежденіямъ, завѣдывавшимъ въ эпоху Петра I внутреннимъ хозяйствомъ и финансами Россіи; равнымъ образомъ онъ же открылъ въ другой колекціи подмоченныхъ бумагъ много историческихъ документовъ, прежде неизвѣстныхъ. Его усердіемъ возстановлены цѣлыя массы дѣлъ. Въ 1877—1879 гг. онъ исправлялъ должность директора архивовъ. Ученые и вообще лица, занимавшіяся въ этихъ архивахъ, находили въ Гюббенетѣ всегда полную готовность содѣйствовать ихъ трудамъ, и своими указаніями и объясненіями по пріисканіямъ требуемыхъ матеріаловъ, г. Гюббенетъ оставилъ добрую о себѣ память.

† 17-го ноября 1890 г., отъ паралича сердца заслуженный профессоръ Михайловской артилерійской академіи, генералъ-маіоръ **Левъ Львовичъ Кирпичевъ.** Дворянинъ Псковской губерніи, онъ родился въ 1840 г., воспитывался въ Полоцкомъ и Константиновскомъ кадетскихъ корпусахъ. Службу началъ въ 1858 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскомъ полку. Какъ лучшій ученикъ былъ прикомандированъ къ Михайловской артилерійской академіи, гдѣ пробылъ три года, отличаясь успѣхами въ наукахъ. Ему предложили занять должность репетитора по артилеріи и Кирпичевъ, съ тѣхъ поръ, почти 30 лѣтъ, посвятилъ свои труды Михайловской академіи. Въ званіи профессора утвержденъ въ 1882 г., и вскорѣ уволился отъ должности инспектора классовъ, посвятивъ все свое время на чтеніе лекцій по артилеріи, балистикѣ и механикѣ; по 1889 годъ онъ, кромѣ чтенія лекцій, состоялъ постояннымъ членомъ артилерійскаго комитета. Званіе заслуженнаго профессора Кирпичевъ получилъ въ августѣ 1890 года. Одновременно съ чтеніемъ лекцій въ Михайловской академіи послѣдніе три года онъ преподавалъ артилерію въ академіи генеральнаго штаба. Л. Л. былъ однимъ изъ любимыхъ профессоровъ какъ офицерами, обучающимися въ академіи, такъ и юнкерами. Своими лекціями покойный умѣлъ заинтересовать слушателей. Механику и артилерію онъ почти никогда не читалъ по запискамъ. Лекціи его заключались въ живомъ разсказѣ и разъясненіи данныхъ механики и артилеріи. Кирпичевъ въ 1870 г. составилъ курсъ «Общія начала механики», удостоенный Михайловской преміи въ 500 руб. Этотъ курсъ недавно выпущенъ вторымъ изданіемъ и послужилъ образцовою работою для авторовъ многихъ курсовъ механики. Вторая его книга «Объ артилерійскихъ орудіяхъ», составленная въ 1873 г. совмѣстно съ полковникомъ Шкларевичемъ, также признана достойной Михайловской преміи. Кромѣ этихъ книгъ, покойный издалъ курсъ: «Общія начала балистики». Какъ лицу, основательно знающему артилерію, Л. Л—чу неоднократно поручалось разсмотрѣть сочиненія, представляемыя на соисканіе Михайловской преміи; за составленіе основательныхъ рецензій по разбору этихъ сочиненій покойный получилъ въ разное время три золотыя медали. Завѣтной мечтой Л. Л—ча было составить обстоятельный курсъ началъ артилеріи, но неожиданная смерть помѣшала осуществиться его мечтѣ. Какъ человѣкъ Л. Л. отличался твердымъ, неуступчивымъ и открытымъ характеромъ. Онъ за свою честность и прямоту заслужилъ уваженіе товарищей и сослуживцевъ.

† Бывшій профессоръ Московскаго университета по
Александръ Николаевичъ Драшусовъ, 2-го декабря 1890 г. Онъ
1816 г. въ Москвѣ, въ 1831 г. поступилъ на физико-мате
тетъ Московскаго университета, по окончаніи курса пол
дидата и награжденъ золотою медалью за сочиненіе на за
литическое изложеніе системы Коперника». Недолго пр
данской службѣ, былъ прикомандированъ къ московской
тѣмъ отправленъ за границу на счетъ университета; онъ п
два года слишкомъ, занимаясь астрономіей и физикой
Миланѣ, Женевѣ, Геттингенѣ, Берлинѣ, Кенигсбергѣ, у
ныхъ наблюденіяхъ профессоровъ Штейнгеля, Вебера
отчеты въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщ
въ заграничныхъ изданіяхъ. Въ 1840 г., возвратясь въ Р
лился въ Московскій университетъ адъюнктомъ, соста
устройства обсерваторіи въ болѣе обширныхъ размѣрах
всѣми работами, заказывалъ художникамъ снаряды. Лѣт
совъ, по приглашенію Русск. Географ. Общества, дѣла
поѣздки во Владимірскую губ., для опредѣленія широты
городовъ и результаты изысканій помѣстилъ въ своей
таціи «Объ опредѣленіи географическихъ положеній п
трубы и хронометра», которую защищалъ въ университ
въ 1850 г. Въ разное время Драшусовъ помѣстилъ ми
содержанія въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ.
по разнымъ общественнымъ вопросамъ, между прочимъ,
скресныхъ школахъ въ Москвѣ. Въ 60-хъ годахъ онъ вь
и затѣмъ состоялъ членомъ губернскаго присутствія въ Р
чими трудами ему принадлежитъ переводъ книги Дж.
астрономіи», изданной въ двухъ объемистыхъ томахъ.

† 13-го декабря 1890 г., въ Москвѣ оріенталистъ Ник
Его сочиненія на французскомъ языкѣ касательно ист
зуются всеобщею извѣстностью. Списокъ его трудовъ зан
ницы. Имъ переведены на русскій языкъ главнѣйшіе а
Русскимъ языкомъ владѣлъ онъ превосходно, такъ что (в
покойнаго Хомякова) избранъ былъ единогласно члено
телей россійской словесности при Московскомъ универс
былъ уроженецъ Джульфы, подъ Испаганью. Родители
послали его учиться въ Калькуту, тамъ случайно попал
ная по-русски и по-французски программа преподавані
Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Эта прог
шире тѣхъ, по которымъ учили въ калькутскихъ учебн
даровитый мальчикъ захотѣлъ непремѣнно учиться въ Р
когда посѣтилъ при Екатеринѣ одинъ изъ его дядей, ос
пребываніи въ Россіи цѣлую книгу на англійскомъ язык
препятствій, около 1835 г., молодому Эмину, на шведск
добраться до Петербурга, и онъ поступилъ въ Лазарев
затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, в
при графѣ Строгоновѣ, въ товариществѣ К. Аксакова, Ѳ.
Попова, Каткова и Ю. Ѳ. Самарина. Кончина жены (доч
мейстера Шульгина) разлучила Эмина съ обществомъ; о
ученымъ занятіямъ и не покидалъ ихъ до глубокой ст
время былъ онъ директоромъ московской пятой гимназі
въ Лазаревскомъ институтѣ. Будучи собственно спеціалис
онъ отличался многостороннимъ образованіемъ. Ученики
жать его. Изъ трудовъ Эмина, имѣющихъ общее значені
реведенное имъ съ армянской древней рукописи «Ска

дняхъ жизни Іоанна Богослова»: это какъ бы продолженіе соборныхъ посланій апостола.

† 29-е декабря 1890 г., инспекторъ классовъ петербугскаго Екатерининскаго института **Александръ Александровичъ Антоновъ**. Онъ кончилъ курсъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ въ 1847 г. и, по выдержаніи затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ экзамена на учителя русскаго языка, поступилъ преподавателемъ этого предмета въ гатчинское уѣздное училище, имѣя всего 18 лѣтъ, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе 43 лѣтъ, не покидалъ педагогической дѣятельности. Въ мартѣ 1865 г. былъ назначенъ инспекторомъ классовъ въ Екатерининскій институтъ, въ которомъ и пробылъ по день смерти. Начальство всегда цѣнило въ покойномъ добросовѣстное исполненіе имъ своихъ обязанностей, а воспитанницы любили его за предупредительное и нелицепріятное къ нимъ отношеніе. Въ 60-хъ годахъ покойный издалъ свой «Учебникъ русской грамматики», принятый въ институтахъ еще до сихъ поръ, а въ мужскихъ гимназіяхъ замѣненный только недавно другими руководствами.

† Въ Монтре, 1-го января, послѣ тяжкой болѣзни, бывшій членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, **Викторъ Яковлевичъ Фуксъ**. Покойный родился въ 1829 г. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандитата юридическихъ наукъ (въ 1852 г.) В. Я. началъ служебную дѣятельность въ канцеляріи костромского губернатора и вскорѣ былъ переведенъ въ канцелярію московскаго губернатора. Здѣсь ему давались секретныя порученія по разслѣдованію раскола (главнымъ образомъ старопоморской секты) и по преслѣдованію за противозаконныя дѣйствія лженастоятелей, поповъ и схимниковъ. Особой благодарности Фуксъ удостоился за открытіе тайной молельни въ селѣ Орловѣ, Московскаго уѣзда. Въ 1855 г. В. Я. былъ переведенъ на службу въ департаментъ сельскаго хозяйства, а затѣмъ назначенъ переводчикомъ въ ученый комитетъ того же министерства. Съ назначеніемъ графа П. А. Валуева министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ сдѣлался въ 1861 году чиновникомъ особыхъ порученій и принялъ дѣятельное участіе въ пересмотрѣ цензурнаго устава, въ подготовленіи соображеній о преобразованіи цензуры и въ составленіи проекта новаго устава по дѣламъ книгопечатанія. Занимаясь разработкою цензурнаго устава, В. Я. написалъ особую записку о цензурѣ, понравившуюся министру и напечатанную въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ. Кромѣ того, онъ помѣстилъ въ газетѣ «Наше Время» статью по поводу проектировавшихся законовъ о книгопечатаніи. Эта статья вызвала горячій отвѣтъ И. С. Аксакова («День» № 34 за 1862 г.) и поощреніе со стороны Валуева, придерживавшагося того мнѣнія, что «цензура не судъ, а администрація, и слѣдовательно нисколько не обязана стѣсняться теоріей формальныхъ доказательствъ». Въ 1863 г. Фуксъ былъ членомъ комиссіи, организованной подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго для пересмотра проекта устава по дѣламъ книгопечатанія, и въ томъ же году завѣдующимъ дѣлопроизводствомъ по дѣламъ книгопечатанія. Участвуя въ комиссіи, В. Я. упорно настаивалъ, не смотря на противодѣйствіе трехъ членовъ этой комиссіи, на томъ, что административная власть должна налагать взысканія по дѣламъ печати безъ суда. Суровое постановленіе этой комиссіи — послѣ двухъ предвареній немедленное прекращеніе изданія, не было признано государственнымъ совѣтомъ цѣлесообразнымъ. Въ 1865 г. В. Я. Фуксъ назначенъ членомъ совѣта Главнаго управленія по дѣламъ печати. При министрѣ А. Е. Тимашевѣ покойный сдѣлался сильнымъ человѣкомъ въ управленіи по дѣламъ печати, однимъ изъ главныхъ пособниковъ М. Н. Лонгинова. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, В. Я. былъ занятъ разработкою основаній по устройству цензурной части въ царствѣ Польскомъ. Въ 1871 г. былъ предсѣдателемъ вновь организованнаго въ Варшавѣ цензурнаго комитета. Варшавскій комитетъ вызвалъ неудовольствіе мѣстныхъ властей и намѣстникъ царства

Польскаго старался подчинить его своему вѣдѣнію. В. Я.
непосредственную зависимость комитета отъ министра
и имѣлъ успѣхъ въ этомъ. Онъ занималъ еще должност
ства о тюрьмахъ и главнаго наблюдателя за правильн
и расходованіемъ суммъ редакціи «Правительственнаго В
В. Я. Фуксъ удалился отъ дѣлъ и жилъ за границею.
сколько статей по вопросамъ о цензурѣ и печати. Въ к
годовъ появилось его крупное сочиненіе отдѣльною о
«Судъ и полиція».

† Въ ночь на 2-е января на 63 году одинъ изъ видн
телей по экономическимъ вопросамъ, **Семенъ Яковлевичъ К**
чилъ образованіе въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ в
курсъ со степенью кандидата, написавъ дисертацію о ф
нія. Первыя 8 лѣтъ С. Я. служилъ въ Западной Сибир
комъ при генералъ-губернаторѣ, онъ старался изучить к
сти быть крестьянъ. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Петербург
шихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, получилъ назн
Польское комисаромъ по крестьянскимъ дѣламъ, гдѣ пр
строенное здоровье заставило Капустина вернуться въ П
удалось поступить редакторомъ внутренняго отдѣла «
Вѣстника». Здѣсь онъ получилъ возможность знакомит
ваніи собственныхъ наблюденій и долговременнаго изу
современнымъ положеніемъ крестьянскаго общиннаго бы
сторонами крестьянскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, тр
исключеніемъ небольшихъ брошюръ, не издавались отд
скахъ были извѣстны всѣмъ интересующимся крестьянс
былъ, между прочимъ, иниціаторомъ предпринятаго въ
двумя учеными обществами изслѣдованія русской сельск
изъ котораго были изложены имъ въ особой брошюрѣ.
ходѣ въ отставку, Капустинъ не переставалъ, не смот
состояніе, помѣщать въ періодическихъ изданіяхъ труд
ственной экономической науки, которой была посвящен
его публицистическая дѣятельность. Послѣдняя статья
Мысли» 1890 г. № 10—посвящена была вопросамъ, вытек
дованія г. Сазоновымъ положенія пантелѣевскихъ крест

† 18-го января отъ крупознаго воспаленія легкихъ,
дѣятелей журнальной литературы за послѣднее 30 тилѣті
«Современника» и «Отечественныхъ Записокъ», **Григорій**
почти 70-ти лѣтъ отъ роду. Уроженецъ Сибири, онъ слу
сковской духовной академіи, а затѣмъ состоялъ нѣсколько
Казанской академіи, вращаясь въ кружкѣ тогдашнихъ мо
выхъ академическихъ профессоровъ. Ученикомъ Елисеев
писатель Щаповъ. По поводу недавней кончины проф.
помѣстилъ въ январьской книгѣ «Вѣстника Европы»,
объ этой эпохѣ подъ заглавіемъ «Изъ далекаго прошлаг
На поприще свѣтской журнальной литературы Елисее
1858 г. въ «Современникѣ» статьей о Сибири, подписан
Грыцько: затѣмъ въ «Современникѣ» еще были его
псевдонимомъ: въ 1860 г. «Уголовные преступники» и «Ис
(по поводу исторіи Соловьева); а въ 1865 и 1866 — «Очер
литературы». Въ 1860 г. были его двѣ статьи о «Русской
хивѣ» Калачова. Въ 1862 г. Елисеевъ редактировалъ ж
въ 1863 г. газету «Очерки». Вступивъ, по приглашенію
составъ «Современника», Гр. З. составлялъ тамъ также
ніе. Съ переходомъ «Отечественныхъ Записокъ» въ 1868

сова, журнальная дѣятельность Елисеева значительно расширилась: вмѣстѣ съ Некрасовымъ и Салтыковымъ онъ стоялъ въ главѣ редакціи этого журнала, и по внутреннимъ вопросамъ давалъ журналу тонъ и направленіе, выбиралъ сотрудниковъ. Съ 1878 г., по смерти Некрасова, труды Гр. З., въ этомъ отношеніи, раздѣлялъ Н. К. Михайловскій. Съ 1881 г. до прекращенія журнала, Елисеевъ, по болѣзни, жилъ за границей, не забывая однако и литературы. За эти 14 лѣтъ имъ помѣщена въ «Отечественныхъ Запискахъ» масса статей историко-критическихъ, экономическихъ, политическихъ, большею частью безъ подписи. Полной фамиліей подписаны были только 3 статьи въ 1868 г.: «О крестьянскомъ вопросѣ», «О производительныхъ силахъ Россіи» и «О Наказѣ императрицы Екатерины II» и въ 1874 г., съ подписью «Грыцько», большая статья о крестьянской реформѣ. Изъ неподписанныхъ статей можно указать на отдѣлы—внутренняго обозрѣнія (съ 1875 по 1881 гг.) и политики, составлявшейся Гр. З., сверхъ отдѣльныхъ политическихъ работъ, вызывавшихся временемъ, какъ напримѣръ, въ 1871 г. «Бесѣды о прусско-французской войнѣ», а въ 1873 г, иностранная хроника. Положеніемъ крестьянъ Елисеевъ особенно интересовался и, сверхъ перечисленныхъ трудовъ, посвятилъ ему много статей, какъ, напримѣръ,. «Когда благоденствовалъ русскій мужикъ и когда начались его бѣдствія», написанную по поводу книгъ гг. Сергѣевича и Аристова. Но, кромѣ того, никакой общественной злобѣ дня Елисеевъ не оставался чуждымъ: такъ, ему принадлежать, напримѣръ, статьи: «О направленіи въ литературѣ» («Отечественныя Записки»), «Объ исторической драмѣ» (въ «Невскомъ Сборникѣ», 1876 г.), «О налогѣ на заграничные паспорты», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Плутократическія основы» и «Храмъ современнаго счастія или проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1872 года и проч. Перечислить всѣ статьи Елисеева крайне трудно по причинѣ ихъ анонимности. Онъ оставилъ—и это едва ли не единственный примѣръ въ исторіи нашей литературы—весь капиталъ, нажитый своимъ трудомъ, литературному фонду.

† Въ Стокгольмѣ 29-го января **Софья Васильевна Ковалевская**, профессоръ математики въ Стокгольмскомъ университетѣ въ теченіе шести лѣтъ. Урожденная Корвинъ-Круковская, она вышла замужъ за покойнаго Вл. Онуф. Ковалевскаго, издателя «Жизни животныхъ Брэма» и многихъ другихъ сочиненій, потомъ доцента по каѳедрѣ геологіи въ Московскомъ университетѣ. Въ 1876 г. она принимала участіе въ «Новомъ Времени», какъ театральный рецензентъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Какъ профессоръ математики, она отличалась большими математическими дарованіями, излагая свой предметъ съ такимъ талантомъ и знаніемъ, что пользовалась большимъ уваженіемъ и любовью студентовъ. Въ прошломъ году появились ея воспоминанія въ «Вѣстникѣ Европы», очень интересныя: тамъ она касалась только своего дѣтства и отрочества и говорила о своей сестрѣ, которая владѣла литературнымъ талантомъ и которую цѣнилъ Достоевскій, помѣстившій двѣ ея повѣсти. Она вышла за француза и тоже умерла. Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» явилась недавно статья С. В. о шведскихъ школахъ; кромѣ того, въ Стокгольмѣ напечатанъ сборникъ ея разсказовъ изъ русской жизни, переведенный по-шведски съ рукописи. Всѣ эти работы доказываютъ, что, помимо выдающихся математическихъ способностей, С. В. обладала и литературнымъ талантомъ. Родилась она въ Москвѣ 3-го января 1850 г.; съ 1868 по 1871 г. занималась въ Гейдельбергѣ, гдѣ слушала лекціи физики и математики. Въ Берлинѣ С. В—ну не допустили къ слушанію лекцій и она занималась частнымъ образомъ у проф. Вейерштрасса. У нея осталась дочь 12 лѣтъ безъ всякихъ средствъ къ воспитанію. Будемъ надѣяться, что дочь этой замѣчательной женщины, которая съ такою честью носила русское имя за границей, найдетъ покровителей и покровительницъ среди рус-

скаго общества. Если кто стоитъ попеченія, то именно эт
такъ внезапно лишившаяся матери и притомъ на чужбин

† 29-го января одинъ изъ извѣстныхъ педагоговъ **Вл**
Эвальдъ. Онъ родился 15-го февраля 1823 г.; по окончаніи
бургскомъ университетѣ въ 1845 г. назначенъ старшимъ
петербургскую гимназію, а вслѣдъ затѣмъ началась его д
разнообразная педагогическая дѣятельность. Онъ читалъ
номъ корпусѣ, въ главномъ Инженерномъ училищѣ, въ
пусѣ и Патріотическомъ институтѣ. Въ 1860 г. былъ инсп
назіи и въ то же время преподавалъ исторію нынѣ цар
дарю и великому князю Владиміру Александровичу. В
былъ директоромъ 7-й гимназіи, впослѣдствіи преобразова
училище, до этого преобразованія былъ командированъ за
манію, Австрію и Бельгію для ознакомленія съ устройст
ныхъ училищъ. Въ 1885 г. праздновался сорокалѣтній ю
ской дѣятельности покойнаго. Многочисленные ученики I
вича несомнѣнно не забыли своего учителя. Въ суро
40-хъ годовъ онъ никогда не прибѣгалъ къ крутымъ мѣр
нированія своихъ слушателей, и всѣ взысканія не пер
класса, въ которомъ онъ преподавалъ. Лекціи его был
тельны; мастерскимъ изложеніемъ предмета онъ прик
слушателей. Вл. Ѳед. вложилъ всю свою жизнь въ дѣло
лищъ и горячо отстаивалъ ихъ существованіе до послѣдн
жалѣнію, продолжительная и тяжкая болѣзнь послѣднихъ
Вл. Ѳед. закончить начатый имъ трудъ очерка образов
дѣятельности.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Церковь Николы на Липнѣ близь Новг

(Къ вопросу о сохраненіи древнихъ историческихъ п

Всякій историческій памятникъ есть результатъ извѣ
человѣка, показатель его интересовъ, стремленій, его ку
онъ заслуживаетъ вниманія потомства, которое старает
речь его, а также изучить. Сохраненіемъ и сбереженіемъ
мятника потомство показываетъ любовь къ своему прошл
ченіемъ же его оно показываетъ, что стремится къ сове
знательному отношенію къ своей средѣ, къ обстановкѣ.

Среди русскихъ городовъ, заключающихъ въ себѣ т
памятники, Новгородъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣст
ство его историческихъ памятниковъ заключается въ
гіозныхъ, т. е. такихъ, которые служатъ показателями
мленій нашихъ предковъ. Они сосредоточиваются попре
церкви, дома Божьяго, куда наши предки приходили вознос
приходили поучаться и приносили въ даръ отъ своихъ
шенія храма, его святыни, предметы, созданные руками лу
призванныхъ изъ чужой земли, или родного города. П
мятники искусства: украшенія храма живописью, икон
этимъ памятникамъ, повторяемъ, мы можемъ знаком

ными стремленіями нашихъ предковъ, ихъ вѣрованіями и надеждами, съ состояніемъ ихъ искусства, вліяніемъ на него тѣхъ или иныхъ литературныхъ памятниковъ, съ вліяніемъ на него искусства того или иного народа съ которымъ нашимъ предкамъ приходилось имѣть дѣло въ силу сношеній, или преемства культуры и дальнѣйшаго ея развитія собственными силами.

Но дорожимъ ли мы историческими памятниками соотвѣтственно такому значенію ихъ, оказываемъ ли имъ должное вниманіе — сберегаемъ, сохраняемъ, изучаемъ ихъ?

Говоря только о памятникахъ Новгорода, мы, къ сожалѣнію, должны сказать, что такого вниманія къ нимъ не замѣчаемъ. Въ поѣздку нашу въ Новгородъ лѣтомъ прошлаго года намъ пришлось увидѣть массу такихъ явленій, которыя ясно показываютъ, что мы слишкомъ мало дорожимъ своими историческими памятниками и при томъ такими, которые могутъ внести вкладъ въ исторію культуры нашей родины. Такъ, многіе изъ памятниковъ, бывшихъ прежде извѣстными, теперь или уже совершенно исчезли, или находятся въ такомъ состояніи, что потеряли свою цѣнность и значеніе.

Изъ массы этихъ печальныхъ явленій, прекрасно характеризующихъ наше отношеніе къ историческимъ памятникамъ, избираемъ два—состояніе, въ которомъ въ настоящее время находятся церковь Николы на Липнѣ и церковь Преображенія въ селѣ Ковалевѣ.

Церковь Николы на Липнѣ принадлежитъ XIII вѣку; она была воздвигнута въ 1292 году въ нынѣ упраздненномъ Липенскомъ монастырѣ [1]). Благодаря ученому изслѣдованію г. Филимонова, явившемуся въ 1859 г. и посвященному росписи этого храма [2]), послѣдній пріобрѣлъ особенную извѣстность въ археологической литературѣ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ храмѣ, помимо росписи всего храма, столбы тріумфальной арки, къ которымъ приставляется иконостасъ, по разборкѣ послѣдняго, оказались также расписанными живописью и такимъ образомъ они давали матеріалъ для рѣшенія вопроса о первоначальныхъ иконостасахъ въ русскихъ церквахъ. Вопросъ этотъ имѣетъ большое практическое значеніе для архитекторовъ—при построеніи новыхъ храмовъ по образцу древнихъ, или при реставраціи послѣднихъ. Отсюда понятна, повторяю, извѣстность этого храма. Естественно, что при такомъ значеніи его, при такомъ интересѣ для цѣлей науки и практики, можно было бы ожидать должнаго вниманія къ нему—охраны, сбереженія его, поддержки его живописи, изданія послѣдней въ рисункахъ и т. п. Что же оказывается? Церковь во время изученія ея Филимоновымъ находилась въ самомъ жалкомъ положеніи — «снятыя двери и разбитыя окна, говоритъ изслѣдователь, отдаютъ ее въ полный произволъ непогодѣ... Свободно побивающій дождь и сильная сырость смыли большую часть драгоцѣнныхъ фресковъ; стѣны во многихъ мѣстахъ дали значительныя трещины, наконецъ обрушилась цѣлая часть пола въ юго-западномъ углу верхней церкви» [3]). Въ такомъ же положеніи находилась церковь при посѣщеніи ея въ 1865 году членами Общества древне-русскаго искусства: «церковь оставлена совершенно на произволъ судьбы...», пишутъ они въ своей запискѣ по поводу посѣщенія Великаго Новгорода [4]), отмѣчая также

---

[1]) Новг. I лѣт. и Новг. III подъ 6800 г. Арх. Макарій. Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Москва. 1838. I, стр. 523.

[2]) Археологическія изслѣдованія по памятникамъ. Церковь св. Николая Чудотворца на Липнѣ близъ Новгорода. Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ. Москва. 1859.

[3]) Указ. соч., стр. 7.

[4]) Сборникъ на 1860 годъ, изданный Обществомъ Древне-Русскаго Искусства. Смѣсь, стр. 121.

сѣда съ Апостолами[1]). Что касается дальнѣйшаго изображенія, описаннаго Филимоновымъ такимъ образомъ[2]): между двумя окнами, сѣверными и южнымъ простѣнками, помѣщены по два архангела съ серафимами вверху; отъ самыхъ же простѣнковъ, образуемыхъ тутъ малыми арками къ Знаменію, приближается рядъ Апостоловъ, выше ихъ рядъ святыхъ, то это ничто иное, какъ Вознесеніе, композиція котораго разбита, сообразно пространству, на три части: въ центрѣ, вверху вознесшійся Христосъ, внизу Богоматерь, какъ Оранта (а не Знаменіе), окруженная двумя ангелами, а по двумъ боковымъ сторонамъ—по шести, присутствовавшихъ при вознесеніи, Апостоловъ. Роспись алтарной абсиды теперь, за исключеніемъ Преображенія, вся написана заново; по Филимонову, здѣсь еще были изображены, за большой надпрестольной аркой—Сошествіе св. Духа и Знаменіе.

Надъ дверьми, ведущими изъ алтаря въ жертвенникъ—Введеніе во храмъ просв. Богородицы, а изъ алтаря въ жертвенникъ—Срѣтеніе[3]).

Единственно не поновленными фрески остались въ жертвенникѣ и діаконикѣ, но онѣ сильно попорчены отъ времени и за темнотою въ этихъ мѣстахъ почти совсѣмъ не могутъ быть разсмотрѣны.

Въ жертвенникѣ на восточной стѣнѣ изображена, кажется, Божія Матерь, въ видѣ Оранты, во весь ростъ; на сѣверной стѣнѣ—святой, обратившійся въ сторону Богоматери. На южной—также обратившаяся въ сторону Богоматери—женская фигура. По сторонамъ двери въ аркѣ—два святителя, одинъ ХАРИТО (Харитонъ), а другой, вѣроятно, Страторъ; оба даны погрудь. Въ діаконикѣ—на восточной стѣнѣ Христосъ (или Іоаннъ Предтеча), направо Богоматерь, а налѣво—святой.

Столбы тріумфальной арки, на которыхъ было изображено Благовѣщеніе, теперь прикрыты высоко поднимающимся вверхъ иконостасомъ.

Такимъ образомъ отъ того, что̀ видѣлъ въ свое время Филимоновъ и что̀ дало ему богатый матеріалъ для ученаго изслѣдованія—мы въ настоящее время уже ничего не имѣемъ: наше невниманіе къ своимъ памятникамъ оказывается для нихъ вреднѣе невзгодъ времени.

Церковь во имя Преображенія въ селѣ Ковалевѣ, близъ Новгорода, воздвигнута въ 1345 году[4]); въ 1380 г. какъ свидѣтельствуетъ надпись, сдѣланная надъ входными дверями внутри церкви, она была росписана[5]). Вся эта роспись храма сохранилась до настоящаго времени, только она, заисключеніемъ нѣсколькихъ изображеній, почти вся покрыта известью; во многихъ мѣстахъ изображенія почти просвѣчиваютъ чрезъ известь, такъ что стоитъ только удалить небольшой слой извести и вся живопись возстанетъ предъ нами въ своемъ въ настоящемъ видѣ. Удивительно, что со времени архим. Макарія, описавшаго тѣ изображенія, которыя были видны, и указавшаго, что вся живопись храма цѣла, но скрывается подъ известью, ни одно изъ учрежденій, прикосновенныхъ къ наукѣ археологіи, не заинте-

---

[1]) Двѣ послѣднія сцены не отмѣчены Филимоновымъ и, кажется, не поняты реставраторомъ. Введенія Богородицы во Храмъ, отмѣченной здѣсь Филимоновымъ, мы не замѣтили; сцена эта находится надъ дверьми, ведущими изъ алтаря къ жертвеннику, какъ и указано вторично изслѣдователемъ.

[2]) Указ. соч., стр. 13.

[3]) По Филимонову тутъ еще было и Крещеніе Христово.

[4]) Новгор. II и и IV лѣт. подъ 6853 г. арх. Макарій, указ. соч., II, 578.

[5]) Вотъ эта надпись: + въ лѣто 6888 (ЗѠПИ) потьписанъ храмъ г҃а б҃а спаса нашего і҃са х҃а а при кнѧзи великомъ Дмитріи Ивановичѣ и при преосвященномъ архіепископѣ Василѣ повелѣніемъ раба Божія Аѳанасья Степановича и подружи его.

ресовалось судьбой живописи, не подъискало средствъ, ч
на свѣтъ и внести новую лепту въ небогатую еще издани
исторію древне-русскаго искусства. Сельское общество, ко
житъ церковь, само не имѣетъ средствъ произвести рестав
или поздно найдется благодѣтель и живопись или погибнет
мастеровъ, или подъ мазней маляра—подобно живописи В
церкви!..

II.

Къ біографіи Шлимана.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» в
манъ и его археологическая дѣятельность» встрѣчаются н
ности, касающіяся біографіи моего отца, которыя считаю
исправить:

1) Отецъ мой получилъ американское гражданство не
войны, а еще въ 1850 году, до открытія торговаго дома
какъ это и обозначено въ его книгѣ «Иліосъ». По прибыт
1851 году въ Россію, онъ вступилъ въ русское подданст
послѣ того никогда болѣе не выходилъ формально.

2) Личность, называемая въ означенной статьѣ вто
мана, не можетъ въ дѣйствительности почитаться таковой
моимъ отцемъ совершенъ безъ формальнаго законнаго ра
терью, урожденной Е. Лыжиной, которая жива до сихъ п
по виду, въ которомъ значится женою (неразведенной) по
четнаго гражданина Генриха Шлимана.

3) Въ 1869 году отецъ мой прожилъ въ Индіанополис
мѣсяца. Послѣ выѣзда своего изъ Калифорніи въ 1851 г
подолгу (около одного года напримѣръ) въ Америкѣ не ос

4) Въ 1869 году, у моего отца никакого ни движимаго
имущества въ Петербургѣ не было. Слѣдовательно, ни п
нымъ или другимъ актамъ, таковаго никому передавать с

Сергѣй

Давая мѣсто письму г. Сергѣя Шлимана, мы не мо
Ѳ. И. Булгакову, автору статьи, вызвавшей это письмо, вз
дующихъ его замѣчаній, возстановляющихъ факты изъ бі
таго археолога, оспориваемые его сыномъ отъ первой же
нія г. Булгакова:

Г. Сергѣй Шлиманъ въ своемъ возраженіи обнаруж
знакомство съ автобіографіей своего знаменитаго отца
дѣятельности.

3-й пунктъ его возраженія совершенно долженъ быт
вами самого покойнаго Генриха Шлимана. Въ автобіографі
изданіи «Ilios, ville et pays des Troyens» (Paris, 1885 г.), на
буквально слѣдующее: «certaines circonstances m'obligerent
toute l'année 1869 aux Etats-Unis»... Эти «нѣкоторыя
какъ разъяснено недавно въ письмѣ изъ Индіанополиса
Zeitung», заключались въ хлопотахъ о разводѣ съ его перво
помѣщенное въ нѣмецкой газетѣ, принадлежитъ одному из
дѣлѣ развода. Онъ прибавляетъ, что Шлиманъ, не смотря
обреченъ на бездѣлье въ Индіанополисѣ, терпѣливо выдерж
формальностей по разводу и, получивъ постановленіе мѣс

водѣ, на другой же день поспѣшилъ уѣхать оттуда, чтобъ приступить къ раскопкамъ въ Гисарлыкѣ, что удалось ему сдѣлать, какъ значится и въ автобіографіи, не раньше апрѣля 1870 года.

Г. Сергѣй Шлиманъ утверждаетъ въ 4-мъ пунктѣ своего возраженія, что покойный «не могъ передавать никому» ни движимаго, ни недвижимаго имущества въ Петербургѣ, такъ какъ у него «таковаго не было въ 1869 г.». О томъ, что было ли у него тогда имущество въ Петербургѣ или не было, въ моей статьѣ не упомянуто ни единымъ словомъ. Въ ней приведено лишь постановленіе суда въ Индіанополисѣ.

Но дѣло не въ этомъ. Гораздо важнѣе заявленіе г. С. Шлимана въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ его возраженія. Онъ увѣряетъ, что покойный съ 1851 г. переcталъ быть американскимъ гражданиномъ. Но почему же на его сочиненіяхъ—«Итака, Пелопоннесъ и Троя» (1869 г.) и «Микены» (1878 г.)—ясно значится: «Bürger der Vereinigten Staaten?»

Наконецъ, 2-й пунктъ письма г. Сергѣя Шлимана, косвенно обличающій покойнаго въ двоеженствѣ, долженъ быть рѣшительно опротестованъ не только изъ уваженія къ памяти замѣчательнаго человѣка, но и во вниманіе къ дѣйствительнымъ фактамъ. Г-жа Софья Шлиманъ, портретъ которой напечатанъ въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», какъ второй жены покойнаго и оказавшей услуги археологіи своимъ содѣйствіемъ мужу въ его раскопкахъ и даже собственными открытіями (ея именемъ названы раскопанныя ею могилы въ Микенахъ, открытыя противъ «Львиныхъ воротъ»), «въ дѣйствительности почитается» и въ теченіе 20 лѣтъ почиталась его законной женой не только всѣми учеными, знавшими и цѣнившими послѣдняго и г-жу Софью Шлиманъ, но и правительствомъ Германіи, которое отъ лица императора Вильгельма II выразило ей, какъ женѣ своего знаменитаго соотечественника, соболѣзнованіе о кончинѣ его. Почти надняхъ въ берлинскихъ газетахъ было напечатано письмо вдовы Генриха Шлимана, Софьи Шлиманъ, германскому министру народнаго просвѣщенія Гослеру съ заявленіемъ благодарности за живѣйшее участіе германскаго императора и правительства къ ея горю. Незаконная жена едва ли удостоилась бы такихъ манифестацій и едва ли рискнула бы открыто отвѣчать на нихъ.

Въ заключеніе, позволяю себѣ обратить вниманіе еще и на составленное 10-го января 1889 г. завѣщаніе д-ра Генриха Шлимана, достаточно ясно свидѣтельствующее какъ о безупречномъ великодушіи и благородствѣ личности покойнаго, такъ и о томъ, что для него легальность его второго брака не подлежала никакому сомнѣнію. Двумъ дѣтямъ отъ перваго брака онъ оставилъ два дома въ Парижѣ и по 50,000 франковъ каждому; сверхъ того, сынъ его получаетъ табачныя плантаціи въ Америкѣ. Первой женѣ, съ которой онъ развелся въ 1869 г., завѣщано сто тысячъ франковъ. Что касается второй жены и двухъ дѣтей ея, то послѣднимъ оставлены два дома въ Парижѣ, доходы отъ его сочиненій и все движимое и недвижимое имущество, за исключеніемъ завѣщанныхъ второй женѣ аѳинскаго дворца со всѣми коллекціями библіотекою и дома въ Берлинѣ. Тотъ изъ наслѣдниковъ, кто вздумаетъ оспоривать завѣщаніе, лишается своей доли.

Ѳ. Булгаковъ.

УСТАВЪ КАССЫ ВЗАИМНОПОМОЩИ ПРИ ОБЩЕСТВ
НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕН

I.

Составъ кассы.

1) Участниками кассы могутъ быть лица обоего пола н
принадлежащія къ ученой и литературной профессіи.

II.

Права и обязанности членовъ кассы.

2) Участники кассы раздѣляются на разряды, сообразн
которые на первое право опредѣляются: въ 1, 3, 5, 10, 15,
3) Каждый участникъ обязанъ, при самомъ вступленіи
избрать одинъ изъ означенныхъ (§ 2) разрядовъ и внести
своему разряду платежъ въ тройномъ размѣрѣ, въ видѣ
для обезпеченія своихъ обязательствъ передъ прочими уч

Примѣчаніе. Вступной взносъ допускается про
въ теченіе перваго года пребыванія въ кассѣ, но с
менѣе одной трети его было внесено при самомъ вст
ея. Въ теченіе перваго же года участники кассы
предварительному о томъ заявленію, освободиться
лежащихъ на нихъ по этому уставу денежныхъ обя
такомъ случаѣ, въ этотъ же періодъ времени, они н
какими правами и выгодами членовъ кассы и срок
въ ея составѣ долженъ исчисляться съ слѣдующаго

4) Сверхъ вступного взноса, каждый участникъ обяз
отвѣтствующіе его разряду платежи въ пользу остальн
кассы, въ случаяхъ, указанныхъ въ § 9.
5) Къ каждому обязательному платежу, производимом
участникъ кассы добавляетъ 10% для составленія пенсіон
6) Члену кассы предоставляется нормировать свои еж
слѣдующимъ образомъ: онъ можетъ вносить ежегодно в
избраннаго имъ разряда по разсчету трехъ платежей на
кассы и сверхъ того, добавочный взносъ въ 10% въ пен
(§ 5). Такіе члены освобождаются отъ всякихъ другихъ в
дѣйствительные платежи остальныхъ членовъ и превысили
7) Нормированные платежи могутъ быть вносимы ил
за каждую треть впередъ или ежемѣсячно равными долям

8) Для взноса указанныхъ въ §§ 4, 5 и 6 платежей назначается двухмѣсячный срокъ.

Для членовъ, не нормировавшихъ своихъ платежей, срокъ этотъ наступаетъ со времени разсылки требованій правленія кассы и соотвѣтственныхъ публикацій въ газетахъ. Невыполненіе сего условія или заявленнаго при нормировкѣ срока платежей влечетъ за собою послѣдствія по § 23.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда будетъ обнаружено, что участникъ кассы не можетъ внести причитающагося съ него платежа по независящимъ отъ него причинамъ, вслѣдствіе какого-нибудь бѣдствія или непредвидѣннаго недостатка въ средствахъ, — правленіе можетъ отсрочить, не далѣе, какъ на полугодіе, примѣненіе къ данному лицу § 23 сего устава, съ начисленіемъ пени 1% въ мѣсяцъ съ отсроченнаго платежа.

9) Члены кассы, выполняющіе всѣ свои обязательства, а равно лица, указанныя въ § 10, имѣютъ право, съ самаго вступленія своего въ кассу, на полученіе причитающейся имъ суммы въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) въ случаѣ смерти

и б) въ случаѣ старческой немощи (маразма), паралича, увѣчья, чахотки въ послѣдней степени и тому подобныхъ болѣзненныхъ состояній, лишающихъ возможности зарабатывать средства къ жизни собственнымъ трудомъ и удостовѣренныхъ порядкомъ, указаннымъ въ § 38.

10) Каждый участникъ заявляетъ правленію кассы о томъ, кому, въ случаѣ его смерти, причитающаяся ему сумма должна быть выдана. Эти заявленія могутъ быть измѣняемы. Въ полученіи такого заявленія правленіе выдаетъ росписку, съ обозначеніемъ въ ней лица, которому будетъ слѣдовать выдача. Если участникъ кассы не сдѣлаетъ требуемаго симъ § заявленія, то, въ случаѣ его смерти, причитающіеся въ его пользу отъ другихъ членовъ взносы отъ нихъ не требуются.

11) Члены кассы, по истеченіи 25 лѣтъ пребыванія въ ней (а если, по средствамъ ея, окажется возможнымъ, то и ранѣе), пріобрѣтаютъ право, на основаніяхъ, какія будутъ опредѣлены впослѣдствіи:

а) на пенсію

и б) на освобожденіе, частичное или полное, отъ дальнѣйшихъ обязательныхъ платежей (§§ 4, 5 и 6).

12) Предъ наступленіемъ каждаго года, участники кассы могутъ измѣнять размѣръ своихъ платежей на предстоящій годъ, посредствомъ перехода изъ одного разряда въ другой. Если участникъ хочетъ перейти въ высшій разрядъ, то онъ долженъ соотвѣтственно увеличить свой вступной взносъ; для перехода же въ низшій разрядъ достаточно одного заявленія правленію кассы, причемъ сдѣланный имъ вступной взносъ остается безъ измѣненія.

13) Причитающаяся къ выдачѣ, на основаніи § 9, сумма составляется изъ обязательныхъ платежей всѣхъ наличныхъ членовъ кассы. Съ участниковъ одинаковыхъ или высшихъ разрядовъ взимаются платежи, соотвѣтствующіе разряду получателя, а съ участниковъ низшихъ разрядовъ — платежи ихъ разрядовъ. Если получатель переходилъ изъ разряда въ разрядъ, то причитающаяся къ выдачѣ ему сумма исчисляется по среднему выводу, опредѣляемому такимъ образомъ:

а) сумма заявленныхъ платежей каждаго изъ тѣхъ разрядовъ, въ которыхъ пребыло данное лицо, дѣлится на число лѣтъ пребыванія сего лица въ кассѣ;

б) сумма всѣхъ дѣйствительно произведенныхъ имъ платежей (за все время пребыванія въ кассѣ) дѣлится на число этихъ платежей;

в) изъ полученныхъ, такимъ образомъ, двухъ среднихъ чиселъ (причемъ дроби менѣе половины отбрасываются, а половина и болѣе ея принимаются за единицу), — избирается высшее. Обязательные платежи участниковъ соразмѣряются съ этимъ среднимъ числомъ, хотя бы оно и не совпадало съ разрядами, опредѣленными въ § 2.

14) Каждый участникъ кассы имѣетъ право на полученіе причитающейся ему суммы только одинъ разъ, въ одномъ изъ указанныхъ въ § 9 случаевъ; поэтому, лицо, воспользовавшееся этимъ правомъ при жизни (§ 9, п. б), — тѣмъ самымъ выбываетъ изъ состава кассы и заканчиваетъ съ нею всѣ счеты.

15) Причитающіяся участникамъ суммы выдаются изъ н
кассы, причемъ удерживается 5% въ пользу кассы.

16) Въ случаѣ прижизненной выдачѣ (§ 9, п. б), прич
выдается или лично подлежащему участнику кассы, или
попеченіи которыхъ онъ находится.

17) Не потребованныя по какимъ-либо случаямъ су
двухъ лѣтъ со дня смерти участника кассы, обращаются
ней; затребованныя же въ теченіе этого срока суммы выда
нія на нихъ процентовъ.

18) Пенсіи и, вообще, всякія выдачи изъ кассы назн
тельно участникамъ ея или преемникамъ ихъ правъ,
кредиторамъ,—такъ какъ всѣ означенныя выдачи имѣютъ х
помощи, взаимно оказываемой другъ другу участниками к

19) Участникъ кассы, вышедшій изъ ея состава вслѣдс
принятыхъ имъ на себя обязательствъ, можетъ возстанов
внесеніи:

а) новаго вступного взноса

и б) всѣхъ платежей, какіе причитались бы съ него,
вался въ кассѣ. Безъ исполненія сихъ условій лицо, вы
можетъ быть принято въ нее не иначе, какъ въ качествѣ

III.

Пріемъ членовъ.

20) Заявленія о желаніи участвовать въ кассѣ подаю
Въ заявленіи должны быть указаны: данныя о литерату
дѣятельности заявителя, возрастъ его, разрядъ избираемы
порядокъ ихъ взноса и адресъ. Заявленія эти принимаютс
но лица, сдѣлавшія ихъ послѣ 1-го октября, могутъ быть
участниковъ кассы слѣдующаго года не иначе, какъ
членовъ того же разряда.

21) Лица, признанныя правленіемъ имѣющими пра
кассѣ, подвергаются закрытой баллотировкѣ въ общемъ со
безъ преній.

IV.

Выбытіе изъ состава кассы.

22) Участіе въ кассѣ прекращается смертью участн
изъ нея.

23) Считаются также выбывшими изъ кассы лица, по
жизни слѣдующую имъ сумму (§ 9, п. б), а равно и не внес
ные сроки платежей, причитающихся съ членовъ кассы
устава.

24) Выбывшія изъ состава кассы лица утрачиваютъ
мощь кассы, а внесенные ими платежи ни въ какомъ
щаются.

V.

Средства кассы.

25) Средства кассы образуются:

а) изъ вступныхъ взносовъ (§ 3);

б) изъ обязательныхъ платежей членовъ (§§ 4 и 6);

в) изъ 10% прибавки къ означеннымъ (п. б) платежа

г) изъ 5% отчисленій отъ выдаваемыхъ кассою сум

д) изъ пожертвованій;

е) изъ суммъ, полученныхъ отъ устройства въ пользу
тала кассы литературныхъ чтеній, концертовъ, спектакл
нятій.

26) Въ кассѣ образуются три капитала: а) расходн
в) пенсіонный.

27) Расходный капиталъ составляется изъ вступныхъ взносовъ и предназначается для выдачи участникамъ кассы (§§ 9 и 15). Расходный капиталъ пополняется при каждой выдачѣ путемъ поступленія обязательныхъ для членовъ платежей.

28) Запасный капиталъ составляется:

а) изъ % съ расходнаго капитала;

б) изъ вступныхъ взносовъ, перечисляемыхъ въ запасный капиталъ за выбытіемъ или за смертью участниковъ кассы;

в) изъ поступленій въ кассу, не имѣющихъ опредѣленнаго назначенія.

Запасный капиталъ предназначается на удовлетвореніе расходовъ по управленію и на пополненіе въ чрезвычайныхъ случаяхъ расходнаго капитала. Суммы запаснаго капитала, остающіяся свободными за покрытіемъ вышеозначенныхъ расходовъ, могутъ быть перечисляемы въ пенсіонный капиталъ (§ 46, п. з.).

29) Пенсіонный капиталъ составляется:

а) изъ 10% добавочныхъ платежей членовъ (§ 5);

б) изъ пожертвованій, назначенныхъ въ этотъ капиталъ;

в) изъ суммъ, указанныхъ въ § 25, п. е;

г) изъ отчисленій отъ запаснаго капитала;

д) изъ процентовъ съ пенсіоннаго капитала.

Примѣчаніе. Пенсіонный капиталъ считается неприкосновеннымъ.

VI.

Управленіе.

30) Для завѣдыванія дѣлами кассы образуется правленіе и созываются общія собранія участниковъ ея.

31) Правленіе составляется изъ девяти членовъ, избираемыхъ на три года участниками кассы изъ своей среды. Каждый годъ изъ правленія выбываютъ, по старшинству вступленія, три члена и на мѣсто ихъ избираются новые изъ двойного числа кандидатовъ, предлагаемыхъ правленіемъ. Выбывшій членъ правленія можетъ быть предложенъ къ избранію въ эту должность не прежде, какъ черезъ годъ по выбытіи изъ правленія.

Примѣчаніе. Первые девять членовъ правленія избираются общимъ собраніемъ учредителей кассы и выходятъ изъ его состава по жребію. Для временнаго замѣщенія членовъ правленія назначаются кандидаты, которыми считаются два участника кассы, получившіе при баллотировкѣ наибольшее число голосовъ вслѣдъ за избранными.

32) Сверхъ указаннаго въ § 31 состава правленія, комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ можетъ назначить въ оное одного или двухъ членовъ изъ своей среды, которые участвуютъ въ засѣданіяхъ правленія съ правомъ голоса наравнѣ съ прочими его членами.

33) Правленіе ежегодно избираетъ изъ своего состава предсѣдателя правленія, секретаря и казначея. Въ случаѣ выбытія или временнаго отсутствія этихъ должностныхъ лицъ, обязанности ихъ возлагаются правленіемъ на другихъ его членовъ, а для замѣщенія сихъ послѣднихъ приглашаются кандидаты.

34) На предсѣдателя правленія, секретаря и казначея возлагается вся исполнительная дѣятельность по кассѣ, счетоводство и отчетность. Порядокъ дѣйствій и обязанности каждаго изъ нихъ опредѣляются инструкціями, составленными правленіемъ и утвержденными общимъ собраніемъ участниковъ кассы.

35) Къ обязанностямъ правленія принадлежатъ: надзоръ за дѣятельностью избранныхъ имъ должностныхъ лицъ и повѣрка суммъ, счетоводства и дѣлопроизводства. Слѣдующіе вопросы разрѣшаются не иначе, какъ по письменнымъ постановленіямъ правленія: а) о пересмотрѣ устава и всѣ, вообще, организаціонные вопросы; б) о созывѣ чрезвычайныхъ общихъ собраній; в) о пріемѣ новыхъ участниковъ кассы; г) о выдачѣ суммъ, храненіи ихъ и помѣщеніи въ процентные бумаги, и д) о расходахъ на дѣлопроизводство кассы и вознагражденіе должностныхъ лицъ ея.

36) Всѣ поступленія въ кассу, за исключеніемъ сум
для текущихъ расходовъ, обращаются въ % бумаги: гос
рантированныя правительствомъ или обезпеченныя недв
ностью.

37) Правленіе собирается по мѣрѣ надобности. Для
постановленій его требуется участіе предсѣдателя и не ме
Рѣшенія правленія постановляются простымъ большинс
при равенствѣ ихъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.
остающіеся въ меньшинствѣ, могутъ вносить въ протоко
особыя мнѣнія.

38) Въ случаѣ требованій о выдачѣ суммъ при жизни у
составляется предварительно врачебная комиссія изъ тре
со стороны сего участника, одного со стороны правленія и
шенію комитета общества для пособія нуждающимся ли
нымъ. Единогласное заключеніе врачебной комиссіи о том
бованіе подходитъ подъ дѣйствіе § 9, п. 6, считается о
кассы. Если же врачебная комиссія не придетъ къ един
ченію, то таковое принимается во вниманіе, какъ мнѣ
вопросъ разрѣшается правленіемъ въ составѣ неменѣе к
причемъ для выдачи денегъ требуется большинство двух

39) Жалобы на неправильность дѣйствій или разсче
всѣ вообще, недоразумѣнія, какія могутъ возникнуть меж
лицами правленія и участниками кассы или преемниками
триваются и разрѣшаются правленіемъ. Недовольные рѣш
могутъ перенести спорный вопросъ на обсужденіе общаго
новленія котораго обязательны для участника кассы или
правъ.

40). Правленіе обязано составлять списки членовъ, въ т
принятыхъ, не позже, какъ къ 1-му декабря каждаго год

41) Общія собранія бываютъ обыкновенныя и чрезвыч
дятъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя общества для
щимся литераторамъ и ученымъ или его товарища, а
или отсутствія ихъ, — подъ предсѣдательствомъ лица, из
собраніемъ изъ числа двухъ участниковъ кассы, предло
правленіемъ.

42) Обыкновенныя собранія созываются два раза въ
и октябрѣ. Январьское собраніе считается годовымъ. Въ
сматриваются отчетъ правленія о положеніи дѣлъ касс
зіонной комиссіи. Въ годовомъ же собраніи производятс
правленія и утверждаются инструкціи правленію и смѣта
производству. Октябрьское общее собраніе предназначаетс
выхъ членовъ кассы и для избранія ревизіонной комиссі
членовъ, изъ числа участниковъ кассы, не занимающи
управленію кассы.

43) Чрезвычайныя общія собранія созываются, по мѣр
разрѣшенія организаціонныхъ вопросовъ, а равно и текущ
не терпятъ отлагательства. Правленіе обязано созвать чр
собраніе въ случаѣ письменнаго заявленія о томъ не менѣ
ковъ кассы, съ точнымъ обозначеніемъ въ семъ заявлені
бующихъ экстраординарнаго обсужденія.

44) Для дѣйствительности общихъ собраній требуетс
не менѣе пятой части пребывающихъ въ Петербургѣ чле
состоявшимся общимъ собраніемъ, чрезъ двѣ недѣли, созы
торое признается дѣйствительнымъ при какомъ бы то ни
вшихся въ него членовъ.

45) Въ публикаціяхъ и повѣсткахъ о созывѣ общихъ
быть обозначаемы предметы, подлежащіе ихъ разсмотрѣні
браній чрезвычайныхъ или взамѣнъ не состоявшихся, к
обязательна разсылка повѣстокъ жительствующимъ въ Пе
кассы.

46) Рѣшенія общихъ собраній постановляются простымъ большинствомъ голосовъ; но нижеслѣдующіе вопросы разрѣшаются не менѣе, какъ большинствомъ двухъ третей голосовъ присутствующихъ въ собраніи членовъ:

а) пересмотръ, дополненіе или измѣненіе устава кассы;

б) установленіе предѣловъ ежегоднаго прироста членовъ;

в) установленіе старшаго предѣльнаго возраста, которому должны удовлетворять лица, вступающіе въ члены кассы;

г) измѣненіе разрядовъ платежей;

д) измѣненіе условій нормировки платежей;

е) установленіе правилъ производства пенсій (§ 11, п. а);

ж) установленіе правилъ освобожденія участниковъ кассы отъ обязательныхъ платежей, съ отнесеніемъ таковыхъ на счетъ кассы (§ 11, п. б.);

з) пополненіе, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, расходнаго капитала и перечисленіе запасныхъ суммъ въ пенсіонный капиталъ;

и) закрытіе и ликвидація кассы.

47) Если кто-либо изъ членовъ кассы, въ видахъ пользы оной, пожелаетъ сдѣлать предложеніе общему собранію, то обязанъ заявить о томъ письменно правленію, которое представляетъ это предложеніе, съ своимъ заключеніемъ, на обсужденіе и разрѣшеніе ближайшаго общаго собранія.

48) Рѣшенія общихъ собраній обязательны для всѣхъ членовъ кассы, хотя бы и непринимавшихъ участія въ сихъ рѣшеніяхъ.

VII.

Филіальныя отдѣленія.

49) Если въ Москвѣ или другомъ городѣ будетъ не менѣе 25-ти участниковъ кассы, то они могутъ образовать филіальное отдѣленіе для обсужденія въ мѣстныхъ собраніяхъ членовъ вопросовъ, указанныхъ въ § 46, и для содѣйствія правленію въ выполненіи лежащихъ на немъ обязанностей.

50) Порядокъ открытія и дѣятельности филіальныхъ отдѣленій опредѣляется общимъ собраніемъ, по представленіямъ и предположеніямъ правленія.

VIII.

Открытіе дѣйствій и ликвидація кассы.

51) Дѣйствія кассы открываются не менѣе, какъ при ста учредителяхъ.

52) Если по чрезмѣрной убыли членовъ или по какимъ-либо инымъ причинамъ дѣятельность кассы должна будетъ прекратиться, то расходный и запасный капиталъ ея распредѣляется между наличными участниками кассы, пропорціонально сдѣланнымъ каждымъ изъ нихъ платежамъ, но не свыше суммы всѣхъ дѣйствительныхъ ихъ взносовъ. Остающіяся, за таковымъ распредѣленіемъ, суммы расходнаго и запаснаго капитала, а равно и пенсіонный капиталъ, поступаютъ въ пользу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ».

Какъ пріятно ему было взглянуть на свою к
нату, его «мальчишескую»! Все находилось тутъ :
и въ большомъ порядкѣ—включая самыя бумаги
безпорядокъ которой былъ пощаженъ... Дорогая с
Онъ всталъ и медленными шагами обошелъ к
радостно привѣтствовали его родные предметы. П
бросилась въ глаза блестящая арматура, скомпан
нимъ съ тонкостью артиста: кольчуги и щиты, к
нашейники въ оправѣ съ чернью въ стилѣ Возрожде
новыя оружія: мушкеты, боевыя шпаги, пистолеты..
въ Вокрессонѣ. Онъ съ силою сорвалъ ихъ и швыр
шкафа. Затѣмъ принялся разсматривать акварели,
стѣнамъ,—наивныя, а подчасъ и искусныя произ
кой Маріи-Анны. Это были воспоминанія обо всѣ
дѣнныхъ ими обоими совмѣстно. Вотъ Auray и пе
Champ des Martyrs; вотъ Audierne съ своимъ голу
краснымъ цвѣтомъ своихъ гранитовъ, темной зеле
и съ своими бретонскими дѣвушками, исполненн
холической веселости. О, для тебя, Марсель, то б
пора, когда ты могъ выслушивать ихъ жалобы, в
о чемъ иномъ, кромѣ наслажденія ихъ красотой!..
скій пейзажъ: Сассевилльскій паркъ, просвѣтъ н
опушка лѣса изъ платановой аллеи, это то сам
Онъ закрылъ глаза и перевернулъ акварель къ
ужасно! Зачѣмъ эти отвратительныя воспоминан
его по пятамъ,—вѣдь онъ бѣжалъ сюда, желая укр
Нѣтъ, лучше углубиться въ какую-нибудь книгу,-
правился къ своей библіотекѣ.

Они стояли на лицо, его любимые поэты, расто
рѣчей безнадежнымъ сердцамъ, тѣ, которые, по
заговариваютъ неисцѣлимыя раны. Вотъ всеобщій
бріанъ, первый изслѣдователь горестныхъ пучи
души, артистъ несравненный, внѣ твореній котор
ной Франціи не существовало бы ни единой кни
есть тутъ еще другіе, отмѣченные печатью несра
творнаго генія: Викторъ Гюго и де-Виньи; Мюссе
страданіе; Ламартинъ, умѣющій его успокоить;
нѣсколько именъ совсѣмъ свѣжеиспеченныхъ: Ба
обладающій способностью въ сокровищницу весела
вправить слезу; Леконтъ де-Лиль, безподобный, не
личайшимъ писателямъ, богохульникъ, въ самоза
щій боговъ въ безсиліи...

Къ нимъ простеръ Марсель свою руку и, одна
брела на чужестранца, — итальянца Алигіери.

Книга Данте открылась какъ бы сама собой:

«Любовь, которая быстро овладѣваетъ благороднымъ сердцемъ... Любовь, которая не щадитъ отъ этого чувства ни единое любимое созданіе.. Любовь, приводящая къ той самой смерти»...

Марсель снова закрылъ книгу.

Такъ, такъ, ему слишкомъ хорошо были извѣстны эти проклятыя тристишія! Сколько разъ, ласкаемый легкимъ прикосновеніемъ разсыпавшихся кудрей, въ сладострастномъ объятіи, поддерживая на своемъ плечѣ бремя склоненной головки, онъ читалъ ихъ съ «ней»... «Она та»!.. И онъ большими шагами зашагалъ по комнатѣ.

— Ахъ, да «та»!.. Онъ совсѣмъ не думалъ о ней; онъ болѣе не думалъ о ней! Стушевавшійся образъ... разсѣявшійся призракъ... пепелъ, потухшій на вѣки!.. «Она!»—И взрывъ злобнаго хохота раздался въ тишинѣ.

Онъ изнемогалъ отъ усталости, легъ, затѣмъ потушилъ свою лампу. Наконецъ-то онъ заснетъ!

Грузно упала голова его на подушку: онъ спалъ... Но вотъ внезапно онъ просыпается... садится... смотритъ. Острая боль пронзаетъ все существо его... Это «та»!... Стушевавшійся образъ... разсѣявшійся призракъ... пепелъ, потухшій на вѣки!.. «Она»! опять «она»!

Темнота была кромѣшная; на улицѣ декабрь завывалъ во всѣ свои шквалы. Еще разъ въ эту ночь Марсель разразился громкимъ хохотомъ. Пристально вглядѣвшись ей въ лицо, той, которая преслѣдовала его и въ потьмахъ такъ же, какъ и при бѣломъ свѣтѣ, онъ произнесъ:

— Ты! я съумѣю найти тебя! Тогда... тогда, ты сама сказала мнѣ: «Когда любовница обманываетъ васъ, ее убиваютъ!»

VIII.

Бѣснованіе.

Конецъ декабря былъ снѣжный и морозный, хотя и преисполненный грохотомъ шумнаго веселья эпохи имперіи, обезумѣвшей отъ удовольствій.

1858 годъ начался подъ аккорды скрипокъ, на темпъ полекъ и кадрилей. Въ служебномъ мірѣ безпрерывныя празднества слѣдовали одно за другимъ: то былъ разгулъ офиціальнаго благополучія. Балы въ Тюльери и министерствахъ; балы у трехъ президентовъ и у двухъ префектовъ. Всякій вечеръ съ зараженнаго лихорадкой города подымался чудовищный гулъ удовольствій: шуршаніе платьевъ въ вихрѣ вальса, игривыя рѣчи, нашептывавшіяся на ушко, звонкіе смѣшки, раздававшіеся изъ-подъ вѣ-

ера. Никогда, быть можетъ, въ теченіе цѣлаго с
дирная Франція не угощалась такъ весело, стол
столько не ужинала, столько не любила! Да, вс
селью! Жизнь такъ коротка, а силы преходящи!

Но въ то время, когда неугомонный Парижъ
смъ суматошномъ веселье, когда, подъ переливы
красные длинноусые кавалеры заключали въ св
молодыхъ дамъ, разубранныхъ фіалками, жизнь
тателей зáмка въ Бретельской авеню текла моно
день, слѣдующій день былъ столь же безотрадны
дыдущій.

Въ характерѣ Марселя Бенарда произошло по
жденіе. Молодой франтъ, элегантный бонвиванъ
заняло существо безмолвное, чуть не дикарь. Кс
можные тонкіе ужины въ извѣстныхъ ресторана
кулисныя посѣщенія театровъ, кишащихъ подат
телями, кончились сквозныя ночи, посвященныя
разными «дамами полусвѣта». Что сдѣлалъ съ соб
Бенардъ, кавалеръ представительной наружности,
тильоновъ, предметъ пререканій всѣхъ мамашъ?!

Вдали отъ общества онъ мало-по-малу утрачи
скость, отказывался отъ приглашеній, уклонялся о
вѣжливости. Онъ не соизволилъ даже отправиться
недѣльникъ императрицы»,—важное нарушеніе
воженный и опечаленный отецъ время-отъ-врем
ласковые упреки. Но единственнымъ отвѣтомъ
селя было безмолвное пожиманіе плечами. За то
страстью. Благодаря посредничеству отца, долго
изъ государственнаго совѣта было ему прощено.
снисходительнаго внушенія со стороны всегда
Барона, виконтъ Бенардъ снова взялся за свои о
тора, на сей разъ весьма исправно посѣщая всѣ за
ревностно занимаясь докладами.

Каждое утро, около одиннадцати часовъ, яв
своды дворца d'Orsay, для дальнѣйшаго слѣдова
дѣленіе, помѣщавшееся въ длинномъ массивно
номъ залѣ, декорированномъ широкими живописн
славлявшими добродѣтели старыхъ приказныхъ
чество нѣкоего Ахиллеса де-Гаргея, выглядывавш
молодцомъ изъ-подъ кинжаловъ лиги; добросов
Моле, волочащаго свой горностай незапятнаннымъ
фронды... Съ высоты скамеекъ, гдѣ возсѣдалъ с
наблюдалъ за суетой адвокатовъ передъ перилами
явленіемъ ихъ меркантильной тревоги. Въ комите
вались любопытныя состязанія. Съ одной стороны в

пылкій Маршанъ, маленькій совѣтникъ, плотный, дородный коротышъ, съ краснымъ лицомъ, умный и остроумный, съ большими глазами подъ большими очками, притомъ фантазеръ, чуть не ересіархъ въ этомъ святилищѣ административной Θемиды. Съ другой — безстрастный г. Булатинье, съ торжественными жестами и языкомъ оратора, пуристъ, обдающій презрѣніемъ всѣ новшества, отстаиваемыя его коллегой. Въ положеніи простого аудитора Марсель не могъ принимать участіе въ этихъ геройскихъ стычкахъ. Но на интимныхъ засѣданіяхъ онъ дѣлалъ неоднократные доклады объ административной всесторонне-разслѣдованной неурядицѣ. Съ той поры онъ сталъ превосходнымъ служакой. Президентъ Буде, вообще не отличавшійся особенной чувствительностью, ощутилъ приливъ нѣжности къ этому молодому коллегѣ, какъ прекрасному дѣльцу. Онъ прозрѣвалъ въ немъ генія словопренія и предсказывалъ ему блестящую будущность. «Эге! Этотъ юный Бенардъ, это носитель священнаго огня, воспламенявшаго Жерандо и Макарелей! Какимъ превосходнымъ докладчикомъ обѣщаетъ онъ сдѣлаться въ будущемъ! Этотъ молодой человѣкъ пойдетъ далеко!»

Въ ожиданіи всего этого онъ не шелъ никуда, или вѣрнѣе шелъ только туда, куда влекли его прихоти, его фантазіи.

Съ наступленіемъ ночи, по закрытіи засѣданія государственнаго совѣта, Марсель выходилъ однимъ изъ послѣднихъ, всегда въ одиночествѣ. Затѣмъ онъ предпринималъ самую необычайную прогулку. Двигаясь вдоль набережныхъ Сены, онъ углублялся въ мрачныя пустыри, которыя тянутся по направленію Grenelle'я. Зимній январскій вѣтеръ кусалъ ему лицо, снѣгъ крутилъ вокругъ него свои хлопья; а онъ, ничего не чувствуя, все шелъ и шелъ, безпорядочно, неистово шагая впередъ и впередъ... По временамъ онъ наклонялся надъ крутымъ берегомъ рѣки, какъ бы прислушиваясь къ шороху льдинъ, какъ бы приглядываясь къ опушенному снѣгомъ ледоходу. Какимъ взоромъ провожалъ несчастный это теченіе по направленію къ пропасти!

Достигнувъ Іенскаго моста, онъ переходилъ рѣку и попадалъ передъ темной массой Трокадеро. Этотъ уголокъ Парижа,—въ то время пустырь, пользовавшійся дурной славой,—являлъ собою не что иное, какъ складъ чудовищныхъ скалъ, сбродъ тощихъ кустарниковъ и грязнаго хвороста. Въ этомъ мѣстѣ удивительный путникъ замедлялъ свои шаги. Измученный, бросался онъ на скамью и точно въ состояніи галюцинаціи, оставался неподвиженъ. Взоры его обращались къ высотамъ Пасси; онъ созерцалъ предмѣстье, мало-по-малу выяснявшееся сквозь рыжеватую изморозь. Затѣмъ вдругъ онъ вскакивалъ съ своего мѣста, убѣгалъ и, запыхавшись, возвращался къ себѣ. При видѣ его, отецъ горестно покачивалъ головой, а Марія-Анна утирала слезы. Самъ онъ не замѣчалъ ни-

чего и за семейную трапезу приносилъ съ собой л
вѣщей веселости или безмолвіе унынія.

Однажды вечеромъ, онъ пересѣкъ-таки этотъ '
стырь и спустился вдоль Сены до первыхъ коттэдж
озираясь посреди затерянныхъ кварталовъ, онъ с
по Буленвильерскому косогору и на трети подъем
право. Передъ нимъ открылась таинственная ал
загородными виллами,—это была улица des Jardi
шая собою переулокъ, извивавшійся посреди дер
довъ.

Почти въ началѣ таинственной аллеи возвыш
въ стилѣ Людовика XVI, красивенькій «загород
слѣдняго столѣтія, «бездѣлушка», годная для гал
vous».

Марсель замедлилъ шаги и сталъ всматриват
своемъ мѣстѣ... Тутъ прошедшей весной скрывал
«та»... тутъ они впервые обмѣнялись взаимными

Домъ казался пустымъ, мертвымъ, подобно и
логодней любви. Двери его были заперты и ста
малѣйшаго звука, ни свѣта: запущенность тяготѣла
ментъ надъ «сельскимъ домикомъ», и снѣгъ, капл
шій съ его кровли, казалось, также проливалъ с
весь въ поту, вглядывался въ эту ночь.

О, какъ хорошо была знакома ему эта прокля
вся!.. Вотъ тамъ стѣна, окутанная плющемъ, чер
отважился перелѣзть однажды вечеромъ—въ перв
Розина отдалась ему почти безъ сопротивленія. З
лась большая лужайка, окаймленная сиренями. К
щіе ароматы распространялъ этотъ садъ въ ту
сплошь благоухавшую весной! И какое волненіе
Марсель, въ твоей душѣ и въ твоемъ тѣлѣ, когд
бирался по газонамъ, покрытымъ въ то время
цами!.. На rez-de-chaussée балконная дверь гостино
Лампа освѣщала комнату своими перламутровым
въ этой комнатѣ, небрежно раскинувшись, находи
лестная въ своемъ траурномъ нарядѣ, съ книго
Но взоръ ея затеривался въ пространствѣ, душа ун
Онъ вошелъ. Она вскрикнула и поднялась съ с
всѣмъ блѣдная. «Вы!.. вы!..» Своими руками онъ с
вытягивая голову, съ цѣлью сорвать поцѣлуи.
откидывалась назадъ: «Оставьте меня!.. нѣтъ, н
ради, оставьте меня!» А въ концѣ концовъ: «А
милый!..» Затѣмъ все смолкло, а затѣмъ наступил
ленія взаимными поцѣлуями.

Цѣлыхъ три мѣсяца такимъ образомъ насла

полнѣйшей тайнѣ; съ наступленіемъ сумерекъ она отворяла окно любовнику; онъ каждую ночь, трепетный, прокрадывался на rendez-vous... А нынѣ... Нынѣ, о презрѣнная! похитительница любви! отравительница сердца! подлая! куртизанка!

Однимъ прыжкомъ Марсель очутился у дома. Онъ поднялъ стукольце и ударилъ нѣсколько разъ. Удары прозвучали похоронно; эхо повторило ихъ въ отдаленіи; но ничто не шевельнулось въ этой замкнутой обители... Онъ повторилъ стукъ еще и еще разъ... Никого!.. Значитъ, она, эта женщина, уѣхала изъ Парижа! Уѣхала, исчезла безвозвратно!.. «Ахъ, какой же я подлецъ!..—пробормоталъ покинутый любовникъ, съ угрожающимъ жестомъ вытягивая кулакъ.—Да, истинный подлецъ, дѣйствительно, бѣдный «одержимый» любовью, двадцать разъ уже ты тщетно стучался въ этотъ безмолвный домъ,—забывая послѣднюю свою неудачу, на другой день приходилъ къ нему снова.

Въ этотъ день однако домъ казался обитаемымъ. Ставни его были открыты, огни мелькали взадъ и впередъ во всѣхъ этажахъ. Кто же скрывался за этими стѣнами?

Совершенно такъ же, какъ и накунунѣ, Марсель подбѣжалъ ко входу и тряхнулъ стукольцемъ. Прошла долгая минута ожиданія. Наконецъ калитка, продѣланная въ створчатой половинкѣ, пріотворилась и грубый голосъ спросилъ:

— Вамъ что̀ нужно?

Имя княгини де Карпенья готово было сорваться съ устъ молодого человѣка... Однако, онъ не рѣшался произнести его, на него напала какая-то необычайная робость.

— Кому принадлежитъ этотъ за̀мокъ?—поинтересовался онъ.

— Г. барону Ла-Шене,—отвѣтилъ голосъ, и калитка немедленно закрылась.

Передъ этой наглухо запертой дверью Марсель остался стоять, какъ дуракъ...

«Ла-Шене! Такъ это онъ, значитъ, купилъ этотъ коттэджъ? Но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ видѣть Розину, говорить, догова̀риваться съ ней... Ахъ, еслибъ можно было спросить его!..»

И Марсель постучалъ снова.

На этотъ разъ никто не отозвался на его стукъ. Въ концѣ прохода, по всему вѣроятію, привлеченныя шумомъ, показались какія-то неясныя тѣни, силуэты людей: улица des Jardins не была уже такою пустынною, какъ наканунѣ.

На Auteuil'ской церкви пробило семь часовъ. Отдаленныя вибраціи часовъ внезапно привели въ себя нашего мечтателя!..

Онъ пустился въ обратный путь и стремглавъ бросился по на̀правленію къ Парижу.

IX.

Посланіе отъ г. Лазара.

Когда Марсель очутился наконецъ въ Бретёльс
неба начала сѣять острая изморозь. Въ этотъ суро
еще въ безлюдныхъ кварталахъ Марсова Поля, онъ
ни одной кареты, и добрался до дому очень поздн

Въ этотъ глухой часъ ночи улица, едва освѣп
кими, широко разставленными одинъ отъ другого
почти пуста. Каждый спѣшилъ добраться до свое
гущія тѣни запоздалыхъ прохожихъ быстро мельк
туманѣ.

Но передъ домомъ Бенарда сидѣлъ человѣкъ,
лось, дремалъ. Онъ примостился на скамьѣ, склони
проливнымъ дождемъ и сгорбивъ уже заиндѣвѣвш
всей вѣроятности, это былъ какой-нибудь гуляка.

Продолжая бѣжать, Марсель прошелъ мимо нег
за звонокъ своей двери, когда услышалъ, что его на

— Господинъ виконтъ!

Въ то же время дремавшій всталъ и подошелъ

— Господинъ виконтъ Бенардъ?

— Я самый и есть.

— Я зналъ, что вы отсутствовали изъ дома, и
шего возвращенія.

Марсель пытливо оглянулъ незнакомца, распола
подробными свѣдѣніями объ его особѣ.

Это былъ забулдыга лѣтъ сорока, съ черной бо
санной головой, въ костюмѣ парижскаго комисіон
бархатномъ камзолѣ и въ картузѣ изъ выдры.

— Что вы желаете, любезнѣйшій?

— Сударь, я принесъ вамъ небольшой сувенир

— Сувениръ?—повторилъ Марсель, пораженнь
этихъ словъ.

— Да, посылка отъ г. Лазара.

— Я совсѣмъ не знаю г. Лазара.

— Нѣтъ; да онъ-то васъ хорошо знаетъ.

Марсель продолжалъ разглядывать своего собесѣ
прежде онъ видѣлъ эту фигуру? Память не по
никакого имени, а между тѣмъ онъ навѣрное гд
эту густую бороду и эти всклокоченные волосы. Г
какомъ распутьѣ? у дверей какого ночного ресто
иностранецъ—акцентъ выдавалъ его на каждомъ
нибудь корсиканецъ, пожалуй, итальянецъ!..

Безумныя мысли начали овладѣвать имъ; жаркое и тревожное волненіе охватывало его.

— Войдемъ ко мнѣ,—проговорилъ онъ.

Тотъ загородилъ ему дорогу.

— Не стоитъ входить, сударь... Все равно вы сейчасъ же выйдете обратно!

И подавая завязанный ящичекъ, онъ присовокупилъ:

— Возьмите... Тутъ «миръ сердца»!

Эта фраза романса была произнесена такимъ страннымъ тономъ, что Марсель задрожалъ... Миръ его сердца! Ахъ! кто этотъ сантиментальный шутникъ, который такъ читалъ въ его душѣ?.. Сильно заинтересованный, онъ махнулъ рукой:

— Я небольшой охотникъ до злыхъ шутокъ, любезнѣйшій; для науки злымъ шутникамъ при мнѣ имѣется трость... Ну, дайте сюда!

Онъ взялъ ящичекъ, подошелъ къ фонарю и рѣшительно сорвалъ веревки.

Сверху оказалась бумажная упаковочная обертка, порванная имъ мгновенно; подъ нею деревянная шкатулка, тщательно запечатанная. Печати разсыпались вдребезги. Вскрывъ шкатулку, Марсель мучительно вскрикнулъ. На днѣ ея лежалъ завядшій букетъ шиповника...

Марсель искалъ объясненія, наклонивъ лицо свое къ пожелтѣвшимъ вѣнчикамъ... Роза съ кустарниковъ! дикій шиповникъ! Цвѣтокъ, которымъ предпочтительно украшала себя «эта женщина!» Эмблема ея имени, по ея словамъ. Предлогъ для громкихъ фразъ комедіантки!..

И влюбленный загрезилъ снова. Снова въ близкомъ прошломъ представился ему зàмокъ Сассевилль, безропотная тѣнь его платановъ, высокая стѣна въ зелени, кустъ шиповника и среди шиповъ и закраснѣвшей зелени—скромный кустъ розочекъ, распустившихся на осенней прохладѣ... И тамъ же, на пурпуровомъ золотѣ вечера выдѣлялся передъ нимъ граціозный и легкій силуэтъ его «возлюбленной»... Вотъ она подошла къ кустарнику, сорвала съ него зазябшіе цвѣточки, напечатлѣла на нихъ поцѣлуй и подала ихъ своему милому: «Возьми эти цвѣты, Марсель; у твоей Розины одинаковое съ ними имя и, какъ они, душа ея дика... Въ минуты твоей слабости, если когда-нибудь, бѣдный другъ, ты спознаешься съ горемъ, взгляни на нихъ, они велятъ тебѣ любить, любить неизмѣнно...» О, эти воспоминанія о лживыхъ клятвахъ! о жгучести предательскихъ поцѣлуевъ! о неутомимомъ мученьѣ, о счастьѣ прошедшемъ безвозвратно!

Острая боль проникла въ его сердце; призракъ привелъ его въ ужасное волненіе.

— Это кто прислалъ мнѣ?—спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Я доложилъ уже вамъ: г. Лазаръ.

— Гдѣ же живетъ вашъ г. Лазаръ?

— Я явился сюда, чтобы провести васъ къ н

— Что ему отъ меня нужно?

— Онъ самъ скажетъ вамъ объ этомъ.

Одинъ моментъ Марсель оставался въ нерѣши

— Нѣтъ, не сегодня вечеромъ. Приходите зав

Таинственная личность покачала головой и з замѣтила:

— Завтра будетъ слишкомъ поздно!.. Г. Лазар совѣсти его тяготѣетъ страшная тайна.

— Ахъ!.. я начинаю понимать.

— Нѣтъ, нисколько, сударь!.. Отправимтесь я

Сынъ графа Бенарда продолжалъ еще колебат нился къ нему:

— Съ вами, сударь, желаютъ переговорить о

«Она!..» На сей разъ любовное безуміе взяло судкомъ. Обернувшись къ подателю таинствен пробормоталъ:

— Ѣдемте!.. я слѣдую за вами.

Они немедленно отправились.

По Эспланадѣ проѣзжала пустая карета, в усѣлись.

— На Монмартръ,—распорядился незнакомец Петра, въ концѣ Церковной улицы.

X.

Господинъ Лазаръ.

Это былъ гадкій переулокъ, отвѣсный откосъ, л пустопорожнихъ мѣстъ песчаныхъ залежей. Подо окутана туманами, носившимися надъ перекрес а вершина терялась въ тѣни старой Монма На самой верхушкѣ этой кручи одиноко стоялъ лявшій собою зданіе въ пять этажей, съ штукат шаго вида. Нѣсколько огней, въ видѣ красноват чей то тамъ, то сямъ пронзали его зловѣщій м вертепъ.

— Ecco!—воскликнулъ провожатый Марселя.- спросите комнату синьоры Юліи Негри,—тамъ динъ Лазаръ. Я ухожу; я свое дѣло сдѣлалъ.

И онъ спустился съ откоса, оставивъ своего ночествѣ.

Марсель, безъ малѣйшаго колебанія, вошелъ въ убогую обитель. Здѣсь прежде всего онъ наткнулся на узкій, смрадный, сырой коридоръ; въ концѣ этого вязкаго прохода, подъ клѣткой лѣстницы, находилась комната привратника.

— Комната г-жи Юліи Негри?

Въ этой комнатѣ, наклонившись надъ своимъ портняжнымъ столомъ, привратникъ-портной штуковалъ лохмотья. При имени г-жи Негри, онъ быстро поднялся и предсталъ предъ лицомъ посѣтителя.

— Вы пришли, навѣрное, къ верхнему гражданину. Не стоитъ вамъ надсаживать себя и взбираться! По всей вѣроятности, онъ уже умеръ... Во всякомъ случаѣ, онъ живетъ въ пятомъ этажѣ, третья дверь налѣво по коридору.

Вслѣдъ за тѣмъ штуковальщикъ рубища вернулся въ свою конуру и снова принялся за свою работу.

Марсель Бенардъ началъ подниматься по пыльной лѣстницѣ, представлявшей собою глухую спираль, неустойчивую, до крайности узкую и крутую. Все освѣщеніе заключалось въ огаркѣ, разливавшемъ свою копоть на первыя ступени. Но начиная со второй площадки была непроглядная темь. Вскорѣ онъ долженъ былъ остановиться. Шаги его были тяжелы, тяжелѣе его думъ... Что онъ будетъ дѣлать у г. Лазара? Потребуетъ объясненія всей этой таинственности? Какое безуміе! Ну, такъ что же,—пускай это безуміе! онъ желаетъ знать, и онъ узнаетъ! Кто же прислалъ ихъ, эти цвѣты, благоухающіе столькими воспоминаніями? Что обозначалъ этотъ букетъ шиповника? Выраженіе сожалѣнія... раскаянія? Желаніе новаго свиданія?.. Новое свиданіе! Ахъ-ахъ! комедіантка! дѣйствительно достойно смѣха!

Онъ снова сталъ подниматься.

Въ пятомъ этажѣ былъ полнѣйшій мракъ. Желая оріентироваться въ этой неизвѣстности, Марсель нащупалъ стѣну. Никакого намека. На удачу, онъ стукнулъ нѣсколько разъ кулакомъ; наконецъ,—крикнулъ...

Въ ту же минуту открылась одна дверь, и пожилая женщина, со свѣчей въ рукахъ, пытливымъ взоромъ окинула глубь коридора... Эта старуха въ итальянскомъ костюмѣ, въ пурпуровой юбкѣ, въ бархатномъ корсажѣ, съ шемизеткой изъ крашенаго полотна, должно быть, и есть Юлія Негри, какая-нибудь натурщица... мелькнуло въ головѣ Марселя.

— Вамъ кого угодно?

— Синьору Негри.

— Это я.

— Можно ли видѣть г. Лазара?

Женщина сложила руки.

— Видѣть?.. Ахъ, Господи Іисусе Христе! Да, станеть передъ лицо Милосердаго Творца!

Она остановилась.

— Кажется, онъ зоветъ... Подождите, я верну

Она заперла дверь, оставивъ посѣтителя въ мракѣ.

Безпредѣльный ужасъ, смѣшанный со стыдо овладѣвалъ имъ. «Какъ неужто онъ намѣренъ б этой агоніи? Какой позоръ!.. Да, убирайся же, бѣг безумный паяцъ! Неужто ты не видишь, что теб ютъ? неужто для тебя не ясно, что ты готовъ попас Ну же, вонъ отсюда! да не мѣшкай!..»

Тѣмъ не менѣе онъ не уходилъ... «А вдругъ случ рающій владѣетъ секретомъ,—тайной, отъ которо покой и твоя жизнь, Марсель!..» И, затаивъ дыхан зловоннаго узкаго коридора, онъ продолжалъ стоят Наконецъ, старуха возвратилась и знакомъ пригла поближе.

— Войдите, сударь. Padrone непремѣнно желае Ma, oh, ma, il povero!

И слова ея, жесты, выраженіе ея лица, вся мимика, все свидѣтельствовало, что этому Лазару п плохо. Она скромно стала къ сторонкѣ, чтобы да сель вошелъ.

Низенькая, отвратительная комната, въ которо сель, была пропитана всевозможнымъ зловоніемъ потрескавшій потолокъ ея, расколовшійся въ н стахъ, просвѣчивалъ гонтъ крыши; во время бури навѣрное просачивались въ это логово. Все говорил загнившая бумага, пропитанная плѣсенью, слухов стеколъ,—заткнутое тряпками, рваный соломенн лявшійся на полу въ пыли,—ясное дѣло, что г рѣдкимъ гостемъ въ этой обители... Не смотря н коверъ, разложенный на полу, щеголялъ своими п ками,—являясь странной роскошью среди этой к Быть можетъ, это былъ остатокъ прежней пышно коверъ этотъ служилъ залогомъ трогательнаго вни этому г. Лазару, таинственному ея патрону. Вели вая купетка, покрытая стеганнымъ одѣяломъ, д бражать постель больного. Что же касается женщи вѣроятности, она довольствовалась грязной подсти на полу.

Едва освѣщенная лампой съ абажуромъ, канур минуту представлялась полутемной. У печки, въ человѣкъ. Это былъ дряхлый сѣдой старикъ, за

на себя. Тяжелое, отрывистое дыханіе его съ свистомъ, среди тишины производило звуки, напоминавшіе собою хрипъ въ моментъ агоніи.

При скрипѣ двери, больной, повидимому, проснулся. Онъ выпрямилъ спину и очень слабымъ голосомъ произнесъ:

— Подойдите же, виконтъ, любезный другъ мой, подойдите, добро пожаловать!

Марсель двинулся прямо по направленію къ говорившему, вглядѣлся въ него и удивленно воскликнулъ:

— Вы!

Онъ узналъ князя де Карпенья.

Беззвучный смѣхъ всколыхалъ тѣло больного:

— Да,—сказалъ онъ,—я!.. Забавное приключеніе, не правда ли?.. мертвецъ, возставшій изъ гроба, спустя годъ послѣ своей кончины!.. Лазарь, гряди вонъ, и князь Карпенья вышелъ изъ гроба!.. Присядьте-ка, любезнѣйшій; у насъ съ вами есть кое о чемъ побесѣдовать, взаимно... Тьфу, пропасть! вы разглядываете меня съ такимъ же ужасомъ, какъ будто бы вы были Донъ-Жуанъ передъ статуей командора.

Жестокій кашель съ удушьемъ прервалъ его предсмертное балагурство. Онъ протянулъ руку къ лекарственному напитку, стоявшему около его кресла, и выпилъ нѣсколько глотковъ.

— Здоровье умирающихъ!—замѣтилъ онъ...—миланскій рецептъ, чудесное изобрѣтеніе знаменитаго Верга... Желаете попробовать?

Онъ снова засмѣялся своимъ беззвучнымъ, замогильнымъ смѣхомъ.

— Надѣюсь, виконтъ, вы простите мнѣ постыдную мою обитель,—я не имѣлъ возможности запастись другою. Помимо того, благородная женщина, охотно дающая мнѣ пристанище,—такое достойное существо, моя соотечественница, точно также обожающая нашу несчастную Италію... Да, добрая моя Юлія, мы странствуемъ съ ней, разсѣевая прахъ нашъ по всѣмъ странамъ изгнанія, но дыханіе вѣтра переноситъ души наши въ отечество; тамъ любезные сыны его вдыхаютъ насъ, и святая ненависть отцовъ возгорается въ дѣтяхъ. Простите мнѣ, господинъ парижанинъ, этотъ лирическій порывъ, какъ сказали бы великіе люди вашихъ маленькихъ газетъ,—увы! мы, страждующіе, всегда бываемъ лириками!.. А на чемъ я остановился?.. Нѣтъ, князь Карпенья не можетъ принять васъ во дворцѣ: онъ скрывается... или вѣрнѣе, онъ умеръ... Во всякомъ случаѣ, г. Лазаръ очень осчастливленъ вашимъ посѣщеніемъ.

Послѣ краткой паузы онъ съ трудомъ подвинулся къ Марселю и, наклонившись къ нему, произнесъ:

— Наша красавица Розина въ Парижѣ... Угодно вамъ опять свидѣться съ ней?

Марсель невольно сдвинулъ плечами, но не от
— О, я угадываю! — продолжалъ старикъ, — я
глубинѣ вашего сердца. Вы думаете: этотъ князь
онъ злой шутъ, какой подлецъ!.. Вы ошибаете
счастье, такое, какъ я его понимаю самъ, во всяком
вашего; что же касается до моей нравственности, то
не интересуетъ, что бы ни подумали о ней буржуа
Впрочемъ, я бы и не побезпокоилъ васъ такъ р
охотно отложилъ это. Но смерть, съ которой я вздум
долѣе ждать не согласна. Она давитъ, душитъ ме
ствія нѣкоторой, хорошо извѣстной вамъ раны, дѣла
господинъ, прекрасно владѣющій пистолетомъ!
смертью я пожелалъ осчастливить одного человѣк
И такъ, наша милѣйшая Розина въ Парижѣ. С
ли вы ее видѣть?

Съ нимъ сдѣлалось опять головокруженіе, и п
нулись за миланской лекарственной жидкостью
знаменитаго Верга... Пораженный такимъ цинизм
зотвѣтно слушалъ, въ страшномъ томленьѣ, нак
узнаетъ!..

Нѣсколько минутъ прошло въ такомъ полож
на этотъ разъ обошелся благополучно... Фамилья
Лазаръ хотѣлъ схватить молодого человѣка за рук
нился съ гадливостью.

— Какая очаровательная женщина наша крас
началъ снова князь де-Карпенья... — богиня съ
и шевелюрой Юноны! съ блестящимъ умомъ,
дригалы почище Дезульеръ, владѣющая прозой
Севиньс!.. Да, но она очень бѣдна... Кто-то въ
оплачиваетъ ея роскошь и засыпаетъ драгоцѣн
донну лоретокъ? О, повѣрьте, что это не я! Не в
нибудь случайно, милѣйшій?.. Бога ради не тереби
перчатку! Насиліе надъ умирающимъ было бы
не подлецъ, по крайней мѣрѣ, я такъ полагаю...
такъ роскошно содержитъ вашу Розину?

И каждое слово его, произносившееся почти в
валось приступами кашля, удушья, продолжитель
зловѣщимъ зубоскальствомъ,—это было отвратите

Не смотря на всесильное миланское лекарство
слабѣлъ; рѣчь его становилась менѣе ясною, дыха
Вскорѣ не оставалось сомнѣнія, что еще одинъ об
глотка его закроется на вѣки, и этотъ борецъ съ
свое возмездіе...

Онъ, повидимому, собралъ всю свою энергію, к
того, чтобы произвести послѣдній приступъ.

— Вотъ уже годъ,—заговорилъ онъ,—какъ я умеръ для всѣхъ. Позоръ моей вдовы не могъ бы коснуться меня здѣсь, въ этой могилѣ, въ которой каждый считаетъ меня погребеннымъ; честь моя, какъ мужа, незапятнана!.. Но вы, сударь, вы, публично считавшійся любовникомъ этой женщины; вы, который жилъ съ ней передъ лицомъ всего Парижа; вы, котораго побѣгъ ея приводитъ въ отчаяніе, убиваетъ... каковы ваши намѣренія?

Марсель Бенардъ всталъ, весь дрожа.

— Довольно!.. я не желаю понимать!

Старикъ выпрямился и, на этотъ разъ, схвативъ его за руку, продолжалъ:

— Ахъ, такъ вы не желаете понять!.. Такъ вамъ ничего неизвѣстно, непорочный юнецъ... ничего, ничего!.. Такъ вы не вѣдаете, какой гнусный шутъ пятнаетъ теперь ваше имя!.. А-ха-ха!.. Пока вы, несчастный глупецъ, рыскали по Европѣ въ погонѣ за этой женщиной, она себѣ спокойно проживала въ Парижѣ... съ другимъ... новымъ любовникомъ... любезнымъ ей на сей разъ.

— Имя этого человѣка!

— Ищите сами, красавчикъ!.. Какъ они издѣвались надъ вами, эти наглецы!.. Вы являлись для нихъ гротескомъ, гороховымъ чучеломъ, предметомъ гомерическаго хохота!.. Милосердый Боже! не имѣть за плечами и тридцати лѣтъ и уже служить знаменитымъ patito, Сганарелемъ... Ахъ-ха-ха! Вамъ не угодно понять, да въ эту самую минуту, когда я съ вами тутъ бесѣдую, ваша Розина и тотъ, другой — на любовномъ rendez-vous!.. Да, другой!.. Другому отнынѣ достаются сладкія рѣчи и ласки; другому — поцѣлуи; другому — трепетъ тѣла; другому... Какъ вы блѣдны, бѣдняжка! Скажите, вы все еще отказываетесь отъ новаго свиданія съ нею? Ужъ не боитесь ли вы... Ахъ, пустите меня, вы мнѣ дѣлаете больно!

Въ бѣшенномъ порывѣ, Марсель бросился на старика и, схвативъ его за плечи, началъ яростно потрясать его.

— Негодяй!.. Негодяй!.. О, ты вѣренъ своей странѣ: не смѣя ударить самъ отъ себя, ты заставляешь бить другихъ!

Но не отвѣчая на это оскорбленіе, тотъ продолжалъ:

— Сегодняшнюю ночь, слышите?.. Вмѣстѣ! понимаете!.. Въ Пасси!.. въ извѣстномъ вамъ домѣ!.. Да отправляйтесь же! бѣгите туда, сударь!.. да вооружитесь!

Своими пальцами, ногтями онъ впился въ таскавшія его руки, и позволяя волочить себя по комнатѣ, въ то же время продолжалъ издѣваться и хрипѣть:

— Вооружитесь!.. Убейте или васъ убьютъ!.. Пасси!.. домъ... садъ... внизу... она, онъ... и... и...

Вдругъ руки его разжались, онъ вскрикнулъ и повалился на земь,

На шумъ этого паденія прибѣжала Негри, ст

— Умеръ!—воскликнула она.—Онъ умеръ бла святой мученникъ за свою отчизну!

Она испускала жалобныя стенанія, обращаяс ному трупу съ отчаянными возгласами:

— Зачѣмъ ты умеръ, не узрѣвъ снова своей не дождался возрождающагося дня, близкой зари

Между тѣмъ, съ помощью Марселя Бенарда, жила князя де-Карпенья въ комнатѣ на коврѣ. она поставила ее, какъ восковую, около лица, вульсіями, затѣмъ стала сама на колѣни...

Онѣмѣвъ отъ изумленія, пригвожденный ужа мара, Марсель не двигался съ мѣста, не осмѣли поджидалъ возвращенія къ жизни, прислушивалс звуку его голоса, высшему проявленію этого чело чества...

Женщина взяла священную книгу и, распрост сила литаніи Пресвятой Дѣвѣ:

«Virgo clemens, Virgo virginum, ora pro nobis!»

Де-Карпенья еще дышалъ, но сознаніе не во пѣніе его становилось слабѣе и слабѣе съ каждой шло; на улицѣ, въ церкви Монмартра часы проби А въ погребальномъ ужасѣ этой комнаты моли не переставали возноситься къ Матери Милосерд

«Врата небесъ!.. Убѣжище грѣшныхъ, молись

Странное дѣло! При каждомъ такомъ прошені колыхалось, подергиванія приводили руки въ сод женія производили впечатлѣніе жестикуляцій въ Вдругъ Негри прервала свою молитву; быть мож

Наклонившись надъ агонизировавшимъ, она голову и, на подобіе няньки, стоящей у изголов ребенка, наивно принялась напѣвать...

Она печально пѣла веселую пѣсенку, романсъ, популярностью по всей Италіи, канцонетту вене тѣхъ дней, когда Венеція имѣла возможность ве мама! люби меня, люби меня!»...

Вдругъ умирающій повернулъ голову, снова губы его зашевелились:

— Dio!—пролепеталъ онъ...—Dio mio, tu patri

Затѣмъ голова его снова упала; послѣдовалъ и все было кончено!... Видъ его былъ ужасенъ,—з залось, продолжали еще испускать взрывы хохот неподвижные глаза, исполненные ненависти, про нему грозиться.

Нѣтъ, смерть ни чуточки не желала ждать, он

пѣливо оборвала его извѣты. Ни единаго слова навѣта не могло болѣе исторгнуться изъ его устъ. Лазаръ унесъ въ могилу цѣлую половину своей тайны...

Въ ужасѣ, внѣ себя отъ бѣшенства, Марсель Бенардъ бросился вонъ изъ этой комнаты и ея безмолвной мерзости.

XI.

Улица Садовъ.

Теперь онъ шелъ медленнѣе, и столь же замедленнымъ шагомъ шествовалъ около него образъ князя де-Карпенья. Добравшись до уличнаго бульвара, онъ опустился на скамью, и немедленно возсталъ передъ нимъ призракъ его воображенія: навѣтчикъ съ блѣднымъ лицомъ, въ агоніи, съ оскорбительнымъ смѣхомъ. И Марселю слышалось клокотаніе хрипѣнія, паденіе тѣла и въ особенности послѣднія слова, прерванныя агоніей: «Сегодняшнюю ночь... вмѣстѣ... въ домѣ... онъ... она!... Домъ?... Этотъ зàмокъ въ улицѣ des Jardins, который только-что убирали для галантнаго rendez-vous! Онъ... Этотъ гнусный Ла-Шене, конечно! Она... Ахъ, распутница!»

По временамъ, однако, проблескъ разума мелькомъ озарялъ мракъ этой измученной души. «Для чего этотъ старый Карпенья скрывался такимъ образомъ? Къ чему эта перемѣна имени и въ теченіе цѣлаго года эта комедія со смертью? Да, къ чему?»... «Ну чтожъ такое»,—поспѣшно отвѣчала страсть... «просто тайна, которой надо добиться, но это потомъ, завтра!... Онъ... она... вмѣстѣ... въ эту ночь!»

И, поднявшись, онъ снова двинулся въ путь. Пройдя кварталъ des Martyrs, онъ вскорѣ достигъ Монмартрскаго предмѣстья и улицы Le Peletier. Не смотря на прогудѣвшую полночь, улица эта была полна народомъ и очень шумна. Налѣво, при газѣ, сверкала маркиза старой оперы, гдѣ въ этотъ вечеръ, 13-го февраля, давался большой костюмированный балъ, — одно изъ тѣхъ благотворительныхъ празднествъ, на которыхъ, подъ предлогомъ богоугодныхъ дѣлъ, любовь къ ближнему занимается вакханаліей. Всѣ старушки «aux camélias» и разныя другія мраморныя дѣвы состояли тутъ патронессами и намѣревались пофигурять въ этомъ притонѣ.

Одинъ моментъ у Марселя Бенарда была мысль взять на прокатъ домино и окунуться въ разгаръ этой сутолоки... Само собой, можно было разсчитывать найти себѣ тамъ развлеченіе. Ахъ! забыться, уничтожиться тѣломъ и духомъ въ чаду какого-нибудь дебоша! Какъ-нибудь доканать эту ночь. Узрѣть, наконецъ, дневной разсвѣтъ!...

Нѣтъ... онъ прошелъ мимо и проникъ въ галлереи. Двойная галлерея оперы кишѣла шумной толпой; это были шелопаи и на-